

NEW YORK TIMES BESTSELLER

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

ВОССТАТЬ

ИЗРАИЛЬСКИХ

И УБЕЙ

ТОЧЕЧНЫХ ЛИКВИДАЦИЙ

ПЕРВЫМ

РОНЕН БЕРГМАН

18+

Ронен Бергман
Восстань и убей первым
***Тайная история израильских точечных
ликвидаций***

Ronen Bergman
RISE AND KILL FIRST
The Secret History of Israel's Targeted Assassinations

© Ronen Bergman, 2018

© Попов М. Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

* * *

История израильских политических убийств, раскрывающая многие секреты. Ее можно читать как захватывающий шпионский триллер Джона Ле Карре, снабженный дополнительными пояснениями. В книге затрагиваются сложные нравственные вопросы и выстраивается трагическая канва из бесконечных тактических успехов, приводящих к стратегическому тупику.

*Кай Берд, лауреат Пулитцеровской премии, автор книги
«Хороший шпион: Жизнь и смерть Роберта Эймса»*

Без сомнения, это лучшая книга среди тех, что я прочел на тему разведки, истории Израиля и в целом Ближнего Востока. Я был свидетелем многих событий, которые в ней описываются, но только теперь у меня сложилась полная картина того, что происходило тогда на самом деле.

Роберт Бэр, автор книги «Не видя зла»

Удивительная книга об истории «целевых» убийств, осуществлявшихся во имя благополучия государства. Огромный журналистский опыт автора и его литературное мастерство обусловили невероятную точность рассказа о тайной и нескончаемой войне.

*Тим Вейнер, лауреат Пулитцеровской премии, автор книги
«ЦРУ. Правдивая история»*

Тщательно исследованная и проанализированная история «целевых» убийств, совершенных израильскими спецслужбами, стала результатом почти восьми лет журналистского расследования, проведенного одним из лучших репортеров и военных аналитиков, о самой секретной разведывательной организации в мире. Автор опросил сотни инсайдеров, включая самих исполнителей, и получил тысячи секретных документов.

New Yorker

Всестороннее освещение бесконечной войны Израиля против терроризма.

New York Times Book Review

Повествование наполнено шокирующими моментами и поражающими воображение деталями событий с роковыми поворотами и непредвиденными последствиями.

New York Times

Обязательная к прочтению книга главного «хрониста» деятельности основных разведывательных служб Израиля.

Newsweek

Фактурная история личностей и тактики израильских спецслужб.

Bloomberg

Идеально написанная шокирующая история использования целевых убийств израильскими спецслужбами.

Haaretz

Захватывающее повествование о невероятной храбрости и скомпрометированной морали.

Economist

Документальная книга, которая читается как захватывающий шпионский роман. Автору потребовалось немалое мужество, чтобы опубликовать ее.

Daily Mail

Волнующее повествование. Эта книга — не только потрясающий исследовательский подвиг и увлекательное чтение,

она свидетельствует о подлинном личном мужестве автора.

Sunday Times

Документальный и подробный отчет о секретных и зачастую смертельных спецоперациях, которые проводились Израилем на протяжении многих лет.

Daily Express

Великолепная книга об истории израильских политических убийств, которая не только проливает свет на самый, пожалуй, секретный аспект деятельности разведывательных служб Израиля, но и имеет куда более широкое значение. Автор исследует вопрос, как и почему государство использует внесудебные убийства и к каким это приводит последствиям.

TLS

Посвящается Яне, которая появилась в
самый нужный момент

Если кто-то придет убить тебя, Восстань и
убей его первым.

***Вавилонский Талмуд, трактат
Санхедрин, часть 71, стих 1***

Об источниках

Израильское разведывательное сообщество ревностно хранит свои тайны. Их почти полная закрытость обеспечивается сложной системой законов и инструкций, строгой военной цензурой, запугиванием, допросами и уголовным преследованием журналистов и их источников, равно как и естественной солидарностью и лояльностью личного состава израильских спецслужб.

Все попытки заглянуть за кулисы до сих пор были в лучшем случае лишь эпизодическими.

Может возникнуть законный вопрос: как же тогда писать книгу об одной из самых секретных организаций на земле?

Попытки убедить израильский оборонный истеблишмент содействовать исследованиям по теме этого проекта не дали результата^[1]. Требования к спецслужбам Израиля подчиниться действующим законам и передать в Государственный архив исторические документы, а также разрешить публикацию материалов, которым исполнилось 50 лет, были встречены гробовым молчанием. Поданная в Верховный суд петиция о принуждении спецслужб к подчинению действующим законам рассматривалась на протяжении многих лет при явном соучастии в этом самого суда^[2]. Дело закончилось изменением закона: период хранения секретных материалов был увеличен с 50 до 70 лет – дольше, чем существует государство Израиль.

Оборонный истеблишмент тоже не сидел сложа руки^[3]. Еще в 2010 году, до подписания контракта на эту книгу, в оперативном подразделении «Моссада» – «Кесарии» – состоялось специальное совещание, посвященное поиску способов срыва моих исследований. Всем бывшим сотрудникам «Моссада» были разосланы письма, предостерегающие от дачи мне интервью, а с особенно «трудными» проведены индивидуальные беседы. Позднее, в 2011 году, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля (АОИ) генерал-лейтенант Габи Ашкенази обратился к общей службе безопасности Шин Бет с просьбой о принятии жестких мер, заявив, что я совершил акт «грубого шпионажа», получив в свое распоряжение секретные

материалы и «используя их для того, чтобы оклеветать» его «персонально». С тех пор различными ведомствами было предпринято несколько попыток сорвать публикацию этой книги или хотя бы значительных ее частей.

Главный военный цензор страны требует от израильских СМИ употребления формулировки «согласно иностранным публикациям» при каждом упоминании о секретных операциях израильской разведки, прежде всего о так называемых целевых убийствах. Это делается с целью доведения до общественности мысли, что само существование публикации не является официальным признанием ответственности Израиля за ту или иную акцию. Значит, и эта книга должна восприниматься как «иностранная публикация», содержание которой никогда не подтверждалось Израилем официально.

Ни одно из тысячи интервью, на которых основана эта книга – данных самыми разными людьми от политических лидеров и руководителей спецслужб до простых оперативников, – никогда не получало одобрения военной элиты Израиля^[4]. Большинство интервьюируемых названы по именам. Другие по понятным причинам опасались обнародования личных данных и поэтому фигурируют под инициалами или псевдонимами в дополнение к тем деталям, которые я мог о них сообщить, не раскрывая их личностей.

В работе я использовал тысячи документов, которые были переданы мне этими людьми. Данные из них впервые приведены в этой книге. Мои источники никогда не получали разрешения на вынос документов с места работы, а тем более разрешения на передачу их мне. Так что эта книга максимально далека от того, чтобы быть официальной историей израильской разведки.

Так почему же все-таки источники беседовали со мной и предоставляли документы? У каждого был свой мотив, и зачастую личная судьба человека оказывалась такой же интересной, как содержание данного им интервью. Понятно, что политики и руководители разведки – те категории профессионалов, которые отлично умеют манипулировать людьми и обманывать их, – пытались использовать меня как канал распространения их собственных версий событий или формирования исторических картин, которые их устраивали. Я старался противодействовать этим попыткам,

многократно перепроверяя полученные данные через другие доступные мне письменные и устные источники.

Однако мне кажется, что у интервьюируемых мною людей был и другой мотив, связанный со свойственным израильтянам противоречием. С одной стороны, почти все в стране, имеющее отношение к разведке и национальной безопасности, считается «совершенно секретным». С другой стороны, каждый хочет рассказать о своих свершениях. Действия, в которых граждане других стран считают постыдным признаваться, являются предметом гордости израильтян, поскольку в их коллективном сознании существует императив национальной безопасности, необходимый для защиты находящихся под угрозой сограждан, если не всего государства, живущего в условиях войны.

С течением времени «Моссаду» удалось заблокировать для меня доступ к некоторым моим источникам (в большинстве случаев после того, как я побеседовал с ними). Многие из тех, с кем я познакомился ранее, уже умерли, преимущественно от естественных причин. Сведения, которыми эти мужчины и женщины (свидетели или участники важных исторических событий) поделились со мной для этой книги, фактически являются единственными существующими за пределами секретных архивов Израиля.

В некоторых случаях это вообще единственные сведения.

Пролог

Меир Даган, глава израильской разведки «Моссад», легендарный разведчик и киллер, вошел в комнату, опираясь на трость.

Он пользовался ею с тех пор, как был ранен миной палестинских террористов, с которыми сражался в секторе Газа в 1970-х годах, еще молодым офицером спецподразделения. Даган неплохо разбирался в силе мифов и символов, поэтому не пытался дезавуировать слухи о том, что в трости спрятан клинок, который он мог обнажить одним нажатием на кнопку.

Даган был небольшого роста и настолько смугл, что люди всегда удивлялись, что у него имеются польские корни. У него большой выпирающий живот. На данное мероприятие глава «Моссада» оделся в простую рубашку с открытым воротом, легкие черные брюки и черные туфли. Создавалось впечатление, что он совсем не уделяет внимания внешности. Однако весь его облик излучал несомненную уверенность в себе и спокойную, временами грозную харизму.

Конференц-зал, в который Даган вошел во второй половине дня 8 января 2011 года, находился в академии «Моссада» к северу от Тель-Авива. Впервые за всю историю руководитель израильской разведки встречался с журналистами в сердце одного из самых охраняемых и секретных объектов.

Даган не любил средства массовой информации^[5]. «Я пришел к выводу, что СМИ – ненасытный монстр, – говорил мне позднее Даган, – поэтому нет никакого смысла поддерживать с ними отношения». Тем не менее за три дня до встречи я и ряд других корреспондентов получили конфиденциальные приглашения. Я был удивлен. В течение почти десятка лет я жестко критиковал «Моссад» и в особенности Дагана, что его очень злило^[6].

В «Моссаде» сделали все возможное, чтобы придать мероприятию атмосферу «плаща и кинжала». Нам велели приехать на парковку около комплекса кинотеатров Cinema City, расположенного неподалеку от штаб-квартиры «Моссада», и оставить в машинах все вещи, кроме записных книжек и пишущих принадлежностей. «Вас будут тщательно обыскивать, и мы хотим избавить вас от неприятностей», – пояснили

наши сопровождающие. С парковки на автобусах с тонированными стеклами нас привезли в академию «Моссада». Мы прошли через несколько автоматических турникетов, мимо электронных табло, указывающих, что разрешено, а что нет проносить внутрь комплекса. Последовало сканирование металлоискателями, чтобы убедиться, что мы не захватили с собой аудио- или видеозаписывающую аппаратуру. Мы направились в конференц-зал, куда через несколько минут вошел Даган, который обошел нас и пожал руки. Когда он приблизился ко мне, он крепко ухватил мою руку на несколько мгновений и сказал с улыбкой: «Вы действительно немного похожи на бандита».

Даган сел. Рядом с ним находились пресс-секретарь премьер-министра Биньямина Нетаньяху и главный военный цензор – женщина в звании бригадного генерала. («Моссад» является организацией, подчиняющейся напрямую премьер-министру, и по национальному законодательству изложение информации о любой ее деятельности подлежит цензорскому контролю.) Оба эти чиновника были уверены, что Даган собрал пресс-конференцию только для того, чтобы попрощаться с людьми, которые писали о нем в течение срока его полномочий, и что он ничего не скажет по существу.

Они ошибались. На лице пресс-секретаря премьер-министра отразилось удивление, а по мере того, как Даган говорил, глаза чиновника все больше округлялись.

«Есть определенные преимущества в том, что у человека иногда болит спина, – начал Даган свое выступление. – По крайней мере, врач выписывает вам подтверждение, что вы не бесхребетный». Очень быстро мы поняли, что это не очередной афоризм – Даган разразился ожесточенными нападками на премьер-министра Израиля. Биньямин Нетаньяху, заявил Даган, поступает безответственно и в угоду своим эгоистическим интересам ведет страну к катастрофе. «Если человек выбран на пост премьера, это еще не означает, что он умен» – таков был один из выпадов Дагана в адрес Нетаньяху.

В этот день истекал срок полномочий Дагана в качестве директора «Моссада». Нетаньяху указал ему на дверь, и Даган, заветной мечтой которого было дослужиться до поста шефа «Моссада», не собиравшись сидеть сложа руки. Острый кризис доверия между двумя политиками разразился вокруг двух вопросов, каждый из которых был тесно связан с с излюбленным методом Меира Дагана – политическим убийством.

За восемь лет до этого Ариэль Шарон назначил Дагана на пост руководителя «Моссада» и поручил ему срыв иранской программы разработки атомного оружия, которую они оба рассматривали как угрозу существованию государства Израиль. Для выполнения поставленной задачи Даган действовал разными методами. Он считал, что наиболее трудным, но и наиболее эффективным способом из всех возможных была идентификация иранских ученых-атомщиков и специалистов-ракетчиков, установление места их пребывания и уничтожение. «Моссад» определил 15 таких целей, из которых ликвидированы были шестеро человек, главным образом утром по пути на работу. Убийства были произведены при помощи бомб с коротким периодом замедления, которые устанавливались на машинах жертв мотоциклистами. В довершение всего в своей штаб-квартире был взорван генерал Корпуса стражей исламской революции^[7], который возглавлял ракетный проект. Вместе с ним погибли и 17 его сотрудников.

Все эти операции увенчались успехом, но премьер Нетаньяху и его министр обороны Эхуд Барак почувствовали, что действенность таких методов снижается. Они пришли к выводу, что иранскую ядерную программу больше нельзя эффективно сдерживать тайными операциями и что только массированные воздушные бомбардировки иранских атомных объектов способны остановить Иран на пути к созданию ядерного оружия.

Даган был категорически против этой идеи. Это был удар по всему, во что он верил: открытые военные действия должны использоваться только тогда, когда «меч приставлен к нашему горлу», то есть в качестве крайней меры, когда нет иного выхода. Во всех остальных случаях проблемы можно и нужно решать при помощи секретных операций.

«Политические убийства, – говорил Даган, – воздействуют на моральный дух противника и дают практический эффект. Я не думаю, что в истории было много людей, которые смогли бы полноценно заменить Наполеона, президента Рузвельта, или премьер-министра Черчилля. Роль личности в истории определенно велика. Верно, что незаменимых людей нет, но есть разница между заменой, наделенной мужеством, и какой-то бледной тенью».

Более того, по мнению Дагана, использование политических убийств является «гораздо более моральным», чем вступление в полномасштабную войну. Нейтрализации нескольких ключевых фигур может оказаться вполне достаточно для того, чтобы избежать войны и спасти жизни огромного количества солдат и гражданских лиц с обеих воюющих сторон. Массированная военная атака на Иран приведет к масштабному конфликту на Ближнем Востоке, и при этом, скорее всего, не нанесет значительного ущерба иранским ядерным объектам.

И наконец, с точки зрения Дагана, если Израиль начнет войну против Ирана, то это станет приговором всей его карьере. В книгах по истории будет написано, что Даган не выполнил задачу, которую поручил ему Шарон: используя секретные методы и не прибегая к открытому нападению, сорвать создание Ираном ядерного оружия.

Противодействие Дагана военному конфликту с Ираном и давление со стороны элиты армии и спецслужб заставили Израиль несколько раз откладывать удар по Ирану. Даган даже проинформировал директора ЦРУ Леона Панетту об израильских планах (хотя израильский премьер утверждал, что это было сделано без его разрешения), и вскоре американский президент Обама предупредил Нетаньяху о том, что не следует атаковать Иран.

Напряженность в отношениях между Даганом и Нетаньяху усилилась в 2010-м – на седьмом году срока полномочий шефа «Моссада»^[8]. Даган отправил группу из 27 оперативников «Моссада» в Дубай с заданием физически устранить одного из высших руководителей палестинской террористической организации ХАМАС^[9]. Группа выполнила задачу: в номере отеля, где проживал палестинец, ему было введено нервно-паралитическое вещество. Группе удалось покинуть Дубай еще до того, как труп был обнаружен. Однако вскоре после бегства оперативников из-за совершенных ими грубых ошибок – они забыли о том, что в Дубае везде установлены камеры видеонаблюдения; предъявили те же фальшивые паспорта, которые действовали для въезда в страну; пользовались мобильной связью, и их переговоры были быстро расшифрованы местной полицией – весь мир увидел их лица и наблюдал за всеми их передвижениями. Обнародование факта, что все это представляло собой операцию «Моссада», нанесло мощный удар по имиджу организации и привело к глубочайшему смятению в Израиле, который

был вновь уличен в использовании поддельных паспортов дружественных стран Запада для своих агентов. «Вы ведь утверждали, что это будет легко и просто и что риск возникновения непредвиденных ситуаций практически нулевой». Нетаньяху был зол на Дагана и приказал ему отложить планы секретных убийств и других операций до особого уведомления.

Конфликт между Нетаньяху и Даганом становился все острее. В результате премьер-министр (по его версии) отказался продлевать срок полномочий Дагана или (по словам Дагана): «Я просто устал от него и решил уйти в отставку».

На брифинге в академии «Моссада» и в ряде интервью, данных во время написания этой книги, Даган выражал твердую уверенность в том, что под его руководством «Моссад» был способен сорвать попытки иранцев создать атомное оружие – путем убийств и других целенаправленных мероприятий (например, в сотрудничестве с США лишить иранцев возможности импортировать ключевые компоненты для атомной программы, которые они не могли произвести сами). «Если мы сможем помешать Ирану получить некоторые компоненты, это нанесет серьезный ущерб их проекту. В обычной автомашине около 25 000 комплектующих. Представьте себе, что отсутствует хотя бы сотня из них. Заставить такую машину ехать будет очень сложно».

«С другой стороны, – добавил Даган с улыбкой, возвращаясь к своему любимому *modus operandi* (способу действий), – иногда наибольшего эффекта можно достичь, убив водителя, и только».

Из всех способов, с помощью которых демократии обеспечивают свою безопасность, нет более чревато опасностями и противоречивого, чем «убить водителя», – то есть политического убийства.

Некоторые употребляют эвфемизм «ликвидация». Американские спецслужбы по причинам юридического свойства называют такие операции «целевое» убийство. На практике все эти термины означают одно и то же: убийство конкретного индивидуума для достижения конкретной цели – спасения жизней людей, которых объект операции намеревается убить, или предотвращения опасных действий, которые он намерен совершить, а иногда устранения лидера для изменения хода истории.

Использование политических убийств ставит государства перед двумя очень трудными дилеммами. Первая: эффективны ли эти убийства? Может ли ликвидация индивидуума или группы людей сделать наш мир безопаснее? Вторая: оправданны ли такие убийства с моральной и юридической точек зрения? Допустимо ли для страны в этическом и правовом плане использование самого тяжкого преступления – преднамеренного лишения человека жизни – в целях защиты своих граждан?

Эта книга повествует главным образом о политических и «целевых» убийствах, осуществленных в мирное и военное время «Моссадом» и другими структурами израильского правительства, а также (в первых главах) подпольными боевыми организациями до создания государства Израиль – организациями, которые станут армией и разведывательными службами государства после его возникновения.

Со времен Второй мировой войны Израиль совершил больше политических убийств, чем какая-либо другая страна Запада. В бесчисленных ситуациях лидеры Израиля, размышляя, как лучше обеспечить безопасность страны, вновь и вновь из всех вариантов выбирали секретные операции, в которых предусматривалось политическое убийство. Они верили, что таким образом будут решены сложные проблемы, стоящие перед государством, а иногда и изменен ход истории. Во многих случаях руководители Израиля даже допускали, что для устранения заранее намеченной цели вполне законно и морально создание угрозы жизням невинных гражданских лиц, которые могут оказаться на линии огня. Они верили, что это необходимое зло.

Цифры говорят сами за себя^[10]. Еще до начала второй палестинской интифады, в сентябре 2000 года, когда Израиль впервые начал отвечать на подрывы смертников ежедневным использованием боевых дронов для совершения убийств, государство осуществило около 500 «целевых» ликвидаций. В ходе них было убито около 1000 человек – и боевиков, и гражданских лиц. Во время второй интифады Израиль провел еще около 1000 подобных операций, 168 из которых увенчались успехом^[11]. С тех пор, вплоть до момента написания этой книги, Израиль совершил еще около 800 операций по «целевым» убийствам; почти все они стали частью боевых действий против ХАМАС в секторе Газа в 2008, 2012 и 2014 годах или мозадовскими

акциями на Ближнем Востоке против объектов из числа палестинцев, сирийцев и иранцев. Для сравнения: за время президентства Джорджа Буша США, по некоторым оценкам, осуществили 48 «целевых» политических убийств, а за время пребывания на посту президента Барака Обамы – 353 такие атаки^[12].

Приверженность Израиля политическим убийствам как военному инструменту не случайна. Скорее всего, она коренится в революционных и боевых традициях сионистского движения, трагедии холокоста и присутствующем у израильских лидеров и граждан страны ощущении, что ее народ живет в постоянной опасности уничтожения и что, как и во время холокоста, никто не придет к ним на помощь.

Ответом на попытки арабских государств разрушить Израиль еще до момента создания, их постоянную решимость добиться этого и вечную угрозу терроризма в стране столь малых размеров стало возникновение сильной армии и, как считают многие, одной из самых эффективных разведок в мире. Эти силовые структуры создали самую совершенную машину для политических убийств в истории.

В книге будет поднята завеса тайны, скрывающая действия этой машины, ставшей плодом своеобразного союза партизанского движения и военной мощи технологического гиганта. Будет рассказано о ее оперативниках, руководителях, методах, расчетах, успехах и неудачах, а также о нравственной цене ее операций. Эти рассказы проиллюстрируют, как в Израиле сложились две независимые юридические системы: одна для простых граждан и другая – для разведки и военной элиты. Последняя система допустила – с молчаливого согласия и одобрения правительства – вызвавшие множество проблем акты политических убийств, которые были осуществлены без рассмотрения этого вопроса парламентом или общественностью и повлекли за собой много невинных жертв.

Нельзя забывать и то, что именно метод политических убийств, опирающийся на разведку, оцененную как «по меньшей мере великолепная» – если процитировать бывшего директора Национальной разведки США и ЦРУ генерала Майкла Хейдена, – сделал войну Израиля с террором самой эффективной из всех, которые когда-либо велись западными странами. Во многих случаях именно политические убийства спасали Израиль от серьезных кризисов.

«Моссад» и другие спецслужбы Израиля покончили со многими людьми, которые были определены как прямая угроза национальной безопасности. Их ликвидация послала всем важное послание: *если ты враг Израиля, мы найдем и убьем тебя, где бы ты ни находился*. Нет сомнения в том, что это послание было услышано во всем мире. Случавшиеся время от времени ошибки только усилили репутацию «Моссада» как агрессивной и безжалостной организации в условиях, когда задача сдерживания настолько же важна, как и задача предотвращения конкретных враждебных акций.

Не все политические убийства осуществлялись небольшими закрытыми группами. Чем сложнее становились операции, тем больше людей в них участвовало – иногда их число доходило до сотен, причем большинству участников не было и 25 лет. Иногда эти молодые люди со своими командирами приходили на встречу с премьер-министром – только он мог дать зеленый свет конкретному убийству – для того, чтобы дать пояснения по мероприятию и получить окончательное одобрение. Такие форумы, на которых большинству из участников, жаждущих чьей-то смерти, меньше 30 лет, вероятно, уникальны для Израиля. Некоторые из младших офицеров, когда-то принимавших участие в таких встречах, с течением времени сами стали лидерами страны и даже премьер-министрами. Какой отпечаток наложило на них участие в карательных операциях?

В США методы сбора разведывательной информации и техника выполнения «целевых» убийств, разработанные в Израиле, взяты за образец. После 11 сентября 2001 года и принятия президентом Бушем решения начать кампанию «целевых» убийств против «Аль-Каиды»^[13] Америка внедрила некоторые из этих методов в свои разведывательные и антитеррористические структуры. Системы управления и контроля, ситуационные «военные» комнаты, методы сбора информации, технологии беспилотников, или дронов, которые сегодня служат американцам и их союзникам, в значительной мере были разработаны в Израиле.

Сегодня, когда тактика убийств без суда и следствия, применявшаяся Израилем в течение десятилетий, ежедневно используется Америкой против ее врагов, уместно не только воздать должное оперативным возможностям, которые создал Израиль, но и исследовать ту высокую

моральную цену, которая была заплачена и до сих пор платится за использование этой силы.

Ронен Бергман

Тель-Авив

1

В крови и огне

29 сентября 1944 года Давид Шомрон прятался во мраке улицы Св. Георгия, недалеко от романской церкви в Иерусалиме. Здания церкви использовались в качестве офицерских общежитий британскими властями, управлявшими Палестиной. Шомрон ждал, пока из здания выйдет Том Уилкин – один из английских офицеров.

Уилкин был начальником подразделения, которое занималось евреями, в Департаменте уголовных расследований (CID) британской администрации, которая управляла Палестиной по мандату Лиги Наций^[14]. Уилкин хорошо справлялся со своей работой, особенно в том, что касалось проникновения и подрыва изнутри раздробленного еврейского подполья. Агрессивный, спокойный и расчетливый, Уилкин хорошо говорил на иврите и после 13 лет службы в Палестине располагал широкой сетью осведомителей. Благодаря информации, которой они снабжали Уилкина, многие подпольщики были арестованы, тайники с оружием захвачены, а операции, направленные на то, чтобы заставить англичан покинуть Палестину, провалены^[15].

Именно за это Шомрон собирался убить его.

Шомрон и его напарник Яков Банай (псевдоним Мазал – «Удача») были оперативниками организации «Лехи», самого радикального из подпольных сионистских движений, которые сражались с британцами в начале 1940-х годов. Членов «Лехи» (сокращённое от Лохамей Херут Исраэль (*ивр.*) – «Борцы за свободу Израиля») англичане считали просто террористами и уничижительно называли «банда Штерна», имея в виду ее основателя, ультранационалиста-романтика Авраама Штерна. Штерн и небольшая группа его последователей использовали кампанию заранее намеченных политических убийств и взрывов – кампанию «персонального террора», как называл ее руководитель оперативного крыла «Лехи» (а позднее премьер-министр Израиля) Ицхак Шамир^[16].

Уилкин знал, что является целью^[17]. «Лехи» уже пыталась убить его и его шефа Джеффри Мортонa. 20 января 1942 года убийцы

установили бомбы на крыше и внутри дома по адресу улица Яэль, 8 в Тель-Авиве. Вместо намеченных жертв бомбами были убиты трое полицейских, двое евреев и один англичанин, которые прибыли раньше Уилкина и Мортон. Позже Мортон уехал из Палестины, получив ранение во время другого покушения – на этот раз в качестве мести за то, что застрелил Штерна.

Ничто из этих деталей – последовательность событий, кто кого убил и в каком порядке – не имело для Шомрона никакого значения^[18]. Британцы оккупировали землю, которую сионисты считали по закону своей, – вот это имело значение, и Шамир одобрил смертный приговор в отношении Уилкина.

Для Шомрона и его товарищей Уилкин был не человеком, а целью – заветной и ценной. «Мы были слишком заняты и голодны для того, чтобы размышлять об англичанах и их семьях», – скажет Шомрон спустя десятилетия^[19].

Узнав, что Уилкин живет в пристройке к романской церкви, киллеры приступили к выполнению своей миссии. У Шомрона и Мазала в карманах были револьверы и гранаты. Вокруг предполагаемого места покушения находились другие бойцы «Лехи», одетые в костюмы и шляпы, чтобы выглядеть как англичане.

Уилкин вышел из общежития в церкви и направился в Департамент уголовных расследований, находившийся на Русском подворье, где содержали и допрашивали арестованных участников подполья^[20]. Как всегда, он был внимателен, во время движения сканировал взглядом всю улицу и постоянно держал руку в кармане. Когда он проходил угол улиц Св. Георгия и Меа-Шеарим, молодой человек, сидевший рядом с бакалейной лавкой, поднялся и уронил шляпу. Это был сигнал, и два боевика начали двигаться по направлению к Уилкину, идентифицировав его по фотографиям, которые заранее изучили. Шомрон и Мазал пропустили Уилкина вперед, сжимая в карманах револьверы.

Потом оглянулись по сторонам и достали оружие.

«Мазал сказал: “Дай мне выстрелить первым”, – вспоминал Шомрон. – Но когда мы увидели Уилкина, я не мог сдерживать себя. И выстрелил первым». Всего Мазал и Шомрон стреляли в Уилкина 14 раз. «Он умудрился повернуться и вытащить пистолет, – сказал

Шомрон, – затем упал лицом вперед. Из его лба вырвалась струя крови, словно фонтан. Это была не очень приятная картина».

Шомрон и Мазал бросились назад в тень и быстро уехали на такси, в котором их ожидал другой боевик «Лехи».

«Единственное, что расстроило меня тогда, это то, что мы забыли забрать у Уилкина портфель, в котором были документы, – сказал Шомрон. – Помимо этого, я не испытывал ничего, ни малейшего чувства вины. Мы верили: чем больше гробов будет отправлено в Лондон, тем ближе станет для нас день свободы»^[21].

Идея того, что возвращение народа Израилева на землю Израиля может быть достигнуто только силой, зародилась не у Штерна и его товарищей по «Лехи».

Фундамент этой стратегии был заложен на встрече восьми мужчин, собравшихся 29 сентября 1907 года в Яффе в тесной и душной однокомнатной квартирке с окнами на апельсиновую рощу^[22]. Это произошло за тридцать семь лет до того, как фонтан крови извергнулся из головы Уилкина, а Палестина еще была частью Оттоманской империи. Квартирку арендовал Ицхак Бен-Цви, молодой русский еврей, эмигрировавший в Оттоманскую Палестину в начале того года. Как и другие участники встречи – все иммигранты из России, расположившиеся на соломенных подстилках и освещенные свечами, – Бен-Цви был убежденным сионистом, но принадлежал к радикальному крылу, которое угрожало расколом движения.

Сионизм как политическая идеология возник в 1896 году, когда журналист из Вены Теодор Герцль опубликовал книгу «Еврейское государство» (The Jewish State). Большое впечатление на него произвело присутствие в качестве журналиста на суде над Альфредом Дрейфусом, армейским офицером еврейского происхождения, который был несправедливо обвинен и осужден за измену.

В своей книге Герцль утверждал, что антисемитизм настолько глубоко проник в европейскую культуру, что евреи могут достичь подлинной свободы и безопасности только в собственном государстве. Еврейская элита Западной Европы, добившаяся для себя комфортной жизни, в большинстве своем отвергла Герцля. Однако его идеи нашли благодатную почву среди бедных трудящихся евреев Восточной Европы, страдавших от погромов и угнетения, на которые некоторые

из них отвечали, примыкая к выступлениям сторонников левых партий.

Сам Герцль видел в Палестине, родине предков современных евреев, идеальное место для создания будущего еврейского государства. Однако заявлял, что если еврейский народ хочет жить в мире, расселение евреев на этой земле должно осуществляться очень осторожно и деликатно, с помощью соответствующих дипломатических средств и с санкции международного сообщества. Взгляды Герцля стали известны как *политический* сионизм.

Напротив, Бен-Цви и семь его товарищей, как и большинство евреев – выходцев из России, были *практическими* сионистами^[23]. Вместо того чтобы ждать, когда остальной мир даст им дом, они верили в необходимость строить его самим – ехать в Палестину, работать на земле, заставив расцвести пустыню. Они хотели взять то, что считали принадлежащим им по праву, и готовы были защищать то, что возьмут.

Это немедленно вызвало конфликт между практическими сионистами и евреями, которые уже жили в Палестине. Составляя этническое меньшинство в арабском мире – многие из них были мелкими торговцами или теологами, а также исполняли функции чиновников низкого ранга в Османской империи, – они предпочитали вести себя незаметно. Услужливостью, готовностью к компромиссам и взятками укоренившиеся в Палестине евреи смогли выторговать себе относительный мир и некоторую долю безопасности.

Однако Бен-Цви и другие новоприбывшие были поражены теми условиями, которые терпели их единоверцы – евреи. Многие жили в крайней нищете и не имели средств, чтобы защитить себя, находясь полностью во власти арабского большинства и продажного чиновничества коррумпированной Османской империи^[24]. Толпы арабов нападали и грабили еврейские поселения, чаще всего оставаясь безнаказанными. Еще хуже было то, что некоторые еврейские поселения поручали свою защиту арабским охранникам, зачастую сотрудничавшим с нападавшими толпами.

Бен-Цви и его друзья сочли такое положение неприемлемым и нетерпимым. Некоторые из них были в прошлом членами российских левых революционных движений, воодушевленных «Народной волей», а также агрессивных антимонархических подпольных организаций,

использовавших террористическую тактику, в том числе и политические убийства^[25].

Разочарованные захлебнувшейся революцией 1905 года в России, которая в итоге дала лишь минимум конституционных реформ, некоторые из этих социалистов-революционеров, социал-демократов и либералов переехали в Оттоманскую Палестину для того, чтобы возродить Еврейское государство.

Все они были очень бедны, еле сводили концы с концами репетиторством или ручным трудом на апельсиновых плантациях и часто голодали^[26]. Но они были гордыми сионистами. Если они собирались создать свое государство, то прежде всего должны были суметь защитить себя. Они просачивались на улицы Яффы парами или поодиночке, направляясь на тайные встречи в квартире Бен-Цви. В ту ночь восемь человек сформировали первую еврейскую боевую дружину современности. Они провозгласили, что с этого момента образ слабых и забитых евреев, разбросанных по всему миру, останется в прошлом. Только евреи могли защитить евреев в Палестине.

Они назвали свою зарождающуюся организацию «Бар-Гиора» – по имени иудейского военачальника, одного из лидеров Великого еврейского восстания против Римской империи. В символике знамени они отдали дань памяти тому восстанию и предрекли свое будущее. Надпись на их знамени гласила: «Иудея пала в крови и пламени. Из крови и пламени Иудея возродится».

Иудея действительно возродится. Бен-Цви станет вторым президентом в истории еврейского государства. Однако перед этим будет много огня и крови.

Сначала «Бар-Гиора» не представляла собой широкого народного движения. Но в период с 1905 по 1914 год в Палестину из России и Восточной Европы приезжало все больше евреев – по 35 000 ежегодно. С собой они привозили ту же полную решимости философию практического сионизма.

Поскольку все больше радикально мыслящих евреев вливалось в Ишув, как собирательно называлось еврейское население Палестины, в 1909 году «Бар-Гиора» трансформировалась в более крупную и агрессивную организацию «Ха-Шомер» («Стражник» на иврите). К 1912 году «Ха-Шомер» обеспечивала защиту 14 поселений. Наряду с

этим организация развивала в своих недрах наступление, пусть и тайное, готовясь к тому, что практические сионисты видели как неизбежную войну за контроль над Палестиной. «Ха-Шомер» позиционировала себя как ядро будущей еврейской армии и разведывательных служб.

Оседлав коней, бойцы «Ха-Шомер» осуществляли рейды по арабским поселениям, чтобы наказать тех жителей, которые обидели евреев^[27]. Иногда они их избивали, а иногда казнили. В одном случае специальное тайное собрание членов «Ха-Шомер» приняло решение ликвидировать бедуинского полицейского Арефа аль-Арсана, который помогал туркам пытаться еврейских заключенных. Он был застрелен боевиками «Ха-Шомер» в июне 1916 года.

Впрочем, «Ха-Шомер» не отказывалась от применения силы и по отношению к другим евреям^[28]. Во время Первой мировой войны «Ха-Шомер» агрессивно противостояла НИЛИ, еврейской шпионской сети, которая работала в интересах британцев в Османской Палестине. В «Ха-Шомер» боялись, что турки обнаружат шпионов и отомстят всей еврейской общине Палестины. Когда боевики «Ха-Шомер» потерпели неудачу в подавлении деятельности НИЛИ, а также в изъятии у нее денег, полученных от британцев, они организовали покушение на Йосефа Лишански, одного из членов НИЛИ, правда сумев только ранить его.

В 1920 году «Ха-Шомер» претерпела трансформацию, превратившись в организацию «Хагана» («Оборона» на иврите). Хотя эта организация была не совсем законна, британские власти, правившие к тому моменту Палестиной уже около трех лет, терпели «Хагану» как военизированную оборонительную организацию Ишув. «Гистрадут», основанная в том же году Всеобщая федерация еврейских трудящихся, проживающих в Израиле, и созданное несколькими годами позже Еврейское агентство, автономный орган управления Ишув, – оба возглавлял Бен-Гурион – руководили секретной организацией «Хагана».

Бен-Гурион родился в городе Плоньске в Польше в 1886 году. При рождении получил имя Давид Йосеф Грин. С ранних лет он, как и его отец, активно участвовал в сионистском движении. В 1906 году эмигрировал в Палестину и благодаря харизме и решимости скоро, несмотря на молодость, стал одним из лидеров Ишув. Впоследствии

изменил свое имя на Бен-Гурион, в честь другого лидера восстания против римлян. «Хагана» в первые годы своего существования поддерживала дух агрессивности, свойственный «Ха-Шомер»^[29]. 1 мая 1921 года арабская толпа растерзала четырнадцать молодых евреев в иммигрантском хостеле в Яффе. Узнав, что арабский полицейский Теуфик Бей помог толпе проникнуть в помещение, «Хагана» направила специальную группу боевиков, чтобы его ликвидировать. 17 января 1923 года полицейский был застрелен посреди улицы в Тель-Авиве. По кодексу чести организации Теуфик Бей был застрелен спереди, а не сзади. Как сказал тогда один из участников, «цель состояла в том, чтобы показать арабам, что их деяния не будут забыты и их судный день настанет, пусть и с запозданием».

Члены «Ха-Шомер», которые вначале руководили «Хаганой», высказывались за осуществление актов насилия даже по отношению к своим единоверцам-евреям. Якоб де Хаан, родившийся в Голландии, был «хареди» – ультраортодоксальным евреем, проживавшим в Иерусалиме. Он проповедовал учение «хареди» о том, что создать еврейское государство сможет только мессия, что только Бог будет решать, когда возвращать евреев на земли предков, и что люди, которые пытаются ускорить этот процесс, совершают тяжкий грех. Другими словами, де Хаан был убежденным антисиионистом, и удивительно умело привлекал к себе внимание в мире. Для Ицхака Бен-Цви, ставшего видным лидером «Хаганы», это превратило де Хаана в опасную фигуру. И он распорядился ликвидировать последнего.

30 июня 1924 года – за день до того, как де Хаан собирался отправиться в Великобританию, чтобы просить британское правительство пересмотреть свое обещание об организации еврейского государства в Палестине^[30], – двое боевиков выстрелили в него три раза, когда он выходил из синагоги на улице Яффа в Иерусалиме.

Однако Бен-Гурион не очень одобрительно относился к таким акциям^[31]. Он понимал, что для получения хотя бы частичного признания англичанами целей сионистов он должен будет использовать более законные и умеренные методы командования полулегальными военизированными отрядами. После инцидента с де Хааном смелые и смертельно опасные «конные стражи» из «Ха-

Шомер» были заменены более организованной, вертикально подчиненной военной силой. Бен-Гурион приказал «Хагане» отойти от использования «целевых» убийств. «В том, что касается персонального террора, линия Бен-Гуриона была последовательно и неуклонно отрицательной», – свидетельствовал позднее командующий «Хаганой» Исраэль Галили. Он вспомнил ряд случаев, когда Бен-Гурион отказался одобрить предложения по убийствам отдельных лиц. Среди них были палестинский лидер Хаджи Амин аль-Хусейни и другие члены Верховного арабского комитета, а также британские служащие, например, старший чиновник Земельного департамента британской мандатной администрации, который чинил препятствия проектам строительства еврейских поселений.

Не все горели желанием уступать Бен-Гуриону. Авраам Техоми, который застрелил де Хаана, с презрением относился к позиции Бен-Гуриона относительно британцев и арабов. Вместе с другими руководителями он вышел из «Хаганы» и в 1931 году организовал «Иргун Цвай Леуми», или Национальную военную организацию (сокращенно на иврите «Этцель», по-английски обычно обозначается как IZL или “Irgun”). В 1940-х годах этой радикальной правой организацией командовал Менахем Бегин, который в 1977 году станет премьер-министром Израиля. Внутри «Иргуна» были свои конфликты, и личные, и идеологические. Оппоненты Бегина, выразившего готовность сотрудничать с Британией в войне с нацистами, откололись от организации и создали «Лехи». Эти люди предавали анафеме любую идею о сотрудничестве с англичанами.

Две эти диссидентские группы в разной степени признавали правомерность «целевых» убийств врагов из числа арабов и британцев, а также евреев, которые считались опасными для дела сионизма^[32]. Бен-Гурион оставался непреклонен в том, что «целевые» убийства не должны служить оружием^[33], и даже принимал жесткие меры против тех, кто не подчинялся его приказам.

Когда Вторая мировая война закончилась, изменилось все, даже взгляды упрямого Бен-Гуриона.

Во время Второй мировой войны около 38 000 евреев из Палестины записались волонтерами в британскую армию в Европе. Англичане сформировали так называемую Еврейскую бригаду, хотя и несколько неохотно и только под давлением гражданского руководства Ишув.

Не зная, что делать с этой бригадой, британцы сначала направили ее для прохождения боевой подготовки в Египет. Именно там в середине 1944 года члены бригады впервые слышали о кампании нацистов по полному уничтожению евреев. Когда их в конце концов отправили в Европу сражаться в Австрии и Италии, они стали свидетелями ужасов холокоста и первыми отправили подробные доклады Бен-Гуриону и другим лидерам Ишува.

Одним из этих солдат был Мордехай Гишон, который позднее станет одним из основателей израильской военной разведки. Гишон родился в Берлине в 1922 году. Его отец был из России, а мать происходила из известной германо-еврейской семьи и была племянницей раввина Лео Бэка, лидера либерального (прогрессивного) иудаизма. Семья Гишона переехала в Палестину в 1933 году, когда в немецкой школе его заставили отдавать нацистское приветствие и петь партийный гимн национал-социалистов.

Солдатом он вернулся в разоренную Европу, где его народ был почти весь уничтожен, а родные очаги превратились в пепелища. «Евреев унижали, истязали, убивали, – рассказывал он. – Когда я записался в британскую армию, то в мечтах представлял себе, как арестовываю моего немецкого одноклассника по имени Детлеф, сына майора полиции. Я хотел восстановить еврейскую честь»^[34].

Ощущение растоптанной гордости, обиды за чудовищное унижение своего народа и ненависть к нацистам были движущими силами для таких людей, как Гишон. Впервые он встретил еврейских беженцев на границе Австрии и Италии. Солдаты из его бригады накормили их, сняли с себя форму, чтобы защититься от холода, и попытались узнать у них подробности ужасов, которые они пережили^[35]. Гишон вспоминает встречу в июне 1945 года, когда женщина-беженка подошла к нему.

«Она отделилась от группы и говорила со мной по-немецки, – рассказывал Гишон. – Она сказала: “Вы, солдаты бригады, сыны Бар-Кохбы – великого героя Второго еврейского восстания против римлян в 132–135 годах до н. э. – И добавила: – Я навсегда запомню ваши знаки отличия и то, что вы сделали для нас”».

Хотя Гишон был польщен сравнением с Бар-Кохбой, он почувствовал только горечь и стыд в ответ на ее слова. Если солдаты бригады были сынами Бар-Кохбы, кем были эти евреи? Солдаты с

земли Израилевой были сильны, уверены в себе и нестигаемы. Они видели в переживших холокост соплеменниках жертв, которые нуждались в помощи. В то же время эти люди были частью европейского еврейства, которые позволили, чтобы над ними творились бесчинства. Они воплощали стереотипное представление о евреях диаспоры (изгоях, если говорить традиционным языком евреев и сионистов), которые подчинялись вместо того, чтобы сопротивляться, и не представляли, как держать винтовку, а тем более стрелять из нее. Именно такое представление о евреях – в самой экстремальной версии *Muselmann*, что на тюремном обозначало до смерти изможденных, похожих на зомби заключенных в нацистских лагерях, – новые евреи Ишува отрицали. «Мой мозг отказывался понимать и тогда, и сегодня, как такое могло быть – десятки тысяч евреев в лагере, который охраняли несколько немецких охранников. Они не восстали, а просто шли на заклание, словно овцы, – говорил Гишон шестьдесят лет спустя. – Почему они не разорвали немцев в клочья? Я всегда заявлял, что ничего подобного не могло случиться на земле Израиля. Если бы у этих сообществ людей были лидеры, достойные этого слова, все могло бы выглядеть по-другому».

За годы, прошедшие после войны, сионисты Ишува докажут всему миру, и прежде всего себе, что евреи никогда больше не позволят безнаказанно убивать себя и что еврейская кровь дорого стоит. Шесть миллионов человек должны быть отомщены.

«Мы думали, что не имеем права отдохнуть даже на секунду, пока не сочтемся кровью за кровь, смертью за смерть»^[36], – говорил мне Ханох Бартов, выдающийся израильский писатель, который записался в бригаду за месяц до своего 17-летия.

Такая месть – зверство за зверство – нарушила бы законы войны и стала бы разрушительной для дела сионизма. Как всегда практичный, Бен-Гурион четко высказался по этому поводу: «Сегодня месть не имеет ценности для нашего народа»^[37]. Она не может вернуть жизнь миллионам убитых».

Лидеры «Хаганы» понимали, что необходимо какое-то возмездие для того, чтобы успокоить солдат, которые видели зверства своими глазами, добиться хотя бы некоторой исторической справедливости и предупредить возможные попытки убивать евреев в будущем. Поэтому они санкционировали определенные ответные действия против

нацистов и их пособников^[38]. Сразу же после войны в «Хагане» втайне от англичан было создано секретное подразделение, контролируемое командованием этой организации. Оно называлось «Гмуль» («Возмездие» на иврите). Целью подразделения было «осуществление актов мести, но не бандитской мести»^[39]. «Мести в отношении тех эсэсовцев, кто лично участвовал в убийствах евреев».

«Мы искали крупную рыбу, – рассказывал Мордехай Гишон, нарушая данный командирами “Гмуля” обет молчания, который соблюдал в течение шестидесяти лет. – Высокопоставленных нацистов, которые сумели избавиться от своей формы и вернуться домой»^[40].

Агенты «Гмуля» тайно работали даже в то время, когда выполняли свои обязанности в бригаде. Сам Гишон в процессе охоты на нацистов использовал два поддельных документа: паспорт – гражданина Германии, и удостоверение личности британского майора. В операциях по немецким документам Гишон нашел архивы гестапо в Тарвизио, Виллахе и Клагенфурте, которые нацисты подожгли, но из которых сгорела только часть. Как британский майор, он получил списки нацистов у югославских коммунистов, которые все еще опасались сами осуществлять операции возмездия. Несколько евреев, служивших в американской разведке, тоже готовы были помочь, передавая имеющуюся у них информацию о скрывшихся нацистах. Они считали, что палестинские евреи используют эту информацию эффективнее, чем американские военные.

Активно применялось и принуждение^[41]. В июне 1945 года агенты «Гмуля» нашли немецкую пару родом из Польши, проживавшую в Тарвизио. Жена во время войны занималась перевозкой награбленного у евреев имущества из Австрии и Италии в Германию, а муж служил в местном отделении гестапо. Палестинско-еврейские боевики предложили им жесткий выбор: сотрудничество или смерть^[42].

«Гой»^[43] быстро сдался и согласился на сотрудничество, – сказал Исраэль Карми, который допрашивал эту пару, а позднее, после рождения еврейского государства, стал начальником военной полиции в Армии обороны Израиля. – Я заставил его подготовить список всех местных чиновников, работавших на СС и гестапо. Имя, дата рождения, образование, должность»^[44].

Результат превзошел все ожидания – это был крупный успех разведки. В составленном списке числились десятки фамилий. Люди из «Гмуля» добрались до каждого, обнаружив некоторых ранеными в местных больницах, где они прятались под вымышленными именами, и заставив их раскрыть еще больший объем информации. Боевики обещали немцам, что те не пострадают, если будут честно сотрудничать. И большинство нацистов пошли на это. Потом, когда они перестали быть полезными, оперативники из «Гмуля» расстреливали их и выбрасывали трупы. Не было смысла оставлять их в живых – они могли раскрыть британскому командованию секретные операции «Гмуля».

После того как устанавливались имя и личные данные конкретного человека, начинался второй этап операции: определение его местонахождения и разработка плана по ликвидации. Родившемуся в Германии Гишону часто поручали задания такого рода. «Никто не мог меня заподозрить, – вспоминал он. – Я говорил на чистейшем берлинском диалекте. Часто ходил в бакалейные лавки или пивные, а иногда просто стучал в конкретную дверь, чтобы передать от кого-то привет. В большинстве случаев люди откликались на свои настоящие имена или начинали двусмысленно молчать, что тоже являлось своего рода доказательством»^[45]. Получив подтверждение личности объекта, Гишон начинал следить за его перемещениями, а также делал подробный набросок дома, в котором этот человек жил, или места, где планировалось его похищение.

Ликвидаторы работали группами не более пяти человек^[46]. Перед своими жертвами они обычно появлялись в британской военной форме и говорили, что пришли за ним, чтобы доставить на допрос. В большинстве случаев немцы подчинялись без сопротивления. Как признавался один из боевиков «Гмуля», Шалом Гилади, в своих свидетельских показаниях для архива «Хаганы», иногда оперативники убивали нацистов тут же, а иногда отводили их в глухие места, где ликвидировали. «С течением времени мы разработали скрытные, быстрые и эффективные методы уничтожения эсэсовцев, которые попадали к нам в руки», – добавлял Гилади.

Кто когда-нибудь залезал в кузов грузовика, знает, что при этом человек обычно держится руками за борт, заносит вперед одну

ногу и подтягивается внутрь крытого кузова. В это время в темноте его поджидает наш агент, который ловко пользуется склоненной вперед позой пассажира.

Как только голова немца оказывается во мраке кузова, боевик обхватывает его двумя руками вокруг шеи под подбородком (как бы обратный захват) и падает навзничь на спину на специально постеленный матрац, который заглушает звуки. Падение назад с захваченной шеей жертвы моментально удушает ее и ломает шейные позвонки.

Однажды из английского лагеря поблизости от нашей базы сбежала женщина – бывшая эсэсовка. Когда англичане обнаружили это, они разослали ее фотографии, сделанные в лагере (анфас и в профиль), по всем контрольным пунктам военной полиции. Мы пошли в лагерь беженцев и нашли ее. Когда мы обратились к ней по-немецки, она разыграла из себя венгерку и сказала, что говорит только по-венгерски. Без проблем. Мы подставили ей подростка венгра, который сказал эсэсовке: «Скоро в Палестину отходит пароход с нелегальными беженцами из Венгрии». Ей ничего не оставалось, как заглотив наживку и пойти с нами к автомашине. Я и Заро (Меир Зореа, позднее ставший генералом Армии обороны Израиля) сели сзади, а за руль сел Карми. Он сказал нам: «Когда доеду до подходящего пустынного места, посигналю. Это будет знак, что вы должны ее ликвидировать».

Так мы и сделали. Ее последний выкрик на немецком был: “Was ist los?” («Что происходит?») Чтобы удостовериться, что она мертва, Карми сделал контрольный выстрел. Затем мы придали ее телу и окружающему месту такой вид, будто здесь произошло изнасилование.

В большинстве случаев мы везли нацистов к небольшой линии укреплений в горах^[47]. Там были заброшенные укрепленные пещеры. Чаще всего перед казнью нацисты теряли высокомерие, когда узнавали, что мы евреи. «Пощадите мою жену и детей!» Мы могли бы спросить их, сколько их жертв-евреев обращались к ним с такой мольбой в лагерях смерти!

Деятельность «Гмуля» продолжалась в течение трех месяцев^[48], с мая по июль, за которые боевики организации убили от ста до двухсот человек. Некоторые историки, изучавшие «Гмуль», утверждают, что его методы идентификации целей были далеки от совершенства^[49] и пострадали невинные люди. Критики «Гмуля» указывают, что отряды мстителей зачастую использовали информацию для сведения личных счетов; в других случаях члены «Гмуля» просто находили ошибочные цели.

«Гмуль» прекратил свое существование^[50], когда британцы, часто слышавшие от немецких семей жалобы на исчезновение родственников, поняли, в чем дело. Англичане решили не докапываться до деталей, а просто перевели еврейскую бригаду в Бельгию и Нидерланды, подальше от немцев. Командование «Хаганы» при этом издало строгий приказ о прекращении операций возмездия. Новыми первоочередными задачами бригады – согласно приказам «Хаганы», а не британцев – являлись помощь выжившим в холокосте и организация эмиграции беженцев в Палестину, несмотря на сопротивление со стороны англичан. Также «Хагана» занималась вопросами приобретения оружия для Ишува.

Хотя командование «Хаганы» и отдало «Гмулю» приказ прекратить убийства немцев в Европе, оно не отказалось от идеи отмщения совсем. Руководители «Хаганы» решили, что акции возмездия, которые прекратились в Европе, должны быть перенесены в саму Палестину.

Члены общества темплеров (Tempelgesellschaft) были депортированы британцами из Палестины в начале Второй мировой войны из-за своей национальности и симпатий к нацизму. Многие из них пошли в немецкую армию и активно участвовали в преследовании и уничтожении евреев. По окончании войны некоторые вернулись в свои дома в Сарону, район в центре Тель-Авива, и в другие места.

Руководителем темплеров Палестины был Готтхилф Вагнер^[51], богатый промышленник, который помогал вермахту и гестапо во время войны. Выживший в холокосте Шалом Фридман, который выдавал себя за венгерского священника, рассказывал, что в 1944 году он встречался с Вагнером, который хвастался, что дважды побывал в концлагерях Аушвиц и Бухенвальд. Когда он был в Аушвице, охранники вывели большую группу молодых евреев и облили их

горючей смесью. «Я спросил их, знают ли они, что такое ад на земле, а когда охранники подожгли их, сказал, что такая судьба ждет и их братьев в Палестине»^[52]. После войны Вагнер пытался добиться для темплеров разрешения вернуться в Палестину.

Рафи Эйтану, сыну одного из первых переселенцев, прибывших в Палестину из России, было в то время 17 лет. «И вот появились ранее изгнанные немцы, члены нацистской партии, служившие в вермахте и СС, которые захотели вернуться в Палестину в свои дома и к своему имуществу, тогда как все имущество евреев в Европе было уничтожено»^[53], – рассказывал он.

Эйтан вошел в группу, состоящую из 17 членов «специального подразделения» «Хаганы»^[54], которая по прямому приказу ее высшего командования была послана уничтожить Вагнера. Начальник штаба «Хаганы», Ицхак Садек, понимал, что это будет не простая войсковая операция^[55], и вызвал к себе двоих солдат, которым предстояло нажать на курок. Чтобы воодушевить боевиков, он рассказал, что во время погрома в России он застрелил погромщика^[56].

22 марта 1946 года, после кропотливого сбора разведывательной информации, члены группы залегли в засаде в Тель-Авиве, поджидая Вагнера^[57]. Они вытащили его с дороги на песчаный пустырь по адресу улица Левински, 123 и застрелили. Подпольная радиостанция «Хаганы» «Кол Израэль» («Голос Израиля») на следующий день объявила: «Известный нацист Готтхилф Вагнер, руководитель немецкого землячества в Палестине, был вчера казнен участниками еврейского подполья. Пусть все знают, что ни один нацист не ступит ногой на землю Израилеву».

Вскоре после этого «Хагана» ликвидировала двух темплеров в Галилее и еще двоих – в Хайфе, где тоже существовали темплерские общины.

«Это возымело немедленное действие, – вспоминает Эйтан. – Темплеры спешно покинули Палестину, побросав имущество, и никогда больше здесь не появлялись»^[58]. Квартал Сарона в Тель-Авиве, где они в большинстве своем селились, стал местом, где разместилось командование Армии обороны Израиля и штаб-квартиры разведывательных служб. А Эйтан, семнадцатилетний мститель, в

будущем поможет создать в рамках «Моссада» подразделение «целевых» убийств.

Ликвидация темплеров явилась не просто продолжением актов возмездия, проводившихся в Европе, но и существенным изменением стратегии. Уроки, вынесенные новыми евреями Палестины из холокоста, состояли в следующем: еврейский народ будет всегда находиться под угрозой уничтожения; полагаться на других в защите евреев нельзя; и единственным путем обеспечения еврейскому народу такой защиты является создание независимого государства. Народ, живущий с ощущением постоянной угрозы уничтожения, будет принимать любые, даже крайние меры для того, чтобы обрести безопасность, и при этом в минимальной мере руководствоваться международными законами и нормами, если вообще будет их соблюдать.

Именно с тех пор Бен-Гурион и «Хагана» примут на вооружение тактику «целевых» убийств, партизанской войны и террористических атак в качестве дополнительных инструментов, поставленных даже выше тех пропагандистских и политических методов, которыми они всегда пользовались с целью создания и сохранения государства. То, что всего несколько лет тому назад представляло собой лишь средства, используемые отпетыми экстремистами из «Лехи» и «Иргуна», рассматривалось теперь большинством как жизненно важное оружие.

Сначала боевые группы «Хаганы» начали уничтожать арабов, которые убивали евреев^[59]. Затем командование этой военизированной организации приказало, чтобы ее спецподразделение начало «персональные террористические акции»^[60]. Этим термином обозначались убийства офицеров Департамента уголовных расследований британской мандатной администрации, которые преследовали еврейских подпольщиков и препятствовали переселению евреев на землю Израилеву. Боевикам было приказано «взрывать британские разведывательные объекты, которые мешают евреям в приобретении оружия», и «предпринимать ответные акции в случаях вынесения британскими военными трибуналами смертных приговоров членам “Хаганы”».

Бен-Гурион предвидел, что на территории Палестины вскоре будет создано еврейское государство и что оно сразу будет вынуждено сражаться с палестинскими арабами и отбивать нападения соседних

арабских государств. Командование «Хаганы» начало тайно готовиться к этой масштабной войне. В качестве составной части подготовки был издан приказ под кодовым названием «Зарзир» («Скворец» на иврите), которым разрешалась ликвидация лидеров арабской части населения Палестины.

Пока «Хагана» медленно наращивала количество «целевых» убийств, радикальное подполье во всю мощь развернуло эту кампанию, стараясь выдавить британцев из Палестины.

Ицхак Шамир, который в то время командовал «Лехи»^[61], решил не только уничтожать руководителей местной британской администрации – старших офицеров Департамента уголовных расследований. Он организовывал многочисленные покушения на шефа полиции Иерусалима Майкла Джозефа Макконнелла и руководителя британской дипломатической миссии сэра Гарольда Макмайкла, а также на тех англичан в других странах, которые представляли собой угрозу для политических целей сионистов. Таковым являлся для Шамира Уолтер Эдвард Гиннесс^[62], официально известный как лорд Мойн, британский губернатор Каира, также находившегося под управлением Великобритании. Палестинские евреи считали Гиннесса чудовищным антисемитом, который неумоимо использовал власть для уменьшения политического значения Ишува, резко сокращая иммиграционные квоты в Палестину для евреев, переживших холокост.

Шамир приказал убить Мойна^[63]. Для этого он направил в Каир двух боевиков «Лехи», Элияху Хакима и Элияху Бет-Цури. Исполнители поджидали Мойна у его дома. Когда автомобиль с Мойном выехал из ворот (секретарь губернатора тоже находился с ним в машине), Хаким и Бет-Цури бросились к нему. Один из них просунул пистолет в открытое окно, нацелив его в голову Мойну, и трижды выстрелил. Мойн схватился за горло. «Они меня убили!» – закричал он и упал вперед головой на свое сиденье. Однако исполнена операция была по-любительски. Шамир советовал киллерам организовать отъезд с места преступления на машине, однако те покинули его на велосипедах. Египетская полиция быстро опознала их. Хаким и Бет-Цури были отданы под суд, осуждены и через шесть месяцев повешены.

Это убийство оказало на британских чиновников очень сильное воздействие, но не такое, на которое рассчитывал Шамир. Как убедится Израиль на протяжении последующих лет, очень трудно предсказать, каким образом будет развиваться история после того, как кого-то убьют выстрелами в голову.

После дикого варварства холокоста, который явил собой попытку уничтожения в Европе целого народа, на Западе возросли симпатии к делу сионизма. По некоторым свидетельствам, вплоть до первой недели ноября 1944 года британский премьер Уинстон Черчилль побуждал свой кабинет к поддержке создания еврейского государства в Палестине. Он привлек к своей инициативе нескольких влиятельных лиц, включая лорда Мойна. Не будет натяжкой предположить, что на Ялтинскую конференцию с участием Франклина Рузвельта и Иосифа Сталина Черчилль должен был прибыть с ясной позитивной позицией по будущему еврейского государства, если бы не вмешалась «Лехи». Вместо этого, после каирского покушения, Черчилль присвоил исполнителям убийства ярлык «новой группы гангстеров»^[64] и объявил, что полностью пересматривает свои подходы.

Тем временем убийства продолжались. 22 июля 1946 года члены руководимой Менахемом Бегинем организации «Иргун» разместили 350 кг взрывчатки в южном крыле гостиницы King David Hotel в Иерусалиме, где проживали чиновники британской мандатной администрации и офицеры британских разведывательных служб. Предупредительный звонок из «Иргуна» предупреждение проигнорировали как фальшивку, и здание не было эвакуировано. Мощный взрыв буквально разорвал его. 91 человек был убит и 45 ранены.

Это не было «целевым» убийством ненавистного британского чиновника или партизанской атакой на полицейский участок. Это был явный террористический акт, направленный на объект с многочисленными гражданскими лицами, находившимися внутри. Наибольшее осуждение общественности вызвало среди погибших множества евреев.

Взрыв в гостинице King David породил ожесточенные споры внутри Ишува. Бен-Гурион немедленно осудил «Иргун» и назвал организацию «врагом еврейского народа».

Однако это не остановило экстремистов.

Спустя три месяца после взрыва отеля в Иерусалиме, 31 октября, ячейка «Лехи», действуя самостоятельно, не поставив в известность Бен-Гуриона и не получив его одобрения, взорвала посольство Великобритании в Риме^[65]. Здание посольства серьезно пострадало, однако из-за того, что операция была проведена ночью, ранения получили только охранник и двое случайных прохожих.

Почти сразу же после этого «Лехи» в Лондоне отправила письма со взрывчаткой каждому члену британского кабинета министров^[66]. С одной стороны, эта акция закончилась эффектным провалом – ни одно из писем не взорвалось, с другой – «Лехи» ясно заявила о своих намерениях и целях. Досье MI5, британской службы контрразведки, указывают, что в то время терроризм рассматривался в качестве наиболее серьезной угрозы безопасности Великобритании, даже более серьезной, чем Советский Союз. Как следовало из тогдашнего доклада MI5, «Иргун» организовал свои ячейки в Британии «для того, чтобы бить собаку в ее собственной будке». Английские разведывательные источники предупреждали о грозящей «волне атак» против «избранных VIP-персон»^[67]. Среди них назывались министр иностранных дел Эрнест Бевин и премьер-министр Клемент Эттли. В конце 1947 года в докладе британскому послу было подсчитано число жертв: среди чиновников британской администрации и гражданских лиц было убито 176 человек.

«Только эти акции, эти казни заставили британцев уйти, – вспоминал Давид Шомрон десятилетия спустя после того, как застрелил Тома Уилкина на иерусалимской улице. – Если бы Авраам Штерн не начал эту войну, государство Израиль никогда бы не появилось»^[68].

С этими аргументами можно поспорить. «Сдувающаяся» Британская империя утрачивала контроль над большинством колоний, включая много стран, в которых террор не применялся. Это происходило по экономическим причинам и потому, что народы колониальных стран требовали независимости. Приблизительно в это время обрела независимость Индия. Тем не менее Шомрон и ему подобные были твердо убеждены, что только их смелость и экстремальные методы привели к уходу британцев из Палестины.

Именно те, кто сражался в этой кровавой тайной войне – партизаны, убийцы и террористы, – сыграют центральную роль в создании

вооруженных сил и разведывательного сообщества нового государства Израиль.

2

Рождение тайного мира

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за раздел Палестины, выделив из ее состава суверенную территорию – родину евреев. Решение должно было вступить в силу только через полгода, но атаки на евреев со стороны арабов начались практически на следующий день. Хасан Саламе, командующий палестинскими силами в южной части страны, со своими боевиками устроил засаду около города Петах-Тиква, в которую попали два израильских автобуса^[69]. Восемь пассажиров были убиты, многие ранены. Началась гражданская война между палестинскими арабами и евреями^[70]. Через день после нападения на автобусы Саламе стоял на центральной площади портового города Яффа. «Палестина превратится в кровавую баню», – пообещал он своим соплеменникам. И сдержал обещание: за последующие две недели было убито 48 и ранено 155 евреев.

Саламе, у которого было 500 бойцов^[71] и который даже нападал на Иерусалим, стал в арабском мире героем, уподобляемым в СМИ льву. Египетский журнал Al-Musawar в номере от 12 января 1948 года опубликовал огромную фотографию Саламе во время совещания с солдатами под гигантским плакатом с надписью «ГЕРОЙ ХАСАН САЛАМЕ, КОМАНДУЮЩИЙ ЮЖНЫМ ФРОНТОМ».

Бен-Гурион был готов к таким атакам. По его мнению, палестинские арабы являлись врагами евреев, а англичане, которые должны были продолжить свое правление до вступления в силу решения ООН в мае 1948 года, выступали их пособниками. Евреи могли рассчитывать только на себя и на силы самообороны, находившиеся в зачаточном состоянии. Большая часть «Хаганы» была плохо обучена и вооружена, оружие хранилось на секретных складах и в тайниках, чтобы избежать его конфискации британцами. Силы самообороны состояли из служивших в британской армии и подкрепления из вновь прибывших иммигрантов, которые пережили холокост (некоторые воевали в Красной армии), однако по численности далеко уступали

объединенным войскам арабских государств. Бен-Гурион был в курсе оценок ЦРУ и других разведывательных служб о том, что евреи не выдержат арабских атак. Однако Бен-Гурион, по крайней мере внешне, демонстрировал уверенность в способности «Хаганы» победить.

Для того чтобы уменьшить роль численного преимущества арабских сил, «Хагана» решила прибегнуть к тактике избирательного террора, выбирая «целевые» объекты для достижения в своих операциях максимального эффекта. В качестве составной части этой тактики командование «Хаганы» через месяц после начала гражданской войны приступило к операции «Скворец»^[72], в рамках которой объектами нападения должны были стать 23 лидера палестинских арабов.

Как указывал командующий «Хаганой» Яков Дори, операция преследовала три цели: ликвидация или захват лидеров арабских политических партий; удары по арабским политическим центрам; удары по арабским экономическим и производственным центрам.

Хасан Саламе был одной из приоритетных мишеней. Он активно участвовал в Арабском восстании 1936 года под руководством Хаджи Амина аль-Хусейни, главного муфтия Иерусалима и духовного лидера палестинских арабов. В ходе восстания арабские боевики в течение трех лет нападали на британцев и евреев.

Аль-Хусейни и Саламе бежали из Палестины после того, как британцы объявили их главными разыскиваемыми преступниками. В 1942 году они объединили усилия с СС и абвером, нацистской военной разведкой, в разработке операции «Атлас». Это был грандиозный план, в соответствии с которым немецкие и арабские командос должны были спуститься на парашютах в Палестину и отравить систему водоснабжения Тель-Авива^[73], чтобы убить как можно больше евреев и поднять палестинских арабов на священную войну против британских оккупантов. Операция постыдно провалилась, поскольку британцы расшифровали немецкий код «Энигма» и захватили Саламе и четырех его приспешников после приземления на парашютах в пустынных дюнах около Иерихона 6 октября 1944 года.

После окончания Второй мировой войны британцы выпустили аль-Хусейни и Саламе. В период между 1945 и 1948 годами Политический департамент Еврейского агентства, который организовывал большую часть тайных операций Ишува в Европе, несколько раз пытался установить местонахождение аль-Хусейни и убить его^[74]. Мотивом

отчасти являлась месть за альянс муфтия с Гитлером, но принимались в расчет и соображения самозащиты: хотя аль-Хусейни покинул Палестину, он по-прежнему активно участвовал в организации нападения на израильские поселения на севере Палестины, а также покушений на еврейских лидеров. Из-за нехватки разведывательной информации и обученных оперативников все эти попытки провалились.

Охота на Саламе, в ходе которой впервые в операциях «Хаганы» были объединены человеческие и технические возможности по сбору информации, поначалу была многообещающей^[75]. Принадлежащему к службе разведки «Хаганы» подразделению «Шай» (SHAI), которым командовал Иссер Харель, удалось подключиться к главной телефонной линии, соединявшей Яффу с остальной частью страны. У Хареля был склад с инструментами, специально построенный на территории близлежащей сельскохозяйственной школы, в котором хранились ножницы для подрезки деревьев и газонокосилки. Однако под полом склада, в небольшом приялке, было спрятано подслушивающее устройство, подсоединенное медными проводами к яффской телефонной сети. «Я никогда не забуду выражение лица оперативника “Шай”, хорошо говорившего по-арабски, когда он надел наушники и подслушал первый телефонный разговор, – писал Харель позднее в своих мемуарах. – Он приоткрыл рот от удивления и яростно замахал руками на товарищей, чтобы они не мешали ему слушать... Линии буквально разрывались от разговоров политических лидеров и полевых командиров между собой». Одним из абонентов оказался Саламе. Из его перехваченного разговора специалисты «Шай» установили, что скоро он поедет в Яффу. Агенты «Хаганы» планировали поймать его, устроив засаду – повалить дерево и заблокировать дорогу, по которой Саламе поедет на автомобиле.

Операция провалилась, и это была не последняя неудача «Хаганы». Саламе пережил еще ряд покушений^[76], пока не погиб во время столкновения в июне 1948 года, причем убивший его еврейский боевик даже не знал, кто стал его жертвой. Практически все остальные акции в рамках операции «Скворец» тоже постигла неудача из-за плохой разведки и ошибок в действиях слабо подготовленных и неопытных боевиков.

Удачными оказались только те операции, которые проводились двумя элитными подразделениями «Хаганы», входившими в «Пальмах» – единственное военизированное соединение, имевшее обученных и относительно хорошо вооруженных бойцов. Одно из этих подразделений именовалось «Пальям» («морская рота»), а второе было известно как «Арабский взвод» – секретное спецподразделение, члены которого скрывались под личиной арабов.

«Пальям» должен был захватить порт в Хайфе, главных морских воротах Палестины, сразу же после ухода британцев. В его задачу входило захватить как можно больше оружия и снаряжения из числа того, что англичане начали вывозить, и помешать арабам сделать то же самое.

«Внимание мы сосредоточили на арабских охотниках за оружием в самой Хайфе и к северу от нее. Мы разыскивали их и убивали»^[77], – вспоминал Авраам Дар, который входил в состав «Пальяма».

Дар, для которого английский язык был родным, и два других члена «Паль-яма» выступали под видом английских солдат, которые хотели продать палестинцам украденное оружие за большую сумму денег. Встреча была назначена неподалеку от мельницы на окраине арабской деревни. Трое еврейских бойцов, одетые в британскую военную форму, уже были на месте, когда прибыли палестинцы. Четверо других еврейских добровольцев прятались поблизости, ожидая сигнала к нападению на арабов. Предполагалось убить их обрезками металлических труб. «Мы опасались, что выстрелы могут разбудить соседей, и решили проводить операцию без лишнего шума», – сказал Дар.

«Арабский взвод» был создан^[78], когда в «Хагане» решили, что организация нуждается в ядре, состоявшем из подготовленных бойцов, способных проводить операции в глубине порядков противника, собирать разведывательную информацию, осуществлять акты саботажа и «целевые» убийства. Боевая подготовка личного состава взвода (большинство из них составляли иммигранты из арабских стран) включала в себя освоение специальной тактики, взрывное дело, а также интенсивное изучение ислама и арабских обычаев. Этих бойцов еще именовали «мистаравим» – так называли евреев, уезжавших в арабские страны, где они соблюдали еврейские

религиозные каноны, однако были похожи на арабов в быту – одежде, языке, обычаях.

Результатом взаимодействия двух этих подразделений стало покушение на шейха Нимр аль-Хатиба^[79], главу исламских организаций Палестины, который являлся изначальной целью операции «Скворец» из-за большого влияния, которое имел на простых палестинцев. «Мистаравим» могли свободно передвигаться по арабским поселениям, причем их не останавливали ни британцы, ни арабы. В феврале 1948 года они устроили засаду на аль-Хатиба^[80], когда он возвращался из Дамаска на машине, полной оружия. Аль-Хатиб был тяжело ранен, уехал из Палестины и отошел от активной политической деятельности.

Несколько дней спустя Авраам Дар узнал от своего информатора – портового рабочего, что группа арабов обсуждала в кафе план взорвать начиненный взрывчаткой автомобиль в людной еврейской части Хайфы. Они приобрели машину английской «скорой помощи» и подготавливали ее в гараже на улице Назарет в арабских кварталах. «Мистаравим» сделали свою бомбу и привезли ее на грузовике в арабский район, переодевшись рабочими, ремонтировавшими прорванную трубу водопровода. Эту машину они поставили у стены гаража на улице Назарет. «Что вы здесь делаете? Здесь нельзя ставить машины! Уберите грузовик!» – закричал на них по-арабски человек, вышедший из гаража.

«Сейчас уберем, вот только попьем и заделаем течь», – ответили «мистаравим», добавив несколько смачных ругательств. Они отошли к поджидавшей их машине, и через минуту раздался мощный взрыв, в результате которого сдетонировала взрывчатка в «скорой помощи», убив всех пятерых палестинцев, работавших в ней^[81].

14 мая 1948 года Бен-Гурион объявил о создании нового государства Израиль и стал его первым премьер-министром и министром обороны. Он знал, чего следовало ожидать.

За много лет до этого Бен-Гурион отдал приказ о создании глубоко законспирированной сети информаторов в арабских странах. Теперь, за три дня до объявления о рождении нового государства, Рувен Шилоах, руководитель политического отдела Еврейского агентства, который являлся его разведывательной структурой, информировал Бен-Гуриона о том, «что арабские государства приняли решение об

осуществлении одновременного нападения на нас 15 мая... Они исходят из нехватки у нас тяжелого вооружения и самолетов»^[82]. Шилоах в деталях рассказал о планируемой атаке.

Информация была точная. В полночь того дня, когда было провозглашено рождение государства, его атаковали семь армий^[83]. Они намного превосходили по численности еврейскую армию, были неизмеримо лучше вооружены^[84] и быстро добились значительных успехов, захватывая еврейские поселения и нанося потери израильской стороне. Генеральный секретарь Лиги арабских государств Абдул Рахман Аззам Паша заявил: «Это будет война с многочисленными разрушениями и жертвами, которая останется в памяти, как и страшные боины, устроенные монголами и крестоносцами»^[85].

Но евреи – теперь официально «израильтяне» – быстро перегруппировались и даже сумели перейти в наступление. Через месяц специальный посланник ООН шведский граф Фольке Бернадот выступил посредником в перемирии между сторонами. Обе были измотаны, нуждались в отдыхе и пополнении материальных ресурсов. Когда боевые действия возобновились, стороны поменялись местами: благодаря отлично поставленной разведке и боевому управлению, а также помощи евреев, выживших в холокосте и только что прибывших из Европы, израильтяне сумели потеснить арабские силы и в конце концов отбросить их значительно дальше той линии границы еврейского государства, которая была обозначена ООН по плану раздела Палестины.

Хотя Израиль отбросил превосходящие по мощи войска противника^[86], Бен-Гурион не обольщался по поводу кратковременных побед армии Израиля. Арабы могли проиграть первые битвы, но все они – и те, кто жил в Палестине, и те, кто в окружающих Израиль странах – отказывались признавать законность нового государства. Они поклялись разрушить Израиль и вернуть беженцев в их дома^[87].

Бен-Гурион понимал, что зарождающаяся Армия обороны Израиля не сможет долго оборонять длинную извилистую границу. Из остатков разведывательного потенциала входившей в «Хагану» группы «Шай» нужно было начинать создавать настоящую разведывательную службу, необходимую для суверенного государства.

7 июня Бен-Гурион собрал основных помощников во главе с Шилоахом в своем офисе на том месте, где раньше находилась колония

темплеров в Тель-Авиве. «Разведка – один из тех военных и политических инструментов, который срочно необходим нам в этой войне, – написал в своем докладе Бен-Гуриону Шилоах. – Она должна стать постоянным инструментом, включенным и в мирное время в наш политический аппарат».

Бен-Гуриона не пришлось долго убеждать^[88]. В конечном счете именно благодаря эффективному использованию точных разведданных удалось, ко всеобщему удивлению и вопреки всем трудностям, создать еврейское государство и его систему самообороны.

В тот день Бен-Гурион отдал приказ о формировании трех специальных служб^[89]. Первой стало Управление разведки Генерального штаба Армии обороны Израиля, которое чаще называют по первым буквам его сокращения на иврите – АМАН. Второй стала Шин Бет (сокращение от названия на иврите «Общая служба безопасности»), отвечающая за внутреннюю безопасность Израиля и выступающая в качестве некоего гибрида между американским ФБР и английской МИ5. (Позже эта спецслужба сменила название на Службу безопасности Израиля, но многие израильтяне по-прежнему называют ее «Шабак» или чаще, как в этой книге, Шин Бет.) И третья специальная служба – Политический отдел, который сейчас входит в состав нового Министерства иностранных дел, а не Еврейского агентства («Сохнут») – должна была заниматься разведывательной работой за границей и сбором развединформации. Покинутые немцами-темплерами дома в квартале Са-рона, расположенные рядом с Министерством обороны, были закреплены за всеми этими спецслужбами, что превратило офис премьер-министра Бен-Гуриона в ядро серьезно организованной силы, обеспечивающей безопасность страны^[90].

В те первые месяцы и годы не хватало порядка^[91]. Остатки подразделений «Хаганы» были поглощены разными спецслужбами или шпионскими сетями, затем реорганизованы и вновь поглощены уже другими организациями. Прибавьте к этому мириады интриг, подковерную борьбу и личные амбиции бывших революционеров-подпольщиков, в среде которых царил невероятный хаос. «Это были трудные годы, – рассказывал Иссер Харель, один из основателей израильской разведки. – Нам нужно было создавать страну и защищать ее. Но вопросы структуры спецслужб и разграничения функций между

ними решались бессистемно, без обсуждения со всеми заинтересованными лицами, в атмосфере дилетантизма и заговорщичества».

В нормальных условиях хорошие администраторы установили бы четкие границы и прописали алгоритмы, а агенты, работающие в поле, терпеливо создавали бы агентурную сеть на протяжении нескольких лет. Но Израиль не мог позволить себе такую роскошь. Его разведывательная деятельность должна была строиться «с колес» и в условиях осады, когда молодая страна сражалась за само свое существование.

Первый вызов, с которым столкнулись разведчики Бен-Гуриона^[92], имел внутреннее происхождение: некоторые евреи, в том числе принадлежавшие к остаткам подпольных движений правого толка, яростно отрицали авторитет премьер-министра. Крайним проявлением такого отрицания явился произошедший в июне 1948 года случай с «Алталеной». Корабль под этим названием, отправленный из Европы «Иргуном», должен был привезти в Израиль иммигрантов и оружие. Однако «Иргун» отказался передавать все оружие новому государству, настаивая на передаче части груза своим сохранившимся подразделениям. Бен-Гурион, которого проинформировали о планах агентов «Иргуна», приказал захватить судно силой. Во время последовавшего боестолкновения корабль был потоплен, 16 боевиков «Иргуна» и трое военнослужащих Армии обороны Израиля убиты. Вскоре после этого инцидента службы безопасности арестовали по всей стране двести активистов «Иргуна», практически положив конец существованию этой организации.

Ицхак Шамир и оперативники «Лехи», находившиеся под его командованием, тоже отказались принять более умеренную власть Бен-Гуриона. Во время перемирия, в течение лета, спецпосланник ООН граф Фольке Бернадот разработал промежуточный мирный план, который мог бы остановить боевые действия. Однако этот план был неприемлем для «Лехи» и Шамира, который обвинил Бернадота в сотрудничестве с нацистами в период Второй мировой войны и в подготовке предложения, которое настолько серьезно изменило бы границы Израиля, что страна не смогла бы после этого выжить. План Бернадота включал передачу большей части пустыни Негев и Иерусалима арабам, установление международного контроля над

портом Хайфы и аэропортом Лидда (Лод), а также наложение на еврейское государство обязательства принять обратно 300 000 арабских беженцев.

«Лехи» распространила несколько публичных предупреждений в форме записок, расклеенных на улицах городов: «СОВЕТ АГЕНТУ БЕРНАДОТУ – УБИРАЙСЯ ИЗ НАШЕЙ СТРАНЫ»^[93]. Подпольная радиостанция высказалась еще более откровенно: «Граф закончит так же, как и лорд» (намек на убийство лорда Мойна в Каире). Бернадот проигнорировал предостережение и даже велел наблюдателям ООН не носить оружие, заявив: «Флаг Объединенных Наций защитит нас».

Уверенный, что план спецпосланника будет принят, Шамир дал приказ о ликвидации. 17 сентября, через четыре месяца после провозглашения государства Израиль и на следующий день после представления Бернадотом своего плана Совету Безопасности ООН, он ехал в кортеже из трех автомашин DeSoto из представительства ООН в район Рехавия еврейского Иерусалима, когда путь им преградил джип. Из него выскочили трое молодых людей в заостренных головных уборах^[94]. Двое из них прострелили колеса ооновским машинам, а третий, Йехошуа Коен, открыл дверь автомобиля, в котором находился Бернадот, и открыл огонь из автомата МР40 («шмайссер»). Первая очередь попала в сидевшего рядом с Бернадотом французского полковника Андре Серо, однако вторая, более точная, ударила графа в грудь. Оба были убиты. Атака завершилась буквально за несколько секунд^[95] – «как вспышка молнии и раскат грома, столько, сколько нужно, чтобы выпустить 50 пуль» – так описал нападение израильский офицер связи капитан Моше Хиллман, который находился в одной машине с жертвами. Нападавших не поймали^[96].

Это убийство разгневало и привело в глубокое замешательство израильское руководство. Совет Безопасности осудил его как «трусливый акт, который, судя по всему, осуществлен криминальной группой террористов из Иерусалима»^[97]. В газете The New York Times написали на следующий день: «Никакие арабские армии не смогли бы за столь короткое время так навредить еврейскому государству».

Бен-Гурион увидел в грубой операции «Лехи» серьезный вызов^[98], брошенный его авторитету и способный привести к перевороту или даже к гражданской войне. Он среагировал мгновенно, поставив «Иргун» и «Лехи» вне закона. Бен-Гурион приказал руководителю

службы Шин Бет Иссеру Харелю арестовать членов «Лехи». Во главе списка разыскиваемых лиц находился Ицхак Шамир. Он не был пойман, но были схвачены многие другие. Их посадили под усиленную охрану. «Лехи» прекратила свое существование как организация^[99].

Бен-Гурион был благодарен Харелю за жесткие действия против подпольщиков^[100] и сделал его главным в стране по вопросам безопасности.

Маленького роста, плотного телосложения и очень подвижный, Иссер Харель когда-то находился под впечатлением от большевистского революционного движения в России и использования большевиками тактики саботажа, партизанской войны и убийств, однако ненавидел коммунизм. Под его началом Шин Бет держала под постоянным наблюдением и осуществляла шпионаж за политическими оппонентами Бен-Гуриона^[101], левыми социалистическими и коммунистическими партиями и правой партией «Херут», созданной ветеранами «Иргун» и «Лехи».

Тем временем у Бен-Гуриона и его министра иностранных дел Моше Шаретта возникли разногласия по поводу политики, которую следовало проводить по отношению к арабам. Шаретт был одним из наиболее видных лидеров «раннего» Израиля, убежденных, что дипломатические методы – наиболее подходящий инструмент для обеспечения мира в регионе и безопасности страны. Еще до создания государства Израиль он обращался с тайными предложениями к королю Иордании Абдулле и ливанскому премьеру Риаду ас-Сольху, которые помогали формированию арабской коалиции, напавшей на Израиль, и контролировали деятельность палестинских военизированных организаций, наносивших тяжелые потери Ишуву. Несмотря на жесткую антиеврейскую риторику ас-Сольха и его антиизраильские действия, он в 1948 году неоднократно секретно встречался в Париже с Элияху Сассоном, одним из заместителей Шаретта, для обсуждения мирного соглашения. «Если мы хотим установить с арабами контакты для того, чтобы покончить с войной, – говорил Сассон, когда Шаретт, с энтузиазмом воспринимавший такие встречи, попросил его выступить на заседании кабинета министров, – мы должны поддерживать отношения с теми из них, кто находится у

власти. С теми, кто объявил нам войну... и у кого возникают проблемы с ее продолжением».

Однако эти дипломатические усилия явно не давали эффекта^[102], и 12 декабря 1948 года Бен-Гурион приказал сотрудникам военной разведки убить ас-Сольха.

«Шаретт был категорически против этой идеи, – вспоминал позже Ашер (Артур) Бен-Натан, видная фигура в политическом отделе МИДа, который отвечал за тайные операции за рубежом. – И когда наш отдел попросили помочь военной разведке выполнить этот приказ с помощью наших контактов в Бейруте, Шаретт отменил его, фактически этот приказ дезавуировав»^[103].

Этот инцидент, равно как и другие столкновения Хареля с Шареттом, вызвал гнев у Бен-Гуриона. Он считал дипломатию слабым заменителем сильной армии и эффективной разведки, а Шаретта рассматривал как человека, который является его личным соперником и угрожает власти премьер-министра. В декабре 1949 года Бен-Гурион вывел политический отдел из-под контроля МИДа и переподчинил его непосредственно себе. Позднее он даст этому ведомству новое название – Ведомство разведки и специальных задач. Однако в обиходе его станут называть просто «Ведомство» – «Моссад».

С образованием «Моссада» израильские спецслужбы приобрели трехчастевую структуру, которая в большей или меньшей степени сохранилась и поныне^[104]: АМАН – военная разведка, которая обеспечивает развединформацией Армию обороны Израиля; Шин Бет, отвечающая за внутреннюю безопасность, антитеррор и контрразведку; и «Моссад», который осуществляет тайные операции за рубежом.

Такое развитие событий стало победой тех людей, которые видели будущее израильского государства прежде всего в сильной армии и спецслужбах, а не в дипломатии. Эта победа была закреплена и распределением государственной недвижимости: дома немцев-темплеров, которые занимал политический отдел МИДа, передали «Моссаду». Это стало и личной победой Иссера Хареля^[105]. Будучи главой Шин Бет, он был назначен еще и руководителем «Моссада», что сделало его одним из самых могущественных – и секретных – деятелей на начальном этапе современной истории государства Израиль.

С тех пор израильская внешняя политика и курс страны в области безопасности определялись перетягиванием каната между Тель-Авивом – где располагались командование вооруженными силами, штаб-квартиры спецслужб и Министерство обороны и где Бен-Гурион проводил большую часть времени – и Иерусалимом, в котором находилось Министерство иностранных дел, разместившееся в блочных домиках. И всегда верх одерживал Тель-Авив.

Бен-Гурион старался напрямую контролировать все эти ведомства^[106]. «Моссад» и Шин Бет подчинялись ему как премьер-министру, а военная разведка находилась в его поле зрения, потому что он являлся еще и министром обороны. Это была огромная концентрация секретной и политической власти. С самого начала информация была официально закрыта для общественности. Бен-Гурион запрещал всем даже признавать, не говоря уж о том, чтобы раскрывать факт существования этой обширной сети государственных ведомств. На самом деле упоминание на публике названий Шин Бет или «Моссад» было запрещено до 1960-х годов. Поскольку их существование не признавалось, Бен-Гурион не позволял разрабатывать и юридическую основу для их деятельности. Не принималось никаких законов, которые определяли бы цели и задачи этих организаций, их роль, миссию, властные полномочия, бюджеты или взаимоотношения между собой.

Другими словами, с самого начала своего существования израильская разведка оставалась в царстве теней, которое как-то примыкало и в то же время было абсолютно независимо от демократических институтов страны. Деятельность спецслужб, большинство из которых (во всяком случае, Шин Бет и «Моссад») находились в прямом подчинении у премьер-министра, осуществлялась при отсутствии сколько-нибудь действенного контроля со стороны кнессета или другой внешней независимой структуры.

В этом царстве теней соображения «безопасности государства» использовались для оправдания многочисленных акций и операций, которые при ярком свете могли подвергаться уголовному преследованию и повлечь за собой длительные сроки тюремного заключения: постоянного наблюдения за гражданами в связи с их этническими или политическими связями; допросов, включавших в

себя длительное задержание без судебных санкций; пыток; лжесвидетельств в суде или сокрытия правды от присяжных и судей.

Самыми вопиющими примерами таких деяний были «целевые» убийства. Израильским законодательством смертная казнь не предусмотрена^[107], но Бен-Гурион обходил это обстоятельство, присвоив себе право отдавать приказы о внесудебных казнях.

Оправданием существования царства теней являлся тезис о том, что все, кроме абсолютной секретности, может привести к возникновению ситуаций, угрожающих самому существованию государства Израиль. От британской мандатной администрации Израиль унаследовал систему законов, которая включала в себя меры на случай чрезвычайного положения для поддержания порядка и пресечения массовых выступлений. Среди них было требование, чтобы все печатные и другие СМИ предоставляли любые материалы об армии или спецслужбах на рассмотрение военному цензору. Распоряжение о чрезвычайном положении до сих пор действует в законодательстве Израиля. Однако Бен-Гурион был достаточно хитер для того, чтобы бросить общественности кость, как бросают голодным собакам. Он постановил создать Комитет редакторов, в который вошли главные редакторы печатных СМИ, радио и телевидения. Время от времени сам Бен-Гурион или назначенное им лицо появлялись перед комитетом и делились с его членами жалкими крохами закрытой информации, одновременно поясняя, почему эта информация ни при каких условиях не может быть доведена до общественности. Редакторы были польщены и заинтригованы тем, что получали доступ к царству теней и его тайнам. В благодарность они накладывали на себя обязательства по самоцензуре, которые иногда превосходили даже те ограничения, которыми связывали их настоящие цензоры.

В июле 1952 года в Каирском государственном музее открылась выставка картин франко-германского художника Шарля Дюваля. Дюваль, высокий молодой человек с постоянно свисающей с губ сигаретой, переехал в Египет из Парижа два года тому назад, объявив, что «влюбился в землю Нила». Каирская пресса опубликовала несколько лестных статей о творчестве Дюваля, на которое, как считали критики, сильное влияние оказал Пикассо, и скоро молодой художник стал завсегдатаем высшего света. Министр культуры Египта посетил открытие выставки Дюваля и даже купил две его картины,

которые потом отдал для демонстрации музею, где они провисели следующие 23 года.

Спустя пять месяцев, когда выставка Дюваля закрылась, художник объявил, что заболела его мать и он должен мчаться в Париж, чтобы позаботиться о ней. По возвращении во Францию он послал несколько писем в Египет своим старым друзьям, и в дальнейшем никто о нем ничего не слышал.

Настоящее имя Дюваля – Шломо Коэн-Абарбанель^[108], он был израильским шпионом и младшим из четырех сыновей видного раввина в Гамбурге. Зимой 1933 года, когда нацисты взяли власть и начали проводить в стране расовые чистки, семья бежала сначала во Францию, а потом в Палестину. В 1947 году, в возрасте 27 лет, Коэн-Абарбанель, художественные способности которого проявились еще в раннем детстве, вернулся в Париж, чтобы учиться живописи. Спустя короткое время разведывательное подразделение «Хаганы» узнало о его талантах и привлекло к изготовлению фальшивых паспортов и других документов, использовавшихся европейскими и североафриканскими евреями, нелегально въезжавшими в Палестину в нарушение британских иммиграционных законов. Играя роль божемного художника, Абарбанель руководил агентурной сетью в Египте и вербовал новых агентов по всему арабскому миру. Он собирал информацию о нацистских военных преступниках, которые нашли убежище на Ближнем Востоке, и докладывал своим руководителям о первых попытках немецких ученых-ракетчиков продать свои услуги армиям арабских государств. Когда он вернулся в Израиль в 1952 году, то стал убеждать своих начальников в «Моссаде» вкладывать больше сил и средств в поиск и ликвидацию нацистов.

Вскоре после вступления в должность руководителя «Моссада» Иссер Харель попросил Коэна-Абарбанеля разработать официальную эмблему ведомства. Художник заперся в своей комнате и вышел оттуда со сделанным от руки наброском. В центре эмблемы располагалась менора – священный светильник-семисвечник, стоявший в Иерусалимском храме, когда римляне разрушили его в 70 году н. э. Надпись на эмблеме тоже была легендарная – стих 6 главы 24 из Книги Притчей, которая, по еврейским преданиям, была написана самим царем Соломоном: «И хитростью ты выиграешь войну». Позже это изречение было заменено другим (глава 11, стих 14): «При недостатке

попечения народ падает, а при многих советниках благоденствует». Смысл, заложенный в эмблему Коэном-Абарбанелем, был предельно ясен: используя тайные методы, «Моссад» станет главным щитом, защищающим новую еврейскую нацию и гарантирующим, что никогда больше не будут евреи подвергаться бесчестию и никогда больше не падет Иудея.

Написанный Харелем устав «Моссада» был одновременно широким по содержанию и амбициозным. Согласно официальному приказу о создании организации, ее основной целью был «тайный сбор информации (стратегической, политической и оперативной) за пределами страны; осуществление специальных операций за рубежом; противодействие разработкам и приобретению враждебными государствами неконвенционных видов вооружений; предотвращение террористических атак на израильские и еврейские цели за рубежами Израиля; развитие и поддержание разведывательных и политических контактов со странами, не имеющими с Израилем дипломатических отношений; вывоз в Израиль тех евреев, которым другими странами отказано в праве на выезд, и создание схем защиты тех из них, которые еще остаются в этих странах». Иными словами, «Моссад» был облечен полномочиями не только защитника Израиля и его граждан, но и защитника всего мирового еврейства.

Молодые разведывательные службы Израиля должны были обеспечить адекватный ответ на многочисленные вызовы, которые бросали стране 21 враждебное арабское государство, окружавшие ее и грозившие ей уничтожением. Многие в руководстве оборонного ведомства были уверены в том, что лучшим ответом на эти вызовы могли стать целевые специальные операции глубоко в тылу врага.

В этих целях АМАН создал подразделение «Разведывательная служба 13» (13 у евреев считается счастливым числом)^[109]. Авраам Дар, один из ее ведущих офицеров, в 1951 году отправился в Египет для того, чтобы создать там агентурную сеть, завербованную из местных сионистских активистов. Под разными предлогами агенты этой сети ездили в Европу, а потом в Израиль, где проходили подготовку к шпионской работе и саботажу. Характеризуя цель этой сети, Дар разъяснял, что «главной проблемой, которая так антагонистически настроила Египет по отношению к Израилю, была манера управления короля Фарука своим правительством. Если бы нам

удалось покончить с этим препятствием, были бы решены многие проблемы. Другими словами (и тут Дар вспомнил испанскую пословицу), – нет собаки, нет и бешенства»^[110].

Оказалось, что избавляться от «собаки» даже не пришлось – Фарук вскоре был сброшен с трона в ходе переворота. Предположение АМАН о том, что с его устранением дела пойдут лучше, оказалось совершенно необоснованным. Однако мысль о том, что уже созданную в Египте агентурную сеть можно использовать для изменения хода истории в регионе, была для израильских лидеров слишком соблазнительной, чтобы от нее отказываться. АМАН решил использовать своих агентов против «Движения свободных офицеров», которое только что свергло Фарука, «в целях подрыва доверия Запада к (египетскому) режиму путем разрушения стабильности в обществе и провоцирования демонстраций, арестов и репрессивных акций; причем роль в этом Израиля должна была оставаться нераскрытой»^[111]. Однако вся эта операция закончилась катастрофой.

Несмотря на прохождение интенсивной подготовки, агенты АМАН оказались слабыми исполнителями любительского уровня^[112]. Некоторые после коротких заседаний трибуналов были казнены, а один умер, не выдержав жестоких пыток. «Счастливики» были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и каторги.

Вспыхнувшие впоследствии в Египте беспорядки породили сотрясавшие Израиль в течение многих лет политические споры относительно того, получила ли АМАН согласие политического руководства страны на эти мертворожденные операции.

Главным уроком, вынесенным Израилем из этой истории, стало понимание того, что никогда не следует вербовать местных евреев во вражеских «целевых» государствах. Их поимка властями почти всегда заканчивалась смертью и отзывалась смятением во всей еврейской общине. Несмотря на соблазн использовать людей, которые уже находятся в нужном месте и не испытывают потребности в «легендах» и других элементах прикрытия, Израиль почти никогда больше не прибегал к таким методам.

Тем не менее лежавшая в основе этой тактики убежденность в том, что Израиль должен действовать решительно и стремиться изменить ход истории посредством специальных операций в тылу врага, стала краеугольным камнем доктрины Израиля в области безопасности.

Философия, что специальные операции в тылу врага должны быть как минимум одним из главных принципов обороны страны, – останется доминирующей в израильском политическом и разведывательном сообществе практически до сегодняшнего дня.

И хотя многие развитые страны мира проводили грань между той разведкой, которая собирает информацию, и теми оперативными подразделениями, которые используют эту информацию при проведении тайных операций, в Израиле с самого начала силы специального назначения являлись составной частью разведывательных ведомств. Например, в США специальные подразделения Delta Force или SEAL Team Six входят в состав Объединенного командования специальных операций, а не Центрального разведывательного управления или военной разведки. В Израиле же подразделения специальных операций находились в прямом подчинении разведслужб «Моссад» и АМАН.

Цель состояла в том, чтобы переводить собранную информацию в оперативные мероприятия. Хотя другие страны тоже собирали развединформацию и в мирное время, они делали это только для того, чтобы быть готовыми к войне в случае ее возникновения или проводить отдельные специальные операции. Израиль же, напротив, постоянно использовал разведданные для разработки и проведения специальных атак в тылу врага, надеясь полностью избежать полномасштабной войны.

Разработка эмблемы, устава и военной концепции было одно, а их претворение в жизнь, как скоро узнает Харель, – совершенно другое, особенно когда речь шла об агрессивных акциях.

Первая масштабная операция «Моссада» закончилась плохо. В ноябре 1954 года капитан израильских военно-морских сил Александр Исраэли – донжуан и волокита, погрязший в долгах, – умудрился выскользнуть из страны по фальшивому паспорту и попытался продать совершенно секретные документы египетскому посольству в Риме. Агент «Моссада», работавший в этом посольстве, послал сигнал в Тель-Авив своему руководству, которое немедленно начало разработку плана по похищению Исраэли и принудительной доставке его в Израиль для предания суду как изменника.

Для Хареля это была важнейшая проверка как с точки зрения обеспечения безопасности страны, так и для его личной карьеры. В те

годы, на которые пришлось становление различных израильских спецслужб, их руководители боролись за власть и престиж, и единственный крупный провал мог для любого из них оказаться фатальным. Харель собрал команду лучших профессионалов Шин Бет и «Моссада», которая должна была схватить Исраэли в Европе. Во главе группы он поставил своего двоюродного брата Рафи Эйтана, который еще подростком убил двух немецких темплеров.

Эйтан рассказывает, что «были люди, которые предлагали как можно скорее найти Исраэли и убить его. Однако Харель немедленно остудил их пыл: “Мы никогда не убиваем евреев”»^[113]. Он приказал провести операцию по похищению Исраэли. Сам Харель впоследствии говорил: «Мне и в голову не приходило отдать приказ убить одного из нас^[114]. Я хотел, чтобы он был доставлен в Израиль и отдан под трибунал за измену».

Это важный момент. В иудаизме есть традиции взаимных обязательств евреев и глубоких связей между ними, как будто они являются одной большой семьей. Евреи считают, что эти ценности помогли им выжить как народу в течение 2000 лет вынужденного исхода со своей земли. Для еврея нестерпима сама мысль о том, чтобы причинить вред другому еврею. В прошлом, во времена палестинского подполья, когда было практически невозможно проводить суды, уничтожение евреев-предателей считалось до известной степени законным, но это уже не распространялось на период после создания государства. «Мы не убиваем евреев» – даже если они считаются серьезной угрозой национальной безопасности – стало железным законом израильского разведывательного сообщества.

Поначалу реализация плана шла отлично^[115]. Эйтан и еще трое оперативников захватили Исраэли после того, как на перекрестке его остановила женщина – агент «Моссада». Пленник был доставлен в надежный дом, где врач из «Моссада» сделал ему инъекцию транквилизатора. Исраэли поместили в один из контейнеров, в которых обычно перевозили оружие, а затем погрузили на борт военно-транспортного самолета, направлявшегося в Израиль долгим круглым путем со многими остановками. Во время этих остановок капитану делали очередные инъекции, пока, сразу по приземлении в Афинах, у него не случился обширный сердечный приступ, от

которого он умер. Выполняя приказ Хареля, один из подчиненных Эйтана сбросил тело Исроэли в море через заднюю аппарель самолета.

Люди Хареля довели до СМИ ложную информацию о том, что Исроэли, оставив дома беременную жену, украл деньги и скрылся где-то в Южной Америке^[116]. Харель, расстроенный тем, что операция, которой он командовал, закончилась смертью еврея, приказал, чтобы все материалы по ней сохранялись в глубокой тайне в одном из сейфов «Моссада». Однако его соперники смогли скопировать некоторые документы для того, чтобы при необходимости использовать их.

Харель также пришел к выводу, что необходимо срочно сформировать специальный отряд для выполнения заданий по саботажу и «целевым» убийствам. Он начал подбирать «подготовленных бойцов, жестких и верных, которые не испытывали бы колебаний при нажатии курка в случае необходимости». Он нашел таких людей в самом последнем месте, где ожидал: среди ветеранов «Иргуна» и «Лехи», против которых когда-то так решительно боролся.

Бен-Гурион запретил брать на службу в государственные учреждения бывших членов правых подпольных организаций. Многие из них не имели работы, были обижены и жаждали дела. В Шин Бет полагали, что некоторые из них представляли угрозу и были склонны к тому, чтобы создать подпольное движение против режима.

Харель хотел убить двух зайцев: организовать подразделение специальных операций и занять бывших боевиков-подпольщиков делом под своим руководством и за рубежами государства.

Давид Шомрон, Ицхак Шамир и их товарищи по «Иргун» и «Лехи», которых сочли достаточно сильными и мужественными, были приглашены в дом Хареля на севере Тель-Авива и приведены к присяге^[117]. Так состоялось создание отряда «Мифратц» (на иврите «Залив») – первого специального подразделения «Моссада».

3

Бюро по организации встреч с Господом Богом

Война Израиля за независимость официально закончилась соглашениями 1949 года о прекращении огня. Неофициально боевые действия не прекращались никогда. В начале 1950-х годов арабы постоянно проникали в Израиль из тех частей Палестины, которые оставались в их руках: сектора Газа на юге, который управлялся Египтом, и Западного берега реки Иордан на востоке, который аннексировала Иордания. По оценкам Армии обороны Израиля, только в 1952 году было зафиксировано 16 000 таких проникновений (11 000 с территории Иордании, остальные – с территории Египта). Некоторые из этих арабов были беженцами, которые покинули свои жилища в период Войны за независимость и теперь старались вернуться в свои деревни и спасти хотя бы остатки имущества^[118]. Среди этого потока было немало и арабских боевиков, прибывавших убивать евреев и разворачивать террор. Они называли себя фидаинами – «жертвующими собой».

Хотя египтяне и подписали соглашение о прекращении огня, они быстро сообразили, что фидainya могут выступать в качестве подставных военизированных формирований, фактически воюя за Египет. Получив адекватную военную подготовку и находясь под строгим контролем, палестинские боевики могли нанести Израилю существенный урон, предоставляя в то же время Египту возможность формально отрицать свою причастность к ним.

Молодому капитану египетской военной разведки Мустафе Хафезу была поручена организации отрядов фидайнов^[119]. Начиная с середины 1953 года Хафез (вместе с военным атташе Египта в столице Иордании Аммане Са-лахом Мустафой) начал вербовать и готовить группы боевиков, которым предстояло проникать на юг Израиля. В течение нескольких лет эти боевые группы, общая численность которых составляла около шестисот человек, проникали через границу Израиля из сектора Газа и разрушали на израильской земле все, что

могли. Они взрывали водопроводы, поджигали поля, подрывали железнодорожные пути, минировали дороги; они убивали фермеров в полях и студентов религиозных школ Ешив во время занятий. Всего за период с 1951 по 1955 год ими было убито около тысячи человек^[120]. Они посеяли такой страх и панику у израильтян, что те избегали поездок по дорогам юга страны ночью.

Деятельность этих парамилитаристских отрядов признавалась арабами весьма успешной. Израиль не мог прямо возложить ответственность за нее на Египет или Иорданию. Он отвечал тем, что вербовал собственных боевиков, превращая арабов в своих информаторов, собирая сведения о потенциальных целях среди фидаинов и затем убивая их. Эти задачи были в основном поручены одной из команд в военной разведке, которая была известна под названием «подразделение 504».

Некоторые бойцы этого подразделения выросли в арабских районах Палестины и были хорошо знакомы с языком и обычаями местных жителей. Подразделением 504 командовал Рехавия Варди. Уроженец Польши, он еще до создания еврейского государства служил старшим офицером разведки в «Хагане» и был известен острым умом и афористичными изречениями. «Каждый араб, – говорил Варди, – может быть завербован при помощи лести, денег или женщины»^[121]. Используя эти три наживки и наряду с другими методами, Варди и его люди сумели завербовать от 400 до 500 агентов, которые в период с 1948 по 1953 год передавали им бесценную информацию. Они снабдили подразделение 504 сведениями о целом ряде командиров в отрядах фидаинов. Некоторые из них были установлены и ликвидированы. В десяти или пятнадцати случаях израильтянам удавалось убедить арабов из числа своих агентов использовать мины против этих лиц^[122].

При этом офицеры подразделения 504 обращались в подразделение 188. Они нуждались в услугах Натана Ротберга.

«Все держалось в строжайшей тайне, – говорил Ротберг. – Нам не разрешалось называть номера подразделений; нам не разрешалось сообщать кому-либо, куда мы отправляемся, или где мы служим, или – это уж само собой разумеется – что мы делаем»^[123].

Ротберг, добродушный кибуцник с крепкой шеей и густыми усами, входил в группу из нескольких сотен человек, принимавших участие в

создании триумvirата разведывательных служб Израиля – Шин Бет, АМАН и «Моссада». В 1951 году, когда Ротберга назначили в морской спецназ «Шаетет 13» (флотилия 13), израильская разведка организовала на севере Тель-Авива секретный объект, в котором преподавалось «специальное подрывное дело» и производились сложные взрывные устройства. Ротберг, служивший во флотилии 13 экспертом-подрывником, был назначен руководителем этого объекта.

В большом баке Ротберг смешивал тринитротолуол (ТНТ), тетранитрат пентаэритрита и другие химические соединения, создавая смертоносные взрывчатые вещества. И хотя его смеси предназначались для того, чтобы убивать людей, Ротберг утверждал, что работал без ненависти в сердце. «Человек должен уметь прощать, – говорил он. – Вы должны уметь прощать вашего врага. Однако мы не можем прощать таких людей, как Бен Ладен^[124]. Это может сделать только Бог. Наша работа состоит в том, чтобы организовать встречу между ними. В своей лаборатории я открыл своеобразный “клуб знакомств”, который и устраивал такие встречи. Лично я организовал их более тридцати».

Когда Рехавия Варди и его люди устанавливали «цель», они обращались к Ротбергу за бомбой. «Сначала мы работали с плетеными корзинами с двойным дном, – рассказывал Ротберг. – Я выкладывал дно корзины плотной, не пропускающей жидкость бумагой и наливал туда смесь из бака. Затем мы закрывали дно крышкой, а сверху клали фрукты или овощи. В качестве взрывного механизма использовали карандаши, в которые вставляли ампулы с кислотой. Кислота разъедала карандаш, попадала на детонатор, и происходил взрыв. Проблема с кислотой состоит в том, что время, необходимое ей для того, чтобы разрушить какую-то оболочку и добраться до детонатора, сильно зависит от погодных условий. Поэтому время подрыва разное в разных местах. Бомба в секторе Газа взорвется не в одно время с бомбой на Западном берегу, где в целом прохладнее. Потом мы перешли на часовые механизмы, которые конечно же гораздо точнее».

Однако бомб Ротберга было явно недостаточно для того, чтобы решить проблему фидаинов. Согласно нескольким источникам, взрывные устройства убили только семь «целей» в период с середины 1951-го до середины 1953 года, одновременно приведя к смерти шести гражданских лиц.

Нападения фидаинов продолжались с неослабевающей силой, терроризируя израильтян и унижая Армию обороны Израиля. Несмотря на то что Варди и его люди проявили большие таланты в вербовке агентов, они с трудом смогли собрать только весьма скудную информацию об организаторах фидаинских отрядов. И даже когда подразделение 504 устанавливало такую «цель», Армия обороны Израиля оказывалась неспособной найти и уничтожить ее. «У нас были свои пределы возможного, – говорит Игал Симон, ветеран подразделения 504 и позднее его руководитель. – Часто нам не хватало информации, мы не могли посылать своих сотрудников повсюду, а в Армии обороны Израиля нас не очень ценили. Ее командованию было важно показать, что она – руками евреев – может осуществлять такие акции»^[125].

Регулярные соединения Армии обороны несколько раз пытались проникнуть в сектор Газа, на Синай и в Иорданию, чтобы провести акции возмездия, но из раза в раз терпели неудачу. На секретном заседании 11 июня 1953 года израильский кабинет министров одобрил рекомендацию премьера, «уполномочить министра обороны – то есть самого Бен-Гуриона – утверждать репрессивные акции против нападений и убийств, совершенных теми, кто проник из-за израильско-иорданской линии разграничения по соглашению о перемирии»^[126].

Бен-Гурион вскоре использовал данные ему полномочия. 25 мая того же года в поселении Евен-Сапир под Иерусалимом были убиты двое охранников. Бен-Гурион распорядился, чтобы в этой связи была создана специальная рабочая группа для решения вопроса о ликвидации крупного палестинского террориста Мустафы Самвели, который стоял за убийством охранников.

Теперь Бен-Гуриону был нужен подходящий человек, чтобы ее возглавить.

Ариэль Шейнерман, более известный как Ариэль Шарон, летом 1953 года был 25-летним студентом, уже имевшим, однако, солидный боевой опыт. Он показал себя лидером молодежного движения, а в период Войны за независимость проявил большое мужество и был тяжело ранен. Арик, как его называли близкие, был харизматичным и властным человеком, бойцом в отличной физической форме, и ни секунды не колебался, когда Генеральный штаб Армии обороны привлек его к ликвидации Самвели. «Мой отец незамедлительно

сказал “да”, – писал сын Шарона Гилад в биографии Ариэля. – Он был уверен, что с группой из 7–8 человек, его друзей, с которыми он участвовал в войне и послевоенном строительстве, и при соответствующем техническом обеспечении он справится с задачей»^[127].

В ночь с 12 на 13 июля Шарону и его отряду из числа резервистов удалось проникнуть в деревню на Западном берегу, где жил Самвели, и взорвать его дом. Однако разведывательная информация, которой их снабдили, была неточная, и Самвели в тот момент в доме не оказалось. Группа попала в перестрелку и еле спаслась.

Командование Армии обороны расценило операцию как успех – было продемонстрировано умение глубоко проникать на вражескую территорию, способность наносить удар по цели и возвращаться назад без потерь. Напротив, Шарон вернулся обессиленным и совершенно неудовлетворенным. Он сделал вывод, что такие операции должны осуществляться командами профессионалов, совершенно отличными от наспех собранной группы друзей, которых он взял с собой той ночью. Шарон заявил своим руководителям, что назрела необходимость в формировании элитного подразделения спецназа. 10 августа того же года было создано подразделение 101^[128].

«Это подразделение создавалось для операций за границей, тех нестандартных миссий, которые требуют специальной подготовки и высокого уровня исполнения», как было сформулировано в документе «Порядок проведения операций подразделением 101», написанном самим Шароном^[129].

Ему был дан карт-бланш в подборе личного состава, от резервистов, призывавшихся в армию, до действующих солдат. Шарон намеревался пропустить их через фильтр годовой сложной подготовки. Его бойцы учились подрывному делу, ориентированию на местности на больших расстояниях и точности стрельбы на бегу в гористых районах. Тренировки развивали в них необходимые навыки и одновременно вселяли в души чувство гордости и уверенности.

Молодой командир обеспечил их оружием и экипировкой, которые сильно отличались от тех, что имели солдаты в регулярной армии, использовавшие старые чехословацкие винтовки с затвором. Подчиненные Шарона были вооружены автоматами «Карл Густав», и

они же первыми опробовали на деле новый и тогда еще секретный автомат израильского производства «Узи»^[130].

Шарон также упростил правила ношения формы и повседневного поведения. На своей секретной базе на холмах, окружавших Иерусалим, бойцы отряда 101 зачастую использовали сугубо гражданскую одежду. Для Шарона внешние ограничения военной дисциплины были излишними; гораздо важнее было то, что его люди верили, что они особенные, лучше других, самые лучшие. И еще они верили своему командиру. Оперативные указания, которые давал им Шарон, были краткими и однозначными. Он сам участвовал в операциях в первых рядах своего подразделения, зачастую на опасных позициях, воплощая лозунг командиров Армии обороны Израиля «Делай, как я!».

Шарон испытывал безграничную и неудержимую страсть к участию в операциях. Он уяснил для себя, что если будет ожидать точные разведданные от АМАН для осуществления «целевых» ликвидаций, то может никогда ничего не добиться.

Шарон и начальник Генерального штаба АОИ Моше Даян часто меняли тактику в зависимости от складывающихся обстоятельств. Они могли отказаться от точности в осуществлении планов ради чего-то более приоритетного в данный момент. Например, вместо убийств важных палестинских террористов они могли переключиться на операции возмездия за убийства израильтян, атакуя и терроризируя деревни, из которых приходили отряды палестинских боевиков, чтобы нападать на евреев, военные лагеря и полицейские участки.

«Мы не можем предотвратить убийства рабочих в садах или семей в кроватях, – говорил Даян в своей лекции в 1955 году, – но мы способны назначить высокую цену за нашу кровь».

Шарон, жаждавший дела, составил планы серии карательных рейдов против арабских военных и гражданских целей^[131]. Потом приложил усилия к тому, чтобы заставить своих начальников утвердить их. До сих пор остается открытым вопрос, сколько из этих рейдов были операциями возмездия, а сколько – провокациями. Шарон очень любил цитировать одно из знаменитых изречений Даяна: «Мы не иницилируем военные действия в мирное время». Узи Эйлам, служивший у Шарона офицером разведки, считает, что это не было железным правилом. «Было много случаев, когда мы, с подачи Шарона, провоцировали

врага через границу и инициировали военные действия. Если проанализировать вопрос о том, “кто начал первым” за всю историю акций возмездия, осуществленных АОИ, мы не будем выглядеть чистенькими».

В реальности тактика карательных операций Шарона явно имела оборотную сторону. В конце 1953 года фидайны убили молодую женщину и двоих ее детей в Ехуде, к юго-востоку от Тель-Авива. Это жестокое убийство потрясло израильское общество. Правительство пообещало отомстить^[132]. Имелось предположение, что арабские боевики использовали деревни на Западном берегу рядом с границей как базы для нападений на Израиль. Шарон избрал одну из этих деревень – Кибья, которая могла сыграть, а могла и не сыграть какую-то роль в убийстве в Ехуде.

15 октября перед рассветом Шарон повел в Кибью отряд численностью 130 человек из подразделения 101 и других команд. Отряд нес с собой около 650 кг взрывчатых веществ. В течение нескольких часов деревня была разрушена. «В той операции, – свидетельствовал позднее один из помощников Шарона, – мы взорвали сорок три дома. Солдаты Армии обороны имели при себе маленькие фонарики, оставшиеся еще от британской армии. Они еле светили.

Мы ходили по деревне с мегафонами, размахивали фонариками и кричали: “Если в этом доме кто-то есть, то выходите, потому что сейчас мы взорвем его”. Некоторые вставали с постелей и выходили. Тогда мы закрепляли взрывчатку и подрывали дома. Когда мы вернулись на базу, то доложили об одиннадцати убитых арабах. И не то чтобы мы лгали – мы просто не знали точно»^[133].

Число жертв тогда было в шесть раз больше^[134]. Было убито 69 человек, в большинстве своем женщины и дети. Мир, включая Израиль и еврейские общины за рубежом, содрогнулся. Совет Безопасности ООН осудил рейд, как и Госдепартамент США, который объявил, что временно приостанавливает помощь Израилю за нарушение соглашений о прекращении боевых действий от 1949 года.

Официальное объяснение Израиля по поводу этой бойни состояло в том, что за него несут ответственность жестко настроенные еврейские гражданские лица. Бен-Гурион публично заявил вечером в день рейда: «Все подразделения Армии обороны Израиля находились на своих

базах». Абба Эбан, израильский постоянный представитель при ООН, повторил ложь Бен-Гуриона на заседании Совета Безопасности.

Неофициально Бен-Гурион полностью поддержал Шарона, поскольку отряд 101 – несмотря на возмущение всего мира – поднял боевой дух израильской армии, которая была истощена нескончаемыми оборонительными операциями. Отряд продемонстрировал преданность стране, мужество, физическую подготовку и психологическую устойчивость – те идеальные качества, к обладанию которыми стремились все подразделения АОИ. Как сказал позднее Шарон: «Отряд 101 за короткое время сумел доказать, что нет такой задачи, которую он не смог бы выполнить»^[135], что его миссии помогали обезопасить границы страны. Это утверждение можно оспорить – имеются серьезные вопросы к тому, насколько повлияли рейды спецназа на уменьшение числа атак арабских лазутчиков, а некоторые из операций даже не достигли непосредственно поставленных целей – однако израильские солдаты верили, что это правда.

Этого было вполне достаточно. В начале 1954 года, через пять месяцев после создания, отряд 101 влился в парашютную бригаду, в которой Шарон стал командиром одного из батальонов^[136]. Даян верил, что отряд 101 стал образцом в боевой подготовке и дисциплине, преданности стране и овладении военными навыками, всё это Шарон сможет экстраполировать на парашютистов, а затем и на всю армию.

Деятельность Шарона в парашютной бригаде оказалась подчиненной многим ограничениям, поскольку теперь он не являлся командиром самостоятельного подразделения. В высшем военном командовании тоже произошли изменения. «Ястреб» Бен-Гурион ушел в отставку и был смнен на посту премьер-министра «голубем» Моше Шареттом, который в целом воздерживался от одобрения акций возмездия.

Однако то, чего не одобрял Шаретт, люди Шарона стали осуществлять самостоятельно. Сестра одного из известных бойцов отряда 101, Меира Хар-Сиона, была жестоко убита бедуинами во время нелегального перехода через иорданскую границу. Хар-Сион и два его товарища, при моральной и организационной поддержке Шарона, отправились на место трагедии и в отместку убили четырех бедуинских пастухов. Шаретт требовал, чтобы их отдали под

трибунал, однако Даян и Шарон с одобрения Бен-Гуриона помешали этому.

Шаретт писал в своем дневнике 11 января 1955 года: «Я задаюсь вопросами относительно природы и судьбы этой нации, способной на такую тонкую духовную чувствительность, такую глубокую любовь к человечеству, такое стремление к прекрасному и возвышенному, но которая в то же время порождает в рядах своей молодежи юношей, способных хладнокровно и в полном сознании убивать людей, направляя кинжалы в плоть молодых беззащитных бедуинов. Какая из двух этих духовных традиций, пропитывающих страницы Библии, одержит в этом народе верх?»^[137]

Мустафа Хафез был еще жив. Капитан египетской разведки и его коллега в Иордании, Салах Мустафа, продолжали управлять отрядами палестинцев, проникавших на землю Израиля и наносивших стране все новые удары.

17 марта 1954 года банда из 12 арабских террористов устроила засаду на гражданский автобус, следовавший из Эйлата в Тель-Авив по Дороге Скорпионов – извилистому пути в центре пустыни Негев. Стреляя в упор, боевики убили 11 пассажиров. Девятилетний мальчик, Хаим Фюрстенберг, который спрятался под сиденьем, после ухода бандитов вылез в салон и спросил: «Они ушли?» Террористы услышали его голос, вернулись в автобус и выстрелили мальчику в голову. Он выжил, но был парализован до самой смерти, наступившей через 32 года. Арабы изуродовали тела своих жертв и оплевали их. Позднее выяснилось, что это были палестинцы и бедуины, которые пришли из Иордании и пользовались поддержкой Салаха Мустафы.

На Шаретта оказывалось сильное давление, чтобы отомстить за эту акцию, но он не соглашался одобрить операцию возмездия. «Такая месть только затмит ужасный эффект от этого преступления и поставит нас на одну доску с убийцами», – записал он в своем дневнике.

Тем не менее подразделение 504 военной разведки АМАН получило от своих агентов информацию о трех нападавших из группы убийц-бедуинов.

Бойцы подразделения отправились в Иорданию до зубов вооруженными, прихватив с собой два взрывных устройства, изготовленных Натаном Ротбергом. Они нашли деревню на юге

Иордании, где жил один из террористов, и, приняв решение не взрывать его дом, дождались, пока он остался один, а затем застрелили его. «Наши агенты нашли удостоверение личности водителя автобуса среди вещей, которые он украл, и принесли его нам», – рассказывал Игал Симон, пожилой ветеран подразделения 504.

Эта точечная операция отряда была оценена как успешная, однако мало что меняла во всей картине. «Целевые» ликвидации с их ограниченной успешностью не смогли остановить или хотя бы существенно уменьшить число трансграничных атак арабских террористов. Акции возмездия, вызывавшие гнев во всем мире, не остановили кровавую бойню со стороны арабов.

В середине 1950-х годов Хафез был победителем^[138]. Подготавливаемые им террористы совершали все более жестокие атаки на израильскую территорию: собирали разведывательную информацию, осуществляли акты саботажа на объектах инфраструктуры, грабили и убивали израильтян. Израиль, который не обладал соответствующими ресурсами: точной разведкой, опытом, ноу-хау и крупными, хорошо подготовленными и снаряженными силами, – мог отвечать только все более хаотичными акциями возмездия и мощными бомбардировками сектора Газа.

Имя Хафеза все чаще появлялось в сообщениях, которые отряд 504 получал на юге. Тем не менее это была неясная фигура, прятая в тени^[139]. «У нас даже его фотографии не было, – говорил Яков Нимроди, командовавший южной базой отряда. – Но мы знали, что это молодой человек примерно тридцати лет, с привлекательной внешностью и очень харизматичный. И наши пленники, и наши агенты говорили о нем с восхищением и благоговением».

Хафез и Нимроди, который сам был молодым и харизматичным офицером, стояли по разные стороны арабо-израильского конфликта. «Хафез считался одним из лучших умов в египетской разведке, – продолжает Ним-роди. – Сквозь его пальцы сумели проскользнуть немногие наши агенты. Многих он ловил и ликвидировал или превращал в двойных агентов умелым с ними обращением. Затем направлял их против нас. В этой игре умов побеждали и выживали только лучшие».

На фоне своей неспособности решать вопросы безопасности страны и под сильным давлением общественности Шаретт был вынужден

сначала сделать Бен-Гуриона министром обороны, а затем, в ноябре 1955 года, вернуть ему и премьерство. Шаретт снова занял пост министра иностранных дел, а позже под давлением Бен-Гуриона подал в отставку.

Возвращение Бен-Гуриона побудило АМАН снова запланировать мощные атаки на фидайнов. Одной из важных идей было избавиться от Хафеза. «Он был головой змеи, – вспоминает Нимроди, – которую нужно было отсечь».

«Это было нелегко по трем причинам, – рассказывал Авраам Дар, который в то время, став майором АМАН, отвечал за сбор развединформации о Хафезе. – Первое – было трудно собрать достаточное количество данных о нем самом и тех местах, которые он посещал. Второе – трудно было подобраться к нему и убить. И третье – существовали дипломатические проблемы. Он являлся старшим офицером в армии суверенного государства. Его ликвидация могла рассматриваться как пересечение красной линии в отношениях с Египтом и привести к их ухудшению».

Попытки ООН сыграть роль посредника между Израилем и Египтом провалились, и организованные Хафезом рейды арабских боевиков продолжились в течение 1955 года и вплоть до весны 1956-го.

29 апреля 1956 года отряд палестинских боевиков, подготовленных Хафезом, открыл огонь по фермерам, работавшим на полях Нахал-Оза, кибуца на южной границе Израиля. Рой Ротберг, молодой лейтенант резерва АОИ, отвечавший за безопасность этого кибуца, выехал на лошади, чтобы отогнать террористов. Палестинцы убили его, выкололи ему глаза и протащили тело по полю через траншею, обозначавшую линию демаркации, пытаясь таким образом доказать, что Ротберг сам напал на сопредельное государство.

Моше Даян воспринял смерть Ротберга очень близко к сердцу. Он виделся с ним накануне, когда объезжал поселения на юге. На следующий день Даян стоял над открытой могилой Ротберга, читая некролог, который в последующие годы станет считаться первой открытой декларацией израильского милитаризма^[140]:

Вчера рано утром убили Роя. Тишина весеннего утра ослепила его, и он не увидел людей, залегших в канаве.

Давайте сегодня не будем проклинать убийц. Кто мы такие, чтобы оспаривать их ненависть к нам? В течение восьми лет они сидели в лагерях беженцев в Газе, и на их глазах мы превращали их землю и деревни, в которых жили их предки, в наше достояние...

Мы являемся поколением поселенцев, и без стальных касок и жерл пушек мы не сможем посадить ни единого дерева, построить ни единого дома. Наши дети не смогут остаться в живых, если мы не будем рыть убежища, а без ограждений с колючей проволокой и пулеметов мы не сможем покрывать асфальтом дороги или бурить водяные скважины. Миллионы евреев, уничтоженных потому, что они не имели собственной страны, неотрывно смотрят на нас сквозь пыль веков и требуют, чтобы мы обосновались на этой земле и воскресили ее для нашего народа.

...Мы не должны отступать перед той ненавистью, которая переполняет сердца тысяч арабов, живущих вокруг нас и ждущих момента, когда они станут достаточно сильными, чтобы высосать нашу кровь. И мы не отведем свой взгляд перед этой ненавистью, чтобы не ослабли наши руки. Это судьба нашего поколения^[141].

Если говорить простым языком, Даян имел в виду, что евреи, живущие в государстве Израиль, приехали сюда в качестве поселенцев, возвращающихся на свою историческую родину, однако, с точки зрения арабов, они прибыли как захватчики. Поэтому арабы – вполне оправданно, по их мнению, – ненавидели евреев. И дальнейшее существование евреев напрямую зависело от их способности защитить себя от арабов, которые хотели убить их. Все остальное – вопросы развития Израиля, его экономики, общества и культуры – отходило на второй план и должно было быть подчинено нуждам обороны и выживания. Именно это, с точки зрения Даяна, составляло судьбу Израиля, родившегося из нескольких тысяч лет истории еврейского народа.

Когда Даян выступал у могилы, рядом с ним стоял двоюродный брат Роя, Натан Ротберг, изготовитель бомб. После похорон Натан обещал своему дяде, Шмарьяху, что отомстит за его сына Роя^[142].

Как оказалось, Даян тоже был полон решимости отомстить за Роя и всех израильтян, убитых и затерроризированных отрядами Хафеза. На этот раз Даян убедил Бен-Гуриона не только осуществить рейд возмездия против палестинской деревни, но и разрешить ему дать разведке команду ликвидировать египтян, засылавших убийц в Израиль, – полковников Хафеза и Салаха. Это было серьезное повышение ставок.

Авраам Дар написал приказ на операцию, которая носила название «Евнух» (или «Сарис» по названию деревни). По всем имеющимся данным, это был первый в истории государства Израиль оперативный приказ на «целевое» убийство, сделанный в письменной форме и исполненный.

«В свете действий Египта по развертыванию деятельности фидаинов в секторе Газа и Иордании, – писал Дар, – было решено осуществить акции против ее организаторов, Мустафы Хафеза в секторе Газа и египетского военного атташе в Иордании. Цель: физическое устранение вышеназванных лиц при помощи взрывных устройств». В случае с Хафезом, вспоминает Дар, «нам было ясно, что это должна быть бомба, которую ему передаст кто-то, кому он доверял».

Такого человека израильтяне нашли в лице Мухаммада аль-Талалка, молодого бедуина, проживавшего в секторе Газа и работавшего одновременно и на Хафеза, и на подразделение 504. Талалка и Хафез не знали, что израильтянам известно о двурушничестве араба. АМАН решил использовать это обстоятельство и вручить арабу некий пакет, который он сочтет настолько важным, что немедленно постарается передать Хафезу.

Что может представлять собой такой предмет? Например, книгу, в которой содержались все шифры для азбуки Морзе, использовавшиеся израильтянами, которую подразделение 504 поручит Талалке передать другому агенту в Газе.

И снова оперативники обратились к услугам Натана Ротберга. И он смог отомстить за своего двоюродного брата.

«Задок (Офир, офицер с южной базы подразделения 504) позвонил мне и рассказал о плане, – вспоминал Ротберг через пятьдесят лет. – Я понял, о ком идет речь, и испытал чувство удовлетворения. Я сказал

им, что если они берутся доставить достаточно толстую книгу Хафезу, я позабочусь обо всем остальном».

«Я сделал вырез внутри книги и влил туда 300 граммов своего вещества. Было ли этого достаточно? Конечно. Детонатор весит 20 граммов. Если он взорвется у вас в руках, вы останетесь без пальцев. Так что 300 граммов, которые взрываются у лица человека, наверняка его убьют».

«Механизм представлял собой металлический рычажок, твердый мраморный шарик и пружину. Когда книга закрыта и обернута бумагой, да еще обвязана лентой, металлический рычаг прижат и не двигается. Как только вы снимете ленту и развернете книгу, сработает пружина, поднимающая рычаг, который с силой толкает вперед шарик, пробивающий детонатор, – происходит взрыв!»^[143]

И план, и бомба сработали отлично. 11 июля 1956 года Талалка пересек границу, направился прямо в штаб-квартиру египетской военной разведки в Газе и в большом волнении передал книгу Хафезу. «Когда Хафез достал книгу из упаковки, – сообщал очевидец происшествия во время следствия, – из нее выпал листок бумаги. Полковник наклонился, чтобы поднять его с пола, и тут произошел взрыв»^[144]. Хафез был смертельно ранен. Некоторые из присутствовавших свидетельствовали, что он лежал распростертым на полу и кричал: «Вы победили меня, собаки!»

На следующий вечер Натан Ротберг пришел к своему дяде, отцу Роя. Он специально надел военную форму. «Я сказал ему: “Шмарьяху, я разобрался со счетом, по которому тебе задолжал Мустафа Хафез”. Стало ли ему легче? Не уверен, но лично мне стало легче. Я был счастлив. Шмарьяху молчал. В его глазах появились слезы, и он поблагодарил меня за сообщение».

Египтяне были слишком потрясены для того, чтобы публично признать такой провал в своей безопасности. Через день после смерти Хафеза в египетской газете Al-Ahram появилась заметка: «Полковник Мустафа Хафез, со штаб-квартирой в секторе Газа, погиб, когда его автомобиль подорвался на mine... Он был одним из героев войны в Палестине и боролся за свободу этой территории. Его героические деяния вошли в историю. Его имя сеяло страх и панику в Израиле».

В тот же день, когда был убит Хафез^[145], Салах Мустафа, египетский военный атташе в Аммане, получил по почте экземпляр

книги «Внимание, танки!», написанной героем танковых сражений Второй мировой войны Гейнцом Гудерианом, одним из авторов концепции блицкрига. Авраам Дар, любитель военной истории и стратегии, выбрал эту книгу, посчитав, что она будет воспринята Салахом как достойный подарок. Двое «мистаравим» отправились в Восточный Иерусалим, который находился под управлением Иордании, и оттуда отправили книгу адресату, чтобы почтовые марки не вызвали подозрений. Салах, еще не знавший об акции против своего коллеги в Газе, открыл книгу, которая взорвалась в его руках, смертельно ранив военного атташе. Позже он умер в госпитале.

Начальник Генерального штаба Моше Даян по достоинству оценил важность двух этих акций и в саду своего дома устроил мероприятие со щедрым угощением, чтобы отметить успех операций по устранению Хафеза и Салаха. Авраам Дар составлял список приглашенных.

4

Все верховное командование, одним ударом

Убийства Хафеза и Салаха потрясли военную разведку Египта, после них отмечалось некоторое уменьшение количества террористических проникновений на территорию Израиля. С точки зрения израильтян, это был успех.

Затем тучи над регионом вновь сгустились, но уже по другой причине.

26 июля 1956 года президент Египта Гамаль Абдель Насер, действуя в антиколониальном духе, национализировал Суэцкий канал – жизненно важную транспортную артерию между Средиземным и Красным морями. Правительства Великобритании и Франции, чьи граждане являлись главными акционерами в чрезвычайно прибыльной компании, управлявшей этим морским путем, были в ярости. Израиль, в свою очередь, был заинтересован в том, чтобы восстановить свое право пользоваться каналом, а также в направлении Насеру ясного послания: тот заплатит высокую цену за отправку боевиков из сектора Газа для организации атак против Израиля, и его явные намерения уничтожить новую страну встретят решительный отпор.

Совпадение интересов трех стран стало основой секретного альянса между ними. Ведущую роль в разработке амбициозных военных планов сыграл энергичный молодой министр обороны Израиля Шимон Перес. Израиль должен был вторгнуться на Синайский полуостров, создавая тем самым для Франции и Великобритании предлог – угрозу кризиса Суэцкому каналу, – чтобы тоже вторгнуться в регион. Франция пообещала Израилю создать для него воздушный зонт против атак египетских ВВС.

Незадолго до дня «Д» израильская военная разведка АМАН получила сведения о том, что египетская военная делегация, в которую входили влиятельный начальник Генерального штаба фельдмаршал Абдель Хаким Амер и ряд других военных руководителей Египта, вылетела из Каира в Дамаск. Прекрасная возможность, казалось, сама

шла в руки. Одним точным ударом Израиль мог уничтожить почти все верховное командование Египта.

Израильские ВВС начали интенсивные тренировки по ночному перехвату целей – трудной операции с учетом тогдашних технических возможностей. Бен-Гурион и Даян решили, что Израиль сделает все от него зависящее, чтобы скрыть свое участие в этой акции, и постарается, чтобы она выглядела так, будто самолет потерпел аварию из-за технической неисправности^[146].

Операция получила кодовое название «Петух».

Египтяне должны были совершить короткий обратный перелет из Дамаска в Каир на двух самолетах Ил-14. В АМАН задачу по идентификации и слежению за самолетами поручили специальному подразделению радиоразведки (SIGINT)^[147]. Сегодня оно известно как подразделение 8200. Подразделению удалось добиться заметных успехов в период войны 1948–1949 годов. Впоследствии АМАН вложил много средств и ресурсов в его развитие, и оно в конечном счете превратилось в крупнейшее (некоторые говорят, что и важнейшее) подразделение радиоэлектронной разведки в Армии обороны Израиля.

Заботы о развитии подразделения оказались не напрасными. За несколько дней до того, как делегация вылетела из Каира в Дамаск, специалисты SIGINT сумели вычислить частоту радиовещательного диапазона, которую египтяне должны были использовать при возвращении в Каир. Двадцать израильских радиооператоров, все моложе 25 лет, находились в напряженном ожидании на базе SIGINT в Рамат-Хашом, к северу от Тель-Авива. Они дежурили круглосуточно и посменно, ждали вылета египтян из Дамаска. Высшее командование АОИ держало работу подразделения под неослабным контролем, поскольку на 29 октября было запланировано израильское вторжение на Синайский полуостров. Деморализующий эффект от хаоса, связанного с потерей высшего военного руководства страны, должен был поставить египтян в очевидно невыгодную позицию. Время поджимало.

Дни тянулись медленно, а радиооператоры терпеливо ждали появления звуков в своих наушниках^[148]. Наступил рассвет 28 октября, дня накануне часа «0», однако египтяне еще не покинули Сирию.

Наконец в 14:00 28 октября был получен сигнал, которого операторы давно ждали: пилоты самолета Ил-14 готовились к взлету.

Маттиас «Чатто» Биргер, командир 119-й эскадрильи израильских ВВС^[149] и один из лучших военных летчиков того времени, был выбран для осуществления этой сложной миссии. Около 20:00 SIGINT проинформировал ВВС, что из Дамаска вылетел только один Ил-14. Тем не менее в подразделении радиоразведки были уверены, что в нем находится все военное руководство Египта. Операция «Петух» началась.

Чатто забрался в кабину своего реактивного самолета Meteor Mk 13 и вместе со штурманом Элияшивом «Шиви» Брошем поднялся в воздух. Ночь была очень темной. Настолько темной, что в окружающей черноте исчезала даже линия горизонта.

Чатто поднялся до 3500 метров и выровнял машину. Радар захватил приближающуюся цель – самолет. «Контакт, контакт, контакт! – крикнул Шиви по переговорному устройству. – На два часа, в пяти километрах впереди, движется по направлению на три часа! Четыре часа! Возьми круто вправо! Сбрось скорость! Ты слишком быстро приближаешься к объекту!»

В огромном черном небе Чатто увидел небольшие оранжевые вспышки. Это выстреливали язычки пламени из выхлопных труб самолета. «Зрительный контакт», – доложил командир наземному пункту управления.

«Мне нужна позитивная идентификация самолета, – сказал командующий ВВС Израиля Дан Толковски, который находился на контрольном пункте. – Абсолютно позитивная, не допускающая никаких сомнений. Ты меня понял?»

Чатто взял чуть левее, пока не увидел свет в окнах пассажирского отделения. Окна кабины были больше других. «Да, позитивная идентификация, – подумал Чатто. – Только у Илов есть такие окна». Он также рассмотрел людей в военной форме, ходивших по салону между кресел.

«Идентификацию подтверждаю!» – сказал он.

«Разрешаю открыть огонь только в том случае, если у тебя нет сомнений», – ответил Толковски.

«Вас понял».

Четыре двадцатимиллиметровые пушки, установленные в носу самолета, изрыгнули снаряды. Чатто был ослеплен неожиданным ярким светом: кто-то из группы техников на земле, стараясь помочь, снарядил пушки трассирующими боеприпасами. Яркие вспышки на фоне почти полной темноты резанули по глазам.

Через несколько секунд зрение восстановилось. В небе Чатто увидел огонь. «Попал! – доложил Чатто на пункт управления. – Левый мотор в огне, и похоже на короткое замыкание, потому что все огни погасли».

Чатто снова нажал на гашетку. Ил-14 взорвался, образовав в ночи огненный шар, разбрасывавший вокруг себя горящие обломки. Самолет начал снижаться по спирали в сторону моря.

«Ты видел падение?» – спросил Толковски, когда Чатто вывел свою машину из спирали.

«Падение подтверждаю», – ответил Чатто.

На последних каплях топлива Чатто посадил свой самолет и прямо на взлетно-посадочной полосе получил поздравления от Моше Даяна и генерала Толковски, которые сказали ему, что в последнюю минуту Абдель Хаким Амер, видимо, решил дождаться второго самолета.

«Если время еще есть, то мы сейчас заправимся и вылетим вновь», – сказал Чатто.

«Мы подумали над этим и пришли к заключению, что в таком случае операция станет слишком очевидной и мы раскроем источники информации, – ответил Даян. – Мы решили позволить Абдель Хакиму Амеру пока остаться в живых. Даже в этом случае, в ту минуту, когда ты ликвидировал египетский Генеральный штаб, ты выиграл половину войны. Пойдем выпьем за успешное окончание второй половины»^[150].

Операция «Петух» была для Израиля, без сомнения, блестящим достижением разведки и военно-воздушных сил. Участники этой операции позднее стали называть ее «сбитый египетский Генеральный штаб» и утверждать, что возникший в связи с этим в верховном командовании Египта хаос существенно способствовал достижению Израилем победы в войне, которая разразилась на следующий день.

Неизвестно, был ли эффект от этой операции настолько велик, как они утверждали, но Армия обороны Израиля тогда достаточно легко справилась с египетской армией. Эта война продемонстрировала миру: государство Израиль стало серьезной боевой силой. Бен-Гурион, находившийся в состоянии эйфории, направил открытое письмо

солдатам и офицерам 9-й бригады, употребив новое словосочетание «Третье царство Израилево».

Вместе с Синайским полуостровом Израиль захватил и сектор Газа. Когда Армия обороны Израиля оккупировала сектор, Рехавия Варди послал своих людей из подразделения 504 обыскать здание Управления военной разведки в городе Газа, где несколько месяцев тому назад был убит Мустафа Хафез.

В одном из шкафов было спрятано настоящее сокровище, которое египтяне не успели уничтожить в спешке, – сохранившуюся в целости картотеку палестинских террористов, которых Хафез и его подчиненные использовали против Израиля в течение пяти лет, предшествовавших Синайской кампании.

Получилось, что египтяне оставили израильтянам список целей. Варди встретился с начальником Генерального штаба Моше Даяном и попросил у него разрешения начать уничтожение палестинцев, чьи имена были в картотеке. В свою очередь Даян получил одобрение Бен-Гуриона. После этого Варди приказал Натану Ротбергу приступить к делу.

Специальный состав, созданный по формуле Ротберга, заливали в плетеные корзинки, зажигалки, фрукты и овощи и даже в предметы мебели. Агенты подразделения 504 из числа арабов заложили эти изделия в подходящих местах или передали в качестве подарков минимум тридцати палестинским фидаинам в Газе. С ноября 1957-го по март 1958 года люди Варди пунктуально работали по списку, уничтожая тех, кто терроризировал израильтян в течение многих лет. «Целевые» убийства в основном завершались успехом. Однако этот успех был больше тактическим, чем стратегическим. «Все эти ликвидации имели ограниченную ценность, – говорил Ротберг, – потому что после убийства одних появлялись другие».

Очень быстро тайный сговор Великобритании, Франции и Израиля вылился в резонансный международный дипломатический кризис. США заставили Израиль выйти с Синая и из сектора Газа. Франция и Британия тоже были зажаты в угол и потеряли контроль над каналом. Лидеры обеих супердержав вскоре были вынуждены подать в отставку.

Египетский режим теперь воспринимался как сила, восставшая против всюду сущего свой нос западного колониализма и заставившая две великие европейские державы и своего заклятого

врага Израиль отступить. Из Насера сделали героя, и он стал лидером арабского мира.

Правда, Насер разрешил израильским судам пользоваться Суэцким каналом и прекратил поддерживать операции фидаинов в Газе. Он понял, что опасность возникновения большой войны с Израилем из-за этих операций больше, чем польза от них.

Наконец-то в 1957 году начало казаться, что террор перестанет захлестывать Израиль через границу.

Синайская кампания ясно показала арабским государствам, что разрушить Израиль будет очень трудно, и дала стране передышку от полномасштабной войны на 11 лет, вплоть до Шестидневной войны 1967 года. Армия обороны Израиля использовала это время, чтобы превратиться в большую, мощную, хорошо обученную и технически обеспеченную военную силу, оснащенную современным оружием и гордящуюся огромными возможностями своего разведывательного направления – военной разведкой АМАН.

Последовавшие годы были весьма успешными и для «Моссада». Иссер Харель превратил его из становящейся на ноги и иногда «спотыкающейся» организации в ведомство численностью почти 1000 человек, признанное в мире за жесткость, упорство и предприимчивость.

Израиль начал свое становление в качестве серьезной разведывательной силы в 1956 году, когда Никита Хрущев сделал секретный доклад на XX съезде КПСС, в котором откровенно рассказал о преступлениях своего предшественника, Иосифа Сталина. Все разведки Запада из всех сил пытались заполучить текст доклада, чтобы изучить его для поиска ключей к разгадке образа мышления Хрущева, однако ни одна из них не смогла преодолеть железную завесу секретности, которая существовала в Советском Союзе. Успех сопутствовал только израильской разведке, а Иссер Харель приказал, чтобы копия этой речи была передана ЦРУ.

Впечатленный и благодарный директор ЦРУ Аллен Даллес вручил текст президенту США Дуайту Эйзенхауэру, а тот распорядился о его утечке в газету The New York Times^[151]. Публикация взбудоражила весь мир и неприятно поразила Советский Союз.

Так родился тайный альянс американских и израильских разведывательных служб^[152]. С американской стороны альянс

возглавил Джеймс Хесус Энглтон, руководитель контрразведывательных операций ЦРУ, сторонник Израиля, видевший советских шпионов под каждой кроватью. По этому каналу ЦРУ будет получать большое количество развединформации по Ближнему Востоку. Эта практика продолжается и до сего дня.

Синайская кампания Израиля 1956 года^[153], провалившись политически, укрепила авторитет страны в области разведывательных операций. На этой волне Харель начал плести сеть тайных контактов со странами Ближнего Востока, Азии и Африки, включая и те, которые публично стояли на стороне арабов. Эта стратегия была известна в «Моссаде» как «доктрина работы на периферии»^[154]. Она выражалась в установлении секретных связей со странами и организациями, расположенными за пределами фронта враждебных арабских государств, которые окружали Израиль, или с меньшинствами в государствах, находящихся в состоянии конфликта с Израилем.

Выдающимся достижением «периферийной стратегии» «Моссада» стал трехсторонний альянс разведок, имевший кодовое название Trident («Трезубец»), в который входили спецслужбы Израиля, шахского Ирана и Турции. Главы разведывательных служб трех стран время от времени встречались и обменивались большим количеством развединформации. Альянс осуществлял также совместные операции против Советского Союза и арабов. Бен-Гурион сумел убедить президента США Эйзенхауэра в том, что Trident является первоклассным проектом. В результате ЦРУ финансировало его деятельность^[155].

Но самый большой успех ожидал «Моссад» в 1960 году, когда израильские оперативники выследили Адольфа Эйхмана – одного из главных архитекторов и исполнителей «Окончательного решения» – гитлеровской политики по уничтожению евреев, который к тому моменту уже десять лет жил в Буэнос-Айресе под именем Рикардо Клемент.

Немецкий судья и прокурор Фриц Бауэр, занимавшийся расследованиями геноцида евреев, отчаявшись в возможности привлечения нацистских военных преступников к суду в Германии, организовал утечку собранной им информации об Эйхмане в «Моссад». Когда сотрудник «Моссада» пришел поговорить с Бауэром, тот оставил его в своем кабинете одного с лежавшими на столе

секретными документами об Эйхмане^[156]. Израильтянин понял Бауэра и скопировал необходимые детали.

Бен-Гурион дал Харелю добро лететь в Буэнос-Айрес во главе большой команды^[157]. Премьер был полон решимости поквитаться с Эйхманом, которому присвоили кличку «Диббук», что на иврите означает «злой дух», который может вселиться в живого человека. Цель операции была не столько в том, чтобы отомстить отдельной личности, какими бы вопиющими ни были ее преступления. Бен-Гурион приказал Харелю и его команде не ликвидировать Эйхмана физически, что было бы самым простым вариантом, а выкрасть его и привезти в Израиль для предания суду. Цель состояла в том, чтобы пробудить во всем мире сочувствие и укрепить неизбывную память о холокосте посредством демонстрации преступных деяний одного из его главных исполнителей.

В операции приняли участие десятки оперативников «Моссада» и сотрудничавших с ними. Некоторые сменили по пять паспортов различных стран. Они рассредоточились по нескольким конспиративным квартирам по всей аргентинской столице.

11 мая команда собралась возле автобусной остановки, на которой человек по фамилии Клемент выходил из автобуса каждый вечер в 19:40 и пешком преодолевал небольшое расстояние до дома. В тот вечер автобус пришел, но Клемент не появился. Группе было приказано ждать до восьми часов, и если этот человек не появится, прекратить операцию, чтобы не возбуждать подозрений.

В 20:00 оперативники уже начали сниматься со своих позиций, но Рафи Эйтан, командовавший на месте, решил подождать еще немного. Через пять минут, когда Эйтан уже намеревался отступить, к остановке подъехал еще один автобус. Из него вышел Клемент и зашагал по направлению к дому. При этом одну руку он держал в кармане.

Цви Мальхин среагировал первым. Он боялся, что Клемент что-то заподозрил и хочет достать пистолет, поэтому вместо того, чтобы, как планировалось, обхватить его сзади и потащить в машину, Цви Мальхин толчком сзади сбросил Клемента в придорожную канаву и прыгнул на него сверху. При этом Эйтан и еще один оперативник оказались сзади. Клемент закричал, но вокруг не было никого, кто бы его услышал. В течение нескольких секунд его скрутили и бросили на заднее сиденье автомобиля. Находившийся в нем Цви Аарони по-

немецки сказал Клементу, что если он будет делать глупости, его просто застрелят.

Эйтан стал искать отметины на теле Клемента, которые безошибочно подтвердили бы, что это и есть Эйхман. Он легко нащупал шрам под мышкой, где обычно эсэсовцам делали татуировки. Что касается шрама от операции по удалению аппендикса, которая была аккуратно задокументирована в досье на Эйхмана в СС, здесь возникла проблема. Эйтану пришлось расстегнуть на пленнике ремень и залезть рукой ему под трусы, при этом машина неслась вперед, а пассажиров сильно бросало из стороны в сторону. Однако в конце концов Эйтан обнаружил шрам и воскликнул: «*Zeh hoo! Zeh hoo*», что на иврите означало: «Это он! Это он!».

Глаза у Эйтана и Мальхина сверкали в темноте. Они пожали друг другу руки и пропели несколько строк из «Песни партизан», которая была написана в честь евреев, сражавшихся против нацистов в лесах, и заканчивалась словами: «Наш марш выбивает послание: мы здесь».

Эйхману ввели транквилизаторы и отправили в Израиль на самолете авиакомпании El Al. Суд над ним, состоявшийся в Тель-Авиве, привлек беспрецедентное внимание мировой общественности, а выступления большого количества свидетелей напомнили миру о зверствах холокоста. Эйхман был приговорен к смерти и повешен. Тело кремировали, а пепел развеяли над морем.

Даже скудные сведения об обнаружении и поимке Эйхмана придали «Моссаду» авторитет безжалостной и профессиональной разведывательной службы. К середине 1962 года Харель считался в израильском разведывательном и оборонном истеблишменте сильным руководителем^[158].

Бен-Гурион получил все, чего хотел.

Несмотря на заслуженную славу, ведомство Хареля оставило без внимания страшную угрозу, которая зрела буквально по соседству.

5

Как будто небеса обрушились на наши ГОЛОВЫ

Утром 21 июля 1961 года израильяне окунулись в кошмар. Египетские газеты сообщили об успешных испытательных запусках четырех ракет класса «земля – земля» – две из них носили название «Аль Зафер» («Победитель»)^[159], а две – «Аль Кахер» («Завоеватель»). Два дня спустя эти ракеты – по десять каждого наименования, обернутые египетскими флагами, были провезены по Каиру вдоль набережной Нила. Среди толпы зрителей было около трехсот иностранных дипломатов. Президент Насер наблюдал за парадом со специальной трибуны, устроенной перед зданием правительства поблизости от Нила. Он с гордостью объявил, что отныне египетская армия может ударить в любую точку «южнее Бейрута»^[160]. Учитывая, что вся территория Израиля простирается между Египтом на юге и Ливаном, с его столицей Бейрутом, на севере, намек, содержащийся в этом заявлении, был вполне прозрачным.

Вышедшая на следующий день радиопередача на иврите находившейся в Египте радиостанции «Голос грома из Каира» была еще более откровенной. «Эти ракеты предназначены для того, чтобы открыть ворота Свободы для арабов, вернуть родные земли, которые были у них украдены в результате империалистических и сионистских заговоров», – хвастался ведущий.

Глубокое беспокойство израильского общества только возросло, когда через несколько недель стало известно, что важную роль в разработке этих ракет сыграла группа немецких ракетчиков. Лишь семнадцать лет прошло с момента окончания Второй мировой войны, и вот травмы холокоста, когда перед глазами евреев вставали образы немецких ученых в форме вермахта, уступили место новой смертельной угрозе: оружие массового поражения оказалось в руках нового главного врага Израиля, Насера, которого израильяне рассматривали как Гитлера Ближнего Востока. «Бывшие немецкие нацисты сегодня помогают Насеру в его проектах, рассчитанных на

геноцид еврейского народа» – так израильская пресса оценивала эти новости^[161].

И «Моссад», несмотря на всю категоричность своего устава, подчеркивающего задачи ведомства по мониторингу и защите Израиля от внешних угроз, был застигнут врасплох. Разведывательные службы еврейского государства, не говоря уже о его политических и военных руководителях, были потрясены, когда узнали о египетском ракетном проекте всего за несколько дней до испытательных запусков. Это явилось шокирующим напоминанием об уязвимости маленькой страны и унижительным провалом для «Моссада» Хареля^[162].

Хуже того, ученые, разрабатывавшие египетские ракеты, были не безвестными техниками^[163]. Они считались одними из самых высокопоставленных инженеров нацистского режима, работавшими во время войны на военной исследовательской базе под Пенемюнде на северо-востоке Германии, где разрабатывались самые передовые образцы немецкого вооружения. Они помогали создать ракету V-1 – летающую бомбу, которая терроризировала Англию, и баллистическую ракету V-2, которую немцы использовали для разрушения больших районов Антверпена и Лондона и которая послужила прототипом сегодняшних ракет «земля – земля» большой дальности.

«Я почувствовал себя беспомощным^[164], – вспоминал Ашер Бен-Натан, тогдашний шеф Министерства обороны, – как будто небеса обрушились на наши головы. Бен-Гурион вновь и вновь рассказывал о кошмаре, который не давал ему спать по ночам: он, первый премьер-министр, привел за собой выживших в Европе евреев в государство Израиль только для того, чтобы здесь они испытали новый холокост».

В самом «Моссаде» в 1982 году было проведено совершенно секретное расследование, связанное с этим инцидентом, итоги которого подвели следующим образом: «Это одно из самых важных и болезненных событий в истории израильской разведки. Событий такого типа, которые вызывают цепную реакцию, порождающую экстремальные действия»^[165].

И действительно, реакция на описанные события была экстремальной.

Харель перевел «Моссад» на чрезвычайный режим работы. В коридорах ведомства ощущалась кризисная атмосфера. Это находило свое отражение во внутренней служебной телеграфной переписке.

«Мы заинтересованы в том, чтобы получить разведывательную информацию по этому вопросу, чего бы это ни стоило, – сообщал Центр шифровками своим резидентурам в Европе в августе 1962 года. – Если в поле вашего зрения появляется немец, хоть что-то знающий об этом, и отказывается сотрудничать, мы готовы захватить его силой и заставить говорить. Пожалуйста, обратите на это внимание, потому что мы должны добыть эту информацию любой ценой».

Оперативники «Моссада» немедленно начали проникать в египетские посольства и консульства в нескольких европейских странах, чтобы фотографировать документы. Они смогли завербовать швейцарца – сотрудника цюрихского представительства авиакомпании EgyptAir – организации, которая иногда использовалась в качестве прикрытия насеровскими разведывательными службами. Этот сотрудник разрешил агенту «Моссада» два раза в неделю брать по ночам мешки с дипломатической почтой и доставлять их на конспиративные квартиры. Там их вскрывали, фотографировали содержимое и снова закрывали специальные эксперты, не оставлявшие никаких следов. Потом мешки возвращали в представительство авиакомпании. Вскоре у «Моссада» начало складываться предварительное представление о египетском ракетном проекте и его руководителях.

Проект был инициирован двумя признанными в мире учеными, Эйгеном Зенгером и Вольфгангом Пильцем. Во время войны они играли ключевые роли на военной исследовательской базе под Пенемюнде. В 1945 году перешли в Исследовательский институт физики реактивного движения в Штутгарте. Зенгер возглавлял это престижное научное учреждение. Пильц и два других бывших специалиста вермахта, Пауль Гёрке и Ганс Круг, были в институте начальниками отделов. Эти люди, ощущавшие себя недоустроенными и недоиспользуемыми в послевоенной Германии, в 1959 году вышли на контакт с египетским режимом и предложили создать группу ученых и специалистов для разработки ракет «земля – земля» дальнего радиуса действия. Насер с готовностью согласился и назначил одного из своих ближайших военных советников, генерала Исама аль-Дина Махмуда Халиля, бывшего начальника разведки ВВС и главу Департамента НИОКР египетской армии, координатором всей

программы. Халиль создал для немецких ученых, которые впервые посетили Египет в апреле 1960 года, независимую структуру, обособленную от остальной египетской армии.

В конце 1961 года Зенгер, Пильц и Гёрке перебрались в Египет и предложили еще 35 высококвалифицированным немецким ученым и специалистам присоединиться к ним. В Египте всем им были предоставлены испытательные полигоны, лаборатории, элитное жилье, прекрасные условия и большие зарплаты. Круг остался в Германии, где основал компанию Intra Commercial, которая на самом деле работала на группу в Европе.

Почти сразу же вслед за тем, как «Моссад» начал приобретать хотя бы базовое видение ситуации, поступили новые плохие известия. 16 августа 1962 года Иссер Харель с мрачным лицом приехал к Бен-Гуриону, имея при себе документ из египетской дипломатической почты, сфотографированный за два дня до этого в Цюрихе. Это был документ разведывательной службы Египта.

Израильтяне были потрясены. Документ представлял собой заказ, написанный Пильцем в 1962 году и адресованный менеджерам проекта в Египте^[166]. В нем перечислялись материалы, которые следовало приобрести в Европе для производства 900 ракет. Их было огромное количество. После перехвата документа, как следовало из внутреннего доклада «Моссада», «атмосфера в ведомстве была панической». Еще хуже было то, что документ породил у израильских экспертов подозрения, что подлинной целью египтян было снарядить ракеты радиоактивными и химическими боеголовками.

Бен-Гурион созвал ряд совещаний на самом высоком уровне.

У Хареля имелся предварительный план.

Собранная до сих пор «Моссадом» развединформация указывала на ахиллесову пяту ракетного проекта. Система наведения ракет была такой отсталой, что рисковала оказаться неэффективной. Это означало, что ракеты не могут производиться массово. Пока ситуация сохранялась такой, Египту нужны были немецкие ученые. Без них проект просто рассыплется. Так что план Хареля состоял в том, чтобы похитить или ликвидировать немцев^[167].

В конце августа Харель отправился в Европу для того, чтобы начать реализацию своего плана. Погода испортилась, стало холодно, что предвещало суровую зиму, какой континент не видел уже много лет.

После того как все попытки установить местонахождение Пильца потерпели неудачу, Харель решил начать действовать против Круга^[168].

В понедельник 10 сентября в 17:30 в мюнхенский дом Круга позвонил человек, представившийся Салехом Кахером^[169]. Он сказал, что звонит по поручению Саида Надима, главного помощника генерала Махмуда Халиля, и что Надим «должен встретиться с Кругом прямо сейчас по очень важному делу». Самым дружелюбным тоном Салех добавил, что Надим, которого Круг хорошо знал, передает ему привет и ждет его в гостинице Hotel Ambassador в Мюнхене. Салех сказал, что вопрос идет о сделке, которая может принести Кругу солидную прибыль. Обсуждать ее в офисе компании Intra нельзя ввиду ее особого характера.

Круг не почувствовал во всем этом подвоха и принял приглашение. Роль Салеха исполнил не кто иной, как давнишний агент «Моссада» Одед. Он родился в Ираке, активно участвовал там в сионистском подполье и сбежал из страны в 1949 году после того, как его чуть не поймали. Учился в Багдаде в обычной школе вместе с мусульманами и легко мог сойти за араба. В течение многих лет участвовал в операциях «Моссада» против «целей» арабского происхождения.

Круг встретился с Одедом в лобби гостиницы Ambassador^[170]. «Мы с полковником Надимом хотим поручить вам важное дело», – сказал Одед немцу.

На следующий день Одед поехал в офис Круга для того, чтобы отвезти его на встречу с Надимом на загородной вилле. «Я приехал на такси. Круг был рад видеть меня и представил сотрудникам в офисе. Он ни секунды не сомневался в том, что я тот, за кого себя выдаю. Между нами возник психологический контакт. В «мерседесе» во время поездки по адресу, который я указал ему, я польстил Кругу, сказав, что мы в египетской разведке очень ценим его услуги и помощь. Он же главным образом говорил об этом новом «мерседесе», который только что купил».

Вдвоем они приехали к дому, где, как считал Круг, его должен был ждать Надим. Вместе вышли из машины. Входную дверь открыла женщина, и Круг вошел внутрь. Одед держался позади него. Дверь закрылась, и Одед, как и планировалось, остался на улице.

В комнате ожидали три оперативника. Они оглушили Круга несколькими ударами, засунули кляп и связали. Когда он пришел в себя, его осмотрел врач – французский еврей, которого специально подобрала оперативная группа. Он полагал, что у Круга легкое сотрясение мозга, и поэтому не рекомендовал вводить ему транквилизаторы. Говоривший по-немецки оперативник «Моссада» сказал Кругу: «Вы наш пленник. Делайте все так, как мы говорим, иначе мы прикончим вас»^[171]. Круг обещал подчиняться и был помещен в специальный тайник, оборудованный в одной из машин, микроавтобусе Volkswagen Camper, а вся группа, включая самого Иссера Хареля, который присутствовал при происходившем, разместилась в микроавтобусе и еще двух автомобилях и направилась к французской границе. По дороге они остановились в лесу, и Харель сказал Кругу, что они собираются пересекать границу, и если только тот произнесет хотя бы звук, водитель микроавтобуса активирует механизм, который запустит смертельное количество ядовитого газа в отделение, в котором находится Круг.

Когда они добрались до Марселя, накачанный транквилизаторами Круг был посажен на самолет авиакомпании El Al, вывозивший в Израиль еврейских иммигрантов из североафриканских стран. Сопровождающие из «Моссада» сказали представителям французских властей, что Круг – больной иммигрант.

В то же время «Моссад» начал проведение масштабной операции по дезинформации^[172]: человек, похожий на Круга, с документами на его имя ездил по Южной Америке, оставляя следы, указывающие на то, что он просто украл деньги и сбежал из Египта от своих работодателей. Одновременно «Моссад» организовал утечку в СМИ сведений о том, что у Круга возник конфликт с генералом Халилем и его людьми и со всей очевидностью он был ими похищен и убит.

В Израиле Круг был помещен в секретную тюрьму «Моссада» и подвергнут жестким допросам. Поначалу он молчал, но вскоре стал сотрудничать с израильтянами, и в течение нескольких месяцев «от него было получено много результатов», как отмечалось в отчете «Моссада»^[173]. «Этот человек обладал хорошей памятью и знал все административно-организационные детали ракетного проекта». Документы, оказавшиеся в его портфеле, тоже были полезными. В

отчете делался вывод: «Все эти сведения позволили создать целую разведывательную энциклопедию».

Круг даже предложил, чтобы ему позволили вернуться в Мюнхен, где он стал бы работать в качестве агента «Моссада». Когда людям, допрашивающим Круга, показалось, что он рассказал им все, что знал, в «Моссаде» стали думать, что делать с немцем дальше. Очевидно, что соглашаться на его предложение вернуться в Мюнхен было очень опасно: Круг мог предать новых хозяев, пойти в полицию и рассказать, как израильтяне похитили немецкого гражданина на территории Германии. Харель избрал более простой выход. Он приказал S.G., одному из своих людей, отвезти Круга в безлюдное место к северу от Тель-Авива и застрелить его^[174]. Труп погрузили на самолет израильских ВВС и сбросили в море.

Успех операции с Кругом побудил Бен-Гуриона дать зеленый свет новым «целевым» убийствам. Бен-Гурион одобрил использование подразделения 188 военной разведки АМАН – секретного оперативного отряда, который организовал засылку израильских военных под глубоким прикрытием в другие страны. Командование подразделения размещалось в районе Сарона в Тель-Авиве, неподалеку от офиса Бен-Гуриона, и располагало тренировочным лагерем на побережье к северу от столицы, который вплотную примыкал к специальной взрывотехнической лаборатории Натана Ротберга.

Иссер Харель не любил подразделение 188^[175]. С середины 1950-х годов он старался убедить Бен-Гуриона передать его в «Моссад» или хотя бы подчинить отряд Харелю, но поскольку армия была категорически против, Бен-Гурион не соглашался на эти просьбы.

Начальник АМАН генерал-майор Меир Амит, в отличие от Хареля, не считал немецких ученых такой уж серьезной угрозой для Израиля. Однако из-за межведомственной конкуренции с «Моссадом» Амит потребовал, чтобы отряду 188 было разрешено действовать против немцев, поскольку, как выражался глава АМАН: «Мы не должны игнорировать их. Мы должны задушить этот проект на корню». Таким образом, возникло острое соперничество между «Моссадом» и АМАН по поводу того, кто убьет больше немцев.

У подразделения 188 в то время имелся в Египте опытный оперативник, работавший под глубоким прикрытием^[176]. Вольфганг

Лотц был отличным агентом: его отец был иноверцем – не евреем, а мать еврейкой, но во внешности Лотца не было ничего от полукровки – он выглядел типичным немцем. Он создал себе легенду, по которой служил в войсках Роммеля в Африке, а затем вернулся в Египет и занялся разведением лошадей на своей ферме.

За короткое время Лотц, талантливый актер, стал неотъемлемой частью растущей немецкой колонии в Каире. Он передавал подразделению 188 много подробных данных о ракетном проекте и его участниках. Однако, из опасений разоблачения, не мог взять на себя их ликвидацию в акциях, которые требовали бы его непосредственного участия. Начальник подразделения 188 Иосеф Ярив пришел к заключению, что лучшим методом устранения немецких инженеров станет использование бомб, закамуфлированных под письма и посылки.

Ярив приказал Натану Ротбергу начать изготовление взрывных устройств^[177]. Ротберг приступил к работе с новым видом взрывчатки – Detasheet, «гибкими, похожими на резиновые, листами взрывчатого вещества, которые предназначались в том числе и для гражданских нужд. Подрывались они благодаря взаимодействию между двумя металлическими пластинами». Это позволяло Ротбергу изготавливать очень компактные заряды. «Нам нужно было разработать подрывной механизм, который оставался бы неактивированным и безопасным в течение всех встрясок, которым письмо подвергается на почте по пути к адресату, а затем срабатывал бы в нужное время, – пояснял Ротберг. – Этот механизм должен был срабатывать не тогда, когда конверт вскрывался, а когда из него доставалось содержимое». Разработка и создание механизма было осуществлено совместно с французской разведкой, в обмен на информацию, переданную Лотцем, о деятельности подполья Фронта национального освобождения Алжира в Каире. Подразделение 188 также помогало французам тайно провозить в Каир взрывчатку для организации убийств членов Фронта^[178].

Первой целью для направления бомбы-письма был избран Алоис Брюннер – беглый нацистский военный преступник, который был заместителем Эйхмана и одно время служил начальником концентрационного лагеря во Франции, отправив на смерть 130 000 евреев. Подразделение 188 установило его местонахождение в

Дамаске, где он жил в течение восьми лет под чужим именем. Арабские страны предоставили убежище многим нацистским военным преступникам, получая взамен различные услуги. Брюннер помогал готовить подразделения сирийских спецслужб, занимавшихся допросами и пытками.

Его нашли с помощью Эли Коэна, одного из лучших агентов отряда 188, который активно действовал в высших эшелонах оборонного истеблишмента Сирии. После того как Бен-Гурион дал согласие на ликвидацию Брюннера, Ярив решил испробовать на нацисте одно из изготовленных Ротбергом взрывных устройств на основе Detasheet.

13 сентября 1962 года Брюннер получил из Дамаска большой конверт^[179]. Он взорвался, когда немец открыл его. Брюннер получил множественные ранения лица и потерял левый глаз, но выжил.

Тем не менее воодушевленное тем, что бомба была успешно доставлена адресату и сработала, руководство отряда 188 горело желанием использовать этот метод против немецких ученых. «Моссад» возражал. Как пояснял тогда Рафи Эйтан: «Я выступаю против любой акции, которую не контролирую полностью. Конверт может открыть почтальон, его может открыть ребенок. Разве допустимо делать такие вещи?»^[180]

Добраться до немцев в Египте было очень сложно еще и потому, что они не получали корреспонденцию по почте^[181]. Египетские спецслужбы собирали все, что направлялось по проекту или его участникам, в представительствах авиакомпании EgyptAir, откуда материалы доставлялись в Каир. Было решено проникнуть в офис авиакомпании ночью и положить конверты в мешки с почтой.

Используя новый метод открывания замков с помощью мастер-ключа, разработанного в мастерских «Моссада», оперативники, помогавшие подразделению 188, 16 ноября получили доступ в помещение представительства EgyptAir во Франкфурте.

Специалист по замкам был полускрыт за фигурой женщины-оперативника, когда они, разыгрывая любовную парочку, оперлись о дверь представительства. Оперативная группа «Моссада» вошла в офис, но не нашла там мешка с почтой. На следующий день повторили попытку. Пока возились с дверью, на улице появился пьяный уборщик. Поскольку на этот раз женщины в составе группы не было, два оперативника притворились гомосексуалами и сумели улизнуть с

места операции, не вызвав у него подозрений. Следующей ночью была предпринята третья попытка проникновения в представительство. На этот раз всё прошло удачно. Вализа с почтой лежала на одном из столов. Израильтянам удалось вложить в нее письма со взрывчаткой.

В качестве основной цели был избран Пильц. Собранные в отношении него разведсведения указывали, что он находился в процессе развода с женой, чтобы жениться на своей секретарше Ханнелоре Венде. Жена Пильца жила в Берлине, но наняла адвоката из Гамбурга. Поэтому письму со взрывчаткой в адрес Пильца был придан такой вид, будто оно направлено этим адвокатом, с логотипом его фирмы и ее адресом на обратной стороне конверта. «Люди, планировавшие операцию, предполагали, что письмо, адресованное лично Пильцу, не будет вскрыто Ханнелорой Венде, а передано ею ему самому», – было написано в финальном отчете об акции.

Но моссадовцы ошиблись. Венде, получившая письмо 27 ноября, полагала, что оно касается ее жизни в такой же степени, как и жизни Пильца. Она открыла письмо, и оно взорвалось у нее в руках, оторвав женщине несколько пальцев, выбив ей один глаз и повредив другой, а также вырвав несколько зубов из десен. Египетские власти сразу же сообразили, что происходит, и с помощью рентгеновской установки обнаружили еще несколько писем-ловушек. Затем передали их специалистам из советской разведки, работавшим в Каире, чтобы те разрядили и исследовали взрывные устройства. Взрывы в Каире испугали немецких ученых и их семьи, однако не заставили кого-либо из них оставить свою престижную и хорошо оплачиваемую работу. Со своей стороны, египетские спецслужбы привлекли к работе немецкого специалиста по вопросам безопасности, в прошлом офицера СС Германа Адольфа Валлентина. Он посетил офисы компании Intra и различных поставщиков, работавших по проекту, консультируя их по мерам предосторожности: замене замков на дверях и осторожном обращении с получаемой почтовой корреспонденцией. Он также занялся изучением прошлого некоторых сотрудников этих компаний.

Очередной целью в ликвидационном списке Хареля был Ганс Кляйнвэхтер^[182] и его лаборатория в городе Лорх, которую подрядили для разработки системы наведения ракет. Харель послал в Европу отряд «Ципорим» (Птицы) – оперативную группу Шин Бет, которую использовал и «Моссад», – с приказом начать операцию «Ёж» против

Кляйнвэхтера. Приказ Хареля был однозначным: «Кляйнвэхтер должен быть похищен и привезен в Израиль или, если это окажется невозможным, убит».

Сам Харель, к своему неудовольствию, обосновался с командным пунктом во французском городе Мюлуз.

Командир «Птиц» Рафи Эйтан вспоминал: «Была середина зимы, огромное количество снега, пронизывающий холод, температура ниже –20 °С. Разъяренный Харель сидит в каком-то пансионе во Франции, поблизости от Рейна. Он показывает мне фотографии и говорит: “Пойди и убей вот этого человека”».

Оперативники подразделения вымотались после бесчисленных операций против немецких инженеров и оказания поддержки подразделению 188. В конечном счете Эйтан сказал Харелю, что условия для ликвидации данного объекта еще не готовы. «Мы должны были немного подождать и устроить нашу фирменную ловушку, а не просто расстреливать на улице. Дайте мне месяц, сказал я Харелю. Я выполню эту задачу, и никто даже не узнает, что я был поблизости от места операции»^[183].

Но Харель не слушал. 21 января он отстранил «Птиц» от операции и вызвал группу «Мифрац», спецкоманду «Моссада» по «целевым» убийствам, которой руководил Ицхак Шамир, для того чтобы она ликвидировала Кляйнвэхтера. Харель не знал, что Валлентин понял, что Кляйнвэхтер будет следующей целью «Моссада»^[184]. Немецкий эксперт подробно проинструктировал Кляйнвэхтера, добился того, что его постоянно сопровождала охрана, и дал ему египетский армейский пистолет.

20 февраля наблюдатели «Моссада» увидели, что Кляйнвэхтер в одиночку выехал из Лорха в Базель. Они решили нанести удар по возвращении объекта. Шамир, который, как и Харель, командовал операцией на месте, поручил стрельбу хорошо тренированному киллеру из «Иргуна» Акиве Козну. Вместе с ним Харель отправил говорившего по-немецки Цви Аарони. Они ждали, что цель будет возвращаться вечером. Но Кляйнвэхтер не появился, и операцию было решено отменить. А потом все пошло наперекосяк. Кляйнвэхтер наконец обнаружился, и приказ об отмене акции был изменен, однако вся операция вышла торопливой и дилетантской. Машина оперативников «Мифраца» заблокировала автомобиль Кляйнвэхтера,

но их расположение на узкой дороге помешало моссадовцам уехать с места покушения.

Аарони вышел из машины и приблизился к Кляйнвэхтеру, как бы намереваясь спросить дорогу к определенному месту^[185]. Идея состояла в том, чтобы заставить Кляйнвэхтера открыть окно. И немец начал это делать. В это время Коэн подошел к Аарони сзади, достал пистолет, попытался прицелиться через полуоткрытое стекло и выстрелил. Но пуля попала в стекло и разбила его, затем задела шарф Кляйнвэхтера, но в него самого не попала. По неизвестной причине второй раз пистолет не выстрелил. По одной версии, у него сломалась пружина; по другой – не сработал патрон; по третьей – у пистолета вывалился магазин. Аарони понял, что план потерпел неудачу, и крикнул всем, чтобы они бежали. Машину оперативники использовать не могли, поэтому они бросились врассыпную, чтобы добраться до ожидавших их автомобилей прикрытия. Кляйнвэхтер вытащил свой пистолет и начал стрелять по убегающим людям. Он ни в кого не попал, но акция закончилась ужасным провалом.

После этого Харель осуществил несколько мероприятий, направленных на запугивание ученых и членов их семей. В ход пошли анонимные письма, содержавшие угрозы их жизням и обширные сведения о них самих, и неожиданные визиты по ночам с такими же угрозами.

Эти акции тоже окончились неудачей^[186] после того, как швейцарская полиция арестовала оперативника «Моссада» Иосифа Бен-Гала, угрожавшего Хейди, дочери профессора Герке. Бен-Гал был экстрадирован в Германию, осужден и получил небольшой тюремный срок. Агенты «Моссада», следившие за процессом, испытали досаду, когда увидели на нем руководителя безопасности ракетного проекта массивного Германа Адольфа Валлентина с самодовольной улыбкой, который даже не пытался спрятать свой пистолет.

Тем не менее к весне 1963 года «Моссад» Хареля не сумел приостановить, не говоря уж о том, чтобы прекратить, работы египтян над ракетами, способными уничтожить Израиль. Тогда Харель решил прибегнуть к политическим интригам. Он начал организовывать утечку в прессу информации – в какой-то части подлинной, в какой-то – искаженной, а в какой-то и полностью лживой (например, что немцы помогают Египту в производстве атомных бомб и разрушительных

лазеров) – о том, как нацисты содействуют арабам в создании оружия, предназначенного для убийства евреев. Харель был абсолютно убежден в том, что немецкие ученые на самом деле являлись нацистами, твердо намеренными добиться «Окончательного решения», и что правительство ФРГ знало об их деятельности, но ничего не предпринимало для ее остановки. Правда же состояла в том, что эти немецкие ученые и инженеры привыкли к хорошей жизни при Третьем рейхе, остались безработными с его падением и теперь пытались просто заработать «легких денег» у египтян. Однако под свою навязчивую идею Харель «подгонял» целую организацию и даже целую страну.

Чтобы подкрепить свои заявления, Харель опубликовал информацию, собранную в Каире против Ганса Эйзеля^[187], «Бухенвальдского мясника», который занимался чудовищными экспериментами над заключенными-евреями. Он был назван военным преступником, но избежал суда и нашел комфортное убежище в Египте, где стал врачом у немецких ученых и инженеров. Харель также указал на некоторых других немецких нацистов, устроившихся в Египте, хотя к ракетному проекту они отношения не имели.

Цель Хареля состояла в том, чтобы публично очернить Германию, с которой у Израиля были весьма сложные отношения, являвшиеся объектом постоянных внутренних споров. Относительно умеренные, такие как Бен-Гурион и его главный помощник Шимон Перес, утверждали, что в те времена, когда Соединенные Штаты не хотели предоставлять Израилю всю военную и экономическую помощь, которую он просил, израильская сторона не могла отказаться от помощи немецкого правительства, поступавшей в рамках соглашения о репарациях и компенсациях, и от немецкого военного оборудования и снаряжения, передававшегося Израилю за символическую плату. «Ястребы» типа Голды Меир и самого Хареля, напротив, отрицали точку зрения, что ФРГ является «новой» или «другой» Германией. На их взгляд, история оставила на этой стране несмываемое пятно.

Харель также обратился к Комитету главных редакторов – уникальному израильскому институту, в который входили главные редакторы СМИ, по просьбе правительства подвергавших самоцензуре свои публикации. Харель попросил Комитет дать ему троих журналистов, которых впоследствии привлек к работе в

«Моссаде»^[188]. За счет «Моссада» их направили в Европу для сбора сведений о компаниях, закупавших оборудование для египетского ракетного проекта. Харель утверждал, что журналисты нужны ему для сбора оперативной информации, но на самом деле он хотел использовать их самих и их материалы для «отмывания» сведений, которыми он уже располагал. В дальнейшем эти сведения могли передаваться в иностранные и израильские СМИ для подготовки публикаций, отвечающих его целям.

Информация Хареля способствовала нагнетанию истерии в СМИ^[189] и усиливающемуся ощущению паники в самом Израиле. Бен-Гурион пытался «придержать» Хареля^[190], но ничего не получилось. «По моему мнению, он в тот период был не совсем нормальным^[191], – говорил позднее Амос Манор, тогдашний глава Шин Бет. – Это было что-то гораздо более глубокое, чем идея фикс. С ним нельзя было вести здравую беседу».

Как и все идеи фикс, эта окончилась провалом: падением Хареля^[192]. Его кампания по самопиару, фантастические истории о поднимающихся «зомби» Гитлера больно ранили Бен-Гуриона. Премьер-министр попал под жесткую критику за то, что недостаточно делал для устранения угрозы, исходившей от работающих в Египте немецких ученых, – угрозы, в которой израильтяне видели реальную опасность для своего существования; и за примирительную политику в отношении Западной Германии, которая теперь казалась как минимум косвенно ответственной за разработку новой версии «Окончательного решения».

25 марта 1963 года Бен-Гурион вызвал Хареля к себе^[193] и потребовал объяснений по его действиям в отношении местных и иностранных СМИ, которые он предпринял без одобрения премьер-министра. Разговор превратился в жесткий спор о политике Израиля в отношении к Германии. Бен-Гурион напомнил Харелю, что тот должен был подчиняться политике правительства, а не устанавливать ее. Обиженный замечаниями, Харель выразил готовность подать в отставку, уверенный, что «Старец» не сможет обходиться без него и попросит его остаться.

Но Бен-Гурион думал иначе. Он принял отставку тут же. Когда-то блестящая карьера Иссера Хареля закончилась неудавшимся блефом и

полным поражением. Он был немедленно заменен Меиром Амитом, руководителем АМАН^[194].

Однако для Бен-Гуриона его решение оказалось запоздалым. Кампания Хареля против немецких ученых сыграла на руку лидеру оппозиции Бегину, который никогда не прекращал своих атак против Бен-Гуриона. Даже внутри собственной партии Бен-Гуриона, «Мапай», ситуация дошла до точки кипения. Бен-Гурион постоянно спорил с Голдой Меир, выступавшей главным сторонником Хареля^[195].

Менее чем через два месяца после замены Хареля Бен-Гурион, убежденный в том, что потерял поддержку своей партии, подал в отставку. Его сменил Леви Эшкол.

Тем временем Египет не прекращал эксперименты с системой наведения для ракет, которые могли бы уничтожить Израиль.

Меир Амит, один из блестящих командиров – разработчик Синайской кампании 1956 года, которому удалось превратить Департамент военной разведки в структуру, опередившую свое время на несколько поколений, – принял под свое начало «Моссад», находившийся в состоянии упадка^[196].

Ведомство было глубоко деморализовано. За девять месяцев, что прошли с момента объявления Египтом о четырех ракетных испытаниях, израильтяне узнали о программе на удивление мало. Все, что до сих пор предпринимали «Моссад» и АМАН, не смогло даже замедлить продвижение ракетного проекта, не говоря уж о его остановке. Давление на Германию – будь то посредством самоубийственной кампании Хареля в СМИ или яростных речей Голды Меир в кнессете – результатов не принесло. Когда позднее тем летом Эшкол направил канцлеру Конраду Аденауэру жесткое послание, в котором потребовал от немецкой стороны немедленных действий по возвращению немецких ученых из Египта, это тоже не ускорило процесс. Как докладывали израильские дипломаты в МИД в Иерусалим, они могли только предполагать, «что Аденауэр и другие руководители ФРГ были заняты более важными проблемами», например, «решением вопросов холодной войны после Карибского кризиса»^[197].

Амир взялся за перестройку организации, усиливая ее лучшими профессионалами из тех, кого знал по АМАН. Приняв дела, он сразу же приказал остановить операции, которые считал чужеродными, и

резко сократить ресурсы, затрачиваемые на охоту за нацистскими преступниками^[198], объяснив, что «речь идет о правильной расстановке приоритетов. Мы должны прежде всего сконцентрироваться на сборе информации о сегодняшних врагах государства Израиль».

Амит понимал, что ему нужно реформировать тактику «Моссада» и что организация должна пересмотреть свой подход к проблеме египетских ракет. В результате его первым приказом был отход от «целевых» убийств и сосредоточение главных ресурсов службы на том, чтобы узнать, что конкретно происходит внутри ракетного проекта.

Однако в глубокой тайне, недоступной даже для многих руководителей «Моссада», Амит создал собственный проект «целевых» ликвидаций немецких ученых. Исполнители этого проекта пытались найти возможности отправки «почтовых» бомб непосредственно из Египта, чтобы максимально сократить время между их отсылкой и вскрытием адресатами. Оперативники опробовали этот метод на относительно простой цели – докторе Гансе Эйзеле. 5 сентября в почтовом отделении одного из пригородов Каира, Маади, взорвалось письмо-бомба, адресованное Карлу Дебуше, под именем которого скрывался Эйзель, лишившая зрения почтового служащего^[199].

Неудача этой акции убедила Амита в том, что «целевые» убийства следует осуществлять очень избирательно^[200]. Если не в качестве последнего из возможных средств, то хотя бы после тщательного планирования акций с тем, чтобы избежать досадных провалов. И все же Амит приказал оперативникам «Моссада» готовить планы операций по устранению немецких ученых с помощью стрельбы, взрывов или отравлений, на тот случай, если усилия по мирному разрешению проблемы не сработают.

Амит потребовал активизировать проникновения во все офисы немецких и швейцарских компаний, связанных с ракетным проектом, и фотографировать как можно больше обнаруженных там документов. Эти операции были очень сложными. Объекты их проведения хорошо охранялись – как египетскими разведслужбами, так и людьми Германа Адольфа Валлентина; они располагались в центре густонаселенных

европейских городов, в странах с эффективной системой исполнения законов.

Оперативники «Моссада» проникали в египетские посольства, египетскую торговую миссию в Кёльне, в офис компании Intra. А в помещение представительства авиакомпании EgyptAir они за период с августа 1964-го по декабрь 1966 года проникали не менее 56 раз.

Информация, добытая в ходе этих операций (только до конца 1964 года агентами «Моссада» было сфотографировано около 30 000 документов), являлась важной, но отнюдь не достаточной. «Моссад» остро нуждался в агенте непосредственно в самом ракетном проекте. Эта приоритетная задача была поставлена перед подразделением под названием «Перекресток» («Тцомет» на иврите), которое в будущем станет одной из важнейших структурных единиц «Моссада» и будет приносить спецслужбе большую часть информации.

В отличие от голливудских фильмов и детективных романов, основная часть разведывательной информации добывается не самими оперативниками «Моссада», бегающими в сумерках. Ее львиная доля получается от иностранцев в их родных странах. Оперативные сотрудники «Моссада», отвечающие за вербовки и руководство такими источниками, называются «офицерами-сборщиками», или *катца* в сокращении на иврите. Они профессиональные психологи. И знают, как убедить человека в том, чтобы он предал всех и все, во что он верит: друзей, семью, организацию, страну.

К сожалению, никто из таких оперативников не смог поработать над психологией человека, близкого к египетской ракетной программе. Вербовка агентов в арабских странах становилась стратегическим приоритетом. Однако на ближайшую перспективу, повинуясь неумолимому бегу времени, подразделению «Перекресток» необходимо было искать информаторов где-то еще.

В апреле 1964 года Амит послал Рафи Эйтана в Париж, – мозговой центр израильской разведки, чтобы организовать деятельность «Перекрестка» на континенте. К этому моменту все попытки подразделения завербовать кого-то из немецких ученых провалились, главным образом из-за строгих мер безопасности, введенных Валлентином. С каждым днем он становился все более серьезной проблемой.

Необходимость устранения Валлентина выведет оперативников на гораздо более крупную рыбу. Авраам Ахитув, координатор «Перекрестка» в Бонне, выступил с идеей, которую представил Эйтану в Париже в мае 1964 года. Он нашел весьма сомнительного персонажа, который продавал оружие и информацию режиму Насера и который также был близок к немецким ученым. «Есть только одна проблема, – сказал Ахитув. – Этого человека зовут Отто Скорцени, и в прошлом он был высокопоставленным офицером вермахта, командиром группы спецназа Гитлера и любимцем фюрера».

«И ты хочешь завербовать Отто? – саркастически спросил Эйтан. – Замечательно!»

«Есть еще одна небольшая деталь, – продолжал Ахитув. – Он был убежденным нацистом и членом СС».

Ахитув рассказал Эйтану, что в 1960 году Харель приказал «Амал», подразделению, которое охотилось за немецкими военными преступниками, собрать как можно больше информации о Скорцени, имея в виду предание его суду или ликвидацию. В досье на Скорцени фигурировали материалы о том, что он стал восторженным членом Австрийской нацистской партии в возрасте 23 лет, в 1935 году вступил в ряды СС в Австрии и принимал участие в аншлюсе страны (гитлеровская аннексия Австрии), а также в Хрустальной ночи 1938 года. Он быстро вырос в званиях в СС, став руководителем подразделения спецопераций.

Штурмбаннфюрер Скорцени спускался на парашюте в Иран, чтобы тренировать местное население взрывать нефтепроводы, снабжавшие топливом армии союзников, планировал покушение на Большую тройку – Черчилля, Сталина и Рузвельта. У него имелся план похищения генерала Дуайта Эйзенхауэра, который был вынужден провести рождественскую ночь 1944 года под усиленной охраной. Более всего Скорцени прославился тем, что был выбран Гитлером для руководства рейдом Gran Sasso, в ходе которого удалось освободить друга и союзника Гитлера, бывшего фашистского диктатора Бенито Муссолини с виллы в Альпах, где он содержался итальянским правительством в качестве арестанта.

Разведывательные службы союзников называли Скорцени «самым опасным человеком в Европе»^[201]. Однако он не был обвинен в военных преступлениях. Один трибунал его оправдал, а когда его

вновь арестовали по другим обвинениям, он сумел бежать с помощью друзей из СС. Скорцени нашел убежище во франкистской Испании, из которой установил взаимовыгодные отношения с фашистскими режимами по всему миру, а также поддерживал контакты с немецкими учеными в Египте.

Знакомство Скорцени с немецкими инженерами в Египте и тот факт, что он был начальником Валлентина во время войны, по мнению Эйтана, являлись достаточными основаниями для того, чтобы попытаться завербовать его, несмотря на нацистское прошлое. Этан не относился к числу переживших холокост, и смотрел на проблемы рационально, без включения эмоций. Если бы операция помогла Израилю, рассуждал он, Скорцени снискал бы прощение. «А мы могли бы предложить ему взамен то, чего не могут предложить другие, – говорил он своим коллегам. – Жизнь без страха».

Через целую цепь посредников «Моссад» установил контакт с графиней Эльзой фон Финкенштейн – женой Скорцени. Она сыграет роль моссадовской наживки. Досье «Моссада»^[202] говорило о том, что графиня «принадлежит к аристократическим кругам. Она двоюродная сестра довоенного министра финансов Германии Ялмара Шахта... Ей 45 лет, это весьма привлекательная женщина с кипучей энергией».

«Она занималась всем^[203], – рассказывал Рафаэль (Рафи) Медан, родившийся в Германии оперативник «Моссада», который участвовал в этой операции. – Она продавала аристократические титулы, имела связи с разведкой Ватикана и торговала оружием». К супружеской верности пара относилась весьма либерально. «У них не было детей, – продолжал Медан, – и они придерживались принципов свободного брака. Эльза всегда выглядела восхитительно. Раз в два года она проходила в Швейцарии курс лечения гормонами, чтобы сохранить молодость».

Согласно отчету «Моссад» о ходе операции, «Медан пользовался репутацией сердцееда, поскольку был по-европейски весьма привлекателен и умел оказывать влияние на женщин». Встреча между ними состоялась в конце июля 1964 года в Дублине. Медан представился сотрудником Министерства обороны Израиля, находящимся в отпуске и собирающимся заняться международным туризмом. Он сказал графине, что может быть заинтересован в участии в девелоперском проекте на Багамах, к которому имела отношение и

Эльза. Медан понравился графине, и у них установился хороший психологический контакт. Когда деловая часть встречи закончилась, она пригласила его на вечеринку в своем поместье. Это положило начало целому ряду их встреч, в том числе в весьма откровенных ночных клубах Европы.

Если верить слухам, которые циркулировали в «Моссаде» в течение многих лет и на которые делались намеки в отчетах (хотя открыто это не признавалось), Медан «пожертвовал» собой ради своей страны – и воспользовался свободой брачного союза этой пары, – влюбив в себя графиню и в конце концов уложив ее в постель. (Сам Медан комментировал это так: «Есть вещи, о которых джентльмены не говорят». А встречи с Эльзой описывал с улыбкой как «хорошие и даже приносящие вознаграждение».)

Вечером 7 сентября в Мадриде Медан сказал Эльзе, что его друг из израильского Министерства обороны хотел бы встретиться с ее мужем «для обсуждения очень важного вопроса». Друг уже находится в Европе и ждет ответа.

Склонить графиню фон Финкенштейн к сотрудничеству было несложно. Лишь за четыре года до этого Израиль нашел, захватил, подверг суду и казнил Адольфа Эйхмана. В еврейском мире были могущественные силы, включая известного «охотника за нацистами» Симона Визенталя, которые в мировом масштабе осуществляли кампании по поиску и наказанию нацистов типа Скорцени. И вот Медан может предложить графине – а значит, в расширительном смысле, и ее мужу – ту самую «жизнь без страха».

Наутро, когда они еще были опьянены алкоголем и «травкой» после посещения ночных клубов, Эльза радостно сообщила Медану, что ее муж готов встретиться с его товарищем – если возможно, в тот же вечер.

Медан вызвал Ахитува в Мадрид. Он организовал эту встречу в лобби отеля вечером. Первой появилась графиня, роскошно одетая. Через пятнадцать минут появился полковник. Медан представил им Ахитува. Затем увел Эльзу «для делового разговора». Скорцени остался с Ахитувом.

Финальный внутренний отчет «Моссада», хотя и написанный сухим профессиональным языком^[204], передал атмосферу напряженности встречи. «Трудно недооценить внутреннее эмоциональное

сопротивление Авраама Ахитува всей операции. Авраам являлся отпрыском религиозной еврейской семьи, он воспитывался в религиозной еврейской школе. Для него контакт с нацистским чудовищем был шокирующим эмоциональным опытом, который выходил за пределы профессиональных требований».

В подробном отчете, представленном самим Ахитувом 14 сентября 1964 года, он описал переговоры, которые состоялись у него со Скорцени:

Скорцени был гигант. Просто человечище^[205]. Он был явно исключительно сильным физически. На левой щеке у него красовался хорошо известный по фотографиям шрам, который достигал уха. На то ухо он был частично глух и попросил меня сесть справа от него. Он был хорошо одет.

Меня потрясли два момента. В ходе беседы он начал искать в своей записной книжке номер телефона, чтобы передать его мне. Неожиданно достал из кармана монокль и вставил в правую глазницу. И тогда, со своими гигантскими размерами, шрамом и агрессивным взглядом, стал выглядеть как настоящий нацист.

Второй инцидент произошел после нашей очередной встречи, когда мы обедали в ресторане неподалеку от его офиса. Неожиданно к нам подошел какой-то человек, громко щелкнул каблуками и приветствовал его по-немецки «Мой генерал». Скорцени сказал мне, что это был владелец ресторана и когда-то он занимал видный пост в нацистской иерархии.

Я не питал иллюзий по поводу его изначальных взглядов. Даже его жена не пыталась обелить его передо мной. Она подчеркнула только, что он не принимал участия в холокосте... На первой встрече разговор в основном касался политических вопросов, Второй мировой войны, холокоста, отношений Востока с Западом и ситуации на Ближнем Востоке.

Ахитув затронул вопрос о связи Скорцени с погромами Хрустальной ночи. Он достал список лиц, которые участвовали в нападениях на евреев, и передал его немцу. Скорцени был знаком с этим документом, хранившимся в Яд ва-Шем, поскольку на суде над военными

преступниками, которого он сумел избежать, звучали обвинения в адрес этих людей.

Он указал на знак «Х» рядом со своей фамилией^[206]. «Это доказательство того, что я в этом не участвовал», – сказал он, хотя «охотник за нацистами» Симон Визенталь интерпретировал знак как доказательство обратного. Скорцени пожаловался, что Визенталь охотился за ним и он не раз оказывался в ситуации, когда «опасался за свою жизнь». Ахитув решил не затягивать обсуждение этих вопросов и не стал спорить.

На каком-то этапе Скорцени устал говорить о войне. «Он остановил меня и спросил, в чем существо моего дела. Было ясно, что играть с ним в прятки бессмысленно. Я сказал, что являюсь сотрудником службы безопасности Израиля. (Скорцени) ответил, что не удивлен, что мы вышли на контакт с ним. В разное время он был связан с разными странами и с некоторыми из них сохранил превосходные отношения. Он был явно готов обменяться мнениями и с нами»^[207].

«Обмен мнениями» явился тем деликатным способом, которым Скорцени намекал на свое согласие на полное и всеобъемлющее сотрудничество с Израилем. За помощь он потребовал плату. Хотел получить действующий австрийский паспорт на свое имя, правительственное постановление о пожизненном освобождении от судебного преследования, подписанное премьер-министром Эшколом, немедленное его исключение из списков нацистских преступников Визенталя, а также некоторое количество денег.

Условия, выдвинутые Скорцени, вызвали в «Моссаде» острые споры^[208]. Ахитув и Эйтан видели в них «вынужденные ограничительные факторы и требования, обязательные для успеха операции». Другие старшие сотрудники спецслужбы утверждали, что «это попытка нацистского преступника обелить свое имя», и требовали нового взгляда на прошлое Скорцени. Проведенные новые расследования выявили дополнительные детали относительно его участия в Хрустальной ночи «в качестве руководителя одной из толп бандитов, которые жгли синагоги в Вене», а также свидетельства того, что «до последнего времени он активно поддерживал неонацистские организации».

Меир Амит, как всегда практичный и безэмоциональный, считал, что Эйтан и Ахитув правы, но ему нужна была моральная поддержка

премьер-министра. Леви Эшкол выслушал Амита и посоветовался с некоторыми высокопоставленными руководителями «Моссада», которые пережили холокост (в отличие от Амита, Эйтана и Ахитува, геноцида не знавших). Он столкнулся с их категорическими возражениями. Тем не менее Эшкол в конце концов одобрил предоставление Скорцени денег, паспорта и иммунитета.

Премьер-министр одобрил и требование Скорцени по поводу Визенталя, однако решить этот вопрос окончательно ни он, ни «Моссад» не могли. Визенталь был упрямым человеком со своей непоколебимой точкой зрения. Хотя он и имел тесные связи с государством Израиль и даже «Моссадом», финансировавшим некоторые его операции, он не являлся израильским гражданином и работал из Вены, вне израильской юрисдикции.

В октябре 1964 года Рафи Медан встретился с Визенталем, чтобы обсудить, не касаясь деталей операции, вопрос о том, почему Скорцени следует вычеркнуть из черного списка нацистских преступников, которые должны быть схвачены и подвергнуты суду.

«К моему удивлению, – вспоминает Медан, – Визенталь сказал “Герр Медан, об этом даже не может быть речи. Это нацистский военный преступник, и мы никогда не вычеркнем его из нашего списка”. Как я ни пытался что-то сказать, он просто наотрез отказался»^[209].

Когда Скорцени сказали, что он останется в списке Визенталя, он был разочарован, но на сделку все же согласился. Таким образом, свершилось невероятное: любимец фюрера, которого разыскивали по всему миру как военного преступника, вне всяких сомнений сжигавшего синагоги и участвовавшего в акциях СС, стал ключевым агентом в проводимой в то время израильской разведкой важнейшей операции.

Первым делом Скорцени направил своим друзьям среди немецких ученых в Египте послание, в котором намекал на то, что возрождает сеть ветеранов СС и вермахта в целях «строительства новой Германии», иными словами – создания Четвертого рейха. Он также намекал, что подготовка данного мероприятия требует секретного сбора информации. Таким образом, от немецких инженеров, работавших на Насера, требовалось, в соответствии с присягой, снабжать фантомную организацию Скорцени деталями ракетных

исследований, которые могли бы быть использованы и новой армией Германии в производстве ракетного оружия.

В то же время Скорцени и Ахитув разработали план получения информации от страшной фигуры – начальника службы безопасности египетского проекта Германа Адольфа Валлентина, который знал все о работах по нему. В отличие от метода вербовки умного и опытного Скорцени, который знал о том, что имеет дело с человеком из «Моссада», и которого Ахитув никогда не пытался обмануть, план в отношении Валлентина предполагал его использование втемную.

Скорцени отлично сыграл свою роль. Он вызвал Валлентина в Мадрид под предлогом приглашения на встречу своих подчиненных по «овеянной славой войне». За счет «Моссада» он разместил Валлентина в роскошном отеле и представил ему свой фальшивый план по возрождению рейха. Затем сказал Валлентину, что это не единственная причина для его вызова в Мадрид. Скорцени хочет познакомить его со своим «близким другом» из британской секретной службы МІ6. По словам Скорцени, британцев интересовало то, что происходило в Египте, и он попросил Валлентина помочь своему «другу».

Валлентин насторожился. «Вы уверены, что здесь не замешаны израильтяне?»

«Встань по стойке смирно, когда к тебе обращаются, и извинись! – рявкнул Скорцени. – Как ты смеешь говорить такое своему командиру?»

Валлентин дисциплинированно извинился, но слова Скорцени его не убедили. И на самом деле он был абсолютно прав. «Друг» Скорцени был не британцем, а родившимся в Австралии оперативником «Моссада» по имени Гарри Барак.

Валлентин согласился встретиться с ним, но на сотрудничество не пошел. Встреча ни к чему не привела.

Изобретательный Скорцени тут же придумал решение. На своей следующей встрече с Валлентином он сказал ему, что его друг из МІ6 напомнил, что телеграмма, посланная Скорцени в конце войны, в которой он извещал Генеральный штаб, что повышает Валлентина в звании, до адресата не дошла. Не дошла она и до Валлентина.

Глаза у немца загорелись. Хотя прошлое повышение теперь было чисто символическим, для Валлентина оно имело большое значение.

Он встал, выкинул руку в гитлеровском приветствии и высказал Скорцени глубокую благодарность.

Скорцени сказал Валлентину, что готов выдать ему письменный документ о его повышении. Валлентин был также благодарен новому знакомому из британской разведки за информацию и согласился помочь ему в его просьбах.

Со временем Скорцени пригласил в Мадрид и других офицеров вермахта, занятых в ракетном проекте^[210]. Они посещали роскошные вечеринки в его доме, которые представлялись как собрания ветеранов специальных подразделений СС. Гости Скорцени ели, пили и развлекались до поздней ночи, так и не узнав, что за еду и напитки платило израильское правительство и что все их разговоры прослушивались.

Информация, полученная от Скорцени, Валлентина и приезжавших в Мадрид ученых, решила большую часть проблем с разведданными по египетской ракетной программе. Были точно установлены все вовлеченные в этот проект специалисты и детально описаны текущие стадии разработки всех его компонентов.

Благодаря такому массиву разведданных «Моссад» под руководством Меира Амита оказался в состоянии разрушить египетскую ракетную программу изнутри^[211]. При этом параллельно использовались сразу несколько методов. Одним из них было направление многим немецким инженерам писем с угрозами. Эти письма были очень грамотно составлены, и в них использовалась первоклассная информация, полученная от Валлентина, включая сугубо личные подробности жизни адресатов.

«Помните, что если вас нельзя обвинить в преступлениях, совершенных германской нацией в прошлом, вы не сможете отрицать ответственность за ваши деяния сегодня. Вы должны очень серьезно воспринять содержание этого письма во имя своего будущего и будущего молодых членов вашей семьи». Эти письма подписывала никому не ведомая организация «Гедеоны».

Тем временем «Моссад» благодаря вновь поступающей, прежде всего от Валлентина, информации узнал о секретном плане египтян нанять сотни рабочих и техников с авиационно-ракетного предприятия компании Hellig во Фрайбурге, которых собирались увольнять. Амит решил воспользоваться удачной ситуацией и предпринять быстрые

действия с тем, чтобы предотвратить выезд этих специалистов в Египет.

Утром 9 декабря тогдашний заместитель министра обороны Шимон Перес и Рафи Медан, в руках которого был закрытый на ключ атташе-кейс с рядом документов на английском^[212], подготовленных аппаратом директора «Моссада» на основании материалов, полученных от Скорцени, Валлентина и приезжавших в Мадрид инженеров, вылетели на спешно организованную встречу с одним из самых влиятельных немецких политиков, в прошлом министром обороны Францем-Йозефом Штраусом. Перес и Штраус были архитекторами соглашения о репарациях между Западной Германией и Израилем^[213]. Штраус поднялся со своего кресла, чтобы приветствовать израильтян, а с Шимоном Пересом они тепло обнялись.

«Мы говорили в течение шести часов, – вспоминал Перес. – О боже, сколько же этот человек пил. Вина со всего мира, пиво. Я тоже могу выпить, но столько?! Шесть часов – и мы все время пили».

Информация, которую Перес представил Штраусу, была гораздо более подробной, выверенной, подлинной и серьезной, чем все, что предъявлялось немцам до этого. «Это немыслимо – чтобы немецкие ученые таким образом помогали нашим заклятым врагам, а вы бы безучастно стояли рядом», – сказал Перес Штраусу, который, судя по всему, быстро понял, что может означать организация утечки такой информации в мировые СМИ.

Штраус посмотрел на документы и согласился вмешаться в это дело. Он вызвал Людвига Бёлькова, влиятельную фигуру в немецкой аэрокосмической отрасли и владельца компании Bölkow, и попросил его о помощи. Бёльков послал своих представителей предложить инженерам и техникам компании Hellig работу на хороших условиях у себя на предприятиях, с условием, что они не будут помогать Египту.

И план сработал. Большинство бывших сотрудников Hellig не поехали в Египет, где работы над ракетным проектом срочно требовали их помощи – особенно в части плохо поддающейся разработке системы управления. Такое развитие событий критически повредило проекту.

Последний удар последовал тогда, когда представитель Бёлькова прибыл в Египет, чтобы убедить работающих там ученых и инженеров

вернуться домой. Один за другим они дезертировали из программы, и к июлю 1965 года уехал даже Пильц, которому предложили возглавить один из отделов на авиастроительном предприятии Bölkow.

Дело немецких ученых было первой из операций «Моссада», когда ведомство мобилизовало все свои силы, чтобы остановить то, что воспринималось разведкой как экзистенциальная угроза со стороны противника. Впервые Израиль позволил себе атаковать в качестве целей гражданских лиц из тех стран, с которыми имел дипломатические отношения. С учетом возросших ставок, в 1982 году в «Моссаде» был подготовлен совершенно секретный внутренний документ, в котором анализировался вопрос: возможно ли было решить «ракетное» дело с использованием «мягких» методов – без «таинственного исчезновения Круга, без бомбы, изуродовавшей Ханнелоре Венде, без других писем-бомб и акций устрашения».

В докладе делается вывод, что тогда это не было возможно: «Моссад» был уверен в том, что без угрозы насилия, направленной на немецких ученых, они никогда не согласились бы покинуть этот проект даже в обмен на деньги.

6

Серия катастроф

После дела немецких ученых «Моссад» был на подъеме. Меир Амит привлек дополнительных профессионалов из армии, обеспечил ведомство новой техникой и технологиями и укрепил связи с иностранными разведывательными службами. Продолжил серьезные организационные преобразования в «Моссаде».

Амит хотел создать в ведомстве единое оперативное управление^[214], в составе были бы подразделения, занимавшиеся актами саботажа, «целевыми» убийствами и разведывательными операциями в арабских странах. Чтобы добиться этого, Амит сделал то, что давно хотел сделать Харель и чему Амит тогда противился: он перевел подразделение 188 из АМАН в «Моссад» и слил его с «Мифрацем» Шамира. Начальником нового отдела стал Йосеф Ярив, а Шамир был назначен его заместителем.

Директор «Моссада» назвал новый отдел «Кесария», по названию основанного римлянами города на побережье Средиземного моря. Это был еще один пример склонности израильской разведки к использованию кодовых названий, взятых из древней истории еврейского народа. Сеть операций отдела «Кесария» за рубежом получила кодовое наименование «Сенат».

Амит также хотел создать свое разведывательное подразделение. До сих пор один отряд, «Птицы», обслуживал и Шин Бет, и «Моссад». Амит решил, что теперь необходимо специальное подразделение, которое работало бы только за рубежом и только на «Моссад». Он ввел в состав этой новой оперативной единицы нескольких офицеров из группы «Птицы» и назвал ее «Колосс».

В дополнение к этим бюрократическим преобразованиям Амит сделал так, что «Моссад» стал добывать беспрецедентное количество информации об арабских странах и их армиях. Одной из выдающихся стала «Операция Бриллиант»^[215], в ходе которой группа «Перекресток» завербовала иракского военного летчика, Мунира Редфу, который бежал в Израиль на новейшем истребителе МиГ-21, считавшемся самым продвинутым и опасным ударным оружием,

которым располагал в то время Советский Союз. Теперь израильские ВВС были в состоянии подготовиться к борьбе с самым мощным противником в будущих воздушных сражениях. Пентагон очень хотел изучить секреты этой машины, и Амит передал американцам не только ее чертежи, но и сам самолет с хорошо подготовленным пилотом.

В соответствии с доктриной «работы на периферии» Амит также неустанно развивал тайные отношения Израиля с Марокко. Хотя эта страна принадлежала к арабскому миру и поддерживала тесный контакт с главными врагами Израиля, она отличалась умеренностью подходов и не имела территориальных споров с Израилем. Ее лидер, король Хасан II, был относительно прозападно настроен.

Марокко получало ценную помощь от Израиля в области разведки и технологий. В обмен король разрешал марокканским евреям эмигрировать в Израиль, а «Моссаду» позволил создать свою постоянную резидентуру в столице королевства Рабате^[216], откуда тот мог шпионить за арабскими государствами.

Пик сотрудничества пришелся на сентябрь 1965 года^[217], когда Хасан разрешил группе во главе с Цви Мальхиным и Рафи Эйтаном установить подслушивающие устройства во всех рабочих помещениях и резиденциях лидеров арабских государств и высших военных руководителей во время саммита ОАГ в Касабланке. Целью саммита было обсуждение вопросов учреждения объединенного командования вооруженными силами арабских стран в будущих войнах с Израилем. Отношения короля Хасана II с рядом арабских лидеров не отличались особой устойчивостью, и он даже полагал, что некоторые из них пытаются свергнуть его с престола. Поэтому разрешил израильтянам внимательно прислушаться к их разговорам.

Это предоставило Израилю беспрецедентный шанс вывести военные и разведывательные секреты главных врагов и понять истинные умонастроения их лидеров. На саммите командующие вооруженными силами арабских стран докладывали, что их армии не готовы к новой войне с Израилем. Эта информация породила абсолютную уверенность израильских военных в своих силах, когда спустя два года, в июне 1967-го, они убеждали премьера Эшкола начать военные действия против арабов. В докладе «Моссада» того времени написано: «Эти сенсационные материалы явились одним из

выдающихся достижений израильской разведки со времени ее основания»^[218].

Эти успешные операции предоставили в распоряжение Армии обороны Израиля разведывательные данные, остро необходимые ей в следующей войне. Однако вслед за этим с головокружительной быстротой последовал ряд катастроф, сильно ударивших по самому Амиту и его организации.

Лучшим агентом в подразделении 188, а теперь «Кесарии», был Эли Коэн, который сумел проникнуть в правящие круги Дамаска^[219] и передать информацию, которая позволила «Моссаду» провести идентификацию нациста Алоиса Бруннера и отправить ему письмо-бомбу.

Поначалу перед Коэном стояла задача исполнять обязанности «спящего агента», который должен был не собирать и передавать информацию, а, скорее, активироваться только в том случае, когда необходимо было предупредить Израиль о планах Сирии по неожиданному нападению.

Однако под давлением оперативных начальников^[220] и в результате того, что он плотно вжился в образ и был слишком уверен в легенде, он стал практически ежедневно передавать в «Моссад» разведывательные сведения по рации, которую прятал в своей квартире. Сообщал о сирийских секретных военных объектах, замыслах Дамаска установить единоличный контроль над всеми водными ресурсами региона (с помощью саудовской строительной компании, которой руководил Мохаммед бен Ладен, отец Усамы), об отношениях страны с СССР, о нацистах, окопавшихся в Дамаске, парламентских слухах и борьбе за власть в Сирии. Передача Коэном информации такого рода, и особенно с такой частотой, явилась серьезной профессиональной ошибкой с его стороны^[221], но что более важно – со стороны его кураторов.

«Эли Коэн был одним из тех людей, которые легко шагают по жизни обходными путями, – рассказывал Моти Кфир, который занимался в «Моссаде» многим, в том числе в начале 1960-х годов руководил программами подготовки оперативников. – Когда вы все время двигаетесь в обход, вам кажется, что никто вас не замечает. Эли ошибался. Он стал слишком заметным. Я говорил ему во время

занятий: “Не превращай свою жизнь в вечеринку”. Но он делал наоборот»^[222].

Письмо-бомба, направленное Бруннеру^[223], а также живой интерес, проявленный Коэном к судьбе других нацистов в его разговорах в сирийских правящих кругах, наряду с тем, что он находился «в несколько странном положении, безработный иммигрант... который давал шикарные вечеринки, вращался в высшем обществе» и «обеспечивал своим гостям и друзьям всевозможные удовольствия», – насторожило сирийские спецслужбы и привело к тому, что один из контактов Коэна усомнился в его легенде Камаля Амина Тхабета, богатого сирийского торговца, возвратившегося на родину после долгих лет ссылки в Буэнос-Айресе.

По трагическому для Коэна совпадению как раз в это время частота работы его передатчика совпала с частотой радиосигналов сирийского генерального штаба, здание которого находилось напротив арендованной разведчиком роскошной квартиры, где он организовывал откровенные вечеринки для высокопоставленных сирийских источников. Озадаченные сирийцы обратились к ГРУ, советской военной разведке, с просьбой провести расследование. Русские послали специальные пеленгационные машины, которые сумели засечь частоту передатчика Коэна во время одного из сеансов.

Коэн был арестован, подвергнут жестоким пыткам^[224], предан скорому суду и приговорен к смерти. 18 мая его повесили на центральной площади Дамаска. Тело оставили на виселице. Оно было обернуто белым саваном, на который был прикреплен текст смертного приговора Коэна. Это было послание государству Израиль.

Гедали Калаф, человек, который завербовал, готовил и руководил Коэном, позже рассказывал: «Я смотрел на него, на моего Эли, по сирийскому телевидению. На его лице я видел следы ужасных пыток. Я не знал, что делать. Хотел закричать, сделать хоть что-нибудь, схватить пистолет и прорваться к тюрьме Меззе^[225]. Хотел биться головой о ее стены, пока не разрушил бы их и мы не спасли бы Эли. Но они убили его, а мы ничего не могли сделать, кроме того чтобы стоять и смотреть»^[226].

«Моссад» Амида, только что испытывавший такую уверенность в себе, был унижен и продемонстрировал свое бессилие^[227]. Хуже того, деятельность «Моссада» была раскрыта. Сирийцы так жестоко пытали

Коэна – вырывали у него ногти, подводили электроток к половым органам, – что он сломался. Открыл секретные коды для связи и расшифровал 200 сообщений, послал в центр. Коэн также рассказал сирийцам все, что знал о методах израильских спецслужб в вербовке, подготовке и создании прикрытий для агентов.

Вскоре после поимки сирийцами Коэна «Кесарию» постигло другое несчастье. Вольфганг Лотц, агент подразделения в высшем обществе Каира, ключевой элемент в сборе сведений для операций по ликвидации немецких ученых в Египте, был разоблачен 10 февраля 1965 года. Его провал также явился следствием чрезмерной активности и уверенности в своей легенде, сопровождающихся рядом грубых ошибок, которые совершил он сам и его кураторы в центре.

Единственным, что спасло Лотца от судьбы Эли Коэна, стало вмешательство BND, немецкой разведывательной службы, которая в ответ на просьбу Израиля сообщила египетским властям, что Лотц работал и на нее. Лотц и его жена Вальтрауд избежали виселицы и были приговорены к пожизненному заключению. (Позднее, после Шестидневной войны, в 1967 году, они были освобождены в рамках обмена пленными.) Однако это был второй тяжелый удар для «Моссада»^[228]. Чтобы избежать дальнейших потерь, Йосеф Ярив приказал многим другим своим шпионам, чья подготовка и создание легенд стоили многолетних усилий, вернуться домой. «Кесария», не пройдя детский возраст, рухнула.

Премьер-министр Эшкол воспринял провал двух агентов как национальную трагедию^[229]. Несмотря на бедственное положение, в котором находился «Моссад», он все же решил одобрить специальную операцию с «целевым» убийством, которую «Кесария» намерена была провести в Уругвае. За два месяца до этого состоялось совещание представителей различных спецслужб, на котором обсуждались перспективы «охоты» за нацистами, хотя в то время этот вопрос уже не являлся приоритетным. Рафи Медан, заместитель руководителя «Амала», который занимался этой проблемой, «прошелся» по списку возможных целей, из которого только что было исключено имя Скорцени. Когда он дошел до Герберта Цукурса, латышского нацистского военного преступника, летчика, добровольно пошедшего на сотрудничество с СС и гестапо, и начал описывать ужасы, которые он творил, в зале послышался звук падающего тела. Это потерял

сознание шеф АМАН, управления военной разведки, генерал-майор Аарон Ярив. Через некоторое время он пришел в себя. Оказалось, что Цукурс сжег заживо нескольких родственников и друзей Ярива^[230].

После совещания Амита, который был в дружеских отношениях с Яривом и на которого этот эпизод произвел неизгладимое впечатление, попросил встречи с премьер-министром Эшколом и получил его разрешение на ликвидацию Цукурса^[231].

Цукурс убивал евреев из спортивного интереса. Он стрелял по ним на улицах, приказав перед этим бежать и спасаться. Он запирали евреев в синагогах и поджигал их, распивая спиртное и слушая крики несчастных. Люди, пережившие холокост, называли его «рижским мясником», его имя часто звучало в ходе Нюрнбергского процесса над военными преступниками как прямого участника убийств 15 000 евреев и косвенно причастного к уничтожению еще 20 000 человек. После войны он умудрился скрыться и найти убежище в Бразилии, где занялся туристическим бизнесом, окружив себя охранниками в страхе перед повторением судьбы Эйхмана.

Яков Мейдад, оперативный работник «Кесарии», говоривший на испанском и немецком, выступил в качестве австралийского бизнесмена, ищущего возможности в туристической отрасли Южной Америки. Он сумел убедить Цукурса поехать в Уругвай для встречи с группой девелоперов, собирающихся «раскрутить» роскошные апартаменты в пригороде Монтевидео. В этих апартаментах должны были ждать в засаде трое оперативников-киллеров. По плану Мейдад входил в здание первым, Цукурс – за ним. Далее один из оперативников затащивал его внутрь и закрывал дверь. После этого, когда двое других оказывались вне линии огня, он должен был застрелить Цукурса.

Дело, однако, пошло не так гладко, как планировалось. Цукурс был настороже и боялся западни. Когда он вошел в здание, то моментально понял, что происходит, и попытался развернуться, чтобы выбежать на улицу. Ярив хотел удержать его удушающим приемом, а еще один оперативник попытался помочь затащить его внутрь. «То обстоятельство, что Цукурс был перепуган до смерти, – вспоминал Мейдад, – и жил в страхе и ожидании подобного момента в течение двадцати лет, придало ему нечеловеческие силы. Ему удалось сбить с ног удерживающего его сотрудника. Он схватился за ручку двери и

попытался открыть ее. И если бы мы втроем, включая меня, не держали ее снаружи, он, вероятно, смог бы открыть ее».

Цукурс впился зубами в палец Ярива, откусив его кончик. Этот кусочек остался у него во рту. Ярив взвыл от боли и вынужден был ослабить захват шеи Цукурса. Он уже почти освободился из рук Ярива, но тут один из группы, Зеам Амит (двоюродный брат директора «Моссада»), который не мог стрелять из опасения попасть в товарищей, подобрал молоток и стал снова и снова бить им по голове Цукурса, пока тот не затих. Третий оперативник, Элиэзер Содит-Шарон, в прошлом главный боевик «Иргуна», выстрелил в изверга два раза, чтобы добить ^[232].

Оперработники положили тело в чемодан, подготовленный у них в апартаментах, сверху поместили «вердикт» – лист бумаги, на котором было написано: «Осужденный казнен с учетом его личной ответственности за убийство 30 000 человек с особой жестокостью. (Подпись) ТЕ, КТО НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ» ^[233].

В «Моссаде» операция официально была признана успешной ^[234], однако правда состояла в том, что непрофессиональное исполнение легко могло превратить ее в катастрофу. Как бы то ни было, Ярив потерял почти полпальца. Оперработник, который раскроил Цукурсу голову молотком, Зеам Амит, до конца жизни страдал ночными кошмарами, спровоцированными испытанным при убийстве шоком.

Следующая катастрофа чуть не стоила премьер-министру Эшколу и директору «Моссада» Амиту постов. 30 сентября 1965 года, на следующий день после того, как «Моссад» получил жизненно важные пленки звукозаписи с арабского саммита, один из руководителей марокканской разведки, Ахмед Длими ^[235], связался с «Моссадом» и ясно дал понять, что марокканцы ожидают скорейшего возврата израильянами долга за полученную ими ценную информацию. В мире разведывательных служб бескорыстных подарков не бывает.

Амит доложил Эшколу: «С одной стороны, они передали нам пленки. С другой, – говорят: „Верните долг!“ И смысл их требований очень простой. У них есть гой по имени Бен Барка, который состоит в оппозиции к королю... Король отдал приказ стереть его с лица земли. Они пришли к нам и сказали: „Вы великие мастера по убийствам... Так сделайте это!“» ^[236]

Лидер оппозиции Мехди Бен Барка^[237] был изгнан из Марокко в начале 1960-х годов, а позже заочно приговорен к смерти. Марокканская разведка пыталась установить его местонахождение, но Бен Барка был достаточно осторожен, чтобы не выдать себя. Он перемещался между различными городами и использовал подставные фамилии. Руководство марокканской секретной службы просило «Моссад» найти, поймать и убить Бен Барку.

«Мы столкнулись с дилеммой, – вспоминал позднее Амит. – Либо помочь и дать вовлечь себя в это дело, либо отказаться и подвергнуть опасности национальные достижения высшего порядка»^[238].

Много лет спустя Амит пытался изобразить себя выбравшим тактику «прохождения между струй». Она подразумевала не прямое пособничество в убийстве, а «включение ее (помощи марокканцам) в наши постоянные совместные с ними мероприятия». Однако если внимательнее посмотреть на внутреннюю телеграфную переписку и отчеты «Моссада» того времени, можно увидеть, что организация оказалась глубоко вовлеченной в эту акцию.

«Кесария» и «Колосс» помогли марокканцам установить в Женеве киоск печати, в который приходили журналы для Бен Барки, и организовать слежку за ним. Позднее израильтяне предложили план: Бен Барку предполагалось заманить в Париж с помощью человека, выдающего себя за режиссера-документалиста, который восхищен историей жизни марокканского оппозиционера в ссылке и хотел бы снять фильм о нем. «Моссад» предоставил марокканцам конспиративные квартиры в Париже, автомашины, поддельные паспорта и два вида яда для убийства Бен Барки. Он снабдил марокканские секретные службы даже лопатами и «некоторым другим инструментарием для сокрытия следов».

Когда 29 октября 1965 года Бен Барка приехал в Париж, марокканцы похитили его с помощью подкупленных французских полицейских. Он был доставлен на пустую конспиративную квартиру, где марокканцы стали его зверски допрашивать. Вскоре он умер от асфиксии, после того как его много раз погружали с головой в ванну с грязной водой.

Оперативные работники «Моссада» не присутствовали и не принимали участие в убийстве, однако взялись за ликвидацию следов преступления^[239]. Сотрудники «Кесарии» и «Колосса» совместно перевезли тело Бен Барки в близлежащий парк Сен-Жермен. Вырыли в

глубокую яму и захоронили труп, посыпав его специальным порошком, ускоряющим разложение тела, особенно после контакта с водой. Почти сразу же пошли проливные дожди, так что вскоре от Бен Барки практически ничего не осталось. Если же *что и осталось*, как допускают участвовавшие в этом деле оперативники, *это* находится глубоко под дорогой, ведущей к ультрасовременному зданию, которое занимает фонд Louis Vuitton Foundation, а может, и под самим зданием.

Амит обещал Эшколу: «Я ничего не предприму, не сообщив вам»^[240]. Уже постфактум рассказал ему только часть правды. А 25 ноября 1965 года Амит доложил Эшколу: «Все прошло хорошо».

Однако на самом деле ничего хорошего во всем этом не было. Факт исчезновения Бен Барки в Париже и того, что в этом были замешаны высшие чины марокканской разведки и французские наемники, взорвал СМИ Франции и долго еще оставался в заголовках газет. Президент Шарль де Голль даже расформировал некоторые подразделения разведки и отдал вовлеченных в инцидент сотрудников под суд. Когда король Хасан отказался выдать руководителей марокканских разведслужб для проведения над ними суда в Париже, де Голль в гневе разорвал дипломатические отношения с Марокко.

Позорный шлейф этой операции тянулся десятилетиями и омрачил отношения между Марокко и Францией, в которой до сих пор существует следственная группа по этому делу. Материалы расследования возбудили подозрения и в адрес сотрудников «Моссада», и все вовлеченные в операцию вынуждены были в спешке покинуть Париж. Многие годы им угрожала опасность судебного преследования.

В тот период Иссер Харель являлся советником премьера Эшкола по разведке. Обиженный и обозленный тем, что его изгнали с поста директора «Моссада», и завидующий преуспевающему Амиту, Харель получил в свое распоряжение некоторые документы по делу Бен Барки и объявил Амиту войну.

В пространным докладе, который Харель представил премьер-министру, он заявил: «Моссад», а вместе с ним и наше государство оказались втянутыми в различные мероприятия, связанные с политическим убийством, в котором у Израиля не только не было заинтересованности, но в которое Израиль, по моему мнению, и не

должен был ввязываться по моральным, общественным и международным соображениям»^[241].

Харель потребовал, чтобы Эшкол уволил Амита и послал своего спецпредставителя в Париж рассказать де Голлю всю правду. Эшкол отказался, Харель обвинил уже премьер-министра в том, что он сам связан с этим убийством, и настаивал на отставке Эшкола. Он пригрозил премьеру, заявив: «Эхо этого дела привлечет внимание общества, и вся партия (Труда) будет покрыта позором».

Когда и это не сработало, Харель организовал утечку сведений о деле Бен Барки в желтый еженедельник, специализировавшийся на сенсациях. Главный редактор издания отказался публиковать материал, и Харель рассказал о деталях инцидента высокопоставленным функционерам партии^[242], побуждая их восстать против лидерства Эшкола. Функционеры, в свою очередь, попытались уговорить Голду Меир организовать заговор против Эшкола. Меир согласилась с тем, что Амит должен уйти, но была против изгнания премьер-министра. «Это я должна свергнуть Эшкола и занять его место? – воскликнула она со своим знаменитым пафосом. – Лучше я брошусь в море»^[243].

Однако яростные атаки Хареля не прекращались^[244]. Тогда Эшкол и Амит решили нанести ему встречный удар, противодействуя шантажу с его стороны аналогичными методами. Амит сказал ближайшим помощникам: «Харель не оставит своих нападок добровольно... если ему не намекнуть, что в его прошлом найдется достаточно моментов, которые могут разрушить его претензии на роль «гаранта моральных устоев» внутри «Моссада».

Таких моментов было достаточно^[245]. Амит приказал принести из архива досье Александра Исраэли – того самого морского офицера, который в 1954 году продал секреты Египту, затем был похищен для предания суду, но умер на пути в Израиль от передозировки транквилизаторов. Харель велел выбросить его тело в море, а семье сказать, что он бежал в Южную Америку.

Амит передал это досье ветерану «Моссада»^[246], который презирал Хареля, дружил с Амитом и был в курсе дела Исраэли. Этот человек пригласил Хареля для беседы. «Как вы думаете, что произойдет, если дело станет достоянием общественности? – спросил он Хареля. – Не думаете, что такой серьезный инцидент потребует пристального изучения и тщательного расследования? Конечно, мы постараемся не

предавать дело излишней огласке, но мы не единственные, кто знает об этом. И особенно ужасно, что оно привлечет внимание журналистов в наши дни».

Харель все понял. Вскоре он подал в отставку.

Для Амита главным уроком, вынесенным из этого дела, стал вывод о том, «что мы никогда не должны вмешиваться в решение щепетильных вопросов, в которых не имеем прямого интереса, ради других, особенно убийства^[247]. Мы должны кого-то убивать только в том случае, если этот кто-то угрожает интересам Израиля. А исполнение может быть только бело-голубым (здесь он имел в виду цвета израильского флага), то есть осуществляться только израильянами».

Из всех этих катастроф разведслужба и особенно ее головное подразделение, «Кесария», вышли в смятении и с подпорченной репутацией. Амит создал ряд рабочих комиссий для того, чтобы проанализировать ошибки.

Главной фигурой в этих расследованиях был Майкл «Майк» Харари^[248]. Когда работа была завершена, Амит назначил Харари заместителем начальника «Кесарии». Харари проработал в этой должности пять лет, сначала под командой Йозефа Ярива, потом Цви Аарони, но на практике всегда являлся живым воплощением «Кесарии» и, по существу, руководил подразделением. В 1970 году он был назначен начальником «Кесарии» и оставался на этом посту еще десять лет. Пятнадцать лет, в течение которых он управлял подразделением, стали наиболее важными и беспокойными в его истории. Харари получил прозвище «кесарь» и стал одной из фигур, имеющих наибольшее влияние в мире специальных операций «Моссада».

Харари родился в Тель-Авиве в 1927 году^[249]. «Два события определили мою жизнь», – вспоминал он. В 1936 году, будучи ребенком, он стал свидетелем кровавых выступлений палестинских арабов против евреев и британцев, которые позже стали известны как Палестинское восстание. «Я видел бесчинствующую толпу и сгоревший остов британского джипа, в котором обугленный сержант еще сжимал руками руль». Когда он видел драку между евреями и палестинцами, он не убегал. Шел в ближайшую лавку, покупал оружие – тяжелую ручку для сковороды – и присоединялся к битве против арабов.

Следующее судьбоносное для Харари событие произошло в 1943 году, когда он вышел на улицу поиграть с друзьями через минуту после того, как британские полицейские из Департамента уголовных расследований Британской мандатной администрации застрелили Авраама Штерна, командира экстремистской подпольной еврейской организации «Лехи». «Я видел, как они вынесли его тело из дома. Затем пошел наверх по лестнице. Я был еще подростком, и никто не остановил меня. Вошел в квартиру и увидел чулан, в котором он прятался... Такие вещи оказывают на тебя очень сильное влияние».

В 1943 году он соврал насчет своего возраста, чтобы вступить в секретную армию еврейского Ишува Палестины. «Подполье, полное тайн. Это заинтриговало меня». Он принимал участие во многих акциях, включая диверсии на железных дорогах и мостах, нападения на британские полицейские участки и сбор разведывательной информации. Несколько раз его арестовывал Департамент уголовных расследований (CID).

После Второй мировой войны, когда руководство «Хаганы» узнало, что Харари говорит на нескольких языках, он был направлен в Европу наладить транспортировку еврейских беженцев в Израиль^[250]. Он был связан с секретной покупкой кораблей и сложными логистическими схемами доставки нелегальных иммигрантов на суда и контрабандного вывоза их в Палестину под носом у англичан. «Это был период, когда я выработал для себя критерии и методы тайных операций за рубежом, то есть те инструменты, которые я использовал позднее в «Моссаде».

После создания государства Израиль Иссер Харель привлек Харари сначала в Шин Бет, а затем в «Моссад», где он быстро поднялся по служебной лестнице до того, как его назначили расследовать операции «Кесарии». Он получил подразделение в полном упадке – мешанина в кадровом составе (в штате, в числе других, состояли бывшие сотрудники подразделений 188, «Мифрац» и «Птицы»), туманная доктрина и неопределенные цели.

Преследовавшие «Кесарию» неудачи привели Харари к выводу, что организация должна быть перестроена, а ее задачи, цели и кадровый состав пересмотрены и реформированы. После нескольких месяцев работы он представил доклад руководителям «Моссада»^[251]. «Исходя из моего взгляда на мир, я уверен, что каждое государство должно иметь свою «Кесарию» – тайную, подразделенную на группы элитную

организацию, которая будет способна осуществлять за пределами страны акции, которые не может предпринять никакая другая структура. Это уникальный инструмент, который наши лидеры могут использовать в борьбе с врагами страны».

Харари определил приоритетными задачами «Кесарии» «целевые» убийства, диверсии, сбор разведывательной информации о «целевых» странах и специальные операции типа тайной переброски похищенных людей через границы.

Большинство из оперативных работников «Мифраца», расследованием в отношении которых занимался Харари, были в прошлом членами антибританских экстремистских подпольных групп, которых подбирал в разведку Иссер Харель и которыми командовал Ицхак Шамир. Харари нашел их очень жесткими, имеющими большой опыт участия в военных и тайных операциях, всегда готовыми нажать на курок в необходимый момент. В то же время он обнаружил у них серьезные минусы: «Они постоянно проваливались на этапе отхода после операции. Я приказал им при планировании акций уделять одинаковое внимание и достижению поставленной цели, и отходу. Если во время операции не может быть обеспечен отход, не следует ее осуществлять».

Харари велел создать специальный «Комитет по определению целей», который должен был глубоко изучать дела и решать, кто войдет в список атакуемых, а также постановил, что убийства никогда не должны совершаться в «непосредственном контакте», то есть ножами и другим холодным оружием.

Работающие в поле сотрудники двух оперативных подразделений, «Кесарии» и «Колосса», не любили, когда их называли «оперативниками», потому что это слово звучало скучно и формально и было лишено налета геройства. (Еще хуже было «агент» – чуть ли не насмешливый термин, оставленный для иностранных граждан, завербованных, чтобы предавать свои страны во имя Израиля.) Они скорее считали себя «воинами» (*лохамим*), посвятившими жизнь делу защиты и сохранения их молодой страны.

Хотя сотрудники обоих этих подразделений, возможно, и являлись воинами, между ними имелась существенная разница. Шпионы «Колосса», арестованные в одной из «базовых стран», имеющих дипломатические отношения с Израилем (типа Франции или Италии),

могли рисковать получением тюремного срока. В «целевых» странах (типа Сирии или Египта) воин, скорее всего, подвергся бы ужасным пыткам и допросам, а затем казнен. Раскрытие и поимка оперативника «Кесарии» воспринималась в Израиле как национальная трагедия. Именно поэтому Харари требовал железной дисциплины и полного отсутствия ошибок.

Со времени перестройки, которую осуществил в «Кесарии» Харари, в организации было зафиксировано очень мало серьезных ошибок. За всю историю подразделения Эли Коэн оказался единственным оперативным сотрудником, который был схвачен и казнен.

«Этот феноменальный результат, – говорит «Этан», в течение многих лет являвшийся одним из старших офицеров «Кесарии», – был достигнут главным образом благодаря инновациям Харари и прежде всего “непробиваемым” легендам разведчиков»^[252].

Процесс вербовки также явился ключевым фактором успеха. «Главное оружие оперативного работника “Кесарии” – умение работать под глубоким прикрытием, – поясняет Этан. – Это оружие у сотрудника должно быть от природы. Всему остальному мы можем его научить».

«Моссад» был предоставлен доступ к базе данных на все население Израиля, которое эксперты «Кесарии» по подбору персонала «просеивали» в поисках определенных категорий людей. Для Харари одним из естественных преимуществ соискателя являлось участие в боевых операциях Армии обороны Израиля, в настоящее время или в прошлом. Но это было только начало процесса изучения кандидата. После провала Эли Коэна и разоблачения использования «Моссадом» в качестве агентов евреев из арабских стран Харари решил полагаться в основном на выходцев из стран Запада.

Хороший кандидат должен был иметь европейскую внешность и сойти за туриста или бизнесмена из стран, к гражданам которых в арабском мире относились благожелательно^[253]. Одним из возможных ресурсов здесь были дети еврейских ученых или дипломатов, которые провели за границей долгие годы в связи с работой своих родителей. Однако большинство из отбираемых в «Кесарию» кандидатов были иммигрантами, которые выросли в тех же странах, где и родились (в очень редких случаях «Кесария» вербовала еврея, по-прежнему проживающего за рубежом), поскольку у них было очевидное

преимущество: их не надо было специально готовить для того, чтобы играть роль негражданина Израиля.

С другой стороны, пояснял бывший специалист по подготовке разведчиков Кфир, с такими кандидатами имелись и свои сложности. Все желающие проходят строгую проверку Шин Бет с точки зрения безопасности. Но если иммигрант не сумел правильно вписаться в израильское общество – если он или она не служили в АОИ, если у них не сложился круг постоянных друзей, если они не имеют в стране родственников, – то и для Израиля, и для «Моссада» гораздо труднее убедиться в его лояльности. В связи с этим изучение всей биографии и окружения кандидата в «Кесарию» после первичного прохождения им теста на полиграфе, уже достаточно строгое в «Моссаде», становилось еще более жестким: ведущие его сотрудники зачастую выезжали за рубеж, чтобы детально разобраться с прошлым кандидата.

После того как перспективность кандидатов была вчерне определена, им поступал звонок от людей, которые представлялись «государственными служащими» и предлагали встретиться в кафе, где в очень общих чертах обрисовывали соискателям характер работы. Другие кандидаты получали таинственные письма из офиса премьер-министра или Министерства обороны примерно такого содержания: «Мы предлагаем вам шанс принять участие в операции и заняться разнообразной и очень специфической деятельностью, в ходе которой вы столкнетесь с интересными задачами и которая даст вам возможность решать их, полностью раскрывая свой потенциал и достигая личного удовлетворения». В дополнение к таким достаточно прямолинейным подходам «Моссад» использовал туманные газетные объявления о том, что «государственная организация» ищет кандидатов на «интересную работу».

Из этого резерва потенциальных кандидатов «Моссад» начинал при помощи различных тестов отфильтровывать более узкую группу, пока в ней не оставались только те, кто психологически пригоден к работе^[254]. Процесс подбора кадров на оперативные должности в «Моссаде» всегда осуществлялся и поныне проводится специальными рекрутерами и психологами. Харари настоял на том, чтобы и сами психологи проходили интенсивную подготовку, включая ужасную «тренировку в застенках», чтобы они понимали, какие качества

требуются от оперативного работника, и могли более тщательно изучать кандидатов.

Поиск кандидатов в оперативники с полным набором необходимых качеств был и остается очень сложной задачей. В «Моссаде» с гордостью говорят, что процент поступления кандидатов на работу составляет всего 0,1 %. Моти Кфир объясняет это так: «Оптимальный воин должен быть сионистом^[255]. Должен отождествлять себя с Израилем и его целями. Самое важное, что у него должен присутствовать баланс противоположных качеств. Он должен быть инициативным, но не агрессивным. Смелым, но не лишенным здорового чувства страха. Дружелюбным и общительным, но сдержанным. Оперативные работники должны уметь рисковать, но не подвергать при этом опасности свою миссию и организацию и не преследовать неосуществимых целей. Они должны быть способны жить жизнью, полной лжи и обманов, предоставляя в то же время надежную информацию и не утаивая ничего от своих командиров. Им необходимо использовать личное обаяние без формирования личных привязанностей».

И всегда возникает вопрос мотивации: почему мужчина или женщина хотят получить одну из самых опасных в мире работ? «Есть две категории воинов, – говорил Кфир. – Одни идут в позитивном направлении – они идут *к чему-то*. Вторые следуют по негативному пути – они уходят *от чего-то*. Первые не испытывают проблем с уровнем доходов, и у них нет жен, которые их не понимают. Эти люди приходят, чтобы служить сионизму, и стараются удовлетворить свою страсть к приключениям; хотят увидеть мир, хотят играть, потому что любят игру. Люди негативного направления – это люди, бегущие от чего-то, которые не любят свои дома, не добились успеха в гражданской карьере. Эти люди стараются создать лучшую жизнь для себя».

«Моссад» принимает обе категории воинов – и позитивных, и негативных. Причины, которые заставляют их отказаться от своей прежней жизни, значат меньше, чем способность действовать в полной изоляции во враждебной стране под совершенно другим обликом. «Вы здесь одновременно и солдат, и генерал, – говорит Кфир. – Это тяжелое эмоциональное и интеллектуальное бремя».

Надеясь устранить или хотя бы облегчить это бремя, Харари инициировал еще одну особенно амбициозную программу подбора сотрудников^[256]. «Я слышал, что в КГБ была программа подбора сирот 13–14 лет, у которых не было никаких сдерживающих обязательств. КГБ брал их под свое крыло и готовил в хороших условиях выполнять функции оперативных работников под глубоким прикрытием. Я подумал, что это отличная идея». Он поручил психологу «Кесарии» подобрать 14-летнего израильского мальчика, у которого не было родителей. «Кесария» взяла его под опеку, при этом он не знал, кто теперь заботится о нем. Психолог и два преподавателя постоянно занимались с ним, он получил хорошее образование, изучал живопись и культуру, а также уделял время спорту и отдыху. «Мы сказали ему, что хотим, чтобы он служил своей стране, когда вырастет».

Процесс воспитания и образования завершился успешно. Мальчик стал солдатом, а потом – талантливым молодым офицером, культурно развитым и способным действовать под прикрытием иностранца. Однако в целом проект провалился. «Мне стало ясно, что он может сработать в тоталитарной стране, как Россия, но не в Израиле. Израильские евреи не обладают таким запасом прочности. Очень скоро ему захотелось иметь девушку, гражданскую работу и хорошую зарплату. Судя по всему, у него появились потребности, которые сильно отличались от того, что мог дать ему мир разведки. У нас не было другого выбора, кроме как отпустить его».

Другие методики подбора кадров для разведки оказались более эффективными. По чисто практическим причинам оперативного характера «Моссад» стал пионером в деле установления гендерного равенства^[257]. «Наличие женщины в команде во время операции дает много преимуществ, – говорит Эйтан. – Группы, сформированные из представителей обоих полов... всегда бывают обеспечены более качественными легендами и вызывают меньше подозрений»^[258].

Если кандидаты успешно проходят начальный этап обучения, им начинают преподавать «оперативный курс». Большинство курсантов «Кесарии» никогда не появляются в штаб-квартире «Моссада» во время подготовки и не имеют контактов с другими стажерами. Им сообщается минимум информации, чтобы они не могли раскрыть ничего существенного в случае захвата или пыток. Во время обучения их базой становится одна из конспиративных квартир в Тель-Авиве,

поэтому они не могут засветиться перед кадровыми сотрудниками «Моссада», которые ежедневно ходят на работу в штаб-квартиру организации.

Стажеры получают подготовку по целому ряду разведывательных дисциплин: передача шифрованных сообщений азбукой Морзе (до тех пор пока развитие технологий не сделало этот вид связи устаревшим), наружное наблюдение, уход от «хвоста», применение оружия и боевые искусства. Они также изучают географию, политику и историю арабских стран.

Полученные навыки оттачиваются в ходе целого ряда практических занятий^[259]. Почти все они проводятся на территории Израиля и включают в себя относительно примитивные задания: установку «жучка» в телефон в фойе банка, получение открытых документов из тайника, вторжение в дома или офисы, чтобы просто убедиться, что стажер умеет это делать.

Создание тщательно проработанной легенды выходит далеко за пределы получения фальшивого имени. От стажера ожидают, что он выучит свою совершенно новую, вымышленную биографию: где он родился и воспитывался; кем были родители; каковы были социальные, культурные и экономические условия, в которых он рос; его хобби и так далее. Паспорт, выданный дружественным «базовым» государством – или подделанный в «Моссаде», позволит воину свободно передвигаться по миру, даже по странам, в которых от израильтян отнюдь не в восторге. Вымышленная профессия должна быть такой, которая подразумевает множество путешествий и долгих часов работы в одиночестве, без партнеров, офисов или фиксированного рабочего дня. В этом плане идеальными являются прикрытия корреспондента газеты, фотографа или сценариста, изучающего фактуру для написания киносценария. Все эти занятия не требуют подробных объяснений.

Со временем, в процессе дополнительной отработки легенды, она отдаляет стажера от самого себя, наделяет новой жизнью в новой стране, что не вызывает подозрений^[260]. Далее стажеры приступают к созданию легенд «второго уровня», привязанных к конкретным ситуациям. Воин должен уметь дать внушающие доверия объяснения, почему он находился в определенном месте в определенное время – прохаживаясь около какого-нибудь министерства и наблюдая за

количеством входящих и выходящих людей – на тот случай, если к нему обратится с вопросом излишне любопытный полицейский. Чтобы такому объяснению поверили, его надо дать быстро, спокойно и с минимальным количеством деталей. Ведь сообщение излишней информации может так же легко вызвать подозрения, как и отсутствие объяснений вообще.

Преподаватели могут повысить напряженность тренировки, симулируя арест и жестокий допрос стажера^[261]. Сотрудник «Кесарии» под псевдонимом Курц сказал, что это самая трудная часть курса. «Они посылали нас парами в Иерусалим для слежки за иностранными дипломатами. Это казалось простым заданием – просто следуй за ними по пятам и докладывай, не устанавливая контакта, – пояснил он. – У нас были иностранные паспорта, и нас так проинструктировали, что мы даже не догадались, какая роль нам отведена. И вдруг, откуда ни возьмись, появляются три полицейские машины, и несколько парней в гражданском набрасываются на нас, сбивают с ног, надевают на нас наручники и бросают в фургон... Они привезли нас в следственную часть Шин Бет на Русское подворье в Иерусалиме. Там мы провели три с половиной ужасных дня – без сна, в наручниках, с завязанными глазами. Какую-то часть времени нас продержали сидящими на стульях с заведенными назад и скованными наручниками руками. В таком положении деревенеет все тело. Какое-то время мы проводили подвешенными на цепи к потолку, касаясь пола только пальцами ног. Во время допросов полицейские и агенты Шин Бет избивали нас и оплевывали. Я слышал, что они даже мочились на одного парня. Цель была установить, кто сломается, а кто будет до конца держаться фиктивной легенды». Курц не сломался. Если бы он это сделал, скорее всего был бы снят с программы.

По завершении курса успевающие стажеры сдают экзамен на оперативных сотрудников и начинают выезжать на задания в «целевые» государства.

Харари установил в «Кесарии» железную дисциплину и требовал от сотрудников беспрекословного подчинения^[262]. Любой, кто не следовал установленным им правилам, сразу же находил себя вычеркнутым из организации. В офисе подразделения на одиннадцатом этаже здания по адресу Каплан-стрит, 2, Тель-Авив царили тишина и образцовый порядок. «Майк привез с собой в

“Кесарию” европейскую атмосферу, – вспоминал Этан. – Это то, как здесь говорили, как себя вели, тактичность, манеры. Его кабинет был всегда идеально чист и убран, все было тип-топ. Таким же он был и в своем поведении, одежде. Всегда аккуратно причесан, гладко выбрит, и повсюду, куда бы он ни шел, за ним следовал аромат его любимого одеколона French Macassar. Это было важно, потому что он заставил все подразделение привыкнуть работать в атмосфере стран, из которых мы якобы приехали».

«Хорошая разведывательная информация и сильная “Кесария” стоят денег», – говорил Харари Амиту. Он требовал все большего бюджета, который расходовал на подготовку кадров и создание новых оперативных структур и сетей. Люди Харари основали сотни коммерческих предприятий в несметном количестве сфер и стран, которые послужат «Моссаду» еще много лет после ухода Харари. Многие такие точки не могли быть использованы немедленно, но у Харари была интуиция, благодаря которой он видел, что однажды для «Кесарии» может стать выгодным контролировать судоходную компанию в какой-то ближневосточной стране. И действительно, пришло время, когда подразделению потребовался гражданский корабль для прикрытия команды «Моссада» в водах Йемена^[263]. «Моссад» нагрузил судно партией мяса, доставляя его в различные порты и между делом выполняя разведывательную миссию.

В 1967 году изменения, привнесенные Харари в деятельность подразделения, начали приносить заметные плоды, и оперативные работники «Кесарии» в «целевых» государствах стали ежедневно передавать в Израиль ценную информацию, по большей части касавшуюся главных врагов государства того времени: Сирии, Египта, Иордании и Ирака.

«Моссад», АМАН и само правительство вполне обоснованно выделили огромные ресурсы на подготовку и следующему военному столкновению с арабскими государствами, которое и произошло в июне 1967 года.

Вместе с тем израильская разведка проглядела еще один важный вызов: миллионы палестинцев, готовых драться за возврат родных земель. Волна терроризма против израильтян и других евреев скоро прокатится по Ближнему Востоку и Европе.

«Мы не были готовы к этой новой угрозе», – сказал тогда Харари^[264].

«Вооруженная борьба – это единственный путь к освобождению Палестины»

От 600 000 до 750 000 палестинцев либо покинули, либо были выдвинуты с территории, на которой образовалось государство Израиль, завоевавшее ее в войне 1948–1949 годов. Палестинцы поклялись разрушить новорожденное государство, и израильское руководство было убеждено в том, что, подвергавшийся рискам и уязвимый, Израиль будет иметь шансы уцелеть, только если оставит в пределах своих границ как можно меньше палестинцев. Это была та логика, пусть и вызывавшая вопросы с точки зрения морали, которая стояла за изгнаниями палестинцев и категорическим отказом кому-либо из них когда-либо возвращаться в Израиль.

Беженцы направлялись в сектор Газа^[265] (узкая полоса земли длиной 225 километров, отделявшая юго-восточное побережье страны от подмандатной Палестины по результатам войны 1948–1949 годов, контролировавшаяся до 1967 года Египтом, а затем захваченная Израилем), а также в палаточные лагеря в соседних арабских странах, правящие режимы которых угрожали, что в конечном счете сотрут сионистов с лица Земли и вернут палестинцев на родину. При этом были созданы невыносимые условия существования для беженцев, у которых зачастую не было никаких прав и возможностей контролировать свою жизнь, доступа к высшему образованию или приличного трудоустройства. Они жили в исключительной нищете, при практическом отсутствии общественного здравоохранения и продовольственного обеспечения. Беженцы, хлынувшие в сектор Газа во время войны 1948–1949 годов, почти утроили численность проживавшего там населения. С 70 000 человек в 1945 году число жителей выросло до 250 000 в 1950 году. К 1967 году здесь проживало уже 356 000 человек, а к 2015-му это количество возросло до 1 710 000. Беженцы превратились в лиц без гражданства,

выброшенных из своей страны и оказавшихся нежелательными для других государств. Однако и они, и оставшиеся на Западном берегу и в секторе Газа постоянные палестинские жители деревень и городов по-прежнему считали себя *народом*.

Среди них был юноша по имени Халиль аль-Вазир^[266], который родился в 1935 году в Рамле, небольшом городке к юго-востоку от Тель-Авива^[267]. Во время войны 1948 года он и его семья, вместе со многими другими жителями Рамлы, были депортированы в сектор Газа, где жили в лагере для беженцев.

К тому времени когда аль-Вазиру исполнилось 16 лет, он уже был вожаком одной из групп боевиков. Исполненный решимости отомстить за депортацию семьи, аль-Вазир заявил, что установил контакт с муджахиддинами^[268], воевавшими в Палестинской войне 1948 года, чтобы перенять у них боевой опыт.

Ветераны Палестинской войны обучали аль-Вазира и его товарищей, а те, в свою очередь, обучали других молодых палестинцев. В 1953 году, будучи 18 лет от роду, аль-Вазир командовал отрядом из 200 бойцов. В конце 1954-го – начале 1955 года аль-Вазир со своими людьми начал проведение серии диверсий и убийств внутри Израиля. Египтяне, используя палестинцев в качестве дешевой военной силы, организовали отправку молодых палестинских студентов из Каира в сектор Газа. Среди них был и студент-электротехник из Каирского университета по имени Мохаммад Ясир Абдель Рахман Абдель Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни – Ясир Арафат.

О месте рождения Арафата спорят до сих пор^[269]. По официальной палестинской версии, он родился в 1929 году в Иерусалиме, что, более соответствовало бы палестинскому лидеру. Однако некоторые утверждали, что местом его рождения была Газа или даже Каир. Как бы там ни было, Арафат происходил из известной палестинской семьи, имевшей родственные связи с великим муфтием Хаджи Амином аль-Хусейни, а также с Абд аль-Кадиром аль-Хусейни, командующим палестинскими вооруженными силами в 1948 году. Оба этих деятеля были определены израильтянами как главные цели для ликвидации. Арафат, который взял себе военный псевдоним Абу Аммар, и аль-Вазир, назвавшийся Абу Джихадом, стали близкими соратниками и боевыми товарищами. Вместе они работали над усилением палестинских ячеек в секторе Газа.

Израильская разведка не слишком утруждала себя беспокойством по поводу роста воинственных настроений в лагерях для беженцев. «В целом можно сказать, что палестинская диаспора не очень нас тогда интересовала, – говорит Аарон Левран, который служил в то время в израильской военной разведке АМАН. – Они не представляли серьезную военную силу». Палестинские боевики рассматривались тогда не как долгосрочная стратегическая угроза, а как тактическая проблема сегодняшнего дня, заботившая израильтян лишь постольку, поскольку палестинские боевики все же проникали на территорию Израиля, чтобы угрожать и терроризировать евреев. А эта проблема была достаточно эффективно решена в ходе Синайской кампании 1956 года: опасаясь израильских репрессалий, египтяне были больше озабочены сохранением мира на границе, чем судьбой палестинцев, и поэтому прекратили рейды на израильскую территорию.

Боевики смотрели на ситуацию иначе. Абу Джихад и Арафат, почувствовав себя преданными, когда египтяне запретили им операции по проникновению на территорию Израиля, решили, что палестинцы могут покончить со своими страданиями, только начав самостоятельную борьбу с врагом^[270]. Победа израильтян в ходе Синайской кампании, которая остановила набеги палестинцев на израильскую землю с территории Египта, с фактической неизбежностью привела также и к возникновению самостоятельного партизанского движения на палестинской стороне.

После многолетних скитаний по различным странам в конце 1959 года Арафат и Абу Джихад перебрались в Кувейт^[271]. Они пришли к пониманию того, что в глазах Насера, который стремился объединить арабский мир под своим руководством, их деятельность будет рассматриваться только как обструкционистская. Арафат и Абу Джихад хорошо осознавали, что до тех пор, пока они оставались в одном из главных арабских государств, им никогда не удастся создать эффективную всепалестинскую организацию, находящуюся под их властью.

Абу Джихад признавал верховенство Арафата, который был на шесть лет старше и сумел обзавестись обширной сетью связей в палестинской диаспоре. Арафат рассматривал себя в качестве лидера, но моментально разглядел и признал в Абу Джихаде военные и оперативные способности, которых самому ему не хватало. В течение

двух лет Арафат, Абу Джихад и еще три их товарища работали над принципами и оперативной структурой своей организации. Все это они делали в глубокой тайне, чтобы избежать противодействия со стороны арабских стран. В конечном счете 10 октября 1959 года было официально объявлено о создании Организации освобождения Палестины (ООП).

Скоро они обнаружили, что арабское сокращение организации, звучавшее как «ХАТАФ», весьма двусмысленно и в переводе с арабского означает «скорая смерть». Поэтому Абу Джихад, который был особенно чувствителен ко всяким символам, предложил, чтобы акроним с названием организации читался в обратном порядке – «ФАТАХ»^[272], что означало «славная победа».

Основные принципы организации, которые распространялись тогда среди общественности в виде листовок, позже будут сведены воедино в Устав ООП^[273]. Статья 9 этого Устава констатирует, что «вооруженная борьба является единственным путем к освобождению Палестины», а статья 6, по существу, призывает к депортации из Израиля всех евреев, прибывших на его территорию после 1917 года. В статье 20 отмечается: «Утверждения об исторических и религиозных связях евреев с Палестиной не соответствуют фактам... Евреи не составляют единый народ с национальной идентичностью; они являются гражданами стран, которым принадлежат и из которых происходят». В статье 22 упоминается, что: «Сионизм является... расистским и фанатичным по своей природе, агрессивным, экспансионистским и колониальным по своим целям и фашистским по своим методам». В большинстве положений устава ООП, направленных против сионизма, утверждается, что он является инструментом империализма.

Израильская разведка, занятая Насером и убежденная в том, что Египет представлял для Израиля наиболее вероятную и страшную угрозу, полностью прозевала образование ФАТХ. Только в начале 1964 года, то есть более четырех лет спустя с момента создания организации, два израильских агента подготовили оперативные отчеты о ней^[274]. Ури Исраэль (известный в «Моссаде» как «Ладийях») и Ицхак Сагив («Исраэль»), работавшие под прикрытием палестинских бизнесменов, сообщили, что студенческие боевые ячейки, действовавшие при поддержке ФАТХ и подстрекаемые этой

организацией, набирают все большую силу в Европе и не должны недооцениваться. В октябре 1964 года, когда весь «Моссад» работал по делу германских ученых-ракетчиков, Ладийях написал тогдашнему шефу резидентуры «Моссада» в Европе, Рафи Эйтану, следующее предупреждение: «Я прихожу к заключению, что опасность, которая исходит для нас от ученых, студентов и образованных палестинцев, нисколько не уступает по своей остроте той угрозе, что представляет собой вооружение арабских государств оружием массового поражения».

Поначалу кураторы упомянутых агентов в «Моссаде» не были впечатлены, высокомерно отвергая феномен Арафата, Абу Джихада и их товарищей как «студентов и интеллектуалов, которые больше сильны на словах, чем в делах». Но Ладийях и Израэль настаивали на своем, утверждая, что их палестинские связи все чаще говорят об организации как о «субъекте вооруженной борьбы с сионизмом».

«ФАТХ являет собой нечто совершенно отличное от того, что существовало до него, – писали они в своем донесении в мае 1964 года^[275]. – Эти двое – Арафат и Абу Джихад – способны на то, чтобы поднять палестинцев против нас».

ФАТХ осуществил свою первую террористическую атаку 1 января 1965 года. Это была попытка подорвать государственную систему водоснабжения – обширную сеть каналов и водоводов, которая несла воду из Галилейского моря (известного также как Тивериадское озеро) на засушливый юг страны^[276]. Эта атака была исполнена глубокого символического смысла – она угрожала отрезать источник жизни – воду – в пустынном районе Ближнего Востока, что било по всем жителям региона. Строительство системы каналов вокруг Тивериадского озера явилось крупным и спорным проектом, причиной значительной турбулентности в арабском общественном мнении. Хотя премьер-министр Сирии Салах Битар заявил в сентябре 1964 года, что «арабские государства были полны решимости вести непрекращающуюся кампанию, нацеленную на то, чтобы не дать Израилю реализовать его мечту» – привести воду в пустыню, все это были пустые слова^[277]. И только ФАТХ, тогда еще маленькая организация с немногочисленными ресурсами, взяла инициативу на себя и начала действовать.

Операция, спланированная Абу Джихадом, оказалась абсолютно любительской по исполнению и с треском провалилась. Группа, которая должна была осуществить первую военную акцию ФАТХ, была арестована в Газе за неделю до начала операции^[278]. Другая группа также была арестована в Ливане за несколько дней до атаки^[279]. В конце концов третьей группе, которая проникла в Израиль с территории Иордании, удалось заложить взрывчатку возле штаб-квартиры израильской Государственной службы водоканала, но заряд не сработал и был обнаружен патрулем. Члены этой группы были пойманы^[280]. Несмотря на явный провал, новость об операции распространилась по всему арабскому миру. Появилась сила, готовая бросить вызов израильтянам. Что касается военной разведки АМАН, она взяла этот инцидент на заметку, но более ничего не предприняла.

Тем временем связи Ладийяха, на приобретение которых он потратил годы двойной жизни, оправдали себя. Арафат и Абу Джихад поддерживали тесные контакты с палестинскими студентами по всей Европе, особенно в Восточной и Западной Германии. Центр этой активности находился в ФРГ. У Ладийяха был там знакомый палестинец, Хани аль-Хассан, который возглавлял Палестинскую студенческую ассоциацию в Западной Германии. Его брат Халед являлся одним из пяти основателей ФАТХ. Хани столкнулся с финансовыми трудностями, и Ладийях пришел ему на помощь. Он предложил оплачивать аренду квартиры, которую Хани снимал во Франкфурте по адресу Бетховенштрассе, 42. Эта квартира являлась офисом студенческой организации. Туда периодически приходили и лидеры ФАТХ.

В январе 1965 года «Колоссу», подразделению наружного наблюдения «Моссада», удалось установить в квартире микрофоны^[281]. В течение последующих восьми месяцев израильские оперативники подслушивали разговоры на встречах, происходивших в квартире, с поста, который они организовали тут же, рядом с холлом первого этажа. Они слушали клятвы «стереть Израиль с карты Земли», о чем заявлял Абу Джихад на одной из таких встреч.

Рафи Эйтан, который за несколько лет до этого командовал подразделением Армии обороны Израиля, изгнавшим семью Абу Джихада из Рамлы, в то время являлся резидентом «Моссада» в Европе. Прослушивая записи с планами палестинцев, он одним из

первых понял, что у движения ФАТХ есть потенциал и что во главе него стоит очень харизматичный и опасный лидер. «Подлинная природа Арафата стала для меня понятной после этих франкфуртских встреч палестинских деятелей, – говорил он позднее. – Студенты рассказали Арафату и Абу Джихаду, что уже существовало не менее пятнадцати различных палестинских организаций, что было важно обеспечить их согласованные действия под единым командованием. Арафат заявил, что в этом нет необходимости и даже хорошо, если каждая организация будет иметь своих боевиков и свой бюджет. Так, по словам Арафата, будет гарантировано, что мы продолжим борьбу против сионизма до тех пор, пока не сбросим всех евреев в море»^[282].

На протяжении первой половины 1965 года ФАТХ осуществлял все больше диверсий, минировав дороги, разрушая нефтепроводы и атакуя израильтян с применением стрелкового оружия^[283]. Большинство этих акций окончилось неудачей, но они отозвались эхом в ушах Рафи Эйтана в Париже. В мае 1965 года Эйтан попросил директора «Моссада» Амита отдать приказ членам подразделения «Кесария» проникнуть в квартиру на Бетховенштрассе во время одной из встреч и убить всех присутствующих. «Мы легко можем это сделать, – писал он Амиту. – У нас есть доступ к цели, и это дает нам возможность, которую мы вряд ли сможем получить вновь».

Амит, все еще находясь под негативным впечатлением от захвата оперативников «Кесарии» Коэна и Лотца, отказался подписать такой приказ. Он не видел в этой группе палестинцев ничего, кроме банды молодых негодяев без каких-либо реальных возможностей.

«Плохо, что тогда меня не послушались, – говорил Эйтан спустя десятилетия. – Мы могли сэкономить огромные усилия и избежать безмерной сердечной боли и горя»^[284].

В последующие месяцы были совершены новые нападения, и их число неуклонно росло^[285]. Становилось ясно, что Арафат и Абу Джихад являются проблемой, которая сама не решится. «Поначалу их террористические атаки были смешными, – рассказывает Аарон Левран, занимавший в то время пост заместителя начальника информационно-аналитического подразделения военной разведки. – Но с течением времени они становились все серьезнее... Столкнувшись с такой ситуацией, разведывательное сообщество действовало двумя путями. Первый – организация специального

управления, которое занялось этой проблемой. Второй – спецслужбы начали наносить удары по верхушке пирамиды».

«Специальное управление» представляло собой секретную комиссию, в чьи задачи входила выработка мер по противодействию палестинскому терроризму. Оно было создано в августе 1965 года и состояло из трех человек: Леврана, Майка Харари – заместителя руководителя «Кесарии», и Шмуэля Горена – начальника подразделения 504 АМАН.

«Комиссия трех» разработала приказы о ликвидации Арафата и Абу Джихада. Понимая, что последние провалы «Кесарии» вряд ли позволят добиться утверждения подразделения в качестве исполнителя «целевых» убийств, комиссия рекомендовала вернуться к тактике «писем-убийц». С использованием информации, собранной Ладийяхом и Исраэлем, эти бомбы должны были быть разосланы по почте нескольким руководителям ФАТХ в Ливане и Сирии.

8 октября директор «Моссада» Амит встретился с премьер-министром и министром обороны Леви Эшколом для того, чтобы представить план на его утверждение. «У нас есть три цели, – сказал Амит. – Наши люди (Ладийях и Исраэль) вернулись из столиц (Бейрута и Дамаска), и мы хотим привести план в исполнение»^[286].

Назвав имена целей, Амит заметил, что Ладийях предоставил всю необходимую информацию и предложение состоит в том, чтобы каждой из намеченных жертв был направлен «подарок». Письма будут выглядеть так, как будто их отправили хорошо известные целям люди. Для того чтобы все выглядело максимально убедительно, пакеты будут посланы непосредственно из Ливана.

«На этот раз исполнителем будет женщина. Она поедет в Бейрут и вложит письма в почтовые ящики адресатов... Она из Южной Африки, у нее британский паспорт, и она готова выполнить задание». Амит имел в виду Сильвию Рафаэль, дочь отца-еврея и нееврейской матери, которая прониклась глубокой симпатией к еврейскому народу, эмигрировала в Израиль и была завербована «Моссадом». Она прошла боевую подготовку у Моти Кфира и стала самой известной женщиной-оперативницей в истории «Кесарии».

Амит рассказал Эшколу, что будет организовано направление целой серии смертоносных писем. Если «Моссад» сконцентрируется на трех

указанных целях, военная разведка АМАН одновременно разошлет по почте от 12 до 15 бомб, адресованных боевикам ФАТХ в Иордании.

Эшкол скептически спросил: «Был ли у нас опыт проведения подобных операций, когда все прошло по плану?.. В Египте этого не случилось». Таким образом Эшкол напомнил Амиту, что письма-бомбы, посланные немецким ученым в Египте, не убили их, а только ранили.

Амит еще раз заверил Эшкола в успехе операции, пояснив: «На этот раз мы снабжаем изделия более мощным зарядом. Теперь мы кладем в письмо 20 граммов взрывчатки».

Однако и в этот раз письма-ловушки не сработали. Несколько получателей были легко ранены, однако большинство из отправленных писем-бомб обнаружили и обезвредили до того, как они смогли нанести какой-либо вред адресатам.

В то время Арафат и Абу Джихад были в Дамаске^[287], который согласился предоставить свой патронаж ФАТХ и разрешил военизированным подразделениям этой организации использовать тренировочные базы в Сирии. Возможности для проведения Израилем сколько-нибудь активных действий в Дамаске были очень ограничены, особенно после поимки Эли Коэна и панической эвакуации оттуда других израильских оперативников. Более того, с территории Сирии ФАТХ мог успешнее координировать свою борьбу против Израиля, часто вторгаясь на Западный берег, находившийся тогда под управлением Иордании. ФАТХ организовал там базы, с которых осуществлял террористические атаки внутри Израиля. Большинство таких операций представляли собой попытки диверсий против гражданских объектов, в числе которых были частные дома, высшие учебные заведения и объекты инфраструктуры типа магистральных водопроводов, железных и грунтовых дорог.

За 1966 год ФАТХ предпринял 40 атак в Израиле. Хотя их частота сохранялась на уровне 1965 года, дерзость и качество исполнения значительно возросли. С середины 1966 года ФАТХ начал наносить удары по израильским военным объектам. В ходе одной из таких операций, 11 ноября 1966 года, трое израильских солдат погибли, когда их вездеход подорвался на mine. Ответные действия Израиля последовали через два дня, когда подразделения Армии обороны атаковали в Иордании деревню Самуа к югу от города Хеврона.

Изначально цель операции состояла в разрушении деревни для того, чтобы послать сигнал, который должен был сдержать арабские государства и мотивировать их на действия против ФАТХ. Однако в ситуацию вмешалась армия Иордании. Результатом явилась гибель 16 иорданских солдат, одного израильского военного и острый рост напряженности на границе.

И все же стремление «замести палестинскую проблему под ковер» было в израильском истеблишменте настолько сильным, что не поощрялось даже произнесение вслух названия организации ФАТХ. «Мы не хотели признавать за ФАТХ никаких успехов; даже не упоминали, что та или иная операция была проведена им, – говорил Шломо Газит, начальник информационного-исследовательского управления АМАН с 1964 по 1967 год^[288]. – С другой стороны, мы все же должны были как-то его обозначать, поэтому придумали нейтральную формулировку». Этой формулировкой явилось слово «*пах*», что на иврите представляло собой аббревиатуру выражения «*террористическая активность неприятеля*». В течение десятилетий этот термин использовался израильскими официальными лицами, когда они рассказывали общественности страны о том, кто стоял за теми или иными террористическими акциями.

В начале 1967 года положение стремительно ухудшилось^[289]. К началу марта ФАТХ провел более сотни атак на Израиль в районах страны, которые граничили с Иорданией, Сирией, Ливаном и Египтом. Были убиты 13 израильтян: 9 гражданских лиц и 4 солдата. Обмен небольшими ударами между сторонами, когда палестинцы нападали, а израильтяне осуществляли ответные акции возмездия, значительно осложнил и без того хрупкие отношения Израиля с соседними арабскими государствами.

11 мая Израиль в последний раз предупредил Сирию, что если она не будет сдерживать ФАТХ, израильская сторона прибегнет к крупномасштабным военным действиям. После этого предупреждения арабская сторона создала Объединенное военное командование с участием Египта, Сирии и Иордании, и на обеих сторонах конфликта были сконцентрированы огромные военные силы. Многие арабы тогда верили в то, что впервые наступило время для ликвидации государства Израиль^[290].

В самом Израиле многие были убеждены в скором пришествии второго холокоста. В стране превалировали мрачные настроения. Некоторые люди ожидали гибели десятков тысяч жителей страны. В городских парках (даже таких, как Ган-Меир в самом сердце Тель-Авива) спешно готовили траншеи для массового захоронения погибших.

28 мая 1967 года премьер-министр Эшкол выступил с речью на государственном радио, что только ухудшило ситуацию^[291]. Поскольку текст речи менялся вплоть до последней секунды, Эшкол сбивался в ключевых фразах. Израильская публика поняла это как недостаток решительности с его стороны, что обострило существовавшие страхи.

Тем не менее руководство израильской армии и спецслужб было уверено в собственных возможностях и давило на Эшкола, требуя разрешения ударить первыми^[292]. Шеф «Моссада» Амит полетел в Вашингтон, где встретился с министром обороны США Робертом Макнамарой. Из реакции Макнамары на беседу Амит вынес то, что позднее назвал «мигающим зеленым светом»^[293] на осуществление Израилем превентивного удара.

В 7:45 5 июня 1967 года началась Шестидневная война, в самом начале которой израильские ВВС разбомбили и разрушили десятки вражеских аэродромов. Благодаря тому, что за долгие годы подготовки к войне «Моссаду» и военной разведке АМАН удалось собрать точную и подробную информацию, в течение нескольких часов израильские военно-воздушные силы уничтожили почти все военные самолеты, которыми располагали Египет, Сирия и Иордания. К моменту окончания войны 10 июня Израиль оккупировал территории, которые увеличили его размеры более чем на 300 %. Израильские приобретения включали в себя Синайский полуостров, а также Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и сектор Газа.

К тому времени на указанных территориях проживало более миллиона палестинцев, многие из которых являлись беженцами 1948 года, попавшими теперь под оккупацию тех же сил, которые выгнали их с родной земли 20 лет тому назад. Всего за одну неделю политический и демографический ландшафт Ближнего Востока полностью изменился.

Война показала абсолютное превосходство разведки и армии Израиля над своими соперниками в арабских государствах. Тем не

менее некоторые израильтяне понимали, что блестящая победа – не только причина для торжества. Она одновременно являла собой и возможность для установления долгосрочного перемирия. Начальник информационно-аналитического управления АМАН Газит подготовил специальный, совершенно секретный доклад, который был роздан высшим руководителям государства и армии, содержащий, помимо прочего, и предупреждение о том, что «мы не должны выглядеть хвастунами, насмехающимися над разбитым врагом и унижающими его достоинство и достоинство его лидеров»^[294]. Доклад призывал к немедленным переговорам с арабскими странами и к использованию завоеванных территорий для бартерной сделки – уход с них Израиля и создание «независимого палестинского государства» в обмен на всеобъемлющий, полный и окончательный мирный договор. В Шин Бет (общей службе безопасности) также имелось много людей, которые верили в то, что сложившаяся ситуация предоставляет уникальный исторический шанс для окончания национального конфликта между евреями и арабами. Даже «шпион № 1» Израиля, Меир Амит, разглядел в ней огромный потенциал для мира. Но к его совету никто не прислушался.

Гигантская метаморфоза израильского общества, его парламентариев и правительственных чиновников, которые из граждан и руководителей страны, стоявшей на грани уничтожения, в одночасье превратились в граждан и руководителей непобедимой империи, сделала их слепыми по отношению к той истине, что даже победа и завоевание вражеской территории может принести с собой серьезные угрозы.

Амит был одним из немногих, кто понимал глубину и опасность нового тренда в национальной психологии. «То, что происходит сейчас, приносит разочарование, болезненное разочарование, – писал он в своем дневнике через две недели после Шестидневной войны. – Я предчувствую, беспокоюсь и опасаюсь бесполезной утраты результатов этой войны... Когда я вижу, как ведутся в этом отношении дела, руки у меня опускаются и мною овладевает чувство отчаяния»^[295].

В то время как Амит видел в победе Израиля возможность установления мира, Арафат и Абу Джихад рассматривали сокрушительное поражение арабских государств как катастрофу,

которую можно использовать в своих интересах. Они понимали, что постыдный провал лидеров арабских стран создаст в общественном мнении вакуум, который смогут заполнить новые лидеры, воспринятые арабским обществом как молодые, храбрые и некоррупцированные. Абу Джихад утвердился в мысли, что теперь вести повстанческую вооруженную борьбу против Израиля станет легче.

Всего через десять дней после окончания войны, 20 июня, Арафат и Абу Джихад объявили в Бейруте, что ФАТХ продолжит свою борьбу на территориях, которые Израиль только что захватил^[296]. Сдерживая это обещание, Абу Джихад инициировал волну террористических атак в секторе Газа и на Западном берегу. В сентябре 1967 года было организовано 13 акций, в октябре – 10 и в ноябре – 20. Цели были выбраны в основном гражданские: фабрики, жилые дома, кинотеатры. С учетом этих атак ни один из сотрудников израильских спецслужб не решился высказываться за переговоры с ФАТХ.

Хотя вел эту войну Абу Джихад, израильскому руководству было ясно, что лидером в ФАТХ является Ясир Арафат. Именно он закладывал дипломатический и идеологический курс организации, именно он смог постепенно объединить различные палестинские фракции под общим руководством. Он также стал играть роль модератора в отношениях с лидерами арабских государств, которые первоначально видели в ФАТХ серьезную угрозу. В 1964 году арабские государства основали Организацию освобождения Палестины (ООП) и поставили ее главой свою марионетку, Ахмада Шукейри. Однако в связи с совершенно неудовлетворительными результатами действий ООП в ходе Шестидневной войны и возрастающим влиянием Арафата контроль над ООП постепенно перешел в руки ФАТХ, и в конце концов Арафат был избран ее председателем. Абу Джихад стал координатором военной деятельности ООП, заняв фактически место второго человека в руководстве организации.

Арафат, который стал носить традиционный палестинский мужской головной убор куфию уложенным на голове в форме карты Палестины, превратился в символ палестинского сопротивления.

«Израиль должен ударить в сердце террористических организаций, по их штабу, – записал в своем дневнике Иегуда Арбель, руководитель подразделений Шин Бет в Иерусалиме и на Западном берегу реки

Иордан. – Ликвидация Абу Аммара (Арафата) является необходимым и обязательным предварительным условием решения палестинской проблемы»^[297]. Арбель оказывал на «комиссию трех» давление для достижения этой цели. Со своей стороны он составил и распространил в соответствующих службах описание Арафата как разыскиваемого опасного преступника – один из первых словесных портретов, за которым последовали многочисленные документы такого рода на других террористов. «Маленького роста, 155–160 см, цвет кожи темный. Сложения упитанного, круглолицый. Посередине головы лысина. Волосы на висках седые. Усы бреет. Манера поведения: беспокойная. Глаза: все время бегают»^[298].

Израильские спецслужбы пытались ликвидировать Арафата несколько раз во время и сразу же после Шестидневной войны^[299]. Через несколько дней после победы Израиля информатор Шин Бет указал на тайное местонахождение Арафата в Старом городе неподалеку от Яффских ворот. По этому адресу было послано армейское подразделение для того, чтобы схватить Арафата живого или мертвого, но он умудрился скрыться буквально за несколько минут до появления солдат. Через два дня военные, действовавшие по наводке специального подразделения 504, осуществили рейд на квартиру в Бейт-Ханина – поселении, расположенном к востоку от Иерусалима, но обнаружили только питу с начинкой из овощного салата и тахини, от которой было откушено несколько кусков. Еще день спустя Арафат, переодетый в женское платье, сумел перебраться через мост на реке Иордан в такси, принадлежавшее одному из его сторонников.

Между тем террористические атаки ООП на Израиль становились все более частыми и кровавыми. В промежутке между окончанием войны и мартом 1968 года было убито 65 израильских военнослужащих и 50 гражданских лиц, а 249 солдат и 295 мирных жителей были ранены. Атаки, осуществленные ФАТХ из штаб-квартиры в Караме, расположенном в южной части Иорданской долины, часто приводили к столкновениям между Армией обороны Израиля и иорданскими вооруженными силами. Росла напряженность на протяженной границе между двумя странами, что делало нормальную жизнь на израильской стороне невозможной. Командование Армии обороны Израиля настаивало, чтобы премьер-

министр Эшкол санкционировал массированную военную операцию, однако он проявлял в этом вопросе колебания^[300].

Люди в «Моссаде» испытывали психологический дискомфорт^[301]. «Унижение, вызванное террористическими атаками, вызывало ощущение беспомощности, – вспоминал руководитель «Кесарии» Цви Аарони. – Я сказал тогда своим ребятам: “Думайте креативно. Думайте над планами по ликвидации Арафата”».

«В январе 1968 года они пришли ко мне с идеей доставки морем из Европы в Бейрут большой легкой автомашины»^[302]. В Бейруте автомобиль предполагалось начинить изрядным количеством взрывчатки, а затем его должен был перегнать в Дамаск своим ходом оперативник «Кесарии», выступавший под прикрытием бизнесмена. Машину планировалось поставить на парковку рядом с резиденцией Арафата, а взрывной механизм привести в действие дистанционно. Амит отправился к Эшколу, чтобы добиться его согласия, но получил категорический отказ, причину которого премьер объяснил тем, что операция вызовет и оправдает ответные покушения на жизни израильских политиков. Эшкол рассматривал Арафата как террориста, но такого, который сумел приобрести статус политического лидера, и это являлось, пожалуй, лучшим доказательством успеха, достигнутого председателем ООП.

Однако накал палестинского террора не стихал. 18 марта 1968 года школьный автобус подорвался на mine. Двое охранников были убиты, и 10 детей ранены. Теперь Эшкол неохотно сдался оказываемому на него давлению^[303]. Он согласился с тем, что ликвидация Арафата должна стать главной целью операции против палестинских вооруженных формирований в самом Караме и возле него.

21 марта 1968 года отряд из подразделения «Сайерет Маткаль» (элитного спецназа Армии обороны Израиля) был доставлен на вертолете к месту проведения операции в пустыне неподалеку от базы ФАТХ в Караме. Полученный отрядом приказ был коротким и ясным: «Атаковать при свете дня, овладеть базой, изолировать и ликвидировать террористов». На заседании кабинета министров накануне вечером начальник Генерального штаба АОИ генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев пообещал проведение «чистой операции», под которой он понимал акцию совсем без или с минимальными потерями у израильтян.

Однако все пошло не по плану, и боестолкновение продлилось намного дольше, чем предполагалось. Река Иордан в этот период года очень полноводна, растительность по ее берегам густая, а характер почвы сильно затрудняет передвижение по ней механизированных подразделений, которые должны были поддерживать операцию. Кроме того, из-за недостаточной координации действий вертолеты ВВС Израиля сбросили листовки с указаниями гражданскому населению к определенному времени покинуть место проведения операции. Таким образом, фактор внезапности был утрачен, и вооруженные силы ФАТХ имели достаточно времени для того, чтобы подготовиться к атаке. Они яростно сопротивлялись израильтянам.

Вновь переодетый в женскую одежду, Арафат сумел ускользнуть с места проведения операции в стремительном рывке на мотоцикле.

Хотя по количеству потерь преимущество оказалось на стороне израильтян (тогда погибло 33 израильских военнослужащих, 61 солдат вооруженных сил Иордании и более ста палестинцев), в первый раз в лобовом столкновении палестинцам удалось отбить нападение вооруженных сил сильнейшей армии на Ближнем Востоке. Это показало, кто в реальности оказался победителем^[304].

Арафат моментально оценил пропагандистский потенциал сорванной израильской операции и превратил битву под Караме в легенду мужества палестинцев перед лицом атакующего врага. Он даже дошел до того, чтобы (фальшиво) похвастаться, будто бы его боевики ранили министра обороны Израиля Моше Даяна. Тысячи палестинцев с воодушевлением вступали в ряды ООП. После Караме никто не сомневался в том, что палестинская нация реально существует, даже несмотря на то, что Израиль продолжал отрицать это в течение многих лет после боестолкновения. И никто не мог сомневаться: Ясир Арафат оставался бесспорным лидером этой нации.

Провал операции под Караме вынудил Израиль проводить более осторожную политику в отношении своих рейдов на территорию Иордании, что вызвало глубокое разочарование в Армии обороны страны. Протоколы тогдашних заседаний руководства Генерального штаба АОИ указывают на высочайшую степень внимания, которое израильское командование уделяло ООП и Ясиру Арафату, на которого палестинская молодежь смотрела с нескрываемым восхищением^[305].

Военные и спецслужбы Израиля прилагали все усилия по обнаружению и ликвидации Арафата, но безрезультатно. В конечном счете, видимо от отчаяния, они решились на совсем уж одиозный план^[306]. В мае 1968 года харизматичный психолог Биньямин Шалит, родившийся в Швеции, каким-то образом узнал о секретной «комиссии трех» и предложил идею, основанную на сюжете фильма «Маньчжурский кандидат», в котором китайский психолог, связанный со спецслужбами, обрабатывает сознание американского военнопленного и направляет его в США с заданием убить кандидата в президенты.

Шалит утверждал, что может проделать то же самое, только целью в данном случае будет Арафат. На встрече с «комиссией трех», которую посетил шеф военной разведки АМАН генерал-майор Аарон Ярив, Шалит заявил, что если в его распоряжение предоставят палестинского заключенного – одного из многих тысяч, брошенных в израильские тюрьмы, – с подходящими личными качествами, он сможет подвергнуть его идеологической обработке и загипнотизировать, сделав этого человека запрограммированным убийцей^[307]. Затем этого человека можно будет перебросить через границу в Иорданию, организовать его проникновение в ряды ФАТХ, а при благоприятной возможности использовать для того, чтобы покончить с Арафатом.

Невероятно, но комиссия одобрила этот план. Общая служба безопасности Шин Бет прислала нескольких заключенных, с которыми детально побеседовал Шалит, отобравший из них наиболее подходящего, по его мнению, кандидата. Выходец из Вифлеема, 28 лет, он имел крепкое телосложение, смуглую кожу, средние способности, легко поддавался психологическому влиянию и, судя по всему, был не вполне лоялен лидерству Ясира Арафата в ООП. В момент ареста он проживал в небольшой деревне под Хевроном. Это был рядовой боевик ФАТХ с псевдонимом «Фатхи».

Необходимые условия для операции должно было подготовить подразделение 504 израильской военной разведки АМАН, однако его оперативники яростно воспротивились этому плану. Как говорил мне Рафи Суттон, бывший ранее начальником базы подразделения 504 в Иерусалиме: «Это была глупая, идиотская затея. Все в ней напоминало научную фантастику. Дикие фантазии на грани галлюцинаций».

Однако возражения Суттона были отклонены. Команде Шалита предоставили небольшое здание в десять комнат. Здесь Шалит в течение трех месяцев работал с Фатхи, используя различные методы гипноза. В голову впечатлительного молодого человека вбивалась идея: «ФАТХ хороший. ООП хорошая. Арафат плохой. Его нужно устранить». После двух месяцев такой работы складывалось впечатление, что Фатхи данные идеи воспринял глубоко. На втором этапе подготовки он был помещен в специально оборудованную комнату и вооружен пистолетом. Фотографии Арафата неожиданно появлялись в разных местах комнаты, и Фатхи приказывали мгновенно стрелять по ним без раздумий, целясь прямо между глаз – стрелять, чтобы убить.

Шеф АМАН Ярив и старший офицер АМАН Аарон Левран, входивший в «комиссию трех», определявшую цели для ликвидации, несколько раз приезжали, чтобы проверить работу Шалита^[308]. «Фатхи стоял посередине комнаты, а Шалит спокойно с ним разговаривал, как во время обычной беседы, – рассказывал мне Левран. – Неожиданно Шалит хлопал ладонями по столу, и Фатхи начинал бегать вокруг него. Он автоматически, на подсознании, реагировал на различные жесты Шалита. Затем тот отводил Фатхи в специальную комнату и показывал нам, как он поднимает пистолет в боевое положение каждый раз, когда в каком-то месте комнаты из мебели неожиданно «выскакивает» фотография Арафата. Это производило впечатление».

В середине декабря Шалит объявил, что операция может быть реализована. Час «0» назначили на ночь 19 декабря, когда Фатхи должен был переплыть реку Иордан и проникнуть на территорию Иордании. Однако в ту ночь налетел сильный ветер и лил непрекращающийся дождь. Обычно тихий и узкий, Иордан вышел из берегов. Руководство АМАН хотело отложить операцию, но Шалит настаивал, что Фатхи находится в «оптимальном гипнотическом состоянии» и нужно воспользоваться благоприятной возможностью.

Из Иерусалима Фатхи сопровождал внушительный эскорт. Шалит приказал Фатхи выйти из машины и произнес несколько гипнотических формул. Парень вошел в бушующий поток, неся на спине рюкзак со снаряжением. Как только он углубился в русло, то сразу же был сбит с ног быстрым течением. Фатхи уцепился за валун, будучи не в состоянии ни перейти на противоположный берег реки, ни

вернуться обратно. Овад Натан, водитель из подразделения 504, обладавший крупным телосложением и развитой мускулатурой, прыгнул в воду, на свой страх и риск привязал себя веревкой к Фатхи и притянул его к себе. Потом пересек реку и вывел Фатхи на иорданский берег.

Рафи Суттон стоял на израильском берегу Иордана и смотрел, как промокший до нитки и дрожащий Фатхи помахал своим кураторам рукой на прощание^[309]. «Он сложил из пальцев подобие пистолета и сделал жест, как будто стреляет в воображаемую цель между глаз. Я заметил, что Шалит был доволен пациентом. Было чуть больше часа ночи».

Спустя примерно пять часов подразделение 504 получило сообщение от одного из своих агентов в Иордании: молодой палестинец, боевик ФАТХ из Вифлеема, добровольно сдался на полицейском участке в Караме. Полиции он рассказал, что израильская разведка пыталась подвергнуть его идеологической обработке и склонить к убийству Арафата, для чего передала ему пистолет. Еще через три дня источник в ФАТХ уведомил израильтян, что Фатхи был передан ООП^[310], где произнес страстную речь в поддержку Ясира Арафата.

8

Меир Даган и его «ноу-хау»

После израильской оккупации палестинцы в секторе Газа и на Западном берегу – и беженцы, и те, что всегда проживали там, – оказались под управлением врага, израильского государства, которое ООП поклялась разрушить. Палестинцы, которые не были вовлечены в националистическую политику или не интересовались ей, стали заложниками двух противоположных тенденций – решимости Израиля сохранить контроль над оккупированными территориями и решимости ООП выгнать с них израильтян с этих земель.

Все эти палестинцы имели опыт существования под жестокими диктаторскими арабскими режимами, но каждый из них мог выбрать вариант почти полной отстраненности от военного конфликта, который бушевал на границах арабских стран с Израилем. Теперь, когда Израиль начал агрессивно утверждать свою власть перед лицом террористической деятельности ООП, главным полем боя стали лагеря беженцев, превратившиеся в трущобы, и большие палестинские города – Газа, Наблус, Рамалла и Хеврон.

Состав задач, решаемых Армией обороны Израиля и ее солдатами, особенно служащими по военному призыву молодыми людьми в возрасте от 18 до 21 года (обязательная военная служба была введена в 1949 году), претерпел существенные изменения. Если раньше армейские части в основном патрулировали границы страны, защищая их от инфильтрации внешних врагов, то теперь их ввели в палестинские города и поселки для выполнения, по существу, полицейских функций. Война привела также к глубоким изменениям в спецслужбах Израиля. С «Моссада», в компетенцию которого входил сбор разведывательной информации за границами Израиля, была снята ответственность за вновь занятые территории. Эта задача была возложена на Шин Бет, небольшую спецслужбу с численностью сотрудников порядка семисот человек, которая прежде отвечала в основном за контрразведывательную деятельность и борьбу с политическими диверсиями.

В период с 1968 по 1970 год, по мере того как атаки ООП на военных и гражданское население Израиля становились все более частыми, эффективными и кровавыми, Шин Бет быстро расширялась. Служба получила дополнительное финансирование, ей были выделены необходимые здания и объекты, а также кадры, среди которых было много владеющих арабским языком офицеров из АМАН, в особенности из подразделения 504, занимавшегося вербовкой источников среди арабов. Вскоре противостояние палестинскому терроризму стало основной задачей Шин Бет^[311].

Наиболее сложным оперативным участком для службы был сектор Газа, одна из самых густонаселенных территорий в мире. После Шестидневной войны израильтяне ездили через сектор на Синайский полуостров, активно занимались торговлей на местных рынках и набирали палестинцев для работы в сельском хозяйстве и строительной отрасли Израиля. В 1970 году израильтяне начали организовывать еврейские поселения в секторе Газа и Северном Синае. Все чаще израильские объекты и граждане подвергались там нападениям. Пик пришелся на 1970 год, когда в секторе Газа было зафиксировано 500 террористических атак^[312]. В этих инцидентах было убито 18 граждан Израиля и сотни человек ранены. К тому времени Армия обороны Израиля могла контролировать только важнейшие транспортные артерии. В остальных местах повсюду властвовала ООП.

С целью подавления террора в секторе Шин Бет составила список жителей города Газы и окрестностей, которые были замечены в участии в нападениях на израильтян. Было собрано много информации, и этот список становился все длиннее. Очень скоро стало ясно, что Шин Бет – служба по сбору информации – не могла проводить собственные операции. Для того чтобы арестовать, а тем более ликвидировать преступников, ей были необходимы кадровые военные и огневая мощь армии. Шин Бет нашла внимательного слушателя в лице генерал-майора Ариэля «Арика» Шарона, назначенного командующим Южным военным округом Израиля в 1969 году. Шарон начал вводить в сектор Газа все больше армейских частей, которые должны были помогать Шин Бет в розыске, поимке и аресте или ликвидации террористов. Разведывательная информация для таких операций поступала в основном от палестинских

информаторов или добывалась у задержанных лиц в результате допросов с «пристрастием»^[313].

Не все были согласны с агрессивным подходом Шарона. Бригадный генерал Ицхак Пундак, военный губернатор сектора Газа, отвечавший и за гражданские вопросы, настаивал, что главным путем сдерживания палестинского террора является повышение качества жизни населения этих территорий и предоставление ему возможности самостоятельного гражданского и муниципального управления с сохранением в жилых зонах минимального военного присутствия. «Бряцание оружием и убийства ради убийств не приведут нас ни к чему, кроме интифады (или народного восстания), – говорил Пундак. – Взгляды министра обороны Моше Даяна и Шарона на то, что должно быть сделано в секторе Газа, не совпадали. Даян настаивал на контактах и установлении хороших взаимоотношений с населением, тогда как Шарон занимался охотой на террористов и мог смотреть на них только через прицел своего автомата. Население его нисколько не интересовало»^[314].

Шарон утверждал, что никакой надежды на примирение с палестинцами нет. На их террористические атаки следует отвечать силой, и на их стороне нет никого, с кем можно было бы говорить о мире. Если целью Арафата и других руководителей ООП было разрушение Израиля, о чем можно было вести с ними переговоры?

У войсковых подразделений, которыми Шарон командовал в Южном военном округе Израиля, были и другие задачи, например патрулирование протяженной границы с Египтом и проведение военных операций в ходе Трехлетней войны 1967–1970 годов вдоль Суэцкого канала. Шарон остро нуждался в особом подразделении, которое занималось бы исключительно противостоянием арабскому терроризму. Что при этом не менее важно, Шарон хотел создать компактную, закрытую группу военных, которые подчинялись бы лично ему и действовали в рамках единого образа мыслей и правил.

Когда пришло время решать, кто мог бы возглавить новое подразделение, в голове у Шарона сразу же всплыло имя Меира Дагана, которого он помнил по одному инциденту в Северном Синае в середине 1969 года^[315]. Тогда ФАТХ разместила ракетные установки посередине минного поля, установила на них временные устройства запуска и нацелила на базу АОИ. Ни один израильский офицер или

солдат не решился приблизиться к ракетам, чтобы обезвредить их. Но Даган, в то время молодой офицер военной разведки, бесстрашно подошел к установкам и разрядил их. Даган напомнил Шарону самого себя в молодости.

Даган родился в 1945 году на полу холодного вагона товарного состава, направляющегося из Сибири в Польшу. Его родители бежали из польского города Лукув за шесть лет до этого, когда советский офицер предупредил их, что немцы планируют захватить этот район и евреям там придется несладко. Семья нашла укрытие на суровых просторах Сибири. После окончания войны вместе с десятками тысяч других беженцев она вернулась в Польшу, еще не зная, что ничего не осталось ни от их домов, ни от тех евреев, которые не смогли эвакуироваться. Где-то на Украине, во время одной из остановок товарняка, Меир и родился. Шансы выжить в холодном переполненном товарном вагоне у него были минимальные, но самоотверженная забота родителей в совокупности с очевидным природным здоровьем спасли его.

«Мои родители никогда не рассказывали о том периоде, – говорил Даган. – Слово время с 1939 по 1945 год было просто стерто на календаре. Действительно, они выжили и спасли нас, но война поломала их души»^[316]. Только раз отец решился рассказать Меиру, как они вернулись в разрушенный родной город.

Он рассказал о «долине смерти», где массово уничтожали евреев и сбрасывали в общие могилы. Отец Меира хотел соорудить там памятник. Он заплатил деньги поляку из окрестной деревни, чтобы тот помог ему. Этот человек рассказал отцу Дагана, что во время одного из последних рейдов гестапо по уничтожению евреев немцы приказали ему сделать снимки. Когда они потом в спешке покидали Польшу, то забыли про пленку, и поляк отдал ее отцу Меира. Когда отец проявил ее, на одном из кадров обнаружил своего отца, деда Меира, за несколько мгновений до того, как его застрелили и сбросили в ров.

Дед Дагана, Дов Эрлих, с длинной бородой и пейсами, стоит на коленях перед немецкими солдатами, в руках у которых винтовки с примкнутыми штыками. «Нам удобно представлять их себе крайними фашистами, фанатиками-убийцами, – говорит Даган. – Однако это не так. Батальон, осуществивший эту жестокую бойню, был тыловым подразделением вермахта. Боевые части были на фронте. В батальоне

служили адвокаты, торговцы – обычные люди. Вывод ужасен. Оказывается, можно взять любого человека и превратить в убийцу». Второй вывод Дагана еще более важен. «Давайте признаем правду: большинство евреев в ходе холокоста погибли без борьбы. Такая ситуация не должна повториться. Нельзя стоять на коленях, не будучи способным сражаться за свою жизнь»^[317].

После пяти лет в Польше, в течение которых Даган выучил польский язык, пригодившийся ему позднее, в бытность директором «Моссада», для того чтобы растапливать лед во взаимоотношениях с польскими партнерами, семья выехала в Италию, где погрузилась на судно по перевозке скота, спешно переделанное для транспортировки иммигрантов в Израиль. Друг Дагана, который плыл с ним на том же корабле, вспоминал, что даже в тех нищенских условиях в переполненных помещениях «Меир вел себя как прирожденный солдат»^[318]. По пути судно чуть не погибло из-за шторма. Тогда Даган еще раз заглянул в глаза смерти, находясь на палубе в спасательном жилете с апельсином в руках. Это то, что навсегда запомнилось ему: яркий оранжевый фрукт у него в руке^[319]. «Там, на борту этого корабля, я впервые узнал вкус апельсина, – рассказывал он впоследствии. – И помню огромную гордость, с которой мой отец дал мне этот фрукт, сказав, что он из Израиля».

Проведя месяц в море, они добрались до Хайфы. Там чиновники Еврейского агентства направляли прибывших в транзитный лагерь, где они жили в ветхих палатках, а потом – во временное жилье в казармах британской армии неподалеку от Лода. В каждой комнате жило по шесть семей, разделенных только занавесками. На барак приходился один душ. Помимо тяжелых жилищных условий, вновь прибывшие иммигранты должны были противостоять унижающему их отношению со стороны «ветеранов». Сабры, то есть родившиеся в Израиле евреи, смотрели на беженцев с презрением. Они обвиняли приехавших в том, что вместо борьбы с нацизмом те безропотно заходили в газовые камеры, как овцы на убой.

Даган оставил школу в возрасте 17 лет и записался в «Сайерет Маткаль», элитное подразделение спецназа, которое выполняло задачи за линией фронта (и было также кузницей кадров, откуда вышли впоследствии многие израильские военные и гражданские руководители). Из 30 курсантов АОИ, вступивших в «Сайерет

Маткаль» в августе 1963 года, только 14 смогли полностью выдержать жесткий 75-недельный курс боевой подготовки. Одним из тех, кто начал прохождение этого курса вместе с Даганом, был Данни Ятом, который впоследствии будет занимать важные должности в Армии обороны Израиля и станет шефом «Моссада», одним из предшественников Дагана. Ятом вспоминает, что был очень обеспокоен, когда впервые увидел Дагана^[320]. «Он постоянно доставал из ножен свой спецназовский кинжал и бросал его в ствол каждого подвернувшегося дерева или в телеграфный столб», – рассказывал Ятом.

«Я думал про себя, что попал в отряд настоящих убийц и, видимо, у меня нет никаких шансов выжить», – говорил в свою очередь Даган. В конечном счете Ятом прошел отборочный тур, а Даган – нет^[321]. «Я часто вспоминаю то время, – продолжал Даган, – я считал, что действительно не подхожу для этого подразделения. Ведь я не сабра. Я не из кибуцников. Я не из долины (имелась в виду долина Джебзил к востоку от Хайфы, где было много поселков-кибуцев, из которых происходила значительная часть кандидатов в “Сайерет”). И вот они думали про себя: кто этот незнакомый парень, который так стремится затесаться к нам?»

Дагана приписали к воздушно-десантному подразделению, он попал в разведывательную роту бригады. Затем его направили на курсы офицеров пехоты, и он был выпущен в звании лейтенанта в 1966 году. Во время Шестидневной войны он был призван из резерва и служил командиром роты ВДВ. Сражался сначала на Синае, а потом на Голанских высотах.

«Неожиданно мы обнаружили себя участниками непрекращающейся череды войн, – говорит Даган. – Откуда взялось у меня тогда ощущение того, что дальнейшее существование Израиля не гарантировано? Только через мои ноги, только через всю эту череду сражений». После Шестидневной войны он поступил на регулярную службу в АОИ, был отправлен на Синай в качестве офицера военной разведки. Там-то Шарон и познакомился с Даганом и его храбростью.

В 1969 году Даган стал командиром нового подразделения специальных операций, которое Шарон создал под свое руководство. Это был относительно небольшой отряд, максимум 150 человек, и очень секретный. В документах Армии обороны Израиля он назывался

не иначе как «№ 5176». Неофициально подразделение было известно как «Сайерет румон» – рейнджеры-гранатометчики, потому что на его эмблеме были изображены граната, кинжал и крылья ВДВ. В качестве базы Даган приспособил заброшенную виллу на песчаном морском побережье к югу от Газы, которую когда-то использовал президент Насер.

Один из солдат подразделения Дагана рассказывал, что у их командира были серьезные проблемы со слухом. Все свидетельствуют о том, что он был исключительно смелым, сосредоточенным и агрессивным. Отряд Дагана по своему укладу не походил на армейские подразделения того времени. В нем царила свободная атмосфера, люди вели себя раскованно, будучи заинтересованными в одном: осуществлении как можно большего числа операций. Каждое утро Даган появлялся из спальни голым по пояс и направлялся во двор в сопровождении своей собаки – добермана по кличке Пако^[322]. Доставал пистолет и начинал стрелять по пустым банкам из-под содовой, которые его подчиненные оставляли на дворе. Затем помощники Дагана готовили ему завтрак и чистили его ботинки. Своих солдат Даган подбирал лично, переводя их из других подразделений. Он искал людей, которые готовы были идти за ним повсюду.

В то время Дагану не исполнилось еще и тридцати. Он начал разрабатывать свою тактику, которая удивительным образом походит на ту, которую АОИ и разведывательные службы Израиля используют по сей день^[323]. Ее главным принципом было избежание крупномасштабных боевых столкновений, потому что «такая большая и быстрая победа, как победа в Шестидневной войне, никогда больше не случится». Даган считал, что арабы могут быть разбиты в серии ограниченных по масштабам целевых операций. В соответствии с этой доктриной, вражеские лидеры и влиятельные полевые командиры должны были безжалостно преследоваться, отлавливаться и уничтожаться.

К концу 1969 года, через полгода после начала комплектования, боевой подготовки и организационных мероприятий в своем подразделении, Даган решил, что настало время «выйти в поле». Шин Бет передала Дагану списки подлежащих уничтожению врагов в секторе Газы^[324]. «Но эти списки все время только росли», – говорил

Авигдор Элдан, один из первых офицеров, набранных в новое подразделение. Шин Бет могла знать людей из стана противника, которых следовало уничтожить, однако в связи с недостатком боевых возможностей не могла добраться до своих целей. Всего списки насчитывали более четырехсот фамилий.

Шин Бет подразделяла свои цели на две категории. «Черные» включали в себя простых боевиков, которые не знали, что за ними охотятся для того, чтобы устроить им допросы. Люди Дагана старались добраться до таких целей в ходе того, что они называли «разведывательными операциями по установлению личности». Схваченный «черный» боевик ООП подвергался допросу в Шин Бет, и если отказывался от сотрудничества, его пытали. Потом сажали в такси между двумя оперативниками Дагана, вооруженными пистолетами, и возили по городам и поселкам, требуя показывать места, в которых прятались члены ООП, жили семьи, помогавшие Организации освобождения Палестины, пути передвижения боевиков и так далее. Рейнджеры-гранатометчики, следовавшие за такси в джипах, действовали на основе полученной информации немедленно, арестовывая всякого, на кого показывал информатор.

«Красные» цели, напротив, знали о том, что их разыскивают, и были значительно более осторожными, жили на нелегальном положении и обычно были хорошо вооружены^[325]. Ликвидация «красной» цели подразумевала нахождение способов приблизиться к ней на достаточно близкое расстояние, чтобы действовать быстро и непосредственно на поражение. На такие операции Даган посылал своих лучших людей в поселки вокруг Газы одетыми, как арабы, и в сопровождении палестинских коллаборационистов, обеспечивавших оперативникам надежное прикрытие.

Эта группа, созданная совместно с Шин Бет, имела кодовое название «Зикит» («Хамелеон»). Для начала в нее отобрали 8 элитных бойцов спецназа. Проект «Хамелеон» был настолько секретным, что, как рассказывал впоследствии Элдан: «На первом этапе мы даже не знали, к чему нас готовят. Все, что мы знали, это то, что нас выматывали тренировками, чтобы мы были готовы к любым ситуациям»^[326].

У «хамелеонов» были поддельные местные удостоверения личности, которые им предоставляла Шин Бет^[327]. Они могли

проникнуть в сердце густонаселенных районов, и никто их ни в чем не подозревал, пока они не доставали оружие.

«Мы использовали главное слабое место этих террористических ячеек, – говорил Даган. – Поскольку в них действовали марксистские принципы конспирации, они практиковали очень высокую степень дробления своих групп. Каждый член ячейки знал только своих товарищей по этой ячейке, и никого другого. Так что если вы выглядели как местный и говорили на местном диалекте, у вашего противника не было шансов разобраться в том, кем вы являетесь на самом деле, пока не становилось поздно»^[328].

Например, Моше Рубин, один из ветеранов подразделения, рассказывал: «Мы знали, что террористические организации получали оружие и деньги на кораблях из Ливана. На судне-базе они выходили из Бейрута далеко в море, где переваливали груз на рыболовецкие шхуны, которые уже и доставляли его на побережье. И мы сказали себе: а почему бы и нам не организовать такой рейс из Ливана?»

И вот в ноябре 1970 года группа из шести человек, сформированная подразделением «Хамелеон», взошла на борт рыболовецкой шхуны, которую катер израильских ВМФ отбуксировал в определенную точку в открытом море напротив сектора Газа.

В группу входило трое военнослужащих Армии обороны Израиля во главе с Даганом. С ними были двое палестинских коллаборационистов, одному из которых удалось спастись во время массового убийства членов ООП, устроенного два месяца назад королем Иордании Хусейном. Он был благодарен израильтянам, помогшим ему в спасении. Другой, по кличке «Подлодка», убил своего родственника, воткнув ему кинжал в голову, и был освобожден Шин Бет в обмен на сотрудничество. И наконец, последним членом группы был офицер АОИ из числа израильских бедуинов, задача которого состояла в том, чтобы прослушивать сообщения двух палестинцев с помощью закрепленных на них микрофонов. Палестинцы должны были двигаться впереди группы, первыми установить контакт с объектами операции и сообщить о развитии ситуации другим членам команды. Но у бедуина была и другая задача: он должен был оперативно проинформировать Дагана в том случае, если бы обнаружил намерения палестинцев обмануть его.

Группа «хамелеонов» достигла на шхуне берега и в течение нескольких дней пряталась в заброшенном сарае на садоводческой плантации. При этом палестинские коллаборационисты несколько раз осуществляли вылазки в расположенные поблизости лагеря беженцев. Они заявляли, что являются членами Народного фронта освобождения Палестины, прибывшими из Ливана.

Поначалу к ним никто не пришел. «Они нас боялись. И не потому, что думали, что мы можем быть израильтянами, а потому что были уверены, что мы являемся членами ООП, – вспоминал один из членов группы. – Разыскиваемые палестинские террористы не всегда вели себя лояльно по отношению к местному населению. Часто мародерствовали, требовали всё большего количества продовольствия, насиловали женщин. На плантациях цитрусовых мы часто находили тела арабов, убитых не нами, а разыскиваемыми преступниками, которые сводили личные счеты под предлогом расправы с изменниками и агентами Израиля»^[329].

В инсценированной операции, призванной укрепить доверие к группе со стороны местных жителей, команда Дагана была якобы обнаружена патрулем Армии обороны Израиля, который открыл огонь и сделал вид, что преследует группу^[330]. Даган со своими людьми скрылись в районе песчаных дюн к югу от лагеря беженцев в Бейт-Лахия.

Ситуация вызвала интерес у местных. «Подлодке» удалось организовать встречу между «хамелеонами» и одной женщиной, о которой было известно, что она связана с влиятельным членом Народного фронта. Члены группы убили курицу и испачкали ее кровью повязки вокруг горла, чтобы объяснить невозможность говорить. Говорил только один из сотрудничавших с группой палестинцев. «Мы прибыли, чтобы помочь вам, – убеждал он женщину. – Приведите ваших командиров в дюны».

Через день показались террористы^[331]. «Их было трое, двое мужчин и одна женщина, вооруженные, видные полевые командиры», – вспоминал Даган. После обмена приветствиями Даган шепотом произнес кодовое слово. Солдаты тут же открыли огонь из имевшихся у них девятимиллиметровых пистолетов Beretta. Двое мужчин были убиты. В каждого из них попало от 15 до 20 пуль.

«Женщина осталась невредимой», – рассказывал Даган с удовлетворением.

Элдан впоследствии вспоминал: «Меир быстро соскользнул с высокой дюны и взял у одного из упавших вниз мертвых палестинцев пистолет Star, который тот успел достать и сделать несколько выстрелов по нам. Даган выполнил два контрольных выстрела в голову каждому из палестинских боевиков. Пистолет он взял себе, а кобуру отдал Элдану».

Женщину они забрали с собой и передали Шин Бет для допроса.

Теплым субботним утром в начале января 1971 года 30-летний топ-менеджер рекламной компании Боб Аройо вместе с семьей отправился на прогулку по горам, окружающим лагуну Бардавилль на средиземноморском побережье Синайского полуострова. Боб родился на Мальте, а вырос в Англии. В Израиль он приехал в 1969 году вместе с женой Прити и двумя детьми, сыном Марком и дочерью Абигаль. Семья поселилась в небольшом городке к востоку от Тель-Авива. Дети были еще маленькие – Марку семь, а Абигаль пять лет, поэтому Боб запланировал достаточно короткую и несложную прогулку: с утра выехать на машине на юг, провести день на солнце и свежем воздухе, а во второй половине дня вернуться домой и всем вместе пораньше поужинать. Дети Боба были очень красивыми, и их лица были хорошо известны в Израиле, поскольку отец использовал их при съемках коммерческой рекламы, дизайнером которой сам и выступал.

К 15:00 семья Аройо закончила прогулку по горам и загрузилась в личный автомобиль «Форд Кортина», чтобы ехать домой. Они двинулись на север через Эль-Ариш до въезда в сектор Газа, а затем поехали по шоссе мимо палестинских деревень и лагерей беженцев. В то время израильтяне, направлявшиеся на Синай, часто ездили через сектор Газа, поскольку этот путь был самым коротким и простым, а до того времени еще и относительно безопасным.

В районе, примыкавшем к городу Газа с севера, поблизости от фабрики по производству напитка 7 Up, автомашина была остановлена у импровизированного блокпоста^[332]. К ней подбежал подросток и бросил на заднее сиденье гранату. Взрыв вырвал из машины большую часть внутренностей, и автомобиль моментально превратился в сгусток пламени. Раненый Аройо сумел выползти из машины и попросил двух стоявших неподалеку мужчин вызвать скорую помощь.

Но те только засмеялись и отпустили в его адрес какую-то колкость. Абигаль умерла в машине, а Марк в госпитале. Спустя два дня дети Боба были похоронены в одной могиле на старом кладбище в Иерусалиме на Оливковой горе. На похороны пришли десятки тысяч израильтян. Главный капеллан Армии обороны Израиля генерал-майор раввин Шломо Горен прочитал надгробную молитву. Весь Израиль погрузился в траур.

Через две недели Шин Бет поймала преступников. Юноша, который бросил в машину гранату, оказался 15-летним Мухаммадом Сулейманом аз-Заки из района Шуяйя в Газе. Двум его подельникам было 16 и 17 лет. Все они были учениками средней школы Фаластин, завербованными для проведения операции влиятельным боевиком из ФАТХ.

Убийство Марка и Абигаль стало поворотным пунктом в реакции Израиля на волну терроризма, которая захлестнула страну после Шестидневной войны. «Мы решили, что так больше нельзя, – рассказывал Меир Даган. – После инцидента с детьми Арик (Шарон) взял борьбу с терроризмом в секторе Газа под личный контроль»^[333]. Шарона уже не устраивало простое получение докладов от Дагана, хотя он по-прежнему доверял последнему. С того момента Шарон стал «часто приезжать на нашу виллу и участвовать в планировании операций и патрульных миссий, вникая в мельчайшие детали».

Гибель детей Аройо положила конец спорам внутри израильских спецслужб относительно того, как обращаться с палестинским населением на завоеванных территориях. Восторжествовал подход Шарона. В сектор Газа были введены войска. По приказу Шарона израильтяне в массовом порядке разрушали палестинские дома для того, чтобы освободить место для широких дорог, ведущих к перенаселенным лагерям беженцев. Однажды ночью в январе 1972 года Шарон приказал эвакуировать тысячи бедуинов с земель к югу от Рафаха, общая площадь которых составляла около 1000 гектаров. Генерал Шломо Газит, который отвечал за акции правительства на оккупированных территориях и гражданские вопросы, был шокирован. Он кипел от ярости, когда на следующее утро узнал об эвакуации, и пригрозил отставкой. «Невозможно назвать эти действия иначе как этническими чистками и военными преступлениями», – говорил он впоследствии^[334].

Шарону дали карт-бланш на использование сил специального назначения и секретных подразделений для обнаружения и ликвидации террористов до того, как они смогут совершать атаки в Израиле.

Тем временем Даган и его люди целенаправленно разрабатывали новые методики поиска и поимки объявленных в розыск палестинцев. Одна из тактик состояла в устройстве засад на них в борделях. Другая – скрытное размещение опергрупп в цитрусовых рощах и садах в случаях, когда террористы устраивали там свои встречи. При этом израильтяне использовали для связи рыболовную леску, протянутую между деревьями, что обеспечивало абсолютную скрытность. Направлявшиеся на секретные совещания террористы часто бывали уничтоженными.

Подразделение Дагана использовало также тайных коллаборационистов из числа палестинцев, которые доставляли в места сбора отрядов Армии освобождения Палестины замаскированные под различные предметы гранаты. Взрыватель в них устанавливался с замедлением в полсекунды, в отличие от обычных трех секунд, с таким расчетом, что любой человек, приведший его в действие, немедленно подрывал себя. Однажды Даган использовал трюк, известный как операция «Фарш», применявшийся англичанами во Второй мировой войне. Меир изображал из себя труп^[335], который несли его люди – двое из них палестинские агенты, остальные – члены отряда «Хамелеон», одетые как арабы. Таким образом им удалось проникнуть в поселок, в котором находилось укрытие террористов. Все они были застрелены.

Месяц спустя после убийства детей Аройо, 29 января 1971 года, два джипа под командованием Дагана двигались по дороге, соединявшей лагерь беженцев Джабалия и город Газа^[336]. На пути они встретили местное такси, полное пассажиров, которое следовало в противоположном направлении. Даган узнал среди пассажиров двоих «красных»: Фавзи аль-Рухейди и Мохаммада аль-Асвада, известного также под именем Абу Нимр. Даган приказал развернуться и начать преследование такси. Абу Нимр выскочил из машины, сжимая в руке гранату с выдернутой чекой. «Если вы сделаете еще шаг, мы все погибнем», – закричал он. Даган выдержал одну или две секунды. Затем крикнул «Граната!» и бросился на Абу Нимра, перехватив его

руку с гранатой и сильно ударив его головой с надетой каской в лицо. Абу Нимр потерял сознание, из носа обильно потекла кровь. Даган спокойно и аккуратно вынул гранату из руки террориста, поднял с земли чеку и вставил ее в запал. Этот смелый поступок Дагана был отмечен медалью от начальника Генерального штаба. Он также послужил основанием для рождения высказывания Шарона о Дагане в стиле «черного юмора»: «Он большой специалист в вопросах отделения араба от его головы».

В действительности же спорить об эффективности избранной Даганом тактики не было оснований^[337]. Шин Бет и силы специальных операций Армии обороны Израиля, основную роль в которых играли «рейнджеры-гранатометчики», поддерживаемые и воодушевляемые Шароном, за период между 1968 и 1974 годами в основном искоренили арабский терроризм в секторе Газа. Палестинским организациям нечем было ответить Дагану. Они не могли понять, каким образом Шин Бет раскрывала их секреты или как умудрялись израильские солдаты в арабской одежде появляться незамеченными столь стремительно, захватывать и убивать палестинских боевиков. Список Шин Бет из 400 разыскиваемых палестинских террористов (в который постоянно вносились новые имена) к 1972 году сократился до 10 объектов. В тот год в секторе Газа было зафиксировано только 37 террористических атак по сравнению с сотнями, происходившими в каждый из предшествовавших годов. И даже это число продолжало сокращаться еще четыре года подряд.

Разумеется, за эти методы приходилось платить определенную цену.

Как вспоминал Ицхак Пундак, однажды ему довелось ознакомиться с отчетом, подготовленным специальным подразделением. «В наше задание входило преследование разыскиваемого террориста в Аль-Шати (один из лагерей беженцев в Газе). Он забежал в какой-то дом. Члены подразделения ворвались туда вслед за ним, разоружили бандита и застрелили его». Пундак спросил, понимает ли офицер подразделения, что если бы его отчет попал в ООН или Красный Крест, он вызвал бы международный скандал. «Так в чем проблема? – удивился офицер. – Уничтожьте этот отчет, и всё».

Пундак доложил об этом командующему Южным военным округом Шарону^[338], и когда тот отказался от дальнейшего расследования инцидента, по воспоминаниям Пундака, он бросил в лицо Шарону:

«Вы лжец, обманщик и негодяй». Шарон встал и поднял руку, как бы собираясь ударить Пундака, но тот не испугался. «Если вы только коснетесь меня пальцем, я переломаю вам кости прямо здесь, в этом кабинете», – сказал он Шарону. Тот сел в кресло. По словам Пундака, он отдал Шарону честь и сказал: «Теперь я знаю, что вы еще и трус». После этого Пундак покинул кабинет.

Несколько журналистов получили сведения от анонимных источников из окружения Дагана о том, что бойцы его подразделения стреляли в людей и убивали их после того, как те сдавались и поднимали руки вверх^[339]. Журналисты цитировали одного информатора, который сказал, что он и подчиненные ему солдаты однажды арестовали палестинца, разыскиваемого за убийство офицера Армии обороны Израиля. Оперативник Шин Бет, который был тогда в составе группы, якобы сказал, что арестованный никогда не дойдет до суда, потому что в этом случае секретная служба безопасности вынуждена будет назвать в суде имя своего информатора, сообщившего сведения, помогшие схватить преступника. Тогда солдаты позволили своему пленнику «бежать» – и застрелили его при попытке к бегству.

Другой ветеран этого спецподразделения говорил: «Бывало так, что схваченного террориста выводили из дома, в котором его поймали, на ближайшую темную улицу, где солдаты оставляли пистолет или гранату таким образом, что у арестованного возникал соблазн воспользоваться ими. Когда он предпринимал такую попытку, ребята стреляли и убивали его. Иногда они говорили: “У тебя есть две минуты, чтобы скрыться”, а после расстреливали его за попытку к бегству».

Другой бывший боец «рейнджеров-гранатометчиков» рассказывал, что, когда речь шла о «красных» целях, Даган в одностороннем порядке отменял существовавшее в АОИ правило, что подозреваемым, прежде чем лишать их жизни, нужно предоставить шанс сдаться. Приказ Дагана подразумевал, что «красный» являлся целью для ликвидации сразу же после обнаружения. Сам Даган это подтверждает, но настаивает на том, что это было оправданно^[340]. «Все утверждения о том, что мы были эскадроном смерти или бандой убийц, – чепуха. Мы действовали в условиях военного времени, причем и мы, и наши объекты были одеты в гражданскую одежду и использовали одни и те

же виды оружия. Не существует, да, на мой взгляд, и не может существовать, процедуры ареста для вооруженного человека. А ведь почти все из разыскивавшихся нами лиц были вооружены. Ты должен стрелять в любого человека с оружием – независимо от того, поворачивается он, бежит или пытается скрыться. Наша цель не состояла в том, чтобы убивать их, но и самоубийцами мы быть не хотели. Было совершенно ясно, что если мы не выстрелим первыми, террористы выстрелят в нас».

После одной операции по аресту подозреваемого, 29 ноября 1972 года, когда дело закончилось тем, что разыскиваемый был застрелен, Пундак потребовал, чтобы заместитель Дагана, Шмуэль Пац, был предан суду военного трибунала. На суде выяснилось, что Пац выстрелил с расстояния в человека, в руках у которого был автомат, он упал. Пац начал приближаться к нему, все время стреляя, чтобы быть уверенным, что боевик мертв. «А что, по-вашему, я должен был делать?» – задал вопрос Пац ^[341]. «Тот факт, что человек упал, может означать, что он всего лишь притворяется или что он только ранен и еще в состоянии стрелять по нам. В такой ситуации по-другому действовать невозможно», – сказал Даган.

Суд тогда оправдал Паца. В других случаях различные жалобы, свидетельские показания и слухи, не говоря уж об информации о трупах, тщательно заматались и скрывались, чтобы не допустить публичного расследования.

Не подлежит никакому сомнению, что специальное подразделение Дагана действовало безжалостно и по своим правилам. Можно с большой долей вероятности утверждать, что это явилось началом внесудебной практики, которая существует в Израиле параллельно с уголовным правом. Эта система развивалась незаметно и в обстановке полной секретности. Отряд Дагана впервые занимался ликвидацией людей на территории, контролируемой Израилем, вместо того чтобы законно арестовывать их и предавать суду, как того требует международное право. «В целях защиты наших граждан, – говорил Даган, – государство должно иногда прибегать к действиям, которые идут вразрез с общепринятыми нормами демократии».

Все это поддерживали и гражданские власти Израиля, хотя и делали вид, что ничего не знают. Ведь лидеры государства больше всего хотели умиротворения завоеванных территорий. Это умиротворение

позволяло многочисленным сменявшимся правительствам Израиля с выгодой использовать дешевую рабочую силу и дешевые импортные товары, поступающие с территорий, а также иметь существенный рынок сбыта – немаловажные факторы для государства, окруженного враждебными странами, с которыми у него не было торговых отношений.

Более того, такая линия израильского правительства способствовала строительству еврейских поселений на оккупированных территориях. Правые в Израиле убеждены в том, что страна должна сохранить за собой земли, завоеванные в 1967 году, для обеспечения стратегического преимущества. Следует добавить к этому и то обстоятельство, что многие религиозные евреи верят, что покорение библейских Иудеи и Самарии явилось актом Божественного Промысла, восстановив страну до исторических размеров и обеспечив пришествие мессии. Обе эти группы израильтян надеялись, что строительство как можно большего числа поселений предотвратит в будущем создание палестинского государства.

В условиях прекращения террористических атак израильские политики восприняли наступившую тишину как полную победу и подтверждение того, что история вернулась на круги своя и нет никакой необходимости решать палестинский вопрос.

ООП выходит на международную арену

В 22:31 среднеевропейского времени 23 июля 1968 года самолет израильской авиакомпании El Al рейс 426 вылетел из римского аэропорта Леонардо да Винчи – Фьюмичино. Это был Boeing 707 с 38 пассажирами на борту (12 из них были гражданами Израиля) и 10 израильтянами – членами экипажа. Самолет должен был приземлиться в Тель-Авиве в 1:18.

Примерно через 20 минут после взлета один из трех палестинских террористов, находившихся на борту лайнера, ворвался в кабину пилотов. Поначалу летчики приняли его за пьяного и попросили стюардессу увести хулигана, но тот достал пистолет. Второй пилот, Маоц Порат, ударил мужчину по руке, надеясь выбить у него оружие. Однако это ему не удалось. Террорист ударил Пората рукояткой пистолета по голове и ранил, затем выстрелил в Пората, но промахнулся. Тогда палестинец вытащил ручную гранату, но капитан воздушного судна быстро среагировал и сказал, что посадит самолет, куда укажет нападавший. В 11:07 контрольная вышка в Риме получила сигнал, что самолет, находившийся тогда на высоте 10 000 метров, меняет курс и направляется в Алжир, где приземлился в 00:35 с согласия алжирских властей^[342]. По пути угонщики объявили по радио для всех слушающих, что авиалайнер меняет позывные на «Освобождение Палестины 707».

По прибытии в Алжир террористы отпустили всех неизраильтян, женщин и детей. Оставшиеся 7 членов экипажа и 5 пассажиров были взяты в заложники и помещены в тюрьму алжирской полиции безопасности, находившейся поблизости от аэропорта. Там их продержали три недели, пока не освободили в обмен на 24 террориста, которые находились в израильских тюрьмах.

Захват рейса 426 был дерзким нападением новой организации – Народного фронта освобождения Палестины^[343]. НФОП был создан в декабре 1967 года в Дамаске двумя беженцами – Жоржем Хабашем из Лидды и Вадеем Хаддадом из Сафеда. Оба были педиатрами по образованию, марксистами и христианами. Одним быстрым ударом

НФОП одержал краткосрочную тактическую и стратегическую победу, продемонстрировав, что обладает ужасающей возможностью захватить израильский гражданский самолет и распропагандировать дело палестинцев по всему миру. НФОП вынудила Израиль вести унижительные переговоры с организацией, которую он не признавал. Еще хуже было то, что в конечном счете израильтяне согласились на обмен пленными, хотя всегда заявляли о том, что на такое не пойдут ни при каких обстоятельствах.

Инцидент с рейсом 426 был лишь прелюдией. Хотя самоотверженные усилия Армии обороны и Шин Бет все больше усложняли атаки боевиков на границах Израиля, Арафат и его приспешники – бесчисленное количество фракций и групп, которые он мог признавать или отвергать, исходя из своих текущих потребностей, – понимали, что мир предоставляет им гораздо более широкое поле действий, чем сектор Газа или Западный берег реки Иордан^[344].

Террор может прорваться где угодно. А Западная Европа была совершенно не приспособлена для того, чтобы его остановить: границы были рыхлыми, барьеры и кордоны, организованные в аэропортах и морских портах, – легкопреодолимыми, полицейские силы – пассивными и слабыми. Левацкие студенческие движения сочувствовали марксистско-ориентированным палестинцам, а собственные европейские леворадикальные организации типа группы «Баадер – Майнхоф» в Германии или «Красных бригад» в Италии предоставляли палестинцам логистическую и идеологическую поддержку.

Все это являлось громадным вызовом для израильских спецслужб. Пока палестинская проблема ограничивалась пределами территорий, которые Израиль оккупировал в ходе Шестидневной войны, дело обстояло достаточно просто. Теперь весь мир превратился в передовую, на которой евреи, и в особенности израильтяне, стали мишенями.

Чуть больше года спустя после трагических событий вокруг рейса 426 из Лос-Анджелеса в Тель-Авив отправился рейс TWA 840 со 120 пассажирами (только шестеро из них были израильтянами) и 7 членами экипажа^[345]. Самолет сделал остановку в Нью-Йорке, затем сел для дозаправки в Риме. Через полчаса полета к последнему

промежуточному пункту, Афинам, поднявшиеся на борт в Риме четыре палестинца начали действовать. Один из них под дулом пистолета заставил стюардессу открыть дверь в кабину пилотов. Второй пилот, Гарри Оукли, был поражен, когда увидел, что за спиной мужчины находится женщина с гранатой в руке.

«Она была очень модно одета во все белое, – вспоминает Маргарет Джонсон, стюардесса с того рейса. – Белая шляпа с полями, белая туника, белые брюки». «Весьма недурна собой», как описал ее один из стюардов. Женщина приказала капитану изменить курс на Хайфу, сказав, что это место ее рождения^[346], куда сионисты не позволяют ей вернуться.

Лейла Халед действительно родилась в Хайфе в 1944 году. После победы евреев в большом сражении за этот портовый город ее семья укрылась в Ливане, намереваясь вернуться, когда в городе осядет пыль войны. Однако вновь созданное государство Израиль запретило беженцам возвращаться, и Халед выросла в перенаселенном лагере в Тире, в Южном Ливане. У нее проснулся острый интерес к политике, к 15 годам она уже являлась членом иорданской ветви панарабского светского социалистического движения, возглавляемого Жоржем Хабашем, ставшим впоследствии сооснователем Народного фронта освобождения Палестины.

Рейс TWA 840 не был первым опытом Лейлы Халед в нападениях на гражданские самолеты. 18 февраля 1969 года она помогала в планировании атаки на Boeing 707 при его взлете из аэропорта Цюриха. Тогда четыре члена НФОП, бросая гранаты и поливая самолет очередями из автоматов АК-47, атаковали его на взлетно-посадочной полосе, изрешетив пулями кабину пилота и смертельно ранив второго пилота^[347]. Халед участвовала прямо или закулисно в организации еще нескольких подобных нападений. Однако захват рейса TWA 840 сделал ее знаменитой.

Совершив демонстративный полет над Израилем, самолет, сопровождаемый истребителями израильских ВВС, которые ничего не могли сделать из опасений нанести вред пассажирам, благополучно приземлился в аэропорту Дамаска, где почти все пассажиры и члены экипажа были освобождены, за исключением двух израильтян, которых продержали в заложниках в течение трех месяцев и обменяли

на сирийских солдат. Угонщики взорвали носовую часть самолета и были увезены в безопасное место сирийскими спецслужбами.

Тем временем Лейла Халед стала самой известной террористкой в мире^[348]. О ней были написаны сотни статей в СМИ, ее фотографии печатались на плакатах, на самом известном из которых она сжимала в руках автомат АК-47, из-под куфии на голове развевалась черноволосая грива, а на пальце необычное кольцо. «Я сделала его из пули и чеки от ручной гранаты», – сообщила Халед.

6 сентября 1970 года Халед и ее поделщики пытались угнать самолет авиакомпании El Al из Европы, но потерпели неудачу. Капитан воздушного судна Ури Бар-Лев, бывший летчик-истребитель израильских ВВС, направил лайнер в пике^[349], создав таким образом отрицательную гравитацию и прижав угонщиков к полу. Находившийся на борту тайный агент Шин Бет выстрелил и убил партнера Халед, а еще один агент выскочил из пилотской кабины и скрутил Лейлу. По прибытии самолета в Лондон она была передана в руки полиции.

Четырем другим боевикам НФОП в тот день повезло больше. Они захватили самолеты авиакомпаний Pan Am, Swissair и TWA (через три дня к ним прибавился лайнер авиакомпании BOAC), посадили их в Иордании и потребовали освобождения Халед и многих ее товарищей^[350].

Заложников отпустили, за исключением 55 евреев и одного члена экипажа, которых доставили в палестинский район в Аммане. Террористы взорвали пустые самолеты на телевизионные камеры, распространившие эту картинку по всему миру. В СМИ 6 сентября 1970 года был назван «черным днем в истории авиации».

Это был черный день и для короля Иордании Хусейна, которого мировые массмедиа описали как бессильного монарха, утратившего контроль над королевством. Палестинцы составляли большинство населения Иордании, и Хусейн не без оснований опасался, что аппетиты Арафата и его приспешников, которые вели себя в Иордании, как будто она принадлежала им, будут возрастать и в конечном счете они отберут у него монархию. После общемирового возмущения в связи с захватом самолетов и попытки покушения на Хусейна, предпринятой палестинской ячейкой, он решился на быстрые и жестокие ответные меры. В середине сентября он приказал иорданской

армии, полиции и службам безопасности провести безжалостную атаку на людей Арафата, убивая всех без разбора и пощады^[351]. В серии операций в течение месяца, который палестинцы окрестили «черным сентябрем», были убиты тысячи их соплеменников, и ООП была вынуждена передислоцировать штаб-квартиру в Ливан, где началось восстановление ее руководства, из которого оказалась выбитой по меньшей мере десятая часть.

ФАТХ и ее фракции вскоре перегруппировались и развернули дикую волну международного террора. Ее смысл, как разъяснял Бассам Абу Шариф из НФОП, состоял «в том, чтобы показать, что изгнание из Иордании не ослабило наши ряды».

28 ноября 1971 года, чуть больше года спустя после того, как иорданский премьер-министр Васфи аль-Таль отдал приказ об атаке на палестинцев, он был застрелен в Каире. Через две недели группа киллеров пыталась убить иорданского посла в Великобритании Заида аль-Рифаи. Еще через два месяца палестинцы казнили в Германии пятерых граждан Иордании, подозревавшихся в сотрудничестве с Израилем, а затем подложили бомбы в офисы голландской газовой компании и немецкой электронной фирмы, обвинив их в торговле с Израилем.

Все эти акции были осуществлены до тех пор неизвестной организацией под названием «Аилул аль Асвад» («Черный сентябрь» на арабском), названной так в память о бойне в Иордании. Название, возможно, и было новым, но сама организация новой не была. «Моссад» быстро обнаружил, что «Черный сентябрь» являлся одной из постоянно возрождающихся фракций ФАТХ^[352], которую возглавлял Салах Халаф (военный псевдоним Абу Ияд), в прошлом – командир отряда «Рассед», разведывательного подразделения ООП, стремившийся таким образом поддержать свой статус в условиях непрекращающейся внутренней борьбы. Чтобы определить более широкий масштаб целей для боевиков, Халаф по-новому сгруппировал врагов палестинского народа, начав с «американского империализма, связанных с ним марионеточных арабских режимов и заканчивая Израилем»^[353].

8 мая 1972 года четыре террориста – трое из «Черного сентября» и один из НФОП – захватили самолет авиакомпании Sabena, летевший из Брюсселя в Тель-Авив, на борту которого находилось 94 пассажира

и 7 членов экипажа. Более половины пассажиров были евреями или израильтянами. Когда самолет приземлился в аэропорту Лод (ныне аэропорт имени Бен-Гуриона), угонщики потребовали, чтобы 315 террористов были освобождены из израильских тюрем.

Министру обороны Моше Даяну было предложено два плана ответных действий. Меир Даган и другие члены подразделения «Хамелеон» предлагали побрить себе головы, под видом арабских заключенных смешаться с освобожденными палестинцами, проникнуть вместе с ними на борт самолета, а после того, как еврейские заложники будут в безопасности, из тайно пронесенного оружия ликвидировать террористов и, как заметил сам Даган командованию, «вновь освобожденных заключенных, при необходимости»^[354].

Однако Даян предпочел план, предложенный Эхудом Барак, командиром спецподразделения «Сайерет Маткаль». Барак и его люди приблизились к самолету под видом обслуживающего персонала аэропорта, одетые в белые комбинезоны со спрятанными под ними пистолетами Beretta 22. Затем пошли на штурм самолета, убив или ранив всех террористов. В ходе штурма была также убита одна пассажирка, а двое других ранены. Был ранен и молодой солдат по имени Биньямин Нетаньяху, которого задела пуля, выпущенная одним из нападавших.

Операцию с самолетом Sabena в Израиле восприняли как чудо. Но, несмотря на ее успех, палестинцами была достигнута их главная стратегическая цель^[355]. «В течение целого дня, – сказал один из полевых командиров «Черного сентября», – революционеры по всему миру затаив дыхание следили за тем, что происходило в аэропорту на оккупированной палестинской земле. Весь мир наблюдал за этим».

«Новые революционеры» вскоре объединились вокруг дела Палестины^[356]. 30 мая 1972 года трое членов «Японской Красной армии»^[357], подпольной левацкой организации, которая проходила боевую подготовку под руководством НФОП в Северной Корее и Ливане, поднялись на борт самолета Air France, вылетевшего из Рима в аэропорт Лод в Тель-Авиве. Внутри НФОП имелись некоторые сомнения относительно того, сочетался ли марксизм «Красной армии» с марксистскими установками Фронта. Однако палестинцы были

впечатлены готовностью японцев – точнее, их страстным желанием – умереть за идеи марксизма.

В аэропорту они не привлекли особого внимания. Аппараты для различения особенностей поведения человека – скринеры, которые были установлены на стойках E1 A1, были настроены на фиксацию таких особенностей у представителей Ближнего Востока, а не азиатских туристов.

Трое японцев достали из багажа ручные гранаты и автоматы АК-47 и начали беспорядочную стрельбу по толпе в переполненном аэропорту^[358]. «Я видел примерно двадцать пять человек, лежавших кучей в огромной луже крови у транспортной ленты возле стойки № 3, – вспоминал свидетель происшествия. – Один человек стоял у ленты и стрелял вдоль всего зала. Другой бросал гранату в любую из замеченных им групп людей».

Сирены скорой помощи оглашали улицы Тель-Авива в течение многих часов^[359]. Было убито 26 человек, 17 из которых являлись гражданами Пуэрто-Рико, совершавшими паломничество по святым местам. 78 человек было ранено.

На пресс-конференции в Бейруте Бассам Зайед, представитель НФОП (и муж Лейлы Халед), оправдывал убийство паломников^[360], объявив, что, по убеждению Фронта, невиновных нет. Он говорил, что виновны все хотя бы в том, что ничего не сделали ради палестинцев. Чувство глубокого раскаяния охватило израильское военное руководство из-за неспособности предотвратить это массовое убийство.

В этой новой волне террора Израиль пытался найти возможность для адекватного ответа. Поначалу, в связи с отсутствием какой-либо определенной разведывательной информации, премьер-министр Леви Эшкол приказал осуществить операции возмездия в отношении достаточно простой цели – арабской гражданской авиации^[361]. Это решение основывалось на тезисе о том, что арабские режимы, контролирующие свои авиалинии, были в ответе за случившееся и поддерживали ООП.

В декабре 1968 года подразделение спецназа осуществило рейд на международный аэропорт Бейрута и взорвало 14 пустых самолетов авиакомпаний Middle East Airlines, Lebanese International Airways и Trans Mediterranean Airways. Операция прошла успешно в том смысле,

что уничтожение самолетов не сопровождалось ни одной жертвой со стороны израильтян. Однако реального воздействия на предотвращение будущих атак террористов эта акция не имела. А вот реакция международного сообщества на израильские действия против гражданских целей была жесткой. Вдобавок к ее осуждению со стороны ООН, французский президент де Голль ужесточил эмбарго на поставки военной продукции в Израиль^[362], запретив сделку по продаже Тель-Авиву 50 реактивных истребителей.

За этой неудачей последовали другие^[363]. Разведывательная информация, полученная по линии подразделения «Перекресток», определила один из офисов в Бейруте как штаб-квартиру ООП. 2 февраля 1970 года оперативники «Кесарии» сделали четыре выстрела из ручного гранатомета по его окнам. В действительности это оказалось просто административное здание. «Были ранены несколько секретарш, и сгорели некоторые бумаги», – сказал один из офицеров «Кесарии». И всё. Операция была первой из многих, утвержденных новым решительным премьер-министром, «ястребом» Голдой Меир, которая приняла бразды правления после смерти Леви Эшкола в феврале 1969 года.

Попытки ликвидировать основателей НФОП также особыми успехами не увенчались. Двум оперативникам «Кесарии» удалось добыть адрес квартиры на улице Мухи-аль-Дин, 8, которую Вадей Хаддад использовал и как офис, и как жилье. «Хаддад вел себя в Бейруте очень вальяжно. Найти его не составляло труда – он ничего не боялся и не принимал мер предосторожности», – говорил Цви Аарони, командир «Кесарии»^[364]. 10 июля спецназ ВМФ Израиля (подразделение 707) высадилось с ракетного катера и на резиновой лодке подошло к побережью неподалеку от «Казино Бейрут». Спецназовцы передали два гранатомета киллерам «Кесарии», которые сняли квартиру напротив апартаментов Хаддада. В 9:00 один из них направил гранатомет на окно комнаты, в которой увидел сидящего Хаддада, установил таймер на 30-секундное замедление и быстро покинул квартиру.

«Но что тут можно было поделать! – восклицает Майк Харари. – Именно в этот момент Хаддад встал и вышел в другую комнату, где находились его жена и дети. Это его и спасло. Голда приказала, чтобы

ни один волос не упал с головы невинных людей. Иначе мы бы “настригли” целый тюк таких волос»^[365].

Тем временем израильский агент установил виллу Жоржа Хабаша в Бсабе, горном районе к юго-западу от Бейрута^[366]. Он даже сфотографировал Хабаша сидящим на крыльце дома вместе со своими людьми. 15 июля ударный истребитель израильских ВВС был направлен в атаку на эту виллу, но по ошибке разбомбил соседний дом. Хабаш остался невредимым.

Вскоре после этого Аарони ушел в отставку с должности руководителя «Кесарии», частично из-за направленной против него критики за неспособность ликвидировать террористических лидеров. Его сменил Майк Харари.

Он взялся за высшую цель – Ясира Арафата. Харари разработал план «Белая пустыня» по убийству лидера ООП на праздничных мероприятиях в честь полковника Муаммара Каддафи в Ливии 1 сентября 1970 года^[367]. Рядом со стеной Старого города в ливийской столице Триполи была сооружена трибуна. Сотрудники «Кесарии» предложили несколько вариантов операции: поставить с противоположной стороны стены мортирную пушку, соединенную с таймером, и навесом через стену ударить по трибуне, на которой будут сидеть Арафат и другие руководители; или разместить взрывное устройство под трибуной и привести его в действие после получения подтверждения, что Арафат находится там. «В конце концов мы пришли к заключению, что это была бы очень проблематичная операция, потому что вместе с Арафатом на небеса отправились бы еще 120 человек. Поэтому мы решили использовать вариант со снайпером». Харари и его люди неоднократно побывали в Ливии в целях рекогносцировки на месте операции, подбора конспиративных квартир и планирования путей отхода.

Когда все было готово^[368], директор «Моссада» Цви Замир принес план Голде Меир на окончательное утверждение. Однако премьер-министр опасалась, что операция будет напрямую связана с Израилем и приведет к жесткому международному осуждению и ответным попыткам уничтожения израильских лидеров. План был отвергнут.

Расстроенный Харари отправил двух оперативников в Европу с указанием реактивировать технологию «писем-убийц». «Эти бомбы обладали двумя очевидными преимуществами, – рассказывал позже

Моти Кфир. – Их легко было доставлять в страну назначения, поскольку выглядели они вполне невинно. Кроме того, они давали исполнителям необходимое время для отхода – в отличие, например, от стрелкового оружия, которое немедленно привлекает внимание»^[369]. Израильтянам ранее удалось ранить пару боевиков при помощи «писем-бомб»^[370], но в ООП очень быстро научились соблюдать максимальную осторожность в обращении с подобными предметами.

Таким образом, ФАТХ и ее ответвления сдержать пока не удавалось. А главные цели «Моссада» – Арафат, Абу Джихад, Хабаш, Хаддад – оставались живыми и здоровыми источниками постоянной угрозы.

На закрытых совещаниях руководства Израиля персты указующие были направлены на спецслужбы, которым не удалось прекратить террористические атаки и предотвратить их повторение в будущем^[371]. «Когда в Иерусалиме взлетал на воздух автобус, все взоры обращались ко мне, – вспоминал Харари. – Почему не взрывались четыре автобуса в Бейруте или Каире? В конце концов, то, что они проделывали с нами здесь в Израиле, мы вполне могли проделать с ними в Каире, Дамаске, Аммане и вообще везде, где захотели бы. Я мог осуществить это практически одновременно. Но я не был готов к подобным действиям, к тому, чтобы опускаться до их уровня. Мы не хотели, чтобы это был жест отчаяния. Мы хотели наносить точечные удары, о которых террористы знали бы, что они осуществлены Израилем, но которые не оставляли бы никаких отпечатков».

Чтобы добиться этого, Харари предстояло преодолеть два сложных препятствия^[372]. Первое: штаб-квартиры всех террористических организаций были расположены в столицах арабских государств, которые предоставляли им укрытия в местах, до которых «Кесарии» было очень трудно добраться. Второе: личный состав «Кесарии» в то время просто не был готов к решению таких задач. Персонажи типа Джеймса Бонда изображают шпионов как мастеров на все руки – один и тот же человек может быть агентом в стане врага, киллером, кудесником по проникновению на объекты, экспертом по наружному наблюдению, блестяще добывающим и анализирующим информацию для людей, принимающих решения. Реальность же, особенно в «Моссаде», была иной. Оперативники «Кесарии» готовились к тому, чтобы выполнять долгосрочные задания под глубоким прикрытием. От них требовалось привлекать к себе как можно меньше внимания,

иметь как можно меньше проблем с окружением на месте и собирать как можно больше информации, чтобы обеспечить заблаговременное оповещение израильского руководства о любых признаках надвигающейся войны. «Мои подчиненные не были спецназовцами, – говорил Харари. – Я искал таких людей, которые могли бы годами пребывать в Каире под видом археологов и даже пригласить Насера на раскопки. Или медсестру, которая могла бы уверенно работать в военном госпитале в Дамаске. Этих людей не готовили к тому, чтобы снимать часовых, мгновенно выхватывать пистолет или точно бросать нож. Для того чтобы бороться с террором, мне были нужны разные люди и виды оружия».

Выход ООП на международную арену создал для Израиля и политические проблемы. Европейские страны в те годы не боролись с террором сами, но и не разрешали Израилю делать это в пределах их границ. Европейцы рассматривали ближневосточный конфликт как далекий от них и несущественный для их интересов. Поэтому они не имели веских мотивов для каких-то определенных действий. В «Моссад» стекалось огромное количество информации относительно планируемых террористами операций против израильских и еврейских объектов в Европе, но для того чтобы противостоять этим планам, необходимо было содействие дружественных европейских спецслужб. «Мы информируем их о планах террористов раз, другой, третий, пятый, – объясняла Голда Меир на секретном заседании Комитета по иностранным делам и обороне кнессета, – но ничего не происходит»^[373].

В «Моссаде» нарастало разочарование. «Я не знаю, почему мы тихо сидим здесь, а тем временем террористы каждый день строят планы по убийству евреев, – возмущался Авраам «Роми» Порат, офицер «Кесарии», в ходе одного из совещаний в штаб-квартире израильской разведки. – Мы знаем, где они находятся. Их штаб-квартиры в Германии, Франции, Италии и на Кипре известны всем. Они даже не пытаются прятаться. Давайте взрывать по одному их офису за каждый захват самолета, и “наша земля будет отдыхать от войн сорок лет”»^[374], – воскликнул он, приведя цитату из библейской Книги Судей.

Решение Харари состояло в том, чтобы создать внутри «Кесарии» специальную группу, в задачу которой не будет входить сбор

информации по возможным военным действиям. Прежде всего группа должна быть сконцентрирована на «осуществлении законспирированной деятельности по установке, наблюдению и ликвидации целей в виде людей, а также проведению диверсий». Группа должна иметь кодовое название «Кидон» («Штык») и действовать в основном в Западной Европе, а также в демократических странах по всему миру.

Ядро «Кидона» начало формироваться еще в середине 1969 года^[375] под командой оперативника под псевдонимом «Дэнни», однако в течение нескольких лет Харари не мог использовать группу в поле и ограничивал ее деятельность боевой подготовкой личного состава и разработкой концепции специальных операций. Голда Меир, сохранявшая определенную настороженность по отношению к западным странам, тем не менее уважала их суверенитет. Она понимала, что в целом дружественно настроенные к Израилю страны никогда не будут искренне сотрудничать с ним, если он будет осуществлять «целевые» ликвидации на их территории без разрешения. По ее словам, европейские спецслужбы сами могут решать, «что позволено, а что запрещено на их территории». «Есть дружественные нам государства, которые говорят: “Вы не можете так поступать здесь. Здесь мы хозяева”. Так что все тут не так просто. Это не наша страна»^[376].

Харари, убежденный, что в конце концов Меир изменит свою точку зрения, потихоньку приказал «Кидону» продолжать боевую подготовку. «В конечном счете, – сказал Харари Замиру, – у нас не будет другого выхода, кроме как убивать их в Европе». Замир согласился, что подготовка группы должна быть продолжена. «Мы уважали линию премьер-министра и потому продолжили делать упор на сборе разведывательной информации. Однако мы не забывали о подготовке личного состава и оружия на случай, если они потребуются в будущем»^[377].

Режим подготовки и тренировок был напряженным. Бойцы должны были вырабатывать в себе умение быстро двигаться, водить автомобиль и мотоцикл, следить за объектами и сбрасывать слежку с себя, проникать в здания и владеть приемами рукопашного боя. Они должны были действовать бесшумно в самых различных условиях. Их тренировали в меткости стрельбы из пистолета; при этом упор делался

на метод, известный под названием «инстинктивная стрельба». Он был разработан при участии ветерана американской армии Дейва Беккермана, который помогал освобождать концлагерь Дахау. Метод заключается в моментальном переходе из состояния покоя в боевую стойку и достижении максимальной точности в стрельбе во время движения^[378].

Оперативники должны были выработать в себе еще один навык: изменение внешности^[379]. Поскольку большинство операций «Кидона» заранее планировались как краткосрочные, имелось в виду задействование различных маскирующих средств, способных полностью изменить внешний облик человека. Как говорит Ярин Шахаф, который в настоящее время отвечает за подготовку оперативников «Моссада» по изменению внешности, это весьма трудная задача. «Вы должны обеспечить, чтобы накладные усы не оторвались во время рукопашной схватки и чтобы парик сидел на вас плотно и не слетел даже во время преследования цели по крышам домов. Хороший воин знает, как надевать парик так, чтобы он выглядел правдоподобно, а также как быстро сбрасывать в случае необходимости скрыться».

В конце подготовки кандидат проходит еще один, последний тест. Разведка посылает его домой, в родной город или селение, в привычное социальное окружение под видом и с личными данными другого человека. Если он сможет встроиться в среду знающих его людей и не расшифроваться, то будет считаться способным вести разведывательную работу во враждебных странах среди незнакомых людей.

В начале июля 1972 года восемь членов «Черного сентября» под командой Мухаммада Юсефа аль-Наджара, шефа службы безопасности и информации ФАТХ, прибыли в расположенный в ливийской пустыне тренировочный лагерь^[380]. Все они были активистами ФАТХ и оказались выбраны по различным причинам^[381]. У одних имелся большой опыт боевых действий. Другие знали Европу в целом и Германию в частности. Среди этих людей был Мохаммед Массала, родившийся в 1945 году в семье первого главы муниципалитета поселка Дабурийя в Галилее. Хорошо владевший немецким и английским языками и бывший по возрасту старше других, Массала не был боевиком, а скорее являлся идеологом и

представителем группы. Голос и внешность Массалы, который получит псевдоним Исса, скоро станут известными всему миру.

В ливийском лагере группа была встречена Салахом Халафом (Абу Ияд), основателем «Черного сентября», и Мохаммедом Уде (Абу Дауд), опытным боевиком ФАТХ, надежным и способным доверенным лицом Абу Ияда. Последний проинформировал членов группы о том, что им предстоит участие в очень важной операции, не раскрыв при этом никаких деталей. В течение последующих нескольких недель группа проходила стрелковую подготовку, включая стрельбу из пистолета, автомата, метание гранат, а также тренировалась в рукопашном бое и занималась общефизической подготовкой. Особый упор делался на маскировку внешности. Всем членам группы были присвоены кодовые имена и выданы поддельные ливийские паспорта. Они были проинструктированы о необходимости тщательно скрывать лица в ходе операции, а также часто менять одежду, с тем чтобы создать у наблюдающих за ними людей впечатление, что на самом деле участников группы значительно больше.

Израильская разведка полностью проглядела эти подготовительные мероприятия в Ливии. 7 июля палестинский агент по кличке «Люцифер»^[382] предупредил «Моссад» о том, что «Черный сентябрь» планирует атаку в Европе, а 5 августа он же уточнил, что эта организация «готовит операцию международного масштаба». Но агент не располагал деталями. А поскольку в «Моссад» стекалось много сигналов о террористических угрозах, то его информационно-аналитическое управление с неизбежностью упускало некоторые из поля зрения. Именно это случилось и с сигналами «Люцифера».

3 и 4 сентября 1972 года восемь боевиков «Черного сентября» порознь прилетели в Западную Германию. Они тайно собрались в Мюнхене, где тогда проходили Олимпийские игры, за которыми наблюдали сотни миллионов человек по всему миру. От имени не имевших гражданства палестинцев ООП обратилась в Международный Олимпийский комитет с просьбой об участии, однако просьба ее была отклонена. «Понятно, что с точки зрения этой уважаемой организации, притворяющейся стоящей над политикой, нас не существует, – позднее говорил Халаф. – Руководство “Черного сентября” решило взять дело в свои руки».

Накануне операции в одном из ресторанов поблизости от главного железнодорожного вокзала Мюнхена, Уде наконец раскрыл перед группой имевшийся план. Все восемь террористов составили единое завещание и под руководством Уде пошли забирать оружие и взрывчатку, ввезенные контрабандой из Испании и Швеции и спрятанные в ячейках камеры хранения на вокзале. Уде забрал у членов группы паспорта и послал их к воротам А25 Олимпийской деревни. Боевики легко перелезли через забор и подошли к дому по Коннолиштрассе, 31, где жила израильская делегация. В то время в Олимпийской деревне было 22 полицейских: у двоих имелись пистолеты, двадцать были не вооружены, поскольку Германия, как принимающая сторона, хотела создать максимально мирную и даже пацифистскую атмосферу на Играх. Ни один из полицейских не заметил ничего необычного.

Около 4:00 5 сентября «Черный сентябрь» атаковал помещения, в которых жили израильские спортсмены. Одному из членов команды удалось убежать. Тренер по борьбе Моше Вейнберг и тяжелоатлет Йосеф Романо попытались оказать нападавшим сопротивление, но были убиты выстрелами. Их тела оставались лежать на полу в течение последующих девяти часов на глазах у девяти оставшихся в живых членов израильской спортивной команды, которые были взяты в заложники. На теле Романо впоследствии были обнаружены следы жестоких издевательств.

Массала (Исса) вел переговоры с земельным правительством и полицией Баварии на глазах у сотен миллионов телезрителей по всему миру. В то утро в Иерусалиме Голда Меир скорбно проинформировала кнессет: «Убийцы требуют освобождения из израильских тюрем 200 террористов в обмен на освобождение заложников».

Как и всегда в период пребывания на посту премьер-министра, Голда Меир в данном случае разделяла точку зрения военного и разведывательного истеблишмента за исключением одной своей принципиальной позиции: ни при каких условиях не может быть переговоров с террористами^[383].

Немцы твердо отказались остановить Игры, ссылаясь на то, что у немецкого телевидения нет альтернативных программ. «Это невероятно, но немцы решили продолжать, – писал Джим Мюррей из Los Angeles Times. – Это все равно что проводить бал в Дахау».

В подразделении «Сайерет Маткаль» стали немедленно готовить операцию по спасению спортсменов. К удивлению израильских властей, немцы, которые были намного менее израильтян искушенными в таких делах, отказались впустить израильский спецназ в Германию. Двоим израильским представителям – шефу «Моссада» Цви Замиру и руководителю следственного департамента Шин Бет Виктору Коэну – разрешили наблюдать за переговорами с террористами, да и то только на расстоянии.

Коэн, родившийся в Сирии и хорошо говоривший по-арабски, имевший большой опыт допросов террористов, вел переговоры с боевиками «Черного сентября», которые захватили самолет авиакомпании Sabena. «В деле с угонем авиалайнера Sabena мне дали возможность нормально работать, – вспоминал впоследствии Коэн. – Из разговоров с угонщиками мне удалось многое выяснить: из диалектов – откуда они; из лексики – в каком психологическом состоянии находились; из энергичности – насколько насторожены и т. д. Когда я почувствовал, что они начинают уставать, я сказал ребятам из “Сайерет Маткаль”, что пора начинать штурм»^[384].

Однако в Мюнхене предложения Коэна и Замира проконсультировать немцев о том, как обращаться с террористами, твердо отклонялись. Вместо этого им пришлось наблюдать, как выживших членов израильской команды под дулом пистолетов и автоматов вывели из общежития в два военных вертолета Bell UH-1, стоявших неподалеку. Все происходившее оставило у Замира глубокое и тяжелое впечатление: «Я никогда, до конца своих дней не забуду картину, как наших спортсменов вели к вертолетам. По обе стороны дорожки, которая проходила по какому-то подобию лужайки, стояли десятки тысяч людей из самых разных стран. Мертвая тишина. Я стоял поблизости от (министра внутренних дел Германии) Ганса-Дитриха Геншера и (Франца-Йозефа) Штраусса. Рядом со мной стоял Виктор. И мы все смотрели, как израильские спортсмены со связанными руками маршировали в ногу с окружавшими их террористами по направлению к вертолетам. Это было страшное зрелище, особенно для еврея на немецкой земле, в Мюнхене»^[385].

Вертолеты доставили заложников в расположенный неподалеку военный аэропорт, из которого самолет должен был вывезти их за пределы Германии, как только будет достигнуто соглашение об

освобождении палестинских заключенных. За вертолетами с террористами и заложниками последовал еще один вертолет с Замиром, Коэном и немецкими официальными лицами на борту.

Немцы разработали операцию по спасению заложников, наметив ее проведение в этом военном аэропорту. Однако предназначенные для участия в ней силы имели плохую подготовку и организацию. У них не хватало необходимых разведывательных данных о террористах, не было снайперского снаряжения, а также нужной в таких операциях поддержки. Немцы открыли неорганизованный огонь и не смогли убить или ранить достаточное количество террористов, чтобы нейтрализовать всю группу.

«Боевики стреляли по зданию, в котором мы находились, – рассказывал Замир. – Виктор и я побежали вниз по лестницам, спотыкаясь в темноте, пытаюсь отыскать немецких руководителей операции. Стрельба велась отовсюду. Мы увидели, что террористы начали стрелять по пилотам вертолетов и они падали лицом вперед. Когда мы нашли командиров немецкого спецназа, я потребовал, чтобы меня отвели на крышу, откуда я мог обратиться к террористам и предупредить их, что если они продолжают стрелять, живыми им отсюда не уйти. Офицеры отказывали нам в этом требовании, мы продолжали настаивать. Наконец они согласились, но поставили условие: мы должны говорить по-арабски, а не по-немецки».

Коэн взял мегафон и начал убеждать боевиков сдаться^[386]. «Но было уже поздно, и никакого эффекта это не дало, кроме того, что по нам было выпущено несколько очередей, которые чуть не убили нас обоих».

Замир спросил немцев, почему у них отсутствовала штурмовая группа. Ему ответили, что полиция ожидает прибытия бронемашин, которые по дороге в аэропорт застряли в пробке, возникшей из-за любопытствующих прохожих.

Замир увидел, что террористы бросают гранаты в вертолет, в котором находились израильские заложники; было заметно, что после взрывов он загорелся. Когда Замир подбежал к дымящейся машине, то обнаружил тела девяти тел израильтян, прикованных друг к другу наручниками. Некоторые из них уже обуглились, а некоторые еще горели.

Для Замира поведение немцев в ситуации с заложниками было весьма красноречивым: «Они не предприняли даже малейших усилий к тому, чтобы сохранить жизни людей, и не пошли даже на минимальный риск, чтобы спасти заложников или своих сотрудников». Замир вспоминал, что он видел, как один из пилотов вертолета звал на помощь^[387]. «Я сказал (немецкому полицейскому): “Ради бога! В вертолете исходят кровью люди. Один пилот прополз двести метров. Вызовите его оттуда!” Этот пилот полз на четвереньках, и никто не шелохнулся, чтобы ему помочь».

Как говорил впоследствии Коэн: «Уже позднее мы узнали, что некоторые полицейские, которые должны были принимать участие в спасательной операции, прямо перед ее началом решили, что они не готовы рисковать своими жизнями ради израильтян».

В 3 часа утра, через 23 часа после атаки террористов, Замир позвонил Голде Меир, которая поздравила его с успехом. Немцы неверно ее информировали о том, что все израильские спортсмены остались живы. «Мне больно говорить это тебе, Голда, – произнес Замир, – но спортсменов не спасли. Я видел их всех. Не выжил ни один».

Почти моментально возникли исторические параллели. Снова евреи были убиты на немецкой земле, в то время как весь остальной мир продолжал свои дела, будто ничего и не произошло. Что еще хуже, государство Израиль было выставлено немецкими властями бессильным и вынужденным пассивно наблюдать, как террористы уничтожают его граждан. На многие дни жизнь в Израиле буквально остановилась. По всей стране были отменены празднества по случаю еврейского Нового года (Рош ха-Шана). В стране повисла атмосфера скорби.

Палестинцы рассматривали свою операцию как успех, поскольку их дело оказалось в центре внимания мировой общественности. Один из печатных органов ООП писал: «Взрыв бомбы в Белом доме, взрыв мины в Ватикане, смерть Мао Цзедуна или землетрясение в Париже не смогли бы получить больший резонанс во всем мире, чем тот, который был вызван операцией “Черного сентября” в Мюнхене... Это все равно что вывести слово “Палестина” на вершине горы, видимой из всех уголков планеты»^[388].

Непосредственно после этого события кабинет Голды Меир не мог сделать многого. Он опубликовал формальное заявление о том, что «правительство Израиля с гневом и отвращением осуждает убийство арабскими террористами одиннадцати израильтян». Меир приказала осуществить «десятки авиаударов по базам, лагерям и штаб-квартирам террористов в Сирии и Ливане. При этом имеется в виду нанесение урона террористам, а не мирным жителям»^[389].

Но это было только начало.

Вечером 6 сентября Замир вернулся из Мюнхена. На двух закрытых брифингах, которые окажут огромный эффект на будущую политику Израиля в отношении терроризма, он эмоционально описал атаку террористов и реакцию Германии – отказ немцев принять помощь или совет, хаос, отсутствие профессионализма и апатию, которую продемонстрировали немецкие силы безопасности.

«Позор Германии невозможно измерить»^[390], – сказал он. Все, чего хотели немецкие власти, – поскорее покончить с этим инцидентом, чтобы продолжить Олимпийские игры, сообщил Замир потрясенному кабинету министров.

По мере того как расходились волны от доклада Замира, ярость против террористических организаций, проливающих еврейскую кровь, а также против немецких властей, которые так позорно провалились и отказались взять на себя какую-либо ответственность, резко возросла. На секретном заседании комиссии кнессета^[391] один из участников в крайнем возбуждении воскликнул: «Мы не только должны защищать себя, мы должны переходить в наступление. Мы должны находить террористов и убивать их. Мы должны превращать их из охотников в добычу». Менахем Бегин предложил нанести бомбовые удары по Ливии.

В дело вступила Голда Меир, которую критиковали за то, что она не взяла спецслужбы под свой плотный контроль для предотвращения мюнхенского кровопролития^[392] и которая беспокоилась относительно своих шансов на переизбрание. Премьер и ее кабинет решили, что если европейцы не будут даже пытаться остановить террористов на своей земле, «Моссаду» будет дан «зеленый свет» сделать это вместо них. 11 сентября кабинет уполномочил премьер-министра утверждать цели для ликвидации даже в дружественных странах, не ставя об этом в известность местные власти. «Независимо от того, ответные это

действия или нет, – говорила Меир в кнессете 12 сентября, – но везде, где строятся террористические планы против нас, где замышляют убийства евреев, израильтян – в общем, представителей еврейства где бы то ни было, – там мы обязаны наносить по ним удары».

Харари был прав. Меир изменила свою точку зрения. «Кидон» будет пущен в дело немедленно.

«У меня не возникало проблем ни с кем из тех, кого я убил»

«Красивая Сара покинула здание и направляется к себе домой».

Это было сообщение, переданное на радиоволне «Кидона» однажды вечером в Риме в 1972 году. «Хорошо, начинайте. Приготовьтесь к операции», – приказал Майк Харари со своего командного поста.

«Красивая Сара» не была женщиной^[393]. Это было кодовое обозначение высокого худощавого человека в очках с копной блестящих черных волос и очень живым лицом. Его настоящее имя было Ваель Цвайтер, он был палестинцем, который работал в посольстве Ливии переводчиком по временным контрактам. Цвайтер почти закончил перевод «Тысячи и одной ночи» с арабского на итальянский, и этот вечер он провел дома у своей подруги Жанет Венн-Браун^[394], австралийской художницы, обсуждая с ней тонкости передачи ярких описаний из книги. В дверях хозяйка вручила Цвайтеру хлеб, который специально испекла для него. Он положил хлеб в конверт, в котором находилась рукопись.

Покинув дом Браун, Цвайтер направился в свою квартиру на Пьяцца Аннивалиано, 4. Он проехал на двух автобусах, а выйдя из второго, тут же зашел в бар, постоянно держа в руках конверт, в котором была последняя глава его перевода.

Группа наружного наблюдения «Кидона» все это время следила за Цвайтером. В «Моссаде» были уверены, что он не простой переводчик, что это только прикрытие, а на самом деле молодой человек был руководителем ячейки «Черного сентября» в Риме. В Италии контрразведка была особенно слабой, и Рим в то время превратился в европейский центр палестинской террористической активности. В «Моссаде» подозревали, что Цвайтер отвечал за нелегальное перемещение террористов и контрабанду оружия через границы, а также за выбор целей.

В «Моссаде» также полагали, что Цвайтер в сентябре того года организовал попытку минирования самолета авиакомпании El Al,

который должен был вылететь из Рима^[395]. У итальянских властей против Цвайтера имелись собственные подозрения: в августе полиция задерживала его на короткое время в связи с атаками «Черного сентября» на компании, торгующие с Израилем.

Цвайтер вышел из кафе и направился домой. Группа наружного наблюдения передала коллегам сообщение о его приближении. Цвайтер вошел в тускло освещенный подъезд многоквартирного дома и нажал кнопку вызова лифта. Он не видел двух убийц, прятавшихся под лестницей, пока не стало слишком поздно. Они достали пистолеты Beretta с глушителями и выстрелили в Цвайтера одиннадцать раз. Мужчину отбросило на стоящие позади горшки с цветами, и он упал, сжимая в руках рукопись перевода «Тысячи и одной ночи». Он умер на полу.

В течение нескольких часов все семнадцать оперативников «Кидона» покинули Италию и направились в Израиль. Ни одного из них не поймали^[396]. Операция прошла точно по плану.

Цвайтер был только первым из длинного списка боевиков и членов ООП, которым предстояло умереть.

Изменение в отношении Голды Меир к так называемым дружественным европейским странам было быстрым и жестким. Меир, которая родилась в Киеве, а выросла в Милуоки, смотрела на мир прямо и временами даже сурово: для нее события и явления были либо черными, либо белыми, либо хорошими, либо плохими. По мнению Меир, между акциями палестинских террористов и кровавыми злодеяниями Второй мировой войны имелась прямая связь: «Те, кто наносит вред сначала евреям, обязательно позже нанесут его и другим людям; так было с Гитлером и так происходит с арабскими террористами», – говорила она издателю The New York Times Артуру Сульцбергеру-младшему^[397].

Одно время она беспечно заявляла, что ничего не понимает в военных и разведывательных делах, полагаясь в этом на министра обороны Моше Даяна, министра кабинета Исраэля Галили и шефа «Моссада» Цви Замира. Но после мюнхенской трагедии она ясно поняла, что Израиль не может зависеть от других стран в защите своих граждан. С этих пор Израиль не будет больше оглядываться на чей-то суверенитет, а будет убивать преступников там и тогда, когда придет к заключению о необходимости таких акций.

Такая перемена в политической линии оказала существенное влияние на оперативную деятельность «Кесарии»^[398]. До Мюнхена Меир ограничивала ликвидации только «целевыми» странами, которые были официально враждебны по отношению к Израилю, например Сирия или Ливан. Однако для оперативников «Кесарии» убивать людей в этих странах было очень сложно из-за опасной окружающей обстановки. Использование пистолета или ножа – то есть средств, которые требовали плотного контакта с целью, – неизменно быстро привлекало внимание местных властей. И даже если исполнители «чисто» исчезали с места операции, вероятен был ввод ужесточения пограничного контроля в связи с резонансным убийством еще до того, как оперативники могли покинуть страну. Израильский киллер, схваченный в «целевой» стране, скорее всего, подвергся бы казни после жестоких пыток. Ликвидации, осуществлявшиеся дистанционно, возможно, были безопаснее, но в то же время они были и менее эффективными, зависящими от многих переменных факторов, а также способными убить или изуродовать невинных людей.

Оперативная деятельность в так называемых базовых странах – тех, с которыми у Израиля были дружественные отношения, то есть практически во всех странах Западной Европы, – была гораздо более удобной. В худшем случае пойманный киллер мог получить тюремный срок за убийство. Кроме того, подразделение «Моссада» под названием «Тевель» (Вселенная), отвечавшее за связи с иностранными разведками, тесно сотрудничало со многими европейскими спецслужбами. На жаргоне «Моссада» такие отношения назывались «мягкими подушками», потому что обеспечивали помощь различных местных контактов, способных сгладить возможные осложнения – иногда в обмен на встречную услугу. В сухом остатке оказывалось, что в Европе убить человека и скрыться после этого было гораздо легче^[399].

А убить предстояло многих. Первый «расстрельный» список состоял из 11 имен – террористов, имевших отношение к кровавому злодеянию в Мюнхене. Скоро выяснилось, что все они скрываются либо в арабских странах, либо в Восточной Европе, поэтому добраться до них тяжело. Однако со временем стало накапливаться много информации о других целях, которые были менее важными, но жили в Европе. После Мюнхена любой человек, которого «Моссад» подозревал в связях с

«Черным сентябрем» – фактически любой, подозреваемый в принадлежности к ООП вообще, – становился законной целью^[400]. Это существенно удлинило список.

«Мы хотели создать шумный эффект, – рассказывал один из оперативников “Кесарии”. – Настоящее убийство, в упор, которое вызовет страх и трепет. Акция, которая, даже притом что Израиль будет отрицать какое бы то ни было отношение к ней, не оставляла бы сомнения в том, что на спусковой крючок нажимал именно израильский палец»^[401].

И этот палец будет принадлежать подразделению «Кидон». В середине сентября Цви Замир появился в тренировочном центре «Кидона». «Израиль не будет сидеть сложа руки, – сказал он оперативникам. – Мы доберемся до людей, которые совершили это злодеяние. Вы будете «длинной рукой» нашей организации».

«Эти слова, – признался оперативник под псевдонимом Курц, – пробудили в нас чувство гордости»^[402]. В течение года будут мертвы 14 палестинских боевиков.

Руководителем группы ликвидаторов и командиром в ходе ряда операций был Неемия Меири^[403], родившийся в еврейской семье в городе Демблин на юге Польши и переживший холокост. Ему было 12 лет, когда гестапо собрало в его поселке евреев и отвело их в соседний лес^[404]. Евреям приказали вырыть яму и встать на ее краю. Затем по ним открыли огонь из пулеметов. Неемия, который в то время был живым и сильным мальчиком, спрыгнул в яму на долю секунды раньше, чем раздалась команда «огонь». Немцы не заметили этого, и Неемия тихо лежал среди трупов родных и соседей до тех пор, пока не прекратилась экзекуция. Когда немцы ушли, он вылез из общей могилы, весь пропитанный кровью.

Позже, когда Меири все же поймали, его послали на работы на немецком аэродроме, где он однажды спас жизнь высокопоставленного аса люфтваффе, который разбился на своем «Мессершмите» при посадке. Меири забрался на горящий самолет и вытащил из него пилота, находящегося без сознания. Благодаря этому несколько лет он был как бы под защитой. После войны эмигрировал в Палестину на знаменитом корабле Exodus, который перевозил нелегальных иммигрантов. Неемия сражался в войне 1948 года за независимость,

попал в плен и еще раз чудом спасся, когда иорданский солдат отпустил его по неведомой причине.

Впоследствии Неемия оказался в Шин Бет и служил в охране Бен-Гуриона. Его товарищи и начальники заметили, что он был хладнокровным и лишенным моральных переживаний по поводу убийства любого человека, который наносил вред евреям.

«Неемия просыпался по утрам с ножом, зажатым в зубах», – вспоминал один из его сослуживцев^[405].

Меири входил в состав отряда «Птицы», совместного оперативного подразделения, сформированного «Моссадом» и Шин Бет. Он принимал участие в похищении Александра Исраэли, служившего в военно-морской разведке и пытавшегося продать израильские секреты, а также в компании по ликвидации и запугиванию нацистских ученых, создававших ракеты для Насера. Позже он был переведен в «Кесарию» и приписан к отряду, который составил ядро «Кидона». Эйтан Хабер, один из самых известных израильских журналистов, некоторое время работавший шефом аппарата у Ицхака Рабина, рассказывал, что однажды он укорил Замира за включение Меири в состав «Кидона». Это было аморально, сказал Хабер, «эксплуатировать ужасы холокоста для того, чтобы создавать живую машину для убийства»^[406].

Однако пребывание в отряде «Кидон» не создало для Меири никаких проблем, и никакого раскаяния за то, что он совершил в составе этого подразделения, Неемия не испытывал. В течение многих лет люди, знавшие о его тайной жизни, спрашивали Меири, не преследуют ли его тени людей, которых он убил, или не мучают ли его по ночам кошмары. «По ночам мне снится моя семья»^[407], – обычно отвечал Меири. – Мне снится долина смерти там, неподалеку от Демблина в Польше; мне снятся *Muselmänner* (изможденные больные заключенные) в лагерях смерти. Это то, что меня беспокоит. У меня не возникало проблем ни с кем из тех, кого я убил. Каждый из них заслужил пулю в грудь и две – в голову».

Меири был одним из тех, кто застрелил Цвайтера в Риме^[408]. Через две недели была выслежена еще одна цель: Махмуд Хамшари, предположительно второй человек в «Черном сентябре».

В «Моссаде» его обвиняли в заговоре по использованию международной авиапочты для внедрения бомб, приводимых в действие барометрическими взрывателями, на самолеты, летающие из

Европы в Израиль^[409]. Одна из таких бомб взорвалась вскоре после вылета в Вену рейса из Франкфурта, однако в том случае пилоты смогли осуществить экстренную посадку. Командир корабля авиакомпании Swissair, следовавшего рейсом 330 из Цюриха в Гонконг с промежуточной посадкой в Тель-Авиве, тоже попытался экстренно сесть после того, как в грузовом отсеке взорвалась бомба, но самолет упал в лесу. Все 47 пассажиров и членов экипажа погибли. В «Моссаде» считали также, что Хамшари имел отношение к неудавшейся попытке покушения на Бен-Гуриона во время его визита в Данию в 1969 году и что квартира террориста в Париже служила арсеналом «Черного сентября».

Оперативники «Кидона», следившие за Хамшари в Париже, установили, что значительную часть дня он проводит дома с женой и грудной дочерью, а в остальное время встречается с различными людьми, по большей части в оживленных местах города.

То, что Хамшари часто находился в окружении невинных людей, представляло большую проблему, к которой Голда Меир была весьма чувствительна. Она пригласила Харари к себе домой и предложила ему чашку кофе^[410]. «Майк, – сказала она, – надо сделать так, чтобы ни один волос не упал с головы французов. Ни один волос. Ты понимаешь меня?»

Несмотря на возникшее у Меир желание ликвидировать людей в Европе, она прекрасно сознавала, что при этом должны быть соблюдены некоторые условия. К тому же она по-прежнему испытывала дискомфорт от бремени единоличной ответственности за вынесение людям смертных приговоров. Всегда, когда Замир просил ее подписать «красную бумагу», как назывался приказ о ликвидации из-за цвета бумаги, на котором он печатался, она созывала группу избранных членов своего кабинета для его обсуждения, в том числе министра по делам религий Зераха Вархафтига^[411], который благословлял каждую операцию специальной клерикальной печатью согласия.

Таким образом, получалось, что убить Хамшари можно было только тогда, когда он находился у себя дома один. Меири и Роми подготовили оперативный план, по которому требовалось привлечение еще одного подразделения – вразрез с обычной практикой «Кесарии»,

которая, как правило, действовала как независимое подразделение внутри «Моссада».

3 декабря команда из «Кешета» («Радуга» на иврите, новое название «Колосса», подразделения, отвечавшего за тайные проникновения) проникла в квартиру Хамшари^[412] и сделала десятки фотографий, в основном его рабочего места. Эти фотографии были отправлены в Израиль и изучены Яковом Рехави из оперативно-технического подразделения «Моссада». Он обратил внимание, что телефон Хамшари стоял на мраморной подставке. Рехави и его подчиненные сделали такую же подставку и начинили ее взрывчаткой.

7 декабря человек, который представился Карлом, итальянским журналистом, но был на самом деле оперативником «Кидона», позвонил Хамшари и договорился с ним об интервью на следующий день в близлежащем кафе. В то время, когда Хамшари был на этом интервью, бригада «Радуги» еще раз проникла в его квартиру и поменяла мраморную подставку под телефоном. Вскоре после того, как Хамшари вернулся домой, зазвонил его телефон. «Это месье Хамшари?» – спросил голос в трубке. После того как прозвучал положительный ответ, на удаленном контрольном пункте была нажата кнопка, и мраморная подставка взорвалась. Хамшари был «почти разрезан пополам»^[413] мраморными осколками, как рассказывал Курц, принимавший участие в операции. Через несколько недель Хамшари умер в парижском госпитале.

Сотрудники «Моссада» и АМАН, координировавшие «целевые» убийства, уделяли много времени размышлениям над этическими аспектами каждого из них. Было важно, чтобы они воспринимались как морально оправданные хотя бы самими исполнителями. Даже спустя сорок лет Харари и его оперативники говорили о глубоком убеждении в правомерности целей и средств своих действий. «В “Кесарии” не было прирожденных убийц»^[414]. Это были нормальные люди, как мы с вами, – говорил мне Харари. – Если бы они не оказались в “Кесарии”, вы не нашли бы их работающими наемными убийцами в криминальном мире. Мои воины в “Кесарии” выполняли миссию ради государства. Они знали, что кто-то должен умереть, потому что он убивал евреев, так что они делали это по убеждению. Ни у одного из них не возникало сомнений в том, следует это осуществлять или нет; у них не было даже малейших колебаний».

Шеф «Моссада» также понимал, насколько важна для разведки поддержка Голды Меир^[415]. Он знал, как работает ее мозг, поэтому всегда на встречи с ней брал с собой одного-двух оперативников из «Кидона». Один из них обязательно говорил о том, как важно для них, что их командующий, Голда Меир, была «человеком с высокими моральными ценностями, с правильными суждениями». Благодаря этому, продолжал оперативник, «исполнители не испытывают дискомфорта в своих действиях, даже если временами у кого-то и возникают вопросы».

Голда Меир светилась счастьем. «Я сидела лицом к лицу с ними, – говорила она после очередной встречи с воинами “Кесарии”, – полная восхищения их мужеством, самообладанием, исполнительностью и знаниями. Они находятся прямо в пасти у врага... Я не могла найти слова, чтобы выразить, как мы должны благодарить судьбу за то, что у нас есть такие люди»^[416].

Несмотря на взаимное восхищение и общую убежденность в моральности осуществляемых акций, существовал ряд вопросов относительно мотивов «целевых» убийств после Мюнхена, а также касательно того, всегда ли выбирались адекватные цели.

«Что касается некоторых арабов, которых мы убили в тот период, мы не знали, почему их ликвидируем, и они тоже не знали, почему были убиты, – рассказывал один из офицеров “Кесарии”. – Цвайтер не имел никакого отношения к убийству спортсменов, за исключением, пожалуй, того, что их самолет пролетел над Римом по пути в Мюнхен»^[417].

Один из руководителей «Моссада», который изучал досье на Цвайтера, через много лет признался, что «это была ужасная ошибка»^[418]. Палестинцы долго настаивали на том, что Цвайтер был интеллектуалом-миротворцем, который ненавидел насилие^[419]. (Правда, такие же заявления они делали в отношении практически всех, кто пал жертвами «Кидона» в тот период.)

Однако для некоторых это ничего не значило^[420]. «Давайте вспомним о том, что он (Цвайтер) был представителем ООП в Риме, и насчет этого разногласий нет, – говорил офицер военной разведки АМАН, который был связан с определением целей для акций “Моссада”. – Мы воспринимали организацию как единое целое и никогда не соглашались с разделением людей на тех, кто имеет

отношение к политике, и тех, кто занимается террором. ФАТХ была террористической организацией, которая убивала евреев. Любой, кто состоял членом такой организации, должен был понимать, что является законной целью».

Действительно, в ретроспективе трудно определить, было ли убийство Цвайтера ошибкой, или являлось частью того подхода, который имел и сегодня еще имеет в израильских спецслужбах сторонников: каждый член террористической организации, даже если по своим функциям прямо не связан с терроризмом, является законной целью.

В таком подходе заключена проблема: он разрешает «Моссаду» убивать людей, которых *может* убить, а не обязательно тех, которых *должен* ^[421]. Хотя кампанию «целевых» ликвидаций в «Моссаде» расценивали как успешную, к началу 1973 года стало ясно, что она не разрушила высшие эшелоны руководства ООП ^[422]. Эти цели были под защитой в Бейруте. Вот куда должен был Израиль направлять свои удары. Но это была бы гораздо более трудновыполнимая миссия.

9 октября 1972 года в радиоцентр военной разведки АМАН, ответственный за связь с израильскими агентами на Ближнем Востоке, поступило важное сообщение. Радиоцентр, который расположен на гряде, обращенной к морю, и окружен дюнами, лежит в одном из самых живописных мест Израиля. Здесь работали сотни военных, которые получали, расшифровывали, зашифровывали и отправляли секретные радиogramмы.

Полученное той ночью сообщение гласило: «Модель просит об экстренной встрече».

«Модель» было кодовым обозначением Кловиса Фрэнсиса, одного из самых ценных агентов, которого «Моссад» и АМАН когда-либо имели в Ливане. Это был утонченный и хорошо образованный ливанец, происходящий из богатой христианской семьи с обширными связями, верно служивший Израилю в течение нескольких десятилетий. Он посылал зашифрованные сообщения с 1940-х годов, используя тогда домашних голубей. При помощи фотокамеры, установленной в двери его автомобиля, он за многие годы сделал и передал израильской разведке около 100 000 фотографий, на которых были запечатлены буквально все уголки Ливана. Он периодически посещал Израиль, куда его доставляли на подводных лодках или

военных катерах, для информирования руководителей израильских спецслужб. И никогда не просил вознаграждения. По его словам, он занимался шпионажем, поскольку верил в союз между Израилем и Ливаном, а позже – потому что видел в действиях палестинцев в Ливане огромную опасность для своей родины.

Через три дня после получения запроса о встрече резиновая лодка в темноте пристала к песчаному пляжу недалеко от города Тир в Южном Ливане^[423]. «Модель» забрался в лодку и был доставлен на ракетный катер, который помчался в сторону Хайфы. Там «Модель» ожидали руководители подразделения 504. «Модель» не разочаровал. Он привез с собой домашние адреса четырех руководителей ООП, проживавших в Бейруте: Мухаммада Юсуфа аль-Наджара, главы разведывательной службы ООП, который участвовал в разработке и утверждении операции ООП в Мюнхене; Камалья Адвана, отвечавшего за тайные операции ФАТХ в Израиле, на Западном берегу и в секторе Газа; Камалья Насера, спикера ООП, и Абу Джихада, второго человека в ООП после Арафата. Первые трое жили неподалеку друг от друга в двух многоэтажных зданиях на улице Вердун.

Информация была переправлена Роми, руководителю разведки «Кесарии», и он созвал ряд совещаний в штаб-квартире подразделения в Тель-Авиве на улице Каплан-стрит, 2. В дополнение к сведениям о местах проживания руководителей ООП был получен большой объем первоклассной информации о других объектах ООП в Ливане – мастерских по изготовлению оружия, командных пунктах и офисах. Харари заявил, что «информация дает основания для проведения широкомасштабной операции по целевым ликвидациям», однако в ней еще оставалось много пустот, чтобы действовать наверняка. «Это было мое правило, – говорил Харари, – если нет исчерпывающей информации, не будет и операции. Точка».

Для того чтобы закрыть имеющиеся в развединформации пустоты, в «Кесарии» решили послать женщину-оперативника в Бейрут.

Яэль (здесь может быть обнародовано только ее имя) родилась в Канаде в 1936 году и выросла в Нью-Джерси в еврейской семье, вне всякой связи с Израилем. Позже у нее возникла эмоциональная привязанность к молодой стране, и она решила, что «настоящая приверженность сионизму влечет за собой алию (иммиграцию) в Израиль и предание забвению комфорт жизни в Америке». В то время,

перед Шестидневной войной, «Израиль вызвал у меня симпатию, которую обычно испытывают к обездоленному человеку. Еще с детства меня тянуло к людям уязвимым и подвергающимся дискриминации». После иммиграции в Израиль и непродолжительной работы программистом Яэль была отобрана отделом подбора персонала «Моссада» для прохождения длительной и трудной программы подготовки в «Кесарии». Со временем она проявила себя как талантливая и исключительно хладнокровная оперативница, которая использовала свою спокойную харизму и внешнюю привлекательность в качестве мощного оружия. Когда Харари посылал Яэль в Бейрут, то сказал ей: «С твоей женственностью, деликатностью и красотой кто тебя в чем-то заподозрит?»

Яэль (в «Моссаде» ей присвоили псевдоним Нильсен) и ее кураторы подготовили легенду^[424], согласно которой она являлась журналисткой, приехавшей в Ливан писать сценарий телесериала о жизни леди Эстер Стэнхоуп, британской аристократки, которая, несмотря на консервативные ограничения девятнадцатого века, стала политической и социальной активисткой. Стэнхоуп много путешествовала, а последние годы жизни провела в Ливане и Сирии.

Яэль прибыла в Ливан 14 января 1973 года. Поселилась в гостинице Le Bristol Hotel, а через несколько дней сняла квартиру в роскошном доме, стоявшем как раз напротив тех двух зданий, где жили намеченные «цели». Яэль быстро обзавелась связями среди местной и иностранной публики, которые согласились помочь ей в работе над сценарием телесериала. Легенда позволяла ей свободно передвигаться и создавала вполне легитимные предлоги для путешествий практически в любые уголки страны.

Яэль начала изучать возможные места для базирования оперативной группы и здания, в которых проживали «цели». При этом у нее в руках всегда была сумочка с фотокамерой внутри, затвор которой приводился в действие наружной кнопкой^[425]. «Важна была каждая деталь, – писала Яэль позднее в отчете. – Необходимо было точно описать, что происходило в тех трех квартирах днем и ночью, когда зажигался и гасился свет, кого и в какое время можно было увидеть через окна, детали об использовавшихся ими машинах, кто к ним приходил, охранялось ли это место и т. д.»^[426].

Благодаря тщательно проведенной Яэль рекогносцировке в «Моссаде» теперь точно знали, по кому и где наносить удар, однако оставалось еще достаточно препятствий. Дома руководителей ООП располагались в густонаселенных районах Бейрута, поэтому об использовании взрывчатки речи не шло – вероятность случайного поражения невинных людей была недопустимо высока. Ликвидации должны были осуществляться с близкого расстояния. Однако проблема состояла в том, что Ливан являлся «целевым» государством, враждебным Израилю, в котором схваченные ликвидаторы, вне всякого сомнения, подверглись бы пыткам и казни. В связи с этим воины «Кесарии», уже внедренные в Ливан, были натренированы не столько в боевых операциях, сколько в долговременной и очень скрытной информационно-разведывательной работе. А оперативники «Кидона», которым и предстояло осуществить «чистые» ликвидации, не имели убедительных легенд, позволяющих им проникнуть в «целевую» страну и оставаться там в течение достаточно долгого времени, необходимого для проведения операций. Даже если бы это им и удалось, быстрый уход из страны после поражения семи целей ООП – трех человек и четырех объектов – был бы практически невозможен.

Роми и Харари пришли к неизбежному заключению: «Кесария» не может выполнить данную миссию в одиночку^[427]. Только Армия обороны обладала необходимыми силами и ресурсами для успешной рейдовой операции. Это было новое предложение – до тех пор «Моссад» и АОИ никогда не взаимодействовали в осуществлении наземных боевых операций. Здесь таился большой риск. Израиль обычно отрицал свою причастность к ударам «Моссада». Но с того момента, когда достаточно большой воинский контингент начнет убивать людей, даже если солдаты не будут одеты в военную форму, для Израиля станет невозможно отрицать свою вовлеченность в подобного рода операции.

Изначальный план Армии обороны представлял собой неуклюжий и затяжной по времени сумбур, в соответствии с которым сто солдат должны были штурмовать два многоэтажных здания и вывести людей из них на улицу. Затем предполагалось создание чего-то похожего на полицейские заслоны для идентификации «целей» с последующей их ликвидацией.

У генерала Давида Элазара, начальника Генерального штаба АОИ, возникли серьезные сомнения в отношении плана. Он попросил Эхуда Барака, руководителя «Сайерет Маткаль», разведывательного подразделения Генерального штаба АОИ, придумать что-то получше.

«Сайерет Маткаль» было создано в конце 1950-х годов с целью формирования элитного спецподразделения, в задачу которого входили тайные проникновения на вражескую территорию^[428]. Для этого, в соответствии с приказом, «бойцы подразделения должны были проходить подготовку в боевых операциях, диверсионной работе и сборе разведывательной информации». До 1970-х годов подразделение специализировалось главным образом на глубоком проникновении в тыл противника для установки там прослушивающих устройств и аппаратуры визуального наблюдения^[429]. «Сайерет» всегда считалось и до сих пор считается элитным подразделением АОИ, куда направляются лучшие кандидаты, проходящие там 20-месячный курс подготовки, который многие расценивают как самый трудный в мире.

Эхуд Барак, ставший первым офицером в «Сайерет Маткаль», был назначен командиром подразделения в 1971 году. Родившийся и выросший в кибуце, небольшого роста, но атлетически сложенный и решительный, Барак воплощал в себе все качества, необходимые для бойцов подразделения. Он обладал также дипломатическими способностями, знал, как вести себя с начальством, и был очень амбициозным, хотя и отличался самообладанием. С того самого момента, как он встал во главе «Сайерет Маткаль», Барак выступал за то, чтобы его подразделение выполняло в АОИ более важные функции, чем просто сбор разведывательной информации за передовой линией врага^[430].

Когда Элазар обратился к Барaku за помощью в разработке бейрутской операции, «на лице Эхуда отразилось удовлетворение, как на лице шеф-повара, приступающего к приготовлению какого-то необыкновенного блюда», вспоминал впоследствии один офицер^[431]. Барак изучил имеющуюся предварительную информацию, точки расположения целей на карте Бейрута и предыдущий план с участием сотни солдат. «Шеф, это никуда не годится, – сказал Барак Элазару. – Войсковое соединение такого размера за время проникновения в Бейрут и нахождения там до установления полицейского заслона обязательно ввяжется в огневой контакт с врагом. Это может привести

к большим потерям и с его стороны, и с нашей. Кстати, и среди гражданских лиц тоже».

Элазар спросил Барака: «Как бы поступил ты?»

Барак ответил: «Как только мы убедимся в том, что все три цели находятся дома, мы войдем в город небольшой группой, не больше 15 человек, поднимемся на этажи, ворвемся в их квартиры, перестреляем их и отойдем. Все это в течение нескольких минут. При правильном планировании и соответствующей подготовке мы сможем войти и выйти еще до того, как на место подтянутся дополнительные вражеские силы. Пока они разберутся, что случилось, нас уже не будет. Самое главное – обеспечить фактор внезапности».

Элазар улыбнулся и дал операции «зеленый свет»^[432].

План этой операции – рейда в Бейрут, получившего кодовое название «Весна молодости», был подготовлен спустя несколько дней^[433]. Спецподразделение ВМФ Израиля, флотилия 13, высадит ударную группу на побережье, где оперативники «Кесарии» будут ждать с арендованными машинами.

Команда «Моссада» отвезет военных на улицу Вердун, где те неожиданно ворвутся в квартиры лидеров ФАТХ, затем выскользнут обратно на побережье и вернуться в Израиль. В это же время другие группы спецназа атакуют еще четыре цели в Ливане.

Было ясно, что после операции станет очень трудно провести еще одну, поэтому израильтяне хотели за один раз поразить как можно больше целей. Барак сказал, что, по его ощущениям, Элазар не уверен в том, что «Сайерету» удастся уничтожить троих главных руководителей ООП, и он хотел «рассредоточить риск неудачи, расширив операцию и на другие цели».

Это была сложная комплексная акция, в которой осуществлялась координация и интеграция между различными подразделениями^[434], поэтому Элазар лично наблюдал за отдельными этапами подготовки участников. Он выразил озабоченность тем, что группа мужчин,двигающаяся ночью по центру Бейрута, может вызвать подозрения. Элазар предложил, чтобы часть бойцов была переодета в женскую одежду. «Помимо прочего, таким образом вы сможете спрятать побольше оружия», – сказал он с улыбкой.

Некоторым бойцам «Сайерет» не нравилось, что их командир вовлекает подразделение в операцию, выходящую за рамки обычного

сбора разведывательной информации. Перед самым рейдом в рядах «Сайерет Маткаль» возник внутренний конфликт. Два офицера подразделения, Амитай Наамани и Амит Бен Хорин, оба выходцы из кибуцев и члены молодежного левого движения «Ха-шомер ха-цаир», утверждали, что подразделение не создавалось как «эскадрон смерти» и что у них нет никакого желания становиться убийцами. Барак попытался переубедить их, но они потребовали встречи с вышестоящим начальством. Барак организовал им встречу с начальником Генерального штаба Элазаром, который обратился к офицерам со словами о важности борьбы с террором и о том, что ФАТХ проливает еврейскую кровь и в Израиле, и за границей. Он подчеркнул, что долгом офицеров является ответить на террор «сильно и элегантно». Амитай и Амит приняли разъяснения Элазара и были назначены в передовую группу.

Барак заявил, что в самом факте возникшего спора «видит силу подразделения. Это свидетельствует о том, что в нем служат не только отлично подготовленные профессиональные солдаты, но и люди, имеющие свое мнение, задающие вопросы и не удовлетворяющиеся простыми командами на исполнение, а требующие объяснений по логике этих команд».

Пока «Сайерет» и флотилия 13 отрабатывали высадку десанта, Яэль и «Модель» продолжали сбор информации^[435]. Яэль подобрала подходящее место для высадки – частный пляж гостиницы Sands Hotel с допуском только для постояльцев и расположенной рядом парковкой. Потом она бродила по окрестным улицам – маленькая женщина в длинной юбке и солнцезащитных очках, с сумкой в руках. Яэль сфотографировала весь путь ударной группы – пляж, улицы, по которым им предстояло проехать, распаечный телефонный ящик, который, скорее всего, следовало взорвать, чтобы помешать вызову полиции; дома на улице Вердун, консьержа при входе.

Яэль собрала подробные сведения о близлежащем полицейском участке, до которого от домов, где проживали объекты, было всего около 200 метров, о расписании движения полицейских патрулей и о времени, необходимом полицейским, чтобы оказаться на месте проведения операции в случае вызова.

Перед тем как доложить начальнику Генерального штаба о готовности к операции, бригадный генерал Иммануэль Шакед,

командующий сухопутными и воздушно-десантными войсками и руководитель данной операции, настоял на встрече с оперативниками «Кесарии», которые должны были отвезти его людей к объектам и доставить их обратно на побережье. Замир, Харари и Роми вместе с группой офицеров «Кесарии» направились на тренировочную базу «Сайерета», чтобы встретиться с Элазаром, Шакедом и Бараком.

Шакед описал эту встречу как «почти что катастрофу». Он попросил оперативников «Кесарии» представиться и рассказать о своем боевом опыте. «Когда в последний раз вы держали в руках пистолет и стреляли из него?» – спросил он. К его ужасу, большинство оперативников никогда не делали этого. Лишь очень немногие из них служили в Армии обороны Израиля. Эти люди прошли только минимальную боевую подготовку и не имели никаких военных навыков.

Шакед в гневе повернулся к Замиру: «Уберите своих воробьев из комнаты»^[436]. Шакед сказал Харари, что «не готов разрешить проведение операции с участием людей, не являющихся солдатами».

«Если бы они имели боевую подготовку, нам вообще не потребовалась бы Армия обороны», – со злостью ответил Харари. Тут вмешался Элазар и согласился с заявлением Замира, что «эти люди являются воинами высшего порядка в тех условиях, в которых им предстоит действовать, обеспечивая возможность солдатам АОИ выполнить поставленную задачу».

6 апреля шесть оперативников «Кесарии» прилетели в Бейрут из разных европейских аэропортов, используя поддельные немецкие, бельгийские и британские паспорта. Они по отдельности зарегистрировались в отеле Sands, арендовали большие американские машины и запарковали их на стоянке гостиницы.

Во второй половине дня 9 апреля отряд солдат Армии обороны Израиля был доставлен автобусом на базу израильского ВМФ в Хайфе. На последнем инструктаже Шакед сказал им: «Вы не можете просто выстрелить по цели и уйти. Вы можете покинуть квартиру только после того, как убедитесь, что ваша цель не поднимется вновь»^[437].

В 16:00 по штилевому Средиземному морю восемь израильских ракетных катеров направились на север. В двадцати километрах от Бейрута они заглушили двигатели и встали на якорь. В 17:00 один из оперативников «Кесарии» встретился с Яэль в гостинице Phoenician

Hotel. Она подтвердила, что все три «цели» находятся дома. Они расстались, и оперативник передал по радио ожидающей группе: «Птички находятся в гнездах».

С бортов катеров на воду было спущено девятнадцать резиновых моторных лодок. В каждой из них находились солдаты: 21 человек из «Сайерет Маткаль», 34 – из спецназа ВМФ, 20 – из разведроты воздушно-десантных войск. Эти элитные подразделения поддерживали еще 3000 человек. Это была одна из крупнейших операций по «целевой» ликвидации в двадцатом веке, если не крупнейшая. Харари, Замир, Роми, Элазар и министр обороны Даян находились в бункере в Кирья-Сарона, старом тамплерском районе Тель-Авива, где располагалось командование АОИ, и контролировали ход операции. Вместе с ними в «Боре» (на иврите – «Яме»), как неформально называли бункер, находился шеф военной разведки АМАН Эли Зейра. Он знал, что хотя в операции был задействован почти весь военно-морской флот Израиля, «Весна молодости» являлась операцией, «для которой не было варианта спасения участников в случае неудачи»^[438].

Лодки скользили по направлению к огням Бейрута. Когда они подошли к пляжу, моряки из флотилии 13 перенесли участников ударной группы на берег, чтобы они не вымокли и не испортили маскировочную экипировку. Особенно заботливо переносили на берег густо покрашенных бойцов, переодетых в женскую одежду. Оперативники «Моссада» ждали на парковке отеля в своих машинах.

Барак, тоже одетый в женское платье, сел на переднее сиденье одной из трех машин. «Вперед!» – приказал он. Водитель из «Моссада» вспотел и дрожал всем телом. Барак подумал, что он болен или ранен^[439]. Но человек был просто страшно испуган. «Я никогда не бывал в перестрелках, – признался он. – Я только что провел рекогносцировку на месте. Двое жандармов с автоматами патрулируют территорию возле домов». Барак и Муки Бецер, боец с долгим опытом службы в «Сайерете», успокоили водителя, солгав ему, что стрельбы не будет.

«Вперед!» – повторил Барак, решив не докладывать о жандармах Шакеду, который остался на командном ракетном катере. Барак боялся, что Шакед отменит операцию.

Три автомашины въехали в гористый район Бейрута Рамлет-эль-Байда. За два квартала от цели группа покинула автомобили и двинулась пешком, разбившись на пары – один боец в мужской одежде, другой в женской. Было уже поздно, около 23:00, но на улицах еще встречались люди. У намеченных зданий стояли двое полицейских, которые курили со скучающим видом. Они не обратили внимания на пары, продефилировавшие перед ними.

Рука Муки Бецера обнимала плечи Барака. Они выглядели обычной парочкой на вечерней прогулке. «Это напоминает мне Рим», – шепнул Бецер Бараку^[440].

В одном из зданий спал аль-Наджар. В соседнем доме, в разных квартирах, спали еще две «цели» – Адван и Насер. У входов в оба здания пары распались, и отряд разделился на три группы – по одной на каждую цель, и еще одну, под командой Барака (включая доктора) для прикрытия улицы.

Охранники из ООП, которых нападавшие рассчитывали встретить в холлах домов, спали в своих машинах. Группы стали без помех подниматься по лестницам, считая про себя пролеты, чтобы не вломиться ошибочно в другие квартиры. Когда каждая группа достигла своей цели, бойцы заняли исходные позиции и положили небольшие взрывпакеты рядом с дверями, после чего каждый командир группы трижды щелкнул по микрофону радиостанции. Когда Барак услышал эти щелчки от всех трех групп, он ответил пятью щелчками, что означало: «Исполняйте!» Одновременно он послал сигнал Шакеду о том, что можно начинать другие атаки в разных частях Бейрута.

Три взрывпакета распахнули двери в квартиры. Женщина, разбуженная шагами на лестнице и посмотревшая в глазок одной из дверей, была убита на месте. Аль-Наджар вышел из своей спальни, моментально сообразил, что происходит, и попытался закрыться в другой комнате. Бецер изрешетил ту дверь из автомата, убив аль-Наджара и его жену. Вторая «цель», Камаль Насер, спрятался под своей кроватью и начал стрелять из пистолета, ранив одного из израильтян в ногу. Нападавшие перевернули кровать, обнаружили Насера и убили его двумя длинными очередями.

В третьей квартире Камаль Адван вышел из своей комнаты с полностью снаряженным автоматом АК-47 в руках, однако в двери он на секунду замешкался, будучи озадаченным увиденной картиной –

перед ним стояли мужчина и женщина. Это стоило ему жизни, так как израильтяне немедленно открыли по нему огонь из автоматов Uzi, спрятанных у них под одеждой.

В это время охранник из ООП, который должен был защищать объекты, но заснул в своем автомобиле Renault Dauphine, проснулся и вылез из машины с пистолетом на изготовку. Барак и Амирам Левин, один из старших офицеров, застрелили его из пистолетов с глушителями. Одна из пуль попала в машину и замкнула сигнализацию^[441]. Это разбудило соседей, которые вызвали полицию. «Это лишний раз доказывает, что тебя всегда поджидает какой-нибудь сюрприз, – говорит Бецер. – Неожиданное – это то, чего следует больше всего ожидать»^[442].

Полицейские из близлежащего участка уже бежали по направлению к улице Вердун, где израильтяне еще прочесывали квартиры в поисках документов. Наконец все ударные группы ринулись вниз по лестницам, почти позабыв про Йонатана Нетаньяху, брата Биньямина. Теперь им предстояла стычка с бейрутской полицией. Левин стоял посередине улицы в парике блондинки на голове, поливая направо и налево пулями из своего автомата Uzi. Барак тоже был на дороге, стреляя по полицейским. Бецер подстрелил полицейский «лендровер» и прикрывал Левина. На дорогу выскочил джип с четырьмя ливанскими солдатами, который тут же попал под перекрестный огонь. Израильтяне стреляли по нему, а Бецер бросил в джип гранату, убив троих из сидевших в нем солдат. Водитель был лишь легко ранен. Яэль видела из своей квартиры, как он сидел на тротуаре и несколько часов рыдал, пока его не отправили в госпиталь.

Нападавшие оторвались от полицейских, солдаты забрались в арендованные машины, и вся группа помчалась на побережье. По дороге оперативники разбрасывали позади себя специальные шипы, которые прокалывали шины преследующих полицейских машин. Барак вышел на связь по радио, передав морскому спецназу указание забирать группу. Несмотря на воцарившийся хаос, Барак не терял самообладания и смог абстрагироваться от происходящего. «Помню, что с удивлением смотрел на улицы, – вспоминал он. – Я никогда не бывал на таких красивых улицах. Никогда не видел таких красивых домов. Такая архитектура была нам в Израиле неведома». В парике ему стало жарко, так что он открыл окно и подставил лицо ласковому

ветерку. Он расслабился. К краю тротуара подбежал какой-то мужчина, крича, чтобы машины остановились. «Застрели его, Муки», – сказал Барак^[443]. «Это рабочий с автозаправки, не полицейский», – ответил Бетцер и не стал стрелять.

Вторая группа, участвовавшая в рейде, разведрота парашютно-десантных войск, которая должна была атаковать здание в другом районе Бейрута, оказалась менее удачливой. Они застрелили охранников у входа в здание НФОП, но не знали о втором poste охраны. Охранник-палестинец открыл огонь, тяжело ранив трех солдат. Двоих из них смогли отнести в поджидавшую машину. В третьего, Игала Пресслера, попало 14 пуль. Спецназовец ВМФ поднял его и побежал к машине, но охранник НФОП, видимо подумавший, что Пресслер является палестинцем, попытался отбить его, схватившись со спецназовцем. Все трое упали на землю, образовав кучу-малу. Одна рука у Пресслера была парализована, но он умудрился навести на охранника пистолет зубами. Тот убежал. Спецназовец ВМФ побежал за ним. Пресслер подумал, что его бросили одного^[444]. Он уже хотел подорвать себя гранатой, когда вернулся спецназовец и снова поднял его. Вокруг грохотали выстрелы и взрывы, слышались крики людей. В соседних домах зажглись окна.

Вместо того чтобы немедленно отступить, командир группы Амнон Липкин-Шахак, известный самообладанием, которое отмечал в нем даже начальник Генерального штаба, приказал своим людям оставаться на местах и выполнять задание, устанавливая взрывные устройства в здании.

«Самым тяжелым для меня моментом, – вспоминал Липкин-Шахак, – был не сам бой, а когда мы возвратились к своим машинам. Я был удивлен, увидев, что машины с ранеными там нет»^[445]. Он и его люди, в том числе тяжелораненый Пресслер, остались в центре Бейрута только с двумя машинами. Третья, которой управлял оперативник «Кесарии» и в которой находилось двое тяжелораненых бойцов, исчезла. Радиосвязь не срабатывала. Быстрые поиски по окрестностям ничего не дали.

«Это очень беспокоило меня», – рассказывал Липкин-Шахак. Он не хотел отходить, не зная, что случилось с двумя его ранеными бойцами, но иного выхода у него не было. Он отдал приказ полностью заполнить две машины и ехать в сторону пляжа. Не успели они тронуться, как

услышали сзади мощный взрыв и увидели, что заминированное ими здание падает. Позже они узнали, что под его руинами погибли около 35 активистов НФОП.

Когда они прибыли на пляж, то увидели третью автомашину с оперативником «Кесарии» и двумя их ранеными товарищами на заднем сиденье^[446]. Один из них уже умер от потери крови. Водитель сидел весь в поту и нервно курил сигарету, зажатую в дрожащих пальцах. «Я спросил его, что случилось, – вспоминал Липкин-Шахак, – и почему он не подождал нас и врача отряда, который мог помочь раненым. Он говорил что-то путаное, но если я правильно его понял, то как только он услышал выстрелы, он сказал себе, что должен выжить, поэтому решил покинуть место операции и поехать на пляж».

Люди Липкина-Шахака пришли в ярость. «Было ошибкой брать на эту операцию людей без боевого опыта, – сказал один из них. – Этот парень из “Кесарии” видел, что мы попали в беду и, представьте себе, испугался. Он просто сбежал».

Вся группа погрузилась на резиновые лодки и вернулась на ракетный катер. Второй раненый боец умер во время операции на борту катера. Двое парашютистов не смогли сдержать себя и начали кричать на оперативника, возлагая на него ответственность за смерть двух их товарищей^[447]. Он огрызался и кричал на них в ответ. Один из солдат ударил его по лицу, человек из «Кесарии» ответил ударом. На палубе катера завязалась драка, пока остальные бойцы не растащили их.

Однако к рассвету все участники рейда были уже в Израиле. Когда Барак вернулся домой, его жена Нава еще спала. Он поставил рюкзак на пол и, изможденный, прилег рядом с ней, как был, в ботинках. Проснувшись, Нава страшно удивилась, увидев рядом с собой сраженного сном Барака со следами макияжа на лице и остатками яркой красной помады на губах^[448].

На следующее утро среди разрушений, оставленных прошлой ночью, никто не обратил внимания на худощавую женщину, которая пришла в почтовое отделение на улице Мадам Кюри. Яэль написала письмо своему куратору^[449], в котором отразились переживания, испытанные ею в связи с тем, что она увидела накануне из окна своей квартиры.

Дорогой Эмиль!

Меня все еще не оставляет дрожь от увиденного прошлой ночью. Неожиданно посреди ночи я была разбужена звуками очень громких разрывов... Меня охватила паника – это нападение израильтян!..

Это было ужасно... Сегодня утром это кажется страшным сном. Но это не так. Эти ужасные израильтяне действительно побывали здесь... В первый раз я смогла увидеть, почему в мире столько ненависти к этой стране и евреям... Ведь место, где я живу, – это такой прекрасный и мирный жилой район с мягкими и очень добрыми людьми.

Яэль написала «Эмилю», что она хотела бы приехать в отпуск, чтобы успокоиться, и прибавила: «Я очень скучаю по тебе (больше, чем ожидала)». Невидимыми симпатическими чернилами она добавила: «Шоу прошлой ночью было великолепным. Снимаю шляпу!»

Чтобы избежать каких-либо подозрений, Яэль провела в Бейруте еще неделю, несмотря на растущие опасения, что ее могут раскрыть в связи с жесточайшими мерами безопасности, принятыми после рейда. «Когда самолет начал взлетать и шасси оторвалось от земли, я расслабилась на своем сиденье^[450]. Я чувствовала, что постепенно освобождаюсь от стресса, связанного с поддержанием моей легенды, который проник во все мое тело и душу. Он как будто отрывался от меня кусочек за кусочком. Когда я приземлилась в лондонском аэропорту Хитроу, меня не слушались руки, и я с трудом выбралась из кресла. Мне понадобилось несколько дополнительных секунд, прежде чем я смогла покинуть самолет».

В Израиле операция «Весна молодости» была признана чрезвычайно успешной. Все поставленные перед ней цели были достигнуты. Были ликвидированы три высших руководителя ООП наряду с еще 50 активными членами руководства организации. Салах Халаф (Абу Ияд), верховный руководитель «Черного сентября», спасся лишь по воле случая, поскольку незадолго до рейда покинул одну из «целевых» квартир^[451]. Было разрушено четыре здания и мастерские по производству оружия. В квартире Адвана было захвачено большое количество документов, что сами палестинцы охарактеризовали как

катастрофу. Документы обеспечили Шин Бет огромным количеством подробной информации о ячейках ООП на оккупированных территориях и послужили основанием для многочисленных арестов, которые разрушили террористическую сеть ФАТХ, существовавшую там^[452].

В эйфории успеха в Израиле не придали большого значения непрофессиональным действиям двух водителей из «Моссада», принадлежавших к элитному подразделению «Кесария» под командованием Харири^[453]. Не получил оценки тот факт, что они помешали оказанию медицинской помощи двум раненым бойцам, впоследствии умершим от ран, и могли спровоцировать еще более трагические последствия.

В Ливане операция вызвала шок^[454]. Правительство страны ушло в отставку в связи с бессилием, проявленным перед лицом «израильской агрессии». Арабский мир кипел от возмущения, а в Египте ведущая газета «Аль-Ахрам» поместила комментарий, суть которого сводилась к тому, что цель этой операции «состояла в том, чтобы внедрить в сердца арабов мысль о том, что Израиль контролирует ситуацию в регионе». Благодаря «Весне молодости» в арабском мире начали верить в миф, что «Моссад» может нанести удар где и когда угодно.

11

«Неправильное определение цели – это не неудача, это ошибка»

Шумный успех операции «Весна молодости» не означал прекращения череды «целевых» ликвидаций, осуществляемых «Моссадом» в Европе.

В последние дни подготовки к бейрутскому рейду Меири и еще один оперативник находились в Париже, ожидая, пока Базиль аль-Кубайси, профессор права Бейрутского университета и функционер среднего уровня НФОП, закончит встречу с проституткой, чтобы убить его^[455]. («Я решил, что так же, как осужденному предоставляется право на последнее желание, этот человек мог получить немного секса перед смертью», – рассказывал Меири.)

Затем, всего через пять часов после того, как группа «Весна молодости» вернулась в Израиль, Харари, Меири и еще пять оперативников отправились в Афины, где убили Зида Мукасси при помощи бомбы, спрятанной в его кровати в гостинице^[456]. Мукасси только что был назначен представителем ФАТХ на Кипре, где заменил Хусейна Абд аль-Чира, тоже уничтоженного «Моссадом» 24 января с использованием бомбы, заложенной в матрас его кровати в одном из отелей Никосии.

10 июня пришла информация о том, что Вади Хаддад послал двух своих людей в Рим для того, чтобы совершить атаку на представительство авиакомпании El Al. Сведения поступили от агента, глубоко внедренного в организацию Хаддада. Этот новый и многообещающий агент, который в ежегодном отчете АМАН будет охарактеризован как «исключительно ценный источник, располагающий прекрасными и эксклюзивными подходами к организации Хаддада»^[457], согласившийся шпионить за деньги, получил кодовое имя «Ицавон», что на иврите означает «грусть». Группа, которой командовал оперативник «Кидона» «Карлос», начала слежку за двумя мужчинами, ездившими по Риму на «мерседесе» с немецкими номерами.

В ночь с 16 на 17 июня оперативники «Кидона» установили взрывное устройство под днищем автомобиля. Утром, когда один из палестинцев сел в машину и начал отъезжать от места парковки, за ним последовала автомашина «Моссада», которой управлял Харари, а «Карлос» находился на пассажирском сиденье с дистанционным устройством размером с обувную коробку. Для того чтобы можно было подорвать бомбу, с машиной, объектом атаки, следовало поддерживать минимальную дистанцию. Через несколько минут палестинец остановился у тротуара, чтобы подобрать своего товарища, который жил по другому адресу, и снова поехал по городу. «Карлос» хотел нажать на кнопку в тот момент, когда «мерседес» въехал на Пьяцца Барберини, на которой расположен фонтан «Тритон», известное произведение знаменитого скульптора Джованни Лоренцо Бернини.

Харари хорошо знал Рим со времен Второй мировой войны, когда он работал здесь, помогая еврейским иммигрантам выехать в Израиль, и он любил искусство. «Нет! Стой!.. Скульптура... Это же Бернини! Не взрывай!» – закричал он растерявшемуся «Карлосу», а потом начал рассказывать оперативнику о ценности этого объекта искусства.

Спустя несколько секунд, когда машина с двумя палестинцами миновала фонтан, кнопка была нажата^[458]. Взорвалась передняя часть автомашины, и оба находившиеся в ней мужчины были тяжело ранены. Один из них позже умер в госпитале. Полиция обнаружила в автомобиле оружие и интерпретировала взрыв как «рабочий инцидент», сделав предположение о том, что у террористов в машине имелась бомба, которая сработала от неосторожного обращения.

«Ицавон» сообщил также о деятельности Мохаммеда Будия, который руководил всеми операциями НФОП в Европе^[459]. Будия был ярким сплавом алжирского революционера, бисексуального богемного плейбоя, авантюриста и архитеррориста, работавшего на Хаддада и «Черный сентябрь». Небольшой театр Théâtre de l'Ouest в Париже, которым он руководил, использовался в качестве прикрытия в его планах нападения на израильтян и евреев.

Благодаря сообщениям агента «Ицавона», Шин Бет удалось нейтрализовать эти планы еще до того, как они были осуществлены. Один из таких планов предусматривал одновременный подрыв мощных взрывных устройств с тринитротолуолом в семи крупнейших

отелях Тель-Авива в ночь на Седер (ритуальная семейная трапеза) во время еврейской Пасхи 1971 года.

В июне 1973 года «Ицавон» сообщил, что Будия замышляет другую большую акцию^[460]. Группа оперативников «Кидона» и «Радуги» в составе тридцати человек следовала за ним по пятам по всему Парижу, пока не дождалась благоприятного момента – Будия запарковал свою машину на улице Fossés Saint-Bernard в Латинском квартале. Когда он вернулся и сел в нее, сработала бомба с нажимным взрывателем, размещенная под передним сиденьем. Террорист погиб.

Череда успехов «Кидона» породила в подразделении состояние эйфории^[461]. «Казалось, что в мире нет ничего такого, чего не смог бы выполнить “Моссад”, – рассказывал один из ветеранов “Кесарии”, – и что не существует человека, до которого мы не могли бы добраться»^[462].

Несмотря на это, сведение счетов с «Черным сентябрем» было еще далеко от завершения. Девять месяцев спустя после ужасной бойни в Мюнхене – того самого нападения террористов, которое «запустило» механизм «целевых» ликвидаций, – руководящее звено «Черного сентября» все еще было на свободе. «Моссад» уничтожил много людей, но не тех одиннадцать, которых он хотел ликвидировать больше всего. В их число входили три выживших участника операции, которые были отправлены в тюрьму, но вышли из нее после того, как «Черный сентябрь» захватил самолет авиакомпании Lufthansa и вынудил немцев освободить террористов. Остальные восемь были идентифицированы «Моссадом» как люди, связанные с разработкой, управлением и исполнением террористической атаки.

Этот список возглавлял Али Хасан Саламе, руководитель всех операций «Черного сентября».

Отец Али Саламе, Хасан Саламе, являлся одним из двух командующих палестинскими силами в 1947 году, когда после решения ООН об образовании государства Израиль разразилась война. «Хагана» неоднократно и неудачно пыталась убить его, пока он не погиб в военной операции.

На плечи его сына легло тяжелое бремя. «Я хотел быть самым собой, (но) ... я постоянно осознавал тот факт, что являюсь сыном Хасана Саламе и должен соответствовать этому, даже если мне никто и не говорил, какой жизнью должен жить сын Хасана Саламе, –

признавался Али Саламе в одном из всего двух данных им интервью. – Мое воспитание было сильно политизированным. Я жил с делом Палестины на устах. А это было время, когда это дело столкнулось с большими трудностями. Народ оказался без лидеров. Люди были рассеяны, и я был одной из этих распыленных частиц. Моя мать хотела, чтобы я стал новым Хасаном».

К середине 1960-х годов влияние семьи Али и воздействие на него Ясира Арафата сделали свое дело: Али покорился судьбе и пришел на пункт записи ФАТХ^[463]. «Я стал очень приверженным делу ФАТХ, – вспоминал он. – Я нашел то, что я искал».

«Очень скоро он стал любимцем Арафата», – говорил Харари.

В 1968 году Арафат направил Али в Египет для прохождения подготовки по разведывательному и взрывному делу. Он стал помощником Абу Ияда, который поручил ему контроль над операциями по выявлению и ликвидации тех арабов, которые сотрудничали с израильтянами.

Саламе был молодым, харизматичным, состоятельным и красивым, он наслаждался приятной жизнью, протекавшей параллельно с работой в RASD, секретном разведывательном подразделении ФАТХ. Соединял свою любовь к женщинам и вечеринкам с террористической активностью, которая «заставляла удивленно поднимать брови даже руководство ФАТХ», как указывалось в одной из справок на Саламе, подготовленной военной разведкой Израиля^[464].

В «Моссаде» были убеждены в том, что Саламе связан со многими террористическими операциями, направленными против Иордании и Израиля, включая захват самолета бельгийской авиакомпании Sabena. Документы, добытые в квартире аль-Наджара в Бейруте^[465], указывали на то, что Саламе, помимо прочего, отвечал за связи с европейскими террористическими организациями и что именно он пригласил Андреаса Баадера, сооснователя немецкой террористической группы «Баадер – Майнхоф», в тренировочный лагерь в Ливане. «Мы показали документы немцам, – рассказывал Шимшон Итцхаки, руководитель антитеррористического подразделения “Моссада”, – чтобы им стало понятно, что опасность, исходящая от палестинского террора, – это и их забота».

Разногласий по поводу этих обвинений в адрес Саламе никогда не возникало, но в «Моссаде» были убеждены еще и в том, что Али был

непосредственно связан с планированием и реализацией массового убийства в Мюнхене, и даже в том, что находился неподалеку от места операции, когда террористы выдвигались в Олимпийскую деревню по адресу Конноли-штрассе, 31. Однако Мохаммед Уде (Абу Дауд) утверждал, что Саламе не имел к мюнхенской операции никакого отношения^[466] и что это он, Уде, планировал и руководил ею. Сомнения относительно роли Саламе в Мюнхене были также высказаны в двух книгах, описывающих эту трагедию, «Хороший шпион» Кая Бёрдса и «Ответный удар» Аарона Клейна.

Однако по сей день Итцхаки остается убежден: «Тот факт, что Абу Дауд через много лет после тех событий, когда Саламе уже не было в живых, хотел приписать себе все “заслуги” в организации той террористической атаки, ничего не значит. Али Саламе не присутствовал на месте операции в Мюнхене, но он был очень глубоко вовлечен в планирование, подбор боевиков и исполнение этого страшного убийства»^[467].

В любом случае Саламе был намечен для ликвидации^[468]. «Али Хасан Саламе был целью № 1, – рассказывал Харари. – Мы охотились за ним в течение долгого времени». В «Моссаде» имелась только одна недавняя фотография Саламе, которую разведка безуспешно использовала для того, чтобы установить объект. Информация о Саламе заставляла оперативников «Ки-дона» колесить по Гамбургу, Берлину, Риму, Парижу, Стокгольму и другим европейским городам. Каждый раз казалось, что они разминутся с ним буквально на секунды.

Прорыв наступил в середине июля 1973 года, когда алжирец по имени Кемаль Бенамене, который работал на ФАТХ и имел связи с «Черным сентябрем», покинул свою квартиру в Женеве и прилетел в Копенгаген, где ожидал Саламе. У «Моссада» были основания полагать, что эти двое планировали очередную операцию, поэтому за Бенамене следили. Если удастся подобраться вплотную к Бенамене, думали оперативники, они смогут добраться и до Саламе и убить его.

Люди из «Кесарии», наблюдавшие за Бенамене, установили, что он не покинул аэропорт Копенгагена, а сразу же проследовал в транзитный зал и вылетел в Осло^[469]. Оттуда он поездом направился в Лиллехаммер. Все время за ним следовали оперативники «Моссада».

Харари и Роми пришли к заключению, что Бенамене намеревается встретиться с их целью в этом сонном норвежском городке.

Мобилизовав сотрудников из двух групп «Кидона», выполнявших задания в других частях Европы^[470], Харари быстро собрал ударную команду. В ней было 12 человек, она возглавлялась Неемией Меири и включала в себя как опытных киллеров, так и оперативников из «Кесарии», знавших норвежский и готовых к работе. Одной из участниц команды была Сильвия Рафаэль, оперативница, которая много ездила по арабскому миру под видом антиизраильски настроенной канадской фотожурналистки Патрисии Роксбург и собирала много ценной информации о вооруженных силах региона.

Другими членами группы были Авраам Гемер, обучавший Рафаэль; Дан Арбель, датско-израильский бизнесмен, который время от времени принимал участие в операциях «Моссада» в арабских странах, помогая с логистикой, арендой машин и квартир; и Марианн Гладникофф, иммигрантка из Швеции и в прошлом сотрудница Шин Бет, которая лишь недавно перешла на службу в «Моссад» и хорошо владела скандинавскими языками.

То, что произошло дальше, до сих пор вызывает споры. По одной версии, которая представляется наиболее точной, группа наружного наблюдения «Кесарии» потеряла Бенамене в Лиллехаммере. В связи с этим они вынуждены были прибегнуть к методу «прочесывания», который Меири разработал в 1950-х годах, когда искал агентов КГБ в Израиле. Этот метод позволял поисковой группе просматривать значительные участки городской территории и довольно быстро обнаруживать цели. После целого дня поисков команда «Кесарии» сосредоточила внимание на человеке, который сидел с группой арабов в кафе в центре города. Они подумали, что он выглядит точно так же, как человек на имевшейся у них фотографии Саламе. «Они были похожи, как родные братья», – скажет позже генерал Аарон Ярив, в прошлом руководитель АМАН, а теперь советник премьер-министра Голды Меир по антитеррору^[471].

По другой версии, человек, идентифицированный как Саламе, не просто сидел в кафе с какими-то неизвестными арабами, а был «срисован» во время встречи с активистами ФАТХ. По этой версии, израильтяне увидели, что подозреваемый общается с известными террористами, и, таким образом, получили дополнительное (к

фотографии) указание на то, что перед ними с высокой степенью вероятности находится объект, которого они разыскивали.

В любом случае сообщение о том, что Саламе установлен, было передано в штаб-квартиру «Моссада» на улице Шауль Хамелех в Тель-Авиве. Однако Харари сказал, что не может переговорить с директором службы Цви Замиром, потому что тот решил лично выехать в Лиллехаммер, чтобы быть на месте операции во время ее проведения. Харари приказал своим людям продолжать наблюдение.

Вскоре оперативники установили, что человек, которого они считали Саламе, жил тихой жизнью в Лиллехаммере вместе с блондинкой-норвежкой, находившейся на позднем сроке беременности. Он ходил в кинотеатры и закрытый бассейн. Не проявлял никакой нервозности или осторожности, которые должен был бы проявлять человек, опасющийся слежки со стороны «Моссада». Мариан Гладникофф приобрела купальник и стала посещать бассейн, чтобы наблюдать за ним и там. То, что она увидела, заставило ее задаться вопросом, действительно ли этот человек является самым разыскиваемым палестинским террористом.

И не ее одну посещали подобные мысли^[472]. Когда Гладникофф и другие члены группы поделились своими сомнениями с Харари – который, в свою очередь, обсудил их с Замиром, бывшим уже в Осло и направлявшимся в Лиллехаммер, – эти сомнения были отвернуты. «Мы говорили им, что думали, что это не наш человек, – рассказывал оперативник под псевдонимом «Шауль». – Но Майк и Цвика (Замир) сказали, что это не важно. Они заявили: “Даже если это не Саламе, ясно, что это какой-то другой араб со связями среди террористов. Так что даже если мы не ликвидируем Саламе, то самое плохое, что мы сделаем, – уничтожим менее важного террориста, но все же террориста”».

Харари высказал свое мнение: «Семь оперативников позитивно идентифицировали сходство между человеком на фотографии и объектом, и только меньшинство группы считает, что это разные люди. Вам всем решать. И надо прислушиваться к большинству. Легче всего сказать “Не надо жать на курок”, но тогда дело кончится тем, что ничего не будет выполнено»^[473].

Объект продолжали держать под наблюдением. В телефонном разговоре в субботу 21 июля Замир, не сумевший сесть на поезд до

Лиллехаммера, приказал Харари продолжать операцию. В тот вечер мужчина вместе со своей девушкой сели в автобус и поехали в кинотеатр. Команда «Кидона», следовавшая на автомашинах и пешком, не выпускала их из вида. Около 22:30 пара покинула кинотеатр и села в автобус, направлявшийся к их дому. Когда они вышли из автобуса, рядом остановилась серая «вольво». Из нее вышли «Шауль» и еще один оперативник. Оба достали пистолеты Beretta с глушителями и выстрелили в жертву восемь раз, затем бегом вернулись к машине и уехали. Женщина не была ранена, она опустилась на колени рядом с упавшим мужчиной, заплакала и прижала к себе его окровавленную голову.

Киллеры подъехали к заранее определенному месту встречи, где их ждали другие члены группы, в том числе и Харари. «Шауль» доложил об успехе акции, но добавил, что видел, как женщина, ставшая свидетельницей убийства, записывала номер их машины, когда они отъезжали с места операции.

Харари приказал Арбелю спрятать машину где-нибудь на боковой улице^[474] и выбросить ключи в водосток. Сразу после этого Арбель и Гладникофф должны были сесть на поезд до Осло, откуда вылететь в Лондон, а потом в Израиль. Другие оперативники должны были выждать несколько часов в арендованных квартирах, а потом также по одному улететь из страны. Тем временем Харари и еще два оперативника поедут машиной на юг до Осло, где сядут на паром до Копенгагена.

«Шауль» и У. вылетели разными рейсами в Данию. Харари сел в самолет до Амстердама, уверенный в себе и светящийся от счастья. Ликвидация Саламе была последней ступенькой в его карьерной лестнице к посту директора «Моссада», который Харари должен был занять по окончании срока полномочий Замира^[475]. И только в Амстердаме, включив телевизор, он понял, какая катастрофа только что произошла.

Человек, которого израильтяне убили в Лиллехаммере, был не Али Хасан Саламе, а Ахмед Бутики, марокканец, работавший официантом и уборщиком в бассейне^[476]. Он был женат на женщине по имени Торилл, находившейся в то время на седьмом месяце беременности. Она описала, что произошло:

Совершенно неожиданно мой муж упал. Я не поняла, что произошло, а потом увидела двоих мужчин. Они находились в трех или четырех метрах от нас. Один из них был водителем машины, второй пассажиром. Они стояли по обеим сторонам автомобиля, стреляя из пистолетов. Я упала плашмя на землю, будучи уверенной, что они хотели убить и меня тоже и что через мгновение я умру. Но потом услышала, как хлопают дверцы и машина отъезжает. Мой муж не кричал...

Я вскочила, побежала что есть сил к ближайшему дому и попросила вызвать полицию и скорую помощь. Когда я вернулась, вокруг моего мужа уже были люди, пытавшиеся ему помочь. Прибыла машина скорой помощи, и я поехала со своим мужем в госпиталь, и там мне сказали, что он мертв^[477].

Шеф «Моссада» Замир пытался представить дело так, что никакой трагедии не случилось^[478]. «Ни один из нас не может принимать только правильные решения. Неправильное определение цели – это не неудача. Это ошибка». Замир обвинил в произошедшем саму жертву: «Его поведение показалось подозрительным нашим людям, которые следили за ним. Он много ездил по городу. Цель этих поездок было трудно установить. Возможно, он занимался торговлей наркотиками».

Меири не присутствовал на месте операции, поскольку за день до нее порвал связку, и Харари отправил его в Израиль. По его версии событий, Бутики видели на встрече с известным боевиком ФАТХ Кемалем Бенамене. Поэтому Меири настаивал, что операция все равно прошла успешно. «Меня злит, когда ее рассматривают как неудачу, – говорил он. – Какая разница – ликвидирую я архиюбийцу или его заместителя?»

Однако убедительных доказательств того, что Бутики был чьим-то заместителем, не имелось. По правде говоря, он никак не был связан с терроризмом, и инцидент в Лиллехаммере был не чем иным, как хладнокровным убийством бедного уборщика бассейна.

А для «Кидона» проблемы только начинались^[479]. Пока шум вокруг операции стихал, Дан Арбель решил купить водопроводный вентиль и еще кое-какие вещи для своего дома, который строил в Израиле. Он положил их в багажник серой «вольво» – той машины, которую Харари приказал ему уничтожить, потому что свидетельница увидела

ее регистрационный номер. Однако Арбелю не хотелось тащить свои довольно тяжелые покупки, поэтому вместо того, чтобы избавиться от «вольво», он приехал на ней в аэропорт Осло вместе с Гладникофф.

Полицейские ожидали на пункте возврата машин в аэропорту^[480]. Арбель довольно быстро «раскололся» в ходе допроса, поскольку страдал клаустрофобией. «Только после операции, – говорил “Шауль”, – мы обнаружили в досье Арбеля сведения, что он страдал боязнью замкнутого пространства и сильно боялся поимки и допросов. Это было очень непрофессионально с точки зрения “Кесарии”. Человек пишет откровенную анкету, и никто ее не читает^[481]. Если бы мы ознакомились с откровениями Арбеля, то немедленно отстранили бы его от операции».

Арбель рассказал полиции, где искать Авраама Гемера и Сильвию Рафаэль. Их поиски привели к поимке еще двоих оперативников. Для норвежцев стало ясно, что это было «целевое» убийство и за ним стоял «Моссад». Документы, найденные у задержанных (которые израильские оперативники должны были уничтожить по прочтении)^[482], привели к обнаружению по всей Европе конспиративных квартир, тайных осведомителей, каналов связи и оперативных методов. Информация помогла силам безопасности Италии и Франции в расследовании «целевых» ликвидаций, которые производились в этих странах.

Шестеро задержанных были отданы под суд, что попало в газетные заголовки по всему миру и послужило причиной исключительных неприятностей в Израиле. Особенно досадным было то, что Арбель выдал все известное ему, даже номер телефона штаб-квартиры «Моссада» в Тель-Авиве. Израиль не признавал ответственности за убийство Бутики^[483], но предоставил судебную защиту и другую помощь осужденным. Суд счел, что за убийством стоял «Моссад». Пятеро из обвиняемых были признаны виновными и осуждены на сроки от одного года по пяти с половиной лет, но после нахождения в тюрьме в течение непродолжительного времени все они были освобождены благодаря секретному соглашению, заключенному между правительствами Израиля и Норвегии^[484]. После освобождения они были встречены в Израиле как герои.

Харари и Замир остались на своих постах, хотя инцидент, вероятно, разбил мечту Харари о том, чтобы стать шефом «Моссада».

«Лиллехаммер стал полным провалом, от тех, кто следил за объектом, и до тех, кто в него стрелял, от «Моссада» до самого государства Израиль, – говорил ветеран “Кесарии” Моти Кфир. – Каким-то чудом именно те, кто был прямо повинен в том, что случилось, вышли из этой ситуации без малейшего ущерба»^[485].

Этим чудом была Голда Меир, главная почитательница «Моссада»^[486]. Харари утверждал, что он и Замир признали свою ответственность за провал и просили у Голды Меир немедленной отставки. Но она не хотела и слышать об этом. Она заявила, что есть еще много важных дел, которые нужно исполнить, что мы нужны и должны остаться. В течение нескольких последующих недель, когда Харари пытался вызволить своих людей из тюрьмы, Голда приглашала его в свою скромную квартиру на севере Тель-Авива и, по словам Харари, «поила меня на своей кухне чаем и всячески старалась подбодрить».

И все же провал в Лиллехаммере сделал политику «Кесарии» гораздо более осторожной. 4 сентября Харари руководил большой операцией «Кесарии» и «Радуги» в Риме, в ходе которой выслеживалась группа «Черного сентября», возглавляемая Амином аль-Хинди, еще одним фигурантом списка объектов ликвидации за участие в мюнхенской трагедии. Эта группа действовала при поддержке ливийского диктатора Муаммара Каддафи, который вооружил ее шестью переносными зенитными установками SA-7 «Стрела», с помощью которых группа планировала сбить самолет El Al сразу после взлета из аэропорта Фьюмичино^[487]. Харари и его команда следовали за группой, когда она перемещала ракеты в квартиру в Остии – пригороде Рима, находившемся, по словам Харари, «на расстоянии выстрела из рогатки от аэропорта»^[488]. Террористы планировали запустить ракеты с крыши здания.

На расположенной поблизости детской площадке, где дети играли под присмотром матерей, Харари и Замир спорили с Меири, умолявшим их: «Разрешите мне пойти в квартиру. Я положу их всех за минуту и возьму ракеты».

Но после фиаско в Лиллехаммере Замир проявлял повышенную осторожность. Перекрывая настоятельные возражения Меири, он сказал: «Неемия, не сейчас. Мы проинформируем итальянские спецслужбы и попросим их заняться этим».

«И что мы получим от этого? – спросил Меири. – Арабы угонят итальянский самолет или создадут для итальянцев какую-то другую угрозу, и те их отпустят».

«Если их целью действительно является самолет El Al, то мы взорвем не только квартиру, но и все здание, но пока до того, как они решатся запустить эти ракеты, еще много часов, – ответил Харари. – Кроме того, когда мы взрывали Хамшари, мы знали, что бомба повредит только лампу и стол, а также разобьет ему голову. А здесь? Как я могу разрешить тебе открыть огонь в шестиэтажном доме, если мы не знаем соседей и не можем предугадать, кто еще пострадает? Может, в этом доме живет премьер-министр Италии? А может, его бабушка?»

Это не убедило Меири. Он еще сильнее разозлился, когда Замир приказал ему представлять «Моссад» в работе с итальянской полицией и показать им нужную квартиру, потому что Меири лучше всех говорил по-итальянски. «Если они увидят меня, я сгорю. Я никогда больше не смогу принимать участие в боевых операциях».

Харари постарался успокоить его. «Не волнуйся, Неемия. В Израиле есть прекрасные пластические хирурги. Мы сделаем тебе новое лицо, которое будет лучше, чем нынешнее. Иди и покажи им квартиру»^[489].

Итальянцы арестовали всех членов группы аль-Хинди^[490], но, как и предсказывал Меири, все они были освобождены через три месяца под давлением Каддафи.

В связи с инцидентом в Лиллехаммере подразделение «Кидон» было фактически расформировано. Поддельный итальянский паспорт, который в ходе операции использовал Меири, был раскрыт норвежской полицией во время расследования. Выезды Меири за границу были сильно ограничены. Вскоре он ушел из «Моссада».

12

Высокомерие

Несмотря на провал в Лиллехаммере, общее настроение в военном истеблишменте после операции «Весна молодости» оставалось эйфористичным^[491]. Появилось новое чувство уверенности, которое не ограничивалось только рамками «Моссада», но распространилось во всем израильском руководстве.

Через два дня после операции министр обороны взобрался на разрушенные стены горной крепости Масада^[492]. Именно здесь zeloty, восставшие против Римской империи, убивали себя и свои семьи, но не сдавались в плен врагу, создав один из главных символов героизма нации. Даян объявил: «Мы создадим новый Израиль в широких границах, не таких, как границы 1948 года... Нынешние дни благословлены для нас такими условиями, подобные которым наша страна вряд ли видела когда-либо в прошлом». Начальник Генерального штаба Элазар в письме к Замиру похвалялся, что «престиж Армии обороны Израиля достиг новых высот, а ее слава возросла»^[493]. Голда Меир 15 апреля 1973 года написала: «Возможно, придет день, когда легенды о героизме и стойкости, самопожертвовании и ревностном служении этих воинов будут передаваться в Израиле из уст в уста и целые поколения будут рассказывать о них с восхищением и гордостью, как о еще одной странице героического наследия нашего народа».

Однако уверенность может легко превратиться в излишнюю самоуверенность и породить ловушки, которые не ограничивались «Кесарией» и Лиллехаммером^[494]. Через сорок лет после бейрутского рейда командовавший его ударной группой Эхуд Барак, позднее ставший начальником Генерального штаба, премьер-министром и министром обороны, скажет, что это высокомерие имело катастрофические последствия для всей страны. «Оглядываясь назад, – говорил он, – мне кажется, что, когда мы вернулись той ночью из Бейрута, руководство страны сделало неправильные выводы из успеха операции. Это породило безосновательную самоуверенность.

Невозможно экстраполировать итоги хирургической, узкоцелевой операции на боеспособность целой армии, представляя дело так, что АОИ способна сделать все что угодно, что она всемогуща.

Они – премьер-министр, министр обороны и другие – видели, как мы в “Сайерет” и “Моссаде” получили приказ и в течение нескольких недель смогли его выполнить. И выполнили хорошо. Это дало им ощущение, что такие возможности являются нормальными для всей армии. Однако наши успехи и в Шестидневной войне, и в последующих операциях стали результатом тщательного планирования и оптимального использования фактора внезапности. Мы были инициаторами военных действий. Устанавливали их временные графики и определяли итоги.

А с нашим новым ощущением безопасности пришла и некоторая самоуспокоенность. Мы не думали, что противник сможет тоже застать нас врасплох и нанести нам такой же урон».

Непоколебимая вера в вооруженные силы и убежденность в том, что три ветви системы обороны страны – Армия обороны, Шин Бет и «Моссад» – могут оградить Израиль от любой опасности, создали у руководства страны ощущение, что не существует никакой срочной необходимости в достижении дипломатического компромисса с арабами. Однако за пределами Израиля многие думали по-другому.

В 1972 году госсекретарь США Генри Киссинджер начал серию дипломатических инициатив, нацеленных на достижение мирного соглашения или хотя бы пакта о ненападении между Израилем и Египтом^[495]. Он понимал, что, пока Израиль удерживал египетские территории, завоеванные им в 1967 году, Египет будет прилагать все усилия к тому, чтобы вернуть их обратно, и что новый разрушительный пожар на Ближнем Востоке является всего лишь вопросом времени.

Своей высшей точки эта дипломатическая инициатива достигла во время решающих встреч между Киссинджером и уполномоченным египетским представителем, которые прошли 25 и 26 февраля на конспиративной квартире ЦРУ в Армонке в Нью-Йорке. Представитель египетской стороны заявил, что его страна готова подписать мирное соглашение с Израилем, условием которого является признание суверенитета Египта над Синайским полуостровом с возможностью оставления там израильских войск. При этом

подразумевался их последующий полный уход с Синая в обмен на установление дипломатических отношений между двумя странами. Эти условия были беспрецедентно выгодными для Израиля. Однако президент Египта Анвар Садат одновременно предупредил, что, если эти условия не будут приняты до сентября, он откроет против Израиля военные действия.

Меир отказалась. «Мы пропускаем это предложение», – сказала она Киссинджеру.

Даян поддержал премьера. «Я предпочитаю иметь Шарм-эль-Шейх без мира, – сказал он, – чем иметь мир без Шарм-эль-Шейха»^[496].

К этому времени Египет и Сирия лихорадочно готовили вооруженные силы к войне: осуществлялись массовые перемещения войск в сторону передовых линий и обратно; проводились учения ВВС в связке с задействованием зенитно-ракетных комплексов, которые поставил им СССР; осуществлялась подготовка спецподразделений по использованию противотанковых управляемых реактивных снарядов «Малютка» (Sagger); проходили масштабные маневры по подготовке массированного форсирования Суэцкого канала. Все это с очевидностью свидетельствовало о подготовке к войне, но, не имея разведывательных данных, которые надежно подтверждали бы это, израильский оборонный истеблишмент отбрасывал эти признаки в сторону, считая происходящее всего лишь военными маневрами.

Элазар был убежден в том, что «Моссад» и АМАН смогут обеспечить Израилю предупреждение о начале войны хотя бы за 48 часов, чего было бы достаточно для мобилизации резервов^[497]. В любом случае он и его окружение не были слишком озабочены ситуацией, уверенные, как и раньше, что арабы боятся Израиля и не посмеют начать войну. Если же они сделают это, то израильтяне были уверены, что «переломают арабам кости» в кратчайшие сроки.

Они ошибались.

6 октября в 14:00 египетские и сирийские войска предприняли массированные концентрированные внезапные удары по Израилю^[498]. Этот день пришелся на главный еврейский праздник Йом-Кипур (День искупления, или Судный день), когда израильтяне, даже неверующие, постятся и ходят в синагоги или остаются дома. Поэтому израильских войск на линии соприкосновения было немного. Египтяне бросили в бой 2200 танков, 2900 бронемашин, 2400 артиллерийских орудий,

большое количество вооружений ПВО и средств борьбы с танками, а также сотни тысяч пехотинцев и спецназовцев. Большая часть из них была переброшена через Суэцкий канал. На Голанских высотах сирийцы ввели в Израиль 60 000 солдат, 1400 танков и 800 артиллерийских установок. И Египет, и Сирия также задействовали большую часть своих ВВС и ВМФ. Противостоявшие нападавшим израильские части имели численность всего несколько сот человек, в основном резервистов, которые были размещены на передовой для того, чтобы дать основным подразделениям возможность разъехаться по домам в святой для евреев день.

В течение первых нескольких дней арабам удалось одержать ряд заметных побед над израильтянами, которые помимо того, что были захвачены врасплох, еще и неправильно восприняли тактику противника. Египтяне создали огромный десантный плацдарм на синайской стороне Суэцкого канала, а сирийцы проникли глубоко внутрь территории Голанских высот и угрожали дальнейшим продвижением в Иорданскую долину и Галилею.

Однако благодаря героическим усилиям и самопожертвованию израильтянам удалось остановить вторжение противника и после 19 дней непрерывных контратак развернуть ситуацию в свою сторону. Египтян удалось выбить практически со всей территории их десантного плацдарма на Синайском полуострове. Израильские войска преодолели канал и после окружения крупных соединений противника на его западном берегу начали продвигаться в сторону Каира, приблизившись к нему на расстояние в 100 километров. Сирийцев выжали с Голанских высот, и израильские части продолжили свое наступление, пока не оказались на расстоянии артиллерийского выстрела от Дамаска.

Однако победа далась нелегко. Более 2300 израильских солдат погибло в войне Судного дня – войне, которую можно было предотвратить путем переговоров или хотя бы подготовиться к ней, надлежащим образом организовав предварительную разведку.

По Израилю прокатилась волна протестов, что привело к созданию специальной комиссии по расследованию и вынужденным отставкам начальника Генерального штаба Элазара и шефа военной разведки АМАН Зеира наряду с другими высшими офицерами. Война рассеяла, по крайней мере временно, бытовавшее в стране представление о

превосходстве Израиля в военном отношении и в плане деятельности спецслужб, а следовательно, и чувство безопасности. Хотя комиссия открыто не возложила вину на Меир или Даяна, под сильным давлением общественности премьер-министр 11 апреля подала прошение об отставке.

Месяц спустя, около 4:30 13 мая 1974 года, трое членов Демократического фронта освобождения Палестины, группы, подконтрольной ООП (и не связанной с НФОП), тайно проникли в Израиль из Ливана^[499]. До наступления ночи они прятались в придорожной канаве. Израильские пограничники обнаружили их следы, но найти не смогли. Под прикрытием темноты трое лазутчиков стали пробираться к Маалоту, городку, находящемуся в десяти километрах от границы и населенному преимущественно иммигрантами. По пути они устроили засаду на машину, в которой с работы домой ехали две женщины. Одну они убили, а другую ранили. На место происшествия был вызван патруль Армии обороны Израиля, но схватить преступников не удалось.

В 3:30 трое мужчин подошли к дому на окраине городка. Двое из них родились в Хайфе и знали иврит. Они сказали находившимся в доме людям, что являются полицейскими, разыскивающими террористов. Когда хозяйева открыли им дверь, палестинцы ворвались внутрь и убили Йосефа и Фортуну Коэнов, их четырехлетнего сына Моше, и ранили их дочь Биби. Они не заметили 16-месячного Ицхака, глухонемого мальчика, который не издал ни звука. Покинув дом, террористы натолкнулись на Якова Кадоша, работника местного муниципалитета, и потребовали, чтобы тот показал им дорогу к школе. Он указал им путь, после чего они выстрелили в Якова и ранили его.

Трое преступников подошли к школе Нетив Меир и решили залечь там в засаде, чтобы дожидаться детей, которые должны были прийти на следующее утро. Они не ожидали обнаружить в здании 85 подростков в возрасте от 15 до 17 лет и 10 взрослых, которые расположились там на ночлег. Дети были из религиозной школы в Сафеде и находились в районе Маалот на двухдневной экскурсии. Когда на место прибыли силы безопасности, террористы прокричали им, что если двадцать их товарищей, находящихся в израильских тюрьмах, не будут освобождены к 6:00, они убьют всех заложников.

Обычно агрессивная Голда Меир, которая еще не была сменена на посту премьер-министра, готова была уступить требованиям палестинцев^[500]. После шока, испытанного в ходе войны Судного дня, выводов комиссии по расследованию и яростных демонстраций против нее, Меир не хотела, чтобы последним ее действием в качестве премьер-министра был шаг, который поставил бы под угрозу жизни детей. Кабинет согласился с ее рекомендациями. Однако с ними не согласился министр обороны Моше Даян, который тоже подлежал замене на своем посту. Итоги войны Судного дня оказали на него противоположный эффект: после того как тысячи протестующих в Тель-Авиве потребовали его отставки, Даян понял, что его политическая карьера близится к унижительному завершению, и решил продемонстрировать решимость и власть. «Единственный путь справиться с террористами – это не давать им того, что они хотят, и не позволить им выбраться отсюда живыми. Нам необходимо убить их», – потребовал он от премьер-министра. В конце концов Меир согласилась. В 5:15 спецподразделению «Сайерет Маткаль» был отдан приказ о штурме школы.

На этот раз подразделение «Сайерет» оказалось не соответствующим уровню задачи^[501]. Сделавший первый выстрел снайпер лишь легко ранил свою цель, а группа захвата, которой командовал Амирам Левин, ворвалась не в тот класс и не на том этаже. Террористы ответили очередями из автоматов и начали забрасывать гранатами то помещение, в котором держали заложников. Поскольку те были очень религиозными, то сидели отдельно – мальчики вдоль стен, девочки – посередине. Поэтому основной огонь пришелся именно на девочек. За те тридцать секунд, которые потребовались «Сайерету», чтобы добраться до террористов и уничтожить их, были убиты 22 школьника (18 из них – девочки), четверо взрослых и один военный. Было ранено 68 человек, включая каждого выжившего заложника.

Это был постыдный конец политической карьеры Голды Меир. 3 июня 1974 года ее сменил Ицхак Рабин, начальник Генерального штаба периода Шестидневной войны и бывший посол в США. Рабину в ту пору было 52 года, он стал тогда самым молодым премьер-министром и первым евреем-саброй (то есть родившимся в Израиле) в истории Израиля. Он принципиально отличался от Меир тем, что если

она почти полностью полагалась на рекомендации советников по делам обороны и спецслужб, то Рабин самым тщательным образом вникал во все детали военных и антитеррористических операций.

А таких операций предстояло много.

Нападение на Маалот было лишь началом новой волны террора, порожденной операцией «Весна молодости».

В связи с гибелью трех своих лидеров в Бейруте ООП претерпела ряд организационных и структурных изменений. В «Моссаде» считали, что операция оказала на палестинцев отрезвляющее действие^[502]. «Она внедрила в их сознание страх», – сказал Шимшон Ицхаки.

«Она вынудила их прятаться и убегать, – добавлял Харари. – Нам удалось нарушить их порядки. Ведь не случайно Арафат перестал спать в одной и той же кровати две ночи подряд»^[503].

С другой стороны, «Весна молодости» усилила и позиции Абу Джихада^[504]. Многие его внутренние соперники благодаря усилиям Израиля были к тому времени устранены. После «Весны молодости» Арафат и Абу Джихад решили прекратить деятельность «Черного сентября» и атаки на цели за пределами Израиля и оккупированных территорий. Некоторые журналисты и историки, включая и известных палестинцев, полагают, что лидеры ООП пошли на это, осознав, что террористические акты против израильтян и евреев в западных странах больше вредят палестинскому делу, чем помогают ему. Несомненно, они также понимали, что в тот самый момент, когда они совершали террористический акт в Европе, они обеспечивали легитимность осуществлявшихся Израилем на континенте «целевых» ликвидаций их людей, делая цену таких террористических атак непомерно высокой.

Другие считают, что свою роль в этом сыграл тот факт, что в 1974 году ООП приобрела некоторый международный авторитет, поскольку Арафат был приглашен выступить на Генеральной Ассамблее ООН. Видимо, правда лежит где-то посередине.

Как бы то ни было, в качестве руководителя Верховного военного командования ООП Абу Джихад приказал, чтобы все террористические атаки направлялись только на цели «в пределах оккупированной родины». Террористы проникали в Израиль из Европы через аэропорты и морские порты, пересекали границу с

Иорданием или, как те трое, что атаковали Маалот, совершали рейды с территории Ливана.

Нападение на Маалот, организованное ДФОП, отражало стратегию Абу Джихада. Это была самая кровавая атака палестинцев со времени мюнхенской Олимпиады и самая крупная по количеству жертв из числа осуществленных через границы Израиля. Она не была последней; а лишь указывала на то, чего предстояло ожидать.

Примерно в 23:00 5 марта 1975 года восемь боевиков Абу Джихада вошли в территориальные воды Израиля на корабле, который был замаскирован под египетское торговое судно. В темноте безлунной ночи террористы перебрались в резиновую лодку и высадились на песчаном побережье возле Тель-Авива. Они прошли по песку на улицу, а потом залили приморскую набережную Эспланада Герберта Самуэля огнем из автоматов.

Их корабль специально был закамуфлирован под египетский, поскольку террористы хотели приурочить диверсию к визиту на Ближний Восток госсекретаря США Генри Киссинджера, который не оставлял попыток добиться мира между Израилем и Египтом.

Террористы захватили гостиницу Savoy Hotel, бюджетное заведение в квартале от побережья. Нападавшие ворвались в лобби, убили клерка на ресепшн и согноли всех найденных ими постояльцев в одно помещение.

Это был «первый случай, когда террористам удалось заслать группу боевиков в сердце страны», говорилось в секретном военном докладе об инциденте сразу по его завершении^[505]. Палестинцы оказались настолько близко к микрорайону Кирия^[506], где раньше жили немецкие темплеры и где располагались штаб-квартиры израильских вооруженных сил и спецслужб, что одна из шальных пуль, выпущенных ими из автомата АК-47, пробила окно и упала в конференц-зале, где собралось высшее командование Армии обороны Израиля.

В гостинице Savoy восемь вооруженных автоматами АК-47 и гранатометами террористов установили несколько взрывных устройств в помещении, где держали 11 заложников (еще 8 гражданских лиц спрятались в разных местах в отеле). Террористы угрожали убить всех заложников, если в течение четырех часов не будут освобождены 20 палестинских заключенных.

Кроме того, палестинцы объявили, что их атака является возмездием за операцию «Весна молодости», хотя со времени ее проведения прошло уже два года.

Всю ночь шли напряженные переговоры, осуществлявшиеся через одного из заложников – энергичную молодую женщину по имени Кохава Леви, которая говорила по-арабски и передала израильтянам много ценной информации о том, что происходило в отеле. Она убедила террористов разрешить ей вывести из здания тяжело раненного немецкого туриста, который в перестрелке потерял ногу и лежал в лобби. И хотя женщина могла остаться снаружи, она смело вернулась назад, чтобы помочь с переговорами.

Однако у Израиля не было ни малейшего намерения освобождать палестинских заключенных. Вместо этого, пока израильский переговорщик тянул время, «Сайерет Маткаль» спешно планировала спасательную операцию. В 5:16 44 спецназовца пошли на штурм отеля. Они убили семерых террористов и позже одного захватили. Однако освободить удалось только 11 заложников. Восемь гражданских были убиты, когда террористы поняли, что против них предпринята атака, и взорвали заложенную взрывчатку. Были убиты еще трое военных, включая старшего офицера, который в прошлом командовал этим подразделением и пошел вместе с группой захвата в отель.

Инцидент был расценен как еще один очевидный провал в их казавшейся бесконечной череде^[507]. «Это было тяжелое время, – говорил Омер Бар-Лев, боец отряда “Сайерет Маткаль”, который принимал участие в штурме отеля и впоследствии стал командиром подразделения. – Каждые несколько недель нас поднимали по тревоге посреди ночи, сажали в вертолет и перебрасывали на место очередной террористической вылазки. Мы знали, что должны покончить с проблемой за те несколько часов, что были у нас до рассвета. Хотя все это происходило в Израиле, характер операций отличался от того, к чему привыкло подразделение, – вся инициатива, весь эффект неожиданности, все планирование принадлежало противнику. Это было страшно».

Поскольку атаки продолжались, было ясно, что Израилю следовало удвоить усилия по уничтожению руководства ООП. Но даже когда «Кидон» действовал в полную мощь, «Моссаду» было трудно

действовать в «целевых» странах типа Ливана, где жили руководители палестинской террористической организации. Более того, там после операции «Весна молодости» были приняты существенные дополнительные меры безопасности. Использование оперативников «Моссада» для ликвидации лидеров ООП теперь рассматривалось как непрактичная, если не невозможная тактика.

Вместо этого Израиль обратился к потенциалу военно-воздушных сил. В середине августа 1975 года агент «Моссада» в ФАТХ сообщил^[508] о том, что ООП планирует пропагандистское мероприятие на стадионе Al Madina Al Riyadiyyah в Южном Бейруте 1 октября и что за час до мероприятия все руководство ФАТХ соберется в близлежащем офисе. В этом израильтяне увидели отличную возможность избавиться от Ясира Арафата, Халила аль-Вазира (Абу Джихада), Фарука Каддуми, Хани аль-Хасана, Вади Хаддада и многих других высших руководителей ООП одним махом. Премьер-министр Ицхак Рабин распорядился немедленно подготовить план операции.

Если начальник Генерального штаба и командующий ВВС выступали за атаку, то руководитель военной разведки АМАН, генерал Шломо Газит, был категорически против^[509]. «Я сказал министру обороны Шимону Пересу, что мы не должны ввязываться в такую открытую акцию. Я был готов всеми силами бороться с терроризмом, но только в формате тайных операций, которые не оставляли после себя визитных карточек. Были израильтяне, которые не стыдились «целевых» убийств. Мое отношение было противоположным: я их стыдился. Я сидел спокойно и не хвастался ими».

Однако возражения Газита не приняли во внимание^[510], и планирование операции началось. Майор Авием Селла, восходящая звезда военно-воздушных сил, был назначен координатором операции. В ней планировалось задействовать восемь штурмовиков A-4 Skyhawk и один истребитель-бомбардировщик F-4 Phantom. Были подготовлены вертолеты на случай, если кто-то из летчиков будет сбит, потерпит аварию и будет нуждаться в спасении. Все шло согласно плану.

Но прогноз метеорологов в день операции предсказывал плотную облачность над Бейрутом. Поскольку состоявшие в то время на вооружении израильских ВВС бомбы не имели систем всепогодного точного наведения, точность попадания по целям гарантировать было нельзя. «Однако возможность была такой манящей, такой

представляющейся раз в жизни, – говорил майор Селла. – И вся эта масштабная подготовка – была задействована большая часть наших ВВС. Мы решили проводить операцию. Я сказал Бенни (Пеледу, командующему ВВС): “Давай попробуем – посылай самолеты, и, может, случится чудо”».

Пилоты подняли самолеты в воздух, надеясь, что небо расчистится. Однако небеса не подчинились, и когда они достигли Бейрута, над ним все еще висели облака.

Но, как признавал впоследствии Селла, «он не принял во внимание мотивацию пилотов». Им приказали не сбрасывать бомбы, если они не видели цели. Однако эта формулировка оставляла значительное место для их инициативы. Они знали характер своих целей и прекрасно понимали важность для Израиля ликвидации руководства ООП.

Летчики опустили ниже предписанной приказами нижней кромки облаков. Когда они увидели, что находятся прямо над целями, они сбросили бомбы, взрыватели которых приводились в боевое положение по проводам из самолетов. Но поскольку самолеты летели ниже, чем было запланировано, для активации взрывателей времени не хватило, и бомбы упали на землю и крыши зданий, не разорвавшись, как «выброшенные яйца», по словам Селлы.

Убит был только водитель Абу Джихада, раздавленный одной из невзорвавшихся бомб. На следующий день бейрутская газета поместила карикатуру, на которой мальчик писал на израильскую бомбу. Абу Джихад приказал провести расследование, чтобы установить, кто передал израильцам сведения о встрече палестинского руководства. Через три месяца был раскрыт и казнен еще один ценный источник «Моссада».

Хотя ФАТХ сконцентрировался на террористических операциях внутри Израиля, НФОП продолжал губительные атаки на израильские и еврейские цели за границей, особенно в Европе^[511]. Боевики Фронта взрывали синагоги, представительства Израиля и офисы авиакомпании El Al. Они захватывали самолеты, направляющиеся в Израиль, в чем приобрели существенный опыт.

Жорж Хабаш по-прежнему являлся лидером НФОП, однако поистине блестящим оперативным мастерством владел его заместитель, Вадей Хаддад^[512].

«Это был виртуоз в тайной переброске взрывчатки к месту проведения акций и ее сокрытии», – говорил Илан Мизрахи, который курировал агентов внутри организации Хаддада. «Он предпочитал действовать очень продуманно, иногда издалека, после тщательного планирования, – добавлял Шимшон Ицхаки, руководитель контрразведывательных операций “Моссада”. – Подготовка, которую он обеспечивал для своих людей на базе в Южном Йемене, была на порядок выше, чем то, с чем мы обычно сталкивались»^[513].

Другие люди также восхищались талантами Хаддада^[514]. КГБ предоставлял Хаддаду щедрую помощь для того, чтобы достичь некоторых собственных целей через деятельность НФОП, разумеется, сохраняя секреты, как писал руководитель Комитета Юрий Андропов советскому лидеру Леониду Брежневу в 1969 году. Хаддад атаковал цели, связанные с ЦРУ, а в обмен получал деньги, боевую подготовку людей, современное оружие и разведывательные данные от КГБ и восточногерманской Штази.

Хаддад был независим и решителен^[515]. Когда Хабаш объявил в руководстве НФОП, что подумывает согласиться, пусть временно, с требованием Арафата о том, что террористические акции за пределами Ближнего Востока следует приостановить, Хаддад заявил, что Хабаш может делать что хочет, но что он и его люди продолжают действовать в прежнем ключе.

Долгие годы Хаддад планировал крупную операцию, которая должна была потрясти мир. Он потратил на ее планирование и сбор необходимой разведывательной информации много времени, но постоянно откладывал акцию из-за различных оперативных проблем. Одна из таких проблем заключалась в том, что ему нужны были исполнители с европейской внешностью. В середине 1975 года у этой проблемы неожиданно появилось решение.

У ООП были прекрасные связи с некоторыми боевыми левацкими организациями в Европе^[516]. ООП даже организовала для них лагеря подготовки в Ливане и Южном Йемене, который был тесно связан с Советским Союзом и занимал крайние антиизраильские позиции.

Особенно тесные отношения сложились у Хаддада с фракцией Красной армии Западной Германии (RAF), также известной как группа «Баадер – Майнхоф»^[517]. Ее члены исповедовали марксизм анархистского толка и применяли тактику городской партизанской

борьбы, нападая на правоохранные органы и крупный бизнес. Они видели в Израиле, угнетавшем палестинцев, еще один фронт войны с империализмом.

Двое членов фракции, Томас Рейтер и Бригитта Шульц, только что освобожденные из тюрьмы, ускользнули из Германии и оказались в тренировочном лагере НФОП возле Адена, где соединились со своими товарищами по RAF. Это были те представители западной цивилизации, которые были нужны Хаддаду.

Трем боевикам НФОП^[518] было приказано ожидать за пределами аэропорта в Найроби, Кения, прилета самолета компании El Al, а двое немцев находились в терминале у табло прилета, с тем чтобы узнать точное время приземления авиалайнера и предупредить группу, находившуюся снаружи.

Сразу после пролета самолета над ними группа НФОП должна была выстрелить по нему из переносного зенитного комплекса «Стрела» SAM-7.

В течение двух предшествующих месяцев^[519] эти люди тренировались в стрельбе из подобных зенитно-ракетных комплексов и изучали чертежи аэропорта Найроби, сделанные в ходе предварительной рекогносцировки, осуществленной НФОП на месте. Они нашли точку за пределами аэропорта немного на запад от него, где росли высокие деревья и колючие растения типа кактусов, между шоссе Момбаса и забором Национального парка Найроби. С этого места была ясно видна взлетно-посадочная полоса аэропорта.

За неделю до операции две «Стрелы», предоставленные Хаддаду КГБ, были контрабандой ввезены в Кению. Восемь членов ударной группы прилетели в страну порознь по поддельным паспортам за девять дней до акции и поселились в отеле в центре города.

Все уже было готово к атаке, когда «Моссад» получил наводку на этот заговор от агента «Ицавона».

Внутри «Моссада» разгорелся спор^[520]. Руководитель подразделения «Перекресток» Шмуэль Горен, который больше всего заботился о безопасности «Ицавона» и боялся, что, если «Моссад» раскроет детали террористической атаки кенийским властям и поможет им предотвратить ее, в группе Хаддада поймут, что у «Моссада» есть в его окружении агент с доступом к секретной информации. Это могло означать конец для «Ицавона». Горен

предложил осуществление антитеррористической операции «еврейскими силами», то есть «целевую» ликвидацию террористов оперативниками «Кидона», «без передачи информации местным властям».

Напротив, руководитель Управления по связям с иностранными спецслужбами (Тевель) Наум Адмони, который в течение долгого времени отвечал за операции «Моссада» в Африке и хорошо знал президента Джомо Кениату и руководителей спецслужб страны, был категорически против проведения такой акции «под носом у местных».

Имелись и организационные соображения: «Кидон» только начал реорганизацию после катастрофического провала в Лиллехаммере, и «мы понимали, что одновременно ликвидировать несколько человек с зенитными ракетами в руках будет весьма сложно», говорил бывший руководящий сотрудник «Моссада» Элизер Цаффрир^[521].

Ицхак Хофи, в прошлом генерал, который стал директором «Моссада» после Замира в 1974 году, встретился с партнерами из ЦРУ в Лэнгли и был проинформирован там о ситуации. Он послал зашифрованную телеграмму Рабину со своими рекомендациями: сотрудничать с кенийскими властями и не привлекать «Кидон».

«Принцип не изменился: если кто-то убивает еврея, то сам умрет кровью, – говорил Ицхаки. – Но убивать людей каждый день невозможно. “Целевые” убийства несут с собой огромный риск для наших людей и таят опасность испортить отношения со странами, в которых мы их осуществляем – в данном случае с Кенией. В подобного рода операциях существует правило: не совершать ненужных вещей. У вас есть цель, вы выполняете задание и уходите. Забудьте обо всем остальном. Наша приоритетная задача в том, чтобы ничего не случилось с самолетом El Al, а также в том, чтобы максимально обеспечить безопасность нашего источника»^[522].

Так что вместо попытки ликвидировать террористическую группу израильтяне прибегли к помощи кенийских спецслужб^[523]. Поздней ночью в пятницу 23 января 1976 года группа израильских спецназовцев в количестве 17 человек вылетела с базы ВВС № 27 в Израиле в направлении Найроби^[524]. Операции присвоили кодовое наименование «Изжога». «Нами владело большое беспокойство, – вспоминал Цаффрир, который был вместе с группой в самолете. – На

карту было поставлено так много жизней, которые зависели от нас и успеха нашей операции»^[525].

Как только группа приземлилась, Адмони встретился с офицерами кенийских спецслужб для того, чтобы проинформировать о предстоящей операции. Кенийцы были в шоке. Президент Кении был особенно разгневан тем, что в заговоре участвовала Сомали. Кенийцы охотно согласились сотрудничать – им было приятно, что «Моссад» не стал действовать в одиночку «у них под носом». Они настаивали на том, чтобы израильтяне раскрыли им свои источники, чтобы быть уверенными в том, что будут действовать на основе надежной информации, но Адмони их просьбу вежливо отклонил.

Объединенная израильско-кенийская команда^[526] в скором времени идентифицировала немцев и палестинцев и взяла их под плотное наружное наблюдение. Группа установила также белый микроавтобус с номером KPR 338, в котором были спрятаны ракеты. Позже группа проследовала за тремя палестинцами, снаряженными для проведения рекогносцировки на местности.

25 января рейс El Al LY 512 готовился к взлету из аэропорта Йоханнесбурга, направляясь в Тель-Авив^[527]. Самолет Boeing 707 со 150 людьми на борту должен был совершить промежуточную посадку в Найроби в 17:00. Незадолго до этого три палестинца и двое немцев выехали на своем белом микроавтобусе и еще одной машине. Первую остановку они сделали в терминале, чтобы высадить немцев. Затем покинули аэропорт и выехали на шоссе, прежде чем свернуть направо на размытую грунтовую дорогу, которая и вела к запланированному ими месту запуска ракет. Еще до того, как они туда добрались, оперативники кенийских спецслужб захватили их. Сразу же после этого были схвачены и двое немцев, находившихся у стойки авиакомпании El Al в аэропорту. Все пятеро сдались без сопротивления.

До этих пор кенийцы в полном объеме взаимодействовали с израильтянами^[528], но они не хотели никаких утечек об операции, опасаясь сильного давления со стороны арабов на форумах стран третьего мира и африканских публичных мероприятиях, если данное дело станет достоянием общественности. Кенийцы предложили два решения: «Или мы вывозим их в пустыню и скормливаем гиенам», или

израильтяне забирают арестованных, пообещав, что никогда не раскроют миру, что пленники находятся в их руках.

Израильтяне надеялись, что смогут выжать из террористов больше информации о Хаддаде и его деятельности, поэтому выбрали второй вариант: боевики «исчезают», конспиративно вывезенные в Израиль, где будут содержаться в изоляции в жесточайших условиях, а потом будут преданы тайному суду. Это был, пожалуй, первый случай, когда Запад втягивался в мероприятия, которые после 11 сентября ЦРУ назовет «выдачей» – тайные, недокументируемые внесудебные акции по перемещению подозреваемых из одной страны в другую.

Следователи из подразделения 504 АМАН и военный врач вылетели в Найроби. Пятеро пленников были привязаны к носилкам и находились под действием транквилизаторов перед шестичасовым перелетом в Израиль.

Тем временем в Тель-Авиве некоторые официальные лица переосмыслили вывоз террористов в Израиль^[529]. Генерал Рехавам Зеэви, советник премьер-министра по антитеррору и разведке, предложил Ицхаку Рабину альтернативу. «Давайте сбросим пять этих праведных душ в Красное море и покончим с проблемой, – сказал он. – Кенийцы хранят молчание об этой истории. Никто не знает, что эти люди были схвачены. У нас есть информация о том, что Вадей Хаддад пообещал им в случае их поимки захватить самолет и потребовать их освобождения. Если мы привезем их в Израиль и произойдет утечка этой информации, это только разожжет новую волну террора против нас. Давайте завершим это сейчас».

Рабин посмотрел на Зеэви и долго молчал. Затем приказал советнику созвать срочное совещание кабинета по вопросу «целевых» ликвидаций.

«Что вы скажете?» – спросил Рабин собравшихся министров после того, как они выслушали предложение Зеэви. Все согласились с тем, что если пленники будут доставлены в Израиль, жизнь путешествующих израильтян повсюду в мире будет в опасности. Рабин согласился с этой оценкой, но отказался подписать приказ о казни находившихся под действием транквилизаторов пленников, «если только на это не согласится генеральный прокурор». «Позовите Аарона», – сказал Рабин.

Аарон Барак, который позднее станет председателем Верховного суда Израиля, самый известный в Израиле юрист, молча выслушал описание тайной операции и предложение сбросить преступников в море^[530]. «Вы закончили? – спросил он Зееви, когда тот окончил свое выступление. – Это хорошо, – сердито произнес Барак. – Потому что я думаю, вы не в своем уме. Есть два гражданина Германии, которых вы хотите убить, пока они связанными и одурманенными находятся на израильском военном самолете. Ни в коем случае не могу утвердить такую акцию».

Трое палестинцев и двое немцев приземлились в Израиле и были доставлены в секретный следственный изолятор подразделения 504 на базе под кодовым названием «Труба» к юго-востоку от Тель-Авива. Их поместили в темные одиночные камеры с голыми стенами и все время накачивали транквилизаторами. «По мере того как террористы стали приходить в себя, – мы решили поиграть с ними в привидения, – рассказывал руководитель следственного отдела Шин Бет Ариех Хадар. – Пока они просыпались, мы надели маски и выли, изображая, будто бы наши пленники оказались в потустороннем мире»^[531].

Израильтяне хотели узнать от террористов максимум о деятельности НФОП и, возможно, даже о том, где можно найти Вадея.

Старший следователь подразделения 504, У., подполковник по званию^[532], который носил ермолку в знак того, что является ортодоксальным евреем, и был известен своими крайне правыми политическими взглядами, занялся тремя палестинцами. У. был человеком, который осуществлял психологическую подготовку спецназовцев Армии обороны на случай их попадания в плен. При этом он организовывал симуляцию жестоких условий содержания «пленных» и пытки. Незадолго до прибытия пятерки террористов из Найроби он нанес тяжелую травму позвоночника одному бойцу «Сайерет Маткаль», когда избивал его дубинкой. Несколько месяцев спустя после этого инцидента один из схваченных палестинцев на допросе у У. потерял сознание и был доставлен в госпиталь, где скончался.

«У. не убивал его. Он не убивал его. Просто палестинец умер, – говорил Игал Симон, в то время руководитель отряда 504. – Это был продолжительный допрос. Очень продолжительный. Допрашиваемого

били, но позднее было установлено, что его смерть с избиениями не связана. Это подтвердило и посмертное вскрытие»^[533].

Когда трое доставленных из Кении арабских боевиков поступили в распоряжение У., он «работал с ними очень жестко», как сказал один из оперативников Шин Бет. Один из них был тяжело травмирован и тоже отправлен в госпиталь, но поправился.

К немецким пленникам относились по-другому. Их вежливо допрашивали следователи Шин Бет. Следственный изолятор посетил начальник АМАН генерал Шломо Газит. «Эта женщина (Шульц) произвела прекрасное впечатление, – сказал он. – Очень сильная женщина, хорошо контролирующая себя и окружающую обстановку. Парень оказался размазней»^[534].

В конечном счете Хадар, который вел допрос одновременно спокойно и хитро, смог многое выжать из Шульц благодаря своей мягкой манере и невинной внешности.

Оба немецких пленника во всем сознались, признали себя виновными и сообщили информацию о Хаддаде. «Они рассказали нам много, включая данные о будущих террористических атаках, – сказал Хадар. – Все это время женщина из “Моссад” (переводчица с немецкого на иврит) сидела там и шептала мне на иврите: “Как же мне хочется убить ее”».

«Прежде чем мы расстались, я взял ее за руку и спросил: “Бригитта, давайте представим, что когда-то вы вернетесь в Германию и ваши друзья скажут вам, что вы должны убить Гарри (под этим именем она знала меня). Как вы поступите?” И она не моргнув глазом ответила: “Я не смогла бы убить вас, Гарри, после всего, что вы для меня сделали”.

Мне было приятно услышать это. Я подумал, что, может, хоть чуточку что-то в ней изменилось к лучшему. А потом она добавила: “Я бы попросила кого-нибудь еще застрелить вас”»^[535].

27 июня 1976 года, через шесть месяцев после срыва атаки террористов в Кении, Рабин и его кабинет собрались на совещание в офисе премьер-министра, в районе Кирьят-Сарона в Тель-Авиве.

Присутствующие обсуждали предложение министра обороны Шимона Переса об увеличении денежного содержания военнослужащим Армии обороны, когда в 13:45 военный секретарь Рабина вошел в зал и вручил премьеру записку^[536]. Неожиданно лицо Рабина помрачнело. Он откашлялся и попросил всеобщего внимания.

«Прежде чем мы продолжим, я должен сделать важное объявление, – сказал он. – Потеряна связь с самолетом авиакомпании Air France, вылетевшим из Лода в 9:50. Судя по всему, он захвачен угонщиками. Видимо, летит в другом направлении. На борту около 83 израильтян».

Помощник премьера по военным вопросам Эфраим Поран сказал Рабину, что спецслужбам пока неизвестно, какие преступники захватили самолет, и что он сообщит ему об этом, как только поступит больше информации.

Был момент, признавался Рабин позднее одному человеку из своего окружения, когда он пожалел, что не разрешил сбросить тех пятерых террористов из Найроби в море.

«Не нужно подробностей, – сказал Рабин Порацу. – Я и так знаю. Это Вадей Хаддад».

На сей раз угонщиков было четверо – двое из НФОП и двое немецких леваков-экстремистов^[537]. Они сели в направлявшийся в Париж самолет во время остановки в Афинах, а после взлета встали, вытащили оружие и бросились в кабину пилотов, приказав им лететь в Бенгази для дозаправки и чтобы забрать еще троих террористов, а потом в аэропорт Энтеббе, Уганда.

Вадей Хаддад еще раз доказал, что является лучшим стратегом в террористическом сообществе. Он учел свои и чужие ошибки и разработал масштабную операцию, основанную на точной разведывательной информации, тщательной подготовке и координации по меньшей мере с двумя диктаторами – Муаммаром Каддафи в Ливии и Иди Амином в Уганде, оба предоставили угонщикам логистическую поддержку и укрытие вдали от зоны досягаемости Израиля.

Амин, бывший боксер и сержант британской армии^[538], захватил власть в Уганде с помощью «Моссада» и Министерства обороны Израиля, поддерживавших тайные контакты с этой африканской страной. В обмен на взятки, которые Амин получал в чемоданах с двойным дном, он отдавал Израилю большие гражданские и военные контракты и предоставил «Моссаду» свободу действий в Уганде.

Однако кровожадности и жестокости у Амина было не меньше, чем страсти к деньгам, и в 1972 году, когда Каддафи стал давать ему более крупные взятки, чем Израиль, он изгнал израильских представителей и стал убежденным врагом этой страны. Он согласился принять

угонщиков самолета и их заложников в аэропорту Энтеббе, за 3500 километров от Израиля.

Хаддад был уверен, что у Израиля не будет другого выбора, кроме переговоров с ним^[539]. В Энтеббе его боевики освободили 209 пассажиров, которые не были гражданами Израиля или евреями, и 12 членов экипажа самолета Air France, хотя экипаж, в смелом порыве солидарности, заявил о готовности остаться на борту с 83 израильтянами и 8 пассажирами-евреями, не имевшими израильского гражданства. Террористы потребовали освобождения 53 «борцов за свободу» в обмен на жизни израильских и еврейских заложников^[540]. Это требование было передано через Иди Амина, который сам вышел на израильские власти. Список «борцов за свободу» включал в себя архиепископа Иллариона Капуччи, священника, использовавшего дипломатический статус для того, чтобы доставить в багажнике личного «мерседеса» большую партию оружия ячейкам ФАТХ в Иерусалиме; Кодзо Окамото, одного из участников кровавой бойни в аэропорту Лод в 1972 году; а также пятерых террористов, которые участвовали в операции в Найроби и которых Хаддад считал находящимися в руках израильских или кенийских спецслужб.

«Моссад» бурлил. Теперь уже многие в разведке сожалели, что не сбросили «пятерку из Найроби» в море. Во время совещания руководства спецслужбы Цаффрир воскликнул: «Они хотят получить этих пятерых? С удовольствием. Давайте отправим их в Уганду и сбросим с самолета на крышу терминала аэропорта, чтобы Хаддад понял, что это все, что он может от нас получить»^[541].

Тем временем в Армии обороны Израиля планировалась крупная операция с участием большого числа спецназовцев, которые должны были приземлиться возле озера Виктория, затем окружить весь аэропорт и захватить значительную территорию вокруг него. Рабин слушал изложение плана с возрастающим раздражением^[542].

«За то время, которое потребуется, чтобы окружить эту территорию, террористы перебьют всех заложников, а у Иди Амина будет возможность подтянуть подкрепления», – мрачно произнес премьер.

«Рабин сказал Армии обороны, что хочет видеть план, по которому пройдет не больше трех минут с момента приземления антитеррористических сил до момента начала операции по спасению заложников», – сказал генеральный директор канцелярии премьер-

министра Амос Эйран. На таком расстоянии, при отсутствии каких-либо разведывательных данных, это казалось немыслимым требованием.

В условиях отсутствия реальных альтернатив Рабин склонялся к тому, чтобы принять требования угонщиков. Он ненавидел эту идею, но не находил другого пути спасти сто с лишним невинных жизней. Но такое решение нарушит железное правило, установленное Голдой Меир и принятое впоследствии в качестве официальной политики Израиля: никаких переговоров с террористами. Директор Шин Бет Аврам Ахитув требовал, что если действительно другого пути нет, предметом обмена должны стать по крайней мере заключенные, «у которых нет на руках крови»^[543], – фраза, позднее неоднократно звучавшая в таких ситуациях. Иными словами, речь шла о том, что функционеры ООП низкого уровня, которые не были прямо вовлечены в пролитие крови израильтян, могли рассматриваться в качестве кандидатов на освобождение. «Любой, кто убил еврея, – говорил Ахитув, – должен либо быть ликвидирован, либо умереть в тюрьме, будучи приговоренным к пожизненному сроку».

Дискуссия продолжалась четыре дня. За воротами Кирьята бушевали демонстрации родственников заложников, которые были слышны в офисе премьер-министра. Среди заложников оказалась дочь директора главной израильской АЭС. Он имел доступ к Рабину и оказывал на премьера сильное давление в пользу достижения компромисса с террористами.

В довершение всего Рабин получил секретный доклад из Бюро военной цензуры о том, что оно запретило публикацию в израильской газете статьи с подробностями операции «Изжога». Ахитув проинформировал Рабина, что приказал поставить телефон репортера на прослушивание, но пока источник утечки секретных сведений установить не удалось. Рабин был в ярости: «Я действительно в шоке... В этой стране невозможно схватить военного корреспондента, посадить его под замок и хорошенько допросить, откуда он взял секретную информацию... Эта утечка будет катастрофой для нас»^[544].

Рабин понимал, что нарушение обещания, данного Израилем Кениате о сохранении в абсолютной тайне дела «пятерки из Найроби», приведет к кризису в отношениях с Кенией. Более того, раскрытие дела могло представить Израиль, который теперь просил у мирового

сообщества поддержки в борьбе с захватчиками самолетов, пиратским государством, использующим подобные же террористические методы. С другой стороны, как мог Израиль вести переговоры с террористами, если и он сам, и Кения отрицали наличие сведений об их местонахождении?

В конечном счете «Кесария» разработала план, который не подразумевал сделку «заложники в обмен на заключенных». Пять лет тому назад Харари решил, что ему нужен оперативник, способный выступать под видом пилота. Зачем? «Потому что это когда-нибудь нам понадобится» – был обычный ответ на любые вопросы о том, зачем он к чему-то готовился без всякой видимой и срочной причины. Харари убедил Замира профинансировать обучение, и оперативник, носивший псевдоним Давид, прошел длительный курс полетной подготовки в Израиле и Европе.

И вот теперь пришло время, когда эта инвестиция должна была окупиться.

Давид арендовал в Кении самолет и облетел терминалы и ВПП аэропорта Энтеббе, сфотографировав их с воздуха^[545]. Когда он приземлился, то представился состоятельным избалованным английским охотником, которому по ряду обстоятельств нужна была помощь контрольной вышки аэропорта. Угандийские авиадиспетчеры весьма охотно пошли на контакт с Давидом и даже приняли от него угощение. Они поделились с ним своими впечатлениями о «большой возне», которую отметили в последние дни. Под этим они имели в виду ситуацию с заложниками в одном из терминалов.

Спустя 12 часов, когда Харари представил Рабину детальный отчет Давида и сотни снятых им фотографий, лицо премьера просветлело. «Это как раз то, что мне нужно, – сказал он. – Ценная развединформация для операции». Особенно важными показались Рабину снимки угандийских солдат, стоявших повсюду вокруг терминала, которые он воспринял как доказательства того, что Вадей Хаддад не заминировал здание. «Иди Амин не разрешил бы своим людям находиться там», – заметил премьер. По фотографиям также можно было сделать вывод, что охрана вокруг здания была немногочисленной.

«Сайерет Маткаль» предложил оригинальный и смелый план: небольшой отряд «Сайерет» прибудет под покровом темноты на

военно-транспортном самолете C-130 Hercules без опознавательных знаков, используя огни ВПП, которые зажгутся для гражданского грузового самолета, приземляющегося по расписанию прямо перед израильской машиной. Чтобы сбить с толку угандийскую охрану, отряд выгрузится и поедет к терминалу в автомашинах следом за черным «мерседесом», похожим на тот, которым пользуется Иди Амин. Поблизости от терминала отряд выскочит из машин и пойдет на штурм здания через несколько входов в него, используя фактор внезапности и смятения в рядах террористов, чтобы быстрее их ликвидировать. Штурм необходимо закончить в течение двух минут. После этого в дело вступят дополнительные силы Армии обороны, которые захватят контрольную вышку, угандийских солдат и самолеты угандийских ВВС, чтобы они не смогли преследовать израильские самолеты с заложниками и войсками на борту. Кениата разрешил израильтянам сесть в Найроби для дозаправки по пути домой.

Министр обороны Шимон Перес считал, что план сработает, и надавил на Рабина. 3 июля премьер дал операции «зеленый свет»^[546].

Руководители операции спросили Рабина, что им делать, если они столкнутся с самим Амином. «Если он попытается помешать, я приказываю убить его», – ответил Рабин. К чему министр иностранных дел Игал Аллон добавил: «Даже если он и не попытается».

Израильский отряд вылетел для выполнения миссии на четырех самолетах. Каждый боец имел карту Уганды и некоторую сумму в американских долларах на тот случай, если они попадут в засаду и им придется спасаться самим. «Но нам было понятно, что это просто разговоры и на самом деле у этой операции не было плана отступления. Если бы что-то пошло не так, мы должны были остаться там и сражаться до смерти», – сказал Ифтах Рейхер, заместитель Йонатана Нетаньяху, брата Биньямина и нового командира «Сайерет Маткаль».

Первый самолет Hercules приземлился в соответствии с планом^[547]. Рейхер, который сидел в одном из вездеходов «лендровер», следовавших за черным «мерседесом», вспоминал: «Царило полное молчание и полная темень. На огромном пустынном аэродроме было черным-черно. Широкие взлетно-посадочные полосы и рулежки, по

которым никто не двигался. Все, что мне приходило в голову, было “Мамочки, как страшно”».

Фактор внезапности был почти утрачен, когда отряд натолкнулся на двух угандийских солдат^[548]. Нетаньяху решил, что они представляют угрозу, и открыл по ним огонь из пистолета с глушителем. Солдаты не были убиты, и боец, сидевший позади Нетаньяху и полагавший, что они все еще представляют угрозу, застрелил их из обычного автомата.

Звук выстрелов автомата привлек внимание других угандийских солдат, и началась перестрелка^[549]. Израильские джипы подъехали к терминалу, и бойцы начали его штурм, Нетаньяху попал под огонь и позже умер от ран. Однако террористы были застигнуты врасплох, когда штурмовой отряд, возглавляемый Муки Бецером, ворвался в терминал, и Муки застрелил их всех прежде, чем они смогли организовать сопротивление. Отряд Рейхера бросился в соседнее здание, в котором находились угандийские солдаты, и всех их тоже перестрелял. Еще одна группа захватила контрольную вышку. Другая повредила восемь угандийских реактивных истребителей МиГ, которые были выстроены на дорожках.

Все восемь угонщиков были убиты. Погибли и трое заложников, попавшие под перекрестный огонь. Еще одна заложница, пожилая израильтянка, которая предыдущей ночью была отправлена в госпиталь, была там впоследствии убита по приказанию Амина в отместку за израильский рейд.

Было спасено около ста человек, и Израиль не пошел ни на какие уступки террористам. Операция стала образцом того, как следует разрешать ситуации с заложниками: никаких переговоров и никаких уступок террористам; только твердое желание идти на все и даже рисковать жизнями ради освобождения заложников.

Хотя рейд в Энтеббе и был важной тактической победой, человек, приказавший совершить захват самолета^[550], – человек, в отношении которого Голда Меир подписала приказ о ликвидации более шести лет тому назад, террорист, лишь слегка раненный взрывами гранат от ручного гранатомета, пронзившими окна его квартиры в Бейруте, фанатик, который пережил бомбардировку бейрутского стадиона в 1974 году, который возглавлял составленный Израилем список целей и являлся объектом в ряде еще только разрабатывавшихся планов на уничтожение, – все еще оставался живым и на свободе.

Рабин приказал «Моссаду» не жалеть никаких средств. Вадей Хаддад должен умереть.

13

Смерть в зубной пасте

В мае 1977 года Рабочая партия Израиля, которая правила в стране со времени создания государства в 1948 году, впервые проиграла всеобщие выборы. Она потерпела поражение от националистической правой партии «Ликуд», возглавляемой Менахемом Бегоном, в прошлом командиром «Иргуна», подпольного движения против британцев. Комбинация многих факторов – дискриминации и унижения, испытывавшиеся еврейскими иммигрантами из арабских стран, обнародования дел о коррупции в Рабочей партии, просчетов, выявившихся в ходе войны Судного дня, – а также способность харизматичного Бегина воспользоваться этими факторами и возвыситься на волне популизма привели к неожиданному результату, который потряс как израильтян, так и наблюдателей за рубежом.

Многие иностранные лидеры и местная элита рассматривали Бегина как экстремиста и подстрекателя войны. Некоторые руководители военных структур и спецслужб Израиля были убеждены в том, что в скором времени будут заменены в новом правительстве партийными назначенцами.

Но первые действия Бегина в качестве премьер-министра удивили всех – и израильтян, и иностранцев. На полной драматизма встрече с президентами Джимми Картером и Анваром Садатом в Кэмп-Дэвиде в 1978 году он согласился на прорывное мирное соглашение с Египтом, которое в конечном счете привело к полному уходу Израиля с Синайского полуострова, завоеванного у египтян в 1967 году. Вывод армии, ликвидация поселений, утрата нефтяных полей и возможностей для туристического бизнеса вызвали яростный протест со стороны израильских правых. Однако Бегин, рискуя своим политическим положением, заставил партию принять их. Он значительно укрепил союзнические отношения в области безопасности с Соединенными Штатами и усилил надведомственные полномочия Верховного суда Израиля.

Внутри политического истеблишмента никаких чисток он не проводил. Более того, попросил двух высших чиновников, тесно

связанных с Рабочей партией, – шефа Шин Бет Аврама Ахитува и директора «Моссада» Ицхака Хофи – остаться на своих постах. «Для нас это выглядело странным», – признавался Хофи^[551]. Дело в том, что Рабочая партия была довольно черствой и прагматичной в том, что касалось армии и разведки. «А для Бегина армия была чем-то святым», – добавлял он.

На практике Бегин давал военным и спецслужбам карт-бланш^[552]. Когда он возглавлял парламентскую оппозицию, ему был предоставлен очень ограниченный доступ к делам разведки, и многое ему приходилось объяснять. Но даже когда в новом качестве он смог видеть все в деталях, его контроль над военными и разведывательными сферами был в лучшем случае поверхностным. «Создавалось впечатление, что он витает над нами где-то на высоте 25 километров», – говорил директор «Моссада» Наум Адмони.

Бегин без вопросов подписывал «красные» приказы на «целевые» ликвидации, которые представлял ему «Моссад». Премьер-министр не настаивал даже на стандартной процедуре, по которой его помощник должен делать записи содержания его встреч с шефом «Моссада», касающихся вопросов диверсий или ликвидаций. Это удивляло Хофи. «Рабин, – отмечал он, – всегда выносил такие вопросы на утверждение своего рода “внутренним кабинетом”. А Бегин подписывал такие бумаги лицом к лицу, без стенографа и помощника по военным делам... Я посоветовал оформлять подобные вопросы в письменном виде».

Единственным предметом несогласий между Бегом и руководителями спецслужб был вопрос о градациях операций и их приоритетах. Во время своей первой встречи с Хофи он выразил желание, чтобы «Моссад» развернул масштабную кампанию по целевой ликвидации нацистских военных преступников, которые еще оставались на свободе^[553]. «Я сказал ему, – вспоминал Хофи, – господин премьер-министр, сейчас перед “Моссадом” стоят другие задачи, которые имеют отношение к нашей сегодняшней безопасности и безопасности нашего будущего. И я отдаю приоритет сегодняшнему и завтрашнему дням, но не прошлому. Он понял это, но ему не понравилось... В конце концов мы решили, что возьмемся за одну цель, Йозефа Менгеле, но Бегин был очень эмоциональным человеком, и он был разочарован».

Вместе с тем Бегин понимал смысл сказанного Хофи. «В отличие от других израильтян, которые рассматривали холокост только как трагический исторический эпизод, – говорил Шломо Накдимон, известный израильский журналист, близкий к Бегину и служивший его советником по делам СМИ в бытность Бегина премьер-министром, – Бегин всем сердцем верил, что урок холокоста состоит в том, что евреи должны защищать себя в своей стране, чтобы предотвратить возникновение новых угроз своему существованию»^[554].

Бегин приравнивал Ясира Арафата к Адольфу Гитлеру и был уверен в том, что Палестинская Декларация, которая призывала к разрушению еврейского государства, была ничем не лучше *Mein Kampf II*^[555]. «Мы евреи, и мы – сионисты, ведомые своим опытом, не пойдем по пути европейских и мировых лидеров 1930-х годов», – заявил Бегин в своей гневной речи в кнессете 9 июля 1979 года, в которой он нападал на канцлеров Западной Германии и Австрии Вилли Брандта и Бруно Крайского за их связи с Ясиром Арафатом.

«Мы относимся к “Майн Кампф II” очень серьезно, и мы сделаем все, что в наших силах, – а с Божьей помощью мы сможем это сделать – для того, чтобы предотвратить воцарение ужаса... который принесет Сатана (Арафат)... лидер отвратительной организации убийц, подобных которым не было в природе со времен нацизма».

С 1974 года, когда террористические атаки в Европе стали сходить на нет, Арафат делал особый упор на политические инициативы на международной арене для того, чтобы добиться дипломатического признания ООП^[556] и представить себя как человека, который готов к переговорам с Израилем. Несмотря на яростные возражения Израиля, официальные и неофициальные дипломатические миссии ООП открывались по всему миру, включая Европу. В разгар этой кампании, в ноябре 1974 года, Арафат появился на Генеральной Ассамблее ООН^[557] и выступил там с речью, которая в целом была воспринята как весьма умеренная.

Более того, усилия Арафата выглядят приверженцем политического решения израильско-палестинского конфликта начали растапливать лед в отношениях между ООП и США. Израильская разведка была глубоко озабочена возможным сближением между главным союзником и главным врагом Израиля. В подготовленном в 1974 году военной разведкой АМАН докладе для тогдашнего премьер-министра Рабина

говорилося, что «Соединенные Штаты заинтересованы в приобретении максимального влияния внутри ООП с таким расчетом, чтобы не дать организации остаться исключительным оплотом Советского Союза»^[558]. В докладе содержались такие слова о госсекретаре Генри Киссинджере, который считался произраильски настроенным: «Мы не находим в его словах абсолютного отрицания ООП в том, что касается будущего».

Дипломатия ООП была лишена убедительности в глазах разведывательного сообщества Израиля. Для АМАН она была не чем иным, как «стратегическими планами на уничтожение Израиля». Пока Арафат обхаживал американских дипломатов и принимал тосты в ООН, его люди продолжали нападать на граждан Израиля. «Арафат был полной противоположностью своей смехотворной внешности. В этом он был гением, – отмечал генерал-майор Амос Гилад, в течение долгого времени являвшийся заметной фигурой в военной разведке. – У него было два заместителя для осуществления террористических операций, Абу Джихад и Абу Ияд. Однако, за исключением одного случая, вы никогда не обнаружите прямых связей между этими акциями и Арафатом. Это похоже на то, как владелец зоопарка выпускал бы своих голодных львов на улицы и они ели бы там прохожих. Кто несет за это ответственность? Лев? Ясно, что владелец зоопарка. Абу Джихад получал общие директивы, а все остальное он делал сам. Арафату не нужны были отчеты, он не принимал участие в планировании акций и не утверждал операции»^[559].

Все более активный выход Арафата на международную арену породил острую дискуссию между «Моссадом» и АМАН относительно того, являлся ли он по-прежнему подходящей целью для ликвидации^[560]. Бригадный генерал Игал Пресслер, тогдашний начальник управления спецопераций АМАН, занимавшегося «целевыми» убийствами, страстно доказывал, что Арафата нужно оставить во главе списка. «Он террорист. На его руках еврейская кровь. Он приказывает своим людям продолжать террористические атаки. Необходимо предпринять все, что только возможно, чтобы покончить с ним».

Начальник управления по борьбе с арабским терроризмом «Моссада» Шимшон Ицхаки не соглашался. «После речи Арафата в ООН он стал политической фигурой. Он – голова змеи, но мир придал

ему законность, и его ликвидация ввергнет Израиль в ненужные политические осложнения»^[561].

В конечном счете верх одержала вторая точка зрения. Это означало, что имя Арафата было убрано из списка целей на ликвидацию^[562], и первое место в нем заняло имя Вадея Хаддада.

В течение 18 месяцев, миновавших после рейда в Энтеббе, Вадей Хаддад спокойно и очень богато жил в Дамаске и Бейруте.

«Моссад» осторожно относился к использованию стрелкового оружия в арабских столицах – Багдаде, Дамаске и Бейруте, просто потому что это было связано с высоким риском поимки. Поэтому продолжали изыскиваться «тихие» способы убийства, которые оставляли меньше очевидных следов и даже позволяли придавать смерти видимость естественных причин или несчастных случаев, например, в результате болезни или дорожно-транспортного происшествия. В таких случаях, даже если и возникали какие-то подозрения о постороннем вмешательстве, к тому времени, когда что-то прояснялось, исполнители были уже далеко, тогда как при применении оружия становится сразу же ясно, что убийцы находятся где-то неподалеку.

В «Моссаде» решили воспользоваться возможностями, достигнутыми глубоким проникновением в организацию, и поручить ликвидацию Хаддада подразделению «Перекресток». Конкретным исполнителем убийства с использованием яда назначили агента «Ицавона», который имел доступ в дом и офис Хаддада.

10 января 1978 года агент поменял тюбик с зубной пастой Хаддада на точно такой же, но содержащий смертельный яд, который был разработан в Израильском институте биологических исследований в городе Нес-Ционе к юго-востоку от Тель-Авива, являющемся одним из самых строго охраняемых объектов в Израиле^[563]. Институт был основан в 1952 году и до сих пор является научным центром, в котором разрабатываются и производятся совершенно секретные оборонительные и наступательные вещества, относящиеся к классу биологического оружия. Каждый раз, когда Хаддад чистил зубы, определенная доза яда проникала в его кровь через десны. Постепенное накопление вещества в его организме по достижении критического уровня должно было вызвать летальный исход.

Вскоре Хаддад почувствовал себя плохо^[564] и был помещен в иракский правительственный госпиталь. Там он рассказал врачам, что с середины января начал ощущать после еды сильные желудочные спазмы. У него пропал аппетит, и он потерял более десяти килограммов веса.

Сначала ему поставили диагноз гепатит^[565], а позже – сильнейшую простуду. Врачи лечили его сильными антибиотиками, но состояние больного не улучшалось. У него начали выпадать волосы и резко поднялась температура. Врачи в Багдаде были в растерянности. Они заподозрили, что Хаддада отравили. Арафат приказал своему помощнику связаться со Штази, секретной службой Восточной Германии, и попросить о помощи^[566]. В 1970-х годах Штази снабжала палестинские террористические организации поддельными документами, разведывательной информацией и оружием и предоставляла им убежище. Лидер Восточной Германии Эрих Хонеккер и другие руководители страны считали Арафата настоящим революционером, как Фиделя Кастро, и были готовы помогать ему.

19 марта 1978 года Хаддада самолетом транспортировали в Regierungskrankenhaus, престижный госпиталь в Восточном Берлине, в котором лечились сотрудники восточногерманских спецслужб. Его помощники упаковали для него туалетные принадлежности, включая тюбик со смертельной зубной пастой.

Разведывательные данные, которые поступили в «Моссад» после того, как Хаддад прилетел из Багдада в Берлин, вызвали в разведке удовлетворение. «По прилете в Берлин Хаддад уже был конченным человеком, – говорилось в отчете, зачитанном на совещании руководства «Перекрестка». – Эксперты из Израильского института биологических исследований говорят о том, что к настоящему времени это ходячий труп».

В госпиталь Хаддада положили под псевдонимом Ахмеда Дукли, 41 года, ростом 168 сантиметров. Он действительно находился в плохом состоянии: отмечались множественные внутренние кровотечения, в том числе из перикарда вокруг сердца, у основания языка, из ноздрей, плевральных мембран и внутри черепа. Много крови содержалось в моче. Была угнетена функция костного мозга, в результате чего отмечалось резкое снижение количества красных кровяных телец в крови. Несмотря на то что Хаддада лечили как важного пациента, его

состояние продолжало ухудшаться. Военные врачи, лучшие специалисты в Восточной Германии, сделали все возможные анализы – крови, мочи, костного мозга, рентгеновские исследования. Они были убеждены, что Хаддада отравили либо мышьяком, либо солями какого-то тяжелого металла, возможно таллия. Однако физических свидетельств этого им обнаружить не удалось. По информации, которая поступала в Израиль от агента в Восточной Германии, Хаддад так кричал от боли, что эти крики разносились по всему госпиталю, и врачи вынуждены были давать ему все увеличивающиеся дозы транквилизаторов и наркосодержащих препаратов.

Вадей Хаддад умер в Восточном Берлине в мучительной агонии 29 марта, через десять дней после прибытия в госпиталь^[567]. Вскоре после его смерти шеф Штази Эрих Мильке получил полный доклад, включая данные патологоанатомического вскрытия, произведенного профессором Отто Прокопом из Гумбольдтовского университета, одним из виднейших в мире экспертов в области судебной медицины. Профессор писал, что прямой причиной смерти явилось «кровоизлияние в мозг, а также пневмония, развившаяся на фоне панмиелопатии», и что, с учетом симптомов и личности умершего, имеются основания для подозрений о том, что кто-то убил его. Однако в подробнейшем патологоанатомическом заключении Прокоп фактически признает, что не имеет представления о том, что именно убило Хаддада.

Ко времени своей смерти Хаддад полностью контролировал организацию, которая была совершенно отдельной от той, которую возглавлял Жорж Хабаш. Однако Хабаш скорбел об уходе Хаддада и не сомневался, что за его гибелью стоял Израиль.

В «Моссаде», а также в израильском военном истеблишменте радовались результатам операции. Один из самых сильных и эффективных врагов Израиля был нейтрализован. Еще более важным было то, что через пять лет после фиаско в Лиллехаммере «Моссад» вернулся к «целевым» ликвидациям и сделал это таким утонченным способом. Это был, пожалуй, первый пример того, что в лексикон «Моссада» вошел термин «незаметная ликвидация», под которым подразумевалось, что смерть объекта казалась вызванной естественными или случайными причинами.

«Я был очень счастлив, когда услышал, что Хаддад мертв», – сказал Шимшон Ицхаки^[568]. Поскольку Израиль никогда не признавал, что это он убил Хаддада, Ицхаки подчеркнул: «Не принимайте мои слова как подтверждение нашего участия в этом деле». При этом он заявил: «Любой, на чьих руках оказывается кровь еврея, обречен на смерть. Кстати, без Хаддада его организация не смогла существовать. Она уже действовала отдельно от Жоржа Хабаша, а потом она разделилась между заместителями Хаддада и продолжала дробиться все дальше и дальше, пока вообще не исчезла».

Уничтожив Хаддада, «Моссад» перешел к следующей цели – Али Хасану Саламе.

Причины, по которым Саламе должен был умереть, вызывали некоторые споры. Израильская разведка была уверена, что он непосредственно планировал и осуществлял массовое убийство на мюнхенских Олимпийских играх, хотя люди, работавшие с Саламе, это категорически отрицают. В любом случае желание ликвидировать его, скорее всего, возросло в связи с тем, что покушение на Саламе в Лиллехаммере обернулось самым унижительным и тяжелым провалом в истории «Моссада». Саламе сам подлил масла в огонь, издеваясь над израильской разведкой за фиаско, которое потерпела норвежская операция. «Когда они убивали Бутики, я был в Европе, – говорил Саламе в интервью ливанской газете “Аль-Сайяд”. – Бутики был всего лишь уборщиком в бассейне. Его лицо и фигура никак не подходили под мое описание»^[569]. Саламе утверждал, что «спасся даже не столько благодаря своим умениям, сколько благодаря слабости израильской разведки».

Среди руководителей спецслужб Израиля это интервью распространило управление АМАН, занимающееся анализом открытых источников, – Харари попросил их собрать все, что возможно, о Саламе^[570]. «Не беспокойтесь, – сказал он своим людям, когда интервью зачитали на совещании в “Кесарии”. – Его день придет».

Несомненно, Саламе имел отношение к ряду террористических актов, направленных как против Израиля, так и против целей из числа арабов. В двух своих интервью он сам признался в участии в операциях «Черного сентября». Однако в 1978 году этой организации уже не существовало, поэтому Саламе подключился к некоторым

внутренним делам в ФАТХ, оставив террор другим. Была ли месть за то, что он совершил в прошлом, достаточной причиной для его преследования?

«Убийство Саламе было первым и наиважнейшим делом с точки зрения закрытия “мюнхенских счетов”, – говорил Яир Равид, который командовал северным сектором подразделения 504 и считался одним из лучших экспертов по террористическим атакам ООП, организуемым с территории Ливана. – По нашему мнению, в конце 1970-х годов он уже не являлся инициатором террористических акций»^[571]. Однако другие тогдашние оперативники «Кесарии» настаивали на том, что Саламе по-прежнему представлял собой угрозу в качестве руководителя бригады 17 Организации освобождения Палестины, которая выполняла функции личной охраны Арафата^[572]. «Нам следовало помнить о том, что бригада 17 не только охраняла Арафата, но и осуществляла различные террористические операции», – говорил один из ветеранов «Кесарии».

Однако был и еще один, более глубокий мотив.

10 июля 1978 года в ходе совещания высшего руководства в «Моссаде» шеф «Кесарии» Майк Харари сообщил, что в плане продвижения к цели уничтожения Саламе «был достигнут существенный прогресс». Однако Давид Кимше, руководитель управления «Тевель» по связям с разведками иностранных государств, сказал, что партнеры из ЦРУ намекнули ему, что Саламе является их «активом»^[573]. «Они не сказали открыто, что хотят защитить его, но это их замечание следует учитывать. Мы должны спросить себя, меняют ли нашу позицию по Саламе наши отношения с “Хельгой” (кодовое название ЦРУ, использовавшееся в “Моссаде”)».

Шимшон Ицхаки ответил резко: «Ну и что? Даже если предположить, что он связан с американцами. У этого человека на руках еврейская кровь. Он участвовал в организации мюнхенской трагедии. Он по-прежнему работает против нас. Мне наплевать, даже если он американский агент»^[574].

На самом деле Саламе был не простым источником ЦРУ. MJTRUST/2, как обозначали его кураторы в Лэнгли, был одним из самых важных контактов Центрального разведывательного управления на Ближнем Востоке. Более того, он действовал в этом качестве с

полного ведома и одобрения Ясира Арафата, выступая как канал для обмена информацией между американцами и ООП.

Один из старших сотрудников «Моссада» под псевдонимом Яков, который участвовал в охоте на Саламе, рассказал, что в 1970-х годах в «Моссаде» узнали обо всей глубине связей между Саламе и ЦРУ. «Моссад», а также премьер-министры Рабин и Бегин видели в этих связях «не что иное, как предательство принципов со стороны нашего союзника, удар ножом в спину».

Согласно книге «Хороший шпион» писателя Кая Бёрдса, авторитетного биографического описания деятельности Роберта Эймса – одного из самых успешных американских разведчиков на Ближнем Востоке, Саламе и Эймс встретились впервые в кафе Strand в Бейруте и продолжали встречаться в дальнейшем на конспиративных квартирах в том же городе. Эймс сообщал в ЦРУ, что Арафат очень высоко ценил Саламе.

Официально в США ООП считалась террористической организацией^[575], но ЦРУ хотело сохранять тайные каналы связи с ней. В 1973 году, с одобрения Киссинджера, этот канал стал секретным, но постоянно действующим контактом между США и Арафатом. На протяжении многих лет Киссинджер и Арафат встречались в Европе и Бейруте. Эта связь продолжалась даже тогда, когда Саламе занял лидирующую позицию в «Черном сентябре». Американцы поддерживали контакты с ним не из-за того, что не соглашались с оценкой «Моссадом» роли и ответственности Саламе за террористическую активность, а несмотря на этот фактор.

Саламе признался Эймсу, что привлек Мохаммеда Будию, директора театра в Париже, посылавшего агентов для того, чтобы взорвать отель в Израиле, к деятельности «Черного сентября». «Эймс рассматривал это как “интересную информацию” и даже высказывал симпатии делу палестинцев: “Я полностью в курсе деятельности нашего друга, – писал он в письме посреднику, который передавал послания между ним и Саламе, – и хотя я не согласен со всем, что он делает, я разделяю чувства его организации относительно того, что она должна продолжать свое дело”».

Эймс делал все от него зависящее, чтобы убедить Саламе в том, что «мы не охотимся за его организацией^[576]. Вопреки тому, что он думает, мы не являемся боевой группой, каковой являются его последователи».

Эймс также продолжал убеждать Саламе поддерживать действующий канал связи: «Наш друг должен знать, что у него по-прежнему есть друзья на ответственных постах, которые по-дружески относятся и к его делу».

Единственный пункт, по которому Эймс считал нужным предостеречь Саламе, – это возможные акции «Черного сентября» в Америке: «Его деятельность в Европе, полностью задокументированная, и его планы относительно нашей территории, о которых мы все знаем и жестко ударим в ответ, к разочарованию его организации, являются единственными пунктами разногласий между нами»^[577].

Иными словами, пока Саламе будет проявлять осторожность и не будет наносить вред американцам или осуществлять акции на их территории, он может продолжать атаки на другие цели без боязни ответных действий со стороны Соединенных Штатов. Эймс даже пошел на предложение: «Я могу организовать его безопасный проезд... в Европу, если он того пожелает».

При содействии посредника между Эймсом и Саламе^[578] в ноябре 1973 года в Рабате была организована встреча заместителя директора ЦРУ Вернона Уолтерса с высокопоставленными представителями ФАТХ^[579]. Понимание, которое было достигнуто между Эймсом и Саламе, стало официальной позицией: ФАТХ не будет наносить вред американцам, и секретный канал связи останется открытым.

Эймс не присутствовал при посещении Арафатом вместе с Саламе Генеральной Ассамблеи ООН, но участвовал в организации этого визита и встреч в гостинице Waldorf Astoria. «Мы видели, как он сопровождал Арафата в Нью-Йорке, – сказал Яков. – Это было оскорбительно, как будто они тыкали пальцем нам в глаза».

Саламе в качестве эмиссара Арафата стремился получить официальное признание американцами ООП единственным представителем палестинцев. Этого не произошло, но сам факт существования канала связи был, с точки зрения Арафата, серьезным достижением. В обмен Саламе помогал Эймсу с информацией о событиях в Ливане и ООП, а также о попытках соперников ООП нанести ущерб Соединенным Штатам.

Между Эймсом и Саламе сложились глубокие дружеские отношения, которые в условиях повышения престижа Эймса в ЦРУ

постепенно влияли и на отношение американской администрации к ООП^[580]. Когда в 1975 году в Ливане вспыхнула гражданская война, превратившая Бейрут в зону военных действий, Саламе поставил своих людей охранять американское посольство. Израильцы смотрели на это, стиснув зубы^[581].

Связь с Саламе не была частной инициативой Эймса или какой-то «демонстративной» операцией, хотя американцы занимали по отношению к Израилю резко критическую позицию. На самом деле это был важный приоритетный проект всего Центрального разведывательного управления. В конце 1976 года тогдашний директор ЦРУ Джордж У. Буш через Эймса послал Саламе официальное приглашение приехать в Лэнгли. Этот визит, который состоялся в январе 1977 года, соединял в себе приятное и полезное. Саламе говорил Эймсу, что «он действительно нуждается в отпуске»: он только что женился на бывшей «Мисс Вселенной», ливанской королеве красоты Джорджине Ризак, и хотел подарить ей осуществление мечты – провести медовый месяц на Гавайях и в Диснейленде. Эймс обещал позаботиться об этом.

ЦРУ организовало эту поездку, и высокопоставленный сотрудник Управления сопровождал пару повсюду, в том числе и в тематический парк в Калифорнии. Ризак поездка очень понравилась. Саламе Диснейленд невзлюбил, но был счастлив, когда получил от оперативного сотрудника ЦРУ Алана Вольфа подарок – прекрасную наплечную кожаную кобуру для пистолета.

Участвовавший в сопровождении Саламе другой сотрудник ЦРУ, Чарльз Веверли, позднее вспоминал: «Все, чего (Саламе) постоянно хотел, – это устриц. Он считал их афродизиак. Я жил в соседнем номере отеля – так что по вечерам слышал результаты»^[582].

С учетом отношений, существовавших между израильскими и американскими спецслужбами, а также в связи с общей зависимостью Израиля от США, «Моссад» воздержался от проведения операций на американской территории. Саламе знал, что в Америке ему ничего не грозит. Это означало, что он и его жена могли наслаждаться настоящим медовым месяцем, без помех со стороны своих телохранителей.

Обычно Саламе редко покидал Бейрут и окружил себя очень сильной охраной. Он передвигался в большом кортеже автомобилей, заполненных вооруженными охранниками, с 22-миллиметровым

крупнокалиберным пулеметом, смонтированным на базе пикапа «тойота», который прикрывал колонну сзади.

Эймс и его коллеги из ЦРУ не слишком впечатлялись таким антуражем^[583]. В своей книге Бёрд упоминает Сэма Ваймана, одного из офицеров ЦРУ по связи с Саламе в Бейруте, который однажды спросил Хасана: «Как эта чертова пушка сможет тебя защитить? Она просто объявляет всем вокруг, где ты сейчас находишься». Саламе только рассмеялся в ответ: «Вот и хорошо».

Бёрд отмечает, что ЦРУ много раз предупреждало Саламе, иногда очень жестко, о том, что за ним охотится «Моссад».

«Я предупреждал его, – говорит Вайман. – Я говорил ему “Ты, идиот, они когда-нибудь тебя достанут, когда ты так едешь по всему Бейруту. Это только вопрос времени... Ты нарушаешь элементарные принципы разведывательной работы. Израильяне знают, кто ты есть на самом деле, они знают, что ты сделал в прошлом, и тебе нужно быть очень осторожным”».

ЦРУ даже передало Саламе аппаратуру для шифрованной связи в целях повышения его безопасности и подумывало о том, чтобы предоставить ему бронированный автомобиль для защиты от израильтян^[584].

Как считает Яков, такие отношения между ЦРУ и Саламе можно было интерпретировать только одним образом: «Представьте себе, что мы, “Моссад”, установили тайные отношения с Усамой бен Ладеном, и не потому, что завербовали его за деньги, а просто установили дружеские отношения, почти как союзники, обмениваясь информацией и взаимными услугами. Представьте себе, что мы пригласили его с визитом в нашу штаб-квартиру в Тель-Авиве, пресмыкались бы перед ним, выражали бы понимание и симпатию по поводу атак на башни-близнецы, говорили бы, что он может и дальше взрывать американские посольства, если не будет взрывать наши, оказали бы ему и его жене королевское гостеприимство и делали бы все, чтобы не пришли «Морские котики» и не убили его. Как бы на это посмотрела Америка?»^[585]

В конечном счете в «Моссаде» пришли к заключению, что «обрубание этого канала было очень важным с точки зрения того, что никто не обладает полным иммунитетом, в том плане, чтобы намекнуть американцам, что так не ведут себя по отношению к

друзьям»^[586]. Директор «Моссада» Хофи проинформировал премьер-министра Бегина об отношениях между Саламе и американцами, но, даже зная о них, он тем не менее согласился с рекомендацией «Моссада» о ликвидации Саламе.

В июне 1978 года, через три месяца после смерти Вадея Хаддада, в полную силу вступила операция «Мавеер» («Горелка»), подразумевавшая охоту на Саламе. Впервые со времени проведения акции «Весна молодости» «Кесария» собиралась ликвидировать кого-то на вражеской территории: «это должна была быть чистая, техничная, осуществленная евреями работа»^[587], по словам Харари. Квалифицированному агенту подразделения 504 под псевдонимом «Румменинге» (по фамилии немецкой футбольной звезды того времени) поставили задачу собрать всю возможную информацию о привычках объекта.

Как «Румменинге» значился Амин аль-Хадж, член одной очень известной шиитской семьи и бизнесмен со связями. Завербовать его удалось на ненависти к палестинцам и желании свободно перемещать свои товары (некоторые говорили, что в их числе были и поддельные лекарства) по Ближнему Востоку, иногда с использованием израильской территории, без помех со стороны ВМФ Израиля. Встречи «Румменинге» с его куратором обычно проходили на борту израильского ракетного катера в акватории Ливана.

Аль-Хадж использовал сеть своих источников, от которых получал множество подробностей об образе жизни и привычках Саламе^[588]. Оказалось, что он проводит много времени в спортивном зале и спа-гостиницы Continental Hotel в Бейруте и вместе со своей женой Ризак живет в роскошных апартаментах в районе Снубра.

Харари был доволен^[589]. «Саламе по своей природе плейбой, известная фигура среди богатых прожигателей жизни, – сказал он. – В этой среде приблизиться к человеку нетрудно. Я уже послал своих воинов для того, чтобы они присмотрелись к нему».

Оперативник «Кесарии» отправился в Бейрут, снял номер в Continental Hotel под вымышленным европейским именем и записался в спортивный зал. Он начал ходить туда каждый день и время от времени сталкивался с Саламе. Он знал, что тот испытывает большой интерес к дорогим часам и модной одежде, и соответствующим

образом экипировался, стараясь переодеваться в раздевалке как можно ближе к палестинцу.

Однажды некоторые из постоянных посетителей зала начали поздравлять Саламе с наградой, которой была удостоена его жена Ризак на балу предыдущим вечером. Оперативник присоединился к поздравляющим и перемолвился с Саламе парой слов. «Там возник такой чисто мужской контакт», – сказал Харари.

Двое мужчин подружились и теперь часто болтали друг с другом. «В таких отношениях важно отдать инициативу контакта в руки другой стороны, – говорил источник, участвовавший в операции. – Иначе он покажется объекту подозрительным, особенно такому человек, как Саламе, который знал, что за ним охотятся»^[590].

Когда оперативник «Кесарии» вернулся в Израиль, стала обсуждаться так называемая незаметная акция в отношении Саламе, включая возможность «добавления какого-то “лекарства” в его зубную пасту, мыло или лосьон после бритья», сказал Харари. Но риск для оперативника в случае его раскрытия казался слишком большим.

Другим вариантом было размещение взрывного устройства в шкафчике Саламе в раздевалке спортивного зала^[591]. Однако он был отвергнут из опасений, что может пострадать невинный человек. В конечном счете Харари вообще отказался от проведения акции в спортивном зале, в офисе или квартире Саламе, поскольку во всех этих местах он находился под усиленной охраной.

Решение, принятое Харари, было новым для «Моссада»: бомба на улице, подрывающая движущуюся цель. Саламе будет уничтожен на пути следования по Бейруту под эскортом пикапа «тойота» с крупнокалиберным пулеметом и еще одной машины с телохранителями. Где-то на маршруте его движения мощное взрывное устройство будет приведено в действие оперативником «Моссада» с безопасного расстояния.

Яков Рехави, в прошлом оперативно-технический сотрудник АМАН, назначенный в «Моссад» возглавлять оперативно-техническое управление, сконструировал для оперативных работников специальное устройство, на котором они могли тренировать исполнение операции. В ходе тренировки оператор должен был нажимать на кнопку как раз в тот момент, когда шасси автомобиля на металлических колесах, которое тащила другая специальная машина, пересекало

определенную точку. Взрыва не следовало, раздавался только электронный сигнал, показывающий, было ли нажатие кнопки точно синхронизировано с прохождением шасси.

Участовавшие в тренировках оперативники вспоминают, что Рехави и двое его сотрудников никак не могли правильно установить время «подрыва». «Может быть, вы позволите мне?» – спросила женщина, которая занималась аналитической работой в управлении по борьбе с арабским терроризмом и присутствовала на тренировках. Рехави свысока усмехнулся и передал ей пульт. Она отлично его настроила, успешно проведя несколько «подрывов» подряд. В конце они попробовали с настоящими взрывчатыми веществами, усадив в машину пять магазинных манекенов. И снова установленное женщиной время оказалось правильным.

«Пока на кнопку нажимали мужчины, в центре сгущалась атмосфера отчаяния, – говорил позже Харари. – Но после того как у нее стало получаться вновь и вновь при разном освещении, я понял, что женщины лучше мужчин в таких делах, и принял соответствующее решение». На кнопку в Бейруте нажмет женщина-оперативница под псевдонимом Рина. «Это не было простым решением, – добавляет Харари. – Мы вынуждены были поменять все легенды и соорудить нечто подходящее для женщины, которой, возможно, придется долгие часы находиться на наблюдательном пункте, откуда просматривается улица. Для нее было недостаточно только знать, как нажимать кнопку. Саламе не выезжал из своего дома каждый день в одно и то же время. Иногда оперативнице приходилось находиться на наблюдательном пункте не менее 18 часов, иногда она закрывала глаза от усталости, а временами ей нужно было отойти в туалет. Все это непросто».

Настоящее имя Рины было Эрика Чамберс, она родилась в Англии^[592]. Ее отцом был Маркус Чамберс, инженер, конструировавший машины и проводивший большую часть своего времени на треках. Мать Рины Лона была актрисой и певицей из состоятельной чехословацкой еврейской семьи, которая почти вся погибла в холокосте. Эрика училась в 1960-х годах в университете в Саутгемптоне, где ее запомнили главным образом за бешеную манеру вождения. Она ездила в Австралию, а потом в Израиль, где записалась на магистерскую программу по гидрологии в Еврейском университете. В начале 1973 года к ней подошли сотрудники группы подбора

«Моссада». Ей понравилась идея соединения приключений с тем, что она сама называла «внесение существенного вклада в обеспечение безопасности государства». Она прошла все пробные тесты, была приписана к «Кесарии», а потом выдержала трудный курс боевой подготовки. В середине 1975 года она покинула Израиль, взяла поддельные британские документы и начала выполнять задачи за рубежом.

Рина и еще двое оперативников-мужчин были выбраны для ликвидации Саламе^[593].

Сложный план снова потребовал взаимодействия со спецподразделениями Армии обороны Израиля, которые должны были выполнить те элементы операции, осуществить которые «Моссад» был не в состоянии.

Рина прибыла в Бейрут в октябре 1978 года под видом сотрудницы неправительственной организации, заинтересованной в оказании помощи палестинским сиротам в специальном отделении лагеря для беженцев в Тель-Заатаре. Она прожила около двух месяцев в городе и вместе с другим оперативником тайно собирала информацию о передвижениях Саламе. В начале нового, 1979 года она сняла квартиру на восьмом этаже высотного дома на улице Бека, из которой были видны апартаменты Саламе. 16 января в Бейрут порознь прибыли еще два оперативника, один с британским, второй – с канадским паспортом.

18 января спецподразделение «Сайерет Маткаль» пересекло границу с Иорданией в районе Арабаха, к югу от Мертвого моря, неся с собой 100 килограммов пластиковой взрывчатки и детонирующее устройство^[594]. На иорданской стороне границы ждал агент подразделения 504. Он погрузил взрывчатку в машину и поехал в Бейрут. 19 января в подземном паркинге он встретился с двумя упомянутыми оперативниками. Этот человек произнес пароль – два слова по-английски, – они ответили заранее обусловленным отзывом, тоже состоявшим из двух слов. Его роль в операции была выполнена.

Оперативники перегрузили взрывчатку в багажник «фольксвагена», который арендовали за два дня до этого, установили время на детонаторе и припарковали автомашину на улице рядом с домом, в котором жил Саламе.

Харари сам поехал в Бейрут для того, чтобы наблюдать за кульминацией операции «Горелка». Он не мог себе позволить еще одного такого провала, как в Лиллехаммере^[595]. Оставлять «фольксваген», наполненный взрывчаткой, на оживленной улице надолго было проблемой. Машиной мог заинтересоваться дорожный полицейский. Нашли решение: «Поменять машины в то время, когда была уверенность в том, что Саламе не будет проезжать мимо. Просто для того, чтобы обеспечить подходящее место парковки. Но это само по себе представляло целую операцию». 21 января 1979 года Харари попрощался с Риной и двумя оперативниками и улетел, чтобы на месте операции осталось как можно меньше народа.

На следующий день, вскоре после 15:00, Саламе закончил обед с женой, поцеловал ее на прощание и ушел. Он сел в личный «шевроле» и в 15:23 поехал в место расположения своей бригады 17. Телохранители следовали перед ним в «лендровере» и позади него в «тойоте». Он отъехал всего метров двадцать, когда его «шевроле» поравнялся с «фольксвагеном». Рина нажала на кнопку. Мощный взрыв сотряс Бейрут, и машина Саламе превратилась в факел. Один из двух мужчин-оперативников, который наблюдал за взрывом с расстояния, позже будет рассказывать друзьям, что Саламе смог выбраться из автомобиля, причем одежда на нем горела, и рухнул на землю. Оперработник бормотал сквозь зубы: «Умри, сволочь, умри!»^[596]

Абу Дауд (Мохаммед Уде), командовавший мюнхенской атакой «Черного сентября», который случайно проходил в тот момент по улице, бросился Саламе на помощь^[597]. Он увидел большой металлический обломок, который торчал из головы раненого. Саламе срочно доставили в госпиталь Американского университета, где он умер на операционном столе.

Во время взрыва погибли еще восемь человек: водитель Саламе и двое телохранителей, три гражданина Ливана, немец и англичанин. Харари признал, что операция, в которой было задействовано мощное взрывное устройство, приведенное в действие на оживленной улице, никогда бы не была санкционирована, если бы речь шла о любой неарабской стране.

Рина и два других оперативника находились на пляже в районе Джоуние, к северу от Бейрута, и ожидали прибытия резиновой лодки

флотилии 13, на которой моряки должны были подобрать их около полуночи^[598]. Молодой морской спецназовец перенес Рину в лодку. Этот человек, который тогда выполнил свое первое боевое задание, однажды в будущем станет руководителем «Кесарии». Лодка быстро подошла к ракетному катеру, ожидавшему в море, и через несколько часов ударная группа была уже в Израиле.

Ликвидация Саламе явилась страшным ударом по ООП. «Я предупреждал их! – патетически восклицал Арафат в телевизионном интервью, которое он дал вскоре. – Я предупреждал моих братьев: будьте бдительны! “Моссад” охотится на нас, одного за одним, командира за командиром». На похоронах Саламе, собравших огромную массу народа, Арафат взял на колени Хасана – сына убитого, названного в честь деда, командующего палестинскими силами в войне 1948 года, – держащего в руках автомат АК-47, точно так же как он держал самого Али Саламе на мемориале в честь его отца 25 лет тому назад.

Фрэнк Андерсон, резидент ЦРУ в Бейруте, написал Хасану трогательное письмо с соболезнованиями: «В твоём возрасте я потерял своего отца. Сегодня я потерял друга, которого уважал больше, чем других мужчин. Я обещаю тебе чтить память твоего отца – и быть готовым стать твоим другом»^[599].

Израиль свел счеты с Али Саламе, но ему не удалось прервать связи между США и ООП. Роберт Эймс был очень опечален смертью своего друга и старался наладить связи с человеком, которого ООП назначила ему на замену – Хани аль-Хасаном. После убийства Эймс придерживался позиции, которую многие считали пропалестинской. Он был ключевой фигурой в выработке «Плана Рейгана», который, по существу, являлся первым официальным признанием права палестинцев на создание своего государства.

Стая диких собак

Примерно за неделю до того, как Вадей Хаддад, в агонии от мозгового яда, был помещен в госпиталь в Восточной Германии, в Шин Бет узнали от одного из своих источников с агентурной кличкой «Горничная» о том, что отряд ООП проходит подготовку для осуществления рейда в Израиль. Амос Гилад из подразделения АМАН по борьбе с палестинским терроризмом встретился с «Горничной» на конспиративной квартире в Иерусалиме и после беседы с источником был очень взволнован: «Я понял, что они планировали что-то ужасное и хотели как можно больше жертв»^[600].

Информация, подтвержденная перехватами телефонных переговоров офиса ООП на Кипре, была очень конкретной. В Шин Бет выяснили имена террористов и точное расположение их базы на пляже Дамур близ Бейрута. В спецслужбе знали также, что террористы планируют атаку с моря и что эта акция была нацелена на срыв мирных переговоров, которые Бегин начал с Египтом. Арафат и Абу Джихад приказали провести операцию, ибо справедливо боялись, что перемирие между Египтом и Израилем ослабит палестинцев, поскольку до сих пор Египет был их главным защитником. Рейд был настолько важен для ООП, что Абу Джихад лично инструктировал боевиков и своего руководителя боевых операций в Ливане Азми Зраира.

Гилад хотел ударить первым для того, чтобы упреждающей атакой ликвидировать опасность^[601]. 5 марта 1978 года спецподразделение израильских ВМФ, флотилия 13, осуществила операцию «Бар-Мазал» («Счастливчик»). Ее задача состояла в том, чтобы уничтожить всех террористов на базе в Да-муре, но на самом деле спецназовцы убили только тех, что находились в одном из зданий, тогда как те, которые были в соседних строениях, не выходили из них и не открывали огня, остались невредимыми.

Гилад потребовал, чтобы морские коммандос повторили атаку и завершили работу, однако министр обороны Эзер Вейцман сказал:

«Забудьте обо всех этих спецназовских рейдах. Завтра я лечу в Вашингтон, и они только помешают мне».

Гилад с пеной у рта запротестовал: «Теперь Абу Джихад точно знает, что мы в курсе каких-то его приготовлений. Это только подстегнет его и заставит действовать как можно быстрее. Готовится кровавая атака».

Возможно, Вейцман и был прав в том, что заголовки газет о военной операции Израиля на территории суверенного государства бросят тень на его первый визит в Пентагон в качестве министра обороны, но это его решение оказалось очень дорогим.

11 марта 1978 года в 14:30 одиннадцать боевиков ФАТХ вышли на берег возле кибуца Мааган Михаель, к югу от Хайфы, в Национальном парке, где было много рыбозаводных прудов, а стаи мигрирующих птиц отдыхали на пути в Африку и обратно. Американский фотограф-анималист Гейл Рубин снимала птиц, когда отряд боевиков натолкнулся на нее. Палестинцы были близки к отчаянию после трех изнурительных и опасных дней, проведенных в море, в течение которых двое из них погибли. Поскольку море в этом районе часто штормит и отряд отнесло далеко в открытые воды, палестинцы потеряли ориентацию и думали, что их вынесло на побережье Кипра. Они вздохнули с облегчением, когда Рубин сказала им, что они в Израиле, посередине между Хайфой и Тель-Авивом. Боевики поблагодарили ее и застрелили.

Затем террористы направились к Прибрежному шоссе, соединяющему Хайфу с Тель-Авивом. Угрожая оружием, они угнали сначала машину такси, а потом автобус, взяв водителей и пассажиров в заложники. Боевики приказали водителю автобуса ехать на юг, в Тель-Авив. Абу Джихад приказал им захватить отель, но террористы, воодушевленные тем, что теперь в их руках оказалось много заложников, решили изменить характер операции. В секретном отчете АОИ последовавшие события описывались следующим образом: «Террористы занялись импровизацией – они решили атаковать свои цели с ходу (на протяжении примерно 50 километров шоссе), что было полной неожиданностью, и против чего силы безопасности совершенно не были развернуты».

Террористы стреляли из окон автобуса по движущимся автомобилям и остановили еще один автобус, пассажиров которого они также взяли в заложники. В связи с примененной палестинцами новой тактикой

«силам безопасности оказалось трудно просчитывать ситуацию, сохранять адекватную ее оценку и предпринимать инициативные действия, что серьезно повлияло на течение инцидента и его последствия».

Хотя полиции удалось остановить автобус в северных пригородах Тель-Авива^[602], возникшая неразбериха переросла в хаос: «Главным негативным фактором было отсутствие централизованного управления как среди террористов, которые пытались защититься, стреляя во всех направлениях, так и в стане сил безопасности».

Один из террористов положил руку, сжимавшую пистолет, на голову дочери одного из заложников, Аврама Шамира. Шамир видел, что боевик ранен, и напал на него, захватив оружие и выстрелив по боевику, стоявшему перед автобусом. Затем Шамир трижды выстрелил по другому боевику. «Сзади!» – крикнула одна из женщин-заложниц. Шамир обернулся и увидел, что один из атакующих целится в него. Они оба выстрелили в одну и ту же секунду. Смелый Шамир, все еще способный двигаться, увидел террориста, у которого он вырвал оружие, лежащим на полу и что-то бормочущим. В руке у него была граната с выдернутой чекой. Шамир попытался помешать ему бросить ее, но не сумел, и граната покатилась по полу. Шамир сделал попытку блокировать взрыв, используя тело террориста, но и это не удалось. Граната взорвалась, серьезно повредив Шамиру глаза и убив самого террориста и еще пять заложников. От взрыва автобус загорелся. Некоторые из террористов и заложников сумели выпрыгнуть из него, однако большинство сгорело заживо^[603].

Всего было убито 35 израильтян, 13 из них – дети. 71 человек был ранен. Погибло 9 террористов. Один был схвачен на месте, еще один выявлен в госпитале, куда доставили убитых и раненых. «Я увидел его лежащим на койке, – сказал Арие Хадар, главный следователь Шин Бет, – легко раненного, но с трубками и катетером в вене. Он насмеялся над нами, прямо нам в лицо. Врач все быстро понял. Он повернулся к нам спиной и сказал: “Я сделал, что должен был сделать, а вы делайте то, что должны”. Мы выдернули из него трубки. Он вскрикнул от боли и сразу же стал говорить: “Это Абу Джихад нас послал”».

«Массовое убийство на Прибрежном шоссе», как стали называть этот инцидент в Израиле, было одной из террористических атак в ряду

тысяч других, которые врезались в коллективное сознание народа. Министр обороны Вейцман, казнящий себя за то, что запретил упреждающую операцию, помчался домой в Израиль и приказал Армии обороны осуществить масштабное вторжение в Южный Ливан, операцию «Литани». Через три дня после атаки боевиков израильские танки и парашютисты вторглись в Ливан с целью ликвидировать как можно больше боевиков ООП, разрушить их базы в Южном Ливане и оттеснить их на север от реки Литани, на 25 километров от израильской границы.

Операция тогда достигла лишь некоторых из своих целей. Было убито около 30 боевиков ООП, их базы разрушены, склады вооружений захвачены. В дополнение к этому были созданы и размещены в регионе временные силы ООН в Ливане (UNIFIL). Были также образованы военизированные формирования Свободной армии Ливана, произраильски настроенные и включавшие в себя христианскую милицию. Однако со временем даже таких сил стало не хватать для того, чтобы предотвратить обстрелы Израиля ракетами и трансграничные операции отрядов ООП.

На волне гнева, охватившего израильтян в связи с убийством мирных жителей, израильские солдаты в ходе операции «Литани» тоже совершили акты расстрела пленных и грабежей^[604]. Израиль еще раз был подвергнут суровому международному осуждению.

Вейцман понял, что масштабные войсковые операции в Ливане невозможны. Что касается операций «Моссада», то для их подготовки требовались месяцы: необходимо было разработать детали проникновения в «целевое» государство под надежным прикрытием, осуществить акцию и выйти из нее без раскрытия противником. Поэтому Вейцман принял решение об осуществлении «точечных» рейдов и «целевых» убийств силами специального назначения – группами коммандос в полном боевом снаряжении. Такая тактика обещала быть менее сложной, более быстрой и не требовала никаких легенд. Для выполнения большинства подобных операций было выделено и подразделение – группы морских коммандос флотилии 13.

Человеком, поставленным Вейцманом во главе операций в Ливане, был генерал Рафаэль «Рафуль» Эйтан, назначенный начальником Генерального штаба АОИ в апреле 1978 года. Эйтан, фермер и столяр, был отличным парашютистом, который не знал страха в битвах, и

политическим ястребом, который верил в необходимость перенесения центра войны в тыл противника, чтобы тревожить его на самих базах подготовки агрессии^[605].

Эйтан никогда не связывал себя нормами политкорректности. В ответ на забрасывание палестинцами камнями израильтян на Западном берегу, он предложил кнессету построить как можно больше израильских поселений, чтобы арабы «могли только бегать вокруг, как бешеные пауки в банке». Одним из первых его действий на посту начальника Генерального штаба было снятие судимости с двух офицеров Армии обороны Израиля. Одним из них был У., военный следователь, у которого в результате жестких допросов умерли два палестинца, подозреваемые в терроризме, в том числе участвовавший в атаке на Найроби. Другим был лейтенант Даниель Пинто, который пытал и застрелил двух арабских пленников во время операции «Литани», а затем бросил их тела в колодезь^[606].

Медведеподобный и очень немногословный, Эйтан обратился к морским командос на их базе в Атлите вскорости после занятия поста начальника Генерального штаба. «Вы, морские спецназовцы флотилии 13, похожи на причиндалы священника, – сказал он. – Ими не пользуются, но иметь их все равно приятно»^[607]. Он сделал небольшую паузу и осмотрел всех собравшихся, чтобы удостовериться, что все смеются его грубой шутке. Потом сразу стал серьезным, откашлялся и произнес главное: «Все это сейчас изменится».

Флотилия 13 была создана в 1949 году как секретное спецподразделение для тайных операций и ликвидаций с использованием морского пространства. Девиз, сочиненный основателями отряда, соответствовал этому духу: «Как летучая мышь, нападающая из темноты; как лезвие меча, рассекающее тишину; как грохот от взрыва гранаты, раскатывающийся подобно грому». Эмблемой подразделения стали крылья летучей мыши на фоне Израиля. Восемнадцатимесячная боевая подготовка командос по своей сложности была сопоставима с подготовкой спецназовцев «Сайерет Маткаль», если не сложнее. На ее завершающем этапе моряки тоже проходят адскую симуляцию попадания в плен.

Между 1978 и 1980 годами флотилия 13 осуществила 23 рейда против ООП на ливанской территории или в море^[608]. В ходе этих

операций было убито около 130 вражеских боевиков, сотни были ранены, уничтожено множество складов с оружием и боеприпасами. Некоторые операции флотилии были нацелены на ликвидацию целых террористических отрядов, готовившихся к рейдам внутрь Израиля. Другие были направлены против конкретных людей, особенно из окружения Абу Джихада.

Под руководством Эйтана начали меняться принципы действий соединения. Например, в ходе операции против старшего полевого командира Абу Джихада – Азми Зраира, который нес ответственность за многочисленные атаки против израильтян, включая атаку на отель Savoy на Прибрежном шоссе, «Румменинге» и его сеть источников установили, что Азми руководил своими акциями из лагеря беженцев в порту Тира и регулярно встречался со своим помощником в прибрежном кафе.

5 августа 1980 года командос должны были отправиться на резиновых лодках к ливанскому побережью, остановиться в километре от него, проплыть это расстояние до волнолома под водой и уже с волнолома расстрелять из снайперских винтовок Зраира и его помощника. На последнем инструктаже Эйтан приказал своим людям заминировать волнолом, чтобы помешать любым попыткам врага преследовать бойцов флотилии 13.

Ами Аялон, командир флотилии 13, возразил: «Я сказал ему “Господин начальник Генерального штаба, мы не будем минировать волнолом, – вспоминал Аялон, – ведь туда могут прийти дети или, например, влюбленные парочки”». Но «Рафуль» настаивал. Он даже не потрудился как-то оправдать свой приказ^[609].

Затем Эйтан пошел еще дальше: «После того как вы убьете Зраира, обстреляйте из автоматов весь пирс, чтобы убедиться, что никто вам не ответит».

«Я сказал ему “Послушайте, где здесь логика? – продолжал Аялон. – Кого мы польем огнем? Всех гражданских, которые там будут? Зачем тогда вообще посылать нас, чтобы точно кого-то убить? Отправьте ВВС. Они сбросят на пирс однотонную бомбу, и дело будет сделано”».

В конечном счете приказы Эйтана не понадобились: в день намеченной атаки подразделения АОИ ответили на ракетные обстрелы из Ливана артиллерийским огнем по лагерю беженцев в Тире. Из-за возникшей паники никто, конечно, в прибрежное кафе не пришел^[610].

Спор между Аялоном и Эйтаном возник из-за новых и сомнительных реалий, которые создала активность Израиля в Ливане. Когда «Моссад» работал по целям из числа членов ООП в Европе, он строго следовал линии на избежание нанесения ущерба невинным людям. Немало планов таких акций было отменено из-за того, что под угрозой могли оказаться жизнь и здоровье гражданских лиц. Однако в тех случаях, когда цели находились во вражеских странах, а под «невинными людьми» подразумевались арабы, решения по проведению акций стали приниматься быстрее. Кроме того, все операции «Моссада» должны были утверждаться гражданским политически ответственным лицом – премьер-министром, который обычно участвовал в планировании мероприятий. Что же касается Армии обороны Израиля, только некоторые ее операции требовали утверждения на политическом уровне и лишь после того, как они уже были согласованы в АОИ. Даже при этом утверждал операцию министр обороны, а не премьер-министр. Вторжения в Ливан рассматривались как военные операции – а на войне разрешается многое, особенно на арабской территории. Вопрос о сопутствующих жертвах становился менее важным.

Стандарты поведения в коррумпированном и раздираемом войной Ливане стали проникать и в среду израильтян, которые отправлялись в эту страну, чтобы защищать своих сограждан. Эйтан возглавлял и даже поощрял этот тренд. «Подход “Рафуля” состоял в том, каких палестинцев мы убиваем в Ливане – они либо уже являлись террористами, либо в будущем должны были стать террористами, либо должны были родить террористов, – говорил Давид Шиек, в то время заместитель командира флотилии 13^[611]. – Однажды “Рафуль” был с нами на ракетном катере, который направлялся в рейд, и офицер спросил его, как мы определим террористов. “Рафуль” ответил:

“Если у них в руках не будет воздушных шариков (с празднования дня рождения), значит это – террористы”»^[612]. Другой сотрудник морского спецподразделения вспоминал операцию, о которой официальный представитель Армии обороны Израиля отчитался, что «в ходе нее было убито 30 террористов». На самом деле командос по ошибке попали в автобус, в котором было много женщин и детей.

Вдобавок ко все более кровавым операциям командос Вейцман разрешил Эйтану существенно активизировать действия израильских

подразделений в Ливане, особенно отряда 504 военной разведки АМАН. Однако в той дикой обстановке, которая существовала в Ливане в конце 1970-х годов, казалось, было позволительно все. В нескольких случаях подразделение 504 разрешало своим агентам уничтожать людей без разрешения или даже без ведома старших начальников. Например, в декабре 1978 года агент по имени Мухаммад Абдалла заподозрил одного человека в том, что тот видел, как Абдалла вел передачу на Израиль. «В ту же ночь этот человек умер, проглотив некую таблетку», – сказал Яир Давид, который руководил северным филиалом подразделения 504. В другом случае, в июле 1979 года, сирийский боевик по имени Касим Хараш угрожал израильским агентам раскрытием. «Мы созвали заседание специального трибунала, – похвалялся Давид, – в котором я исполнял роли одновременно и судьи, и прокурора, и защитника. Мы единогласно приговорили этого человека к смерти без права на апелляцию»^[613]. Агент подразделения 504 по кличке Бразилец застрелил Хараша. Другие агенты принесли его тело в Израиль и похоронили его на кладбище для погибших врагов лицом вниз, что является высшей мерой унижения.

Израильская разведка организовывала свое постоянное присутствие в Ливане как для сбора информации об Арафате, так и для дестабилизации ООП^[614]. При решительной поддержке Бегина израильские спецслужбы образовали тайный союз с «Фалангой» – военизированным формированием ливанских христиан-маронитов, которые являлись заклятыми врагами палестинцев. У маронитской милиции были свои источники, и она делилась собранной информацией с израильтянами. Под защитой «Фаланги» «Моссад» смог организовать собственную базу неподалеку от Бейрута, а офицеры АОИ могли устраивать рекогносцировочные рейды по Ливану, получая важные разведданные об ООП и сирийских войсках.

Однако это сотрудничество дорого стоило израильтянам в моральном отношении. Фалангисты были чрезвычайно жестоки, «они представляли собой банду разложившихся изуверов, напоминавшую мне стаю диких собак», говорил Узи Даян, племянник Моше Даяна, командовавший в то время «Сайерет Маткаль»^[615].

Они украшали свои пояса ушами, отрезанными у убитых ими людей, – этими ужасными трофеями войны. Хвастались массовой

бойней, которую устроили в лагере палестинских беженцев Тель аль-Заатар – на Тимьяновом холме – в августе 1976 года. Один из фалангистов тогда провозгласил нечто похожее на их слоган: «Одна тысяча палестинцев, брошенная в океан, – это загрязнение окружающей среды; а пять миллионов палестинцев, сброшенных в океан, – это решение проблемы».

Фалангисты проявляли жестокость не только по отношению к палестинцам. Их главный палач, боевик по имени Роберт Хатем, получивший подготовку в Израиле, хвастался тем, что лично участвовал в убийстве 3000 человек^[616]. Фалангисты приспособили для своих преступлений старую скотобойню в районе Карантина в Бейруте, куда привозили пленников. «Почти никто из тех, кого доставляли туда на допросы, не выжил, – говорил Хатем. – Мы стреляли им в голову и сбрасывали в ямы с известкой – этих сирийцев, шиитов, палестинцев и сукиных детей – офицеров ливанской армии. Всех тех, кто хотел убить нас, мы убивали первыми».

Хатем рассказывал, что офицеры «Моссада» утвердили убийство всего нескольких пленников, включая четырех иранских дипломатов, которых фалангисты пытали, прежде чем расстрелять и сбросить в яму. Однако широкая кампания убийств, осуществлявшаяся «Фалангой», имела явную и сильную поддержку со стороны израильтян.

«Перед установлением наших взаимоотношений с “Фалангой” я принял таблетку от тошноты и пошел исполнять приказ, – говорил Рувен Мерхав, который возглавлял подразделение по связи с фалангистами. – Враг моего врага – это мой друг, а они серьезно помогали нам в борьбе с ООП. Но чем больше проходило дней, тем больше я убеждался в том, что связь с такими людьми до добра не доведет»^[617]. Мерхав покинул «Моссад» в знак протеста против сотрудничества с фалангистами, но стратегический альянс разведки с маронитами только углублялся.

Лидеры «Фаланги» точно распознали сентиментальную натуру Бегина и знали, как добиться его поддержки. «Бегин позиционировал себя как спаситель угнетенных, как помощник людям в беде, – говорил Мордехай Цип-пори, который служил под командованием Бегина еще в «Иргуне» и с тех пор оставался его близким другом, став высокопоставленным военным и заместителем министра обороны в

кабинете Бегина. – Он не очень хорошо разбирался в истории и в том, как вести дела на Ближнем Востоке. Он был убежден, что фалангисты являлись прозападным христианским меньшинством, которое ООП хотело уничтожить. Примерно так же, как евреев в Израиле»^[618].

Циппори оказался единственным политиком в администрации, который пошел против «Моссада» и АОИ, пытаясь убедить их и Бегина, что «мы не должны быть патронами фалангистов и давать вмешивать себя в их конфликты»^[619]. Но усилия Циппори были напрасными. «Роскошь банкетов в Джуньехе (где была расположена штаб-квартира “Фаланги”) затмевала справедливость суждений у многочисленных военных начальников Израиля».

И все же, несмотря на то что в известковых ямах Хатема без следа исчезло множество убитых фалангистами, различные военизированные подразделения ООП смогли отвоевать свои позиции в Южном Ливане. С них они обстреливали ракетами и снарядами израильские поселения, расположенные вдоль границы, а Армия обороны Израиля отвечала ударами по палестинским опорным пунктам с помощью артиллерии и бомбардировочной авиации. В течение всего 1979 года обе стороны применяли рутинную и казавшуюся бесконечной практику обмена ударом за удар.

22 апреля 1979 года около полуночи террористическая группа одной из связанных с ООП организаций, которую возглавлял Абу Аббас, высадилась с резиновых лодок на песчаное побережье возле Нахариин, израильского городка в 12 километрах к югу от границы с Ливаном. Одним из четырех членов группы был Замир Кунтар, которому в ту пору было 16 с половиной лет. Они порывались вломиться в один из домов, но были отогнаны оружейным огнем. Тогда палестинцы убили полицейского, который пытался арестовать их, проникли в квартиру семьи Харан и взяли отца семейства, Данни, и его дочь Эйнат, четырех лет, в заложники. Вытащили их на пляж, где уже расположились израильские солдаты и полицейские. Последовала перестрелка. Кунтар застрелил Данни, а затем схватил Эйнат за волосы и стал колотить ее головой о прибрежный камень, пока она не умерла.

Жена Данни, Смадар, сумела спрятаться в чулане с младшей двухлетней дочерью Яэль. Смадар закрыла ладонью рот Яэль, не давая ей плакать, чтобы преступники не нашли их^[620]. «Я знала, что если Яэль заплачет или закричит, террористы бросят в чулан гранату и

убьют нас, – написала Смадар в статье в газете The Washington Post, которая должна была пробудить мировую озабоченность ужасами терроризма. – Я зажимала ей рот рукой, надеясь, что она сможет дышать. Лежа в чулане, я вспоминала, как мать рассказывала мне, как во времена холокоста ей приходилось прятаться от нацистов. И подумала: “Со мной происходит то же самое, что происходило и с моей матерью”».

В панике и из страха Смадар зажала девочке рот слишком сильно. Она задушила свою маленькую дочь.

Командующий Северным военным округом АОИ генерал-майор Авидгор «Янош» Бен-Гал прибыл на место трагедии вскоре после случившегося. Он увидел разбитую голову Эйнат, безжизненное тело Яэль и рыдающую от горя Смадар, которая поняла, что потеряла все, что у нее было. «Вы не можете себе представить всего ужаса этого убийства», – сказал Бен-Гал. На похоронах Данни и двух его дочерей премьер-министр Бегин произнес строчку из поэмы великого еврейского поэта Хаима Нахмана Бялика: «Сатана не придумал еще отмщения за кровь невинного младенца».

Жуткое убийство в Нахарии стало еще одной отметкой на пути скатывания конфликта между Израилем и ООП в тотальную войну^[621]. Начальник Генерального штаба Эйтан отдал Бен-Галу простой приказ: «Убивайте их всех», подразумевая под этим всех членов ООП и любого человека, связанного с этой организацией в Ливане.

Эта политика никогда не была утверждена правительством Израиля. Сейчас уже трудно установить, до какой степени был в курсе этой линии министр обороны Вейцман, который когда-то был отъявленным ястребом, но к тому времени сменил свои взгляды на умеренные. «У нас с Вейцманом было много разногласий по многим текущим вопросам – так описывал свои отношения с министром обороны Эйтан. – Я стоял за то, чтобы проводить ответные акции против террористов в Ливане. (Вейцман) часто менял свою позицию... для того, чтобы добиться расположения и ублажить общественное мнение. Эзер просто не понимал арабов... Уступки воспринимаются ими как признак слабости и усталости от борьбы... Эзер не принимал мою точку зрения, а я не воспринимал его взгляды»^[622].

С согласия Эйдана Бен-Гал назначил человека, которого называл «лучшим специалистом по специальным операциям в АОИ», человека,

который десять лет тому назад подавил терроризм в секторе Газа, Меира Дагана, командующим южноливанским регионом^[623]. Дагана произвели в полковники, и Бен-Гал взял его с собой в поездку на вершину самого высокого холма, с которого открывался вид на весь Южный Ливан. «С этого момента, – сказал Бен-Гал, – ты здесь император. Делай все, что хочешь».

Бен-Гал и Эйтан определили для Дагана главную цель: подавлять, предотвращать и дать понять противнику, что Израиль готов к агрессивному наступлению, а не только к реактивной обороне. Если говорить более конкретно, целью тайных операций на первом этапе было разбить базы ООП по всему Южному Ливану, равно как и дома жителей, которые помогали террористам и предоставляли им укрытия перед операциями против Израиля.

Руководствуясь этой директивой, Даган действовал по своему усмотрению. В штаб-квартире своего командования в городке Марджайоун он создал из разведчиков и оперативников секретную группу, которая подчинялась только ему. «Я дал ему полную свободу в проведении секретных операций, – говорил Бен-Гал. – Меир любил тайные мини-войны, которые велись в темноте и ночью, работу по сбору разведывательных данных и организацию всяких заговоров, как больших, так и маленьких. Это его конек. Он очень смелый, креативный, с твердым собственным мнением, готовый на серьезный риск. Я знал, что он делает, но не вмешивался. Иногда полезно делать вид, что ничего не замечаешь»^[624].

Давид Агмон был начальником штаба командования Северного округа, одним из немногих людей, которые были в курсе секретных операций Дагана. «Цель, – рассказывал он, – состояла в том, чтобы сеять хаос среди палестинцев, сирийцев и ливанцев, не оставляя израильских следов^[625]. Нужно было поддерживать у них чувство, что они постоянно находятся под угрозой атак Израиля, и создавать у них полное ощущение отсутствия безопасности». Для того чтобы не оставлять израильских отпечатков, Даган и его команда широко привлекали местных ливанцев – христиан и мусульман-шиитов, которые ненавидели Арафата и были в ярости от того, как палестинцы обращались с ливанским народом и вели себя в Ливане словно на своей земле. Используя составленные из этих людей «операционные отряды», как это называлось, командование южноливанским регионом

под началом Дагана начало осуществление ряда «целевых» убийств и диверсий в Южном Ливане.

«“Рафуль” и я санкционировали операции одним только подмигиванием, – рассказывал Бен-Гал. – Я, бывало, говорил ему: “Рафуль, нам нужно провести операцию”^[626]. Он отвечал: “Хорошо, но ничего в письменном виде. Это только между мной и тобой, лично... Мне не нужна известность”. Мы не прибегали к армейской бюрократии, потому что вопрос о том, проводить или не проводить акцию, решался между нами. Мы использовали местных как военизированные формирования, как наемников. Мы умели мотивировать их – христиан, шиитов и суннитов – и умели играть с ними в кошки-мышки».

Главным методом осуществления таких операций было использование взрывчатки, спрятанной в емкостях из-под топлива и консервированных продуктов. Поскольку эти мероприятия не были официально санкционированы руководством АОИ и должны были скрываться от других военных, Бен-Гал попросил правление кибуца Маханаим, где он жил в то время, дать разрешение использовать в наших интересах слесарные мастерские Диюк, расположенные в кибуце. «Разумеется, мы дали ему ключи и оказывали всяческую поддержку, – говорил один из членов правления. – Он же был командующим округом. Он был для нас как король».

Взрывчатка поставлялась специальным отрядом по разминированию взрывных устройств. Эйтан приказал командиру отряда взаимодействовать с нами, не посвящая его в цели этого взаимодействия^[627]. Отряд специализировался на утилизации отслуживших свой срок или неразорвавшихся ракет, мин и гранат, в том числе и израильских трофеев. Используя такую взрывчатку, Армия обороны минимизировала риск установления связи операций с Израилем, даже если взрывные устройства попадали в руки врага.

«Обычно мы приходили в этот отряд ночью, – говорил Бен-Гал. – Меир, я и другие офицеры в сопровождении начальника инженерно-саперных войск Северного округа, который нес с собой взрывчатку, а мы закладывали ее в банки и вставляли взрыватели»^[628]. Потом эти взрывные устройства передавались курьерам, которые переносили их в нужное место в рюкзаках, а если изделие было большое – то на мотоциклах, велосипедах или ослах. Вскоре эти бомбы начали

взрываться в домах коллаборационистов, сотрудничавших с ООП, убивая всех вокруг. Также взрывались позиции и офисы ООП, главным образом в Тире, Сидоне и расположенных поблизости палестинских лагерях беженцев.

Для Бен-Гала и Дагана принятая ими «стелс-тактика» – производство взрывных устройств в кибуце под покровом ночи, их доставка к целям с помощью ливанских боевиков – была необходимой мерой, предназначенной для того, чтобы скрыть подготовку этих акций не только от ООП, но и от собственного правительства и даже своих коллег по Армии обороны Израиля. Они развернули тайную, несанкционированную кампанию на иностранной территории. В принципе командование Северного округа обязано было докладывать об обстановке военной разведке АМАН, которая должна была принимать участие в такого рода операциях, точно так же как и главному оперативному управлению Генерального штаба, который должен был утверждать их. «Однако мы полностью исключили их из этой нашей деятельности», – говорил Бен-Гал. По словам Дагана, в АМАН «не понимали, что собой представляет настоящая тайная операция, насколько важной была наша деятельность».

Если быть точнее, военная разведка вообще не соглашалась верить в важность несанкционированных убийств. Тогдашний руководитель АМАН генерал-майор Йехошуа Саги был осторожным человеком и сомневался в эффективности операций, проводившихся Даганом. Он не видел ситуацию в Ливане черно-белой, как Эйтан, и постоянно повторял, что Израиль в этой стране может быть втянут в слишком сложную передрыгу, справиться с которой ему будет сложно. «Бен-Гал даже пытался помешать мне посещать командование Северного округа и вообще этот регион», – вспоминал Саги^[629].

«В командовании Северного округа шла постоянная борьба, – говорил сотрудник АМАН Амос Гилбоа. – Они обходили нас, работали за нашей спиной; Янош (Бен-Гал) постоянно лгал нам. Мы не верили ни одному их отчету. Ситуацию сильно осложняло то, что все это осуществлялось с одобрения начальника Генерального штаба, который скрывал их деятельность от этого ведомства. Это был один из самых неприглядных периодов в истории нашей страны»^[630].

Как утверждает Бен-Гал, «Саги понял, что происходит что-то неправильное», и попытался собрать факты^[631]. Он приказал своему

отряду безопасности – «Грифам», которые отвечали за то, чтобы по незащищенным каналам связи солдаты не разбалтывали секреты, – подсоединиться к телефонам командования Северного округа. «Однако мои связисты поймали их за подключением к нашему коммутатору и заперли в шкафчиках для переодевания», – говорил Бен-Гал, гордый тем, что ему удалось вскрыть «заговор АМАН».

У Бен-Гала был аппарат шифрованной связи^[632], линия которого соединяла его штаб-квартиру в Назарете с командными пунктами, которые имел Даган на северной границе Израиля и внутри ливанской территории. «Это было первое, что он показал мне, – вспоминал Эфраим Снех, в то время старший офицер командования Северного округа, когда описывал, как Бен-Гал впервые рассказал ему о тайных операциях. – Он указал на некое подобие телефонного аппарата и сказал: “Эта штука для того, чтобы Иехошуа (Саги) не мог подслушивать, а АМАН оставалось бы только утопиться”». Снех говорил, что Бен-Гал и Эйтан «были правы в своем отношении к Саги, который был доносчиком и губил на корню всякую хорошую инициативу».

Вскоре Саги отправился к премьер-министру Бегину жаловаться на то, что Бен-Гал приказал Дагану минировать трупы террористов, убитых в стычках, чтобы ликвидировать их товарищей, когда они пытались выносить убитых с поля боя. Из этого Бен-Гал сделал однозначный вывод – АМАН удалось прослушивать его кодированную связь^[633].

«Другого выхода у нас не оставалось, – сказал Бен-Гал. – Чтобы сохранять секреты, мы могли обсуждать наши вопросы только в личных беседах». Время от времени, обычно раз в неделю, Эйтан ехал на машине из Тель-Ада-шима, сельскохозяйственного поселка, в котором жил, в расположенную поблизости штаб-квартиру командования Северного округа в Назарете, чтобы встретиться с Бен-Галом и распланировать следующие шаги в их «теневой войне».

И даже при этом не все удавалось держать в секрете. В начале 1980 года различные люди в Армии обороны во главе с Саги начали информировать заместителя министра обороны Циппори о том, что Бен-Гал проводит жестокие незаконные операции в Ливане. Они обратились к Циппори потому, что он являлся единственным политиком, который имел смелость откровенно говорить о том, что

происходит в Ливане. «Они рассказывают мне о том, что в Ливане повсюду гремят взрывы и что Янош даже минирует дороги, контролируемые АОИ, чтобы создать видимость, будто за этими акциями стоит ООП»^[634].

В июне Циппори узнал, что за два месяца до этого в ходе операции, нацеленной против боевиков ООП, были убиты женщины и дети, когда в машине взорвалась бомба на одной из главных дорог в западном секторе Южного Ливана. «“Рафуль” не сообщал об этой операции наверх для получения одобрения, потому что мы боялись, что не получим разрешения на подобную акцию», – говорил Бен-Гал^[635]. И во внутренних отчетах в армии, и публично командование Северного округа утверждало, что операция – дело рук местной южноливанской милиции, что внешне выглядело правдоподобным, но не соответствовало действительности.

«Одной из машин удалось проскочить. Но две взорвались и загорелись. Там не было палестинских шишек. Но нескольких боевиков мы уничтожили», – рассказывал Бен-Гал.

«Я считал, что все это ужасно», – говорил Циппори. Он требовал, чтобы Бегин, который являлся тогда и министром обороны (Вейцман подал в отставку в мае), вышвырнул Бен-Гала и Дагана из армии. «Менахем, мы суверенное государство. Все, что делает армия, она может делать только с разрешения кабинета. А в кабинете, если бы такие вопросы были поставлены на обсуждение, я высказал бы свою точку зрения. Но эти вопросы на заседаниях кабинета не поднимались, и никто не давал согласия на операции».

Бен-Гала вызвали в офис министра обороны в Тель-Авиве, где его ждали Бегин, Циппори, Эйтан и Саги^[636]. «Вы осуществляете в Ливане несанкционированные акции. В ходе них погибли женщины и дети», – набросился на Бен-Гала Циппори.

«Не совсем точно, – отвечал Бен-Гал. – Были убиты четверо или пятеро террористов. Кто разъезжает по Ливану на “мерседесе” в два часа ночи? Только террористы».

Циппори начал возражать: «Командующий Северным военным округом, который творит такие вещи без одобрения Генерального штаба, должен быть смещен со своей должности. Я являюсь заместителем министра обороны, и я ничего не знал об этих акциях. Вы, господин Бегин, являетесь премьер-министром и министром

обороны, и тоже ничего не знали о них. Начальник Генерального штаба тоже был не в курсе».

Бен-Гал делал Эйтану незаметные знаки рукой, чтобы тот встал и сказал, что все осуществлялось с его одобрения. Но Эйтан, поняв, что наговаривать на себя не готов, не реагировал на жесты Бен-Гала, рассматривая свои часы, которые снял и крутил в руках.

Наконец Бегин произнес: «Генерал Бен-Гал, я хочу спросить у вас как у офицера и человека слова и чести: вы получали разрешение на операции от кого-нибудь из своих начальников?»

«Да, господин премьер-министр, такое разрешение я получал».

«Я верю командующему Северным военным округом. Армейский генерал не станет лгать, – сказал Бегин. – Дело закрыто. На этом я прекращаю данное совещание».

Знал ли Бегин, что происходит вокруг него? Циппори, который по-прежнему относился к нему как к почитаемому командующему и уважаемому премьер-министру, был уверен, что военные все время обманывали премьера, используя его трепетное отношение к своим генералам. Другие считали, что Бегин, искушенный политик, полностью понимал ситуацию, но предпочитал занимать притворную позицию отрицания их ужасных деяний. В любом случае высшие армейские командиры поняли, что не имеет смысла просить премьер-министра как-то исправить ситуацию.

Хотя борьба между АМАН и командованием Северного округа продолжалась и АМАН даже узнала о случаях, когда северное командование минировало автомашины и ослов, в конечном счете в военной разведке решили спустить все на тормозах. «Проводилось много операций, которые рассматривались как малозначительные, по существу тактические, поэтому мы решили оставить это дело, – пояснил Гилбоа. – Мы сказали себе: “Возможно, лучше делать вид, что мы ничего не знаем, чем нанести политический ущерб стране”. Что-то типа “позвольте детям встать и играть перед нами...”»^[637]

В данном случае Гилбоа процитировал Писание от Самуила, стих 2:14, который, по существу, означает: «Дайте детям наслаждаться радостью». Целями Бен-Гала были в основном рядовые боевики ООП, а его операции представляли собой не более чем тактические стычки. В этой секретной войне не пострадал никто из руководства Организации освобождения Палестины. Смысл высказывания Гилбоа

в том, что эти акции были для Дагана своеобразной игрой. «Это как с живописью – а он пишет очень недурно, – говорил Гилбоа. – Эти операции просто были для Меира хобби».

«Для меня было удобно, что эта деятельность осуществлялась в “серой зоне”, – продолжал Бен-Гал. – Просто иногда никто не должен об этом знать. Есть такие вещи, которые лучше не раскапывать, как это делал Циппори, не стараться расследовать их до конца. Да, Даган был диким человеком, но дикая молодая лошадь, которая берет высокие препятствия и даже может сломать ногу, лучше, чем ленивый мул, которого вы должны нещадно стегать кнутом для того, чтобы заставить сделать пару шагов вперед»^[638].

5 августа 1981 года премьер-министр Менахем Бегин назначил Ариэля «Арика» Шарона министром обороны Израиля. Бегин глубоко восхищался этим бывшим генералом – «славным командующим армиями», «международным стратегом», как он его называл, хотя и настороженно относился к агрессивности Шарона и его нежеланию подчиняться власти вышестоящих руководителей. «Шарон способен на то, чтобы атаковать кнессет танками», – полушутя-полусерьезно говорил Бегин за два года до этого.

Тем не менее Бегин считал Шарона человеком, который сможет осуществить уход израильтян с Синайского полуострова после подписания мирного договора с Египтом – задачу, которую, несмотря на жесткие демонстрации поселенцев и крайне правых, Шарон смог выполнить без кровопролития.

Одновременно Шарон использовал свои prerogatives для того, чтобы построить больше поселений на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, которые в качестве оккупированных территорий подпадали под юрисдикцию Министерства обороны. Шарон смог привнести в оборонное сообщество боевой и деятельный дух. Шарон и Эйтан, который в 1950-х годах служил под началом Шарона в парашютной бригаде АОИ, видели огромную важность борьбы с ООП и разгрома баз организации в Ливане. Они приказали начать разработку большой военной кампании в Ливане.

«Планы Шарона становились нам понятными очень медленно, – говорил Эфраим Снех. – Сначала он приказал нам подготовить ограниченное войсковое проникновение в Ливан и только позднее поручил составить карты массированного вторжения, вплоть до дороги

между Дамаском и Бейрутом». Давид Агмон, начальник штаба Северного военного округа, говорил, что на более поздней стадии Шарон приказал ему подготовить план оккупации всего Ливана и даже некоторых частей Сирии. «Нам было понятно, что всего мы не знали, – рассказывал Снех, – и что правительство знало еще меньше, чем мы».

Даже Шарон понимал, что Израиль не может так просто вторгнуться в Ливан и оккупировать его часть. В июле 1981 года специальный посланник президента Рейгана по Ближнему Востоку Филип Хабиб выступал в качестве посредника в переговорах Израиля и ООП по Ливану. Шарон и Эйтан яростно протестовали против соглашения, которое не включало в себя пункт об отказе ООП от атак против израильтян в других местах, например на оккупированных территориях и в Европе. Для Шарона граната, брошенная в синагоге в Париже, должна была рассматриваться как серьезное нарушение перемирия. Кроме того, Бегин и Шарон считали палестинцев ответственными за любой террористический акт где бы то ни было в мире, даже если его совершали организации, не принадлежащие к ООП. Международное сообщество смотрело на эти вещи по-другому, и Хабиб ясно дал понять израильтянам, что Соединенные Штаты поддержат наземное вторжение Израиля в Ливан только в качестве ответной меры на массированную провокацию со стороны ООП.

Шарон справедливо полагал, что каждый день перемирия дарит Арафату и его людям время для того, чтобы консолидировать свои позиции в Ливане и улучшать свою военную инфраструктуру в этой стране^[639]. Он решил немного ускорить развитие событий, чтобы суметь реализовать свой план и активизировать секретный аппарат Дагана в командовании Северного округа. «Цель второй фазы этого плана, – пояснял Снех, – состояла в том, чтобы посеять в районах массового присутствия палестинцев в Тире, Сидоне и Бейруте хаос, который создаст реальную и убедительную причину для израильского вторжения»^[640].

Шарон отправил Рафи Эйтана в качестве своего личного эмиссара для наблюдения за тайными операциями на севере. Эйтан – убийца тель-авивских темплеров, человек, захвативший Эйхмана, и руководитель операции против немецких ученых в Египте. В «Моссаде» вызвало недоумение, когда его обошли с должностью директора. В 1981 году он был назначен советником премьера по

антитеррору и главой ведомства «Лакам», разведывательного подразделения Министерства обороны, занимавшегося в основном промышленным и научно-техническим шпионажем.

С середины сентября 1981 года в палестинских районах Бейрута и других ливанских городов регулярно взрывались заминированные автомобили^[641]. Одна такая машина взорвалась в районе Фахани в Бейруте 1 октября, убив 83 человека и ранив 300, включая 80 женщин, которые оказались охваченными огнем в загоревшейся фабрике по производству одежды, принадлежавшей ООП. Другой автомобиль взлетел на воздух поблизости от филиала ООП в Сидоне, убив 23 человека. Только в декабре 1981 года 18 бомб, размещенных в автомашинах, мотоциклах, на велосипедах или ослах, сработали поблизости от офисов ООП или в местах массового расселения палестинцев, принеся многочисленные смерти.

Ответственность за эти террористические акты взяла на себя новая и до тех пор неизвестная организация, называвшая себя «Фронт освобождения Ливана от иностранцев». Взрывчатка расфасовывалась теперь в пакеты из-под стирального порошка Ariel, так что, если машину с ней останавливали на блокпостах, груз выглядел вполне невинно. В некоторых случаях израильтяне вербовали женщин-водителей, чтобы уменьшить вероятность перехвата машины по пути ее следования к цели.

Бомбы для автомашин разрабатывали в лабораториях Управления специальных операций Армии обороны Израиля (Maarach Ha-Mivtsaim Ha-Meyuchadim). Там же производили самые первые экспериментальные образцы летающих дронов. Эти дроны выпускали особые лучи, которые приводили в действие детонирующие устройства на взрывных зарядах. Один из местных агентов Дагана подводил автомашину как можно ближе к цели под наблюдением с воздуха и с земли, запарковывал ее там и покидал место операции. Когда наблюдатели «ловили» момент, которого ожидали, они нажимали кнопку, и машина взлетала на воздух.

Шарон рассчитывал, что такие операции спровоцируют Арафата на нападение на Израиль, который ответит вторжением в Ливан, или, по крайней мере, заставят ООП предпринять ответные действия против фалангистов, в связи с чем Израиль мог бы ввести в Ливан большие силы под предлогом защиты христиан.

«Фронт освобождения Ливана от иностранцев» начал также атаковать сирийские объекты в Ливане и даже брать на себя ответственность за операции против подразделений Армии обороны Израиля. «Мы никогда не были связаны с действиями против наших войск, – заявлял Даган, – но Фронт брал такую ответственность для того, чтобы создать видимость, будто бы он действует против всех иностранных сил в Ливане».

Ясир Арафат не поддавался на эти уловки. Он обвинял «Моссад» и во взрывах, и в акциях Фронта. Однако и эта позиция Арафата была не совсем верна. На самом деле в «Моссаде» были категорически против того, что делали Бен-Гал и Даган.

«При поддержке Шарона, – говорил один из офицеров тех времен, – творились ужасные вещи. Я отнюдь не вегетарианец, был сторонником операций по ликвидации, которые проводил Израиль, и даже участвовал в некоторых из них. Но здесь мы говорим о массовых убийствах во имя самого убийства, чтобы сеять хаос и чувство тревоги среди населения. С каких это пор мы отправляем на базары осликов с поклажей из взрывчатки, чтобы взрывать их там?»^[642]

Другой сотрудник «Моссада», бывавший в Ливане в то время, рассказывал: «Я видел с некоторого расстояния, как на воздух взлетал начиненный взрывчаткой автомобиль, который разрушал всю улицу^[643]. Мы учили ливанцев, как достигать большей эффективности при взрыве бомбы. Все, что потом мы видели в арсенале «Хезболлы»^[644], на самом деле имело своей отправной точкой те наши операции».

Даган и Бен-Гал твердо отрицали, что Фронт имел малейшее намерение нанести ущерб гражданским лицам. «Цели всегда были военные», – говорил Бен-Гал^[645]. Даган утверждал, что альтернативы использованию полувоенных местных формирований не было. «Я готов проливать море слез на могилах ливанцев, которые погибли в операциях за нас, за то, чтобы жизням евреев ничего не угрожало». Использование наемников имело и свои недостатки. «Вы можете дать ему бомбу и приказать взорвать штаб ООП где-нибудь. Но у него есть личные счеты, и теперь, когда у него есть бомба, он может пойти сводить их. Так что иногда бывали случаи, когда бомбы взрывались в совершенно других местах»^[646].

Арафат понимал, что Шарон пытается спровоцировать палестинцев на нарушение перемирия, чтобы начать свое вторжение, поэтому предпринимал титанические усилия, чтобы не позволить Шарону этого, включая даже частично успешную попытку остановить насилие на оккупированных территориях. В связи со сдержанностью палестинцев лидеры Фронта решили поднять планку своей активности.

Шарон вернул Арафата в список разыскиваемых преступников^[647] – лидера ООП исключили из него в 1974 году, когда в «Моссаде» пришли к заключению, что Арафат стал политической фигурой и Израилю теперь не следует трогать его. Но уже в конце 1981 года Бен-Гал и Даган начали планировать операцию, которая, по их расчетам, должна была изменить ход истории на Ближнем Востоке. Операция «Олимпия», получившая свое кодовое название по имени популярного ресторана в Тель-Авиве, заключалась в доставке несколькими грузовиками двух тонн взрывчатки и окружению этими смертоносными бомбами театра в Восточном Бейруте, где руководство ООП планировало провести в декабре 1981 года торжественный ужин. Один мощный взрыв унес бы жизни всего палестинского руководства. Однако план «Олимпия 1» был отвергнут и уступил место плану «Олимпия 2».

По нему израильские агенты должны были установить несколько мощных зарядов под VIP-трибунами, которые тогда как раз строились на бейрутском стадионе, где 1 января 1982 года ООП собиралась праздновать годовщину своего основания. Нажатием одной кнопки все было бы разрушено.

К тому времени, когда план вступил в стадию реализации, Бен-Гал уже не был командующим Северным военным округом. Шарон не находил ему применения. Генерал, планировавший взрывы десятков палестинцев и ведший против них секретную войну в Ливане, стал, в глазах Шарона, мягкосердечным и нерешительным. В декабре 1981 года Шарон сместил Бен-Гала с должности командующего Северным военным округом и назначил на нее более импонирующего ему человека. В этом действии многие увидели далекоидущие планы Шарона на Ливан.

Именно в это время «Олимпия 2» набрала полные обороты. 20 декабря 1981 года три агента, завербованные Даганом, смогли

пробраться к VIP-трибунам и заложить большое количество взрывчатки под теми местами, где должно будет сидеть руководство ООП. Взрывчатка была соединена проводами с общим детонирующим устройством. В дополнение к этому на одной из баз подразделения в пяти километрах от границы были подготовлены автомобили, груженные взрывчаткой, – грузовик с полутора тоннами и два «мерседеса» с 250 килограммами в каждом. Эти машины должны были быть пригнаны в Бейрут тремя шиитами – членами «Фронта освобождения Ливана от иностранцев» – и оставлены поблизости от стены стадиона, примыкавшей к VIP-трибунам. Они должны были быть подорваны с помощью дистанционного взрывателя примерно через минуту после взрыва основного заряда под трибунами, когда паника достигнет своего максимума и оставшиеся в живых будут стремиться выбраться из зоны поражения. Смерть и разрушения от этих взрывов ожидалась «беспрецедентных масштабов, даже по меркам Ливана», как сказал один из высших офицеров командования Северным военным округом^[648].

В записке, которую Эйтан передал Эфраиму Снеху на встрече, посвященной планируемой операции, он писал: «Если это сработает, подозрение немедленно падет на Израиль». Эти слова были написаны не из страха, а скорее из надежды, потому что Снех позже сказал: «Палестинские лидеры, которые не будут убиты взрывом на стадионе, сразу будут знать, что им делать: атаковать Израиль, нарушить перемирие и дать Шарону, который рвался вторгнуться в Ливан, предлог для этого»^[649].

Все было готово, но затем кто-то слил план Саги^[650], который проинформировал заместителя министра обороны Циппори, а тот уж был наготове. «Вместе с Арафатом на трибуне, скорее всего, будут находиться и иностранные дипломаты, в частности, Александр Солдатов, посол СССР в Ливане», – сказал Саги Циппори.

Циппори недолго любил Шарона и всегда подозрительно относился к его намерениям, поэтому сразу обратился к своему командиру еще по подпольной работе в «Иргуне» до обретения Израилем государственности – Бегину. «Вопрос с послами очень серьезный, – сказал Циппори, – но еще более серьезным является тот факт, что они планируют такие вещи без одобрения кабинета».

Рано утром 2 декабря, за день до того, как должен был осуществиться план «Олимпия 2», начальник Генерального штаба Эйтан позвонил Дагану. «Совершенно неожиданно я услышал, что Шарон приказывает всем нам отправиться к премьер-министру для того, чтобы получить окончательное одобрение акции, – вспоминал Даган. – Это был очень дождливый день. “Рафуль” сообщил нам, что в целях соблюдения секретности он сам прибудет в штаб командования Северного округа, чтобы захватить меня с собой и лететь вместе к Бегину»^[651].

В офисе премьера Бегин требовательно заявил Бен-Галу и Эйтану: «Мне говорят, что на трибунах будет находиться советский посол».

«Это просто неверно, – ответил Даган. – Вероятность того, что он или какой-то другой иностранный дипломат будет на трибунах, очень мала».

Бегин спросил Саги, что думает он. Саги сказал, что появление на мероприятии советского посла очень вероятно. «Если что-то случится с ним, – добавил он, – мы попадем в очень тяжелый кризис в отношениях с Советами»^[652].

Позднее Саги говорил: «Моей обязанностью как начальника военной разведки АМАН был не только контроль за военно-оперативными аспектами операции, но и за ее дипломатическими последствиями. Я сказал Бегину, что нельзя убивать целый стадион народа. Что произойдет уже на следующий день после этой бойни? Весь мир обратится против нас. И не важно, что мы никогда не признаем своей ответственности. Все будут знать, кто стоит за такой акцией».

Даган, Эйтан и Шарон пытались убедить Бегина, утверждая, что больше такого случая Израилю не представится. Но премьер всерьез воспринимал советскую угрозу и велел отказаться от операции.

«Разумеется, в конечном счете оказалось, что я был прав и там не было ни советского посла, ни каких-либо дипломатов вообще, – говорил Даган^[653]. – Но что мы могли поделать? Премьер-министр сказал “отставить”, мы отставили. Потом пришлось немало потрудиться, доставая оттуда взрывчатку».

Бегин быстро дал «зеленый свет» другой операции, имевшей меньше риска нанесения ущерба дипломатам или гражданским лицам. Наблюдение за высшими руководителями ООП показало, что раз в

месяц, по пятницам, они покидали Бейрут и кортежем из 7–8 люксовых «мерседесах» на большой скорости следовали в сторону Сирии, а оттуда – в Иорданию, где у них проходили встречи руководства организации. Такие поездки совмещали в себе для их участников полезное и приятное, так что Арафат нередко участвовал в них.

Однажды ночью в феврале 1982 года отряд оперативников «Кесарии» прибыл на перекресток, который колонна автомобилей ООП проезжала каждый месяц. Бойцы разобрали верхнюю часть светофора и заменили его дубликатом, созданным в научно-оперативном управлении «Моссада». В него были вмонтированы камеры, которые передавали изображение в штаб-квартиру «Моссада». В пятницу 5 марта в 3 часа ночи, за несколько часов до того, как колонна автомашин должна была проследовать перекресток, другой, более крупный отряд «Кесарии» прибыл на место с большим количеством взрывчатки, которую они начали скрытно размещать в дренажных канавах по обе стороны дороги. Все заряды были соединены между собой детонационными шнурами, а единый контроль взрывного устройства осуществлялся по радио из штаб-квартиры. Согласно плану, после установки бомб саперы должны были незаметно покинуть место операции и возвратиться в Израиль. Выезд колонны из Бейрута должен был контролироваться местными агентами разведки. Когда кортеж минует определенную точку, нанесенную на одно из деревьев и ясно видимую на изображениях, заряды будут подорваны, и вся верхушка ООП будет ликвидирована.

Все шло хорошо до рассвета, когда местный полицейский заметил две автомашины, на которых прибыла израильская группа, и человека, стоящего на коленях возле них^[654]. «Что вы здесь делаете?» – спросил полицейский по-арабски. «Мы были на свадьбе, и нас накормили плохой едой, – ответил один из моссадовских агентов. – У всех рвота». Двое из группы уже незаметно достали пистолеты и взвели курки. Однако полицейский как ни в чем не бывало проследовал дальше.

Оперативники терялись в догадках, поверил им страж порядка или отправился за подкреплением. Штаб решил не рисковать. Премьер-министр и министр обороны пришли к единому мнению, что операцию следует отменить, а всей группе возвращаться в Израиль. Таким образом, было еще раз строго соблюдено правило, согласно

которому отмене подлежала любая операция, в ходе которой возникала угроза захвата ее исполнителей.

Что произошло бы, если бы Бегин разрешил Дагану осуществление операции «Олимпия» или если бы на месте подготовки взрыва на перекрестке не появился бы полицейский? Даган утверждал, что история развивалась бы по другому сценарию. «Если бы они разрешили нам действовать и руководство ООП было бы ликвидировано, – говорил он, – это избавило бы нас от вспыхнувшей через шесть месяцев Ливанской войны и целого ряда других проблем».

Сейчас точно ответить на этот вопрос невозможно. Некоторые утверждают, что Шарон и Эйтан не удовлетворились бы этими операциями и что они вынашивали колоссальные стратегические планы по созданию нового порядка не только в Ливане, но и на всем Ближнем Востоке.

Теперь они притихли, ожидая неизбежного предлога для новой войны.

«Абу Нидал, Абу Шмидал»

Каждую весну в Лондоне британская фирма De La Rue Company, занимающаяся печатанием денежных знаков и разработкой систем безопасности, проводит официальный ужин для дипломатов и руководителей бизнеса. В 1982 году мероприятие проходило вечером 3 июня в роскошной гостинице Dorchester Hotel. Восемьдесят четыре дипломата и генеральных директора компаний со всего мира наслаждались жизнью, заводили связи и обменивались слухами.

Вскоре после 22:00, когда гости начали постепенно расходиться, посол Израиля при Сент-Джеймском дворце, Шломо Аргов, остановился в лобби для того, чтобы переговорить с другим дипломатом. Они обсуждали подарки, которые их страны преподнесут принцу Чарльзу и принцессе Диане по случаю рождения их первенца, чье появление на свет ожидалось через две недели. Затем, уже у выхода из отеля, Аргов обменялся рукопожатием с газетным магнатом Робертом Максвеллом и поблагодарил его за дружественное отношение газет Максвелла к Израилю^[655].

Подразделению по охране VIP-персон Шин Бет не было разрешено действовать в Великобритании, так что Аргова охранял английский телохранитель, детектив Колин Симпсон. Оба они вышли из гостиницы и быстрым шагом преодолели десять метров до ожидавшей посла бронированной «вольво». Симпсон открыл для Аргова заднюю дверцу.

Никто из них не видел убийцу на тротуаре, пока не стало поздно.

Хусейн Гасан Саид входил в секретную ячейку террористической группы Абу Нидала. Он и два его подельника в течение полутора часов выжидали, наблюдая за дверью в отель^[656].

«За день до операции, – сказал Саид, – наш командир Руссан подошел ко мне и сообщил, что завтра настанет великий день для палестинского народа, завтра мы убьем важного сиониста».

С миниатюрным польским автоматом WZ-63 Саид подошел к Аргову сзади. «Я подошел совсем близко, – рассказывал он. – Этот человек начал садиться в машину. Я достал из своей сумки автомат и

сжал его обеими руками, как меня учили. Другой человек открыл ему дверцу автомобиля. Я подошел еще ближе, на расстояние пары метров, и выстрелил одним выстрелом в голову»^[657].

Симпсон втолкнул Аргова в машину и крикнул шоферу, чтобы тот мчался в госпиталь. Посол был тяжело ранен. Затем Симпсон погнался за Саидом, который побежал по Парк-Лейн к машине, где его ждали еще два соучастника. Позже он свидетельствовал в суде, что на углу Саут-стрит, в нескольких кварталах от Dorchester Hotel, Саид обернулся и выстрелил по полицейскому. Он промахнулся, но пуля попала в автомобиль одного из членов королевской семьи, чья одежда оказалась осыпанной осколками стекла. Как раз в этот момент Симпсон выстрелил из своего пистолета 38-го калибра и попал Саиду в шею ниже правого уха. Саид упал. «Я побежал к машине, – рассказывал он. – У меня заклинило автомат. Неожиданно я почувствовал сильный удар в шею и упал на мостовую».

Подельники Саида были схвачены через сорок минут после происшествия^[658]. У британской разведки в группе Абу Нидала был двойной агент, однако англичане недооценили его сообщение о готовящемся покушении и поняли, что происходит, слишком поздно.

Аргов выжил, но остался парализованным и страдал от тяжелых заболеваний, которые привели к его смерти в 2003 году. Вскоре после покушения израильская разведка узнала, что заклятый враг Арафата Абу Нидал, настоящее имя которого было Сабри аль-Банна, «приказал осуществить акцию от имени Барзана аль-Тикрити, руководителя иракской разведки»^[659]. Об этом рассказал Игал Симон, в прошлом руководитель подразделения 504, который в то время работал в резидентуре «Моссада» в Лондоне.

Единоутробный и двоюродный брат брат и босс Барзана, иракский тиран Саддам Хусейн надеялся, что убийство посла приведет к массированному военному столкновению между его главными соперниками на Ближнем Востоке – Сирией и ООП, с одной стороны, и Израилем – с другой, а возможно, втянет в войну и его архиврага – Иран^[660].

Получилось, что саддамовские и шароновские «ястребы» имели схожие интересы. На совещании утром 4 июня премьер Бегин заявил, что «нападение на посла равнозначно нападению на государство Израиль, и мы ответим соответствующим образом». Он не стал

слушать руководителей разведки, которые пытались убедить его в том, что вот уже в течение года после инициированного американцами перемирия Арафат ведет себя весьма умеренно и что в Аргова стрелял член маргинальной диссидентской палестинской группы, которая сама хотела ликвидировать Арафата. «Все они – ООП», – объявил Бегин. Начальник Генерального штаба Эйтан был менее сдержан: «Абу Нидал, Абу Шмидал. Мы должны уничтожить ООП»^[661].

Кабинет одобрил массированные бомбардировки Бейрута и баз ООП с воздуха. Понятно, что Арафат не смог на это не среагировать^[662]. Вскоре после израильских бомбардировок 29 северных поселков и городов Израиля подверглись тяжелым артиллерийским ударам ООП.

В Лондоне Саид был приговорен к тридцати годам заключения. В телефонных интервью и письмах он говорил, что не верит в то, что его выстрел положил начало войне между Израилем и Ливаном^[663]. «Это все равно произошло бы, – утверждал он. – Возможно, мой выстрел повлиял на время начала вторжения, но “Рафуль” и Шарон в любом случае стремились захватить Ливан. То, что я сделал, они использовали лишь в качестве оправдания».

Возможно, он был прав. Как бы то ни было, война в Ливане началась.

Ариэль Шарон представил израильскому кабинету план отмщения за покушение на Аргова и подавления сил ООП уже 5 июня. Он назвал его операцией «Мир Галилее», что само по себе должно было производить впечатление осуществления этой миссии чуть ли не подневольно, в плане самозащиты. Это будет ограниченное вторжение, сказал Шарон кабинету, нацеленное только на то, чтобы уничтожить ту угрозу, которую артиллерия ООП представляла для израильских населенных пунктов^[664]. Армия обороны Израиля продвинется в Ливан не более чем на 40 километров – дистанцию выстрела самых дальнобойных пушек, которыми располагала в то время ООП.

Единственным министром, который выступил против плана, был Мордехай Ципори, в то время министр связи и тыла^[665]. Он подозревал, что Шарон вынашивал куда более масштабные цели. Имея военный опыт, Ципори быстро понял, что вторжение на такую глубину, с флангами из сирийских войск в Ливане, с неизбежностью приведет к столкновению Израиля еще и с войсками Сирии. Однако

Бегин отменил возражения Ципори и объявил: «Я сказал, что сирийцев мы атаковать не будем».

Однако подозрения Ципори еще раз полностью подтвердились. В действительности это было лишь началом настоящего плана Шарона^[666]. Вместе со своим начальником Генерального штаба он вынашивал другие, гораздо более грандиозные замыслы: намеревался с помощью танков Армии обороны Израиля реформировать весь Ближний Восток. Он видел дело так: израильские вооруженные силы и их фалангистские союзники захватывают в Ливане территорию от границы до самого Бейрута, разбивая силы ООП и нанося серьезный ущерб сирийским подразделениям, размещенным в Ливане. Утвердившись в столице, израильтяне назначат лидера «Фаланги» Башира Жмайеля президентом, превратив Ливан в своего надежного союзника. Затем Жмайель изгонит палестинцев из Ливана в Иорданию, где образуется большинство, способное создать палестинское государство на месте Хашемитского королевства. Таким образом, рассчитывал Шарон, будет положен конец требованиям палестинцев об образовании своего государства в Иудее и Самарии – то есть на Западном берегу реки Иордан, который станет частью Израиля.

В этом фантастическом плане имелся один критически важный элемент: убийство Ясира Арафата. Шарон был уверен, что в войне против террористической организации символы и знаки были столь же важны, как и число жертв у противника. Для того чтобы послать сигнал, чтобы сокрушить палестинский дух, Шарон и Эйтан были полны решимости добраться до Бейрута, разыскать логово Арафата и уничтожить его.

В этих целях было создано спецподразделение под кодовым названием Salt Fish («Соленая рыба»). Шарон назначил двух своих экспертов по спецоперациям – Меира Дагана и Рафи Эйтана – руководить им. «Я думал, что ликвидация Арафата все изменит, – говорил Даган. – Арафат был не только лидером палестинцев и чем-то вроде основателя палестинской нации. Его убийство даст выход многочисленным конфликтам, зреющим внутри ООП, и существенно снизит их способность принимать в дальнейшем какие-то стратегические решения».

Шеф военной разведки АМАН генерал-майор Иехошуа Саги и директор «Моссада» Ицхак Хофи, который в прошлом являлся генералом Армии обороны, были крайне отрицательно настроены к вторжению в Ливан, потому что знали, что за обещаниями Шарона и Эйтана насчет «продвижения только на сорок километров» скрывался другой, тайный план, который поставит Израиль в уязвимое положение. «Я знал их обоих, – говорил Хофи, – и знал, что они не отказались от своих амбиций и каким-то образом попытаются достичь того, чего всегда желали, – оказаться в Бейруте и убить Арафата»^[667]. Хофи предупреждал Бегина, что вторжение в Ливан окажется «войной Судного дня для партии “Ликуд”», партии Бегина – катастрофой для государства и для его политической карьеры, точно такой же, как война 1973 года, которая положила конец гегемонии Рабочей партии.

Однако Бегин отменил возражения разведок, и 6 июня Армия обороны Израиля вторглась в Ливан.

Израильские войска, имевшие в своем составе 76 000 военнослужащих, 800 танков и 1500 БМП, наступали на север по трем направлениям, а четвертый ударный компонент высаживался с моря.

С точки зрения Шарона, начало было многообещающим^[668]. Израильские войска выполнили большинство поставленных задач благодаря значительному превосходству в огневой мощи, а также точным разведанным, добытым АМАН и «Моссадом», глубоко проникшим в сильно коррумпированное руководство ООП. Военизированные формирования ливанцев действовали даже хуже, чем предсказывала АМАН^[669]. Большинство их командиров разбежалось, оставив солдат на верную гибель.

Как и предсказывал Ципори, сирийцы ответили на неприкрытую израильскую провокацию. И Эйтан, чьи войска были почти разгромлены сирийской армией на Голанских высотах в 1973 году, воспользовался случаем посчитаться с противником и приказал израильской армии контратаковать^[670]. Под израильским огнем сирийцы понесли значительные потери.

Вместе с военными победами к израильскому кабинету быстро пришло понимание того, что «сорокакилометровое вторжение» против ООП, обещанное министрам, стало превращаться в нечто совершенно иное^[671]. Шарон приказал войскам продолжать продвижение, мотивируя это различными оперативными нуждами. Столкнувшись

лицом к лицу с его харизматичной и напористой натурой, министры почти не посмели возразить.

«Я быстро понял, что “сорокакилометровый план” становится фикцией и Армия обороны заходит все глубже и глубже в Ливан, – говорил тогдашний помощник премьер-министра по военным вопросам бригадный генерал Азриэль Нево. – Шарон лгал и вводил в заблуждение Бегина и кабинет. Величие Шарона состояло в том, что он умел ярко описать, почему было необходимо продвинуться еще на несколько километров: завтра утром сирийская армия оседлает какие-то высоты и создаст опасность для наших войск. Именно таким образом ему удалось вытянуть из кабинета согласие на ползучее вторжение в Ливан».

25 июня Армия обороны завершила окружение Бейрута далеко впереди той линии, которая была первоначально согласована, и начала яростный штурм и артиллерийскую бомбардировку западных районов города.

Шарон надеялся, что фалангисты из числа христиан-маронитов помогут в борьбе с ООП, выступая в качестве пушечного мяса, особенно в густонаселенных районах. Фалангисты думали примерно так же, но в противоположном направлении: они считали, что израильтяне выполняют всю боевую работу, чтобы установить гегемонию христиан-маронитов в Ливане. «Моссад», который поддерживал контакты с фалангистами, совершенно неправильно оценивал ситуацию в Ливане, а также возможности и намерения христиан. «Разведка совершенно сбила нас с толку», – сказал Нево^[672].

Лидеры фалангистов побуждали израильтян захватывать все новые территории, обещая военную поддержку, которая никогда не материализовалась. На встрече с начальником Генерального штаба Эйтаном 16 июня лидер «Фаланги» Башир Жмайель упрашивал Армию обороны захватить Бейрут^[673]. «Ваши декларации о том, что вы не войдете в Бейрут, – говорил Жмайель, – не помогают, потому что лишь укрепляют воинственный дух палестинцев и мусульман и мешают политическому процессу». В то же время Жмайель советовал израильтянам, как им относиться к его родному городу: «Вы должны продолжать воздушные налеты, потому что артиллерийские удары уже не производят эффекта, ибо жители к ним привыкли».

Шарон, Эйтан и фалангисты тайно планировали захват Бейрута в совместной операции под кодовым названием «Искра»^[674]. Во время встречи у Шарона дома 1 августа^[675], на которой присутствовали руководители АОИ и «Моссада», Шарон спросил Жмайеля: «Можете ли вы снова отключить им подачу воды?» – намереваясь оказать максимальное давление на ООП и сирийцев, чтобы заставить их покинуть Бейрут.

Жмайель ответил: «Да, можем, под вашим прикрытием».

«Хорошо, – сказал Шарон. – Но в понедельник вода должна еще быть, потому что в этот день встречаются (госсекретарь США) Шульц и (министр иностранных дел Ицхак) Шамир.

Только со временем члены израильского кабинета министров узнали о приказах Шарона по захвату столицы суверенного государства, первых приказах такого рода в истории Израиля. На самом деле на протяжении всей Ливанской войны Шарон многократно заверял членов кабинета и кнессета, а также народ Израиля в том, «у него нет никаких намерений по входу в Бейрут»^[676]. Но приказ, который Шарон отдал Армии обороны, был совершенно ясен. «Мы должны покончить с южной частью Бейрута, где расположены лагеря беженцев и базы ООП, – сказал он на совещании у себя в кабинете 11 июля. – Мы должны разрушить все, что может быть разрушено... сровнять все это с землей»^[677].

Полномасштабное вторжение в Ливан и осада Бейрута станут для Израиля той трясинной, той оккупацией, которая продлится (по крайней мере на юге) в течение последующих 18 лет.

Весь мир, в том числе и президент США Рональд Рейган, которого связывали с Бегином хорошие личные отношения, ополчился против Израиля. «Вы устраиваете в Бейруте холокост», – сердито сказал Рейган в телефонном разговоре с Бегином^[678]. «Пожалуйста, господин президент, – ответил Бегин, – не читайте мне лекций про холокост. Я и мой народ слишком хорошо знают, что означает слово “холокост”».

«Моссад» попытался сбалансировать картину, допустив утечку в лондонский журнал Observer документов, целью которых было доказать наличие у ООП складов с вооружениями на 100 000 человек, которые на самом деле являлись советскими складами, рассчитанными на чрезвычайную ситуацию^[679]. Израильская разведка утверждала также, что Советский Союз намеревался направить на Ближний

Восток кубинцев воевать плечом к плечу с палестинцами, чтобы захватить Галилею, разрушить еврейские поселения и создать там независимое государство. Сомнительно, что эти сказки содержали хотя бы зерно истины, и уж точно не склоняли мировое общественное мнение в пользу Израиля. Ближневосточный конфликт вновь представал в глазах общественности как схватка Давида с Голиафом – только на этот раз в роли сильного и жестокого гиганта выступал Израиль, а палестинцы представлялись достойной сочувствия слабой и униженной стороной.

Истинные размеры обмана, который Шарон замыслил против правительства и народа Израиля, открывались медленно. Однако растущие в ходе войны потери среди израильских военных, непонятные и меняющиеся цели операции, истории о жертвах и разрушениях в Ливане, привозимые домой израильскими солдатами, начали вызывать протесты и оппозиционные настроения.

Начальник штаба Шарона Эйтан давно понял, что большинство действий Армии обороны Израиля в Ливане осуществляются без одобрения кабинета, поэтому сознательно стал избегать присутствия на заседаниях этого органа, заявляя, что постоянно находится в войсках^[680]. Он оставил работу по фрагментации и сокрытию этих действий Шарону, который просто игнорировал все оппозиционные выступления и шел вперед напролом. («Он не останавливается на красной линии» – так называлась песня о Шароне, написанная известным израильским рок-музыкантом Шаломом Ханохом.)

До сих пор неизвестны пределы, до которых Бегин был в курсе сложных планов Шарона. Спустя время Шарон подаст в суд на журналиста, написавшего, что он лгал Бегину и скрывал от него информацию. Суд Шарон проиграл^[681].

Что касается плана по ликвидации Ясира Арафата, полных стенографических записей заседаний кабинета министров или встреч Шарона с Бегин-ом не существует. Поэтому невозможно сказать точно, что именно Бегин и другие министры знали (если что-то и знали) об операции Salt Fish.

Независимо от того, что Бегин знал о деталях, он не делал секрета из своего мнения о необходимости покончить с Арафатом^[682]. В письме Рейгану от 2 августа^[683] Бегин написал, что «чувствует себя так, будто отправил в Берлин целую армию для того, чтобы стереть

Гитлера в порошок в его бункере». В своей речи в кнессете на той же неделе он снова назвал Арафата «презренным человеком с растительностью на лице, убийцей наших детей»^[684].

Ударная группа Salt Fish, созданная Меиром Даганом и Рафи Эйтаном, продолжала деятельность вне рамок больших войсковых операций и была сформирована в основном из бойцов «Сайерет Маткаль», которыми командовал бывший его руководитель Узи Даян. Операции ударной группы осложнялись условиями войны в городе. Подразделение не могло выделить, скажем, взвод для атаки в Бейруте на одного человека, потому что в условиях города это привело бы к большим жертвам. «Поэтому основная задача заключалась в обнаружении цели бойцами Salt Fish и наведении на нее авиаприцелов бомбардировщиков ВВС, – говорил Даян. – Но без причинения слишком большого сопутствующего ущерба»^[685].

Полковник Иосси Ланготский, один из отцов-основателей подразделения высоких технологий АМАН, был вызван в Бейрут для того, чтобы наладить контроль над всеми средствами связи ООП^[686]. Благодаря перехвату телефонных разговоров, которые перепроверялись на предмет дезинформации оперативниками «Сайерет» и агентами «Моссада», отряды Salt Fish располагали большим количеством информации относительно мест, где скрывался Арафат^[687].

«Это была очень сложная миссия, – рассказывал Даян. – Мы должны были сопоставлять информацию из различных источников для того, чтобы понять, о каком именно здании или пещере шла речь, отыскивать их на карте, укрупняя координаты до десятков метров, передавать ВВС, обеспечивая им достаточное время для того, чтобы поднять самолеты в воздух и нанести удар».

Долгие дни и ночи ожидания на командном пункте Salt Fish приносили в основном лишь разочарования, поскольку Арафату удавалось вновь и вновь ускользать из западни. Ланготский и Даян время от времени слышали переговоры охраны председателя ООП, собирающегося подъехать в определенное место в определенное время, и быстро передавали координаты точки ВВС. Однажды они услышали даже самого Арафата, говорящего по телефону^[688], и отправили на место пару истребителей-бомбардировщиков, которые не

оставили от здания камня на камне, но Арафат к тому моменту уже уехал «не более чем за тридцать секунд до этого», согласно Даяну.

Палестинский лидер понимал, что совершенно неслучайно бомбы все время падали в те места, в которых он еще не появился или которые только что покинул. Он говорил своему окружению, что Шарон в Бейруте был «похож на раненого волка», который хотел убить Арафата в отместку за то, что война все не кончалась. Арафат стал принимать дополнительные меры предосторожности, назначая совещания в нескольких местах одновременно. Он распространял дезинформацию между своими помощниками, подозревая, что кто-то из них может быть мossaдовским агентом, и безостановочно передвигался в пространстве^[689].

«Арафат все время нарушал сложившийся у него распорядок дня, – рассказывал Моше Яалон, офицер подразделения Salt Fish. – В его поведении отсутствовала какая-то четкая модель или схема, ничего такого, что дало бы возможность подготовить сухопутный рейд против какого-то бункера или дома»^[690].

В отряде, в котором уже поселилось отчаяние, рождалось великое множество различных идей. 3 июля редактор израильского журнала Ури Авнери, придерживавшийся левых убеждений, пересек линию фронта в Бейруте, с тем чтобы взять интервью у Арафата (вместе с ним были репортер Сарит Ишай и фотограф Анат Сарагусти) в самом центре города. Это интервью было воспринято в Израиле крайне неоднозначно. Арафата считали главным врагом страны, и это вообще был первый раз, когда он встречался с израильянином. «Моя цель состояла в том, чтобы начать прокладывать тропу к израильско-палестинскому миру путем изменения образа мышления израильян», – говорил Авнери^[691]. Подразделение Salt Fish совсем не было в восторге от этой инициативы («Я даже не стану говорить о том, что я думал об Авнери и его отвратительном мероприятии», – рассказывал Яалон), но решило воспользоваться возможностью проследить за этими тремя гражданами Израиля, чтобы они привели группу ликвидаторов прямо к Арафату^[692].

Среди бойцов подразделения разгорелась дискуссия о том, позволительно ли подвергать опасности жизни израильян или даже убить их во время проведения операции^[693]. Авнер Азулай, представитель «Моссада», подытожил обсуждение таким образом:

«Если так сложатся оперативные условия в ходе акции, вполне можно допустить, что и Арафат, и трое дорогих нам евреев не останутся в живых».

Однако все более настороженный Арафат подозревал, что «Моссад» может следить за Авнери и двумя другими журналистами. Охрана Арафата приняла жесткие контрмеры, и оперативники Salt Fish потеряли группу журналистов в хитросплетениях бейрутских улиц.

Проходили дни, и перспектива разгорания в Ливане хаотической и затяжной гражданской войны становилась все отчетливее и не вписывалась в сверхамбициозные планы Шарона и Эйтана по реформатированию целого региона планеты. Два этих ястреба стали сильнее давить на военно-воздушные силы и подразделение Salt Fish, требуя от них «достать Арафата». «С самого начала осады Бейрута вопрос о ликвидации Арафата приобрел исключительную значимость. Складывалось ощущение, что этот вопрос был важен лично для Шарона, – рассказывал генерал-майор Давид Иври, в то время командующий ВВС Израиля. – Люди из «Моссада» или АМАН постоянно появлялись в Канари (командный пункт ВВС в подземном бункере под Тель-Авивом) и докладывали о том, что Арафат обнаружен там-то или там-то. Шарон и “Рафуль” приказывали нам немедленно наносить по этим местам бомбовые удары».

«Я полагал, что такие действия имеют хаотичный характер и таят в себе опасность нанесения ущерба гражданскому населению^[694], – продолжает Иври. – Я не был готов отдавать команды на такие бомбардировки без получения письменного приказа от оперативного управления Генерального штаба. Надеялся, что если это дело будет правильно организовано с разумным анализом информации и принятием решений, это приведет к лучшим оценкам. На самом деле многие приказы приходили к нам не в письменной форме. Письменные варианты просто исчезали где-то по пути».

Узи Даяна обуревали такие же тревоги. «Арафата спасли две вещи, – рассказывал он. – Постоянное везение и я. Я считал, что Арафат является законной целью, но не считал, что для ее уничтожения оправданы любые средства. Если я видел, что какая-то операция может привести к большим жертвам среди гражданского населения, то, даже если мы знали, что Арафат находится именно в этом месте, я не соглашался с тем, чтобы оно подвергалось бомбардировке».

«“Рафуль” часто буквально взрывался от гнева, – продолжал Даян^[695]. – Иногда он вызывал меня и кричал: “Я знаю, что у тебя есть информация по такому-то месту. Почему тогда самолеты не в воздухе?” Я отвечал, что это невозможно, потому что вокруг находится много людей. “Забудь об этом. Я несу ответственность за все”. Однако я не был готов к тому, чтобы такое допустить. “Рафуль” не мог учить меня этическим нормам войны».

«Рафуль» все время напоминал Даяну, что не в его полномочиях решать, сбрасывать бомбу или нет. Но Даян объяснял свою позицию следующим образом: «Все, чего мне хотелось сделать, – доложить о том, что цель готова для удара с точки зрения развединформации. Поэтому с тех пор каждый раз, когда мы видели, что бомбовая атака приведет к многочисленным жертвам среди населения, мы докладывали, что с точки зрения разведки цель к бомбардировке не готова».

4 августа Эйтан попросил начальника оперативного управления ВВС Авиема Селлу зайти к нему. Между этими двумя военными существовали тесные контакты, и Эйтан с уважением относился к Селле, многообещающему офицеру, которого считали потенциальным выдвиженцем на должность командующего ВВС.

Эйтан поприветствовал Селлу и сообщил, что на следующий день тот не будет, как обычно, работать в Канари, а «отправится в поездку».

«Это что-то типа нашей последней совместной поездки?» – спросил Селла, имея в виду их визит в Бейрут в мае с целью подготовки вторжения и операции по ликвидации Арафата.

«Похоже, – ответил Эйтан. – Только сверху. Завтра утром встречаемся в Хацоре (военно-воздушная база на юге страны). Ты будешь пилотировать самолет, а я буду за штурмана и оператора боевых систем. Мы летим бомбить Бейрут». Целью должно было стать здание, в котором Арафат будет находиться следующим утром, согласно информации, полученной подразделением Salt Fish.

Селла знал, что у Эйтана имелось летное удостоверение на право управления легким самолетом, но был уверен, что неправильно понял начальника. «Это было что-то из ряда вон выходящее. Я был в шоке. Если бы кто-то ранее сказал мне, что начальник Генерального штаба, который не является настоящим пилотом, собирается на какое-то

время возглавить оперативное управление ВВС и полететь бомбить Бейрут ради развлечения, я бы этому не поверил».

Но у начальника Генерального штаба Эйтана имелась навязчивая идея относительно ликвидации Арафата^[696]. На следующее утро они встретились в Хацоре. Их самолет входил в четверку «Фантомов», которые отправлялись бомбить офисный квартал аль-Санай в Западном Бейруте, где, как предполагалось, Арафат должен был присутствовать на совещании. «“Рафуль” действовал не очень уверенно, думаю, что у него был приступ воздушной болезни. Мне пришлось выполнять и его обязанности штурмана. “Рафуль” работал с зарядами бомб, которые по тем временам были довольно примитивными. Мы сделали два захода на цель, а затем еще раз пролетели над ней, чтобы увидеть результаты попадания. “Рафуль” был счастлив, и мы полетели назад в Израиль».

Арафат снова спасся чудом: бомбы разрушили часть здания прямо перед его приездом. Селла вернулся из Хацора в Тель-Авив руководить операциями ВВС, а Эйтан полетел на вертолете в Бейрут^[697]. «Вечером я видел его по телевизору дающим интервью на окраине Бейрута. Он заявил, что Израиль воздерживается от бомбардировок целей, окруженных жилыми кварталами. А ведь именно это он и делал только что утром».

Проблема с операцией Salt Fish для Шарона и Израиля в целом состояла в том, что весь мир наблюдал за происходящими событиями. С каждым новым неудачным покушением Израиль все больше выглядел как военная сила, подавляющая суверенное государство в маниакальном стремлении убить одного-единственного человека. Арафата теперь считали скорее не кровожадным террористом, а преследуемым лидером нации беженцев, раздавленной израильской военной машиной. Шарон добился результата, прямо противоположного тому, к которому стремился.

Теперь, когда главная цель кампании Шарона превращалась в объект международной симпатии^[698], вторжение все глубже увязало в трясине военной неудачи. Необходимо было прорвать образовавшийся затор, нужно было спасти квазипобеду. 1 августа Армия обороны Израиля начала оказывать мощное давление на силы ООП в Бейруте, организовав непрерывную 72-часовую артиллерийскую бомбардировку, нацеленную на то, чтобы заставить Арафата уйти из

Бейрута. Израильские ВВС нанесли по городу более сотни бомбовых ударов в течение десяти часов. Огонь израильских вооруженных сил с земли, воздуха и моря продолжался и дальше и достиг своего пика 12 августа, в четверг, получивший название «черного» из-за нанесенных Бейруту чудовищных разрушений.

Военное давление сработало. 13 августа при посредничестве американцев Арафат согласился покинуть Бейрут со своими силами. Узи Даян выехал из города со смешанными чувствами, оставив Salt Fish на Яалона. «Я не провел оставшуюся жизнь в скорби, но думал тогда и уверен сейчас, что было жалко, что наша миссия не была выполнена, – сказал он. – С другой стороны, война была крайне жестоким делом с гуманитарной точки зрения. Мы видели население Ливана вокруг нас, бедность, разрушения, вызванные вооруженными столкновениями. Нас, людей, реально участвовавших в боевых действиях, терзали сильные сомнения. Среди моих боевых товарищей были и такие, кто был уверен в том, что нужно пойти и убить Шарона^[699], кто всерьез размышлял над покушением на него с тем, чтобы спасти Израиль. Я поддерживал войну с самого ее начала, но также понимал и то, что она зашла в тупик и никуда нас не приведет. Шарон и Эйтан обманывали всех. Я покинул Бейрут с чувством большого облегчения».

Команда Salt Fish осталась в Бейруте и 30 августа заняла боевые позиции вместе с офицерами «Моссада» и Шин Бет на крышах зданий, прилегающих к офисам национальной энергетической и нефтяной компании, откуда открывался вид на порт. «С некоторого расстояния мы рассмотрели большой транспортный конвой, – вспоминал один из оперативных работников Шин Бет. – Неожиданно мы увидели знаменитую куфию на знаменитой голове человека № 1 среди разыскиваемых террористов, который выходил из одной из машин^[700]. Он стоял в толпе людей, будто окруженный роем пчел».

Тогда было, наверное, так легко его убить^[701]. «Мы находились от него в 180 метрах, – сказал Яалон. – С такого расстояния трудно было бы промахнуться из тех снайперских винтовок, что были у нас». Другие из присутствовавших там бойцов вспоминали, что Арафат находился в прицелах как минимум пяти снайперов одновременно.

Один из командиров поддерживал радиосвязь с начальником Генерального штаба Эйтаном, руководившим из командного бункера в

Тель-Авиве, информируя его о том, когда Арафат станет недостижимым для выстрела^[702]. «Мы можем это сделать. Он у нас на прицеле. Мы получаем разрешение?» Эйтан медлил, а офицер продолжал докладывать: «Он собирается войти в здание через десять или девять секунд – пожалуйста, дайте нам разрешение – восемь, семь...»

Наконец Эйтан ответил, как он всегда говорил, немного в нос, явно разочарованный: «Нет, – сказал он. – Я повторяю – “нет”. Разрешения нет».

Спустя 24 часа Бегин вручил Хабибу фотографию Арафата в перекрестии снайперского прицела как доказательство того, что Израиль, несмотря на имевшуюся возможность, твердо сдержал свое слово. К тому времени Арафат был уже в Афинах^[703], на пути к своему новому убежищу – Тунису. Цель Бегина «стереть Гитлера с лица Земли в его бункере», о которой он объявлял Рейгану, превратилась в наблюдение за тем, как Гитлера вывозят на самолете из Берлина.

16

Черный флаг

Шарон обещал вывести войска Армии обороны Израиля из Ливана сразу же после ухода оттуда ООП, но вместо этого остался «зацикленным» на своих грандиозных планах переформатирования Ближнего Востока. В условиях, когда в стране плотно окопались израильские военные, а «Моссад» осуществлял на Ливан мощное давление, 23 августа 1982 года парламент страны проголосовал за то, чтобы ее президентом стал лидер «Фаланги» Башир Жмайель^[704]. В фантазиях Шарона Жмайель должен был изгнать палестинцев из Ливана.

В качестве более близкой задачи Шарон хотел выбить из Бейрута то, что называл «ядром терроризма (военизированные формирования ООП) и левые силы (коммунистические и другие группы левацкого толка, союзные ООП), которые имеют тяжелое вооружение и остаются в Западном Бейруте».

Шарон знал, что в скором времени ООН разместит в Бейруте многонациональные силы по поддержанию мира (MNF) и после этого он будет уже не в состоянии исполнить то, чего страстно желал. На совещании с руководителями «Моссада» и Шин Бет он громко вопрошал: «Как мы сможем покончить с террористами в условиях присутствия миротворцев? Это потребует каких-то совершенно других методов... Мы должны быть уверены в том, что проблема решена, чтобы каждый шаг, предпринимаемый нами сегодня, сделал ситуацию в будущем более легкой для нас»^[705].

Шарон не хотел вводить Армию обороны Израиля в лагеря палестинских беженцев, поэтому предложил, чтобы в Западный Бейрут зашли фалангисты, «которые обеспечили бы, что кто бы там ни оставался (из ООП) был бы убит или арестован»^[706]. Бегину эта идея понравилась, и он согласился с тем, чтобы поручить эти задачи «Фаланге», потому что «наши ребята не должны проливать кровь за это»^[707].

«Моссад» предложение также одобрил^[708]. «У нас был длинный список европейских левацких боевиков, которые были с палестинцами, – говорил Авнер Азулай, офицер по связи “Моссада” с маронитской милицией. – Идея состояла в том, чтобы передать его фалангистам, чтобы они смогли разыскать и убить. После этого “Моссад” мог бы тайно сообщить представителям тех стран, гражданами которых были эти леваки, например Германии, Франции и Италии, что проблема решена и они нам за это кое-чем обязаны».

Однако случилось так, что через три недели Жмайель был убит^[709]. Вместе с большой группой своих людей и партнеров он был взорван бомбой, установленной сирийским агентом, которая уничтожила штаб-квартиру «Фаланги» в Бейруте. В ответ ливанская христианская милиция добилась от израильтян разрешения на розыск палестинских боевиков в лагерях беженцев Сабра и Шатила.

Утром 16 сентября Яир Равид, руководитель филиала подразделения «Перекресток» в Бейруте, находился в одном из офисов фалангистов, где «Моссад» разместил свою резидентуру в Бейруте. «Неожиданно я увидел ребят Элие (Хобейка, военный руководитель “Фаланги”), которые точили кинжалы. Они сказали мне: “Сегодня наступила очередь *силах аль-абьяд*”, – “белого оружия”, как ливанцы называют убийство противника с помощью холодного оружия. Они не сказали мне точно, кого они будут убивать, но мне было ясно, что речь идет о перерезании горла. Я не задавал вопросов. Я ведь был их гость»^[710]. Равид не доложил руководству о том, что он видел.

Роберт Хатем, который исполнял при Хобейке роль палача, вспоминал, что когда 350 фалангистов отправились на операцию, им сказали взять с собой бульдозер D-9, чтобы все вокруг сокрушить.

Хатем рассказывал, что постройки в лагере в основном представляли собой глиняные и жестяные хибары. «Когда мы начали стрелять, они начали рушиться. Мы стреляли во всех направлениях. Мы не проверяли, кто там находился за стенами».

Основной урон лагерю нанесла группа, которую возглавлял Маром Маша-лани^[711]. «Ее члены, – говорил Маром, – приняли столько наркотиков, сколько в них влезло. Они не разбирались, где находились боевики, а где мирное население, где были мужчины, а где женщины. Они расстреливали всех подряд».

Результатом стала ужасающая бойня^[712]. О количестве убитых до сих пор идут споры: израильтяне называют цифру 700, палестинцы – 2750. Шарон позднее утверждал, что «ливанские силы (то есть фалангисты) обычно соблюдали конвенции о ведении военных действий, когда Армия обороны Израиля контролировала, наблюдала и координировала их действия... Чудовищные итоги этого инцидента являются последствиями какого-то неожиданного и необъяснимого явления»^[713]. Иными словами, Шарон заявлял, что не мог предвидеть того, что произошло.

Однако секретные документы «Моссада» и АОИ доказывают, что варварская манера действий «Фаланги» давно была известна израильской военной верхушке^[714]. В ней существовало преобладающее мнение о том, что после ухода ООП из Бейрута «фалангисты найдут путь для входа в город и для сведения счетов – с первого же дня в Бейруте начнется резня».

Сам Шарон с презрением говорил о каком-либо возможном военном вкладе «Фаланги» в ситуацию в Ливане, утверждая: «Забудьте о них. Они и пальцем не пошевелият. Может быть, позже, когда... можно будет грабить, убивать, насиловать. Да, тогда они станут насиловать, убивать и мародерствовать»^[715].

Армия обороны Израиля и «Моссад» сами непосредственно в массовых убийствах не участвовали, однако прикрытие, которое они обеспечили христианским силам, и неспособность защитить палестинцев серьезно испортили имидж Израиля. Как только израильтяне узнали об ужасных зверствах фалангистов, они приказали им прекратить их и выразили свое негодование. Вместе с тем они стали консультировать маронитскую милицию о том, что ей говорить полчищам журналистов, освещавших эту трагедию^[716].

Вслед за событиями в Сабре и Шатиле Израиль ввел жестокую внешнюю и внутреннюю цензуру. Лидеры оппозиции, Ицхак Рабин и Шимон Перес, отказались от поддержки войны в Ливане, когда узнали о масштабах произошедших там убийств.

Шарон повел себя в своей типичной манере. Выступая в 1982 году за закрытыми дверями перед комиссией кнессета по спецслужбам, он зачитал многочисленные секретные документы о массовых убийствах палестинцев, осуществленных маронитами в лагере беженцев Тель аль-Заатар в 1976 году, когда Рабин и Перес управляли страной. Шарон

приводил пространные выдержки из описаний ужасных убийств детей и картин, когда марониты кинжалами взрезали животы беременных женщин^[717].

Перес сердито сказал: «Кто же знал (что там происходило)?»

Шарон ответил: «Согласно отчетам Красного Креста, в дни этой массовой бойни наши корабли не дали войти в порты Израиля судам с медицинской помощью... Вы выстраивали с маронитами отношения, а мы только следовали им... Вы также помогли им после этой трагедии. Тогда мы вас ни в чем не упрекали. И я бы не поднял этот вопрос сейчас, если бы вы не вели себя так, как ведете... Вы, господин Перес, после того, что произошло в Тель аль-Заатаре, не имеете никакой монополии на мораль».

Смысл угрожающего тона Шарона был вполне прозрачен. Один из его помощников намекнул лидерам Рабочей партии, что если они потребуют официального расследования бойни в Сабре и Шатиле, секретные документы об их роли в событиях в Тель аль-Заатаре сразу же попадут в иностранные СМИ. Волна критики со стороны Рабочей партии моментально сошла на нет.

Протесты общественности нарастали по мере того, как с каждым днем росло официальное число израильских потерь. Демонстрации происходили возле резиденции премьер-министра. В ходе них протестующие выкрикивали лозунги и несли плакаты, осуждающие Бегина и Шарона. На огромном плакате, обращенном к резиденции премьера, демонстранты ежедневно обновляли цифры погибших в позорной войне Шарона израильских солдат.

Казалось, что Шарона протесты сограждан не трогают, однако Бегин переживал их тяжело. Он все глубже погружался в состояние, которое потом приведет его к клинической депрессии, постепенно утрачивая способность и желание общаться со своим окружением и почти полностью отрезав себя от аппарата управления страной.

«Я видел, что Бегин как будто бы усыхает, замыкаясь в себе, – говорил Нево. – Он понимал, что Шарон обманул его, что он попал в трясины помимо своей воли. Военные потери и протесты убивали его. Этот человек был очень чувствительной личностью, возможно даже слишком чувствительной»^[718].

Его психологическое состояние ухудшилось настолько, что помощники воздерживались от сообщения ему плохих новостей,

боясь, что это может подтолкнуть его к краю^[719].

«Я тоже видел его в период заката, – сказал Наум Адмони, ставший директором “Моссада” в сентябре 1982 года. – Я начинаю доклад и через несколько минут вижу, что глаза у него закрываются, и я не знаю, слушает он меня, заснул или бодрствует. Я спрашиваю Азриеля (Нево), помощника премьера по военным вопросам: “Мне продолжать говорить или остановиться?” Мы не рассказывали об этом никому. Но все всё знали. Все прекрасно понимали ситуацию»^[720].

Тем не менее, хотя почти все в окружении Бегина знали, что он еле работает, не говоря уж о том, чтобы соответствовать требованиям к руководителю страны военного времени, вместо того чтобы сместить его, все как один решили его «прикрывать», а его помощники целенаправленно утаивали правду о его состоянии от израильского общества^[721]. Секретари в канцелярии продолжали ежедневно печатать его рабочий график, но он был пустой. «И чтобы скрыть этот факт, я приказывал им засекретить график грифом “Совершенно секретно”, чтобы никто не мог заглянуть в него», – говорил Нево, добавляя, что был уверен в том, что он и другие ответственные сотрудники секретариата премьера были преступниками, совершавшими серьезное преступление^[722]. «Вы не можете скрыть тот факт, что премьер-министр фактически не функционирует, и делать вид, что он работает. Это вызывает в памяти ассоциации с какими-то отсталыми режимами».

Теперь, когда Бегин практически отсутствовал, Шарон мог делать с армией все, что пожелает. На самом деле в течение того особого периода Шарон фактически неконституционно, но эффективно управлял страной, не имея никаких сдержек. Он даже взял под свой контроль «Моссад», хотя формально разведка входила в юрисдикцию премьера. «Практически он стал главнокомандующим в армии, отдавая приказы через голову начальника Генерального штаба Эйтана, – вспоминал Авием Селла, начальник оперативного управления ВВС Израиля. – Никто не мог сравниться с ним по объему власти»^[723].

«Шарон обычно доминировал на заседаниях (кабинета), – свидетельствует Адмони. – Он никогда не вдавался в детали и не сообщал полной информации ни на пленарных заседаниях, ни на совещаниях “малого кабинета” (который принимал решения по военным вопросам). Были случаи, когда Шарон докладывал какой-то

вопрос, кабинет обсуждал его и выносил решение, а после заседания Шарон вызывал нас – начальника Генерального штаба Эйтана, меня и других высших офицеров – и говорил нам: “Они там решили, что решили. А теперь я говорю делать так-то и так-то”. И это зачастую не точно соответствовало принятому решению»^[724].

Со своим заслуженным и тщательно поддерживаемым имиджем героя войны типа генерала Джорджа Паттона и с присущим ему отсутствием сомнения или стеснения в достижении желаемого на личном и государственном уровне Шарон был известен в Израиле как «бульдозер». Циничный и грубый, иногда агрессивный, но часто харизматичный и коммуникабельный, он не испытывал угрызений совести по поводу искажения истины тогда, когда считал это необходимым. «Арик, Царь Израилев», воспевали его сторонники, и в такие минуты Шарон приобретал почти монархическую власть.

Несмотря на эту вновь приобретенную власть, Шарон был реалистом, и после смерти Башира Жмайеля быстро понял, что его амбиции в отношении Ливана не осуществятся.

Амин Жмайель, который был избран президентом вместо брата, Башира, был менее связан с Израилем и обязан ему, и спустя короткое время разорвал мирный договор, который его заставили подписать израильтяне. Он не был сильным лидером: ему не хватало харизмы и агрессивности брата, равно как и способности и желания выдворить всех палестинцев из Ливана.

Однако планы по убийству Арафата Шарон не откладывал ни на секунду. После завершения «битвы за Бейрут» и изгнания лидеров ООП и вооруженных формирований организации из Ливана, «Арик и “Рафуль” умирали, просто умирали от желания ликвидировать Арафата», говорил бывший тогда бригадным генералом Амос Гилбоа, руководитель аналитического отдела АМАН.

Шарон понимал, что к тому времени Арафат стал такой популярной фигурой, что его открытая ликвидация превратила бы его в мученика, погибшего за благородное дело. Поэтому Шарон приказал разведывательным структурам усилить наблюдение за Арафатом, чтобы найти более тонкий способ расправиться с ним.

Операция Salt Fish трансформировалась в операцию Goldfish («Золотая рыбка»)^[725]. Однако суть миссии осталась прежней, и Шарон распорядился, чтобы ей был придан абсолютный приоритет.

Каждый день, а иногда и дважды в день команда Goldfish собиралась в кабинете Эйтана. «У нас были тысячи дел, которые были в сто раз важнее», – говорил Гилбоа. Но Шарон настаивал.

В то время любая информация о передвижениях лидера ООП была в лучшем случае отрывочной. Военная обстановка вообще не слишком подходит для сбора информации, а поскольку ООП еще не нашла для себя постоянную базу, которая заменила бы ей Бейрут, чиновники и вооруженные отряды организации постоянно колесили по миру, «живя на чемоданах» в различных странах Ближнего Востока и Европы. Арафат хаотически передвигался по планете, встречаясь с мировыми лидерами, мобилизуя поддержку для ООП, раздавая интервью, собирая деньги^[726]. «Когда кто-то живет в таком режиме, да еще под плотной охраной, планировать операцию по его ликвидации нам очень сложно», – говорил один из оперативников «Кесарии» на совещании группы Goldfish.

Разведка «Моссад» доложила Шарону, что в таких обстоятельствах для нее не представляется возможным добраться до Арафата^[727]. В лучшем случае они могут докладывать о его местонахождении в конкретный момент в конкретной стране или о том авиарейсе, которым он собирается вылететь в очередную страну. АМАН сообщила министру обороны, что палестинский лидер часто летает на специальном самолете, предоставленном ему Саудовской Аравией, и что два его пилота имеют американские паспорта. Так что вопрос о том, чтобы его сбивать, не стоял. «Никто, – заявил Амос Гилбоа, – не тронет американцев». В итоге получалось так, что военная разведка не видела возможности убийства Арафата в то время^[728]. «Нам необходимо подождать, пока он устроится на новом месте, – заявил представитель АМАН на совещании команды Goldfish, – а затем приступить к планированию операции».

Но Шарон торопился. Оказалось, что иногда Арафат использует и другой, частный самолет. Иногда он даже летал обычными рейсами. По мнению Шарона, подрыв самолета в воздухе, особенно над глубокой частью моря, где его останки будет трудно найти, был вполне приемлемым путем решения проблемы.

Следующим был вопрос: как узнать, что Арафат воспользуется конкретным рейсом. Генерал Гилбоа считал, что для полной убежденности в этом необходимо принять ряд оперативных мер: «С

моей точки зрения, полная позитивная идентификация объекта возможна только в случае, если мы будем готовиться к операции заранее, до приезда Арафата в аэропорт, и иметь кого-то, кто будет стоять неподалеку от двери самолета и сообщит нам: “Это он, я вижу его”. Тогда я могу сказать “Колокола зазвонили”, что на языке разведчиков означает практически полную уверенность»^[729].

После решения принципиальных вопросов по операции Шарон приложил все усилия, что она развивалась полным ходом. Он приказал командующему ВВС генералу Иври держать наготове истребители, которые должны были перехватить самолет Арафата. Иври быстро понял, что такая операция таит в себе опасность катастрофы, и доложил начальнику Генерального штаба Эйтану, что не готов принимать приказы непосредственно от Шарона и что инструкции Армии обороны требуют, чтобы все приказы исходили от оперативного управления Генерального штаба. Это не представило для Шарона большой трудности, и приказы, которые в скором времени стали поступать в ВВС по нормальным каналам, в целом имели то же самое содержание, только слова «сбить», «разрушить» и «уничтожить» были в них опущены.

Наконец, они нашли для себя «окошко» в Греции^[730]. Арафат время от времени летал через Афины с согласия местных властей. «Греки не принимали строгих мер против терроризма, – говорит Адмони, – и ООП была в этой стране более или менее свободна в действиях».

22 октября два агента подразделения «Перекресток» сообщили, что на следующий день Арафат вылетает на частном самолете из Афин в Каир. «Моссад» немедленно отправил двух оперативников «Кесарии» для уточнения деталей. Они воспользовались довольно слабым режимом безопасности в аэропорту Афин и проникли в зону стоянки частных самолетов, разыскивая Арафата.

В Тель-Авиве Шарон постоянно давил на оперативных работников, чтобы они действовали ^[731]. ВВС привел в состояние полной боеготовности два истребителя F-15 на военно-воздушной базе Тель-Ноф к юго-востоку от Тель-Авива. Истребители были готовы к немедленному взлету. Но Ирви, еще более осторожный, чем всегда, лично протестировал пилотов. Он понимал, что стоит на кону. Для него было ясно, какой катастрофой станет, если Израиль собьет не тот самолет. «Вы не имеете права стрелять без моего разрешения, –

наставлял он экипажи истребителей. – Ясно? Даже если будут неполадки со связью, пока вы ясно не услышите мой приказ, – он голосом подчеркнул слова *«услышите мой приказ»*, – вы не открываете огонь».

В 14:00 один из оперативных работников в Афинах позвонил в штаб-квартиру «Моссада» и сказал: «Он здесь. Личность установлена точно»^[732]. В его голосе ясно слышалось волнение. Он доложил, что видел лидера ООП и его людей завершающими приготовления к посадке в самолет DHC-5 Buffalo (канадский двухмоторный транспортный самолет), хвост которого выкрашен голубой краской с коричневыми точками, регистрационный номер 1169.

Иври эта информация показалась странной. «У меня как-то все не складывалось в голове, – позднее говорил он. – Мне было непонятно, зачем Арафат летит в Каир. Судя по разведывательным данным, в то время ему нечего было там искать. И если он летит туда, то почему на этом транспортном самолете? Это как-то несолидно для человека его статуса. Я попросил «Моссад» еще раз уточнить, что это был Арафат».

Двое оперативников выразили свою уверенность. «Объект отрастил более длинную бороду, чтобы немного изменить внешность», – доложили они. Но еще раз подтвердили позитивную идентификацию цели.

В 16:30 они сообщили, что самолет взлетел. Об этом был извещен Иври, равно как и Эйтан, который отдал приказ сбить самолет. Иври приказал своим пилотам взлетать. Buffalo – очень медленный самолет, особенно в сравнении с истребителями F-15, но его маршрут находился несколько в стороне над Средиземным морем, вне досягаемости израильских радаров. Истребители поднялись в воздух и направились к ожидаемой точке перехвата, однако на определенном расстоянии от побережья Израиля они могли полагаться только на данные бортовых локаторов, имевших небольшую дальность.

Червь сомнения по-прежнему точил Иври. Он приказал своему помощнику связаться с «Моссадом» и потребовать от разведки задействовать дополнительные средства для уточнения, что на борту находится Арафат. На лице у него, как и всегда, не отражалось никаких эмоций. «Но мы видели, что он волнуется», – рассказывал один из подчиненных Иври, находившийся в то время рядом с ним.

Иври нужно было потянуть время. Он знал, что боевые летчики иногда проявляют нетерпение, воспринимая, например, неожиданный треск в наушниках радиосвязи как команду открыть огонь. Командующий должен был успокоить их руки, лежавшие на спусковых кнопках. «Не торопитесь стрелять, – снова напомнил он своим пилотам по радио. – Не открывайте огонь, пока не услышите ясной команды».

Шарон и Эйтан в этот момент находились не в бункере, но Эйтан постоянно звонил Иври, чтобы удостовериться, что приказ сбивать самолет был отдан. Иври каждый раз отвечал Эйтану одно и то же: «“Рафуль”, у нас пока нет стопроцентного подтверждения, что это он». И это несмотря на то, что «Моссад» подтвердил, а позднее еще раз переподтвердил позитивную идентификацию личности объекта.

Иври по отдельности сообщил в «Моссад» и в АМАН, что визуальной идентификации объекта недостаточно и он требует еще раз перепроверить информацию о том, что в самолете находится Арафат.

На экранах локаторов истребителей самолет Buffalo засветился яркой точкой всего через несколько километров после входа в акваторию Средиземного моря. Военные самолеты быстро нагнали его и выстроились в круг, сопровождая таким образом тихоходную машину. Они сравнили регистрационный номер на хвосте, увидели голубой хвост с коричневыми отметинами. Летчики были уверены, что нашли нужный самолет.

Командир авиагруппы спросил по радио: «Нам можно начинать?»

Находившийся в бункере Канари командующий ВВС понимал, что по всем параметрам его ответ должен был быть положительным. Его истребители установили самолет с опознавательными знаками и могли легко сбить его в ясном небе над пустым морем. Их работа – и его работа тоже – уничтожать цели, а не выбирать их.

Но сомнение не отпускало Иври. «Отрицательный ответ, – ответил он пилоту. – Повторяю: отрицательный ответ по открытию огня».

Он все еще тянул время, но понимал, что долго так продолжаться не может^[733]. Его объяснение откладывания атаки – тем, что он ожидает дополнительной информации из «Моссада» и АМАН, – слабело с каждой секундой в свете того, что начальник Генерального штаба по телефону прямо требовал, чтобы Иври дал команду атаковать самолет.

Иври понимал, что если в ближайшие минуты он этого не сделает, будет объясняться с Эйтаном и, что еще более опасно, с Шароном.

Напряжение в Канари росло. Минуты тянулись очень медленно.

И вдруг, за 5 минут до 17:00, всего через 25 минут после взлета истребителей, в бункере в Канари звякнул телефон^[734]. Это была засекреченная прямая линия с «Моссадом». С некоторой долей раздражения голос на другом конце линии произнес: «У нас возникли сомнения». Это был тот же самый офицер оперативного управления, который ранее подтвердил, что в человеке, садившемся в самолет, идентифицировали Арафата.

У «Моссада» оказались другие источники, которые настаивали, что Арафата даже поблизости от Греции нет и что человек в самолете никак не мог быть им.

В отсутствие другого приказа истребители продолжали нарезать круги над Buffalo. Иври вновь взял микрофон и произнес: «Мы ожидаем дополнительной информации. Не спускайте глаз с цели и ждите».

В 17:23 в Канари поступили новые сообщения^[735]. Источники «Моссада» и АМАН утверждали, что человеком, находившимся в транспортном самолете, был Фатхи Арафат, младший брат Ясира Арафата. Он был врачом и основателем палестинского Красного Креста. Вместе с ним в самолете летели 30 раненых детей, некоторые из них – жертвы резни в Сабре и Шатиле. Фатхи Арафат сопровождал их в Каир на лечение.

Иври вздохнул с облегчением. Он щелкнул тумблером радио и приказал: «Разворачивайтесь. Вы летите домой».

Даже эта чуть не разразившаяся катастрофа – когда одним нажатием кнопки могли быть уничтожены врач и 30 раненых детей – не ослабила рвения Шарона и не разубедила его в идее ликвидировать Арафата в воздухе. Более того, Шарон стал еще безрассуднее. Когда «Моссад» доложил, что Арафат все чаще стал летать обычными коммерческими авиалиниями, на рейсах которых ООП выкупала для него и его помощников полностью салоны первого или бизнес-класса, Шарон решил, что один из таких рейсов вполне может являться законной целью для поражения.

Он приказал Эйтану, командующему ВВС и начальнику оперативного управления Генерального штаба подготовить план

уничтожения гражданского самолета.

Шарон широкими мазками набросал основные параметры операции. Самолет должен быть сбит над открытым морем, вдали от побережья, чтобы у расследующих катастрофу как можно больше времени ушло на поиск останков лайнера и выяснение причины крушения: в результате попадания ракеты или из-за технической неисправности двигателя. Предпочтительнее были большие глубины, чтобы максимально затруднить подъем останков.

Авиам Селла не мог поверить своим ушам. «Это был его прямой и ясный приказ: сбить самолет, – говорил он. – У меня не возникало проблем с тем, чтобы убить Арафата, который, по моему мнению, заслуживал смерти. Проблема состояла в уничтожении гражданского самолета с мирными пассажирами на борту. Это военное преступление»^[736].

В отличие от своего brutального имиджа, в политическом отношении Эйтан был весьма осторожным человеком, поэтому вполне очевидно, что он не хотел быть замешанным в такую авантюру, свидетельствовал Селла. «Но Шарон был настолько доминирующей фигурой, что никто не мог ему перечить».

ВВС составили детальный план по поражению гражданского авиалайнера. Представители военно-воздушных сил в группе Goldfish пояснили, что они выбрали конкретное место на коммерческих маршрутах над Средиземным морем, в котором существовало длительное отсутствие покрытия курса любыми национальными радарными средствами и где глубины моря составляли пугающие пять километров. Операция по розыску останков самолета на этом участке моря будет чрезвычайно трудной, если не невозможной с учетом имевшейся в то время глубоководной техники. Сложный план устанавливал строгие параметры нахождения израильского истребителя в той точке, откуда он мог бы стрелять по самолету с Арафатом незамеченным, что означало, что в целом «окно возможности» для осуществления атаки было очень узким.

Поскольку предполагалось, что операция будет проводиться вдалеке от воздушного пространства Израиля, вне досягаемости его радаров и ультракоротковолновых радиосредств, имелось в виду организовать передвижной командный пункт ВВС на базе самолета Boeing 707,

оснащенного соответствующими системами наблюдения и связи. Командовать операцией с борта этого самолета предстояло Селле.

В соответствии с прямыми приказами Шарона, в то время наблюдение за Арафатом велось безостановочно, а на авиабазе Намат-Давид в постоянной готовности к перехвату находились четыре истребителя F-15 и F-16. За девять недель, с ноября 1982-го по январь 1983 года, эти боевые машины пять раз получали команду на взлет для перехвата и уничтожения самолетов, в которых, как полагали, находился Арафат, но отзывались вскоре после вылета.

Генерал Гилбоа раз за разом высказывал свое резкое несогласие с этой операцией^[737]. «Для меня было ясно, что ВВС могли выполнить ее «по ходу дела», и сбитый самолет исчез бы навеки. Они делают то, что им приказывают, и если вы отдаете приказ о строительстве трубы для провода крови из Хайфы в пустыню Негев, они исполняют приказ в точности и не спросят, о чьей крови идет речь. Но у меня другая мера ответственности».

Именно в обязанности Гилбоа как руководителя аналитической службы АМАН входила оценка политического эффекта от каждой операции. «Я говорил начальнику Генерального штаба Эйтану, что подобная операция разрушит международный престиж нашей страны, если станет известно, что мы сбили гражданский самолет».

Однажды, когда гражданский самолет, на котором, как полагали, летел Арафат, находился над Средиземным морем на пути из Аммана в Тунис и к нему приближались израильские истребители, Эйтан спросил Гилбоа, считает ли он, что цель точно в самолете. Оба стояли тогда в центральном помещении бункера в Канари.

«Господин начальник Генерального штаба, вы действительно хотите услышать мое мнение?» – спросил Гилбоа. Эйтан кивнул.

Гилбоа почувствовал, что сердце заколотилось у него в груди^[738]. Он замолчал, перебирая в голове все причины, по которым можно было считать, что Арафат находится в самолете, а потом мысленно перечисляя все доводы за то, что его там нет.

Эйтан проявлял нетерпение. «Гилбоа, – рявкнул он. – Так да или нет?»

«Моя интуиция подсказывает мне, – ответил Гилбоа, – что Арафата в самолете нет».

Эйтан повернулся и пошел к красному телефону шифрованной связи, стоящему у стены. «Арик, – сказал он министру обороны, который с нетерпением ожидал в своем кабинете, – ответ отрицательный. Нам придется ждать другого дня».

В курсе базовой подготовки солдат Армии обороны есть один эпизод, настолько важный, что обязателен для усвоения каждым новобранцем. А детали этого события входят в программу подготовки офицеров. Случай этот произошел 29 октября 1956 года, когда подразделение израильской пограничной службы, осуществляя режим комендантского часа в деревне Кафр-Касим, окружило большую толпу местных жителей, возвращавшихся с работы. Потом солдаты расстреляли их. Они убили 43 человека, среди них 9 женщин и 17 детей. Пограничники утверждали, что просто выполняли приказ об открытии огня по нарушителям комендантского часа, но судья Биньямин Халеви, в одном из важнейших судебных решений, постановил, что солдаты не должны подчиняться приказам, которые являются открыто незаконными. «Отличительной чертой демонстративно незаконного приказа, – писал Халеви, – является то, что над таким приказом, словно черный флаг, должно развеяться предупреждение “Недопустимо!”. Такой приказ не просто незаконен формально, не просто завуалирован полностью или частично... в нем присутствует незаконность, которая больно бьет по глазам, которая наполняет сердце гневом, если глаза не слепы, а сердце не бесчувственно или не развращено»^[739].

Этот урок Кафр-Касима, буквально впечатанный в мозг каждого израильского солдата, был, несомненно, одной из важнейших причин, по которым не произошло военное преступление, несмотря на то что в пяти случаях истребители F-15 и F-16 поднимались в воздух для того, чтобы уничтожить Арафата. Фактически командование израильских ВВС намеренно чинило obstruction этим операциям, отказываясь подчиняться приказам, которые оно считало демонстративно незаконными^[740]. «Когда мы получили приказ, – вспоминал Селла, – мы с Иври пошли к Эйтану. Я сказал ему: “Господин начальник Генерального штаба, мы не намерены исполнять это. Этого просто не произойдет. Я понимаю, что министр обороны здесь главный. Никто не осмеливается перечить ему, поэтому мы сделаем выполнение этого

приказа просто технически невозможным”. “Рафуль” посмотрел на меня и ничего не сказал. Я воспринял его молчание как знак согласия».

В каждом из пяти случаев, когда израильские истребители идентифицировали указанную им цель над морем, по словам Селла, операции саботировались^[741]. В одном таком случае радиосвязь на командном пункте – самолете Boeing 707 – была заглушена из-за настройки на неправильную волну, что сбило контакт с центром на достаточное время, чтобы операция сорвалась. В другом случае в последнюю минуту Гилбоа настоял, что доказательств нахождения Арафата на борту самолета-цели не было. В третьем эпизоде Селла намеренно ввел Эйтана в заблуждение, сообщив, что цель была идентифицирована слишком поздно, что создавало опасность обнаружения взрыва близлежащим морским государством. В остальных случаях «мы просто тянули время, пока цель не покидала зону, где ее можно было поразить, не оставляя никаких улик»^[742].

Однако в конечном счете планы Шарона сознательно совершить военное преступление были разрушены из-за его прошлой беспринципности. Под сильным давлением израильского общества и в условиях жесткой международной критики Бегин был вынужден провести судебное расследование бойни в лагерях беженцев в Бейруте^[743]. Комиссию возглавлял председатель Верховного суда Ицхак Кахан, но подлинной ее движущей силой являлся Аарон Барак, независимо мыслящий и принципиальный генеральный прокурор, который в свое время не допустил убийства террористов из Найроби и впоследствии сменил Кахана на посту председателя Верховного суда. В течение трех месяцев комиссия выслушала показания всех граждан Израиля, участвовавших в инциденте, и изучила более тысячи документов.

Расследование и слушания создали первые трещины в монолите власти Шарона^[744]. После того как Барак задал свои глубокие и острые вопросы, руководителям военного и разведывательного истеблишмента стало ясно, что их карьеры тоже находятся под угрозой. Они быстро нашли себе адвокатов, которые в один голос посоветовали им перевалить вину на кого-то другого. Работа комиссии скоро превратилась в позорный спектакль взаимных обвинений.

Комиссия Кахана опубликовала свои выводы и рекомендации 7 февраля 1983 года. Вердикт комиссии гласил, что прямую

ответственность за массовые убийства несет «Фаланга», но к ответу должны быть призваны и некоторые израильтяне: «Мы считаем, что опасения по поводу возникновения в лагерях беженцев резни в том случае, если туда будут допущены вооруженные фалангисты... должны были возникнуть у каждого, кто хоть как-то был связан с творящимся тогда в Бейруте». Комиссия нашла, что «определенную долю ответственности несет премьер-министр Бегин», но основная вина была возложена на министра обороны Шарона, начальника Генерального штаба Эйтана и начальника военной разведки АМАН Саги наряду с другими высшими офицерами Армии обороны, а также на директора «Моссада» Адмони. Комиссия рекомендовала сместить Шарона с поста немедленно^[745].

Шарон отказался подать в отставку, поэтому Бегин и министры уволили его.

Вскоре, 15 сентября 1983 года, сам Бегин, терзаемый душевными муками и печалью, подал в отставку и был заменен Ицхаком Шамиром.

На тот момент охота на Арафата была прекращена. Отзвуки яростного преследования палестинского лидера Шароном, а также огромный сопутствующий вред, который это преследование нанесло, только повысили статус Арафата. Теперь он становился фигурой мирового значения и престижа. На большей части планеты его стали воспринимать не как террориста, а как государственного деятеля. «Постепенно, – говорил Гилбоа, – крепло осознание того, что Арафат – политик и его нельзя рассматривать как цель для уничтожения».

«Конечно, – продолжал Гилбоа, – люди в его организации – это уже совершенно другой вопрос».

Заговор в Шин Бет

Когда едешь на юг от Тель-Авива в Ашкелон по шоссе № 4, проезжаешь 50-километровый двухполосный участок, где дорога сначала вьется вдоль буйной средиземноморской зелени, а потом, по мере приближения к пустыне Негев, переходит в зону скудной растительности. Шоссе № 4 бежит вдоль Средиземного моря, мимо развалин древнего филистимлянского города Ашдода, где израильтяне построили новый порт. Значительная часть пространства, когда-то занятая песчаными дюнами, доминировавшими в местном ландшафте, теперь застроена вплоть до сектора Газа.

12 апреля 1984 года в 18:20 из Ашкелона вышел рейсовый автобус, направлявшийся на центральный автовокзал Тель-Авива. В нем находилось 44 пассажира, включая четырех палестинцев, которые сидели порознь, делая вид, что не знакомы, и скрывая нервозность, поскольку готовились захватить этот автобус и угнать его в Газу, взяв пассажиров в заложники.

Это были трудные дни для Израиля. Страна зализывала раны после войны в Ливане и все еще оккупировала его часть. Все больше израильских солдат возвращались домой в мешках для трупов, становясь жертвами частых столкновений с повстанцами. Внутри Израиля также правило бал насилие. 2 апреля три террориста из Демократического Фронта освобождения Палестины проникли в Израиль под видом туристов и открыли огонь из автоматов с применением гранат на оживленной улице в Иерусалиме, ранив 48 человек, один из которых впоследствии умер. Они были остановлены только благодаря действиям вооруженных граждан. Отмечались и акты насилия евреев в отношении арабов^[746]. Праворадикальные экстремисты нападали на мэров палестинских городов, сжигали дома палестинцев и планировали взорвать пять заполненных пассажирами палестинских автобусов. Шин Бет арестовала их буквально накануне этого акта.

Четверо молодых террористов в автобусе № 300 попали в эпицентр волны насилия. Все они жили в районе Хан-Юнис в городе Газа. Их

лидер, 21-летний Джамал Махмуд Кабалан, был старшим сыном в семье, в которой насчитывалось 16 человек. Он нес на себе бремя добытчика и кормильца с тех пор, как умер его отец, работавший посудомойщиком в различных ресторанах Тель-Авива. Джамал отсидел год в израильской тюрьме по обвинению в мелких преступлениях террористической направленности. Тремя его подельниками были Мухаммад Барака, 19 лет, и два двоюродных брата, Маджди и Субхи Абу Джумаа, оба ученики средней школы, которым было по восемнадцать. Кабалан убедил их присоединиться к нему в захвате автобуса, который, по его убеждению, вызовет широкий международный резонанс. Однако, помимо радикального националистического порыва, у террористов не было ничего: ни связей с какой-либо организацией, ни оружия, за исключением одной-единственной гранаты. Правда, у них были ножи и бутылка с некой желтоватой жидкостью, способной сойти за кислоту или огнеопасную смесь. Был у них еще и кейс с торчащими из него проводами, в котором больше ничего не было, хотя захватчики говорили своим заложникам, что в нем находится бомба, собранная из снаряда ручного гранатомета.

Через 40 минут после выезда из Тель-Авива, когда автобус достиг ашдодской развязки, один из пассажиров заметил у одного из террористов нож. Он попросил водителя остановиться, притворившись, что ему стало плохо и его сейчас вырвет. Когда он выходил из автобуса, то крикнул: «Террористы!» и выпрыгнул наружу. Четверо преступников поняли, что их раскрыли, а Кабалан подбежал к водителю, приставил нож к его горлу и приказал на иврите: «Вперед – быстро!»

Выпрыгнувший из автобуса пассажир вызвал полицию, которая установила стоп-блоки по маршруту движения автобуса, однако машина их проскочила. Автобус доехал до Дейр-аль-Балаха, посередине сектора Газа, где силам безопасности удалось пробить его шины и остановить машину у кирпичной стены. Некоторые пассажиры были ранены оружейным огнем. Их крики смешивались с криками других пассажиров и угонщиков. Водитель выпрыгнул из автобуса и заорал пассажирам, чтобы они делали то же самое. Некоторым это удалось, но потом Кабалан закрыл двери машины, и люди оказались в западне внутри.

Вскоре автобус был окружен солдатами и спецназом, а также старшими офицерами АОИ и руководителями Шин Бет. Приехало много представителей СМИ, собрались просто зеваки. Кабалан прокричал из автобуса, что освободит заложников только тогда, когда из израильских тюрем будут освобождены 500 палестинских заключенных.

Переговоры вел главный эксперт Шин Бет по арабскому терроризму Наман Таль^[747]. Вскоре он понял, с кем имеет дело. Как он заявил в своих показаниях позднее: «Я сразу же понял, что это были не серьезные люди, не представлявшие опасности». Эхуд Барак, в то время начальник военной разведки, делился своим впечатлением о том, что если бы Шин Бет смогла протянуть с переговорами еще несколько часов, «угонщики согласились бы освободить всех заложников в обмен на несколько сэндвичей»^[748].

Однако израильская сторона посчитала, что всех заложников можно освободить немедленно с применением силы и никаких переговоров с ними не нужно. В 4:43 начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Моше Леви, находившийся на месте инцидента, приказал спецназу «Сайерет Маткаль» пойти на штурм. Снайпер немедленно уничтожил Кабалана, который стоял в передней части автобуса, и тот замертво упал на рулевое колесо, нажав своим телом на сигнал. Огнем «Сайерет» убило также молодую женщину-пассажирку. Солдаты застрелили Барака и нашли двоюродных братьев Абу Джумаа среди пассажиров. Сначала командир отряда «Сайерет» Шай Авиталь приказал их убить, но когда понял, что они не представляют опасности, немедленно отменил приказ, «потому что, черт побери, я увидел, что с того момента, когда штурм закончился, они стали пленными, а убивать пленных запрещено»^[749].

Двое молодых террористов были выведены из автобуса, и после короткого допроса, который провел бригадный генерал Ицхак Мордехай, командующий парашютно-десантными и сухопутными войсками, чтобы выяснить, есть ли еще взрывчатка или другие террористы в автобусе, братья Джумаа были переданы Шин Бет, сотрудники которой собрались на близлежащем пшеничном поле.

Мича Куби, один из старших следователей Шин Бет, задавал вопросы обоим задержанным, но условия для этого были

неподходящими. «Я старался проводить допрос спокойно, – говорил Куби, – но все вокруг кричали как сумасшедшие»^[750].

А затем появился Авраам (Аврум) Шалом.

Шалом уже в течение четырех лет возглавлял Шин Бет. Сын австрийского еврея, которому удалось убежать от нацистов, Шалом вступил в военизированное десантное подразделение «Пальмах» в возрасте 18 лет. После создания еврейского государства он был принят на работу в оперативное управление Шин Бет. В начале 1960-х годов сотрудничал с Ицхаком Шамиром, возглавлявшим тогда подразделение «Моссада», занимавшееся «целевыми» убийствами, в операции израильтян по недопущению участия немецких ученых в египетской ракетной программе. Очень быстро два этих человека стали друзьями. Когда в 1983 году Менахем Бегин подал в отставку и премьер-министром стал Шамир, «Шалом стал самым важным человеком в его системе безопасности страны, – как рассказывал Карми Гиллон, возглавлявший Шин Бет в 1990-х годах. – Я думаю, что Аврум начал считать, что может делать все, что ему угодно»^[751].

Шалом управлял службой внутренней безопасности безо всяких оглядок, и многие его подчиненные полагали, что он манипулировал людьми и был безжалостным диктатором^[752]. «По отношению к Авруму не существовало почитания, – свидетельствовал Юваль Дискин, оперативный работник во времена Шалома, который позже возглавит службу. – Был только страх. Мы боялись его. Он был сильным человеком, жестоким, умным, очень упрямым, никогда не шел на компромиссы и ни к кому не подлизывался».

Когда закончился штурм автобуса, Шалом переговорил с начальником Генерального штаба Леви, прежде чем пройти на пшеничное поле ко всем.

«В руках у Аврума (Шалома) был пистолет, – сказал Куби. – И он изо всех сил ударил рукояткой одного из террористов по голове. Я видел, как рукоять пистолета практически вошла в голову молодого человека»^[753].

«Он был в ярости», – сказал другой сотрудник Шин Бет.

Куби заявил, что не может продолжать работу с арестованными в том хаосе, который царил на месте трагедии, и потребовал, чтобы террористы были доставлены в следственный отдел в секторе Газа. Члены группы силовой поддержки Шин Бет, «Птицы», вывели их с

поля. Шалом жестом подозвал к себе командира группы Эхуда Ятома и тихо сказал ему: «Прикончи их»^[754].

Шалом не хотел, чтобы суд судил террористов по закону. Он был убежден в том, что если допустить легитимный суд над двумя людьми, захватившими автобус с заложниками, это только подстегнет терроризм.

Однако даже преступники не могут быть так просто казнены на оживленном шоссе, на глазах у солдат, репортеров и гражданских лиц. Поэтому Ятом со своей командой отвезли двоих пленников на пустынное заброшенное поле, отстоявшее от места трагедии на несколько километров. Субхи и Маджди, избитых и обессиленных после событий этой ночи, вытащили из машины и заставили лечь на землю. Ятом объяснил трем своим бойцам, что надо делать, поднял большой камень и с силой опустил его на голову Маджди. Бойцы присоединились к нему.

Группа забила юношей до смерти камнями и металлическими прутьями, чтобы представить дело так, будто их убили разъяренные преступные элементы (разыскать которых невозможно) из числа солдат и гражданских лиц сразу после осуществления штурма автобуса.

Куби ждал в следственном отделе в Газе, когда получил сообщение о том, что террористы скончались по пути от ран, предположительно нанесенных им местным населением и солдатами^[755]. «Я ясно понял, что произошло, – говорил впоследствии Куби. – Политика Аврума заключалась в том, что террорист, осуществивший преступление, не должен остаться в живых. Поэтому я не удивился, когда мне сказали, что они не будут доставлены на допрос. Я отправился домой и лег спать. Подумал, что дело, таким образом, закрыто».

Куби думал так потому, что обычно *такие дела считались закрытыми*, как только охладевал труп. В течение ряда последних лет, по мере роста числа террористических атак, росло и давление общественности на правительство и вооруженные силы, чтобы заставить их принимать более жесткие антитеррористические меры. Но как только реакция Израиля обострялась, контроль над такими его действиями ослабевал. «Целевые» убийства, которые когда-то осуществлялись лишь спорадически, вдалеке от границ страны, и требовали разрешения высокого уровня, стали применяться гораздо

чаще, ближе к границам страны при гораздо меньшем контроле. Например, некоторые «отдельные неправильные действия», совершенные несколькими беспринципными подразделениями во время и после Шестидневной войны, стали в середине 1970-х годов обычным делом, хотя их законность и была весьма сомнительной.

Служба внутренней безопасности Шин Бет, которая несла ответственность за противодействие палестинским атакам на оккупированной территории, использовала незаконные методы еще с 1960-х годов. Следователи Шин Бет не без оснований опасались, что если не выжмут информацию из захваченных пленников, будет убито больше израильтян. То, что в ходе допросов начиналось как запугивание и унижение, превратилось в настоящие физические пытки: «постановочные» казни, лишение узников сна, длительное пребывание в мучительных позах, воздействие экстремальных температур – как жары, так и холода. Иногда заключенным вводили «сыворотку правды», которая, как им говорили, вызывала импотенцию.

Темные и грязные помещения, в которых сотрудники Шин Бет обычно проводили допросы, имели настолько мрачную репутацию, что «даже нормальный человек, который пересекал их порог, был готов признаться в том, что это он убил Христа», – рассказывал Гиллон.

Даже Авраам Шалом вспоминал, что был глубоко шокирован тем, что увидел в изоляторе временного содержания в Хевроне, который посетил в качестве руководителя «Птиц» и где присутствовал «при жестком допросе одного араба, который был, по-моему, уже пожилым. Ему было в то время 55 лет, но выглядел он намного старше. А наш парень орал на него: “Почему ты лжешь?” Араб был раздавлен, стар, сломлен, и мне даже стало жалко его. Я спросил: “Почему он так кричит на него?” А следователь взял стул, сломал его ударом об пол, поднял одну из ножек и раздробил старику руку. Он сказал: “Положи руку на стол” и затем разбил ему все пальцы». Шалом продолжал: «В другой раз я увидел, как допрашивающий убил араба. Даже не ударами. Он просто толкал его на одну стену, потом на другую, на одну, на другую... Потом он взял этого араба за голову и чуть не пробил его головой стену. Через неделю тот араб умер от мозгового кровотечения. Все это было покрыто».

Некоторые заключенные умирали во время пыток, а некоторых доводили до самоубийства. В других случаях задержанные активисты ООП оказывались мертвыми еще до того, как их довозили до места заключения.

Раз за разом члены ООП просто исчезали^[756]. Их домочадцы подозревали, что они находятся в израильских тюрьмах, и обращались в полицию за помощью. Полиция публиковала фотографию пропавшего человека в местной газете – стандартная практика в таких случаях – и, в свою очередь, обращалась в Шин Бет с вопросом, нет ли у службы какой-либо информации о пропавшем. «У нас был на эти случаи готовый ответ, – рассказывал Иосси Гиноссар, высокопоставленный сотрудник службы внутренней безопасности. – Он гласил: в органах безопасности сведений о местонахождении данного человека нет. Это то, что мы из раза в раз повторяли полиции в ответ на их вопросы, хотя хорошо знали яму, в которую этот человек был закопан».

Некоторые из пропавших ликвидировались в ходе секретной программы «Грузы». Абу Джихад приказал своим людям контрабандой доставить большое количество оружия на оккупированные территории и спрятать его в тайниках, чтобы впоследствии им воспользовались банды террористов. Иногда службе Шин Бет удавалось обнаружить эти тайники, и она устанавливала за ними слежку, поджидая и захватывая боевиков, пришедших за оружием. Однако чаще Шин Бет просто минировала тайники мощными зарядами взрывчатки, которые подрывались дистанционно во время приближения к ним террористов.

«Основная идея программы “Грузы”, – говорил источник в Шин Бет, – была заимствована из тактики израильских военных в Ливане, в соответствии с которой считалось, что иногда брать пленных не имеет смысла^[757].

Захват пленных – всегда риск для наших войск, и, кроме того, побуждает противника к захвату заложников для обмена на своих боевиков. А ведь в любом случае они заслуживают смерти. Поэтому мы считали, что в отношении тех, кто приходил за оружием, из которого потом планировалось убивать евреев, лучше всего применять тактику организации “несчастных случаев на производстве”».

Программа «Грузы» – массовые ликвидации подозреваемых, которые в тот момент непосредственной опасности не представляли,

то есть, по сути, нарушение законов Израиля и правил ведения войны, – не представляла собой серию каких-то бесчестных акций беспринципных оперативников. Это были официально санкционированные внесудебные убийства, предложенные руководителю Шин Бет его подчиненными и одобренные им, а затем и премьер-министрами – сначала Рабином, а потом Бегином и Шамиром^[758].

В некоторых случаях подрывы в ходе программы «Грузы» осуществлялись с большого расстояния по радио- или оптическим лучам, носившим общее название «Платформа»^[759]. Это была передовая по тем временам технология. «Все это хорошо в теории, – рассказывал один из старших оперативных работников Шин Бет, который принимал участие в операциях, – но иногда тайники с оружием были очень примитивно закамуфлированы, например располагались под строительным мусором или под большим камнем. Как правило, забирать оружие действительно приходили боевики ООП, но иногда камень мог поднять и пастух или парочка на прогулке по окрестностям, которую вдруг охватило любопытство. В инцидентах с тайниками погибло немало невинных людей»^[760]. Обычно служба армейских капелланов ночью убирала трупы и хоронила их на кладбище для убитых врагов.

В Шин Бет существовала норма, по которой сотрудники внутри службы должны были говорить только правду, а вне ее могли лгать^[761]. Часто заключенные жаловались в судах, что делали признания только под воздействием пыток, но на это никто не обращал внимания. Когда в суд для дачи показаний вызывались следователи Шин Бет, они использовали трюк, получивший в службе название «Пусть посмотрят мне прямо в глаза». Когда следователя спрашивали, бил ли он заключенного или прибегал к другим мерам физического воздействия, он обычно смотрел сначала на судью, потом на допрашиваемого, затем снова на судью и произносил: «Я не трогал его даже пальцем. Пусть он посмотрит мне в глаза и скажет, что мы ему что-то сделали».

«Мы всё отрицали, – рассказывал Ариех Хадар, тогдашний начальник следственного управления. – Судьи конечно же верили нам. Потому что некоторые арабы были склонны преувеличивать в своих описаниях воздействие, которое мы на них оказывали. Так отвести все их заявления было нетрудно».

Хадар и все другие сотрудники Шин Бет, которых автор опрашивал при подготовке этой книги, настаивали на том, что материалы, полученные в результате допросов, спасли жизни многих израильтян, предотвратив террористические акции. Они также делали упор на то, что жестко обходились только с действительно виновными. «Мы никогда не фабриковали свидетельств, – говорил Хадар. – Мы никогда не придумывали фактов, которые не считали правдой. Мы никогда не шли в суд, если не были на 1000 % уверены в том, что данный человек виновен»^[762].

Программа «Грузы» была отменена 8 апреля 1979 года, после того как неправильно сработавшее взрывное устройство убило оперативного работника Шин Бет^[763]. Авраам Шалом был назначен руководителем Шин Бет в 1980 году, и немедленно восстановил эту программу в еще бóльших объемах.

Шин Бет под руководством Шалома использовала агрессивную тактику против палестинцев на оккупированных территориях и в Ливане, но руководитель службы хорошо понимал, что в конечном счете оккупация была проблемой, которую невозможно решить только силой. «Все, что мы могли делать, – это контролировать войну, – говорил он. – Мы могли поддерживать пламя на определенном уровне, чтобы наше государство могло делать то, что ему необходимо. И это было важно. Но проблему оккупации не решало»^[764].

И он был не одинок в своем мнении. Почти все руководители спецслужб придерживались леволиберальных взглядов на палестинскую проблему и являлись сторонниками политического решения, которое должно было привести к компромиссу и созданию независимого палестинского государства^[765]. Но если эти люди и говорили об этом, то очень тихо. Несмотря на свою личную точку зрения по поводу оккупации, Шалом не шел наперекор своим начальникам, а только продолжал применять, и очень эффективно, политику предотвращения терроризма.

В то время Шин Бет было все труднее сдерживать всплеск террористической активности против АОИ в Ливане, стране, где службу безопасности не связывали никакие законы и где она, соответственно, применяла особенно жестокие методы. «Ливанизация оказала сильное воздействие на Шин Бет, – говорил Шимон Ромах, руководивший операциями службы в этой стране. – Поскольку там не

было ни гражданского контроля, ни контроля со стороны СМИ, ощущение свободы действий и отсутствие боязни, что все это попадет в прессу, играло большую роль».

Эта свобода действий затронула и Авраама Шалома. «На всех уровнях из-за Ливана ощущался элемент развращенности, – рассказывал Гинос-сар. – Получалось, что Шалом, очень тесно связанный с происходящим в Ливане, мог отдавать в этой стране приказы, которые там проходили, но которые не прошли бы в израильских реалиях»^[766].

К тому времени, когда произошел инцидент в Ашкелоне, Шалом уже четыре года руководил операциями Шин Бет с полным карт-бланшем на руках. У него не было никаких оснований полагать, что еще одна пара мертвых палестинских террористов вызовет проблемы.

Но одним из людей, кто бросился к автобусу при начале штурма и оказался поблизости от него, когда штурм закончился, был израильский фоторепортер Алекс Левац.

В возникшей суматохе Левац снимал всех, кто был вокруг него. Он видел, как двое крепких мужчин уводили низкорослого черноволосого юношу. Сначала Левац не понял, что этот человек в наручниках. «Когда я сделал этот снимок, то не понял, кто это был. Думал, что один из освобожденных пассажиров, – рассказывал Левац комиссии по расследованию инцидента. – Но когда один из уводивших его людей со злобой бросился на меня, я посчитал, что он возражает против фото, являясь засекреченным оперативником»^[767]. В действительности эту тройцу составляли Маджди Абу Джумаа и два оперативных работника подразделения «Птицы».

«Мы вытащили его, – свидетельствовал один из бойцов. – Через несколько метров сверкнула вспышка. Один из оперативников крикнул: “Забери у него пленку!”»

Левац еще не осознал до конца, что происходит, но понял, что на его последней фотографии имеется что-то важное. Поэтому, прежде чем оперативник «Птиц» дотянулся до него, он моментально заменил пленку в фотоаппарате, а экспонированную успел сунуть в носок^[768].

Армия обороны Израиля объявила, что «сегодня утром при штурме автобуса, захваченного террористами десять часов назад на Прибрежном шоссе, все нападавшие боевики были убиты»^[769]. Редакторы газеты Nadashot, на которую работал Левац, поняли, что в

их руках сенсация, и хотели напечатать фотографию, сделанную репортером, однако военная цензура не разрешила им этого. Но кто-то тайком передал фото в иностранные СМИ, включая немецкий еженедельник Stern, который напечатал ее. Затем и в Hadashot обошли цензуру и перепечатали статью из The New York Times, поместив и фотографию^[770].

Родственники и соседи в секторе Газа опознали молодого человека на фотографии как Маджди Абу Джумаа. На нем не видно никаких ран, глаза у него открыты, и он в наручниках. Оперативники не поддерживают его, из чего можно сделать вывод, что он стоит самостоятельно.

Публикация фотографий после официального объявления о том, что все террористы были убиты во время штурма, вызвала всплеск общественного возмущения, что совпало с недостатком доверия к властям после Ливанской войны, и привела к атакам на правительство со стороны ряда либеральных СМИ^[771].

Премьер-министр Шамир и Шалом выступали против официального расследования дела, но их мнения никто не хотел слышать. Министр обороны приказал создать комиссию по расследованию инцидента, а позднее еще одна такая комиссия была создана Министерством юстиции.

28 апреля, через два дня после создания первой комиссии, Авраам Шалом приказал десяти своим ближайшим подчиненным – офицерам «Птиц», которые принимали участие в убийствах, юридическим советникам Шин Бет и другим ответственным сотрудникам службы, включая Иосси Гиносара, собраться в апельсиновой роще возле Нетаньи, к северу от Тель-Авива. Он специально выбрал это пустынное место, где их никто не мог увидеть, вдалеке от объектов Шин Бет, в которых стояли прослушивающие устройства. Эти устройства в обычное время служили интересам Шин Бет. Однако Шалом опасался, что в данный момент они могут помешать его планам.

Той ночью, при свете звезд, Шалом и его люди дали друг другу взаимную клятву никогда не раскрывать правду об этом деле и сделать все, чтобы замять его, поскольку если этого не сделать, то, по словам Шалома, «государственной безопасности Израиля будет нанесен большой ущерб и будут вскрыты секреты службы Шин Бет»^[772].

Все собравшиеся знали, что если они скажут правду или если она вскроется в ходе расследований, они могут пойти под суд за пытки или даже за убийство. «Они просто поклялись друг другу, что никогда не промолвятся об этом инциденте, – рассказывал Реувен Хазак, заместитель Шалом. – Ни о самих убийствах, ни об их сокрытии»^[773].

В апельсиновой роще и на последующих встречах в своих домах они разработали план, который присутствовавший на некоторых встречах Хазак описал в ретроспективе «как заранее спланированную кампанию против судебных органов и государственных учреждений»^[774].

План имел две взаимосвязанные части. Первая. Шалом предлагает Аренсу и Шамиру, чтобы назначенный им представитель был включен в комиссию по расследованию, и, таким образом, «в работе комиссии была бы представлена Шин Бет, и было бы обеспечено сохранение секретов службы». Это с виду невинное предложение оказалось принято, и Иосси Гиноссар был назначен членом комиссии по расследованию Министерства обороны.

Гиноссару предстояло действовать в качестве «троянского коня» Шалом^[775]. Он являлся одним из тех, кто произнес клятву в апельсиновой роще, и воспринял сам факт организации комиссий как личное оскорбление. «Что такого произошло? Двое террористов, которые захватывают автобус и убивают пассажиров, сами убиты, – будет позднее протестовать Гиноссар. – И из-за этого вы обрушиваете весь мир? Это лицемерие! Годами мы чистили “канализацию” нашей страны. И все более или менее представляли себе, как из нее убиралась грязь».

Гиноссар говорил: «У меня не было и нет нравственных проблем с лишением жизни террористов». Проблемы существовали «с фактами, которые попали в открытый доступ». Ведь на месте операции оказалось так много действующих лиц, помимо Шин Бет^[776]. Гиноссар предложил решение: «Главным правилом после неудачной операции является устранение всех следов, указывающих на государство Израиль. Несообщение правды считается неотъемлемой частью решения проблемы»^[777].

В течение дня комиссия Министерства обороны заседала и заслушивала свидетелей – солдат, оперативников Шин Бет, гражданских лиц, заложников и фотожурналиста Алекса Леваца^[778].

Затем поздно вечером Гиноссар выскальзывал в город, чтобы встретиться с Шаломом и его «узким кругом» в доме одного из юрисконсультов службы и рассказать им об итогах сегодняшних слушаний в целях подготовки свидетелей на следующий день.

Из первой части плана вытекала и его вторая часть: подстава невинных солдат АОИ под те два убийства, приказ о которых отдал Шалом^[779]. Вместе с Гиноссаром, юрисконсультами Шин Бет и членами подразделения «Птицы» Шалом сплел хитрый план по перекладыванию вины за убийства на людей, которые первыми захватили террористов, – солдат АОИ под командованием бригадного генерала Ицхака Мордехая.

План этот был удивителен по своему цинизму. Он потребовал лжесвидетельств, тайного сговора и глубокого, беспардонного предательства достойного человека и друга. Гиноссар и Мордехай были близкими друзьями со времени вторжения в Ливан в 1982 году. 27 июня того года Гиноссар даже наградил Мордехая специальной ведомственной наградой Шин Бет за вклад в осуществление службой ликвидации Азми Зраира, полевого командира ФАТХ в Южном Ливане.

Гиноссар сплел целую паутину лжи. Он прекрасно понимал, чего требовала комиссия. «Ребята, не надо себя обманывать, – сказал он на одной из тайных встреч, – кого-то из нас нужно назначить на роль виновного... Иначе комиссия не успокоится, поскольку не достигнет своей цели. Единственным человеком, кого можно сделать виновным, – господин Ицхак Мордехай».

Главным свидетелем выступал командир подразделения «Птицы» Эхуд Ятом. Шалом, Гиноссар и другие снова и снова репетировали с ним его показания ночью накануне выступления перед комиссией. Он рассказал ее членам: «Я и руководитель Шин Бет прибыли на место. Я увидел две группы людей приблизительно в десяти метрах друг от друга. В каждой группе было от 20 до 30 человек... Когда я подошел ближе к одной из групп, увидел картину, которая напоминает мне картину избиения сирийскими крестьянами наших военных летчиков, сбитых над Сирией. Они всю орудовали ногами и руками. Увидев террориста, я тоже дал ему пощечину. Меня захватил гнев толпы». Ятом сказал, что не видел в толпе людей из Шин Бет, но видел

генерала Мордехая, который бил одного из террористов своим пистолетом.

Ятом сказал, что, когда преступников передали ему, они были в очень плохом состоянии, а когда он доставил их в госпиталь, врачи констатировали их смерть. Глава комиссии, генерал-майор в отставке Меир Зореа, был глубоко впечатлен искренностью Ятома. Он был единственным свидетелем, который признался в том, что ударил террориста по лицу, и даже высказал сожаление по этому поводу. Это «признание», разумеется, имело целью сокрытие гораздо более серьезной тайны.

«Кого вы видели избивающими пленников?» – спросили другого сотрудника Шин Бет во время дачи свидетельских показаний, после того как он охарактеризовал увиденную им картину как «линчевание». «Это довольно трудно вспомнить, – ответил он. – Единственный человек, которого я могу указать, – это Ицхак Мордехай. Он ужасно избивал схваченных палестинцев». Другой свидетель из Шин Бет рассказывал: «Я видел, как Ицхак очень сильно бил его по голове», – но никого другого вспомнить не мог. Целый ряд свидетелей из службы общей безопасности Шин Бет сообщили то же самое^[780].

Заговорщики хотели втянуть в лжесвидетельствование и следователя Куби. Гиноссар «пришел ко мне, чтобы убедить меня свидетельствовать, будто я видел, как Мордехай забил пленника до смерти, – говорил Куби. – Я сказал ему, что не видел этого. Он пошел дальше и спросил меня, был ли Аврум, с моей точки зрения, на месте инцидента, когда били террористов. Я сказал, что он был там, в действительности был первым, кто ударил их. “Если это так, – сказал Гиноссар, – то, по моему мнению, тебя там вообще не было”. После этого они послали меня в длительную служебную командировку в Италию. Я понял, что они хотели держать меня как можно дальше от комиссии».

Тем не менее комиссия по расследованию Министерства юстиции настояла на том, чтобы опросить Куби. Тогда его тайно вывезли в Израиль, где на непростой встрече с Авраамом Шаломом он сказал, что не будет поддерживать его версию событий. «Но это предательство!» – вскричал Шалом.

Куби, который за тридцать лет работы в Шин Бет много раз смотрел в глаза серьезной опасности, говорил, что еще ни разу так не рисковал.

«Я боялся, что не уйду оттуда живым», – признавался он. Он ушел невредимым, но его чувства передавали всю глубину падения Шин Бет.

В конечном счете между Куби с одной стороны и Шаломом, Гиноссаром и юрисконсультom – с другой, был достигнут компромисс. Куби, искажая действительность, свидетельствовал, что занимался допросом и не видел, кто бил террористов.

Показания других свидетелей – подготовленные мастерами интриги и обмана и отработанные в течение многих часов – прекрасно совпали друг с другом. Кумулятивный эффект от 13 сходящихся показаний достойных на первый взгляд свидетелей произвел сильное впечатление на членов комиссий.

20 мая комиссия вынесла свое заключение: «Из материалов расследования ясно видно, что ни Армии обороны Израиля, ни сотрудникам Шин Бет не отдавалось никаких приказов, предполагающих трактовку, что двоих террористов, оставшихся в живых, следовало убить или причинить какой-то другой ущерб».

Комиссия полностью поверила показаниям Авраама Шалома и отметила, что свидетельства и заявления Мордехая о том, что не он убивал террористов, «частично не соотносятся с некоторыми услышанными нами показаниями и поддерживаются другими свидетелями только в некоторых деталях».

Комиссия не определила, кто убил задержанных, но рекомендовала, чтобы в отношении Мордехая было проведено расследование военной полицией^[781]. Оно привело к его обвинению в убийстве. В июле 1985 года комиссия Министерства юстиции пришла к такому же заключению.

Заговор Шалома сработал. Невинный человек должен был пойти под суд за свои преступления.

Мордехай решительно отрицал все обвинения в свой адрес, однако ему почти никто не поверил^[782]. «Любой другой человек на месте Мордехая покончил бы жизнь самоубийством», – сказал Эхуд Барак.

«В течение двух долгих лет я и моя семья жили как в аду»^[783], – скажет позднее Мордехай.

Однако, к счастью для него, позже в процесс вынесения приговора по обвинению Мордехая включился молодой и энергичный военный

юрист Менахем Финкельштейн, который представлял Армию обороны Израиля в комиссии Министерства юстиции.

Финкельштейн, ортодоксальный еврей, в котором Талмудом были воспитаны педантизм и скептицизм и который впоследствии станет известным судьей окружного суда, тщательно изучил показания свидетелей и почувствовал, что в них что-то не так^[784]. «Свидетельства оперативников Шин Бет были однозначными, – говорил он. – В них не усматривалось попыток лжи. Однако стремление возложить всю вину на Мордехая показалось мне странным».

Мордехай признал, что когда двоих террористов выводили из автобуса, он ударил по одному разу каждого из них, задавая им вопросы. Однако тщательное изучение всех свидетельских материалов ясно показало, что братья Абу Джумаа были переданы Шин Бет в гораздо лучшем состоянии, чем утверждали оперативники службы. Финкельштейн начал борьбу и с Шин Бет, и с Министерством юстиции, настаивавшими, что Мордехая нужно судить за убийство^[785]. Он поднял заключение патологоанатомического вскрытия террористов, в котором было отмечено, что удары Мордехая могли убить преступников, которые на фотографиях Леваца выглядели вполне жизнеспособными.

Усилия Финкельштейна не смогли предотвратить предъявления Мордехая обвинения по двум статьям за убийство, и генерал должен был предстать перед специальным военным трибуналом. Однако тщательная юридическая проработка этого дела Финкельштейном^[786] оказала влияние на сам ход судебного разбирательства, и после единственного заседания и короткого изучения свидетельств суд Мордехая оправдал^[787].

Казалось, что на этом «ашкелонское дело» и закончится. Достойного человека втоптали в грязь, и его имя было запятнано, хотя в конечном счете он был оправдан. Никакие секреты Шин Бет раскрыты не были, и никто не ответил за творившиеся там преступления.

Весь этот инцидент могли бы окончательно предать забвению, если бы у трех руководящих сотрудников Шин Бет не проснулась совесть. Одним из них был Реувен Хазак, заместитель руководителя общей службы безопасности, которого планировали вскоре на замену Аврааму Шалому. Сначала эти трое попытались предупредить Шалома

о том, чтобы он перестал лгать. Пелег Ра-дай сказал Шалому, «Никсон пал не из-за глупой операции по вмешательству в чужие дела, а из-за того, что попытался все скрыть».^[788] Шалом не среагировал. Хотя сначала сам Хазак был вовлечен в заговор по лжесвидетельствам, он позже пришел к заключению, что закрыть это дело можно только в том случае, если все заговорщики уйдут в отставку. Шалом наотрез отказался.

29 октября 1985 года Хазаку удалось получить аудиенцию у премьер-министра Шимона Переса, который сменил Шамира в сентябре 1984 года по соглашению о ротации, поскольку их партии объединились на выборах в кнессет, состоявшихся в том же году. Перес внимательно выслушал Хазака, который пришел со списком, детально перечисляющим убийства и их сокрытие в Шин Бет. «Моральная основа, на которую общая служба безопасности опиралась в осуществлении своих обязанностей, практически разрушена»^[789], – сказал Хазак Пересу.

Тот ответил: «Обычно перед принятием решения я думаю».

Хазак ушел от премьера с ощущением облегчения, чувствуя, что его обвинения были восприняты серьезно и что вскоре последует адекватная реакция. Но он ошибался. Шалом оказался гораздо более искусным тактиком. Ранее он уже встретился с Пересом и представил ему совершенно другую картину. Он охарактеризовал ситуацию как открытое выступление трех нарушителей закона, чья цель состояла в том, чтобы изгнать его и захватить власть в Шин Бет.

При полной поддержке Переса Шалом уволил трех «возмутителей спокойствия»^[790]. Они вынуждены были опозоренными покинуть службу, которой отдали всю жизнь, подвергнутые ostracism со стороны коллег, которых заставили поверить в то, что они предатели.

Но эти борцы за справедливость нанесли ответный удар. Поздно вечером 9 марта 1986 года они пришли в почти пустой центральный офис Министерства юстиции в Восточном Иерусалиме и проследовали в кабинет Генерального прокурора Ицхака Замира.

Встреча продолжалась три с половиной часа, и трое бывших сотрудников Шин Бет выложили все – не только историю с двумя палестинцами и попыткой подставить Мордехая, но и данные о внесудебных убийствах, пытках и лжесвидетельствах, которые практиковались в общей службе безопасности десятилетиями.

Заместитель государственного прокурора Дорит Бейниш не могла поверить, что Перес все выслушал и ничего не предпринял. «На вашей встрече с премьер-министром вы говорили о сокрытии преступлений?»

«Мы говорили обо всем», – ответил Хазак.

«Мне показалось, что небеса обрушились на нас, – сказал Иехудит Карп, заместитель государственного прокурора по специальным вопросам. – Невозможно переоценить то, что произошло тогда. Речь шла о вопиющем попрании закона, о разложении всех систем. Я не помню дела такого же уровня важности в истории государства Израиль»^[791].

Сразу же были запущены два новых расследования: полицейское следствие по «ашкелонскому делу» и комплексная проверка работы Шин Бет комиссией во главе с Карпом.

Для Шалом это была катастрофа. Он пережил два расследования по лжесвидетельствам и по обвинениям во лжи, уволил троих «возмутителей спокойствия». Но два мертвых палестинских террориста как будто преследовали его. Теперь, когда весь заговор раскрылся, ему будет гораздо труднее убедить следователей поверить в другую вымышленную историю.

И все же Шалом и его союзники не сдавались. Вместо этого они развернули «широкую кампанию лжи, слухов и клеветы против троих борцов за справедливость и Министерства юстиции», – рассказывал Карп. За сотрудниками министерства организовывали слежку, их телефоны прослушивались в попытках собрать информацию для шантажа и для того, чтобы перехитрить своих оппонентов. По ночам чиновники Министерства юстиции получали анонимные телефонные звонки с угрозами, к Замиру была приставлена круглосуточная охрана. Однажды ночью к его дому была вызвана скорая помощь, хотя он был здоров. Ему на дом присылали венки. Журналистам через источники Шин Бет сливали слухи о том, что у одного из «возмутителей спокойствия» завязалась интрижка с заместителем государственного прокурора Бейниш.

«Наиболее удивительным было то, что тогда проявилась вся неограниченность власти Шин Бет, – говорила Дорит Бейниш. – Только столкнувшись с ней, мы поняли, что эта власть может быть направлена против кого угодно, даже системы законности, а при

необходимости – и эшелонов власти. Мы вдруг почувствовали себя опороченными, беззащитными и подверженными опасности»^[792].

Но Бейниш, Карп и участники полицейского расследования не сдались. Расследования продолжились и в апреле, и в мае 1986 года, несмотря на клевету и запугивания.

В конечном счете Шалом просто прибегнул ко лжи под присягой^[793]. В ходе полицейского расследования он сначала заявил, что министр обороны Моше Аренс приказал ему убить ашкелонских террористов. Когда Аренс встретился в Шаломом 16 апреля 1986 года и эмоционально опроверг это заявление, Шалом извинился и сказал: «У меня было впечатление, что вы отдавали мне такой приказ, но теперь, после разговора с вами, я вижу, что ошибался и дело обстояло не так».

Следом он обвинил Шамира, который в то время был премьер-министром. Шалом объявил, что Шамир приказал ему забить палестинцев до смерти, а затем отдал приказ или, по крайней мере, одобрил сокрытие этого дела. Шамир тоже отказался от обоих обвинений Шалома. Снова пойманный на лжи, Шалом продолжал врать. Он заявил, что на встрече в ноябре 1983 года премьер сказал ему, что захваченных террористов следует убивать.

Шамир опроверг это. В конечном счете Шалом отошел на позицию, что ему якобы были даны общие полномочия самому решать, что делать с террористами – даже до начала атаки на них – в тех случаях, когда он не может связаться с премьер-министром для получения указаний.

К маю 1986 года генеральный прокурор Ицхак Замир уже настаивал на привлечении к суду всех, замешанных в «ашкелонском деле», по обвинениям в убийстве, создании помех отправлению правосудия, лжесвидетельствовании и по другим статьям^[794].

Шалом был загнан в угол. У него оставалась единственная карта.

В конце мая Шалом встретился с Иосси Гиноссаром и их юрисконсультами в номере, который Гиноссар занимал в отеле Grand Beach Hotel в Тель-Авиве. Вместе они начали составлять список убитых. Использовали свои досье и напрягали память, записывая имена, места и даты гибели людей, убитых «Моссадом», военной разведкой АМАН и службой Шин Бет в годы, предшествовавшие «ашкелонскому похищению»^[795].

«Мы сидели там долго. Все вошло в этот документ с согласия Аврума», – сказал Гиноссар.

В списке числились имена четырех иранских дипломатов, которых «Моссад» разрешил пытать и убить в Бейруте «фалангистскому мяснику» Роберту «Кобре» Хатему. Были объекты подразделения 504 АМАН, которые «умерли естественной смертью, проглотив подушку» и были похоронены лицом вниз. Фигурировала операция Шин Бет в деревне Бидья, когда 15 оперативников приехали на трех «мерседесах» в гараж, принадлежавший местному шиитскому командиру Муршиду Нахасу, которого затащили в одну из машин и сказали, по свидетельствам очевидцев: «Ты можешь выбрать, как умереть»^[796]. Его изрешеченное пулями тело было позднее обнаружено на окраине деревни. В список были внесены имена людей, которые просто исчезли на оккупированных территориях, как и имена всех тех, кто был убит в программе «Грузы».

Разумеется, список был неполным – всего три листа и 67 имен, и касался только тех, кто был убит в Ливане, на Западном берегу и в секторе Газа. Но это был материал-бомба.

Гиноссар назвал его «Досье Черепов»^[797]. На первый взгляд это был юридический документ, призванный продемонстрировать, что приказ Шалома об убийстве двух «ашкелонских» террористов был рядовым и вполне приемлемым и являлся частью санкционированной программы внесудебных убийств. На самом же деле это был чистый шантаж, скрытая угроза, что, если Шалом и его союзников осудят, они потянут за собой и других фигурантов, включая премьер-министров.

«Мы очень хорошо понимали все значение “Досье Черепов”, которое они выложили на стол, – сказал один из бывших членов кабинета. – Нам было понятно, что следовало остановить общую истерию и сделать так, чтобы вовлеченные в дело сотрудники Шин Бет не пошли под суд».

Это был шокирующий, но эффективный маневр. «Я подал рапорт об отставке Шамиру (который снова занял пост премьера), – рассказывал Шалом. – Он мне сказал: “Даже не думай”. Он боялся, что если уйду я, он тоже должен будет уйти. Поэтому Шамир пошел к Шимону Пересу (теперь вице-премьеру и министру иностранных дел) и Рабину, который занимал пост министра обороны, и сказал: “Ты тоже в этом

участвовал. Поэтому если ты бросишь нас, партию Ликуд, мы потянем тебя на дно вместе с собой”»^[798].

В конечном счете появилось двусмысленное соглашение, предложенное сначала очень влиятельным адвокатом, который консультировал и премьер-министра, и руководство Шин Бет. Президент страны Хаим Герцог освободит от преследования всех вовлеченных в инцидент сотрудников Шин Бет, закрыв все дела против них. Таким образом, от уголовного преследования освобождались 11 человек еще до того, как им предъявлялись обвинения. Никого не заставят отвечать за убийства в Ашкелоне или подобные акции. Взамен единственным требованием было, чтобы Шалом подал в отставку из Шин Бет.

Даже после того, как Шалому удалось вывернуться без особых потерь, он цеплялся за свои фабрикации. Писал, что «действовал по разрешению и с полномочиями», держась своих утверждений, что это Шамир отдал ему приказ убить палестинских угонщиков. По следам этого дела было принято решение, что все встречи между руководителями секретных служб и премьер-министром будут проходить в присутствии его помощника по военным вопросам и стенографа, который будет записывать их содержание^[799].

Через день после того, как Герцог подписал амнистии, газета Nadashot опубликовала свой комментарий к произошедшему: «Итак, эти ребята сели, и актом, похожим на заседание хунты в каком-нибудь латиноамериканском государстве, убрали веревки с их шей^[800]. Президент Герцог, бывший начальник военной разведки АМАН, защитил данный акт в заявлении для прессы, но только немногие люди поняли, на что он намекал. “Процедура расследования данного дела потребовала бы раскрытия методов работы службы Шин Бет за многие годы. Так из прошлого к нам вернулись бы 60–80 прежних дел. Было бы это хорошо для страны?”»^[801]

И тогда воспламенилась искра

В лагере неподалеку от штаб-квартиры ООП в Хаммам-Шотте, курортном городе в Тунисе, 28 боевиков Абу Джихада более года проходили подготовку к особой операции. План состоял в том, чтобы на корабле-носителе от порта Алжир дойти до территориальных вод Израиля близ Тель-Авива, затем на спущенных с корабля резиновых катерах подойти к побережью в районе Бат-Яма, южного пригорода Тель-Авива.

Боевики выйдут на берег с первыми лучами солнца, захватят один или два автобуса и заставят водителей ехать к Генеральному штабу Армии обороны Израиля в районе Кирия в Тель-Авиве. Они застрелят охранников у ворот и штурмом ворвутся на территорию, нацеливаясь прежде всего на офисы начальника Генерального штаба и министра обороны, убивая на своем пути как можно больше людей. Затем захватят одно из зданий или заблокируют въезд в комплекс и возьмут максимум заложников, если не будут выполнены их требования об освобождении террористов ООП из израильских тюрем.

Атака планировалась на 25 апреля 1985 года, через два дня после Дня памяти жертв холокоста и за четыре – до Дня памяти, одной из важнейших дат в израильском календаре, когда все граждане Израиля стоят со склоненными головами в течение двух минут, пока все гудки и сирены в стране звучат в память о павших солдатах и жертвах террора. Абу Джихад хотел уготовить израильтянам новую причину для скорби, превратить в Тель-Авиве свет дня во мрак ночи, ошеломить всех реками крови, руинами и разрушениями.

Абу Джихад разложил карту израильского побережья к югу от Тель-Авива, на которой тремя стрелами были помечены места подхода трех резиновых катеров^[802]. «С помощью Аллаха мы атакуем их штаб-квартиру, затем перекроем улицы. На одной из улиц, к примеру, мы захватим в плен 500 человек – пятьсот человек сразу – а потом используем их как разменную монету в торге».

Верховный главнокомандующий палестинского народа обрисовал перед своими людьми ясную цель: убить Шарона, ведь все знали, как

он выглядит.

Абу Джихаду должно было быть известно, что его надежды призрачны. Двумя годами ранее Шарона уволили из Министерства обороны, и шансов на то, что он в тот день окажется там, откуда его с позором изгнали, были минимальными. Но в глазах палестинцев Шарон был символом зла, и Абу Джихад, вероятно, думал, что его слова послужат лучшим ободрением для бойцов.

Более двадцати лет прошло со времени издания первого приказа на убийство Абу Джихада. После того как в 1982 году ООП эвакуировалась из Бейрута, он осел в Тунисе, столице одноименного королевства. Жил в арендованной вилле недалеко от пляжа, в сорока километрах от руин древнего города Карфагена. Израильская разведка следила за ним во время его поездок в Сирию, Иорданию и другие ближневосточные страны, во время которых он отдавал приказы, занимался организационной работой, воодушевлял войска и планировал операции против Израиля.

В качестве верховного главнокомандующего ООП, будучи вторым человеком в организации после Ясира Арафата, Абу Джихад был ответствен за многие террористические акты против израильтян в большей степени, чем кто-либо другой из палестинских лидеров. В нем продолжала бурлить националистическо-революционная страсть, подогреваемая теперь желанием доказать Израилю, что ООП понесла определенный урон, но не сломлена и по-прежнему способна на ответные атаки и причинение врагу значительного ущерба. Абу Джихад решил вновь приступить к планированию террористических акций в странах Запада, особенно в Европе, где он и Арафат не осуществляли боевых операций с первой половины 1970-х годов. Особый упор Абу Джихад делал на морские операции, осуществляемые либо морскими судами, либо с помощью морских судов или в непосредственной близости от портов.

Для этого он соединил бойцов из бригады 17, хорошо подготовленного подразделения личной охраны Арафата, со своим спецназом («Западным сектором») и военно-морскими силами ФАТХ.

В 1983 году был разработан план по убийству Абу Джихада в Аммане, но он несколько раз откладывался, как правило, по оперативным соображениям. Вместе с тем «Моссад» планировал и акции по ликвидации подчиненных Абу Джихада. После

возобновления оперативной активности ФАТХ в Европе «Моссад» также вновь приступил к агрессивным акциям против ООП на европейском континенте.

После катастрофы в Лиллехаммере «Кесария» уделила много внимания реформированию своего подразделения «целевых» ликвидаций под названием «Кидон» («Штык»). «Я называл это “заточкой сабли”», – говорил Майк Харари, который осуществил в своем подразделении несколько важных преобразований, прежде чем покинул его в 1980 году^[803]. В новом «Ки-доне» ключевые роли больше не играли люди, пережившие холокост, или прежние ликвидаторы, принимавшие участие еще в антибританском подполье. Звездами стали теперь выходцы из армейского спецназа с богатым боевым опытом, которые обладали большим запасом смелости и готовности, если не страстного желания нажимать на курок^[804].

Возглавлял теперь «Кидон» человек с псевдонимом «Карлос», оперативник из «Кесарии», который попал в «Моссад» после боевой службы в парашютной бригаде Ариэля Шарона. Его коллеги говорили, что «Карлос» подходил к убийству врагов расчетливо и методично и что сердце его при этом никогда не екало.

В августе Абу Джихад послал заместителя командира своих военноморских сил, Мамуна Мераиша, в Грецию, чтобы тот приобрел судно и оружие для осуществления террористической атаки на Хайфу. Когда в Афинах Мераиш ехал на завершение сделки, с его машиной на светофоре поравнялся мотоцикл^[805]. На заднем сиденье находился «Карлос», который достал пистолет с глушителем и начал наспиговывать Мераиша пулями, пока не убедился, что тот мертв. Все это происходило среди бела дня на глазах у троих детей 4, 9 и 13 лет, которые начали визжать от ужаса.

16 августа Заки Хилло, член Демократического фронта освобождения Палестины Жоржа Хабаша, прилетел в Мадрид рейсом из Бейрута. В «Моссаде» считали, что он тоже выполнял задание Абу Джихада, который привлек его к одной из своих планируемых операций в Европе^[806]. Днем позже, когда Хилло шел по улице в центре Мадрида, мимо него проехал мотоцикл, и сидевший сзади пассажир несколько раз выстрелил в Заки. Хилло выжил после покушения, но ноги его остались обездвиженными.

Мунзер Абу Газала, командир морских сил ФАТХ, пережил несколько покушений со стороны «Кидона» до 21 октября 1986 года^[807], когда он запарковал автомобиль в одном из пригородов Афин, что дало Эли достаточно времени для выполнения работы. «Эли», киллер со специализацией по взрывным устройствам, быстро спрятал массивное тело под машиной Газала и прикрепил к ее днищу одно из изделий, которые он называл «уши Эли», – мощную бомбу своей разработки. Когда Газала вернулся в машину, Эли, находясь на вполне безопасном расстоянии от нее, нажал на кнопку и взорвал автомобиль вместе с водителем.

По результатам этих израильских атак, а также срыва ряда операций ООП в Европе^[808] после того, как «Моссад» проинформировал об их подготовке местную полицию, Абу Джихад пришел к заключению, что израильским спецслужбам удалось внедрить в его европейскую сеть своих агентов. И тогда он решил осуществить морскую операцию, которая будет готовиться исключительно в его центре в Тунисе и на тренировочной базе в Алжире в обстановке абсолютной секретности. Так появился план захвата здания Генерального штаба Армии обороны Израиля и максимального количества заложников.

Весной 1985 года боевики Абу Джихада сели на торговое судно Attaviros под панамским флагом, имевшее водоизмещение 498 тонн и дизельный двигатель. Абу Джихад составил для отряда длинный маршрут, который выходил из порта Оран в Алжире, затем шел на запад в Атлантику, огибал мыс Доброй Надежды, поднимался вдоль восточного побережья Африки и проходил через Баб-эль-Мандебский пролив в Красное море. Далее террористы надеялись проскочить незамеченными в конвое торговых судов, пока не достигли бы территориальных вод Израиля.

Однако Абу Джихаду было неизвестно, что агентурно-оперативное подразделение военной разведки АМАН имело своих агентов в «Западном секторе». Уже в течение года израильтяне знали, что в канун Дня памяти Абу Джихад планирует террористическую операцию^[809]. 24 апреля ударный отряд из четырех ракетных катеров и командос из флотилии 13 проплыл 2500 километров и взорвал второе судно Moonlight, арендованное для операции, когда оно стояло пустым на стоянке в Алжире^[810]. Когда корабль Attaviros 20 апреля достиг

Средиземного моря, в 50 километрах от Порт-Саида его поджидали два израильских эсминца и отряд командос из флотилии 13.

На предложение израильтян сдаться боевики ООП на Attaviros ответили отказом и открыли огонь по одному из израильских военных кораблей^[811]. В ответ тот потопил палестинское судно, убив двадцать человек, находившихся на борту.

Восемь оставшихся в живых были взяты в плен и доставлены в подземный следственный изолятор подразделения 504, который носит название «лагерь 1391» и расположен к северу от Тель-Авива. Его местоположение не обозначено на карте, а публикация данных о нем запрещена.

Пленников раздели догола, надели на голову балахоны и приковали к стенам. В камерах играла громкая музыка, не давая им спать^[812]. Время от времени их избивали.

Через четыре дня захваченные террористы выдали подробности плана Абу Джихада. Они рассказали, что планировали захватить здание Генерального штаба АОИ и взять в заложники министра обороны и начальника Генерального штаба. Если бы не полученная военной разведкой точная информация, «мы стали бы свидетелями неслыханной катастрофы», – сказал Оded Раз, старший офицер АМАН^[813].

Сразу же после того, как следователи подразделения 504 «вытащили» из террористов признания, министр обороны Ицхак Рабин приказал Армии обороны разработать две операции против базы Абу Джихада в Тунисе. Рабин, являвшийся одной из основных целей сорвавшейся атаки Абу Джихада, хотел выбрать из двух вариантов, каждый из которых должен был быть крупномасштабным и шумным. Один подразумевал десантное вторжение, в котором должны были быть задействованы силы флотилии 13, «Сайерет Маткаль» и «Шалдаг» (спецназ военно-воздушных сил). Всего в нем предполагалось использовать около ста бойцов под командованием бригадного генерала Ицхака Мордехая, того самого, жизнь которого была почти разрушена попыткой подставы со стороны Шин Бет. По этому плану все силы должны были высадиться на тунисское побережье с резиновых катеров, спущенных на воду с кораблей ВМФ, разгромить штаб-квартиру ООП и убить Абу Джихада и его приближенных^[814].

Другой вариант представлял собой бомбардировку целей с воздуха ВВС Израиля. Мордехай и военно-воздушные силы начали подготовку к операции, ожидая решения кабинета.

У обоих вариантов имелись тактические и стратегические проблемы. Тунис находится далеко от Израиля – почти за 2000 километров. Это больше того расстояния, на котором израильским вооруженным силам вообще когда-либо приходилось действовать. Это означало, что вывести войска из зоны проведения крупной десантной операции в случае, если что-то пойдет не так, будет очень сложно. Действия в большом городе также означали, что риск потерь среди израильских бойцов будет необоснованно велик.

Направление на цели бомбардировщиков тоже было делом рискованным. В Израиле ощущался острый недостаток разведывательной информации о системах ПВО Туниса и соседней Ливии.

С тех пор как штаб-квартира ООП два года назад переместилась в Северную Африку, Израиль обращался к США с просьбой о получении информации о размещении радаров ПВО, а также о военных и военно-морских объектах в обеих странах, но эти просьбы американцами отклонялись. США были обоснованно обеспокоены тем резонансом, который может вызвать атака Израиля на объекты, далеко отстоящие от его границ^[815].

Поскольку Израилю не удавалось получить информацию законным путем, он просто начал ее красть^[816]. Джонатан Поллард, американский еврей с фантастическими идеями стать шпионом и повлиять на ход истории, попытался поступить на работу в ЦРУ, но не прошел из-за «значительной эмоциональной нестабильности». Однако ЦРУ не поделилось своей оценкой с другими разведывательными службами США, и Поллард был принят на работу в разведку американского военно-морского флота, где его начали считать блестящим аналитиком и выдающимся сотрудником.

Позже Поллард заявлял, что стал свидетелем «антиизраильских настроений среди коллег» и «недостаточной поддержки Израиля Америкой в плане предоставления развединформации»^[817]. Поэтому попытался завербоваться одновременно в Американо-израильский комитет по общественным связям и в «Моссад». В обеих организациях ему было твердо отказано. Тем не менее Полларду удалось

заинтересовать собой «Лакам», одно из разведывательных подразделений Министерства обороны, занимавшееся добычей секретной информации в области высоких технологий. Название подразделения образовано по первым слогам словосочетания «Бюро по научно-техническим отношениям» на иврите. Это секретное бюро, о существовании которого было известно чрезвычайно узкому кругу людей, возглавлялось Рафи Эйтаном, который был очень обижен, что не стал директором «Моссада». «Информация, поступавшая от Полларда, была настолько качественной, что я не смог выдержать искушения», – рассказывал Эйтан^[818]. Он говорил, что его начальники – премьер-министры и министры обороны – знали обо всех обстоятельствах дела Полларда, но закрывали глаза на сложные моменты в нем на фоне потока ценнейших сведений^[819].

С момента вербовки Поллард стал выносить с работы огромное количество документов, которые доставлял на конспиративную квартиру, где их копировали, после чего Поллард возвращал их на место^[820]. Эти документы, получившие кодовое название «Зеленые материалы», отправлялись затем в Израиль и хранились в больших сейфах управления разведанализа АМАН и в разведуправлении ВВС.

В 1985 году Иосси Ягур, куратор Полларда в «Лакам», попросил своего подопечного собрать всю доступную ему информацию по объектам ООП за пределами столицы Туниса, а также по ПВО Туниса и Ливии^[821]. Поллард пошел в архив разведки ВМФ США и взял там всю требуемую информацию, которая оказалась в Израиле буквально через несколько дней. Ягур передал Полларду «благодарность высшего руководства Израиля» за блестящую разведывательную работу по готовящемуся рейду.

Хотя теперь Израиль обладал всей необходимой информацией, Шимон Перес и Ицхак Шамир, которые сменяли друг друга по посту премьера в порядке ротации, равно как и министр обороны Рабин, все еще колебались в том, чтобы санкционировать операцию. Мордехай попытался убедить Рабина поддержать морскую десантную операцию, потому что «есть существенная разница между бомбовым ударом и тем, когда вы подходите к противнику, держа автомат на уровне его головы»^[822]. Однако Рабин опасался, что из-за какой-то неожиданности мероприятие может пойти не так, «а я не мог обещать ему, что такого не случится», – говорил Мордехай.

В отличие от десантной операции, атака с воздуха представляла для летчиков сравнительно меньший риск, особенно после получения высококачественной информации от Полларда. Однако в Израиле разделяли геополитические опасения американцев. У Туниса с Израилем не было границы, и между двумя государствами в то время не существовало никаких конфликтов. Вторжение во внешне нейтральную страну, как с воздуха, так и десантом с моря, могло иметь серьезный международный резонанс.

Имелся и еще один внешний фактор, говоривший в пользу отсрочки операции. «Целевые» убийства, особенно таких заметных объектов, как Абу Джихад, не являются только военными или разведывательными операциями. Они представляют собой политические инструменты и в качестве таковых входят в орбиту политических соображений, будучи эффективными средствами либо успокаивать, либо возбуждать общественное мнение^[823]. Например, в 1981 году в преддверии выборов опросы показывали перевес на стороне левой Рабочей партии, пока премьер-министр Менахем Бегин, принадлежавший к правой партии «Ликуд», не приказал разбомбить ядерные реакторы около Багдада, которые Саддам Хусейн пытался использовать для разработки иракского атомного оружия. Этого было достаточно, чтобы баланс сместился в пользу «Ликуд».

В момент разработки операции против ООП внутриполитическое положение в Израиле было стабильным. Впереди не маячили выборы, которые требовали бы возбуждать толпу открытым милитаризмом. Не возникло в стране и общественного запроса на немедленный акт отмщения в отношении палестинцев. Неопределенная по продолжительности пауза представлялась очевидным выбором, поскольку тактические и дипломатические риски, связанные с операцией, были слишком высокими, а возможности для ее проведения – слишком призрачными.

Но все это изменится буквально через несколько месяцев.

В течение всего этого времени и ООП, и Израиль проявляли особую активность на Кипре и том участке моря, который отделял остров от Ливана. Абу Джихад использовал Кипр как важнейший транспортный узел для переправки своих бойцов обратно в Ливан и как логистическую базу для всего Средиземноморья. Маленький остров

превратился в центр террористической деятельности, контрабанды, шпионажа и, конечно, «целевых» убийств.

«Моссад» воспользовался мятежом некоторых элементов внутри ФАТХ, получавших поддержку от Сирии в борьбе против Арафата и возглавляемой им верхушки ООП, и начал осуществлять хитрые точечные операции, в которых один из оперативников обычно выступал в роли палестинца, желающего отомстить Ясиру Арафату, и предлагал свои услуги сирийской разведке. Сотрудник «Моссада» сообщал резидентуре сирийской разведывательной службы в Ларнаке на Кипре информацию о палестинских боевиках, возвращающихся в Ливан. «Сирийцы, которые в то время контролировали морские и воздушные порты в Ливане, ждали прибытия палестинцев, арестовывали их, и тех больше никто никогда не видел, – рассказывал Иони Корен, служивший в то время в военной разведке АМАН. – Это была чрезвычайно успешная операция. Сирийцы были настолько довольны, что стали платить нам за голову каждого палестинца. Таким образом мы избавились примерно от 150 боевиков ООП»^[824].

Некоторые суда, направлявшиеся с Кипра в Ливан, останавливали сами израильтяне. 9 сентября 1985 года поступило разведсообщение о том, что группа высокопоставленных палестинцев на следующий день поплывет из Лимассола в Ливан на корабле под названием Opportunity^[825]. На борту этого судна будет человек, которого Израиль давно хотел ликвидировать, заместитель командира бригады 17 Файсал Абу Шарах. Он был связан с несколькими террористическими атаками, наиболее серьезная из них, в случае ее осуществления, должна была состояться в ноябре 1979 года. Бригада 17 планировала отправить из Пирея в Греции в Хайфу контейнер с несколькими тоннами изюма, где находилось большое количество взрывчатки, которая должна была сработать при разгрузке контейнера^[826]. Абу Шарах отправил руководить операцией одного из своих ближайших помощников, Самира аль-Асмара. Однако подразделение «Перекресток» в «Моссаде» получило агентурную информацию о готовящейся акции и установило контейнер и команду палестинских боевиков. Отряд «Кидона» отправился в Пирей и убил аль-Асмара. Спустя месяц, 15 декабря, «Кидон» уничтожил другого члена этой террористической группы, Ибрагима Абдул Азиза, который прибыл на Кипр, а также сотрудника дипломатической миссии ООП,

поселившего его у себя, Самира Тукана. Предполагалось, что Абу Шараф будет находиться вместе с ними, но он случайно спасся только благодаря изменению времени встречи с подельниками в тот день. Он продолжал свою террористическую деятельность на протяжении еще пяти лет, пока израильтяне не нашли его на Opportunity.

Командос из флотилии 13 штурмом высадились на борт судна в водах Ливана и схватили Абу Шарафа и троих других старших членов бригады 17. Затем пленников доставили в тюрьму 1391, принадлежавшую подразделению 504. «Они заставили меня стоять с руками за головой, таскали меня за волосы, били меня головой о стену, – рассказывал Абу Шараф позднее. – Они приказывали мне ползать по полу, сорвали с меня почти всю одежду и заставляли лизать пол. Голого меня обливали холодной водой, били по яичкам, в том числе резиновыми проводами». Согласно медицинскому заключению, представленному в суде, избиение Абу Шарафа было настолько жестоким, что у него порвалась мошонка^[827].

Арафат горел желанием отомстить за поимку Абу Шарафа и его людей, поэтому ответил в своей манере. Две недели спустя, 25 сентября 1985 года, отряд бригады 17 напал на израильскую яхту, находившуюся на стоянке в Ларнаке, захватил трех гражданских лиц и потребовал, чтобы были освобождены их палестинские товарищи^[828]. Затем, не дожидаясь ответа на свои требования, они по непонятным причинам убили троих заложников и сдались кипрским властям.

«Эти подонки хладнокровно убили трех израильтян выстрелами в затылок, – рассказывал один бывший член кабинета министров. – Разумеется, израильское общество не потерпело бы, если бы мы сидели сложа руки».

Было созвано срочное совещание израильского кабинета министров. По настоянию министра обороны Рабина была утверждена операция «Деревянная нога», которая предполагала ликвидацию Абу Джихада и командира бригады 17 Абу Тайеба, а также бомбардировку зданий, где размещались «Западный сектор» ООП и бригада 17.

Цель операции, как ее сформулировал Рабин, состояла в том, чтобы показать, «что нигде в мире ни один член ООП не может чувствовать себя в безопасности. Длинные руки Армии обороны Израиля будут всегда в состоянии достать и наказать их. Израиль будет сам выбирать

оружие и место атаки исключительно в соответствии со своими соображениями».

Против операции высказался тогда Езер Вейцман, министр без портфеля, а в прошлом командующий ВВС Израиля, которые позже станет президентом страны. В то время он проводил секретные, не утвержденные никем переговоры с ООП. «Король (Иордании) Хусейн и президент (Египта) Хосни Мубарак в настоящее время находятся в Соединенных Штатах, – сказал он на заседании кабинета. – Прилагаются усилия по продвижению мирного процесса. Время для операции неудачное».

Перес ответил с сарказмом: «А что, через неделю или через две оно станет удачным?»

Подготовка к атаке началась немедленно, и 1 октября десять истребителей F-15 полетели в Тунис, вооруженные управляемыми бомбами GBU-15^[829]. В воздухе находились также два самолета-заправщика Boeing 707, которые должны были дважды дозаправить боевые машины. Еще один Boeing служил в качестве передвижного пункта управления, контроля и связи. Два самолета-разведчика Hawkeye выполняли задачи подавления локаторов ПВО в Тунисе, Ливии и Алжире.

F-15 сбросили бомбы и повернули назад в Израиль. Были поражены все намеченные цели, включая главные из них: штабы «Западного сектора» и бригады 17. Было убито более 60 членов ООП и местных тунисских работников, 70 было ранено^[830].

«Когда мы легли на обратный курс, то испытали чувство облегчения, – рассказывал один из пилотов. – Я громко закричал в кабине, чтобы дать выход накопившемуся стрессу. Возвращение домой показалось мне гораздо более важным, чем обычно. Я смотрел на израильское побережье другими глазами. Я был исполнен восторга, который не испытывал ранее»^[831].

Премьер-министр Перес, выступая в средней школе сразу после того, как появились первые сообщения об операции, говорил: «Штабы терроризма не защищены никаким иммунитетом. Мы имеем право атаковать их. Хладнокровным убийцам нельзя давать уходить от ответственности. Каждая их атака имеет направляющую и организующую руку».

Ясир Арафат, который вечером того же дня осмотрел разрушенные здания, использовал эту возможность, чтобы раздуть миф о том, что его жизнь спасло чудо^[832]. «Чудом мне удалось спастись от неминуемой смерти, – объявил он в своей театральной манере. – Я как раз направлялся в свой офис в штаб-квартире в Хаммам-Шотте, и мне оставалось ехать до него всего 15 минут. Но я сказал водителю свернуть и поехать в другое наше здание, где и узнал о налете авиации. Я взял телефон и набрал Каир и Амман. Сказал, что не пострадал и продолжаю руководить борьбой».

На самом деле Израиль располагал информацией о том, что Арафата на месте бомбардировки не будет. «Мы знали, где была расположена его резиденция, и приняли решение исключить его из списка целей. Мы не предлагали правительству убить его», – сказал Иони Корен из военной разведки АМАН^[833].

И все же общее чувство приподнятости, царившее в Израиле, было смешано с некоторой долей разочарования. Никто из командования ООП не находился в тех зданиях, которые подверглись авианалету. Абу Ияд, командир отряда «Черный сентябрь» и инициатор мюнхенской операции против израильской олимпийской команды, стоявший во главе списка целей на ликвидацию, даже сопровождал Арафата при его посещении места бомбардировки, как будто стремясь еще больше досадить израильтянам.

Был убит только один высокопоставленный функционер ООП, Нур Али, считавшийся, кстати, весьма умеренным политиком^[834]. Более того, он вступал в контакты с израильскими официальными лицами в ходе переговоров по обмену пленными и был единственным членом ООП, который тайно общался с министром обороны Вейцманом. Что же касается Абу Джихада, то во время рейда он проводил встречу у себя дома и слышал разрывы бомб.

Неудача с ликвидацией лидеров ООП подвигла «Моссад» на проведение собственной целевой операции^[835]. Разведка начала планировать акцию «негативного обращения» (бытовавший в «Моссаде» в то время эвфемизм для обозначения «целевых» убийств), которая должна была осуществиться в Тунисе против Абу Джихада. На протяжении более полутора лет «Кесария» изучала различные идеи и планы, включая нанесение удара по дому Джихада управляемыми ракетами, продажу ему через двойного агента начиненного

взрывчаткой автомобиля и использование снайпера в центре Туниса для ликвидации палестинца по дороге на работу.

Все эти идеи были отвергнуты из-за высокого риска гибели случайных гражданских лиц или самих оперативников. Тунис считался «целевой» страной, что требовало строгих мер безопасности при работе в ней оперативников «Кесарии» и означало, что после осуществления «целевого» убийства вывод из страны занятых в нем сотрудников будет нелегким.

В конечном счете руководство «Кесарии» пришло к заключению, что для проведения операции им нужна огневая мощь и транспортная поддержка Армии обороны Израиля. «Моссад» запросил содействия у «Сайерет Маткаль» и морских командос точно так же, как это происходило во время операции «Весна молодости» в Бейруте в 1973 году. «Моссад» обратился к начальнику военной разведки АМАН генерал-майору Амнону Липкину-Шахаку, который курировал «Сайерет». В ходе операции «Весна молодости» он лично командовал одним из отрядов, выдвинувшись впоследствии в руководство благодаря своей выдержке и осторожности. Он был категорически против вовлечения «Сайерет» в операцию. Генерал был уверен в том, что «Моссад» может и должен осуществить акцию самостоятельно и что «нет никакой необходимости подвергать опасности столько солдат»^[836]. За несколько месяцев до смерти в 2013 году Липкин-Шахак сказал: «Я понимал, что мы, конечно, могли осуществить ту операцию. Но полагал также, что небольшой отряд «Моссада» не оставит столько следов, сколько оставит рейд войскового спецназа, открыв всем, что за этим стоит Израиль».

Разработка планов по ликвидации Абу Джихада и затянувшийся вопрос подключения к этому армии вызвали серьезные трения между АОИ и «Моссадом». Окончательное решение могло быть принято только политиками, но на тот момент и премьер-министр Шамир, и министр обороны Рабин уклонялись от вмешательства в эту дилемму.

И вдруг вся парадигма изменилась.

На Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа под израильским управлением с 1967 года жило примерно 2,5 миллиона палестинцев (в то время официальные переписи населения не проводились).

Разочарование и тяготы в их жизни нарастали год от года. Израиль открыл ворота для палестинских рабочих, и около 40 %

трудоспособных палестинцев пересекали границы с Израилем каждый день. Но для них была доступна только неквалифицированная низкооплачиваемая работа в крайне тяжелых условиях. Палестинские рабочие на стройках и мойщики посуды с обидой смотрели на то, как израильтяне процветали и достигали почти западноевропейского экономического уровня.

На самих оккупированных территориях росла безработица, рабочие места были доступны только тем немногим, кто имел высшее образование. Города были нестерпимо перенаселены, а израильские власти не делали ничего, чтобы улучшить качество местного ЖКХ. Не предоставляли они и землю под строительство и сельскохозяйственное производство, чтобы удовлетворять жизненные нужды быстро растущего палестинского населения.

Вместе с тем Израиль конфисковывал палестинские земли и создавал на них поселения своих граждан, что являлось вопиющим нарушением международного права. Многие из этих поселенцев руководствовались идеологическими соображениями и верили в идею «Великого Израиля» для евреев. Другие просто стремились повысить уровень жизни и пользовались щедрыми субсидиями израильского правительства, получаемыми при освоении этих земель.

После долгих лет терпения этого произвола, скотских условий и очевидной несправедливости Западный берег и сектор Газа находились на грани взрыва. Но израильские спецслужбы этого либо не видели, либо не хотели видеть. Успехи «точечной» войны против ООП и ее лидеров скрыли от ока израильских секретных служб и политиков нарастающую ярость палестинского народа. Тактические достижения израильтян и их способность находить и уничтожать руководителей ООП по всему миру дало им ощущение того, что Израиль может вечно и безо всяких последствий осуществлять свое правление над миллионами палестинцев на оккупированных территориях.

Израильская разведка проглядела и еще одно драматическое явление: в оккупированной Палестине появились молодые лидеры, которые действовали независимо от Арафата, Абу Джихада и других руководителей ООП^[837]. Огромное количество жителей Западного берега и сектора Газа поддерживали террористические акции, проводившиеся ООП, но многие находили эти театрализованные

демонстрации насилия мало связанными с их повседневными проблемами. Арафата по-прежнему рассматривали как отца народа, но его действия, особенно те, которые предпринимались из далекого Туниса, не создавали впечатления скорого завоевания независимости, которое он обещал.

И тут воспламенилась искра.

4 октября 1987 года пять опасных террористов, принадлежавших к «Палестинскому исламскому джихаду» (PIJ)^[838], сбежали из тюрьмы Армии обороны, находившейся в городе Газа. Спустя два дня Шин Бет с помощью местных агентов в Газе установила местонахождение беглецов на конспиративной квартире в районе Седжайе. Группа оперативников из подразделения «Птицы», переодетых арабами, наблюдала за квартирой. Поблизости от места спецназ полицейского подразделения по борьбе с террором YAMAM под командованием Давида Цура готовился к штурму. «Сотрудники Шин Бет видели, как вооруженные террористы сели в две машины “пежо 404”, одну белую, другую голубоватую, и отъехали от квартиры. Мы сели им на хвост, но как только они увидели нас, то открыли огонь. Мы догнали их рядом с футбольным полем». Четверо террористов были убиты первым же залпом YAMAM. Пятый бандит, который выскочил из машины и побежал, был убит позже. В перестрелке погиб и оперативный работник «Птиц» Виктор Арзуан.

Похороны пяти палестинцев превратились в бурную демонстрацию. Протестующие кричали на улицах, что этих людей безжалостно убили. Выступления были наиболее яростными из всех, что Армии обороны приходилось видеть до сих пор. «С оперативной точки зрения, – рассказывал Цур, позднее ставший заместителем главы полиции Израиля и начальником полицейского управления Тель-Авива, – обнаружение и ликвидация пяти беглых террористов была несомненным успехом спецподразделения YAMAM»^[839]. Однако Цур признал, что это тактическое достижение, как и другие, отмеченные за прошлые годы, помешали израильской разведке увидеть более широкую картину и заставили их «пропустить драматические события, которые вот-вот должны были произойти». Даже неистовые похороны не были восприняты как нечто большее, чем локальные всплески гнева.

8 декабря водитель тягача, перевозившего танк АОИ, потерял управление и врезался в вереницу машин, заполненных палестинцами, которые возвращались домой в сектор Газа с работы в Израиле. Четверо из них были убиты, семеро ранены. По окрестностям пополз ложный слух о том, что это ДТП было специально подстроено Израилем в отместку за смерть от ножевых ранений двух израильтян за два дня до этого. Похороны погибших рабочих вновь превратились в акции массового протеста.

В декабре 1987 года по Западному берегу и сектору Газа прокатилась волна демонстраций^[840], которая ознаменовала начало восстания палестинцев против правления Израиля, интифады. Шин Бет, Армия обороны Израиля и высшие чиновники были обескуражены и «в течение недель настолько не могли понять всю важность протестов, что министру обороны Рабину даже не пришло в голову, что, когда они начались, ему следовало свернуть зарубежную поездку и срочно возвратиться в Израиль», – говорит помощник премьер-министра по военным вопросам генерал Нево.

В течение многих лет в Армии обороны Израиля были уверены в том, что смогут контролировать палестинцев минимальными силами. Однако когда бушующие толпы забрасывали камнями небольшие армейские подразделения, у которых не было спецсредств для разгона демонстраций и особого снаряжения, солдаты вынуждены были отвечать огнем^[841]. Было убито более 1000 палестинцев, ранено еще больше, и престиж Израиля на международной арене стремительно падал. Каждый вечер у своих телевизоров весь мир наблюдал, как израильские войска агрессивно подавляли массы палестинцев, требовавших политической независимости и конца оккупации. Положение атакующих и защищающихся мгновенно изменилось: теперь в роли великана Голиафа выступал Израиль, а палестинские арабы в глазах международного сообщества стали Давидом с его пращой и камнями^[842]. «Интифада, – говорил тогдашний директор “Моссада” Наум Адмони, – нанесла нам намного больше политического ущерба и сильнее ударила по нашему имиджу, чем все, что удалось сделать ООП за все время ее существования»^[843].

Неспособный адекватно отреагировать на восстание и не понимающий его истинных причин, Израиль снова обратился к хорошо известному ему оружию, которое, как многие были уверены,

может изменить ход истории – «целевым» убийствам. Абу Джихад, уже переживший несколько покушений на свою жизнь, снова превратился в главную цель. Отчасти это произошло из-за его хвастливости. В интервью Radio Monte Carlo в январе 1988 года он заявлял, что именно он отдал приказ на начало интифады. ООП повторило это в ряде своих публикаций. Арабский мир аплодировал. Израильское политическое руководство восприняло его заявления как абсолютную истину. Руководители разведывательного сообщества признали или, во всяком случае, не ставили под сомнение их правдивость.

Но Абу Джихад лгал. Ни он, ни Арафат не отдавали приказа о начале интифады. Она удивила их так же, как удивила и израильскую разведку. В действительности это было народное восстание, и его пламя разожгли подростки и молодежь, которые действовали независимо от лидеров, находившихся в Тунисе. Однако фактическая сторона дела не интересовала ни верхушку ООП, ни арабские СМИ, ни израильскую разведку.

Более того, эта близко к сердцу принятая «правда», как бы она ни была искажена, оказалась весьма привлекательной для израильтян. Если причиной восстания являлось накопившееся в палестинском населении оккупированных территорий недовольство годами произвола военной администрации и посягательства израильтян на их землю, необходимо было принимать меры по устранению этих глубинных причин. Если причиной был заговор ООП, то восстание можно было подавить просто путем ликвидации человека, стоявшего за ним^[844].

После того как разразилась интифада, министр обороны Рабин приказал Армии обороны Израиля предоставить «Моссаду» всю необходимую помощь для того, чтобы покончить с Абу Джихадом^[845]. Шеф АМАН Липкин-Шахак «был по-прежнему не уверен в необходимости такой большой и сложной операции», однако понял, что политическая ситуация изменилась, и снял свои возражения, по крайней мере на этапе планирования операции и подготовки бойцов.

Тем временем Абу Джихад и Арафат попытались использовать в своих интересах волну международных симпатий, которую вызвало восстание. Когда подготовка к рейду на дом Абу Джихада в Тунисе была в полном разгаре, они с Арафатом инициировали тайную

операцию, весьма искусно продуманную пропагандистскую кампанию. Они назвали ее операцией «Корабль возвращения». Идея состояла в том, чтобы направить в Хайфу судно со 135 палестинцами, депортированными с оккупированных Израилем территорий, а также с максимальным числом журналистов и телеоператоров, которые рассказывали бы о плавании «Корабля возвращения» и его драматическом финале. Лидеры ООП хотели, чтобы история «Корабля возвращения» вызывала ассоциации с историей корабля Exodus, хорошо известного парохода, который нелегально перевозил еврейских иммигрантов из Европы в подмандатную Британию Палестину в далеком 1947 году. ФАТХ старался держать операцию в секрете до самого конца, но ему это не удалось, и «Моссад» добыл по ней упреждающую информацию. Палестинцы зафрахтовали судно в Пирее, но судовладельцы отменили договор после того, как Израиль предупредил их, что если корабль выйдет в рейс, их судам никогда больше не будет разрешено швартоваться в израильских портах. Тогда ООП приобрело на Кипре за 600 000 долларов построенный в Японии паром под названием Sol Phryne.

Для обсуждения ситуации было созвано экстренное совещание израильского кабинета министров, и кабинет утвердил тайную операцию против Sol Phryne «еще до того, как паром покинет порт Лимассола». Надежда возлагалась на то, что срыв плана ООП и убийство его участников «создаст у палестинских лидеров ощущение отчаяния, снизит интерес СМИ к интифаде на оккупированных территориях и вообще нанесет удар по мотивации к продолжению восстания», говорил один из министров, участвовавших в заседании^[846].

Утром 15 февраля 1988 года три активиста ООП, которых Абу Джихад отправил на Кипр организовывать кампанию «Корабль возвращения», сели в свою машину неподалеку от отеля, в котором они остановились. Гиора Цахор, командир «Кидона», и Эли сидели в другой машине и долго следили за ними, чуть не попавшись в руки местной полиции^[847]. Когда трое боевиков ООП сели в машину и завели двигатель, Эли нажал на кнопку и подорвал одну из изготовленных им бомб. Трое палестинцев были убиты.

Восемнадцать часов спустя морские командос поднырнули под паром Sol Phryne и прикрепили к его корпусу небольшую магнитную

мину. Она сделала пробоину в борту судна, и паром начал тонуть. Рейс «Корабля возвращения» – палестинского Exodus – окончился, даже не начавшись. «Слушайте, история играет в странные игры», – сказал Иоав Галант, командир морских командос, когда в 3:00 мокрый вылезал на борт ракетного катера^[848]. Он имел в виду путешествие, которое много лет тому назад совершила его мать Фрума на корабле Exodus.

14 марта состоялось заседание кабинета по вопросам национальной безопасности, на котором вновь обсуждался вопрос о ликвидации Абу Джихада^[849]. Прежние разрешения на его уничтожение, выданные разными премьерами, включая Леви Эшкола, Голду Меир и Ицхака Рабина, теряли силу при смене премьера. И даже если правительство возглавлял тот же человек, который уже утверждал соответствующее разрешение, силам безопасности требовалось обновленное согласие, если прошло много времени, потому что могли измениться политические условия или позиция премьер-министра. Операция должна была утверждаться непосредственно перед проведением «целевого» убийства, в тот момент, когда была достигнута оперативная готовность, даже если «зеленый свет» на акцию давался раньше.

На первый взгляд «Шамир мог обойтись своим приказом об уничтожении Абу Джихада», рассказывал Нево^[850]. Однако премьер прекрасно отдавал себе отчет в том, что Джихад был не простой целью и реакция на его убийство могла выйти за обычные рамки. Шамир решил не брать на себя персональную ответственность, а вынести вопрос на заседание кабинета по вопросам безопасности. На заседании присутствовало по пять министров от Рабочей партии и партии «Ликуд». Шимон Перес, тогдашний лидер Рабочей партии и министр иностранных дел, объявил, что твердо настроен против ликвидации. «У меня имеются сведения о том, что Джихад относится к числу умеренных, – заявил он. – Думаю, будет неразумно убивать его»^[851]. Четверо других министров – членов Рабочей партии, включая Рабина, ранее уже одоббившего физическое устранение Абу Джихада, выразили озабоченность по поводу волны международного осуждения, которая накроет Израиль, и опасностей, которые ожидают израильских солдат и оперативников «Моссада» в ходе операции, и присоединились к Пересу. Шамир и четыре других представителя партии «Ликуд» проголосовали за операцию.

Министр финансов Моше Ниссим от партии «Ликуд» попробовал действовать методом убеждения. Он пригласил Рабина на частную беседу вне стен официального зала заседаний. «Посмотри, что интифада делает с нами, – сказал он. – Народ подавлен. В прошлом Армия обороны действовала решительно и изобретательно, однако таких операций уже давно никто не видел. Мы должны возродить в мировом сообществе – но прежде всего среди самих израильтян – представление о том, что АОИ – это та же самая армия, которая в прошлом творила чудеса. Мы должны осуществить операцию против Абу Джихада ради подъема морального духа нашего народа»^[852]. Политическая ситуация, ухудшение морального климата нации требовали кровавой жертвы. Убийство Абу Джихада, во всяком случае в интерпретации Моше Ниссима, было скорее символическим, чем практическим актом.

Рабин дал себя убедить. Он вернулся в зал заседаний вместе с Ниссимом и объявил, что меняет свое решение по голосованию. Шестью голосами против четырех операция «Вводный урок» получила «зеленый свет».

Ниссим, сын главного раввина Израиля, впоследствии никогда не будет сожалеть о том, что переубедил Рабина. «Во всем мире, – говорил он мне, – нет такой армии, которая сравнялась бы с израильской в верности своим ценностям, соблюдении норм поведения и обеспечении того, что в ходе ее действий не пострадают невинные люди. Однако есть известное изречение из Талмуда: “Если кто-то придет убить тебя, восстань и убей его первым”»^[853].

По мнению израильских оперативников, дом Абу Джихада в Тунисе был очень подходящим для осуществления его убийства. Он был расположен в красивейшем уголке ухоженного эксклюзивного квартала с большими частными домами и чистыми широкими улицами, всего в километре от пляжа, что предоставляло команде киллеров сравнительно простой доступ к нему. Конечно, при осуществлении операции предстояло избежать попадания в поле зрения тунисских полицейских патрулей, однако в самом доме Джихада охраняли всего два телохранителя. «Это было довольно одинокое место, с небольшой охраной, – вспоминает Наум Лев, заместитель командира «Сайерет Маткаль». – Кроме того, когда Абу Джихад был в Тунисе, он всегда возвращался ночевать в этот дом. Это

было прекрасное место для засады. Абу Джихад просто не верил, что кто-либо сможет его там достать. «Моссад» действовал в Бейруте, Сирии и Европе, но до сих пор не проводил операций в Тунисе^[854]. Поэтому Джихад чувствовал себя в относительной безопасности».

Израильская разведка считала, что убийство Абу Джихада в его доме несло в себе дополнительное предостережение – намек на то, что ни один террорист не может чувствовать себя в безопасности даже в собственной спальне.

План по ликвидации Абу Джихада в Тунисе был разработан в «Кесарии» в течение предыдущего года. Три оперативника подразделения, выступавшие под видом арабских бизнесменов, разведали все подходы к дому со стороны пляжа и нарисовали детальную карту окружающей местности. «Моссад» и подразделения АМАН 504 и 8200 проследили за передвижениями Абу Джихада, составили расписание его поездок, выявили имевшуюся у него привычку покупать сразу несколько билетов на разные авиарейсы. Домашний и служебный телефоны Абу Джихада прослушивались. Оded Раз, служивший тогда офицером в исследовательском отделе АМАН по противодействию терроризму, сказал: «Ведя наблюдение за Абу Джихадом, я начал испытывать уважение к объекту нашей слежки»^[855].

Израильское политическое руководство и спецслужбы желали убить Абу Джихада. По их мнению, то, что было хорошо для палестинского народа, представляло собой угрозу для благополучия их страны. Они видели в Абу Джихаде человека, стоявшего за смертями сотен евреев, и он бесспорно был им.

Министр обороны Рабин, педантичный военный, был обеспокоен деталями отхода и безопасностью участников операции. Он также хотел знать, что случится, если «мы вторгнемся в Тунис со всей нашей армадой и вломимся в дом, а нашего “пациента” там не окажется?». Люди из «Моссада» объяснили ему, что обеспечат, чтобы Джихад был дома до того, как прозвучит сигнал к началу атаки. Рабин был удовлетворен ответом, а также тем, что за хаос, воцарившийся на оккупированных территориях, заслуженно или нет, должен ответить Абу Джихад. Операция «Вводный урок» была в конце концов одобрена^[856].

Начальник Генерального штаба Эхуд Барак командовал всей операцией и незадолго до ее начала провел оперативное совещание в Генеральном штабе в Тель-Авиве. Офицеры АМАН показали ему макет места проведения рейда. Барак неожиданно указал на дом напротив дома Абу Джихада.

«Кто там живет?» – спросил он.

«Абу аль-Хол, – ответил один из офицеров военной разведки. – Начальник службы собственной безопасности ООП».

«А здесь?» – спросил Барак, указывая на дом по соседству, но не примыкающий к дому Абу Джихада.

«Махмуд Аббас – Абу Мазен», – ответил оперативник «Моссада», используя реальное имя и псевдоним другого руководителя ООП.

«Это совсем близко, – задумчиво произнес Барак. – Почему бы нам не навестить и его тоже. Если уж направлять в Тунис целую армаду, то можно было бы одним камнем убить двух зайцев».

«Эхуд, – сказал один из высокопоставленных сотрудников “Моссада”, – оставь эту затею. Это лишь усложнит операцию, которая и без того является весьма трудной». Последовало короткое обсуждение, точнее, спор. Барак настаивал на использовании возможности для поражения двух целей. Такая атака, утверждал он, нанесет сокрушительный удар по моральному духу ООП и может создать желаемый эффект для противодействия выступлениям на территориях. Представители АМАН и «Моссада» категорически возражали. «Мы не можем гарантировать, что оба объекта будут одновременно находиться дома, – говорили они. – Вы командуете операцией, но мы рекомендуем убрать только Абу Джихада. Будет вполне достаточно, что мы воздадим ему должное».

В конце концов Барак сдался. Таким образом была спасена жизнь Махмуда Аббаса, который сменит Арафата на посту главы Палестинской автономии и которого Барак, в числе других, со временем будет считать смелым партнером в процессе по достижению мира.

«Трудно судить о таких делах в ретроспективе, – говорил Барак. – В реальном времени с оперативной точки зрения это было очень соблазнительно. С другой стороны, было ясно, что удар такого уровня по их лидерам легитимизировал бы их удары по нашим лидерам».

Шесть оперативников «Кесарии» прибыли в Тунис 14 апреля четырьмя разными рейсами из Европы. Трое из них – двое мужчин и одна женщина, путешествовавшие по фальшивым ливанским паспортам и говорившие на безупречном французском, – заплатили наличными за аренду двух микроавтобусов «фольксваген транспортер» и седана «пежо 305». Все автомашины были белого цвета и взяты напрокат в разных компаниях. Эти транспортные средства предполагалось использовать для того, чтобы довести людей из «Сайерет Маткаль» от пляжа до дома Абу Джихада и обратно. Еще три оперработника были «теньями»: они нашли небольшие островки деревьев, откуда могли беспрепятственно наблюдать за домом и увериться, что Абу Джихад находится в нем. Водители покинут место проведения операции по морю, тогда как «тени» улетят из Туниса коммерческими авиарейсами сразу по окончании акции.

В это время пять израильских ракетных катеров полным ходом шли к Тунису, неся на своих бортах отряд вторжения, мобильный госпиталь и мощное оборудование для радиосвязи. Более крупное судно, оборудованное под взлеты и посадки вертолетов, но выглядившее как обычный торговый корабль, имело на себе резервный отряд «Сайерет», который должен был быть доставлен на место операции в том случае, если бы что-то пошло не так.

15 апреля морской конвой остановился в сорока километрах от побережья Туниса, за пределами его территориальных вод^[857]. В морских глубинах его безмолвно охраняла израильская подводная лодка «Гал». В небе над местом операции кружил Boeing 707 ВВС Израиля, который служил пунктом связи и наблюдения и контролировал тунисские радиочастоты, чтобы сразу же обнаружить что-то настораживающее. Самолет мог в случае необходимости подавлять тунисские локаторы и средства ПВО. Израильские истребители F-15 патрулировали пространство вдоль тунисского побережья, готовые вмешаться в любую минуту.

Солнце начало садиться в море, когда с бортов ракетных катеров на воду были спущены резиновые моторные лодки. В каждой находились двое морских командос и шесть спецназовцев «Сайерет Маткаль». Не создавая шума, они подплыли к берегу, когда в безлунной ночи сумерки сменились темнотой. В 500 метрах от берега семь командос нырнули с лодок в море и под водой поплыли к берегу. Первым, кто

ступил на землю Туниса, был командир ударного отряда флотилии 13 Иоав Галант. Берег был пуст. Морские спецназовцы широким полукругом окружили сектор высадки всего отряда, прикрывая его, установив радиокontakt с другими лодками и с оперативниками в машинах. Коммандос дали сигнал водителям приблизиться к кромке воды, а 26 бойцам, находившимся в лодках, сообщили о возможности подойти к берегу. Бойцы «Сайерет» быстро подбежали к ожидающим их автомобилям, где ловко переоделись в сухую одежду, которую несли с собой в водонепроницаемых пластиковых мешках. Они планировали проникнуть в район проживания Абу Джихада под видом гражданских лиц – мужчин и женщин, – а затем ворваться в дом террориста и убить его. Примечательно, что у всех них были специальные «открытки военнопленных», подтверждающие на случай захвата, что они являются военнослужащими.

Коммандос держали пляж под прицелом, пока не высадились все спецназовцы. Три оперативника «Кесарии», наблюдавшие за домом в мощные бинокли, увидели, как сразу же после полуночи машина Абу Джихада подъехала к дому. Двое телохранителей, один из которых был водителем, вошли внутрь следом за хозяином. Водитель оставался в доме недолго, затем вышел и закемарил в автомашине. Другой некоторое время посидел в гостиной, затем спустился на первый этаж и лег спать. В соседней спальне в своей кровати спал маленький сын Абу Джихада, Нидааль. Жена Джихада Интисар и 16-летняя дочь Ханан ждали его в соседней спальне. Интисар вспоминает их разговор:

Я чувствовала себя очень усталой. Спросила его, устал ли он. Он ответил, что нет. Я позвала его спать, но он ответил, что должен еще сделать много работы. Он присел к столу в нашей спальне и написал письмо лидерам интифады. В это время в спальне еще оставалась Ханан. Он спросил ее, что она делала в течение дня. Она ответила, что каталась на лошадях. Потом вспомнила, что хотела рассказать ему о сне, который приснился ей прошлой ночью. Ей снилось, что она оказалась в Иерусалиме с друзьями. Они молились в мечети, и тут вдруг пришли израильские солдаты и выгнали их. Она бежала и бежала, пока не оказалась за стенами города, и здесь она увидела отца. Она спросила его, куда он идет, а он ответил, что в Иерусалим. Она

спросила его, как же он попадет в Иерусалим, когда там так много израильских солдат. Он сказал, что поскачет на белом коне.

Когда она закончила свой рассказ, он снял очки и сказал: «Да, да, Ханан, я еду в Иерусалим».

На вилле зазвонил телефон. Трубку снял Абу Джихад. Прослушивавшие линию израильские агенты поняли, что это звонит помощник Джихада, занимавшийся его переездами. Он сказал, что достал билет на самолет до Дамаска, который улетает после трех утра. У израильтян сразу же возникла проблема. Они планировали проникнуть в дом Абу Джихада около 1:30, чтобы быть наверняка уверенными в том, что все там спят. Но если им теперь действовать по плану, то их цель может к этому времени уже уехать в аэропорт.

Так долго они ждать не могли. Операцию нужно было начинать немедленно. Ифтах Рейхер, начальник штаба сил специальных операций, который также возглавлял командный пункт на море, вызвал по радио командира «Сайерет» Моше Яалона^[858]. Они говорили на английском условными фразами, на тот случай если их разговоры перехватываются.

Рейхер: «Богарт, это Ричард, вы можете покинуть свою позицию. Можете покинуть свою позицию. И делайте это быстро. Делайте быстро».

Тут Рейхер понял, что поскольку Абу Джихад готовился к выезду в аэропорт, скорее всего, он сам и его люди будут бодрствовать. «Богарт, – сказал он, – это Ричард. Поскольку босс уезжает, в доме есть люди, которые не спят».

Яалон: «ОК, Ричард, понял».

Рейхер вызвал по рации одного из оперативников «Кесарии», которые вели наблюдение за домом со стороны деревьев. «Вилли, есть что-нибудь новое вокруг офиса, включая красную машину?»

Вилли: «Нет».

Рейхер: «Богарт выдвигается. Перед входом в офис он вызовет тебя. Если вокруг будут какие-то изменения, сообщи ему, потому что ему нужна отмашка. Твоя отмашка».

Два микроавтобуса «фольксваген транспортер» повезли 26 бойцов «Сайерет Маткаль», вооруженных автоматами Micro-Uzi и пистолетами Ruger.22 с глушителями и лазерными прицелами, к дому.

Два оперработника «Кесарии», мужчина и женщина, ехали в «пежо» в 400 метрах впереди, просматривая дорогу и обеспечивая, чтобы главные силы не столкнулись с чем-либо неожиданным.

Все три машины остановились в 150 метрах от дома. Коммандос поползли вперед. Однако необходим был последний позитивный сигнал на штурм. Наблюдатели видели, как раньше подъехала машина Абу Джихада и он с двумя телохранителями вошел в дом. Однако по инструкции, которую подписал Рабин, этого было недостаточно. Три офицера подразделения 8200 управления военной разведки АОИ, прекрасно владевшие арабским и прикомандированные к «Моссаду» на время операции, провели сотни часов за прослушиванием речи Абу Джихада и ее особенностей. Надев наушники, они сидели в командном бункере в Тель-Авиве, а техники организовывали звонок в резиденцию Абу Джихада через Италию – таким образом он обычно связывался с оккупированными территориями.

Техники изобразили гомон толпы на заднем фоне звонка^[859]. «Я-а, Абу Джихад, – крикнул в микрофон один из оперативников, – они арестовали Абу Рахма! И теперь эти сукины дети хотят отправить в тюрьму всю его семью!» Офицер прибавил страшное арабское ругательство: *Inshallah yirshbu waridat al-nisa* («Волею Аллаха, чтоб они пили менструальную кровь»). Абу Джихад пытался успокоить говорившего, чтобы получить от него подробности. Техники в Тель-Авиве продолжали затягивать разговор, пока эксперты, хорошо знавшие голос Абу Джихада, не подняли вверх руки, показывая, что на линии действительно он.

«Вводный урок», вам дается «зеленый свет», – сообщил командный бункер в Тель-Авиве командному пункту морского базирования. Этот сигнал был немедленно передан передовой ударной группе. Наум Лев и еще один боец, переодетый женщиной, двинулись вперед. В руках Наум держал большую коробку из-под конфет, но внутри нее находился пистолет с глушителем. Лев подошел к охраннику, который сидел в машине рядом с домом, показал ему рекламку какого-то хостела и спросил, как туда добраться. Телохранитель стал изучать листок. Лев нажал на спусковой крючок и выстрелил охраннику в голову.

Наум подал знак остальной группе. От нее отделилось несколько человек с гидравлическим домкратом, чтобы открыть дверь. В ходе

тренировок двери у бойцов открывались тихо. На этот раз дверь закрипела. Спецназовцы напряглись. Однако внутри спящего дома не послышалось никакой реакции. Один из бойцов подал сигнал всему отряду о том, что на побережье чисто. Спецназ быстро занял позиции вокруг дома. Одна группа проникла во двор.

Бойцы «Сайерет Маткаль» ворвались в дом и рассыпались по холлу. Несколько из них бросились на цокольный этаж, где только что проснулся второй охранник. Они застрелили его еще до того, как он успел передернуть затвор своего автомата. Тут они увидели еще одного человека – садовника-тунисца, который решил остаться в ту ночь в доме^[860]. Они застрелили и его^[861]. «Он ничего не сделал, – говорил позже Лев. – Но в таких операциях, как эта, выбора нет. Вы должны быть на 100 % уверены, что любое потенциальное сопротивление исключено».

Мужские крики внизу разбудили жену Абу Джихада Интисар, спавшую наверху. Сам Абу Джихад сидел за своим столом. Он оттолкнулся в кресле, быстро вскочил и достал из шкафчика пистолет.

«Что случилось? – спрашивала его Интисар. – Что случилось?»

Боец «Сайерет Маткаль», одетый во все черное и с черной маской на лице, бросился по ступеням наверх. Прямо за ним бежал Лев, командир отряда. Абу Джихад подтолкнул свою жену в глубину спальни.

Первый боец выстрелил в него. Абу Джихад упал. Затем Лев выпустил в него длинную очередь из автомата^[862]. Абу Джихад был мертв.

Интисар подползла к телу мужа и обняла его. Морской спецназовец уткнул ствол своего пистолета ей в шею и грубо оттолкнул Интисар к стене. Она была уверена, что в нее попали. Однако таким образом ее, наоборот, убрали с линии огня.

В комнату вошел третий командос и выстрелил в Абу Джихада. Он отошел в сторону, и в Джихада выстрелил четвертый спецназовец.

Нидааль, сын Абу Джихада, проснулся и начал плакать. Интисар была уверена, что он тоже ранен. Голос внизу повторял: “*Aleh! Aleh!* – «Быстрее! Быстрее!»

Наконец над телом Абу Джихада встал подполковник Яалон и тоже выстрелил в него. Он был пятым по счету.

Bas! – крикнула Интисар. «Хватит!»

В Абу Джихада попали 52 пули. Он был убит спустя 23 года с момента подписания Голдой Меир первого «красного» приказа о его смерти.

Вспоминая эту операцию много лет спустя, в 2013 году, Яалон, который в то время являлся министром обороны, говорил: «Послушайте, это на самом деле была картина не из приятных. У стены стояла женщина, которая рвалась вперед к телу мужа, и ее останавливало только то, что ее держал под дулом автомата один из оперативников; а мы стреляли в ее мужа – все снова и снова. Я не могу сказать, что мне было все равно или что мне это было очень неприятно. Мне было понятно, что кто-то должен был сделать эту работу, хотя все это происходило на глазах его жены и дочери».

Однако в целом Яалон ни о чем не сожалеет. Он назвал операцию «безупречной» и добавил с характерной для него долей цинизма: «Я не понимаю, почему все говорят, что мы, Израиль, терпим поражение в войне за умы. Если я вогнал пулю Джихаду между глаз, прямо в середину его ума, разве это не означает, что победил я?»^[863]

Все израильтяне – участники той операции покинули Тунис невредимыми^[864]. Местная полиция была занята многочисленными ложными сообщениями, которые распространяли оперативники «Кесарии», о том, что целый конвой машин из района, в котором проживал Абу Джихад, несется в центр столицы Туниса. Это было направление, прямо противоположное тому, в котором следовали участники акции. Полиция устраивала на дорогах блокпосты и досматривала десятки машин. Через три часа полицейские нашли «фольксвагены транспортеры» и «пежо» брошенными на пляже.

На следующее утро Шамира спросили о возможном участии Израиля в этом «целевом» убийстве. «Я слышал что-то об этом, – ответил он сухо, – по радио»^[865].

Абу Джихад был похоронен с воинскими почестями несколько дней спустя. Из него сделали мученика. Ясир Арафат шел за его гробом вместе с вдовой Интисар и старшим сыном Джихадом.

В то время израильтяне считали ликвидацию Абу Джихада огромным успехом. «Позднее Рабин благодарил меня за то, что я убедил его в необходимости операции, – говорил Моше Ниссим. – “Вы не представляете, как вы были правы, – сказал он мне. – Люди приветствуют меня,жимают руки, поднимают большие пальцы

вверх. Какую радость принесло это событие народу! Как это подняло его дух! Как это было правильно для наших сил сдерживания”»^[866].

Смерть Абу Джихада была, несомненно, жестоким ударом по ООП. Он был опытным и прозорливым командиром, и без него ФАТХ мог осуществлять значительно меньше успешных атак против Израиля.

Однако непосредственной провозглашенной целью этого убийства было ослабить интифаду – и с этой точки зрения ликвидация Абу Джихада не достигла цели. На самом деле это «целевое» убийство имело прямо противоположный эффект: устранение Абу Джихада ослабило руководящее звено ООП, но укрепило Народные комитеты на оккупированных территориях, которые и являлись подлинными лидерами восстания. А у израильтян по-прежнему не было ответа на волны протеста или всплеск международного осуждения.

Оглядываясь в прошлое, многие израильтяне, принимавшие участие в той операции, сожалеют о ней. Некоторые уверены в том, что мощное присутствие Абу Джихада имело сдерживающее и отрезвляющее воздействие на Арафата и что голос Джихада был бы крайне полезен после образования Палестинской автономии в 1994 году. Если бы харизматичный и любимый народом Абу Джихад был жив, ХАМАС никогда не удалось бы так консолидировать свои позиции и доминировать над значительной частью палестинского общества.

Амнон Липкин-Шахак, который во время убийства Джихада являлся шефом военной разведки, а позднее – начальником Генерального штаба АОИ, говорил: «Если бы мы знали, что в скором времени после смерти Абу Джихада ООП сделает упор на дипломатическое урегулирование конфликта, тогда во время рейда в его дом мы бы в первую очередь поговорили с ним о его отношении к компромиссу с Израилем, а уже потом решили, убивать его или нет. В ретроспективе его отсутствие в определенной степени ощущается. Он смог бы внести значительный вклад в мирный процесс»^[867].

19

Интифада

23 июня 1988 года съемочная группа телеканала ABC приехала в палестинскую деревню Салфит, расположенную на склонах холмов Самарии на Западном берегу реки Иордан.

В то время оккупированные территории все еще находились в страшных муках интифады. Бурные протесты, террористические атаки, камни и «коктейли Молотова» – все это было здесь будничным. На обеих сторонах противостояния имелись многочисленные жертвы.

Эти события привлекали международные СМИ.

В маленькой деревне Салфит проживала семья Дакдук. Один из их сыновей, Низар, фигурировал в списках Шин Бет в числе наиболее разыскиваемых активистов, хотя в ту пору ему было всего 18 лет. Разведка сообщала, что он был лидером группы подростков, которые забрасывали израильские автобусы бутылками с бензином. Действуя в отместку по принципу «коллективной ответственности», Армия обороны Израиля 16 июня разрушила до основания дом Дакдуков. На следующий день израильское телевидение показало интервью с Низаром и его матерью, стоящими рядом с руинами своего дома. Низар с улыбкой отвергал все обвинения в свой адрес, но не очень возражал корреспонденту, когда тот сказал, что в округе Низара считают героем. Было видно, что ему льстило внимание СМИ.

Когда через неделю приехала другая съемочная группа, с канала ABC, и спросила у семьи, может ли она поговорить с Низаром, тот появился буквально через несколько минут. Репортер пояснил, что был впечатлен израильским сюжетом о Низаре и хотел бы сделать о нем более продолжительную передачу. Телеоператоры предложили снимать интервью с Низаром на вершине холма, с которого открывался вид на деревню. Низар согласился, но попросил подождать несколько минут, чтобы он мог сменить рубашку.

«Не надо, – сказал репортер как можно более дружелюбным голосом. – У меня есть запас чистых рубашек в микроавтобусе. Ты какой размер носишь?»

Польщенный вниманием, как и любой молодой человек, Низар запрыгнул в один из микроавтобусов съемочной группы, на которых были прикреплены надписи «Пресса» и логотипы телекомпании ABC. Группа отправилась на холм записывать интервью.

Когда Низар не вернулся домой спустя несколько часов, в его семье забеспокоились. На следующее утро они позвонили в бюро ABC в Тель-Авив. Сотрудники бюро были удивлены, что Низар исчез. Они вообще были удивлены, что кто-либо из сотрудников телеканала ABC появлялся в Сал-фите. Короткое расследование сразу же показало, что Низара увели не люди из ABC. Телеканал заподозрил в этом израильскую разведку.

Президент новостной компании ABC Рун Арледж связался с премьер-министром Израиля Ицхаком Шамиром. Они дружили, поэтому Шамир ответил Руну. Арледж был в ярости: «Действия Шин Бет, – сказал он, – представляют собой серьезную угрозу безопасности профессиональных журналистов». Он потребовал, чтобы расследование «было организовано немедленно, чтобы установить тех, кто санкционировал такую провокацию», и подтвердить, что «израильское правительство не поддерживает использование журналистского прикрытия для любых акций»^[868].

Шамир не знал об инциденте в Салфите, но понял, что может разразиться огромный скандал, и в тот же вечер созвал совещание с руководителями армии и спецслужб.

Интифада характеризовалась двумя видами действий палестинцев против израильской оккупации: мощными массовыми протестами и террором против израильских солдат и мирных жителей.

Еще в 1986 году генерал-майор Эхуд Барак, тогда командующий Центральным военным округом, вместе с начальником оперативного управления Генерального штаба Меиром Даганом создали совершенно секретный отряд под названием «Дувдеван» (на иврите – «Вишня») для борьбы с терроризмом на Западном берегу^[869]. Теперь этот отряд был приведен в действие.

Его бойцы выступали как «мистаравим», то есть работали законспирированно, обычно выдавая себя за арабов. Они действовали в глубине оккупированных территорий и ликвидировали людей в соответствии с имевшимся у них списком. Ядро «Вишни» составляли

выходцы из элитных армейских подразделений, в основном морские командос^[870].

«Вишня» демонстрировала исключительные оперативные возможности благодаря длительной и очень тяжелой подготовке, которую проходили бойцы и которая предусматривала отработку навыка входить в контакт с арабами, одеваться, как они, и умело маскироваться. Они обладали уникальной способностью растворяться в многолюдных и враждебных арабских поселениях и общинах, даже в небольших деревнях, где незнакомцы сразу привлекали внимание.

Именно бойцы отряда «Вишня» сыграли роль телебригады ABC и похитили Назира Дакдука в Салфите.

Перед этой операцией подобранные для ее проведения оперативники – один из них родился и вырос в Канаде, второй был из США – в течение нескольких дней проходили интенсивную подготовку на одном из израильских государственных телеканалов в Иерусалиме. Они изучали, как работает съемочная группа, как проводится интервью, как используется камера и как звукооператор держит бум-микрофон на длинной телескопической ручке. Израильские телеканалы одолжили им оборудование. Шин Бет отвечала за изготовление поддельных логотипов телеканала ABC и знаков «Пресса».

После того как фальшивая телебригада ABC похитила Дакдука и выехала из Салфита, якобы направляясь на вершину холма, где планировалось снять интервью, микроавтобус был остановлен группой, похожей на обычный блокпост Армии обороны Израиля. Она оказалась еще одной командой оперативников «Вишни». Эти люди заковали разыскиваемого юношу в наручники, завязали ему глаза и передали в Шин Бет для допроса.

Шамир был разъярен тем, что у него не попросили разрешения на операцию в Салфите, и немедленно запретил в дальнейшем использование фальшивых журналистских прикрытий, и «уж конечно, конечно, не американских СМИ». Генерал-майор Бар-Лев, который в 1986 году был одним из создателей «Вишни» и отвечал за эту операцию, попытался успокоить премьера и объяснить, почему было важно использование «крыши» телеканала ABC^[871].

«Господин премьер-министр, – говорил он, – ведь мы понимали, что ему нужно дать шанс выговориться. Мы знали, что это лучший способ

увезти его из деревни без всяких осложнений».

Бар-Лев рассказывал, что он привез с собой видеокассеты с записью «телебригады», чтобы доказать, насколько профессиональной была их работа, «и лицо Шамира, похожее на сморщенную морду черепахи, начало понемногу разглаживаться, и все это даже начинало ему нравиться».

Шамир улыбнулся. «В подполье мы тоже иногда использовали маскировку», – сказал он. Но быстро стряхнул с себя ностальгические чувства и повторил свой приказ: «Что сделано, то сделано. С этого момента никакого использования журналистских прикрытий».

«Господин премьер-министр, но мы сейчас готовим еще одну операцию с таким же прикрытием, – сказал Бар-Лев. – Я прошу вас не запрещать категорически такие оперативные комбинации».

Немного подумав, Шамир ответил: «Хорошо, но я запрещаю использовать прикрытия американских журналистов».

Дакдука допросили и в конечном счете приговорили к длительному сроку заключения, однако он вышел из тюрьмы живым. Во многих других случаях – до сих пор, почти тридцать лет спустя, Армия обороны Израиля отказывается публиковать точные цифры – объекты операций «Вишни» заканчивали смертью. «Смысл деятельности “Вишни” состоял в проведении не требующих высоких санкций убийств террористов-боевиков», – говорит Иони Корен, офицер военной разведки и близкий к Бараку человек^[872].

«Инструкции у нас были очень жесткие, – заметил Бар-Лев. – Если разыскиваемый человек оказывался перед нами с оружием в руках, то есть создавал угрозу для солдат, он должен был быть застрелен на месте».

Беседы со многими бывшими бойцами «Вишни» показывают, что в подавляющем числе операций было заранее ясно, что подозреваемые будут вооружены, то есть де-факто их работа превращалась в «целевые» убийства. Зачастую было даже обязательным осуществлять контрольные выстрелы, то есть начинать объект пулями уже после того, как он упал^[873]. И все это без предоставления ему шанса сдаться.

Армия обороны Израиля отрицала, что в «Вишне» существовала практика контрольных выстрелов, но доказательство этого появилось, когда один из бойцов подразделения, сержант Элиаху Азиша, был убит «дружественным огнем», будучи ошибочно принятым за

разыскиваемого палестинца. Изучение трупа, проведенное отделом уголовных расследований АОИ, показало, что он получил множественные пулевые попадания, целью которых было удостовериться в его смерти^[874].

Отряд «Вишня» и другие подобные подразделения осуществили в ходе интифады сотни операций. Уличные торговцы, пастухи, водители такси, женщины, идущие по улице, – почти все эти типажи, которых вы во множестве встретите в арабских городах и поселках, могли неожиданно превратиться в бойца «Вишни» и моментально достать спрятанное оружие^[875]. «Террорист, стремящийся выжить, не будет совершать атак. Своей деятельностью мы старались загнать членов террористических ячеек в состояние полной неопределенности, – говорит Бар-Лев. – Они не знали, откуда их может настигнуть смерть, не знали, кому можно доверять и где могут быть в безопасности»^[876].

Иногда бойцы «Вишни» выступали в роли израильских евреев. В феврале 1990 года в Шин Бет получили информацию о том, что группа вооруженных боевиков, связанная с ФАТХ, намеревается напасть на израильских резервистов на площади Манара в Рамалле, центре Западного берега. Подразделение бойцов «Вишни», замаскированных под резервистов: мятая форма, выпирающие из-под рубашек животы и отставленные в сторону винтовки, – регулярно ели хумус в ресторане на площади. После двух недель ожидания террористы решились на атаку. И тут «резервисты» моментально преобразились и начали действовать. Они сорвали с себя пластиковые «животы» и достали из них миниатюрные автоматы Micro-Uzi. Бойцы открыли огонь и убили нескольких нападавших. Остальных прикончили снайперы, находившиеся на крышах.

«Вишня» и подобные ей подразделения, созданные полицией и Шин Бет, добились своей цели: нанесли серьезный, иногда непоправимый ущерб, палестинским террористическим группам, понизив уровень их активности до несущественного.

Но этот успех, каким бы важным он ни был, лишь ярче высвечивал более крупные стратегические провалы в войне против народного восстания. На массовые протесты Израиль отвечал с неуклюжей грацией гиганта, пытающегося разогнать толпу ловких маленьких карликов. Солдаты арестовывали тысячи протестующих, и их отправляли в специальные лагеря содержания на юге страны. На

значительной части территорий с преимущественным палестинским населением надолго вводился комендантский час, дома активистов разрушались бульдозерами или взрывались, а их самих депортировали. Многие школы оставались закрытыми большую часть года.

Телевизионные передачи, показывающие насилие в регионе, еще больше подорвали международный авторитет Израиля и привели к нарастанию давления на Тель-Авив, теперь и со стороны президента Джорджа Буша и госсекретаря Джеймса Бейкера, чтобы заставить израильтян сесть за стол переговоров с палестинцами.

Несмотря на резкую критику со стороны международного сообщества, недовольство собственного населения и необходимость посылать все больше войск для подавления протестов, премьер-министр Ицхак Шамир и его правительство партии «Ликуд» отказались вести с ООП переговоры по поводу оккупированных территорий. Шамир и его правоцентристские министры продолжали рассматривать организацию как движущую силу за спиной интифады и пребывать в уверенности, что интифаду можно усмирить путем ликвидации лидеров толпы на оккупированных территориях и людей Арафата в Тунисе. Тот факт, что убийство Абу Джихада ничего не дало с точки зрения снижения интенсивности народного восстания, не повлиял на их позицию.

Премьер-министр приказал «Моссаду» сконцентрироваться на сборе разведывательной информации об ООП и разработке планов по ликвидации боевиков организации. Директор «Моссада» Шабат Шавит, чьи взгляды были очень близки к взглядам премьера, с радостью согласился. На самом деле он хотел пойти даже дальше: в условиях бурлящей интифады он требовал разрешения на ликвидацию некоторых бывших членов «Черного сентября»^[877].

Тем временем в ООП значительно усилилось внимание к внутренней безопасности. Авиационный удар Израиля по Тунису в 1985 году и последовавший рейд морского спецназа против Абу Джихада привели к созданию в ФАТХ ряда комиссий, которые должны были расследовать каналы утечки развединформации к израильтянам. Расследования не дали результатов, однако на всех объектах ООП был установлен строжайший режим безопасности – тщательная проверка всех вновь вступающих в организацию членов, разделение отрядов на независимые группы, тесты на полиграфе, осуществлявшиеся

туниССкой полицией. Все это серьезно затруднило разведывательную работу «Моссада» по ООП.

У «Моссада» отсутствовали возможности приобретать агентуру в Тунисе. Местные власти были разъярены действиями израильтян на территории страны и открыто помогали ООП, содействуя усилению ее безопасности.

Вследствие этого, как и в своей вербовочной работе в целом, «Моссад» искал будущих агентов среди палестинцев, живущих или путешествующих по так называемым базовым странам, в которых оперативники или кураторы могли действовать относительно свободно и в которых имелись дипломатические представительства Израиля.

С этой точки зрения наиболее удобной страной была Франция, через которую большинство функционеров ООП следовали, покидая Тунис. Многие из них останавливались в отеле Le Méridien Montparnasse в Париже, солидной гостинице, уважаемой среди путешествующих ближневосточных бизнесменов. К удивлению сотрудников «Моссада», как только они начали изучение отеля, выяснилось, что El Al, национальная авиакомпания Израиля, имела в этой гостинице скидки и пилоты, а также члены экипажа останавливались там на отдых между полетами. Наблюдатели «Моссада» каждое утро любовались, как по совершенно случайному совпадению высокопоставленные функционеры ООП жуют круассаны и прихлебывают кофе в том же кафетерии, где завтракают и пилоты El Al, многие из которых являлись в прошлом боевыми летчиками и находились в резерве.

Среди чиновников ООП, часто посещающих отель, был и Аднан Яссин, функционер среднего уровня, который отвечал за логистику и безопасность в туниССкой штаб-квартире организации. Яссин также помогал своим боссам в решении личных проблем, организовывая их отпуска, медицинское обслуживание и доставая для них высококачественные эксклюзивные товары: спортивные автомашины, которые отправлялись в контейнерах из Марселя, дорогую парфюмерию, кубинские сигары и алкоголь. Жизнь на чужбине, вдалеке от трудностей, испытываемых их народом на оккупированных территориях, со временем развратила некоторых руководителей ООП.

Яссин не забывал и себя. В конце 1980-х годов многие высокопоставленные чиновники ООП начали запускать руки в «общак», наслаждаясь хорошей жизнью за счет палестинской

революции. В «Моссаде» таких людей насмешливо называли *midawar* (по-арабски «бездельник») или «революционерами с Елисейских Полей».

Помимо выполнения обязанностей по линии ООП, Яссин часто бывал в Париже еще и потому, что его больная раком жена проходила там курс химиотерапии. Супруги всегда останавливались в Le Méridien Montparnasse. У Яссина был надежный статус, доступ к внутренней жизни ООП и масса разведсведений об организации. В конце 1989 года Ави Даган, руководитель подразделения «Перекресток» «Моссада», санкционировал операцию «Золотое руно» по вербовке Аднана Яссина.

Однажды утром в марте 1990 года Аднан Яссин завтракал вместе со своими коллегами по ООП в гостинице. За расположенным рядом столиком сидел хорошо одетый человек ближневосточной наружности и читал газету, напечатанную на зеленоватой бумаге. На столике лежал ключ от его номера. Детали – ключ, газета – были не случайны. Это были некие знаки, указывающие на то, что вербовщик из «Перекрестка» пытается установить первый контакт с потенциальным объектом. Это очень тонкий этап, требующий дисциплины и терпения. «Самое важное в этот момент, – говорил оперативный работник “Перекрестка”, принимавший участие в операции “Золотое руно”, – постараться вызвать объекта на первое действие и сразу установить контакт. Или, по крайней мере, постараться не выглядеть напряженным, не действовать с вызывающей подозрение агрессивностью.

Например, вы можете скорее испытывать какие-то подозрения по отношению к человеку, пришедшему на автобусную остановку после вас, чем к тому, который стоял там раньше. Если я вхожу в лифт, а за мной быстро вбегает незнакомец, который выходит на одном со мной этаже, это выглядит подозрительно. И гораздо менее подозрительно, если он уже был в лифте до вас. Таким образом, речь идет о бесчисленных тонких нюансах, которые делают развитие ситуации естественным. Очень редко можно встретить настолько коррумпированного человека, что с ним можно поладить, банально передав ему чемоданчик с деньгами. Во всех остальных случаях нужно проявлять терпение и умение»^[878].

Ключ от номера на столике служил созданию атмосферы знакомства, он свидетельствовал, что сосед Яссина тоже гость Le Méridien Montparnasse. Газета на зеленоватой бумаге хорошо известна всем арабам, путешествующим за границей: Al-Shark al-Aswat, издаваемая в Лондоне членом саудовской королевской семьи и считающаяся относительно умеренной.

В то утро в Париже «Моссаду» сопутствовала удача. Один из завтракавших функционеров ООП, но не сам Яссин, задал вопрос по содержанию газеты. Вербовщик из «Моссада» по-дружески протянул ее палестинцу. Затем между моссадовцем и палестинцами завязалась беседа, в ходе которой израильский оперативник старался не демонстрировать особого интереса к Яссину. Один из членов группы предложил разведчику присоединиться к ним, но тот вежливо отказался, чтобы не возбуждать подозрений излишней активностью.

На следующее утро палестинцы снова столкнулись с оперработником «Моссада», который отрекомендовался египетским бизнесменом по имени Хилми, и они вступили в оживленный разговор. Два дня спустя Яссин пришел в кафетерий один и осмотрелся, как бы ища себе компанию. Он говорил только по-арабски и явно обрадовался, когда увидел Хилми опять читающим свою зеленую газету. Яссин попросил разрешения присоединиться. Собеседник с радостью согласился.

Это был безупречный метод вхождения в контакт. Яссин был убежден в том, что отношения начал именно он, и у него не было никаких причин испытывать подозрения. Хилми пояснил, что занимается экспортно-импортными операциями между Францией и арабскими странами, намекнув, что хорошо на этом зарабатывает. Жадный Яссин предложил встретиться за обедом в близлежащем ресторане. Хилми согласился. Позже они встречались еще дважды.

На основе разговоров Хилми с Яссином и уже имеющейся на него информации в «Моссаде» был уточнен психологический портрет объекта. В досье на палестинца, собранном в «Перекрестке», он характеризовался как вульгарный, необразованный, агрессивный и жестокий человек, чьими главными заботами были обеспечение своего статуса и набивание карманов.

Хилми сообщил, что Яссин попытался вовлечь его в мелкие незаконные валютные махинации, а также контрабанду в Тунис.

Позднее другие моосадовские оперативники стали свидетелями грубого поведения Яссина по отношению к жене. Однажды он даже ударил ее по лицу.

Короче говоря, Яссин был отличным объектом для вербовки «Моосадам».

Дружба между Хилми и Яссином развивалась. В конце концов Хилми рассказал Яссину о своем друге, бизнесмене, который был связан с иранским посольством в Париже. Хилми заявлял, что благодаря этой дружбе заработал много денег. Но никогда не предлагал Яссину познакомиться его со своим другом. Он использовал эту связь как приманку, терпеливо ожидая, пока Яссин не заглотит ее. И когда наконец Яссин спросил, не может ли он пойти на встречу со знакомым Хилми, тот притворно уклонился от ответа, как рыба, который старается не упустить рыбу с крючка. Яссин настаивал, Хилми отказался. И только через месяц, после неоднократных просьб Яссина, Хилми согласился представить его своему иранскому знакомому.

Бизнесмен с иранскими связями был, конечно, еще одним оперработником «Перекрестка». Превосходно играя свою роль, он в красках обрисовал Яссину будущее нескольких деловых проектов, которые запланировал и в которых мог бы принять участие Яссин. Бизнесмен подчеркнул, что в Иране очень обеспокоены судьбой палестинцев. Для иранцев было важно знать, что ООП нормально функционирует и «делает все правильно», под чем он якобы понимал продолжение террористической деятельности против Израиля за его границами и нагнетание интифады на Западном берегу и в секторе Газа. «Иран, – говорил он, – сделает все, чтобы разрушить сионистское государство и вернуть палестинцам то, что им по праву принадлежит».

Любая информация, которую Яссин сможет добыть в штаб-квартире ООП, будет приветствоваться и щедро вознаграждаться.

«Перекресток» делал ставку на то, что Яссину будет легче предавать ООП, если он будет верить, что продает секреты Ирану, а не врагу.

Эта ставка себя оправдала. Яссин оказался для «Моосада» исключительным приобретением. На регулярных встречах в Париже в обмен на несколько десятков тысяч долларов он передал огромное количество первоклассной разведывательной информации. Прежде всего сообщил много сведений о Хамма-Шотте, штаб-квартире ООП в Тунисе, в том числе о подробностях повседневной деятельности этого

центра и о планах, которые там разрабатывались. Яссин раскрыл все, включая постоянно меняющуюся организационную структуру организации, расположение людей по кабинетам, кто с кем встречался, как силы Абу Джихада были сначала разбросаны по другим подразделениям, а потом снова слиты воедино. Сообщал Яссин о поставках оружия, методах разжигания насилия в интифаде, планировании террористических операций и наборе новых членов в ООП. Он был первым, кто сообщил о близких отношениях между Сухой, дочерью национального палестинского поэта Раймонда Тавила, и председателем Арафатом, который сделал Суху советником в своем аппарате. В скором времени они поженились.

Именно Аднан Яссин предоставил израильской разведке сведения о плане, разрабатывавшемся Арафатом и близким к нему командиром Джибрилом Раджубом. Существо плана состояло в убийстве Ицхака Шамира и Ариэля Шарона в отместку за ликвидацию Абу Джихада^[879]. Предполагаемый убийца, отчаявшийся и запутавшийся в долгах израильский еврей по имени Рафаэль Бен-Авраам, прибыл в Израиль в октябре 1992 года с большой суммой наличных денег и планом покушения. Аднан Яссин узнал о плане, потому что занимался обеспечением переездов Бен-Авраама.

Оперативники «Птиц» ждали его при приземлении самолета. Раджуб был поражен: «Я действительно не понимал, как Шин Бет смогла вычислить Рафаэля так быстро. Он еще не успел ничего сделать. Только сошел с самолета – и на тебе! Был схвачен»^[880].

Яссин являл собой неисчерпаемый клад информации. Это было достояние немыслимой ценности. Через него «Моссад» мог моментально устанавливать многие приоритетные цели для ликвидации. Прежде всего потому, что Яссин был главным организатором перелетов и гостиничных бронирований в ООП. Один такой случай произошел в конце января 1992 года, после того как французские власти, при посредничестве французского Красного Креста, разрешили Джорджу Хабашу, главе Народного фронта освобождения Палестины, посетить страну для прохождения лечения, несмотря на то, что он находился в списке особо опасных преступников в нескольких других странах. Используя сведения Яссина, израильские спецслужбы изучали возможность его ликвидации. Но французы приняли ряд мер предосторожности, чтобы

защитить Хабаша. Тогда вместо операции по ликвидации «Моссад» организовал утечку скандальной информации о поездке Хабаша в прессу, создав значительные трудности для правительства Франсуа Миттерана^[881].

Яссин также держал в поле зрения людей, которых «Моссад» считал причастными к кровопролитию на Мюнхенской олимпиаде. Несмотря на то что «красные» приказы в отношении этих террористов были подписаны Голдой Меир почти двадцать лет тому назад, некоторые из них оставались на свободе. «С нашей точки зрения, “красные” приказы не имели срока давности», – говорил один из помощников директора «Моссада» Шавита^[882].

Важное место в этих списках занимал Атеф Бсейсо, который в период мюнхенской трагедии был членом «Черного сентября», а теперь, в 1992 году, стал одним из видных функционеров ООП. До сих пор точно не установлена его роль в террористической атаке в Мюнхене. В ООП заявляли, что он вообще был непричастен к ней. Но «Моссад» утверждал, что Бсейсо имел к ней отношение. В любом случае «Моссад» не видел в этом никакой разницы: Шавит был полон решимости отомстить за Мюнхен и считал, что любой человек, связанный с «Черным сентябрем», является законной целью для ликвидации. Это было странное распыление сил. Весь Ближний Восток был охвачен интифадой. Оккупированные территории горели в пламени восстания. У Израиля было гораздо больше актуальных разведывательных потребностей, чем убийство людей за кровавые преступления, в которые они могли быть, а могли и не быть вовлечены два десятка лет тому назад. Тем не менее Шамир еще раз санкционировал «красный» приказ в отношении Бсейсо^[883]. Один из оперативных работников «Кесарии» сказал: «Причина состояла в том, что мы располагали соответствующими возможностями». Возможности заключались в наличии Яссина.

В начале июня 1992 года Бсейсо улетел из Туниса для встреч с сотрудниками немецких и французских спецслужб, а также с Робертом Баером из ЦРУ. «В 1979 году “Моссад” ликвидировал Али Саламе, который служил каналом связи с ЦРУ, – сказал Баер. – Мы были уверены, что израильтяне сделали это для того, чтобы разорвать линию связи с нами. Хани аль-Хасан, а потом Атеф Бсейсо заменили Саламе.

В тот день я прибыл в Париж, чтобы провести с ним регулярную встречу»^[884].

Согласно некоторым источникам, намеченные встречи были еще одной причиной того, что в «Моссаде» хотели убить Бсейсо^[885]. В израильской разведке понимали, что он являлся одним из важнейших каналов связи между ООП и спецслужбами стран Запада, включая Германию, Францию и США. Руководители израильских спецслужб полагали, что такие связи вели к предоставлению Западом полного дипломатического признания Арафату и ООП и к изоляции Израиля. Тот факт, что в качестве связных со стороны Палестины выступали бывшие члены «Черного сентября», только еще больше разжигал ярость израильтян. К их протестам в западных странах не прислушивались, поэтому Израиль решил заявить о своем недовольстве более прямолинейно.

Поскольку Яссин строил маршрут передвижения Бсейсо, он знал, что в последний момент тот решил поехать из Бонна в Париж на машине, а не лететь самолетом, и изменил отель с Le Méridien Etoile на Le Méridien Montparnasse. По иронии судьбы Бсейсо сделал это по соображениям безопасности.

Группа оперативников «Кидона» ждала Бсейсо в лобби гостиницы. Они проводили его до номера, потом ждали, пока он распакует вещи, примет душ и переоденется к вечеру. Бойцы держались поблизости от него, когда он отправился на ужин с друзьями в расположенный рядом ресторан Hippopotamus, а затем возвратился в отель. Когда Бсейсо вышел из машины у входа в отель и направился в лобби, два оперативника «Кидона» выстрелили в него пять раз. Они стреляли из пистолетов с глушителями и сразу же собрали в пакет стреляные гильзы, чтобы максимально затруднить расследование.

Человек, выдававший себя за спонсора Организации Абу Нидаля, объявил о том, что ответственность за убийство несет эта организация. Однако заявление было немедленно опровергнуто одним из настоящих представителей организации. Арафат сразу же обвинил Израиль. Тогдашний начальник военной разведки АМАН генерал-майор Ури Саги вскоре заявил, что не знает, кто осуществил убийство, – но добавил, что Бсейсо был замешан в мюнхенской трагедии, неудавшейся атаке на самолет El Al в 1978 году и покушении на израильского посла в Лондоне.

Реакция на «целевую» ликвидацию Бсейсо была скорой. ЦРУ пришло в ярость от того, что «Моссад» снова мешает его связям с ООП. Французы разозлились еще больше. По их мнению, убийство, совершенное в престижном парижском отеле, является грубым нарушением национального суверенитета Франции. Агенты французских спецслужб начали сдерживать израильских оперативников в Париже, вести за ними наружное наблюдение, вторгаться в их встречи, идентифицировать и «сжигать» их информаторов. До сих пор во Франции остается открытым официальное расследование этого убийства^[886].

Убийство Бсейсо было похоже на жест отчаяния в тяжелые времена. Израиль, и так подвергаемый критике международным сообществом, нуждался в любых сторонниках, которых мог привлечь.

При этом не подлежит сомнению, что уничтожение высокопоставленного функционера ООП, отвечавшего за связи с западным разведсообществом, какое-то влияние на ситуацию все же оказало. Это «целевое» убийство, вместе с другими операциями, осуществленными с помощью информации Яссина, серьезно ослабило ООП в тот период^[887]. В середине 1990-х годов «Моссад» и соединение по особым операциям АМАН проникли в компьютерную сеть Аль Саммеда аль-Иктисади, главного финансиста ООП, и осуществили внутри нее трансферы значительных сумм таким образом, который наводил на мысль, что кто-то в ООП занимается крупными хищениями. Это породило в руководстве Организации недоверие и смятение: возник хаос, когда все лидеры были заняты только поиском предателей и «кротов». В результате количество атак ООП на Израиль существенно снизилось.

Однако самую крупную стратегическую ошибку Арафат совершил сам, без помощи «Моссада». В августе 1990 года Саддам Хусейн послал 90 000 иракских солдат и 700 танков в крохотный соседний богатый Кувейт. Вторжение было осуждено почти везде в мире, как западными, так и ближневосточными странами, и в конечном счете отбито многонациональными силами во главе с США. Арафат и Муаммар Каддафи из Ливии были единственными арабскими лидерами, которые поддержали Саддама и отказались присоединиться к резолюции Лиги арабских государств, потребовавшей вывода иракских войск из Кувейта^[888]. Арафат уподобил возглавляемую США

коалицию, в которую вошли многие арабские государства, «новому крестовому походу» и объявил, что Саддам «является защитником арабских народов, мусульман и повсеместных человеческих свобод».

Это привело в ярость государства Персидского залива, на деньги которых ООП, с ее теперь ненасытной «ямой» коррупции, и существовала. К середине 1992 года Организация освобождения Палестины потерпела фиаско. ООП, которая в течение многих лет являлась заклятым врагом Израиля, в конечном счете была приперта к стенке.

В то же время продолжал пылать огонь интифады, от которой все больше уставало израильское общество. Армия обороны Израиля расположила на оккупированных территориях десятки тысяч военнослужащих; всего же за период восстания сотни тысяч солдат, большинство из которых составляли призывники 18–22 лет, прошли через горнило полицейских операций против палестинского населения. Вместо того чтобы защищать границы Израиля – то есть выполнять главную миссию израильской армии, их заставляли подавлять демонстрации, обыскивать мужчин и женщин на блокпостах, преследовать мальчишек, которые кидали в них камни – все это как составные части Сизифова труда по удушению палестинского восстания против оккупации.

Когда эти молодые солдаты возвращались на короткие побывки домой, они приносили с собой ощущение безнадежности их миссии, и в гостиных или на работе разгорались жаркие споры между ними и их родителями, вращавшиеся вокруг одного вопроса: «Зачем вообще мы там?»

За четыре года интифада превратилась из объекта отдельных вечерних телерепортажей в казавшийся бесконечным кризис, затронувший сотни тысяч израильских семей. Напряженность, царившую на оккупированных территориях, еще больше усиливали так называемые инциденты с ножевыми атаками, которые все чаще случались внутри «зеленой линии», то есть на территории самого Израиля. Одним из самых известных подобных инцидентов стало убийство девушки по имени Хелена Рапп в пригороде Тель-Авива Бат-Яме в мае 1992 года. Оно привело к бурным массовым протестам против правительства и к ощущению, что Шамир не способен обеспечить безопасность гражданам страны. В этот же период Шамир

оказался вовлеченным в жесткую конфронтацию с американской администрацией по вопросу о строительстве на оккупированных территориях. Президент Джордж Буш отказался утвердить финансовую помощь, которая была остро необходима Израилю для приема миллионов евреев, эмигрировавших из распадающегося Советского Союза.

Интифада и глубокий экономический кризис в конечном счете и свалили правительство Шамира. 23 июня 1992 года значительным большинством голосов премьером был избран Ицхак Рабин, который воспринимался электоратом как гарант безопасности, но одновременно и как человек, который сможет предпринять эффективные шаги для достижения мира с палестинцами. Это была самая решительная победа левоцентристов за все время существования Израиля^[889].

Рабин, бывший во время интифады министром обороны, сам находился под сильным влиянием конфликта с палестинцами и пришел к заключению о том, что компромисс с ними может быть найден.

Испытывая трудности в связи с израильскими операциями и неся потери от своего просчета с Ираком, Ясир Арафат снова решил прибегнуть к испытанной тактике выживания^[890]. Палестинский историк Езид Саих описал ее как *hurub ila al-amat* – «отбегать в сторону, продвигаясь вперед».

Поддержка незаконного иракского вторжения превратила его в парию, даже среди богатых арабских спонсоров. С другой стороны, если он и не был инициатором интифады и не мог ее контролировать, он все равно воспринимался как палестинский лидер, единственный человек, который способен вести переговоры о мире от имени палестинцев. Это был особый талант Арафата – использовать последний кризис для того, чтобы «прикрыть», то есть дистанцироваться от кризиса прошлого.

Арафат разрешил своим людям начать неофициальные контакты с группой израильских ученых, сперва в Лондоне, потом в Осло^[891]. Сначала израильские профессора выступали от своего имени, но позднее ввели в свой круг заместителя министра иностранных дел Израиля Иосси Бейлина, который докладывал обо всем непосредственно министру Шимону Пересу.

Когда Перес сообщил Рабину о контактах с палестинцами, тот приказал ему немедленно их прекратить, но через некоторое время передумал и решил дать шанс этой инициативе^[892].

Тем не менее переговоры хранились в тайне, даже от руководителей израильских вооруженных сил и спецслужб^[893]. Рабин приказал подразделению 8200, которое занималось электронной разведкой и, в частности, прослушивало линии связи палестинцев, немедленно докладывать непосредственно ему все, что им удалось бы перехватить относительно этих контактов. Официально это делалось из соображений безопасности операции – любая утечка, которая могла попасть в различные палестинские фракции, сорвала бы переговоры. Неофициально – Рабин не был на 100 % уверен, что люди, потратившие годы на попытки ликвидировать Арафата и его приспешников и отдавшие столько сил борьбе с терроризмом, были способны на необходимую адаптацию мышления, чтобы в бывшем враге увидеть партнера по мирному процессу.

Рабин признавал, что любые дипломатические переговоры с ООП могли бы закончиться соглашением только в том случае, если бы в него были включены территориальные уступки. Однако большая доля израильского населения решительно возражала против подобных компромиссов, как по идеологическим, так и по религиозным соображениям. Любая утечка сведений о том, что проходят секретные переговоры, исходящая, скажем, от источников в оборонных или разведывательных структурах, которые полагали, что такие переговоры – стратегическая ошибка, раскрыла бы возможность территориальных компромиссов и тем самым моментально погубила бы все переговоры.

Однако исключение военных и разведывательных кругов из переговорного процесса создавало странную ситуацию. В то время как высшее руководство Израиля пыталось вступить в переговоры о мире, спецслужбы страны продолжали вести свою тайную войну, не ведая, что что-то изменилось^[894].

«Моссад» вложил много сил и средств в Аднана Яссина и операцию «Золотое руно», и они по-прежнему окупались сторицей. Весной 1993 года, через четыре года после того, как Яссин был завербован как ценный источник, он рассказал своему куратору о разговоре, который состоялся у него с Аминой, женой Махмуда Аббаса (Абу Мазен),

второго человека в ООП, отвечавшего за дипломатические связи организации. Амина рассказала Яссину, что ее муж страдает от ожирения и сильнейших болей в спине. Она знала, что Яссин может достать все что угодно, и подумала, что ортопедическое кресло из Европы может помочь Аббасу.

«Конечно», – ответил Яссин, спросив, что еще нужно Амине для кабинета Аббаса. Он попросила также приобрести специальную яркую лампу, поскольку у Махмуда сильно ухудшилось зрение. Яссин пообещал сделать все, что сможет.

«Моссад» ухватился за открывшуюся возможность и подготовил для Аббаса великолепное кожаное офисное кресло и декоративную настольную лампу, которые были снабжены миниатюрными микрофонами и передатчиками.

Яссин доставил новое кресло в кабинет Аббаса, даже не погнушавшись самостоятельно вынести старое и все время проклиная людей, «которые посмели снабдить такой нищенской мебелью такого важного человека». Он установил новое кресло на положенное ему место, поставил на стол лампу, воткнул штепсель в розетку и включил светильник.

Лампа была более важным оперативно-техническим изделием в этой паре, потому что «жучки» в кресле работали от аккумуляторов, требовавших замены, а лампа могла действовать как передатчик годами, работая на электричестве, поступавшем прямо из сети. В кресле были предусмотрены два вида энергосберегающих устройств: пружинные выключатели, которые включали систему только под весом чьего-то тела, и голосовой включатель, который не работал, если кто-то сидел в кресле, но не говорил. Таким образом, при этом не расходовалась энергия аккумуляторов.

Радиосигнал с кресла снимался и передавался в Тель-Авив с самого первого дня, когда оно было помещено в кабинете Аббаса. Директор «Моссада» Шавит понял, какое это было достижение: Абу Мазен находился в самом центре деятельности ООП, и через его кабинет проходили бесчисленные посетители, делясь с ним самыми сокровенными секретами организации^[895].

Однако вскоре возник вопрос, который оказался неожиданным для всех. Директор «Моссада» с помощью «поющего кресла», как его

называли, узнал, что правительство Израиля ведет продвинутые переговоры с ООП за его спиной^[896].

Рабин приказал подразделению 8200 военной разведки (радио- и электронная разведка) приносить все, что они узнали бы о переговорах, непосредственно ему, но «Моссаду» премьер такого указания не давал.

Шавит обиженно обратился к Рабину, сетуя на то, что «Моссад» «был оставлен за бортом». Рабин успокоил Шавита, сказав ему, что это была «странная инициатива» Переса, которой он, Рабин, не придал никакого значения.

Затем, так же неожиданно, как и начались, радиосигналы поступать перестали. Через три с половиной недели после установки прослушивающей аппаратуры гигантские антенны «Моссада» перестали получать сигналы. Сначала израильтяне подумали, что возникла какая-то техническая проблема, но проверка показала, что все линии связи между офисом Аббаса и «Моссадом» оставались в рабочем состоянии. В любом случае было маловероятно, чтобы оба устройства отказали одновременно. Это почти наверняка означало, что скрытые микрофоны были обнаружены, операция «Золотое руно» раскрыта и что ценнейшему источнику израильтян, Аднану Яссину, грозит смертельная опасность. «Мы не могли понять, – говорил один источник в антитеррористическом управлении “Моссада”, – как это стало возможно, как это вообще могло произойти, что за такое короткое время после внедрения аппаратуры она была обнаружена, вместе с агентом, который помог в ее установке»^[897].

Обнаружил подслушивающие устройства Джибрил Раджуб при помощи местной разведывательной службы. «Наши люди в Осло почувствовали, что израильтяне как будто всё видят насквозь. Они точно знали, что наши скажут дальше и какую позицию израильским представителям занимать. Это породило подозрение о прослушке, и именно поэтому мы пошли проверить кабинет Абу Мазена»^[898].

Однако большинство израильских оперативных работников, имевших отношение к операции «Золотое руно», придерживаются противоположной точки зрения: они считают, что их предали их соотечественники – израильтяне. Согласно этой теории, которая в целом недоказуема, но подтверждается некоторыми косвенными данными, один из израильских переговорщиков видел доклады,

составленные на основе полученной в ходе операции информации, которые доводились до сведения премьер-министра и начальников спецслужб. Он сразу смекнул, что источником этой информации является какое-то подслушивающее устройство в кабинете Абу Мазена или перехват одной из его линий связи. Он дал знать об этом палестинцам, понимая, что они быстро обнаружат устройство и обезвредят его. После этого израильская разведка не будет знать, что происходит на переговорах, а следовательно, не произойдет никаких утечек от «ястребов» в СМИ и будет предотвращен срыв переговоров. Иными словами, израильский дипломат предал разведку Израиля для того, чтобы она не помешала израильской дипломатии. Тот факт, что при этом, скорее всего, будет уничтожен ценный источник, не принимался в расчет.

Яссин был арестован и подвергнут пыткам, пока не признался во всем: и в том, как его завербовали, и в передаче информации, и в том, как его жадность обратила его против собственного народа. Арафат, пораженный арестом такого доверенного помощника, отправился в тюрьму ФАТХ, чтобы лично все услышать от Яссина. Было абсолютно ясно, что Аднана казнят. Безусловно, он был предателем, а кроме того, был глубоко повинен в смерти Бсейсо^[899].

Вскоре после этого делегат от Палестины с раздражением бросил реплику об аресте Яссина и убийстве Бсейсо. Он спросил одного из израильских участников переговоров, что ему об этом известно. «Я ничего не знал об этих историях», – говорил позднее этот израильтянин, который действительно не был допущен ни к каким секретам спецслужб, но понял, о чем идет речь, даже из тех минимальных намеков, которые он слышал от Переса и Бейлина. «Давайте выпьем за то, чтобы это было последнее убийство», – сказал он и добавил арабское слово *inshallah* – «волею Аллаха».

Все делегаты за столом – четыре палестинца, три израильтянина и два норвежца – подняли бокалы. Атмосфера была пропитана оптимизмом. К тому времени переговоры продолжались уже полгода и породили два исторических письма о взаимном признании – одно от Рабина Арафату, другое от Арафата Рабину. Эти письма разовьются в серию договоренностей, известных как Соглашения в Осло^[900]. На первом этапе Соглашения предусматривали создание Палестинской национальной администрации (ПНА), которой передавались властные

полномочия над большинством территорий, населенных палестинцами. Палестинцы обязались прекратить интифаду и осудить терроризм.

Казалось, что кровавый ближневосточный конфликт может подойти к мирному завершению. Ясир Арафат и большинство лидеров ООП и ФАТХ покинули Тунис и обосновались на территориях, подконтрольных ПНА.

От новых отношений сотрудничества выгоду получил даже Аднан Яссин. В соответствии с Соглашениями в Осло создавались комитеты по координации вопросов безопасности, в которые входили делегаты из представителей вооруженных сил и спецслужб обеих сторон^[901]. Впервые высшие руководители «Моссада» и Шин Бет встречались с людьми, всего несколько месяцев тому назад являвшимися «целями» в связи с убийствами или проведением диверсионной деятельности против Израиля. Встречи израильских и палестинских представителей проходили либо на палестинской территории, либо в отелях Тель-Авива и Иерусалима. Обе стороны старались развеять первоначальную подозрительность путем взаимного подшучивания друг над другом – кто лучше перехитрил оппонента, удавалось ли палестинцам проводить операции, о которых израильтяне не знали, где и когда израильтянам удалось разрушить планы палестинцев.

Израильская сторона воспользовалась этой в целом добродушной обстановкой для того, чтобы попросить о милосердии для Яссина^[902]. «Мы подняли этот вопрос, надеясь на жест доброй воли со стороны палестинцев в обмен на то, что, по соглашениям, мы обязались освободить из тюрем тысячи палестинских заключенных», – сказал один из участников заседаний комитетов – ответственный сотрудник «Моссада».

Общая атмосфера и определенное давление на палестинцев сработали.

В конечном счете Яссин не был казнен, а лишь приговорен к 15 годам заключения. Если принять во внимание все обстоятельства, это было достаточно умеренное наказание. Летом 1993 года казалось, что Яссин доживет до того момента, когда на Ближнем Востоке наступит прочный мир. *Inshallah*.

Навуходоносор

Поздним вечером 6 апреля 1979 года рядом с портовым складом, стоявшим прямо у причала, сквозь темень пробился свет двух фар – желто-белые ослепительные конусы, расширявшиеся по мере приближения автомобиля. Это был «фиат 127», двигатель которого кашлял и стучал.

Два охранника-француза, находившиеся на внешнем периметре ангара в Ля-Сиен-сюр-Мер, к западу от Тулона на средиземноморском побережье Франции, настороженно смотрели на машину. Склад принадлежал корпорации CNIM Group, которая специализировалась на изготовлении крупных и сложных узлов для морских судов и атомных реакторов^[903]. Около помещения склада всегда дежурили два охранника – три смены в день по восемь часов, и все невыносимо скучные.

Когда двери машины открылись, охранники подошли к забору склада. Из автомобиля вышли две симпатичные девушки. Они выглядели раздосадованными и даже рассерженными, когда, стуча каблучками, приблизились к воротам.

Pouvex-vous nous aider? – спросила одна из них с внешней стороны решетки. «Можете ли вы нам помочь?» Она сказала, что обе они английские туристки, которые отправились на ночную прогулку по Ривьере, но их отвратительная машина все время ломается. Девушка улыбнулась. Флиртует? Может быть, позже, сказала она, охранники могли бы присоединиться к ним в одном из баров.

Парни взяли инструменты, открыли ворота и подошли к машине. Они широко улыбались.

Позади них пять оперативников «Кидона» быстро и бесшумно перемахнули через решетчатый забор^[904]. Это действие они отрабатывали бесчисленное множество раз на южном побережье Израиля. Также бесшумно они проникли в помещение склада. Внутри него они прикрепили пять мощных взрывных устройств к огромным цилиндрам. Бойцы установили таймеры на детонаторах и

выскользнули обратно, снова легко преодолели забор и растворились в ночи.

Для того чтобы проникнуть внутрь складов и покинуть их, им понадобилось меньше пяти минут.

На дороге около склада охранники сумели завести машину. Это оказалось на удивление легко. Две женщины – обе оперативницы-израильтянки – пообещали ребятам увидеться позднее и уехали.

В то же время на некотором удалении от этого места медленно шли, держась за руки, мужчина и женщина. Казалось, они поглощены своими чувствами. Мужчина с гладко зачесанными назад волосами был немного похож на Хамфри Богарта. Он посмотрел через плечо подруги и увидел отъезжающую машину. Пара повернула и через несколько улиц тоже села в припаркованную машину и уехала. Это были Майк Харари, шеф «Кесарии», и Тамара – оперативный работник «Моссада».

Спустя тридцать минут на складе произошел взрыв. Пламя взметнулось высоко в ночное небо и осветило причалы оранжевым и красным заревом. Пожарные погасили огонь прежде, чем он полностью разрушил здание, однако все, что находилось внутри огромных складов, было критически повреждено, включая некоторые машины и оборудование, производство которых заняло более двух лет. Вместе с другими комплектующими они должны были войти в состав атомного реактора на 70 мегаватт, достаточно мощного для того, что быть отнесенным к классу Osiris.

Осирис – древнеегипетский бог загробной жизни, мира теней и мертвых. Французы продавали реактор Саддаму Хусейну, иракскому диктатору, который позиционировал себя как современное воплощение Навуходоносора, вавилонского царя, разрушившего Израильское царство.

Через несколько часов после взрыва «представитель» Группы французских экологов (Groupe des Écologistes Français) позвонил в редакцию газеты, чтобы взять на себя ответственность за эту акцию. Но никто, и уж конечно французская разведка, не поверил ему. Все исходило из того, что это сделали израильтяне, потому что у них был самый сильный мотив.

Хотя много военных и разведывательных активов Израиля было растрчено во время кровавых событий в Ливане, призраки врагов,

мечтающих уничтожить маленькое государство, продолжали преследовать «Моссад». Главным среди них был Ирак, страна, которой правил непреклонный мясник с амбициями нового Саладина. Одним из кошмарных сценариев, видевшихся руководству Армии обороны Израиля, было соединение огромной иракской армии с иорданцами для создания чрезвычайно опасного для Израиля восточного фронта.

Израильские вооруженные силы были тайно задействованы в Ираке с 1960-х годов, когда угнетаемое курдское меньшинство восстало против режима Багдада. Израиль поставлял курдам оружие, а военные из Армии обороны и сотрудники «Моссада» готовили курдских бойцов по линии спецопераций. По мнению Меира Амита, возглавлявшего тогда «Моссад», идея здесь «заключалась в том, чтобы создать на Ближнем Востоке такую конфигурацию, в которой мы могли бы действовать против наших врагов на нескольких фронтах одновременно». Проще говоря, Ирак был официальным врагом Израиля, а курды были врагами Багдада: враг моего врага – мой друг^[905]. Наряду с курдами существовали и другие альянсы – например, с шахом Ирана и императором Эфиопии Хайле Селассие – лидерами двух государств, которые граничили с враждебными Израилю странами, что позволяло «Моссаду» создавать там станции прослушивания и получать другие разведывательные возможности для работы по недружественным государствам.

Начиная с 1969 года израильские советники, и среди них специалист-взрывник Натан Ротберг, все чаще слышали разговоры о человеке, которого курды называли «багдадским мясником»^[906]. Саддам Хусейн аль-Тикрити активно участвовал в баасистском перевороте, в результате которого власть захватили заговорщики, и был назначен заместителем председателя Революционного совета Ирака. Таким образом он стал вторым лицом нового режима и взял под свой контроль армию и спецслужбы. Он приказывал бомбить гражданское население, прерывал поставки продовольствия оппозиционным народностям и группам, чтобы задушить их голодом, и устроил в стране сеть пыточных камер, в которых часто сам пытал заключенных.

Курды стали просить израильтян помочь им убить Саддама – Ротберг даже изготовил бомбу-книгу под видом Корана, похожую на ту, которая использовалась при ликвидации шефа египетской разведки

в 1956 году. Но премьер-министр Голда Меир отказалась подписывать «красный» приказ^[907]. Она опасалась, что курды не удержат в секрете участие Израиля в операции и ее правительство будет втянуто в дипломатический скандал с русскими и американцами. Ранее Меир также отклонила предложение по убийству лидера Египта Насера из-за боязни того, что это придаст законность покушениям на нее саму и ее министров.

Будучи оставленным в живых, безжалостный и амбициозный Саддам Хусейн захватил в свои руки руководство партией БААС, а затем и всем Ираком. К 1971 году в возрасте 34 лет Саддам устранил всех серьезных соперников во власти и завладел всем, кроме номинальной должности президента, которую оставил Ахмеду Хасану аль-Бакру. (В 1979 году Саддам все же окончательно изгонит аль-Бакра с властного Олимпа.) Саддам видел себя исторической фигурой, панарабским лидером, который сделает Ирак региональной державой, главной силой арабского мира и равным Ирану.

Саддам считал, что евреи – это «смесь мусора и остатков различных народов», и хотел перековать карту всего Ближнего Востока, стерев с нее Израиль полностью^[908]. Иракцы не скрывали этого. «Наличие искусственного сионистского образования символизирует отрицание исторического права арабов на существование и является ударом по их чести», – писала в марте 1974 года газета Al-Jumhuriya – центральный печатный орган партии БААС. «Это воинствующее образование представляет собой не что иное, как раковую опухоль, расползающуюся за ее границами. Мы должны бороться с сионизмом... любыми возможными способами. Арабский Иерусалим ждет арабского Салаха ад-Дина, призванного очистить его от той грязи, которой сионизм испоганил наши святыне места».

Из этого ясно следовало, что Саддам Хусейн будет современной версией Салах ад-Дина и изгонит неверных из Палестины.

Однако Саддам хорошо понимал, что Ирак никогда не превратится в силу, которую будут бояться, без наличия могущественного военного арсенала. Единственный путь завоевания Ближнего Востока лежал через обладание возможностью его разрушить. Саддам хотел заполучить атомное оружие.

В 1973 году диктатор взял под личный контроль ядерную программу Ирака – внешне представлявшуюся как программа развития мирной

атомной энергии – и начал «инвестировать миллиарды долларов, практически без ограничений»^[909], в создание атомных реакторов, которые в конечном счете могли производить оружейный плутоний, по словам Амации Барам, известного биографа Саддама. В идеале диктатор, подвергавший бомбардировкам собственный народ и помешанный на том, чтобы стать ядерной угрозой для окружающих, должен был быть остановлен цивилизованными странами. Но геополитика – сложная вещь: несколько западных стран, включая США, но прежде всего Франция, хотели получить рычаги расширения собственного влияния на Ближнем Востоке. А то, что не касалось геополитики, было просто жадностью: Саддам разбрасывал вокруг себя большие деньги.

История отношений между Францией и Израилем была сложной, и в 1970-х годах они достигли низшей отметки. Отношения наполнились враждебностью и недоверием еще с 1960-х, когда де Голль занял неприязненную позицию по отношению к Израилю. Утверждения о том, что Ирак представлял для Израиля смертельную угрозу, казались французам всего лишь раздуванием проблемы.

В первой половине 1970-х годов президент Валери Жискар д'Эстен и его премьер-министр Жак Ширак заключили ряд крупных сделок с Ираком. Самой важной была сделка по продаже Ираку двух атомных реакторов: одного очень маленького исследовательского мощностью 100 КВт, относящегося к классу Isis, а другого промышленного мощностью 40 МВт (ее можно было довести до 70 МВт) класса Osiris. Иракцы объединили название реактора с названием своей страны – Osirak.

Хотя Ирак заявил об использовании реактора для исследовательских целей, французы понимали, что реактор такой мощности почти наверняка в конечном счете будет использоваться для получения военных ядерных материалов. В активной зоне реактора находилось 93 % обогащенного урана – достаточно для того, чтобы изготовить атомную бомбу, – поэтому, если бы французы выполняли свое обещание заменять использованные ТВЭЛы, иракцы смогли бы просто использовать некоторые из них в военных целях.

Иракцы и не скрывали этого. «Поиски технологий с потенциалом для военного использования осуществляются в ответ на ядерные военные программы Израиля», – заявил Саддам Хусейн в интервью от

8 сентября 1975 года, непосредственно перед визитом в Париж, где собирался подписать новые сделки. «Франко-иракское соглашение – первый шаг арабов к получению ядерного оружия, даже если нашей объявленной целью в создании реактора не является производство атомных бомб»^[910]. Однако для создания таких бомб нужны годы работы и очень специфические знания. С любой признанной угрозой, как, видимо, полагали французы, следует иметь дело только тогда и в том случае, если она появляется.

Иракцы платили очень щедро^[911]. Непосредственно во Францию было переведено 7 миллиардов франков (2 миллиарда долларов США по тем временам). Французы также получили привилегированные условия оплаты и скидки по импорту иракской нефти.

С этими масштабными проектами был связан целый ряд французских фирм, поэтому был создан единый центр управления работой по проектам в Париже и Багдаде. Недалеко от места строительства исследовательского центра построили роскошные виллы и квартиры для 2000 французских инженеров и техников.

Израиль не мог сидеть сложа руки. Была создана совместная группа из представителей «Моссада», АМАН и Министерства иностранных дел, получившая название «Новая эра», задачей которой являлось «осуществление специальных концентрированных усилий для сведения к нулю намерений Ирака по получению атомного оружия», по словам Наума Адмони, тогдашнего заместителя директора «Моссада», который эту группу и возглавлял^[912].

Под видом европейских бизнесменов или военных из стран НАТО оперативники «Перекрестка» вступали в контакты с теми работавшими во Франции иракцами, которые, по их мнению, могли быть завербованы в качестве источников информации^[913]. Один ученый, чей сын страдал раком и получал некачественную медицинскую помощь в Ираке, обменял секреты на более квалифицированное лечение. Он был убежден, что Иегуда Гил, один из лучших израильских вербовщиков, был вице-президентом европейской фирмы, занимающейся проблемами ядерной безопасности.

Но это был только сиюминутный успех. Саддам запугал всех иракских участников проекта демонстрацией им видео с записью того, как члены кабинета министров лично расстреливают чиновников. «Это была ужасная видеозапись, – говорил Хидир Хамза, один из

директоров иракской ядерной программы. – Он посылал нам сигнал о том, что если по какой-то причине ты ему не понравишься, то ты труп»^[914].

Однако у израильтян были и другие источники: французские ученые, техники, секретарши и менеджеры среднего звена. Некоторым хорошо платили. Другие, являясь евреями, действовали по идейным соображениям. С помощью одного из таких источников «Моссад» добыл «Книгу проекта» – документ, в котором детально описывались все сделки, осуществленные Ираком^[915]. Эта книга содержала несколько сотен страниц и была написана по-английски французскими учеными. «Из этого документа, – говорил подполковник Рафаэль Офек, физик-ядерщик из университета Бен-Гуриона, который был привлечен к работе АМАН, – мы очень много узнали, включая план строительства реактора на местности, в соответствии с которым он и прилегающие лаборатории должны были располагаться в уже существовавшем Центре ядерных исследований Тхувайтха»^[916].

Подразделение 8200 – центр радио- и электронной разведки АМАН – создал совершенно секретную группу под названием «Апокалипсис», которая подключалась к телефонным и факсимильным линиям, а агенты подразделения «Радуга» внедряли подслушивающие устройства в офисы иракских учреждений в Париже.

Используя разоблачительные разведданные, израильтяне призывали международное сообщество положить конец иракской ядерной программе. Но раздраженные лидеры иностранных государств, критики Израиля и даже местные оппоненты Бегина обвиняли Израиль в алармизме. Они настаивали, что иракский проект не мог нанести вреда Израилю. Французы продолжали считать, что он является вполне легитимной научно-исследовательской программой и ими задействуется достаточно механизмов безопасности, чтобы обеспечить невозможность для Ирака производства атомных бомб.

Министр иностранных дел Моше Даян, вернувшийся из Парижа потрясенным безразличием французской стороны к его требованиям, попытался обратиться к американцам, попросив их надавить на французов, но это тоже ни к чему не привело.

Израиль пришел к заключению, что попытки решить проблему дипломатическим путем провалились. В 1978 году заседание кабинета

по вопросам безопасности уполномочило премьер-министра принять «необходимые меры» к тому, чтобы остановить иракский ядерный проект^[917]. «Моссаду» был дан «зеленый свет». Кабинет вынес решение: «Osiris должен быть уничтожен».

Вскоре произошел взрыв портового склада на французской Ривьере. Комплектующие изделия, взорванные в тот день, были сильно повреждены, и израильтяне надеялись, что они затормозят ядерные амбиции Саддама не менее чем на два года. Именно столько требовалось французам для повторного производства компонентов^[918].

Но иракский диктатор не мог себе позволить такой задержки. Он приказал, чтобы проект осуществлялся по ранее утвержденному графику. Иракский министр обороны потребовал, чтобы французы восстановили поврежденные части и поставили их Ираку вовремя. Французы возражали, утверждая, что восстановленные оболочки реакторов не будут иметь достаточной прочности. Их использование было бы связано с риском, и почти наверняка они подлежали бы замене через несколько лет. Но перечить Саддаму Хусейну никто не смел.

Таким образом, Ирак все равно мог бы заполучить атомное оружие через несколько лет. Разочарованные руководители «Моссада» пришли к выводу, что им нужно использовать более агрессивную тактику.

Им нужно было начать убивать ученых.

Наиболее очевидными целями для ликвидации являлись руководители иракской программы Хидир Хамза и Джафар Дия Джафар. Последний считался «мозгом проекта, самым главным ученым», согласно Офеку^[919]. Он окончил Бирмингемский университет, получил докторскую степень в университете Манчестера и занимался научной работой в Британском центре ядерных исследований в Имперском колледже в Лондоне^[920].

Однако оба этих ученых очень редко покидали Ирак, так что добиться успеха в ликвидации любого из них было очень трудно, если не невозможно. В то же время, как и Насер, который нанял немецких ученых для создания ему ракет, так и Ирак привлек египтян к помощи в реализации атомной программы. Ключевой фигурой среди египтян являлся Яхья Эль Масад – гениальный физик-ядерщик из Александрийского университета, который был назначен старшим специалистом Центра ядерных исследований Тхувайтха. Масад часто

перемещался между Египтом, Ираком и Францией^[921]. «Моссад» стал следить за его поездками в феврале 1980 года и практически неотступно сопровождал его, когда Масад приезжал в Париж во французский Институт радиологической защиты и безопасности ядерных исследований в Фонтене-о-Роз, расположенный близ столицы.

В начале июня французы подготовили к поставке в Ирак партию урана для малого исследовательского реактора. Масад приехал в Париж, чтобы проверить его качество. Он также хотел посетить свою семью в Египте. Это означало, что у израильских оперативников не было времени для того, чтобы осуществить изначальный план. Последнюю ночь в Париже Масад хотел провести один. «Он разрешил двум своим помощникам уехать в другой отель, потому что этот был для них слишком дорог, – рассказывал Хамза. – Он был добрым человеком. Он сказал им: “Наверное, вы хотите переехать в другой отель подешевле, вокруг которого есть удобные недорогие магазины. Я разрешаю вам это”».

Без помощников, способных его как-то защитить, Масад вдруг превратился в легкую добычу.

Египтянин вернулся в свою гостиницу около 18:00 13 июня. Принял душ и переоделся, спустился вниз в лобби, где выпил чего-то и съел сэндвич, а затем поднялся к себе в номер на девятый этаж. «Карлос», командир «Кидона», и еще один оперативник прятались в небольшой нише в стене и внимательно следили за дверью. План изменился так быстро, что они не были уверены, что смогут его выполнить. У «Карлоса» был пистолет, но действующие инструкции категорически запрещали использование огнестрельного оружия в гостиницах, поскольку пули могли пробить стены и попасть в невиновных граждан. «Карлос» судорожно продумывал свои действия.

Дверь лифта распахнулась в 21:30. Из него вышла молодая женщина, проститутка. Она прошла мимо двух оперативников, не обратив на них внимания, и постучалась в номер 9041. Масад впустил ее.

«Карлос» и его напарник ждали четыре часа, пока проститутка не ушла в 1:30 ночи. К тому времени «Карлос» обнаружил около лифта стоячую пепельницу около метра высотой на тяжелом основании, с узкой ножкой и специальным механизмом, который опускал окурки в накопитель. «Карлос» внимательно осмотрел ее, взвесил в руке,

прикидывая ее вес. Он посчитал, что она достаточно тяжела и прочна для использования.

«Доставай кинжал», – сказал «Карлос» другому оперативнику, который был вооружен большим карманным ножом Leatherman. Оба подошли к двери номера Масада, и второй оперативник постучал.

Qui est là? – спросил Масад. «Кто там?» Его голос звучал сонно и спокойно.

«Служба безопасности отеля, – ответил «Карлос». – Это по поводу вашей гостии».

Масад прошаркал тапочками по комнате и открыл дверь. «Карлос» сильно ударил его пепельницей по голове. Масад отступил назад и повалился на пол. «Карлос» устремился вслед за ним, ударил его еще раз, потом снова и снова. Лужа крови растеклась по полу. В ноже необходимости уже не было.

Оперативники смыли кровь с рук и обтерли пепельницу. «Карлос» снял забрызганную кровью рубашку, скомкал ее и сунул себе в карман. Когда они выходили из номера, то тщательно проследили, чтобы на ручке двери висела табличка «Просьба не беспокоить». Они поставили пепельницу точно на то место, где она стояла раньше, спустились на лифте в лобби и неторопливо покинули отель.

Служба безопасности отеля обнаружила тело Масада спустя 15 часов^[922]. Сначала полиция заподозрила, что ученого избили из-за того, что что-то пошло не так в его амурных развлечениях, однако они нашли проститутку и выяснили, что она тут ни при чем. Масад не был ограблен, у него не было других посетителей. Кроме того, проститутка вспомнила, что видела в коридоре двух мужчин.

Французы довольно быстро сделали вывод о том, что египтянина убили люди из «Моссада». К такому же выводу пришли и иракцы. «Мне подумалось, что мы все являемся целями, – говорил Хамза. – После этого я передвигался только в сопровождении сотрудника иракских спецслужб»^[923].

Саддам Хусейн понял, что «целевые» убийства могут морально подавить ученых, работающих над атомным проектом. Он раздал всем основным участникам проекта – ученым роскошные автомобили и премии, а жене Масада выплатил компенсацию в 300 000 долларов, невиданную по тем временам для Египта сумму, а также назначил ей и ее детям пожизненную пенсию.

Однако это не остановило убийства. Через три недели после гибели Масада иракский инженер Салман Рашид, получивший образование в Англии, был направлен на два месяца в Женеву для освоения методов обогащения урана путем электромагнитной изотопной сепарации.

У него был телохранитель, который всегда был рядом с ним. За неделю до того, как ему предстояло возвращаться в Ирак, Рашид вдруг тяжело заболел.

Врачи в Женеве заподозрили какую-то инфекцию. Через шесть дней, 14 сентября, Рашид в мучениях умер. Вскрытие показало, что это была не инфекция: ученого отравил «Моссад», хотя каким способом и с помощью какого яда, никто не мог сказать с определенностью^[924].

Две недели спустя другой ответственный иракский специалист, Абд аль-Рахман Расул, инженер-строитель, который руководил строительством объектов для атомного проекта, принимал участие в конференции, проводившейся Французской комиссией по атомной энергии. Сразу же после официального приема, которым открывалась конференция, он почувствовал симптомы, похожие на пищевое отравление. Пятью днями позже он скончался в парижском госпитале^[925].

В начале августа многие французы – участники иракского проекта получили письма, в которых их прямо предупреждали, что если они не покинут немедленно Ирак, их жизнь будет в опасности^[926]. Саддам Хусейн был в ярости и несколько дней спустя выступил с особенно гневной речью в адрес Израиля, не упомянув об атаках на ученых, но пригрозив «с помощью бомб превратить Тель-Авив в руины».

Саддамовские ученые запаниковали. «Никто не хотел никуда ездить, – рассказывал Хамза, – поэтому за поездки нам даже давали премии». Ученых инструктировали по вопросам личной безопасности и самообороны. «Человек из Мухабарата (спецслужб) рассказывал нам, как нам питаться, не принимать приглашений на темное время суток. Нас учили возить с собой свою зубную пасту, свои зубные щетки, свои бритвенные принадлежности, всё либо в небольших сумочках, либо просто в карманах»^[927].

Несколько французских подрядчиков из страха отказались от проекта, и он слегка затормозился. Однако Саддам обладал в авторитарной стране огромными ресурсами для создания бомбы и мог позволить себе потерю двух-трех техников. Все ученые – погибшие и

запуганные – были быстро заменены. Франция направила в Ирак 12 килограммов обогащенного урана и сразу же вслед за этим приняла еще один заказ иракцев. В лучшем случае своими действиями Израиль выиграл время до того, как Саддам завершит строительство реакторов и задействует их в производстве оружейных материалов. Это могло быть полтора или, возможно, два года. Но Ирак все еще ждал, а Израиль все еще боялся, что Багдад получит полностью готовое к использованию атомное оружие и средства его доставки к концу десятилетия.

Ицхак Хофи, директор «Моссада» в 1974–1982 годах, знал, что сбором разведывательных данных, «целевыми» убийствами и диверсиями большего достигнуть вряд ли возможно. «Я сдаюсь, – сказал он Бегину в октябре 1980 года. – Мы не сможем остановить это. Единственной оставшейся у нас возможностью является бомбардировка с воздуха»^[928].

Иными словами, единственным оставшимся путем был путь настоящей военной операции.

В правящих кругах Израиля возникли разногласия. Некоторые руководители спецслужб предупреждали, что бомбардировка иракского реактора будет иметь катастрофические международные последствия, что должны еще пройти годы, прежде чем в реакторе может быть выработано достаточно оружейного плутония для производства атомных бомб, и что разрушение этого объекта подтолкнет Саддама на другие, еще более секретные решения, по которым будет гораздо труднее собрать какую бы то ни было информацию. Напряжение возросло настолько, что на каком-то этапе Бегин перестал приглашать на заседания кабинета руководителя Комиссии по атомной энергии профессора Изи Эйлама, поскольку тот был против бомбардировки^[929]. Один из сотрудников Эйлама, профессор Узи Эвен, опасавшийся, что разрушение реактора приведет только к переводу атомных работ Ирака на секретные объекты, которые Израиль не сможет держать под наблюдением, сообщил о плане готовящейся операции лидеру оппозиции Шимону Пересу^[930]. Последний в свою очередь написал от руки меморандум Бегину, предупреждая, что если Израиль пойдет на осуществление атаки, то останется в международной изоляции, как «дикая ежевика», используя

метафору пророка Иеремии для описания того, что станет с Израилем, если Бог покинет его^[931].

Однако премьер-министр Бегин, Ариэль Шарон, который недавно стал министром обороны, и начальник Генерального штаба Рафаэль Эйтан отметали все возражения против авианалета. Они присоединились к мнению директора «Моссада» (с 1982 года) Нахума Адмони и других руководителей разведслужб, считавших, что реактор следует атаковать как можно скорее, до того, как он успеет «разогреться», – чтобы избежать ужасной гуманитарной катастрофы в случае утечки радиации. На собраниях группы «Новая эра» физик и военный Офек постоянно подчеркивал, что для гарантированного полного уничтожения реактора должна быть достигнута важнейшая цель: «достаточная мощность взрыва для разрушения внутреннего бассейна, в который должны быть погружены урановые стержни».

7 июня в 16:00 восемь истребителей-бомбардировщиков F-16 взлетели с авиабазы Эцион, расположенной на оккупированном Израилем Синайском полуострове, с целью нанесения удара по реактору Osirak. В качестве прикрытия их сопровождали шесть истребителей F-15. Еще 60 самолетов были задействованы для поддержки операции – некоторые из них кружили в воздухе, тогда как другие оставались на земле. Среди них были самолеты-заправщики и воздушные командные пункты Boeing, самолеты-разведчики Hawkeye AWACS и вертолеты на случай, если что-то случится с боевыми самолетами и потребуется спасательная операция. F-15 могли справиться с любым иракским самолетом МиГ, который представлял бы угрозу для израильской авиации, и на них была установлена современная система подавления локаторов ПВО и зенитных ракетных батарей.

Путь составлял около 1000 километров и пролегал над севером Саудовской Аравии и югом Иордании. Пилоты летели на очень низкой высоте, меньше километра, чтобы избежать иорданских, саудовских и иракских радаров^[932].

Самолеты достигли цели к закату солнца, около 17:30^[933]. Восемь F-16 поднялись на высоту трех километров, совершили «бочку» и сбросили бомбы под углом 35°. Один за другим они сбрасывали по две однотонные бомбы на купол реактора. Взрыватели у половины бомб были установлены на подрыв от контакта, другая половина

должна была взрываться после пробития бетонного купола и проникновения вглубь емкости реактора. Семь из восьми пилотов попали по цели, внутри реакторной зоны взорвалось 12 бомб. Были убиты десять иракских солдат и один французский техник.

Иракцы были захвачены врасплох. По атакующим самолетам не было выпущено ни одной ракеты, и только вслед им был открыт не нанесший израильтянам никакого вреда беспорядочный зенитный огонь. Все самолеты благополучно вернулись на базу. До сего дня нос этих бомбардировщиков украшает изображение реактора, равно как и кружки, которые обозначают количество сбитых в боях самолетов.

К полуночи были проанализированы результаты аэрофотосъемки, которые зафиксировали огромный ущерб, нанесенный реактору. В 3:00 команда «Апокалипсис» подразделения электронной разведки 8200 перехватила телефонный звонок одного из инженеров, который отчитывался об осмотре разбомбленного объекта, осуществленном в темноте. Инженер пытался обнаружить бассейн, являвшийся критически важной частью устройства, но при помощи своего ручного фонарика обнаружил только «куски разорванного бетона, покрытые водой», – то есть части купола, обрушившиеся вниз. В «разведывательном анализе», который был немедленно разослан членам правительства и главам спецслужб, АМАН подтверждала, что бассейн реактора был поврежден «невосстановимо» и «реактор был полностью разрушен»^[934].

Перед атакой разведка рекомендовала, чтобы Израиль не брал на себя ответственность. Руководители спецслужб считали, что при отсутствии мучительного публичного унижения Саддам не будет испытывать острого желания контратаковать Израиль. У него будет пространство для маневра.

Однако в конечном счете Бегин решил иначе. Бомбовый удар был нанесен безупречно, иракский реактор лежал в дымящихся руинах, а ядерные амбиции Саддама, по всей вероятности, рухнули навсегда. Бегин хотел признания этих фактов, может быть даже похвалы ими. Он тонко чувствовал настроения израильского общества. В своей речи в кнессете он сравнил Саддама с Гитлером, а угрозу, которую представлял собой ядерный Ирак, – с «Окончательным решением» нацистов. «Что могли мы предпринять перед лицом такой страшной опасности?» – задавался он вопросом.

«Эта страна и этот народ могли быть уничтожены. В истории еврейского народа мог случиться еще один холокост»^[935].

Саддам произнес свою речь перед руководством партии БААС^[936]. «Это больно, – признал он со вздохом, имея в виду бомбардировку, – потому что это очень дорогой для нас плод, который мы выращивали, не щадя сил. Это один из плодов нашей революции, в который мы долго вкладывали колоссальные политические, научные и экономические усилия».

Но тут же он быстро вернулся к своему обычному драчливому тону, проклиная «сионистское образование» и Менахема Бегина.

Саддам продолжал: «Бегин и другие должны понять: то, что они называют упреждающими ударами, которые нацелены на то, чтобы помешать развитию арабской нации и не дать ей воспользоваться достижениями науки и техники, не удержит арабов от продвижения к своим целям. Этот метод превентивных ударов не обеспечит евреям безопасности, о которой он говорит».

Спустя три недели Бегин снова праздновал победу, на этот раз на всеобщих выборах.

«Моссад» и Армия обороны Израиля тоже упивались триумфом от операции и тем, что они оценивали как разрушение иракского ядерного проекта. Они опустили Ирак в самый низ списка разведывательных приоритетов^[937].

Однако реакция Саддама на авиаудар по реактору в Багдаде явилась прямо противоположной той, которую ожидали израильские разведывательные службы.

«Под психологическим давлением Саддам... становится более агрессивным и более решительным, – рассказывал Хидир Хамза. – Так что проект стоимостью в 400 миллионов долларов и с участием 400 ученых превратился в проект стоимостью в 10 миллиардов долларов с задействованием 7000 ученых».

Саддам велел приложить максимум усилий во всех отраслях науки, чтобы в кратчайшие сроки получить атомную бомбу и средства ее доставки к цели. Очень быстро он нашел западные компании, которые были готовы поставлять ему – за огромные деньги – оборудование и материалы, внешне предназначенные для мирного использования, но пригодные для разработки ядерного, биологического или химического оружия массового уничтожения.

Израиль обнаружил только некоторые незначительные следы этих усилий. Одним из них являлся совместный иракско-египетско-аргентинский план Condor по разработке ракет различных типов^[938]. Большое количество информации об этом проекте было получено и передано Израилю агентами «Моссада» в немецких компаниях, вовлеченных в него, а также представителями научных кругов Аргентины и Джонатаном Поллардом – шпионом, работавшим на израильскую разведку внутри американской разведки. «Моссад» начал поджигать офисы европейских компаний, замешанных в проекте, и систематически терроризировать ученых примерно так же, как это делалось в 1960-х годах в отношении немецких специалистов-ракетчиков в Египте. Участвовавшие в проекте ученые стали получать телефонные звонки с угрозами^[939]: «Если вы немедленно не прекратите вашу противоправную деятельность, мы убьем вас и вашу семью».

«Моссад» готовил также и планы ликвидации некоторых ученых, но оказалось, что поджогов и грубых вторжений в офисы, равно как и пугающей репутации «Моссада», хватило, чтобы не прибегать к «целевым» убийствам. Ученые уехали, а Аргентина и Египет значительно сократили свое финансовое участие в проекте.

Попав в затруднительное положение, Саддам обратился к канадскому ракетчику, ранее работавшему в NASA и Израиле, Джеральду Буллу^[940], попросив его разработать ракеты и суперпушку, прототип которой был описан Жюль Верном в научно-фантастическом романе «Из пушки на Луну», способную забрасывать огромные грузы на сверхдальние расстояния – на 700 километров от Багдада до Тегерана и на 900 километров до Тель-Авива. Булл заверил своих клиентов, что его суперпушка будет не только иметь невероятную дальность стрельбы, но и гораздо точнее и эффективнее доставлять биологическое и химическое оружие к целям, потому что боеголовки ее снарядов будут разогреваться меньше, чем у ракет SCUD, которыми обладал Ирак.

В 1989 году Булл вместе с иракцами построил сверхдальнобойную пушку в Джабал-Хамрайне, в 200 километрах от Багдада. Из нее было произведено три испытательных выстрела^[941].

К своему несчастью, Булл никогда не воспринимал всерьез анонимные звонки и письма с угрозами^[942], которые он получал и в

которых его предупреждали о том, что, если он немедленно не прекратит свои отношения с Саддамом, «мы осуществим жесткие акции против вас, ваших компаний и против лиц, которые с вами связаны».

22 мая 1990 года отряд «Кидона» устроил на Булла засаду в его доме, совсем недалеко от офиса инженера в Брюсселе. Два человека прятались прямо за дверью, ведущей на лестницу. С этой выгодной позиции они видели, как Булл подходит к своей квартире, роясь в карманах в поисках ключей. Как только он прошел мимо киллеров, они выпрыгнули из-за двери с пистолетами «макаров» с глушителями наготове^[943]. Один из них выстрелил два раза Булла в голову и три – в спину, тогда как второй прикрывал его. Булл умер еще до того, как упал на пол. Убийцы достали камеру и сделали несколько снимков изуродованной головы ученого. Один снимок показывал голову крупным планом, а другие изображали Булла, лежащего на животе в большой луже крови.

В тот же день снимки были посланы служащим компании Булла Space Research Corporation. «Если вы придете завтра на работу, – было написано в сопроводительной записке, – с вами произойдет то же самое»^[944]. Через день никто из сотрудников в офисе не появился, и вскоре компания была ликвидирована. «Моссад» проследил, чтобы все компаньоны Булла тоже получили соответствующие послания^[945].

Проект захлебнулся. 2 апреля, после того как Саддам узнал от своих разведывательных служб, что Джеральд Булл был убит, обратился к народу и поклялся, что «пламя поглотит половину Израиля»^[946].

Впрочем, смерть Булла лишь несколько замедлила процесс получения Саддамом средств доставки большого радиуса действия и практически не помешала продвижению атомного проекта. Оказалось, что разведслужбы Израиля, как и других западных стран, практически ничего не знали о главной части усилий Саддама по разработке новых средств вооружения.

«Эта разветвленная и очень сложная сеть работала прямо под носом у всех, – вспоминает бригадный генерал Шимон Шапира, тогда начальник службы разведанализа АМАН. – Без сомнения, это был один из крупнейших провалов в истории израильской разведки»^[947].

По словам Шапира, «Израилю больше сопутствовала удача, чем рассудок»^[948]. Саддам Хусейн совершил ошибку, вторгнувшись в

Кувейт в августе 1990 года, предположив, что США и остальной мир будут сидеть сложа руки перед лицом агрессии. Он ошибался. Он умудрился восстановить против себя широкую международную коалицию, которая включала и ряд арабских государств. Она вышвырнула его из Кувейта и заставила принять жесткие международные инспекционные меры.

Инспекторы ООН обнаружили то, что «Моссад» совершенно упустил из виду: к январю 1991 года, когда началась операция «Буря в пустыне» по освобождению Кувейта, всего несколько лет отделяло Саддама от полного цикла производства ядерного, химического и биологического оружия, равно как и от строительства ракет и боеголовок, способных доставлять это оружие до Израиля^[949].

Даже после окончания войны, когда президент Буш решил не вторгаться в Ирак и оставить Саддама у власти, начальник Генерального штаба АОИ Эхуд Барак был совершенно уверен в том, что Ирак представляет собой однозначную и реальную угрозу Израилю^[950]. Саддам наверняка попытается вновь заняться разработкой оружия массового уничтожения, при этом какие бы то ни было возможности вступить с ним в переговоры отсутствовали.

20 января 1992 года Барак приказал «сформировать команду для изучения возможности нанесения удара по цели»^[951]. Через два месяца, 12 марта, группа, возглавляемая Амирамом Левином, доложила начальнику Генерального штаба о ходе работы. Барак сказал членам группы: «Цель представляет собой одну из самых важных среди тех, с кем мы имели дело в наших “точечных” операциях». Он приказал закончить подготовку к реализации плана к июлю того года^[952].

Барак имел беседы с премьерами Шамиром и Рабином, который сменил Шамира в 1992 году, и пытался убедить их в том, что орудие убийства должно быть впервые направлено против лидера суверенного государства.

«Оглядываясь назад, – сказал Барак годы спустя, – просто представьте себе, что мы могли сэкономить миру целое десятилетие без этого ужасного человека. Мир мог бы выглядеть совершенно по-иному»^[953].

Оба премьера дали Бараку санкцию на операцию по уничтожению Саддама. Выдвигалось много разных идей: организация крушения

израильского самолета, или даже спутника, где-нибудь в Ираке, лучше в Багдаде, выжидание момента, когда Саддам придет осмотреть место крушения, и подрыв данного места вместе с ним и его свитой; создание в Европе подставной фирмы, которая продаст Саддаму современнейшую телевизионную студию для обращения с речами к народу, оснащенную оборудованием для передачи сигнала в Израиль, и подрыв этой студии с лицом диктатора на экране; подмена памятника одному из его революционных соратников заминированной копией и ее подрыв в тот момент, когда Саддам будет стоять перед ней со склоненной головой, и множество других вариантов устранения иракского диктатора^[954].

В конечном счете было решено нанести удар в единственном месте за пределами строго охраняемого Багдада, где можно было быть уверенным, что это сам Саддам (а не двойник): его фамильный участок на кладбище в Тикрите, куда Саддам придет на похороны очень близкого ему человека – его дяди, Хейраллаха Тульфаха, который воспитал Саддама и был тяжело болен.

Израильцы внимательно следили за ходом лечения Тульфаха в Иордании^[955] и ожидали новостей о его смерти. Но он упорно цеплялся за жизнь, поэтому был введен в действие альтернативный план. Вместо Тульфаха «Моссад» ликвидирует Барзана аль-Тикрити, иракского представителя в ООН.

Спецназовцев «Сайерет Маткаль» перебросят в Тикрит на вертолете, который приземлится неподалеку от кладбища. Бойцы доедут до него в джипах, которые будут выглядеть точно так же, как и используемые в иракской армии, только будут оснащены специальными механизмами, сдвигающими крышу автомашины и выдвигающими в боевое положение специальные управляемые снаряды. Когда Саддам прибудет на похороны, спецназовцы выстрелят по нему ракетами и убьют^[956].

Если бы этот план удался, как были уверены многие из его участников, начальник Генерального штаба Эхуд Барак стремительно ворвался бы в политику и стал кандидатом с хорошими шансами на пост премьера. Это было бы вполне естественно для человека, отмеченного величием еще в бытность лейтенантом.

На большой тренировочной базе Цеелим в пустыне Негев «Сайерет Маткаль» построил копию фамильного кладбища семьи Хусейнов, где

бойцы занимались боевой подготовкой. Когда они были готовы, 5 ноября 1992 года, высшее командование Армии обороны Израиля приехало посмотреть «генеральную репетицию». Ударная группа с ракетами заняла свою позицию, в то время как разведчики и административный персонал «Сайерет Маткаль» играли роль Саддама и его свиты.

Однако из-за серьезных недочетов в планировании операции, а также усталости от долгих тренировок оператор управляемых ракет ошибочно посчитал, что происходит не учебная атака, в ходе которой солдат, играющий роль Саддама, махал рукой невидимой толпе, а боевая стрельба, в которой все находящиеся на подиуме должны были быть заменены манекенами. Несогласованность оказалась такой сильной, что условная команда «Посылай экипаж» использовалась и для холостой, и для боевой стрельбы.

Командир ударной группы, полагая, что происходит учебная атака, скомандовал: «Посылай экипаж». Но командир ракетного расчета в джипе посчитал, что начинаются боевые стрельбы. «Огонь первой ракетой!» – отдал он команду, и один из бойцов расчета нажал на кнопку и начал наводить ракету на цель. Когда ракета была уже рядом с ней, он заметил, что что-то идет не так, и, как свидетельствовали участники, закричал: «Что такое? Я не понимаю, почему эти куклы двигаются!»

Но было уже поздно. Ракета попала прямо в центр «свиты». Через пару мгновений вторая ракета врезалась в землю в метре от первой, но почти не нанесла вреда, потому что все находившиеся в зоне цели лежали на земле убитые или раненые. Командир группы понял, что случилось что-то ужасное, и закричал: «Прекратить огонь! Я повторяю: прекратить огонь!»

Пятеро солдат было убито, все, кто находился поблизости от цели, были ранены.

Как ни странно, но человек, игравший Саддама, оказался среди тех, кто был только ранен^[957]. Инцидент стал предметом яростных политических столкновений и неприглядных споров между Бараком и другими генералами о том, кто несет ответственность за ЧП^[958].

Происшествие в Цеелиме положило конец планам по ликвидации Саддама Хусейна. Позднее выяснилось, что, в отличие от ожиданий

Барака, Саддам на самом деле после операции «Буря в пустыне» не возобновлял своих попыток заполучить ядерное оружие.

В любом случае Израиль теперь столкнулся с новыми, гораздо более опасными врагами.

Приближается зеленая буря

13 марта 1978 года эксклюзивный бизнес-джет тайно вылетел из Тегерана с двумя обеспокоенными пассажирами на борту: Ури Лубрани, послом Израиля в Иране, и Реувеном Мерхавом, резидентом «Моссада» в той же стране. Они направлялись на встречу с Его королевским величеством шахом Мохаммедом Резой Сирус Пехлеви, который отдыхал на своем любимом острове Киш, расположенном в 16 километрах от побережья Персидского залива^[959].

Шах был полновластным правителем Ирана, жестоким деспотом, страдавшим манией величия и хотевшим быстро превратить свою страну в государство «более развитое, чем Франция». Он вкладывал баснословные нефтяные доходы в создание мощной армии, строительство новейшей инфраструктуры и организацию современной экономики. Заставил подданных ускоренно вестернезироваться, что многими из них – от торговцев с Большого базара Тегерана до мусульманских клерикалов – воспринималось как нечто обидное и вредное. Однако возражения не останавливали шаха, который приказал армии и жестокой секретной службе САВАК подавлять любую оппозицию железным кулаком.

Внешняя политика шаха основывалась на тесных политических, военных и дипломатических связях с Соединенными Штатами^[960]. Он установил также близкие отношения с Израилем в области разведки^[961]. Это послужило тому, что Иран получал большое количество оружия и военного оборудования от еврейского государства в обмен на нефть и деньги. Шах позволил израильтянам организовать с иранской территории ряд важных операций против арабских государств.

Однако у Лубрани и Мерхава были серьезные основания для беспокойства. Хотя связи Ирана с США и Израилем оставались такими же прочными, как и раньше, власть шаха внутри страны зашаталась. С каждым днем демонстрации против него становились все более массовыми, а протестные движения различных групп населения –

торговцев, коммунистов, праворадикалов и исламистов – всё сильнее. Белый дом, который до сих пор закрывал глаза на нарушение шахским режимом прав человека, при либеральном президенте Джимми Картере начал выражать свое недовольство в связи с использованием силы против протестующих, что даже заставило шаха отказаться от применения для разгона демонстраций армии.

Несмотря на эти события, иранская королевская семья и руководство страны не ограничились роскошной образ жизни. Вскоре после приземления на острове Киш Лубрани и Мерхав убедились в этом. Остров был любимой резиденцией шаха, центром управления государством в течение большей части года. «Это была эксклюзивная площадка для развлечений верхушки страны, – рассказывал Мерхав. – Повсюду присутствовали свидетельства безумной ужасающей коррупции и разложения. Мы были шокированы культом наслаждений и излишеств, который там царил».

Оба израильтянина прибыли на Киш для того, чтобы встретиться с шахом и его советниками и оценить устойчивость режима перед лицом растущей угрозы со стороны оппозиции. Их беспокойство подогревалось тем обстоятельством, что экстремистские шиитские элементы, составлявшие главную силу протестующих, установили связи со своими братьями по вере в Ливане и стали проходить боевую подготовку в лагерях, организованных для них Ясиром Арафатом. «Эта комбинация, – говорил Мерхав, – воспринимавшаяся как главная сила, действующая против нас, – ООП Арафата в Ливане и шиитские экстремисты, – казалась нам тогда существенной потенциальной угрозой»^[962].

Самым видным лидером клерикальной оппозиции был Рухолла Хомейни, носивший наследственный титул *sayyid*, или «владыка», который использовался только потомками пророка Мухаммеда, и получивший высший шиитский религиозный ранг «великий аятолла». В своем родном городе Хомейн будущий революционер еще молодым человеком был известен как прекрасный теолог, хорошо знавший ислам, но лишенный харизматичности оратор. После некоторого периода затворничества он вышел из своей кельи убежденный в том, что его посетил ангел-макрибун Джабраил, божий посланец, который сказал Хомейни, что Аллах предназначает его для великих свершений^[963].

Для того чтобы выполнить свою миссию, Хомейни преобразился. Оставил использовавшуюся им до тех пор сложную манеру высказываний и стал говорить очень просто, не выходя за пределы словарного запаса в 2000 слов и повторяя отдельные фразы по многу раз, пока они не приобретали форму магических заклинаний. Одной из любимых его фраз такого типа была «Ислам – вот решение для всего». Он начал изображать мир как борьбу между добром и злом. Зло должно быть выкорчевано и уничтожено. Эту обязанность должно выполнить добро, которое является одновременно и судьей, и палачом. Последователи Хомейни среди бедных считали его очень убедительным.

Позднее Хомейни трансформировал шиитский ислам так, чтобы он соответствовал той роли лидера, которую аятолла придумал для себя^[964]. Он разрушил фундаментальное разделение светской и духовной власти, в основном преваляровавшее в исламских империях, и объявил, что нет более необходимости в короле, одобряемом религиозными авторитетами. Правительство само должно находиться в руках этих авторитетов. Все монархии и другие режимы в исламском мире, которые не были выражено клерикальными – президенты Египта и Сирии, король Саудовской Аравии и шах Ирана, – были нелегитимными и должны были быть сменены. «Ислам – вот решение для всего», – провозгласил Хомейни.

Отношение Хомейни к мученичеству тоже подразумевало подготовку им почвы для принятия всей полноты власти. Он объяснил своим последователям, что высшей властью в руках государства была власть казнить своих подданных. Уберите эту власть, заменив смерть желаемым вознаграждением, – и государство останется бессильным. «Пожалуйста, убивайте нас, – писал и заявлял Хомейни, – потому что мы тоже будем убивать вас!»^[965] Позднее он будет заставлять убитые горем семьи мучеников и их соседей праздновать смерти их сынов в священной войне Ирана.

Следующим шагом Хомейни было разрушение самого важного элемента шиитской теологии. Он разрешил верующим – и даже побуждал их к этому – называть себя «имамом», термином, который в шиитской традиции более всего близок к иудейско-христианской концепции Мессии, чей приход возвестит конец света.

В 1963 году, вскоре после формулирования своей новой доктрины, Хомейни начал открытую кампанию против шаха из города Кума, самого священного для шиитов места Ирана. Шах не стал обострять ситуацию убийством аятоллы, и потому последний был просто выслан. Хомейни нашел убежище сначала в Турции, потом в Ираке и, наконец, во Франции.

Проповеди, которые он там произносил, привлекали все больше учеников^[966]. В 1970-х годах, даже в изгнании, Хомейни превратился в самого влиятельного оппонента шаха. К тому времени, когда Лубрани и Мерхав прилетели на Киш, Хомейни наводнил Иран примерно 600 000 аудиокассет с записями своих проповедей. В мечетях и на рынках, в сельских районах и в горах, окружающих Тегеран, на базарах и (потихоньку) даже в правительственных кабинетах многие миллионы людей слушали зажигательные речи фанатичного мусульманского проповедника с каменным лицом.

Они могли услышать пассажи наподобие «этот презренный шах, этот еврейский шпион, эта американская змея, чья голова должна быть разбита камнем» или «шах говорит, что он дает людям свободу. Послушай меня, ты, надутая жаба! Кто ты такой, чтобы даровать свободу? Свободу дарует только Аллах. Свободу дает закон, свободу дает конституция. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что даруешь свободу? Что дает тебе право вообще даровать что бы то ни было? Кем ты себя воображаешь?»^[967].

Распространение кассет Хомейни было, разумеется, замечено всевидящим оком САВАК, шахской секретной полиции^[968]. Руководители организации испрашивали разрешения шаха на разгром центров их дистрибуции. Однако на этот запрос последовал отказ из-за давления президента Картера, требовавшего избежать нарушения прав человека, а также слабости и нерешительности, которые испытывал шах в связи с лечением от рака. Лубрани и Мерхав ничего не знали о шахской болезни, которая являлась строго охраняемым секретом.

Аудиенции удостоился только Лубрани^[969]. Шах тепло приветствовал его, но посол быстро понял, что разговор ни к чему не приведет. Лубрани покинул величественный, покрытый золотом кабинет в грустном настроении. «Шах оторван от реальности и пребывает в своем почти иллюзорном мире, – рассказывал посол Мерхаву. – Он окружен льстецами, которые не сообщают ему правду о

ситуации в стране». Встречи Мерхава с руководителями иранских спецслужб привели его к таким же заключениям.

Вскоре после поездки на Киш оба чиновника послали предупреждение израильским структурам, отвечающим за вопросы безопасности: власть шаха разваливается. Сильная коалиция, сложившаяся из светской и клерикальной оппозиций шаху, наряду с невиданной коррупцией власти и непониманием монархом событий, происходящих в реальном мире, вели к скорому падению династии Пехлеви.

Однако к предупреждениям Лубрани и Мерхава не прислушались. В Министерстве иностранных дел, «Моссаде» – и в ЦРУ тоже – чиновники были убеждены, что Мерхав и Лубрани ошибаются, что власть шаха прочна и что Иран навсегда останется союзником Соединенных Штатов и Израиля^[970].

Это была грубая ошибка. Из своего последнего убежища в Париже Хомейни отдал приказ на массовые протесты, в которых участвовали сначала тысячи, потом десятки, а затем и сотни тысяч человек в городах по всему Ирану.

16 января шах, больной и обессиленный, решил, что без американской поддержки ему лучше собраться и уехать. Он взял с собой коробочку с несколькими горстями иранской земли и вместе со своей женой и немногими помощниками улетел в Египет.

На следующий день гражданский премьер-министр, которого шах назначил управлять страной, Шапур Бахтияр, обратился к новому резиденту «Моссада» в Тегеране Элиэзеру Цафриру с прямой просьбой: не мог бы «Моссад» убить Хомейни в парижском пригороде, в котором он сейчас живет?^[971] Директор разведки, Ицхак Хофи, созвал совещание высшего руководства «Моссада» в его штаб-квартире на бульваре царя Саула в Тель-Авиве.

Выгоды для Израиля были очевидными: САВАК будет глубоко обязан Израилю за эту услугу. Более того, вполне возможно, что атака на Хомейни могла бы поменять ход истории и не дать аятолле, который ясно выражал свое отношение к Израилю и евреям, захватить власть в Иране. Участники совещания обсуждали несколько моментов: был ли план оперативно выполнимым? Действительно ли аятолла представляет такую большую угрозу? Если да, то готов ли Израиль

взять на себя риски, связанные с ликвидацией этого духовного лидера, и сделать это на французской земле?

Представитель начальника «Кесарии» Майка Харари сказал, что с оперативной точки зрения это не слишком сложная операция, но, как и со всеми операциями, которые должны быть осуществлены в столь сжатые сроки, все может пойти не по плану.

Один из начальников отделов, работавший в Иране, сказал: «Позвольте Хомейни вернуться в Иран. Там он долго не протянет. Армия и САВАК разберутся с ним и протестующими на улицах городов. Он представляет собой прошлое Ирана, а не его будущее».

Директор «Моссада» Хофи ясно обозначил свою позицию: «отказать в предложении по принципиальным соображениям», потому что был противником убийства политических лидеров.

Иосси Альфер, старший аналитик, занимавшийся Ираном, сказал на совещании: «У нас нет достаточной информации о взглядах Хомейни или имеющихся у него возможностях их реализовать, поэтому я не могу точно оценить, будет ли оправдан риск»^[972]. Хофи согласился с точкой зрения Альфера и приказал Цафриру дать Бахтияру отрицательный ответ.

Этот эпизод является еще одной иллюстрацией того, как государство Израиль – часто даже будучи готовым использовать «целевые» убийства как инструмент – проявляет большие колебания, когда речь заходит об убийстве политических лидеров, даже если никто не назначал их на этот пост официально^[973].

Оглядываясь назад, Альфер скажет, что «уже через два месяца после того совещания я понял, что собой представляет Хомейни», и очень сожалел о принятом в отношении аятоллы решении. Если бы «Моссад» ликвидировал Хомейни, то, как считал Альфер, ход истории изменился бы в лучшую сторону.

1 февраля Хомейни приземлился в международном аэропорту «Мехрабад» в Тегеране, приветствуемый такими радостными толпами, которых Иран еще никогда не видел. Только силой своего голоса он разрушил шахскую монархию. Мечта стала явью^[974]. Практически без применения силы Хомейни и его сторонники захватили контроль над Ираном, огромной страной с богатыми минеральными ресурсами, с шестой в мире армией и самым большим военным арсеналом в Азии.

«Ислам умирал или был мертв в течение 1400 лет, – сказал Хомейни в своей первой речи в качестве верховного лидера. – Мы возродились благодаря крови нашей молодежи... очень скоро мы освободим Иерусалим и будем молиться там». Что касается правительства Шапура Бахтияра, которого шах назначил премьер-министром перед самым отъездом, то Хомейни отринул его одним острым заявлением: «Я переломлю им зубы».

США, «Большой Сатана», как Хомейни громогласно называл эту страну, и Израиль, «Малый Сатана», восприняли возвышение аятоллы всего лишь как проходной эпизод. В конце концов, американские и британские спецслужбы один раз уже восстанавливали шаха на престоле, после того как в 1953 году его сбросили оттуда леворадикалы. Однако приход Хомейни к власти явился результатом долговременной крепнущей народной поддержки и защиты этого движения верными помощниками аятоллы, которые моментально идентифицировали и расправлялись со всеми попытками контрреволюции^[975].

В ноябре толпа разъяренных студентов – сторонников Хомейни ворвалась в посольство США, оккупировала его и взяла дипломатический корпус и других сотрудников в заложники. Они также захватили большие объемы американских разведывательных материалов. Последовавший кризис и позорный провал попытки освобождения посольства (операция «Коготь орла») унизили Соединенные Штаты и привели к поражению Картера при выборах на второй срок. «Мы ощущали себя беспомощными перед лицом этой новой опасности», – говорил Роберт Гейтс, в то время ответственный сотрудник Департамента стратегических исследований ЦРУ (позднее – директор Центрального разведывательного управления и министр обороны)^[976].

Вашингтону и Иерусалиму стало абсолютно ясно, что сила, которая когда-то являлась их ближайшим союзником, превратилась в их главного врага^[977].

Вскоре стало ясно и то, что вместо того чтобы цепляться за эфемерную власть в одной стране, аятолла Хомейни был полон решимости распространить свою исламскую революцию по всему Ближнему Востоку.

Миссия по распространению революции была поручена одному из ближайших сподвижников Хомейни по годам ссылки, шиитскому духовнику Али Акбару Мохташамипуру^[978]. Он впервые встретился с Хомейни во время обучения в городе Наджафе, священном для шиитов месте в Ираке, где аятолла нашел убежище после того, как был выслан шахом из Ирана. Али Акбар сопровождал Хомейни в годы ссылки и в этом городе, и во Франции. В 1973 году Хомейни направил его вместе с группой своих верных сподвижников на Ближний Восток с заданием установить контакты с исламским освободительным движением в регионе. Именно Мохташамипур создал альянс с ООП, в результате чего люди Хомейни были приняты на тренировочных базах бригады 17.

На этих базах специалисты учили молодых людей диверсиям, сбору разведывательных данных и тактике террора. Для Арафата принятие людей Хомейни на своих базах было одним из способов расширения поддержки палестинскому делу и превращения себя в фигуру международного масштаба. Но для Хомейни и Мохташамипура это было частью перспективной и целенаправленной стратегии: распространить революцию, которую они разжигали в Иране, на Ливан – небольшую страну в сердце Ближнего Востока, значительную часть населения которой составляли бедные шииты, готовые к массовым волнениям^[979]. Хомейни хотел создать там «передовые стратегические позиции, которые приблизят нас к Иерусалиму», подразумевая под этим границу Ливана с Израилем. К 1979 году сотни шиитских боевиков проходили подготовку в качестве повстанческой армии.

Когда Хомейни вернулся в Иран и захватил власть, Мохташамипур занял центральное место в формировании Корпуса стражей исламской революции – той силы, которая обеспечивала власть Хомейни в стране.

До Иранской революции идеал исламского государства^[980] представлял собой абстрактную мечту, далекую от реальности. Однако теперь властителями в стране стали люди, прошедшие свою жизнь в экстремистских медресе Ирана или тренировочных лагерях в Ливане. Через три года после падения шахского режима, когда революция прочно утвердилась в Тегеране, Хомейни назначил Мохташамипура послом в Сирии^[981]. Пост подразумевал исполнение занимавшим его человеком двух ролей.

Внешне он представлялся эмиссаром Министерства иностранных дел своей страны, как и многие другие послы. Втайне же от публики являлся одним из руководителей Корпуса стражей исламской революции, получая прямые приказы от Хомейни и командуя большими массами людей и миллионами долларов в месяц. Эта секретная роль была намного важнее.

В то время значительная часть Ливана контролировалась сирийскими военными. Для эффективной деятельности революционных сил Хомейни нужны были соответствующие договоренности с президентом Сирии Хафезом аль-Асадом. Это и было работой Мохташамипура: наладить такой политико-дипломатический контакт с Сирией, который позволит выйти на военный союз с ней.

Несмотря на наличие у обеих стран общего врага – Израиля, Асад поначалу настороженно относился к ухищрениям Мохташамипура. Иранский посол был полон неудержимого революционного энтузиазма. Асад, светский правитель, опасался, что исламский фанатизм, который разжигал иранец, в конце концов выйдет из-под контроля и обернется против режима. Как казалось тогда, будущие осложнения перевесят сиюминутные выгоды от политики, предлагаемой иранцами.

Однако после того, как Израиль вторгся в Ливан в июне 1982 года, Асад изменил свое мнение.

Война была катастрофой не только для Израиля, но и для Асада. В столкновении с Израилем сирийские войска получили тяжелые удары. Наибольший ущерб понесли сирийские ВВС, источник гордости для Асада, который командовал ими в прошлом и продолжал пестовать. За 46 часов было уничтожено 82 сирийских военных самолета, притом что Израиль потерял только одну боевую машину.

Из израильского вторжения Асад сделал вывод, что сирийская армия не сможет противостоять израильской на поле боя и должна попытаться нанести Израилю урон непрямыми методами^[982]. Здесь Израиль сыграл на руку Сирии, оставив свои войска в Ливане. При этом израильтяне исходили из необходимости обеспечения покоя своим поселениям на севере, однако таким образом они просто создали себе еще один фронт, открытый и уязвимый для партизанских действий.

«Старший Асад (то есть Хафез, отец Башара, который сменит его) был, к моему большому сожалению, умным человеком, – говорит Меир Даган, командовавший в то время израильскими силами в Ливане. – Он создал аппарат выжимания крови из Израиля, не затратив на это ни копейки»^[983].

Этим аппаратом была поддерживаемая Ираном шиитская милиция, которую Мохташамипур так страстно желал создать. В июле 1982 года Иран и Сирия подписали военное соглашение^[984], по которому Корпусу стражей исламской революции под командованием Мохташамипура разрешалось действовать в Ливане. С внешней стороны они предоставляли гражданскую помощь шиитскому населению, строя социальные и религиозные объекты, например школы и мечети. Раздавали гуманитарную помощь бедным и нуждающимся, в том числе людям с наркотической и алкогольной зависимостью, и обеспечивали сравнительно качественную медицинскую помощь. Иран предоставлял ливанским шиитам все, что ливанское правительство, в котором доминировали представители суннитского и христианского большинства, шиитам никогда не давало.

Втайне же Корпус стражей исламской революции начал готовить и вооружать боевиков, которые заполнили вакуум, оставшийся после ухода ООП, и которые за два десятка лет превратятся в доминирующую на Ближнем Востоке политическую и военную силу. Ощущая историческое значение зарождающегося движения, Мохташамипур дал ему величественное имя.

Он назвал его «Хезболла» – Партия Бога.

Ахмад Джаафар Кассир был 16-летним мальчиком из бедной шиитской семьи, проживавшей в ливанской деревушке Вейр-Канун-аль-Нахр. Его родители рассказывали, что «он рос внимательным и понятливым ребенком, а впоследствии стал самостоятельным и независимо мыслящим юношей». Уже в четыре года он бегал за отцом на семейный огород, чтобы собрать немного овощей и вернуться домой раньше отца. Вскоре местная мечеть стала его вторым домом, поскольку Ахмад часто ходил туда молиться и читать Коран.

Он был одним из шиитов, охваченных лихорадкой «Хезболлы», и осенью 1982 года его приняли в секретное военное формирование под названием «Исламский джихад»^[985]^[986]. Ахмад тайно принимал участие в военных операциях против израильской армии. Он также

использовал свои навыки для того, чтобы перемещать оружие туда, где, как считали в организации, оно было нужнее всего для борьбы.

Утром 11 ноября, около 7 часов, он отправился на белом «пежо», начиненном взрывчаткой, к семиэтажному зданию, служившему штаб-квартирой региональной военной и гражданской администрации АОИ в южном ливанском городе Тире. Подъехав к зданию поближе, Кассир резко нажал на акселератор и направил машину в цокольный этаж.

Затем подорвал себя.

Взрывом было разрушено здание и убито 76 израильских солдат, пограничников и оперативников Шин Бет, а также 27 ливанских рабочих, гражданских лиц, пришедших в администрацию по различным делам, и заключенных. Это была первая террористическая атака смертника за пределами Ирана, и в ней погибло больше израильтян, чем в любой другой подобной атаке до или после нападения в Тире.

В течение многих лет «Хезболла» хранила данные об участниках этого инцидента в тайне. Только позже шиитская милиция построила памятник Кассиру в его деревне, опубликовала благодарственное письмо, которое Хомейни написал его семье, и объявила день его смерти Днем мучеников.

Эта секретность была на руку израильскому военному истеблишменту, который сразу попытался скрыть собственные огромные просчеты, позволившие случиться атаке смертника^[987]. Руководителем Северного управления Шин Бет в то время был Иосси Гиноссар, чье подразделение несло ответственность за сбор информации и предотвращение актов террора, подобных самоподрыву смертника Кассира. Гиноссар, совместно с некоторыми из своих подчиненных и старших офицеров Армии обороны, запутал расследование трагедии, направив его по ложному пути, из-за чего следователи пришли к заключению, что взрыв произошел «в результате технической ошибки с газовыми баллонами на кухне», а не представлял собой дерзкую акцию новой военизированной шиитской организации.

Хотя Гиноссар в данном случае просто скрывал свои упущения, фактом остается то, что на более высоком уровне израильская разведка действительно оставалась в неведении о новой вооруженной силе, которая вырастала на дымящихся развалинах Ливана^[988]. Первые

террористические атаки, осуществленные «Хезболлой», – обстрел из стрелкового оружия и подрыв фугасов на дорогах, по которым двигалась израильская техника, – были проигнорированы в АМАН и Шин Бет как «всего лишь слабые укусы против Армии обороны Израиля».

«Мы начали понимать всю серьезность ситуации только спустя некоторое время, – говорил Кути Мор, ответственный сотрудник АМАН, а позднее – военный помощник министра обороны Рабина. – Мы упустили этот процесс. Вместо того чтобы искать подходы к шиитам, мы сделали ставку на альянс с христианами и настроили против себя большинство населения Ливана»^[989]. Что еще хуже, тогда в Израиле никто не признавал связь между иранцами и ливанскими шиитами и факта, что баланс сил склонялся в сторону революционеров Хомейни, вступивших в союз с Асадом. «В течение длительного времени, – говорил Давид Баркай из подразделения 504, – мы не осознавали, какая огромная активность исходит из офиса Мохташамипура в Дамаске»^[990].

Точно так же гигантский разведывательный аппарат Израиля ничего не знал о «теневой» армии, формирующейся вокруг страны и состоящей как из новобранцев, так и из опытных бойцов типа Имада Мугние. Родившийся в 1962 году в семье религиозных шиитов, Мугние провел детство и юность в бедных перенаселенных кварталах Южного Бейрута. «Его отец был рабочим на кондитерской фабрике в Бейруте, – вспоминал израильский шпион Амин аль-Хаджи («Румменинге»), который сам был шиитом. – Мы знали друг друга с детства. Он был очень хулиганистым. Позднее я узнал, что он бросил школу и попал в тренировочный лагерь бригады 17. Связи между нами оборвались»^[991].

В середине 1978 года Мугние стал членом бригады 17, личной охраны Ясира Арафата и элитного подразделения ФАТХ. Али Саламе держал Мугние под своим патронажем вплоть до гибели от рук «Моссада» в 1979 году. Мугние хотел быть чем-то большим, нежели просто членом местной банды в Южном Бейруте, и жаждал действия^[992]. Саламе и его последователи видели в Мугние способного и умного человека, харизматичного и не сдерживаемого предрассудками. Хотя они были палестинскими суннитами, а Мугние – ливанским шиитом, их интересы пересекались. В то время

последователи Хомейни – бедные, изгнанные с родины иранцы и их ливанские союзники – были благодарны ООП за гостеприимство и поддержку.

Мугние официально действовал под эгидой бригады 17, но приобрел и самостоятельную репутацию лидера банды, насаждавшей законы ислама и скромное поведение на улицах Бейрута, который тогда воспринимался как бастион европейского либерализма в сердце Ближнего Востока. Примерно в это же время израильская разведка начала получать донесения об «экстремистском, отмороженном психопате», который наказывал проституток и торговцев наркотиками в Бейруте, стреляя им по коленям^[993].

Три года спустя, когда ООП покинула Бейрут, Мугние и его братья, Фуад и Джихад, решили остаться в городе и присоединиться к тому, что считали новой поднимающейся силой, к «Хезболле». Мугние очень быстро стал одним из важнейших полевых командиров новой организации. В течение полугода он возглавлял отряд, который охранял шейха Мохаммада Хусейна Фадлалла, высшего шиитского правителя в Ливане и «духовного компаса “Хезболлы”»^[994]. Он также представлял шейха на совещаниях в офисе Мохташамипура в Дамаске, на которых руководящие иранские чиновники и сотрудники сирийских спецслужб разрабатывали свою стратегию в отношении Ливана. Юг страны был оккупирован Израилем, а на значительной части остальной территории находились многонациональные силы – американцы, французы и итальянцы, которые были развернуты там в попытке положить конец ужасной гражданской войне, раздиравшей страну.

И сирийцы, и иранцы хотели, чтобы оккупанты ушли с территории Ливана, но ни одна из этих сил не могла себе позволить – или выиграть – прямую военную конфронтацию^[995]. На своих совещаниях они договорились о проведении скрытой кампании диверсий и террора.

Мугние был назначен главным по ее организации. Вместе с Мохташамипуром они создали «Исламский джихад», который привлек в свои ряды Кассира, того самого юношу-смертника, который подорвал себя возле штаб-квартиры АОИ в Тире. Это был сокрушительный первый удар, и он стал только началом. Шейх Фадлалла намекнул, что ожидается следом, в одной из статей, опубликованной в религиозном сборнике в феврале 1983 года^[996].

Некоторые из молодых солдат, которым отдавал приказы Хомейни, были еще практически детьми. Их психологически настроили на неминуемую смерть, ожидающую их при проходе через минные поля, устроенные агрессорами-иракцами^[997]. «Хезболла» начала осуществление операций подрывов смертников в Ливане.

18 апреля 1983 года один из людей Мугние врезался в центральный вход посольства США в Бейруте на микроавтобусе, начиненном почти тонной взрывчатки^[998]. Весь фасад здания был разрушен, убито 63 человека, включая почти всех сотрудников резидентуры ЦРУ в Ливане, в том числе и главного эксперта управления по Ближнему Востоку Роберта Эймса.

Затем 23 октября смертники въехали на грузовиках со взрывчаткой на объекты многонациональных сил в Бейруте и подорвали их^[999]. В казарме, где размещались американские морские пехотинцы, погиб 241 миротворец, а на французской базе воздушно-десантных войск было 58 погибших^[1000]. Мугние в этот момент находился наверху высотного здания поблизости от места атаки и наблюдал за происходящим в телескопическую зрительную трубу. Куски бетона и человеческих тел долетели до штаб-квартиры Шин Бет в Бейруте, которая находилась на расстоянии около полутора километров от пылающих американских казарм^[1001].

4 ноября 1983 года Накад Сарбух, израильский пограничник, охранявший военную базу в Тире, увидел подозрительный пикап, несшийся по направлению к базе. Он открыл по пикапу огонь, выпустив 130 пуль, но не смог остановить его. Водитель-смертник врезался в здание базы и взорвался вместе с пикапом, в котором находилось не менее 500 килограммов взрывчатки. Здание, где размещался оперативный центр Шин Бет, было разрушено, поврежденными оказались окружающие строения и палатки. Было убито 60 человек и 29 ранено.

Если первую террористическую атаку в Тире, осуществленную год тому назад, смогли представить в Израиле как «техническое происшествие», второй такой акт в том же Тире выдать за «происшествие» было уже невозможно. В результате атак смертников, которые были спланированы и организованы Мугние, Мохташамипур почти добился всего, чего хотел: многонациональные силы были расформированы, а Израиль поэтапно ушел с большей части

территории Ливана, пока его силы не оказались замкнутыми в неглубокой «зоне безопасности» на юге страны.

После второго террористического акта в Тире в израильском разведывательном сообществе начали понимать, что столкнулись с новым врагом, который представлял для страны существенную угрозу^[1002]. Руководители «Моссада», Шин Бет и различных подразделений АОИ стали продумывать возможность еще раз задействовать «целевые» убийства, теперь против нового противника.

Для «Моссада» было понятно, что главным приоритетом является Имад Мугние. Однако информации об этом объекте было очень мало – только выцветшая фотография, и не было никаких идей о том, где его найти. При этом в «Моссаде» понимали, что координация между Ираном и «Хезболлой» осуществляется в посольстве Мохташамипура в Дамаске, а не в Бейруте.

В конце 1983 года директор «Моссада» Наум Адмони представил премьер-министру Ицхаку Шамиру на подпись «красный» лист. Приложенное досье содержало скорбный перечень атак боевиков-смертников и других террористических акций, включая нападение на американское посольство и казармы американских морских пехотинцев в Бейруте.

В «красном» листе значилось имя Али Акбара Мохташамипура, иранского эмиссара в Сирии, официально – дипломата. Такие предложения поступали Шамиру нечасто, поэтому он подписал приказ после долгих колебаний и обсуждений. Как правило, Израиль воздерживался от акций, направленных против высокопоставленных чиновников суверенных государств, независимо от того, как бы ни были эти государства враждебны по отношению к Тель-Авиву. Но для того чтобы остановить «Хезболлу», нужно было что-то делать. Кто-то – и кто-то очень важный – должен был умереть.

Шамир подписал «красный» приказ.

Первая проблема состояла в том, чтобы добраться до Мохташамипура. Он постоянно находился либо в Тегеране, либо в Дамаске – столицах враждебных государств, где подразделение «Кидон» операции не проводило и где «Кесария» тоже не должна была осуществлять «целевые» ликвидации, разве что за исключением совершенно особых случаев. Обе столицы считались чрезвычайно сложными в оперативном отношении точками, наполненными

подозрительной полицией и сотрудниками спецслужб. К тому же посла всегда сопровождали вооруженный телохранитель и водитель. Все предложения, в которых присутствовала необходимость подобраться вплотную к Мохташамипуру или проникнуть в посещаемые им места – использовать стрелковое оружие, бомбы или яды, отвергались из-за опасений, что оперативники-исполнители могли быть схвачены.

Оставался один вариант – начиненная взрывчаткой посылка, направленная по почте. Но когда было внесено это предложение, против него сразу возникли возражения. У израильской разведки имелся обширный опыт использования такого метода ликвидации. Дважды он сработал – убийство начальника египетской разведки в Газе и его коллеги военного атташе Египта в Аммане в 1956 году. Однако во всех других случаях – с немецкими учеными в Египте, нацистским военным преступником в Дамаске и функционерами ООП по всему миру – почтовые отправления либо вовремя обнаруживались, либо взрывались в чужих руках, либо наносили жертвам увечья, но не убивали их.

«Я говорил им, что это было глупой и даже немного инфантильной затеей, – рассказывал один из ветеранов “Кесарии”. – Убеждал, что они выбрали оперативный метод, который не гарантировал нейтрализации объекта»^[1003]. Однако оппозиции заткнули рот. Взрыв почтового отправления был единственным вариантом, который не подвергал агента ненужному риску.

14 февраля 1984 года в иранское посольство в Дамаске была доставлена большая посылка, якобы отправленная хорошо известным издательским домом в Лондоне, принадлежавшим иранцам. Дежурный посольства обратил внимание на то, что на ней имелась надпись «ЛИЧНО. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ПОСЛУ», и отправил ее в офис Мохташамипура, расположенный на втором этаже. Секретарь посла развернула посылку и увидела картонную коробку с великолепным изданием на английском о священных для шиитов местах Ирана и Ирака. Она мельком осмотрела переплет и отнесла книгу в кабинет посла.

Мохташамипур раскрыл издание, и тут раздался взрыв^[1004]. Послу оторвало ухо, одну руку и почти все пальцы на другой руке. Поражающие элементы выбили ему один глаз. «Если бы я раскрыл

книгу вот так, – рассказывал Мохташамипур позже в интервью иранскому телевидению, подняв израненную руку на уровень шеи и лица, – моя голова слетела бы с плеч. Но я положил книгу на стол и раскрыл ее вот так (здесь он держал лицо и тело на расстоянии от фолианта), и взрыв проделал дыру в стене, там оказалась моя рука. Если бы я держал книгу у головы, она была бы оторвана от шеи. Все мое тело иссечено шрапнелью, которой была начинена бомба».

Еще одно «почтовое» взрывное устройство сработало неудачно. «Целью операции с “негативным результатом” является ликвидация объекта, – сказал один ветеран “Кесарии”, который возражал против этой операции. – Такого понятия, как “наполовину мертвый”, не существует. Если цель осталась в живых, значит, мы потерпели неудачу».

Более того, Мохташамипур становился теперь в определенных кругах символом приверженности делу революции. «Я сожалею о злодеянии, которое совершил с вами мировой империализм, – писал ему его друг аятолла Хомейни. – Надеюсь, что ваше здоровье вскоре вернется к вам»^[1005].

Что еще прискорбнее, превращение посла в инвалида не оказало никакого эффекта на операции «Хезболлы», а его ликвидация вряд ли принесла бы больший результат. Покушение на Мохташамипура состоялось слишком поздно: оборванная армия нищих шиитов, которую он начал собирать десятилетие назад, за это время выросла в огромную организацию. «Хезболла» не являлась больше сборищем боевиков, подчиняющихся одному человеку, – теперь это было оформленное движение^[1006], которое развилось, приняв в свои ряды тысячи молодых шиитов, а также наиболее влиятельных исламских духовных лиц в стране.

Сейчас Израилю противостоял мощный противник, который был иранским законным народным социальным движением.

Духовные руководители «Хезболлы», большинство из которых жили и действовали в деревнях в южных районах Ливана, знали, как соединять религиозный фанатизм мессианского толка с новым ливанским патриотизмом, основанным на консолидации шиитов и ненависти к тем, кого представляли как сионистских оккупантов.

Самым видным из этих религиозных лидеров в период формирования движения был шейх Рагеб Харб, имам Джебчиты,

города в Южном Ливане. Обладающий блестящим умом и горящим взором, он получил религиозное образование в священном городе Наджаф в Ираке, где Хомейни провел значительную часть своей ссылки. После возвращения в Ливан Харб стал отвечать за пропагандистскую и религиозную работу на юге страны.

Харб был религиозным деятелем, а не воином, однако известия о нем стали поступать к Меиру Дагану, который настаивал на том, что «Харб является важной клерикальной фигурой на юге Ливана и постоянно призывает к атакам на Израиль и израильтян».

Даган потребовал санкции на ликвидацию Харба. Хотя последний сам никогда не участвовал в террористических акциях против Израиля, он постоянно подстрекал к ним. В те годы Израиль, измученный борьбой с «Хезболлой» и чувствовавший себя обессиленным, приветствовал любую инициативу. Даган направил для выполнения операции двух ливанских агентов^[1007], которых он задействовал прежде в акциях «Фронта освобождения Ливана от иностранцев», созданной им же подставной организации. Поздно вечером в пятницу 16 февраля, через два дня после покушения на Мохташамипура в иранском посольстве, Харб возвращался домой в Джебчит. Ливанские агенты поджидали его на повороте дороги, и когда Харб притормозил на нем, обстреляли его машину длинными очередями из автоматов, добиваясь гарантированного уничтожения молодого лидера.

Харба немедленно провозгласили мучеником. В школах мусульманского богословия в священном городе Кум в его память читались молитвы. Великий аятолла Хоссейн Али Монтазери, одно из высших духовных лиц Ирана, послал телеграмму с соболезнованиями своим шиитским единоверцам в Ливане, превознося заслуги Харба^[1008]. В честь ста дней с его смерти в Иране была выпущена памятная почтовая марка. Его портрет висел выше всех портретов мучеников, количество которых с годами возрастало. Заявление Харба, отрицающее всякую возможность каких-либо контактов с израильтянами, стало впоследствии основным лозунгом «Хезболлы».

Между тем Даган подбирался и к другой цели – Мохаммаду Сааду, одному из ближайших соратников Харба и еще одной видной шиитской фигуре на юге Ливана. Саад часто принимал участие в террористических акциях против Израиля и накопил значительное количество оружия и взрывчатки в *hussainia*, месте для собраний,

отделенном от мечети, которой Саад руководил в деревне Марака. 4 марта 1985 года агенты Дагана взорвали тайник с оружием Саада. Сам Саад и один из его людей, а также еще 13 человек были убиты в момент взрыва.

Покушение на Мохташамипура и убийства Харба и Саада являются иллюстрацией оперативных трудностей, которые испытывал «Моссад» в борьбе с «Хезболлой». Обычно «Моссад» стремился обеспечить «целевым» убийствам «голубой и белый цвета» (цвета израильского флага), то есть осуществлять их силами израильских оперативных работников. Однако в уничтожении Харба и Саада были задействованы местные агенты, а в попытке ликвидировать Мохташамипура мозадаовцы были вынуждены прибегнуть к «почтовой» бомбе (такой способ в течение долгого времени считался неэффективным и мог нанести вред невинным людям). Что же касается главной цели «Моссада» – Имада Мугние, о нем по-прежнему не было почти никакой информации.

Попытка ликвидировать «духовный компас» организации, предпринятая три дня спустя, также не принесла успеха. 8 марта 1985 года возле дома шейха Фадлалла в Бейруте взорвалась начиненная взрывчаткой машина.

Фадлалла остался невредим, но на месте взрыва погибло 80 человек и 200 было ранено^[1009]. Большинство из них являлись прихожанами мечети, в которой обычно молился Фадлалла. Были убиты и несколько телохранителей шейха, включая брата Имада Мугние – Джихада.

Тем не менее Израиль продолжал попытки решить ливанские проблемы с помощью «целевых» убийств^[1010]. В 1986 году израильская разведка узнала, что Ахмед Джибрил, командующий палестинской террористической организацией Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование (НФОП – ГК)^[1011], работал с «Хезболлой» и помогал ей. В связи с этой информацией, помноженной на давнее желание Израиля ликвидировать Джибрила, Шамир подписал в отношении него «красный» лист. Сбор дополнительной информации занял много времени. В конце концов было установлено, что Джибрил часто посещает штаб-квартиру своей организации в пещерах Наамеха, на средиземноморском побережье Ливана к северу от границы с Израилем. Ночью 8 декабря 1988 года Армия обороны Израиля развернула масштабную операцию, целью

которой были ликвидация Джибрила и уничтожение сети пещер Народного фронта.

Операция «Синее и коричневое» (Kachol Ve'hum) окончилась позорным провалом. Разведданные о месте операции оказались до опасного неполными. Солдаты Армии обороны натыкались на совершенно неожиданные естественные препятствия, а с наблюдательного пункта противника, о существовании которого они не знали, их заметили, лишив тем самым фактора внезапности.

Один из командиров группы ликвидации, подполковник, был убит. Четверо солдат сбились с пути, и позднее потребовалось проведение сложной воздушно-десантной операции по их спасению. В дополнение ко всему натренированная собака, которая несла на себе взрывчатку и должна была забежать в пещеру к боевикам, где прикрепленное на ее спине взрывное устройство должно было быть подорвано дистанционно, испугалась стрельбы и убежала. Позднее «Хезболла» обнаружила собаку, в результате чего была раскрыта секретная кинологическая программа Армии обороны Израиля «Окец» (Жало). Но главным разочарованием было то, что Ахмеда Джибрила даже не было в этом месте той ночью^[1012].

К концу 1980-х годов разведка у «Хезболлы» была значительно лучше, что имеет критическое значение в партизанской войне. Одной из причин отсутствия у Израиля необходимых разведвозможностей было то, что «Хезболла» дала угнетенным и оккупированным шиитам чувство общности и цели. Каждая атака на шиитов подталкивала их ближе к организации, усиливая в их глазах различие между «хорошими и плохими парнями». Это, в свою очередь, чрезвычайно осложнило для Израиля вербовку агентуры^[1013]. Шииты, которые раньше соглашались работать за деньги, стали очень немногочисленными и далекими от израильтян. Никто не хотел предавать «Хезболлу».

Имад Мугние использовал это преимущество в разведке с разрушительными для израильтян последствиями. При поддержке Корпуса стражей исламской революции и Министерства безопасности Мугние совершенствовал военную тактику «Хезболлы». Подрывники-смертники, минирование дорог и тщательно организованные засады наносили значительный ущерб большой и неуклюжей Армии обороны Израиля. Счета за почти полное отсутствие информации о шиитских

военизированных формированиях оплачивались кровью израильских солдат. Между 1984 и 1991 годами было проведено 3425 операций против Армии обороны Израиля и Армии Южного Ливана – произраильских военизированных формирований, созданных Израилем^[1014]. Большинство этих атак были осуществлены шиитскими организациями. В этих нападениях 98 израильских солдат и 134 ливанских союзника были убиты и 447 израильтян и 341 ливанец ранены. Позже было обнаружено, что убиты еще два израильских солдата, ранее считавшиеся пропавшими без вести.

Удрученные такими слабыми позициями, сотрудники израильских спецслужб начали искать то, что они называли «игрой на тай-брейке», то есть возможность проведения символической акции, которая потрясла бы «Хезболлу» до основания и вернула бы Израилю военное преимущество.

Эпоха дронов

Имамы в городе Джебчит начали созывать людей в *hussainia* в 10 часов утра. *Hussainia* представляет собой место собраний шиитов, названное так по имени имама Хусейна, сына Али, внука пророка Мухаммада и основателя шиитской ветви ислама. Шииты верят, что Али был истинным наследником Мухаммада и что его наследие было грубо узурпировано суннитами. Шииты со временем превратились в секту, которую жестоко угнетали и дискриминировали. В помещении *hussainia* они отправляли духовные обряды в обстановке полной секретности из страха перед суннитами.

В тот день в Джебчите уже не нужно было ничего утаивать. Иран стал первой в мире страной, управляемой шиитским духовенством. В Ливане экстремистская шиитская «Хезболла» превратилась в доминирующую политическую и военную силу. *Hussainia* в Джебчите, прилепившаяся к величественному зданию мечети на главной улице, была отремонтирована и расширена, а ее стены украшены сверкающим мрамором.

В течение семи лет 16 февраля каждого года, в очередную годовщину гибели шейха Рагеба Харба, первого духовного лидера «Хезболлы» в Южном Ливане, из громкоговорителей на минаретах мечети неслись громкие призывы к верующим. Убив шейха в 1984 году, Израиль непреднамеренно создал ему ореол мученика, и лидеры и командиры «Хезболлы» ежегодно осуществляли паломничество к его мемориалу перед проведением политической манифестации.

К 10:30 главная улица была заполнена мужчинами и женщинами, которые отложили свои дела, закрыли дома, магазины и офисы и направились в *hussainia*.

Они медленно шли за двумя большими джипами, серым и черным, которые с полной очевидностью являли собой эскорт сил безопасности «Хезболлы».

На высоте примерно 3000 метров над улицами города камера, укрепленная на носу маленького бесшумного самолетика, охватывала всю панораму процессии. Пилота в летательном аппарате не было, им

управлял по радио оператор из трейлера, расположенного поблизости от северной границы Израиля. Изображение с камеры, хорошего качества и в режиме реального времени, передавалось по радиолучу в небольшую ситуационную комнату АМАН, выходящую окнами в розовый сад рядом с Министерством обороны в Тель-Авиве. Для 1992 года это была жемчужина разведывательных технологий – дрон, который позволял израильтянам видеть объект наблюдения, не подвергая никакому риску персонал армии или спецслужб.

Видеокамера дрона прошла по всей длине процессии. В ее конце хорошо различались четыре машины – два «ренджровера» и два седана «мерседес». Сотрудники спецслужб в Тель-Авиве наблюдали за тем, как машины незаметно отстали от толпы, объехали *hussainia* и остановились на парковке за зданием.

«Вот он», – сказал один аналитик, просматривая видеозапись ^[1015]. В 300 километрах от места действия оперативники разведки ясно видели свою цель. «Неожиданно, – как было написано в одном из внутренних документов разведки о том утре, – в нас пробудился охотничий азарт».

С самого начала войны Судного дня, которая захватила израильтян врасплох, генерал-майора Биньямина «Бенни» Пеледа, командующего израильскими ВВС, преследовали неудачи. В начале войны в 1973 году военно-воздушные силы получили почти половину всех ассигнований на оборону и все же вчистую проиграли в первых атаках египтянам и сирийцам. Пелед был уверен, что одной из главных причин неудач было то, что важная развединформация доходила до него слишком поздно. Если бы он знал в режиме реального времени о той подготовке к войне, которую развернула египетская армия, его ВВС смогли бы лучше ответить на удары врага.

Анализируя ход войны, Пелед решил создать сеть систем сбора и передачи разведывательной информации потребителям в режиме реального времени. Она должна была быть создана для ВВС и действовать независимо от «зеленых» (так «синие» из ВВС несколько снисходительно называли сухопутные войска АОИ за их часто неряшливую униформу оливкового цвета). Для этих целей со всей очевидностью должны были бы использоваться самолеты, но дело осложнялось большим ущербом, понесенным Израилем в войне Судного дня: израильские ВВС потеряли почти четверть своих боевых самолетов, еще больше были повреждены или непригодны к

использованию^[1016]. Более того, многие израильские пилоты, которые до тех пор имели ореол непобедимости, были сбиты и захвачены в плен или погибли.

А что, если организовать дело так, чтобы самолеты не нуждались бы в пилотах? Или в стоящих многие миллионы долларов системах вооружений? Пелед задумался о том, не может ли Армия обороны Израиля разработать небольшой дистанционно управляемый самолет, оборудованный только фотокамерами и средствами связи^[1017].

Десятилетием ранее, когда Пелед возглавлял Департамент вооружений ВВС, он был первым, кто предложил использовать дроны в ВВС, хотя по тем временам это и казалось фантастической идеей. Тогда Пеледа беспокоила возможность получения арабами советских ракет класса «земля – воздух», и в этой связи «он хотел наполнить воздушное пространство моделями, которые были бы очень дешевы, но создавали на мониторах радаров такие же изображения, как и боевые самолеты». Эти беспилотные летательные аппараты (UAV), улучшенный вариант американского изобретения, запускались при помощи ракеты, а для возвращения на землю выпускали парашюты, которые «ловили» вертолеты с длинными штангами, прикрепленными к корпусу. Позже дроны были оборудованы фотокамерами.

Однако после окончания войны 1973 года Пелед пришел к заключению, что этого будет недостаточно. Системы запуска и возврата беспилотников были дорогими, неуклюжими и очень опасными. Процесс обработки фотографических изображений занимал много времени. Между самым фотографированием, проявкой, обработкой пленки и окончательным попаданием фотографий на стол аналитику проходили часы^[1018].

В результате поражения в войне 1973 года был разработан новый тип дрона^[1019]. Такой дрон управлялся с мобильного контрольного пункта и был оборудован камерами, передававшими видеосигнал в режиме реального времени. К 1982 году дроны стали основным элементом поставки развединформации в режиме реального времени для руководства ВВС, находившегося на своем командном пункте в бункере глубоко под районом Канари в Тель-Авиве. Они сыграли также ключевую роль в уничтожении сирийских ракетных зенитных батарей, размещенных в Ливане.

Дроны, которые атаковали батареи сирийской ПВО, были первыми моделями Scout (известные в Израиле как Zahavan), производившимися израильским предприятием ВПК Israel Aerospace Industries. Израильские ВВС, надеявшиеся склонить США к сотрудничеству в разработке дронов, хотели продемонстрировать американцам, как эффективны могут быть миниатюрные беспилотные аппараты. Когда министр обороны США Каспар Уайнбергер посетил Ближний Восток – сначала Бейрут, а потом Тель-Авив, он встретился с руководством Армии обороны Израиля и израильского Министерства обороны. Потом ему показали видеозапись его прибытия в Бейрут и передвижения его эскорта по улицам ливанской столицы, снятую с дрона. Самому Уайнбергеру слежка за его персоной не очень понравилась ^[1020], но свита прониклась большим уважением к увиденным технологиям.

Визит Уайнбергера в Израиль открыл возможность для большой сделки между компанией Israel Aerospace Industries и Пентагоном на продажу Америке 175 штук модернизированных беспилотников Scout, которые в Соединенных Штатах получили название Pioneer. Они использовались в американском ВМФ, морской пехоте и армии вплоть до 2007 года.

На протяжении ряда лет в конструкцию дронов вносились изменения, направленные прежде всего на увеличение объема носимого топлива и совершенствование работы видеокамер. В 1990 году Израиль оснастил свой парк дронов лазерами, благодаря которым они могли испускать луч, указывающий на статическую цель для боевых самолетов.

Модернизация дронов явилась частью более широкой технологической модернизации в Армии обороны Израиля, которая в конце 1980-х годов вкладывала значительные средства в разработку и приобретение более точного оружия, например «умных бомб», которые поражали цели с большой точностью, что повышало эффективность боеприпасов и уменьшало риск сопутствующих потерь. Этот процесс особенно ускорился в 1991 году, когда «фанат» новых технологий Эхуд Барак, который хотел создать «небольшую умную армию», стал начальником Генерального штаба и фактически сформировал современную военную машину Израиля на десятилетия вперед. По его непосредственному указанию ударные вертолеты

Армии обороны Израиля Apache были оборудованы управляемыми по лазерам ракетами Hellfire.

Тогда же состоялось совещание с участием начальников оперативных управлений АОИ и Ариехом Вейсбротом, командиром первого подразделения беспилотников, эскадрильи 200. На совещании была выдвинута революционная идея об объединении всех технологических прорывов в единый пятишаговый процесс для создания нового и особенно эффективного способа осуществления «целевых» убийств.

Сначала дрон должен был выследить передвигающийся объект, будь то человек или транспортное средство. На втором этапе дрон должен был передать изображение цели прямо на оперативный командный пункт, обеспечив связь в режиме реального времени с лицами, принимающими решение, вплоть до момента отдачи команды «огонь». Третье, дрон должен обозначить цель лазерным лучом, который может быть принят специальным приемным устройством на вертолете Apache – это так называемая «передача эстафетной палочки» с уровня сбора разведывательной информации на оперативный уровень. На четвертом этапе собственная лазерная установка вертолета наведет луч на цель, который может «захватить» система наведения ракеты Hellfire. Пятое, пилот вертолета запускает ракету и уничтожает цель.

Главным прорывом здесь было объединение и синхронизация работы двух систем – поисково-разведывательной и оперативной^[1021]. Дроны уже показали свою огромную ценность в сборе информации. Но теперь их роль трансформировалась из сугубо поддерживающей в непосредственно боевую.

В конце 1991 года эскадрилья 200 начала тренировки с пилотами вертолетов Apache из эскадрильи 113 «Оса». В Армии обороны было немало людей, скептически относившихся к нововведению, особенно среди пилотов, которые получили боевую подготовку и применяли в бою совершенно другую тактику. Идея о том, что летающий робот может быть эффективен в боевых действиях, некоторым казалась нелепой.

Однако в декабре 1991 года подразделение начало проведение серии «учебных боев», в которых в качестве целей использовались транспортные объекты на израильских дорогах. Было запущено три или четыре дрона, и для них наугад был выбран один автомобиль, за

которым они должны были следить своими камерами и передавать изображение на мобильный контрольный пункт. Затем автомашина была «освещена» лазерным лучом, и через несколько километров к ее преследованию подключились два вертолета Apache, и вся команда занялась передачей «эстафетной палочки»^[1022], то есть обеспечением «захвата» сенсорами вертолета луча с дрона. В тот момент, когда вертолетчики доложили, что цель находится в их прицеле, «учебная атака» была остановлена.

Однако симулирование ракетного огня с вертолетов на дорогах своей страны – это одно дело. Уничтожение цели на вражеской территории представляло собой совершенно другую задачу.

В ходе одной из обычных бомбовых атак в Южном Ливане в октябре 1986 года бомба, сброшенная с самолета F-4 Phantom, взорвалась слишком рано, и взрывом у машины оторвало крыло. Двое пилотов катапультировались и приземлились на вражеской территории. Пилота подобрал армейский вертолет АОИ Собга, но он погиб на подъемном тросе под огнем боевиков «Хезболлы» с земли. Штурмана Рона Арада не нашли^[1023].

Израильтяне придают большое значение существующему в иудаизме запрету на выкуп пленных, поэтому обычно делают все возможное для того, чтобы самостоятельно вернуть пропавших без вести попавших в плен солдат домой.

В этой связи не удивительно, что начались массированные поиски Арада, самая большая операция по спасению израильского военнослужащего в истории страны^[1024]. Ответственный сотрудник «Моссада», который принимал участие в этой операции под кодовым названием «Тепло человеческого тела» (Ном Нагиф), говорил: «Это была самая большая поисковая операция, проведенная в новейшей истории с целью спасения единственного человека. Не было камня, который бы мы не перевернули, не было источника, который бы мы не задействовали, не было взятки, которую бы мы не заплатили, и не было ни одной крупицы информации, которую бы тщательно не проанализировали»^[1025].

Все было впустую. Арада передавали от одного военизированного подразделения другому, год за годом. В 1989 году – через три года после исчезновения Арада – Израиль похитил двух командиров «Хезболлы» относительно невысокого ранга в попытке установить

местонахождение штурмана^[1026]. Один из них, Абдель Карим Обейд, считался кандидатом на замену шейху Рагебу Харбу, главному духовному лицу Южного Ливана, после того как Харб был убит. Допросы захваченных ничего не дали, а «Хезболла» не проявила заинтересованности в переговорах по поводу их обмена на Арада.

Поиски Арада затруднялись ошибками и верхоглядством, равно как и простым невезением. И все же в целом эта операция израильтян вскрыла их неспособность проникнуть в «Хезболлу» или иранские спецслужбы, которые поддерживали эту организацию.

В более широком смысле причина сложившейся ситуации состояла в том, что военизированная милиция «Хезболлы» начала осуществлять все более сложные партизанские акции, которые координировались ее военным руководителем Имадом Мугние и приводили ко всё большим жертвам со стороны АОИ, нанося тяжелые удары по ее морально-психологическому состоянию. Наконец, летом 1991 года руководство АМАН разработало план по изменению баланса сил в пользу Израиля: израильтяне похитят генерального секретаря «Хезболлы» Хусейна Аббаса аль-Мусави или одного из двух его заместителей и будут держать похищенного в заложниках до тех пор, пока Рон Арад не будет возвращен Израилю. По словам одного из участвовавших в разработке плана израильских офицеров, сопутствующей целью было «осуществление символической акции, которая отзовется эхом и прояснит, кто на самом деле управляет ситуацией»^[1027].

Мусави был одним из шиитов-бедняков, которых иранцы начали организовывать в 1970-х годах. Он прошел боевую подготовку в бригаде 17 ООП, а затем стал правоверным мусульманином и посвятил себя изучению исламской теологии сначала в Ливане, а потом в колледжах мусульманского богословия в Наджафе, которыми управляли ученики Хомейни в соответствии с новыми религиозными канонами. Острый ум Мусави, прекрасная память и верность Хомейни, которая дополняла его фанатизм, скоро сделали его известным религиозным авторитетом в Ираке и Ливане и позволили ему стать одним из основных создателей «Хезболлы». Согласно информации, полученной израильтянами, Мусави участвовал в принятии решений, которые санкционировали развязывание Имадом Мугние кампании атак террористов-смертников против США и Израиля. Мусави был убежден в том, что одной из важных целей «Хезболлы», хотя и не

главной, было изгнание Армии обороны Израиля с территории Ливана методами партизанской войны. Он неоднократно провозглашал в своих речах, что будущее за сопротивлением против израильской оккупации^[1028]. В мае 1991 года он стал генеральным секретарем «Хезболлы», к тому времени достигнув максимального политического и военного влияния в Ливане.

С самого начала было ясно, что операция по похищению Мусави в Бейруте будет чрезвычайно сложной, если вообще не невозможной. Поэтому основные усилия были сосредоточены на добывании информации о будущем визите Мусави в Южный Ливан, поближе к израильской границе, где его будет легче захватить.

Начальник оперативной группы Управления по антитеррору АМАН подполковник Моше Зарка выдвинул идею сконцентрироваться на городе Джебчит, где семью годами ранее, 16 февраля 1984 года, израильские агенты ликвидировали Рагеба Харба. Город расположен в Южном Ливане, поэтому провести там операцию считалось легче, чем в Бейруте, где была штаб-квартира «Хезболлы».

12 февраля 1991 года АМАН получила информацию, которую давно ждали: в соответствии с уже возникшей традицией «Хезболла» проведет большое политическое мероприятие по случаю годовщины гибели шейха Харба^[1029]. На мероприятии будут высшие руководители «Хезболлы», включая генерального секретаря Мусави и командующего Корпусом стражей исламской революции в Ливане.

Первоначальный план заключался просто в сборе информации, изучении обстановки в ходе проведения мероприятия и составлении плана похищения Мусави в следующем году. Это было важно в связи со слабой осведомленностью израильской разведки относительно «Хезболлы» в то время. Например, в ходе одного из важных совещаний по планированию выяснилось, что никто из присутствующих в зале не был знаком с шиитскими традициями поминовения усопших – когда посещают вдову или когда мужчины собираются в помещении *hussainia* (был даже приглашен для пояснений подполковник, который написал докторскую диссертацию по «Хезболле»)^[1030]. Бригадный генерал Дани Ардити, начальник Управления спецопераций АМАН, не скрывал эмоций: с такими скромными сведениями было невозможно рекомендовать немедленное осуществление операции по похищению. Однако полностью

поддерживал проведение такой акции в Джебчите в следующем году^[1031].

Генерал-майор Ури Саги, начальник военной разведки АМАН, был настроен более амбициозно. «Управление спецопераций не хочет браться за эту работу, – сказал он на совещании командного состава АМАН 13 февраля. – Я принимаю предложение о ведении разведработы по “Хезболле” на основе новой модели, но давайте не терять и оперативного мышления. Мы создадим разведывательную модель с “оперативным довеском”. Подготовьте несколько вертолетов к постоянной боеготовности на атаку»^[1032].

В этот момент внутри АМАН возникло существенное недопонимание^[1033]. Главный офицер разведки АМАН бригадный генерал Дорон Тамир, находившийся в иерархии организации в подчинении у Саги, высказался таким образом, что понимает «оперативный довесок» всего лишь как часть разведывательной модели в отношении «Хезболлы». «Вертолеты взлетят и отработают вопросы установки цели, но ни при каких обстоятельствах не будут открывать огонь, – сказал он. – Только учебная атака». Те люди, которые должны были оценивать риски и возможные последствия операции, мыслили таким же образом. Именно поэтому они и не готовили эти оценки.

Однако Саги и его ближайшее окружение, как и начальник Генерального штаба Армии обороны Барак, думали совершенно по-другому. По их мнению, «оперативный довесок» – вертолеты с ракетами Hellfire лазерного наведения – должен оставить открытой возможность уничтожения Мусави.

В изначальный план этот вариант не входил, но теперь, когда возникли определенные возможности, соблазн стал слишком велик: уничтожить заклятого врага, задействуя совершенно новый способ «целевых» убийств с использованием дронов и ракет Hellfire. Это было именно то, чего так хотел Барак, которого только что воспели СМИ в связи с его 50-летием, – продемонстрировать в действии небольшую «умную» и разящую насмерть Армию обороны Израиля.

Таким образом, хотя и непреднамеренно, возникло два параллельных плана, чего никто так и не понял^[1034].

В пятницу 14 февраля Управление по антитеррору АМАН подготовило доклад, из которого становилось ясно, что операция

«Ночное время» была направлена только на сбор информации с целью последующего похищения Мусави. В докладе содержались следующие детали: «Кортеж Мусави обычно состоит из 3–5 автомашин. Из них 2–3 автомашины располагаются в начале и конце кортежа. Мусави обычно ездит в автомобилях «мерседес 280» или «мерседес 500». Их положение в кортеже не является фиксированным. Иногда он находится в первой машине, следующей за первым автомобилем сопровождения, иногда – во второй, иногда – в третьей. Машины охраны обычно «ренджровер»^[1035].

В тот же день разведывательное управление ВВС выпустило приказы, указывающие на совершенно другой план: «Подразделения разведуправления и АМАН будут выполнять разведывательные задачи в зоне уничтожения цели. Позднее, в соответствии с полученной информацией, операция перейдет в атакующую стадию».

Это было опасное противоречие: одно подразделение готовилось к атаке, которую другое подразделение соответствующим образом не распланировало^[1036]. Однако, поскольку операция официально по-прежнему считалась учебной, она не была включена в повестку дня еженедельного обзора, который посещали министр обороны и начальник Генерального штаба. Таким образом, министр обороны Моше Аренс был абсолютно не в курсе даже самого существования операции «Ночное время».

В пятничную ночь, всего через несколько часов после того, как израильские военные ведомства выпустили противоречащие друг другу приказы, отряд боевиков «Исламского джихада» проник в лагерь Армии обороны Израиля. Молодые солдаты, находившиеся на «учебке», спали в своих палатках. Джихадисты убили троих из них кинжалами, топорами и вилами. Сообщая об этой террористической атаке в конце шабата, Хаим Явин, главный обозреватель единственного израильского телеканала, назвал предыдущую ночь «Ночью вил».

Моральный дух в стране вновь упал.

В воскресенье, в день операции, небольшая ситуационная комната в военной разведке АМАН открылась в 7:00^[1037]. В нее набилось много народа: начальник оперативного управления Ардити, представители службы разведанализа, подразделения 8200, управления по борьбе с терроризмом, эскадрильи дронов и разведуправления ВВС.

Агент подразделения 504, который ранее доложил о том, что Мусави собирается посетить политическое мероприятие в Джебчите, направил сообщение, что объект выехал из Бейрута. Другие данные, поступившие в то утро в ситуационную комнату, подтверждали, что «большой кортеж активистов “Хезболлы” также покинул Бейрут и что “VIP-персона” прибыла на юг». Все это не являлось подтверждением того, что Мусави был в Джебчите, но это представлялось очень вероятным.

В 10:00 громкоговорители в Джебчите начали призывать жителей приходить в помещение *hussainia* для участия в поминальном мероприятии. В 10:30 на экране в ситуационной комнате возникли переданные с дрона изображения массовой процессии, направляющейся к месту мероприятия. Вплотную к *hussainia* стояла мечеть, ее высокие минареты были хорошо видны на экране. Процессия медленно двигалась за кортежем автомашин, которые явно принадлежали службе безопасности «Хезболлы». Дрон тщательно рассмотрел процессию. В ее конце неожиданно обнаружились два «мерседеса» и два «ренджровера». «Вот он!» – воскликнул Зарка^[1038].

Около полудня начальник Генерального штаба Барак вернулся в свой офис раздраженным и обозленным. В то утро его вызывали в Иерусалим для дачи свидетельских показаний на заседании кабинета по безопасности относительно «Ночи вил».

«Три террориста опозорили нас», – сердито сказал он. Бараку коротко доложили о прохождении операции «Ночное время», а потом он прошел в ситуационную комнату. Барак внимательно рассматривал изображения, полученные с дрона.

Такое было впервые – военачальник мог наблюдать за лидером враждебной организации в режиме реального времени из своего офиса, имея возможность что-то предпринять.

Саги стоял рядом с Бараксом. Лица у обоих были сумрачные и напряженные. По их поведению было совершенно ясно, что они полностью отбросили в сторону первоначальную идею операции «Ночное время» – сбор развединформации по Мусави. У присутствующих в комнате создалось впечатление, что два военачальника были поглощены одним желанием – убить Мусави. Они ждали только подтверждения того, что тот находится в Джебчите, –

информации, с которой они могут пойти к министру обороны за санкцией на ликвидацию Мусави.

Барак приказал своему помощнику проинформировать секретаря по военным вопросам министра обороны о последних событиях^[1039]. «Подготовьте Моше Аренса, – сказал он, – к возможности того, что ему придется санкционировать операцию». И это был первый раз, когда кто-то побеспокоился о том, чтобы известить министра об операции «Ночное время».

Саги отвел Зарку в сторону. «Каково твое мнение? Должны мы атаковать? – спросил он. – У нас есть замечательная возможность достать его».

«Да, – ответил Зарка. – Но помни, что это обострит нашу войну с “Хезболлой”»^[1040].

Церемония в *hussainia* закончилась вскоре после часа пополудни. Большая толпа покинула помещение и пошла по направлению к кладбищу, на котором был похоронен шейх Харб и которое находилось совсем рядом. В 1:10 начальник службы разведанализа Мор созвал срочное совещание старших офицеров для того, чтобы сформулировать позицию службы.

Они были едины в негативном мнении по поводу убийства Мусави^[1041]. Сотрудники службы считали, что как минимум перед такой операцией должно быть проведено всестороннее обсуждение вопроса. Подполковник настаивал, что Мусави был видной религиозной фигурой, руководителем политической организации, у которой имелась значительная военная сила. В прошлом Израиль воздерживался от ударов по таким личностям. Кроме всего прочего, «Хезболла» не являлась структурой одного человека, и Мусави не был самым экстремистски настроенным человеком в ее руководстве. Его легко заменить, и, возможно, кем-то более радикальным.

В ходе совещания Мору была передана записка. Он прочитал ее, затем обратился к собравшимся: «Это перехват “Радио Ливана”, которое сообщило, что Мусави выступил сегодня на митинге в Джебчите». В зале послышались возгласы. Стало ясно, что Мусави пребывает в Джебчите и с высокой степенью вероятности находится в своем кортеже. Однако все же оставались некоторые сомнения, и Мор обозначил их. Вопрос теперь стоял так: в каком автомобиле находился

Мусави? И были ли в машине вместе с ним высокопоставленные представители ливанского или иранского правительств?

Никто не задавал вопроса о том, находились ли рядом с Мусави его жена и ребенок.

Один из офицеров Мора позвонил в отдел охраны высших лиц государства Шин Бет. «Предположим, что вы охраняете премьер-министра, – спросил он, – и в его кортеже четыре машины. В какую из них вы его посадите?» В Шин Бет коротко посоветовались, а потом ответили: скорее всего, он находился бы в третьей машине^[1042].

Но это было всего лишь предположение, и даже если Мусави был в третьей машине, оставалось совершенно непонятным, кто мог находиться в ней вместе с ним. Мор не мог рекомендовать стрельбу ракетами по цели при таком количестве неизвестных. «Атаковать невозможно», – сказал он, закрывая совещание.

Сразу же после этого в зал вошел Саги. Отношения между этими людьми были уже напряженными из-за других вопросов, поэтому Мор говорил без экивоков. «Разведывательный цикл по данному вопросу не завершен, – доложил он Саги. – В деле присутствует слишком много неизвестных. Я не могу рекомендовать осуществление атаки».

Саги поднялся с места, улыбнулся и сказал: «Еще посмотрим». Он резко вышел из помещения и вместе с начальником Генерального штаба Баракком направился прямо в Министерство обороны, чтобы проинформировать Аренса.

Саги сказал Аренсу, что у него нет сомнений: Мусави находится в кортеже. Возможно, с ним в машине располагается еще кто-то, например, министр ливанского правительства. Если бы Израиль убил ливанского министра, ущерб был бы очень большим, «но и анализ обстоятельств, и интуиция подсказывают, что это не самое логичное заключение». Саги добавил, что ликвидация Мусави несла с собой очень мало рисков.

Аренс колебался. С одной стороны, ему предлагали уничтожить вражеского лидера, который в его глазах был известным террористом. С другой – его просили принять решение немедленно – ведь Мусави мог покинуть деревню в любую минуту, а световых часов в этом дне оставалось мало, что не располагало к долгому обдумыванию ситуации. Конечно, если совершится какая-то ошибка, если развединформация окажется неверной или если из внимания будут

упущены какие-то казавшиеся посторонними детали или маловероятные сценарии развития событий, произойдет катастрофа. Аренс посмотрел на Барака.

«Речь идет о лидере террористической организации и символе врага. Может пройти немало времени, прежде чем у нас появится другой такой шанс, – сказал Барак. – И даже если это произойдет, может появиться множество обстоятельств, которые не дадут нам провести операцию по политическим мотивам. Сейчас у нас в руках имеется возможность, которая выпадает один раз, только один раз».

Аренс сделал паузу. «Убить человека, которого нам не нужно убивать, – произнес он, – это катастрофа».

«Господин министр, – вступил Саги, – моя интуиция командира подсказывает мне, что мы должны действовать».

Барак, у которого был талант заставлять людей действовать, решил попытаться пригласить Аренса, авиационного инженера по профессии, посетить ситуационную комнату и самому увидеть изображения с дрона. Министр приглашение принял и сказал, что скоро придет. Между тем он велел своему секретарю по военным вопросам бригадному генералу Иеремии Ольмерту позвонить премьер-министру Ицхаку Шамиру. Было 14:25, и на звонок Аренса ответили, что Шамир находится дома и отдыхает после обеда, приготовленного его женой, как он делает каждый день.

Аренс не мог принять решение без одобрения премьер-министра. А время утекало.

Прошло сорок пять минут. В 15:20 группа людей, лица которых различить было невозможно, вышла из дома вдовы шейха Харба и расселась по машинам кортежа. Немного отъехав, он остановился у дома руководителя местного отделения «Хезболлы» в Джебчите. Картина удивительным образом совпала с другой добытой информацией: о том, что в воскресенье именно в этом доме должно состояться важное совещание руководства шиитской организации. Это означало, что на месте не было ливанских министров, потому что участвовать в таком совещании они не могли и в то же время не могли быть оставленными в машинах до его окончания. Таким образом, вероятность того, что высокопоставленный чиновник не из «Хезболлы» находился в кортеже машин и мог быть задет ударом,

резко уменьшалась. Одновременно возрастала и вероятность того, что в данном месте находился Мусави.

Саги сказал Бараку, что хотя абсолютной определенности никогда ни в чем не бывает, он в данном случае рекомендует осуществить атаку. Мор высказал более расплывчатое мнение: «Разведывательный цикл по операции не завершен, хотя все обстоятельства указывают на то, что это Мусави. Так что теперь решать, атаковать или нет, должен командующий».

Барак принял решение. Он приказал вертолетам выдвигаться к месту операции. По другому телефону он позвонил Аренсу и сообщил, что обстоятельства изменились. Аренс санкционировал атаку.

Следом за этим после 15:30 Барак позвонил в офис премьер-министра. Пока с Шамиром никто не разговаривал. Он спал, и все попытки связаться с ним не давали результата. Его жена тоже спала, и телефонную трубку дома у Шамира никто не брал.

Все ждали, когда он вернется в офис, что он делал каждый день в районе 16:00. Однако проблема состояла в том, что каждая проходящая минута могла сделать операцию невозможной из-за приближающейся темноты. В 15:50 кортеж тронулся из города. Из громкоговорителя слышался голос оператора дрона: «Начало движения».

Напряжение в ситуационной комнате нарастало. Барак, который рассматривал разворачивающиеся события как историческую возможность, попросил одного из членов команды освободить ему место и уселся в его кресло, взяв на себя радиопереговоры с контрольным пунктом, управлявшим дроном, указывая операторам, куда направлять камеры, и одновременно анализируя возможные маршруты, по которым кортеж может направиться из Джебчита в Бейрут. Барак постоянно был на связи с командующим ВВС, находившимся здесь же в районе Канари, в своем бункере на глубине нескольких десятков метров под ситуационной комнатой. Отсюда последовала команда всем экипажам вертолетов Apache: «Взлет, всем взлет».

Около 15:55 Шамир приехал в свой офис. Доклад об операции по «целевому» убийству Мусави, о которой Шамир раньше ничего не знал, продлился не более минуты. Несмотря на это, Шамир без колебаний дал свое согласие. «Пусть они убьют его», – сказал он.

Секретарь министра обороны Аренса проинформировал об этом Барака, который сказал командующему ВВС: «Они твои»^[1043].

Кортеж начал движение в 15:57. Дрон наблюдал, как колонна машин медленно направилась по Джебчиту на север и проехала по мосту через реку Захрани. Затем кортеж набрал скорость, один «ренджровер» впереди, два «мерседеса» следом, и еще один «ренджровер» замыкающим процессию.

В 16:05 оператор доложил: «Через двадцать секунд дорога поворачивает на запад», указывая таким образом точное местоположение колонны для пилотов.

«Приближаются к зоне атаки, активировать лазерный указатель», – произнес пилот ведущего вертолета.

«Указатель активирован», – ответил один из операторов в мобильном комплексе управления дроном.

«Не вижу», – сообщил по радио летчик^[1044]. Но через несколько секунд он доложил: «Указание цели получено», информируя тем самым, что теперь видит цель.

«Идентификация цели позитивная», – пришло подтверждение из командного бункера в Канари. В 16:09 пилоту вертолета поступила команда «*Rashai, rashai*. Я повторяю: *Rashai*», что на иврите означало «Есть санкция» (примерно соответствует команде «Разрешение на атаку» в американском военном сленге).

Пилот вертолета Apache выстрелил одной ракетой Hellfire.

Она попала в третью машину кортежа. «Мерседес» взорвался и превратился в огненный шар. Никто не просматривал дорогу, лежащую впереди, чтобы убедиться, что во встречном направлении не приближается какая-нибудь гражданская машина. На самом деле одна такая машины была, и она находилась очень близко от «мерседеса», когда в него попала ракета. Ее тоже охватил огонь.

Вторая ракета была пущена по второму «мерседесу» кортежа: еще одно прямое попадание.

У одного из «ренджроверов», остановившегося на обочине, открылись двери, из машины повыпрыгивали люди и побежали прочь. «Мы были там, наблюдая за каждым движением и все сообщая на командный пункт ВВС», – вспоминал позднее один из операторов дрона.

Второй «ренджровер» подобрал пострадавших из двух «мерседесов» и помчался в сторону Набатии. «Ведите его», – приказал командный пункт контрольному пункту операторов. В 16:32 те «захватили» цель лазером дрона для осуществления атаки еще одной парой вертолетов, которые уничтожили ее. Над «ренджровером» поднимался столб черного дыма. Вертолеты «полили» место атаки огнем из пулеметов.

В ситуационной комнате воцарилась абсолютная тишина. Барак вышел из помещения, похлопывая своих коллег по плечам и поздравляя их английским выражением *Well done* («Хорошо сработано»).

Но был ли убит Мусави? Офицеры АМАН ждали в своих подразделениях подтверждения его ликвидации. Оно поступило около 18:00. Мусави действительно оказался в третьей машине. Вместе с ним были его жена и сын.

Агент подразделения 504, который передал для ситуационной комнаты АМАН исходную информацию при начале операции, позже утверждал, что упомянул в ней, что жена Мусави, Шихам, и их шестилетний сын будут находиться с ним в машине. Другие участвовавшие в операции лица отрицали владение этой информацией, однако Меир Даган агенту поверил. «Утверждения о том, будто бы в АМАН не знали, что в машине находилась еще как минимум жена Мусави, были сфабрикованы уже постфактум^[1045]. Они должны были знать об этом, иначе это просто кучка глупцов. У жены Мусави проживали в Джебците ближайшие родственники, и не было ни 1 % вероятности, что она упустит шанс и не поедет повидаться с ними».

Спустя два часа после операции Барак провел у себя совещание, попытавшись представить возможные ответные действия и репрессалии со стороны «Хезболлы». Были обсуждены дополнительные меры безопасности и шаги по связям с общественностью. Вскоре израильское ТВ начало выпуск новостей с сообщения об атаке, которую оно назвало «дерзкой операцией». Министр обороны Аренс даже потрудился прийти в этой связи в телестудию. «Это послание всем террористическим организациям, – сказал он. – Тем, кто пытается сводить с нами счеты, мы заявляем: это мы сведем счеты с вами»^[1046].

До тех пор, пока счет Израиля к кому-то открыт, необходимо делать все, чтобы закрыть его.

Месть Мугние

Обугленное тело Аббаса Мусави было с трудом извлечено из сгоревшего «мерседеса». Из-за его состояния было невозможно соблюсти обычный для «Хезболлы» ритуал и похоронить его в открытом гробу. Останки Мусави были очищены, завернуты в саван и помещены в великолепный гроб, специально сделанный из резного дерева, покрашенный в сине-серый цвет и украшенный металлическим орнаментом.

Руководители «Хезболлы», вразрез с обычаем, не торопились предать останки земле в течение первых 24 часов после смерти^[1047]. Имелись проблемы с безопасностью. Шок от авиационного налета на кортеж генерального секретаря был так глубок, что Имад Мугние боялся, как бы похороны не превратились в еще одну мишень. Кроме того, похороны задерживали для того, чтобы дать возможность прибыть на них высокопоставленным иранцам. «Хезболла» была создана Ираном, и ее лидеры находились под постоянным влиянием Корпуса стражей исламской революции в повседневной деятельности и следовали религиозному руководству режима аятоллы в Тегеране. Со своей стороны, Иран рассматривал «Хезболлу» как главного союзника на Ближнем Востоке.

Верховный лидер исламской революции, великий аятолла Сейед Али Хаменеи, который сменил Хомейни после его смерти в июне 1989 года, провозгласил: «Мученичество Сейеда Аббаса является поворотным пунктом в ходе сопротивления», – и направил делегацию, которая должна была стабилизировать и успокоить «Хезболлу», продемонстрировать ее поддержку обществом в трудную минуту и немедленно выбрать нового генерального секретаря.

В Израиле до нанесения удара по Мусави не было серьезного обсуждения вопроса о том, что произойдет после его смерти^[1048]. С точки зрения израильтян, между деятелями «Хезболлы» не существовало большой разницы, поэтому никто не озаботился тем, кто вероятнее всего сменил Мусави и будет ли эта замена для Израиля лучше или хуже. «По нашему мнению, – говорил один из тогдашних

офицеров АМАН, – все они были выкрашены черной краской». Тем не менее в АМАН считали, что первым кандидатом на замену Мусави будет его известный и популярный заместитель Субхи аль-Туфайли.

В АМАН ошибались.

Сразу же после похорон Мусави иранская делегация приняла участие в заседании Совета Шуры – совещательного органа 12 высших религиозных руководителей «Хезболлы», где иранцы обнародовали послание президента Хашеми Рафсанджани, содержащее рекомендацию по преемнику Мусави. Вскоре Совет объявил о своем решении назначить на пост генерального секретаря «Хезболлы» набожного 32-летнего духовника Сайеда Хасана Насраллу^[1049].

Если у израильтян и имелись какие-то иллюзии относительно того, что убийство Мусави окажет на «Хезболлу» сдерживающий эффект, назначение Насраллы быстро развеяло их. По сравнению с Мусави Насралла был «диким» радикалом. Оказалось, что даже у черного цвета есть оттенки. Насралла был чернее черного.

Он родился в 1960 году в шиитском районе Бурдж-Хаммуд в Северном Бейруте и был старшим из девяти братьев и сестер. Хотя его семья не была очень религиозной, еще ребенком Хасан проявлял глубокую склонность к вере и много времени проводил в мечети, изучая Коран, пока его сверстники играли на улице или на пляжах.

В 1975 году с началом в Ливане гражданской войны семья переехала в Южный Ливан, где в мечети поблизости от Тира Насраллу заметили влиятельные духовники, имевшие связи с Хомейни. Они направили его в Наджаф (Ирак) для получения высшего богословского образования, и там Насралла познакомился с Аббасом Мусави и стал его лучшим учеником. Когда они оба вернулись в Ливан в 1978 году, после того как Саддам Хусейн изгнал шиитских студентов, Мусави основал богословскую школу, а Насралла стал в ней одним из главных преподавателей, привлекая большое число поклонников. В 1982 году, после создания «Хезболлы», Насралла и его ученики массово вступили в эту организацию и начали активно участвовать в партизанской войне. Последующие годы Насралла провел, попеременно то командуя крупным подразделением «Хезболлы», то продолжая свое религиозное образование в Иране.

Насралла в телевизионном интервью^[1050] назвал Израиль раковой опухолью, заразной инфекцией, передовым отрядом империализма в

сердце арабского и исламского мира, обществом войны. По его мнению, все израильтяне, независимо от возраста и пола, являлись законными целями джихада.

Постепенно между Насраллой и его бывшим учителем возникли острые идеологические разногласия. Мусави выступал за расширение сотрудничества с сирийцами, главной политической и военной силой в Ливане, которые приветствовали действия «Хезболлы» против Израиля и даже соглашались на отправку Ираном через Сирию больших партий вооружений для этой военизированной организации. Но Насралла был против любой формы сотрудничества с режимом семьи Асада, принадлежавшей к алавитам, последователям одной из сект ислама, которых он считал неверными еретиками.

Эти два деятеля также расходились в своем отношении к Израилю. Мусави рассматривал израильский вопрос как вторичный и считал, что основные усилия должны быть сконцентрированы на постановке под полный контроль правительственного аппарата в Ливане. Насралла утверждал, что приоритет должен быть отдан партизанской войне с Израилем.

Насралла проиграл – генеральным секретарем стал Мусави, а Насралла был отправлен в ссылку послом «Хезболлы» в Иран. Он вернулся в Ливан только после того, как объявил, что прекращает выступления против связей с Сирией и подчиняется авторитету Мусави по вопросам борьбы с Израилем.

Все изменилось в феврале 1992 года.

По иронии судьбы, до гибели Мусави «Хезболла» и ее иранские спонсоры были больше озабочены укреплением своих позиций в Ливане как политической и социальной силы, чем атаками на Израиль. Хотя в 1980-х годах против израильтян и осуществлялись нападения боевиков, которые в значительной степени инициировались экстремистской фракцией «Хезболлы», возглавляемой Насраллой, они не были масштабными и не приносили Израилю того ущерба, который «Хезболла» действительно могла ему нанести.

Однако после осуществления Израилем «целевого» убийства Мусави приоритеты у шиитского руководства изменились. В Корпусе стражей исламской революции стали склоняться в сторону позиции Насраллы и полагать, что решение вопроса с южным врагом должно быть важнейшим приоритетом. Иранцы почувствовали, что

«Хезболла» не сможет привить революцию Хомейни в Ливане без того, чтобы сначала не покончить с израильской оккупацией страны.

Человеком, которому Насралла поручил проведение новой политики, стал командующий вооруженными отрядами «Хезболлы» Имад Мугние – «экстремист и не контролирующийся себя психопат», который тринадцать лет тому назад стрелял по коленям бейрутским проституткам и наркоторговцам; идеолог терроризма, создавший «Исламский джихад» и посылавший смертников-подрывников на уничтожение казарм и жилых домов, в которых жили американские, французские и израильские военные и дипломаты; призрак, смотревший с зернистых фотографий, которого израильтяне в начале 1980-х не могли не только убить, но даже установить его местонахождение. «Именно он несет ответственность за создание военной мощи “Хезболлы”, а не Насралла, несмотря на его телевизионные проповеди, – говорил Меир Даган. – Именно из-за него и из-за группы близких к нему боевиков организация стала представлять собой стратегическую угрозу государству Израиль»^[1051].

Уже в течение ряда лет Мугние был тактическим раздражителем для еврейского государства. Для защиты своей северной границы Израиль в 1985 году создал зону безопасности – полосу территории внутри Южного Ливана, контролируемую Армией обороны Израиля. Цель ее создания состояла в том, чтобы отодвинуть враждебные силы как можно дальше от израильских гражданских поселений и сосредоточить конфронтацию с ними исключительно на ливанской территории. В дополнение к этому, для защиты жизней собственных солдат, Израиль создал произраильскую военизированную милицию, Армию Южного Ливана (SLA), состоявшую в основном из христиан и шиитов, проживавших в деревнях на этой территории, которые были заклятыми врагами палестинцев, осевших в Ливане, и «Хезболлы». Использование АЮЛ позволяло израильтянам рассматривать «Хезболлу» как временную угрозу своим границам, а не как повстанческую армию, ведущую асимметричную войну. Время от времени в стычках гибли несколько солдат, в основном из Армии Южного Ливана, однако с точки зрения Армии обороны Израиля существовавший статус-кво был лучше, чем полномасштабная конфронтация с силами «Хезболлы»^[1052].

Теперь, когда Насралла «спустил с поводка» Мугние, ответные акции за убийство Мусави не заставили себя ждать. Как только завершились похороны погибшего лидера, боевики «Хезболлы» выпустили град ракет по Западной Галилее. В течение пяти дней они бомбардировали населенные пункты в Северном Израиле, который практически замер, поскольку большинство жителей были вынуждены прятаться в убежищах. Этот удар был мощнее, чем в совокупности все те, что наносились этой организацией по израильским гражданским поселениям за всю историю до того момента.

Была убита только одна девочка – шестилетняя Авиа Ализада – в коллективном фермерском хозяйстве Горнот-ха-Галид, но послание Насраллы и Мугние Израилю было ясным: с этих пор любая акция против «Хезболлы» встретит прямую ответную атаку не только против Армии обороны, но и против гражданского населения в северных районах страны.

Израиль ответил артиллерийскими обстрелами шиитских деревень и усилением своих военных формирований в Южном Ливане. В Израиле надеялись, что это будет окончанием данного раунда столкновений и что «Хезболла» хотя бы на время почувствует себя удовлетворенной той демонстрацией силы, которую она осуществила в ответ на убийство Мусави.

Однако Мугние планировал нечто гораздо более серьезное, чем несколько дней ракетных обстрелов. Он задумал атаку против тысяч израильтян, работающих за рубежом в качестве дипломатов и других официальных представителей, равно как и против зарубежных еврейских общин, обеспечение безопасности которых Израиль считал своей обязанностью. Для Мугние полем битвы являлся весь мир. Он хотел переписать правила игры: любая атака на любой важный объект «Хезболлы» вызовет реакцию не только, как он выражался, «в регионе» (Израиле и Ливане), но и за его пределами – по израильским и еврейским целям везде в мире.

Первый удар он нанес в Турции^[1053]. 3 марта 1992 года сработало взрывное устройство около синагоги в Стамбуле, лишь по счастливой случайности никто не был убит. Спустя четыре дня был убит Эхуд Садан, начальник службы безопасности израильского посольства, когда большая бомба взорвалась под его автомобилем. Она была заложена членами группы, которая называла себя «Хезболла в

Турции». Затем Мугние нацелился на Аргентину: 17 марта террорист подорвал бомбу рядом с посольством Израиля в Буэнос-Айресе, убив 29 человек, включая 4 израильтян, 5 аргентинских евреев и 20 школьников в расположенной поблизости школе^[1054]. Было ранено 242 человека. В заявлении об ответственности за теракт, переданном в Западное новостное агентство в Бейруте, организация «Исламский джихад» объявила, что акция была посвящена Хусейну, сыну Мусави, который сгорел с отцом в машине, и что она являет собой «один из наших продолжающихся ударов по преступному израильскому врагу в неоконченной войне, которая не остановится до тех пор, пока Израиль не прекратит свое существование».

В Израиле были удивлены тому, как быстро Мугние смог организовать террористические акты в Турции и Аргентине. Лишь позднее до многих дошло, что он планировал эти операции, и наверняка ряд других, за годы до этого, а осуществил их тогда, когда для этого возникли условия и необходимость. Углубленное расследование, проведенное совместно «Моссадом» и Антитеррористическим центром (СТС) ЦРУ, выявило, что группа, осуществившая теракт в Буэнос-Айресе, была лишь одной из 45 «спящих» ячеек, развернутых «специальным исследовательским аппаратом “Хезболлы” – подразделением 910» по всему миру, включая США и Европу. Подразделение 910 – это кодовое название элитного секретного подразделения шиитской милиции, насчитывавшего от 200 до 400 самых подготовленных бойцов, большинство из которых прошли обучение в Иране в Корпусе стражей исламской революции, в бригадах Аль-Кудс.

«Цель этих ячеек состояла в том, чтобы дать немедленный ответ за пределами Ближнего Востока на любую попытку Израиля ударить по “Хезболле” в Ливане», – рассказывает Стенли Бедлингтон из Антитеррористического центра ЦРУ^[1055]. Например, подрывники-террористы, осуществившие взрыв в Буэнос-Айресе, были из ячейки, существовавшей в Сьюдад-дель-Эсте, городе в Парагвае неподалеку от границы с Бразилией и Аргентиной и Великих водопадов Игуасу, в котором обосновалось много эмигрантов из числа ливанских шиитов. Задолго до ликвидации Мусави ячейка уже имела много информации о возможных израильских целях для использования в случае необходимости. После убийства Мусави Мугние направил в Сьюдад-

дель-Эсте специальную группу, которую местная ячейка обеспечила разведывательной информацией, транспортом, взрывчаткой и подрывником-смертником.

Сразу же после этого теракта израильтяне решили не отвечать на него. Некоторые оперативные сотрудники «Моссада» настаивали на агрессивной ответной акции в Южной Америке. Группа сотрудников «Моссада» посетила Сьюдад-дель-Эсте. «Это город-ад, – писали они в своем отчете. – Мы констатируем наличие здесь очевидной и постоянной опасности. Готовится следующая атака»^[1056].

Однако руководители «Моссада» среагировали на это вяло, главным образом потому, что любой другой ответ разведки означал бы необходимость проведения в ней значительных структурных перемен. Если бы в «Моссаде» стали рассматривать «Хезболлу» как глобальную угрозу, проблема была бы отнесена к зоне ответственности самого «Моссада» и потребовала бы больших институциональных реформ, включая значительное усиление присутствия разведки в Южной Америке, где до сих пор она обладала чрезвычайно скромными силами. Поэтому высшие руководители «Моссада» предпочитали считать теракт в Буэнос-Айресе частным эпизодом, случайным успехом «Хезболлы» и продолжали рассматривать эту шиитскую организацию как локальное явление, которому Армия обороны совместно с Шин Бет должны противостоять в Южном Ливане. Более того, в этих условиях «послание» Мугние было ясно понято, и в течение многих последующих лет Израиль воздерживался от попыток покушений на жизнь высших руководителей «Хезболлы».

Мугние чувствовал, что своих целей в Буэнос-Айресе он достиг, и на какое-то время приостановил разработку планов дальнейших терактов за пределами Ближнего Востока. Однако, воздерживаясь от активации своих «спящих» ячеек, он продолжал провокации в зоне безопасности. Из месяца в месяц и из года в год тактика «Хезболлы» совершенствовалась, а ее дерзость возрастала^[1057]. Боевики Мугние снимали свои атаки на видео и транслировали видеозаписи по телеканалу «Хезболлы» Аль-Манар ТВ. Эти клипы часто принимались в Израиле и затем ретранслировались по израильскому телевидению. Это оказывало желаемый «Хезболлой» эффект, который имел больше стратегическое, чем тактическое значение: со временем просмотр общественностью видео с записью успехов «Хезболлы» начал

размывать существовавший в Израиле консенсус относительно сохранения присутствия Армии обороны в Ливане. Израиль отвечал на это регулярными обстрелами позиций «Хезболлы» и поселков, в которых она активно действовала, убивая как боевиков, так и мирных жителей.

На каком-то этапе Мугние почувствовал, что Израиль в своей активности перешел «красную линию»^[1058]. Никто в Израиле не мог указать на конкретную отдельную акцию, которая могла «взорвать» Мугние, но два года спустя после взрыва в Буэнос-Айресе он решился на еще одну атаку за пределами Ближнего Востока. 11 марта 1994 года подрывник-смертник на грузовике с несколькими тоннами взрывчатки выехал из пригорода Бангкока по направлению к израильскому посольству. Если бы взрыв произошел, были бы сотни жертв. К счастью, смертник раздумал становиться «шахидом», остановил машину на середине пути и убежал.

На этот раз израильтяне посчитали, что ответная акция необходима^[1059]. Вопрос состоял в том, в какой форме следовало ее осуществить. В ходе консультаций в офисе премьер-министра представители военной разведки АМАН заявили, что теперь нанесения удара по самой «Хезболле» недостаточно. Скорее следует ударить по ее спонсорам, иранцам. Подходящей кандидатурой для «целевого» убийства, по их утверждениям, был бы генерал Али Реза Асгари, командующий бригадами Аль-Кудс Корпуса стражей исламской революции. Это предложение перекладывало ответственность за операцию на «Моссад».

Однако премьер-министру Рабину не очень хотелось, чтобы акция затронула иранцев. В любом случае никто в израильской разведке не знал, где Асгари находится и каким образом подобраться к нему для осуществления ликвидации^[1060].

Рабин санкционировал удар по другой цели. Той весной два агента подразделения 504 получили данные о лагере «Хезболлы» неподалеку от Эйн-Дардара, рядом с ливанско-сирийской границей, где осуществлялась подготовка офицеров. Аэрофотосъемка с дрона Scout и радиоперехват, проведенный подразделением 8200, это подтвердили. 2 июня после нескольких недель тщательной подготовки вертолеты Defender военно-воздушных сил Израиля атаковали этот объект. Курсанты бросились врассыпную в поисках спасения от пулеметного

огня вертолетов. Пятьдесят из них были убиты и еще пятьдесят ранены^[1061]. Среди погибших были сыновья нескольких ответственных функционеров «Хезболлы», а также двое отпрысков офицеров из Корпуса стражей исламской революции, которые были тесно связаны с высокопоставленными иранскими чиновниками. «Это было похоже, как если бы в Англии разбомбили Итонский колледж», – сказал один израильский специалист^[1062].

Радиостанции «Хезболлы» назвали авианалет «варварским» и пообещали масштабный ответ «на всех уровнях». Спустя 46 дней Мугние нанес еще один удар в Буэнос-Айресе^[1063]. 18 июля террорист-смертник подорвал микроавтобус, начиненный взрывчаткой, перед зданием аргентинского еврейского центра АМІА. Семиэтажное здание разрушилось, убив 85 и ранив сотни человек. Поиск тел и их эвакуация из завалов продолжались несколько недель.

Второй теракт в Аргентине наконец раскрыл израильской разведке глаза на всю реальность международной угрозы, которую представляла собой «Хезболла»^[1064]. То, что два года тому назад представлялось отдельным инцидентом, оказалось работой всемирной сети, поддерживаемой шиитскими сообществами в разных странах и иранскими посольствами.

Израильтяне поняли, что новые возможности «Хезболлы» – «более эффективные, чем всё, что мы видели раньше у палестинских организаций», как выразился один оперативный работник АМАН, – возникли прежде всего благодаря уму Имада Мугние. «Он стал одновременно и министром обороны, и начальником Генерального штаба, – говорил Меир Даган, занимавший тогда должность начальника оперативного управления Генерального штаба Армии обороны Израиля. – Этот человек осуществляет всю координацию оперативных вопросов с сирийскими спецслужбами, командованием Корпуса стражей исламской революции и “спящими” ячейками по всему миру. Он посылает людей в тренировочные лагеря и контролирует их подготовку, и он инициирует операции. Это человек, который сосредоточил в своих руках, на личном уровне, многочисленные функции. Насралле остается только говорить ему “да”».

По замыслу израильтян, ответные акции против «Хезболлы» должны были пройти в два этапа. На первом «Моссаду» предстояло

убить брата Мугние, Фуада. Потом оперативные работники «Моссада» будут поджидать Мугние на похоронах брата и либо убьют его там, либо как минимум возьмут под плотное наблюдение, которое в конечном счете должно закончиться его уничтожением. Фуад должен был умереть, потому что у израильтян не было ни малейшей идеи о том, как еще найти Мугние, который до сих пор оставался в их досье в виде нечеткой зернистой фотографии.

Однако «Кесария» не могла вести всю оперативную работу, связанную с данной операцией, в Бейруте. Ей необходимо было приобрести местных агентов. В конце концов выбор оперативников пал на молодого палестинца по имени Ахмад аль-Халак, который в ходе Ливанской войны 1982 года был взят израильтянами в плен и впоследствии завербован моссадовским подразделением «Перекресток». Халак был бандитом, у которого не было никакой устоявшейся идеологии, кроме жажды денег. Он занимался контрабандой и рэкетом, что позволяло ему проникать в криминальные районы Бейрута, которые интересовали «Моссад». К 1994 году Халак стал одним из основных агентов «Перекрестка» в Бейруте. Выполняя приказы своего куратора, с которым Халак время от времени встречался на Кипре, он под благовидными предложениями якобы случайно начал посещать компьютерный магазин Фуада Мугние, расположенный в шиитском районе ливанской столицы Аль-Сафир, и в течение двух месяцев установил с ним дружеские отношения.

21 декабря 1994 года около 17:00 Халак и его жена Ханан припарковали свою машину перед магазином. Халак вошел внутрь, чтобы убедиться, что Фуад находится там, быстро переговорил с ним относительно долга и ушел. Жена Халака вышла из машины, на которой они приехали, и пара скорым шагом пошла вперед. Когда они находились примерно в 35 метрах от магазина, Халак обернулся на свою машину, а потом сунул руку в карман. Пятьдесят килограммов взрывчатки, которые находились в багажнике автомобиля, сдетонировали. Магазин Фуада был полностью разрушен, были убиты он сам и еще трое прохожих^[1065]. Пятнадцать человек были серьезно ранены.

Заявление, сделанное «Хезболлой» после взрыва, гласило: «У нас нет сомнений в личности преступника, который совершил это

преступление против гражданского населения на оживленной торговой улице в районе Аль-Сафир. Сегодня после многочисленных угроз сионистский враг и его подрывные службы осуществили отвратительное преступление против людей, которые просто делали покупки».

Похороны состоялись на следующий день. «Моссад» организовал четыре наблюдательных пункта в разных точках по дороге и на самом кладбище. Но Мугние разгадал замысел: он не поехал на похороны, опасаясь, что «Моссад» будет его там поджидать.

Тем временем «Хезболла» быстро нашла след Халака. Ему удалось спастись на подводной лодке, которая ждала его, чтобы вывезти в Израиль. (Ханан, которая планировала улететь из Ливана на самолете, была схвачена по дороге в аэропорт, жестоко допрошена и приговорена к 15 годам каторжных работ.) «Моссад» спрятал Халака в одной из стран Юго-Восточной Азии, обеспечив его новыми документами. Но он не сумел прижиться там. «Я не понимаю этих людей; они маленькие и странные», – жаловался он на встрече с оперативником «Перекрестка», который продолжал поддерживать с ним контакт. Через шесть месяцев «Моссад» предложил Халаку перевезти его в арабский населенный пункт в Галилее, однако агент настаивал на возвращении в Ливан. В марте 1996 года израильский двойной агент, работавший также и на «Хезболлу», сумел завлечь его на обед в ресторан^[1066]. Халаку подсыпали наркотическое вещество, а затем на грузовике отвезли в Бейрут, где Мугние со своими пособниками подвергли его жестоким пыткам. Потом Халака передали ливанским властям, которые судили его, приговорили к смертной казни и расстреляли.

Со времени торопливой ликвидации Аббаса Мусави прошло более трех лет. Многие десятки людей погибли в кровавой спирали акций отмщения, а «Хезболла» становилась только сильнее со своим новым лидером Насраллой, который оказался в несколько раз более могущественным и эффективным, чем Мусави.

«Я не смог правильно предвидеть реакцию “Хезболлы”, – говорил генерал-майор Ури Саги. – Неверно оценил Имада Мугние»^[1067]. А министр обороны Аренс признался: «Это было слишком торопливое решение».

Что же касается тогдашнего начальника Генерального штаба Эхуда Барака, он признал факты, но не ошибку^[1068]. «Вопрос состоит в том, как выглядела ситуация в момент осуществления акции, – сказал он. – Мы оценивали Мусави как угрозу, и считали, что правильно нанести по нему удар. На тот момент это был правильный ход. Тогда очень сложно было предвидеть, что его заменят Насраллой, который казался менее заметным и влиятельным, и что он превратится в лидера с такой огромной властью. Было трудно предусмотреть, что Мугние станет при нем человеком номер два и проявит такой суперталант в разработке и осуществлении операций».

К 1995 году он оставался жив и превратился всего лишь в одного из врагов Израиля.

«Всего один выключатель: „ВЫКЛ.“ – „ВКЛ.“»

16 апреля 1993 года два автобуса, один из которых был полон израильских солдат, стояли на парковке у придорожных мини-маркетов недалеко от Мехолы, поселения в Иорданской долине. Вскоре с дороги съехала машина и медленно подъехала к автобусам.

Затем она взорвалась.

Взрыв не нанес слишком большого ущерба. Восемь человек были легко ранены, и один палестинец, работавший в буфете, был убит. Расследование Шин Бет показало, что внутри автомашины находился обгорелый труп водителя, а также кухонные газовые баллоны, которые и послужили взрывчаткой. Подрывник-смертник.

К тому времени террористические атаки смертников стали довольно распространенным явлением, но до этого момента они происходили в других местах, не в Израиле. Взрыв в Мехоле положил начало серии таких акций внутри Израиля. В течение года террористы-смертники осуществили подрывы практически по всей территории страны. За 11 месяцев они убили более ста израильтян и ранили более тысячи.

Руководители Шин Бет старались понять, в чем ошиблись и почему ситуация стала такой ужасающей^[1069]. Постепенно все атаки связали с тремя лицами. Двое из них – Ахмед Ясин и Салах Шхаде – сидели в израильских тюрьмах. А третий, Яхья Айяш, вообще находился в Польше, во всяком случае, так считали оперативники.

У израильтян не было никаких идей относительно того, как эти трое вообще могли связываться друг с другом, не говоря уж о том, как им удавалось изготавливать бомбы, а также вербовать и направлять на задания столь многочисленных смертников.

Ясин родился в палестинской деревне Аль-Джура и стал беженцем уже во время войны 1948 года, оказавшись вместе с семьей в находившемся под управлением Египта секторе Газа. Как и многие молодые палестинцы, он вступил в организацию «Братья-мусульмане»^[1070], где познакомился с другим беженцем, двумя годами

старше его, по имени Халил аль-Вазир, харизматичным лидером, который позднее станет известен как Абу Джихад. Аль-Вазир опасался, что участие в организации «Братья-мусульмане» помешает ему в его борьбе и вышел из нее, чтобы пойти своим путем. Но Ясин, тихий и замкнутый, почувствовал, что нашел в своей жизни подлинное призвание, и занялся исламской теологией.

После поражения арабов в Шестидневной войне 1967 года, когда аль-Вазир развернул широкую партизанскую кампанию против Израиля, будучи уверенным, что только силой можно разрушить это государство, Ясин пришел к другим умозаключениям. Он был убежден в том, что поражение арабов стало результатом их моральных пороков и что светские развращенные режимы слишком далеко отошли от Аллаха. Искупление бед, по его мнению, должно было быть найдено в приверженности исламу. «*Al-Islam hua al-Khal*, – часто повторял он. – Решение – в исламе», – вторя по-арабски тому лозунгу на фарси, которым Рухолла Хомейни воодушевлял своих последователей.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов, предпринимая шаги по созданию собственного движения, основанного на исламских ценностях, Ясин организовывал мечети и исламские просветительские центры, равно как и целую сеть благотворительных организаций и учреждений социальной помощи^[1071]. Хрупкий и очень худой человек, который говорил дискантом и передвигался в инвалидном кресле – последствия перенесенной в детстве тяжелой травмы, Ясин оказался социальным реформатором, который занимался богоугодными делами в Газе, поэтому вполне определенно Шин Бет не считала его врагом Израиля. Более того, многим оперативным сотрудникам общей службы безопасности Ясин нравился. В отличие от ООП, он не пытался скрывать свою деятельность и даже шел на продолжительные беседы с израильскими чиновниками, когда они просили о них. «Он был отличным собеседником, много знавшим об истории сионизма и политике Израиля, с острым умом, приятным обращением, – вспоминает один из старших офицеров Шин Бет, работавший в ту пору в Газе под псевдонимом «Аристо». – Он разительно отличался от террористов из ООП, которых мы привыкли допрашивать»^[1072].

Поскольку поддержка Арафата на оккупированных территориях и его авторитет в мире росли, представлялось, что лучше было оставить Ясина в живых. «В каком-то смысле сама Шин Бет взращивала этого

джихадиста», – говорил Амнон Липкин-Шахак, руководитель военной разведки АМАН в конце 1980-х годов^[1073].

«Наша служба являлась одним из факторов поддержки исламских элементов, – говорил Ами Аялон, глава Шин Бет в 1990-х. – Мы думали, что путем создания противовеса палестинскому национальному движению во главе с ООП мы поможем исламу, в котором нет националистической составляющей, – по крайней мере, так мы тогда думали»^[1074]. Надежда возлагалась на то, что исламские проповедники, которые становились все более популярными благодаря их активности в начальных школах, больницах, молодежных центрах и мечетях, оттянут часть поддержки от ФАТХ и ослабят Арафата.

В то время организация «Братья-мусульмане» в Газе рассматривалась как социальное движение, свободное от политических амбиций. Для 1960-х и 1970-х годов это, пожалуй, соответствовало истине, но потом аятолла Хомейни сбросил шаха Ирана. Теолог, фанатичный и преданный вере, возглавил революцию, взрастил армию и создал дееспособное правительство. Он продемонстрировал мусульманам во всем мире, а не одним шиитам, к которым принадлежал, что ислам – не только религия, ограниченная молитвами в мечетях и благотворительностью на улицах, но и инструмент политической и военной силы. Он может быть руководящей идеологией, решением всех проблем.

На палестинских территориях риторика духовников начала меняться. «Апологетика, бывшая характерной для ислама ранее, стала исчезать, – говорит Юваль Дискин, который возглавил Шин Бет в 2005 году и большую часть карьеры провел в качестве разведчика, работавшего в глубоких слоях палестинского населения. – Пассивность и подготовка человеческих душ к долгому пути спасения уступили место активности и молитвам о борьбе, о джихаде. Из незаметных “ковриков” они превратились в очень энергичных активистов. Это происходило и здесь, в Газе, равно как и на всем Ближнем Востоке и в Африке. Они были более сильными и идеологически убежденными личностями, чем ребята из ООП. А их способность создавать ячейки и группы превосходила все, что мы наблюдали до сих пор. Ни мы, ни западный мир не видели эти процессы в режиме реального времени»^[1075].

Первым адептом новых процессов, которого Шин Бет обнаружила совершенно случайно в апреле 1984 года, был Ясин. Однажды спецслужба задержала в Газе молодого палестинца по подозрению в участии в террористических акциях, спонсируемых ФАТХ. Его доставили в одну из камер следственного отдела, где палестинца допросил следователь Шин Бет Мича Куби (тот самый, который допрашивал двух террористов, захвативших автобус в Ашкелоне еще до того, как их убили, и который отказался лгать об этом инциденте впоследствии).

Подозреваемый что-то говорил, выдавая кое-какую отрывочную информацию, но Куби чувствовал, что он утаивает что-то важное, какой-то секрет, о котором боится говорить. Куби наклонился вперед, как будто намереваясь что-то сказать на ухо задержанному. Затем молниеносно взмахнул от пояса мощной рукой и сильно ударил палестинца открытой ладонью по лицу, сбив его со стула и отбросив к стене^[1076]. «Мне надоело слушать все это дерьмо, – крикнул Куби на арабском. – Давай раскалывайся по-серьезному, или сегодня не выйдешь отсюда живым».

Это был тот самый «тычок», который требовался арестованному. Дальнейший допрос вскоре выявил, что шейх Ясин действовал по указаниям экстремистского крыла «Братьев-мусульман» в Иордании, лидером которого был палестинец Абдалла Азам^[1077]. В то время Азам активно действовал в Пешаваре, большом городе на северо-западе Пакистана, где контактировал с одним из членов богатой саудовской семьи, занимавшейся строительным бизнесом, и убедил его принять воинствующую джихадистскую идеологию. Богатый саудовец начал использовать семейные деньги для того, чтобы финансировать организацию и поддерживать сеть фанатичных исламистов; некоторые из них получили подготовку в лагерях ЦРУ в Афганистане, где готовили боевиков-наемников для борьбы с советскими войсками. Его имя было Усама бен Ладен.

Люди Азама в Иордании посылали деньги, которые получали от богатых спонсоров в Иордании и Саудовской Аравии, Ясину, использовавшему их для создания вооруженных ячеек, готовясь начать джихад против Израиля. Благодаря информации, полученной от задержанного палестинца, израильские власти арестовали Ясина и начали задерживать его главных помощников. Самым значимым из них

был Салах Шхаде, социальный работник по роду занятий, образованный и умный. С помощью Ясина он стал убежденным мусульманином, а впоследствии и первым помощником своего учителя, отвечающим за тайные операции организации.

Сотрудники Шин Бет, разъяренные тем, что Ясин и его люди так долго водили их за нос, поместили заключенных в очень жесткие условия. Первым «сломался» Шхаде, которого сильно избивали, лишали сна и не давали есть. Шхаде страдал клаустрофобией, и Шин Бет воспользовалась этим, посадив его в одиночную камеру с завязанными глазами и связанными руками и ногами. Там его заставляли слушать записи звуков, издаваемых крысами и тараканами. Шхаде умолял выпустить его, и когда это в конце концов произошло, Куби был уже тут как тут.

Куби пообещал Шхаде, что в обмен на информацию его накормят. Голодный и измученный, Шхаде согласился, попросив Куби об одном условии – тот никому не откроет, что Шхаде заговорил первым.

Следующим сдался сам Ясин, хотя против него не применялось никаких мер физического воздействия. Допрос Ясина проводил следователь Аристо. Он потом вспоминал:

По результатам многих недель наблюдения за домом Ясина мы знали, что одна его почитательница, уважаемая замужняя женщина, время от времени приходила к нему и что, исходя из своего почитания Ясина и желания сделать его трудную жизнь легче, она вступила с ним в связь. Во время одного допроса я наклонился к Ясину и шепотом сказал ему на ухо: «Я знаю о тебе все. Я знаю, о чем ты говоришь со своими ближайшими сподвижниками. Я знаю, кто к тебе приходит и когда. Я даже знаю, когда у тебя бывает эрекция, а когда нет».

Я не упоминал имени той женщины, но он прекрасно понял, что я имел в виду, и в мгновение ока обдумал ситуацию. Он понял, что у него нет выбора и что, если он нам все не расскажет и не выдаст все детали, мы распространим информацию о женщине и поставим его в очень трудную ситуацию^[1078].

Страх перед публичным позором оказался надежным средством. Например, еще одного нашего пленника мы заставляли раздеваться и

часами стоять перед следователями. Те видели, что у него ненормально маленький пенис. Из страха, что об этом будет пущена молва, он начал говорить.

В ходе допросов выяснилось, что Ясин в течение долгого времени готовил масштабный джихад. С 1981 года он приказывал своим людям проникать на базы Армии обороны и похищать оружие и боеприпасы. В конечном счете у джихадистов скопилось немало вооружений. Всего в арсенале организации было обнаружено 44 единицы оружия.

Расследование показало, что Ясин втайне ото всех создавал военизированное крыло своей организации под руководством Салаха Шхаде^[1079]. Это крыло состояло из двух частей – одной, которая должна была действовать против отступников из числа палестинцев, и второй, которая призвана была развернуть джихад против Израиля. Ясин и его помощники подбирали бойцов для этих групп, наблюдая за деятельностью своих спортивных и культурных секций, входивших в социальные организации. Это позволяло им увидеть тех людей, которые подходили для участия в движении по физическим данным, а также по организаторским способностям и идеологической убежденности.

В отчете, который Куби написал после допроса всех арестованных, он отметил: «Люди Шхаде выглядели умными, имеющими уровень образованности выше среднего, фанатично религиозными и закрытыми в своем внутреннем пространстве, в которое почти невозможно проникнуть разведке»^[1080]. Его отчет обсуждался руководством Шин Бет. «Однако, – говорит Аристо, – Аврум (Авраам Шалом, директор общей службы безопасности) сказал, что этим движением не стоит заниматься, что оно не нанесет нам никакого вреда. *Tzileigerim* (“неудачники” или “лузеры” на идише) – вот как Шалом назвал Ясина и его банду. У меня создалось впечатление, что для Шалома было очень важно потрафить высшим эшелонам власти – правительству партии “Ликуд” и Шамиру, ненавидевшим ООП, – и намекнуть им с его фирменной улыбкой, что он тайно работает над хитрым заговором, который нанесет существенный урон Арафату. В исторической перспективе, возможно, он и был прав – тогда действительно существовал хитрый план, настолько хитрый, что сам Шалом и вся Шин Бет просмотрели его»^[1081].

Ясин был приговорен к 13 годам тюрьмы за участие в похищении оружия, но через год освобожден в ходе обмена заключенными с Народным фронтом освобождения Палестины Ахмеда Джибрила^[1082]. Ясин немедленно вернулся к тому, от чего его оторвали, – созданию инфраструктуры для организации. У него была феноменальная память, он наизусть знал придуманные им самим кодовые обозначения 1500 боевиков, операций и почтовых ящиков. Мог с закрытыми глазами повторить досье на каждого члена организации, демонстрировал поразительное владение технологическими новшествами, а также глубокое понимание ситуации на Ближнем Востоке.

В последующие годы Ясин развил и широко распространил свою доктрину, поддерживающую применение атак смертников. Своим ученикам он разъяснял разницу между собственно самоубийством, которое абсолютно недопустимо, и самопожертвованием на поле боя, которое осуществляется по религиозным заповедям и обеспечивает мученику, и даже членам его семьи, место в раю. Когда самоубийство освящено настоящим исламским духовником (шейхом), указывал Ясин, гибнущий человек действует не из персональных мотивов, но считается шахидом (*shahid*), мучеником, который отдал свою жизнь в джихаде во имя Аллаха^[1083].

Между тем Шин Бет переживала трудный переходный период. Служба пыталась справиться с чередой неприятностей, вызванных Ашкелонским автобусным инцидентом и его последствиями. Большинство руководителей Шин Бет были срочно заменены более молодыми людьми, и последним потребовалось определенное время для достижения профессиональной зрелости. Несколько оперативных работников и следователей позднее говорили, что предупреждали своих начальников об опасности экстремистского ислама, однако служба оказалась слишком беспомощной, чтобы справиться тогда с этой угрозой. Когда в 1987 году разразилась первая интифада, Ясин уже был самой видной религиозно-политической фигурой в Газе и на Западном берегу, возглавляя движение, в котором были сотни активистов и тысячи сторонников. В сентябре того года Ясин объявил, что джихад начался. Он назвал свою организацию «Исламским движением сопротивления». Ее арабское сокращение звучало как ХАМАС, что также означает «энтузиазм»^[1084].

В последующие месяцы в Шин Бет начали поступать разрозненные сведения об этой организации, а на август 1988 года была намечена крупномасштабная операция против нее. Шин Бет арестовала более 180 человек и подвергла их интенсивным допросам, но все они были хорошо подготовлены и не выдали самую важную информацию: что Салах Шхаде, важнейший из схваченных активистов ХАМАС, создал в организации военное крыло и командует им^[1085]. Сначала он и Ясин, оба хитрые и умные, назвали крыло подразделением 101 – как реминисценцию легендарного спецподразделения Ариэля Шарона. Позже название было изменено на «Специальное подразделение», бригады имени Изз ад-Дина аль-Кассама^[1086], одного из палестинских лидеров, который организовывал нападения на британские и еврейские объекты в 1930-х годах.

Шхаде продолжал командовать военным крылом из тюрьмы, передавая на волю закодированные послания^[1087]. В 1989 году он и Ясин послали двух боевиков крыла, Махмуда аль-Мабхуха и Мухаммада Насра, чтобы похитить и убить двух израильских солдат. Эти двое лежали в засаде в машине с израильскими номерами, стоявшей на перекрестке, где, по их сведениям, военнослужащие АОИ часто «голосовали» проезжающим автомобилям. Это была распространенная практика, когда многие автомобилисты были только рады помочь солдатам добраться до дома во время коротких побывок или вернуться в часть.

Двадцать лет спустя аль-Мабхух рассказал телеканалу «Аль-Джазира», как они схватили одного солдата, Иоана Саадона:

Мы закамуфлировались под религиозных евреев, надев кипы на головы, как у раввинов. К перекрестку подошла другая машина и высадила пассажиров. На заднем сиденье нашей машины с одной стороны лежали коробки (чтобы сесть мог только один голосовавший). Я вел машину. Коробки лежали позади меня, и задняя дверь с моей стороны не открывалась. Поэтому я сказал ему (Саадону) обойти автомобиль и сесть с другой стороны.

Он так и сделал и сел на заднее сиденье. Я и Абу Шахиб (другой боевик, Наср) заранее условились о сигнале, который я подам рукой. Ведь я видел, что происходило и перед машиной, и

позади нее. Примерно через три километра от перекрестка я дал Абу Шахибу знак, и он выстрелил из своей «беретты». Я слышал, как он (Саадон) тяжело задышал... Две пули попали ему в лицо, одна – в грудь. Он шумно вдохнул – и умер. Потом мы положили его на сиденье и доставили труп в заранее подобранное место^[1088].

Мабхух сказал, что хотел сам застрелить Саадона, но эта «честь» досталась его подельнику. Во время похищений и убийств аль-Мабхух и Наср фотографировали друг друга, прыгая на трупах своих жертв и празднуя победу.

Аль-Мабхух и Наср сумели скрыться в Египте, прежде чем Шин Бет смогла их арестовать^[1089]. Аль-Мабхух стал одним из руководителей операций ХАМАС за границей. Другие боевики бригад имени Изз ад-Дина аль-Кассама, которые обеспечивали двум убийцам логистическую поддержку, были арестованы и подвергнуты пыткам, включая симуляцию расстрела и инъекции пентотала натрия. Все арестованные дали признательные показания, а одного из них одели в форму израильского солдата и возили на машине по сектору Газа, чтобы он показал, где был зарыт автомат Саадона и его личный знак, а также оружие, которым пользовались боевики.

За участие в подготовке этих преступлений Ясин был приговорен к пожизненному заключению.

Утром 13 декабря 1992 года двое людей в масках зашли в офис Красного Креста в Аль-Бирехе, городке на Западном берегу реки Иордан, и вручили на ресепшене письмо. Они предупредили секретаршу, чтобы она не открывала его в течение полчаса после их ухода, и убежали.

В письме было написано: «Сегодня, 13.12.92, в шестую годовщину создания ХАМАС, был похищен офицер оккупационной армии. Он находится в недоступном месте... Мы извещаем оккупационные власти, что требуем, чтобы они и израильское руководство освободили шейха Ахмеда Ясина в обмен на освобождение этого офицера».

Под письмом стояла подпись: «Специальное подразделение, бригады имени Изз ад-Дина аль-Кассама, военное крыло, ХАМАС». К письму была приложена фотография удостоверения личности первого старшего сержанта пограничной стражи Ниссима Толедано^[1090].

Премьер-министр и министр обороны Ицхак Рабин решил не идти на уступки похитителям и вместо этого приказал развернуть широкую кампанию рейдов и арестов. Тем временем Шин Бет пыталась выиграть немного времени. Ответственный сотрудник службы Барак Бен-Цур был направлен к Ясину в тюрьму, чтобы убедить того ответить на вопросы СМИ и дать своим последователям указание не наносить вреда похищенному пограничнику.

Шейх встретил Бен-Цура, сидя в инвалидном кресле, укутавшись в одеяло и с улыбкой на губах, «которая была почти сердечной». Он дал ряд интервью и в каждом сделал то заявление, о котором его просили израильтяне.

И только позднее в Шин Бет поняли, почему Ясин пошел им навстречу. Он предвидел ситуацию и дал своим людям указание, что, чего бы он ни говорил в интервью, они не должны обращать на это внимания и подчиняться ему, потому что это обращение, скорее всего, будет вытянуто из него силой и против его воли.

Пребывание в тюрьме не уменьшило влияние Ясина и не сломило его волю.

«Мира никогда не будет, – говорил он Бен-Цуру после того, как интервью закончилось и камеры были выключены. – Мы возьмем у вас то, что вы дадите, но мы никогда не прекратим нашу вооруженную борьбу. До тех пор, пока жив шейх Ясин, никогда не будет мирных переговоров с Израилем. У меня нет проблемы со временем: еще десять лет, еще сто лет – все равно вы будете сметены с лица Земли»^[1091].

Люди из ХАМАС, как им и было ранее приказано, проигнорировали публичные указания Ясина не наносить вреда Толедано. В ту ночь четверо его похитителей, одетые в костюмы японских ниндзя и вооруженные ножами, вошли в пещеру, где содержался пленник. «Мы просили Израиль освободить шейха Ясина в обмен на тебя, – сказали они, – но твое правительство ответило отказом, и это является еще одним доказательством того, что жизнь солдат власти не интересует. Нам жаль, но мы вынуждены убить тебя»^[1092].

Толедано заплакал. Он просил об освобождении.

«Каково твое последнее желание?» – спросили его хамасовцы.

«Если уж вы решили убить меня, сделайте так, чтобы в момент смерти я был в своей военной форме».

Люди из ХАМАС начали душить его, а потом добились ножами, когда выяснилось, что он был еще жив.

Для Рабина убийство Толедано было последней каплей. За неделю до этого пять других израильтян были убиты в ходе террористических атак, явно организованных ХАМАС. Правительство Рабина, которое наконец-то поняло всю опасность ХАМАС, решило, что пора нанести движению сокрушительный удар. Некоторые люди из Шин Бет предложили отравить Ясина в тюрьме, что было относительно легко выполнимо. Рабин сразу же отменил эту идею из опасения массовых выступлений, которые последуют, когда выяснится, что Ясин умер в заключении.

Начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Эхуд Барак выдвинул альтернативу: массовое изгнание активистов ХАМАС в Ливан. «Мы испробовали много методов борьбы с ХАМАС, – рассказывал генерал-майор Данни Ятом, в то время командующий Центральным военным округом. – И по некоторым причинам нам показалось, что депортация в Ливан нанесет очень сильный удар по мотивации выдворяемых террористов, а также тех, кто задумывается о такой деятельности на будущее»^[1093].

Весьма проблематичное решение с этической, юридической и практической точек зрения. Армия обороны и Шин Бет надеялись осуществить изгнание тайно, до того, как мир что-то узнает о нем. Это ставило их в очень жесткие временные рамки. Начиная с 16 декабря, они арестовали около 400 лиц, подозреваемых в связях с ХАМАС, – причем ни один из них не был напрямую связан с последними террористическими актами, – завязали им глаза, сковали руки наручниками, затем погрузили в автобусы и вывезли на ливанскую границу.

Однако сведения об этой операции каким-то образом утекли^[1094], и действующие в Израиле неправительственные организации, а также семьи некоторых депортируемых обратились с петициями в Верховный суд, требуя остановить акцию. Это задержало автобусный кортеж на много часов. Офис генерального прокурора отказался представлять правительство, считая, что депортация является, по существу, военным преступлением, и начальнику Генерального штаба Эхиду Бараку пришлось лично ехать в Верховный суд, чтобы попытаться переубедить судей.

Это ему удалось, но тем временем разразился международный скандал. Оказалось, что половина депортируемых были загружены в автобусы по ошибке и не являлись людьми, которых Шин Бет намеревалась изгнать. Между тем Ливан блокировал свою границу, и автобусы оказались зажатými на необитаемой территории между контролируемой Израилем зоной безопасности к югу и зоной контроля ливанских вооруженных сил «Хезболлы» к северу.

Военная полиция Армии обороны Израиля выдала каждому депортируемому по 50 долларов наличными, плащ, два одеяла и выгнала их из автобусов, сняв повязки с глаз и освободив от пластиковых наручников. Потом израильтяне развернули автобусы и направились в сторону Израиля. В конечном счете изгнанные оказались в палаточном лагере в Мадж-аль-Зухуре, поблизости от населенного друзьями города Хазбайя. Поначалу правительство Ливана блокировало попытки Красного Креста оказать им помощь, желая усилить мучения депортированных и таким образом выставить израильское правительство в невыгодном свете.

В действительности изгнание активистов стало серьезным ударом по ХАМАС^[1095]. В тот момент два основных лидера движения Ясин и Шхаде оставались в израильской тюрьме, а другие руководители оказались в заброшенном палаточном лагере на холодном, продуваемом ветрами плато в Ливане, без электричества, без средств связи, промокшие и несчастные.

Однако ситуация кардинальным образом изменилась через неделю после депортации, когда лагерь посетила группа ливанцев. Их руководитель представился как Вафик Сафа из «Хезболлы», поприветствовал обитателей лагеря от имени генерального секретаря организации Хасана Насраллы и спросил о нуждах депортированных и возможной помощи им.

Этот визит явился результатом ряда встреч между Насраллой, Корпусом стражей исламской революции, Мугние и Сафа, который стал своего рода министром иностранных дел «Хезболлы». Мугние увидел в изгнании и страданиях хамасовцев дар небес. По его мнению, «Хезболла» могла и должна была использовать все возможности для распространения своего влияния за пределы Ливана, привлекая партнеров, которые не обязательно должны быть шиитами или

иранцами^[1096]. В конечном счете он смог убедить в этом и других руководителей организации.

Воинствующие шииты, как правило, не вступали в союзы с палестинскими суннитами^[1097]. Это был удивительный жест в сторону суннитского ХАМАС, поэтому и в самой организации поначалу имелись некоторые колебания. Связь с «Хезболлой» не выглядела для хамасовцев естественной, но решающую роль все же сыграло сложное положение, в котором они оказались. К тому же они разделяли с «Хезболлой» ненависть к общему врагу. Они одобрительно восприняли сделанные им предложения, и через короткое время в лагерь потянулись караваны из ослов и мулов, везущих более прочные и термостойкие палатки, теплую одежду, печи и топливо для отопления, а также большое количество продовольствия, чистящих и моющих средств. Все это должно было помочь хамасовцам пережить суровую зиму.

Следом пришли ливанские СМИ – некоторые под контролем и влиянием «Хезболлы», а некоторые просто в погоне за сенсацией, – чтобы рассказать миру о страданиях депортированных. Затем появились инструкторы по военному делу и терроризму. До того времени у хамасовцев не было практически никакой боевой или разведывательной подготовки. В этом отношении депортация оказалась для них еще одним даром небес.

Люди Мугние, которыми командовал его двоюродный брат Мустафа Бадреддин, а также инструкторы из бригады аль-Кудс Корпуса стражей исламской революции, создали недалеко от палаточного лагеря специальную тренировочную зону (она была расположена на достаточном удалении от любопытных взглядов прессы, теперь постоянно освещавшей жизнь лагеря). В этой зоне хамасовцы проходили курсы по связи, шифровальному делу, безопасности боевых операций, владению стрелковым оружием, гранатометами, разведке и контрразведке, ведению боев в городских условиях, боевым искусствам и многому другому.

Инструкторы Мугние были особенно впечатлены 28-летним инженером-электриком из северной части Западного берега, выпускником университета Би-Цейт Яхья Айяшем, который вскоре станет известен под псевдонимом «Инженер». Иранские эксперты и преподаватели из «Хезболлы» учили его изготовлению взрывчатых

веществ из обычных компонентов, продающихся в магазинах; снаряжению взрывных устройств такими поражающими элементами, как гвозди и шурупы; конструированию бомб для подрыва автомобилей. Мугние лично посетил лагерь для того, чтобы провести с Айяшем и некоторыми его товарищами беседу о том, как искать и вербовать потенциальных подрывников-смертников, находить к ним подход и осуществлять тонкий и трудный процесс убеждения их на совершение «дела».

Пока люди Ясина проходили боевую подготовку в безлюдных холмистых районах, его организация перестраивалась на Западном берегу и в секторе Газа. В течение многих лет ХАМАС создавал обширную сеть активистов и сборщиков средств в странах Персидского залива, Иордании и Соединенных Штатах. Общее руководство этой деятельностью осуществлял Муса Абу Марзук, гражданин США. Богатые шейхи из Саудовской Аравии, вместе с такими же состоятельными людьми из Эмиратов и богатыми мусульманами, проживающими на Западе, жертвовали средства на организацию. После массовой депортации хамасовцев в Ливан Марзук направил одного из своих помощников, Мухаммада Салаха, из США на оккупированные территории с сотнями тысяч долларов наличными^[1098].

Международное давление на Израиль росло с каждым днем. Ситуация в лагере освещалась СМИ, Израиль подвергался острой критике со стороны Совета Безопасности ООН, ему угрожали санкции. Кроме того, возникла все обостряющаяся конфронтация с администрацией нового американского президента Билла Клинтона и его госсекретарем Уорреном Кристофером. К февралю 1992 года Рабин понял, что осуществленное мероприятие было большой ошибкой, и согласился на предложение Кристофера вернуть часть депортированных в Израиль немедленно, а оставшихся – к концу года, в обмен на вето США в пользу Израиля при голосовании в Совете Безопасности.

Изгнанные хамасовцы вернулись в сектор Газа и на Западный берег как победители. Айяш стал командиром подразделения бригад имени Изз ад-Дина аль-Кассама на Западном берегу и организовал атаку смертника в Мехоле в апреле 1993 года, в которой погиб только сам террорист. Для следующих акций Айяш выжидал некоего решающего

момента, который бы навсегда оправдал и легитимизировал в глазах палестинцев взрывы террористов-смертников.

Этот момент наступил 25 февраля 1994 года, когда Барух Гольдштейн, родившийся в Бруклине последователь раввина Меира Кахане и «Лиги защиты евреев», который иммигрировал в Кирьят-Арба, поселение возле Хеврона, открыл огонь по мусульманам, молившимся в мечети Ibrahimi Mosque, расположенной в Пещере Патриархов, одинаково почитаемой и иудеями, и мусульманами и являющейся местом погребения Авраама.

За полторы минуты стрельбы из полученного в Армии обороны автомата Galil надевший в этот момент израильскую военную форму Гольдштейн умудрился расстрелять четыре магазина. Но потом один из мусульман бросил в него огнетушитель и сбил Гольдштейна с ног. Молящиеся набросились на стрелка и забили его до смерти. Перед тем как он был обезврежен, Гольдштейн умудрился убить 29 молившихся и около ста ранить.

В исламском мире многие рассматривали этот акт не только как омерзительное преступление по отношению к невинным людям, но и как объявление евреями войны самому исламу.

Этого-то момента и ожидал Яхья Айяш. Он отсчитал положенные 40 дней после расстрела прихожан, и 6 апреля завербованный им террорист-смертник взорвал себя у двух автобусов в израильском городе Афула, к северу от Западного берега, унеся с собой жизни восьми гражданских лиц. Неделью спустя другой смертник убил 5 израильтян на автобусной остановке в Хадере. 19 октября Айяш нанес удар по центру Тель-Авива, где палестинец нажал кнопку на своем поясе шахида в автобусе № 5 на улице Дизенгофф, убив 22 человека. Атаки смертников продолжались.

«До тех пор палестинские террористы, с которыми мы имели дело, очень хотели жить, – говорил Ави Дихтер из Шин Бет. – Даже Лейле Халед во время последней ее акции по захвату самолета, с двумя гранатами в руках, не хватило мужества взорвать себя перед лицом израильского агента безопасности, целившегося в нее из пистолета. Ситуация кардинально изменилась в 1993 году, и это удивило нас. Мощь террористов значительно возросла. Ведь подрывнику-смертнику не нужны оперативные навыки; это всего один выключатель: „выкл.“ –

„вкл.“. Когда в списке кандидатов в террористы-смертники числится 400 человек, любой поймет всю серьезность положения»^[1099].

Конкуренты ХАМАС заметили успехи Айяша и поддержку, которую его деятельность получила на палестинских улицах. 11 ноября 1994 года член «Палестинского исламского джихада» подорвал себя рядом с постом Армии обороны на перекрестке Нетцарим в секторе Газа, убив трех офицеров-резервистов. 25 января 1995 года террорист из «Исламского джихада» в израильской военной форме ворвался в толпу солдат, ожидавших автобуса на остановке Бейт-Лид, в сорока километрах к северо-востоку от Тель-Авива. Он нажал контакт, в результате чего сдетонировало около десяти килограммов взрывчатки, находившихся у него под одеждой. Десятки израильских военных были разметаны сильным взрывом. Когда к раненым побежали другие солдаты, среди них подорвал себя и второй террорист. Секундами позже должен был замкнуть на себе контакт и третий смертник, но трусил и убежал.

В этой атаке был убит 21 израильский солдат и один гражданский. Шестьдесят шесть человек было ранено, некоторые из них очень тяжело. Премьер-министр и министр обороны Рабин вскоре прибыл на место происшествия, где еще валялись части человеческих тел и все было залито кровью. Пока премьер находился там, самопроизвольно возникла демонстрация негодующих граждан. Однако протестующие выкрикивали лозунги скорее не против террора, а против Рабина. «Убирайся в Газу», – ревела толпа. На иврите это проклятие звучит похоже на «Убирайся в ад».

По возвращении в Тель-Авив Рабин, «кровь которого буквально кипела от гнева»^[1100] (по словам начальника его секретариата Эйтана Хабера), созвал совещание всех руководителей оборонного ведомства. «Это безумие должно быть остановлено, – сказал он. – Дайте мне “красные” листы на подпись».

Принесите нам голову Айяша

Не таким представлял себе Ицхак Рабин второй срок в качестве премьер-министра.

Он был избран благодаря обещаниям обеспечить безопасность страны – Рабин воспринимался как жесткий военный руководитель, объявивший бескомпромиссную войну террору, – и предпринимать дипломатические инициативы, которые должны были вывести Израиль из изоляции, принести ему экономическое процветание и положить конец интифаде.

Рабин всерьез пришел к пониманию того, что оккупация палестинских земель должна была прекратиться. Он согласился с процессом в Осло, инициированным Шимоном Пересом и его сторонниками, хотя и сделал это без энтузиазма, испытывая сомнения и скепсис по поводу намерений палестинцев. Все это было видно по его лицу и языку жестов, когда президент Клинтон уговорил его на рукопожатие с Арафатом по время церемонии подписания мирного соглашения на лужайке Белого дома 13 сентября 1993 года.

Рабин был уверен в том, что этот процесс должен развиваться постепенно, при этом Израиль на первом этапе должен был уйти только из сектора Газа и Иерусалима и не подписывать сразу всеобъемлющего соглашения. Это позволило бы Израилю передавать Палестинской национальной администрации оккупированные территории по частям и контролировать ее действия, чтобы убедиться в том, что Арафат в точности соблюдает свою половину соглашения. Это также означало бы, что главные спорные вопросы – право палестинских беженцев на возвращение, статус Иерусалима, будущее израильских поселений на Западном берегу и в секторе Газа и возможность превращения Палестинской автономии в суверенное государство – должны были решаться на более поздней стадии. Рабин надеялся, что это позволит ему избежать острой дискуссии, которая почти наверняка возникнет в Израиле, когда на повестку дня будут поставлены эти непростые вопросы.

Однако эта острая дискуссия настигла Рабина уже в тот момент^[1101]. Большая часть израильского общества была уверена в том, что Соглашения в Осло увеличивают вероятность террористических атак и что вследствие мирного процесса и возврата территорий под контроль Арафата терроризм будет только усиливаться. Все, что нужно было делать правым в Израиле, – повторять слово в слово тезис Ясина: никогда не будет никакого компромисса, никогда он не примет существования еврейского государства. То, что начиналось как стихийные демонстрации группок экстремистски настроенных поселенцев, постепенно превратилось в кампанию протестов по всему Израилю, которые набирали силу после каждой атаки террористов и все больше концентрировались на убийственной критике в адрес самого Рабина. Эти протесты дополнительно разжигались лидерами партии «Ликуд» – Ариэлем Шароном и Биньямином Нетаньяху.

Тем временем палестинцы с растущим недовольством видели, как их лишают их земли – Рабин ограничил строительство новых поселений, но не запретил его совсем и не эвакуировал ни одного израильского поселения с оккупированных территорий, – и теряли надежду на то, что мирный процесс приведет к созданию палестинского государства. В то же время, поскольку Арафат стремился избежать конфронтации с исламской оппозицией, он воздерживался от любых попыток бороться с исламскими боевиками и террористами-смертниками из ХАМАС и «Исламского джихада».

«Ни одна из сторон не понимала требований противоположного лагеря, – рассказывал Ами Аялон, который во второй половине 1990-х годов был руководителем Шин Бет, – так что в конечном счете обе стороны стали чувствовать себя обманутыми, что было вполне оправданно. Мы не получили безопасность, а они не получили свое государство»^[1102].

Усилия по разрешению конфликтов на северных границах Израиля были не более успешными^[1103]. Госсекретарь США Кристофер выступил посредником между Израилем и Сирией с целью достижения мирного соглашения, по которому Израиль уйдет с Голанских высот и, возможно, из Ливана, а Сирия постарается положить конец направленным против Израиля действиям «Хезболлы». Однако никакого существенного прогресса в ходе этих переговоров не отмечалось. «Хезболла», подначиваемая сирийцами,

которые стремились оказывать давление на Израиль, продолжала наносить урон войскам Армии обороны Израиля в Ливане.

Израильтяне с трудом выдерживали шаткий статус-кво, существовавший в ливанской зоне безопасности. Многие боевые командиры Армии обороны были в ярости, требуя, чтобы им дали карт-бланш на решительные действия. Наиболее видным из таких военных был бригадный генерал Эрец Герштейн, крепко сбитый мужчина с такой харизмой и уверенностью в себе, что многие считали его в перспективе следующим начальником Генерального штаба. Герштейн проводил параллели между Южным Ливаном и Вьетнамом, главным образом в смысле уроков, которые следовало извлечь из ошибок американцев. «Мы сидим в крепости и бездействуем, думая, как они (“Хезболла”), вместо того чтобы выбраться из своих укрытий и атаковать их там, где они не ожидают, и убивать их командиров», – говорил он^[1104].

Армия освобождения Ливана (SLA) тоже была недовольна, чувствуя себя в роли пушечного мяса, которому даже не разрешают наносить ответные удары. Акль аль-Хашем, заместитель командующего ливанской милицией, годами упрашивал Израиль разрешить ливанцам атаковать хотя бы командиров «Хезболлы»^[1105].

И эти призывы были услышаны. 1 января 1995 года Амнон Липкин-Шахак сменил Эхуда Барака на посту начальника Генерального штаба АОИ. Решив выйти из тени своего предшественника, он круто изменил линию армии в Ливане. С того момента это должна была быть война, и отношение к «Хезболле» будет такое же, как к настоящему врагу. Липкину нужны были дополнительные силы: специалисты по сбору разведывательной информации и отряды специального назначения, хорошо подготовленные в диверсионной работе и ликвидациих.

Липкин-Шахак и командующий Северным военным округом генерал-майор Амирам Левин, один из лучших экспертов АОИ по специальным операциям, быстро организовали новое спецподразделение, получившее наименование «Эгоц» («Орех» на иврите), в задачу которого входило ведение противопартизанских действий в отношении «Хезболлы»^[1106]. Один из первых командиров «Ореха» Моше Тамир пояснял: «Значительный объем тактических методов, которые я применил в “Орехе”... были почерпнуты мной из книг об операциях британской армии в Гималаях и Индокитае. Очень

полезен оказался также и опыт, приобретенный американцами во Вьетнаме, особенно на низовом уровне»^[1107]. Как и офицеры британских и американских вооруженных сил, как французы в Алжире, Тамир, Герштейн и их коллеги были уверены в том, что при наличии у них достаточных ресурсов, времени и поддержки они смогли бы победить «Хезболлу».

«Орех» начал осуществлять засады и рейды внутри Ливана, в тех местностях, где «Хезболла» чувствовала себя в безопасности, преподнося боевикам сюрпризы и убивая их в больших количествах. Одним из убитых был Нади Насралла, сын лидера движения.

Левин принимал участие в операции «Весна молодости» и вынес из нее убеждение в важности «целевых» ударов по командирам «Хезболлы»^[1108]. Ронен Коэн, который только что был назначен начальником ливанского отдела в разведке Северного военного округа, на практике занялся разработкой новой тактики. Оба они решили сосредоточиться на ликвидации полевых командиров «Хезболлы» и региональных военных руководителей среднего уровня, а не высших чинов организации. Левин был уверен в том, что в «Хезболле» прекрасно понимали разницу между операциями в отношении ее руководителей в Бейруте и тактическими действиями в Южном Ливане. Если крупные акции должны были вызывать очень острую реакцию, возможно даже за пределами Ближнего Востока, ответные действия на тактические операции будут ограниченными по масштабам и сосредоточенными только на Ливане и Северном Израиле.

До того времени все «целевые» убийства за границами Израиля осуществлялись «Моссадом», тогда как Армия обороны в лучшем случае оказывала разведке только поддержку. Однако «Хезболла» для «Моссада» была не более чем пограничной проблемой, с которой должна иметь дело Армия обороны. И даже если бы «Моссад» изменил приоритеты, он почти не был способен на наступательные операции в Ливане. «Проще говоря, – пояснял Коэн, – мне было понятно, что если мы хотели наносить удары по значимым целям “Хезболлы”, то выполнять их должна была самостоятельно Армия обороны Израиля»^[1109].

Операция против Мусави, хотя стратегически оказалась не безупречной, была для Коэна хорошей моделью с тактической точки

зрения: идентифицировать цель с помощью дрона, обозначить ее лучом лазера, а затем, привязав к этому лучу, выпустить по цели ракету. Это был недорогой и эффективный метод.

Командование Северного военного округа выбрало цель – человека по имени Рида Ясин, более известного под именем Абу-Али Рида, командира отрядов «Хезболлы» в районе Набатии, который жил в поселке Завтар-аль-Чаркие. Как полевой командир среднего уровня в Южном Ливане, Рида подходил под заданные параметры, и к нему имелся доступ, которого зачастую не было к другим командирам такого уровня.

После двух недель наблюдения Коэну удалось собрать достаточно информации относительно Риды, которому присвоили кодовую кличку «Золотой улей» для проведения в отношении него операции. Раз в неделю Рида ездил на совещание руководителей «Хезболлы» в Бейрут и возвращался поздно вечером. Затем на следующее утро он около 8:30 отправлялся в свой офис. Первоначальный план предусматривал, что в это время за Ридой будет наблюдать агент, который убедится в том, что в машину сел только сам объект и никто другой. После подтверждения этого факта наблюдение за Ридой будет осуществлять дрон, который проследит его выезд из поселка, а затем наведет на автомашину луч лазера, по привязке к которому вертолет выпустит ракету по цели.

Операция «Золотой улей», которая управлялась из ситуационной комнаты командования Северного военного округа, чуть не была прекращена. Дело в том, что 30 марта 1995 года агент, расположившийся неподалеку от дома Риды, с удивлением обнаружил, что стоянка машины объекта пуста. Агент не мог находиться на месте операции долго, не вызывая подозрений, поэтому вынужден был покинуть его. Однако дрон оставался в небе, передавая на КП изображение, пока на мониторах не появилась возвращающаяся домой машина Рида. Кто-то вышел из нее и прошел в дом, но Левин, Коэн и их подчиненные в командном бункере не смогли разглядеть его лицо. Не смогли они идентифицировать и человека, который через час вышел из дома, сел в машину, завел двигатель и поехал из поселка, пересекая реку Литани и двигаясь на юг в сторону Набатии. Ясно, что возникла проблема: кто теперь сидел за рулем автомашины? Был это сам Рида или кто-то из его детей? Следует ли отдавать команду открывать по машине огонь?

Левин рискнул. Он приказал пилоту вертолета Apache стрелять.

Спустя три часа радиостанции «Хезболлы» буквально взорвались новостями об убийстве^[1110]. В машине был Рида, причем один. В сумятице репортажей израильтяне смогли уловить, что люди Мугние потрясены, а их уверенность в себе подорвана. Один из их людей был ликвидирован с большой дистанции, помеченный тихим и невидимым летающим роботом. Это был второй раз, когда дрон использовали для ликвидации человека.

Насралла поклялся отомстить, и «Хезболла» ответила очередным ракетным ударом по Северному Израилю. Семнадцатилетний юноша, занимавшийся бегом на береговой линии, не услышал предупредительных сирен и был убит прямым попаданием. Тем не менее, как и предсказывали Левин и Коэн, в «Хезболле» рассматривали инцидент как локальный и не пытались перенести месть за Риду за пределы Ближнего Востока.

Операция «Золотой улей» послужила образцом для ряда ударов по шиитским полевым командирам среднего уровня^[1111]. Однако схемы этих атак не всегда повторяли схему «Золотого улья». «Орех» и другие подразделения спецназа устанавливали взрывные устройства на автомашины объектов или дороги по маршруту их движения, которые затем подрывались дистанционно при помощи самолетов или агентов.

Тем временем Левин и Коэн перестраивали систему управления и контроля за «целевыми» убийствами – кто определяет цели и кто дает финальное *rashai* (разрешение на открытие огня). Это был очень важный момент. До тех пор все «красные» листы на «негативную операцию» должны были сначала проходить VARASH – комитет руководителей разведслужб страны, в котором председательствовал директор «Моссада». Затем они должны были утверждаться на высшем политическом уровне и подписываться премьер-министром, который перед принятием решения часто советовался с другими министрами.

Из-за высокого риска дипломатических осложнений в случае провала легализация каждого «красного» листа требовала размышлений и значительного времени, что часто заканчивалось его неутверждением.

Левин и Коэн смогли избежать этого сложного процесса благодаря лексическим уловкам. «Целевое» убийство в Ливане уже не было

больше убийством – это был «перехват». Такая акция со всей очевидностью уже не требовала скрупулезного изучения, хотя по-прежнему было необходимо разрешение начальника Генерального штаба АОИ.

В то время никто не видел особенных проблем в этом обходном маневре^[1112]. Рабин, который являлся одновременно и премьер-министром, и министром обороны, доверял своему начальнику Генерального штаба Липкину-Шахаку и был вполне удовлетворен докладами о текущих операциях армии в ходе еженедельных совещаний в офисе министра обороны.

И тем не менее «был создан прецедент»^[1113], как сказал один из старших офицеров командования Северного военного округа, «в котором убийство называлось по-другому и подпадало теперь под совершенно другую схему принятия решений в целях понижения уровня его санкционирования». Другими словами, убийство человека не требовало больше согласия премьер-министра.

Следует признать, что сомнения в эффективности нового порядка отсутствовали. После многих лет разочарований в зоне безопасности Армия обороны Израиля создала целостную систему организации «целевых» ликвидаций, быстро добывая необходимые разведывательные сведения и реализуя их в операциях. За два с половиной года Армия обороны провела двадцать семь таких «целевых» ликвидаций, главным образом против боевиков «Хезболлы». Двадцать одна операция увенчалась успехом.

Пока Левин и Коэн меняли схемы организации «целевых» убийств в зоне безопасности, израильские разведывательные службы раздумывали над тем, как исполнить два «красных» приказа, которые Рабин подписал в начале 1995 года.

В тот же вечер, когда два террориста-смертника убили 21 израильского солдата и одного гражданского на автобусной остановке в Бейт-Лиде, израильская разведка узнала, кто несет за эту атаку ответственность и, следовательно, кто должен быть ликвидирован. Это был Фатхи Шакаки, лидер «Палестинского исламского джихада». Его организация образовалась из группы палестинских студентов, которые в 1970-х годах изучали медицину в университете города Загазика, рассаднике исламского фанатизма. Проработав недолгое время педиатром в секторе Газа, Шакаки создал небольшую секретную

организацию, которая в каком-то смысле стала конкурентом ХАМАС шейха Ясина. Идеологические постулаты Шакаки отличались от постулатов ХАМАС, поскольку он считал, что священный джихад должен стоять над социальными реформами, тогда как в ХАМАС поддерживали оба этих направления деятельности. Группа, сплотившаяся вокруг Шакаки, имела только одну цель: осуществление террора против Израиля.

В течение трех лет Шакаки неоднократно попадал в израильские тюрьмы и выходил из них, пока, наконец, в 1988 году его не депортировали из Газы в Ливан. Корпус стражей исламской революции взял Шакаки под свое крыло и добился для него разрешения организовать собственную базу в Дамаске, снабжая его деньгами и оружием. Через короткое время организация Шакаки развила бурную деятельность под патронажем иранцев, и «Палестинский исламский джихад» отметился рядом террористических атак. Самой кровопролитной из них оказался хорошо спланированный обстрел из автоматов автобуса с израильскими туристами в Египте, произошедший в пятидесяти километрах от Каира в феврале 1990 года. Были убиты девять израильтян и двое египтян, девятнадцать человек были ранены. После успешных атак взрывников-смертников, организованных ХАМАС, иранцы дали Шакаки «зеленый свет» на проведение подобных акций. Взрыв в Бейт-Лиде был апогеем этой смертоносной кампании^[1114].

Спустя четыре дня после этой атаки Шакаки дал интервью корреспонденту журнала Time Ларе Марлоу в своем офисе в Дамаске^[1115]. Он не признал, что прямо участвовал в операции, но рассказал о деталях ее организации, улыбаясь и посмеиваясь, будучи явно довольным тем, что погибло 22 израильтянина.

К тому времени подпись Рабина стояла на «красном» смертном приговоре Шакаки уже в течение трех дней^[1116]. Приказ был необычным. По факту это был первый «красный» лист, который Рабин подписал со времени вступления на пост премьера. В то время соглашение с ООП и создание Арафатом Палестинской национальной администрации привело многих израильтян к заключению, что война с палестинцами – взрывы, террористические атаки, убийства и похищения людей по всему миру – закончилась. «Моссад» рассматривал акции террористов-смертников как внутреннюю

проблему, относящуюся к компетенции Шин Бет; были даже люди, которые предлагали уменьшить численность управления по борьбе с арабским терроризмом «Моссада» наполовину.

Кроме того, Фатхи Шакаки был палестинским лидером, которым многие на оккупированных территориях восхищались. Решение о его ликвидации, несмотря на риск возникновения беспорядков среди палестинцев в этой связи, указывало на выстраданное Рабином понимание того, что война с палестинцами была еще далека от завершения.

В действительности атака в Бейт-Лиде привела к изменениям в понимании Рабином безопасности Израиля. После этой кровавой акции он начал определять террор по-другому: не как «пчелиные укусы», а как «стратегическую угрозу». До сих пор словосочетание «стратегическая угроза» резервировалось для определения масштабных военных действий врага, которые создавали опасность для значительной части населения или территории Израиля или могли привести к разрушению государства, как, например, неожиданное военное нападение арабских стран в 1973 году или возможность получения Саддамом Хусейном ядерного оружия. «Причина изменения Рабином данного определения, с чем я полностью согласен, – рассказывал Карми Гиллон, в то время заместитель руководителя Шин Бет, – состояла в том, что террору удалось заставить правительство суверенного государства менять свои решения или откладывать их реализацию из-за того эффекта, который производили террористические акты на израильских улицах»^[1117].

Несмотря на эти изменения в подходах и понимании угроз, исполнение «красного» приказа в отношении Шакаки все равно требовало осторожности, поэтому наблюдение за объектом заняло месяцы^[1118]. Оперативники «Моссада» сумели организовать прослушку дома и офиса Шакаки, однако убивать его в Дамаске было неудобно. Проводить операцию в Сирии было и физически небезопасно, и политически рискованно. Ури Саги, шеф АМАН в тот период, сказал Рабину, что такая операция может повредить проходившим тогда при посредничестве США мирным переговорам между Израилем и Сирией.

Однако убийство Шакаки за пределами Сирии тоже было непростым делом. Шакаки знал, что он в опасности, и ездил только в другие

арабские страны или в Иран – такие же труднодоступные для израильских оперативников страны. На протяжении почти шести месяцев люди из «Кесарии» старались определить место и время, где и когда эта атака стала бы возможной. 9 апреля давление на «Моссад» увеличилось: начиненный взрывчаткой автомобиль был подорван террористом-смертником в секторе Газа рядом с израильским автобусом^[1119]. Были убиты 7 израильских солдат и Алиса Мишель Флэтоу, двадцатилетняя студентка из Уэст-Орендж, штат Нью-Джерси. Более тридцати человек получили ранения. Через короткий промежуток времени еще один взрыв заминированной машины ранил 12 человек. «Найдите решение, – сказал Рабин директору “Моссада” Шабтаю Шавиту. – Мы должны покончить с этим человеком».

Через месяц «Моссад» выступил с предложением, поначалу вызвавшим протесты. Его существо состояло в том, чтобы, как это уже было в ходе операции «Весна молодости» в 1973 году и ликвидации Абу Джихада в Тунисе в 1988-м, Армия обороны оказала бы содействие «Моссаду», который не мог осуществить акцию в одиночку.

Начальник Генерального штаба Липкин-Шахак, отношения которого с Шавитом в то время были уже натянутыми, в принципе не возражал против убийства Шакаки, но полагал, что «Моссад» должен это сделать самостоятельно и что не было необходимости привлекать военных из Армии обороны к операции, планировавшейся к проведению вдалеке от границ Израйля. Между двумя этими руководителями возник ожесточенный спор, который был прерван премьером Рабином, принявшим решение в пользу Шавита^[1120].

Результаты наблюдения за Шакаки свидетельствовали о том, что он регулярно контактировал с Муаммаром Каддафи, даже выдавшим ему ливийский паспорт на имя Ибрагима Шавиша, и часто бывал у ливийского диктатора либо индивидуально, либо в сопровождении других видных террористов^[1121]. В тот период Ливия находилась под жесткими международными санкциями из-за участия в терроризме, и большинство авиакомпаний туда не летали. Поэтому Шакаки обычно летал из Бейрута или Дамаска на Мальту, а затем в Тунис, где брал напрокат эксклюзивный автомобиль, обычно «БМВ» или «ягуар», а потом сам проезжал 750 километров до Триполи.

В этих условиях представлялось, что установка бомбы рядом с пустынным шоссе была идеальным вариантом. В июне отряд командос флотилии 13 высадился на тунисском побережье и направился к шоссе, утопая в песке под грузом четырех тяжелых контейнеров, в каждом из которых находилось по 200 кг взрывчатки. Контейнеры были помещены на специальные алюминиево-титановые носилки, прочные, но гибкие. Каждые носилки несли четыре крепких спецназовца, продвигаясь по песчаным дюнам в сторону шоссе Тунис – Триполи. По плану бойцы должны были вырыть рядом с дорогой на участке с минимальным движением глубокую яму и заложить в нее взрывчатку. Тем временем оперативники «Кесарии» должны были наблюдать за тем, как Шакаки берет в Тунисе машину в аренду, и прикрепить к ней передатчик, или «маяк» на оперативном жаргоне, способный посылать сильный радиосигнал. Именно сигнал этого устройства должен был активировать детонатор бомбы, когда машина проезжала мимо, а взрыв – разорвать автомобиль и водителя на куски.

«Этим шоссе мало кто пользуется, – говорил один из координаторов операции из “Кесарии” на заключительном совещании, – поэтому очень высока вероятность того, что в момент операции объект будет совершенно один и пройдет немало времени, прежде чем кто-то обнаружит, что произошло, и еще много часов, прежде чем на место придут спасатели или следователи»^[1122].

4 июня 1995 года поступил сигнал: Шакаки приобрел билет до Мальты с вылетом через неделю. Операция по его ликвидации началась^[1123]. Два израильских ракетных катера вышли из Хайфы, нагруженные снаряжением и с морскими командос под началом Иоава Галанта, командира флотилии 13 на борту. Путь в 2000 километров занял два с половиной дня. Катера встали на якорь на безопасном удалении от берега в той точке Средиземного моря, через которую проходила воображаемая пограничная линия между Тунисом и Ливией. Ами Аялон, ставший к тому моменту командующим ВМС Израиля, управлял операцией дистанционно.

Прошло семь лет с того времени, как Галант возглавлял отряд морских командос, высадивший бойцов «Сайерет Маткаль» на тунисское побережье в ходе операции по уничтожению Абу Джихада. Теперь Армия обороны имела на вооружении гораздо более продвинутую технику. На огромном экране РИТ Аялон видел точные

указания в режиме реального времени на местоположение всех участников операции.

На суперпрочных надувных лодках с моторами командос высадились на берег примерно в десяти километрах от ливийского прибрежного городка Сабратха.

«Двигаться по этим дюнам было очень трудно, – рассказывал один из командос. – Каждый из нас держал конец штанги носилок, мы старались не провалиться в песок и вспотели до изнеможения. Я до сих пор помню тот желтый, чистейший песок. В другое время с удовольствием растянулся бы на нем рядом с морем и позагорал. Но не в тот день. Уже светало, и нам нужно было быстро зарыть взрывчатку. Мы продолжали идти вперед, как вдруг услышали в наушниках фразу “Прекратить движение!” – исходившую от передовой группы. Очень скоро мы поняли причину команды»^[1124].

Оказалось, что хотя разведывательная информация о передвижениях Шакаки была точной, люди из «Моссада» упустили из виду, что именно в тот день по шоссе двигался международный автопробег Марокко – Египет. Некоторые водители достигли участка дороги, к которому приближались командос, как раз в то время и съезжали на обочину на отдых. Они открыли бутылки с напитками и громко обменивались фразами на английском, немецком и французском, смеялись и проклинали песок, который проникал в двигатели машин. Галант посоветовался с Аялоном. Опасность того, что участники автопробега обнаружат спецназовцев, возрастала с каждой минутой. («Один из них может отойти в сторонку и опорожниться по-маленькому, а то и по-большому прямо на наши головы», – сообщал Галант по радио.) Кроме того, было непонятно, сколько еще пробудут автомобилисты в этом месте и не подъедут ли к ним другие участники автопробега. Это означало, что даже если бы бомба была установлена и приведена в действие вечером, могли бы пострадать невинные «не арабы». Аялон приказал командос возвращаться^[1125]. Риск убийства гражданского лица или лиц был слишком высок, операция была отменена.

Прошло еще четыре тягостных месяца. Наконец в середине октября «Моссад» перехватил информацию, которая позволяла разведке рассчитывать на нанесение самостоятельного удара, без всяких сложных комбинированных действий с Армией обороны Израиля.

В офисе Шакаки в Дамаске зазвонил телефон, который по-прежнему прослушивался «Моссадом». На линии был помощник Каддафи, приглашавший Шакаки в Ливию на конференцию, в которой должны были принять участие лидеры еще нескольких повстанческих организаций. Шакаки сказал, что приехать не сможет. Однако впоследствии «Моссад» узнал, что там будет Саид Муса аль-Мурагха – Абу Муса – военный руководитель одной из экстремистских палестинских фракций, которая взбунтовалась против Арафата и покинула ООП, а теперь базировалась в Дамаске и действовала под покровительством сирийцев. Абу Муса, помимо прочего, был конкурентом Шакаки.

«Если Абу Муса поедет в Ливию, наш клиент не сможет остаться в стороне, – сказал Мишка Бен-Давид, руководитель разведки в “Кесарии”, на совещании в штаб-квартире “Моссада”, на котором рассматривался этот вопрос. – Скажите ребятам, чтобы они были наготове»^[1126].

Не было ясно, что же в конце концов решит Шакаки. Но в «Моссаде» посчитали, что если он поедет, то станет уязвим во время остановки на Мальте или во время наземного путешествия в Ливию.

За несколько месяцев до этого сотрудник под псевдонимом Джерри (его имя до сих пор засекречено) был назначен руководителем подразделения «целевых» убийств. Это был немногословный человек, которого не очень любили коллеги. Военную службу он проходил в специальном подразделении бойцов-ныряльщиков. Он уже принимал участие в ликвидации Джеральда Булла и Атафа Бсейсо и был уверен, что новая должность поднимет его в табели о рангах «Моссада» к тому, к чему он по-настоящему стремился – стать командиром «Кесарии». «Я хочу сесть в кресло Майка Харари», – сказал он своему другу. Таким образом, убийство Шакаки становилось для Джерри и предметом государственной важности, и вопросом личных амбиций.

22 октября Джерри и его группа прилетели на Мальту и стали ждать в аэропорту, изучая всех прибывавших пассажиров. После того как приземлились несколько самолетов, Джерри передал по радио своим партнерам и в «Моссад» в Тель-Авив: «Здесь есть один человек, который сидит в сторонке и ожидает рейса. Я проверю его». Напряжение возросло. Через минуту Джерри снова вышел в эфир:

«Думаю, у нас есть идентификация. На нем парик, но высока вероятность, что это наш клиент».

Не выходя из аэропорта, Шакаки сел на рейс до Туниса. В «Моссаде», однако, знали, что обычно он проводит день-два в отеле Diplomat на мальтийском курорте Слиема либо по пути в Ливию, либо по дороге обратно. Высоки были шансы, что, если оперативники выждут несколько дней, Шакаки окажется уязвимым.

Шакаки вновь прилетел на Мальту утром 26 октября после посещения конференции в Ливии. Его установил в аэропорту наблюдательный пост «Кидона», и к 10:00 два оперативных работника уже находились в лобби гостиницы. Шакаки приехал на такси и зарегистрировался на одну ночь. Сам отнес свой багаж в номер, не дав портье возможности сделать это. Один из израильтян проследовал за ним и увидел, что Шакаки заходит в номер 616^[1127].

Достаточно спокойная и заполненная туристами Мальта считалась «базовой страной», в которой было не опасно проводить операции. Так что выбор того, как именно осуществить ликвидацию, оставался за Джерри. Он вызвал свою группу на улицу поблизости от отеля и кратко проинструктировал.

В 11:30 Шакаки вышел из отеля, повернул налево и зашагал по улице, наслаждаясь хорошей погодой. Зашел в магазин Marks & Spenser, оперативник последовал за ним, понаблюдав, как он купил там одну рубашку и еще три – в другом магазине. Джерри стоял на противоположной стороне улицы. Увидев Шакаки выходящим из магазина, он шепотом произнес в микрофон, укрепленный у него в рукаве, всего два слова: «Медовая булочка». Это был кодовый приказ начать акцию.

Шакаки не заметил ничего необычного и продолжил прогулку. Он не обратил внимания на мотоцикл «ямаха», который начал медленно приближаться к нему сзади в 13:15, пока не поравнялся с объектом. Затем, когда Шакаки оказался один на тротуаре, пассажир на заднем сиденье мотоцикла достал пистолет с глушителем. Он выстрелил два раза Шакаки в голову, а потом, когда тот упал, еще один раз сзади в шею. Пистолет имел пластиковый мешочек, в который упали выброшенные из оружия гильзы, тем самым оставляя следователям из мальтийской полиции очень немного следов.

Мотоцикл набрал скорость и умчался, а две арендованные машины подобрали остальных участников операции. Они встретились на близлежащем пляже, где скоростной катер с тремя командос, одетыми в гражданскую одежду и выглядевшими как обыкновенные туристы, подобрал их и доставил на израильский ракетный катер, который ждал вдали от побережья. На следующий день мальтийская полиция нашла на пляже брошенный мотоцикл^[1128].

В связи с изменением подходов к определению угрозы терроризма после атаки в Бейт-Лиде Рабин приказал интенсифицировать сбор разведывательной информации на лидеров ХАМАС, и прежде всего на Яхью Айяша, «Инженера», которого подготовили за границей и который весной 1993 года принес на территорию Израиля тактику подрывов террористов-смертников. В 1994 и 1995 годах Айяш организовал в Израиле девять террористических атак смертников, в которых погибли 56 человек и 387 были ранены. Израильское общественное мнение кипело от возмущения при виде телерепортажей и газетных полос с изображениями льющейся крови и обгорелых трупов в автобусах. Рабин понимал, что должен что-то делать, и подписал «красный» приказ в отношении Айяша.

Это было необычно. Айяш организовывал акции смертников с Западного берега и сектора Газа, то есть территорий, подконтрольных Палестинской национальной администрации. Здесь действовала юрисдикция ПНА, и именно она должна была арестовывать Айяша и его людей. В то время Израиль и ПНА вели переговоры о следующих шагах в рамках процесса в Осло, и проведение израильцами операций на территории ПНА могло рассматриваться как серьезное нарушение мирного соглашения и вызвать политические осложнения.

Рабин постоянно требовал от Арафата, чтобы тот, как председатель ПНА, действовал твердо и решительно, чтобы прекратить акции подрывников-смертников. Один из ответственных сотрудников разведки, который присутствовал при телефонных разговорах Рабина с Арафатом, вспоминал, что премьер жестко отчитывал председателя. Когда Рабин положил трубку, «у него было красное лицо»^[1129], и он жаловался, что Арафат и его люди ничего не делают, чтобы остановить ХАМАС и «Палестинский исламский джихад».

Со своей стороны Арафат постоянно отрицал, что палестинцы имеют к этим атакам какое-либо отношение. Признанный мастер

заговоров и интриг, Арафат выдвинул свое, совершенно необоснованное обвинение. «За всеми этими и многими другими атаками стоит секретная израильская организация OAS, которая действует внутри Шин Бет в сотрудничестве с ХАМАС и “Исламским джихадом” и имеет целью срыв мирного процесса»^[1130], – утверждал Арафат.

К началу 1995 года израильтяне поняли, что все надежды, которые они возлагали на то, что Палестинская национальная администрация сама остановит террористические атаки, были по меньшей мере нереалистичными. «После всех этих контактов, переговоров, запросов и требований, которые мы выдвигали перед палестинцами, мы в конечном счете приняли решение полагаться только на себя и принимать все возможные меры к тому, чтобы противостоять терроризму», – говорил Гиллон.

Так совпало, что 22 января, именно в тот день, когда два смертника произвели атаки в Бейт-Лиде, руководитель Шин Бет Яков Пери вызвал к себе Исраэля Хассона и попросил его занять пост начальника центрального филиала службы, отвечавшего за весь Западный берег.

Хассон, один из самых опытных оперативных работников Шин Бет, сказал, что согласится только при условии кардинального изменения подходов к работе против Яхьи Айяша.

«Если вы думаете, – сказал Хассон Пери, – что это местная проблема, ответственность за которую лежит на кураторе Рафата (деревни, в которой родился Айяш), то глубоко ошибаетесь. Айяш разрушает политический процесс. Единственный путь добраться до него – заставить всю нашу службу и каждого ее сотрудника вставать утром и спрашивать себя: “Что я могу сегодня сделать для того, чтобы поймать Айяша?”»

Пери спросил Хассона, чего он хочет.

«Я хочу высшей власти над всеми факторами внутри нашей службы, которые помогут решению проблемы Айяша», – ответил Хассон.

Пери, сам опытный психолог и агентурист, который хорошо знал, как сделать людям приятное, с улыбкой сказал: «Тогда прямо здесь я назначаю тебя главным начальником в нашей службе по делу Айяша».

«В таком случае пообещайте мне, что вы не станете мешать мне и любое мое решение по данному вопросу будет окончательным», – сказал Хассон.

Пери был уверен, что ему удастся убедить Рабина подписать «красный» приказ в отношении Айяша, но был достаточно опытен, чтобы не попасться в организационные ловушки, поэтому ответил Хассону: «Исраэль, за тобой стоит вся служба. Начинай работу и принеси нам голову Айяша»^[1131].

Хассон принял новое назначение и изучил всю развединформацию, которая имелаась в общей службе безопасности на Айяша. Ее было очень немного. Оказалось, что вот уже более года ни один из надежных источников Шин Бет не имел контактов с Айяшем или его ближайшими помощниками; точных данных о его местонахождении не было, за исключением одного сообщения о том, что ХАМАС помог Айяшу бежать в Польшу, поскольку в организации боялись, что рано или поздно Шин Бет до него доберется.

Хассон сомневался в достоверности этой информации. «Как он может быть в Польше, когда вокруг акций по подрывам смертников полно отпечатков его пальцев?» – задал он вопрос на совещании в феврале. Он объявил, что полностью меняет подход к этой проблеме.

До тех пор главными врагами Шин Бет были различные организации – члены ООП. Обычно они действовали маленькими группами, базируясь в местах своего проживания. Соответственно, и оперативная работа Шин Бет строилась по территориальному принципу – в деревнях, поселках, городах, районах и регионах, где оперативники и агентура собирали сведения о происходящем. Каждая оперативная группа действовала почти полностью независимо, координация между ними была ограничена и осуществлялась только на уровне руководства. Оперативники, работавшие по одной теме, никогда не встречались в организованном порядке для того, чтобы обменяться информацией или сообща обсудить практические действия.

А движение ХАМАС работало по совершенно другой схеме. Его активисты и боевики выполняли поставленные перед ними задачи не по месту жительства, а в других районах. Каждую операцию они проводили в разных местах, оставаясь в сфере досягаемости центрального командования. Получалось, что оперативник Шин Бет специализировался на сборе сведений только в пределах своей территории, что не давало существенных результатов.

Хассон создал новую схему взаимодействия по делу Айяша, который получил кодовую кличку «Кристалл»^[1132]. Вся разведывательная информация по нему должна была концентрироваться в кабинете Хассона и находиться в его распоряжении. Из локального дела, которым по отдельности занимался ряд оперативных работников Шин Бет, причем каждый со своим начальником и набором приоритетов, операция «Кристалл» превратилась в дело национального масштаба, по которому решения принимал только Хассон. Это явилось некоей организационной микрореволюцией: теперь Хассон мог отдавать приказы через головы местных начальников, что вызывало немало недовольства.

Хассон приказал различным подразделениям Шин Бет срочно провести вербовки палестинцев, которые могли помочь израильтянам. Он также отдал приказ о повторных допросах десятков арестованных хамасовских активистов, находившихся в израильских тюрьмах. В результате этих мероприятий было арестовано и допрошено еще 35 активистов ХАМАС. Их помещали на ночь в общих камерах, меняя состав заключенных, а все их разговоры записывали. В дополнение к этому использовалась и внутрикамерная агентура из числа палестинских заключенных (их называли «куклами»), которых подсаживали в эти камеры для того, чтобы они «развязывали языки» хамасовцам.

Очень быстро выяснилось, что Айяш был исключительно умным человеком. Еще задолго до того, как стало известно, что правоохранные органы и спецслужбы могут использовать прослушку телефонов для тайного сбора информации, Айяш прилагал максимум усилий, чтобы не использовать одни и те же стационарные и мобильные номера и постоянно менять места ночевки. И что самое главное, он, казалось, не доверял никому^[1133].

Однако в конечном счете усилия по установке местонахождения «Кристалла» принесли свои плоды^[1134]. Оказалось, что он не находился в Польше и никогда там не был. Он был в северной части Западного берега, действуя в окрестностях городка Калкилия, в местности, которая частично находилась под контролем Израиля, а частично – Палестинской национальной администрации. Прямо под носом у Шин Бет. «Нельзя возлагать вину за то, что Айяш не был пойман, исключительно на Палестинскую администрацию, – говорил

Карми Гиллон, который сменил Пери на посту директора общей службы безопасности. – Это была и наша неудача, и мы должны признать это».

В апреле, спустя четыре месяца после подписания «красного» приказа по Айяшу, Шин Бет получила сведения о том, что он собирается посетить встречу руководства ХАМАС в Хевроне. Хассон посчитал, что действовать в то время было очень рискованно и что необходимо активизировать разведывательное проникновение в ХАМАС, однако давление со стороны премьера Рабина о необходимости ликвидации Айяша было слишком сильным, чтобы ему можно было противостоять. Переодетые арабами оперативники подразделения «Птицы» устроили засаду на Айяша в непосредственной близости от места проведения совещания, в очень враждебной и густонаселенной местности. «К его счастью и к счастью наших ребят, Айяш на то совещание не приехал, – рассказывал Хассон. – Я сомневаюсь, что нам удалось бы вывести из зоны операции всех наших людей. Это был абсолютно безумный план, однако в связи с той опасностью, которую представляла эта ужасная личность, мы решились на его осуществление»^[1135].

В стратегическом плане удобным оказалось и то, что Айяш вообще больше нигде не появился. В мае выяснилось, что ему удалось улизнуть в сектор Газа^[1136] благодаря обнаружению и использованию «щелей» в израильской системе безопасности вокруг границы. «Это тоже были наши ошибки», – признал Гиллон^[1137].

В течение многих месяцев оперативные работники Шин Бет пытались выследить Айяша в секторе Газа. Они знали, что он действует там, но осуществлять аресты на этой территории не могли. Они искали повторяющиеся моменты в его поведении, режиме дня, пробелы в безопасности – любые слабости и недостатки объекта, которые можно было бы использовать.

Наконец, в конце августа в Шин Бет поступила информация, что изредка Айяш осуществляет телефонные звонки из дома своего последователя и друга детства Усамы Хамада, проживавшего в городке Бейт-Лажия в северной части сектора Газа. С телефона Хамада Айяш разговаривал с Ираном и Ливаном, а также с некоторыми из своих подчиненных в движении ХАМАС. Кроме того, при каждом

посещении дома Хамада Айяш имел продолжительные разговоры со своим отцом, жившим на Западном берегу.

Это была ценная информация.

Однако Хассон считал, что ликвидация Айяша должна стать частью более крупной комплексной операции, в ходе которой Шин Бет глубже проникнет в ХАМАС и получит контроль над путями контрабанды оружия в сектор Газа и из него. «Но у ребят все горело внутри, – рассказывал Хассон, косвенно критикуя Ави Дихтера, начальника Южного филиала Шин Бет (человека, который через пять лет одержит победу над Хассоном, когда они будут конкурировать за пост директора общей службы безопасности). – Они больше всего хотели записать эту победу на свой счет. Они говорили тогда: “Сначала давайте покончим с Айяшем, а затем посмотрим, что получится дальше”. Жаль»^[1138].

Дихтеру был представлен план убийства Айяша. Последний всегда осуществлял телефонные звонки из комнаты, примыкавшей к гостиной в доме Хамада. Когда дома никого не будет, оперативники подразделения «Птицы» проникнут в него и заложат взрывное устройство вместе с камерой, которая передаст изображение. Когда Айяш присядет в той комнате и его голос будет идентифицирован через прослушивающее устройство, взрывчатка будет подорвана.

«Но здесь перед нами встала дилемма как перед страной, которая хотела остановить терроризм хирургическими методами и остаться верной моральным принципам, – рассказывал позднее Дихтер. – Было относительно просто организовать взрыв и отправить Айяша далеко на небеса. Но мы знали, что он находится в доме, где есть дети, и у нас не было возможности гарантировать, что они не пострадают от бомбы. Из-за этого нам пришлось менять всю схему операции»^[1139].

Шин Бет нужно было гораздо менее мощное взрывное устройство, вес которого измерялся бы в граммах. Оно должно было быть способным убить Айяша, но не должно было подвергать риску окружающих. Может быть, такое, которое Айяш держал бы у своего уха.

Решение пришло тогда, когда Шин Бет удалось обнаружить связь между Хамадом и израильским агентом. Дядя Хамада был состоятельным строителем по имени Камаль Хамад, и в прошлом уже сотрудничал с израильской службой безопасности. Кураторы Камала

из Шин Бет попросили его найти убедительный предлог для того, чтобы подарить своему племяннику новый мобильный телефон – Motorola Alpha – со складывающейся трубкой.

«В телефоне спрятан микропередатчик, чтобы мы могли слушать разговоры», – сказали оперативники Камалю, которому выдали очень приличную сумму денег, а после операции подарили квартиру в Израиле.

Сотрудники Шин Бет лгали Камалю. Вместо передатчика в телефон было вмонтировано 50-граммовое взрывное устройство с дистанционно управляемым детонатором. 28 октября, через два дня после убийства Шакаки, Айяш прибыл в дом Хамада, который передал ему новый мобильный телефон и вышел из комнаты, чтобы не мешать командиру ХАМАС. Технические возможности Шин Бет были в то время не так уж велики, поэтому для съема сигнала с телефона использовался специальный самолет. Он передавал сигнал в штаб-квартиру Южного филиала службы, где переговоры слушал оператор, хорошо знавший голос Айяша. Когда он убедился, что по телефону говорит «Инженер», он подал сигнал на активацию детонатора.

Оператор начал было снимать наушники, чтобы уберечь свои барабанные перепонки от оглушающего звука взрыва, который вот-вот должен был раздаться, но вместо этого по телефону шел обычный разговор. На детонатор был подан еще один сигнал, но Айяш продолжал с кем-то разговаривать. «Ты жмешь на кнопки и раз, и другой, – рассказывал Дихтер, – но кофе остается в кофейном автомате»^[1140].

Миниатюрная бомба не сработала, но, по крайней мере, она не была обнаружена. Позже Камаль сказал своему племяннику, что возник какой-то вопрос с телефонными счетами и телефон нужен ему на пару дней. В технической лаборатории устранили проблему, телефон был возвращен Хамаду, и все ожидали нового появления Айяша у него.

В четверг 2 ноября один из руководителей подразделения охраны высших лиц государства службы Шин Бет позвонил по зашифрованной связи своему коллеге Ицхаку Илану, который отвечал за сбор разведывательной информации Южным филиалом службы^[1141]. «Послезавтра вечером, – сказал звонивший Илану, – в Тель-Авиве на площади Царей Израиля состоится массовый митинг в поддержку правительства и мирного процесса. Будет выступать Рабин. После

ликвидации Фатхи Шакаки вы не получали новую информацию о возможных действиях “Исламского джихада” по отмщению гибели их лидера покушением на премьер-министра?»

Илан ответил, что никакой конкретной информации не было, но в южных районах отмечаются волнения в связи с убийством Шакаки, и хотя Израиль не взял на себя ответственность за акцию, в «Палестинском исламском джихаде» не сомневаются, что именно он стоит за этим. Больше всего Илан опасался взрыва заминированной машины на месте мероприятия и рекомендовал очистить все пространство вокруг площади от припаркованных автомобилей. После их разговора подразделение по охране руководителей государства решило принять дополнительные меры безопасности.

Митинг в пользу мира был организован левыми группами в противовес яростным протестным акциям, которые организовывали правые и которые превращались в острые пропагандистские мероприятия против Рабина^[1142]. Демонстранты жгли его портреты, изображали его в нацистской форме и таскали гробы, на которых было написано его имя. На некоторых таких акциях протестующие старались прорваться через кордоны охраны и атаковать премьера, и кое-где им это почти удалось. Руководитель Шин Бет Гиллон предупреждал, что еврейские террористы могут попытаться нанести ущерб премьер-министру. Он даже просил его использовать бронированный автомобиль и бронежилет. Рабин, который не воспринимал предупреждения Гиллона всерьез, противился идее о бронежилете и надевал его исключительно редко.

Митинг прошел очень успешно. Хотя Рабин и сомневался, что сторонники левых придут на него и продемонстрируют свою позицию, на площади собралось по меньшей мере 100 000 человек, которые криками поддерживали премьера. Они видели, что Рабин, обычно очень закрытый человек, был переполнен эмоциями. «Я хочу поблагодарить каждого из вас за то, что вы выступили против насилия и за мир, – начал он свою речь. – Это правительство... решило дать миру шанс. Я был военным всю свою жизнь. Я воевал все то время, пока не было шанса на мир. Я думаю, что сейчас этот шанс появился, великий шанс, и мы должны воспользоваться им. У мира есть враги, которые стараются нанести нам вред, чтобы подорвать мирный процесс. Я хочу сказать безо всяких “если” и “но”: мы нашли

партнеров в поисках мира даже среди палестинцев – это ООП, которая еще недавно была врагом, но прекратила террор. Без партнеров мира быть не может».

После этого Рабин обменялся со многими людьми на подиуме рукопожатиями и в сопровождении телохранителей направился к своему бронированному автомобилю, ожидавшему неподалеку. Охранники из Шин Бет увидели смуглого молодого человека, который оказался на пути премьера. Однако, видя его семитскую внешность, не стали пытаться убрать его с дороги. Этот молодой человек, Игал Амир, студент-юрист, близкий к экстремистски настроенным поселенцам Хеврона, с удивительной ловкостью проскользнул мимо телохранителей и трижды выстрелил в премьер-министра, убив его.

Лиор Акерман из следственного отдела Шин Бет был первым, кто допрашивал Игала Амира в следственном изоляторе службы: «Он появился с ухмылкой на лице, которая оставалась на нем в течение многих часов. Объяснял мне, что Рабин предал родину и кто-то должен был его остановить. “Вот увидите, мои выстрелы остановят мирный процесс и передачу территорий палестинцам”, – сказал он»^[1143].

Убийство прозвучало в Израиле как гром среди ясного неба. Как и в Америке после убийства президента Джона Кеннеди, все запомнили, где точно они находились в тот момент, когда передавались скорбные известия. Сотни тысяч израильтян вышли на улицы, зажигали свечи и плакали. Шок был тем более сильный, что никому не приходило в голову – включая людей, отвечавших за охрану премьер-министра, – что еврей может убить лидера еврейского государства. Шин Бет потерпела два сокрушительных поражения: первое, когда служба ничего не ведала о террористической ячейке, которую организовал Амир; второе, когда позволила ему приблизиться вплотную к премьеру с пистолетом в руке. В службе воцарилось настроение отчаяния.

Но Айяш был еще жив, и Шимон Перес, который сменил Рабина на постах премьера и министра обороны, подписал «красный» лист против хамасовского «Инженера». Руководитель Шин Бет Карми Гиллон решил не уходить в отставку сразу после убийства Рабина, а продолжить работу до ликвидации Айяша, чтобы период его нахождения у руля общей службы безопасности не был столь разочаровывающим для организации.

К тому же мини-бомба все еще оставалась в мобильном телефоне. Утром в пятницу 5 января 1996 года Айяш вернулся в дом Усамы Хамада, откуда он накануне ночью ушел в укромное место – подвал в лагере беженцев в Джабалии. В 9:00 отец Айяша – Абд аль-Латиф Айяш – позвонил по номеру мобильного телефона Хамада, того самого, который он получил от своего дяди Камаля. «Я передал телефон Айяшу и услышал, как отец спрашивает его о делах, – рассказывал Хамад. – Потом вышел из комнаты, чтобы оставить Айяша одного».

Айяш сказал своему отцу, что очень его любит и скучает по нему. Этого было достаточно, чтобы оператор, знавший голос Айяша, подал знак. На этот раз радиосигнал точно попал в телефон через самолет и активировал детонацию заряда.

«Неожиданно телефон замолчал, – рассказывал Абд аль-Латиф Айяш. – Я думал, что-то со связью, и попробовал набрать номер снова. Но ответа не было. А потом мне сказали, что мой сын убит»^[1144].

Айяша похоронили на следующий день в Газе. На похороны пришли тысячи людей. Той ночью боевики ХАМАС начали вербовать террористов-смертников на Западном берегу. Официальный представитель движения сказал: «Ворота ада раскрылись».

«Хитер и увертлив, как змея... наивен, как малый ребенок»

К тому времени как Шин Бет разобралась с Яхьей Айяшем, на нем лежала вина за гибель и увечья сотен людей. Он нанес неизмеримый ущерб государству Израиль и мирному процессу.

В то время в верхушке ХАМАС имелось еще несколько полевых командиров, которые руководили региональными силами организации на Западном берегу и в секторе Газа. Они тоже несли ответственность за кровавые атаки на израильтян. Однако между Айяшем и всеми остальными существовала значительная разница. Если последние действовали в основном на оккупированных территориях и главным образом устраивали засады на дорогах на израильских солдат с применением стрелкового оружия, то Айяш прежде всего организовывал атаки террористов-смертников в самом Израиле и нацеливал их на гражданское население.

В последние месяцы своей жизни Айяш учил группу хамасовских активистов созданию небольших, но мощных взрывных устройств для использования смертниками и методике их вербовки и подготовки. Одним из таких активистов был Диаб аль-Масри. После того как он был включен в список разыскиваемых Шин Бет лиц, его стали называть в организации ХАМАС Мухаммедом Дейфом, что по-арабски означает «Мухаммед-гость», поскольку каждую ночь он проводил в новом месте. Дейф родился в 1965 году в лагере беженцев Хан-Юнис в секторе Газа в семье, которая бежала в ходе войны 1948 года из деревни поблизости от Ашкелона. Дейф вступил в ХАМАС вскоре после его организации в 1987 году. В мае 1989 года он был в первый раз арестован и приговорен к 16 месяцам тюрьмы за принадлежность к военному крылу ХАМАС. Немедленно после освобождения вернулся к своей прежней деятельности и участвовал в занятиях, которые проводил Айяш в песчаных дюнах за пределами Газы. В ноябре 1993 года стал руководить террористическими операциями ХАМАС в секторе Газа.

В день похорон Айяша Дейф стал руководителем бригад имени Изз ад-Дина аль-Кассама, военной организации ХАМАС. В ту ночь он начал вербовать подрывников-смертников. В следующем месяце он приступил к осуществлению акций возмездия.

Дейф и его люди организовали четыре террористические атаки. 25 февраля 1996 года смертник подорвал себя в рейсовом автобусе в Иерусалиме, убив 26 человек. В тот же день другой террорист убил одного солдата и ранил еще 36 на остановке на окраине Ашкелона, где израильские военнослужащие голосовали автостопом. Неделью спустя, 3 марта, еще одна террористическая атака смертника произошла в автобусе в Иерусалиме. Погибли 19 и получили ранения 8 человек. На следующий день подрывник привел в действие взрывное устройство возле очереди в банкомат в Центре имени Дизенгоффа, оживленном торговом центре в Тель-Авиве, убив 13 и ранив более ста человек.

Шимон Перес, сменивший Рабина на посту премьер-министра, быстро оценил всю серьезность этих террористических атак с точки зрения их воздействия на израильское общественное мнение, поддержку мирного процесса и свои перспективы на выборах, назначенных на май. Он подписал «красный» лист в отношении Дейфа и приказал общей службе безопасности Шин Бет сделать все необходимое, чтобы покончить с ним, но Дейф оставался в живых. Палестинская национальная администрация, которая должна была помочь Шин Бет бороться с терроризмом в качестве составной части мирного процесса, ничего не делала. Джибрил Раджуб, один из руководителей палестинской службы безопасности, близкий к Арафату, заявил: «У меня не было необходимых сил. Я хотел бороться, но у меня не было людей, средств и полномочий»^[1145]. Юваль Дискин, осуществлявший связь с палестинцами, не соглашался: «Джибрил – лжец, – говорил он. – У него имеются огромные силы, но есть и приказы от Арафата не проявлять излишнего рвения»^[1146].

Перед перечисленными выше четырьмя террористическими атаками Перес пытался заставить Арафата арестовать Дейфа и 34 других подозреваемых в терроризме. 24 января он ездил в Газу для срочной встречи с Арафатом. С ним был руководитель АМАН Яалон, который сказал Арафату: «Вы должны сейчас же арестовать этих людей, иначе все потонет в хаосе».

«Немедленно арестуйте Мухаммеда Дейфа!» – потребовал Перес.

Арафат посмотрел на них широко открытыми от удивления глазами. «Мухаммеда *shu?*» – спросил он по-арабски. «Мухаммеда кого?»^[1147]

Однако в конечном счете Арафат осознал, что подрывники-смертники заставляли его выглядеть в глазах собственного народа так, будто бы он не способен управлять Палестинской национальной администрацией, а в глазах международного сообщества – будто бы он помогает, пусть косвенно, террористам-убийцам. Он понял, что мирный процесс закончится, если израильтяне продолжат взрывать в автобусах и торговых центрах. После четвертой атаки его службы безопасности развернули жестокую кампанию против ХАМАС, арестовав около 120 активистов исламистского движения и подвергнув их самым изощренным допросам. Но к тому времени было уже поздно.

«Арафат был очень сложным человеком, – говорил Перес, – с психологией нам не совсем привычной. С одной стороны, он был хитер и увертлив, как змея. С другой – наивен, как малый ребенок. Он хотел быть всем одновременно – и человеком мира, и человеком войны. С одной стороны, он обладал феноменальной памятью – помнил все имена, все дни рождения, все исторические события. С другой – факты и правда не всегда его интересовали. Мы сидели рядом, и я ел из его рук – рук, пораженных экземой, а это требует мужества. Я приносил ему информацию на главных хамасовских террористов, базировавшихся на подконтрольных ПНА территориях. Он очень хорошо знал, что эта информация точна, но лгал мне в лицо, не испытывая при этом никаких проблем. Когда его удавалось в чем-то убедить, всегда было уже слишком поздно. Террор разрушил меня, погубил меня, лишил меня власти»^[1148].

Волна террора в феврале и марте 1996 года служит примером того, как атаки смертников могут изменить ход истории. В начале февраля Перес, по опросам общественного мнения, опережал оппозицию, возглавляемую консервативным «ястребом» Биньямином «Биби» Нетаньяху, на 20 %. К середине марта Нетаньяху существенно сократил этот разрыв, и Перес выигрывал только 5 %. 29 мая Нетаньяху победил с перевесом в 1 % голосов. Причиной были террористические атаки, которые Перес просто не смог остановить. Последователи Яхьи Айяша обеспечили победу правых и «сорвали

мирный процесс», по словам заместителя руководителя Шин Бет Исраэля Хассона^[1149].

При этом удивительно, что после выборов террористические атаки прекратились почти на год. Некоторые утверждали, что причиной тому стала кампания Арафата против ХАМАС и арест многих активистов из военного крыла движения. Другие были убеждены, что теперь для ХАМАС не имело смысла осуществлять атаки смертников, поскольку Нетаньяху практически полностью остановил мирный процесс, что в любом случае явилось краткосрочным достижением движения.

Нетаньяху не отказался от Соглашений в Осло, но его правительство нагромодило вокруг мирного процесса бесчисленные сложности, и на протяжении первого срока премьерства Нетаньяху он практически застопорился. С другой стороны, и сам Нетаньяху никогда не торопился применять силу или инициировать агрессивные действия. Его тактика заключалась в том, чтобы ничего не делать: не предпринимать никаких инициатив – ни к войне, ни к миру.

Что же касается Арафата, он пребывал в ярости от постоянных проволок с уходом израильтян с палестинских территорий. В отместку он освободил некоторых активистов ХАМАС, которых задержал ранее. 21 марта 1997 года движение снова нанесло удар в самом сердце Тель-Авива, где смертник подорвал себя на тротуаре рядом с кафе, совсем недалеко от дома бывшего премьер-министра Давида Бен-Гуриона. Были убиты три женщины и ранено 48 человек, некоторые очень серьезно. Даже после такого террористического акта Нетаньяху снова проявил сдержанность и, невзирая на предложение своих советников осуществить военную операцию на палестинских территориях, воздержался от отдачи приказа на применение силы.

Взрыв в Тель-Авиве высветил растущий разрыв в оценках Арафата двумя основными израильскими спецслужбами, отвечающими за борьбу с террором в стране. В возглавляемом Аялоном Шин Бет считали, что палестинский лидер пассивен и слаб, позволяет террористическим атакам продолжаться и не предпринимает усилий для сдерживания ХАМАС, потому что хочет избежать конфронтации с фундаменталистским исламистским движением.

В АМАН, во главе которой стоял харизматичный и обладающий собственным мнением генерал-майор Моше Яалон, полагали, что в центре всей проблемы стоит именно Арафат. Руководители Шин Бет и

АМАН читали одни и те же расшифровки секретных разговоров Арафата с лидерами ХАМАС, но только Яалон считал, что эти разведывательные материалы свидетельствовали о том, что именно Арафат дал зеленый свет террористическим атакам, чтобы вывести переговоры из тупика. Яалон всегда повторял всем трем премьер-министрам, при которых он находился на посту шефа военной разведки – Рабину, Пересу и Нетаньяху, – что, по его оценкам, «Арафат готовит своих людей не к миру, а к войне». Оглядываясь назад, Яалон называл «глупым» тезис Рабина о том, что Израиль должен «стремиться к миру, как будто не существует террора, и бороться с террором, как будто нет мира».

И все потому, что человек, с которым Израиль пытается установить мир, является одновременно и фигурой, которая генерирует террор.

Яалон был членом киббуца в пустыне Арабах и происходил из семьи крупного деятеля израильского левого рабочего движения. Но говорил, что увиденное им в разведывательных материалах в качестве руководителя АМАН, а позже – начальника Генерального штаба Армии обороны заставило его изменить взгляды и склониться вправо. Стремительный рост в военной и политической иерархии усилил его «ястребиную» позицию, и это в конечном счете оказало серьезное воздействие на политику Израиля на десятилетия вперед. Правые радостно приняли Яалона в свои ряды, поскольку очень немногие представители разведывательных структур разделяли их точку зрения. Он станет одним из ближайших соратников Нетаньяху, который назначит его на пост министра по стратегическим вопросам, а затем министра обороны. Однако в 2016 году Нетаньяху изгонит Яалона с высокого поста после того, как тот, известный приверженец закона и дисциплины, будет настаивать, что солдат, убивший беззащитного раненого террориста, должен быть отдан под трибунал^[1150].

Яалон также всегда считался одним из самых честных израильских политиков, и нет никакого сомнения, что его отвращение к Арафату было искренним. Он остался твердым в своем убеждении, что Арафат всегда активно поддерживал терроризм. «Шин Бет привыкла собирать доказательства, которые выстоят в суде и приведут к осуждению преступника, – часто говорил он. – Но Арафат, конечно, гораздо изощреннее. Он не говорит лидерам ХАМАС: “Идите и осуществляйте атаки”, – но говорит с ними о священной войне и выпускает на

свободу главных боевиков, которых ранее сам арестовал. Ничего больше и не нужно. До сего дня не было обнаружено ни одного подписанного Гитлером приказа о массовом уничтожении евреев. Разве это означает, что он не давал его?»^[1151]

Бригадный генерал Иосси Купервассер, один из главных аналитиков АМАН, поддерживал шефа: «Когда ему было нужно, Арафат закрыл 19 организаций, связанных с ХАМАС, и арестовал многих активистов движения. Потом начал их освобождать, когда решил, что пора возобновить террористические акции. ХАМАС требовал от него доказательств серьезности его намерений. “Освободите Ибрагима аль-Макадмеха, – требовали они. – Только этим вы покажете, что даете нам карт-бланш”. Почему Макадмех? Потому что он возглавлял отряд, который должен был ликвидировать самого Арафата. Арафат согласился, и вскоре они нанесли удар поблизости от бывшей резиденции Бен-Гуриона»^[1152]. Купервассер утверждает, что Арафат был достаточно хитер для того, чтобы отпускать арестованных хамасовцев, проживавших на подконтрольных Израилю территориях, чтобы израильтяне сами были виноваты в их судьбе, и в любом случае освобождал только тех, кто не имел отношения к ФАТХ, чтобы создавать видимость максимальной дистанции между собой и террористическими атаками.

Рынок Махане-Иегуда в Иерусалиме почти всегда полон народа. Люди покупают здесь дешевые продукты и одежду. Расположенный между двумя важнейшими городскими артериями – Яффской дорогой и улицей Агриппас, рынок существует еще с конца XIX века. Помимо прочего, это место является популярной туристической достопримечательностью, где торговцы громко расхваливают свое мясо, рыбу, цветы и фалафель, где смешиваются все краски и ароматы настоящего большого рынка.

В полдень 30 июля 1997 года никто не обратил внимания на двух мужчин, одетых в темные костюмы и белые рубашки с галстуками, пробиравшихся сквозь бурлящую толпу. В руках у мужчин были тяжелые атташе-кейсы, и они упорно продвигались по направлению к центру рынка, держа между собой дистанцию 50 метров – именно так, как инструктировал их Мухаммед Дейф. Затем притянули к себе свои кейсы, как будто собирались их обнять.

В каждом кейсе находилось около 15 килограммов взрывчатки, а также гвозди и шурупы как поражающие элементы.

Мужчины подорвали кейсы, и образовалось два огромных огненных шара с разлетающейся шрапнелью. Было убито 16 и ранено 178 человек.

В заявлении, направленном в адрес Красного Креста, ответственность за взрыв взяло на себя движение ХАМАС. Но Дейф понимал по результатам расследования предыдущих террористических актов, что Шин Бет установит смертников по останкам и использует эту информацию, чтобы найти людей, с которыми они контактировали перед взрывами. На этот раз были приняты все меры, чтобы скрыть личности смертников. Например, с их одежды были срезаны все бирки, которые могли помочь найти продавцов, способных опознать их^[1153]. Смертники крепко прижимали бомбы к себе. Активисты ХАМАС не разрешали их родственникам ставить палатки для посещений соболезнующих, что обычно принято у палестинцев. Таким образом Шин Бет лишалась возможности идентифицировать подрывников и создать картину их контактов.

Тем не менее после тщательного расследования общая служба безопасности смогла доложить премьер-министру, что установила личности погибших террористов и за организацией атак и вербовкой исполнителей стоит Мухаммед Дейф.

Спустя десять дней после терактов премьер-министр Биньямин Нетаньяху созвал совещание кабинета министров по вопросам безопасности. В самом начале встречи он ясно дал понять собравшимся, что больше не намерен проявлять сдержанность по отношению к террористам. После того как руководители Шин Бет и «Моссада» рассказали министрам о том, что многие деятели ХАМАС нашли убежище в Иордании, Сирии, государствах Залива, США и Европе, Нетаньяху объявил, что выступает за принятие в отношении них решительных мер. Кабинет санкционировал, чтобы премьер-министр (он же министр обороны) определил конкретные цели.

На следующий день Нетаньяху вызвал директора «Моссада» Динни Ятома и потребовал у него список объектов для ликвидации^[1154]. Ятома сопровождал руководитель «Кесарии» Хаим Х. и начальник разведки «Кесарии» Моше (Мишка) Бен-Давид.

Бен-Давид был необычной для «Моссада» личностью. Небольшого роста и крепкого телосложения, он носил неуставную длинную бороду и начал работать в «Моссаде» в 1987 году, в уже сравнительно зрелом возрасте 35 лет. Его мать была переводчицей и издателем, говорила с ним только по-русски, и Бен-Давид тоже говорил на этом языке до того, как выучил иврит. Когда ему исполнилось 18, знание русского естественным образом привело его в подразделение радиоразведки 8200, где он прослушивал переговоры советских военных советников. После окончания службы в Армии обороны он в течение некоторого времени представлял молодежное движение в США, потом возглавил молодежный центр в Израиле. Разводил лошадей в гористых районах возле Иерусалима, писал книги, защитил докторскую диссертацию по литературе и получил черный пояс по карате. Бен-Давид женился и воспитывал троих детей.

Только достигнув всего этого, он решил поступить на службу в «Моссад». «Это действительно меня заинтересовало, – объяснял он, – и я понял важность для государства и лично для меня как сиониста участия в обеспечении безопасности страны после стольких лет, потраченных на себя. Я видел бушующую в Ливане войну и понимал, что до мира еще далеко и это мало кого волнует от Иерусалима до Тель-Авива».

Конечно, это не означало, что всем все равно, добавлял Бен-Давид. Но гораздо проще притворяться, что наш мир не такой уж опасный. «Толпа посетителей кафе в Тель-Авиве начинает нервничать, когда сталкивается с реальной картиной мира, где государство Израиль оказывается перед лицом экзистенциальной угрозы, и с тем фактом, что на земле существует немало людей и организаций, прилагающих все усилия и не жалеющих средств на разработку планов по нанесению нам ущерба и разрушению нашего государства, – говорил Бен-Давид. – Гораздо приятнее не думать о плохих людях и просто наслаждаться жизнью... Я полагаю, что большинство людей в “Моссаде” похожи на меня. Любовь к приключениям, интригам, желание построить успешную карьеру – все это хорошо только до финального вызова на рейс 337 в Тегеран. На этом все кончается. Без твердого убеждения в том, что твое дело правое, и сильной патриотической мотивации вторую свою операцию вы уже не переживете»^[1155].

Ятом с помощниками прибыли в офис премьер-министра Нетаньяху, подготовив досье на несколько потенциальных целей для ликвидации из числа активистов ХАМАС, находившихся в Европе и на Ближнем Востоке и участвовавших в поставках движению оружия и денег. Одним из них был Махмуд аль-Мабхух, который в 1988 году похитил и убил двух израильских солдат и позже скрылся в Египте. Нетаньяху отверг представленный ему список. «Принесите мне большие имена, а не эту мелочовку, – сказал он. – Мне нужны лидеры, а не купцы»^[1156].

Приказ Нетаньяху создал проблему для Бен-Давида и его коллег. Высшее руководство ХАМАС находилось в Иордании, с которой Израиль три года назад подписал мирный договор. Израильская разведка в соответствии с приказом Рабина и с учетом принятой дипломатической практики не могла проводить операции на территории этой страны без разрешения ее властей. И было понятно, что король Хусейн – чьими подданными в основном были палестинцы – такого разрешения израильтянам не даст.

До сих пор остается спорным вопрос о том, сумел ли «Моссад» убедить Нетаньяху в существовании логистических трудностей. «Нетаньяху сказал нам, что хочет осуществления этих операций без оставления каких-либо следов, – рассказывал Бен-Давид. – Руководитель “Кесарии” Хаим Х. сказал премьеру: “Я знаю, как проводить такие операции с помощью автоматов, пистолетов или бомб. Но у меня нет опыта, как сделать такие акции тихими. Когда вы наносите удар по цели, вы должны вступить с ней в реальный контакт, все вокруг все видят – это уже не тайна, и если что-то идет не так, вы не можете бросить оружие и убежать”. Нетаньяху ответил: “Важно, чтобы вы провели тихую операцию... потому что я не хочу рисковать нашими отношениями с Иорданией. – И добавил: – Хочу, чтобы лидеры ХАМАС были стерты с лица земли. Я не могу позволить, чтобы произошли другие атаки террористов-смертников”»^[1157].

Наряду с этим бригадный генерал Шимон Шапира, помощник премьера по военным вопросам, который присутствовал на этих совещаниях, утверждал, что представители «Кесарии» никогда не говорили о том, что реализация ликвидаций в Иордании будет проблематичной. «Они создавали у нас впечатление, что это будет прогулка в парке, точно такая же акция, как если бы проводить ее в

центре Тель-Авива, – говорил Шапира. – Все было просто. Никакого риска и никакой опасности, что что-то пойдет не так»^[1158].

«Моссад» пришел к премьеру с новым списком потенциальных целей – четверьмя лидерами ХАМАС, проживающими в Иордании. Глаза у Нетаньяху загорелись^[1159]. Одно из имен ему было известно – Муса Абу Марзук, руководитель политического отдела ХАМАС. Марзук безо всяких помех работал в США до тех пор, пока Израиль не потребовал его экстрадиции. Американцы на требование Тель-Авива согласились, но премьер Рабин решил от экстрадиции воздержаться, поскольку Шин Бет предупредила его, что в случае суда над Марзуком могут быть раскрыты ее источники информации. Вместо Израиля американцы депортировали Марзука в Иорданию.

Кроме всего прочего, Марзук был гражданином США^[1160]. Это не беспокоило Нетаньяху – он был согласен с его ликвидацией, – но вызвало настороженность у «Моссада». Для того чтобы избежать возможных осложнений в отношениях с Америкой, «Моссад» поместил Марзука в самый конец списка целей. Его имя оказалось позади Халеда Машаля, заместителя Марзука, Мохаммеда Наззала, спонсора ХАМАС, и Ибрагима Гошеха, одного из ведущих сотрудников политического крыла.

На каждого из них «Моссад» располагал лишь ограниченной информацией, а ресурсов и времени для того, чтобы заполнить пробелы в ней, было мало^[1161]. «Целевое» убийство можно осуществить только при условии наличия достаточных разведсведений об объекте, поэтому было логично, что для операций в первую очередь выбирались цели, находившиеся в начале списка, хотя бы потому, что на них было больше информации. Таким образом, жизнь объекта, расположенного в конце списка, представлялась более безопасной.

Спустя восемь дней восемь оперативников из «Кидона» под командованием руководителя подразделения Джерри отправились в Иорданию на рекогносцировку. Они начали собирать информацию на Машаля, 41 года, который руководил деятельностью политического отдела ХАМАС из «Палестинского центра помощи», находившегося в одном из современных торговых центров в центральной части Аммана. За несколько дней израильтяне узнали, где он живет, как передвигается и как в основном строится его день. Оперативники уделяли мало времени Гошеху и Наззалу и совсем не занимались

Марзуком. Когда группа вернулась в Израиль, «Моссад» доложил Нетаньяху, что на Машаля собрано достаточно информации для осуществления его ликвидации, однако в отношении остальных троих сведений получено мало.

Пока сотрудники «Кидона» собирали информацию в Иордании, оперативники в штаб-квартире «Моссада» прикидывали, как осуществить ту самую «тихую операцию», которую требовал Нетаньяху. Имелось в виду, что убийство не должно было вызвать возмущения общественности, привлечь внимание к исполнителям и в идеале вообще выглядело бы так, будто Машаль умер от естественных причин. Рассматривались и отвергались различные варианты, в том числе, например, ДТП, пока не остался один: отравление. В научно-техническом подразделении «Моссада» во взаимодействии с Израильским институтом биологических исследований, секретном государственном НИИ, расположенном в городе Нес-Циона, долго обсуждался вопрос, какое токсическое вещество применить. В конечном счете было принято решение об использовании левофентанила, аналога мощного опиоида фентанила^[1162], в сто раз более сильного, чем морфин. (Фармацевтические компании, занимавшиеся изучением возможности применения левофентанила в хирургической анестезии, пришли к выводу о том, что уверенно контролировать действие этого вещества, чтобы избежать гибели пациентов, невозможно.)

План состоял в том, чтобы незаметно ввести смертельную дозу препарата в организм Машаля. Левофентанил является сравнительно медленно действующим соединением – в течение нескольких часов Машаль должен был испытывать все более нарастающую сонливость, пока не уснул бы совсем. Затем вещество замедлило бы его дыхание до полной остановки. Смерть должна была бы выглядеть как простой сердечный приступ; при этом левофентанил не оставляет в организме человека почти никаких следов. Обычное вскрытие ничего не покажет, если только не будут проведены тесты конкретно на этот препарат. «Сонное зелье богов», – назвал левофентанил кто-то в «Кесарии»^[1163].

Следующая проблема состояла в том, как ввести вещество в организм Машаля, чтобы это не обнаружилось. Израильский институт биологических исследований предложил использовать для этого ультразвуковой прибор, похожий на тот, что используют при

вакцинации малышей, который вводит вещество под кожу без иголки. Использование устройства все равно потребует близкого контакта с Машалем, который, скорее всего, почувствует дуновение влажного воздуха. В «Кесарии» решили, что лучшим местом для проведения операции будет открытое пространство, например людная улица, где прохожие случайно задевают друг друга. Два оперативника должны были приблизиться к Машалю сзади, один должен был открыть встряхнутую банку с газированным напитком, а другой в этот момент – распылить токсин из ультразвукового устройства, закрепленного скотчем на его ладони (вспомните, как Человек-Паук выбрасывал свою сеть). Когда Машаль обернулся бы посмотреть, откуда взялся влажный воздух, обдавший его, он увидел бы только двух туристов с шипящей банкой напитка в руках. Поскольку вещество это опасное, в Амман на операцию выедет врач из «Моссада» с противоядием на случай, если хоть капля препарата случайно попадет на одного из оперативников.

Ликвидаторы Машаля все еще отрабатывали свою технику^[1164] (многие пешеходы были обрызганы кока-колой на улице Ибн-Габируль в Тель-Авиве), когда в начале сентября три подрывника-смертника, причем один из них был переодет трансвеститом, чтобы избежать досмотров, подорвали себя на оживленной торговой улице Бен-Иегуда в Иерусалиме. Взрывами были убиты 5 и ранены 181 человек. Нетаньяху, посетивший пострадавших в медицинском центре Shaare Zedek Medical Center, сказал, что с него достаточно. «Я хочу, чтобы всем стало ясно, – заявил он, – с этого момента мы пойдем другим путем».

Первым шагом была ликвидация одного из лидеров ХАМАС. Премьер-министр приказал директору «Моссада» Ятому немедленно осуществить операцию «Кир Великий» по убийству Машаля. Ятом снова пытался убедить Нетаньяху сначала ударить по хамасовским агентам в Европе, но ему это не удалось^[1165].

Все крупные проблемы, которые впоследствии возникли, были результатом не столько приказа Нетаньяху, сколько согласия «Моссада» его исполнить. Оперативники имели право (которым они не раз пользовались в прошлом) сказать своим руководителям или даже премьер-министру, что считают операцию «несозревшей» или что связанный с ней риск был неоправданно высоким. Конечно, нелегко и

неприятно говорить об этом премьер-министру, который оказывает на вас давление.

Но с того момента, когда «Моссад» согласился немедленно исполнить ликвидацию Машаля, сотрудники разведки были обязаны предпринять ряд обычных подготовительных шагов^[1166]. Например, во время своей рекогносцировочной поездки в Иорданию они выступали в качестве европейских туристов, то есть под тем прикрытием, которым пользовались ранее, которое было протестировано и могло выдержать интенсивные проверки. Однако, поскольку на этот раз они слишком быстро возвращались в Иорданию, они использовали канадские документы и установочные данные, к которым были непривычны. К тому же оперативники не проводили «генеральную репетицию» в условиях симуляции зоны операции. Один из членов внутренней комиссии «Моссада» по расследованию инцидента заявлял позже: «Нельзя сказать, что план операции не мог обеспечить ей сногшибательный успех. Он, конечно, мог это сделать. Но операции такого рода и должны заканчиваться успехом или хотя бы не проваливаться. Принятие бесчисленных мер предосторожности должно обеспечивать невозможность того, чтобы непредвиденные обстоятельства или невезение могли испортить все дело»^[1167].

Помимо всего прочего, министр обороны Ицхак Мордехай, который должен был проверить ход подготовки и дать согласие на операцию (премьер-министры имеют формальное право поручать такие акции самому «Моссаду», но окончательное решение они принимают после консультаций еще с несколькими министрами), вообще был не в курсе готовящейся акции. Ранее он согласился с разведывательными мероприятиями по ней, но не был проинформирован об «отмашке» по ликвидации или месте ее осуществления. Мордехай, в прошлом боевой генерал, будучи человеком очень внимательным к деталям, вполне мог улучшить ход подготовки операции, как не раз бывало прежде. Но он просто ничего не знал о ней^[1168].

Директор «Моссада» Данни Ятом говорил о своей убежденности в том, что «операцию вполне можно было провести гладко и тихо, или я бы сообщил Нетаньяху об обратном. Оглядываясь назад, вполне допускаю, что оперативные службы неправильно информировали меня об оценке рисков»^[1169].

Нетаньяху не считал, что виноваты были его суждения и позиция: «Каковы обязанности премьер-министра? Определять политику. У “Моссада” есть разведывательные и оперативные подразделения, которые, по моему мнению, пребывали в летаргическом состоянии после ликвидации Шакаки. Я сказал им: “Дайте мне цели”. Среди прочих они указали мне на Халеда Машаля, который, на мой взгляд, был подходящим объектом. Моя работа не состоит в том, чтобы проводить внутренние расследования в “Моссаде”. Моя работа заключалась в том, чтобы задать вопрос “Вы можете выполнить это задание? Вы готовы к этому?”, и с того момента, когда они сказали “да”, я должен был полагаться на них»^[1170].

Первые двое оперативников «Кидона» отправились в Иорданию 19 сентября. Днем позже Джерри и пять других оперработников, включая одну женщину, разместились в гостинице InterContinental Hotel в Аммане. Отдельно туда же прибыли руководитель разведки «Кесарии» Бен-Давид и женщина-анестезиолог с псевдонимом «доктор Платина». «Моссад» время от времени задействовал ее в своих операциях. Например, именно она вводила транквилизаторы физику-ядерщику и диссиденту Мордехаю Вануну в Риме в 1986 году, чтобы стала возможной его доставка в Израиль для предания суду. На этот раз у «доктора Платины» было с собой противоядие от левофентанила^[1171].

В «Моссаде» решили устроить засаду на Машаля у входа в офис ХАМАС, который располагался на третьем этаже торгового центра Shamiya. Машаля нужно было пройти от своего автомобиля, остановившегося у тротуара, через открытую арочную галерею, состоявшую из нескольких сводов, около десяти метров длиной. Джерри приказал своим оперативникам ждать за одним из сводов арки и начать выдвигаться из него в тот момент, когда Машаль будет выходить из машины. Расчет был такой, что они должны оказаться позади Машаля и одновременно распылить яд и кока-колу.

Пять дней подряд по утрам условия были неподходящими. В один из дней Машаль вообще не появился. В другие дни в зоне атаки оказывалось слишком много людей.

Каждое утро Бен-Давид и «доктор Платина» ждали в отеле, пока их не уведомят, что операция в тот день была отменена. «Тогда мы занялись тем, что делают все туристы, – осмотром

достопримечательностей, – рассказывал Бен-Давид. – Амман очень интересный город»^[1172].

24 сентября два оперативника «Кидона», которые занимали наблюдательные позиции, чем-то вызвали подозрения у рабочего из центра Шамия. Джерри понял, что «отсвечивать» в этом районе дальше было опасно. Группа должна была покинуть Иорданию независимо от того, удастся ей выполнить задание или нет. Оперативникам следовало поторопиться.

Однако команде не удалось собрать достаточно информации о распорядке дня Машаля, и они не знали, например, что иногда он сопровождал своих детей, когда водитель отвозил их по утрам в школу. Именно это Машаль и сделал 25 сентября, в последний, возможный для осуществления операции день. Более того, маленькие дети Машаля сидели на заднем сиденье автомобиля, и группа наблюдения не смогла их рассмотреть.

В 10:35 машина подъехала к торговому центру. Джерри вышел из машины наблюдения и подал знак двум оперработникам, которые ждали с колой и ядом, начинать операцию. Ни у кого из участников не было радиопереговорных устройств – мера предосторожности, чтобы в случае неудачи у оперативников не было бы каких-либо улик. Однако это означало и то, что нападающим нельзя было подать сигнал об отмене атаки. После того как акция началась, остановить ее было уже невозможно.

Машаль вышел из машины и двинулся в сторону своего офиса. Два оперативных работника «Кидона» оказались позади него. Предполагалось, что водитель поедет дальше и повезет детей Машаля в школу, но маленькая дочь Машаля не хотела расставаться с отцом. Она выпрыгнула из автомобиля и побежала вслед за ним, крича: «*Ya baba, Ya baba!*» – по-арабски «Папа, папа!» Водитель побежал за ней. Джерри видел, что происходит, но оперативники этого не видели. Он попытался подать им сигнал возвращаться, но именно в этот момент они оказались за одним из сводов галереи и не могли его заметить.

Они приблизились вплотную к Машалю. Один оперативник поднял руку с распылителем, прикрепленным к ладони, и приготовился распылить токсин в затылок Машалю. Другой начал открывать банку с колой. Как раз в этот момент водитель, побежавший за девочкой, увидел Машаля и подумал, что человек позади него, поднявший руку,

собирается ударить его ножом. Водитель закричал: «Халед, Халед!» Машаль услышал его крик и крик дочери и обернулся. Порция яда попала ему в ухо, а не в затылок.

Токсин все равно сохранил бы свое действие, но оперработники были раскрыты. Машаль, оказавшийся лицом к лицу с человеком, который обрызгал его из странного цилиндра, сразу же понял, что его жизнь находится в опасности. Он начал убегать. Водитель подхватил девочку и побежал назад к машине. Оперативные работники тоже побежали, выбросив по дороге к ожидавшей их машине емкость с ядом и банку кока-колы в мусорницу.

Данни Ятом говорил потом, что оперативники действовали неправильно. «Главным условием для них было сохранить операцию тихой, чтобы объект не догадался, что на него чем-то подействовали. Оперативники грубо нарушили мои инструкции. Я доводил до них однозначный приказ, и устно, и письменно, в тех двух случаях, когда наблюдал за их тренировками, что, если рядом с Машалем появится кто-либо еще, операцию продолжать нельзя. Но они все же сделали по-своему. Это было основной причиной провала: исполнение задания при излишней мотивации, в условиях, которые ясно указывали на то, что проводить акцию нельзя»^[1173].

В идеале поблизости от места проведения операции должна была бы располагаться вторая группы «Кесарии», которая обеспечила бы исполнителям прикрытие и отвлекла бы внимание при необходимости^[1174]. Но такой группы не было. Хуже того, в этом месте случайно оказался проходивший мимо опытный боевик и курьер ХАМАС Мохаммед Абу Сейф, занимавшийся переброской оружия и денег для движения. Он сразу не понял, что происходит, но, увидев своего шефа убегающим в одну сторону, а двух мужчин – в другую, быстро смекнул, что к чему. Он погнался за двумя израильянами, преследовал их до тех пор, пока они не запрыгнули в машину, и записал ее номер.

Водитель-израильянин увидел, как Абу Сейф записывает номер машины, и сказал об этом оперативникам. Автомобиль попал в затор, свернул направо в боковую улицу и затем еще дважды повернул направо. Когда оперативные работники решили, что достаточно далеко отъехали от места операции, они приказали водителю остановиться. Израильяне намеревались избавиться от автомашины, поскольку

посчитали, что она расшифрована. Хотя, оглядываясь назад, ясно, что у иорданской полиции ее розыск занял бы многие часы. Оперативники не знали, что упорный Абу Сейф сумел поймать автомашину и по-прежнему преследовал их. Он подъехал к их автомобилю как раз в тот момент, когда оперработники стали расходиться от него в разных направлениях, а один из них уже пересек улицу.

Абу Сейф хорошо владел приемами единоборств, которые освоил в лагерях моджахедов в Афганистане. Он набросился на ближайшего к нему израильтянина, крича, что этот человек из израильской разведки и что он только что пытался убить одного из лидеров ХАМАС. Второй оперативник бегом вернулся назад и сильно ударил Абу Сейфа по голове. Тот «поплыл», из головы у него потекла кровь. Однако вместо того, чтобы просто убежать, израильтяне стали душить Абу Сейфа, приведя его в бессознательное состояние.

В тот день удача была на стороне ХАМАС. Случилось так, что мимо в такси проезжал бывший боевик Народного фронта освобождения Палестины, а в то время сотрудник иорданской службы безопасности Саад аль-Хатиб. Он увидел, как двое иностранцев душат местного жителя, и сказал водителю остановиться и ждать, пока он пойдет разнимать дерущихся. «Один из них поднял большой камень и уже готовился обрушить его на голову Абу Сейфа», – рассказывал аль-Хатиб.

«Я бросился на него, сбил с ног, сел ему на грудь и попытался сдержать его»^[1175]. Потом аль-Хатиб сказал израильтянам, что забирает их в полицейский участок. Опасаясь, что собравшаяся толпа учинит над ними суд Линча, израильтяне без сопротивления согласились проследовать в полицию. Кто-то из зевак помог Абу Сейфу сесть в такси – аль-Хатиб указал ему переднее место, – кто-то одолжил ему мобильный телефон, чтобы он смог позвонить Машалю^[1176].

Оперативники «Моссада» были уверены, что их легенда и документы выдержат проверку. В полицейском участке они показали канадские паспорта и рассказали, что являются туристами, которые приехали насладиться достопримечательностями Иордании. Совершенно неожиданно посередине улицы на них напал «этот подонок», который начал их избивать.

Потом их обыскали, и полицейские обнаружили на руке одного из оперативников остатки пластыря, который не закрывал раны, – это были кусочки клейкой ленты, удерживавшей на ладони ультразвуковое устройство. Оперативников арестовали. Они использовали свое право на телефонные звонки из тюрьмы «заграничным родственникам».

Спустя два часа после ареста израильтян в полицейский участок приехал канадский консул. Он вошел в камеру к арестованным и спросил их, где они росли, а также задал некоторые другие вопросы про Канаду. Через десять минут он вышел и сказал иорданцам: «Я не знаю, кто они. Но точно не канадцы».

Из своего офиса Машаль позвонил двум своим коллегам, Мусе Абу Марзуку и Мухаммеду Наззалу. Они решили опубликовать заявление о том, что «Моссад» пытался убить Машаля и что королевский двор Иордании является соучастником этого заговора. Во время этих разговоров Машаль почувствовал сильную слабость и головокружение. Яд попал в кровь. Сотрудники и телохранители Машаля срочно повезли его в госпиталь.

Через несколько часов он должен был умереть.

Телефонные звонки, осуществленные оперативниками «Кидона», были адресованы, конечно, их коллегам по «Моссаду». Одна из них, женщина-оперативница, немедленно отправилась в отель InterContinental для того, чтобы доложить обо всем Бен-Давиду, который сидел у величественного бассейна в обширном саду отеля, читая роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи». «По выражению ее лица я понял, что случилось что-то ужасное, – вспоминал он. – Мы обменялись всего несколькими словами, и мне стало ясно, что произошло очень серьезное ЧП». По первоначальному плану члены группы должны были разлететься из аэропорта Аммана по разным направлениям, но после случившегося почти наверняка иорданцы будут внимательно следить за воздушной гаванью.

Бен-Давид позвонил в штаб-квартиру «Моссада» в Тель-Авив, где ему приказали собрать всех участников операции из их мест укрытия и привезти в израильское посольство^[1177].

По случайному совпадению новость об аресте оперативников в Иордании достигла «Моссада» тогда, когда там находился премьер-министр, приехавший пожелать всему коллективу разведки счастливого еврейского Нового года (Рош ха-Шана). Нетаньяху

готовился выступить с речью, и многие сотни сотрудников с нетерпением ожидали начала торжества. Тем временем Ятом сообщил премьеру плохую весть.

Оба они решили продолжать мероприятие, как будто ничего не произошло. Практически весь коллектив «Моссада» ничего не знал о происшествии, и Нетаньяху хотел обратиться к нему с обычным посланием. Он выступил коротко, поблагодарил личный состав разведки за вклад в обеспечение безопасности страны, а затем поспешил с Ятомом в директорский кабинет.

Нетаньяху приказал Ятому немедленно лететь в Амман и рассказать королю Хусейну о случившемся. Ятом должен был сделать «все необходимое» для того, чтобы добиться освобождения оперативных работников. «И если будет необходимо спасти жизнь Машаля, – сказал Нетаньяху Ятому, – позволь им сделать это».

Ятома принял король. Он был потрясен и быстро покинул помещение, очень рассерженный. Ятом позже вспоминал, что «гнев короля спровоцировал (начальник иорданской разведки генерал Самих) Батихи, потому что считал себя лично оскорбленным мною. Без него мы решили бы вопрос с королем в гораздо более спокойной обстановке и за гораздо более низкую цену».

«Во время переговоров Батихи начал укорять меня за то, что я заранее ему ничего не сказал, утверждая, что мог бы подключиться к операции ^[1178]. Это полная чепуха. Мы неоднократно просили иорданцев “укоротить” ХАМАС, но они ничего не предпринимали. Рабин несколько раз жестко критиковал их за это, но ничего не помогало. Поэтому вполне очевидным было то, что мы не говорили им о наших планах в отношении Машаля».

К тому времени состояние Машаля резко ухудшилось, и врачи в Исламском госпитале были в растерянности. Начальник личного секретариата короля Хусейна, Али Шукри, прибыл в госпиталь узнать о его здоровье, и соратники Машаля начали обвинять его в том, что он сам участвовал в покушении на их лидера. Поскольку король приказал Шукри сделать все, чтобы спасти жизнь Машаля, начальник секретариата перевел его в королевские покои военного госпиталя Принцессы Алии. Товарищи Машаля поначалу отказывались от этого, опасаясь, что Хусейн хочет окончательно прикончить хамасовца, но в конечном счете согласились на перевод, выдвинув условием

возможность постоянного нахождения рядом с ним и участия в его охране службы безопасности ХАМАС, а также предоставления им информации о каждой операции в лечении Машаля.

К хамасовцу был приглашен Сами Рабаба, личный врач двора Его королевского величества и полковник медицинской службы в иорданской армии, один из самых известных врачей в стране. У него было туманное представление о том, кем был Машаль и что такое ХАМАС. «Но по активности, которая была развита вокруг госпиталя, – рассказывал Рабаба, – и тому факту, что там присутствовал лично Шукри, я понял, что это важный пациент и для короля очень важно, чтобы он был спасен».

Машаль, который был очень слаб, рассказал Рабабе о том, что произошло возле его офиса. Во время рассказа он постоянно засыпал, и медперсоналу приходилось его будить. Затем Рабаба заметил, что во сне Машаль практически переставал дышать. «Стало понятно, что мы должны не давать ему заснуть, иначе он мог задохнуться», – сказал Рабаба.

Врачи подняли Машаля на ноги и помогали ему медленно передвигаться, но это возымело лишь кратковременный эффект^[1179]. Машаля ввели налоксон, который используется для противодействия некоторым опиоидам, но его действие быстро проходило и ослабевало с каждой новой дозой. Рабаба подключил Машаля к аппарату искусственной вентиляции легких: если уж врачи не могут держать его бодрствующим, пусть машина дышит за него.

Никто не хотел, чтобы Машаль умер. Король Хусейн вполне обоснованно опасался, что смерть Машаля вызовет в королевстве волнения и, возможно, даже гражданскую войну. Нетаньяху и Ятом знали, что в таком случае Хусейн будет вынужден судить плененных оперативников и подвергнуть их смертной казни. Более того, они знали, что иорданская разведка справедливо подозревает, что остальные оперативные работники «Кидона» до сих пор укрываются в израильском посольстве. В боевую готовность для штурма был приведен батальон спецназа под командованием сына Хусейна принца Абдуллы. Король Хусейн хотел дать совершенно ясно понять, что воспринимает этот инцидент очень серьезно^[1180].

Все осознавали, что такие неблагоприятные события, без всяких сомнений, разрушат связи, сложившиеся между Иорданией и

Израилем.

«Все это время, – рассказывал Бен-Давид, – я ходил с противоядием, которое не понадобилось, потому что наши оперативники не пострадали от токсина... Затем последовал звонок от начальника “Кесарии”. Поскольку сказанное им было абсолютно фантастично, поначалу я решил, что неправильно его понял, и попросил повторить еще раз».

Хаим Х. приказал Бен-Давиду спуститься в лобби отеля, где с ним встретится капитан иорданской службы разведки, и вместе с ним проследовать в госпиталь. Бен-Давид понял, что была спешно совершена сделка: жизнь Машаля в обмен на жизни двух оперативников «Моссада». Иными словами, Бен-Давид шел в лобби гостиницы для того, чтобы спасти жизнь человека, которого он и его группа пытались убить всего несколько часов назад.

«Мы оказались в сложном положении, – вспоминал Бен-Давид, – но в таких ситуациях нельзя давать волю чувствам. Вы не можете сказать: “Мы потерпели фиаско, и пусть теперь они идут к черту”. Нет. Вы делаете то, что должны, вы исполняете то, что можете, в максимально достижимом виде – и это все. В таких ситуациях не до чувств».

Бен-Давид спустился в лобби, в котором его ждал капитан^[1181]. «Я до сих пор помню его враждебный взгляд. Но у него тоже был приказ, и он его выполнял». Ятом приказал «доктору Платине» и Бен-Давиду сопроводить офицера в госпиталь и сделать Машалю инъекцию, которая спасет его жизнь. Но они отказались.

«Доктор Платина» была доставлена в кабинет Рабабы^[1182]. «Она сказала, что должна была принять участие в операции только в том случае, если бы кто-то из оперативников пострадал от токсина, – вспоминал Рабаба. – По ее словам, она не знала о цели операции. Она положила на мой стол две ампулы. Я приказал, чтобы их проверили в лаборатории. Мы не могли полагаться на их слова. Вполне возможно, они просто хотели доделать свою работу».

Рабаба выдерживал профессиональный этикет в отношении «доктора Платины», соответствующий его научному и военному званиям^[1183]. Но внутри у него все кипело. «По моему мнению, медицину нельзя привлекать к убийствам людей, – сказал он. – А израильтяне делают это снова и снова».

Впоследствии Машаль быстро поправился. Ятом вернулся в Израиль с двумя несостоявшимися киллерами и Бен-Давидом. Оперативники рассказали, что их жестоко избивали, но они ничего не сообщили иорданцам.

Хусейн не мог оставить инцидент в таком виде. Он сказал израильтянам, что совершенная сделка касалась только двух пленников и Израилю придется заплатить гораздо более высокую цену за то, чтобы выволить оставшуюся группу – шесть боевиков «Кидона», которые окопались в израильском посольстве. Тем временем король прервал все связи с Израилем.

Нетаньяху проконсультировался с Эфраимом Галеви, ветераном «Моссада», который был прежде заместителем директора разведки, а в то время являлся послом Израиля в Европейском Союзе. Галеви, родившийся в Лондоне и прошедший большую часть своей службы в «Моссаде» в подразделении «Космос», отвечавшем за внешние связи ведомства, был непростым человеком. Но определенно являлся опытным и мудрым дипломатом, который привык общаться с правителями и королями. Он сыграл ключевую роль в подписании в 1994 году мирного договора между Израилем и Иорданией и хорошо знал Хусейна. Король тоже уважал Галеви.

После встречи с Хусейном Галеви сказал Нетаньяху и Ятому, что для того, чтобы добиться освобождения шести оперативников, они должны заплатить королю серьезный «выкуп», «достаточный для того, чтобы он смог публично оправдать свое решение об отпуске оперативной группы». Его предложение заключалось в том, чтобы освободить шейха Ахмеда Ясина из тюрьмы, где он отсидивал пожизненный срок за роль в организации террористических атак против Израиля.

Это предложение было встречено «в штыки всеми, от Нетаньяху до последнего оперативного работника разведки», как указывал позднее сам Галеви^[1184]. Израильтяне пережили множество похищений, убийств и террористических атак, которыми их пытались запугать и заставить освободить Ясина, возражали противники этого предложения. И теперь они должны были просто уступить требованию короля Хусейна?

Нетаньяху посоветовался с директором Шин Бет Ами Аялоном, который, в свою очередь, позвал для консультаций своего главного

эксперта по ХАМАС Мичу Куби и спросил его мнение^[1185]. Куби сердито ответил: «Не обращайтесь внимания на угрозы Хусейна. В конечном счете у него не будет другого выхода, кроме как отпустить оперативников. Если вы освободите Ясина, который должен гнить в тюрьме до своего последнего дня, он вернется в Газу и построит новое движение ХАМАС, которое будет ужаснее всего, что мы знали до этого».

Аялон передал сказанное Куби премьеру^[1186]. Но Галеви был очень настойчивым, и постепенно, используя челночные путешествия на вертолете между Тель-Авивом, Иерусалимом и Амманом, он убедил премьер-министра в том, что выбора у него не было. Нетаньяху понял, что попал в очень сложную ситуацию, и хотел прежде всего решить приоритетную для себя задачу: чтобы люди из «Кесарии» вернулись домой. «Кризис Машаля», с которым он справился в спокойной и уверенной манере с того момента, как узнал, что оперативников схватили, стал его звездным часом в качестве лидера государства Израиль.

В конце концов было подписано соглашение: Ясин и большое количество других палестинских заключенных, включая даже тех, которые участвовали в убийствах израильтян, были освобождены в обмен на разрешение шести оперативникам «Моссада» вернуться в Израиль.

Эта сделка еще раз продемонстрировала последовательную позицию Израиля и его готовность идти на жертвы ради возвращения на родину своих соотечественников из вражеского плена.

Она далась высокой ценой. Сорвавшаяся операция в Иордании раскрыла ряд оперативных методов «Моссада» и разрушила прикрытие целой группы сотрудников «Кидона», которое теперь нужно было выстраивать заново. Потребовались годы для того, чтобы возместить ущерб, нанесенный весьма деликатным и важным для Израиля отношениям с Хашемитским королевством. Официальное примирение между Хусейном и Нетаньяху произошло только в конце 1998 года, во время совместного визита в США^[1187]. «Дело Машаля» создало для Израиля щекотливую ситуацию в отношениях с Канадой и другими странами, чьи паспорта незаконно использовал «Моссад». И снова Израиль был вынужден извиняться и обещать, как провинившийся ребенок, что больше он таких ошибок не повторит.

Комиссии по расследованию происшествия – как внутренние мозадаовские, так и внешние с участием других сторон – обнаружили множество противоречащих друг другу описаний того, кто знал детали операции и кто ее санкционировал^[1188]. Нетаньяху и «Моссад» настаивали на том, что они проинформировали все заинтересованные ведомства, но министр обороны Ицхак Мордехай, шеф АМАН Моше Яалон и директор Шин Бет Аялон в один голос утверждали, что не знали об операции ничего, кроме общей идеи ликвидации Машаля, выдвинутой много месяцев тому назад на совещании руководителей спецслужб в качестве одной из многих возможностей^[1189].

Аялон был настроен резко критически по отношению ко всей операции^[1190], даже ее мотиву: «Халед Машаль не входил в круг лиц, отвечавших за оперативную сторону терроризма. Поэтому с самого начала не являл собой законную цель. Машаль был менее вовлечен в военную активность ХАМАС, чем министр обороны в любом демократическом государстве».

Проведенное в «Моссаде» внутреннее расследование^[1191], подробно описанное Тамиром Пардо, который позднее сам станет директором разведки, закончилось одним из самых жестких докладов в истории организации. В резких выражениях доклад возлагал вину на всех, кто участвовал в планировании и осуществлении операции. Руководители «Кесарии» и «Кидона», Бен-Давид, оперативные работники и другие фигуранты получили свою порцию суровой критики. Не было ни одного элемента операции, исследованного комиссией, который был бы сочтен безупречным. Вместе с тем комиссия обозначила роль Ятома в провале операции только косвенно.

Руководитель «Кесарии» Хаим Х. подал в отставку. Джерри, которому его амбиции когда-то сослужили хорошую службу, был смещен с должности начальника «Кидона». Пристыженный и обиженный, он оставил «Моссад» и стал работать на израильские компании, ведущие бизнес в Африке. Потом исчез.

Но хуже всего было то, что Ясин стал теперь свободным человеком. Весь смысл операции по ликвидации Машаля состоял в том, чтобы ослабить ХАМАС, но вместо этого основатель движения и его духовный лидер был выпущен из тюрьмы. Он уехал из Израиля в государства Персидского залива, предположительно для лечения. В реальности он использовал свои поездки для сбора средств для

ХАМАС. Ясин хвастался, что «близится великая конфронтация» с Израилем.

И причин не верить ему не было.

Низшая точка

Группа морских коммандос из флотилии 13 незамеченной высадилась на морское побережье недалеко от прибрежного ливанского города Ансарийе. Под прикрытием безлунной ночи 16 бойцов спрыгнули на песок с мощных малых ударных лодок Zaharon и начали длинный бросок вглубь территории. Это происходило ночью 4 сентября 1997 года, морские спецназовцы собирались убить человека.

Операция была 27-й по счету с момента, когда Левин и Коэн разработали тактику «целевых» ликвидаций Армией обороны Израиля полевых командиров среднего уровня «Хезболлы» в Ливане. Двадцать таких операций были успешными. В данном случае два старших офицера Северного военного округа считали операцию ненужной^[1192]. Они чувствовали, что их цель, Халдун Хайдар, был фигурой мелкой и незначительной и никакой стратегической выгоды из его убийства не извлечь. Однако на Хайдара было собрано много полезной информации, и, как система доказывала уже не раз, в головах у многих военных засела мысль о том, что нет причин *не убивать* его. Даже при этом многие офицеры Северного военного округа возражали против возложения ответственности за операцию на Генеральный штаб. В результате критикующие операцию были выведены из процесса принятия решений.

По плану морские коммандос должны были продвинуться вглубь побережья примерно на 4 километра и заложить несколько мин рядом с дорогой, по которой Хайдар ездил каждое утро. Затем спецназовцы должны были вернуться к своим лодкам и уплыть обратно в Израиль. Когда операторы дронов, патрулировавших пространство, увидели бы машину Хайдара, переданный с дронов радиосигнал должен был активировать детонаторы и вызвать подрывы. Взрывчатка была начинена металлическими поражающими элементами, похожими на те, что использовались ливанскими террористами, чтобы атака выглядела как внутренние ливанские разборки.

Поначалу все шло в соответствии с планом. Бойцы высадились при благоприятных погодных условиях, быстро пересекли приморское

шоссе и вышли к восточной стороне стены, опоясывающей большой фруктовый сад. Двое командос перебрались через стену, сбили замок на воротах и открыли их для других. Большая часть пути шла вверх, по труднопроходимой местности, изобиловавшей густой растительностью и оросительными каналами.

Когда группа достигла точки, которая на кодированных картах была помечена как G7, бойцы уперлись в еще одни ворота, к которым с внешней стороны примыкала дорога^[1193]. Они должны были пересечь ее и продвинуться вперед на 500 метров, чтобы выйти на дорогу, которой пользовался Хайдар. Спецназовцы перелезли через ворота, дозорная группа пересекла дорогу и пошла вперед, проверяя местность на предмет наличия чего-либо подозрительного. После того как она подала сигнал «Все в порядке», на дорогу вышел головной дозорный второй группы и начал пересекать ее.

Когда он находился посередине, раздался мощный взрыв, затем еще один. Двенадцать морских командос были убиты.

Расследование инцидента, проведенное в Армии обороны Израиля, установило, что он произошел из-за столкновения отряда со случайной засадой «Хезболлы», которую невозможно было предотвратить, и что в результате огня боевиков сдетонировала взрывчатка, которую израильтяне несли на себе, чтобы убить Хайдара.

Такое объяснение, возможно, было удобно для заинтересованных сторон, но оказалось неправдой^[1194]. В действительности «Хезболла» смогла спланировать и организовать засаду из-за грубейших ошибок, допущенных израильской разведкой в те недели, когда готовилась операция, и даже в те часы, которые предшествовали отправке десанта. Видеоизображения с дронов, патрулировавших район операции, не были закодированы, и «Хезболла» смогла их перехватить. Кроме того, считавшиеся ценными источники израильской разведки в Армии Южного Ливана на самом деле оказались двойными агентами, которые докладывали «Хезболле», кем и каими вопросами интересовались их кураторы из Армии обороны Израиля.

Имея видеоизображения района, который изучала Армия обороны, и сведения, просочившиеся от кураторов, о том, что их целью является Хайдар, «Хезболле» было совсем не сложно вычислить возможное место проведения операции. И действительно, согласно показаниям источников, служивших в то время во флотилии 13, видео с дронов,

переданное за несколько часов до рейда, показало три подозрительные фигуры, которые передвигались вокруг точки G7. Если бы это видеоизображение, так никогда и не обнародованное, было бы проанализировано в режиме реального времени, операция, скорее всего, была бы отложена или вообще отменена^[1195].

Трагедия «Шайетет 13» (так на иврите называется флотилия 13), как стал известен в Израиле этот инцидент, оказала глубокое воздействие на израильское общество, главным образом потому, что командос флотилии принадлежали к одному из лучших подразделений Армии обороны. Насралла сумел усилить этот трагический эффект, организовав публикацию страшных фотографий останков израильских солдат (в том числе и оторванной головы одного из спецназовцев) на сайте «Хезболлы».

Разгром в Ансарийе случился всего через день после тройной террористической атаки взрывников-смертников на пешеходной торговой улице Бен-Иегуда в Иерусалиме, о которой израильская разведка ничего не знала заранее, и только за несколько недель до провальной попытки покушения «Моссада» на Халеда Машаля в Иордании.

Во многих отношениях сентябрь 1997 года стал наихудшим периодом в истории израильской разведки. Три важнейшие спецслужбы Израиля потерпели ряд сокрушительных фиаско. Шин Бет не удалось предотвратить покушение на премьер-министра и остановить целую серию терактов, осуществленных подрывниками-смертниками. «Моссад» не смог уничтожить командные центры джихадистских организаций за рубежом. Усилия АМАН проникнуть в «Хезболлу» и подорвать ее изнутри оказались безрезультатными. И, как выяснится позднее, две последние спецслужбы проглядели существование проектов по созданию оружия массового поражения в Иране, Сирии и Ливии.

Тем временем трагедия в Ансарийе обострила имевшиеся в израильском обществе противоречия относительно военного присутствия страны в Ливане, которое некоторые начали сравнивать с американским участием во вьетнамской авантюре. Протесты с требованием ухода Израиля из Ливана возглавило общественное движение «Четыре матери», созданное четырьмя матерями служивших в Ливане солдат Армии обороны Израиля и названное так в честь

четырех прародительниц еврейского народа. Армия и политические лидеры относились к ним с презрением – один высокопоставленный военный назвал их «четырьмя грязными тряпками»^[1196], – однако эти выступления получили в стране широкий резонанс.

В связи с трагедией, произошедшей в Ансарийе, «целевые» убийства в Ливане прекратились. Армия обороны неоднократно выступала с идеями относительно ликвидации командиров «Хезболлы», однако эти предложения отвергались начальником Генерального штаба или еженедельными оперативными совещаниями с участием министра обороны. «Хезболла» не стала для Израиля меньшей угрозой, однако убийство ее активистов связывалось теперь с потенциальным политическим ущербом.

«Моссад», который чуть не спровоцировал разрыв дипломатических отношений с Иорданией, пять месяцев спустя взялся еще за одну операцию, на этот раз в Швейцарии. Ее целью стал Абдалла Зейн, влиятельная фигура в логистических и финансовых структурах «Хезболлы». План «Моссада» состоял в постоянном прослушивании телефона Зейна и организации наблюдения за ним с последующей ликвидацией. Однако оперативники «Моссада» умудрились нащупать, когда устанавливали подслушивающую аппаратуру в цоколе дома, где проживал Зейн. В результате они разбудили жившую там пожилую женщину, которая вызвала полицию. Один из оперативников был арестован. После этой неудачной акции шеф «Моссада» Данни Ятом подал в отставку^[1197].

Его сменил Эфраим Галеви, который набрал очки в глазах Нетаньяху тем, как действовал в деле Машаля.

Боясь дальнейших провалов, Галеви фактически прикрыл деятельность «Кесарии», отказываясь утверждать любую рискованную операцию и обрекая таким образом подразделение на медленное умирание.

«Нужно честно признать, – говорил Ави Дихтер, бывший в то время заместителем директора Шин Бет и ставший в 2000 году директором службы безопасности, – что военный истеблишмент в то время не обеспечивал народу Израиля надежную защиту, которой тот заслуживал»^[1198].

Такое положение дел вызывает серьезное беспокойство в любое время. Но в конце 1990-х годов оно было особенно вопиющим,

поскольку враги Израиля начали еще больше угрожать стране. От Ирана до Ливии, от «Хезболлы» в Ливане до ХАМАС в Газе и Аммане создавался фронт противников Израиля, которые были гораздо более изобретательны и решительны в своих действиях, чем те, с кем приходилось сталкиваться ранее «Моссаду», АМАН и Шин Бет.

Шин Бет первой из разведывательных структур начала оправляться от ударов. Шеф службы Ами Аялон и специально созданная им комиссия занялись изучением того, что хромало в деятельности службы. И пришли к заключению, что Шин Бет стала слабой и неэффективной в двух важнейших аспектах своей работы.

Первой был сбор информации. В течение десятилетий Шин Бет полагалась на агентурные источники разведданных, однако этот массив постепенно иссяк. Не было найдено никакой замены сотням палестинских агентов, которых Шин Бет потеряла после того, как Израиль ушел с палестинских территорий в соответствии с Соглашениями в Осло. Служба оказалась не в состоянии найти альтернативные источники информации и обзавестись агентами внутри ХАМАС, религиозно-идеологического движения, сторонники которого были устойчивы к подкупу. Один из членов упомянутой комиссии службы сказал об этом едко – и осуждающе: «Наша организация оказалась не настроенной на окружение, в котором она работала»^[1199].

Вторым аспектом являлось то, как Шин Бет работала с полученной информацией. Аялон посетил архивы службы и, не веря своим глазам, увидел огромные шкафы с сотнями тысяч связанных резинками карточек. «Мы ведем себя как во времена Средневековья, – сказал он, обращаясь к совещанию руководящего состава Шин Бет. – Такие архивы не позволяют создавать разведывательную картину ситуации в режиме реального времени. Даже если бы мы могли в конце концов отыскать нужную нам информацию в недрах этого хранилища, никакого толку от нее не было бы».

Аялон объявил, что Шин Бет является скорее службой по предотвращению нежелательных событий, чем разведывательным органом. Другими словами, цель организации состояла не просто в сборе информации ради самого процесса сбора, а в противодействии намерениям врага в режиме реального времени. Для этого Шин Бет

должна была научиться добывать информацию и использовать ее в кратчайшие сроки^[1200].

Аялон утверждал, что один из ответов может быть найден в применении новых технологий. Источники, работающие на их основе, заменят человеческие ресурсы, создавая объемную разведывательную картину в режиме реального времени. Для 1996 года такие мысли в Шин Бет сочли революционными. Они породили кризис доверия в организации, привели к острой критике Аялона и даже побудили многих сотрудников уволиться. Однако Аялон оставался непреклонным. Он создал ряд новых управлений и отдельных групп, которые разрабатывали новейшие методы добывания информации, основывающиеся на последних технических достижениях: проникновение в компьютерные системы и перехват электронной почты, телефонных звонков, а позднее и сообщений из социальных сетей. Они создали также новые методы использования информации: уникальные системы для анализа значительных объемов разведсведений и выделения из них наиболее важных.

Аялон и его технические команды перенесли центр внимания Шин Бет на связи между людьми – больше стали заниматься различными информационными и социальными сетями, чем каждым человеком в отдельности^[1201]. В Шин Бет первыми поняли огромный потенциал, который заложен в отслеживании мобильных телефонов, сначала самих звонков, затем геолокации, СМС и других текстовых сообщений, а также интернет-серфинга.

При Аялоне изменилась вся оперативная структура Шин Бет. Оперативники в региональных подразделениях, развернутых по территориальному принципу, руководившие своими агентами и действовавшие более или менее независимо, перестали быть центральными фигурами в службе. Теперь главными были те, кто сидел за монитором, получал информацию, складывал ее, подобно пазлу, и отдавал оперативникам команды по добыванию недостающих частей.

Сильно поменялся и кадровый состав Шин Бет. Ушли многие старые оперативники, на их место служба быстрыми темпами набирала молодых мужчин и женщин в основном из технических подразделений Армии обороны. Вскоре 23 % личного состава Шин Бет составляли сотрудники, имеющие солидную подготовку в новейших технологиях.

«Мы создали целое подразделение, состоящее из людей Q, – рассказывал Дискин, имея в виду легендарного персонажа фильмов о Джеймсе Бонде, руководителя исследовательского центра Британской секретной службы. – В нем одновременно реализуются десятки поразительных проектов»^[1202].

Первая проблема, которую должна была решить преобразенная служба Шин Бет, – устранение Мохиедина Шарифа, ученика и последователя Яхьи Айяша, который стал главным специалистом-подрывником в военном крыле ХАМАС после ликвидации Айяша и получил известность как «Инженер № 2». Айяш и его тогдашний заместитель Хасан Саламе научили Шарифа изготавливать самодельные взрывные устройства, в которых использовалась очень мощная взрывчатка, триацетон трипероксид. Эту технологию палестинцам передало командование Корпуса стражей исламской революции. Айяш сам был одним из тех, кто конструировал бомбы, использовавшиеся в четырех атаках подрывников-смертников, организованных в качестве мести за его смерть.

Как и Айяш до него, Шариф обучал боевиков своему искусству, передавая отряду смертников в Иерусалиме приемы изготовления бомб с дистанционным управлением и с временными взрывателями, которые можно было сделать из свободно продававшихся материалов. Он учил террористов тому, как камуфлировать бомбы под видеокассеты. Одиннадцать таких кассет было изготовлено в рамках террористического плана по их подрыву на автобусных остановках, возле киосков с лотерейными билетами и в телефонных будках. Одна из таких кассет взорвалась в Нетании 11 февраля 1998 года, ранив десять израильтян – гражданских лиц. Шин Бет удалось обнаружить изготовителей бомб до того, как они использовали их, и арестовать террористов, предотвратив таким образом масштабную трагедию^[1203].

Служба Шин Бет собрала на Шарифа толстое досье, перехватывая его телефонные звонки и отслеживая по мобильным телефонам перемещения самого террориста и некоторых из его людей. Важнейшим достижением Шин Бет было вскрытие планов террористов организовать взрыв мощной бомбы, заложенной в «фиат уно», накануне еврейской Пасхи, когда улицы Иерусалима обычно полны горожан, совершающих покупки в последние минуты перед праздником. Оперативникам подразделения Шин Бет – отряда

«Птицы» удалось прикрепить детонатор к машине до того, как Шариф собрался отогнать ее смертнику. 29 марта 1998 года, когда Шариф заезжал на «фиате» в гараж в Рамалле, вдалеке от мирных граждан, автомашина была взорвана.

Несмотря на гибель Шарифа и арест многих его сообщников, в Шин Бет чувствовали, что в складывающемся пазле не хватает какой-то детали. В службе пришли к выводу о том, что против нее «работает структура, подобная осьминогу со многими щупальцами, в которой одна личность управляет по отдельности каждым из этих щупалец».

Новая система сбора и анализа информации, созданная в Шин Бет, которая следила за тысячами палестинцев, определенными как цели, начала пристально всматриваться в одного человека. Израильяне выделили Аделя Авадаллаха, который стал руководителем военного крыла ХАМАС на Западном берегу, то есть «коллегой» Мухаммеда Дейфа в секторе Газа.

Авадаллах находился в списке подозреваемых уже в течение долгого времени. Однако благодаря существовавшей в ХАМАС сети поддержки, известной как «аппарат помощи и сервиса», который исполнял роль буфера между Авадаллахом и руководимыми им ячейками, его не удавалось на чем-то поймать, даже когда попадались его сообщники, выдававшие информацию на допросах.

Указанная система поддержки, позволявшая Аделю ускользать от преследования Шин Бет и в то же время организовывать многие террористические атаки, действовала под руководством его младшего брата Имада, которому удалось сбежать из тюрьмы Палестинской национальной администрации^[1204]. Эта пара начала планировать следующую серию террористических атак, наиболее масштабные из которых предполагали организацию подрывов пяти начиненных взрывчаткой автомобилей в пяти крупнейших городах Израиля. Согласно плану первый взрыв должен был произойти в Тель-Авиве и вызвать множество жертв. После него израильскому правительству должен был быть предъявлен ультиматум: освободить всех палестинских заключенных, иначе будет подорвана следующая бомба, затем еще одна и так далее. Одновременно с этим братья планировали похищения израильских военнослужащих и видных политиков в качестве разменных карт при торге с правительством. В этих целях террористами было приобретено на черном рынке большое количество

транквилизаторов. Среди лиц, которых террористы намеревались похитить, были Эхуд Ольмерт, бывший тогда мэром Иерусалима; Рафаэль Эйтан, в прошлом командующий Армией обороны Израиля, а теперь член кнессета и министр кабинета, и два бывших директора Шин Бет – Яков Пери и Карми Гиллон.

Авадаллах был сильным в оперативном плане руководителем, но не был в курсе произошедших в Шин Бет изменений, включая создание системы массированного контроля телефонных переговоров – кто кому звонит, когда и где точно находится каждый из абонентов в момент звонка. И хотя сам Авадаллах телефоном пользовался редко, некоторые члены его команды делали это, позволяя отслеживать их передвижения и прослушивать разговоры.

Авадаллах также не знал, что его главным противником был, по словам Ами Аялона, «лучший руководитель операций, которого когда-либо имела служба»^[1205]. Этим человеком был Юваль Дискин^[1206], которого Аялон назначил начальником филиала Шин Бет в Иерусалиме и на Западном берегу, то есть в той части страны, где жили братья Авадаллахи и где они были наиболее активны.

Родившийся в 1956 году Дискин начал военную службу в армейском разведывательном подразделении «Шакед», поднявшись в должности до его командира. В 1978 году он пришел в Шин Бет и работал оперативником на палестинских территориях и в Ливане. Превосходно владел арабским и добивался отличных показателей, что обеспечило ему быстрое продвижение по службе. Дискин был очень жестким человеком и не боялся критически относиться ни к подчиненным, ни к начальству. Было ясно, что если ему удастся разгромить основные террористические сети ХАМАС на Западном берегу, он станет сильным кандидатом на должность директора общей службы безопасности Шин Бет.

«Адель подозревал всех и постоянно был начеку, – рассказывал Дискин. – Он доверял только своей сети связников под названием HUMINT, каждый из которых был подвергнут им испытанию на верность. Благодаря этой сети, он смог избежать провала в течение целого ряда лет. Вплоть до последнего момента подобраться к нему было очень трудно»^[1207].

Причиной исключительной осторожности Аделя и Имада была судьба Мохиедина Шарифа и аресты многих их соратников^[1208]. Они

подозревали, что кто-то в ХАМАС, возможно занимавший видное положение в руководстве организации, сотрудничает с Израилем или Палестинской национальной администрацией, передавая противнику секретные сведения и в конечном счете предав Шарифа.

Поскольку обнаружить предателя не удавалось, братья исходили из того, что он по-прежнему работает внутри организации. В связи с этим подозрением они решили обращаться за укрытием к людям, которые не входили в ХАМАС, но были известны своей приверженностью палестинскому делу.

Братья Авадаллахи создали группу из членов Народного фронта освобождения Палестины, которые в прошлом отсидели большие сроки в израильских тюрьмах за связь с террористическими организациями и нелегальное владение оружием. Эти люди спрятали братьев в двухэтажном деревенском доме с большим садом, окруженном каменным забором, в деревне Кирбета-Тайибех к западу от Иерихона. Дом принадлежал родственнику одного из членов группы. Дом быстро превратился в хранилище, где террористы держали всю информацию о прошлых операциях военного крыла ХАМАС, а также планы по осуществлению ими следующей крупной атаки – отравлению системы водоснабжения Тель-Авива.

Шин Бет удалось установить человека, который входил в упомянутую группу активистов, и оказать на него сильное давление, заставив согласиться на сотрудничество. Этого палестинца сломали угрозами, что если он не будет сотрудничать с Шин Бет, будет подвергнут суду за содействие ХАМАС и на много лет окажется в тюрьме. Кнут сопровождался и пряником: палестинцу в случае согласия пообещали крупное вознаграждение и переезд за границу для него и семьи. Он согласился.

Первой задачей было оборудовать дом соответствующей техникой для видео- и аудионаблюдения. Захват Авадаллахов мог подождать. Дискин считал, что гораздо важнее было точно выяснить, что братья задумали. Оперативники Шин Бет ожидали от своего агента сигнала о том, что братья покинули дом.

Когда завербованный палестинец в очередной раз привез братьям продукты, они сказали ему, что торопятся в какое-то место. Они отъехали от дома вместе – братья в одной машине, агент – в другой.

Как только у последнего появилась возможность, он позвонил своему куратору из Шин Бет и сообщил, что дом пуст.

Оперативники подразделения «Птицы» ждали неподалеку. Когда машины палестинцев скрылись из виду, оперативники приступили к действиям. Используя копию ключа агента, они проникли в дом и установили микрокамеры и микрофоны в каждой комнате.

Братья вернулись поздно вечером. В последующие четыре дня каждое слово, сказанное руководителем военного крыла ХАМАС, было записано. Адель и Имад обсуждали различные тактические усовершенствования своего плана, а также возможности изготовления ХАМАС своих ракет, наподобие того, как это делает «Хезболла».

В результате израильтянам стали известны не только детали конкретных планов террористов, но и позиция братьев по более широким политическим вопросам. Например, в ходе одного из разговоров Имад, которого подвергли жестоким пыткам спецслужбы Палестинской национальной администрации, с ненавистью говорил о людях Ясира Арафата. «Если в следующий раз они придут за мной, я начну стрелять в них без разговоров», – сказал он.

Его брат, который до этого сидел развалившись на одном из диванов, вскочил на ноги. «Никогда! – вскричал он. – Мы не стреляем в мусульман. Ты слышишь меня? Даже если они сделали тебе что-то плохое, мусульман убивать нельзя».

Шин Бет проинформировала Армию обороны о полученной важной разведывательной информации. Зная, что братья просто в качестве меры предосторожности могут в непредсказуемый момент переместиться в другое убежище, общая служба безопасности потребовала выделения войсковых сил для ликвидации Авадаллахов. Однако военные не горели желанием убирать очередного руководителя ХАМАС – они хорошо помнили агрессивный ответ, который организация дала на убийство Айяша^[1209]. Аялон был вынужден обратиться к контртеррористическому подразделению израильской полиции – YAMAM. Между ним и специальными подразделениями Армии обороны уже в течение длительного времени существовало негласное соперничество. Поэтому армия правильно расценила решение Аялона как намеренное его разжигание.

Позже между Дискином и Аялоном возникли разногласия. Дискин считал, что спецназ YAMAM должен взять дом с братьями

Авдаллахами штурмом и убить их на месте. Аялон в принципе был не против ликвидации братьев, но полагал, что до этого следовало бы попытаться захватить и допросить их, что наверняка позволило бы получить ценную информацию. В конце концов был достигнут компромисс: если на месте операции выяснится, что братьев можно захватить, не подвергая опасности жизни оперативников YAMAM, так штурмующие и поступят. Если такой возможности не представится, оба террориста будут уничтожены.

Аялон доложил план операции премьер-министру Нетаньяху, который на этот раз был настроен гораздо менее решительно, чем когда «Моссад» представил ему план ликвидации Халеда Машаля. Теперь он прекрасно понимал, что каждая операция, даже та, которая кажется относительно легкой и безопасной, в ходе проведения может рассыпаться с трагическими последствиями для исполнителей и даже для всей нации. В ходе ликвидации Мохиедина Шарифа израильтянам удалось не оставить никаких следов. Однако сейчас существовала вполне реальная возможность того, что братья Авдаллахи будут убиты и Израилю не удастся избежать ответственности. ХАМАС наверняка осуществит массированные акции возмездия.

Шимон Перес потерял власть из-за волны террористических выступлений ХАМАС после убийства Айяша. У Нетаньяху не было никакого желания рисковать своей властью премьера. Он отказался подписать «красный» приказ.

«Если мы не хотим покончить с руководителем военного крыла ХАМАС, которое воюет против нас, чего тогда мы стóим, – убеждал Аялон Нетаньяху. – Если не подпишете разрешение на операцию, я подам в отставку с поста директора Шин Бет»^[1210].

Это была страшная угроза, последствия которой выходили далеко за пределы самой этой должности. Позиции премьер-министра уже были ослаблены в связи с освобождением шейха Ясина. Общественность в целом считала, что он делает недостаточно для того, чтобы противостоять террору в войне с ним. Если бы Аялон ушел в отставку, премьер мог быть уверенным, что кто-нибудь организовал бы утечку сведений об истинной причине. Это было бы преподнесено как отказ премьер-министра уничтожить главную угрозу государству Израиль и евреюству в целом. Тогда его посчитают еще более слабым.

После нескольких часов размышлений Нетаньяху санкционировал операцию.

План состоял в том, чтобы обездвигить братьев Авадаллахов еще до штурма. В одном из телефонных разговоров, перехваченных Шин Бет, Имад сказал, что любит пахлаву. Шин Бет проинструктировала агента в очередной свой визит к братьям спросить их, какие продукты им привезти и не хотят ли они каких-то сладостей. Имад сказал, что хотел бы поесть пахлавы. Агент пообещал им привезти лучшую пахлаву в Иерихоне.

Следующим вечером специалисты Шин Бет начинили сладости транквилизаторами и поручили палестинцу отвезти их в Кирбет-а-Тайибех. Планировалось, что оперативники подождут, пока братья не подвергнутся действию наркотика, затем проникнут в дом, погрузят террористов в автомобиль и доставят их в пункт временного содержания для допроса.

Этот план сработал не совсем точно. Имад обрадовался пахлаве и набросился на нее. Скоро его сморил сон, и он захрапел. Однако в Шин Бет не знали, что Адель ненавидел пахлаву и никогда не притрагивался к ней. Когда по результатам видеонаблюдения стало ясно, что Адель не находится под воздействием транквилизаторов и спать не собирается, спецназу УАМАМ был отдан приказ на штурм дома. Окружившие его группы оперативников с разных сторон преодолели каменный забор и ворвались внутрь.

Адель побежал за автоматом, но был немедленно сражен очередью. Имад, разбуженный выстрелами, тоже потянулся за оружием, но его прошла длинная очередь спецназовца. После того как офицеры УАМАМ подали сигнал, что в доме чисто, туда вошли оперативники отряда «Птицы» и быстро обнаружили архив в одной из комнат^[1211].

Аялон позвонил Нетаньяху сообщить, что операция прошла успешно и братья Авадаллахи мертвы. Для того чтобы упредить реакцию палестинского руководства, Нетаньяху приказал Аялону поехать в правительственный квартал Палестинской национальной администрации в Рамалле. Когда Аялон прибыл туда, Арафат не спал и ждал его. Директор Шин Бет сообщил, что Израиль ликвидировал братьев. «Еще до того, как он мог начать отрицать, что знает, кто это такие, я сказал: “Пожалуйста, не говорите мне – какие Авадаллахи? Вы прекрасно знаете, кто это такие и что они сделали. Именем

государства Израиль я требую, чтобы вы сделали все возможное, чтобы не позволить ХАМАС повести себя безрассудно», – рассказывал Аялон.

Арафат попросил задержать публикацию новости об убийстве братьев Авадаллахов на четыре дня, чтобы он смог «все организовать». Аялон ответил, что новость эту задержать он не в силах и что у Палестинской национальной администрации есть не более четырех часов до того, как СМИ доберутся до этой истории.

«Пожалуйста, дайте Джибрилу (Раджубу) и (Мухаммаду) Далану (двум руководителям спецслужб Палестинской национальной администрации) указания начать действовать немедленно, – сказал Аялон. – Они знают, что нужно делать. Если этого не произойдет и случится террористическая атака, Израиль отреагирует в максимально жесткой форме, включая полное прекращение мирного процесса»^[1212].

Арафат приказал соратникам действовать решительно. В ту же ночь руководители ХАМАС были арестованы и отправлены в тюрьму, а саму организацию уведомили, что любые ее акции против Израиля встретят жесткий ответ со стороны Палестинской национальной администрации. Раджуб и Далан сделали все от них зависящее, чтобы убедить израильтян в том, что на этот раз Арафат серьезен относительно реализации своих угроз.

Тем временем оперативники и аналитики Шин Бет усиленно работали с военными архивами ХАМАС, загружая имена и даты в свои компьютеры^[1213]. Все это было частью «широкой кампании по возможно более быстрому исследованию палестинских архивов с той целью, чтобы начать действовать до того, как военное крыло ХАМАС перегруппируется, а его лидеры скроются в подполье». Специальные отряды Армии обороны, полицейского спецназа YAMAM и самой службы Шин Бет начали аресты десятков подозреваемых – «старших полевых командиров, специалистов-взрывников, поставщиков контрабандного оружия и материалов для изготовления бомб, преподавателей военного дела и административный персонал, включая связников и членов организации “Давах”» – социально-гражданского крыла ХАМАС.

Архивы, которые братья Авадаллахи стерегли пуще зеницы ока, теперь могли быть использованы для того, чтобы привести военную инфраструктуру ХАМАС на грань распада.

Одним из имен, которые выплыли из хамасовских архивов, было имя Ияда Батата, старшего полевого командира, занимавшегося в основном организацией террористических атак на Западном берегу. Материалы архива свидетельствовали о том, что он участвовал в нескольких засадах против солдат Армии обороны Израиля.

Через несколько месяцев израильтяне установили, что он прячется в доме в деревне Бейт-Авва. Была подготовлена операция под кодовым названием «Темницы и драконы», целью которой была ликвидация Батата.

Моше Яалон, который завершил службу в качестве шефа военной разведки АМАН и теперь занимал пост командующего Центральным военным округом, приехал на передовой оперативный наблюдательный пункт округа – пыльную палатку возле деревни Бейт-Джубрин, неподалеку от Бейт-Аввы, 19 октября 1999 года. Хотя сотрудники оперативного управления уже в течение трех дней планировали эту операцию, Яалон понял, что они обладают лишь малой толикой необходимой разведывательной информации. Среди них не было представителей подразделения 8200 (радио- и электронная разведка), не было и офицеров из отряда 9000, который занимался разведкой с дронов. Даже если бы они и присутствовали там, НП не был оборудован мониторами для отслеживания изображений, посылаемых дронами. Ответственный за разведку в Шин Бет находился на другом участке, и неустойчивая связь с ним осуществлялась только по мобильному телефону.

«Я пришел на должность в Центральном военном округе из другой культуры, – рассказывал Яалон, имея в виду спецподразделение “Сайерет Маткаль”, которым он когда-то командовал. – Там все делается по-другому. Там было невозможно, чтобы кто-то еще знал о какой-то конкретной операции и чтобы командующий военным округом присутствовал при ее проведении»^[1214].

Яалон и Дискин решили, что продолжение операции связано с неприемлемым риском. Они остановили ее и наложили временный мораторий на усилия по ликвидации Батата. «В Бейт-Авве мы поняли, что действовали очень неразумно, – рассказывал позднее Дискин. – И спросили себя, что нужно сделать, чтобы в дальнейшем такой конфуз не повторился».

Решение было простым: собрать всех нужных людей на командном пункте, чтобы они могли общаться между собой и наблюдать за мониторами, которые показывали бы единую картинку имеющейся информации^[1215]. Представители Шин Бет, YAMAM, спецподразделений Армии обороны Израиля («Сайерет», флотилии 13, «Дувдевана»), военной разведки АМАН – подразделений 8200, 504 и 9900 и, наконец, ВВС – должны были быть собраны, по словам Дискина, «в одной комнате с неоновым освещением, а не в жалкой палатке». Именно в эту комнату и должна была стекаться вся доступная и необходимая информация.

Реализация такого решения была весьма непростым делом из-за ряда проблем, связанных с зонами ответственности, подчиненностью и контролем. Различные подразделения армии и спецслужб за многие годы привыкли действовать параллельно; а поскольку их представители принадлежали к разным отрядам и группам, они говорили на разных профессиональных жаргонах. Временами люди были больше озабочены узкими ведомственными интересами, чем безопасностью государства.

Дискин в Шин Бет и Яалон в Армии обороны должны были преодолеть немало устоявшихся бюрократических схем и межличностных барьеров для того, чтобы собрать всех нужных людей в зале на втором этаже штаб-квартиры Шин Бет в Иерусалиме, получившем теперь вполне достойное название Военно-ситуационного центра (ВСЦ). Наиболее упорное сопротивление оказало подразделение 8200 АМАН (SIGINT), которое настаивало, что, наоборот, Шин Бет должна была прийти к ним.

11 декабря 1999 года все было готово для операции. Полученная Шин Бет информация свидетельствовала, что Батат собирался отправиться в свое укрытие в Бейт-Авве в течение ближайших дней. Сам дом и окружающая его местность находились под плотным наблюдением. В целях безопасности Батат не пользовался телефоном, но мобильник имелся у его водителя, и сотрудники Шин Бет контролировали перемещения аппарата. В Шин Бет установили, что 13 декабря мобильный телефон оказался в доме, недолго находился там и затем продолжил движение. Это явно указывало на то, что кто-то прибыл на машине в дом. Камера на дроне тоже захватила момент, когда машина остановилась, из нее кто-то вышел и прошел в дом.

Агент сообщил о том, что Батат послал на крышу дома замаскированного наблюдателя, который должен был предупредить его о любых признаках опасности. Эта информация была введена в компьютеры управления дронами. Были активированы установленные на них тепловизоры. Они показали, что в укрытии на крыше дома действительно находится человек.

Принимая всю эту информацию во внимание, одетые под арабов бойцы спецподразделения «Дувдеван» (Вишня) заняли позиции в нескольких точках вокруг дома. Четверо из них укрылись под небольшой лестницей, имевшейся на внешней стороне стены. Они расположились поблизости от входа, но были невидимы для наблюдателя на крыше.

«11 часов ночи. Деревня спит. Сначала, когда в тебе еще бурлит адреналин, ты не боишься. Но позже, когда уже занял свою позицию, внутри созревает страх, – вспоминал Алон Кастиель, один из участников операции. – Мы получили разрешение командира отряда на открытие огня... Ликвидировали человека Батата на крыше. Возникла небольшая перестрелка. Через несколько секунд мы прекратили стрелять и замерли, чтобы прислушаться. Затем со стороны дома послышался шум, и на крыльцо выбежал Батат с пистолетом в руке. Весь отряд узнал его и открыл по нему огонь ^[1216]».

Впоследствии Армия обороны Израиля выпустила заявление, в котором говорилось, что одно из ее подразделений «столкнулось» с Бататом, а другое занималось его поимкой и ликвидировало террориста. Целью этого заявления было сокрытие от публики обширной разведывательной деятельности, которая сопровождала эту акцию.

Израильтянам стало ясно, что преобразования в Шин Бет и создание ВСЦ оказались эффективными. За последующие девять месяцев ВСЦ был задействован в успешном осуществлении 15 арестов и «целевых» убийств. Эта модель была построена на полной транспарентности в отношениях между спецслужбами и на методе «передачи эстафетной палочки» от одного подразделения к другому по мере развертывания операций.

Первым принципом работы модели ВСЦ является присутствие всех «сенсоров» – то есть осуществляющих операцию спецслужб – как в форме участия их представителей в работе ВСЦ, так и представлением

получаемой ими развединформации в режиме реального времени. В Шин Бет была проведена большая работа по совмещению задействованных компьютерных систем: многочисленные стационарные компьютеры и программное обеспечение, используемые различными службами и подразделениями, стали совместимыми друг с другом и IT-оборудованием ВСЦ. Цель состояла в том, чтобы вся информация отражалась в ВСЦ в едином и понятном для всех формате. «Это превосходство в разведывательном обеспечении и объединение всех возможных источников в конечном счете и лежит в основе нашей способности поражать цели»^[1217], – объяснял Яалон.

Для того чтобы реализовать второй принцип – «передачу эстафетной палочки», ВСЦ был фактически разделен на две части. Одна, находившаяся под контролем Шин Бет, называлась сектором развединформации. Именно здесь осуществлялся поиск конкретной цели операции. Иными словами, задача сектора развединформации состояла в том, чтобы обнаружить объект и установить его местонахождение, а также убедиться в том, что цель эта настоящая. Это называлось киношным термином «кадрирование»^[1218].

После того как объект был обнаружен и установлен, «эстафетная палочка» передавалась во вторую часть ВСЦ – оперативный сектор. В значительной степени это было зоной ответственности Армии обороны, которая контролировала осуществление самого удара. Поначалу большинство «целевых» убийств осуществлялось сухопутными подразделениями. Позже они перешли в руки ВВС, но принцип оставался тот же. В случаях, когда «эстафетная палочка» оказывается в оперативном секторе, но на земле случается что-то, что мешает осуществлению удара (например, временная утрата картинки наблюдения), ответственность возвращается в сектор развединформации, и процесс «кадрирования» начинается заново.

В сентябре 2000 года, через два месяца после того, как Дискин был назначен заместителем директора Шин Бет, а Яалон – заместителем начальника Генерального штаба, они потребовали, чтобы модель ВСЦ была распространена из Центрального военного округа на всю страну. Имелось в виду создание единого ВСЦ, который бы контролировал осуществление важных операций и «целевых» убийств. Это предложение было принято, и в цокольном этаже штаб-квартиры Шин

Бет на севере Тель-Авива было выделено под Центр специальное помещение.

Само время требовало таких перемен^[1219]. «Если бы мы не осуществили технологическую революцию и не создали бы этот Военно-ситуационный центр, – говорил Дискин, – остается под сомнением, как мы смогли справиться с вызовами второй интифады и смогли бы справиться с ними вообще».

Тотальная война

Биньямин Нетаньяху не стал дожидаться окончательных результатов выборов. 17 мая 1999 года, вскоре после, того как телевизионные экзит-полы стали указывать на чистую победу Партии труда и ее лидера Эхуда Барака, Нетаньяху объявил о своем уходе из политической жизни.

Нетаньяху был избран благодаря акциям смертников-подрывников ХАМАС, однако годы его премьерства омрачились серией политических скандалов, коалиционных кризисов, трагедий в области безопасности Израиля типа «дела Машаля» и дипломатическим тупиком в переговорном процессе с палестинцами. Электорат воспринимал Барака – одного из самых прославленных командиров в вооруженных силах Израиля, ученика и последователя Ицхака Рабина, который обещал вывести армию из Ливана и принести мир, как полный антипод Нетаньяху. В своей победной речи перед сотнями тысяч сторонников на центральной площади Тель-Авива, ныне называющейся площадью Рабина, в честь другого премьер-министра, который был убит на ней четырьмя годами ранее, Барак говорил о «заре нового дня». «Мир представляет интерес для всех, он несет огромные выгоды обоим нашим народам», – сказал Барак в кнессете спустя четыре месяца^[1220]. Он объявил тогда: «Подлинный мир с Сирией и палестинцами является вершиной в реализации идей сионизма».

Барак начал проводить свою политику с присущими ему огромной энергией, решимостью и целеустремленностью. Зарекомендовавший себя мастером спецопераций, он был очень уверен в себе и в том, что сумеет спланировать дипломатическое маневрирование так же, как умел планировать «целевые» убийства в тылу врага – с максимальным вниманием к деталям, умением предусмотреть все возможные неожиданности и агрессивной наступательностью в случае необходимости. Однако оказалось, что если в сравнительно небольших масштабах эта тактика давала хорошие результаты, она не всегда

срабатывала в сложных международных процессах. А Барак редко прислушивался к советам помощников.

Под эгидой США Израиль вступил в переговоры с Сирией. В качестве представителя Барака президент Клинтон встретился с президентом Хафезом аль-Асадом в Женеве 26 марта 2000 года. Клинтон сообщил Асаду, что Барак готов уйти с Голанских высот, за исключением очень небольших пограничных участков, в обмен на мир, хотя речь Клинтона была исполнена меньшего энтузиазма и привлекательности, чем можно было бы ожидать. Асад, который прибыл на эту встречу с целым букетом болезней, включая начальную стадию деменции и нервного истощения, был более чем всегда решительно настроен получить назад каждый сантиметр Голан. Встреча провалилась уже через несколько минут после того, как президенты обменялись формальными приветствиями и начали обсуждать существо спора между Израилем и Сирией.

Барак был вынужден сдержать обещание уйти из Ливана^[1221], но сделал это, не достигнув никакого соглашения ни с Ливаном, ни с Сирией. Для того чтобы не допустить использования «Хезболлой» вывода израильских войск и предотвратить гибель большого числа военнослужащих Армии обороны Израиля, операция была осуществлена за одну ночь совершенно неожиданно для «Хезболлы».

Незадолго до вывода войск военная разведка АМАН смогла установить местонахождение Имада Мугние, руководителя военного крыла «Хезболлы» и человека номер один в израильском списке на ликвидацию. Он в тот период осуществлял инспекционные поездки по линии конфронтации в Южном Ливане, чтобы определить, выполнит ли Барак обещание по выводу войск из этой страны, и подготовить своих боевиков к новой ситуации.

Появились планы ликвидации Мугние^[1222]. Однако Барак, приехавший на северную границу для экстренных консультаций с верховным командованием 22 марта, приказал «только продолжать сбор разведывательной информации в отношении объекта М.» и не наносить по нему удара, фактически ликвидировав весь проект. Главной заботой Барака было осуществление вывода израильских войск без потерь, и он боялся, что ликвидация Мугние спровоцирует «Хезболлу» на артиллерийские удары по израильским поселениям или террористические атаки против израильских объектов за рубежом, что

потребуется ответа Израиля и сделает невозможным неожиданный тихий уход армии из Ливана.

Барак был прав хотя бы в краткосрочной перспективе. На следующий день после совещания на северной границе он отдал приказ о немедленном выводе всего контингента Армии обороны Израиля из Ливана. Операция была осуществлена без потерь.

Однако Насралла решил отпраздновать уход израильтян как свою полную победу, изобразив израильтян трусливыми, подверженными страху и бегущими от армии Мугние^[1223]. Он вещал: «Израиль слабее паутины. В израильском обществе превалирует дух пораженчества... евреи хороши как финансисты, но не способны на жертвы».

Оглядываясь теперь назад, можно сказать, что прекращение израильской оккупации Ливана произошло в самый неподходящий для Барака момент. Он понимал, что не может достигнуть договоренности с сирийцами, поэтому решил ускорить решение палестинской проблемы. Однако оказалось, что многие палестинцы увидели в уходе израильтян из Ливана доказательство того, что партизанская тактика и террор могут нанести поражение даже самой мощной военной силе и разведке на Ближнем Востоке, и начали размышлять над тем, как применить эти же методы к своему делу.

В июле 2000 года Клинтон пригласил Барака и Арафата в Кэмп-Дэвид на марафонские переговоры в попытке достичь мирного соглашения. «Я понимал, что такое соглашение должно включать в себя пункт о создании Палестинского государства и компромисс по Иерусалиму, – говорил позже Барак. – И был готов к этому. Я был уверен, что мне удастся убедить израильскую общественность, что это соглашение нам выгодно и что у нас нет выбора»^[1224].

Со своей стороны Арафат не хотел ехать в Кэмп-Дэвид и согласился только тогда, когда Клинтон пообещал руководителю Палестинской автономии, что его не будут обвинять во всех грехах, если переговоры не увенчаются успехом.

Именно в тот период израильские спецслужбы отметили, что протестный настрой среди палестинцев достиг максимума^[1225]. Поступали сведения о том, что Палестинская национальная администрация готовилась к военной конфронтации с Израилем для того, чтобы добиться от него далеко идущих уступок.

«Мы не готовили и не намеревались начинать конфронтацию с Израилем, но “надежда по природе расточительна”^[1226]», – сказал Джабрил Раджуб, приводя цитату из Фукидида^[1227]. Барак говорил соратникам: «Мы находимся на гигантском корабле, который вот-вот столкнется с айсбергом, и мы сможем избежать крушения только в том случае, если добьемся успеха в Кэмп-Дэвиде»^[1228].

Атмосфера на той встрече была праздничной. Барак демонстрировал такую готовность на уступки, которая заставляла американских участников переговоров «открывать рот и прыгать от радости». В эти уступки входил и компромисс, который должен был предоставить палестинцам некоторые части Восточного Иерусалима, а также международное управление Храмовой горой, на которой расположена мечеть Аль-Акса. Ни один израильский лидер никогда не был готов на такие большие уступки или на компромиссы, которые до того считались табу^[1229].

Однако Барак недостаточно сделал для заблаговременной подготовки встречи: он не попытался собрать более широкие слои арабского мира для того, чтобы надавить на Арафата и добиться от него компромиссов, например в вопросе права палестинских беженцев на возвращение^[1230]. Барак также вел себя в манере, воспринимавшейся палестинцами как высокомерная, и общался с Арафатом через своих посланников, хотя их коттеджи отстояли друг от друга на сотню метров.

Арафат отказывался подписывать соглашение, потому что считал, что добьется от Израиля более выгодных условий, если будет упираться. Возможно, он полагал, что ни один арабский лидер не поддержит его компромисс с архиврагом арабского мира. Клинтон был разъярен. Он прервал саммит и нарушил обещание не обвинять Арафата в неудаче переговоров. «Если бы Клинтон принял на вооружение стратегию Картера и сталкивал бы израильтян и палестинцев лбами до тех пор, пока они не достигли бы компромисса, история пошла бы по другому пути», – говорил Итамар Рабинович, один из самых известных в Израиле дипломатов и специалистов по Ближнему Востоку^[1231].

В течение последующих двух месяцев обе стороны предпринимали попытки как-то сблизить позиции^[1232]. Однако к тому времени

напряженность и подозрительность в их отношениях перешли точку невозврата. «Мы жили с ощущением, будто дышали порохом»^[1233], – сказал один из близких соратников Барака.

А там, где есть порох, обязательно появится свой Герострат. В данном случае таким пироманьяком стал Ариэль Шарон.

Место, которое евреи называют Храмовой горой, а мусульмане – Благородным святилищем, является сегодня, пожалуй, самой чувствительной точкой на Земле. Площадь, расположенная внутри Старого города в Иерусалиме, почитается как место, из которого Бог создал мир и где он призвал Авраама принести в жертву своего сына Исаака. В этом месте находились Первый и Второй Иерусалимские храмы, там ступала нога Иисуса, и там Он молился. Мусульмане же считают, что именно отсюда пророк Мухаммад отправился в рай вместе с ангелом-макрибуном Лжабраилом. На этом месте стоят сейчас Купол скалы и мечеть Аль-Акса.

За долгие годы здесь возникло много конфликтов. В 1982 году группа еврейских террористов замышляла подрыв Купола скалы, чтобы, как они заявляли, «устранить мерзость»^[1234]. Радикалы надеялись, что этот акт вызовет мировую войну, что ускорит приход Мессии. Хотя свою миссию террористы не выполнили, их стратегия не была так уж безосновательна. Храмовая гора может сыграть в мировой политике роль снежка, который вызовет сход лавины.

Ариэль Шарон все это прекрасно знал. Как лидер оппозиции администрации Барака он решил в самой скандальной манере противостоять готовности премьера отказаться от израильского суверенитета в отношении Храмовой горы. 28 сентября Шарон возглавил шествие группы политиков партии «Ликуд», которых окружали несколько сот полицейских, к святилищу. Он заявил: «Правом каждого еврея в Израиле является право посещать и молиться на Храмовой горе. Храмовая гора наша».

Палестинцы, находившиеся в то время в этом месте, кричали Шарону: «Бейрутский мясник... убийца детей и женщин». Очень скоро они вступили в стычки с полицией, охранявшей Шарона^[1235].

На следующий день перед началом утренних молитв Радио Палестины и проповеди в мечетях заклеили действия израильских властей как «попытку Израиля осквернить святые для ислама места»^[1236]. Толпа из 20 000 преимущественно молодых мужчин с

угрожающим видом ожидала начала утренних молитв в Аль-Аксе. Многие из них были вооружены камнями и другими предметами, которые они начали бросать в полицейских, а также в евреев, молившихся у Западной стены. В ходе этих выступлений семеро палестинцев были убиты и более сотни ранены. На следующий день вспышки насилия распространились по оккупированным палестинским территориям и населенным арабами районам Израиля. Были убиты двенадцать мужчин и подростков – граждан Израиля арабского происхождения (наряду с одним палестинцем и одним израильским евреем). Вскоре местные стычки превратились в войну.

В израильских разведывательных структурах вновь разгорелись споры о том, что происходит в голове у Арафата^[1237]. Руководители военной разведки АМАН и высшие армейские чины, в особенности Моше Яалон, были уверены в том, что интифада – это хитрая и тщательно спланированная стратегия Арафата, что именно он «контролировал высоту пламени» из своего офиса. Сначала его люди должны были организовывать «спонтанные» демонстрации, затем открывать огонь из толпы по израильским войскам, потом осуществлять спланированные вооруженные акции против солдат и поселенцев и, наконец, организовывать подрывы террористов-смертников в Израиле. Арафат пытался «добиться дипломатических успехов путем пролития израильской крови», говорил тогдашний начальник Генерального штаба Армии обороны генерал-лейтенант Шауль Мофаз^[1238].

В Шин Бет, напротив, полагали, что у Арафата никогда не было такой стратегии и война началась спонтанно с выступлений студентов, раздраженных рядом проблем – причем некоторые из них вообще были внутри-палестинскими, позже «раздутыми» местными лидерами. Демонстрации встретили жесткий отпор со стороны Армии обороны, которая была «сверхподготовлена» к вспышкам насилия. Жесткая реакция военных привела к гибели и ранениям многих палестинцев, что усугубило ситуацию. Шин Бет заявляла, что Арафата засасывало течение событий^[1239].

Иосси Авраами был частным предпринимателем из местечка Петах-Тиква, 38 лет от роду, женатым, с тремя детьми. В свободное от работы время он служил волонтером в дорожной полиции. Вадим Нуржитц, на три года моложе, происходил из Иркутска, Россия, и работал

водителем грузовика. Ни один из них не был профессиональным военным – как и большинство израильтян-евреев, они были резервистами, постоянно готовыми усилить Армию обороны.

Вторая интифада, как стала называться последняя по очереди война между Израилем и палестинцами, потребовала усилений. 1 октября 2000 года Авраами и Нуржиц были призваны из резерва и поставлены охранять школьные автобусы поселенцев от атак палестинцев. 11 октября им предоставили однодневный отпуск. На следующий день, возвращаясь к месту службы на машине Нуржица, они неправильно повернули и оказались в городе Рамалле на Западном берегу. В предшествующие недели в Рамалле отмечались выступления палестинцев, и какое-то их количество было убито солдатами АОИ. Напряженность здесь возрастала. Когда машина с Авраами и Нуржицем въехала в город, прохожие увидели желтые израильские номерные знаки и стали бросать в нее камни. Израильтяне пытались уехать, но были заблокированы автомобилями.

Палестинский полицейский вытащил их из машины под дулом пистолета, отобрал у них оружие и отвел в полицейский участок для разбирательства. Потом полицейские оставили двоих мужчин на расправу толпе, которая уже собралась возле участка и ворвалась в него.

Резервисты были жестоко избиты, у них вырвали глаза и нанесли много ножевых ранений. Голову Нуржица раскололи, а затем просунули толстую палку ему в рот до внутренностей. Тело подожгли. Когда жена Авраами, не зная, что происходит, позвонила ему по мобильному телефону, один из убийц сказал ей: «Я убил и расчленил твоего мужа несколько минут назад»^[1240]. Другой убийца позировал с окровавленными руками в окне второго этажа полицейского участка под восторженные крики толпы внизу. Затем палестинцы выбросили тела Авраами и Нуржица из окна участка на землю и долго таскали их по городу.

Это событие глубоко потрясло израильскую общественность, которая справедливо осуждала Палестинскую национальную администрацию за то, что она не только не предоставила никакой защиты израильским резервистам, случайно оказавшимся на ее территории, но вместо этого еще и арестовала их без видимой

причины и позволила толпе убить их в помещении полицейского участка.

Шин Бет назвала инцидент «сакральным убийством», исполнители которого должны быть преследуемы всегда, «как те террористы, что несли ответственность за бойню на Мюнхенской олимпиаде»^[1241]. Охота на убийц Авраама и Нуржитца продолжалась в течение нескольких лет.

Многими представителями израильского истеблишмента эта атака была воспринята как чудовищное предательство, доказательство того, что цель Палестинской национальной администрации – а в расширенном смысле и Арафата – состояла не в достижении мира, а в разжигании конфликта. С этого момента ответственность за проблемы с палестинцами будет возложена на Палестинскую национальную администрацию и самого Арафата.

В связи с трагедией в Рамалле, когда дикая толпа подвергла израильтян суду Линча, Армия обороны Израиля значительно активизировала использование силы^[1242]. Против демонстрантов чаще стало использоваться оружие. АОИ наносила удары и по палестинской полиции, взрывая по ночам пустые полицейские участки. К концу 2000 года будут убиты 276 палестинцев.

Бойня в Рамалле стала политической катастрофой для Эхуда Барака. Волнения палестинцев выбили из-под уже споткнувшегося на Кэмп-Дэвиде премьера опору и ослабили его. Он постоянно и открыто возлагал вину за все случившееся на Арафата, но в глазах израильской общественности это только усиливало мнение о нем как о неудачнике. Прежде всего люди связывали это с тем, что Барак когда-то доверял Арафату. А упорство премьера в продолжении мирного процесса с Арафатом обрушило рейтинг его популярности до беспрецедентно низкого уровня. Близкие соратники описывали Барака в последние месяцы пребывания в должности премьера как человека, который потерял четкое видение ситуации и сколько-нибудь ясное ощущение направления движения. Его правящая коалиция начала распадаться, и в декабре он был вынужден объявить о выборах в феврале следующего года.

Барак был побежден именно тем человеком, чья провокация на Храмовой горе запустила вторую интифаду, – Ариэлем Шароном.

Шарон оставался политическим парией в течение почти двадцати лет^[1243] – с того времени, когда он организовал трагическое вторжение в Ливан. Шарона заставили уйти с поста министра обороны в 1983 году, но его мертворожденная военная авантюра – амбициозный план перековать всю политическую карту Ближнего Востока – влачила существование еще целых 18 лет и стоила Израилю 1216 жизней и более 5000 раненых, не говоря уже о массовых жертвах в Ливане.

Огромные толпы протестующих в Израиле называли его убийцей и военным преступником^[1244]. США наложили на него неофициальный бойкот – встречаться с Шароном при его приездах в Америку разрешили только младшим должностным лицам администрации, только в гостиницах, в которых он останавливался, и только в нерабочее время. Человек, который, как говорилось, переступил красную черту, публично осуждался и презирался широкими массами в течение многих лет, хотя и был членом парламента и кабинета министров.

Однако Шарон рассматривал политику как некое колесо обозрения. «Временами тебя возносит вверх, временами ты оказываешься внизу, – любил говорить он. – Надо лишь оставаться в нем». В начале 2001 года, когда израильтяне отчаянно желали видеть во главе страны сильного лидера, он победил Барака с преимуществом в 25 %.

В кабинете сразу же проявился резкий контраст^[1245]. Помощники, оставшиеся в офисе премьера после ухода Барака, говорили, что атмосфера в нем немедленно стала гораздо тише и спокойнее. Шарон был полной противоположностью Бараку: теплым по отношению к людям, внимательным к их настроениям и личным капризам и старающимся выказать уважение каждому. Он ко всем изначально относился с подозрением, но если уж приходил к выводу, что кто-то достоин доверия, давал этому человеку значительную свободу.

Он глубоко переживал каждый раз, когда израильтян или евреев убивали в ходе террористических атак^[1246]. «Бывало, я приходил к нему с сообщением о той или иной террористической акции, – говорил помощник премьера по военным вопросам Иоав Галант. – И видел, как разрывалось его сердце. Он переживал личную боль от каждого такого случая. Каждого ребенка, женщину, или мужчину в Израиле, которых убивали в автобусе или торговом центре, он воспринимал как своих родственников, членов своей семьи».

Шарон обозначил казавшийся правильным путь к прекращению этого насилия. «Он излучал уверенность в том, что мы победим в этой войне, войне против террора, – продолжал Галант. – Как говорил Наполеон, не римские легионы перешли Рубикон – Юлий Цезарь перешел Рубикон. Шарон был лидером, и вел вперед в войне с террором».

Сразу же после вступления в должность премьера Шарон объявил, что никаких политических переговоров не будет до тех пор, пока продолжаются террористические атаки. Он сказал, что Израиль вернется за стол переговоров только после того, как будет восстановлен порядок. В то же время Шарон давил на Армию обороны и Шин Бет, заставляя их активизировать действия. «Думайте нестандартно, – говорил он своим командирам, – приходите ко мне с креативными идеями». Он постоянно напоминал подчиненным о тех бурных временах, когда он в 1950-х годах служил в подразделении 101, или о том, как Меир Даган под командованием Шарона успешно преследовал террористов в 1970-х.

После печального эпизода, когда Шарон был вынужден уйти с поста министра обороны в начале 1980-х годов, он начал сомневаться в возможностях Армии обороны, заявляя, что «она за многие годы растеряла былую мощь»^[1247]. Он не доверял военным, возможно потому, что вспоминал, как лгал политикам, будучи военным, и как обманывал своих начальников, чтобы они разрешили ему проводить операции. Теперь, став премьер-министром, он чувствовал, что верховное командование страны боится неудач, и поэтому «был уверен, что старшие офицеры обманывают его, чтобы не нести ответственности за свои действия», говорил Галант.

Напротив, в отношениях с Шин Бет Шарону было гораздо комфортнее. Он очень доверял шефу общей службы безопасности Ави Дихтеру. В войне с террором, являвшейся для Шарона высшим приоритетом, он все больше полагался на Шин Бет, поручая ей все больше операций и предоставляя все больше полномочий.

В начальный период второй интифады значительное число тех, кто участвовал в террористических атаках в предыдущее десятилетие, сидели в тюрьмах, которые контролировались Палестинской национальной администрацией.

После того как акции подрывников-смертников в 1996 году привели к краху правительства Шимона Переса и подорвали мирный процесс, Арафат понял, что должен держать за решеткой лидеров ХАМАС и «Исламского джихада» хотя бы до тех пор, пока ведутся переговоры с Израилем. Но через шесть месяцев, начиная с октября 2001 года, Арафат приказал начать выпускать заключенных.

И снова в Армии обороны Израиля сочли, что Арафат стремится спровоцировать новую волну атак на Израиль, тогда как в Шин Бет полагали, что он просто отчаянно пытается не уступить ХАМАС поддержку палестинцев. К тому времени сотни палестинцев погибли в интифаде, тогда как жертв среди израильских солдат и поселенцев было относительно немного. Но акции террористов-смертников из ХАМАС стали выравнивать этот страшный баланс. «Чем больше акций шахидов осуществлялось и достигало своих результатов, тем больше возрастала поддержка ХАМАС со стороны населения», – говорил Юваль Дискин, заместитель руководителя Шин Бет^[1248].

Гибель братьев Авадаллахов и утрата архивов явились мощными ударами по ХАМАС, однако под руководством шейха Ясина эта организация начала постепенно восстанавливаться. И по мере укрепления она стала все больше использовать акции террористов-смертников против гражданского населения Израиля.

18 мая 2001 года боевик ХАМАС, одетый в длинное синее пальто, подошел к посту охраны возле торгового центра Ха-Шарон в Нетании. Он вызвал подозрения у охранников, которые не дали ему зайти внутрь, а затем подорвал себя, убив пятерых прохожих. 1 июня другой террорист-смертник в очереди на дискотеку на пляже в Тель-Авиве убил 21 юношу и девушку, в большинстве своем новых евреев-иммигрантов из России. Владелец танцевального заведения Шломо Коэн служил ранее в спецчастях военно-морского флота. «Это было самое ужасное зрелище, которое я видел в своей жизни», – вспоминал он с отчаянием в глазах^[1249].

К началу ноября террористические акции подрывников-смертников осуществлялись на территории Израиля почти каждую неделю, иногда с разницей в несколько дней. 1 декабря трое смертников последовательно привели в действие свои адские машины, убив 11 человек в пешеходной зоне возле торгового центра Бен-Иегуда – в том самом месте, где произошел взрыв в 1997 году, повлекший за собой

неудачную попытку ликвидации Халеда Машаля. На следующий день человек из Наблуса подорвал себя на автобусной остановке в Хайфе. В результате погибли 15 человек и 40 были ранены. «Мы стоим перед лицом тотального наступления»^[1250], – сказал командующий полицейскими силами Северного округа, прибыв на место ЧП.

Наступление не прекращалось. Только за март 2002 года в результате атак смертников погибло 138 мужчин, женщин и детей; еще 683 было ранено^[1251]. Самая ужасная атака произошла на Пасху, в лобби гостиницы Park Hotel в Нетании, где проходило благотворительное мероприятие – ритуальный ужин Седер для 250 инвалидов и людей с ограниченными возможностями. Террорист-смертник, переодетый правоверной еврейской девушкой, вошел в зал и подорвал себя, убив 30 человек (самому молодому было двадцать лет, самому старому – девяносто) и ранив 143. Джордж Якобовиц, родившийся в Венгрии и выживший в нацистских лагерях смерти, был в том зале вместе со своей женой Анной, тоже жертвой холокоста из Венгрии. Они праздновали Седер вместе с Андреем Фрайдом, сыном Анны от предыдущего брака, и его женой Эдит. Все четверо погибли.

Как говорит тогдашний директор Шин Бет Ави Дихтер: «2002-й был худшим годом с точки зрения атак против нас со времени образования государства Израиль»^[1252].

Начальник Генерального штаба Мофаз говорил: «Это была национальная трагедия. Она обернулась потерями жизней наших соотечественников, ущербом для нашей национальной безопасности и экономики. Иссакли туристические потоки, люди боялись ходить в магазины и торговые центры, сидеть в ресторанах и ездить на автобусах»^[1253].

Израильские спецслужбы и раньше сталкивались с террористами-смертниками, «но мы не представляли себе, что это может происходить в таких огромных масштабах, – говорил генерал-майор Ицхак Бен-Исраэль, начальник управления по развитию вооружений и технологической инфраструктуры Министерства обороны (“Маффат” на иврите). – Даже когда мы поняли, что это является для нас главной угрозой, у нас не было для этого решения ни с точки зрения военной доктрины, ни с точки зрения вооружений. Что вы можете сделать со смертником, который уже разгуливает по вашим улицам и высматривает место, в котором совершит самоподрыв?»^[1254]

Терроризм в целом и конкретно акции подрывников-смертников создали странную атмосферу безысходности в Шин Бет и Армии обороны Израиля. «Без всякого сомнения, людьми овладело ощущение бессилия, – говорит бывший в то время начальником управления планирования АОИ генерал-майор Гиора Эйланд. – Все мы испытывали страшную досаду. На нас сильно давили, требуя что-то предпринять, и сверху (руководство Армии обороны и политический истеблишмент), и снизу (офицеры и солдаты, находящиеся в боевых условиях). А ваши соседи и родственники, да и просто люди на улицах, которые останавливают вас и спрашивают: “Где эти ваши командиры? У вас бюджет в пятьдесят миллиардов шекелей – что вы делаете со всеми этими деньгами? Чем вообще целыми днями занимаетесь?”»^[1255]

В условиях отсутствия сколько-нибудь законченной стратегии, как отвечать на тотальное наступление террористов-смертников, Шин Бет продолжала делать то, что всегда делала: ликвидировать людей, провоцирующих и организующих террор.

В первый год интифады такие антитеррористические удары наносились спорадически, безо всякого ясного направления. Первый из них был осуществлен вскоре после начала интифады, когда Шин Бет узнала, что боевик ФАТХ по имени Хусейн Абаят принимал участие в организации многих вооруженных нападений на Западном берегу и в пригороде Иерусалима Гило^[1256].

После суда Линча над израильскими солдатами в Рамалле все территории, находившиеся под контролем Палестинской национальной администрации, были определены как вражеские, на которых необходимо действовать с максимальными предосторожностями и под прикрытием значительных армейских сил. Однако вход на такую территорию с крупными силами в попытке арестовать или ликвидировать Абаята мог дать ему время для того, чтобы скрыться в убежище. Израильтяне пришли к выводу, что единственным способом добраться до террориста была комбинированная операция с использованием переодетых спецназовцев ВВС и атаки с воздуха.

В операцию был включен спецотряд ВВС под названием «Зимородок» («Шалдаг» на иврите), который специализировался на организации лазерного целеуказания объектов, находящихся в

глубоком тылу противника. Он был выбран потому, что в то время это было единственное подразделение, подготовленное для действий в тесной кооперации с военной авиацией.

9 ноября 2000 года агент Шин Бет из числа палестинцев сообщил, что видел Абаята садящимся в черный «мерседес» и покидающим деревню Бейт-Сахур возле Вифлеема вместе со своими людьми. Куратор агента тотчас же вышел на ВСЦ, а тот, в свою очередь, на ВВС и сухопутные войска. Спецназовцы из «Зимородка» «пометили» автомашину лазерными «маркерами», которые были приняты двумя группами вертолетов Apache по две боевые машины в каждой, барражировавшими в окрестностях. Машина остановилась у какого-то дома, вокруг нее собралась толпа. «Мы выждали несколько минут, пока машина не тронулась вновь и не отъехала от людей, — рассказывал заместитель командира эскадрильи вертолетов. — Затем выпустили две ракеты. Я выстрелил одну, а еще одну выстрелил командир эскадрильи, который вел другую группу. Обе ракеты попали в цель. До этого мы выполняли такие операции только в Ливане. У меня возникло странное ощущение (ведь это происходило на контролируемой Израилем территории)»^[1257].

Убийство Абаята стало первой ликвидацией с воздуха на оккупированных территориях. Оно было необычно еще и потому, что, как правило, Шин Бет предпочитала более скрытные операции: такие, в которых не просматривалось прямое участие израильских вооруженных сил, запрещенное по мирным соглашениям 1994 года. Теперь сверху шли приказы об уничтожении конкретных целей как с применением израильских вооруженных сил, так и без него.

Одной из таких целей стал Ияд Хардан, полевой командир «Исламского джихада» в районе Дженин. 5 апреля 2001 года Хардан снял трубку телефона-автомата, который обычно использовал в центре поселка Дженин (многие террористы к тому времени знали, что израильтяне прослушивают их мобильные телефоны, и вместо них стали использовать уличные автоматы), в тот момент, когда телефон зазвонил. Но вместо ожидавшегося Харданом голоса раздался громкий взрыв, который убил террориста на месте^[1258]. Устройство было вмонтировано в трубку накануне вечером оперативниками отряда «Птицы». Район находился под наблюдением двух дронов, и когда оператор узнал голос Хардана, из ВСЦ был послан сигнал на подрыв.

В результате такой же операции 27 июня был убит Усама аль-Джавабра, член «Бригад мучеников Аль-Аксы» из Наблуса.

Шин Бет пыталась ликвидировать генерального секретаря Народного фронта освобождения Палестины Абу Али Мустафу^[1259], используя различные скрытые методы – отравление, установку взрывного устройства в мобильный телефон, подрыв его автомашины таким образом, чтобы создавалась видимость случайного взрыва взрывчатки, которую сам Мустафа и перевозил. Однако когда эти планы не удались, в Шин Бет решили оставить игры в конспирацию. 27 августа боевой вертолет Apache выпустил ракеты по окнам офиса Мустафы в Рамалле. Израиль заявил, что его решение ликвидировать Мустафу было связано «не с тем, что он являлся политическим лидером, а как раз наоборот – с тем, что он напрямую участвовал в террористических акциях».

Убийство Мустафы нисколько не снизило число атак смертников. Более того, для палестинцев красная черта оказалась перейденной. «Мне хотелось бы напомнить Израилю о начале 1970-х годов, – заявил тогда лидер Народного фронта освобождения Палестины. – Мы должны действовать таким образом, чтобы удержать израильтян от дальнейших атак на палестинских лидеров». В качестве акции отмщения через два месяца, 17 октября, в гостинице Hyatt Hotel в Иерусалиме члены НФОП убили Рехавама Зееви, министра в кабинете Шарона и в прошлом генерала Армии обороны, отличавшегося радикальными националистическими взглядами.

Зееви был видным и уважаемым членом израильского общества, близким другом Шарона со времени их совместной службы в армии. По правде говоря, ни одно из осуществленных тогда «целевых» убийств, ни одна из агрессивных войсковых операций не достигли никаких серьезных результатов, кроме того, что в ходе них погибло 454 палестинца, были ранены тысячи людей и продлен кровавый и неравный конфликт, в котором погибло еще больше израильтян.

Шарон все больше разочаровывался в бессилии военного истеблишмента^[1260]. Однажды утром начальник аппарата премьера и его правая рука Дов Вейсгласс попросил руководителя аналитического управления Шин Бет Барака Бен-Цура о встрече в весьма необычном месте – у входа в центр международных операций Банка Тель-Авива.

Вейсгласс организовал пропуск в операционный зал.

Он провел Бен-Цура в середину обширного помещения, по стенам которого висели мониторы, показывающие объемы денег, приходящие и уходящие из Израиля, этот кислород экономики страны.

После долгих минут молчания Вейсглас спросил: «Что вы слышите, Бен-Цур?»

Бен-Цур был озадачен: «Ничего. Я ничего не слышу».

«В том-то и дело. Здесь ничего нельзя услышать. Здесь не происходит никаких действий. Сюда не приходят инвесторы, потому что боятся, что с ними что-то случится. Они не приносят сюда деньги, потому что не знают, что произойдет завтра. Если вы – Шин Бет, Армия обороны Израиля и ВВС – что-то не предпримете, вдобавок ко всей этой крови, скорби, страданиям и ужасному горю наша страна столкнется еще и с экономической катастрофой»^[1261].

В Шин Бет послание уловили. Если отдельные ликвидации не работают (а они не работали), общей службе безопасности нужна более широкая стратегия, каким образом ослабить ХАМАС и другие террористические организации, прибегавшие к тактике смертников. Хотя офицеры спецслужб обычно предпочитали арестовывать только открытых противников, один из руководителей Шин Бет сказал на заседании кабинета по вопросам безопасности, что когда отсутствует полный контроль над территорией страны, это не вариант. Следовательно, «у вас нет другого выхода – вы должны быть и прокурором, и адвокатом, и судьей, и палачом»^[1262]. Никто тогда не думал о полной победе и даже не был уверен в том, как она выглядит, но мечтал о достижении относительного спокойствия, которое могло бы обеспечить гражданам Израиля сравнительно мирную жизнь.

В конце 2001 года на серии совещаний директор Шин Бет Ави Дихтер представил Шарону и правительству новую стратегию^[1263]. Поначалу министры проявили колебания. Но на совещании после террористической атаки на автобус в Хайфе, в которой погибли пятнадцать человек, Шарон шепнул Дихтеру: «Давай! Убей их всех»^[1264].

«Подрывников-самоубийц больше, чем поясов смертников»

До конца 2001 года Шин Бет была сосредоточена на установлении объектов ликвидации среди тех, кого называли «живыми адскими машинами». Это были люди, которые либо планировали террористические атаки, либо готовились к их осуществлению, либо были непосредственно связаны с этой деятельностью, – полевые командиры и вербовщики смертников или изготовители смертоносных устройств.

В таком подходе имелось несколько проблем. Первая – выявление настоящих целей среди казавшегося нескончаемым потока «инициатив-ников». Тогда один представитель ХАМАС похвалялся: «У нас подрывников-самоубийц больше, чем поясов смертников». Эти палестинцы не подходили под единый стандарт: среди них были и молодые, и люди средних лет; образованные и неграмотные; те, кому было нечего терять, и те, у кого были большие семьи. Поначалу в их число входили только взрослые мужчины, но позднее лидеры ХАМАС стали привлекать в ряды шахидов женщин и детей.

Даже если удавалось установить террориста, это еще не означало, что атака обязательно будет предотвращена. Наблюдатели у мониторов, переводчики, разведчики-аналитики и инженеры могли наблюдать за ходом террористической операции по мере того, как она «катилась» (профессиональный жаргон сотрудников Шин Бет) почти до взрыва. Но не были способны остановить смертников, потому что Израиль не мог действовать открыто на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией.

А к тому времени, когда подрывник-смертник оказывался на территории Израиля, зачастую было уже поздно^[1265].

В этот период офицерами-наблюдателями, работающими за мониторами, было зафиксировано несколько случаев нервных срывов. Одна женщина-офицер заметила начало террористической акции, осуществленной в торговом центре в Нетании в мае 2001 года, и

задействовала все средства, чтобы предотвратить ее. Однако смертник сумел проникнуть на территорию Израиля и не был обнаружен там до тех пор, пока не подорвал себя и пять гражданских лиц. «Офицер-наблюдатель сидит за своим столом в окружении мониторов и плачет, когда видит выносимые из зоны поражения искореженные тела, – рассказывал директор Шин Бет Дихтер, – но в этот момент поступает очередной сигнал тревоги, она вытирает слезы и продолжает работу».

Поскольку ориентация на поиск отдельных террористов-смертников оказалась бесперспективной, Дихтер решил поменять подход. С конца 2001 года израильтяне нацелились прежде всего на «бомбовую инфраструктуру», которая существовала вокруг атак^[1266]. Человек, который взрывал себя, или устанавливал взрывное устройство, или нажимал на кнопку, был в конечном счете лишь одним из звеньев в длинной цепи. Существовали вербовщики, связники, покупатели оружия, содержатели явочных и конспиративных квартир и те, кто нелегально транспортировал деньги, – целая сеть, контролируемая командирами региональных ячеек, над которыми стояли руководители военного крыла, в свою очередь подчинявшиеся политическим лидерам организаций.

Все эти персонажи должны были стать целями^[1267]. Потенциальный смертный приговор должен был висеть над головами всех активных членов военного крыла ХАМАС, известного как бригады имени Изз ад-Дина аль-Кассама, и «Палестинского исламского джихада». «Они должны были быстро понять, что ни один из них – от регионального оперативного начальника до водителя такси, перевозящего оператора, который снимает прощальное видеообращение смертника, – не может считать себя защищенным от потенциальной ликвидации», – говорил Ицхак Илан, в то время ответственный сотрудник Шин Бет, позже ставший заместителем директора службы.

Охота собственно за смертниками была бесплодной, поскольку они по определению являлись расходным и легко заменяемым материалом. А вот люди, которые готовили, организовывали и отправляли их на задание, таковыми не являлись. Да и, как правило, они были гораздо менее настроены на мученичество, чем те, кого они вербовали и использовали. Израильская разведка установила, что к организации террористических подрывов смертников были активно причастны не больше трехсот человек, а всего в этой деятельности участвовало

около пятисот активных членов различных террористических организаций.

Не требовалось убивать каждого из них. «Террор – это бочка с дном, – пояснял Дихтер в своем выступлении перед комитетом кнессета по международным делам и обороне. – И необязательно добираться до самого последнего террориста, чтобы нейтрализовать террор. Достаточно добиться остановки критической массы, и вы остановите террор»^[1268].

Управление исследований и развития технологий Министерства обороны разработало математическую модель для определения «человеческого ресурса» или «человеческих резервов» в ХАМАС. Результаты показали, что потеря организацией 20–25 % активных членов приведет к ее развалу. «Простой пример – это автомобиль», – говорил начальник управления Бен-Исраэль:

В машине есть критические компоненты, и вы с самого начала собираете ее так, чтобы эти компоненты имели определенный резерв. У вас есть запасное колесо, но не сто запасных колес. Вы едете, и вдруг – прокол колеса. Вы меняете его на запасное и едете дальше. И вдруг – еще один прокол! Сможете ли вы двигаться вперед? Менее вероятно. Почему же тогда не снабдить машину бóльшим количеством запасных колес? Потому что они занимают место и утяжеляют автомобиль. Резервы имеют свой оптимальный уровень.

Предположим, мы хотим остановить машину. Мы встаем лицом к ней и начинаем стрелять. Вы делаете один выстрел, навскидку. Остановится ли машина? Это зависит от того, куда вы попали. Например, в крыло или в радиоприемник. В этих случаях автомобиль не остановится. Вы продолжаете стрелять. Остановится ли автомашина? Понятно, что на каком-то этапе она остановится, даже если большинство ее деталей останутся нетронутыми. Почему? Потому что вы попали в одну из ее критических частей. Это и является существом нашей модели^[1269].

Действительно, ликвидированных террористов заменят другие, но со временем понизится их средний возраст, поскольку в их ряды будут

вступать все более молодые люди. Как рассказывал Ицхак Илан: «Однажды в камеру для допросов к нам привели полевого командира “Исламского джихада” района Дженина. По чистой случайности мы не убили его, а захватили в плен. Так вот, я испытал чувство радости, когда мне сказали, что ему всего 19 лет. Тогда я понял, что мы побеждаем, мы выбили целое поколение, которое было старше этого пацана»^[1270].

Теперь, когда была разработана связная стратегия, израильтянам нужно было определиться с тем, как искать и ликвидировать все эти цели. Шин Бет доложила премьер-министру Шарону, что в связи с проработкой такого большого числа операций по ликвидации врагов потребуется задействование всех соответствующих ресурсов государства Израиль.

Палестинцы на оккупированных территориях давно привыкли к дронам, которые жужжали над ними в небе. «Дроны летали над этими территориями постоянно», – свидетельствовал тогдашний заместитель начальника Генерального штаба Моше Яалон^[1271]. Беспилотные летательные аппараты собирали разведывательную информацию с помощью камер высокого разрешения. «Точно так же, как в небе присутствуют солнце и луна, в нем присутствовали и дроны с их тарактением», – говорил Яалон.

Большинство гражданских лиц – и арабов, и израильтян – не представляли себе, как далеко продвинулась технология беспилотников за те десятилетия, что прошли с начала их использования в Израиле^[1272]. Они стали значительно больше и могли оставаться в воздухе значительно дольше (до 48 часов). Несли гораздо более совершенную оптику и различные грузы – вплоть до тонны ракет точного наведения.

В ходе проводившихся в августе 2001 года военных маневров, в которых имитировалось военное столкновение с Сирией, в Армии обороны Израиля поняли, что с помощью дронов могут эффективно противостоять главной военной угрозе того времени – армаде сирийских танков, счет которых шел на тысячи. «У нас было больше бомб, чем насчитывалось целей на Ближнем Востоке», – говорил Яалон.

Как и Соединенные Штаты в ходе операции «Буря в пустыне»^[1273], а также на Балканах, Израиль был способен вести войну

дистанционными методами. Возможности для этого у него были даже более продвинутыми, чем у США. Израильцы обладали не только точным оружием типа управляемых снарядов и ракет, но и летательными аппаратами, которые могли приближаться к целям на очень близкое расстояние и вести огонь с высокой степенью поражения, поскольку дроны умели настраиваться в полете на движущиеся цели.

Армия обороны Израиля и ВВС предпочитали держать информацию об этих возможностях в строгом секрете до начала тотальной войны. Однако когда военные выразили несогласие с требованием Шарона использовать дроны против людей и таким образом раскрыли факт их существования перед палестинцами, премьер-министр ударил кулаком по столу^[1274]. «Он решил, что системы вооружений, “дремавшие” на складах в ожидании полномасштабной войны, которая все не начиналась, должны вместо этого использоваться против сегодняшнего врага», – говорил Иоав Галант.

ВВС Израиля создали специальное подразделение для модернизации дронов с точки зрения как вооружения, так и технологии фиксации целей^[1275]. Поиск в качестве цели сирийского танка на поле боя отличается от преследования человека на осле, пытающегося скрыться от израильских ликвидаторов; а уничтожение бронемшины требует применения ракет другого типа, чем при ликвидации одного-двух человек в городском квартале. В израильских ВВС разработали боеголовку, которая во время взрыва разбрасывала вокруг себя сотни 3-миллиметровых вольфрамовых поражающих элементов, способных пробить металл и цементные блоки в радиусе 20 метров.

Получив от армии адекватное вооружение, Шин Бет предстояло теперь активизировать сбор разведывательной информации. Шарон приказал военной разведке АМАН, которая была в несколько раз больше Шин Бет, а также «Моссаду», отношения которого с общей службой безопасности складывались по меньшей мере неровно, поступить в распоряжение Шин Бет на столько времени, сколько может потребоваться^[1276].

Наибольшие изменения претерпело подразделение 8200 (SIGINT), занимавшееся радио- и электронной разведкой^[1277]. До этого оно работало преимущественно по внешним врагам Израиля, главным

образом Сирии. Теперь большинство его огромных и мощных антенн, средств наблюдения, возможностей по дешифровке и проникновению во вражеские компьютерные сети было сконцентрировано на работе против террористов-смертников. Одна из прослушивающих станций подразделения, Турбан, которую чуть не закрыли с началом мирного процесса, была реорганизована и полностью подчинена Шин Бет. Она стала крупнейшей базой подразделения 8200 и эффективно работала в интересах проведения операций по ликвидации террористов.

АМАН и ВВС также начали использовать флот разведывательной авиации и даже спутники-шпионы, которые Израиль разместил на орбите, в интересах Шин Бет. Парк самолетов-разведчиков, изначально созданный для того, чтобы снабжать боевые части информацией с полей сражений в режиме реального времени, взял на себя наблюдение за целями в ходе операций по устранению террористов^[1278]. «Очень многие израильтяне обязаны своей жизнью сведениям, полученным системой VISINT – визуальной разведывательной информации. И точно так же многие террористы обязаны этой системе своей смертью», – сказал Ицхак Илан.

Результатом всего этого явился «синтез разведсведений», сказал Моше Яалон^[1279]. И это было «нечто неизмеримо большее, чем простое объединение материалов. Сосредоточение представителей разных спецслужб за одним столом в ВСЦ явилось катализатором накопления все большего объема разведданных. «Неожиданно, – говорил Дихтер, – представитель подразделения 8200, который не работает на идише (иными словами, чья работа по прослушиванию вражеских телефонов требовала владения арабским языком), слышит офицера Шин Бет, говорящего со своим палестинским источником на арабском, и вставляет в разговор собственный вопрос. И когда наблюдатель на месте сообщает, что “плохой парень” вошел в бакалейную лавку Абу Хасана, возникает вопрос, кем является этот Абу Хасан, и что, может быть, его не следует красить краской “плохого парня” на компьютере и т. д. Таким образом, сам Военно-ситуационный центр в ходе операции становится ресурсом, в котором создается очень большой объем информации»^[1280].

Технологии, обеспечивающие работу всей системы в режиме реального времени, стали особенно важными в связи с тем, что объекты атаки учились на своих ошибках и начали принимать меры

безопасности с тем, чтобы избежать удара ликвидаторов. Они стали быстро передвигаться по местности, часто менять автомашины и даже прибегать к методам маскировки. «Нахождение цели на полке» было техническим термином, обозначающим период времени от установки конкретного объекта до взятия его на прицел. Этот период становился все короче – он никогда не превышал двух часов, а иногда длился всего несколько минут. Только быстрая передача разведсведений могла обеспечить успешное уничтожение быстро передвигающихся целей.

За пределами ВСЦ система антитеррористических «целевых» убийств включала в себя сотни участников: оперативных работников, ведущих конкретные дела, системных аналитиков, солдат сухопутных войск в специальном камуфляже, осуществляющих наблюдение за местностью, операторов дронов-убийц, переводчиков, экспертов-взрывников и снайперов.

Эта очень большая и сложная машина имела тем не менее свою четкую и строгую иерархию, наверху которой находилась Шин Бет, правившая бал. Во внутреннем документе, изданном в Шин Бет, заявлялось: «Общая служба безопасности (официальное наименование Шин Бет) по закону об организации отвечает в том числе за сохранение безопасности государства... Одним из путей достижения этой цели является предотвращение и пресечение террористических атак методом превентивных ударов по соответствующим целям»^[1281].

В принципе, операция по «целевому» убийству начиналась с того, что оперативные работники «в поле» собирали первичную разведывательную информацию и устанавливали объект. Как правило, этим объектом являлась видная фигура в террористической организации – «человек, который заработал свой билет на поезд ликвидации», как говаривал Дихтер, или другая цель, стоящая затрат ресурсов, необходимых для ее уничтожения. На объект собиралось досье с разведсведениями, которое представлялось заместителю директора службы, решавшему, действительно ли данный персонаж соответствует критериям цели для ликвидации. Если заместитель директора, а потом и директор соглашались на операцию, премьер-министру клали на подпись «красный» приказ в отношении намеченной цели.

После того как премьер подписывал приказ, подразделения спецслужб, отвечающие за тот или иной регион и конкретную

террористическую организацию, получали указание об уделении особого внимания любой информации, способствующей осуществлению операции. Такая информация отличалась от, например, сведений о том, что планировал объект или кто являлся его сообщниками. Она касалась конкретно тех данных, которые могли помочь определить «оперативную исполнимость» атаки и должны были собираться круглосуточно.

В том момент, когда возникала возможность для приведения приговора в исполнение, опять выходили на премьер-министра, чтобы он санкционировал ликвидацию именно в данный отрезок времени. После получения второго разрешения оперативное управление Генерального штаба АОИ определяло организацию-исполнителя, способ ликвидации и необходимое для этого вооружение. После того как начальник Генерального штаба утверждал операцию, ВСЦ должен был получить позитивную идентификацию объекта как минимум от двух разных источников – это был период «кадрирования»^[1282].

Затем эстафетная палочка передавалась исполнителю, обычно военно-воздушным силам.

На первый взгляд новая система организации «целевых» убийств, по существу, не несла в себе ничего нового. Разведывательный эшелон собирал разведданные, премьер-министр давал санкцию, силы на местах осуществляли удар, совсем как это было в 1970-х и 1980-х годах в Европе и Ливане. Однако имелись и важные отличия. Как выразился один опытный офицер разведки, перефразируя Маршалла Маклюгана: «Все дело – в масштабах деятельности», подразумевая под этим, что использование современных технологий создало совершенно новую реальность^[1283]. Сосредоточение в единую систему всех разведывательных структур, поддерживаемое лучшими коммуникационными и компьютерными системами в мире в совокупности с новейшими достижениями в сфере вооружений, на порядок увеличило число операций по уничтожению врагов, которые система могла осуществлять одновременно. До этого, как сказал один офицер: «У “Моссада” уходили месяцы, если не годы на то, чтобы спланировать и осуществить одну операцию. Теперь мы могли проводить 4–5 атак ежедневно прямо из Военно-ситуационного центра»^[1284].

Осуществленные из ВСЦ операции по ликвидации привели к гибели 24 террористов в 2000 году, 84 – в 2001 году, 101 – в 2002 году и 135 – в 2003^[1285]. В отличие от спорадических операций по ликвидации, которые проводил за границей «Моссад», в данном случае для Израиля было невозможно, да и неправдоподобно, отрицать свою причастность к этим убийствам.

«Мы не могли заявлять, что эти операции были осуществлены правительством Финляндии», – говорил бригадный генерал Йосси Купервассер, руководитель службы разведанализа АМАН^[1286]. Помимо прочего, имелись и физические свидетельства: палестинцы добыли несколько ракет, которые не разорвались по техническим причинам. На них стоял штамп Mikholit (на иврите – «щеточка»). Это был противопехотный вариант более мощной противотанковой ракеты Mikhol.

Критика тактики «целевых» убийств, раздававшаяся и внутри, и за пределами Израиля, привела к необходимости раскрытия деталей каждой казни, главным образом преступлений объекта, что давало Израилю достаточное основание для ответных действий. Постепенно то, что когда-то считалось очень вредным – признание ответственности за ликвидацию, стало официальной политикой Израиля.

«Продолжать не брать на себя ответственность было бы просто глупо, – говорил Дов Вейсглас. – Минуты спустя после удара палестинцы уже собирали в машине осколки ракеты, на которой красовалось название израильской компании. Более того, мы еще рассчитывали и на эффект устрашения. Любой шум в небе где-нибудь над сектором Газа, и вы видели тысячи палестинцев, разбегающихся во всех направлениях. У них теперь не стало ни минуты покоя. Население Газы дошло до такой точки, что вся электронная техника – от мобильных телефонов до тостеров – казалась им привлекающей израильские ракеты. Это было состояние абсолютной паники»^[1287].

Теперь после каждого удара Армия обороны Израиля публиковала заявление^[1288]. Одновременно и служба Шин Бет, которая до начала интифады крайне неохотно шла на контакты со СМИ, начала передавать им выдержки из соответствующих «красных» приказов, в которых содержалось перечисление преступлений убитого террориста. С того времени Израиль полностью перестроил политику в

области коммуникаций: по существу, он начал пропагандистскую войну.

Разъяснение и даже популяризация того, что долгое время составляло тайну, требовало нового языка и новых эвфемизмов. «Интифада» со своими интонациями народного восстания была заменена на «войну подрывников-смертников». Смерть невинных граждан при проведении «целевых» операций стала называться *pezek agavi* – «случайный ущерб», который со временем превратился в аббревиатуру NAZA.

«Убийство по политическим мотивам», или “ликвидация”, или “уничтожение”, а тем более “убийство в уголовном смысле” – все эти слова были очень раздражающими и не подходящими для использования, – рассказывал один из ответственных чиновников офиса премьер-министра. – Поэтому мы начали искать термины, которые были бы отстраненными от реальности и эмоций, стерильными и объясняли бы, что мы делали это ради предотвращения зла». Сначала стали использовать слово RAAMON, что означает «колокол», но является одновременно аббревиатурой словосочетания «превентивная акция». Но оно не было достаточно ярким. После этого были отвергнуты еще несколько предложений, включая и кодовые слова, которые издавна использовались в спецслужбах, например, «негативное обращение». В конечном счете был выбран термин *sikul tetukad* – «целевой превентивный акт» на иврите^[1289]. Это словосочетание, которое на языке оригинала несет в себе оттенок высоких технологий и чистоты, передавало все, что силовой блок страны хотел донести до внешнего мира.

Хотя, возможно, все эти эвфемизмы были полезны с точки зрения взаимоотношений с общественностью, оставалось непонятным, является ли новая кампания Израиля по внесудебным убийствам законной, независимо от того, как эти акции называть – «политическими убийствами» или «целевыми превентивными актами».

Неудивительно, что некоторые семьи убитых палестинцев и жертвы «случайного ущерба» не признавали ее законной. Они привлекли помощь организаций по защите прав человека и опытных либеральных израильских адвокатов, чтобы потребовать от Верховного суда Израиля проведения расследований и преследования ответственных за

эти акции или, по меньшей мере, запрещения использования политических убийств и вынесения решения о том, что только законная правоохранительная практика может применяться к израильско-палестинскому конфликту.

Оппозиция политике «целевых» убийств не ограничивалась только окружением их жертв. Например, руководитель военной разведки АМАН генерал-майор Аарон Зееви-Фаркаш не возражал против политических убийств в принципе, но считал, что эта кампания может стать опасно недальновидной. «Каждое решение, все соображения, вся информация по каждому отдельному объекту рассматривалась кабинетом министров только в ракурсе политических убийств, – говорил он. – Совершенно неожиданно Шин Бет, приобретшая огромную власть, стала первой, с кем советовались по любым вопросам. Я думаю, такая ситуация представляла собой проблему»^[1290].

Что удивительно, с этим согласился предыдущий глава Шин Бет Ами Аялон, осуществивший перестройку разведывательной и операционной системы службы, что, собственно, и позволило начать новую программу политических убийств. Аялон утверждал, что Шин Бет ликвидирует людей без предварительной тщательной оценки политических и международных событий и что руководство общей службы безопасности не понимает, когда убийство гасит пламя конфликта, а когда только раздувает его.

Например, 31 июля 2001 года дроны Армии обороны выпустили несколько ракет по офису Джамала Мансура, члена политического крыла ХАМАС, лидера студенческой организации в университете Ан-Наджа в Наблусе и главы Исследовательского института Палестины.

Он был убит вместе с двумя помощниками и еще шестью палестинцами, включая двух детей. Заявление представителя АОИ гласило, что хотя Мансур и считался политическим деятелем и медийной фигурой, но он также принимал участие в террористической деятельности и организовывал атаки подрывников-смертников. Ами Аялон позвонил в Шин Бет и спросил одного из высших руководителей службы, не сошли ли они с ума. «Ведь только две недели назад Мансур выступил с заявлением, что поддерживает прекращение террористических атак и считает необходимым дать шанс мирному процессу!»

Руководитель из Шин Бет ответил, что им ничего не известно о таком заявлении Мансура. «Что значит “ничего не известно?” – взорвался Аялон. – Все палестинские газеты писали об этом! Весь мир знает об этом!»^[1291]

Другим политическим убийством, с которым не согласился Аялон, была ликвидация Раеда Карми, одного из лидеров «Танзима», вооруженной милиции ФАТХ. «Танзим» начал осуществлять террористические акции, и «красный» список Карми становился все длиннее из-за убитых на оккупированных территориях израильских торговцев, поселенцев и солдат. Карми пережил несколько попыток ликвидации и стал принимать повышенные меры безопасности.

В конечном счете Шин Бет удалось найти у Карми слабое место^[1292]. Он ежедневно после обеда посещал свою любовницу, жену одного из подчиненных, пользуясь одним и тем же пешим маршрутом вдоль стены кладбища Наблуса, прячась за ней из страха, что над ним может висеть израильский дрон. Однажды ночью оперативники подразделения «Птицы» заменили один из камней в стене муляжом с мощным зарядом взрывчатки. На следующий день, когда Карми шел на любовное свидание, бомбу привели в действие дистанционно, и палестинец погиб на месте.

Аялон не сомневался, что Карми замешан в терроризме, но утверждал, что время для акции было выбрано неудачно: в разгар переговоров о перемирии, проводившихся по инициативе США, которым Арафат продемонстрировал поддержку. Вследствие чего операция была, по мнению Аялона, ошибочной и даже незаконной. «Правила войны существуют для того, чтобы можно было прекращать войны, для того чтобы не допускать эскалации военных действий. Запрещено осуществлять военные акции, когда очевидно, что они только отдалят возможное окончание конфликта». Аялон утверждал, что в связи с убийством Карми ФАТХ стал более активно заниматься террором и даже начал использовать подрывников-смертников.

Дихтер сказал Аялону, что он, Аялон, детально не знаком с имеющейся разведывательной информацией, свидетельствующей о том, что Карми участвовал в планировании террористических атак, и что ни Карми, ни Арафат не имеют ни малейшего намерения прекратить террор. Видя, что его не понимают в Шин Бет, Аялон позвонил министру обороны в правительстве Шарона, Биньямину

«Фуаду» Бен-Элиэзеру, и громко отчитал его: «Вскоре с визитом прибудет госсекретарь США Колин Пауэлл, и Арафат ищет возможность возобновить мирные переговоры. Он отдал приказ всем своим силам прекратить террористические атаки». Аялон сослался на актуальную развединформацию, что приказ Арафата вызвал внутреннее обсуждение в ФАТХ и что в нем принял участие и Карми. «Ну и что из того, что Шин Бет хотела убить его? Зачем нужно было убивать одного из людей Арафата именно в этот момент? Просто потому, что возникла “оперативная возможность”?»

По словам Аялона, Бен-Элиэзер сказал ему: «Что ты хочешь от меня? Это все этот сумасшедший Дихтер»^[1293]. Аялон ответил: «Министр обороны ты, а не Дихтер. Ты принимаешь решение, а не он».

«Я называю это банальностью зла, – говорил Аялон позже, заимствуя наблюдение Ханны Арендт о том, что случается, если люди попадают в порочную ситуацию, нарушающую нормальное соблюдение существующих норм. – Вы привыкаете к убийствам. Человеческая жизнь становится для вас чем-то обыденным, с чем легко разделаться. Вы тратите пятнадцать или двадцать минут, размышляя, кого убить. Или как убить человека – еще два-три дня. Вы имеете дело с конкретными действиями, а не с их последствиями»^[1294].

Хотя Израиль, может быть, и не продумал до конца моральные последствия новой стратегии, в Тель-Авиве понимали, что должны обеспечить правовое прикрытие офицерам и их подчиненным, которые позднее могли попасть под судебное преследование либо в Израиле, либо за рубежом. В начале декабря 2000 года начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Шауль Мофаз пригласил к себе главного военного прокурора генерал-майора Менахема Финкельштейна.

«Полагаю, вы знаете о том, что время от времени Израиль прибегает к политике “негативного обращения”, – сказал Мофаз Финкельштейну. – По действующему законодательству разрешено ли Израилю открыто убивать определенных индивидуумов, вовлеченных в террористическую деятельность? Это законно или незаконно?»

Финкельштейн был ошеломлен. «Вы понимаете, о чем спрашиваете меня, господин начальник Генерального штаба? – ответил он. – Вы

полагаете, что главный военный прокурор скажет вам, когда вы можете убивать людей без суда?»

Мофаз все прекрасно понимал. Он спросил еще раз: «Законно ли убивать палестинцев, подозреваемых в терроризме?»

Финкельштейн ответил, что это деликатный и сложный вопрос, который требует сравнительного изучения прецедентов во всем мире и, может быть, разработки совершенно новой юридической концепции. В конце он произнес цитату из Цицерона – *silent leges inter arma* – «когда гремит оружие, законы молчат»^[1295] ^[1296]

Тем не менее Финкельштейн создал группу из блестящих молодых военных юристов, которые должны были найти решение этой головоломке. 18 января 2001 года совершенно секретный доклад по военным юридическим вопросам был представлен премьер-министру, генеральному прокурору, начальнику Генерального штаба и его заместителю, а также директору Шин Бет^[1297]. Озаглавленный «Нанесение ударов по личностям, прямо вовлеченным в атаки против израильтян», этот документ начинался с заявления: «В рамках экспертного мнения мы впервые занялись анализом законности “инициативного пресечения” (еще один эвфемизм), предпринимаемого в ходе акций Армии обороны Израиля... Армия обороны и Шин Бет проинформировали нас, что такие акции осуществляются в целях сохранения жизней израильских граждан и личного состава сил безопасности. Таким образом, в принципе, эта деятельность основывается на моральной установке, касающейся самообороны и выражающейся во фразе из Талмуда: “Если кто-то придет убить тебя, восстань и убей его первым”».

Впервые был предложен юридический инструмент для разрешения внесудебных убийств, осуществляемых силами безопасности^[1298]. В документе отмечалось, что его авторы приложили максимум усилий к тому, чтобы найти баланс «между правом человека на жизнь и обязанностью служб безопасности защищать граждан своей страны».

Для Финкельштейна это был тяжелый момент. Человек религиозный и хорошо знающий Библию, он с болью осознавал, что Бог не позволил царю Давиду построить храм из-за того, что тот убил много врагов ради народа Израиля. Финкельштейн полагал, что однажды он будет наказан. «Я представлял этот доклад дрожащими руками, –

говорил он позднее. – Было ясно, что он не носил теоретический характер, что власти воспользуются им»^[1299].

Документ в принципе переqualificировал отношения между Израилем и палестинцами. Речь не шла больше о конфликте как объекте деятельности правоохранительных органов. Уже ничего не говорилось об арестах полицией подозреваемых для последующего предания их суду. Интифада определялась как «конфликт, близкий к состоянию войны», к которому применялись законы военного времени. Эти законы позволяли наносить удары по врагу, где бы он ни находился, при соблюдении в принципе линии раздела между бойцами и гражданскими лицами.

В классических войнах этот водораздел проводится достаточно легко: личный состав вооруженных сил противника в ходе несения военной службы является законной целью для ударов. В том противостоянии, которое сложилось между Израилем и палестинцами, провести линию водораздела было гораздо сложнее. Кто является врагом? Как его определить? Когда (если это вообще когда-то происходит) он перестает быть врагом?

В документе определялся новый тип участника вооруженного конфликта – «нелегальный боец», который принимает участие в военных операциях, но не является солдатом в полном смысле этого слова. Этот термин обозначал любого человека, состоящего в террористических организациях, даже если его активность была незначительной. Пока он остается активным членом организации, он может считаться бойцом – даже когда спит в своей кровати – в отличие от солдата в отпуске, который снял форму.

Такое расширительное толкование понятия «боец» в ходе длительных дискуссий в международном отделе Главной военной прокуратуры породило так называемый «казус сирийского военного повара». Если Израиль находится в юридическом смысле в состоянии войны с Сирией, любой сирийский военнoслужаший может быть законно убит, даже если он является поваром в далеком тыловом подразделении. При применении таких стандартов и расширительном толковании понятия «нелегальный боец» в израильско-палестинском конфликте следовало исходить из того, что любой человек, помогающий ХАМАС, тоже может быть квалифицирован как цель. Потенциально это может быть даже женщина, которая стирала одежду,

надетую на себя смертником при уходе на задание, или водитель такси, сознательно доставлявший боевиков в то или иное место.

В документе, однако, отмечалось, что такой подход является экстремальным. В докладе было заявлено, что «только те лица, в отношении которых имеется точная и надежная информация об их участии в террористических атаках или подготовке смертников», могут рассматриваться как цели. Более того, политическое убийство не может использоваться в качестве наказания за прошлые акции или сдерживающего фактора для других бойцов. Оно может применяться только в тех случаях, «когда почти стопроцентно очевидно, что цель в будущем продолжит осуществление подобных акций».

В докладе подчеркивалось, что, где это возможно, предпочтение должно отдаваться аресту подозреваемых, а не их убийству, особенно в районах, контролируемых Армией обороны. В отличие от профессиональных солдат, участвующих в реальном военном конфликте, «нелегальные бойцы» не могут обладать иммунитетом от уголовного преследования или статусом военнопленного, поэтому их можно арестовывать и судить в нормальном уголовном процессе.

Когда политическое убийство все же необходимо, должен соблюдаться принцип «пропорциональности»^[1300]. В докладе формулировалось, что воздействие любого политического убийства на окружение должно быть максимально ограничено, чтобы «человеческие жертвы или материальный ущерб, связанные с операцией, не превосходили бы чрезмерно военные выгоды, извлекаемые из акции».

И наконец, констатировалось, что подписать «красный» приказ могут только премьер-министр или министр обороны.

Документ был встречен израильскими офицерами спецслужб со вздохом облегчения. «Это было официальным подтверждением того, что мы работаем по критериям международного права», – сказал тогда заместитель директора Шин Бет Дискин^[1301]. В 2003 году государство представило несекретную версию документа в Верховный суд, который доклад утвердил.

Однако, хотя Финкельштейну и удалось «втиснуть» позицию Израиля в соответствие международным нормам, мировое общественное мнение придерживалось совершенно другого мнения.

На своем рабочем столе Шарон держал буклет, который он время от времени доставал, чтобы показать посещающим его дипломатам^[1302]. Он получил его от полиции Израиля. В буклете были собраны жуткие фотографии автобуса через несколько минут после того, как террорист-смертник подорвал себя внутри него. Обезглавленные трупы и части человеческих тел разбросаны по всему полу. Пламя сожгло одежду жертв и окрасило их тела пятнами синего и зеленого цветов. «Когда кто-то из этих надоедливых дипломатов приходил к нам, чтобы еще раз поговорить о ликвидации очередного террориста, – рассказывал Дов Вейсглас, руководитель аппарата премьера и доверенное лицо Шарона, – Арик заставлял его просмотреть буклет. Премьер перелистывал страницу за страницей, наблюдая за глазами иностранцев по мере того, как они впитывали в себя весь ужас, изображенный на фотографиях. Шарон не позволял им пропустить хотя бы одно скорченное пламенем тело или шею без головы. Когда он заканчивал, то обычно тихо спрашивал: “Теперь скажите мне: вы готовы к тому, чтобы подобное случилось и в вашей стране?”»

Для того чтобы обеспечить Шарона дополнительными материалами, которые он мог бы показывать иностранным дипломатам, ведомство Вейсгласа приобрело у Палестинского агентства новостей шокирующие фотографии казней палестинцами тех арабов, которые подозревались в сотрудничестве с Израилем. Некоторые из них действительно были агентами Шин Бет, а некоторые явились жертвами сведения узкокорыстных счетов. Ряд изображенных на фото казней был осуществлен Мухаммадом Табуа, лидером местной преступной группировки по прозвищу Гитлер, которое было ему дано за жестокость. «Он убивал их, как собак, окруженный кровожадной толпой, – говорит Вейсглас. – Палестинцы при этом выглядели как толпа маньяков».

Разумеется, Шарон не показывал иностранцам разведывательные снимки последствий израильских атак. И в любом случае те наглядные материалы, которые он демонстрировал дипломатам, помогали мало. Мир продолжал жестко критиковать программу «целевых» убийств, равно как и агрессивную политику Шарона по расширению еврейских поселений на оккупированных территориях. Дипломаты из десятков стран доказывали, что есть прямая связь между этими программами Шарона и кровопролитием на улицах израильских городов. Даже

Соединенные Штаты считали политические убийства незаконными, если вообще не подпадающими под состав военных преступлений, а расширение поселений рассматривали как ненужную провокацию.

Шарон с ходу отвергал такие оценки. «Моя проблема, – говорил он, – состоит в том, что я родился задолго до многих из вас, правда? И я помню тысячи евреев, которые были безжалостно убиты арабами еще до всякой оккупации. Между двумя этими вещами нет никакой связи».

Тем не менее Шарон понимал, что какое-то соглашение с Соединенными Штатами все же должно быть достигнуто, если он надеется хоть как-то умиротворить остальной мир. «Если и был один урок, который я выучил в тот период, – заявлял Шарон, имея в виду свое нахождение на посту министра обороны в начале 1980-х годов, – то он состоял в том, чтобы никогда не спорить с Америкой»^[1303].

К счастью, у Шарона сложились неплохие отношения с президентом Джорджем Бушем-младшим, который вступил в свою должность в то же время, что и Шарон. Буш приезжал в Израиль в ноябре 1998 года, когда был переизбран губернатором Техаса. Тот визит был организован ассоциацией еврейских бизнесменов-республиканцев Техаса и имел целью укрепление отношений с Белым домом. В то время Шарон был по-прежнему политической парией, но сопровождал Буша в его поездке по Израилю на вертолете. Шарон рассказывал Бушу об угрозах безопасности Израиля и развлекал его историями о своих военных подвигах. К концу поездки Буш был убежден в том, что «Шарон является тем человеком, которому он может доверять», по словам Фреда Зейдмана, одного из организаторов турне Буша. Путешествие произвело на Буша глубокое впечатление, и он все время подчеркивал: «Техасцу трудно осознать, насколько мал Израиль... как мало народа проживает там, где на заре истории пролегали линии войны и существовали центры цивилизации»^[1304].

Два с половиной года спустя, после триумфальной победы на выборах, Шарон нанес официальный визит в Вашингтон. Организовывавшие его помощники премьера говорили своим американским коллегам, насколько подозрительно относится Шарон к Соединенным Штатам и как его уязвляло отношение Америки к нему лично в предыдущие два десятилетия. Эти сведения дошли до президента Буша, и он приказал устроить Шарону теплый прием:

встречи со всеми основными лицами администрации, президентское гостеприимство в гостевой резиденции «Блэр Хаус», почетный караул и салют из 21 залпа. «Шарон был на вершине счастья, – вспоминает советник премьера по внешнеполитическим вопросам Шалом Тургеман, – даже такой скептик и циник, как он, не мог не почувствовать всю теплоту приема американцев. И тогда он понял, что они действительно хотят работать с ним»^[1305].

В конце концов Вейсгласс предложил Шарону следующее. «Арик, – сказал он, – вся теплота, поддержка и дружба, которую ты можешь получить у американского правительства в своей роли борца с террором, моментально улетучатся, как только ты вернешься к мегапланам по строительству еврейских поселений на оккупированных территориях. Чем больше согласия ты будешь демонстрировать в ответ на требования американцев по замораживанию строительства поселений, тем спокойнее они будут относиться к тому, что ты хочешь покончить с “плохими парнями” в Израиле».

С согласия Шарона Вейсгласс разработал секретное соглашение с госсекретарем Кондолизой Райс и ее заместителем Стивеном Хэдли, суть которого состояла в следующем: Израиль существенно сокращает программу строительства новых поселений в обмен на поддержку США в его войне с палестинцами и в политике «целевых» убийств.

«После этого в наших отношениях установилась замечательная диспропорция, – вспоминает Вейсгласс. – С одной стороны, даже самые жесткие наши действия против палестинцев никогда не встречали осуждения. Американцы хранили молчание или редко делали дежурные заявления, в которых высказывалось сожаление в связи с гибелью невинных людей. С другой стороны, любая публикация, даже в самом отстойном праворадикальном блоге, относительно планируемого строительства поселений приводила к тому, что в 3 часа ночи меня будил телефонный звонок Конди (Райс), которая набрасывалась на меня с упреками»^[1306].

С того момента, как президент Буш получил от своих представителей в Израиле и на оккупированных территориях подтверждение того, что Шарон держит слово, сотрудничество двух стран в оперативных вопросах и области разведки значительно углубилось^[1307]. Хотя по-прежнему со стороны европейских стран в

отношении Израиля исходило много критики, Соединенные Штаты последовательно использовали свое право вето в Совете Безопасности для того, чтобы блокировать любые попытки осуждения Израиля за практику политических убийств. В конце концов арабские государства просто сдались и перестали готовить проекты соответствующих резолюций.

11 сентября 2001 года угонщики-джихадисты врезались на двух авиалайнерах в здания Всемирного торгового центра, третий самолет был направлен на Пентагон. Четвертый потерпел крушение на полях Пенсильвании после того, как пассажиры попытались скрутить угонщиков.

«В один момент претензии к нам вдруг прекратились, – говорил генерал-майор Гиора Эйланд, председатель Совета национальной безопасности Израиля. – Они просто исчезли из международной повестки дня»^[1308].

Объяснения своих действий, которые Израиль десятилетиями пытался донести до остального мира, вдруг оказались ненужными. На какое-то время все всё поняли. Шарон немедленно отдал спецслужбам приказ передать американцам все досье по «Голубому троллю» – кодовое название деятельности «Аль-Каиды» в Судане – и другую сопутствующую развединформацию^[1309]. Позднее он приказал Шин Бет и АОИ поделиться с иностранными партнерами своим опытом борьбы с террором в контексте реализации одной из лучших в мире программ антитеррора.

«Сюда потекли целые толпы визитеров», – рассказывал Дискин, которому было поручено заниматься наиболее важными гостями. Шарон издал инструкции, в которых в качестве составной части его отношений с Бушем рекомендовалось «показывать им (американцам) все, обеспечивать доступ ко всему, включая Военно-ситуационный центр, даже во время проведения операций по пресечению». Американцы особенно интересовались интегрированной работой всех спецслужб по программе «целевых» убийств, а также тем, как израильтянам удалось разработать механизм одновременного проведения ряда операций. Та самая система, которая еще несколько недель назад подвергалась международному осуждению, стала объектом подражания.

«Террористические атаки в Америке 11 сентября 2001 года придали ведущейся нами войне против террористов абсолютную международную законность, – сказал Дискин. – Мы смогли окончательно освободиться от пут, которые нас связывали»^[1310].

«Цель ликвидирована, но операция потерпела неудачу»

Когда Ави Дихтер был молодым оперативным работником Шин Бет, он однажды допрашивал человека по имени Салах Шхаде, социального работника из сектора Газа. Шхаде было 24 года, он родился в Северной Газе в городке Бейт-Ханун, где блестяще учился. Его приглашали для изучения техники или медицины университеты Турции и Советского Союза. Но семья Шхаде была бедной, и он решил отправиться в Александрию (Египет) для изучения социальной работы, а когда окончил курс, получил работу в Эль-Арише на Синайском полуострове неподалеку от границы с Газой.

Там его в 1977 году и заметил впервые Дихтер. «Он был не как все, – вспоминает разведчик, – всегда аккуратно постриженный и с атташе-кейсом в стиле Джеймса Бонда. В целом производил очень хорошее впечатление»^[1311]. Дихтер думал, что он сможет привлечь Шхаде к сотрудничеству и, вероятно, даже сделать из него агента.

Однако их знакомство ничем не закончилось.

Проработав пять лет в социальной сфере, Шхаде поступил в Исламский университет в Газе, заняв позднее должность декана по работе со студентами и одновременно исполняя обязанности проповедника в одной из городских мечетей. По роду своей деятельности он познакомился с шейхом Ясином, основателем движения ХАМАС. Они стали очень близки друг другу. Шхаде был восхищен харизмой Ясина, его знаниями и видением того, как установить власть ислама во всей Палестине. Ясин же нашел в Шхаде человека с выдающимися командными и организаторскими качествами.

Ясин раскрыл Шхаде секрет: под прикрытием социальной и религиозной работы он планировал создать военно-террористическую организацию, действующую против Израиля. Шхаде он сделал главой этого проекта. Салах был арестован в ходе первой кампании Шин Бет против ХАМАС (тогда движение называлось по-другому) в 1984 году,

осужден и два года спустя выпущен из тюрьмы. В 1988 году его арестовали снова, обвинили в большом количестве преступлений, связанных с террористической деятельностью, и приговорили к десяти годам^[1312]. Но даже из тюрьмы он умудрялся командовать боевым крылом ХАМАС.

В 1998 году срок заключения Шхаде истек, но он подвергся так называемому административному задержанию – весьма противоречивой мере, схожей с содержанием заключенных без суда в тюрьме Гуанатанамо. Тогда его освобождение было оценено общей службой безопасности Шин Бет как «немедленная и неизбежная угроза безопасности региона». Долгое пребывание в израильских тюрьмах дало Шхаде статус «героя Газы»^[1313].

В 2000 году Палестинская национальная администрация, стремясь продемонстрировать озабоченность судьбой всех палестинцев, в том числе активистов ХАМАС, пользовавшихся в народе популярностью, призвала Израиль освободить Шхаде и некоторых его товарищей. Палестинская национальная администрация пояснила израильтянам, что Салах Шхаде является прагматиком, человеком с административным и гуманитарным опытом, в отличие от более радикального шейха Ясина.

То было время больших надежд, как раз накануне встречи в верхах в Кэмп-Дэвиде. Эхуд Барак и Ясир Арафат находились в тесном контакте, пытаясь ускорить мирный процесс. Израиль был готов демонстрировать жесты доброй воли, чтобы помочь Палестинской национальной администрации привлечь скептиков на свою сторону. Деятельность ХАМАС оставалась на беспрецедентно низком уровне, в том числе благодаря успехам Шин Бет.

Израиль согласился на просьбу палестинцев. Шхаде подписал обязательство, что не вернется к террористической деятельности, что было обычным в случае освобождения палестинцев из израильских тюрем. Палестинская национальная администрация выступила гарантом.

Сегодня, оглядываясь назад, можно посчитать, что согласившиеся на освобождение Шхаде израильтяне проявили некоторую наивность. «Но тогда преобладающей у нас эмоцией была надежда», – сказал один из бывших оперативников Шин Бет^[1314].

В течение четырех месяцев после освобождения Шхаде избегал незаконной деятельности, потом разразилась интифада, и он вернулся на поле боя. «С тех пор, – написано в одном из докладов Шин Бет, – позиция Шхаде стала более радикальной, и он вернулся к подстрекательству, направлению, контролю и активному участию в планировании и исполнении летальных террористических операций и к работе в боевом крыле ХАМАС»^[1315].

Почти через тридцать лет после того, как Дихтер пытался завербовать Шхаде, Шин Бет завела толстое досье на человека под кодовым обозначением «Знаменосец». Дихтер и Шхаде не раз встречались в период заключения последнего (в ходе которого он под разными видами давления сообщал сведения на своих товарищей-заключенных). «Шхаде был для нас главной угрозой, опаснее, чем даже Ясин, – говорил Дихтер. – В отличие от Ясина он был образован и имел опыт управления, что обеспечивало ему исключительные оперативные способности».

Шхаде инициировал и контролировал принятие на вооружение новых боевых методик, например, стрельбу из минометов прямой наводкой по боевым машинам пехоты или использование взрывных устройств против танков. Он разработал новые виды террористических акций смертников с использованием плавсредств и бензовозов. Он внес основной вклад во ввод в действие кустарных твердотопливных ракет «Кассам», которые изменили характер атак ХАМАС на Израиль. Руководитель филиала Шин Бет в Южном округе хорошо понимал роль Шхаде в ХАМАС: «Он лично отдает конкретные приказы об осуществлении атак, разрабатывает политику террора и издает указания о том, какие и где должны быть проведены террористические акты. Он является движущей силой организации, он и есть террор».

Согласно данным Шин Бет, только за период с июля 2001 по июль 2002 года Шхаде прямо участвовал в террористических актах, в которых было убито 474 человека и ранено 2649^[1316]. За ним было установлено плотное наблюдение, но поскольку он действовал с территории сектора Газа, Израиль не мог арестовать его. В то же время и Палестинская национальная администрация не хотела гарантировать того, что Шхаде не будет атаковать израильтян.

В связи с этим имя Шхаде было внесено в «красный» список, и операция «Знаменосец» началась.

В любом «целевом» убийстве, прежде чем происходило нажатие на курок, личность объекта должна была быть подтверждена в реальном времени двумя независимыми источниками. Процедура «кадрирования» предназначалась для того, чтобы обеспечить ликвидацию именно объекта, не «его друга, брата, двойника или просто прохожего», как отмечал Дихтер. Служба Шин Бет, военная разведка АМАН и военно-воздушные силы прилагали все усилия, чтобы никогда не допускать ошибок. «Мы не можем позволить случиться второму Лиллехаммеру», – снова и снова повторял Дихтер. Было много случаев, когда руководители операций из ВСЦ останавливали их, чтобы не рисковать нанесением ущерба другому человеку.

На практике «кадрирование» – гораздо более сложное дело, чем кажется на первый взгляд. Во многих случаях одним из двух требуемых источников был агент-палестинец, который знал объект и должен был подтвердить его личность с закрытой позиции на финальных стадиях операции. У Шин Бет и подразделения 504 АМАН было много источников, но «эти ребята не являлись главными раввинами», как выражался Дихтер, имея в виду, что, будучи предателями своего народа и своих друзей, они зачастую не обладали высокими моральными качествами^[1317]. «Нам приходилось обращаться с ними с большой долей скептицизма».

В правилах работы ВСЦ существует положение о том, что, если визуальный контакт с объектом операции утрачен, предыдущее «кадрирование» отменяется и должно производиться снова. Например, если объект сел в машину и был «позитивно идентифицирован», то если он заехал под крышу заправочной станции и исчез из вида, процесс установки его личности должен начинаться вновь. Такие ситуации возникали много раз, часто из-за густой облачности, и это иногда предполагало полную остановку операции.

Благодаря строгой процедуре идентификации личности объекта у Шин Бет всегда был очень высокий процент установления целей. «“Кадрирования” у нас обычно точны на 100 %, – говорил Дихтер. – К сожалению, не каждый раз удавалось уничтожить цель, но в каждом случае это был именно тот объект, который был нам нужен». И что

характерно, «целевые» убийства постепенно начали приносить желаемый эффект. К середине 2002 года действия Израиля против терроризма с участием смертников начали давать результаты. Количество израильтян, убитых подрывниками-смертниками, начало сокращаться. После 85 убитых израильтян в марте отмечено только 7 в июле, 7 в августе и 6 в сентябре.

И все же, хотя для точной установки объекта прикладывались максимальные усилия, значительно меньше сил тратилось на то, чтобы обеспечить ситуации, в которых объект был один и поблизости от него не оказывались невинные люди. Несмотря на строгие правила, ограничения и дублирующие схемы безопасности, Израиль теперь осуществлял политические убийства в таких масштабах, что в этих акциях неизбежно возникали ошибки. И хотя их в целом было немного, но когда они случались, умирали невинные люди.

Кроме того, временами разработчики операций специально рассматривали вопрос о допустимости убийства людей, окружавших цель, если до нее нельзя было добраться, когда она находилась в одиночестве. В таких случаях Армия обороны Израиля и Шин Бет просили направлять в ВСЦ представителей департамента международного права Главной военной прокуратуры для консультаций. «Это ставило военных юристов в очень сложное положение, – рассказывал Даниель Рейснер, начальник упомянутого департамента, – так как было ясно, что если присутствовавшие на таких консультациях военные юристы не говорили “нет”, это можно было понимать, как если бы они сказали “да”»^[1318].

Главный военный защитник военной прокуратуры был кооптирован в состав постоянного совещания Генерального штаба и сделан участником секретных консультаций по вопросам безопасности. Шин Бет открывала доступ к своим досье на объекты «целевых» убийств для военных юристов. Рейснер и представители департамента международного права часто присутствовали в ВСЦ во время проведения операций. Их присутствие являлось «прикрытием со стороны закона», как выражался Финкельштейн, которое военные и сотрудники спецслужб хотели иметь на случай, если бы они когда-либо подверглись судебному преследованию в Израиле или за границей.

Вердикты военных юристов из департамента международного права являлись практическим применением положения о «пропорциональности», которое теоретически требовало, чтобы наносимый Израилем в ходе операций урон не превосходил получаемых от них выгод. Сколько невинных жизней разрешено Израилю принести в жертву, чтобы ликвидировать опасного террориста?

«Террористы, – рассказывал Рейснер, – сполна использовали нашу чувствительность к вопросу о нанесении ущерба невинным. Они часто брали детей на руки при переходе улиц, окружали себя гражданскими лицами. Однажды я находился в Военно-ситуационном центре, когда управляемая ракета была выпущена по террористу, стоящему на крыше. Тут совершенно неожиданно мы увидели, как он берет на руки ребенка. Конечно, я отдал приказ направить ракету в землю».

Военные юристы испытывали трудности с выработкой единого стандарта сопряженных со спецоперациями ущерба и жертв. «К каждому случаю необходимо было подходить со своими мерками, – говорит Рейснер. – Тем не менее у нас было одно четкое правило: все мы были родителями, и не могли мириться с убийством детей. Мы никогда не санкционировали операцию, которая бы противоречила этому правилу»^[1319].

Всегда, когда разведка заблаговременно предупреждала о «наличии позитивной информации о возможности присутствия детей» в зоне операции, атака не санкционировалась. Однако присутствие в ней нескольких взрослых, которые тем или иным способом были связаны с объектом, не обязательно останавливало акцию, даже если эти лица не были связаны с террористическими организациями. То же самое относилось к женам, друзьям и водителям транспортных средств, например таксистам^[1320].

Операция «Знаменосец» была особенно сложным случаем. Согласно архивам Шин Бет, по крайней мере дважды разрешение на эту акцию отзывалось из опасений нанести ущерб невинным людям. Первый раз это произошло 6 марта 2002 года. Шхаде был с высокой степенью определенности идентифицирован в квартире в южной части Газы, однако из-за присутствия в том же здании большого числа гражданских лиц, а также наличия информации о том, что его жена,

Лейла, а возможно, и пятнадцатилетняя дочь Иман были вместе с ним, операция была остановлена.

Через три дня террорист-смертник, посланный Шхаде, подорвал себя бомбой в Café Moment поблизости от резиденции премьер-министра в Иерусалиме, унеся жизни 11 мирных граждан.

По тем же причинам была приостановлена и атака на Шхаде 6 июня. Спустя 12 дней после этого смертник из боевого крыла ХАМАС убил 19 пассажиров на автобусной остановке в Иерусалиме.

Израильское разведывательное сообщество переполняло чувство досады. Как говорил начальник Генерального штаба Моше Яалон: «Я рассказал о ситуации своим американским коллегам, и она поразила их. Я сказал, что в первый раз мы остановили операцию из-за того, что рядом с объектом была его жена и что он вообще практически не передвигался без нее. С их точки зрения, это было глупо. Они спросили меня: “Что? Вы отменили атаку, *потому что его жена была рядом?*” Их критерии относительно сопряженного ущерба сильно отличались от тех пут, которыми мы сами связали себе руки».

В июле 2002 года министр обороны Биньямин Бен-Элиэзер утвердил другой план ликвидации Шхаде, состоявший в подрыве его квартиры. Однако в этом случае ограничения, касающиеся возможных жертв, были другие.

Снова в инструкциях повторялось, что «если в непосредственной близости от квартиры окажутся женщины или дети, проведение операции не разрешается». Но теперь из числа этих лиц исключалась жена Шхаде. Если во время акции она окажется в квартире, можно было действовать по плану. Исключение составляли и мужчины, будь то соседи или прохожие, виновные в чем-то или невиновные. Им всем было позволено умереть ^[1321].

«В конце-то концов, у нас не было выбора, – говорил Яалон. – Больше поделаться мы ничего не могли. По мере того как проходило время, мы видели все больше и больше еврейской крови. Я не тешил себя иллюзией, что без Шхаде ХАМАС прекратит террористические атаки, но его способность организовывать и добиваться осуществления ужасных акций – с учетом его опыта, ноу-хау и связей – не имела себе равных» ^[1322].

Шхаде перемещался много, однако 19 июля его обнаружили в трехэтажном доме в густонаселенном пригороде Газы под названием

Аль-Дарадж, где проживали в основном беженцы.

Информация от агентурных источников указывала на то, что на первом этаже дома находились в основном пустые складские помещения, что делало из здания прекрасную цель для бомбардировки. Ликвидацию проводить надо было быстро, пока Шхаде не начал передвигаться снова.

Заместитель директора Шин Бет Юваль Дискин не испытывал по поводу такой операции особого энтузиазма^[1323]. Он потребовал, чтобы разведчики раздобыли больше информации. Даже если само здание было пустое, вокруг него теснились лачуги из жести, в которых проживали целые семьи. Дискин склонялся в пользу обычной сухопутной акции, например с использованием снайперов. Предварительная оценка результатов бомбардировки, осуществленная аналитическим подразделением ВВС, показала, что окружающим дом самодельным лачугам будет нанесен «значительный ущерб».

В самой Армии обороны Израиля возникла довольно острая дискуссия. Начальник оперативного управления Генерального штаба рекомендовал выждать 48 часов, чтобы «очистить лачуги и убедиться, что там больше никого нет». Заместитель начальника Генерального штаба Габриэль «Габи» Ашкенази также сдержанно отнесся к идее проведения операции до получения дополнительной информации.

Однако давление по вопросу о ликвидации трудноуловимого Шхаде было очень сильным. Начальник Южного филиала Шин Бет отверг оценки Дискина, поскольку его разведданные говорили о том, что жестяные лачуги вокруг дома, в котором находился Шхаде, по ночам были необитаемыми. Он обратился к директору Шин Бет Дихтеру, который разрешил немедленную ликвидацию Шхаде бомбовым ударом с истребителя-бомбардировщика ВВС.

Шеф военной разведки АМАН Аарон Зееви-Фаркаш поддержал это решение. «Если мы не избавимся от таких людей, как Салах Шхаде, пострадает больше граждан Израиля, – сказал он позднее, вспоминая то свое решение. – В таких ситуациях нельзя исключить ущерба для палестинских граждан. Если выбирать из двух детей, я предпочту, чтобы не плакал израильский ребенок»^[1324].

Пилот забрался в кабину истребителя-бомбардировщика F-16, стоявшего на взлетно-посадочной полосе авиабазы Хацор, расположенной к югу от центра Израиля. Его самолет был вооружен

однотонной бомбой. Две 500-килограммовые бомбы не дали бы нужного эффекта с учетом того, что было неизвестно, где именно в доме находился Шхаде. Не имело смысла разрушать только второй этаж, если террорист спал бы, например, у выхода на улицу. Бомба большей мощности давала большую гарантию ликвидации Шхаде.

Бомбардировку откладывали уже трижды. В первый раз, 19 июля, поскольку это была пятница и день молитвы и отдыха, когда улицы будут заполнены прохожими. Ночью 20 и 21 июля операцию не осуществляли из-за того, что, по данным разведки, дочь Шхаде была в доме вместе с отцом.

Юваль Дискин, непосредственно отвечавший за операцию, не был полностью уверен в оценке, что вероятность нахождения дочери Иман в доме мала.

Дискин позвонил Дихтеру и высказал ему свои сомнения, порекомендовав отложить удар. Однако, согласно данным официального расследования, «директор службы Шин Бет тщательно взвесил всю имеющуюся у него информацию и оценки и пришел к заключению об очень высокой вероятности того, что Иман не было дома^[1325], в связи с чем он отдал приказ на проведение операции»^[1326].

Дихтер позвонил помощнику премьера Шарона по военным вопросам. Тот разбудил Шарона, который санкционировал «немедленное выполнение» бомбового удара.

Пилот начал закрывать фонарь кабины. В этот момент к самолету подбежал командир авиабазы и поднялся по лестнке к кабине. «Вы хотите знать, кто это?» – спросил он пилота и штурмана. Он имел в виду, кого они летят убивать.

«Сойдите с моей машины, – ответил пилот. – Мы не хотим этого знать. Это ничего для нас не значит».

Отчасти так оно и было. Те люди, которые являлись реальными исполнителями политических убийств, кто отправлялся в рейд на самолетах и сбрасывал бомбы, обычно знали меньше всех. Высоко в небе все, что они видели, – это маленькие цели на земле, обозначенные двенадцатью цифрами координат, и больше им не нужно было ни на что смотреть.

Взвыла сирена, и истребителю разрешили взлет. Было 11 часов ночи 22 июля. Подлетное время от Хацора до Газы составляло две минуты,

но пилоту было приказано лететь далеко на запад в темноте над морем. «Шхаде – он чувствует запах самолета, он слышит самолеты и убегает от них, – рассказывал позднее пилот. – Мы выжидали над морем пятьдесят минут. Затем руководитель полетов сказал мне по радио: “Атака”».

Самолет устремился на восток, затем снова повернул на запад и сбросил бомбу. «Наверное, вы видели это в кино, – говорил пилот. – Это выглядит так: мы наносим удар, дом рушится и падает»^[1327].

В течение нескольких дней до того, как А-16 взлетел для нанесения удара, самолеты-разведчики ВВС Израиля провели несколько разведывательных полетов над домом, в котором прятался Шхаде. Аналитики изучили материалы аэрофотосъемки и увидели солнечные батареи, сушащееся белье и спутниковые антенны над теми самыми лачугами, которые окружали дом с террористом. В этих лачугах жили люди. Так думал и ответственный оперативный работник Шин Бет, занимавшийся этой операцией. Он отметил, что поскольку есть все признаки того, что район является густонаселенным, такими же густонаселенными являются и «жестяные дома».

Однако Шин Бет не получила от своих источников «позитивной развединформации», с определенностью указывающей на то, что лачуги были обитаемыми. Другими словами, никто из источников не заходил в эти дома и открыто не сказал, что в *таком-то жилище проживала такая-то семья*. По мере того как планы операции все более детализировались и приближалось время для осуществления ликвидации террориста, ответственного за гибель почти 500 человек, включая 30, которые погибли уже после отмены двух попыток проведения акции, эмоции пересилили здравый смысл. В какой-то момент, как отмечали участвовавшие в операции сотрудники Шин Бет, тезис об «отсутствии позитивных данных» превратился в тезис «там нет никаких гражданских лиц».

«Установление местонахождения Шхаде открыло возможность, которая могла не повториться вообще или в ближайшем будущем, – вынесло заключение последующее расследование. – Он представлял собой бомбу с часовым механизмом, которую необходимо было нейтрализовать». Результат оказался катастрофическим. Шхаде был убит на месте, как и его помощник, Захер Нассар, и его жена. Но погибли также и дочь Шхаде Иман и еще 10 гражданских лиц, включая

7 детей, самому младшему из которых было меньше года. 150 человек были ранены.

Журналист из газеты Haaretz Гидеон Леви, чьи репортажи и колонки отражали обеспокоенность либерально настроенных израильтян судьбой палестинцев, прибыл на место трагедии спустя всего несколько часов. Вот что он вспоминает:

Они говорили, что думали, будто бы вокруг только необитаемые лачуги. Это были двух-трехэтажные дома. Нет таких домов в Газе, которые были бы необитаемыми. Те люди, которые замыслили ликвидацию Шхаде, отлично знали это.

Я не наивный человек и не слюнтяй. Если бы я мог полагаться на власть, которая умеет держать себя в рамках, я конечно же выступал бы за убийство такого человека, как Салах Шхаде, если бы он был на месте ликвидации один и была бы гарантия, что никто больше не пострадает. Но я знаю, что это невозможно – рассчитывать на то, что они могут сдерживать себя. Не существует системы контроля, ни внутреннего, ни общественного. И в конечном счете они делают все, что хотят. Соотношение цена/качество всех этих политических убийств ужасное. И этот случай – прекрасное тому доказательство. Были стерты с лица Земли целые семьи. В госпитале я видел умирающего маленького мальчика, все его тело было буквально напиговано поражающими элементами. Ужасно ^[1328].

Ави Дихтер сразу же понял последствия. «Цель ликвидирована, – сказал он, – но операция потерпела неудачу» ^[1329].

Как ни странно, эта бомбардировка не встретила широкого международного осуждения. Но в Израиле вызвала бурю протестов. СМИ, которые обычно лишь повторяли заявления официальных представителей Армии обороны Израиля и Шин Бет, разразились жесткой критикой и валом утечек со взаимными обвинениями участников операции. В Израиле начало раздаваться все больше голосов, которые ставили под вопрос смысл политического убийства как оружия.

Командующий ВВС генерал-майор Дан Халуц, непосредственно не вовлеченный в операцию, потому что в то время находился в

зарубежной командировке, был разъярен поведением СМИ и горел желанием защитить своих подчиненных. Он дал газете Haaretz интервью, в котором жестко заклеил критиков, сказав, что некоторых из них нужно судить за нанесение вреда безопасности государства. Халуц подчеркнул, что он полностью поддерживает своих пилотов, и полностью оправдал ликвидацию Шхаде, хотя и выразил «сожаление в связи с гибелью непричастных к операции людей».

Он вспомнил, как вскоре после бомбардировки встречался с пилотами – исполнителями операции. «Ребята, вы можете спокойно спать по ночам, – сказал он тогда летчикам. – Вы сделали именно то, что вам поручили. Вы не отклонились от задачи ни на миллиметр вправо или влево. Пусть все, кто испытывает в связи с этим актом какие-то проблемы, обращаются ко мне».

Халуц, сам в прошлом военный летчик, добавил: «Если вы хотите узнать, что я испытываю, сбрасывая бомбу, я вам скажу: ощущаю небольшое подрагивание крыла через секунду после того, как бомба отрывается от него. И больше ничего. Это то, что я чувствую»^[1330].

Интервью, и особенно слова «небольшое подрагивание крыла», которые с тех пор стали в Израиле мемом, демонстрирующим безразличие к жизням невинных людей, лишь еще больше накалило страсти. Даже другие пилоты ужаснулись этому. Летчик, реально сбросивший бомбу в ходе той операции, поначалу не интересовался, *на кого он ее сбрасывает*. «Отлично», – только и произнес он, когда его командир сказал, что целью будет Шхаде. Пилота волновало прежде всего, чтобы это был *точный удар*. «Но через три дня после атаки ко мне в эскадрилью пришли три парня. Три резервиста. Они сказали: “Что ты натворил? Ты полетел, ты убил, ты совершил убийство!”»

Среди пилотов-резервистов назревало выступление. По закону после выхода в запас они служат один день в неделю в мирное время и находятся на полной военной службе в период войны. В целом они старше летчиков-контрактников, уже пожили гражданской жизнью и больше сталкивались с миром с точки зрения демократических институтов, а не военной иерархии. Целые группы этих людей – летчики и спецназовцы из «Сайерет Маткаль» – опубликовали (независимо друг от друга) письма в СМИ, в которых отказывались принимать участие в агрессивных акциях против палестинцев, и

прежде всего «целевых» убийствах. Протестующие пилоты и солдаты знали, что они дорого заплатят за то, что подписали эти открытые письма. В напряженной общественной атмосфере, создавшейся в результате кровопролитных акций террористов-смертников, многими израильтянами эти заявления были расценены как измена, а некоторыми руководителями Армии обороны – как отказ выполнять приказы в военное время.

Особенно поразительным было подписание подобного заявления бригадным генералом Ифтахом Спектором, военным летчиком, установившим мировой рекорд в 12 сбитых сверхзвуковых вражеских истребителей и считавшимся многими лучшим боевым пилотом в истории израильских ВВС^[1331]. Другим подписантом явился подполковник Йоэль Петерберг, знаменитый военный вертолетчик, который был награжден за исключительную смелость и мужество, проявленные в ходе спасательной операции подразделения сухопутных сил, попавшего в засаду в Ливане.

«Шалом, меня зовут Йоэль, – обратился он с речью к митингующим. – Я летал на военных вертолетах Cobra, Apache и Blackhawk в Армии обороны Израиля, а сегодня отказываюсь служить в израильских оккупационных войсках... Мы являемся солдатами мира. Мы остановим войну, смерти и горе. Вы, лидеры государства и руководители вооруженных сил, – будете отвечать за последствия. Если не в судах Израиля, то в международном суде в Гааге, а если не в Гааге – то перед Создателем»^[1332].

До интифады «целевые» убийства были секретными операциями, осуществляемыми небольшими независимыми группами, работавшими на «Моссад» далеко за пределами Израиля. Вполне возможно, что они совершались в интересах государства, но моральные критерии этих акций определялись лишь несколькими оперативниками и членами кабинета. Когда же эти деликатные точечные операции были превращены в гигантскую машину убийств, причастными к ней оказались тысячи людей. Военнослужащие и пилоты Армии обороны Израиля, сотрудники Шин Бет, люди, которые добывали, фильтровали, анализировали и докладывали разведывательную информацию по принадлежности, – все они были вовлечены в эти операции, часто значительно более глубоко, чем те, кто являлся исполнителем политического убийства. И к лету 2002 года

ни один израильтянин не мог игнорировать того, что совершалось от его имени.

Упомянутые протесты в большинстве своем встречали яростный отпор. Эхуд Ятом, в прошлом оперативный работник Шин Бет, который застрелил двух террористов, захваченных на автобусном маршруте 300, стал к тому времени политиком в партии Биньямина Нетаньяху «Ликуд» (и собирался стать членом кнессета в 2003 году). Он сказал тогда, что отказывающиеся служить в армии – это «пораженцы». «Их надо подвергнуть общественному порицанию, предать суду, лишить званий и нашивок подразделений и выбросить из армии». Армия обороны объявила, что действительно изгонит из своих рядов тех, кто не отзовет свои подписи с писем протеста.

Через три дня после публикации письма, подписанного военными пилотами, Ариэль Шарон и его ближайшие советники собрались на ферме Navat Shikmim в Южном Израиле. Один из участников встречи назвал письмо «стонами пораженцев». Шарон обратился к нему на повышенных тонах. «Ты не прав, – резко бросил он. – Это не те битники, которые приходят на призывной пункт с серьгами в ушах и зелеными волосами. В этом списке числятся люди, которые совершили самые геройские поступки во имя Израиля».

Шарон посмотрел на своих советников. Он понял всю остроту ситуации. «Пожар, – сказал он. – Пожар охватил самый центр леса»^[1333].

Бунт в подразделении 8200

Известна такая шутка: когда человек умирает, он поднимается в рай, чтобы предстать перед Господом, сидящим на священном престоле. Бог спрашивает каждого вновь почившего, желает ли он остаться в раю или быть отправленным в ад. Каждый дает ответ, Господь оглашает решение, и пред его очами предстает следующий человек. Шутка гласит, что последним всегда является аналитик разведки. В крупных военных и разведывательных структурах аналитики – это те, кто определяет, какой кусочек развединформации из поступающего потока сведений заслуживает дальнейшей проработки. Они решают, что важно, а что – нет. Отчасти принимают решение о том, кто следующим предстанет перед престолом Господним. Вперед выступает разведчик-аналитик. «А ты куда хотел бы попасть?» – спрашивает Бог. «Никуда, – отвечает оперработник слегка раздраженным тоном. – Ты сидишь в моем кресле».

Амир (имя не настоящее)^[1334] был сетевым аналитиком, талантливым молодым человеком, приписанным к подразделению 8200, одному из самых престижных подразделений Армии обороны Израиля. Как и все аналитики, он сидел на базе за усиленными бетонными стенами, отслеживая и анализируя информацию. Большую часть поступающих разведсведений невозможно было перевести и обработать просто потому, что их было слишком много, а времени слишком мало. В компетенцию Амира входило принятие решений о том, какой канал коммуникации прослушивать и какие сообщения перехватывать. Военнослужащие типа Амира решали, какие куски информации, добытые их младшими коллегами, следует переводить и докладывать наверх. Он был конечным редактором «сообщения», как называются единицы разведсведений в подразделении 8200. Именно Амир придумывал заголовок и решал, кто должен прочитать это сообщение. Например, он должен был определить, является ли один из собеседников в перехваченном разговоре владельцем лавки, заказывающим товар, или джихадистом, отдающим зашифрованные указания по изготовлению бомбы. Если Амир сделает ошибку, то

невинные люди – израильтяне, с одной стороны, и несчастный бакалейщик, – с другой, могут умереть. И аналитик должен был делать это быстро.

Официально Амир и его коллеги по базе радиоэлектронной разведки подразделения 8200 в Турбане занимались борьбой с террористическими атаками. Неофициально они решали, кто будет убит следующим. Фактом остается то, что «целевые» убийства санкционировал премьер Шарон, а между ним и сотрудниками базы находилось много начальников. Однако политики просто утверждали рекомендации разведывательного сообщества, которые в конечном счете исходили от разведчиков-аналитиков. Один такой специалист рассказывал: «Наша роль в выборе целей политических убийств была важнейшей. Я мог решить, является ли, по моей оценке, какой-то человек координатором террористической ячейки, мог плотно «сесть» на него и собрать достаточное количество информации, чтобы идентифицировать его как объект уничтожения. Если этот человек действительно был связан с террором, такой процесс мог занять всего несколько недель, не больше»^[1335].

Подразделение 8200 зачастую определяло задания для нанесения по ним бомбового удара. Шарон, а вместе с ним и начальник Генерального штаба АОИ, Моше Яалон, считали Палестинскую национальную администрацию ответственной за любую террористическую акцию, даже если истинными виновниками были боевики ХАМАС или «Палестинского исламского джихада», которые находились в оппозиции к ПНА. В результате Израиль принимал ответные карательные меры против Палестинской национальной администрации после каждого акта террора, подвергая бомбардировкам ее здания и сооружения. В большинстве этих объектов размещались офисы гражданской администрации, и часто они подвергались ударам по несколько раз, даже когда были уже разрушены и оставлены персоналом. Эти бомбардировки были определенным сигналом палестинцам, а также способом для израильских лидеров и военных сорвать свои озлобление и гнев.

«Цели для ответных бомбовых ударов выбирались не по критериям достижения конкретного оперативного результата, – рассказывает Амир. – Они являлись скорее политическим посланием, которое можно было бы выразить простой фразой “Мы вам покажем!”».

Поначалу Израиль ставил палестинское руководство в известность о том, что самолеты израильских ВВС вылетают для нанесения ударов по конкретным объектам, чтобы дать находящимся внутри людям время эвакуироваться. Однако с течением времени эта практика до известной степени нарушилась, а к концу 2002 года военно-воздушные силы начали бомбить по ночам, без предварительного уведомления, исходя из предположения, что ночью эти здания должны быть пустыми. По большей части эта кампания была чисто символической.

5 января 2003 года два террориста-смертника из «Бригад мучеников Аль-Аксы» ФАТХ пробрались в Тель-Авив и направились на старый автовокзал. В 18:26 взорвали себя неподалеку от центра Тель-Авива. Число убитых составило 23 человека. Более ста человек было ранено. Среди них было много детей и даже грудных младенцев.

Палестинская национальная администрация осудила атаку и пообещала приложить все усилия для того, чтобы разыскать и задержать лиц, которые спланировали ее. Однако израильтяне не слишком верили в искренность их осуждения. В конце концов, террористы принадлежали к одной из организаций, связанной с движением ФАТХ, которое возглавлял Арафат. Большинство руководящих чиновников Палестинской национальной администрации входили в ФАТХ.

Премьер-министр Шарон немедленно созвал министров силового блока и ответственных за безопасность страны на совещание в своем офисе. Было принято решение активизировать действия против Палестинской национальной администрации.

По результатам этого совещания менее чем через три часа после террористического акта начальник Генерального штаба Яалон принял решение о бомбардировке отделения ФАТХ в городе Хан-Юнисе, расположенном в секторе Газа. На этот раз не предусматривалось никаких предупреждений, и атака должна была состояться не в ночное время. Напротив, Армия обороны Израиля намеренно и терпеливо будет ждать момента, когда в здании будут люди.

В 23:45 подразделение указания целей (Anaf Matarot) в штаб-квартире военной разведки АМАН направило на базу подразделения 8200 в Турбане указание о сборе актуальных разведсведений по зданию ФАТХ в Хан-Юнисе. В 00:31 Турбан отправил информацию о цели.

Согласно этой информации, цель 7068 не была связана с террористической деятельностью. Сержант, который осуществлял проверку объекта, написал просто и прямо: «Не бомбите их – они не сделали ничего плохого».

«Это было очень неформальное сообщение, – говорил Амир, – и, конечно, я должен был поменять фразеологию и язык и написать как-то официальнее, прежде чем передать сообщение. Но слова этого сержанта отражали содержание разведсводки очень точно. Никакой деятельности, связанной с терроризмом, в этом здании отмечено не было. Там велась рутинная работа с местными активистами, выдавались социальные пособия и зарплаты. Это был аналог местного отделения профсоюзов».

Утром на следующий день Амир, который предполагал, что цель 7068 подвергнется очередному символическому удару, сообщил в штаб АМАН, что в здании никого нет и можно без опасений начать бомбардировку.

«Операция задерживается, – сказал ему представитель военной разведки. – В отделе целеуказания ждут, пока офис откроется».

«Что? Они кого-то ждут?».

«Нет. Никого конкретно. Просто кого-нибудь. Сообщи нам, когда кто-то войдет внутрь».

Это казалось странным. Амир подумал, что здесь имела место какая-то ошибка. Присутствие гражданских лиц в офисе было причиной откладывать операцию, а не наносить удар. Ожидание людей – чиновников, уборщиц, секретарш – в корне противоречило юридическому меморандуму Финкельштейна от 2001 года. Определение в качестве целей гражданских лиц было, по существу, самым настоящим военным преступлением.

Но никакой ошибки здесь не было. Департамент целеуказания выпустил письменный приказ, чтобы каждый понимал, что все ожидают «признаков» того, что в здании кто-то есть. «Таким признаком может быть попытка телефонного звонка или телефонного разговора. Не следует ожидать, чтобы говорящий идентифицировал себя или осуществил любой содержательный разговор». Другими словами, намерение состояло просто в том, чтобы убить кого-то – кого угодно^[1336].

Приказ взволновал некоторых разведчиков-аналитиков, которые осмелились говорить о нем только в общей комнате. «Мы сидели там, три аналитика, и ужинали, – вспоминал Амир. – И вдруг кто-то сказал, как бы полушутя, но на самом деле вполне серьезно: “Слушайте, разве это не образец демонстративно незаконного приказа?” Он произнес это как бы между прочим, не акцентируя внимания, но его слова заставили нас задуматься. Может быть, мы действительно пересекали там “красную черту”? Откуда нам было знать, кого мы убивали? Это мог быть ребенок из соседней школы, который пошел в здание позвонить по телефону. Может, это был чиновник, который приехал для раздачи гуманитарного пособия ООН? Или уборщица, которая пришла пораньше до начала рабочего дня?»^[1337]

Тот факт, что такой разговор состоялся между служащими подразделения 8200, вполне вписывался в атмосферу, царившую в нем. Ведь именно это подразделение приложило все усилия к тому, чтобы «достучаться» до руководства военной разведки в дни, предшествовавшие неожиданной атаке арабских государств на Израиль в 1973 году. Именно подразделение 8200 предупреждало о том, что Египет и Сирия готовы начать войну.

По результатам того военного провала «мы целенаправленно стали подбирать на позиции разведчиков-аналитиков самостоятельно мыслящих людей, которые нестандартно думают и не боятся честно высказать свои соображения», – рассказывал профессор Эяль Циссер, известный специалист по Ближнему Востоку из Тель-Авивского университета, служивший резервистом в Армии обороны в качестве председателя отборочной комиссии разведчиков-аналитиков^[1338].

В связи с тем, что эти люди получали доступ к совершенно секретным материалам в очень молодом возрасте, армия в ходе их длительной подготовки старалась привить им моральные принципы и осознание своей юридической ответственности. Например, один из преподаваемых им уроков касался вопроса о гражданских правах, а также нарушении этих прав в результате прослушивания телефонных переговоров. Курсантам говорили, что они не должны использовать врученную им огромную власть ни для какой другой цели, кроме получения информации во благо безопасности их страны. При этом им сообщили результаты проверки, проведенной в 1997 году, когда некоторые аналитики из подразделения 8200, прослушивавшие

телефонные переговоры по Усаме бен Ладену, «случайно» наткнулись на специально вброшенные в сеть частные разговоры по мобильным телефонам между Томом Крузом, находившимся на съемках на Ближнем Востоке, и его тогдашней женой Николь Кидман^[1339]. Эти военнослужащие распространяли потом записи разговоров кинозвезд среди друзей и зачитывали выдержки из них вслух.

«И если *такое* подслушивание оценивалось как запрещенный и аморальный поступок, – говорил Амир, – было понятно, что бомбардировка того здания должна была быть запрещена. Чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что выполнение того приказа было недопустимо».

Амир доложил о своих соображениях старшему аналитику и командиру подразделения 8200. Командование заявило, что «они понимают наличие здесь проблемы», и операция была отложена до следующего распоряжения. «Это принесло мне чувство удовлетворения, и в 2 часа ночи я смог оставить свой пост. У меня было ощущение, что история на этом закончилась».

Однако на следующее утро, когда Амир заступил на новую смену, он получил звонок из группы целеуказания, уведомлявший, что операция по бомбардировке объекта ФАТХ в Хан-Юнисе вот-вот начнется. Амир возразил, но офицер на противоположном конце линии шифрованной связи разозлился: «Почему это кажется тебе демонстративно незаконным? Они все арабы. Они все террористы».

«В моем подразделении, – ответил Амир, – мы проводим очень четкое разграничение между террористами и теми, кто в терроре не участвовал, например людьми, которые изо дня в день работали или бывали в здании, обозначенном как цель этой операции».

Однако изменить чью-либо точку зрения Амир не мог, и к тому моменту операция уже началась. Два истребителя-бомбардировщика F-16, несущие соответствующее вооружение, кружились над Средиземным морем, ожидая приказа. Дрон делал с большого удаления фотографии здания. Как только Амир скажет им, что в здании кто-то есть, две ракеты Hellfire будут выпущены по объекту.

Амир решил, что откажется помогать этому. Огонь в сердцевине кедрового леса распространялся.

Командованию подразделения 8200 стали поступать нетерпеливые звонки из ВВС и АМАН. «Они говорили: “Слушайте, ваше

подразделение отказывается предоставлять нам такую и такую информацию», – вспоминал бригадный генерал Яир Коэн, тогдашний командир подразделения 8200. – Я отвечал им, что, видимо, они ошибаются, что в моем подразделении не может быть такого, чтобы кто-то кому-то не предоставлял информацию, что такого никогда не было и не может быть»^[1340].

В 10:05 Амиру позвонили из командования подразделения. «Яир (Коэн) говорит, что сейчас не время задавать вопросы, – сказали ему. – Сейчас время действовать». Приказ на операцию требовал завершить бомбардировку к 11:30, когда дети заполнят двор близлежащей школы.

«Это демонстративно незаконный приказ, и я не буду ему подчиняться, – заявил Амир. – Тот факт, что командир подразделения объявил приказ законным, не делает его таковым».

На линии возникла пауза. «Я передал тебе то, что приказал командир, – сказал собеседник Амира. – Я счастлив, что сейчас не нахожусь на твоём месте»^[1341].

Через несколько минут один из солдат – подчиненный Амира сказал ему, что внутри здания ФАТХ совершаются телефонные звонки. Бухгалтер сообщал сотрудникам о выплате зарплаты, несмотря на тяжелые времена в Палестинской автономии и войну. Секретарша сплетничала с подругой о местном герое-любовнике.

Это был сигнал к атаке. Истребители могли пускать ракеты. Израиль мог убивать обоих говоривших.

Амир сидел в своем кресле дежурного аналитика. «На меня как будто снизошло просветление, – сказал он. – Я почувствовал, что правильно можно поступить одним-единственным образом. Для меня было ясно, что эта операция не должна состояться, что она переходит “красную черту”, что она является демонстративно незаконной и над ней развевается черный пиратский флаг и что мой долг как солдата и человека состоит в том, чтобы отказаться ее выполнять».

Он приказал не передавать информацию. Он приказал прекратить всякие действия.

В 10:50, всего за сорок минут до истечения времени, отведенного на операцию^[1342], на базу прибыл прямой начальник Амира У., снял Амира с дежурства и сам занял место аналитика. Он приказал одному из солдат доложить по команде, что внутри здания находятся люди. Бомбардировка могла начинаться.

Но было уже поздно: истребители-бомбардировщики вернулись на базу, военный аэродром Тель-Ноф. Им передали новую информацию, и самолеты взлетели вновь. Но когда они смогли установить цель, часы показывали 11:25 и в школе прозвенел звонок.

В тот вечер командование подразделения 8200 направило руководству военной разведки АМАН сообщение, в котором содержались серьезные сомнения относительно операции. Оно было доложено министру обороны, который приказал отменить атаку на цель 7068.

Это явилось своеобразным оправданием моральной позиции Амира, но было уже слишком поздно пытаться погасить бурю, которую вызвал в армии «бунт» в подразделении 8200. Командование подразделения стало объектом жесткой критики со стороны разных членов военного истеблишмента – даже премьер-министр Шарон заявил о своей отрицательной позиции по отношению к произошедшему. Бригадный генерал Коэн был вызван на совещание в Генеральном штабе, целиком посвященное делу Амира. Некоторые старшие офицеры утверждали, что его следует предать суду военного трибунала и осудить как минимум на шесть месяцев. А один генерал дошел даже до того, что заявил: «Его следует обвинить в измене и поставить перед расстрельным взводом».

Все еще хорошо помнили недавние события – протесты военных летчиков в связи с ликвидацией Шхаде несколько месяцев тому назад и отказ военнослужащих «Сайерет Маткаль» принимать участие в операциях по «целевым» убийствам. Кто-то, возможно из соперничающего с 8200 подразделения, организовал утечку информации в СМИ. В опубликованном репортаже не было никаких деталей, но с учетом напряженной атмосферы в обществе его было достаточно, чтобы на улицы выплеснулись демонстрации как левых, так и правых. Хотя это происходило всего за несколько дней до выборов в кнессет, многие заголовки в газетах были посвящены «отказникам».

Военный истеблишмент и спецслужбы опасались, что дело Амира может создать прецедент, когда военнослужащие начнут отказываться выполнять приказы. С точки зрения руководства армии и спецслужб борьба с восстанием палестинцев не оставляла места для крикливых либеральных протестующих.

«Подразделение 8200 – квинтэссенция той культуры секретности, которая всегда держится в стороне от чужих глаз, изолированной от остальной армии, высокоэффективной и скрытной, – говорил офицер, занимавший в то время руководящее положение в подразделении. – Совершенно неожиданно оно обнаружило себя внутри армии под светом софитов, причем в самом негативном контексте. Все всегда говорили, что в подразделении 8200 служат чистенькие мальчики из престижных районов Тель-Авива, которые поступают в армию для того, чтобы получить лучшую в мире подготовку, а затем конвертировать свои навыки в миллиардные высокотехнологичные стартапы; все они левые и гомосексуалы. Подразделение постоянно пытается бороться с таким имиджем, и тут вдруг оказывается, на него еще вешают ярлык гнезда анархистов, которые отказываются выполнять приказы»^[1343].

Точка зрения Амира о том, что приказ об убийстве гражданских лиц являлся демонстративно незаконным, была с ходу отвергнута военными. Генерал-майор Элазар Штерн, руководитель кадрового департамента Армии обороны Израиля, утверждал, что если уж говорить об отказе выполнять приказ из-за уверенности в его незаконности, то речь может идти о людях, непосредственно нажимающих на курок, а не обо всех участниках операций^[1344]. Профессор философии Аса Кашер был приглашен командиром подразделения 8200 для обсуждения этого вопроса. Кашер считал, что действия Амира были неправильными с моральной точки зрения. «Ни при каких обстоятельствах я не могу согласиться с этим аналитиком, – заявил он. – В той ситуации, в которой он являлся аналитиком на удаленной базе, он не имел морального права определять приказ как демонстративно незаконный. Он не знал всех деталей. Он не видел полной картины и не мог знать о более широких тактических целях, которые преследовал начальник Генерального штаба... Я поддерживаю дискуссионность и высказывание сомнений, но в такие моменты нельзя отказываться выполнять приказ»^[1345].

Амира тихо уволили в запас, не предъявив ему никаких обвинений. Таким образом власти предотвратили возможность вынесения судом решения о том, являлся ли незаконным приказ об убийстве гражданских лиц при бомбардировке цели 7068.

Операция по цели 7068 нарушила принципиальные положения, сформулированные Департаментом международного права Службы главного военного защитника Главной военной прокуратуры Израиля о том, что целью для ликвидации может быть только индивидуум, прямо связанный с терроризмом. Но это было не единственное принципиальное юридическое положение, которое стали тогда все чаще нарушать. Это явилось частью общего размывания моральных стандартов и норм законности.

Положения Департамента международного права Главной военной прокуратуры призывали к тщательному расследованию всех случаев, когда невинные гражданские лица гибли вместе с объектом удара. На самом деле эти требования почти никогда не выполнялись. Расследование политического убийства Шхаде, которое в конце концов пришло к заключению, что в гибели 12 гражданских лиц никто не виноват, было редким исключением. Да и оно было проведено только после сильного давления израильской общественности и международного нажима на Израиль.

Еще одно положение, которое теперь часто нарушали, гласило, что не следует применять инструмент политического убийства тогда, когда имеется «разумная альтернатива в виде ареста» – когда террорист может быть задержан без создания опасности для жизни солдат или мирных жителей. Алон Кастиель, служивший рядовым в специальном разведывательном подразделении «Вишня», рассказывал: «Все в моей военной службе поменялось после начала интифады. До этого мы прикладывали большие усилия к тому, чтобы захватить разыскиваемых людей живыми. Однако после расширения интифады эта тактика была прекращена. Было понятно, что мы охотились за целями для того, чтобы убить их»^[1346].

Оперативные приказы того периода указывают на то, что разыскиваемые лица должны были быть ликвидированы, как только их удавалось установить. Например, в операции «Две башни» оперативный приказ содержит в себе противоречия: «1. Цель операции – арест объекта. 2. Если “кадрирование” (позитивная идентификация) покажет, что объектами являются видные активисты “Палестинского исламского джихада” Валид Обейд, Зиад Малайша и Адхам Юнис, группе разрешается привести в исполнение перехват». Термин «перехват» – это эвфемизм для слов «ликвидация» или «убийство», и

он часто использовался для того, чтобы обойти положения Главной военной прокуратуры. Операция развивалась соответствующим образом: Малайша был «кадрирован» и «перехвачен», то есть застрелен^[1347].

Регулярно нарушалось на практике и положение Департамента международного права Главной военной прокуратуры о том, что только премьер-министр может санкционировать операции по политическим убийствам. Руководство АМАН было недовольно, что Шарон фактически передал это право в Шин Бет.

Чтобы обойти предписания Главной военной прокуратуры, АМАН создал параллельную схему по исполнению ликвидаций без одобрения Шароном, которая была названа «операциями по перехвату»^[1348] и имела целью любое лицо, связанное с приобретением, разработкой, хранением, транспортировкой или использованием оружия от имени террористических организаций. «Приказы запрещали мне осуществлять политические убийства, но никто не запрещал уничтожать каждого, кто запускал “Кассамы” или перевозил взрывчатку», – говорил один старший офицер военной разведки.

В некоторых случаях поставка оружия или работа группы по запуску «Кассамов» обнаруживались в режиме реального времени, поэтому ликвидация исполнителей этих актов была оправданной. Но чаще «перехват» был просто эвфемизмом, обозначающим преднамеренное убийство, осуществляемое потому, что АМАН хотел видеть конкретного человека мертвым. «Мы называли это “перехват”, но, конечно, это было убийство, – говорил один офицер АМАН. – Мы проводили эти операции одну за другой, без остановки. Некоторые из них имели характер законных военных акций, некоторые представляли собой ликвидацию главных террористов, а еще большее их число находилось в “серой” зоне между двумя предыдущими»^[1349].

Со временем оборонные и разведывательные структуры придумывали новые пути обхода официальных рекомендаций. Армия обороны Израиля значительно расширила уставы применения оружия, так что в конце концов в районах массового присутствия террористов солдат инструктировали открывать огонь по любому лицу, в руках которого оказывалось любое оружие. Если солдат видел «коктейль Молотова» или взрывное устройство, то открывал огонь без предупреждения, а затем еще и делал контрольный выстрел. Чтобы

создавать ситуации, в которых вооруженные лица, подозреваемые в терроризме, покидали бы свои убежища и выходили на улицы, открываясь огню израильских силовиков, была разработана оперативная тактика под кодовым названием «Соломенная вдова».

В разгар конфликта на оккупированных территориях действовало несколько вариантов этой тактики, предназначавшейся для выманивания террористов из убежищ и втягивания их в зону скрытого снайперского огня^[1350].

Один из вариантов предусматривал арест соучастника террористов на улице, вынуждавший его товарищей выходить из укрытий и нападать на израильских военных. В другом варианте по улицам арабских городов и кварталов разъезжала боевая машина пехоты или бронетранспортер, на котором были установлены мощные громкоговорители, через которые транслировались «кричалки» на арабском языке. Они, например, могли быть такого содержания: «Ну и где вы, великие герои бригад имени Изз ад-Дина аль-Кассама? Почему не выходите и не деретесь? Покажите, что вы мужчины!» Или еще более провокационные: «Члены ХАМАС – это сыновья шлюх. Ваши матери работают на улицах и дают всем бесплатно». Это из наиболее пристойных. Другие просто неприлично печатать. Кстати, последний метод срабатывал на удивление хорошо. Часто вооруженные палестинцы выбегали и открывали огонь по бронетехнике и тут же бывали сражены огнем снайперов, укрывшихся в расположенных поблизости строениях.

В рамках операций «Соломенная вдова» были убиты десятки боевиков с оружием, принадлежавших к различным палестинским организациям. С военной точки зрения эта тактика срабатывала, и Армия обороны Израиля постепенно отвоевывала себе относительную свободу действия на улицах палестинских городов. Однако законность таких операций в лучшем случае спорна.

К лету 2002 года Шин Бет и ее партнеры были в состоянии остановить до 80 % террористических атак еще до того, как они могли бы принести свою кровавую жатву. «Целевые» убийства совершенно определенно спасали жизни. Но в этой мрачной статистике были и настораживающие тенденции. Количество *попыток* террористических актов росло. Палестинцы не сдавались, а готовили все больше и больше террористов^[1351]. Это означало, что Израилю приходилось

заниматься все большим количеством целей. Кроме того, это порождало беспокойство относительно того, что со временем террористические группы будут активнее учиться на своих отдельных неудачах, приспосабливаться к израильской тактике, становиться умнее и жестче, что вело бы к дальнейшей эскалации потенциально нескончаемой войны.

«Мы чувствовали, что у нас есть год, может быть чуть больше, чтобы нанести по ним такой удар, который обесценил бы все их дело»^[1352], – говорил один руководящий сотрудник Шин Бет того периода.

Эти соображения породили новый план под кодовым названием «Собирая анемоны». Хотя Израиль объявил, что считает каждого члена палестинских организаций «колесиком в часовом террористическом механизме», он почти никогда не трогал их политических лидеров. Но такой подход уже изжил себя. «В ХАМАС практически не существовало различий между активистами политического и военного крыла, – говорил шеф военной разведки АМАН генерал-майор Зееви-Фаркаш. – Лидеры, называющиеся политическими, вовлечены во все стороны деятельности организации. Они определяют политическую линию и издают приказы относительно того, когда наносить террористические удары, а когда временно отступить». Израильские чиновники утверждали, что в действительности единственной причиной для того, чтобы объявлять какую-то часть руководства палестинских организаций «политическим крылом», являлось стремление сфабриковать им некий международный статус и наделить определенным иммунитетом от политических убийств. «Мы должны были создать этому открытое противоядие, – сказал Зееви-Фаркаш. – Для нас не существовало никаких “политических эшелонов”, которых бы мы не касались»^[1353].

Каждый лидер ХАМАС и «Палестинского исламского джихада» был теперь целью. План состоял в том, чтобы убить их всех.

Собирая анемоны

Ибрагим аль-Макадме знал, что израильтяне собираются убить его^[1354]. Во всяком случае, он должен был знать, поскольку разведка Палестинской национальной администрации говорила ему об этом. Они узнали это от двойного агента Шин Бет, который сообщил, что израильтяне попросили его следить за распорядком жизни Макадме. Зачем еще Шин Бет интересоваться его приходами и уходами, если не для того, чтобы убить?

Может быть, он не верил этому. Макадме опубликовал ряд книг и статей на темы религии, джихада и еврейской иммиграции в Палестину. Он был теоретиком ислама. Будучи радикальным «хамасовским» стратегом, он призывал к священной войне, которая должна была разрушить еврейское государство, и выступал связующим звеном между политическим и боевым крыльями ХАМАС. Помимо прочего, он был стоматологом и популярным преподавателем в Исламском университете Газы. Являлся ученым и имел известность в научных кругах, проводя столько времени в политике. Однако не был прямо вовлечен в террористические акции.

Оперативники спецслужб Палестинской национальной администрации посоветовали ему на некоторое время «залечь на дно» и подождать, пока израильтяне устанут наблюдать за ним. Макадме эти советы проигнорировал и продолжал, как обычно, читать лекции в университете. 8 марта 2003 года в 9:30 его помощник и два телохранителя посадили его в автомашину у его дома в пригороде Газы Шейх-Радване.

Израильский дрон наблюдал за всем этим с высоты.

Помощник позвонил в офис ректора университета, чтобы сообщить, что Макадме вскоре прибудет, и попросить студентов подождать его в центральном лекционном зале. «Он будет там, несмотря на риск для жизни», – добавил помощник. Этакий драматический акцент, в который он, может быть, сам и не верил.

Макадме, его помощник и два телохранителя проехали около 300 метров вниз по улице Аль-Джалана, когда четыре ракеты Hellfire,

выпущенные с двух боевых вертолетов Apache, ударили по машине. Все четверо и один ребенок, который в этот момент играл поблизости на улице, стали первыми жертвами операции «Собирая анемоны», утвержденной Шароном и Советом национальной безопасности Израиля в начале 2003 года. Главное положение, из которого израильтяне исходили при принятии этой программы, – то, чего лидеры джихадистских организаций хотели от своих адептов – террористических атак смертников, – приобретало совершенно новую цену: цену жизней самих этих лидеров. Или, как сказал об этом Амос Гилад, руководитель департамента Министерства обороны по безопасности: «Они все поняли, что 72 девственницы в раю – еще не доказанный вариант, и они, эти лидеры, просто не готовы сами проверять существование гурий»^[1355].

Операция «Собирая анемоны» была более конкретизированной, чем общая кампания против палестинских политических лидеров, которую продвигал шеф военной разведки АМАН генерал Зееви-Фаркаш. Целью операции не являлись все лидеры ХАМАС и «Палестинского исламского джихада». Например, из первоначального списка целей был исключен шейх Ясин, основатель ХАМАС, поскольку в Израиле опасались, что в случае его смерти большое число палестинцев примкнет к восстанию. Но во всех сценариях сохранялся один важнейший элемент: довести до ХАМАС и «Палестинского исламского джихада» тезис о том, что позиционирование себя в качестве политических функционеров не дает их лидерам никакого иммунитета^[1356].

Определение параметров операции заняло месяцы, равно как и обсуждение законности этих убийств, их соответствия моральным принципам и, самое важное, эффективности с точки зрения стратегии. Ами Аялон, предшественник Ави Дихтера на посту директора Шин Бет, утверждал: «Проведение аналогии между терроризмом и змеей, которая погибнет, если отрезать ей голову, – это такая профанация вопроса, что тревожно даже думать о том, что кто-то может в это поверить. Террористическая организация построена по типу матрицы. Даже если в ней есть голова, это голова идеологическая, которая вряд ли контролирует голову оперативную»^[1357]. Иными словами, в операции «Собирая анемоны» не было большого оперативного смысла. Но она создавала параллельные прецеденты. Аялон задавался

вопросом: «Если политические лидеры ХАМАС являлись законными целями для ликвидации, как обстоит дело с израильским министром обороны, который сидит в своем офисе и санкционирует операции? Не делает ли это и его законной целью для уничтожения?»

Тем не менее операция «Собирая анемоны» пробила себе дорогу в жизнь ^[1358]. Через три месяца после убийства Макадме дрон Армии обороны стрелял в Абделя Азиза Рантиси, человека номер 2 в ХАМАС, но только ранил его. 12 августа возле здания представительства ООН в Газе пятью ракетами с вертолетов Apache был убит Исмаил Абу Шанаб, один из основателей ХАМАС, руководитель политического крыла движения, один из его официальных представителей.

Как и опасались руководители Министерства иностранных дел Израиля еще до начала операции «Собирая анемоны», международная общественность принимала во внимание различия между руководителями-боевиками и руководителями-политиками. Убийство Абу Шанаба обострило дискуссию в мире относительно действий Израиля, несмотря на признание Западом факта, что Израиль ведет трудную битву с террористами-смертниками.

Генеральный секретарь ООН Кофи Анан осудил атаку, заявив, что Израиль не имеет права осуществлять «внесудебное убийство» одного из руководителей ХАМАС. Шеф погибшего Абу Шанаба, шейх Ясин, обозначил свои намерения в гораздо более резкой форме. «Перейденными оказались все красные линии, – сказал он в заявлении для палестинских СМИ. – И Израиль заплатит за это».

Как именно предстояло заплатить Израилю за последнюю активизацию действий против террористов, не ведал никто, возможно даже сам шейх Ясин. Старые правила были кровавыми и жестокими, но по крайней мере намечали хоть какое-то подобие тактических границ. Ликвидация Абу Шанаба – человека из политического крыла ХАМАС, которого лидеры организации считали «неприкасаемым», – глубоко взволновала все движение. Ясину предстояло придумать ответ, и сделать это быстро.

Вскоре после убийства Ясин приказал всему политическому и военному руководству ХАМАС собраться 6 сентября в доме Марвана Абу Раса, видного религиозного деятеля в Газе и члена Палестинского законодательного совета. Это был огромный риск – собрать все руководство Палестины в одно время в одном месте как гигантскую

цель. Если бы этот секрет стал достоянием посторонних, у Ясина была одна надежда – на то, что Израиль сочтет, что убийство всех будет несоизмеримо с потенциальным ущербом для него самого.

Ави Дихтер, директор Шин Бет, который узнал о встрече и от агентурных, и из технических источников, подумал, что это будет справедливая сделка. «За всю свою оперативную карьеру, – рассказывал он, – я никогда не видел, чтобы столь серьезный противник совершал такую грубую ошибку. Глубокую стратегическую ошибку»^[1359].

Предполагалось, что встреча начнется в 16:00. К 15:40 пара истребителей-бомбардировщиков F-16, каждый из которых нес однотонную бомбу, уже были в воздухе, барражируя над Средиземным морем с тем, чтобы избежать подозрений собравшихся в доме. Аналитики ВВС рассчитали, что для уничтожения трехэтажного дома Абу Раса необходимы были две такие бомбы.

В 15:45 начальник Генерального штаба Яалон позвонил своим оперативным работникам, которые сидели над картами и аэрофотоснимками.

«Каковы ваши оценки сопутствующего ущерба?» – спросил он.

Рядом с домом Абу Раса находился пятиэтажный многоквартирный жилой дом. В нем проживало около сорока семей. «Скорее всего, мужчины еще не вернутся с работы в 16:00, – ответил начальник военной разведки Зееви-Фаркаш. – Однако ясно, что в доме находятся десятки женщин и детей».

«Что произойдет с ними, если мы используем однотонные бомбы?»

Другой штабной оперативный работник ответил: «Десятки погибших, может быть даже больше».

К тому времени еще не были забыты протесты, последовавшие за провалом операции против Шхаде. «Среди нас не было людей, заикленных на убийствах, – рассказывал Дов Вейсгласс, военный помощник Шарона. – Напротив, в ВВС к тому времени поняли, что гибель 7–8 человек перевешивает выгоды, получаемые от ликвидации одного террориста». В военно-воздушных силах занялись даже разработкой бомб с меньшим радиусом поражения, в которых до 90 % взрывчатки было заменено цементом. Однако цементная бомба не была способна разрушить трехэтажный дом.

Яалон присоединился к видеоконференции с Шароном, Дихтером и еще тремя участниками. «Господин премьер-министр, – сказал он, – я рекомендую отменить удар. Ценой операции станут десятки погибших гражданских лиц. Мы выиграем битву, но проиграем войну и на международной арене, и внутри страны. Израильяне не потерпят другого удара по женщинам и детям. Для продолжения нашей борьбы нам нужна международная и внутренняя законность. А в данном случае мы нанесем по ним обеим сокрушительный удар»^[1360].

Дихтер противопоставил этому заявлению тезис о том, что мы можем упустить историческую возможность нанести «вероятно, невосполнимый» ущерб своему главному противнику.

Однако Яалон продолжал настаивать на своем^[1361]. «Ни при каких условиях нельзя пойти на это, – сказал он. – Мы можем стереть руководство ХАМАС с лица Земли, но рискуем и появлением на площади Рабина сотен тысяч протестующих, которые будут скандировать, что мы являемся бесчеловечной армией, убивающей женщин и детей. Этого нужно избежать. У нас еще будет шанс. Наш день еще придет».

Шарон отменил бомбардировку.

Дихтер остался в ВЦИ, злой и кипящий от возмущения. По иронии судьбы, он был одним из первых, кто понял, какой трагедией явилось фиаско со Шхаде, и осознал, что убийство и нанесение увечий десяткам гражданских лиц подразумевает вывод «цель была ликвидирована, но операция потерпела неудачу».

Однако даже по его мнению, совещание руководства ХАМАС явилось историческим событием. Он назвал его собранием «Команды мечты» (Dream Team). Дихтер просмотрел всю разведывательную информацию о совещании и через несколько минут обнаружил решение. Усталый коврами зал для совещаний находился на верхнем этаже, и окна в нем были занавешены тяжелыми гардинами. Было разумно предположить, что совещание будет проходить именно в этом помещении, и один из аналитиков центра подтвердил это. Дихтер позвонил оперативным работникам штаба и спросил, есть ли возможность разрушить именно эту часть здания, не нанося ущерба примыкающим строениям. Ответ был утвердительным. Если по помещению через окно выстрелить небольшой ракетой с боеголовкой

в четверть тонны, она гарантированно убьет всех находящихся в зале, нанеся минимальные повреждения внешним конструкциям.

Дихтер вновь обзвонил всех и сообщил, что встреча палестинских руководителей, скорее всего, будет проходить на третьем этаже. Зееви-Фаркаш сомневался в этом. Яалон тоже не был убежден в предположении Дихтера. «Мне показалось несколько странным, что они понесут Ясина наверх в инвалидном кресле, – сказал он. – Но это была оценка Шин Бет. Я знаю, как разрушать верхние этажи, не нанося критического ущерба прилегающим зданиям. Операцию можно было осуществлять». Снова состоялась видеоконференция всех высших руководителей Израиля по защищенной линии. Шарон выслушал и Дихтера, и Яалона до конца и утвердил операцию.

ВСЦ распорядился запустить три дрона для осуществления постоянного наблюдения за домом. Израильцы следили за тем, как приезжали и входили в дом участники совещания. Информация Шин Бет оказалась точной – в здании собралось все политическое и военное руководство ХАМАС, включая Ясина в своем кресле, Ахмеда Джабари, который сменил Шхаде в качестве главного полевого командира, и Мухаммеда Дейфа, командующего бригадами имени Изз ад-Дина аль-Кассам. Израильцы пытались убить Дейфа уже в течение почти семи лет, еще с того времени, как он заменил Яхью Айяша в 1996 году. «Каждый раз мы отрывали у Дейфа то руку, то ногу, но он пережил все покушения», – говорил один из руководителей Шин Бет, присутствовавший в то время в ВСЦ.

В 16:35 пилот истребителя-бомбардировщика выпустил ракету по задрапированному окну зала на третьем этаже. «Альфа», – доложил летчик, указывая таким образом на прямое попадание в цель. Верхний этаж здания моментально был охвачен пламенем, а обломки кирпичной кладки, мебели и штукатурки разлетелись во все стороны. Аналитики ВСЦ пытались разглядеть среди обломков куски человеческих тел. Мощный взрыв сотряс округу.

Однако совещание проходило на первом этаже. «Они просто вскочили, стряхнули с себя пыль и убежали из дома, – сказал Дихтер. – Мы видели, как они панически спасались. В какой-то момент мне даже показалось, что я видел, будто сам шейх Ясин в панике встал со своего кресла-каталки и попытался бежать»^[1362].

Дихтер хотел послать эскадрилью дронов, чтобы взорвать все машины, растянувшиеся по всей парковке и улице. Но был остановлен министром обороны Мофазом, который высказал опасения, что «могут пострадать гражданские лица»^[1363].

«Я оглядел центр, – вспоминал Дихтер, – и увидел, как все присутствующие переживали из-за утраченного шанса. Классический пример того, какую цену приходится платить за последствия действий, подобных удару по Шхаде. Я не осмелюсь подсчитать число израильтян, убитых и раненых только из-за этого решения не взрывать весь дом. Позднее нам пришлось разбираться с каждым участником того совещания ХАМАС поодиночке. В ряде случаев это нам удалось, но ценой огромных усилий. Мне стыдно говорить о том, что некоторые из тех персонажей живы и по сей день»^[1364].

Спустя три дня после удара по дому Абу Раса, около 18:00, к группе из нескольких сотен солдат АОИ, стоявших у ворот военной базы Црифин на послеполуденной жаре, подошел человек в израильской униформе с большим рюкзаком на плечах. Автобусная остановка и пункт, где солдат подхватывали частные машины, были защищены от палящего солнца высокой крышей. Именно там собралось больше всего военнослужащих, ожидающих автобуса или автомобилистов, многие из которых с удовольствием подвозили солдат, получивших краткосрочную увольнительную.

Через несколько минут к остановке подъехала патрульная машина АОИ. Террорист-смертник ХАМАС испугался, что на него могут обратить внимание, и поспешно нажал на кнопку.

Девять солдат были убиты и восемнадцать ранены.

ХАМАС снова пошел в атаку, мстя Израилю за удар по дому Абу Раса и ликвидацию своих лидеров. В качестве ответной меры ХАМАС вернулся к достаточно примитивной террористической тактике, которая прежде всего и послужила причиной израильских ударов – тактике подрывов террористов-смертников.

Задача была поставлена перед командным центром движения в Рамалле, где уже существовала ячейка из нескольких потенциальных смертников из деревни Бейт-Ликия, расположенной к северо-западу от Иерусалима. За день до акции на автобусной остановке в Црифине другой смертник отправился в ресторан в Иерусалиме, но отступил в последнюю минуту, сломленный страхом. Смертник Ихаб Абу Салим

был тем самым молодым человеком, который подорвал себя рядом с военной базой.

Премьер-министр Шарон получил известие об атаке ХАМАС, находясь с визитом в Индии, на встрече со своим индийским коллегой Атолом Бихари Ваджпайи. На время отсутствия Шарон уполномочил министра иностранных дел Сильвана Шалом «предпринять необходимые ответные действия»^[1365]. Шалом созвал в Министерстве обороны срочное совещание руководства Армии обороны Израиля и спецслужб.

В 22:00, через четыре часа после того, как были убиты израильские солдаты в Црифине, Шалом спросил представителей Шин Бет и АМАН, кого в ХАМАС они могли бы ликвидировать немедленно. Акция террориста-смертника не должна остаться без ответа. Один из руководителей Шин Бет заявил: «У нас есть достаточные разведданные на Махмуда аль-Захара». Аль-Захар был хирургом и в то же время одним из основателей ХАМАС. Его рассматривали как лидера радикальной фракции в движении.

«Мы можем организовать удар по нему, но, скорее всего, это будет иметь нежелательные последствия, потому что предполагает нанесение ущерба невинным людям».

Прошел час. В дискуссии затронули и вопрос о том, что делать с Арафатом. Сильван Шалом давно призывал к ликвидации или хотя бы высылке Арафата: «Он направляет террор, он стоит за террористическими атаками, и пока он жив, нет ни малейшего шанса прекратить кровавую бойню и достичь соглашения с палестинцами». Шалом рассказал, что ему позвонил один видный член американской администрации, только что узнавший о террористическом акте. Он спросил Шалом: «Вы собираетесь ликвидировать этого негодяя?»

Мнения по поводу того, как поступить с Арафатом, разделились. В любом случае было понятно, что в силу особой важности этого вопроса его может решать только премьер-министр.

В 23:20 в зал совещаний вошли помощники. Лица у них были скорбными. Еще один террорист-смертник подорвался на бомбе в Café Hillel, в немецком квартале Иерусалима. Семь человек погибло, пятьдесят семь ранено. Среди погибших были Давид Аппельбаум, главный врач реанимационного отделения медицинского центра

«Шаарей-Цедек», и его дочь Нава, которая на следующий день должна была выйти замуж.

Аль-Захар был обречен.

По спутниковому телефону Шалом связался с Иоавом Галантом, в прошлом командиром флотилии 13 морского спецназа, а сейчас помощником премьер-министра по военным вопросам. Галант разбудил Шарона (в Индии время обгоняет израильское на 2,5 часа), который немедленно санкционировал ракетный удар по дому аль-Захара, но только после 8:30 – когда взрослые уходят на работу, дети в школе, а на улицах немного народа.

А как же с семьей самого аль-Захара? В горестной атмосфере, воцарившейся после двух ужасных атак, совершенных в течение шести часов и потрясших Израиль, этому вопросу никто не придал никакого значения.

Утром антенны станции радиоэлектронной разведки в Турбане засекли телефонный звонок, который аль-Захар сделал из своего дома по аппарату, расположенному в его кабинете на втором этаже.

ВСЦ уведомил об этом Шалома. Через несколько секунд из Турбана пришло еще одно сообщение: звонок, по существу, представлял собой интервью, которое аль-Захар давал арабской службе ВВС. Шалом беспокоился о последствиях удара, нанесенного в прямом эфире радиопередачи («Бог запретил производить шум»), и распорядился отложить атаку до окончания интервью. Аналитики ВСЦ слушали его до тех пор, пока аль-Захар не положил трубку.

Поскольку это был стационарный телефон с одним выходом и голос аль-Захара был точно идентифицирован опытными аналитиками и интервьюером из ВВС, «ордер на убийство» активиста ХАМАС был утвержден, хотя в реальности ни агент Шин Бет, ни видеокамера не видели аль-Захара в его доме. Два вертолета Apache выпустили три ракеты, полностью разрушив дом, убив 29-летнего сына аль-Захара Халеда и телохранителя, а также тяжело ранив его жену. Однако сам аль-Захар получил только царапины. Во время взрывов он находился в саду с чашкой кофе, сигаретой и мобильным телефоном.

Операция «Собирая анемоны» на практике работала совсем не так хорошо, как это виделось в теории. Израиль допустил промахи по нескольким важным целям, в то время как ХАМАС осуществил два самоподрыва террористов-смертников: 16 убитых и 75 раненых. И хотя

меры антитеррора, принятые Израилем, включая «целевые» ликвидации боевиков ХАМАС, и привели к некоторому снижению количества погибших и пострадавших израильтян, операция «Собирая анемоны» не оказывала желаемого решающего эффекта на уменьшение числа попыток проведения террористических акций. Несмотря на то что политическое руководство ХАМАСА могло быть испугано, в целом в организации не иссякало количество желающих стать шахидом.

В военном истеблишменте обострилась дискуссия: что делать с шейхом Ясином? Аллегии Аялона относительно змей и отрезания им голов возымели действие. Но и без них становилось все яснее, что лидера ХАМАС придется нейтрализовать.

Шин Бет и «Сайерет Маткаль» совместно разрабатывали сложный план по похищению Ясина и заключению его в тюрьму. Но вскоре идея была оставлена, потому что любая такая операция почти наверняка сопровождалась бы стрельбой, а стрельба подразумевала, что могут пострадать солдаты, гражданские лица или сам шейх. Совершенно неясным оставался вопрос о том, сможет ли возвращение шейха Ясина в тюрьму остановить череду акций подрывников-смертников. Израильское руководство хорошо помнило, что длительный период, который Ясин провел в заключении (закончившийся унижительной сделкой с королем Иордании Хусейном вслед за провалившейся попыткой убийства Халеда Машаля), был отмечен многочисленными убийствами и похищениями, осуществлявшимися ХАМАС с целью освобождения шейха, а также волнами акций террористов-смертников.

Многие утверждали, что наиболее эффективным способом решения проблемы Ясина была его ликвидация.

Однако когда дело касалось Ясина, израильские официальные лица проявляли значительные колебания, несмотря на то, что все были согласны с тем, что он активно участвовал в планировании и осуществлении хамасовского террора. Действительно, Ясина чуть было не ликвидировали годом ранее в ходе собрания «Команды мечты», но на том совещании присутствовали и работники оперативного штаба армии. Они понимали, что убийство Ясина было совершенно особым делом. Шейх Ясин был основателем движения ХАМАС, признанным в мире политическим лидером и религиозной фигурой, уважаемой на всем Ближнем Востоке.

В ходе состоявшихся в ноябре дискуссий Ави Дихтер утверждал: «Ликвидация этой личности, скорее всего, разожжет пожар на Ближнем Востоке и принесет волны террора из-за наших границ»^[1366]. Генерал-майор Амос Ги-лад, начальник политического департамента Министерства обороны, был известен своими «ястребиными» взглядами, но даже он выступал против убийства Ясина. «Шейх Ясин – воплощение парадигмы смерти, архитектор политики бесконечных убийств», – говорил он. Но Гилад соглашался с теми, кто опасался возникновения разрушительного пожара, который пронесется по всему исламскому миру в ответ на убийство человека, который воспринимается мусульманами как духовный лидер.

Ялон возражал, отмечая, что Ясин вовсе не считается духовным лидером и его ликвидация не встретит никакой серьезной реакции, кроме показного гневного осуждения. «Совершенно нетерпима ситуация, когда мы ходим вокруг этого персонажа кругами, убивая всех других людей, – сказал Ялон, – и не трогая его»^[1367].

Министр обороны Мофаз занял еще более жесткую позицию: «Мы не только должны убить его. Я, например, не вижу проблемы, если мы уничтожим его показательно – не оставляя никаких сомнений в том, что убийство совершено именно нами»^[1368].

Хотя в принципе Шарон был согласен с Ялоном и Мофазом, его главным советником по терроризму и «целевым» убийствам был именно Дихтер. И даже самоуверенный и напористый Шарон, казалось, утратил частицу своей уверенности перед лицом возражений со стороны Дихтера и других.

Генерал-майор Гиора Эйланд озвучил еще один повод для беспокойства – плохой пиар. «Разве не возникнет у Израиля проблем в связи с убийством “старого, жалкого, полуслепого инвалида в кресле-каталке”? Не будем ли мы выглядеть как персонажи с Дикого Запада?»^[1369] Шарона эта сторона вопроса не особенно вволновала, но он попросил высказать по ней дополнительные соображения.

«Главный философ» Армии обороны Израиля Аса Кашер поддержал Ялона: «Водораздел, который международные правозащитные организации проводят между политическими и военными эшелонами власти, мог бы надолго оставить Гитлера защищенным от атак общественности. Разграничение этих эшелонов власти особенно сомнительно применительно к террористическим организациям»^[1370].

Главный военный защитник эмоционально возражал на это^[1371]. С тех пор как три года назад Финкельштейн и Даниель Рейснер сформулировали принципы «целевых» убийств, Рейснер присутствовал при разработке многих израильских акций возмездия, обеспечивая им юридическую «чистоту». В некоторых случаях он и его коллеги требовали отмены израильских операций из-за опасений нанести ущерб невинным людям. В случае с Ясином в своих возражениях они впервые основывались собственно на личности намеченной цели. Возрастающая важность мнения Рейснера обуславливалась в тот период созданием Международного уголовного суда. Ответственные чиновники в Израиле стали опасаться возможных обвинений в «целевых» убийствах и искали правовой поддержки.

Победило мнение Яалона, и вопрос был передан на рассмотрение генерального прокурора – высшей юридической инстанции в Израиле. Впервые «целевое» убийство конкретного лица стало предметом рассмотрения такого авторитетного органа.

АМАН и Шин Бет принесли с собой «красный» приказ – все доказательства, собранные против Ясина. Среди них: создание ХАМАС, злобные молитвы против существования Израиля, создание террористической структуры, осуждения по делам об отдаче приказов о похищениях и убийствах израильских солдат в 1980-х годах, приобретение оружия, сбор средств для боевых операций, защита терроризма, осуществляемого смертниками, и так далее.

Финкельштейн и Рейснер возражали, отмечая, что при всем уважении к «красным» приказам «целевые» убийства должны не служить актом отмщения или наказанием, а осуществляться только для предотвращения будущих атак.

В разведданных не имелось указаний последнего времени на то, что Ясин был замешан в терроре. «Это происходит только потому, что он прекрасно знает: мы внимательнейшим образом следим за ним, – утверждал представитель военной разведки АМАН. – Поэтому соблюдает максимальные меры предосторожности, чтобы не сказать чего-либо по телефону или через другие электронные средства коммуникации»^[1372].

Генеральный прокурор Элиаким Рубинштейн согласился с позицией главного военного защитника и объявил, что он не одобрит ликвидацию Ясина до тех пор, пока не будут представлены ясные и

однозначные доказательства прямой связи между Ясином и террором, «которые могли бы выдержать судебное разбирательство».

Вскоре после этого, 14 января 2004 года, молодая женщина 21 года из сектора Газа попыталась проникнуть в Израиль через КПП Эрез. Как и все палестинцы, она должна была пройти через металлодетектор. При этом аппарат выдал частый и высокий писк. «Платина, платина», – сказала женщина пограничникам и показала на свою ногу – платиновый имплант.

Солдаты заставили ее пройти через металлоискатель во второй, затем в третий раз. Детектор продолжал пищать. Была вызвана женщина-пограничница для личного досмотра. Тут палестинка подорвала бомбу, убившую четырех пограничников и ранившую десять посторонних людей^[1373].

Женщину звали Рим Салех Рияши. У нее было двое детей, одному три года, другому всего полтора.

На следующий день шейх Ясин созвал пресс-конференцию в доме одного из своих последователей. Он сидел в кресле-каталке, закутанный в коричневое одеяло, на фоне большого венка в форме сердца с надписью ХАМАС. Ясин улыбался. Он сказал, что они впервые использовали бойца-женщину вместо мужчины как новую тактику в борьбе с врагом. Шейх, который в прошлом издал несколько фатв (религиозных решений) против использования женщин-смертниц, сказал, что передумал.

Для Израиля такое изменение в тактике представляло угрозу. «Мы спрашивали себя: как мы справимся с волнами женщин-смертниц, которые начнут прорываться в Израиль? – говорил министр обороны Мофаз. – Есть определенные правила приличий, даже на войне. Обыскивать женщин и предотвращать попытки проноса ими адских машин в Израиль значительно сложнее»^[1374].

В дополнение к официальному заявлению Ясина, АМАН смогла представить генеральному прокурору Рубинштейну секретные записи переговоров Ясина со своими боевиками, сделанные станцией радиоэлектронной разведки в Турбане, в которых шейх говорил о возможности использования женщин в качестве террористок-смертниц^[1375]. «У нас есть четкие доказательства, базирующиеся на разведданных, которые однозначно свидетельствуют о наличии прямой связи политического руководства ХАМАС, возглавляемого шейхом

Ясином, с планировщиками и исполнителями террористических атак»^[1376], – заявил Фаркаш.

Рубинштейна убедили в том, что Ясин может быть убит законно. Для решения этого вопроса был создан совет национальной безопасности. Шимон Перес все еще возражал. «Я опасался, что они начнут убивать израильское руководство, – скажет он впоследствии. – Думал, что именно с Ясином можно было достичь мирного соглашения»^[1377].

Однако большинством в один голос министры решили, что Ясин – лидер терроризма. «На меня не произвели большого впечатления предупреждения о том, что из-за этого убийства содрогнется земля или на нее упадут небеса», – сказал Эхуд Ольмерт, тогдашний министр торговли, промышленности и связи, который вошел в большинство^[1378].

В порядке, который стал уже привычным, кабинет министров оставил Шарону и Мофазу право утвердить предложения Армии обороны и Шин Бет по времени и способу осуществления операции против Ясина. Помощники Шарона уведомили госсекретаря США Кондолизу Райс о том, что с точки зрения Израиля Ясин стал законной целью для ликвидации. «Последовали довольно острые споры, – вспоминает Вейсглас. – Американцы беспокоились о том, что такая акция может всколыхнуть весь Ближний Восток»^[1379].

Во время своих публичных выступлений Шарон теперь тоже намекал на то, что рассматривает Ясина как цель. Но это приводило только к ужесточению мер безопасности вокруг лидера ХАМАС. Он постоянно оставался дома, покидая его только для посещений мечети и дома сестры, которые находились неподалеку. Передвижения шейха между этими тремя точками осуществлялись с помощью двух микроавтобусов, один из которых был оборудован специальным подъемником. На втором ездили телохранители Ясина. Жизнь шейха была ограничена этим треугольником, и он, а также его люди исходили из того, что Израиль не решится ударить ни по одной из его вершин, в каждой из которых было много женщин и детей, а в случае мечети – еще и множество невинных гражданских лиц.

Но даже между этими тремя точками существовали пустые пространства^[1380]. Вечером 21 марта Ясина повезли на молебен в

мечеть. Телохранители, как всегда, следовали во втором микроавтобусе.

Мофаз приказал, чтобы оба транспортных средства были уничтожены на обратном пути. В небе барражировали вертолеты и стрекотали беспилотники. Сын Ясина, Абдул Хамид, слишком долго находился рядом с отцом, чтобы сразу почувствовать неладное. Он побежал в мечеть.

«Отец, не уходи отсюда, – предупредил он Ясина. – Они (израильтяне) не решатся на удар по мечети».

Шейх и его телохранители решили проявить осторожность и остаться в мечети.

Проходили часы. Все дежурившие в ВСЦ, а также поднятая техника оставались в состоянии максимальной боеготовности. ВВС четко меняли смены беспилотников и вертолетов, отводя те, у которых кончалось топливо, и направляя взамен свежие. Шейх устроился на ночь на матрасе на полу мечети. Он проснулся рано, так как ложе у него было неудобное. После рассветной молитвы он захотел поехать домой. «Вертолетов больше слышно не было, – рассказывал впоследствии его сын. – Все были уверены в том, что опасность миновала».

И все же это был риск. Для того чтобы сбить израильтян с толка, окружение шейха решило привязать его к креслу-каталке и бегом миновать расстояние до дома. Они исходили из того, что микроавтобусы только привлекут внимание. «По правде говоря, я не думал, что они начнут стрелять по инвалиду в кресле-каталке», – говорил Хамид^[1381].

Однако преследователи были на своих местах. Дроны продолжали наблюдать за ситуацией с помощью тепловизоров. Они увидели, как из главных дверей вышли люди, которые быстро покатали инвалидное кресло мимо микроавтобусов.

Командующий ВВС Халуц не мог санкционировать открытие огня, потому что приказы министра обороны Мофаза разрешали ему стрелять только по двум микроавтобусам.

«Господин министр, – сказал Халуц, – мы ничего не видим вокруг микроавтобусов, но видим телохранителей, бегом везущих кресло-каталку и человека в нем с куфией на голове. Разрешите открыть по ним огонь?»

Мофаз попросил Халуца связаться с пилотом и спросить его, ясно ли он видит кресло-каталку и сможет ли нанести по нему удар.

«Я вижу очень ясно, – ответил пилот. – Я могу снять этих людей».

«Разрешаю», – сказал Мофаз.

«*Рашай*», – скомандовал Халуц пилоту по радио.

На видеосъемке появилась вспышка, затем на долю секунды экраны мониторов оставались пустыми. Потом стало видно, что во всех направлениях разлетаются части кресла-каталки. Одно колесо высоко взлетело в воздух и упало на землю за пределами кадра. Были видны лежащие на земле или ползущие люди^[1382].

«Прошу разрешения на дополнительный залп», – сказал пилот.

«Огонь разрешаю», – ответил Мофаз.

Еще одна ракета ударила в землю, убив всех, кто еще оставался в живых.

Мофаз связался с Шароном, который в напряжении ожидал звонка об исходе операции. «У нас есть видео, – сказал Мофаз. – Судя по картинке, все в порядке. Мы попали в яблочко, но давай еще подождем подтверждения из дополнительных источников»^[1383].

Спустя несколько минут дежурная служба на станции радиоэлектронной разведки в Турбане сообщила, что все каналы связи ХАМАС буквально разрываются от информации. «Шейх Ясин вместе с несколькими своими телохранителями стали шахидами», – сообщали друг другу активисты ХАМАС. Сын Ясина, Абдул Хамид, был тяжело ранен. Шарон распорядился, чтобы разбудили всех сотрудников аппарата премьера для того, чтобы подготовиться к последствиям операции^[1384].

Новость об убийстве шейха Ясина была воспринята в Вашингтоне с глубокой озабоченностью. «Они на грани истерики», – сообщил Шарону Вейсгласс^[1385]. Он попросил Кондолизу Райс не волноваться и сказал, что Израиль ожидает от арабского мира одного лишь осуждения и ничего больше. «Конди, – произнес он своим спокойным и убедительным тоном, – мы не ожидаем ничего необычного даже в Палестинской национальной администрации. Они объявили трехдневный траур, однако все магазины открыты. Все будет в порядке».

Когда закончились дни национального траура, орган высшего управления ХАМАС, Совет Шуры, назначил Абделя Азиза Рантиси

преемником Ясина. Церемония его вступления в должность состоялась на футбольном поле в одном из лагерей беженцев в Газе. Сидя на подиуме перед большой толпой, все высшее руководство организации наблюдало за парадом одетой в униформу милиции и целовало руку новому лидеру. «Мы будем драться с врагом везде, мы покажем ему, что такое сопротивление», – провозгласил Рантиси в своей первой речи и поклялся отомстить за смерть шейха Ясина.

Израильтяне знали о планировавшейся церемонии и параде, однако Шарон приказал Шин Бет и ВВС избежать огня из опасений нанесения удара по невинным людям, а также из-за присутствия множества представителей СМИ и телевидения, которые показали бы любое израильское нападение в прямом эфире.

Тем не менее к тому времени Шарон уже успел санкционировать ликвидацию нового лидера ХАМАС. Принять это решение было гораздо проще. У Рантиси не было такого религиозного авторитета, и он не являлся признанной международным сообществом политической фигурой арабского мира. Его участие в террористической деятельности не подвергалось сомнению, а кроме того, теперь уже был создан прецедент: ликвидирован мог быть любой лидер ХАМАС.

Рантиси был предусмотрительным и старался обмануть преследователей, перескакивая, как белка, из одного убежища в другое, используя парики и различные кодовые клички на своих мобильных телефонах. Однако для станции в Турбане наблюдение за ним не представляло трудностей^[1386]. 17 апреля, спустя всего две недели после инаугурации в качестве лидера ХАМАС, он отправился домой, чтобы сделать последние приготовления к свадьбе сына, Ахмеда. Это был очень короткий визит: он дал жене денег на завершение приготовлений и уехал.

Рантиси ехал по улице аль-Джалаа, когда в его «субару» ударила ракета Brushlet^[1387].

Толпа в несколько сот человек окружила обгорелые останки автомашины. Врачи скорой помощи напрасно старались спасти жизни Рантиси и двух его помощников, находившихся вместе с ним в автомобиле. На фотографии агентства Reuters, обошедшей весь мир, были запечатлены плачущие люди. Один мужчина высоко поднял в воздух руки, залитые кровью убитого лидера.

«Он был педиатром, занимающимся в основном убийством детей», – сказал прессе Мофаз. Окружение Шарона пояснило скрытое в этой фразе предупреждение. Один из близких к премьеру помощников сказал: «Арафат должен себе взять на заметку, что любой, чьим делом является террор, должен быть очень внимательным к своей судьбе»^[1388].

Убийство Рантиси к середине 2010-х годов стало 168-м «целевым» убийством со времени начала интифады. К тому моменту операция «Собирая анемоны» успешно загнала ХАМАС в состояние шока и сомнений. Совет Шуры немедленно назначил на место Рантиси преемника, но это была незначительная фигура, чье имя держалось в секрете, чтобы избежать покушений. Все ответственные деятели ХАМАС приняли крайние меры, чтобы выжить под наблюдением Израиля, эффективно тратя свое время в основном на то, чтобы остаться в живых.

Опубликованная на веб-сайте ХАМАС декларация констатировала: «Сионистскому врагу удалось убить многих наших сражающихся братьев, и сейчас нам крайне необходим каждый чистый боец. Нет никакого сомнения в том, что одной из главных причин успеха врага является наша неосмотрительность. Ведь электронные самолеты-шпионы никогда не покидают воздушного пространства Газы. Много глаз, которые выполняют эту задачу, не знают сна, а израильские вертолеты Apache всегда наготове со своим ракетами и только и выжидают подходящей возможности. Вы являетесь целью для убийства каждый день, даже каждый час каждого дня».

Через две недели после убийства Рантиси министр госбезопасности Египта и второй по объему власти в каирском режиме после президента Мубарака генерал Омар Сулейман прибыл в Израиль для экстренной встречи с Мофазом, Ялоном и Дихтером. «Я привез послание о примирении», – сказал Сулейман. Он передал предложение ХАМАС о перемирии, существо которого состояло в положении: «не будет убийств, не будет и террористических атак».

Мофаз поблагодарил Сулеймана за приезд. Он сказал ему, что, как и всегда, усилия Египта по организации примирения в регионе приветствуются. Но больше обсуждать было нечего. Мофаз сказал, что не прекратит политику «целевых» убийств в общем и кампанию по ликвидации лидеров ХАМАС в частности.

Сулейман рассердился. «Я проделал этот путь из Каира и привез вам предложение прекратить террористические атаки. Вы ведь этого хотели. Почему же вы настаиваете на продолжении своей политики?»

«Перемирие нужно ХАМАС, чтобы укрепить свои ряды, – ответил Мо-фаз. – Мы должны разбить их, а не дать им возможность сделать передышку»^[1389].

Сулейман встретился с Шароном, который тепло приветствовал его, но не уступил ни пяди^[1390]. «Позиция нашего верховного командования состоит в том, чтобы не соглашаться на перемирие, – сказал он. – Я не могу противостоять своим генералам». Шарон предложил единственное: Израиль продолжит внимательно наблюдать за поведением ХАМАС.

Активисты ХАМАС попытались затруднить израильским дронам и вертолетам работу по их поиску. Они стали передвигаться только по необходимости, использовать мотоциклы и держаться узких улиц. Однако это не возымело действия. Два боевика были убиты 30 мая в Газе, еще один – в лагере беженцев Балата две недели спустя. Именно в этот день Сулейман опять прибыл для личной встречи с Шароном после интенсивных телефонных переговоров, которые проходили все время после его первого визита. «Господин премьер-министр, теперь вы видите, что предложение серьезное. Они прекратили атаки»^[1391].

Скрепя сердце Шарон согласился приостановить «целевые» убийства. ХАМАС приказал немедленное и абсолютное прекращение атак террористов-смертников.

Теперь у Ариэля Шарона было преимущество в борьбе с террором. В этот период, когда ситуация с безопасностью Израиля немного успокоилась, он даже стал подумывать о политическом решении исторического конфликта на Ближнем Востоке. Его близкие связи с президентом Бушем и тесные отношения, которые ему удалось выстроить с вашингтонской администрацией – обусловленные компромиссом между замораживанием строительства новых поселений в обмен на карт-бланш с «целевыми» убийствами, – заставили Шарона полагать, что американцы искренне хотят помочь государству Израиль, и вдохнули в него новые идеи.

«Шарон пришел к заключению, что не важно, кто сидит в Белом доме, – администрация всегда будет рассматривать поселения как серьезную проблему», – говорил Вейсглас.

Для Шарона поселения, которые он всеми силами продвигал и защищал на своих прежних постах, были не вопросом религии или идеологии, а скорее важным фактором безопасности. «В тот момент, когда Шарон понял, что поселения – бремя, а не выгода, он уже не испытывал проблем с их выводом и обращением к поселенцам спиной». Шарон, закоренелый «ястреб», который построил всю свою карьеру на агрессивной политике по отношению к арабам в целом и к палестинцам в частности, «решительно изменился», как отмечал Вейсгласс^[1392]. «Он хотел покинуть политическую сцену как закаленный в боях генерал, ставший великим миротворцем».

Однако Шарон по-прежнему был убежден в том, что на пути достижения его великой цели имелось одно главное препятствие – Ясир Арафат. Премьер-министр смирился с мыслью, что помешать появлению независимого Палестинского государства невозможно, но это не умаляло его презрения к лидеру палестинцев. Он относился к Арафату как к человеку, «который установил режим террора на территориях, которыми правил, готовя террористов в организованном порядке и при государственной поддержке, воодушевляя их, финансируя, обеспечивая снаряжением и вооружением и рассылая их по Израилю творить свои убийства»^[1393]. В телефонном разговоре с российским министром обороны Сергеем Ивановым Шарон описывал Арафата как «патологического лжеца, убийцу, который отдавал приказы на убийство детей, в том числе грудного возраста, и женщин»^[1394].

Израильская разведка получила значительную часть архивов Ясира Арафата, когда Армия обороны Израиля захватила его штаб-квартиру в окрестностях Рамаллы. Эти материалы составили базу для многочисленных обвинений Шарона. Арафат собственноручно отдавал письменные приказы о переводах огромных сумм на поддержку террористической активности ФАТХ. Председатель Палестинской автономии и его окружение были замешаны в беспрецедентной по своему размаху коррупции. Документы неопровержимо свидетельствуют, что Арафат постоянно нарушал обещания, которые давал Израилю и международной общественности в том, будто бы стремится построить в Палестине подлинно демократическое государство с современной экономикой и единой армией. Он не смог трансформироваться из лидера повстанческой организации в лидера

демократического государства и продолжал управлять Палестинской национальной администрацией привычными методами, которыми действовал в ООП: манипуляциями, коррупцией и принципом «разделяй и властвуй». И все это ради достижения своей цели – сохранения статуса палестинского лидера^[1395].

В качестве составной части планов по развенчанию и делегитимизации Арафата Шарон предоставил нескольким журналистам (мне, а затем еще нескольким представителям СМИ – не израильтянам) доступ к этому архиву для публикации его материалов по всему миру. Он даже дал директиву перевести определенные суммы из секретных фондов «Моссада» на поддержку публикации за рубежом книги об этих документах^[1396].

Шарон рассматривал вариант с распространением видеопленки, записанной румынской разведкой в конце 1970-х годов. Генерал Ион Михай Пацепа, в прошлом руководитель DIE (румынская служба разведки в советские времена), говорил об Арафате: «Я никогда не видел в одном человеке такого сплава ловкости, крови и мерзости»^[1397]. Пацепа вспоминал, что его люди установили скрытые камеры в резиденции для высоких гостей, где Арафат останавливался после встреч с Чаушеску и где эти камеры зафиксировали его неподобающее развратное поведение. Шарон сказал своим помощникам, что эти видеозаписи попали в руки израильской разведки и он рассматривает возможность их анонимного распространения через интернет.

Шарон отказался от этой нечистоплотной затеи, когда Израиль достиг целей другими средствами – убеждением американской администрации в том, что Арафат является неисправимым человеком^[1398]. Израиль получил тогда неопровержимые доказательства того, что Арафат был замешан в контрабанде оружия из Ирана для террористических групп в Палестинской автономии на судне Karine A. После того как командос флотилии 13 в ходе операции «Ноев ковчег» перехватили судно, арестовали и допросили находившихся на нем, в том числе близкого соратника Арафата, председатель Палестинской национальной администрации в специальном письме на имя президента Буша отрицал, что он сам или кто-либо из его окружения были вовлечены в этот инцидент. Однако разведывательные материалы – перехваты переговоров, документы и

протоколы допросов, доставленные в Белый дом высокопоставленным офицером АМАН в атташе-кейсе, прикованном к его запястью, оказались гораздо более убедительными. Когда Буш узнал, что Арафат нагло врал ему, он призвал народ Палестины 24 июня 2002 года выбрать себе нового лидера.

В ноябре 2002 года, на волне нескольких ужасных атак против израильтян, Шарон отдал приказ окружить Мукатаа, штаб-квартиру Арафата, и оставить его и нескольких его соратников осажденными в комплексе зданий. Шарон распорядился сделать жизнь «собаки из Мукатаа», как он называл Арафата, убогой: временами отключая ему электричество, временами прекращая водоснабжение. Позже Шарон приказал через каждые несколько дней сносить мощными армейскими бульдозерами D 9 по одной стене арафатовского компаунда^[1399].

И даже в таких условиях в израильских верхах существовали разногласия по поводу того, как поступить с Арафатом. Некоторые полагали, что его следует сделать целью для ликвидации и Израиль должен нанести по нему удар. Другие считали, что операцию против него нужно провести тайно, не связывая ее с Израилем. Третьи утверждали, что его нужно выслать из страны, а четвертые хотели, чтобы он «гнил» в своем Мукатаа.

После кровопролитной террористической атаки в апреле 2002 года произошел инцидент, в ходе которого публика услышала конфиденциальный разговор между Шароном и начальником Генерального штаба Мофазом. Они сидели у микрофонов на публичном мероприятии и не знали, что телевизионная команда уже включила микрофоны и снимала их издали.

Мофаз. Нам надо избавиться от него.

Шарон. Что?

Мофаз. Избавиться от него.

Шарон. Знаю.

Мофаз. Использовать имеющуюся сейчас возможность. Другой такой не будет. Я хочу поговорить с тобой сейчас.

Шарон. Когда мы действуем... Не знаю, какой метод ты применяешь (усмехается). Но ты всех усыпляешь... (становится серьезным). Нам нужно быть осмотрительными!

Точно не известно, что Шарон имел в виду под фразой «Когда мы действуем», однако Армия обороны Израиля и разведывательные

структуры разрабатывали планы ответных действий на все стратегические ходы Арафата. Командующий ВВС Дан Халуц, который был активным сторонником высылки Арафата, подобрал два небольших острова – один возле побережья Ливана, другой поблизости от Судана, в качестве потенциальных мест пребывания нынешнего председателя Палестинской национальной администрации. По мнению Халуца, Арафата следовало отправить туда с двумя помощниками и небольшим запасом пищи и воды, а затем Израиль объявил бы о его местонахождении миру^[1400]. Были подобраны два пехотных подразделения, которые должны были захватить Мукатаа и пробиться в апартаменты Арафата. В Израиле подумывали о распылении в компаунде усыпляющего газа перед рейдом с тем, чтобы сохранить жизни людей.

В конечном счете операция была отменена, потому что, как сказал главный травматолог военно-медицинской службы, подполковник Амир Блюменфельд, «мы не можем гарантировать, что Арафат выйдет из нее живым. В конце концов, дело касалось пожилого человека со множеством медицинских проблем, а также возможности вооруженного столкновения с солдатами, которые пришли бы его похитить»^[1401].

Все эти соображения по поводу Арафата дошли до Вашингтона. Чиновники администрации Буша опасались, что Шарон прикажет убить Арафата, как он приказал ликвидировать Ясина. На встрече в Белом доме 14 апреля 2004 года Буш потребовал от Шарона обещания не наносить вреда Арафату. Как вспоминал позднее один из участников этой встречи, Шарон сказал президенту, что понимает его требование («Я понимаю вашу позицию»^[1402]). Буш заметил, что Шарон начал уваливать, и давил на премьера до тех пор, пока тот открыто не пообещал не убивать Арафата.

Еще до этого своего обещания, в ходе совещания с руководством армии и спецслужб, Шарон понял, что Израиль ни в коем случае не должен дать повод заподозрить себя в причастности к смерти Ясира Арафата. После обещания, данного президенту Бушу, это соображение стало еще более важным.

И после всего этого человек, который умудрялся столько раз обмануть смерть, неожиданно стал жертвой таинственной болезни внутренних органов и умер. Лабораторные анализы, проведенные по

инициативе заинтересованных сторон, дали различные результаты^[1403]. Некоторые тесты выявили следы полония, радиоактивного элемента, применявшегося для убийства, на одежде и в останках Арафата. Другие эксперты считают, что Арафат умер естественной смертью. История болезни Арафата из военного госпиталя под Парижем, куда Шарон разрешил его перевезти, чтобы избежать его смерти на подконтрольных Израилю территориях, изобилует вопросами и не исключает возможности того, что палестинский лидер умер от СПИДа^[1404].

Все представители Израиля в один голос категорически отвергли любую возможность того, что Израиль причастен к смерти Арафата^[1405]. «Мы не убивали Арафата», – неоднократно чуть не торжественно клялись высокопоставленные сотрудники спецслужб и представители политического руководства страны.

В то же время, без сомнения, время смерти Арафата выглядит весьма странно. Арафат умер очень скоро после убийства Ясина. В своей книге «Ариэль Шарон: Внутренний портрет» (Ariel Sharon: An Intimate Portrait) Ури Дан, верный сторонник Шарона, заявлял, что в более поздних встречах с Бушем премьер Израиля говорил, что не чувствует себя связанным обещанием не убивать Арафата и что президент США никак на это не отреагировал. В тот период Дан донимал Шарона претензиями, почему тот не вышлет Арафата или не предаст его суду. «Значит, Арафат находится под полным иммунитетом?»

Шарон ответил Ури коротко: «Позволь мне поступать по-своему». При этом Дан отметил: «И здесь он прервал разговор, чего в отношениях со мной обычно себе не позволял». Далее Дан упоминает, что состояние Арафата начало резко ухудшаться после встречи (Шарона) с президентом (Бушем), и заключает этот пассаж заявлением: «В исторических книгах Шарон будет выступать в качестве человека, который стер Арафата с лица Земли, не убивая его».

Даже если бы я знал ответ на вопрос, что убило Ясира Арафата, я не смог бы дать его в данной книге или хотя бы написать, что знаю ответ. Главный военный цензор Израиля запрещает мне даже обсуждать этот вопрос.

Можно с уверенностью утверждать, что Шарон хотел покончить с Арафатом, которого считал «двуногим чудовищем» и которого не смог

убить двадцатью годами ранее. Если Шарон действительно приказал ликвидировать Арафата, это было сделано в обстановке величайшей секретности с гораздо меньшим числом посвященных, чем в остальных «целевых» убийствах. Шарон сам описал цель такой операции, не признавая участия в ней: «Недавние события, скорее всего, явятся поворотной точкой в истории»^[1406]. Это он сказал в специальном заявлении сразу после смерти Арафата. «Если после эры правления Арафата появится другая, серьезная и ответственная плеяда руководителей, доводящих до конца свои начинания... возникнет хорошая возможность скоординировать с этими лидерами различные действия и даже начать с ними дипломатические переговоры».

Не признавая прямого участия в смерти Арафата, все израильские руководители того периода сходились в том, что его устранение положительно скажется на безопасности Израиля. Махмуд Аббас (Абу Мазен), который был назначен председателем Палестинской национальной администрации вместо Арафата, и новый палестинский премьер-министр Салам Файяд, у которого имелись тесные связи в американской администрации, начали решительную кампанию против террора. Даже самые скептически настроенные фигуры в руководстве Шин Бет признавали, что палестинцы после назначения Аббаса и Файяда стали серьезно относиться к проблеме прекращения терроризма и относительное спокойствие, достигнутое после смерти Арафата, явилось следствием тесного взаимодействия между двумя этими лидерами^[1407].

Война между Израилем и палестинцами, разразившаяся в сентябре 2000 года, – война безостановочных ответных акций на террористические подрывы и «целевые» убийства, постепенно сходилась на нет, пока совсем не прекратилась.

Израиль применил ряд мер в войне с палестинским террором в период второй интифады, включая рейды значительных сухопутных войсковых соединений для проведения массовых арестов и строительство стены на границе с Западным берегом, которая затрудняла потенциальным террористам-смертникам проникновение в Израиль. Хотя эти меры и мешали террористическим организациям, статистика показывает, что последние не оставили попыток осуществления жестоких террористических акций даже после принятия вышеуказанных мер и что эти акции прекратились только

после массированного применения «целевых» убийств в отношении боевиков, а в ходе операции «Собирая анемоны» – и в отношении идеологов террора.

Благодаря кампании политических убийств израильские спецслужбы добились того, что в течение многих лет считалось недостижимым, – победы над террористами-смертниками. Путем концентрации ресурсов всей страны, благодаря упорству и взаимодействию между спецслужбами и армией и под решительным руководством Ариэля Шарона Израиль доказал, что смертельная и казавшаяся непобедимой террористическая сеть может быть поставлена на колени.

В то же время применение тактики политических убийств имело и ряд тяжелых последствий. Прежде всего высокая цена была заплачена кровью невинных палестинцев, которые часто становились «случайными жертвами» таких убийств. Многие непричастные к терроризму люди были убиты, а тысячи их, включая большое число детей, получили ранения и остались инвалидами на всю жизнь. Другие были подавлены морально или лишились крыши над головой.

Высокопоставленный офицер Шин Бет сказал: «В прошлом, когда все было скрыто за завесой секретности и сомнительно с точки зрения законности, мы осуществляли очень мало ударов. Сколько можно было осуществить таких операций без риска быть раскрытыми? С той минуты, когда главный военный защитник Главной военной прокуратуры сделал эти операции кошерными, законными и открытыми, мы запустили конвейер «целевых» убийств. Сейчас наша совесть чиста, и в то же время погибло гораздо больше врагов».

Габриэлла Блум, сегодня профессор Гарвардского университета, была офицером в службе главного военного защитника АОИ и одним из авторов меморандума, легализовавшего политические убийства. В своих размышлениях в 2017 году она выразила сильные сожаления: «Я глубоко опечалена тем, что то, что изначально санкционировалось как исключительный акт, который можно осуществлять в исключительных случаях, стало регулярной практикой» [\[1408\]](#).

«Целевые» убийства во многом обусловили маргинализацию и делегитимизацию Израиля в глазах мирового сообщества. Давид снова вел себя как Голиаф.

Начальник Генерального штаба Дан Халуц попытался объяснить, почему Израиль избрал политику «целевых» убийств. «Это базовый код поведения на Ближнем Востоке: наши враги поняли, что мы находимся на грани потери рассудка, и готовы на все, больше мы не будем ничего проглатывать».

И все же, хотя смерти двух видных фигур – Ясина и Арафата – совершенно определенно оказали огромное влияние на регион, Ами Аялон был прав, когда говорил, что хотя убийство лидеров и может направить историю по новому пути, этот путь не обязательно будет лучше предыдущего – он вполне может потребовать дополнительного времени для достижения мира.

Как оказалось, Арафат был тем единственным человеком, который мог держать палестинский народ более или менее объединенным под контролем Палестинской национальной администрации. После смерти Арафата Абу Мазен (Махмуд Аббас) провалился в этой роли, а ХАМАС подмял под себя сектор Газа и создал вторую палестинскую общность. Новый расклад сил превратился в огромную угрозу для Израиля, угрозу гораздо более серьезную, чем Арафат.

ХАМАС удалось получить контроль над сектором Газа благодаря огромной помощи Ирана. Как это ни парадоксально, трудно поверить, что ХАМАС смог когда-нибудь создать собственное государство в Газе при жизни шейха Ясина. Ясин был категорически против любых связей или сотрудничества с Ираном, и заставил свою организацию придерживаться этого принципа.

Несомненно, убийство шейха Ясина было самым тяжелым ударом, который ХАМАС пережил за всю историю своего существования, и важнейшим фактором готовности этой организации к достижению перемирия с Израилем. Но оно же привело и к еще одному невероятному повороту в истории Ближнего Востока: благодаря устранению Ясина с политической сцены, самый опасный враг Израиля – Иран – получил последнее связующее звено в своих планах стать региональной державой.

Радикальный фронт

Роль лидера пришла к Башару Асаду неожиданно.

Хафез аль-Асад, который захватил власть в Сирии в 1970 году, ожидал, что его сменит его старший сын Басиль, но тот погиб в автокатастрофе. Вторым преемником Асада был его младший сын Махер, который избрал карьеру военного. Но он оказался неуравновешенным, склонным к вспышкам ярости и проявлению агрессии. Третий сын, Маджд, страдал врожденным заболеванием. Поэтому в 1994 году, сразу же после гибели Басиля, отец вызвал Башара в Дамаск из Лондона, где тот учился в аспирантуре по специальности «офтальмология».

Башара всегда считали самым слабым из сыновей Асада, немного «не от мира сего». Он был вялым и казался запуганным. Отец Башара, возможно, и видел его слабости, но его абсолютным приоритетом было сохранение семьи у власти. Хафез Асад направил Башара в армию, где тот быстро вырос до полковника, а затем назначил его командующим сирийскими войсками в Ливане для «обкатки». К концу 1990-х годов Башар был хорошо подготовлен к президентству. Хафез аль-Асад умер в июне 2000 года. В следующем месяце Башар был избран президентом.

Однако именно в тот момент наследие Асада стало весьма проблемным. Советский Союз распался еще десятилетие назад, холодная война закончилась, и Россия не имела такого влияния на Ближнем Востоке, как ранее. Геополитическая ситуация в мире менялась, и Башару аль-Асаду нужно было искать в ней место для Сирии.

Сирийская экономика находилась к тому времени в плачевном состоянии. Государственная казна была пуста, а армия, хотя и одна из самых больших в регионе, отстала от требований времени и настоятельно нуждалась в модернизации. Израиль по-прежнему удерживал Голанские высоты, захваченные у Сирии в 1967 году. Для сирийцев это была глубокая открытая рана, и национальная гордость не позволяла им забывать о ней.

В середине 2000-х у Башара Асада был выбор: присоединиться к США, последней оставшейся супердержаве, или к Ирану, растущей региональной державе. Этот выбор не представлялся трудным. За десять лет до своей смерти президент Хафез аль-Асад удивил мир, согласившись на союз с Соединенными Штатами, который создавался против другого арабского государства, – речь шла об изгнании Саддама Хусейна из Кувейта. Асад надеялся на получение чего-то в обмен – экономических выгод, исключения Сирии из списка стран, спонсирующих терроризм и наркоторговлю, и оказания давления на Израиль с тем, чтобы заставить его окончательно покинуть Голаны. Ничего из этого Асад не получил.

За три месяца до своей смерти Хафез аль-Асад встретился с президентом Биллом Клинтоном в Женеве. Это был пик американских усилий в посредничестве по достижению мирного соглашения между Сирией и Израилем. Клинтон привез Асаду послание от премьер-министра Эхуда Барака, которое содержало лучшее предложение, которое сирийский президент когда-либо получал от Израиля: почти полный вывод израильских войск с Голанских высот в обмен на один важнейший момент: «ни один сирийский солдат не будет мочить сапоги в Галилейском море (Тивериадское озеро, или Кинерет)», то есть на северо-восточном берегу озера не будет постоянного сирийского присутствия. Асад выслушал Клинтона и прекратил встречу через несколько минут после ее начала.

Для Израиля и Соединенных Штатов это явилось подтверждением нелогичной неуступчивости Асада, которую можно было приписать тяжелым желудочным расстройствам и деменции, от которых страдал сирийский президент. В глазах Асада, большого почитателя конспирологических теорий, встреча явилась еще одним доказательством того, что США являются всего лишь сателлитом Израиля, а не наоборот, и что он никогда не получит все Голанские высоты или какую-то другую существенную выгоду от связей с Соединенными Штатами.

А Израиль казался ослабленным.

В мае 2000 года Эхуд Барак безо всяких дополнительных условий вывел израильские войска из Ливана, что, с точки зрения сирийского президента, было эквивалентно унижительному поражению. Для Хафеза Асада это лишний раз доказывало, что эффективное

применение партизанской повстанческой тактики может вынудить даже самую мощную в регионе военную силу сдаться.

Хафез Асад заклинал своего сына Башара вернуть оккупированные Голанские высоты. Однако он также советовал ему избегать лобового военного столкновения с Израилем, из которого Сирия почти наверняка выйдет проигравшей. У Ирана в то время уже были свои марионеточные террористические группы – и «Хезболла» главная среди них, – которые вели асимметричную войну с евреями. Башар аль-Асад считал, что лучше позволить радикалам вести грязную войну, которая могла бы вынудить Израиль к уступкам. Зачем проливать сирийскую кровь, когда джихадисты так горят желанием проливать свою?

Исходя из таких соображений, Асад сделал связи с «Хезболлой» и ее патронами в Тегеране центральным элементом своей доктрины безопасности. Сирия и Иран подписали ряд соглашений о совместной обороне, поставках оружия и разработке новых видов вооружений, а Тегеран выделил Асаду 1,5 миллиарда долларов на модернизацию сирийской армии^[1409].

Многие из религиозных руководителей Ирана считают Асада и его алавитских братьев по вере еретиками, предателями священных традиций и отступниками, которые оскорбляют Аллаха. При этом Сирия обладает сильной армией, имеет границу с Израилем и пользуется бо льшим международным доверием, чем Тегеран.

В иранском руководстве имелись и свои проблемы. Государство находилось в тисках экономического кризиса, в иранском обществе усиливалась разнородность мнений и растущее недовольство аятоллами. Вместе с Северной Кореей и Ираком Иран превратился в одну из самых изолированных и подвергаемых остракизму стран мира. В послании Конгрессу в январе 2002 года президент США Джордж Буш назвал эти страны «осью зла». Впоследствии американская администрация усилила санкции против Ирана.

Буш не включил Сирию в «ось зла», потому что американцы надеялись, что ее можно перетянуть на сторону Запада, отчасти благодаря тому, что Сирия поддерживала дружественные отношения со многими западными странами, в особенности с Францией и Германией^[1410]. «Мы старались сотрудничать с ним (Асадом) против террористов, которые воевали с нами в Ираке», – сказал Майкл

Хейден, директор Агентства национальной безопасности и ЦРУ в первом десятилетии XXI века.

Союз с Сирией отвечал интересам Ирана^[1411]. Тегеран мог предложить сирийцам деньги, в которых Дамаск отчаянно нуждался, и передовые военные технологии, например, твердотопливные ракетные двигатели для ракет среднего и дальнего радиуса действия. В обмен Сирия могла дать Ирану прямой доступ к главному врагу Тегерана и, что даже более важно, послужить мостом к контактам с внешним миром. Иранские экспортно-импортные операции могли осуществляться через сирийские морские порты и аэропорты, снижая уровень международной изоляции Тегерана.

Вместе с этим Иран руководил своими военизированными отрядами в Ливане, где Сирия реализовывала крупные военные и разведывательные операции. Для того чтобы осуществлять снабжение и практическое функционирование «Хезболлы», иранцам необходима была свобода пространственного маневра, которую сирийцы могли не только обеспечить, но и поддерживать.

Однако молодой Асад сделал нечто большее, чем просто выбор сторон.

Десятилетиями его отец позволял иранцам перевозить в Дамаск самолетами огромное количество оружия, а затем доставлять его грузовиками подразделениям «Хезболлы». При этом Хафез аль-Асад ограничивался тем, что просто не мешал иранцам действовать, осторожно избегая любых тесных контактов с самими джихадистами. Однако Башар аль-Асад увидел в них возможности для себя. Победы «Хезболлы» над израильтянами и стратегия Хасана Насраллы, генерального секретаря организации, который уподобил Израиль «суперпаутине», кажущейся прочной издалека и непрочной вблизи, произвели на Башара впечатление.

Молодой Асад искренне решил связать судьбу как с иранскими религиозными лидерами, так и с джихадистами и отдать все ресурсы Сирии в их распоряжение. С начала 2002 года Асад открыл арсеналы сирийской армии для «Хезболлы», снабжая организацию современным оружием, которого не хватало даже самому Ирану, и ракетами класса «земля-земля» дальнего радиуса действия. Он также открыл двери своего дворца для Насраллы, рассматривая его в качестве примера для себя.

У Сирии были и свои мотивы для укрепления «Хезболлы»^[1412]. Ливан был «дорогой жизни» для Сирии и генералов Асада, которые получали огромные комиссионные от сделок с участием государства. Однако в последнее время в Ливане возросло число своих влиятельных фигур, требовавших, чтобы сирийцы ушли. В ответ Имад Мугние, начальник штаба «Хезболлы», начал ликвидировать этих лиц одного за другим, действуя от имени иранцев и сирийцев. Кампания политических убийств достигла своего пика, когда люди Мугние убили Рафика Харири, виднейшую политическую фигуру на Ближнем Востоке, который дважды становился премьер-министром Ливана и пытался мобилизовать международную общественность на то, чтобы изгнать сирийцев из этой страны.

Стало понятно, что между Ираном, «Хезболлой» и Сирией возникло совпадение интересов и этот триумvirат идеален для взаимодействия и взаимопомощи между его членами. Родился альянс, который в израильском разведывательном сообществе называли «Радикальный фронт».

Альянс террористической организации, подвергнутой остракизму теократии и современного национального государства, позволил огромной сети, состоявшей из террористов, самопровозглашенных революционеров и криминальных элементов, действовать с необычайно высокой военной эффективностью. Лидеры двух государств и одной организации разработали стратегию и обеспечили материально-техническую базу для ранее разрозненных групп боевиков, распространившихся по всему Ближнему Востоку^[1413].

На высшем оперативном уровне этой сети находились три человека: Касем Сулеймани из Корпуса стражей исламской революции, Имад Мугние из «Хезболлы» и сирийский генерал Мухаммад Сулейман. Лидер «Исламского джихада» Рамадан Шалах, который действовал в Дамаске под эгидой Ирана и Сирии, также был включен в альянс и получил приглашение к дискуссии.

Среди их главных помощников – Хасан аль-Лакки, руководитель департамента исследований и развития «Хезболлы», и Махмуд аль-Маджзуб, руководитель «Палестинского исламского джихада» в Ливане. ХАМАС официально в Радикальном фронте не участвует: шейх Ясин, суннит, не признавал иранских шиитов, однако Халед Машаль, лидер ХАМАС за пределами Палестины, думал иначе и

приказал одному из руководителей боевого крыла движения в Дамаске, Изз аль-Дину аль-Шейх Халилю, поддерживать тесные контакты с другими членами фронта.

Имея широкие международные связи и выходы на транспортные пути, Радикальный фронт начал направлять больше летального оружия для борьбы с Израилем. Из Бейрута «Хезболла» поддерживает вооруженных палестинских террористов, выплачивая деньги за каждого израильтянина, убитого в ходе атак подрывников-смертников. В Сирии или Иране разбираются ракеты, которые затем по частям ввозятся контрабандой по суше или по морю в сектор Газа, где вновь собираются бойцами «Палестинского исламского джихада». Маджзуб таким же образом организовал поставку Корпусом стражей исламской революции ракет для «Палестинского исламского джихада» в Ливане. Машаль и Шейх Халиль получали значительную финансовую поддержку от Ирана (возможно, без ведома Ясина), как и значительные объемы новых технологических ноу-хау, которые были переправлены в сектор Газа и помогли в производстве самодельных ракет.

Лаккис из «Хезболлы» начал строительство в Южном Ливане большой сети бункеров и ракетных пусковых установок, которые могли бы противостоять израильскому вторжению или помочь с новым наступлением на Израиль. Эти работы были так тщательно скрыты и замаскированы, что израильтяне ничего не знали о строительстве подобных объектов^[1414]. Не был Израиль полностью в курсе и относительно количества накапливаемых вооружений. По некоторым оценкам, к концу 2003 года «Хезболла» обладала самым большим арсеналом, когда-либо имевшимся у военизированных формирований.

Конечно, для Израиля не было новостью наличие врагов на границах или на оккупированных территориях. Но теперь страна была окружена, по существу, единой скоординированной силой – «Хезболла» в Ливане, «Палестинский исламский джихад» на оккупированных территориях, Сирия на севере, – каждый из компонентов которой финансировался иранскими деньгами и обеспечивался поставками иранского оружия.

Израильской спецслужбой, которая собирала разведывательную информацию по этой внешней угрозе, а также осуществляла меры по противодействию ей, был «Моссад». Однако его усилия были далеки от необходимых, в значительной степени из-за того, что он не смог

адаптироваться к переменам^[1415]. Неспособность «Моссада» проникнуть в джихадистские организации, недостаточность у него технологических средств в мире, где каждый имеет доступ к мобильному устройству, а большинство программ шифруются, ряд грубых оперативных промахов, и прежде всего неумело состряпанное покушение на Машаля, – все это служило признаками того, что «Моссад» становится слабым и неэффективным. Иран был гораздо более продвинутым и серьезным противником, чем любое арабское государство, в которое «Моссад» хотел проникнуть. И Башар аль-Асад тоже ввел в Сирии строгие контрразведывательные меры повсюду.

То тут, то там «Моссад» пытался противодействовать проектам, осуществляемым Радикальным фронтом^[1416]. Например, он получил сведения о том, что генерал Анатолий Кунцевич, ветеран советского ВПК, помогал Сирии в производстве мощного химического оружия, нервно-паралитического вещества VX. Официальные протесты израильтян Москва игнорировала. И в апреле 2002 года Кунцевич загадочно умер на авиарейсе из Алеппо в Москву.

Цельной и устойчивой стратегии против Радикального фронта у Израиля не было, и израильтяне оставались до опасного уровня не осведомленными о многих планах и действиях врага. На фоне успехов Шин Бет и АМАН на оккупированных территориях «Моссад» считался слабым звеном в сообществе израильских спецслужб.

Премьер-министр Шарон был разочарован политической разведкой. На его вкус, «Моссад» был слишком вялым и изнеженным и слишком неготовым к рискам, особенно в контексте своих прошлых неудач. Подходы шефа «Моссада» Эфраима Галеви были полной противоположностью подходам самого Шарона, который всегда был готов брать инициативу в свои руки и атаковать. Как объяснял Дов Вейсглас: «В то время когда Израиль вел самые тяжелые битвы в своей истории, во времена второй интифады, мы никак не могли понять, почему просто не ощущалось существование такой замечательной организации, как “Моссад”. В период руководства Галеви в деятельности этого ведомства был до крайности усилен дипломатический аспект. А оперативная работа выступала только как приложение к нему, как что-то поверхностное и необязательное»^[1417].

Этот период совпал с пиком интифады, и главными, первоочередными целями в списке на ликвидацию стали те, что

способствовали палестинскому терроризму^[1418].

Под руководством Ирана «Хезболла» сформировала свое подразделение 1800 для обеспечения террористической организации «Танзим» (созданной под эгидой арафатовского ФАТХ) деньгами и условиями для боевой подготовки, необходимыми для новых атак подрывников-смертников. Ливанский «Палестинский исламский джихад» также поддерживал террористические акции на Западном берегу и в секторе Газа финансами, подготовкой боевиков и координацией действий.

В условиях отсутствия каких бы то ни было сильных контринициатив со стороны «Моссада» этот пробел попыталась заполнить военная разведка АМАН. «“Моссад” не являлся для нас тогда оперативным партнером, – говорил шеф АМАН Аарон Зеэви-Фаркаш. – Мы же со своей стороны выявили на Западном берегу 50 палестинцев, которые при финансировании и поддержке подразделения 1800 “Хезболлы” в Ливане неустанно действовали по организации акций боевиков-смертников. Ситуация стала нетерпимой». В связи с этим «идея заключалась в том, чтобы ликвидировать некоторое количество целей в “Хезболле”, чтобы продемонстрировать ее лидерам, что за такие акции организации придется заплатить высокую цену»^[1419].

Полковник Ронен Коэн, начальник управления по борьбе с арабским терроризмом АМАН, подготовил список целей (названный «Двенадцать мушкетеров»), который включал имена боевиков из подразделения 1800 «Хезболлы» наряду с членами «Исламского джихада» и ХАМАС^[1420].

Одним из занесенных в список был Каис Обейд, который когда-то был агентом Шин Бет, но перебежал в подразделение 1800 «Хезболлы». Обейд умудрился заманить старшего офицера-резервиста Армии обороны Израиля в Дубай^[1421]. Офицер запутался в долгах, и Обейд пообещал ему помочь с решением финансовых проблем. Его заманили в ловушку, накачали наркотиками и в ящике отправили иранской дипломатической почтой из Дубая в Бейрут. Во время допросов он выдал боевикам «Хезболлы» и сирийцам важные военные секреты. После этого Обейд, который знал многих проживающих в Израиле арабов и бегло говорил на иврите, начал вербовать террористов-смертников.

Обейд был гражданином Израиля, а в израильских спецслужбах существовало неписаное правило, запрещавшее убивать граждан страны. Однако в связи с серьезностью угрозы акций подрывников из этого правила сделали исключение.

И все же список «мушкетеров», составленный Коэном, не включал высшее руководство «Хезболлы» – Мугние, двух его заместителей и генерального секретаря ХАМАС Насраллу. «Мы опасались, что их ликвидация станет началом полномасштабной войны», – сказал один из израильских офицеров, принимавший участие в разработке операции^[1422].

В ходе встречи Шарона с Зееви-Фаркашем и Коэном, на которой обсуждалась операция, последние утверждали, что хотя Шин Бет много сделала для уничтожения активных террористов на Западном берегу и в секторе Газа, никто не предпринимает должных усилий против руководства организаций, которые поддерживают терроризм из-за границ Израиля^[1423]. Убеждать Шарона не было необходимости. «Жаль, что я не вижу инициатив, подобных вашим, которые бы исходили от ваших партнеров», – едко заметил Шарон, имея в виду «Моссад».

Первой жертвой в списке стал Рамзи Нахара, наркоделец и бывший агент израильской разведки, который переметнулся на сторону врага, когда Израиль ушел из Ливана, и был одним из подельников Обейда в похищении израильского офицера^[1424]. 6 декабря 2002 года он поехал со своим племянником Элие Исса в родную деревню Айн-Эббель на юге Ливана. На въезде в деревню рядом с их машиной взорвалось мощное взрывное устройство, закамуфлированное под большой камень. Оба погибли на месте.

Следующим стал Али Хусейн Салах, зарегистрированный в МВД Ливана как водитель иранского посольства в Бейруте, но на самом деле боевик подразделения 1800. 2 августа 2003 года он ехал на люксовом «БМВ» с дипломатическими номерами на работу в штаб-квартиру подразделения 1800 «Хезболлы», расположенную в пригороде Бейрута Дахия. В 8:32 было подорвано мощное взрывное устройство, спрятанное в заднем сиденье автомобиля. Взрыв разорвал машину пополам и разбросал половины ее корпуса на расстояние 15 метров от образовавшейся воронки^[1425]. В отчете АМАН в отношении акции

значилось: «Взрыв разорвал тело Салаха надвое, причем одна половина осталась в передней части автомобиля, а вторая – в задней».

После гибели Салаха «Хезболла» уже не скрывала его настоящего занятия, и телеканал организации Al-Manar сообщил: «“Хезболла” скорбит в связи с гибелью одного из величайших муджахидинов (священных воинов)».

12 июля 2004 года Галеб Авали, сменивший убитого Салаха в подразделении 1800, вышел из своего дома в шиитском пригороде Бейрута Харет-Грейк, сел в «мерседес» и повернул ключ в замке зажигания. Через секунду машина взлетела на воздух. Авали был тяжело ранен и доставлен в госпиталь, но по прибытии туда скончался.

Ответственность за убийство взяла на себя группа, которая появилась в Ливане в первый и последний раз. Эта суннитская группа назвала себя «Джунд аль-Шам» («Солдаты Леванта») и заявила: «Мы казнили того, кто был одним из символов предательства, шиита Галеба Авали».

В «Хезболле» не сомневались, что это дезинформационный трюк Израиля и что за этим политическим убийством стоят израильтяне. В надгробной речи на пышных похоронах Авали Хасан Насралла отметил, что покойный принадлежал к специальному подразделению, поддерживавшему борьбу палестинского народа. «Он шахид в нашем движении к Палестинскому государству, он шахид Иерусалима и мечети Аль-Акса в нашем противостоянии с сионистским образованием», – заявил Насралла над гробом Авали, обернутым желтым флагом «Хезболлы». Генеральный секретарь ХАМАС обвинил шефа военной разведки АМАН Зееви-Фаркаша в этом убийстве.

Шарон был доволен усилиями Зееви-Фаркаша. Однако он понимал, что для противодействия Радикальному фронту нужно сделать еще немало и в «Моссаде» требуется осуществить коренные преобразования.

Шарон хотел сместить Галеви с его поста, и ему были названы имена нескольких возможных кандидатов из числа ветеранов «Моссада» и армейских генералов. Однако у Шарона имелась только одна кандидатура – Меир Даган, его давний друг, с которым они вместе служили в армии. Даган был жесток и агрессивен. Это именно тот человек, который был нужен Шарону, чтобы дать Радикальному фронту достойный отпор.

Даган ушел из армии в 1995 году и позже стал руководителем антитеррористического центра в канцелярии премьер-министра^[1426]. На этом посту он создал секретный орган под названием «Копье», в задачу которого входил подрыв финансовых ресурсов врага. «Я придавал большое значение экономической войне как неотъемлемой части нашей борьбы с главным противником», – говорил Даган.

Расследования, проведенные подразделением «Копье», позволили запретить организации, распоряжавшиеся фондами ХАМАС; некоторые из них были учреждены за границей богатыми мусульманами. («Копье» призывало ФБР и его европейских партнеров сделать то же самое в своих странах, но это было еще до теракта 11 сентября 2001 года, поэтому никто к этим призывам не прислушался). Рассказывают, что на одном из совещаний с особой силой проявилась разница в подходах Дагана и Галеви. Тогда «Моссад» представил информацию о том, что финансовые потоки, направляемые Ираном ХАМАС, проходят через один европейский банк со штаб-квартирой в Цюрихе.

«Никаких проблем, – сказал Даган. – Давайте сожжем его»^[1427].

«Сожжем что?»

«Банк, конечно, – ответил Даган. – У нас же есть его адрес. Разве нет?»

Участники совещания пояснили, что речь идет не о наличных, а об электронных трансферах через систему SWIFT, которые поддерживаются совсем в другом месте.

«Ну и что? – сказал Даган. – Все равно давайте его сожжем. Менеджеры банка поймут, что это грязные деньги. Вреда от этого не будет».

В конечном счете Даган внял советам помощников и перестал настаивать на сожжении банка. Но в целом это был тот подход, которого хотел Шарон: «шеф “Моссада” с кинжалом в зубах», как Шарон сказал своим советникам^[1428].

Это, однако, не означало, что Даган рвался к полномасштабной конфронтации с врагом. Напротив, он постоянно утверждал, что Израиль должен делать все, чтобы избежать военного конфликта со всеми странами региона; такого конфликта, в котором победить полностью невозможно.

«Задача израильского оборонного сообщества, – любил поучать Даган своих новых подчиненных в “Моссаде”, – состоит в том, чтобы любыми средствами отодвинуть следующую войну как можно дальше, используя в то же время тайные методы для нанесения концентрированных ударов противнику».

Даган принял «Моссад» в сентябре 2002 года. Вскоре Шарон сделал его ответственным за все тайные операции, имевшие целью сорвать иранскую ядерную программу. С начала 1990-х годов Иран расходовал огромные средства для получения атомного оружия в кратчайшие сроки, приобретая оборудование и технологии везде, где только возможно. И Шарон, и Даган рассматривали ядерный потенциал Ирана как угрозу существованию Израиля^[1429].

Дагану было сказано, что он получит все – деньги, человеческие ресурсы и неисчерпаемые возможности, пока будет заниматься тем, чтобы остановить аятоллу на их пути к созданию атомной бомбы. Даган все понял и приступил к работе.

«Шарон правильно сделал, что назначил его шефом “Моссада”, – говорил Вейсглас. – Меир занял свою должность и начал творить чудеса».

Даган въехал в новый кабинет в главном здании «Моссада» и повесил на стену фотографию своего деда, стоящего на коленях и с ужасом смотрящего на немецких солдат вокруг. Через несколько минут он будет убит. «Посмотрите на эту фотографию, – говорил Даган оперативным работникам, посылая на задания. – Я здесь, и все мы – сотрудники и сотрудницы “Моссада” – здесь для того, чтобы это никогда больше не повторилось».

Даган решил, образно говоря, разобрать «Моссад» и вновь собрать его таким, чтобы он устраивал своего шефа. Первое – он сформулировал задачи сбора развединформации. Информацию следовало собирать не ради нее самой, чтобы она классифицировалась и хранилась в ненужных подобию библиотечных архивов. Даган хотел, чтобы разведывательная информация могла бы прямо использоваться против врага. Он хотел иметь такую информацию, которая бы быстро трансформировалась в упреждающие и предотвращающие операции – диверсии, засады, «целевые» и политические убийства.

«Я сказал Арику (Шарону), что, по моему мнению, в организации надо осуществить большие перемены, – рассказывал Даган. – Но предупредил его: “Тебе решать, готов ли ты заплатить за это. Журналисты набросятся на тебя, меня и “Моссад”. Это будет нелегко. Ты готов заплатить эту цену?” Он сказал, что готов. Арик знал, как надо поддерживать своих людей»^[1430].

Даган часто встречался с Шароном лично, чтобы получить санкции на тайные операции. Бывший ответственный сотрудник «Моссада» так описал царившую в разведке атмосферу: «Это были дни истерики. Даган приезжал очень рано утром и до глубокой ночи, не переставая, кричал на всех, что они ничего не могут и ничего не стоят»^[1431].

По мнению Дагана, особенно важно было подтянуть личный состав подразделения «Перекресток», которое занималось вербовкой агентуры и организацией работы с ней. На его взгляд, «это было настоящее сердце “Моссада”». «В основе каждой операции, как бы вы ни поворачивали дело, лежит “Перекресток”».

Основу кадрового состава «Перекрестка» составляли «сборщики» (*katsa*) – оперативные работники, привлекавшие агентов к сотрудничеству и работавшие с ними.

Однако Даган считал, что «сборщики» вводили «Моссад» в заблуждение. Он описывал подразделение «Перекресток», которое увидел при вступлении в должность, как «законченную систему вранья, которая занимается самообманом и подпитывается ложью», с тем чтобы убедить себя и весь «Моссад» в своих успехах. «В течение многих лет они делали все, что хотели. Вербуют агента, который подает чай в офисе какого-то атомного объекта, и говорят, что у них есть информаторы внутри иранского ядерного проекта. Их нужно было ловить за шкуру и хорошенько давать пинка под зад».

Даган изменил принципы работы «Перекрестка» и потребовал, чтобы все агенты проходили проверку на полиграфе, чтобы доказать, что они являются надежными источниками. Оперативники «Перекрестка» категорически воспротивились испытанию своих агентов на полиграфе. «Это продемонстрирует им недостаток доверия, они будут оскорблены и не захотят с нами больше работать».

Директор в резкой форме отверг эти возражения. «Ты что, идиот? – спросил он одного вербовщика. – Человек предает свою страну, все,

что ему дорого. И ты думаешь, что он не захочет в обмен на деньги пройти проверку на полиграфе?»

Даган заявил, что сопротивление проверке на полиграфе, по существу, является попыткой личного состава «Перекрестка» избежать раскрытия собственного «блефа», потому что они вербовали ненадежную агентуру. Он пытался как можно чаще встречаться с сотнями оперативников «Моссада», работавших по всему миру. «Агентурист, который ни разу не видел директора “Моссада”, неожиданно начинает встречаться с ним раз в три месяца. Начинает испытывать интерес к руководителю не только в теоретическом смысле, но и в смысле практическом: спрашивает директора о том, где ему что-то удалось и почему где-то его постигла неудача. Это очень мешало начальникам оперработников позднее втирать мне очки»^[1432].

Поставив дело в «Моссаде» так, чтобы разведка вела эффективную войну, Даган также сузил ее важнейшую задачу. Он объявил, что у «Моссада» остаются только две широкие задачи^[1433]. Первая – любое государство, пытающееся заполучить ядерное оружие, и в особенности иранский атомный проект. Импорт оборудования и сырья должен быть сорван, блокирован и остановлен; уже работающие объекты должны подвергаться диверсиям; а ученые-атомщики запугиваться, привлекаться к сотрудничеству, а в случае необходимости – уничтожаться.

Вторая цель – Радикальный фронт. Планов на полномасштабную войну с Ираном или Сирией Израиль не имеет, однако «Моссад» может разрушать логистические цепочки, по которым поставлялось оружие «Хезболле», ХАМАС или «Палестинскому исламскому джихаду». «Моссад» может охотиться на отдельных террористов и убирать видные фигуры в Радикальном фронте, даже если это сирийские генералы.

По приказу Шарона шеф военной разведки АМАН Зеэви-Фаркаш согласился на то, чтобы армейские разведывательные структуры в полном объеме сотрудничали с «Моссадом» в рамках своеобразного «разведывательного пула», в котором стороны могли бы обмениваться всей добытой информацией^[1434]. Это представляло собой существенное расширение имеющихся у «Моссада» ресурсов.

Координировать обширное сотрудничество между двумя организациями и руководить сотнями операций «Моссада» Даган

назначил Тамира Пардо, руководителя оперативного подразделения «Радуга». В прошлом офицер спецназа «Сайерет Маткаль», Пардо был рядом с Йонатаном Нетаньяху, когда в того попала пуля в ходе операции по освобождению заложников в Энтеббе. Пардо был смелым оперативником со стратегическим мышлением и неукротимой энергией. Даган сделал его своим заместителем.

В мае 2003 года на совещании с участием Дагана и руководства «Моссада» Пардо представил совершенно секретный план – результат напряженной четырехмесячной работы – по остановке иранской атомной программы. «Я исхожу из того, что технологически продвинутое государство, обладающее такими огромными ресурсами, как Иран, которое рвется к обладанию ядерным оружием, в конце концов добьется своего, – начал Пардо. – Иными словами, немедленное прекращение проекта может произойти только в результате изменения политики страны или смены ее политического руководства».

В зале послышались вздохи и перешептывания, но Пардо продолжал: «В сложившейся ситуации у Израиля имеется три пути. Первый – захватить Иран. Второй – организовать смену иранского режима. Третий – убедить нынешнее политическое руководство Ирана в том, что цена, которую оно вынуждено будет заплатить за продолжение ядерной программы, окажется неизмеримо выше, чем те выгоды, которые оно может получить, остановив ее».

Поскольку первый и второй варианты были нереальными^[1435], оставался третий – предпринимать открытые и скрытые действия, которые оказали бы такое сильное давление на режим аятолл, что они просто сдались бы. «Тем временем, пока они не поймут, что программа не стоит прилагаемых усилий, – резюмировал Даган, – мы должны принимать все меры к тому, чтобы задерживать получение ими бомбы, чтобы в решающий момент они не имели ее на вооружении».

У Дагана был смелый взгляд на то, как достигнуть этого: обратиться с просьбой о помощи к друзьям Израиля, даже тем, кто внешне казался противником страны. Он знал, что хотя большинство стран Ближнего Востока публично занимали антиизраильские позиции, неофициально они были более практичными и сговорчивыми. «Между многими арабскими странами и нами имеется зона совпадения интересов, и немалая», – сказал он. Интересы целого ряда арабских стран –

Иордании, Египта, Саудовской Аравии, государств Персидского залива, Марокко – не соответствовали интересам радикальных шиитских революционеров или их союзников в Дамаске, не говоря уж об интересах их вооруженных до зубов, военизированных формирований. Эти страны боялись самой мысли об Иране, обладающем ядерным оружием, может быть, даже больше, чем Израиль.

С оперативной точки зрения разведывательные службы этих государств имели определенные преимущества по сравнению с «Моссадом». Их сотрудники были арабами, свободно владеющими этим языком; они поддерживали дипломатические связи со странами, враждебными Израилю (и, по крайней мере внешне, имели с ними вполне приличные отношения); и могли сравнительно свободно ездить по их территории. В некоторых случаях эти государства в течение многих лет имели в Сирии, Иране и Ливане своих шпионов, что было результатом борьбы за власть внутри арабских стран.

Даган приказал, чтобы «Моссад» расширил контакты с разведками зарубежных стран^[1436]. Многие из заметных достижений израильской разведки за последующие несколько лет – ее способность обнаруживать, следить и уничтожать террористов в Ливане и Сирии; получение разведывательных данных о тех иранских посольствах, которые связаны с организацией террористических ячеек по всему миру; добыча информации о ядерной программе режима аятолл в Иране – явились результатом такого сотрудничества. В то время как эти арабские страны продолжали клеймить Израиль на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, они взаимодействовали с еврейским государством в сугубо секретных операциях.

Реформы Дагана породили серьезную оппозицию внутри «Моссада» и привели к отставкам многих руководящих сотрудников разведывательной службы^[1437]. «Моссад» являлся закрытой и недоступной общественности организацией, фанатично преданной политике секретности, – любая кооперация, которая могла потребовать раскрытия ее методов иностранным спецслужбам, особенно арабским, рассматривалась как святотатство. Для Дагана все это было чепухой, оправдывающей постигший службу интеллектуальный и оперативный спад.

«Я считал, что они неправы, что было идиотизмом противиться сотрудничеству с другими факторами (разведывательными службами Ближнего Востока), которые смотрели на вещи так же, как и мы, – говорил он. – “Моссад” должен был мобилизовать все, что мог, – любые ресурсы, любого союзника ради достижения своих целей. Я сказал, чтобы они перестали нести вздор, призвал собрать все наши возможности, голубые и белые (цвета израильского флага), для того чтобы работать с зарубежными разведками. Я полагал, что мы могли задействовать здесь все, что не создавало опасности для нас или наших источников. Иначе никто не воспринимал бы нас всерьез»^[1438].

«Три сотни человек ушли из “Моссада”, когда я пришел туда. Самый массированный исход, – сказал Даган. – Как ни странно, я был даже рад, что некоторые из них покинули разведку».

В связи с требованием увеличить число операций Даган отменил некоторые правила безопасности оперативной деятельности, существовавшие уже очень давно, отдельные из них – десятилетиями. До вступления Дагана в должность директора операция могла быть отменена по соображениям безопасности – например, когда не хватало иностранных паспортов, кредитных карточек и надежных средств связи. Из-за этих правил «Моссад» отказался от проведения многих акций.

При Дагане все поменялось. «Он мог вызвать руководителя отдела документации, который, например, предупреждал, что изготавливаемые там паспорта были недостаточно надежными и могли не выдержать проверку, – рассказывал один сотрудник, многократно присутствовавший на совещаниях в кабинете директора, – и говорил ему, что если к следующему утру на его стол не лягут пять новых паспортов, руководитель положит заявление об отставке»^[1439].

Даган принимал в расчет факты, но отметал любые опасения. «Чепуха. Если хорошенько копать, всегда доберешься до сути дела. А все остальное – *meises* («сказки» на идише), отговорки для того, чтобы ничего не делать».

Даган верил в «целевые» убийства как в важное и необходимое оружие, с тем условием, что оно используется последовательно и составляет часть широкого арсенала других средств – тайных, дипломатических и финансовых. Любое политическое убийство может быть объяснено врагом как единичная потеря, и даже от цепи таких

убийств противник может отмахнуться, приписав их неблагоприятным обстоятельствам, фатальным последствиям неподготовленности или небрежности. Для того чтобы политические убийства были стратегически эффективными, они должны были представлять собой постоянную угрозу.

«Спорадические ликвидации ничего не стоят, – говорил Даган. – А вот уничтожение главных боевиков противника вместе с ударами по руководству как постоянно действующая политика – это очень хорошо. Когда я говорю “руководство”, я подразумеваю его в очень широком смысле. Стал бы я всегда выбирать для ликвидации первое лицо? Не обязательно: я выбираю целью высший оперативный эшелон, именно тот, который управляет организацией, который оказывает решающее воздействие на тех, кто находится “на земле”»^[1440].

АМАН и «Моссад» составили список кандидатов из Радикального фронта на применение в отношении них «негативного обращения». Проблема состояла в том, что все они находились в так называемых целевых странах, в которых, как правило, «Моссад» подобные операции не осуществлял. Однако Даган решил изменить и это правило.

«Когда я пришел в “Моссад”, в “целевых странах” реальных оперативных возможностей у нас не было», – рассказывал Даган. Для того чтобы исправить ситуацию, нужно было создать такие системы документации (изготовление паспортов, разработка легенд), которые позволили бы нелегалам при возникновении подозрений выдерживать длительные допросы.

Даган также внес изменения в давнишнюю политику – осуществление «сине-белых» политических убийств, то есть тех, в которых задействовался только оперативный состав «Моссада». Даган предпочитал использование «привлеченных», исходя из опыта многочисленных ликвидаций, в которых он участвовал в пору своей военной службы в Газе и Ливане. «Я готов рыдать над гробом любого погибшего “привлеченного” или агента, который возвращается к Создателю. Поверьте, я бы проливал настоящие слезы по нему. Вместе с тем я предпочитаю видеть мертвым такого “привлеченного”, чем оперативника-еврея или израильтянина».

Даган заставлял «Моссад» совершенствовать используемую технику. Сам он не очень хорошо разбирался в технологических новинках, но

понимал, что их использование стало неизбежным и что «Моссад» значительно отставал в этом отношении от разведывательных служб других стран и даже от других израильских спецслужб. Он назначил старшего оперативного работника N., который хорошо понимал нужды агентов, работающих «в поле», на должность руководителя оперативно-технического управления.

Осуществленные Даганом реформы скоро стали доказывать свою эффективность. Даган был уверен, что «Моссаду» пора приступить к активным действиям, и настаивал, что с того времени все политические убийства за рубежом должны находиться под его непосредственным контролем, а практически должны осуществляться под руководством его заместителя Тамира Пардо.

АМАН выступила против этого плана, и между «Моссадом» и военной разведкой в лице Зееви-Фаркаша и Ронена Коэна возник острый спор^[1441]. В конце концов Шарон принял решение: Сирия была передана в зону ответственности Дагана, а операции в Ливане должны были остаться за АМАН.

Наряду с этими тайными бюрократическими процессами Израиль неожиданно обнаружил беспокоившие его параллельные процессы в бюрократических структурах врага. Ликвидация шейха Ясина в марте 2004 года фактически отменила все ограничения, которые он накладывал на отношения с Ираном. «В тот момент, когда Ясин был выведен из игры, центр притяжения ХАМАС сместился с территорий, контролируемых Израилем, в сторону сирийского и ливанского руководства, а Халед Машаль стал новым лидером организации»^[1442], – рассказывал Ицхак Илан из Шин Бет.

Машаль приказал своим людям во главе с Изз аль-Дином аль-Шейх Халилем сообщить иранцам, что ХАМАС теперь готов принимать от них любую помощь. Иранцы были довольны: с ХАМАС в качестве полноправного члена фронт «сопротивления» имел законченный вид. Под наблюдением Халиля Иран начал посылать в сектор Газа части ракет в надежде увеличить сферу поражения и убойную мощь арсенала ХАМАС. В Газу также прибыли и инструкторы из Корпуса стражей исламской революции.

26 сентября 2004 года Халиль сел в личную машину рядом со своим домом в Южном Дамаске. В этот момент зазвонил его мобильный телефон. *Ya, Abu Rami, hada Ramzi min Tubas* («Абу Рами, это Рамзи из

Тубаса» – деревни на Западном берегу). «Да, – сказал Халиль, – чем могу помочь?» Связь оборвалась. Спустя секунду автомобиль взлетел на воздух. Халиль был убит^[1443].

Следующим в списке целей был Махмуд аль-Маджзуб, руководитель «Палестинского исламского джихада» в Ливане. 26 мая 2006 года в 10:30 он вышел из здания своей организации, расположенного в портовом городе Сидон в Южном Ливане, вместе со своим братом Нидалем, служившим телохранителем Маджзуба. Когда Нидаль распахнул дверь автомашины, спрятанная в ней бомба была подорвана находившимся неподалеку наблюдателем и убила обоих братьев.

«Разумеется, я не беру на себя ответственности за эти события, – говорил тогда Даган, строго следуя политике Израиля не признавать своего участия в “целевых” убийствах за пределами страны. – Но в качестве предположения могу сказать, что если Израилю приходится сталкиваться с такими угрозами, какими являются ХАМАС, «Палестинский исламский джихад» и террористы-смертники, было бы немыслимо, чтобы “Моссад” не подставил здесь свое плечо»^[1444].

Удары по боевикам и активистам подразделения 1800 «Хезболлы», «Палестинского исламского джихада» и ХАМАС нанесли значительный урон этим организациям, однако общей картины не изменили. Радикальный фронт продолжал представлять собой серьезную угрозу и по-прежнему координировал свои действия против Израиля.

Израильское общество всегда было чрезвычайно чувствительным к похищениям военнослужащих Армии обороны Израиля. Насралла, который прекрасно осознавал это, приказал своим людям осуществлять как можно больше похищений и рекомендовал своим партнерам поступать таким же образом. Некоторые попытки таких акций срывались. Те же, что проходили успешно для террористов, наносили огромный ущерб моральному духу граждан Израиля.

В октябре 2000 года по приказу Мугние специальный отряд «Хезболлы» похитил трех израильских солдат, патрулировавших израильско-ливанскую границу. Чтобы обеспечить возвращение похищенных солдат, Израиль согласился на унижительную сделку с «Хезболлой» по обмену пленных на арабских заключенных^[1445].

Освобожденные из тюрем в ходе обмена активисты «Палестинского исламского джихада» немедленно по возвращении в Газу возобновили свою террористическую деятельность, осуществив ужасную кампанию подрывов смертников. Эти освобожденные заключенные умудрились организовать восемь атак, в которых погибло 39 гражданских лиц, до того как Шин Бет и Армия обороны Израиля смогли убить или схватить их еще раз^[1446].

25 июня 2006 года семь боевиков ХАМАС выбрались из тоннеля. Долгие месяцы они втайне рыли его из сектора Газа под пограничным забором в близлежащее израильское поселение. В ходе дерзкой операции они выскочили из-под земли за лагерем Армии обороны, убили двух солдат и ранили многих других, а также утащили с собой в Газу одного израильского военнослужащего, Гилада Шалита. Они повесили бронежилет Шалита на пограничном заборе между Израилем и Газой, демонстрируя таким образом Израилю свое презрение^[1447].

Шин Бет и Армия обороны оказались абсолютно неспособными установить местонахождение Шалита. Хотя и общая служба безопасности, и военная разведка обычно действовали чрезвычайно эффективно в сборе информации и в оперативной деятельности в секторе Газа, помощь, которую ХАМАС получал от иранской разведки, доказала свою состоятельность^[1448]. На протяжении всех пяти лет, которые Шалит провел в плену, у Израиля не было ни малейшего представления о том, где его содержали.

Ко времени этого рейда ХАМАС уже превратился в правящую структуру. За шесть месяцев до этого, с иранской помощью, политическое крыло ХАМАС выиграло выборы в Палестинской национальной автономии. Избранный премьер-министром Исмаил Хания, который пережил несколько израильских покушений на свою жизнь, включая бомбардировку 2003 года совещания «Команды мечты», поехал в Тегеран, где ему пообещали помощь в размере 250 миллионов долларов. «Иран – стратегический оплот Палестины, – объявил он в ходе своего визита. – Мы никогда не признаем сионистский режим. Мы продолжим священную войну (джихад), пока Иерусалим не будет освобожден». Хания возвратился в Газу с 35 миллионами долларов наличными, упакованными в несколько больших чемоданов.

На убийство своих солдат и похищение Шалита Израиль ответил массированными бомбардировками сектора Газа, убив более 200 палестинцев. Израильтяне совершили также ряд рейдов на Западный берег, похитив нескольких министров – членов ХАМАС. Однако террористы и глазом не моргнули. В ответ они потребовали от Израиля освобождения 1000 палестинских заключенных в обмен на одного израильского солдата^[1449].

12 июля, через две недели после захвата Шалита, Радикальный фронт еще больше усугубил ситуацию. Боевики «Хезболлы» похитили двух израильских солдат, патрулировавших северную границу Израйля. Это переполнило чашу терпения израильтян, и новый премьер-министр Эхуд Ольмерт (преемник Шарона, которого сразил инсульт) сказал соратникам, что собирается «надрать “Хезболле” задницу» раз и навсегда. Арик Шарон никогда не останавливался перед применением силы, но скептически оценивал способность Армии обороны Израйля победить в такой войне с подразделениями «Хезболлы». Ольмерт поддался заверениям начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Дана Халуца, который был уверен, что «Хезболлу» можно победить с воздуха, не подвергая опасности сухопутные войска. Он был убежден, что истребители-бомбардировщики ВВС Израйля могут полностью лишить «Хезболлу» способности нанести удар по Израйлю.

Это была ошибка, которая дорого стоила Израйлю и оборвала военную карьеру Халуца^[1450]. Хотя бомбардировки с воздуха и нанесли «Хезболле» существенный урон, ее бункеры, пусковые установки и скрытая система коммуникаций выстояли. Израиль мало что знал об этих элементах военной мощи «Хезболлы», которые он называл «природными заповедниками». Они были созданы под руководством Хасана аль-Лакки по приказу Имада Мугние с использованием передовых технологий, полученных от Сирии и Ирана. Ракеты «Хезболлы» продолжали сыпаться градом на северные районы Израйля. В конечном счете 29 июля Армия обороны Израйля осуществила нерешительное и неэффективное вторжение сухопутных сил^[1451]. Они разрушили некоторые позиции «Хезболлы», но и сама Армия обороны Израйля понесла тяжелый урон и спустя две недели вынуждена была с позором уйти с территории Ливана.

Вся эта кампания (называемая в Израиле Второй Ливанской войной), которая практически не достигла ни одной из своих целей, обернулась унижительным поражением. Самая сильная на Ближнем Востоке военная машина потерпела на протяжении шести лет два поражения от одной и той же армии боевиков. «Это было похоже на развитие событий во Вьетнамской войне после “Новогоднего наступления” северовьетнамских войск в 1968 году, – говорил Даган. – Хотя тогда вьетконговцам были нанесены тяжелые удары и их наступление потерпело неудачу, в конце концов они выиграли войну»^[1452].

После того как было подписано соглашение о прекращении огня, Насралла стал самым популярным лидером в арабском мире. За многие годы он оказался единственным, кто противостоял Израилю в прямой военной конфронтации и одержал победу.

Свои неудачи на поле боя Израиль пытался компенсировать покушениями на жизнь лидеров «Хезболлы», и прежде всего Насраллы. «Если бы нам тогда удалось ликвидировать Насраллу, это в корне изменило бы картину, – говорил Халуц. – Мы пытались, но безуспешно». Трижды израильтяне добывали конкретную разведывательную информацию о местонахождении Насраллы. Однажды бомбардировка здания была осуществлена сразу же после того, как лидер ХАМАС покинул его. Дважды бомбы попадали в его укрытия, но не смогли пробить мощные бетонные перекрытия бункеров, в которых он скрывался. «Просто невероятно, что они там под землей понастроили, – объяснял Халуц. – Вы попадаете в какую-то точку и вдруг видите дым, выходящий из какой-то дыры в конце улицы. И понимаете, что там на глубине расположен тоннель, о котором вы ничего не знали».

Попытки добраться до других лидеров «Хезболлы» заканчивались так же. 20 июля Израиль попытался направить удар по Лакки, используя его мобильный телефон. Истребитель-бомбардировщик F-16 выпустил ракету по квартире в Бейруте, где был обнаружен этот телефон. Однако оказалось, что Лакки покинул это место, оставив там аппарат. Его сын был убит. «Мы не подготовились к этой кампании (политических убийств) так, как должны были», – признал Халуц^[1453].

В июне 2007 года, через год после убийства израильских солдат и начала еще одной войны, боевики ХАМАС, разгневанные тем, что

члены ФАТХ под руководством Абу Мазена все еще контролировали органы Палестинской национальной администрации несмотря на победу ХАМАС на выборах, устроили кровавую бойню против чиновников ФАТХ в Газе и силой захватили сектор, по существу создав независимое хамасовское государство.

Для Израиля не было ничего хуже. С севера и юга он был окружен странами и движениями, обладающими военной силой и огромными финансовыми ресурсами и контролируемые Радикальным фронтом, тогда как сам Израиль был ослаблен и нерешителен после похищения его солдат и поражения в войне 2006 года.

Через месяц после захвата Газы руководство Радикального фронта собралось на секретное совещание в Дамаске для обсуждения будущих совместных действий против врага.

Атмосфера царила праздничная. Фронту удалось возобновить кампанию подрывов террористов-смертников на территории Израиля; арсеналы из десятков тысяч ракет и снарядов, накопленных в Ливане и секторе Газа, могли покрыть весь Израиль; летом «Хезболла» пресекла попытки Израиля уничтожить ее; ХАМАС выиграл выборы в Палестинской национальной автономии и создал свое государство в секторе Газа; Иран и Сирия независимо друг от друга значительно продвинулись на пути производства атомного оружия. Все согласились, что положение было наилучшим из тех, на которые «ось сопротивления» вообще могла рассчитывать ^[1454].

Израильские чиновники наблюдали за этой встречей со стороны и строили планы. Даган знал, что эта война должна вестись в тени, быть полна риска и ничем не ограничиваться.

Убить «Мориса»

Ибрагим Отман сел рядом с симпатичной незнакомкой в баре венского отеля. Он был мужчиной средних лет, лысеющим и с усталым взглядом, однако женщина, кажется, проявляла интерес к нему, по крайней мере к беседе с ним. Она говорила по-французски – Отман тоже говорил по-французски! – а еще любил Париж и собак. Отман угостил женщину коктейлем и рассказал ей о пуделях, которые жили у него дома в Дамаске.

Отман был директором сирийской Комиссии по атомной энергии. Женщина – оперативным работником «Моссада». Израильяне не знали точно, какими секретными сведениями располагал Отман, но знали, что он остановится в этом отеле в Вене в январе 2007 года. А в Вене осуществить операцию было сравнительно легко. В Израиле не считали эту операцию особенно важной – она проводилась одновременно с другими, казавшимися более значительными.

И тем не менее, пока женщина-агент внимательно слушала в баре рассказ Отмана о пуделях, оперативная группа «Радуга» обыскивала номер сирийца. Предварительный осмотр не выявил ничего стоящего, и группа начала безуспешные попытки открыть тяжелый кейс с замками, который Отман оставил в номере. Для того чтобы открыть его, не оставляя следов, требовались значительные усилия. Тем временем группа наблюдения заметила, что Отман проявляет признаки усталости и, видимо, скоро вернется в номер.

«Я сейчас подойду. Следите за объектом», – сказал руководитель операции и, покинув наблюдательный пост, направился в номер^[1455]. Отман в этот момент подписывал чек. «У вас около четырех минут», – сообщил по рации один из наблюдателей. Сириец поблагодарил новую знакомую, и они договорились продолжить беседу утром и, возможно, встретиться позднее. «Две минуты, – передал наблюдатель. – Уходите оттуда».

Действовавшая в номере оперативная группа «Радуга» открыла кейс и начала поспешно копировать его содержимое, даже не особенно разглядывая документы. Отман вошел в лифт. «До контакта одна

минута», – произнес напряженный голос по рации. К этому моменту все было переснято и сложено в кейс, который удалось закрыть. «Лифт остановился на этаже. Быстрее уходите!»

Отман был уже в коридоре, в полуминуте ходьбы, и почти мог видеть дверь своего номера. Один из членов оперативной группы приготовился выполнить отвлекающий маневр: притворившись пьяным, как бы случайно облить сирийца виски. Однако буквально в последнюю долю секунды другие члены группы смогли выскользнуть из номера и быстро двинулись по коридору в противоположном направлении. «Мы ушли. Все в порядке. Рассредоточиться», – послышался в наушниках тихий и уверенный голос старшего.

Материалы, которые оперативники «Моссада» скопировали в тот день, не были сразу изучены. Только через две недели после вторжения в номер Отмана на них взглянули специалисты.

Так в «Моссаде» впервые увидели изображение реактора.

Сирия пыталась сделать бомбу! На самом деле она стремительно продвигалась в этом направлении, но сумела сохранить весь проект в глубокой тайне. Складывалась ситуация, которую невозможно урегулировать, просто устранив несколько ключевых фигур. Необходимо было предпринять широкий спектр решительных действий.

Как ни странно, Башар аль-Асад очень уважал израильскую разведку, поэтому прикладывал огромные усилия, чтобы обмануть ее. Башар был уверен, что все сообщения, переданные в Сирии при помощи электронных устройств – телефонов, смартфонов, факсов, компьютеров и планшетов, – перехватываются израильской разведкой. «Он был искренне убежден в том, что каждый раз, когда Мустафа звонил Мухаммаду, их слушал Мойшеле, – говорил один из офицеров подразделения радиоэлектронной разведки 8200. – И это не всегда было ошибочным убеждением»^[1456].

Для минимизации рисков Асад велел генералу Мухаммаду Сулейману – своему связному с Радикальным фронтом – создать «теневую армию», отдельную и независимую от остальной системы сирийской обороны. О ней ничего не знали даже высшие офицеры и чиновники военного ведомства, включая начальника Генерального штаба и министра обороны. Сулейман приказал, чтобы вся важнейшая военная и государственная информация передавалась только в

бумажном виде, в опечатанных конвертах, и доставлялась специальными курьерами на мотоциклах. Этот уход из виртуальной реальности сработал. Организация Сулеймана в течение многих лет оставалась для израильской разведки совершенно невидимой^[1457].

Главный секрет Сулеймана хранился в засушливом районе Дейр-эз-Зор на северо-востоке Сирии, в глубоком каньоне в нескольких километрах от берегов Евфрата. С 2001 года Сулейман руководил строительством сооружений, в которых должен был разместиться ядерный реактор, приобретенный Сирией у Северной Кореи на иранские деньги^[1458]. Реактор должен был дать сирийцам возможность производить оружейный плутоний для атомной бомбы, которая, как думал Асад, создаст для Сирии стратегический паритет с Израилем.

Сулейман не жалел сил для сохранения полной секретности этого объекта. Отман был одним из немногих людей, которым Сулейман доверял. Отман знал о реакторе и держал документы, касающиеся этого объекта, в своем кейсе. Теперь о реакторе знали и израильтяне.

Когда в январе 2007 года «Моссад» получил материалы о сирийском ядерном реакторе, директор «Моссада» Даган как раз вступал в должность главного советника премьера Эхуда Ольмерта по вопросам обороны и безопасности. Когда Ольмерт в июле 2006 года принял решение о войне с «Хезболлой», Даган резко выступил против планов начальника Генерального штаба Дана Халуца разгромить шиитские военизированные формирования с воздуха. Даган тогда сказал кабинету министров: «Я знаю Ливан, и я знаю “Хезболлу”. Без масштабной сухопутной операции против нее ничего не получится». Чем больше время подтверждало правоту Дагана, тем внимательнее прислушивался премьер Ольмерт к его мнению^[1459].

Даган относился к тем людям, которых принято называть «инженерами человеческих душ». К тому же он был еще и талантливым пиарщиком. Он делился с Ольмертом самыми яркими эпизодами операций «Моссада». Премьер был покорен Даганом и его миром разведки и шпионажа. Разочаровываясь в Армии обороны и экстенсивных масштабных войсковых кампаниях, Ольмерт передавал все больше полномочий Дагану для ведения его «теневой войны» с Радикальным фронтом. «Я верил в Меира, – говорил Ольмерт. – Он и те фантастические идеи, с которыми выступало его ведомство, нуждались в моей поддержке»^[1460].

Обнаружение сирийского реактора стало еще одним триумфом Дагана, особенно с учетом того, что ни одна разведка в мире, включая американскую, не смогла его отыскать. Но прежде всего это открытие стало причиной серьезного беспокойства^[1461]. Новость о том, что главный враг Израиля далеко продвинулся в создании ядерного оружия и никто об этом не знал, моментально разнеслась по всем израильским спецслужбам. «Меир пришел ко мне с материалами (фотографиями, снятыми в номере Отмана), – вспоминал Ольмерт, – и это было подобно землетрясению. Я понял, что с той минуты все у нас будет по-другому»^[1462].

Вскоре после этого Ольмерт направил Дагана в США с целью проинформировать советника по национальной безопасности Соединенных Штатов Стивена Хэдли и директора ЦРУ Майкла Хейдена об обнаружении реактора.

К тому моменту, когда Даган поднимался на лифте на седьмой этаж штаб-квартиры ЦРУ, он уже был в Лэнгли желанным гостем^[1463]. У него сложились тесные отношения с Хейденом: «Майкл был до мозга костей разведчиком, и внимательно выслушивал мои предложения». В свою очередь, Хейден был уверен, что «Даган является прямым и честным человеком без претензий, искренним и знающим».

Они установили доверительные отношения и открыли эру самого тесного сотрудничества между двумя разведками за всю историю их существования^[1464]. Хейден описывал эти отношения как взаимодополняющие: «Мы большие, богатые, технологически продвинутые и имеющие глобальные интересы». Тогда как израильтяне «меньше, очень сконцентрированы, талантливы в культурном и лингвистическом отношении и адекватны своим целям». Под целями Хейден понимал джихадистский терроризм и попытки ближневосточных стран создать оружие массового поражения.

Каждый раз, когда Даган посещал ЦРУ, он привозил туда важную информацию и предложения по сотрудничеству, порой весьма неординарные. Но на той апрельской встрече даже опытный Хейден не ожидал такой «бомбы». «Даган сел, открыл свой атташе-кейс и вынул из него цветные копии фотографий реактора в Дейр-эз-Зоре»^[1465].

Даган с Хейденом долго обсуждали материалы, привезенные шефом «Моссада». Даган расспрашивал Хейдена о первых впечатлениях экспертов ЦРУ и о том, совпадали ли их оценки с анализом

израильтян. Он прекрасно знал, что, несмотря на все возможности «Моссада» в Сирии, его ведомство не располагало сведениями о другом контрагенте этой ядерной сделки – Северной Корее. Поэтому Даган попросил Хейдена «совместить привезенную им информацию с более глубоким знанием Северной Кореи, которым обладало ЦРУ».

На следующее утро Хейден поехал в Белый дом на встречу с президентом Джорджем Бушем. Пока он и другие участники встречи ждали прибытия президента, Хейден наклонился к вице-президенту Дику Чейни, который давно подозревал, что сирийцы хотят заполучить атомное оружие, и шепнул: «Вы были правы, господин вице-президент»^[1466].

Буш завершил встречу двумя четкими, но практическим взаимоисключающими распоряжениями: «Первое: перепроверьте информацию. Второе: не допустите ее утечки». Хейден вернулся в Лэнгли, гадая, как подтвердить израильские сведения, не сказав никому ни слова. «Чтобы перепроверить информацию, необходимо привлечь к делу много людей. Но это увеличивает риск того, что тайное станет явным».

Стараясь сохранить баланс между двумя директивами президента, ЦРУ и другие спецслужбы США начали «интенсивную, продолжавшуюся несколько месяцев процедуру перепроверки и подтверждения информации о реакторе, предоставленной Израилем, а также сбора дополнительных сведений из наших источников и нашими методами». Выводы совместной команды Пентагона – ЦРУ – АНБ были готовы в июне, и были такими же тревожными, как и израильские. «Наши эксперты уверены, – сообщалось в заключении, – что данный объект является, по существу, ядерным реактором того же типа, который Северная Корея самостоятельно построила в научно-исследовательском центре в Йонбёне... У нас имеется достаточно оснований для утверждения, что этот реактор не предназначен для мирных целей»^[1467].

США обязались содействовать обеспечению безопасности Израиля. И премьер Ольмерт хотел, чтобы Америка выполнила свои обязательства – а именно чтобы вооруженные силы США разрушили сирийский реактор^[1468]. Особую важность приобретал фактор времени. Эксперты израильского атомного исследовательского центра в Димоне заявили, что, судя по тому, что они видели на фотографиях,

сирийский ядерный реактор был очень близок к завершению. По их оценке, его запуск возможен уже через полгода, и если отложить бомбардировку объекта до этого времени, может произойти радиоактивное заражение окружающей среды и экологическая катастрофа в регионе.

С оперативной точки зрения, для ВВС США это была сравнительно простая акция. Эскадрилья бомбардировщиков В-2 могла разрушить сооружение без особых проблем. Однако эксперты ЦРУ по Ближнему Востоку считали, что американская бомбардировка в регионе была сопряжена со многими опасностями.

«Мои аналитики настроены очень осторожно», – сказал Хейден Дагану в ходе беседы, которую он назвал «одной из самых откровенных из всех состоявшихся между нами». Хейден пояснил, что семья Асада напоминает ему семью Корлеоне из фильма «Крестный отец»^[1469]. Когда Сонни был убит, дон Корлеоне заменил его талантливым Майклом. Когда Басиль Асад погиб в автомобильной катастрофе, «Хафез был вынужден сделать выбор в пользу Фредо/Башара», которого в ЦРУ считали «человеком, совершающим серьезные ошибки».

«После отступления из Ливана (в 2005 году) Асад не перенесет второго такого разочарования, – сказал Хейден. – Из-за своей слабости он захочет продемонстрировать силу и ответить врагам войной»^[1470].

Даган придерживался прямо противоположной точки зрения^[1471]. «Необходимо посмотреть на все это глазами Асада, – говорил он. – С одной стороны, он всегда хотел достичь стратегического паритета с Израилем и для этого заполучить ядерное оружие. С другой стороны, Башар аль-Асад всегда предпочитал не вступать с нами в прямую конфронтацию. Более того, если бы он начал военные действия после бомбардировки объекта, это разоблачило бы существование атомного реактора, то есть факт того, что он построил его, нарушив Договор о нераспространении ядерного оружия, под которым стоит его подпись. О строительстве реактора не знали даже его русские союзники... Если атаку на реактор провести тайно и полностью закрыть для прессы информацию о ней, чтобы не раздражать Асада, он ничего и не предпримет».

Итоговое решение было принято на встрече с президентом США, которая по соображениям секретности состоялась не в Западном крыле

Белого дома, а в Желтой овальной комнате жилой части, чтобы данные о встрече не попали в открытый список официальных мероприятий президента^[1472].

В пользу американской бомбардировки реактора был настроен только вице-президент Чейни, утверждавший, что США должны пойти на нее для того, чтобы послать мощный сигнал не только Сирии и Северной Корее, но и Ирану.

Госсекретарь Райс признала, что сирийский ядерный реактор угрожает существованию государства Израиль, однако не считала, что США должны вмешиваться^[1473]. Хейден ясно дал понять, что, хотя строительство реактора продвигалось, Сирия была еще далека от создания атомной бомбы.

Увязший в двух войнах в исламских странах Буш вынес заключение: «Из того, что Майк (Хейден) только что сказал мне, следует, что непосредственной угрозы сейчас нет, поэтому на бомбардировку мы не пойдем»^[1474].

Израилю оставалось полагаться только на себя^[1475].

Атомное оружие в руках сирийцев, безусловно, стало бы угрозой самому существованию Израиля. Но аналитики АМАН согласились с Хейденом и предупредили Ольмерта, что осуществление атаки на Сирию без прямой предшествующей провокации с ее стороны могло бы привести к жесткому военному ответу Асада. Напротив, Даган советовал бомбить объект немедленно, еще до запуска реактора. «Государство Израиль не может потерпеть того, чтобы страна, с которой мы находимся в состоянии войны, заполучила ядерное оружие», – сказал он.

Даган сделал серьезную ставку. Если бы он оказался неправ, открытая война с Сирией все равно могла бы окончиться победой Израиля, но такая победа стоила бы тысячи жизней. Однако, несмотря на огромные риски, благодаря личной харизме Дагана, его уверенности в себе и прошлым успехам, его точка зрения победила.

В 3:00 в четверг 6 сентября десятки израильских военных самолетов взлетели с авиабазы Рамат-Давид, расположенной в Северном Израиле, в двадцати километрах от Хайфы. Они устремились сначала на запад в направлении Средиземного моря, а потом на юг. Это было частью рутинной тренировки эвакуации авиабазы, хорошо знакомой арабским разведкам, наблюдающим за израильскими ВВС. Ничего

особенного. Но на этот раз люди, планировавшие «тренировку», старались намеренно запутать тех, кто наблюдал за развитием событий у экранов радаров в Дамаске.

Где-то над морем группа из семи истребителей F-15I оторвалась от основной армады и полетела в противоположном направлении – на север. Экипажи знали точные координаторы целей, которые должны были уничтожить, а также характер этих целей. Важность заданий была доведена до пилотов их командирами непосредственно перед вылетом. Самолеты шли очень низко, сначала над побережьем Средиземного моря, затем над Турцией до входа в воздушное пространство Сирии. С расстояния в 50 километров они выпустили 22 ракеты по трем целям на атомном исследовательском комплексе.

Удар застал сирийцев врасплох. Их система ПВО не обнаружила ничего, прежде чем ракеты уже летели по направлению к целям. Времени на эвакуацию не оставалось. Было выпущено несколько зенитных ракет, но только после того, как самолеты давно улетели.

Вскоре после удара американские и израильские спутники, висевшие над Сирией, зафиксировали полное разрушение атомного объекта. Ольмерт направил Асаду через премьера Турции Реджепа Тайипа Эрдогана секретное послание, в котором говорилось, что, если Асад будет вести себя сдержанно, Израиль воздержится от предания бомбардировки гласности. Это спасет Сирию от чрезвычайно затруднительного положения, в которое она попадет, если будет раскрыт факт грубого нарушения Дамаском Договора о нераспространении ядерного оружия, который он подписал ^[1476]. Мир в таком случае не узнает, что Сирия потеряла результаты многолетних дорогостоящих исследований и большой объем современных технологий, которые были уничтожены еврейским государством, – о событии, которое сделало бы необходимой какую-то форму ответных действий. Сохранение всей этой ситуации в покое было лучшим вариантом для всех сторон, вовлеченных в нее.

Главным победителем в операции «Сюрприз» (такое кодовое название она получила) стал Даган, служба которого добыла необходимую информацию и раскрыла сирийский проект и который, по словам директора ЦРУ Хейдена, «оказался прав, тогда, как мои аналитики оказались неправы» ^[1477].

После успешного осуществления операции «Сюрприз» Ольмерт еще больше раскрыл для «Моссада» бюджетный кошелек, предоставив разведке такие ассигнования, которых она никогда прежде не видела. Один старший сотрудник «Моссада» сказал тогда: «Не было в то время ни одной операции, которая была бы отложена или отменена по финансовым соображениям. Организация невероятно разрослась. Мы получали все, что просили»^[1478].

«Арик (Шарон) и Рабин при санкционировании операций испытывали гораздо большие колебания, чем я, – говорил тогда Ольмерт с довольной улыбкой, добавляя: – Я дал зеленый свет 300 операциям (“Моссада”) за свой срок премьерства, и только одна из них провалилась. Но даже этот случай нам удалось сохранить в секрете»^[1479].

С того времени когда Даган возглавил «Моссад», одним из главных его приоритетов была ликвидация Имада Мугние, начальника штаба «Хезболлы». Эта задача не была чем-то уникальным для Дагана: израильская разведка и Армия обороны пытались убить Имада на протяжении почти тридцати лет. Врагом, который в предшествующие десятилетия нанес Израилю наиболее ощутимый ущерб и в оперативном, и в политическом плане, была «Хезболла». И Даган считал Мугние главной движущей силой, несущей ответственность за достижения организации^[1480]. «Мугние, – говорил он, – это комбинация начальника Генерального штаба и министра обороны. (Генеральный секретарь) Насралла, возможно, и является политическим лидером “Хезболлы”, но не является военачальником или человеком, который ведет все практические дела с сирийцами и иранцами. В лучшем случае он всего лишь говорит “да”».

Фактически Мугние был в международном розыске, занимая первые строчки в списках наиболее разыскиваемых лиц 42 стран. Десятки государств издали ордера на его арест, а ФБР предлагало вознаграждение в 25 миллионов долларов за информацию, которая обеспечила бы его поимку. В Ливане в 1980-х годах Мугние убил сотни американцев подрывами их автомашин; он же похитил и замучил пытками до смерти нескольких высокопоставленных американских чиновников. «Американцы все хорошо помнят, – говорил Даган. – Они только кажутся либеральными (в Израиле слово

“либеральный” имеет также оттенок “прощающий” или “сострадающий”), но на самом деле далеки от этого».

Проблема состояла в одном – никто не мог найти Мугние. Он был фантомом. Он знал, что западные разведки тратят сумасшедшие деньги, чтобы обнаружить его, поэтому предпринимал такие же сумасшедшие усилия для того, чтобы избежать поимки. Использовал фальшивые документы даже в Ливане, ограничивал контакты с людьми узким кругом членов семьи и доверенных соратников, а также принимал экстраординарные меры для защиты своих линий связи.

В июле 2004 года, после того как командующий «Хезболлой» Галеб Авали был убит, когда взорвался его «мерседес», организация создала памятный фильм о нем, который показывали на внутренних мероприятиях «Хезболлы». «Моссад» добыл копию этого фильма, и в декабре он был показан группе экспертов подразделения 8200 и «Моссада». Всю ночь сотрудники этих ведомств смотрели и пересматривали кадры из фильма в надежде найти дополнительные детали об этой неуловимой группе людей.

Уже поздно ночью, когда все участники того просмотра сидели в зале в штаб-квартире «Моссада», буквально приклеившись к экрану глазами, один из офицеров подразделения 8200 вдруг закричал: «Это он! Это Морис!»^[1481]

«Морис» была кодовая кличка Мугние.

На экране был виден Хасан Насралла в коричневой одежде шиитского проповедника и черном тюрбане, смотрящий на огромный монитор компьютера с отображенной на нем картой. Напротив него стоял мужчина, лицо которого в основном оставалось в тени и показывалось лишь на несколько секунд, когда он двигался: с бородой, в очках, камуфляжной форме и военной бейсболке. Он показывал Насралле на разные точки на карте. Этим человеком был Имад Мугние.

Израильские спецслужбы получили хоть какую-то зацепку. В последующие дни появилось много идей, включая поиски оператора видеофильма и его вербовку в качестве агента или создание подставной компании для поставки «Хезболле» компьютеров, подобных тем, которые использовал объект и которые могли бы быть заминированы и подорваны в момент нахождения Имада Мугние рядом.

Даган все эти идеи отверг. «Моссад» еще не был готов к их осуществлению. «Не беспокойтесь, – сказал Даган своим людям, – его день придет».

Прорыв произошел благодаря упорству и изобретательности Аарона Зееви-Фаркаша, шефа военной разведки АМАН. Бывший руководитель подразделения 8200 настойчиво подгонял подчиненных с разработкой новых методов проникновения SIGINT в стан противника. АМАН под руководством Зееви-Фаркаша и «Моссад» со стоящим во главе организации Даганом вместе создали новую оперативную систему под названием HUGINT (комбинация из обозначений HUMINT и SIGINT) – иными словами, методику использования агентов «Моссада» для расширения возможностей подразделения 8200 по перехвату вражеских сообщений, и наоборот.

Одним из создателей системы HUGINT был Йоси Коэн (директор «Моссада» в период написания этой книги), у которого среди его коллег было прозвище Модель из-за внимания, которое он уделял своей внешности и одежде. В 2002 году Коэн был назначен начальником отдела специальных операций «Перекресток» – основного подразделения «Моссада» по вербовке агентов. Коэн считался одним из самых блестящих вербовщиков в истории разведки, человеком, который в кои-то веки умудрился проникнуть в «Хезболлу» и Корпус стражей исламской революции и завербовать агентов из числа членов этих организаций. Под легендой бизнесмена – гражданина различных европейских стран – он смог использовать свои обширные знания и понимание человеческой природы для того, чтобы включить в агентурную сеть многочисленных информаторов, одновременно совершенствуя методику HUGINT. В признание этих заслуг Коэн был удостоен Премии за вклад в дело обеспечения безопасности Израиля – высшей награды страны за достижения в области обороны.

В 2004 году Даган сделал Коэна руководителем иранского направления «Моссада». Благодаря агентам Коэна и системе HUGINT, подразделению 8200 удалось «расколоть» часть сети правительственной связи Ирана, что позволило Израилю глубже проникнуть в коммуникации между руководителями Радикального фронта. Это, в свою очередь, дало больше информации о Мугни: больше зацепок, больше перехваченных телефонных разговоров и

электронных сообщений, больше агентов, которые слышали или видели что-то имевшее отношение к главнокомандующему «Хезболлы»^[1482].

Как в конечном счете установили израильтяне, этот видный член руководства Радикального фронта предпочитал созывать совещания организации в Дамаске, где представители различных входящих во фронт сил чувствовали себя в безопасности под прикрытием сирийских спецслужб. После победы «Хезболлы», одержанной над Израилем в 2006 году, Мугние был уверен в том, что израильтяне серьезно активизируют усилия по ликвидации его самого и Насраллы. Поэтому окружил генерального секретаря плотным кольцом лучших телохранителей и убедил его не показываться на публике или в прямом эфире на телевидении, а также как можно больше находиться в командном бункере «Хезболлы», упрятанном глубоко под землю в бейрутском квартале Дахия.

Сам же Мугние из Бейрута переместился в Дамаск^[1483], как по соображениям безопасности – он чувствовал себя в большей безопасности в городе, находящемся под плотным контролем сирийских спецслужб, которые считались сильными и профессиональными, так и по деловым интересам – большая часть бизнеса Мугние осуществлялась в сирийской столице.

Хотя защита со стороны «теневого» Сулеймана была очень надежной, «Мугние не стал менее осторожным и в Дамаске», как говорил Даган. Только узкий круг близких к нему людей знал о его перемещении в Дамаск. Еще меньше доверенных лиц знали, где живет Мугние, как он передвигается по городу и какое имя вписано в его фальшивый паспорт.

И тем не менее Израилю удалось внедрить своего агента в этот узкий круг. «Именно в Дамаске мы узнали о Мугние больше, чем знали о нем в Бейруте», – вспоминал Даган.

Однако Дамаск оставался столицей «целевого» государства и, наряду с Тегераном, считался одним из наиболее опасных мест для действий «Моссада»^[1484]. Было ясно, что многочисленные приезды в страну и отъезды из нее оперативников службы внешней разведки, необходимые для того, чтобы спланировать и подготовить операцию, вызовут к ним излишнее внимание независимо от их прикрытия. На этот раз, учитывая исключительно секретный характер собираемой

информации, Даган решил не использовать в качестве источников арабов.

Таким образом, Даган еще раз принял решение нарушить давнишнее и железное правило «Моссада» – обратился к помощи другой страны в осуществлении политического убийства^[1485]. Он сам напросился на очередную встречу с Хейденом.

Однако в соответствии с приказом 12 333 ЦРУ запрещено проведение операций поддержки. Хотя в руководстве обеих стран считали, что убивать людей позволительно, юридические подходы в США и Израиле различались. Обычно Америка не принимала участие в ликвидации кого бы то ни было в стране, с которой она не воевала или не имела военного конфликта^[1486].

В конечном счете юристы из ЦРУ все же нашли решение, в соответствии с которым будет законным нанесение удара по Мугние в Сирии^[1487]. Это решение базировалось на принципе самообороны и учитывало то, что Мугние направлял своих людей из Сирии в Ирак и подстрекал шиитских боевиков к осуществлению террористических атак против американских военных.

После этого президент Буш удовлетворил просьбу Дагана об американской помощи^[1488], но с условием, что она должна храниться в секрете, будет ликвидирован только Мугние и американцы не будут участвовать непосредственно в убийстве^[1489]. (Даже спустя годы после этого события Хейден отказывается говорить что-либо об американском участии в нем.)

В то время Соединенные Штаты еще располагали в Дамаске активно действующим посольством, а американские бизнесмены могли въезжать в Сирию и выезжать из нее сравнительно свободно. Это позволило ЦРУ при содействии АНБ направить своих людей в Сирию и задействовать в операции свою агентуру.

Как сказал один из руководителей этой операции: «Это была гигантская акция, в которой принимали участие разные силы и на которую были выделены разными странами огромные ресурсы. Насколько мне известно, крупнейшие из когда-либо выделявшихся для ликвидации одного человека»^[1490].

С помощью американцев в конце концов удалось установить местонахождение Мугние. Было обнаружено, что он часто встречался со своими партнерами по Радикальному фронту в помещениях,

принадлежавших спецслужбам: в офисах, строго охраняемых полицейскими и солдатами, и на конспиративных квартирах под охраной сотрудников спецслужб в штатском. Выяснилось также, что Мугние регулярно посещал трех миловидных местных женщин, которые были приставлены к нему Сулейманом для отдыха и развлечений.

Никогда во время этих визитов Мугние не пользовался услугами своих телохранителей, что давало шансы на наблюдение за ним и открывало оперативные возможности для вражеских спецслужб в местах, которые он не контролировал. Это были «серьезные контрразведывательные ошибки Мугние», как выразился один из руководителей операции. «В конце концов, после стольких лет даже самые осторожные люди преисполняются уверенности, что с ними ничего не может случиться»^[1491].

Однако проведение операции в любом из этих мест серьезно осложнит для израильтян соблюдение обещания, данного американцам, о том, что во время удара по Мугние не пострадает никто, кроме него самого. Не говоря уж о тех громадных рисках, которым подвергнутся непосредственные исполнители акции.

Сотрудники «Моссада», разрабатывавшие операцию, выдвинули ряд идей, все из которых были отвергнуты. Была только одна реальная возможность: нанести удар по Мугние во время его передвижения между пунктами назначения. Однако здесь имелись серьезные трудности. Было непонятно, как оперативники могли бы следовать за Мугние, чтобы убить его, когда он ехал на машине или шел пешком, поскольку он был постоянно окружен телохранителями и использовал разные маршруты и графики движения, которые «Моссад» не мог предугадать заранее. Было неясно также, как оперативные работники смогли бы исчезнуть с места операции до перекрытия аэропортов и морских гаваней.

Обсуждение операции продолжалось из месяца в месяц, а Даган все отвергал один план за другим. И вот в ноябре 2007 года руководитель оперативно-технического управления службы внешней разведки под псевдонимом Щелкунчик пришел в кабинет к Дагану с предложением уничтожить Мугние с помощью дистанционного взрывного устройства^[1492]. Эта бомба якобы уничтожит только Мугние, не нанесет никакого сопутствующего ущерба и оставит оперативникам-

исполнителям достаточно времени для того, чтобы покинуть зону проведения операции. Даган сказал, что готов дать плану «зеленый свет», хотя и считал, что шансы на его осуществление весьма призрачны.

Исходным пунктом плана Щелкунчика было осознание того, что организовать преследование Мугние по Дамаску практически невозможно. Вместо этого необходимо было найти способ поместить взрывное устройство во что-то, что постоянно физически находится рядом с целью. Одним из вариантов мог быть мобильный телефон, подобный тому, который убил Яхью «Инженера» в 1995 году, но эта возможность исключалась в связи с тем, что Мугние менял свои телефоны очень часто. Другим предметом, который он регулярно использовал, был его автомобиль, в то время – люксовый серебристый джип «мицубиси паджеро».

В «Моссаде» знали, что сам Мугние и его телохранители часто осматривали салон и днище автомашины на предмет проверки, нет ли там посторонних вещей. Но было одно место, куда они никогда не заглядывали, – кожух для запасного колеса, закрепленный на задней стенке машины. С помощью американцев в Сирию были контрабандой ввезены части сложного взрывного устройства, а также кожух запасного колеса, идентичный имевшемуся на «мицубиси» Мугние.

Спустя месяцы приготовлений и тщательного наблюдения в январе 2008 года оперативники «Моссада» сумели подобраться к машине Мугние в то время, когда он наносил вечерний визит одной из своих любовниц. Они вынули запасное колесо и заменили кожух, разместив внутри него бомбу. Они также вмонтировали в корпус машины миниатюрные камеры и передатчик, чтобы оперативники в Дамаске могли в режиме реального времени видеть то, что происходит вокруг автомобиля.

Специалисты-взрывники «Моссада» гарантировали, что если бомба будет подорвана в тот момент, когда Мугние будет садиться в машину, он будет убит. Для того чтобы быть полностью уверенными в этом, они предложили взорвать бомбу тогда, когда машина будет стоять рядом с другими автомобилями, чтобы усилить действие взрывной волны^[1493].

Однако этого было недостаточно. Верный своим обязательствам перед Бушем, Ольмерт вызвал к себе Щелкунчика, отвечавшего за

оперативно-техническое обеспечение операции, и I., который был руководителем всей охоты на Мориса, и потребовал, чтобы «Моссад» дал гарантию того, что в результате взрыва погибнет только Мугние (иными словами, чтобы рядом с Мугние никто не находился бы и чтобы взрыв был направлен только против него). Американцы настаивали на проведении пробных взрывов, чтобы убедиться, что «Моссад» располагает такими возможностями.

В течение долгих шести недель оперативная группа следовала за Мугние по пятам, докладывая информацию в специальный ситуационный центр, который был отделен от здания «Моссада» и в который имел доступ очень ограниченный круг людей. Снова и снова – всего 32 раза – складывались ситуации, в которых проведение операции становилось возможным, но каждый раз она по каким-то причинам приостанавливалась^[1494]. То Мугние находился в сопровождении других лиц, то кто-то просто оказывался рядом с ним, то он садился в машину слишком быстро – бомба давала максимальный эффект только тогда, когда Мугние был в непосредственной близости от машины.

12 февраля оперативные сотрудники, находившиеся в ситуационном центре, увидели, что Мугние подходит к «мицубиси» вместе с другим человеком. «Смотрите, это Сулеймани», – закричал один из оперативников. Сулеймани, видная фигура в Корпусе стражей исламской революции, опирался на автомашину, стоя очень близко от Мугние. Наблюдателям было понятно по изображению (аудиозаписи не было), что оба ведут себя по отношению друг к другу очень доброжелательно. В ситуационной комнате повисло возбуждение от того, что возникла возможность ликвидировать сразу обоих. Но сначала нужно было получить санкцию. Даган находился у себя дома, в Рош-Пина, оплакивая смерть матери, которая умерла за два дня до этого. Однако I. позвонил ему, а Даган, в свою очередь, позвонил премьер-министру Ольмерту. Последний отказался разрешить проведение операции^[1495]. Обещание, данное президенту США, было однозначным – убить Мугние, и только его одного.

В тот же вечер, около 20:30, Мугние прибыл на конспиративную квартиру в пригороде Дамаска Кафр-Суса. Она располагалась всего в сотне-другой метров от центрального здания сирийской разведки. Мугние встретился на совещании с двумя помощниками генерала

Сулеймана и двумя командирами «Хезболлы». Около 22:45 покинул совещание до его окончания. Вышел из здания, на этот раз в одиночестве, и подошел к своему «мицубиси», стоявшему на парковке. Когда он находился между своей машиной и другим припаркованным рядом автомобилем, собираясь открыть дверь, была отдана команда на подрыв^[1496].

Машина взлетела на воздух. Имад Мугние был убит^[1497].

Сирийцы были шокированы. Высокопоставленный боевик и мастер тактических уловок, который в течение трех десятилетий умудрялся водить за нос разведки и военных Израиля, США и еще сорока других стран, был убит буквально под стенами штаб-квартиры сирийской разведки – взрывом в здании выбило несколько окон.

«Только представьте себе, какой эффект это произвело на сирийцев, – говорил Даган. – Прямо в центре самого охраняемого места в Дамаске. Подумайте о том, что это значило для Асада, что значило для “Хезболлы”, когда они поняли, что не находятся в безопасности даже у себя в Дамаске»^[1498].

«Таким образом вы внушаете противнику, что чужая разведка проникла у него повсюду, она знает все – и о самой организации, и о принимающей стране», – добавил Даган.

Президент Асад осознал масштабы катастрофы и хотел максимально дистанцироваться от события. Он направил соболезнования Насралле, но настоял на том, чтобы в Сирии об этом убийстве не упоминалось. Он даже предложил, чтобы обломки «мицубиси» с положенным в машину телом были под покровом ночи перевезены в Бейрут, чтобы создать видимость, что Мугние погиб там.

Насралла от этого отказался. Он был разгневан на сирийцев за то, что они не уберегли его товарища^[1499]. Некоторые члены «Хезболлы», в том числе жена Мугние, даже ошибочно обвиняли сирийцев в том, что они замешаны в этом убийстве. Асад был вынужден отрицать эти обвинения и вновь и вновь извиняться. Насралла издал приказ о том, чтобы ни один сирийский представитель не был приглашен на похороны Мугние в Бейрут.

Похороны прошли под проливным дождем^[1500]. Шиитская похоронная процессия столкнулась с суннитской, которая хоронила

своего любимого лидера Рафика Харири, убитого по приказу Мугние за три дня до этого. Такова была жизнь в Ливане.

Тысячи участников похорон Мугние пробились в огромный ангар на юге Бейрута, в котором «Хезболла» иногда проводила свои массовые мероприятия. Десятки тысяч людей остались на улице. Гроб с телом Мугние был водружен на подиум, и тысячи скорбящих тянулись, чтобы дотронуться до него и получить благословение его честью и его святостью на его последнем пути. Почетный караул военизированной милиции «Хезболлы» в камуфляже цвета хаки окружал гроб. Рядом со скорбными лицами стояли руководители организации, одетые в черные одеяния. На стенах и в руках участников похорон были тысячи плакатов с последней фотографией Мугние, которую позволили обнародовать только сейчас, после его смерти. Надпись на плакатах гласила «Великий мученик-герой». Толпа выкрикивала скорбные лозунги с призывами к отмщению.

Выполняя наказ погибшего товарища, Насралла остался в своем бункере и не появился на похоронах. Огромные экраны внутри ангара и на улице воспроизводили для присутствующих на похоронах надгробную речь генерального секретаря. Торжественными словами он помянул своего главного командира, «который посвятил свою жизнь идеалам мученичества, но много лет ждал, прежде чем превратиться в мученика самому».

Насралла упомянул убийство своего предшественника, Аббаса Мусави, которое только усилило сопротивление и принесло новые унижения Израилю. «Израильяне не могут постичь, чем явилась кровь шейха Аббаса для “Хезболлы”, тот исключительный эмоциональный и духовный заряд, который она нам дала, – сказал он. – Пусть мир запишет это на скрижалях: я клянусь своей честью, что (с превращением Мугние в шахида) мы должны отметить в истории начало падения государства Израиль».

Толпа ответила: «Мы в твоём распоряжении, о Насралла!»

Насралла закончил угрозами: «Сионисты, вы перешли красную черту^[1501]. Если вы хотите открытой войны – войны, выходящей за границы Израиля и Ливана, – пусть это будет открытая война повсюду».

Насралла и иранцы назначили как минимум четырех человек, которые должны были взять на себя обязанности Мугние. Но открытая

война так и не началась. То же самое разведывательное проникновение, которое позволило израильтянам установить взрывное устройство в автомашине Мугние, дало Израилю возможность предотвратить все спланированные атаки «Хезболлы». Только одна террористическая акция оказалась успешной: подрывник-смертник взорвал себя в переполненном людьми туристическом автобусе в Болгарии, убив шестерых и ранив тридцать израильтян.

После смерти Мугние легенды о нем оказались правдой. «Его оперативные способности были выше, чем способности целой четверки заменивших его людей, вместе взятых»^[1502], – говорил Даган. Отсутствие Мугние оказалось особенно заметным в том, что организация не сумела ответить на это политическое убийство. «Если бы Мугние был здесь, чтобы отомстить за свою смерть, – сказал один офицер военной разведки АМАН, – ситуация, скорее всего, была бы совершенно иной. К счастью для нас, его рядом не было»^[1503].

Менее чем за шесть месяцев генерал Сулейман потерял атомный объект, который он умудрялся держать под покровом тайны в течение пяти лет, и своего близкого соратника и союзника, обманывавшего смерть десятилетиями. Униженный и разъяренный, Сулейман приказал приготовить для атаки по Израилю ракеты SCUD, часть которых была оснащена боеголовками с химическим оружием. Он требовал, чтобы Асад ответил на израильскую агрессию.

Башар отказался. Он понимал ярость своего генерала, но также понимал и то, что открытая атака на Израиль – не говоря уже о химической атаке – не в интересах Сирии. Такое поведение «требовало внутренней дисциплины», как заметил премьер-министр Ольмерт на встрече с лидером республиканского меньшинства в Конгрессе США Джоном Бейнером: «Башар далеко не глуп»^[1504]. Ольмерт как-то сказал своим ближайшим советникам, что «Асад, которого мы все так любим ненавидеть, в своих реакциях демонстрирует умеренность и прагматизм».

Как и Асаду, Ольмерту приходилось умерять пыл своего окружения, многие члены которого были уверены в том, что Асада нужно убить. В конце концов, он же стал союзником террористов и иранцев. «Все эти истории о прогрессивном прозападно настроенном офтальмологе оказались лишь прекрасными мечтами, – сказал как-то высокопоставленный сотрудник военной разведки АМАН. – Мы

имеем дело с лидером-экстремистом. А в отличие от своего отца, он еще и нестабилен и имеет склонность к опасным авантюрам».

Однако Ольмерт отверг эти идеи^[1505]. «Именно с этим человеком, – утверждал он, – может быть достигнуто соглашение о мире».

Сулейман – другое дело. «Сулейман – подонок, обладающий выдающимися способностями организатора и интригана»^[1506], – говорил Ольмерт. Сулейман был человеком номер два в Сирии, кабинеты офиса которого располагались напротив блока помещений Асада в президентском дворце. Как отмечалось в совершенно секретном меморандуме АНБ, «Сулейман играет главенствующую роль в трех сферах: внутрисирийских делах, имеющих отношение к режиму и партии; важнейших военных вопросах; и ливанских делах, через которые он определенно связан с “Хезболлой” и другими силами на ливанской политической арене»^[1507].

Израильтяне понимали, что на этот раз им ни за что не удастся вовлечь в операцию Соединенные Штаты^[1508]. Мугние, который нес ответственность за смерть сотен американцев, – это одно дело. Сирийский генерал, высокопоставленный чиновник суверенного государства был совершенно иной фигурой. И израильтяне начали самостоятельно планировать уничтожение Сулеймана.

После гибели Мугние меры безопасности в Дамаске были значительно усилены, поэтому всякая идея о проведении операции там отвергалась.

Сулеймана тщательно охраняли. Повсюду его сопровождал эскорт из бронированных автомашин, так что возможность использования взрывного устройства тоже отменялась. Меир Даган пришел к заключению, что «Моссаду» в осуществлении операции потребуется помощь^[1509]. Оказалось, что Армия обороны сама горит желанием провести эту акцию. Слава, буквально свалившаяся на «Моссад» после убийства Мугние, разожгла азарт военного руководства взять ликвидацию ключевых фигур противника на себя. Военные утверждали, что «палец на спусковом крючке оружия, из которого будет убит Сулейман, должен принадлежать солдату АОИ, а не оперативнику “Моссада”».

В пятницу 1 августа 2008 года примерно в 16:00 Сулейман раньше обычного закончил рабочий день в президентском дворце и в сопровождении надежного конвоя направился на север. Он ехал в

летнюю резиденцию, которую построил на побережье Средиземного моря неподалеку от портового города Тартуса. Это была просторная вилла с большим патио, вымощенным отполированным камнем, обращенная к морю. В тот вечер Сулейман вместе со своей женой Рахаб пригласил на ужин нескольких местных высокопоставленных чиновников и своих ближайших советников. В доме присутствовали слуги и, конечно, телохранители.

Гости расселись за большим круглым столом, из-за которого открывался величественный вид на закат солнца над морем. Жена Сулеймана расположилась слева от него, начальник его секретариата – справа. Мужчины курили кубинские сигары.

Неожиданно генерал откинулся в своем кресле назад, затем резко склонился вперед и упал головой в тарелку. В черепе у него зияла большая дыра, а фрагменты костей, серого вещества мозга и кровь покрыли платье Рахаб^[1510]. По генералу было произведено шесть выстрелов: сначала в грудь, потом в горло, в центр лба и три раза – в спину. Все пули попали только в Сулеймана. Он умер еще до того, как его голова упала на стол.

Через тридцать секунд два снайпера из флотилии 13, которые стреляли с двух разных позиций, расположенных на песчаном пляже, были уже в скоростной моторной лодке, устремившейся к военному катеру. После себя на пляже они оставили окурки от дешевых сирийских сигарет. Это была часть операции по дезинформации, чтобы придать убийству видимость внутрисирийских разборок.

Пока внутри виллы шел хаотический поиск стрелков, начальник службы безопасности Сулеймана позвонил в президентский дворец, чтобы известить Асада о смерти его ближайшего советника. Шесть пуль с двух направлений, убийц никто не видел. Асад выслушал сообщение и на минуту замолчал. Затем сказал твердо: «Что случилось, то случилось. Это военная тайна высочайшего уровня. Похороните его сейчас, немедленно, и никому ничего не говорите. Это все». Похороны состоялись на следующий день в обстановке строжайшей секретности.

«Это был первый известный случай, когда Израиль уничтожил законного правительственного чиновника», – сделало заключение АНБ^[1511].

Теперь Меир Даган возглавлял совершенно другой «Моссад», не тот, который он унаследовал шесть лет тому назад. Служба внешней разведки Израиля больше не была тем не уверенным в себе ведомством, измученным собственными неудачными и вялыми операциями. «Моссад» Дагана проник в «Хезболлу» и «теневую армию» Сулеймана, разрушил систему передачи оружия и продвинутых технологий между членами Радикального фронта, ликвидировал ряд активистов фронта и даже уничтожил Имада Мугние, остававшегося неуловимым на протяжении стольких лет.

Даган также разработал план по сдерживанию иранских ядерных амбиций, который до сих пор доказывает свою эффективность. Это была политика, основывавшаяся на пяти краеугольных камнях: сильное международное давление; экономические санкции; поддержка иранских национальных меньшинств и оппозиционных групп в их усилиях по свержению существующего режима; создание помех приобретению оборудования и сырья для ядерной программы; и, наконец, тайные операции, включая диверсии на объектах и «целевые» убийства ключевых фигур, связанных с проектом.

Идея, стоявшая за всеми этими объединенными усилиями («серией целевых операций, направленных на изменение реальности», как говорил Даган), заключалась в том, чтобы максимально задержать реализацию проекта – настолько, что, когда Иран будет в состоянии изготовить атомную бомбу, либо экономические санкции вызовут глубокий экономический кризис, который заставит иранских лидеров отказаться от проекта, либо оппозиционные силы окрепнут настолько, чтобы сбросить правительство.

В поддержку этих усилий, наконец, было оформлено создание системы четырехстороннего взаимодействия между ЦРУ, АНБ, «Моссадом» и АМАН путем подписания Бушем и Ольмертом Пакта о сотрудничестве, который включал в себя взаимное открытие источников и методов («полный стриптиз», как выразился один из помощников премьер-министра^[1512]).

Американские спецслужбы и Министерство финансов совместно с подразделением «Копье» «Моссада» запустили комплексную программу экономических мер, призванных помешать иранской ядерной программе^[1513]. Обе страны также занялись идентификацией иранских закупок по проекту, особенно тех составляющих, которые

Иран не мог производить самостоятельно, а также срывом поставок этого оборудования в места назначения. Эта система существовала многие годы, от периода администрации Буша до периода администрации Обамы.

Но иранцы оказались упрямыми. В июне 2009 года «Моссад» совместно с американскими и французскими разведывательными службами установил, что Иран построил другой объект по обогащению урана, на этот раз в Куме. Спустя три месяца президент Обама публично выступил с резким осуждением этих действий Ирана, и экономические санкции были еще больше ужесточены. На тайном фронте совместные диверсионные операции вызвали ряд серьезных неполадок и сбоев в оборудовании, уже поставленном для атомного проекта, – компьютеры переставали работать, трансформаторы сгорали, центрифуги просто неправильно вращались. В самой крупной и значимой совместной операции американцев и израильтян против иранцев, имевшей кодовое название «Олимпийские игры», были использованы компьютерные вирусы (один из которых стал известен под названием Stuxnet), которые нанесли существенный ущерб приборам и оборудованию, использовавшимся для обогащения урана^[1514].

Последний компонент плана Дагана – «целевые» убийства ученых^[1515] – осуществлялся самим «Моссадом», так как Даган был уверен, что Соединенные Штаты никогда не согласятся к нему присоединиться. «Моссад» составил список из 15 ключевых ученых, в основном членов так называемой оружейной группы, которая отвечала за разработку взрывного устройства атомной бомбы, в качестве целей для уничтожения.

14 января 2007 года Ардешир Хоссейнпур, 44-летний ученый-атомщик, работавший на ядерном объекте в Исфагане, умер при таинственных обстоятельствах. В официальном сообщении о его смерти было указано, что он умер в результате «асфикции, последовавшей за утечкой газа». Однако иранская разведка убеждена, что он стал жертвой израильтян.

12 января 2010 года в 8:10 Масуд Алимохаммади вышел из своего дома в богатом северном предместье Тегерана и пошел к машине^[1516]. В 1992 году он защитил докторскую диссертацию по физике элементарных частиц в Шарифском технологическом университете и

был приглашен туда старшим преподавателем. Позже вошел в атомный проект, в котором занял место одного из основных исследователей. Когда он открыл дверцу машины, взорвался начиненный взрывчаткой мотоцикл, стоявший рядом. В результате взрыва Алимохаммади погиб.

Убийства ученых – людей, работающих в качестве государственных служащих в суверенных государствах, – вызвали острые дискуссии внутри «Моссада»^[1517]. На одном из оперативных совещаний у Дагана, где обсуждался вопрос об одобрении очередной операции, встала женщина-аналитик, работавшая у заместителя директора Тамира Пардо, и сказала, что ее отец является известным ученым, участвующим в израильской атомной программе. «Если мыслить категориями, которые превалируют здесь, – сказала она, – мой отец мог бы быть законной целью для ликвидации. Я считаю, что это аморально и незаконно». Однако все подобные возражения были отвергнуты.

Со своей стороны, иранцы поняли, что кто-то систематически убивает их ученых^[1518], и стали тщательно их охранять, особенно руководителя «оружейной группы» Мохсена Фахризаде, который считался «мозгом проекта». Иранские спецслужбы разместили вокруг домов ученых мобильные полицейские посты на машинах, превратив их жизнь в кошмар и вызвав у самих исследователей и членов их семей глубокую обеспокоенность.

Серия успешных операций израильтян имела и еще один дополнительный эффект, который сам Израиль не инициировал, но который оказался для него очень выгодным. В каждой организации, входившей в Радикальный фронт, начали опасаться, что враг проник в их ряды, и стали уделять огромное внимание вскрытию возможных каналов утечки информации и защите своих активистов от «Моссада». У иранцев возникли близкие к параноидальным подозрения, что все оборудование и материалы, приобретенные для атомного проекта на черном рынке за огромные деньги, были инфицированы, поэтому они постоянно их обследовали и переобследовали. Эти усилия иранцев в значительной степени замедлили реализацию разных частей атомного проекта и даже привели к приостановке некоторых его программ^[1519].

«Моссад» Дагана снова стал легендарным «Моссадом», той разведывательной службой, которую боялись или которой восхищались, но никогда не игнорировали. Личный состав разведки

гордился службой в ней. Даган привнес в работу «Моссада» смелость, которая могла бы быть даже принята за браваду, если бы не была так глубоко и по-настоящему эффективна.

Великолепный тактический успех, чудовищный стратегический провал

Махмуд аль-Мабхух вошел в лобби гостиницы Al-Bustan Rotana Hotel около 20:30. Он был одним из многочисленных гостей отеля, которые постоянно входили и выходили из него. Как и все они, он был зафиксирован одной из камер видеонаблюдения, установленных над входом в гостиницу. У него были черные, слегка редящие волосы и пышные черные усы. На нем была черная рубашка и чуть великоватое ему пальто. Этот вечер в Дубае был сравнительно прохладным, хотя обычно здесь очень тепло.

Мабхух находился в Дубае меньше шести часов, но уже встретился с банкиром, который помогал ему осуществить различные международные транзакции, необходимые для приобретения аппаратуры наблюдения в интересах ХАМАС в Газе. Он также увиделся со своими постоянными контрагентами из Корпуса стражей исламской революции, прилетевшими в Эмираты для координации поставок двух больших партий оружия экстремистской исламской организации.

У аль-Мабхуха в Дубае было много дел. Он прилетел в этот небольшой город-государство 19 января 2010 года по меньшей мере в пятый раз за год. Мабхух пользовался палестинским паспортом – Дубай был одним из немногих государств, которые признавали паспорта, выданные Палестинской национальной администрацией, – в котором фигурировало вымышленное имя и занятие. На самом деле Мабхух на протяжении десятилетий был одним из видных руководителей вооруженного крыла ХАМАС. Двадцать лет тому назад он похитил и убил двух израильских солдат, а в последнее время, после того как его предшественник Изз аль-Дин аль-Шейх Халиль был ликвидирован «Моссадом» в Дамаске, руководил снабжением ХАМАС оружием.

В одном-двух шагах позади Мабхуха появился человек с мобильным телефоном; он зашел в лифт вместе с палестинцем. «Подъезжаю», –

тихо произнес мужчина в микрофон. Не было ничего необычного в том, что турист в Дубае сообщает своему приятелю о том, что скоро будет.

Аль-Мабхух был по своей природе чрезвычайно осторожным человеком^[1520]. Он знал, что израильтяне хотят убить его. «Приходится постоянно быть начеку, – рассказывал он в интервью телеканалу «Аль-Джазира» весной годом ранее. – А меня, слава Аллаху, они прозвали “лисой”, потому что чувствую не только то, что происходит позади меня, но и что происходит вот за этой стеной. Слава Аллаху, я обладаю высокоразвитым чувством безопасности. Но мы знаем цену нашего пути и ничего не боимся. Я надеюсь, что умру смертью мученика».

Лифт остановился на втором этаже. Аль-Мабхух вышел из кабины. Человек с телефоном остался в лифте, поехав вверх. Определенно турист.

Аль-Мабхух повернул налево и пошел по направлению к своему номеру 230. Коридор был пуст. По привычке Мабхух быстро осмотрел дверную коробку и замок, пытаясь найти возможные зазубринки, царапины и другие следы взлома. Ничего не было.

Он вошел в номер и закрыл за собой дверь.

Вдруг услышал какой-то шум и повернулся посмотреть, что это было.

Слишком поздно.

План по ликвидации Махмуда аль-Мабхуха был утвержден за четыре дня до этого, 15 января, в ходе спешно созванного совещания, которое проходило в большом конференц-зале, расположенном рядом с кабинетом Дагана. Непосредственно перед этим израильская военная разведка осуществила хакерскую атаку на сервер с электронной почтой Мабхуха и узнала, что он зарезервировал билет из Дамаска в Дубай на 19 января.

На совещании присутствовало около пятнадцати человек, расположившихся за длинным столом, в числе которых были представители аналитического, оперативно-технического и логистического подразделений «Моссада». Вторым по положению после Дагана из присутствовавших на совещании был человек с псевдонимом Холидей, руководитель «Кесарии». Плотного сложения и лысый, Холидей сам возложил на себя обязанности руководителя операции под кодовым названием «Плазменный экран».

Аль-Мабхух давно числился в израильских списках на уничтожение. Год назад ситуация в секторе Газа настолько осложнилась, что 27 декабря 2008 года Израиль начал операцию «Литой свинец» (Cast Lead), масштабную атаку на ХАМАС, чтобы заставить его прекратить сыпать на израильские поселения ракеты. ХАМАС смог организовать эти обстрелы в том числе благодаря системе приобретения и транспортировки оружия, которую создал аль-Мабхух, а также поддержке, которую организация получала от Корпуса стражей исламской революции.

В последние годы качество разведывательной информации, добываемой Израилем по ХАМАС, значительно повысилось, и операция началась с массированных бомбардировок под кодовым названием «Хищные птицы», нацеленных на шахты, где были укрыты ракеты ХАМАС. «Моссад» установил, что сеть, руководимая аль-Мабхухом, смогла существенно пополнить арсеналы организации. Оружие доставлялось морем из Ирана в Порт-Судан на Красном море, а затем контрабандой транспортировалось через Египет и Синай в сектор Газа по многочисленным тоннелям, которые строились для того, чтобы избежать египетских военных патрулей и пограничников. «Моссад» держал под контролем морские пути экстремистов и выжидал моменты, когда оружие покидало Порт-Судан на грузовиках. В январе 2009 года израильские ВВС предприняли четыре дальних рейда и уничтожили транспортные конвои и сопровождавших их людей.

«Эти действия нанесли большой урон путям контрабандных поставок оружия Ирана ХАМАС, – рассказывал Даган. – Это был не разгромный удар и не абсолютная победа, но существенное сокращение поставок».

По какой-то причине в тот день аль-Мабхух не сопровождал транспорты с оружием, а выехал из Судана другим путем. Для того чтобы «исправить» это, Даган испросил у Ольмерта и получил его санкцию на «негативное обращение» с аль-Мабхухом. Когда в марте 2009 года Биньямин Нетаньяху занял пост премьера после Ольмерта, он возобновил эту санкцию.

Дубай был самым удобным местом для ликвидации аль-Мабхуха. Другие города и страны, где он подолгу находился, – Тегеран, Дамаск, Судан и Китай, – обладали сильными службами безопасности и

представляли для исполнителей операции из «Моссада» гораздо большую проблему. Дубай же буквально кишел туристами и бизнесменами и, как полагали в «Моссаде», имел гораздо более слабую полицию и службы безопасности. И хотя Дубай оставался «целевой» страной, официально враждебной Израилю, к тому моменту «Моссаду» уже удалось убить человека в центре Дамаска и сирийского генерала на его вилле. По сравнению с этим активист ХАМАС в туристическом Дубае будет гораздо более простой целью.

Тем не менее операция предполагала задействование большого отряда исполнителей, разделенного на маленькие группы, которые будут в состоянии установить цель после ее прибытия в Дубай и прочно держать аль-Мабхуха под наблюдением, пока ударная группа не ликвидирует его в номере отеля, обставив дело так, что смерть хамасовца будет выглядеть естественной. Потом оперативникам необходимо будет уничтожить все улики и покинуть страну до того, как тело аль-Мабхуха обнаружат. Так было предусмотрено на случай, если все же откроется неестественный характер смерти.

Не все в Израиле считали, что аль-Мабхух является столь важной фигурой, что оправдывает такие усилия и затраты на ее ликвидацию. Некоторые даже говорили Дагану, что в данном случае не выполняются базовые требования, необходимые для принятия решения о «негативном обращении». Все в «Моссаде» соглашались с тем, что аль-Мабхух заслуживает смерти, но для того, чтобы осуществлять операцию по его устранению в «целевом» государстве, он должен был представлять более серьезную угрозу для Израиля, а его ликвидация должна была произвести глубокий эффект, подрывающий равновесие в стане противника. По правде говоря, аль-Мабхух этим критериям не соответствовал. Но после всех достигнутых ранее успехов Даган и другие руководители «Моссада» были так уверены в себе, что пошли на эту операцию, несмотря ни на что.

Оперативники «Кесарии» в первый раз установили слежку за аль-Мабхухом в Дубае еще в июле 2009 года. Тогда они не преследовали цель убить его, а хотели изучить его перемещения и, главное, убедиться, что это их объект. Четыре месяца спустя, в ноябре того же года, команда «Плазменного экрана» снова вылетела в Дубай, на этот раз чтобы ликвидировать аль-Мабхуха. Они отравили напиток,

который он взял с собой в номер. Но то ли оперативники не рассчитали дозу, то ли объект не выпил напиток целиком, но он только потерял сознание. Когда пришел в себя, прервал пребывание в Дубае и вернулся в Дамаск, где врачи определили его недомогание обострением мононуклеоза. Аль-Мабхух нормально воспринял этот диагноз и не заподозрил, что на него была совершена попытка покушения.

Такое развитие событий вызвало в «Моссаде» глубокое разочарование. Ведь были затрачены такие усилия и ресурсы, а акция так и не была завершена. Холидей убеждал, что больше ошибок не будет. Ударная группа исполнителей не покинет Дубай, пока не увидит, что аль-Мабхух мертв.

На совещании, состоявшемся 15 января в том же конференц-зале рядом с кабинетом Дагана, возникло препятствие. Отделу документации будет трудно изготовить надежные новые паспорта с фиктивными данными на весь отряд. В Дубай собиралось выехать более двух десятков человек, и некоторые из них будут въезжать в страну по тем же документам, личным данным и легендам в третий раз за шесть месяцев. В более сложные для «Моссада» времена, когда им руководил Галеви, операция была бы отменена только по этой причине. Но Даган и Холидей решили пойти на риск. Они посылают команду с теми же документами.

Холидей не ожидал никаких проблем. Обнаружение тела может вызвать какие-то подозрения и повлечь за собой расследование, признавал он, но это случится намного позже возвращения группы в Израиль. Для возможной разработки полицией не будет оставлено никаких улик. Никаких следов, указывающих на «Моссад», не найдут. Никто из группы не будет захвачен. Вся история скоро забудется.

Даган продиктовал окончательный вердикт своему главному помощнику: «Операция “Плазменный экран” санкционируется к проведению»^[1521]. А когда все участники совещания вышли, он добавил своим низким голосом: «Удачи всем».

Первые три исполнителя операции «Плазменный экран» приземлились в Дубае в 6:45 18 января. В течение последующих девятнадцати часов прибыли еще как минимум 27 членов группы рейсами из Цюриха, Рима, Парижа и Франкфурта. У двенадцати из них были паспорта Великобритании, у шести – Ирландии, у четырех –

Франции, еще у четырех – Австралии и у одного – Германии. Все паспорта были настоящими, но не принадлежащими используемым их лицам^[1522]. Некоторые были «позаимствованы» у настоящих владельцев, резидентов Израиля с двойным гражданством, некоторые выписаны на фальшивые имена, некоторые украдены, некоторые принадлежали умершим.

В 2:09 19 января прибыли «Гайл Фолляр» и «Кевин Даверон». Это был мозговой центр отряда – они командовали членами группы, занимавшимися связью, охраной и наблюдением. Пара заселилась в разные номера в отель Jumeirah. Заплатили наличными, хотя большинство других входящих в группу оперативников использовали дебетовые карты компании Рауонеег, генеральный директор которой был ветераном спецназа Армии обороны Израиля.

Дежуривший на ресепшене Шри Рахаю принял у них деньги и дал «Фолляру» номер 1102, а «Даверону» – номер 3308. Перед сном «Фолляр» заказал в номер легкий ужин, «Даверон» выпил прохладительный напиток из мини-бара^[1523].

«Питер Элвинджер», руководитель отряда, прибыл в аэропорт Дубая через 21 минуту после «Фолляра» и «Даверона». У него был французский паспорт. После прохождения паспортного контроля «Элвинджер» применил маневр против наружного наблюдения (*maslul* на иврите), выйдя из ворот терминала и затем вернувшись назад для назначенной заранее встречи с еще одним членом группы, прибывшим в аэропорт ранее на автомашине. Все члены ударной группы в качестве стандартного приема использовали *maslul*, часто меняли одежду и средства маскировки, например парики и усы. Это делалось для того, чтобы убедиться, что за данным оперативником слежки нет, и позволить членам группы менять документы и личные данные по ходу операции.

«Элвинджер» и человек, с которым он вступил в контакт, проговорили около минуты, прежде чем старший группы взял такси и поехал в отель.

К полудню вся команда напряженно ждала прибытия аль-Мабхуха. Ожидалось, что он прилетит в три часа пополудни, другими сведениями группа не располагала. Члены «Плазменного экрана» не знали, где остановится аль-Мабхух, когда и где состоятся у него встречи и как он будет передвигаться по городу. Группа, которая,

разумеется, не могла перекрыть весь город, вполне могла потерять его, и планировать заранее, как оперативники могли бы приблизиться к нему для совершения убийства, было невозможно. «Это такая операция, – говорил один из членов группы, – в ходе которой сама цель диктует нам, как и где она будет ликвидирована»^[1524].

Некоторые члены отряда были направлены в три отеля, в которых аль-Мабхух останавливался в предыдущие приезды. Основная группа наблюдения находилась в аэропорту, проводя время за казавшимися посторонним пустыми телефонными разговорами. Остальные семь оперативников ждали вместе с «Элвинджером» в другом отеле.

Аль-Мабхух прибыл в 15:35. Наблюдатели проводили его до гостиницы Al-Bustan Rotana Hotel, и оперативникам, ожидавшим в других отелях, был послан сигнал сняться со своих постов. Члены оперативного отряда использовали мобильные телефоны, однако во избежание прямой связи между ними они набирали номер в Австрии, где установленный заранее автоматический коммутатор переключал их звонок либо на другой номер в Дубае, либо на командный пункт в Израиле.

Оперативники, которые уже находились в лобби отеля Al-Bustan Rotana, были одеты в теннисную форму и имели при себе ракетки, хотя и без обычных чехлов, что было довольно странно. После того как аль-Мабхух получил ключи от своего номера, двое из них прошли в лифт за ним. Когда аль-Мабхух вышел на втором этаже, они последовали за ним на безопасном расстоянии и выяснили, что он остановился в номере 230. Один из наблюдателей сообщил об этом по мобильному телефону, используя австрийский номер. Затем оба вернулись в лобби отеля.

Когда «Элвинджер» узнал номер комнаты аль-Мабхуха, он сделал два телефонных звонка. Первый из них – в гостиницу Al-Bustan Rotana, чтобы забронировать себе номер. Он попросил комнату 237, которая располагалась прямо напротив номера 230. Затем позвонил в службу бронирования авиакомпании и заказал себе билет на рейс до Мюнхена через Катар на тот же вечер.

Вскоре после 16:00 аль-Мабхух покинул отель. Группа наружного наблюдения отметила, что он применял меры предосторожности, используя собственные маневры *maslul*. И у него были все основания для этого: почти все его товарищи по ХАМАС с конца 1980-х годов

умерли не своей смертью. Однако приемы проверки аль-Мабхуха были простыми и бесхитростными, так что группе не составило особого труда продолжать незаметное наблюдение за ним.

«Кевин Даверон» ждал в лобби отеля Al-Bustan Rotana «Элвинджера», который появился в 16:25 и, без единого слова вручив «Даверону» чемодан, отошел к стойке портье. Камера наблюдения четко поймала в объектив его красный паспорт одного из государств ЕС. Получив номер 237, он, опять же не говоря ни слова, передал ключ «Даверону» и вышел из отеля.

Спустя два часа в гостиницу двумя парами вошли четверо мужчин. Все были в бейсболках, которые скрывали их лица. Они несли две большие сумки. Трое из них были исполнителями из «Кесарии». Четвертый был специалистом по замкам. Они прошли прямо к лифтам, затем поднялись к номеру 237. Час спустя, в 19:43, наблюдатели в лобби были сменены свежими людьми. Через четыре часа после появления в гостинице мнимые теннисисты покинули отель.

В 22:00 группа, ведшая наблюдение за аль-Мабхухом, доложила, что он направился в отель. «Даверон» и «Фолляр» следили за коридором, в то время как специалист по замкам начал возиться с дверью в номер 230. Идея состояла в том, чтобы перепрограммировать замок так, чтобы имевшийся у «Моссада» мастер-ключ смог бы открыть дверь, не будучи при этом зафиксированным, и не нарушить нормальную работу карточки аль-Мабхуха. Из лифта вышел какой-то турист, но «Даверон» быстро отвлек его малозначительным разговором. Турист ничего не видел, замок был открыт, и группа вошла в номер.

Они начали ждать.

Аль-Мабхух попытался выбежать назад в коридор, но его схватили две пары сильных рук. Третий человек обхватил его одной рукой за шею, а другой приставил к ней ультразвуковой аппарат, похожий на те, с помощью которых осуществляются неинвазивные инъекции, при которых не прокалывается кожа. В аппарате находился хлорид суksamетония, анестезирующий препарат, известный под коммерческим названием Scoline и использующийся в комбинации с другими препаратами в хирургии. При применении отдельно это вещество вызывает паралич мышц. Поскольку часто при этом возникает паралич органов дыхания, Scoline может привести к асфиксии.

Мужчины продолжали крепко удерживать аль-Мабхуха, пока он не перестал сопротивляться. Когда паралич охватил все его тело, они опустили аль-Мабхуха на пол. Араб находился в полном сознании, все понимал, все видел и слышал. Просто не мог пошевелиться. В уголках рта у него выступила пена. Он захрипел.

Трое мужчин безучастно смотрели на него, по-прежнему придерживая его руки, просто на всякий случай.

Это было последнее, что увидел аль-Мабхух.

Исполнители пощупали его пульс в двух местах, как учил их врач в «Моссаде», чтобы удостовериться, что на этот раз их объект был мертв. Сняли с него туфли, рубашку и брюки, аккуратно разместили в шкафу и положили тело на кровать под покрывало.

Весь эпизод занял 20 минут. Используя разработанную для подобных случаев в «Моссаде» специальную технику, группа закрыла дверь так, чтобы казалось, что она закрыта изнутри. При этом была закрыта и цепочка. Они повесили на ручку табличку «Просьба не беспокоить», дважды постучали в дверь номера 237 (это был условный сигнал о выполнении задания) и исчезли в лифте.

«Фолляр» вышел из отеля минутой спустя, а «Даверон» – через четыре минуты. В течение четырех часов большинство членов группы покинули Дубай, а спустя двадцать четыре часа ни одного из них в городе не осталось.

В Тель-Авиве царил дух удовлетворенности, та атмосфера, которую позже описывали как «эйфорию от исторического успеха». Все участвовавшие в операции – Меир Даган, Холидей и ударная группа – были уверены, что на высоком уровне осуществили еще одну сложную миссию. Даган доложил об убийстве Нетаньяху. «Аль-Мабхух, – сказал он, – больше не будет нас беспокоить».

Служба безопасности отеля обнаружила тело во второй половине следующего дня, после того как никто целый день не открывал на неоднократный стук горничной. Сначала показалось, что никаких причин для беспокойства нет. Бизнесмен средних лет найден мертвым в своей постели в закрытой комнате при отсутствии каких бы то ни было признаков борьбы или травм. Это не указывало на что-то большее, чем инфаркт или, может быть, инсульт. Тело аль-Мабхуха было помещено в морг, его смерть зафиксирована и внесена в реестры под вымышленным именем, значившимся в его паспорте. Делу не

придали ни больше ни меньше значения, чем придавалось обычно в Дубае смерти любого другого иностранца, принадлежавшего к среднему классу.

Однако руководство ХАМАС в Дамаске встревожилось, что человек, которого они послали для совершения сделок по приобретению оружия, не доложил о своих делах вовремя. Днем позже сирийские дипломаты начали опрашивать полицейские участки и морги, пока не нашли тело Мабхуха, лежавшее невостребованным в холодильной камере.

Один из руководителей ХАМАС связался с начальником полиции Дубая генерал-лейтенантом Дхани Халфаном Тамимом и сказал ему, что покойник с палестинским паспортом был на самом деле высокопоставленным членом их организации. Он заявил Халфану, что смерть этого человека почти наверняка не была вызвана естественными причинами. С большой долей вероятности, за ней стоит «Моссад».

Халфан, которому было 59 лет и который имел много наград, поставил перед собой в качестве личной цели освобождение страны от криминала и иностранных агентов, использовавших Дубай как базу для нелегальной деятельности. «Собирайтесь сами, – время от времени кричал он в телефонную трубку таким персонажам, – забирайте ваши банковские счета, ваши пистолеты и фальшивые паспорта и убирайтесь, к чертовой матери, из моей страны».

Начальник полиции не мог допустить, чтобы «Моссад» шлялся по Дубаю и убивал людей. Халфан приказал сделать вскрытие тела. Результаты были неопределенными, и оказалось невозможно установить, был ли аль-Мабхух убит. Но Халфан исходил из собственного принципиального предположения, что ХАМАС прав.

Одним из крупных минусов для израильских оперативников является то, что, в отличие от своих американских или британских коллег, они вынуждены использовать фальшивые паспорта. Оперативная группа ЦРУ, например, может быть легко обеспечена паспортами, выданными Госдепартаментом, пусть даже и на вымышленные имена. Количество таких паспортов стремится к бесконечности – после одних использованных личных данных следуют другие. Американские и британские паспорта признаются во всем мире и редко привлекают излишнее внимание.

Не таковы израильские паспорта. Они бесполезны для поездок во многие азиатские и африканские страны – именно те государства, где «Моссад» испытывает необходимость ликвидировать кого-то или провести иную тайную операцию. «Моссад» обычно подделывает паспорта других стран, вызывающих меньшие подозрения. Однако после трагедии 11 сентября 2001 года подделка паспортов сильно усложнилась.

Небрежно изготовленные или слишком часто используемые документы могут поставить под угрозу и саму операцию, и жизнь оперативных работников. Поэтому, когда Галеви отменял операции из-за недостатка качественных паспортов, он делал это не только из боязни. А когда Даган «выдавливал» наспех изготовленные паспорта и личные данные их владельцев у раздраженных понуканием документальщиков, это срабатывало до первой осечки.

Даган разрешил членам оперативной группы «Плазменный экран» использовать в Дубае одни и те же паспорта и личные данные целых четыре раза. Для Халфана не составило особого труда получить списки лиц, которые прибыли в ОАЭ незадолго до смерти аль-Мабхуха и покинули страну сразу же после нее. Для него не было сложно и сузить этот круг, выделяя в нем тех людей, которые прилетали в Дубай в период трех предыдущих визитов хамасовца. Это дало Халфану имена, которые затем были проверены по регистрационным учетам гостиниц, практически тотально оснащенных камерами наблюдения, записывающими происходящее на стойке службы портье. Вскоре полиция уже знала, кто и когда прилетал в Дубай, в каких гостиницах эти люди останавливались и как они выглядели.

Киллеры обычно предпочитают наличные – как правило, оплату ими трудно отследить. Кредитные карты или дебетовые карты Payoneer с закачанными на них суммами отследить можно. Звонки на австрийский коммутатор тоже можно засечь и при необходимости отследить. Таким образом можно получить номера, на которые передаются звонки с коммутатора. Так что реконструкция передвижений каждого оперативного работника, принимавшего участие в операции «Плазменный экран», а также их выходов на связь друг с другом не была титаническим трудом.

С многих камер наблюдения Халфан собрал видеоряд всей операции. Например, видеокамера над дверью в один из туалетов в

лобби отеля показывала «Даверона», входящего в него лысым и выходящего с густой шевелюрой. При этом чувствовалось, что оперативник даже не обратил внимания на камеру, хотя она не была скрытой. Такие просчеты вряд ли разоблачили бы оперативную группу в реальном времени, но при ведении расследования постфактум одно только неумелое изменение внешности сильно облегчало следователям их задачу.

После этого Халфан созвал пресс-конференцию и выложил полный видеоряд в интернет, чтобы его смог увидеть весь мир. Он призвал Дагана «быть мужчиной» и признать ответственность за убийство. Халфан также потребовал выдачи международных ордеров на арест Нетаньяху и Дагана, а Интерпол выдал ордера на арест всех 27 членов оперативной группы, хотя и под их вымышленными именами.

Страны, паспорта которых использовал Израиль, были в ярости. Многие из них скрытно сотрудничали с «Моссадом», но не до такой степени, чтобы позволять втягивать своих граждан, реальных или мнимых, в политические убийства. Некоторые правительства потребовали, чтобы находившиеся в соответствующих странах представители «Моссада» немедленно покинули их, и не разрешали израильской разведке заменить их в течение нескольких лет. Все они значительно сократили уровень сотрудничества с израильской внешней разведкой.

Это была катастрофа, порожденная высокомерием. «Я люблю Израиль и израильтян, – говорил один из бывших руководителей немецкой разведывательной службы. – Но ваша проблема состоит в том, что вы всегда ставите всех ниже себя – арабов, иранцев, ХАМАС. Вы всегда самые умные и думаете, что можете бесконечно дурачить любого. Немного больше уважения к другой стороне, даже если вы думаете, что перед вами недалекий араб или не одаренный богатым воображением немец, и немного больше скромности могли бы спасти вас из того неудобного положения, в котором вы оказались»^[1525].

Для Израиля все это оказалось не столь значимым. Жесткое осуждение, которому страна подверглась на международной арене, наряду с такими же осуждениями, которые регулярно сыпались на нее за ее отношение к палестинцам, продуцировали всплеск патриотизма. На важном для Израиля религиозном празднике Пурим, который проходил в тот год через несколько недель после инцидента с аль-

Мабхухом, очень популярным карнавальным костюмом был костюм теннисиста, прячущего в чехол от ракетки пистолет. Сотни израильтян с двойным гражданством предложили «Моссаду» свои паспорта для использования в будущих операциях. Официальный веб-сайт «Моссада» был буквально наводнен запросами о приеме на работу.

Однако в самой службе атмосфера была другая. Раскрытие операции и то негативное внимание, которое привлек к себе «Моссад», нанесли разведке большой ущерб на оперативном уровне, даже несмотря на тот факт, что Халфан так и не смог подвергнуть судебному преследованию ни одного из оперативников. Отменялись целые группы операций как из-за того, что было раскрыто много оперативных работников, так и по причине необходимости разработки новых правил и методик в связи с попаданием старых в СМИ^[1526].

В начале июля 2010 года, поняв, что инцидент в Дубае свел к нулю его шансы занять место директора «Моссада», руководитель «Кесарии» Холидей подал в отставку.

Тем временем Меир Даган вел себя так, как будто ничего не произошло^[1527]. В целом Даган, конечно, придерживался мнения, что «в некоторых случаях шеф “Моссада” должен передать ключи преемнику, если у него произошла неудача, серьезно затрагивающая интересы государства, поскольку такое событие облегчит давление на страну». Однако, с точки зрения Дагана, ничего не случилось – никакого пикового положения, никаких ошибок. «Мы уничтожили важную для нас цель, он мертв, а все бойцы дома», – подвел он итог операции.

Только в 2013 году, в интервью, данном для этой книги, Даган впервые признает: «Я сделал ошибку, отправив группу с теми паспортами. Это было мое, и только мое решение. Я несу полную ответственность за то, что случилось»^[1528].

По мере развития «Дубайского фиаско» Нетаньяху «охватило ощущение де-жавю», как сказал один из его ближайших помощников. Как будто бы то, что произошло в 1997 году, повторялось снова. Тогда «Моссад» заверял его, что может провести операцию в «мягком целевом» государстве, Иордании, и уничтожить Халеда Машаля^[1529]. Это закончилось унижением и капитуляцией. Невозможно было предсказать, как долго еще будет звучать эхо Дубая. Нетаньяху решил сдержать «Моссад» и санкционировать меньше опасных операций.

Кроме того, следовало приструнить Дагана.

Эти двое никогда особо не ладили между собой. Это правда, что отношения Нетаньяху с руководителями всех израильских спецслужб были проблематичными. «Нетаньяху никому не доверяет, поэтому предпринимал тайные дипломатические шаги, не ставя в известность глав разведывательных структур, – рассказывал советник Нетаньяху по национальной безопасности Узи Арад. – Раз за разом я наблюдал, как трещина недоверия между Нетаньяху и ними все больше расширялась»^[1530].

Даган, со своей стороны, считал, что Нетаньяху проявляет излишние колебания при санкционировании операций и одновременно боится показать свои колебания – пучок неврозов, которые никак не способствуют обеспечению безопасности страны^[1531].

Даган был оставлен во главе «Моссада». Ведь все еще продолжалась комплексная, многовекторная и сложная кампания против Ирана. На самом деле, после успешной ликвидации Масуда Алимохаммади в январе, Даган попросил Нетаньяху санкционировать активизацию этой кампании и уничтожение оставшихся тринадцати ученых в «оружейной группе». Нетаньяху, опасавшийся еще одной неудачи, не торопился. 29 ноября 2010 года два мотоциклиста подорвали в разных концах Тегерана автомашины двух ведущих специалистов, участвовавших в иранском ядерном проекте, прикрепив на них магнитные бомбы и быстро уехав. В своем «пежо 206» тогда был убит Маджид Шахриари. Ферейдун Аббаси-Давани и его жена, которые находились в таком же «пежо 206», смогли покинуть автомашину после того, как она взорвалась рядом с Университетом имени Шахида Бехешти.

Однако к тому времени стало ясно, что кампания «целевых» убийств, наряду с экономическими санкциями и компьютерными диверсиями, замедлила, но не остановила иранскую ядерную программу. Министр обороны Эхуд Барак тогда сказал: «Программа достигла точки гораздо дальше той, на которую я рассчитывал»^[1532]. Барак и Нетаньяху пришли к заключению, что Иран приближается к моменту, когда его ядерные объекты уже невозможно будет разрушить, и сошлись во мнении, что Израиль должен действовать, чтобы уничтожить их до того, как это случится. Они приказали Армии обороны Израиля и разведывательным службам страны готовиться к

операции «Глубокие воды» – массированному авиаудару в сердце Ирана, который должны поддержать силы специальных операций. На подготовку удара и ожидавшейся по его результатам войны с Радикальным фронтом было затрачено около 2 миллиардов долларов.

Как и многие другие, Даган считал этот план безрассудным. Он видел в нем циничный замысел двух политиков, желавших поэксплуатировать широкую общественную поддержку, которую такой удар принесет им на следующих выборах, а не разумное решение, основанное на национальных интересах. «Биби научился политтехнологиям, существо которых сводится к тому, чтобы быстро передавать послания обществу. В этом он достиг замечательного мастерства. Однако он является самым плохим управленцем из тех, которых я знаю. У него, как и у Эхуда Барака, есть одна черта: каждый из них считает, что они первые в мире гении. Тем не менее Нетаньяху является единственным премьером (в истории страны), который создал ситуацию, когда его позицию не принимает все оборонное сообщество».

«Я знал много премьеров, – говорил Даган. – Поверьте, ни один из них не был святым, но у всех них была одна общая черта: когда они достигали точки, в которой их личные интересы пересекались с интересами страны, последние всегда побеждали. Здесь не было никаких вопросов. Но я не могу сказать этого о двоих – Биби и Эхуде».

Враждебность в отношениях между Даганом и Нетаньяху достигла точки кипения в сентябре 2010 года. Даган утверждал, что Нетаньяху использовал совещание с ним, директором Шин Бет и начальником Генерального штаба, на котором должна была обсуждаться ситуация с ХАМАС, для того чтобы незаконно приказать начать готовиться к атаке на Иран: «Когда мы выходили из зала, он говорит: “Одну минуточку, господа директор “Моссада” и начальник Генерального штаба. Я принял решение ввести в отношении Армии и обороны и службы внешней разведки режим “О плюс 30”».

«О плюс 30» сокращенно означало «30 дней до операции», что подразумевало, что Нетаньяху называет полномасштабный удар по Ирану «операцией», хотя более подходящим термином было бы «акт войны». Но вопрос о войне решается голосованием в кабинете, а о проведении операции может просто отдать приказ премьер-министр.

Даган был поражен этой безрассудностью: «Использование (военного) насилия может иметь необратимые последствия. Предположение о том, что можно полностью остановить иранский ядерный проект военными средствами, неверно... Если Израиль соберется атаковать, (верховный лидер) Хаменеи возблагодарит Аллаха: это объединит иранский народ вокруг проекта и позволит Хаменеи сказать, что он должен заполучить атомную бомбу для того, чтобы защитить Иран от израильской агрессии»^[1533].

Даган доказывал, что даже приведение израильских вооруженных сил в повышенную боеготовность перед ударом повлечет за собой неминуемое сползание в войну. Ведь сирийцы и иранцы узнают о мобилизации и смогут предпринять превентивные действия.

У Барака была другая версия этого спора – он говорил, что он сам и премьер-министр только изучали целесообразность нанесения удара^[1534], – но это вряд ли уже имело какое-то значение. Разрыв в отношениях между Даганом и Нетаньяху стал непоправимым. Даган руководил «Моссадом» в течение восьми лет – дольше, чем кто-либо до него, за исключением Иссера Хареля. Он воссоздал разведку под своим имиджем, возродил вялую и боязливую службу и вернул ее к исторической славе, которой она гордилась десятилетиями. Он проник в структуры врагов Израиля глубже, чем это было возможно, по мнению многих, ликвидировал цели, которые избегали смерти или поимки десятилетиями, и на целые годы отодвинул угрозы существованию еврейского государства.

Но все это уже было не важно. Дубай был разочарованием, а может быть, только предлогом. В сентябре 2010 года Нетаньяху сказал Дагану, что срок его полномочий возобновляться не будет.

Или может быть, Даган ушел сам. «Я решил для себя, что с меня довольно, – говорил тогда он. – Хочу попробовать другие вещи. И конечно, было правдой, что я устал от него»^[1535].

Сменивший Дагана на посту директора Тамир Пардо вынужден был внести поправки в состав значительной части оперативных групп и в методы, которые пострадали в результате дубайской операции. Он поручил Н., который оказался очень эффективен в планировании ликвидации Мугние, осуществить комплексную оценку понесенного ущерба и позднее сделал его своим заместителем. Реорганизация оперативных подразделений не остановила деятельности службы,

особенно в части, касавшейся иранского ядерного проекта^[1536]. После нескольких месяцев пребывания на своем посту Пардо вернулся к практике «целевых» убийств, разработанной его предшественниками.

В июле 2011 года мотоциклист проследовал за Дариушем Резаейнеджадом, имевшим степень доктора по ядерной физике и работавшим старшим исследователем в Комитете по атомной энергии Ирана – одной из самых укрепленных баз Корпуса стражей исламской революции, в которой находился обширный экспериментальный блок по обогащению урана. Мотоциклист достал пистолет и застрелил Резаейнеджада.

В ноябре 2011 года на другой базе Корпуса стражей исламской революции, в пятидесяти километрах от Тегерана, прозвучал мощный взрыв. Его облако было видно даже из столицы, в округе в домах повывлетали стекла, а на спутниковых фотографиях было видно, что почти весь объект уничтожен. Во время взрыва был убит генерал Хасан Теграни Могхаддам, руководитель подразделения Корпуса стражей исламской революции по разработке ракетных технологий, и 16 его сотрудников.

Несмотря на гибель аль-Мабхуха, из Ирана через Судан в сектор Газа по-прежнему поступало оружие. «Моссад» продолжал наблюдать за этими поставками, а израильские ВВС продолжали атаковать конвои с оружием. Самого большого успеха «Моссад» добился, когда обнаружил триста тонн новейших вооружений и взрывчатки, которые были замаскированы под гражданские грузы и хранились на военном объекте к югу от Хартума, где ожидали отправки в сектор Газа. Арсенал включал в себя ракеты малого и среднего радиуса действия, а также противотанковые снаряды, которые были определены Израилем как «способные подорвать стабильность ситуации». Как сказал один из офицеров военной разведки АМАН, проинформировавший об этом арсенале премьера Нетаньяху: «Если это оружие достигнет сектора Газа, мы будем рекомендовать нанесение удара по ХАМАС даже без их провокационных действий, чтобы помешать его развертыванию»^[1537].

Однако это оружие никуда не попало. В 4:00 24 октября 2012 года истребители ВВС Израиля атаковали объект и уничтожили вооружения, как и военный персонал ХАМАС и Корпуса стражей исламской революции, который там находился. Небо над Хартумом расцветилось огнями взрывов^[1538]. Жители Хартума пострадали из-за

решения правительства Судана стать частью маршрута по контрабанде оружия. После этого инцидента суданские власти сказали представителям Корпуса стражей исламской революции, что больше не потерпят их присутствия на территории страны.

Как и его предшественники, Пардо воздерживался от рисков, связанных с проведением операций в «целевых» странах, особенно таких опасных, как Иран. Все акции на иранской земле на самом деле осуществлялись подпольными оппозиционными движениями и/или членами курдских, белуджских и азербайджанских национальных меньшинств, враждебно настроенных по отношению к режиму.

«Целевые» убийства в Иране были довольно эффективны. Поступающая в «Моссад» информация свидетельствовала о том, что они приносили с собой «белое дезертирство». Под этим подразумевалось, что иранские ученые были настолько запуганы, что требовали перевода на гражданские проекты. «Есть пределы способности организации убеждать ученого работать над тем или иным проектом, когда он этого не хочет»^[1539], – говорил Даган.

Для того чтобы усилить страхи среди ученых^[1540], «Моссад» подбирал такие цели, которые необязательно занимали высокое положение в атомной программе, но уничтожение которых становилось широко известно в среде их коллег сравнимого уровня^[1541]. 12 января 2012 года Мостафа Ахмади-Рошан, химик, работавший на объекте по обогащению урана в Натанзе, вышел из дома и направился на работу в свою лабораторию, располагавшуюся в центре Тегерана. За несколько месяцев до этого СМИ всего мира обошли фотографии Ахмади-Рошана, сопровождавшего президента Махмуда Ахмадинежада во время его посещения одного из атомных объектов. Так же как и в предыдущих случаях, к машине Ахмади-Рошана приблизился мотоциклист и прикрепил к ней бомбу, взрыв которой убил ученого на месте. Сидевшая рядом с ним жена не пострадала, но видела все своими глазами и рассказала коллегам погибшего мужа, которые ужаснулись случившемуся.

Политическое убийство ученых, над чем бы они ни работали, является незаконным актом по американскому законодательству, и Соединенные Штаты не знали, да и не хотели знать о таких инцидентах. Израильяне никогда не ставили американцев в известность о своих планах, «даже с помощью подмигивания или

улыбки», как говорил директор ЦРУ Майкл Хейден. Несмотря на это, у Хейдена не было сомнений в том, какая мера являлась наиболее эффективной с точки зрения остановки иранской ядерной программы: «Это убийство какими-то лицами их ученых».

На первом заседании Совета по национальной безопасности США после прихода к власти Обамы в 2009 году президент спросил директора ЦРУ, сколько расщепляющихся материалов удалось скопить Ирану в ядерном центре по обогащению урана в Натанзе.

Хейден ответил: «Господин президент, я знаю ответ на этот вопрос и готов дать его вам через минуту. Но можно мне предложить вам другой взгляд на эту проблему? Это не имеет никакого значения. В Натанзе нет ни одного электрона или нейтрона, который бы когда-нибудь появился в атомном оружии. В Натанзе они накапливают знания. В Натанзе они накапливают уверенность в себе. Потом они возьмут с собой эти знания и эту уверенность и переедут куда-то еще, где будут обогащать уран. Эти знания, господин президент, хранятся в мозгах их ученых».

Хейден показал с абсолютной ясностью, «что эта программа не имеет никакой связи с Америкой. Она незаконна, и мы (ЦРУ) никогда бы не рекомендовали и не поддерживали ее. Однако, судя по получаемой нами значительной разведывательной информации, смерть этих людей оказывает большое влияние на их ядерную программу»^[1542].

Режим аятоллы в Тегеране желал завладеть атомной бомбой для того, чтобы стать региональной державой и усилить свою власть в стране. Однако действия Израиля и Америки, особенно израильские «целевые» убийства и компьютерные вирусы операции «Олимпийские игры», существенно замедлили продвижение иранской программы. Кроме того, международные санкции загнали Иран в тиски серьезного экономического кризиса, который угрожал режиму полным сносом.

Эти санкции, в особенности наложенные на Иран администрацией Обамы (в том числе отключение Ирана от международной системы расчетов SWIFT), оказались настолько жесткими, что в августе 2012 года руководитель подразделения «Копье» под инициалами E.L. оценил ситуацию таким образом, что если ему удастся убедить США ввести дополнительные экономические меры против Ирана, к концу года иранская экономика обанкротится^[1543]. «И эта ситуация выведет

массы людей на улицы и, скорее всего, приведет к свержению режима», – сказал он.

И все же это не помешало Биньямину Нетаньяху начать подготовку к открытому военному удару по Ирану. Пока до конца не ясно, собирался ли он реализовать этот план. Министр обороны Эхуд Барак утверждал, что: «Если бы это зависело от меня, Израиль нанес бы удар»^[1544]. Но были и другие, которые уверены, что Нетаньяху – слово которого было последним – просто хотел заставить Обаму поверить, что он намерен атаковать. Его целью было заручиться поддержкой Обамы и подвести его к мысли о том, что Америка все равно когда-нибудь окажется вовлеченной в этот конфликт, так что для США лучше нанести удар по Ирану первыми с тем, чтобы выбрать оптимальный момент атаки.

Администрация Обамы опасалась, что израильская атака на Иран заставит взлететь цены на нефть, усилит хаос на Ближнем Востоке, что пагубно отразится на шансах Обамы на переизбрание в ноябре 2012 года^[1545]. В администрации считали, что Израиль готов вскоре нанести удар по Ирану, и с обеспокоенностью следили за каждым движением Тель-Авива – даже обычные маневры на уровне бригады становились источником опасений того, что Израиль вот-вот нанесет свой удар. В январе сенатор Дианн Фейнштейн встретила в своем офисе в Конгрессе с директором «Моссада» Пардо и потребовала, чтобы он разъяснил ей причины передвижений 35-й бригады Армии обороны, снятых с американского спутника. Пардо ничего не знал об обычных учениях, но позднее предупредил Нетаньяху, что продолжение давления на США может привести к серьезным мерам с их стороны, и, скорее всего, не тем, на которые рассчитывал премьер. Пардо сам верил в то, что еще год-два экономического давления, возможно, заставят Иран капитулировать на достойных для себя условиях и полностью отказаться от своей ядерной программы.

Но Нетаньяху отказался слушать Пардо, приказав ему продолжить кампанию политических убийств, а Армии обороны Израиля – подготовку к нанесению удара.

В декабре «Моссад» приготовился ликвидировать еще одного ученого, но, опередив его, Обама, опасаясь израильских акций, согласился на иранское предложение провести секретные переговоры в Маскате, столице Омана. «Американцы ничего не сообщали нам об

этих переговорах, но сделали все, чтобы наверняка дать нам возможность узнать о них», – рассказывала одна ответственная сотрудница «Моссада», которая получила информацию о маскатской встрече. Она посоветовала Пардо немедленно отказаться от плана убийств. «Мы не должны этим заниматься тогда, когда протекает политический процесс», – говорила она. Пардо согласился с ней и испросил у Нетаньяху разрешение прекратить реализацию программы политических убийств на время проведения переговоров.

Вполне логично предположить, что если бы переговоры начались двумя годами позже^[1546], Иран подошел бы к ним в значительно более ослабленном состоянии, но даже и заключенная в конечном счете сделка явилась капитуляцией Ирана перед рядом требований, которые аятоллы отвергали в течение многих лет. Иран согласился почти полностью демонтировать объекты ядерной программы^[1547] и подчиниться строгим ограничениям и контролю на долгие годы вперед.

Для Дагана сделка означала двойной триумф: его пятизвенная стратегия против Ирана достигла многих своих целей. Одновременно с этим Нетаньяху понял, что нанесение удара по Ирану во время переговоров с ним явится нетерпимой пощечиной для Вашингтона. Он откладывал атаку снова и снова, а когда было подписано окончательное соглашение, вообще отменил ее, по крайней мере на ближайшее будущее.

Но Даган все же был неудовлетворен. Он испытывал обиду и разочарование тем, как Нетаньяху указал ему на дверь, и не собирался снести это молча. В январе 2011 года в последний день пребывания на посту директора «Моссада» он собрал группу журналистов в штаб-квартире разведки и в беспрецедентной манере – к немалому удивлению журналистов – обрушился с критикой на премьер-министра и министра обороны. После выступления Дагана женщина – главный военный цензор в звании бригадного генерала – встала и объявила, что все сказанное шефом «Моссада» об израильских планах нанесения удара по Ирану является совершенно секретной информацией и не может быть опубликовано.

Увидев, что военная цензура запретила обнародование его мнения, Даган просто повторил его на конференции в Тель-Авивском университете в июне перед аудиторией, состоявшей из сотен

людей^[1548]. Он понимал, что человек его положения вряд ли будет подвергнут суду.

Критика Дагана в адрес Нетаньяху была язвительной и носила личный характер. Однако она основывалась и на тех огромных переменах в подходах Дагана, которые стали свойственны ему в последние годы руководства «Моссадом». Эти перемены были гораздо более важными, чем его яростная критика премьера по поводу иранского ядерного проекта.

Даган, как и Шарон и многие другие их коллеги в оборонном и разведывательном истеблишменте Израиля, в течение долгих лет верили, что силой можно решить любой вопрос, что единственный правильный путь выхода из израильско-арабского конфликта состоял в «отделении араба от его головы». Но это была ошибка, до опасной степени распространенная тогда.

На протяжении всей истории своего существования «Моссад», АМАН и Шин Бет – вероятно, лучшее сообщество спецслужб в мире – обеспечивали израильских лидеров оперативными ответами на каждую сложную проблему, которую их просили решить. Но сами успехи разведывательного сообщества породили у большинства лидеров Израиля иллюзию того, что тайные операции могут быть стратегическим, а не только тактическим инструментом и могут использоваться вместо дипломатии для решения геополитических, этнических, религиозных и национальных конфликтов, которыми оказался опутан Израиль. Из-за феноменальных успехов израильских тайных операций на этом этапе истории большинство руководителей страны превознесли и освятили тактические методы борьбы с терроризмом и экзистенциальными угрозами в ущерб настоящему стратегическому видению, государственному подходу и искреннему желанию добиваться политического решения проблем, которое необходимо для достижения мира.

История израильского разведывательного сообщества, описываемая на страницах этой книги, – это череда впечатляющих тактических успехов и в то же время ужасных стратегических провалов.

К концу своей жизни Даган, как и Шарон, понял это. Он пришел к выводу, что только политическое решение конфликта с палестинцами – решение, состоящее в создании двух государств, – может завершить 150-летнее противостояние. И результатом политики Нетаньяху может

стать единое двунациональное арабо-еврейское государство, состоящее из двух народов, в котором существует равенство между арабами и евреями и связанная с этим постоянная опасность репрессий и внутренней напряженности, которые заменят мечту сионистов о демократическом еврейском государстве с абсолютным большинством еврейского населения. Даган был обеспокоен тем, что международные призывы к экономическому и культурному бойкоту Израиля из-за политики оккупации станут горькой реальностью, «совсем как бойкот, который был наложен на Южную Африку». Он был еще больше обеспокоен возможностью внутреннего раскола Израиля и угрозой для демократии и гражданских прав в стране.

На митинге в центре Тель-Авива перед мартовскими выборами 2015 года, призывая к голосованию против Нетаньяху, Даган обратился к премьер-министру: «Как можете вы отвечать за наше будущее, если так боитесь ответственности? Почему человек стремится в лидеры, если он не хочет быть лидером? Как могло случиться, что эта страна, в несколько раз более сильная, чем все другие страны в регионе, не в состоянии осуществить стратегического решения, которое улучшило бы наше положение? Ответ прост: мы имеем лидера, который всегда вел только одну битву – битву за свое политическое выживание. Ради этой битвы он ввергнул нас в судьбу двунационального государства, положив таким образом конец сионистской мечте».

Даган кричал толпе из нескольких десятков тысяч человек: «Я не хочу двунационального государства. Я не хочу апартеида. Я не хочу управлять тремя миллионами арабов. Я не хочу, чтобы мы стали заложниками страха, отчаяния и тупика. Я верю, что пришел час нашего пробуждения, и надеюсь, что израильские граждане перестанут быть заложниками страхов и волнений, которые угрожают нам днем и ночью».

Явно будучи измученным онкологическим заболеванием, он закончил свою речь со слезами на глазах: «Это величайший кризис лидерства в истории нашей страны. Мы заслуживаем лидеров, которые определяют новые приоритеты. Лидеров, которые будут служить своему народу, а не себе».

Однако усилия Дагана не дали результатов. Несмотря на огромное уважение, которым он пользовался как самый совершенный израильский шпион, его речь, как и призывы многих других бывших

руководителей спецслужб и вооруженных сил к достижению компромиссного соглашения с палестинцами и корректировки отношений Израиля с внешним миром, оказались неслышанными.

Были времена, когда слова генералов являлись священными для большинства израильтян. Теперь его выступления против Нетаньяху не смогли свалить премьера, а, как говорят некоторые, даже укрепили его позиции. За последние десятилетия Израиль пережил коренные перемены: могущество старых элит, включая генералов, и их влияние на общественное мнение значительно ослабли^[1549]. Новые элиты – евреи с арабских земель, ортодоксы, правые – находятся на подъеме. «Я думал, что мне удастся добиться результата и убедить публику, – с горечью сказал мне Даган в последнем, состоявшемся между нами в середине марта 2016 года, телефонном разговоре. – Я был удивлен и разочарован».

Разрыв между закаленными в битвах генералами, теми, которые когда-то «сжимали кинжалы в зубах», но позже поняли ограниченность силовых методов, и большинством населения Израиля является грустной реальностью времени, в которое жизнь Меира Дагана подошла к концу.

Фотографии

THE PALESTINE POLICE FORCE

REWARD

A REWARD OF L.P. 2000 WILL BE PAID BY THE PALESTINE GOVERNMENT TO ANY PERSON GIVING INFORMATION WHICH LEADS DIRECTLY TO THE APPREHENSION OF THE PERSON WHOSE NAME AND PHOTOGRAPH APPEAR HEREUNDER.

قوة بوليس فلسطين مكافأة

تطلي حكومة فلسطين مكافأة قدرها ٢٠٠٠٠ جنيه فلسطيني لأي شخص يعطي اخبارية تؤدي مباشرة لالقاء القبض على الشخص المين اسمه وصورة ادناه—

משטרת פלשתינה (א"י).

גמול

פרס בסך 2000 לא"י ישוולם ע"י הממשלה הא"י לכל אדם שימסור ידיעה שתוביל באופן ישר לידי מאסרו של האדם ששמו ותמונתו נקובים להלן.

מנחם ביגין

MENACHEM BEIGIN

مناحم بيجين

גיל: 36 שנים.
גובה: 175 ס"מ.
בנין: דק.
שיער: כהה.
עין: כחולה.
לבוש: כחול.
הערות: מנחם ביגין.

Age: 36 years
Height: 175 cms.
Build: thin
Hair: long, black
Teeth: bad
Speaks: Polish, English, Hebrew.
Particularities: Appears to be badly shaved.
Walks with a peculiar flat-footed stride.

גובה: 175 ס"מ.
בנין: דק.
שיער: כהה.
עין: כחולה.
לבוש: כחול.
הערות: מנחם ביגין.

INFORMATION MAY BE GIVEN AT ANY TIME TO ANY POLICE OFFICER OR TO ANY POLICE STATION

Jerusalem,
July, 1949

J. M. RYMER JONES
Inspector - General.

يمكن اطاء اء الاخبارية في اي وقت لاي منابط بوليس او اي مركز بوليس

ג.מ. רימיר-ג'ונס
מפקח הבוליס العام.

القدس.
تموز سنة ١٩٤٩

את הידיעה אפשר למסור בכל זמן לכל שוטר או לכל תחנת משטרה.

ג.מ. רימיר-ג'ונס
המפקח הכללי

ירושלים.
יולי 1949

OFF. 11200-100-11.1.10

Плакат с фотографией Менахема Бегина, командира «Иргуна», как преступника, разыскиваемого отделом уголовных расследований британской администрации подмандатной Палестины

Ариэль Шарон (в центре), командир парашютной бригады, август 1955 © AVRAHAM VERED, MINISTRY OF DEFENSE ARCHIVE

Моше Циппер (справа), сын Александра Израэли, впервые узнает от Рафи Медана (слева), что на самом деле произошло с его отцом © RONEN BERGMAN

Александр Израэли

Группа сотрудников «Моссада»: Рафи Эйтан (второй справа) и Цви Аарони (второй слева) в Сан-Паулу незадолго до того, как они увидели Йозефа Менгеле, «ангела смерти» из Аушвица © ZVI AHARONI COLLECTION

Президент Египта Гамаль Абдель Насер (справа) во время испытания ракет с немецкими и египетскими учеными

Боец «Моссада» Одед, который захватил Ганса Круга и привез его в Израиль для допроса

Фотография из досье наблюдения «Моссада» за Хансом Кругом

Президент Насер (справа) и король Иордании Хусейн на саммите 1965 года в Касабланке, где их разговоры записывались «Моссадом»

Премьер-министр Леви Эшкол (четвертый слева, в черном головном уборе и в галстукe), директор «Моссада» Меир Амит (в центре, улыбается), начальник Генерального штаба Ицхак Рабин (в военной форме) и бывший директор «Моссада» Иссер Харель (третий справа), 1965. © ROCHE MILNER, GOVERNMENT PRESS OFFICE

Эли Козн, повешенный в Дамаске

«Хамелеоны» Меира Дагана направляются на операцию в сектор Газа, одетые как повстанцы, возвращающиеся из Ливана. Слева направо: Даган (командир операции), Меир Ботник и Авигдор Эйдан, офицер Армии обороны Израиля из бедуинов. Двое других мужчин – палестинские агенты

Давид Бен-Гурион (сидит, в очках и с картой) с Ицхаком Пундаком (слева) и генералом Рехавамом Зееви (стоит, в очках)

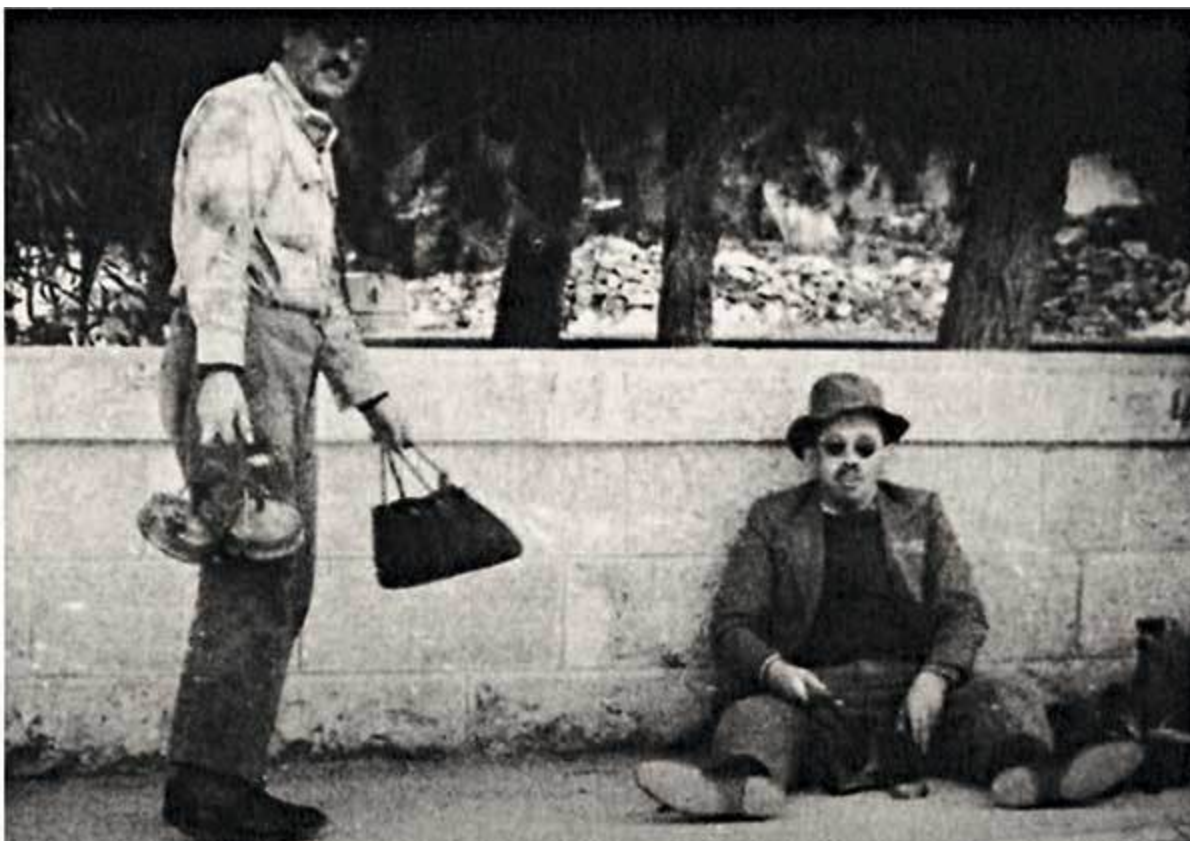
Лейла Халед, палестинская террористка и угонщица самолетов, изображенная в 2001 году на граффити на стене, разделяющей Израиль и Палестинскую национальную администрацию

Майк Харари – человек, который командовал спецподразделением «Кесария» в течение 15 лет и оказал наибольшее влияние на израильские программы «целевых» убийств и диверсий, в том числе во время подготовки операции «Весна молодости»

Майк Харари в Италии в 1977 году во время руководства тайной операцией «Моссада»

Неемия Меури, командир подразделения «Кидон» («Штык»), одетый как нищий

ס ו ד ר

מפקדת קצין חי"ר וצנחנים ראשי
א-ג " מ
מלב 06-210
אלה בעוריה - 149
ביטן חש"ג
מאי 73

ערוך סט'..... סמך 14
סמך זה כולל..... עותקים
דפוס.....

אל

נספחים - נספח א' לו"ז גוהל הקרב .
נספח ב' לו"ז הכבון מול ביצוע .
לוח תמונה

הנדון: דו"ח סכצעים סטכס למכצע "אברב נשה"ס"

דקט

1. המשימה כוחות בפיק' טקצ"ר יפססו על יעדי "צילח" "אביבה" "גילח" "ורדה" ו-"יהודית" יהרגו מירב המחבלים, יחבלו במתקנים ויביאו המצאים מודיעיניים.

2. ידיעות:

א. כללי

- מכצע "אביב בעוריה" בוצע בילל 10 - 11 אפריל 73, במכצע זה הוחקפו היעדים הבאים:-
- (1) "צילח" - בית מלאכה אזרחי בו הוכנו עבוד ה-פתח חלקי אמל"ח ימי. היעד נמצא באופן מזרח העיר בירוח.
 - (2) "אביבה" - 2 בתים רבי קומות בלב העיר בירות בהם התגוררו 3 - 4 מבחיגי מחבלים.
 - (3) "גילח" - מפקדה של החזית העממית הדמוקרטית בבירות מצפון לקרית הספורט, מבנה בן 7 קומות מאוכלס כולו ע"י מחבלים.
 - (4) "ורדה" - 2 מבנים בסכרובת עוזאי בודום בירוח, האחד בית מלאכה ליצור אמל"ח ימי עבוד ה-פתח חלקי אמל"ח שיועד רצועת עזה.
 - (5) "יהודית" - מוסך מצפון לצידון אשר שימש את רכב המחבלים.
- ב. המודיעין שביתון לכוחות לפני המכצע האט את המצאים בשטח, למעט ביעדי "ורדה", בהם לא נמצאו אנשים וציוד (לגבי בית המלאכה היו מספר ידיעות שהמקום עומד להעזב).
- ג. לפני המכצע נערכו כוורית ימיים בגזרת המכצע בהם השתתפו בין היתר קמ"ב חס' 35, ספקדי כוחות משנה חס' 35 ואנשי שיטת 13 וטיימת 707.

ד. יעדים וחומות

(1) "צילח"

קרטע

א. בית מלאכה אזרחי והמטרת את הפתח חלקי מוקשים וכבראה אמל"ח ברסו .

Материалы оперативной съемки многоквартирного дома, в котором проживал Камаль Адван, один из лидеров ООП, сделанные оперативницей «Моссада» Яэль

Квартира и тело Адвана после осуществления его «целевой» ликвидации

Похороны Адвана

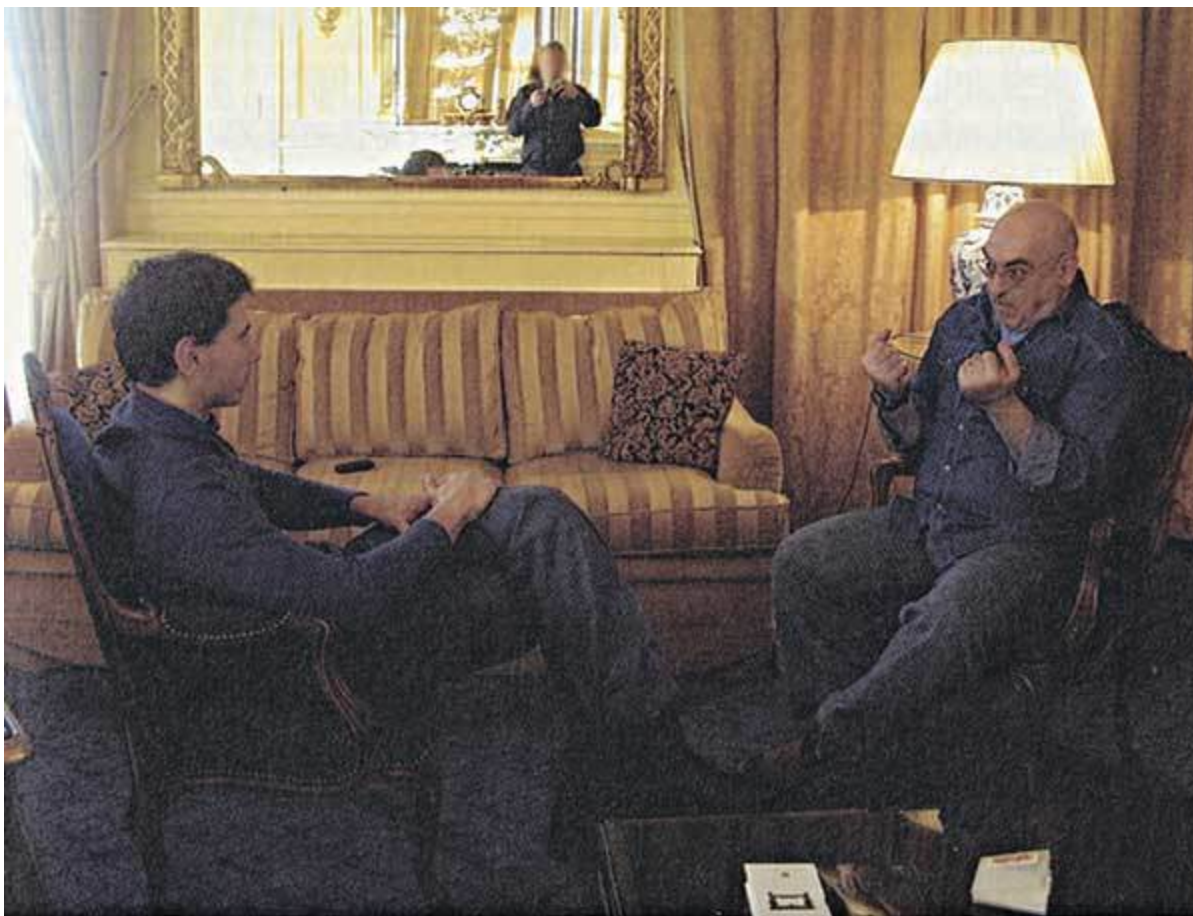
Рекогносцировочная аэрофотосъемка аэропорта Энтеббе,
произведенная оперативником «Моссада» Давидом

Али Хасан Саламе, который, как были уверены в «Моссаде», стоял за террористической атакой на израильтян на Мюнхенской олимпиаде

*Смертельно раненного Али Саламе достают из машины через несколько секунд после взрыва.
Чуть позже он умер в госпитале*

Роберт Хатем (справа), один из фалангистских карателей, признается в убийстве сотен людей в интервью с автором в 2005 году

Премьер-министр Менахем Бегин (третий слева), министр обороны Ариэль Шарон (второй слева) и помощник премьер-министра по военным вопросам бригадный генерал Азриель Нево (слева) осматривают объект ООП в Южном Ливане после его захвата в 1982 году © MINISTRY OF DEFENSE ARCHIVE

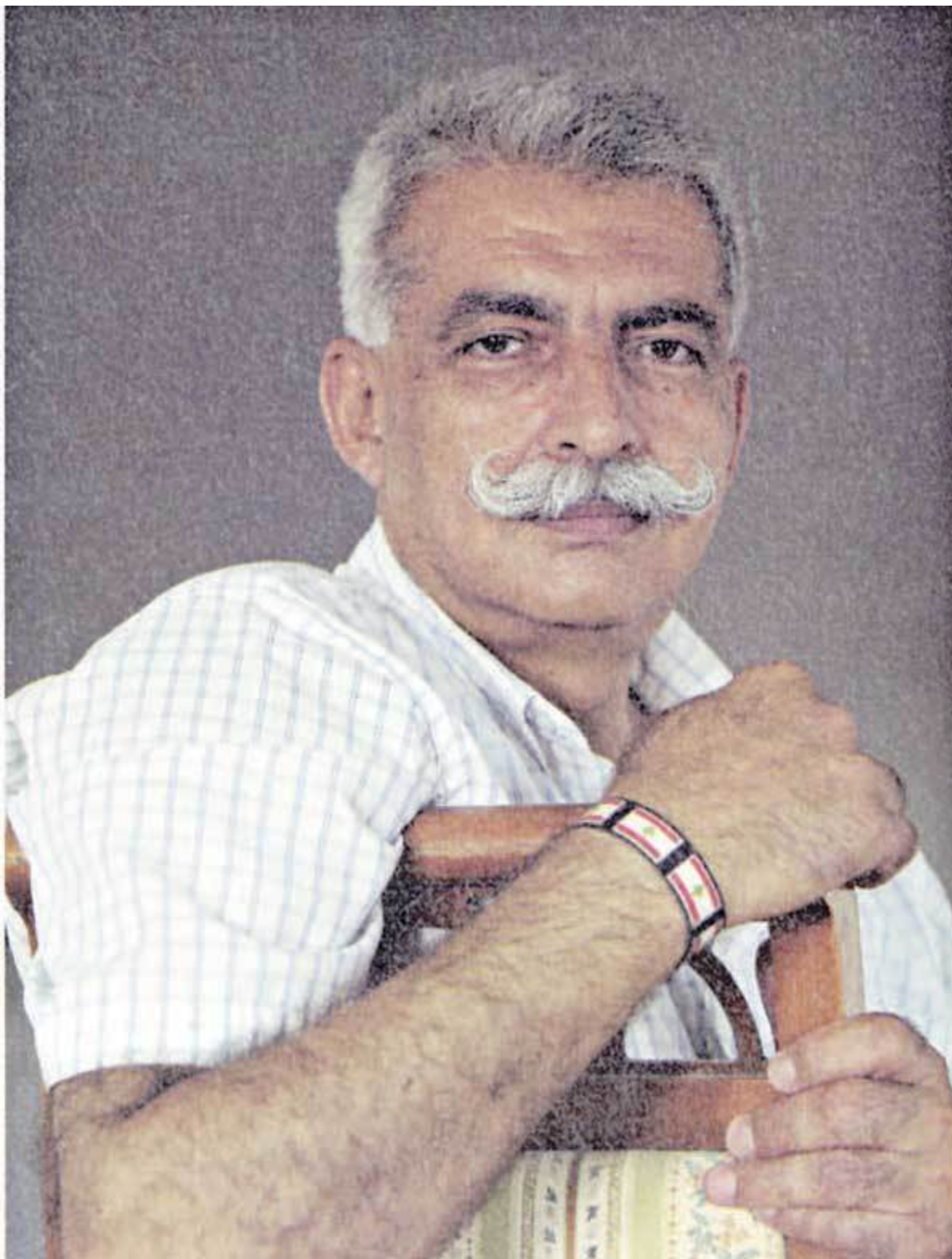
Ясир Арафат (справа) и журналист Ури Авнери в ходе интервью во время осады Бейрута © ANAT SARAGUSTI

Ясир Арафат покидает Бейрут. Эта фотография была сделана снайпером спецподразделения «Сайерет Маткаль» и передана Менахемом Бегоном американскому посреднику в израильско-палестинских переговорах Филипу Хабибу в доказательство того, что Израиль уничтожил бы Арафата, если бы захотел. Впервые опубликована в книге: *Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War.*

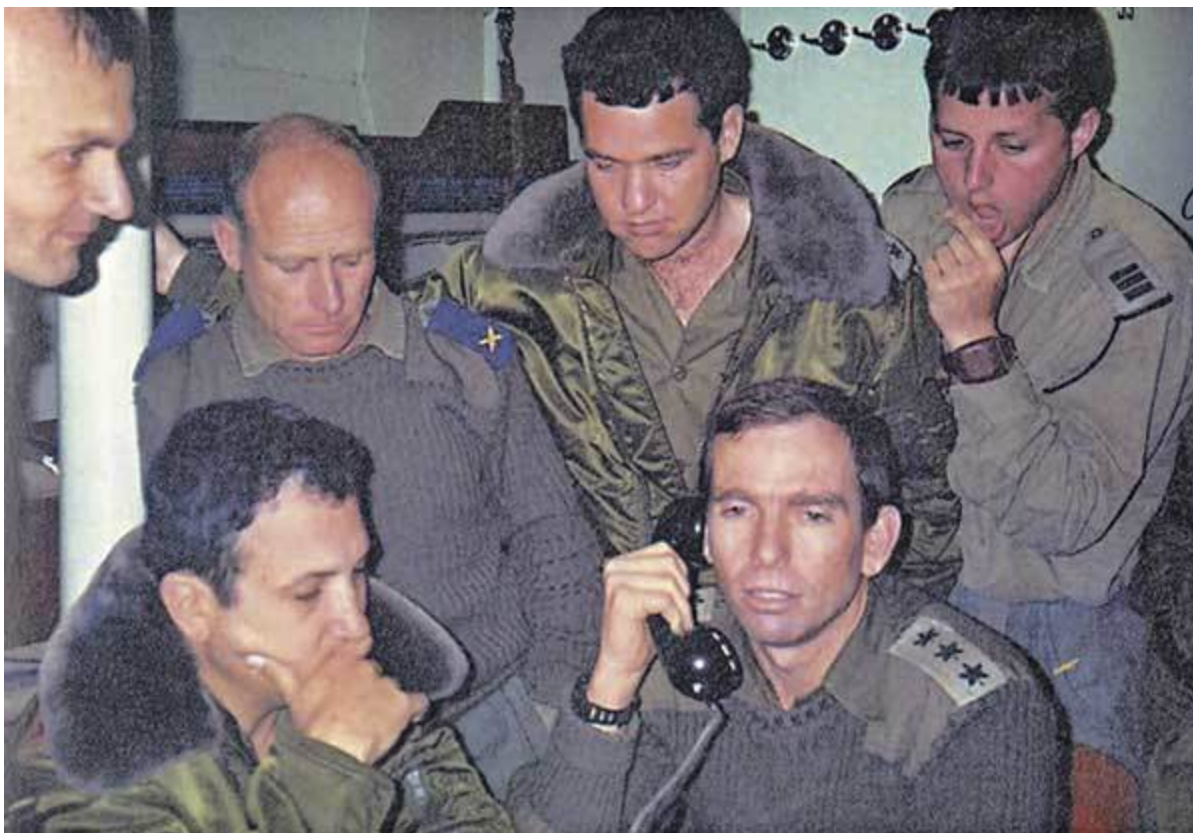
Фотография, сделанная по время инцидента с захватом автобуса «рейс 300», которая привела к раскрытию незаконных убийств в Шин Бет © ALEX LEVAC

Амин аль-Хадж («Румменигге»), торговец с обширными связями по всему Ближнему Востоку, который принадлежал к известной шиитской семье в Ливане и стал одним из ценнейших информаторов «Моссада» в Ливане © ELAD GERSHGORN

18-месячный курс боевой подготовки для командос флотилии 13 считается одним из самых тяжелых в Армии обороны Израиля. С конца 1970-х годов это спецподразделение принимало участие во многих операциях по «целевой» ликвидации объектов © ZIV KOREN

Командный пункт операции по ликвидации Абу Джихада: Эхуд Барак (слева, сидит) и Ифтах Рейхер (с телефонной трубкой в руке, сидит)

Джеральд Булл (слева) с бывшим премьером Квебека Жаном Лесажем во время осмотра одной из гигантских пушек, построенных Буллом

Руководитель проекта Амирам Левин (слева) и Дорон Авиталь, командир одного из отрядов «Сайерет Маткаль», во время репетиции операции по убийству Саддама Хусейна

Али Акбар Мохташамипур, человек, создавший «Хезболлу», жестикулирует рукой с двумя пальцами (результат покушения, осуществленного «Моссадом»)

Шеф АМАН Ури Саги и премиер-министр Ицхак Шамир © NATI HERNIKI, GOVERNMENT PRESS OFFICE

Халед Машаль, выздоравливающий после отравления в королевском госпитале в столице Иордании Аммане

Тренировка бойцов подразделения «Вишни» по аресту или ликвидации разыскиваемого преступника © COURTESY OF URI BAR-LEV

Женщину выносят для оказания медицинской помощи с места атаки подрывника-смертника в ресторане в Тель-Авиве. Это одна из тех фотографий, на которые Шарон заставлял смотреть иностранных дипломатов, когда доказывал им необходимость осуществления «целевых» убийств как инструмента обеспечения безопасности государства © ZIV KOREN

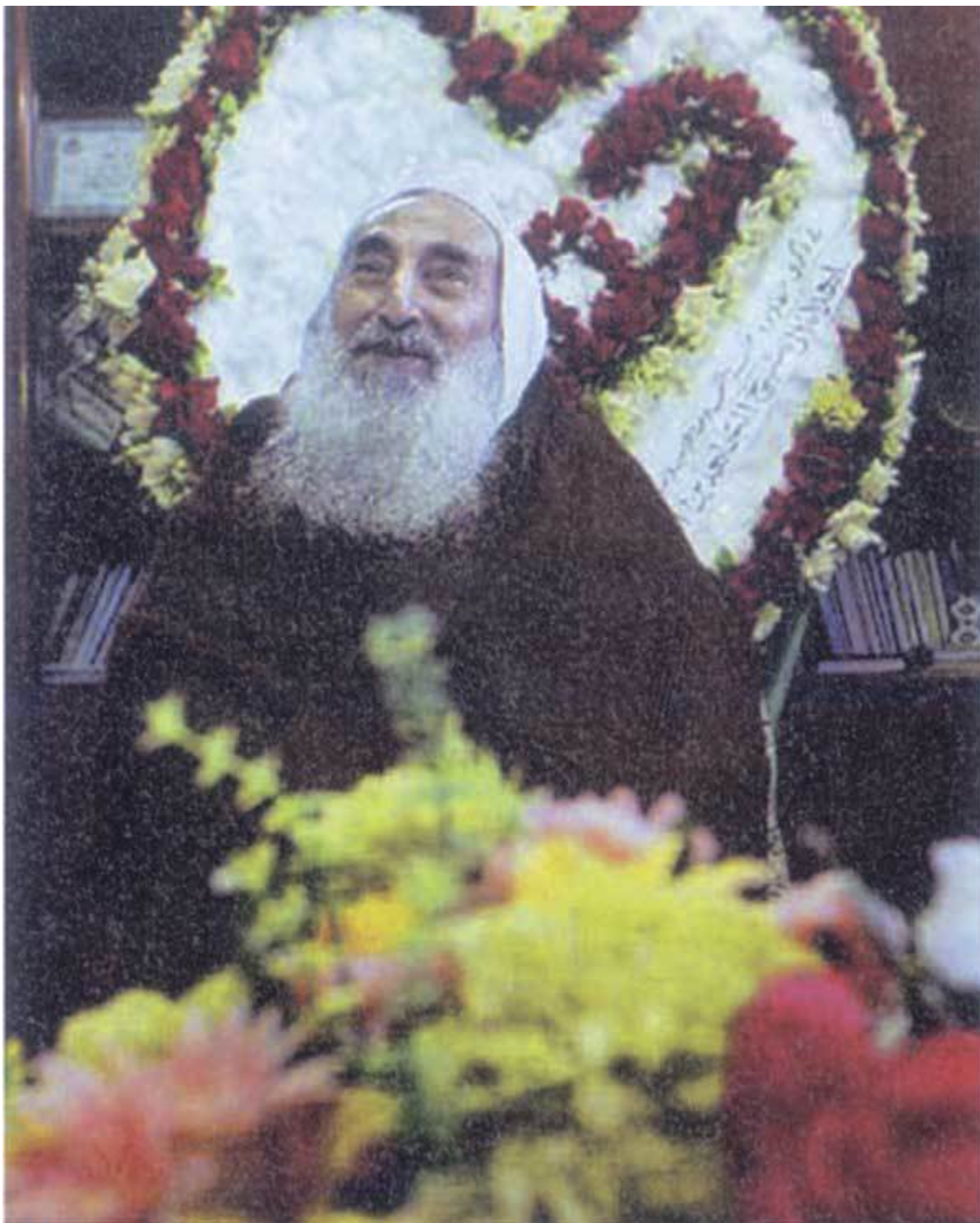
Израильский дрон Heron TP мог оставаться в воздухе до 36 часов, развивать скорость до 370 км/час и нести более тонны нагрузки в виде камер или бомб © IAI

Метод «Соломенная вдова» был разработан для того, чтобы «вытаскивать» палестинцев на улицы и расстреливать их из укрытий с помощью снайперов © RONEN BERGMAN

Мария Аман была в мае 2006 года в машине в Газе вместе со своей семьей, когда разрыв ракеты, выпущенной по боевику «Исламского джихада», поразил и их. Ее мать, шестилетний брат и бабушка были убиты. Мария была тяжело ранена, и все ее тело от шеи осталось парализованным. Хамди (рядом с ней на фотографии) посвятил свою жизнь уходу за ней © *RONEN BERGMAN*

Лидер ХАМАС шейх Ахмед Ясин на пресс-конференции, во время которой он взял на себя ответственность за отправку Римы Рияши в качестве подрывницы-смертницы

Шарон назначает Дагана директором «Моссада» © SAAR YAAKOV, GOVERNMENT PRESS OFFICE

Одна из фотографий Имада Мугние, которую «Моссад» использовал для его установки и ликвидации в 2008 году

Оперативные фотографии наружного наблюдения «Моссада» за заместителем и двоюродным братом Мугние Мустафой Бадреддином, которого Мугние назначил исполнять его обязанности во время своего отсутствия

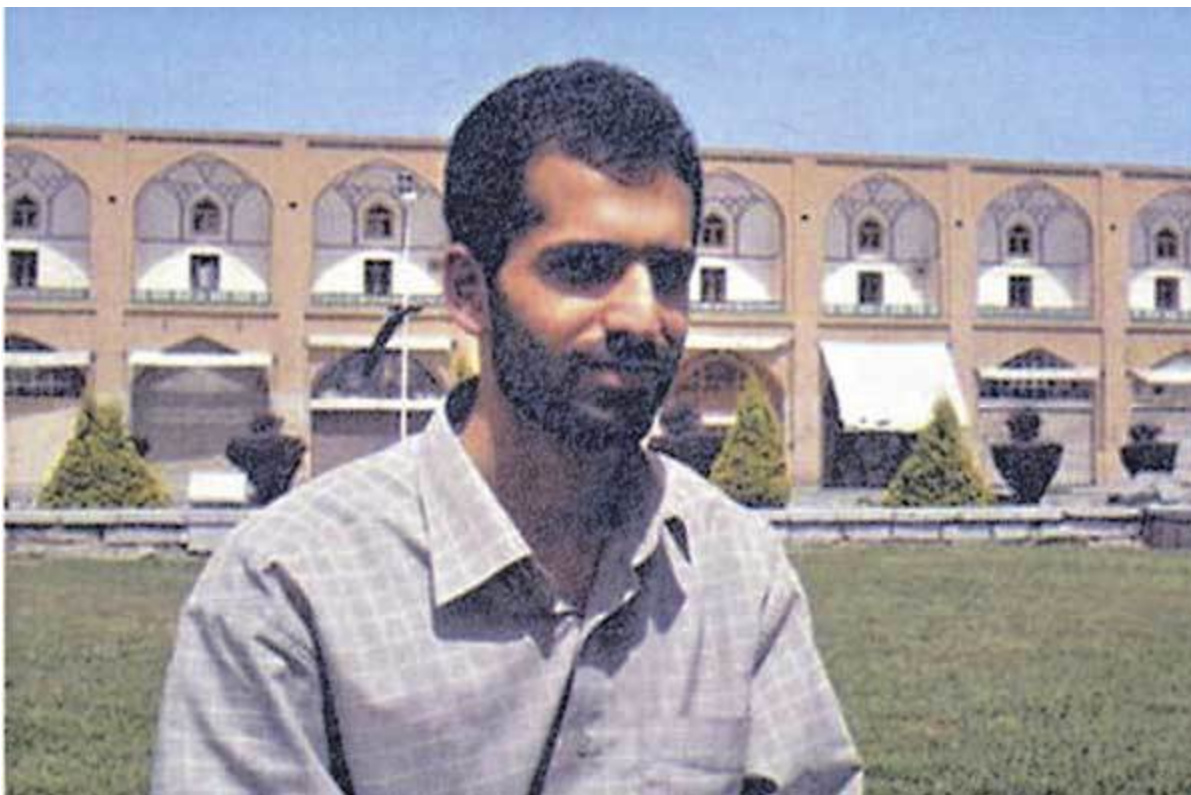
Генеральный секретарь «Хезболлы» Хасан Насралла на похоронах Мугни © ULRIKE PUTZ

Посмертный плакат в Джебалии (город на севере сектора Газа) в честь Махмуда аль-Мабхуха, рядом – одна из его сестер

Аль-Мабхух выходит из лифта. За ним два «теннисиста»

Мостафа Ахмади-Рошан, инженер-химик с завода по обогащению урана в Натанзе

12 января 2012 года сотрудники «Моссада» убили Ахмади-Рошана в его машине

«Израиль должен быть стерт с лица Земли» – пропагандистский плакат на улице Тегерана с помеченными перекрестиями прицелов головами Амоса Ядлина, директора «Моссада» Данага и министра обороны Эхуда Барака

Директора «Моссада» Иосси Коэн (2016 – по настоящее время, слева) и Тамир Пардо (2011–2016). Оба они продолжили использование «целевых» убийств в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности © GOVERNMENT PRESS OFFICE

Благодарности

За последние семь с половиной лет, в течение которых шла работа над этой книгой, на мою долю выпало счастье и честь познакомиться с целым рядом удивительных, талантливых, мудрых и добрых людей, которые на протяжении всего этого времени дарили мне поддержку и делились ценными советами.

Я глубоко признателен Джоелу Лоувеллу и Энди Варду, которые 11 марта 2010 года отправили мне письмо, с которого этот проект и начался, спросив меня, не хотел бы я написать книгу про «Моссад». Шахар Альтерман, мой близкий друг и редактор моих книг на иврите, предложил, чтобы мы сосредоточились на истории использования Израилем политических и «целевых» убийств. Джоел стал главным редактором журнала The New York Times, в котором я тесно с ним сотрудничал. Это человек, который берет рукописи и делает их такими ровными и гладкими, какими бывают простыни в первоклассных отелях, если воспользоваться сравнением Дэвида Ремника. Энди Вард никогда не обделял меня своим вниманием в процессе написания книг, даже после того, как стал главным редактором издательства Random House, и даже тогда, когда подходили и проходили дедлайны по сдаче рукописей. В своей спокойной, уверенной и решительной манере Энди направлял этот проект на всем пути его создания.

Я хочу также поблагодарить и других членов команды издательства Random House за огромную помощь и содействие, особенно Шин Флинн за редактирование первого варианта рукописи и Сэмуеля Никольсона за работу над окончательным вариантом. Они оба являются собой замечательные образцы плеяды выдающихся редакторов, которые много раз выражали словами то, что я хотел сказать, причем делали это значительно лучше, чем я сам.

Отдельное спасибо моему литературному агенту в Соединенных Штатах Рафаэлю «Рафу» Сагалину, который внимательно и ответственно наблюдал за каждым этапом моей работы, почти как отец, заботящийся о своем трудном ребенке, имеющем серьезные проблемы с дисциплиной. Когда это было необходимо, он умел вернуть меня на путь истинный и успокоить тех, кого я умудрялся

расстроить сорванными сроками и бесконечными отходами от уже согласованных объемов книги.

Четыре человека тесно работали со мной на протяжении значительного времени, которое я посвятил этой книге.

Ронни Хоуп не просто очень способный переводчик с иврита. Он также мой друг и коллега, советы которого по структуре, форме и содержанию книги оказались бесценными. С беззаветной преданностью делу работал он над многочисленными сырыми рукописями книги, часто в необычные и самые трудные часы дней и ночей. Я должен также поблагодарить Ронни за предложенное им название.

Такт и мудрость Яэль Сасса, которая являлась менеджером проекта по изданию этой книги в Израиле, неподражаемы. Ее труд над заключительными комментариями и библиографией – незавидная задача, однако Яэль выполнила ее с огромным подъемом и мастерством. Она же создала спокойную, приятную и деловую атмосферу работы, которая во многом помогла мне завершить книгу.

Надав Кедем выступал в качестве научного редактора и советника. В такой книге, как эта, полной секретных деталей, почти невозможно достигнуть полной непогрешимости, но работа, выполненная Надавом и редакторами Уиллом Палмером и Эмили ДеХафф, избавила мою книгу в максимально возможной степени от ошибок.

В организации структурного построения книги незаменимыми оказались острый ум, огромные знания, оригинальность мышления и перспективное видение Ади Энгеля. Я уверен, что именно бескомпромиссная приверженность Ади понятию о правах человека пронизывает страницы этой книги.

Я глубоко благодарен этим людям – след, оставленный ими, нельзя переоценить.

Ким Купер и Адам Витал помогли мне в первых шагах в работе в Соединенных Штатах. Их ценные советы и изначальная вера в проект определяют большую долю успеха конечного продукта. Ричард Плеплер постоянно поддерживал меня в работе над книгой и в самый нужный момент подсказывал мне нужное слово на идише. Благодарю Дана Маргалита и Эхуда (Уди) Эйрана, знающих и мудрых, за прочтение рукописи и высказывание ценных идей; Чена Кугеля за помощь в расшифровке почерка профессора Отто Прокопа (который

осуществлял вскрытие Вади Хаддада); и Ванессу Шлезьер, которая помогала нам обоим в переводах с немецкого и оказала помощь в реконструкции событий, связанных с покушением на Халеда Машала в Аммане. Здесь я хотел бы поблагодарить и личного врача королевской семьи, Сами Рабаба, за помощь, оказанную мне в Иордании.

Много журналистов, историков и фотографов проявили корпоративную солидарность по отношению ко мне, поделившись ценными советами и архивными материалами: Алана Даян, Итай Веред, Ярин Кимор, Иорам Мейтал, Шломо Накдимон, Дов Алфон, Клаус Вигреф, Зеев Дрори, Мотти Голани, Бенни Моррис, Нир Манн, Шахар Бар-Он, Иоав Гелбер, Эхуд Яари, Зив Корен, Алекс Левац и ушедший от нас Аарон Клейн. Спасибо Талу Миллеру и Лиору Яакови за помощь в исследованиях на начальном этапе работы, а также Хаиму Вацману, Ире Московиц и Деборе Шер за переводы и редакторскую работу в тот период.

Адвокаты Эйтан Маоц, Джек Чен и Двора Чен делились со мной ценными и важными советами по различным юридическим вопросам.

Мои поездки в поисках информации о тайных израильских операциях теперь возлагают на меня приятную обязанность принести слова благодарности разным людям по всему миру: Гюнтеру Лачу за помощь в работе с архивами Штази; Роберту Баеру и покойному Стенли Бедлингтону за помощь в том, чтобы разобраться в углах и закоулках в ЦРУ; Криспин Торолд и Марианне Эль-Хаджи из Специального трибунала по убийству Рафика Харири в Гааге за поразительный материал об «эскадронах смерти» «Хезболлы»; 202-му парашютному батальону Армии обороны Израиля за защиту от попыток ХАМАС взорвать дом в Наблусе, где мы находились; Акль аль-Хашему, который вытащил нас из-под обстрела в Южном Ливане (и который считал себя неуязвимым, пока его не убили боевики «Хезболлы»); специальному прокурору Аргентины, ушедшему от нас Альберто Нисману, который позволил мне стать свидетелем борьбы за правду о взрыве в Еврейском центре АМИА в Буэнос-Айресе, еще не зная, что он будет следующей жертвой этого инцидента; господину J., который сопровождал меня в зону трех границ в Сьюдад-дель-Эсте в Парагвае и настоял на том, чтобы мы вовремя покинули мечеть двоюродного брата генерального секретаря «Хезболлы»; Калдеру

Уолтону, который поделился результатами своих потрясающих исследований о деятельности британской разведки и еврейском вооруженном подпольном движении в подмандатной Палестине; моему учителю по Кембриджскому университету профессору Кристоферу Эндрю за открытие доступа к документам КГБ в «Митрохинском архиве», которые он первым обнародовал; людям под псевдонимами Ethan, Iftach и Advantage, которые дали мне многочисленные советы и рекомендации и помогли установить целую сеть полезных связей, ставших основанием для значительной доли информации, появившейся на страницах этой книги.

Особая сердечная благодарность моему другу и коллеге Хольгеру Штарку за помощь в работе с представителями немецкой разведки и оборонного истеблишмента, равно как и за содействие, совместные проекты, дружбу и многие секреты, которыми мы делились и доверяли только друг другу, и никому другому. Мой литературный агент в Германии, Ханна Лейтгеб, а также журналист и редактор Георг Масколо внесли большой вклад в издание немецкого перевода книги издательством DVA/Spiegel. Большое спасибо им обоим, а также сотрудникам издательства DVA, в особенности Юлии Хоффманн и Карен Гуддас.

Исследователь религиозного учения и практики дзен-буддизма профессор Якоб Ратц, по-настоящему просветленная личность, учил меня искусству краткости. Размер получившейся книги, который ровно в половину меньше изначальной рукописи, является ярким доказательством того, что в своем преподавании Ратц хотя бы частично добился успеха.

И наконец, я благодарю всех тех, кто давал мне интервью, и все мои источники за их время, силы и готовность к общению, а также – в некоторых случаях – за большой риск, который они при этом брали на себя. Среди них есть как те, кого я остро критиковал, так и те, от описания подвигов которых у меня буквально закипала кровь. Все они поделились со мной воспоминаниями и открыли мне сердце с тем, чтобы я смог рассказать своим читателям о неизбежном, жестком и иногда неразрешимом конфликте между стремлением государства защитить себя и основополагающими принципами демократии и морали.

Лучшие части этой книги обязаны своим появлением всем перечисленным людям. Ошибки же только мои, и я один несу за них ответственность.

Источники и библиография

ИНТЕРВЬЮ

Аарон Абрамович, Ворко Абухи, Эхуд (Уди) Адам, Натан Адамс, Авраам Адан, Наум Адмони, Гади Африат, Шломи Африат, Давид Агмон, Амрам Аарони, Цви Аарони, Ванда Акале, Лиор Акерман, Ферета Аклум, Акль аль-Хашем, Канатьян Алибеков, Дорон Алмог, Зеев Алон, Иосси Альфер, Хамди Ман, Яаков Амилрор, Меир Амит, Фрэнк Андерсон, Кристофер Эндрю, Хуго Анзореги, Узи Арад, Дрор Арад Аялон, Ясир Арафат, Давид Арбель, Дани Ардити, Моше Аренс, Анна Арох, Джулиан Ассанж, Роджер Ауке, Гад Авиран, Шай Авиталь, Юваль Авив, Пинхас Авиви, Давид Авнер, Талия Авнер, Ури Авнери, Авнер Авраам, Хаим Авраам, Аарон Аврамович, Ами Аялон, Данни Аялон, Авнер Азулай, Роберт Баэр, Иосси Байдатц, Эхуд Барак, Амация Барам, Мики Барель, Ааран Барнеа, Авнер Барнеа, Итамар Барнеа, Омер Бар-Лев, Ури Бар-Лев, Ханнан Бар-Он, Давид Баркай, Ханох Бартов, Мехерета Барух, Иона Баумель, Стенли Бедлингтон, Беньямин Бегин, Иосси Бейлин, Дорит Бейниш, Илан Бен Давид, Моше Бен Давид, Цвика Бендори, Гилад Бен Дрор, Биньямин Бен-Элиэзер, Элияху Бен-Элиссар, Эйтан Бен Элияху, Авигодор «Янош» Бен-Гал, Исаак Бен Исраэль, Артур (Ашер) Бен-Натан, Эял Бен Реувен, Эйтан Бен Цур, Барак Бен Цур, Давид Бен Узиэль, Рон Бен-Ишай, Иоран Бен Зеев, Ронни (Аарон) Бергман, Муки Бецер, Авино Бибер, Амнон Бирани, Дов Бирани, Илан Бирани, Иоав Бирани, Кай Берд, Ури Блау, Ганс Бликс, Габриэлла Блум, Нафтали Блюменталь, Иоссеф Бодански, Джойс Бойм, Зеев Бойм, Хаим Бору, Авраам Боцер, Эйтан Браун, Шломо Бром, Шай Брош, Жан-Луи Бругийер, Пинхас Бухрис, Хаим Бузагло, Цви Кафтори, Хаим Кармон, Игал Кармон, Аарон Шелуш, Двора Чен, Ури Чен, Майкл Чертофф, Итамар Хизик, Йозеф Цехановер, Уэсли Кларк, Авнер Коэн, Хаим Коэн, Моше Коэн, Ронен Коэн (ученый), Ронен Коэн (офицер АМАН), Яир Коэн, Юваль Коэн-Абарбанель, Реувен Дафни, Меир Даган, Авраам Дар, Иосси Даскаль, Руфь Даян, Узи Даян, Пуйя Даяним, Офер Декль, Ави Дихтер, Юваль

Дискин, Амнон Дрор, Моше Эфрат, Дов Эйхенвальд, Узи Эйлам, Гиора Эйланд, Роберт Эйнхорн, Йом Тов (Йоми) Эйни, Амос Эйран, Эхуд Эйран, Элад Эйзенберг, Мири Эйсин, Рафаэль Эйтан, Рольф Экеус, Офер Элад, Авигдор Элдан (Азулай), Майк Эльдар, Жан-Пьер Элраз, Хаггай Эрлих, Реувен Эрлих, Дрор Эшель, Шмуэль Эттингер, Узи Эвен, Гидеон Эзра, Меир Эзри, Ааран Зееви Фаркаш, Менахем Финкельштейн, Амит Форлит, Моти Фридман, Узи Гал, Иехоар Гал, Иоав Галант, Иорам Галин, Роберт Гейтс, Капмит Гатмон, Йешайяху Гавиш, Шломо Газит, Иоав Гелбер, Реуэл Герехт, Дитер Герхардт, Эрез Герштейн, Биньямин Гибли, Мордехай Гишон, Гидеон Гидеон, Иегуда Гиль, Амос Гилад, Амос Гилбоа, Карми Гиллон, Иосси Гинат, Изабелла Гинор, Иосси Гиноссар, Каролин Глик, Тamar Голан, Мотти Голани, Ральф Гольдман, Гади Гольдштейн, Карнит Гольдвассер, Давид Голомб, Сарит Гомес, Олег Гордиевский, Ран Горен, Ури Горен, Эйтан Хабер, Ариэ Хадар, Амин аль-Хадж, Ашер Хакини, Эли Халахми, Аарон Галеви, Ализа Маген Галеви, Авирам Галеви, Давид Галеви, Амнон Галивни, Ури Гальперин, Дан Халуц, Аугуст Ханнинг, Алоуф Харевен, Элькана Хар Ноф, Дани Харари, Шалом Харари, Иссер Харель, Хани аль-Хасан, Исраэль Хассон, Роберт Хатем, Шай Гершкович, Сеймур Херш, Робин Хиггинс, Шломо Гилель, Гал Хирш, Яир Хиршфельд, Ицхак Хофи, Лиор Хорев, Иехиэль Хорев, Рами Игра, Ицхак Илан, Давид Иври, Ариэ Ивцан, Иехиель Кадишай, Олег Калугин, Анат Камм, Цви Кантор, Иехудит Карп, Аса Кашер, Юджин Касперски, Сами Кацав, Касса Кебеде, Пауль Кедар, Руфь Кедар, Моти Кфир, Гедалия Халаф, Моти Кидор, Давид Кимше, Ярин Кимор, Эфраим Клейтан, Давид Клейн, Иони Корен, Иозеф Костинер, Ариэ Кришак, Ицхак Круизер, Давид Куби, Чен Кугель, Давид Кулиц, Иосси Купервассер, Анат Курц, Гюнтер Латш, Элиот Лауэр, Нахум Лев, Шимон Лев, Алекс Левац, Амихай Леви, Натан Левин, Натаниел Левитт, Аарон Левран, Ави Леви, Гиддеон Леви, Бернард Льюис, Рами Либер, Ави Лихтер, Алон Лиел, Данни Лимор, Амнон Липкин-Шахак, Дрор Ливне, Ципи Ливни, Лиор Лотан, Ури Лубрани, Узи Манхаими, Нир Ман, Франсин Манбар, Наум Манбар, Виктор Маркетти, Дан Маргалит, Давид Мейдан, Гиддеон Меир, Моше Меири, Неемия Меири, Иорам Мейтал, Давид Менашри, Ариэль Мерари, Реувен Мерхав, Дан Меридор, Джой Кид Мерхам, Гиди Мерон, Хези Мешита, Бенни Михельсон, Амрам Мицна, Илан Мизрахи, Шауль Мофаз,

Иекутиэль Мор, Ицхак Мордехай, Шмуэль (Сами) Мориа, Бенни Моррис, Шломо Накдимон, Хамид Насралла, Давид Натаф, Яир Навех, Иони Навон, Менахем Навот, Ори Нееман, Юваль Нееман, Джек Нерия, Биньямин Нетаньяху, Яаков Нимроди, Нимрод Нир, Альберто Нисман, Моше Ниссим, Циля Нойман, Рафи Нов, Одед (фамилия конфиденциальна), Арье Одед, Рафаэль Офек, Амир Офер, Эхуд Ольмерт, Реза Пехлеви Шах, Габриель Паскини, Александр Патниц, Шмуэль Пац, Ави Пелед, Иосси Пелед, Густаво Передник, Шимон Перес, Амир Перец, Юрий Перфильев, Яаков Пери, Ришар Перле, Израэль Перлов, Джандоменико Пикко, Цви Полег, Эли Поллак, Игал Пресслер, Ави Примор, Рон Пундак, Ицхак Пундак, Ахмед Креа, Рона Раанан Шафрир, Даля Рабин, Итамар Рабинович, Гидеон Рафаэль, Рани Рахав, Джи-брил Раджуб, Натан Ротберг (Рахав), Хаггай Рам, Хаим Рамон, Мухаммад Рашид, Яир Равид-Рабиц, Одед Рац, Бенни Регев, Ифтах Рейхер Атир, Шломи Рейсман, Даниэль Рейснер, Билл Ройс, Дафна Рон, Эран Рон, Ифтах Рон-Таль, Авраам Ротем, Данни Ротшильд, Элиаким Рубинштейн, Иосиф Саба, Дов Садан, Эзра Садан, Рахель Садан, Джахан Садат, Ури Саги, Ори Салоним, Вафик аль-Самаррай, Йом Тов Самия, Эли Сандерович, Иосси Сарид, Никола Саркози, Игал Сарна, Моше Сассон, Ури Савир, Одед Саворай, Езид Сайи, Давид Шариа, Отниель Шнеллер, Иорам Швейцер, Патрик Сил, Ицхак Сегев, Самуэль Сегев, Дрора Села, Авием Селла, Давид Сенеш, Майкл Сфард, Орен Шахор, Ярин Шахаф, Моше Шагаль, Хези Шай, Эммануэль Ша-кед, Арик Шалев, Ноам Шалит, Силван Шалом, Ицхак Шамир, Шимон Шапира, Яаков Шапира, Асаф Шарив, Шабтай Шавит, Гидеон Шеффер, Рами Шерман, Шимон Шевес, Давид Шик, Дов Шилански, Дуби Шилох, Гад Шимрон, Амир Шохам, Дан Шомрон, Давид Шомрон, Элиад Шрага, Цви Штаубер, Игал Шимон, Эфраим Снех, Овадия Софер, Сами Сокол, Али Суфан, Юваль Штейниц, Элазар Штерн, Рафи Суттон, Рами Таль, Анат Талшир, Дов Тамари, Авраам Тамир, Эльханан Танненбаум, Беньямин Телем, Ахмад Тиби, Ицхак Тидхар, Рафи Тидхар, Ёна Тильман, Тауфик Тирави, Хаим Томер, Ричард Томлинсон Элиэзер (Гейзе) Цафрир, Моше Циппфер, Иорам Турбовиц, Шалом Тургеман, Давид Цур, Эрнст Урлау, Алон Унгер, Рехавия Варди, Матан Вилнай, Давид Витал, Али Вакед, Тив Вейнер, Анита Вейнштейн, Ави Весс Ливне, Дов Вейсгласс, Роберт Уиндрем, Пол Вулфовиц, Джеймс Улси, Ицхак Яаков, Моше Яалон,

Амос Ядлин, Иорам Яир, Амос Ярон, Данни Ятом, Эхуд Ятом, Шимшон Ицхаки, Эли Иоссеф, Дов Закхейм, Цви Замир, Бенни Зееви, Надав Зееви, Дорон Зехави, Эли Зейра, Амрон Цихрони, Эваль Циссер, Эли Цив, Шабтай Цив, Эли Цохар, Гади Цохар и Гиора Зуссман, а также 350 проинтервьюированных лиц, чьи фамилии не могут быть раскрыты (инициалы или псевдонимы 163 из них помещены в примечаниях).

ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abrahamian Ervand. Khomeinism: Essays on the Islamic Republic. London: University of California Press, 1993.

Adams James. The Unnatural Alliance. London: Quartet, 1984.

Agee Philip. Inside the Company: CIA Diary. Harmondsworth, UK: Penguin, 1975.

Andrew Christopher. The Defence of the Realm: The Authorized History of the MI5. London: Penguin, 2009.

–. For the President's Eyes Only. London: HarperCollins, 1995.

Andrew Christopher and Vasili Mitrokhin. The Mitrokhin Archive II. London: Penguin, 2005.

–. The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. New York: Basic Books, 1999.

Angel Anita. The Nili Spies. London: Frank Cass & Co., 1997.

Arnon Arie, Israel Luski, Avia Spivak, and Jimmy Weinblatt. The Palestinian Economy: Between Imposed Integration and Voluntary Separation. New York: Brill, 1997.

Asculai Ephraim. Rethinking the Nuclear Non-Proliferation Regime. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, TAU, 2004.

Avi-Ran Reuven [Erlich]. The Syrian Involvement in Lebanon since 1975. Boulder, Colo.: Westview, 1991.

Bakhash Shaul. The Reign of the Ayatollahs: Iran and the Islamic Revolution. New York: Basic Books, 1984.

Baram Amatzia. Building Towards Crisis: Saddam Husayn's Strategy for Survival. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, 1998.

Barnaby Frank. The Indivisible Bomb. London: I. B. Tauris, 1989.

Ben-Menashe Ari. Profits of War: Inside the Secret U. S. – Israeli Arms Network. New York: Sheridan Square, 1992.

Bergen Peter L. Holy War Inc.: Inside the Secret World of Osama Bin Laden. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003.

Bergman Ronen. Israel and Africa: Military and Intelligence Liaisons. PhD diss., University of Cambridge, November 2006.

–. The Secret War with Iran: The 30-Year Clandestine Struggle Against the World's Most Dangerous Terrorist Power. New York: Free Press, 2008.

Bird Kai. The Good Spy. New York: Crown, 2014.

Black Ian and *Benny Morris.* Israel's Secret Wars: A History of Israel's Intelligence Services. London: Hamish Hamilton, 1991.

Blum Gabriella. Islands of Agreement: Managing Enduring Rivalries. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007.

Bobbitt Philip. Terror and Consent: The Wars for the Twenty-first Century. London: Penguin, 2008.

Bolker Joan. Writing Your Dissertation in Fifteen Minutes a Day: A Guide to Starting, Revising, and Finishing Your Doctoral Thesis. New York: Henry Holt and Co., 1998.

Boroumand Ladan. Iran: In Defense of Human Rights. Paris: National Movement of the Iranian Resistance, 1983.

Brecher Michael. Decisions in Israel's Foreign Policy. London: Oxford University Press, 1974.

Burrows William E. and *Robert Windrem.* Critical Mass. London: Simon & Schuster, 1994.

Butler Richard. Saddam Defiant. London: Weidenfeld and Nicolson, 2000.

Calvocoressi Peter. World Politics, 1945–2000. 9th ed. Harlow, UK: Pearson Education, 2001.

Carew Tom. Jihad: The Secret War in Afghanistan. Edinburgh: Mainstream, 2000.

Carré Olivier. L'Utopie islamique dans l'Orient arabe. Paris: Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1991 (in French).

Cline Ray S. and *Yonah Alexander.* Terrorism as State-Sponsored Covert Warfare. Fairfax, Va.: Hero, 1986.

Cobban Helena. The Palestinian Liberation Organisation. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984.

Cockburn Andrew and Leslie Cockburn. Dangerous Liaisons: The Inside Story of the U.S. – Israeli Covert Relationship. New York: HarperCollins, 1991.

Cohen Avner. Israel and the Bomb. New York: Columbia University Press, 1998.

Cookridge E. H. Gehlen: Spy of the Century. London: Hodder and Stoughton, 1971.

Dan Ben, Uri Dan, and Y. Ben-Porat. The Secret War: The Spy Game in the Middle East. New York: Sabra, 1970.

Deacon Richard. The Israeli Secret Service. London: Hamish Hamilton, 1977.

Dekmejian R. Hrair. Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. 2nd ed. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1995.

Drogin Bob. Curveball. New York: Random House, 2007.

Edward Shirley. Know Thine Enemy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997.

Eisenberg Dennis, Uri Dan, and Eli Landau. The Mossad: Israel's Secret Intelligence Service: Inside Stories. New York: Paddington, 1978.

Eisenstadt Michael. Iranian Military Power: Capabilities and Intentions. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, 1996.

Eveland Wilbur Crane. Ropes of Sand: America's Failure in the Middle East. New York: W. W. Norton, 1980.

Farrell William R. Blood and Rage: The Story of the Japanese Red Army. Toronto: Lexington, 1990.

Freedman Robert O. World Politics and the Arab-Israeli Conflict. New York: Pergamon, 1979.

Gabriel Richard A. Operation Peace for Galilee: The Israeli-PLO War in Lebanon. New York: Hill and Wang, 1984.

Gates Robert M. From the Shadows. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 1996.

Gazit Shlomo. Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories. London and Portland, Ore.: Frank Cass, 2003.

Gilbert Martin. The Routledge Atlas of the Arab-Israeli Conflict. New York: Routledge, 2005.

Ginor Isabella and Gideon Remez. Foxbats over Diamona. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007.

Halkin Hillel. A Strange Death. New York: PublicAffairs, 2005.

Harclerode Peter. Secret Soldiers: Special Forces in the War Against Terrorism. London: Sterling, 2000.

Hatem Robert M. From Israel to Damascus: The Painful Road of Blood, Betrayal, and Deception. La Mesa, Calif.: Pride International Press, 1999.

Hayden Michael. Playing to the Edge. New York: Penguin Press, 2016.

Hersh Seymour. The Samson Option. New York: Random House, 1991.

Hoffman Bruce. Recent Trends and Future Prospects of Iranian Sponsored International Terrorism. Santa Monica, Calif.: Rand, 1990.

Hollis Martin, and Steve Smith. Explaining and Understanding International Relations. Oxford, UK: Clarendon, 1990.

Hurwitz Harry and Yisrael Medad (eds.). Peace in the Making. Jerusalem: Gefen, 2011.

Jaber Hala. Hezbollah: Born with a Vengeance. New York: Columbia University Press, 1997.

Jonas George. Vengeance: The True Story of a Counter-Terrorist Mission. London: Collins, 1984.

Juergensmeyer Mark. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California Press, 2000.

Keddie Nikki R. (ed.). Religion and Politics in Iran: Shi'ism from Quietism to Revolution. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1983.

Kenyatta Jomo. Facing Mount Kenya. Nairobi: Heinemann Kenya, 1938.

Klein Aaron J. Striking Back: The 1972 Munich Olympics Massacre and Israel's Deadly Response. New York: Random House, 2005.

Kurginyan Sergey. The Weakness of Power: The Analytics of Closed Elite Games and Its Basic Concepts. Moscow: ECC, 2007.

Kwintny Jonathan. Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World. New York: Penguin, 1984.

Landler Mark. Alter Egos. New York: Random House, 2016.

Laqueur Walter. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. London: Phoenix Press, 1999.

Livingstone Neil C. and David Halevy. Inside the PLO. New York: Quill/William Morrow, 1990.

Marchetti Victor and John D. Marks. The CIA and the Cult of Intelligence. New York: Dell, 1980.

McGeough Paul. Kill Khalid. New York: New Press, 2009.

Mearsheimer John and Stephen Walt. The Israeli Lobby and U. S. Foreign Policy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

Melman Yossi. The Master Terrorist: The True Story Behind Abu-Nidal. London: Sidgwick & Jackson, 1987.

Menashri David (ed.). Islamic Fundamentalism: A Challenge to Regional Stability. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1993.

Mishal Shaul. The PLO Under Arafat. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986.

Mitrokhin Vasiliy. KGB Lexicon. London: Frank Cass & Co., 2002.

Mohadessin Mohammad. Islamic Fundamentalism: The New Global Threat. Washington, D.C.: Seven Locks Press, 1993.

Morris Benny and Ian Black. Israel's Secret Wars. London: Warner, 1992.

Norton Augustus Richard. Amal and the Shia: Struggle for the Soul of Lebanon. Austin: University of Texas Press, 1987.

Oded Arye. Africa and the Middle East Conflict. Boulder, Colo.: Westview, 1988.

Oliphant Laurence. The Land of Gilead. London: William Blackwood and Sons, 1880.

Ostrovsky Victor and Claire Hoy. By Way of Deception: The Making and Unmaking of a Mossad Officer. New York: St. Martin's, 1990.

Pacepa Ion Mihai. Red Horizons. Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1990.

Parsi Trita. Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Israel, Iran and the United States. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007.

Payne Ronald. Mossad: Israel's Most Secret Service. London and New York: Bantam, 1990.

Pedahzur Ami. The Israeli Secret Services and the Struggle Against Terrorism. New York: Columbia University Press, 2009.

Picco Giandomenico. Man without a Gun. New York: Times Books, 1999.

Pipes Daniel. The Hidden Hand. New York: St. Martin's, 1996.

Polakow-Suransky Sasha. The Unspoken Alliance: Israel's Secret Relationship with Apartheid South Africa. New York: Pantheon, 2010.

Porath Yehoshua. In Search of Arab Unity, 1930–1945. London: Frank Cass & Co., 1986.

Posner Steve. Israel Undercover: Secret Warfare and Hidden Diplomacy in the Middle East. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1987.

Qutb Sayyid. The Future Belongs to Islam: Our Battle with the Jews. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 2017.

Ranelagh John. The Agency: The Rise and Decline of the CIA. New York: Simon & Schuster, 1986.

Rimington Stella. Open Secret: The Autobiography of the Former Director-General of MI5. London: Hutchinson, 2002.

Rivlin Paul. The Russian Economy and Arms Exports to the Middle East. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, 2005.

Ruwayha Walid Amin. Terrorism and Hostage-Taking in the Middle East. France: publisher unknown, 1990.

Sadjadpour Karim. Reading Khamenei: The World View of Iran's Most Powerful Leader. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2009.

Said Edward. The End of the Peace Process: Oslo and After. London: Granta, 2000.

Sauer Paul. The Holy Land Called: The Story of the Temple Society. English edition. Melbourne: Temple Society, 1991.

Sayigh Yezid. Armed Struggle and the Search for State. Oxford, UK: Oxford University Press, 1997.

Schulz Richard and Andrea Dew. Insurgents, Terrorists and Militias. New York: Columbia University Press, 2006.

Schulze Kirsten E. Israel's Covert Diplomacy in Lebanon. Basingstoke, UK: Macmillan, 1998.

Seale Patrick. Abu Nidal: A Gun for Hire. London: Hutchinson, 1992.

Shirley Edward. Know Thine Enemy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997.

Shlaim Avi. The Iron Wall. London: Penguin, 2000.

Skorzeny Otto. My Commando Operations. Atglen, Pa.: Schiffer, 1995.

Smith Steven, Ken Booth, and Marysia Zalewski. International Theory: Positivism and Beyond. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.

Steven Stewart. The Spymasters of Israel. London: Hodder and Stoughton, 1981.

Sumaida Hussein and Carole Jerome. Circle of Fear. London: Robert Hale, 1992.

Taheri Amir. The Spirit of Allah. London: Hutchinson, 1985.

Tenet George. At the Center of the Storm. New York: HarperCollins, 2007.

Teveth Shabtai. Ben-Gurion's Spy: The Story of the Political Scandal That Shaped Modern Israel. New York: Columbia University Press, 1996.

Theroux Peter. The Strange Disappearance of Imam Moussa Sadr. London: Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Thomas Gordon. Gideon's Spies: The Secret History of the Mossad. London: Pan Books, 2000.

Transparency International. Global Corruption Report 2004. London: Pluto Press, 2004.

Trento Joseph J. The Secret History of the CIA. New York: MJF Books, 2001.

Trevan Tim. Saddam's Secrets: The Hunt for Iraq's Hidden Weapons. London: HarperCollins, 1999.

Treverton Gregory F. Covert Action. London: I. B. Tauris & Co., 1988.

Urban Mark. UK Eyes Alpha: The Inside Story of British Intelligence. London: Faber and Faber, 1996.

Venter Al J. How South Africa Built Six Atom Bombs. Cape Town: Ashanti, 2008.

Verrier Antony (ed.). Agent of Empire. London: Brassey's, 1995.

Walsh Lawrence E. Firewall: The Iran-Contra Conspiracy and Cover-up. New York: W. W. Norton & Co., 1997.

Walton Calder. Empire of Secrets. London: HarperPress, 2013.

Wardlaw Grant. Political Terrorism: Theory, Tactics and Counter-Measures. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982.

Wasserstein Bernard. The Assassination of Lord Moyne, Transactions & Miscellanies, vol. 27. London: Jewish Historical Society of England, 1978–80.

Webman Esther. Anti-Semitic Motifs in the Ideology of Hizballah and Hamas. Tel Aviv: Project for the Study of Anti-Semitism, 1994.

Weiner Tim. Enemies: A History of the FBI. New York: Random House, 2012.

–. Legacy of Ashes: The History of the CIA. New York: Doubleday, 2007.

Wright Robin. Sacred Rage: The Wrath of Militant Islam. New York: Simon & Schuster, 1986.

Ya'ari Ehud. Strike Terror: The Story of Fatah. New York: Sabra, 1970.

ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ

- Adam Kfir*. Closure. Oranit, Israel: Adam Kfir Technologies, 2009.
- Almog Ze'ev*. Bats in the Red Sea. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2007.
- Alpher Yossi*. Periphery: Israel's Search for Middle East Allies. Tel Aviv: Matar, 2015.
- Amidror Yaakov*. The Art of Intelligence. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2006.
- Amit Meir*. Head On: The Memoirs of a Former Mossad Director. Or Yehuda, Israel: Hed Arzi, 1999.
- Argaman Josef*. It Was Top Secret. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1990.
- . The Shadow War. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2007.
- Assenheim Omri*. Ze'elim. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.
- Aviad Guy*. Lexicon of the Hamas Movement. Ben Shemen, Israel: Modan, 2014.
- Avi-Ran Reuven*. The Lebanon War – Arab Documents and Sources: The Road to the “Peace for Galilee” War. Vols. 1 and 2. Tel Aviv: Ma'arakhot, 1978.
- Avnery Uri*. My Friend, the Enemy. London: Zed, 1986.
- Banai Yaakov*. Anonymous Soldiers. Tel Aviv: Yair, 1974.
- Bango-Moldavsky Olena and Yehuda Ben Meir*. The Voice of the People: Israel Public Opinion on National Security. Tel Aviv: INSS, 2013.
- Bar-Joseph Uri*. The Angel: Ashraf Marwan, the Mossad and the Yom Kippur War. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2010.
- Bar-On Mordechai*. Moshe Dayan. Tel Aviv: Am Oved, 2014.
- Bar-Zohar Michael*. The Avengers. Ganey Tikva, Israel: Teper Magal, 1991.
- . Ben Gurion. Tel Aviv: Miskal, 2013.
- . Issar Harel and Israel's Security Services. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970.
- . Phoenix: Shimon Peres – a Political Biography. Tel Aviv: Miskal, 2006.

Bar-Zohar Michael and Eitan Haber. Massacre in Munich. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2005.

–. The Quest for the Red Prince. Or Yehuda, Israel: Zmora-Bitan, 1984.

Barda Yael. The Bureaucracy of the Occupation. Bnei Brak, Israel: Van Leer Jerusalem Institute and Hakibbutz Hameuchad, 2012.

Bartov Hanoach. Dado: 48 Years and 20 More Days. Or Yehuda, Israel: Dvir, 2002.

Bascomb Neal. Hunting Eichmann. Tel Aviv: Miskal, 2009.

Bechor Guy. PLO Lexicon. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1991.

Beilin Yossi. Manual for a Wounded Dove. Jerusalem: Yedioth Ahronoth, 2001.

–. Touching Peace. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 1997.

Ben Dror Elad. The Mediator. Sde Boker, Israel: Ben-Gurion Research Institute for the Study of Israel and Zionism, 2012.

Ben Israel Isaac. Israel Defence Doctrine. Ben Shemen, Israel: Modan, 2013.

Ben-Natan Asher. Memoirs. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2002.

Ben Porat Yoel. Ne'ilah. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1991.

Ben-Tor Nechemia. The Lehi Lexicon. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2007.

Ben Uziel David. On a Mossad Mission to South Sudan: 1969–1971. Herzliya, Israel:

Teva Ha'Dvarim, 2015.

Benziman Uzi. I Told the Truth. Jerusalem: Keter, 2002.

Ben-Zvi Yitzhak. Sefer Hashomer. Or Yehuda, Israel: Dvir, 1957.

Bergman Ronen. Authority Granted. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 2002.

–. By Any Means Necessary: Israel's Covert War for Its POWs and MIAs. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2009.

–. Point of No Return: Israeli Intelligence Against Iran and Hizballah. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2007.

Bergman Ronen and Dan Margalit. The Pit. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

Bergman Ronen and Gil Meltzer. The Yom Kippur War: Moment of Truth. Tel Aviv:

Yedioth Ahronoth, 2003.

Betser Muki (Moshe). Secret Soldier. Jerusalem: Keter, 2015.

Blanford Nicholas. Killing Mr. Lebanon. Translated by Michal Sela. Tel Aviv: Ma'ariv, 2007.

Bloom Gadi and Nir Hefez. Ariel Sharon: A Life. Tel Aviv: Miskal, 2005.

Boaz Arie. The Origins of the Ministry of Defense. Ben Shemen, Israel: Modan, 2013.

Bowden Mark. The Finish. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2012.

Brom Shlomo and Anat Kurz (eds.). Strategic Assessment for Israel 2010. Tel Aviv:

INSS, 2010.

Burgin Maskit, David Tal, and Anat Kurz (eds.). Islamic Terrorism and Israel. Tel Aviv:

Papyrus, 1993.

Burton Fred. Chasing Shadows. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

Caroz Ya'acov. The Man with Two Hats. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2002.

Cesarani David. Major Farran's Hat. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2015.

Claire Rodger W. Raid on the Sun. Petah Tikva, Israel: Aryeh Nir, 2005.

Cohen Avner. Israel and the Bomb. New York: Schocken, 1990.

Cohen Gamliel. Under Cover. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2002.

Cohen Hillel. An Army of Shadows: Palestinian Collaborators in the Service of Zionism. Jerusalem: Ivrit, 2004.

–. Good Arabs. Jerusalem: Ivrit, 2006.

Cohen-Levinovsky Nurit. Jewish Refugees in Israel's War of Independence. Tel Aviv: Am Oved, 2014.

Danin Ezra. Always Zionist. Jerusalem: Kidum, 1987.

Dayan Moshe. Shall the Sword Devour Forever? Tel Aviv: Edanim/Yedioth Ahronoth, 1981.

–. Story of My Life. Jerusalem: Idanim and Dvir, 1976.

Dekel Efraim. Shai: The Exploits of Hagana Intelligence. Tel Aviv: IDF-Ma'archot, 1953.

Dekel-Dolitzky Elliyahu. Groundless Intelligence. Elkana, Israel: Ely Dekel, 2010.

Dietl Wilhelm. Die Agentin des Mossad. Tel Aviv: Zmora-Bitan, 1997.

Dor Danny and Ilan Kfir. Barak: Wars of My Life. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2015.

Dror Zvika. The “Arabist” of the Palmach. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 1986.

Drucker Raviv. Harakiri – Ehud Barak: The Failure. Tel Aviv: Miskal, 2002.

Edelist Ran. The Man Who Rode the Tiger. Or Yehuda, Israel: Zmora-Bitan, 1995.

Edelist Ran and Ilan Kfir. Ron Arad: The Mystery. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2000.

Eilam Uzi. The Eilam Bow. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 2013.

Eiran Ehud. The Essence of Longing: General Erez Gerstein and the War in Lebanon. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2007.

Eitan Rafael. A Soldier’s Story: The Life and Times of an Israeli War Hero. Tel Aviv: Ma’ariv, 1985.

Eldar Mike. Flotilla 11: The Battle for Citation. Tel Aviv: Ma’ariv, 1996.

–. Flotilla 13: The Story of Israel’s Naval Commando. Tel Aviv: Ma’ariv, 1993.

–. Soldiers of the Shadows. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1997.

Eldar Shlomi. Getting to Know Hamas. Jerusalem: Keter, 2012.

Elpeleg Zvi. Grand Mufti. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1989.

Elran Meir and Shlomo Brom. The Second Lebanon War: Strategic Dimensions. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2007.

Erel Nitza. Without Fear and Prejudice. Jerusalem: Magnes, 2006.

Erlich Haggai. Alliance and Alienation: Ethiopia and Israel in the Days of Haile Selassie. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 2013.

Erlich Reuven. The Lebanon Tangle: The Policy of the Zionist Movement and the State of Israel Towards Lebanon, 1918–1958. Tel Aviv: Ma’arakhot, 2000.

Eshed Haggai. One Man’s Mossad – Reuven Shiloah: Father of Israeli Intelligence. Tel Aviv: Edanim/Yedioth Ahronoth, 1988.

–. Who Gave the Order? Tel Aviv: Edanim, 1979.

Ezri Meir. Who Among You from All the People: Memoir of His Years as the Israeli Envoy in Tehran. Or Yehuda, Israel: Hed Arzi, 2001.

Farman Farmaian Sattareh and Dona Munker. Daughter of Persia. Rishon LeZion, Israel: Barkai, 2003.

Feldman Shai. Israeli Nuclear Deterrence: A Strategy for the 1980s. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 1983.

Finkelstein Menachem. The Seventh Column and the Purity of Arms: Natan Alterman on Security, Morality and Law. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 2011.

Friedman Thomas L. From Beirut to Jerusalem. Tel Aviv: Ma'ariv, 1990.

Gazit Shlomo. At Key Points of Time. Tel Aviv: Miskal, 2016.

Gelber Yoav. A Budding Fleur-de-Lis: Israeli Intelligence Services During the War of Independence, 1948–1949. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2000.

–. Growing a Fleur-de-Lis: The Intelligence Services of the Jewish Yishuv in Palestine, 1918–1947. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1992.

–. Independence Versus Nakbah: The Arab – Israeli War of 1948. Or Yehuda, Israel: Zmora-Bitan, 2004.

–. Israeli-Jordanian Dialogue, 1948–1953: Cooperation, Conspiracy, or Collusion? Brighton, UK: Sussex Academic Press, 2004.

–. Jewish Palestinian Volunteering in the British Army During the Second World War. Vol. III, The Standard Bearers: The Mission of the Volunteers to the Jewish People. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi, 1983.

Gilboa Amos. Mr. Intelligence: Ahrale Yariv. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 2013.

Gilboa Amos and Ephraim Lapid. Masterpiece: An Inside Look at Sixty Years of Israeli Intelligence. Tel Aviv: Miskal, 2006.

Gillon Carmi. Shin-Beth Between the Schisms. Tel Aviv: Miskal, 2000.

Givati Moshe. Abir 21. Jerusalem: Reut, 2003.

Golani Motti (ed.). Hetz Shachor: Gaza Raid & the Israeli Policy of Retaliation During the Fifties. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1994.

Goldstein Yossi. Rabin: Biography. New York: Schocken, 2006.

–. Golda: Biography. Sde Boker, Israel: Ben-Gurion Research Institute for the Study of Israel and Zionism, 2012.

Goodman Micha. The Secrets of the Guide to the Perplexed. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2010.

Goren Uri. On the Two Sides of the Crypto. Self-published, 2008.

Gourevitch Philip and Errol Morris. The Ballad of Abu Ghraib. Tel Aviv: Am Oved, 2010.

Gutman Yechiel. A Storm in the G.S.S. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1995.

Halamish Aviva. Meir Yaari: The Rebbe from Merhavia. Tel Aviv: Am Oved, 2009.

Halevy Aviram, Yiftach Reicher Atir, and Shlomi Reisman (eds.). Operation Yonatan in First Person. Modi'in, Israel: Efi Melzer, 2016.

Halevy Efraim. Man in the Shadows. Tel Aviv: Matar, 2006.

Haloutz Dani. Straight Forward. Tel Aviv: Miskal, 2010.

Harel Amos and Avi Issacharoff. The Seventh War. Tel Aviv: Miskal, 2004.

–. Spider Webs (34 Days). Tel Aviv: Miskal, 2008.

Harel Isser. Anatomy of Treason. Jerusalem: Idanim, 1980.

–. Security and Democracy. Jerusalem: Idanim, 1989.

–. When Man Rose Against Men. Jerusalem: Keter, 1982.

–. Yossele Operation. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1982.

Harouvi Eldad. Palestine Investigated. Kokhav Ya'ir, Israel: Porat, 2010.

Hass Amira. Drinking the Sea of Gaza. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 1996.

Hendel Yoaz and Shalom Zaki. Let the IDF Win: The Self-Fulfilling Slogan. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 2010.

Hendel Yoaz and Yaakov Katz. Israel vs. Iran. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

Herrera Ephraim and Gideon M. Kressel. Jihad: Fundamentals and Fundamentalism. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2009.

Herschovitch Shay and David Simantov. Aman Unclassified. Tel Aviv: Ma'archot MOD, 2013.

Hounam Peter. The Woman from the Mossad. Tel Aviv – Yafo: Or'Am, 2001.

Jackont Amnon. Meir Amit: A Man of the Mossad. Tel Aviv: Miskal, 2012.

Kabha Mustafa. The Palestinian People: Seeking Sovereignty and State. Tel Aviv: Matach, 2013.

Kam Ephraim. From Terror to Nuclear Bombs: The Significance of the Iranian Threat. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2004.

Kampf Zohar and Tamar Liebes. Media at Times of War and Terror. Ben Shemen, Israel: Modan, 2012.

Karsh Efraim and Inari Rautsi. Saddam Hussein: A Political Biography. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1991.

Kfir Ilan. The Earth Has Trembled. Tel Aviv: Ma'ariv, 2006.

Kimche David. The Last Option. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 1991.

Kipnis Yigal. 1973: The Way to War. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2012.

Klein Aaron J. The Master of Operation: The Story of Mike Harari. Jerusalem: Keter, 2014.

–. Striking Back: The 1972 Munich Olympics Massacre and Israel's Deadly Response. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2006.

Klieman Ahron. Double Edged Sword. Tel Aviv: Am Oved, 1992.

Klingberg Marcus and Michael Sfard. The Last Spy. Tel Aviv: Ma'ariv, 2007.

Knopp Guido. Göring: Eine Karriere. Tel Aviv: Ma'ariv, 2005.

Kotler Yair. Joe Returns to the Limelight. Ben Shemen, Israel: Modan, 1988.

Kramer Martin. Fadlallah: The Moral Logic of Hizballah. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1998.

Kramer Martin (ed.). Protest and Revolution in Shi'i Islam. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1987.

Kupperman Robert H. and Darrell M. Trent. Terrorism: Threat, Reality, Response. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1979.

Kurtz Anat. Islamic Terrorism and Israel: Hizballah, Palestinian Islamic Jihad and Hamas. Tel Aviv: Papyrus, 1993.

Kurtz Anat and Pnina Sharvit Baruch (eds.). Law and National Security. Tel Aviv: INSS, 2014.

Lahad Antoine. In the Eye of the Storm: Fifty Years of Serving My Homeland Lebanon: An Autobiography. Tel Aviv: Miskal, 2004.

Landau David. Arik: The Life of Ariel Sharon. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2013.

Lazar Hadara. Six Singular Individuals. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 2012.

le Carré John. The Pigeon Tunnel. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2017.

Levi Nissim. One Birdless Year. Tel Aviv: Am Oved, 2006.

Lew Uzrad. Inside Arafat's Pocket. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2005.

Livneh Eliezer, Yosef Nedava, and Yoram Efrati. Nili: The History of Political Daring. New York: Schocken, 1980.

Lotz Wolfgang. Mission to Cairo. Tel Aviv: Ma'ariv, 1970.

Lowther William. Arms and the Man. Tel Aviv: Ma'ariv, 1991.

Macintyre Ben. Double Cross: The True Story of the D-Day Spies. Translated by Yossi Millo. Tel Aviv: Am Oved, 2013.

Maiberg Ron. The Patriot. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2014.

Mann Nir. The Kirya in Tel Aviv, 1948–1955. Jerusalem: Carmel, 2012.

–. Sarona: Years of Struggle, 1939–1948. 2nd ed. Jerusalem: Yad Izhak Ben Zvi, 2009.

Mann Rafi. The Leader and the Media. Tel Aviv: Am Oved, 2012.

Maoz Moshe. The Sphinx of Damascus. Or Yehuda, Israel: Dvir, 1988.

Margalit Dan. Disillusionment. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2009.

–. I Have Seen Them All. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 1997.

–. Paratroopers in the Syrian Jail. Tel Aviv: Moked, 1968.

Marinsky Arie. In Light and in Darkness. Jerusalem: Idanim, 1992.

Mass Efrat. Yael: The Mossad Combatant in Beirut. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 2015.

Medan Raphi. Unpublished manuscript, 2010.

Melman Yossi. Israel Foreign Intelligence and Security Services Survey. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 1982.

Melman Yossi and Eitan Haber. The Spies: Israel's Counter-Espionage Wars. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 2002.

Melman Yossi and Dan Raviv. The Imperfect Spies. Tel Aviv: Ma'ariv, 1990.

–. Spies Against Armageddon. Tel Aviv: Miskal, 2012.

Menashri David. Iran After Khomeini: Revolutionary Ideology Versus National Interests. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1999.

–. Iran Between Islam and the West. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1996.

Merari Ariel and Shlomi Elad. The International Dimension of Palestinian Terrorism. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 1986.

Moreh Dror. The Gatekeepers: Inside Israel's Internal Security Agency. Tel Aviv: Miskal, 2014.

Morris Benny. Israel's Border Wars, 1949–1956. Tel Aviv: Am Oved, 1996.

Nachman Tepper Noam. Eli Cohen: Open Case. Modi'in, Israel: Efi Melzer, 2017.

Nadel Chaim. Who Dares Wins. Ben Shemen, Israel: Modan, 2015.

Nafisi Azar. Reading Lolita in Tehran. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2005.

Nakdimon Shlomo. Tammuz in Flames. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1986.

Naor Mordecai. Laskov. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1988.

–. Ya'akov Dori: I.D.F. First Chief of Staff. Ben Shemen, Israel: Modan, 2011.

Nasr Vali. The Shia Revival. Tel Aviv: Miskal, 2011.

Naveh Dan. Executive Secrets. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 1999.

Navot Menachem. One Man's Mossad. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2015.

Netanyahu Iddo (ed.). Sayeret Matkal at Antebbe. Tel Aviv: Miskal, 2006.

Nevo Azriel. Military Secretary. Tel Aviv: Contento, 2015.

Nimrodi Yaakov. Irangate: A Hope Shattered. Tel Aviv: Ma'ariv, 2004.

Oren Ram. Sylvia. Jerusalem: Keshet, 2010.

Oufkir Malika and Michele Fitoussi. The Prisoner. Or Yehuda, Israel: Kinneret, 2001.

Pacepa Ion Mihai. Red Horizons. Tel Aviv: Ma'ariv, 1989.

Pail Meir and Avraham Zohar. Palmach. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 2008.

Palmor Eliezer. The Lillehammer Affair. Israel: Carmel, 2000.

Paz Reuven. Suicide and Jihad in Palestinian Radical Islam: The Ideological Aspect. Tel Aviv: Tel Aviv University Press, 1998.

Perry Yaakov. Strike First. Jerusalem: Keshet, 1999.

Pirsig Robert M. Zen and the Art of Motorcycle Maintenance. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 1974.

Porat Dina. Beyond the Corporeal: The Life and Times of Abba Kovner. Tel Aviv: Am Oved and Yad Vashem, 2000.

Pressfield Steven. Killing Rommel. Petah Tikva, Israel: Aryeh Nir, 2009.

Pundak Ron. Secret Channel. Tel Aviv: Sifrey Aliyat Hagag – Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 2013.

Pundak Yitzhak. Five Missions. Tel Aviv: Yaron Golan, 2000.

Rabinovich Itamar. The Brink of Peace: Israel & Syria, 1992–1996. Tel Aviv: Miskal, 1998.

–. Waging Peace. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 1999.

–. Yitzhak Rabin: Soldier, Leader, Statesman. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2017.

Rachum Ilan. The Israeli General Security Service Affair. Jerusalem: Carmel, 1990.

Ram Haggai. Reading Iran in Israel: The Self and the Other, Religion, and Modernity. Bnei Brak, Israel: Van Leer Jerusalem Institute and Hakibbutz Hameuchad, 2006.

Raphael Eitan. A Soldier's Story: The Life and Times of an Israeli War Hero. Tel Aviv: Ma'ariv, 1985.

Ravid Yair. Window to the Backyard: The History of Israel-Lebanon Relations – Facts & Illusions. Yehud, Israel: Ofir Bikurim, 2013.

Regev Ofer. Prince of Jerusalem. Kokhav Ya'ir, Israel: Porat, 2006.

Rika Eliahu. Breakthrough. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1991.

Ronen David. The Years of Shabak. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1989.

Ronen Yehudit. Sudan in a Civil War: Between Africanism, Arabism and Islam. Tel Aviv: Tel Aviv University Press, 1995.

Rosenbach Marcel and Holger Stark. WikiLeaks: Enemy of the State. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

Ross Michael. The Volunteer: A Canadian's Secret Life in the Mossad. Tel Aviv: Miskal, 2007.

Rubin Barry and Judith Colp-Rubin. Yasir Arafat: A Political Biography. Tel Aviv: Miskal, 2006.

Rubinstein Danny. The Mystery of Arafat. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2001.

Sagie Uri. Lights Within the Fog. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 1998.

Scharia David. The Pure Sound of the Piccolo: The Supreme Court of Israel, Dialogue and the Fight Against Terrorism. Srigim, Israel: Nevo, 2012.

Schiff Ze'ev and *Ehud Ya'ari*. Israel's Lebanon War. New York: Schocken, 1984.

Seale Patrick. Assad. Tel Aviv: Ma'arakhot, 1993.

Segev Shmuel. Alone in Damascus: The Life and Death of Eli Cohen. Jerusalem: Keter, 2012. First published 1986.

–. The Iranian Triangle: The Secret Relation Between Israel-Iran-U.S.A. Tel Aviv: Ma'ariv, 1981.

–. The Moroccan Connection. Tel Aviv: Matar, 2008.

Segev Tom. Simon Wiesenthal: The Life and Legends. Jerusalem: Keter, 2010.

Senor Dan and *Saul Singer*. Start Up Nation. Tel Aviv: Matar, 2009.

Shabi Aviva and *Ronni Shaked*. Hamas: Palestinian Islamic Fundamentalist Movement. Jerusalem: Keter, 1994.

Shai Nachman. Media War: Reaching for the Hearts and Minds. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 2013.

Shalev Aryeh. The Intifada: Causes and Effects. Tel Aviv: Papyrus, 1990.

Shalom Zaki and *Yoaz Hendel*. Defeating Terror. Tel Aviv: Miskal, 2010.

Shamir Yitzhak. As a Solid Rock. Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 2008.

Shapira Shimon. Hezbollah: Between Iran and Lebanon. Bnei Brak, Israel: Hakibbutz Hameuchad, 2000.

Sharon Gilad. Sharon: The Life of a Leader. Tel Aviv: Matar, 2011.

Shay Shaul. The Axis of Evil: Iran, Hezbollah, and Palestinian Terror. Herzliya, Israel: Interdisciplinary Center, 2003.

–. The Islamic Terror and the Balkans. Herzliya, Israel: Interdisciplinary Center, 2006.

–. The Never-Ending Jihad. Herzliya, Israel: Interdisciplinary Center, 2002.

–. The Shahids: Islam and Suicide Attacks. Herzliya, Israel: Interdisciplinary Center, 2003.

Sheleg Yair. Desert's Wind: The Story of Yehoshua Cohen. Haqirya, Israel: Ministry of Defense, 1998.

Sher Gilad. Just Beyond Reach. Tel Aviv: Miskal, 2001.

Shilon Avi. Menachem Begin: A Life. Tel Aviv: Am Oved, 2007.

Shimron Gad. The Execution of the Hangman of Riga. Jerusalem: Keter, 2004.

–. The Mossad and Its Myth. Jerusalem: Keter, 1996.

Shomron David. Imposed Underground. Tel Aviv: Yair, 1991.

Shur Avner. Crossing Borders. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2008.

–. Itamar's Squad. Jerusalem: Keter, 2003.

Sivan Emmanuel. The Fanatics of Islam. Tel Aviv: Am Oved, 1986.

Sobelman Daniel. New Rules of the Game: Israel and Hizbollah After the Withdrawal from Lebanon Memorandum № 65. Tel Aviv: INSS, March 2003.

Stav Arie (ed.). Ballistic Missiles, Threat and Response: The Main Points of Ballistic Missile Defense. Jerusalem: Yedioth Ahronoth, 1998.

Sutton Rafi. The Sahlav Vendor: Autobiography and Operations in the Israeli Intelligence and Mossad Service. Jerusalem: Lavie, 2012.

Sutton Rafi and *Yitzhak Shoshan*. Men of Secrets, Men of Mystery. Tel Aviv: Edanim/ Yedioth Ahronoth, 1990.

Sykes Christopher. Cross Roads to Israel. Tel Aviv: Ma'arakhot, 1987.

Tal Nahman. Confrontation at Home: Egypt and Jordan Against Radical Islam. Tel Aviv: Papyrus, 1999.

Tamir Moshe. Undeclared War. Haqiryia, Israel: Ministry of Defense, 2006.

Tehari Amir. The Spirit of Allah. Tel Aviv: Am Oved, 1985.

Tepper Noam Nachman. Eli Cohen: Open Case. Modi'in, Israel: Efi Melzer, 2017.

Teveth Shabtai. Shearing Time: Firing Squad at Beth-Jiz. Tel Aviv: Ish Dor, 1992.

Tsafrir Eliezer (Geizi). Big Satan, Small Satan: Revolution and Escape in Iran. Tel Aviv: Ma'ariv, 2002.

–. Labyrinth in Lebanon. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth, 2006.

Tsiddon-Chatto Yoash. By Day, by Night, Through Haze and Fog. Tel Aviv: Ma'ariv, 1995.

Tsoref Hagai (ed.). Izhak Ben-Zvi, the Second President: Selected Documents (1884–1963). Jerusalem: Israel State Archives, 1998.

Tzipori Mordechai. In a Straight Line. Tel Aviv: Miskal – Yedioth Ahronoth and Chemed, 1997.

Tzipori Shlomi. Justice in Disguise. Tel Aviv: Agam, 2004.

Weissbrod Amir. Turabi, Spokesman for Radical Islam. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1999.

Weissglass Dov. Ariel Sharon: A Prime Minister. Tel Aviv: Miskal, 2012.

Wolf Markus. Man without a Face. Or Yehuda, Israel: Hed Arzi, 2000.

Woodward Bob. Veil: The Secret Wars of the CIA, 1981–1987. Or Yehuda, Israel: Kinneret, 1990.

Wright Lawrence. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2007.

Ya'alon Moshe. The Longer Shorter Way. Tel Aviv: Miskal, 2008.

Yahav Dan. His Blood Be on His Own Head: Murders and Executions During the Era of the Yishuv, 1917–1948. Self-published, 2010.

Yakar Rephael. The Sultan Yakov Battle. Tel Aviv: IDF, History Department, 1999.

Yalin-Mor Nathan. Lohamey Herut Israel. Jerusalem: Shikmona, 1974.

Yatom Danny. The Confidant. Tel Aviv: Miskal, 2009.

Yeger Moshe. The History of the Political Department of the Jewish Agency. Tel Aviv: Zionist Library, 2011.

Zahavi Leon. Apart and Together. Jerusalem: Keter, 2005.

Zamir Zvi and Efrat Mass. With Open Eyes. Or Yehuda, Israel: Kinneret Zmora-Bitan Dvir, 2011.

Zichrony Amnon. 1 Against 119: Uri Avnery in the Sixth Knesset. Tel Aviv: Mozes, 1969.

Zonder Moshe. Sayeret Matkal: The Story of the Israeli SAS. Jerusalem: Keter, 2000.

Другие архивные материалы, источники и фотографии, использованные в исследовательской работе над этой книгой, можно найти на сайте www.ronenbergman.com

NEW YORK TIMES BESTSELLER

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

ВОССТАТЬ

ИЗРАИЛЬСКИХ

И УБЕЙ

ТОЧЕЧНЫХ ЛИКВИДАЦИЙ

ПЕРВЫМ

РОНЕН БЕРГМАН

18+

Примечания

1

Архив Армии обороны Израиля и Министерства обороны (в котором находится и архив военной разведки АМАН) разрешил доступ только к небольшому количеству досье, а в них – только к материалам, которые изначально появились в открытых СМИ, – иными словами, речь шла о нулевом их соответствии оригинальным документам. Шин Бет согласилась прислать лишь несколько таблиц, касавшихся террористических атак и данных о нескольких конкретных террористах, но отказалась раскрывать какие-либо сведения о своих операциях. «Моссад» не поддерживает никаких отношений со СМИ. Все усилия, направленные на получение содействия со стороны его специального подразделения, «Кесарии», оказались неудачными. Отвечая на мою просьбу об интервью, историк подразделения Y. сказал мне: «Даже если бы я был последним человеком в разведывательном сообществе, который еще не встречался с вами, я ни в коем случае не пошел бы на сотрудничество. Я презираю того, кто дал вам номер моего телефона, как презираю и вас» (Обмен СМС-сообщениями с Y., 15 августа 2015).

[Вернуться](#)

2

Верховный суд Израиля HCOJ 4801/07, Dr. Ronen Bergman and Yedioth Ahronoth v. the Prime Minister's Office, the Defense Ministry Director General, the Mossad and Director of the Mossad, the Shin Bet and Director of the Shin Bet, and the Atomic Energy Commission (Ронен Бергман и газета Yedioth Ahronoth против секретариата премьер-министра, генерального директора Министерства обороны, директора «Моссада», директора Шин Бет, а также Комиссии по атомной энергии).

[Вернуться](#)

3

Исследования вскрыли шпионскую деятельность людей в окружении начальника Генерального штаба против министра обороны, Эхуда Барака, что было позже описано в моей книге «Яма» (The Pit) (в соавторстве с журналистом Даном Маргалитом). Uri Misgav. Ex-CoS Gabi Ashkenazi Pressed the Shin Bet to Open an Investigation Against a Journalist; Haaretz, November 29, 2013. Richard Silverstein. IDF Chief Threatened Journalist with Espionage for Exposing Rampant Military Corruption; *Tikun Olam*. December 20, 2013, <https://www.richardsilverstein.com/2013/12/20/idf-chief-threatened-journalist-with-espionage-for-exposing-rampant-military-corruption/>

[Вернуться](#)

4

Большинство интервью было проведено после того, как в 2010 году началась работа над этой книгой, и лишь небольшая их часть была осуществлена в ходе исследовательской работы по другим проектам в предшествовавшие два десятилетия. Ни одно из этих интервью не было официально санкционировано.

[Вернуться](#)

5

Интервью с Меиром Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

6

В связи с публикацией мною этих материалов Даган вынудил премьера Эхуда Ольмерта приказать Шин Бет провести полномасштабное расследование, чтобы установить источники утечек, в том числе дать санкцию на прослушивание телефонных разговоров

руководителей различных подразделений «Моссада». По следам этого расследования Даган уволил тогдашнего своего заместителя, которого обвинил в организации утечек, несмотря на упорное отрицание этого данным сотрудником. *Ronen Bergman*. Dismissal at Mossad's High // Yedioth Ahronoth, 10 July 2007.

[Вернуться](#)

7

Корпус стражей исламской революции – иранское военно-политическое формирование, объявленное в ряде стран террористической организацией.

[Вернуться](#)

8

Интервью с Eldy, июнь 2014, и Nietzsche, июль 2007.

[Вернуться](#)

9

ХАМАС признан террористической организацией Израилем, Канадой, США, Японией и Европейским Союзом, также его деятельность запрещена в Иордании и Египте. В ряде стран террористическим признается только радикальное крыло ХАМАС.

[Вернуться](#)

10

Эти цифры относятся ко всем операциям по политическим убийствам, о которых была собрана информация в процессе исследовательской работы над этой книгой. Большинство из них в ней упоминаются. Однако точный подсчет сложен, поскольку цель операции иногда смешанная – это и помещения, занимаемые врагом, и обособленные объекты, и конкретные люди. Приведенное здесь

количество операций включает в себя акции Фронта за освобождение Ливана от иностранцев – террористической организации, которой Израиль управлял в Ливане в 1980–1983 годах и которая сама нападала на многих членов ООП и палестинских гражданских лиц, а также неудачные попытки операции Salt Fish убить Арафата, которые стоили жизни многим простым палестинцам. Поскольку большой объем информации, хранящейся в сейфах разведывательных ведомств Израиля, недоступен, приводимые здесь оценки достаточно осторожные. Действительное число операций, скорее всего, значительно выше.

[Вернуться](#)

11

Источники в Шин Бет утверждают, что в период второй интифады на каждую успешно проведенную операцию по ликвидации «цели» приходилось от пяти до семи неудавшихся попыток покушения на того же человека. Некоторые из этих акций останавливались еще до открытия огня, некоторые – из-за того, что ракеты уводились в сторону, когда в зоне атаки появлялись гражданские лица, а некоторые – просто потому, что стрелявшие промахивались. Во время операции «Хищные птицы», с которой началось противостояние ХАМАС и Израиля в Газе в 2008 году, израильтяне попытались посеять «страх и трепет» в секторе Газа, проведя более 1000 бомбовых ударов, часть которых была нацелена на боевиков, а часть – на здания и складские помещения. Интервью с Эхудом Бараком, 1 июля 2013; Иоавом Галантом, 1 июня 2011; Amazonas, июнь 2017.

[Вернуться](#)

12

В интервью с автором (12 июня 2016) Тим Вейнер, автор книги «Наследие пепелищ» (Legacy of Ashes), авторитетной истории ЦРУ, утверждал, что организованные ЦРУ покушения на политических лидеров были успешными. Однако все они были остановлены после убийства президента Джона Ф. Кеннеди. Вместе с тем, по словам

Вейнера, ЦРУ в дальнейшем продолжило предоставление разведывательной информации и оперативной поддержки союзникам США по всему миру, и многие тысячи людей были убиты этими союзниками в результате прямой и косвенной помощи ЦРУ – некоторые во время пыток, другие – в локальных военных столкновениях, которые ЦРУ осуществляло вплоть до окончания «холодной войны». Общую численность убитых союзниками и агентами ЦРУ установить очень трудно, но Вейнер высказывался в том смысле, что только во Вьетнамской войне было убито более 20 000 человек, подозреваемых в принадлежности к вьетконгу. В связи с целой волной расследований различными ведомствами США деятельности ЦРУ президенты Форд и Картер издавали директивы, запрещающие американским спецсужбам осуществлять любые прямые или не прямые «целевые» убийства. Однако после событий 11 сентября 2001 года такие операции возобновились и осуществлялись в основном с помощью дронов в Пакистане, Афганистане, Сомали и Йемене. Числа, упоминаемые в книге, взяты с сайта расположенного в Вашингтоне исследовательского центра New America, <https://www.newamerica.org/in-depth/americas-counterterrorism-wars/pakistan/>

[Вернуться](#)

13

«Аль-Каида» («База») входит в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Деятельность организации запрещена на территории России.

[Вернуться](#)

14

Интервью с Давидом Шомроном, 26 мая 2011 и Ицхаком Шамиром, январь 1997.

[Вернуться](#)

15

Harouvi. Palestine Investigated. P. 230 (иврит).

[Вернуться](#)

16

Интервью с Ицхаком Шамиром, январь 1997.

[Вернуться](#)

17

Harouvi. Palestine Investigated. P. 191 (иврит); Banai. Anonymous Soldiers. P. 243 (иврит). Опасаясь убийства Мортонa, власти перевели его в британскую колонию в Тринидад, но «Лехи» пыталась ликвидировать его и там. См.: *Yahav. His Blood Be on His Own Head: Murders and Executions During the Era of the Yishuv. P. 286 (иврит).*

[Вернуться](#)

18

Harouvi. Palestine Investigated. P. 235.

[Вернуться](#)

19

Интервью с Шомроном, 26 мая 2011.

[Вернуться](#)

20

Ben-Tor. The Lehi Lexicon. P. 119–120 (иврит).

[Вернуться](#)

21

Интервью с Шомроном, 26 мая 2011.

[Вернуться](#)

22

До сих пор точно не известна дата той исторической встречи. Большинство израильских источников на иврите указывают 29 сентября, тогда как англоязычные источники упоминают 28 сентября. Все источники едины в том, что это собрание проходило накануне праздника Симхат Тора в 1907 году, в том году праздник выпал на 30 сентября.

[Вернуться](#)

23

Существуют также разногласия по количеству участников собрания. Большинство источников указывает число семь, но некоторые говорят о десяти. Причиной может являться то, что после того, как событие уже свершилось, став историческим, к нему захотели присоединиться и другие участники.

[Вернуться](#)

24

Hagai. Yitzhak Ben-Zvi: Selected Documents. P. 15–16 (иврит).

[Вернуться](#)

25

Участие евреев в революционных движениях было не редким в 1870-х годах. См.: Vital. *A People Apart: A Political History of the Jews in Europe 1789–1939. P. 400–415.*

[Вернуться](#)

26

Особенно страстной революционеркой была Маня Шохат, которая присоединилась к движению несколько позже. Она принимала участие в террористических акциях в России и даже хранила нелегальное оружие у себя дома в Одессе. Когда один студент случайно увидел это оружие, Маня, не колеблясь, застрелила его из миниатюрного пистолета. Потом она и ее товарищ отрезали мертвецу ноги, чтобы тело поместилось в чемодан, который они отправили по фальшивому адресу. См.: *Lazar. Six Singular Individuals*. P. 52–53 (иврит).

[Вернуться](#)

27

Yahav. His Blood Be on His Own Head. P. 40 (иврит).

[Вернуться](#)

28

Ibid. P. 33–39 (иврит).

[Вернуться](#)

29

Позднее оказалось, что Маня Шохат, одна из основательниц «Ха-Шомер», которая отправляла на задания боевиков, принимала решения на основе неверной информации. См.: *Dalia Karpel. The Untold Story About the Wrong Arab, Who Got Assassinated by Manya Shochat* // *Haaretz*, June 5, 2009; *Yahav. His Blood Be on His Own Head*. P. 41 (иврит); *Lazar. Six Singular Individuals*. P. 78–93.

[Вернуться](#)

30

Nakdimon. De-Han: The First Political Murder. P. 171–182 (иврит).
Интервью со Шломо Накдимомом, 18 февраля 2015. Письмо от Накдимона, 29 мая 2017.

[Вернуться](#)

31

Israel Galili Testimony, Yad Tabenkin Archive (YTA), 5/7/1–2–15.

[Вернуться](#)

32

Как и любому подпольному движению, сионистским ячейкам постоянно угрожали проникновения врагов и раскрытия. Информаторов-евреев, как только на них падало подозрение, ликвидировали – 26 было уничтожено «Иргуном» и 29 – «Лехи». Сам Бен-Гурион санкционировал ликвидацию предателей-евреев «Хаганой», предавая эти убийства широкой огласке, дабы предостеречь от предательства других. См.: *Gelber. A Budding Fleur-de-Lis: Israeli Intelligence Services During the War of Independence, 1948–1949. P. 553 (иврит).* Количество убитых приведено из исследований журналиста Шломо Накдимона.

[Вернуться](#)

33

Ronen Bergman. The Scorpion File Yedioth Ahronoth, 30 марта, 2007.

[Вернуться](#)

34

Интервью с Мордехаем Гишоном, 7 мая 2010.

[Вернуться](#)

35

Материалы, отправленные членами бригады, включая Гишона, руководителям «Хаганы» и Ишува в Палестине, были первой информацией о масштабах уничтожения евреев в Европе. Сначала отчеты поступили из Италии и Австрии, а в октябре 1945 года – из Польши и непосредственно из концентрационных лагерей.

[Вернуться](#)

36

Интервью с Ханохом Бартовым, 6 июня 2010.

[Вернуться](#)

37

Даже лидеры левацкого движения «Ха-Шомер Хатцаир» знали об операциях возмездия и молча соглашались с ними. См.: *Halamish. Meir Yaari*. P. 283 (иврит).

[Вернуться](#)

38

Другие операции возмездия осуществлялись группами евреев-партизан под командованием Аббы Ковнера, которые сражались с немцами. Они хотели убить шесть миллионов немцев, отравив источники питьевой воды. Позже они изменили планы и пытались уничтожить немецких военнопленных, отравляя их хлеб. Ученые из Ишува снабжали их мышьяком, но до сих пор неизвестно, что знали об этих планах лидеры Палестины. Партизаны утверждают, что смогли ликвидировать сотни немцев, однако американские военные, контролировавшие лагерь, сообщали о том, что от острых пищевых отравлений умерло только несколько десятков немецких

военнопленных. Интервью с Диной Порат, октябрь 2014. См.: *Porat. Beyond the Corporeal: The Life and Times of Abba Kovner*. P. 224–248; *Bar-Zohar. The Avengers*. P. 40–47 (иврит).

[Вернуться](#)

39

Свидетельство под присягой Калмана Кита, Haganah Historical Archives, 48.42.

[Вернуться](#)

40

Интервью с Гишоном, 7 мая 2010.

[Вернуться](#)

41

Свидетельство под присягой Дова Гура, ННА, 12.36. См. также: *Gelber. Jewish Palestinian Volunteering in the British Army*. P. 307–308 (иврит).

[Вернуться](#)

42

Свидетельства в сериале *The Avengers* («Мстители»), режиссер Ярин Кимор. Сериал транслировался по 1-му каналу израильского телевидения в 2015 году. Записи свидетельств любезно предоставлены Ярином Кимором из личного архива.

[Вернуться](#)

43

Гой (ивр.) – обозначение нееврея (неиудея в иудаизме), встречается в обиходной речи в значении «иноверец».

[Вернуться](#)

44

Свидетельство под присягой Исраэля Карми, ННА, 51.4.

[Вернуться](#)

45

Интервью с Гишоном, 7 мая 2010. Дневник офицера разведки первого батальона бригады (архив автора, получено от Гишона).

[Вернуться](#)

46

Для того чтобы скрыть свою деятельность, осуществлявшуюся по ночам, группа мстителей, которая в дневное время выступала в качестве солдат регулярной британской армии, использовала как прикрытие выдуманное ими самими подразделение, взвод TTG британской армии. Бумаги с этим логотипом еврейские солдаты предъявляли патрулям и охране на блокпостах во время проведения своих акций (а также во время контрабанды оружия и евреев, переживших холокост). Буквы TTG, которые британские патрули считали обозначением совершенно секретного подразделения, настолько секретного, что никто о нем ничего не слышал, на самом деле были сокращением фразы *tilhaz tizi gesheftn*, что на комбинации идиша и арабского означало «поцелуй меня в задницу». См.: *Eldar. Soldiers of the Shadows*. P. 12, 17 (иврит).

[Вернуться](#)

47

Свидетельство Шалома Гилады, НАА, 150.004.

[Вернуться](#)

48

Bar-Zohar. Avengers. P. 37 (иврит).

[Вернуться](#)

49

Интервью с Иоавом Гелбером, 16 мая 2011. См.: *Naor. Laskov.* P. 141–143 (иврит). Ветераны «Гмуля» признают только одну ошибку: в июне 1945 года они были уверены в том, что установили и ликвидировали Адольфа Эйхмана, офицера СС, несущего ответственность за отправку на смерть миллионов евреев. Только через годы после этой акции, получив информацию о том, что Эйхман жив, они поняли, что ошибались.

[Вернуться](#)

50

Gelber. Growing a Fleur-de-Lis. P. 457–60 (иврит).

[Вернуться](#)

51

Mann. Sarona: Years of Struggle, 1939–1948. P. 111–113 (иврит).

[Вернуться](#)

52

David Giladi. With the Son of Wagner from Sarona, and with the Guest from the Monastery in Budapest // Yedioth Ahronoth, 29 March 1946; The “Palestinians” Were Supervising the Extermination // Yedioth Ahronoth, 31 March 1946.

[Вернуться](#)

53

Интервью с Рафи Эйтаном, 24 января 2013.

[Вернуться](#)

54

German Shot Dead // Palestine Post, 24 March 1946; *Mann. Sarona*. P. 111–138 (иврит).

[Вернуться](#)

55

Yahav. His Blood Be on His Own Head. P. 96 (иврит).

[Вернуться](#)

56

Mann. Sarona. P. 124 (иврит).

[Вернуться](#)

57

Sauer. The Story of the Temple Society. P. 260. Интервью с Эйтаном 24 января 2013.

[Вернуться](#)

58

Со временем, в качестве части соглашения о репарациях по итогам Второй мировой войны и холокоста, подписанного между Западной

Германией и Израилем, государство Израиль согласилось компенсировать темплерам стоимость их имущества, которое они оставили в Палестине. См.: *Mann. The Kirya in Tel-Aviv: 1948–1955. P. 29–30* (иврит).

[Вернуться](#)

59

Например, после того, как четыре еврея были убиты и семь ранены в кафе в Тель-Авиве 10 августа 1947 года, группа из пяти боевиков «Хаганы» была направлена для ликвидации человека, который был идентифицирован как руководитель террористического акта. Они не нашли его дома, но убили пятерых прохожих, которые пытались убежать от них. См.: *Yahav. His Blood Be on His Own Head. P. 91* (иврит).

[Вернуться](#)

60

Yahav. His Blood Be on His Own Head. P. 97 (иврит).

[Вернуться](#)

61

Yahav. His Blood Be on His Own Head. P. 25 (иврит); *Banai. Anonymous Soldiers. P. 243; Frank. Deed. P. 20–21* (иврит).

[Вернуться](#)

62

Ben-Tor. Lehi Lexicon. P. 198–200; Yalin-Mor. Lohamey Herut Israel. P. 210–221 (иврит).

[Вернуться](#)

63

Интервью с Шамиром, январь 1997. См.: *Michael J. Cohen*. The Moyne Assassination, November 1944: A Political Assessment // *Middle Eastern Studies*, vol. 15, № 3 (1979). P. 358–373.

[Вернуться](#)

64

Porath. In Search of Arab Unity, 1930–1945. P. 134–148 (иврит); *Wasserstein*. The Assassination of Lord Moyne. P. 72–83.

[Вернуться](#)

65

Arnaldo Cortesi. Rome Hunts Clues in Embassy Blast // *The New York Times*, November 1, 1946.

[Вернуться](#)

66

Stern Group, s.111z: Alex Kellar to Trafford Smith, Colonial Office (August 16, 1946). James Robertson to Leonard Burt, Special Branch (August 26, 1946), NA KV5/30.

[Вернуться](#)

67

Appreciations of the Security Problems Arising from Jewish Terrorism, Jewish Illegal Immigration, and Arab Activities, August 28, 1946, UK NA KV3/41. Интервью с Полом Кедаром 15 июня 2011; Activities of the Stern Group, James Robertson to Trafford Smith, Colonial Office, February 5, 1946, UK NA FO 371/52584; *Walton*. Empire of Secrets. P. 78–80.

[Вернуться](#)

68

Интервью с Шомроном, 26 мая 2011.

[Вернуться](#)

69

Davar, December 1, 1947. Интервью с Гелбером 16 мая 2011.

[Вернуться](#)

70

Gelber. Independence Versus Nakbah. P. 119 (иврит).

[Вернуться](#)

71

Количество 500 было взято у Кая Бёрда: *The Good Spy*. P. 87.

[Вернуться](#)

72

Danin. Tzioni in Every Condition. P. 222–225 (иврит).

[Вернуться](#)

73

Яд, который предполагалось использовать в ходе операции «Атлас», был оксидом мышьяка. Согласно показаниям участников операции, которые подверглись допросам с пристрастием со стороны британской разведки, их целью было «нанесение максимального ущерба» общим врагам палестинцев и нацистов – евреям, англичанам и американцам (UK NA KV2/455).

[Вернуться](#)

74

Сведения о попытках покушения на муфтия взяты из *Yahav. His Blood Be on His Own Head*. P. 94 (иврит). См. также: *Gelber. Growing a Fleur-de-Lis*. P. 653.

[Вернуться](#)

75

Pedahzur. The Israeli Secret Services. P. 18; *Harel. Security and Democracy*. P. 94 (иврит).

[Вернуться](#)

76

Саламе был ранен осколком мины 31 мая 1948 года в сражении при Рош ха-Аюн, где расположены источники воды на северо-востоке от Тель-Авива. Несколько дней спустя он умер. Муфтий Хадж Амин аль-Хусейни пережил все попытки покушений и умер своей смертью в Бейруте в 1974 году. *Gelber. Israeli-Jordanian Dialogue, 1948–1953: Cooperation, Conspiracy, or Collusion?* P. 119 (иврит).

[Вернуться](#)

77

Интервью с Авраамом Даром, 18 апреля 2012.

[Вернуться](#)

78

Dror. The “Arabist” of Palmach. P. 56–58 (иврит).

[Вернуться](#)

79

Свидетельство под присягой Иосифа Табенкина, ННА, 199.6.

[Вернуться](#)

80

ННА, 100.100.61. См.: *Eldar*. Flotilla 13: The Story of Israel's Naval Commando. P. 107–108 (иврит); *Yahav*. His Blood Be on His Own Head. P. 95 (иврит).

[Вернуться](#)

81

Не все операции «Арабского взвода» оказались удачными. Некоторые из его членов были схвачены и казнены. Одной из таких неудач подразделения стала попытка отравления воды в Газе. Это было предпринято в ответ на вторжение арабских государств после объявления независимости Израиля. Два человека, посланные для осуществления этой акции, были пойманы и казнены. ННА, 187.80.

[Вернуться](#)

82

Political Department of the Agency to Zaslani, May 12, 1948, Central Zionist Archive, S 25/9390.

[Вернуться](#)

83

В Израиль вторглись регулярные армии шести арабских государств: Египта, Сирии, Иордании, Ирака, Ливана и Саудовской Аравии. Наряду с ними в боевых действиях участвовала и Армия освобождения Палестины. Все они действовали совместно с

вооруженными палестинскими формированиями, осуществлявшими атаки изнутри страны.

[Вернуться](#)

84

Более поздние исследования Войны за независимость, часть которых была подготовлена группой, известной как новые, или постсионистские, историки в связи с их новаторским подходом к израильско-арабскому конфликту (который многие из «старых» историков считают ошибочным), пришли к заключению, что в самом начале войны отмечался паритет в силах сторон и что в некоторых сражениях у израильтян даже было преимущество благодаря наличию среди арабов внутренних конфликтов, споров и гораздо менее качественному планированию. См.: *Morris. Righteous Victims*. P. 209 (иврит).

[Вернуться](#)

85

Интервью с Аззамом, которое было впервые опубликовано в египетской газете в октябре 1947 года, подверглось многократному цитированию и стало предметом острых споров о том, что именно он имел в виду. См.: *Morris. Righteous Victims*. P. 208; *Tom Segev. The Makings of History: The Blind Misleading the Blind* // *Haaretz*, October 21, 2011.

[Вернуться](#)

86

Morris. Israel's Border Wars, 1949–1956. P. 3 (иврит).

[Вернуться](#)

87

Golani. Hetz Shachor. P. 13 (иврит).

[Вернуться](#)

88

Большим успехом разведки израильтян перед созданием своего государства был позитивный итог массовых усилий, которые Бен-Гурион приказал предпринять, чтобы склонить членов Специальной комиссии ООН по Палестине (UNSCOP), организованной в мае 1947 года, в пользу образования независимого еврейского государства. См.: *Ronen Bergman. A State Is Born in Palestine // The New York Times, 7 October, 2011. Интервью с Эладом Бен-Дрором, 12 ноября 2003. См.: Elad Ben Dror. The Success of the Zionist Strategy Vis-à-vis UNSCOP, Ph.D., Bar-Ilan University.*

[Вернуться](#)

89

Organization of Intelligence Services, 15 February 1959, Ministry of Defense and IDF Archives, 870.22. Ben-Gurion Diary, vol. B. 494, 590. См. также: *Shiloh. One Man's Mossad. P. 120–121 (иврит).*

[Вернуться](#)

90

Sauer. The Holy Land Called: The Story of the Temple Society. P. 208.

[Вернуться](#)

91

Интервью с Иссером Харелем, март 1999. См.: *Siman Tov. The Beginning of the Intelligence Community in Israel // Iyunim, vol. 23.*

[Вернуться](#)

92

Руководитель «Иргуна» Менахем Бегин был экстремистом по своим взглядам, но твердо действовал ради пресечения возможности возникновения гражданской войны. Несмотря на ярость в связи с потоплением судна *Altalena* и свои противоречия с Бен-Гурионом, он приказал своим людям признать авторитет государства и влиться в ряды Армии обороны Израиля.

[Вернуться](#)

93

Sheleg. Desert's Wind: The Story of Yehoshua Cohen. P. 88–95 (иврит).

[Вернуться](#)

94

United Nations Department of Public Information, Press Release PAL/298, 18 сентября 1948, General Lundstrom Gives Eyewitness Account of Bernadotte's Death.

[Вернуться](#)

95

Regev. Prince of Jerusalem. P. 13–17 (иврит).

[Вернуться](#)

96

Когда в конце 1950-х годов Бен-Гурион ушел в отставку с поста премьера, он поселился в кибуце Здех-Бокер в Негеве, побуждая тем самым молодых людей обосновываться в пустыне. Туда переехал и Иехошуа Коэн. Со временем он стал близким другом Бен-Гуриона и даже исполнял обязанности его телохранителя. Во время одной из

совместных прогулок Коэн признался Бен-Гуриону, что именно он стрелял в Бернадота и убил его и именно его безуспешно разыскивали оперативники Бен-Гуриона. См.: *Bar-Zohar*. Ben-Gurion. P. 316–317 (иврит); *Regev*. Prince of Jerusalem. P. 100.

[Вернуться](#)

97

The U. N. Must Act // The New York Times, 19 September 1948.

[Вернуться](#)

98

Bar-Zohar. Ben-Gurion. P. 317.

[Вернуться](#)

99

Интервью с Амноном Дрором, январь 1997, и Менахемом Навотом, 6 апреля 2017. См.: *Navot*. One Man's Mossad. P. 24–25 (иврит).

[Вернуться](#)

100

Харель считал нелегальные подпольные организации крайне левыми или крайне правыми и ненавидел их всех. «Даже когда я был ребенком (он родился в России), я видел проявления насилия. Бездумная жестокость и ужасные картины большевистской революции глубоко врезались мне в память. Эти образы породили во мне глубокое и бескомпромиссное отношение к насилию». См.: *Harel*. Security and Democracy. P. 78. Интервью с Харелем, 6 апреля 2001.

[Вернуться](#)

101

Позже Харель утверждал, что это было наблюдение за теми элементами, которые подозревались в создании нового подполья или в подрывных актах, но на самом деле он использовал Шин Бет как ведомство политического сыска, работавшее на Бен-Гуриона. Служба безопасности собирала досье на соперников и критиков Бен-Гуриона, даже когда было ясно, что они не занимались чем-либо противозаконным. Шин Бет на свои деньги создала якобы частный журнал, настроенный в пользу Бен-Гуриона. Этот журнал выходил под названием Rimon и конкурировал с популярным «желтым» журналом Na'alam Hazeq, нападавшим на Бен-Гуриона. Интервью с Харелем, 6 апреля 2001; Ури Авнери, 19 июля 2013; Арие Хадаром, 8 июля 2011. См.: Ronen Bergman. The Shin Bet Secrets // Yedioth Ahronoth, March 23, 2007.

[Вернуться](#)

102

Israel State Archive 3771/70. См.: Sutton and Shushan. People of Secret and Hide. P. 144–146 (иврит); Erlich. The Lebanon Tangle 1918–1958. P. 262–265 (иврит). Интервью с Моше Сассоном, май 1996; Реувеном Эрлихом, 9 декабря 1999; Рафи Суттоном, 9 мая 2012.

[Вернуться](#)

103

Интервью с Артуром Бен-Натаном, 13 сентября 2010.

[Вернуться](#)

104

Споры по поводу распределения власти, ресурсов и территории между спецслужбами никогда не кончались. Примерно раз в десятилетие премьер-министры вынуждены были формировать секретные комиссии, которые разрабатывали «генеральный план», формулировавший для секретных служб содержание этих вопросов.

Созданные первыми три спецслужбы впоследствии будут дополнены еще четырьмя: ЛАКАМ (аббревиатура по первым буквам слов Бюро научных связей) в Министерстве обороны, которая занималась научно-техническим и ядерным шпионажем; Комиссией Израиля по атомной энергии, которая осуществляла ядерную программу страны; Управлением по развитию научно-промышленной инфраструктуры, которое, помимо прочего, занимается разработкой биологического оружия и мер по противодействию ему в Израильском институте биологических исследований в Нес-Ционе; и Nativ, отвечавшей за секретные связи с советским еврейством.

[Вернуться](#)

105

Харель установил в «Моссаде» железную дисциплину и строгое соблюдение режима секретности. Он приказал, чтобы каждый сотрудник разведки взял себе псевдоним, чтобы каждое подразделение, операция или агент существовали только под кодовыми названиями или обозначениями. Псевдонимы и коды должны были использоваться все время, даже во внутренней переписке и внутренних обсуждениях. Эта практика сохранилась в «Моссаде» до сего дня.

[Вернуться](#)

106

Раздел 32 «Основного Закона Израиля: Правительство» (в отсутствие Конституции Основной Закон является высшим законным актом Израиля, который труднее всего изменить) гласит о том, что правительство может «совершать любые действия, которые оно сочтет необходимыми», для выполнения своих обязанностей. В действительности эта расплывчатая формулировка дает премьер-министрам Израиля право отдавать приказы о проведении тайных операций и политических убийств практически без оглядки на израильские демократические институты или прессу. В связи с серией скандалов вокруг вскрывшихся в 1980-х годах случаев совершения сотрудниками Шин Бет грубых противозаконных актов и

последующим снятием с должностей верхнего эшелона этой спецслужбы, новое руководство ведомства потребовало принятия нового закона, который точно определит, что Шин Бет делать может, а что нет. Этот закон был принят кнессетом в 2002 году. В этой связи в «Моссаде» задумались о разработке такого же закона и для разведки, однако обсуждения этого вопроса всегда наталкивались на фундаментальное противоречие: в отличие от Шин Бет, чьи оперативные сотрудники работают исключительно в самом Израиле и на территориях, которые он контролирует, почти все, чем занимается «Моссад», является нарушением, и иногда очень грубым, законодательств других стран. Такие действия очень трудно, если не невозможно вписать в рамки закона, не говоря уж о том, что такой закон стал бы публичным и служил бы письменным законодательным подтверждением того, что государство Израиль допускает серьезные нарушения суверенитета других государств. В мае 2017 года новый директор «Моссада» Иосси Коэн решил положить конец затянувшемуся обсуждению этого вопроса и постановил, что закон о «Моссаде» не будет принят. Интервью с Даганом, 26 мая 2013; Iftach, март 2017; Advantage, июль 2017; Sasha, июнь 2015; Serenity, сентябрь 2017.

[Вернуться](#)

107

За исключением случаев с нацистскими военными преступниками и их приспешниками (смертная казнь применена только один раз, в отношении Адольфа Эйхмана). Теоретически к смертной казни могут приговаривать военные трибуналы, что было сделано несколько раз в отношении террористов, но эти решения были аннулированы Верховным судом.

[Вернуться](#)

108

Интервью с Ювалем Коэном-Абарбанелем, июль 1997, и Хаимом Коэном, июль 1997. См.: Ronen Bergman. Under the Layers of Paint //

Haaretz, 29 August 1997.

[Вернуться](#)

109

Это спецподразделение было не единственным, которому был присвоен номер 13. Отряд морских коммандос тоже был назван «Шайетет» (флотилия) 13. ВВС планировали организовать «Тайесет» (эскадрилью 13), которая должна была доставлять израильские спецподразделения к целям. Число 13 появлялось и в других местах. Например, официальной датой организации «Моссада» было установлено 13 декабря 1949.

[Вернуться](#)

110

Интервью с Даром, 5 января 2015, и Арие Кришаком, 12 марта 2007.

[Вернуться](#)

111

Подразделение 131, Mordechai Ben Tzur to head of AMAN, Events in Egypt, July – September 1954, 5 October, 1954, MODA 4.768.2005.

[Вернуться](#)

112

Avraham Dar to AMAN director, Report on Conversation with Defense Minister 29.12.54, January 10, 1954; Dar to AMAN Director and commander of Unit 131, The Reasons for Leaving Unit 131, September 30, 1955; Dar to Mossad Director Meir Amit, August 29, 1967; Dar to Prime Minister Eshkol, Prisoners in Egypt, September 27, 1967 (архив автора, получено от Дара).

[Вернуться](#)

113

Интервью с Эйтаном, 19 сентября 2011.

[Вернуться](#)

114

Интервью с Харелем, март 1999.

[Вернуться](#)

115

Интервью с Харелем, 6 апреля 2001, Иммануэлем Талмором, 1 мая 2013, и Victor, сентябрь 2013.

[Вернуться](#)

116

Сын Исраэли, родившийся через несколько месяцев, вырос, считая, что его отец бросил его мать и свою родину. Он узнал правду только через 50 лет от автора этой книги. В мае 2006 года в моем доме Моше Циппер встретился с Рафи Меданом, бывшим сотрудником «Моссада», который участвовал в похищении его отца. Циппер подал в суд на государство и потребовал, чтобы его признали сиротой в результате военных действий – его отец был на действительной военной службе, когда произошел этот инцидент, – и чтобы ему предоставили соответствующие материалы. После многолетнего процесса «Моссад» согласился на денежную компенсацию Ципперу, но показывать какие-либо документы отказался. Интервью с Рафи Меданом и Моше Циппером, 2 мая 2006, и Эйтаном, 19 февраля 2006. Tel Aviv District Court (in camera), Tsipper v. Ministry of Defense, December 11, 2013. См. также: *Ronen Bergman. Throw Away // Yedioth Ahronoth*, May 26, 2006.

[Вернуться](#)

117

Интервью с Patriot, август 2011, Харелем, 6 апреля 2001, Шомроном, 26 мая 2011 и Шамиром, январь 1997. См. также: *Shamir. As a Solid Rock*. P. 122–124 (иврит); *ShlomoNakdimon. Yitzhak Shamir: Top Secret* // Yedioth Ahronoth, April 25, 2000.

[Вернуться](#)

118

Morris. Israel's Border Wars, 1949–1956. P. 3–5, 28–68 (иврит).

[Вернуться](#)

119

Argaman. It Was Top Secret. P. 18 (иврит).

[Вернуться](#)

120

Gilbert. The Routledge Atlas of the Arab-Israeli Conflict. P. 58; The Jewish Agency for Israel website, Fe-dayeen Raids 1951–1956, <https://web.archive.org/web/20090623224146/http://www.jafi.org.il/education/100/maps/fed.html>

[Вернуться](#)

121

Интервью с Рехавия Варди, август 1997.

[Вернуться](#)

122

Количество агентов и убийств, которые подразделение 504 организовало в тот период, оценивается в основном по интервью с участниками. Подразделение сожгло большую часть документации в 1980-х годах. Интервью с Суттоном, 9 мая 2012, Яковом Нимроди, декабрь 2010, и Шелдоном, февраль 1999.

[Вернуться](#)

123

Интервью с Натаном Ротбергом, 13 июля 2015.

[Вернуться](#)

124

Усама бен Ладен – основатель международной исламистской террористической организации «Аль-Каида» («База»), деятельность которой запрещена на территории России.

[Вернуться](#)

125

Интервью с Игалом Симоном, 29 июля 2012.

[Вернуться](#)

126

Секретариат кабинета министров, решение кабинета № 426 11 июня, 1953 (архив автора, получено от Гилада Ливнеха).

[Вернуться](#)

127

Gilad Sharon. Sharon: The Life of a Leader. P. 82 (иврит).

[Вернуться](#)

128

Спецподразделение 101 получило тот же номер, что и спецподразделение, к которому принадлежал известный британский

офицер Орд Чарльз Уингейт и которое действовало в Эфиопии и Эритрее во время Второй мировой войны. До войны Уингейт служил в Палестине, где командовал совместными британско-еврейскими «ночными отрядами». Многие старшие офицеры Армии обороны Израиля, которые служили в этих отрядах под началом Уингейта, считали его героем. Дата создания спецподразделения 101 взята из лекции Ариэля Шарона, прочитанной им в Здероте 20 марта 2003.

[Вернуться](#)

129

Sharon. Life of a Leader. P. 552.

[Вернуться](#)

130

Интервью с Узи Галом, ноябрь 2002.

[Вернуться](#)

131

Интервью с Узи Эйламом, 2 декабря 2009.

[Вернуться](#)

132

Morris. Israel's Border Wars, 1949–1956. P. 274–276 (иврит).

[Вернуться](#)

133

Ilil Baum. Father's Great Spirit // Yedioth Jerusalem, May 1, 2009.

[Вернуться](#)

134

Так совпало, что номер резолюции Совета Безопасности ООН, осудившей этот израильский рейд, был 101. Security Council Resolution 101 (1953), November 24, 1953 (S/3139/Rev.2).

[Вернуться](#)

135

Из лекции Шарона в Здероте, 20 марта 2003.

[Вернуться](#)

136

Dayan. Story of My Life. P. 113–115.

[Вернуться](#)

137

Sharett. Personal Diary. Vol. C. P. 823 (иврит). Спасибо Якову Шаретту, сыну Моше, который привлек мое внимание к дневникам своего отца.

[Вернуться](#)

138

Morris. Israel's Border Wars, 1949–1956. P. 81, 101, 343–345 (иврит).

[Вернуться](#)

139

Интервью с Нимроди, 14 декабря 2010. Спасибо Оферу Нимроди и Шимону Шапира за их помощь в организации этого интервью.

[Вернуться](#)

140

Aluf Benn. Militaristic and Post-Zionist // Haaretz, May 9, 2011.

[Вернуться](#)

141

Bar-On. Moshe Dayan. P. 128–129 (иврит).

[Вернуться](#)

142

Интервью с Ротбергом, 3 августа 2015.

[Вернуться](#)

143

Интервью с Ротбергом, 3 августа 2015.

[Вернуться](#)

144

Inquiry into the Death of Colonel Hafez, 16 July 1956 (архив автора, получено от Ним-роди).

[Вернуться](#)

145

Дар, вдохновленный успехом, предложил Даяну сделать шаг вперед и использовать двойного агента для того, чтобы убить сирийского генерала, начальника сирийской военной разведки. Даян одобрил

детальный план операции и представил его на утверждение Бен-Гуриону, но тот от санкционирования приказа уклонился. Израильский премьер опасался, что повторные убийства высокопоставленных официальных лиц подтолкнут арабов к акциям возмездия против израильтян, даже, возможно, и в отношении самого Бен-Гуриона. Поэтому он не утвердил операцию. Интервью с Даром, 8 октября 2015.

[Вернуться](#)

146

Израильская военная цензура запрещала публикацию деталей этой операции вплоть до 1989 года. Запись выступления Мордехая Бар-Она о Даяне, с семинара «Операция Петух 56», 5 марта 2015.

[Вернуться](#)

147

Интервью с Гелбером, 16 мая 2011. См.: *Uri Dromi*. Urgent Message to the CoS: The Egyptian Code Has Been Decrypted // Haaretz, 29 August 2011.

[Вернуться](#)

148

Интервью с Иом-Товом Эйни, 19 января 1999. См.: *Argaman*. It Was Top Secret. P. 39–60.

[Вернуться](#)

149

Tsiddon-Chatto. By Day, By Night, Through Haze and Fog. P. 220–221 (иврит).

[Вернуться](#)

150

И все же отыскать основания для того, чтобы говорить о немедленном значительном эффекте от операции, трудно. В Египте никогда и ничего не публиковалось по поводу этого инцидента. В Израиле также (во всяком случае, в рамках исследований при написании этой книги) не было обнаружено никакой конкретной информации по поводу людей, находившихся на борту взорвавшегося «Ильюшина», или по поводу каких-то проблем, возникших у египетского командования в связи с уничтожением самолета. Интервью с Давидом Симан-Товом и Шаем Гершковицем, 12 февраля 2017, Иорамом Мейталом, 18 октября 2013 и Мотти Голани, 15 января 2013.

[Вернуться](#)

151

В понедельник 4 июня 1956 года газета The New York Times опубликовала сообщение о том, что речь Хрущева находится у американцев. На следующий день газета напечатала пространные выдержки из речи под кричащими заголовками: «Речь Хрущева о Сталине обнажает подробности его правления, основанного на терроре», «Рассказывает о замыслах Сталина о чистках в Кремле», «Мертвый диктатор изображается в речи как жестокий, полусумасшедший человек, помешанный на стремлении к власти». Публикации потрясли весь мир, сделав как раз то, чего так добивалось ЦРУ.

[Вернуться](#)

152

Другие израильские и американские спецслужбы, помимо «Моссада» и ЦРУ, установили между собой прочные связи. Особенно значимым было сотрудничество между АНБ и его израильским партнером подразделением 8200 АМАН. Среди тех документов, утечку

которых организовал Эдвард Сноуден, было несколько исторических анализов этих отношений, восходящих еще к 1960-м годам, в которых было задокументировано глубокое взаимодействие между этими ведомствами в шпионаже против общих врагов на Ближнем Востоке. Изучение этих документов в банке информации портала Perusal, Нью-Йорк, стало возможным благодаря помощи персонала этого сайта. Особая благодарность Хенрику Мольтке.

[Вернуться](#)

153

Интервью с Харелем, 6 апреля 2001. Наиболее подробные сведения о Суэцкой кампании и приобретениях и потерях Израиля в ней можно найти в книге Голани «Следующим летом начнется война» (There Will Be War Next Summer. P. 597–620 (иврит).

[Вернуться](#)

154

Давид Кимше, старший руководитель операций «Моссада» в Африке, пояснял: «Нам стоило денег послать в Африку и эксперта по разведению кур, и опытного сборщика разведывательной информации. Последний обязательно в конце концов встретится с императором. А первый так и останется на куриной ферме. Понятно, какой мы делали выбор. Связи по разведывательной линии были самым быстрым способом развития прочных отношений с африканскими странами». Интервью с Давидом Кимше, 18 августа 1998, Харелем, 6 апреля 2001, Реуеном Мерхавом, 22 апреля 2014, Бен-Натаном, 13 сентября 2010, Тамар Голаном, 24 сентября 2007, Ханнаном Бар-Оном, 30 декабря 1997, Иоавом Бираном, 22 апреля 1999, Лубрани, 26 декабря 1997 и Арие Одедом, 16 сентября 1998. См.: Pilpul in Addis Ababa to the MFA – Report on meeting with Ethiopian Emperor and chief of staff, August 25, 1957, ISA 3740/9; *Black and Morris*. Israel's Secret Wars. P. 186.

[Вернуться](#)

Бен-Гурион объяснил природу союза с США в письме, которое направил Дуайту Эйзенхауэру: «С целью создания дамбы для сдерживания насеровско-советской волны наступления, мы начали укреплять отношения с несколькими государствами на внешней стороне периметра Ближнего Востока... Наша цель состоит в том, чтобы создать группу государств, не обязательно на основе официального союза, которая была бы в состоянии противостоять советской экспансии, осуществляемой ее марионетками, такими как Насер». См.: *Eshed. One Man's Mossad*. P. 277. Соглашение С'ЛІІ между спецслужбами Израиля, Ирана и Турции (известно как «Трезубец») в 1958 году подразумевало проведение регулярных встреч между руководителями этих ведомств, причем каждый раз в качестве хозяина выступала другая страна. Три государства – участника соглашения создали сложный механизм для координации разведывательных усилий и обмена информацией. Израиль считал соглашение беспрецедентным стратегическим достижением, поскольку ему удалось позиционировать себя в качестве центральной оси этого военно-разведывательного пакта. В тех региональных проблемах, которые возникали в отношениях между Ираном и Турцией, соглашение С'ЛІІ служило платформой для их обсуждения, а Израиль зачастую брал на себя роль арбитра. Как объяснял Реувен Мерхав, ответственный сотрудник «Моссада», который участвовал в планировании встреч С'ЛІІ: «Всегда все руководители спецслужб Турции, Ирана, Израиля и Эфиопии имели доступ к боссу, которым являлся шах или император Хайле Селассие. Через С'ЛІІ можно было обмениваться сообщениями и идеями прямо с первыми лицами. (Первоначальный тройственный альянс) давал нам трехкратное удовлетворение, а когда к нему присоединилась еще и Эфиопия, удовлетворение стало четырехкратным». ЦРУ хотело выразить свою высокую оценку создания «Трезубца» и профинансировало строительство специального двухэтажного здания на одном из холмов Тель-Авива, которое должно было служить штаб-квартирой альянса. Интервью с Реувеном Мерхавом, 22 апреля 2014, Харелем, март 1999, и Иосси Алфером, 18 мая 2015. См.: *Ronen Bergman. Israel and Africa:*

Military and Intelligence Liaisons. Ph.D. dissertation, Cambridge University. P. 53–78; Bureau of Minister of Defense, report on meeting between Lt. Col. Vardi and Emperor of Ethiopia, February 24, 1958, Ministry of Defense and IDF Archives (MODA) 63–10–2013.

[Вернуться](#)

156

Интервью с Цви Аарони, июль 1998, Меданом, 30 июня 2015 и Lexicon, март 2016. См.: Mossad. Report Regarding Dybbuk, Zvi Aharoni, March 4, 1960; Mossad. Operation Eichmann: A Report on Stage A, Zvi Aharoni, undated (оба материала находятся в архиве автора, получены от Lexicon).

[Вернуться](#)

157

Интервью с Цви Аарони, июль 1998, Амрамом Аарони, 21 октября 2012 и Ethan, май 2016. См.: *Neal Bascomb. Hunting Eichmann*. P. 208–218 (иврит).

[Вернуться](#)

158

Проявление беспрецедентной власти, которую сконцентрировал в своих руках Харель, подтверждено его описаниями отношений с премьер-министром, который явно не знал о гигантских ошибках Хареля в понимании демократии. Этими описаниями он делился в начале 1980-х годов с историками «Моссада». «Бен-Гурион никогда не отдавал нам оперативных приказов. Обычно он выражал свою озабоченность чем-то или свое желание, чтобы что-то было сделано. Он не знал, как переводить свои мысли и идеи в язык операций, и на самом деле ему и не нужно было этого знать. Премьер-министр должен был определять направления политики, а не копаться в деталях, конечно руководствуясь при этом определенными

принципами». «Моссад» суммировал это таким образом: «Иссер (Харель), как правило, не докладывал премьер-министру в деталях, что он делает и какие оперативные средства применяет». См.: Mossad. History Department, The German Scientists Affair, 1982, 14, henceforth Mossad German Scientists Dossier (материал находится в архиве автора, получен от Toblerone).

[Вернуться](#)

159

Central Intelligence Agency, Scientific Intelligence Memorandum, The United Arab Republic Missile Program, 26 February 1963, https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001173825.pdf

[Вернуться](#)

160

Jay Walz. Nasser Exhibits Military Might // The New York Times, July 24, 1962.

[Вернуться](#)

161

Edwin Eitan. Canadian Jewish Chronicle. May 10, 1963.

[Вернуться](#)

162

Проведенные позднее расследования показали, что сотрудники «Моссада» в Европе на самом деле добыли некоторую информацию за несколько лет до парада в Египте, указывающую на то, что Насер смог привлечь немецких ученых к разработке ракет. В общей неудаче «Моссад» попытался обвинить военную разведку и Министерство обороны, утверждая, что своевременно передал им информацию,

однако они не придали ей большого значения. См.: Mossad. German Scientists Dossier. P. 8–10.

[Вернуться](#)

163

Харель поставил перед одной из групп задачу раскрытия заговора, в который, как он был уверен, ветераны вермахта, гестапо и СС пытались втянуть нескольких немецкоговорящих сотрудников «Моссада». Эта группа под кодовым названием «Амал» не нашла ничего, потому что такого заговора не существовало. В то же время, как это ни удивительно, остался незамеченным единственный проект, в котором участвовали бывшие высокопоставленные разработчики гитлеровских вооружений, – египетский ракетный проект. См.: *Yossi Chen. The Mossad, History Department. Staff Organization, Amal-Meser. May 2007.*

[Вернуться](#)

164

Многие сотрудники «Моссада» и АМАН, которых я интервьюировал для этой книги, вспоминают о том, что их охватило общее ощущение шока и отчаяния, когда вскрылись первые сведения о немецком ракетном проекте в Египте. Моти Кфир из подразделения 188 АМАН говорил: «Я испытывал сильный страх, реальное ощущение экзистенциальной угрозы». Интервью с Моти Кфиром, 9 июня 2011 и Бен-Натаном, 13 сентября 2010.

[Вернуться](#)

165

Mossad. German Scientists Dossier. P. 2.

[Вернуться](#)

166

Mossad. German Scientists Dossier. P. 17.

[Вернуться](#)

167

Интервью с Эйтаном, 1 сентября 2013.

[Вернуться](#)

168

Интервью с Харелем, 6 апреля 2001; Mossad. German Scientists Dossier. P. 39.

[Вернуться](#)

169

Mossad. German Scientists Dossier. P. 40–41.

[Вернуться](#)

170

Свидетели из отеля Ambassador, включая портье, а также из офиса компании Intra, которых допросили позднее в полиции, утверждали, что по внешности Салех был похож на уроженца Леванта. Его фоторобот был напечатан в газетах наряду с информацией об исчезновении Круга. «Правда состояла в том, что фоторобот был очень похож на меня», – сказал тогда со смехом Одед. Это означало, что он «спалился», и ему на десять лет запретили поездки в Германию. Одед говорил, что с того момента, когда за Кругом закрылась дверь, «он вышел из операции» и не имел «никакого представления о том, что в дальнейшем случилось с немцем». Интервью с Одедом, 3 августа 2015.

[Вернуться](#)

171

Mossad. German Scientists Dossier. P. 43–44.

[Вернуться](#)

172

Mossad. German Scientists Dossier. P. 44–45; интервью с Patriot, сентябрь 2013.

[Вернуться](#)

173

Mossad. German Scientists Dossier. P. 45.

[Вернуться](#)

174

Ликвидация Круга разозлила некоторых сотрудников «Моссада», которые знали о ней. Цви Аарони (который позже станет ярким противником Хареля) сказал тогда: «Это был непростительный акт, пятно на всех нас». Рафи Эйтан заметил: «Это были методы Иссера. Я не думаю, что он получил на это санкцию Бен-Гуриона». Интервью с Patriot, август 2011, Цви Аарони, июль 1998, и Амрамом Аарони, 3 мая 2016.

[Вернуться](#)

175

Начальник АМАН Хаим Герцог в сообщении начальнику Генерального штаба 2 января 1962. Report of the Committee for

Examining the Intelligence Community, July 31, 1963, 3, MODA 7–64–2012.

[Вернуться](#)

176

Mossad German Scientists Dossier, 45.

[Вернуться](#)

177

Интервью с Ротбергом 3 августа 2015.

[Вернуться](#)

178

Йосеф Ярив, командир подразделения 188, координировал эту работу в Париже вместе с профессором Ювалем Нееманом (известным физиком и одним из создателей израильского атомного проекта), который сказал: «Если бы французы захотели чего-нибудь от нас, например организации убийства, что, будучи впоследствии раскрытым, серьезно бы повредило государству Израиль, я решил, что сам приму решение и буду нести за него всю полноту ответственности». Интервью с Ювалем Нееманом, август 2011, Харелем, август 1998, Меиром Амитом, 12 июля 2005. См.: *Bar-Zohar*. Phoenix: Shimon Peres – A Political Biography. P. 344 (иврит); *Harel*. Security and Democracy. P. 295.

[Вернуться](#)

179

В июле 1980 года, на этот раз с полного согласия со стороны премьер-министра Бегина, «Моссад» послал еще одно письмо-бомбу Брюннеру. Фальшивым отправителем была «Ассоциация друзей медицинских растений», поскольку Брюннер был известен как ярый

приверженец гомеопатии. Он открыл письмо, которое взорвалось, оторвав ему несколько пальцев. Интервью с Ротбергом, 3 августа 2015 и Pilot, март 2015. См.: *Adam Chandler*. Eichmann's Best Man Lived and Died in Syria // Atlantic, December 1, 2014.

[Вернуться](#)

180

Интервью с Эйтаном 1 декабря 2012.

[Вернуться](#)

181

Mossad. German Scientists Dossier. P. 52.

[Вернуться](#)

182

Интервью с Харелем, август 1998, и Цви Аарони, июль 1998. См.: Mossad. German Scientists Dossier. P. 74.

[Вернуться](#)

183

Интервью с Эйтаном, 1 декабря 2012. См.: Mossad. German Scientists Dossier. P. 61.

[Вернуться](#)

184

Интервью с Цви Аарони, июль 1998.

[Вернуться](#)

185

Mossad. German Scientists Dossier. P. 62–64. Интервью с Неемией Меири, 12 июня 2012 и Харелем, 6 апреля 2001.

[Вернуться](#)

186

Bar-Zohar. Issar Harel and Israel's Security Services. P. 237–238 (иврит).

[Вернуться](#)

187

Mossad. German Scientists Dossier. P. 66.

[Вернуться](#)

188

Этими новыми агентами стали Шмуэль Сегев из газеты *Maariv*, Нафтали Лавие из газеты *Haaretz* и Иешуа Бен-Порат из *Yedioth Ahronoth*. «Дисенчик (Арие Дисенчик), главный редактор газеты *Maariv*, поддерживал Голду Меир и Иссера, – говорил Сегев. – Он хотел использовать мои материалы, чтобы уничтожить Бен-Гуриона и Переса, а потом запретил мне говорить по этому вопросу, потому что знал, что я придерживаюсь другой позиции». Интервью со Шмуэлем Сегевом, 6 июня 2010.

[Вернуться](#)

189

Bar-Zohar. Ben-Gurion. P. 534–535.

[Вернуться](#)

190

Записка Мера Амита Аарону Яриву, Office of the Chief of AMAN, March 28, 1964 (архив автора, получено от Амоса Гилбоа).

[Вернуться](#)

191

Bar-Zohar. Phoenix. P. 362 (иврит).

[Вернуться](#)

192

Харель представил некоторым журналистам и писателям свою версию, которая была отражена в их статьях и книгах, сильно поддерживавших Хареля. Среди этих материалов были: *Kotler*. Joe Returns to the Limelight. P. 34–38; *Bar-Zohar*. Isser Harel and Israel's Security Services. P. 239–249 (иврит); *Caroz*. The Man with Two Hats. P. 160–163 (иврит).

[Вернуться](#)

193

Bar-Zohar. Ben-Gurion. P. 537–538; *Bar-Zohar*. Phoenix. P. 361 (иврит).

[Вернуться](#)

194

Yossi Melman and *Dan Raviv*. The Imperfect Spies. P. 122; *Amit*. Head On. P. 102–103 (иврит). Рукописная записка Амита Яриву 28 марта 1964.

[Вернуться](#)

195

Стычка между Бен-Гурионом и Голдой Меир по вопросу о немецких ученых была одной из многих в череде острых столкновений между лидерами Партии труда, часть которых свидетельствовала о снижении поддержки «старика», как называли Бен-Гуриона, и борьбе за его замену. Меир и ее союзники по старой гвардии опасались, что Бен-Гурион передаст бразды правления через их головы представителям молодого поколения Даяну и Пересу. См.: *Bar-Zohar. Ben-Gurion*. P. 542–547.

[Вернуться](#)

196

Интервью с Амитом, апрель 2006. Руководитель АМАН и исполняющий обязанности директора «Моссада» Амит министру обороны: Preliminary thoughts on reorganization of the intelligence community (Предварительные соображения о реорганизации разведсообщества), May 20, 1963, MODA 24–64–2012.

[Вернуться](#)

197

Из израильской миссии в Кёльне в МИД Израиля 20 сентября 1963 (архив автора, получено от Paul).

[Вернуться](#)

198

Среди выгодополучателей от этого эдикта был 53-летний немецкий врач Йозеф Менгеле, «ангел смерти» из концлагеря Аушвиц. В середине 1962 года, в свете успешного похищения Эйхмана, Харель приказал осуществить операцию «Бис» по сбору и изучению информации в отношении «Мельтцера» (кодовое имя Менгеле). 23

июля 1962 года, как раз во время испытаний ракет в Египте, Цви Аарони и Цви Мальхин идентифицировали человека, очень похожего на Менгеле, на одной из ферм в Бразилии. Однако Харель приказал, чтобы работа по объектам «Чистильщиков» («Цифоним» на иврите), как в «Моссаде» зашифровано называли операции по поиску нацистов, была приостановлена, и в октябре 1963 года дал указание подразделению «Перекресток» «заниматься этими вопросами только по мере возможностей, в дополнение к проведению основных акций». Менгеле прожил еще десятилетие до того, как утонул в море на бразильском побережье в 1979 году. См.: Mossad. History Department. Looking for the Needle in the Haystack: Following the Footsteps of Josef Mengele. 2007. P. 65–78 (архив автора, получено от Midburn). Интервью с Цви Аарони, июль 1998, Амрамом Аарони, 21 октября 2011, Эйтаном, 1 ноября 2012, Меданом, июнь 2015, и Амитом, май 2005. См.: *Ronen Bergman*. Why Did Israel Let Mengele Go? // The New York Times, 6 September 2017.

[Вернуться](#)

199

Интервью с Самиром Раафатом, сентябрь 1995, и Ротбергом, 5 марта 2015. См.: *Samir Raafat*. The Nazi Next Door // Egyptian Mail, January 28, 1995.

[Вернуться](#)

200

Mossad. German Scientists Dossier. P. 80. Интервью с Амитом, апрель 2006, и Эйтаном, 1 ноября 2012.

[Вернуться](#)

201

UK NA, KV 2/403/86109.

[Вернуться](#)

202

Mossad. German Scientists Dossier. P. 88.

[Вернуться](#)

203

Интервью с Меданом, 10 июля 2007.

[Вернуться](#)

204

Mossad. German Scientists Dossier. P. 136.

[Вернуться](#)

205

Отчет Ахитува и Эйтана в штаб-квартиру «Моссада» 14 сентября 1964 (был показан автору источником Raphael).

[Вернуться](#)

206

Рафи Медан, неопубликованная рукопись, 113.

[Вернуться](#)

207

Было и другое требование: Скорцени заметил, что глава еврейской общины во Франкфурте попросил германский суд наложить запрет на распространение книг Скорцени в Германии, потому что он избегал правосудия. Скорцени хотел, чтобы «Моссад» известил общественность, что эти книги применялись в подготовке

военнослужащих Армии обороны Израиля, чтобы он мог использовать этот факт в суде. См.: Mossad. German Scientists Dossier. P. 92.

[Вернуться](#)

208

Интервью с Амитом, май 2005, Эйтаном, 1 ноября 2012, Меданом, 30 июня 2015, Авнером Барнеа (руководителем секретариата директора Шин Бет Ахитува, который много слышал от своего шефа о привлечении Скорцени к сотрудничеству), 30 мая 2011 и источником Milen, август 2015. Небольшое, но точное повествование о вербовке Скорцени можно найти в книге: *Argaman. The Shadow War*. P. 22–38 (иврит).

[Вернуться](#)

209

Интервью с Меданом, 30 июня 2015.

[Вернуться](#)

210

Скорцени оставался связанным с «Моссадом» до своей смерти в 1975 году (когда его бывшие соратники по вермахту пришли на его похороны и отдали ему честь) и во многом помогал разведке даже после того, как дело немецких ученых сошло на нет. Валентин тоже продолжал служить в течение многих лет. В 1969 году Гарри Барак попросил его согласия на «передачу» от МІ6 к «Моссаду», хотя на самом деле все это время Валлентином руководил «Моссад». После этого Валентин понял, что все время являлся израильским агентом. Mossad German Scientists Dossier, 95–96. Интервью с Меданом, 30 июня 2015, источниками Toblerone, январь 2014, и Patriot, июль 2015.

[Вернуться](#)

211

Mossad. German Scientists Dossier. P. 100.

[Вернуться](#)

212

Копия досье, переданная Штраусу (находится в архиве автора, получена от источника Paul). Mossad. German Scientists Dossier. P. 109.

[Вернуться](#)

213

Медан, неопубликованная рукопись, 116. Интервью с Меданом, 30 июня 2015 и Шимоном Пересом, 4 августа 2015.

[Вернуться](#)

214

Интервью с Шамиром, январь 1997, и Амитом, апрель 2006.

[Вернуться](#)

215

Досье на операцию «Бриллиант» было показано автору Амитом 23 мая 2005. См.: *Black and Morris*. Israel's Secret Wars. P. 206–210.

[Вернуться](#)

216

Mossad Director Bureau. The Ben Barka Affair, memorandum submitted to the inquiry panel on the subject, February 21, 1966 (архив автора,

материал получен от источника Alen). См.: *Caroz. The Man with Two Hats*. P. 164–165 (иврит).

[Вернуться](#)

217

Интервью с Эйтаном, 19 сентября 2011, Шломо Газитом, 29 ноября 2016, Амитом, апрель 2006, и Навотом, 6 апреля 2017. Протокол совещания премьер-министра Леви Эшкола и директора «Моссада» Меира, апрель 2006 года (архив автора, получен от источника Alen).

[Вернуться](#)

218

Mossad Director Bureau. Ben Barka Affair, February 21, 1966. P. 4.

[Вернуться](#)

219

Segev. Alone in Damascus. P. 16–18 (иврит).

[Вернуться](#)

220

Ibid. P. 262. Интервью со Шмуэлем Сегевом, 6 июня 2010.

[Вернуться](#)

221

Ibid. P. 13–39.

[Вернуться](#)

222

Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

223

Эти сведения были предоставлены подполковником Ахмедом Суедани, отвечавшим за внутреннюю безопасность в Сирии, который первым заподозрил Коэна, в интервью Al Usbua al Arabi, London, 1 March 1965, переведенном на иврит подразделением АМАН 550, MODA 1093/04/638.

[Вернуться](#)

224

Protocol of the trial of Eli Cohen, MODA 1093/04/636.

[Вернуться](#)

225

Тюрьма Меззе расположена на севере Дамаска рядом с аэропортом Меззе. Служит для содержания политических преступников. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

226

Интервью с Гедалиахом Халафом, 12 июля 1996.

[Вернуться](#)

227

История Эли пересказывалась во многих книгах и кинофильмах, а в Израиле многие улицы и общественные здания названы его именем.

Он считается одним из главных героев в истории Израиля. Академия «Моссада», построенная на деньги ЦРУ, носит его имя.

[Вернуться](#)

228

Ronen Bergman. Gone in the Smoke // Yedioth Ahronoth, September 19, 2003.

[Вернуться](#)

229

Интервью с Кфиром, 9 июня 2003.

[Вернуться](#)

230

Медан, неопубликованная рукопись, 92. Интервью с Меданом, 30 июня 2015 и Амосом Гилбоа, 18 марта 2015.

[Вернуться](#)

231

Некоторые из ветеранов «Моссада», работавшие в тот далекий период, в том числе Майк Харари, считают, что Амит завидовал успеху Иссера Хареля с поимкой Эйхмана и тоже хотел войти в историю в качестве ликвидатора нацистских преступников. Интервью с Майком Харари, 29 марта 2014.

[Вернуться](#)

232

Содит-Шарон, один из ведущих бойцов «Этцеля», имел репутацию особенно смелого и отважного человека. В 1952 году он пытался убить

канцлера Германии Конрада Аденауэра письмом, посланным из Франции. Это была попытка торпедировать соглашение между Германией и Израилем. Был убит сотрудник службы безопасности Германии, который пытался обезвредить послание. Содит-Шарон был схвачен во Франции с взрывчатыми веществами и приговорен к четырем месяцам заключения, после чего был депортирован в Израиль. Позднее он утверждал, что покушался на жизнь Конрада Аденауэра по приказу Менахема Бегина. Когда он вернулся в Израиль в июне 1960 года, то был приглашен Харелем служить в спецподразделении «Мифратц» разведслужбы «Моссад».

[Вернуться](#)

233

Интервью с Гадом Шимроном, 16 августа 2015. Подробное описание операции может быть найдено в книге Шимрона «Ликвидация “рижского вешателя”» (The Execution of the Hangman of Riga).

[Вернуться](#)

234

Интервью с Меданом, 30 июня 2015, Харари, 11 апреля 2014, и Амитом, апрель 2006.

[Вернуться](#)

235

Mossad Director Bureau, Ben Barka Affair, February 21, 1966, 3.

[Вернуться](#)

236

Protocol of meeting between Prime Minister Levi Eshkol and General M. Amit, Dan Hotel, Tel Aviv, 4 October 1965. P. 2 (архив автора, получено

от источника Alen).

[Вернуться](#)

237

Bergman and Nakdimon. The Ghosts of Saint-Germain Forest // Yedioth Ahronoth, March 20, 2015.

[Вернуться](#)

238

Интервью с Амитом, май 2005.

[Вернуться](#)

239

Aterna File, Junction, Colossus, September – November 1965 (архив автора, получено от источника Alen).

[Вернуться](#)

240

Встреча Эшкола с Амитом 4 октября 1965.

[Вернуться](#)

241

Иссер Харель, советник по разведке премьера Леви Эшкола (без даты, видимо, конец октября 1965), и приложенная собственноручная записка Хареля (архив автора, получено от источника Alen).

[Вернуться](#)

242

Ronen Bergman and Shlomo Nakdimon. The Ghosts of Saint-Germain Forest // Yedioth Ahronoth, March 20, 2015; интервью с Давидом Голомбом, 13 марта 2015.

[Вернуться](#)

243

Из записей интервью, проведенных Шломо Накдимомом (архив автора, предоставлено Шломо Накдимомом).

[Вернуться](#)

244

Ronen Bergman and Shlomo Nakdimon. The Ghosts of Saint-Germain Forest // Yedioth Ahronoth, March 20, 2015.

[Вернуться](#)

245

Интервью с Thunder, февраль 2013, и Ross, январь 2015.

[Вернуться](#)

246

Интервью с Даром, 28 января 2015, Харелем, март 1999, Амитом, апрель 2006, Давидом Виталом, 22 декабря 2010, и Hurke-nus, июнь 2012.

[Вернуться](#)

247

Интервью с Амитом, апрель 2006.

[Вернуться](#)

248

Ronen Bergman. Harari Code // Yedioth Ahronoth, April 4, 2014.

[Вернуться](#)

249

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

250

Интервью с Харари, 23 марта 2014, и Аароном Клейном, октябрь 2014.

[Вернуться](#)

251

Интервью с Харари, 10 марта 2014. На одной из наших четырех встреч Харари показал мне документы о создании новой «Кесарии», которые он представил руководителям «Моссада» и подписал псевдонимом Shvat (название одного из месяцев в еврейском календаре).

[Вернуться](#)

252

Интервью с Ethan, май 2015.

[Вернуться](#)

253

Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

254

Интервью с Харари 12 февраля 2014.

[Вернуться](#)

255

Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

256

Интервью с Харари, 11 апреля 2014, и Аароном Клейном, 6 октября 2014.

[Вернуться](#)

257

Vered Ramon Rivlin. There Is Nothing to Stop a Woman from Becoming the Director of the Mossad // Lady Globes, September 12, 2012.

[Вернуться](#)

258

Интервью с Ethan, январь 2015.

[Вернуться](#)

259

Природная осмотрительность, являющаяся частью израильского характера, позволяет проводить тренировки курсантов на территории

страны, не вывозя их в другие страны, вплоть до самого конца подготовки. Долгие годы палестинского терроризма только усилили естественную осторожность израильтян. Часто операции проводятся «против бывших сотрудников “Моссада”, которые соглашаются выступать в качестве объектов наблюдения, нападений или попыток установить с ними контакт под фальшивыми прикрытиями».

[Вернуться](#)

260

Интервью с Emerald, июнь 2015.

[Вернуться](#)

261

Интервью с Kurtz, октябрь 2005.

[Вернуться](#)

262

Интервью с Ethan, май 2015.

[Вернуться](#)

263

Эти миссии были частью более крупных операций Sauce (Coys) (*Rotev* на иврите) и Porcupine («Дикобраз»), (*Dorban* – ивр.), в ходе которых Израиль предоставлял массовую военную помощь роялистам на севере Йемена при поддержке британской MI6 и разведки Саудовской Аравии, против революционеров, которые захватили власть с помощью Египта. См.: *Alpher. Periphery*. P. 67–69. Интервью с Харари, 23 марта 2014, Клейном, 28 мая 2014, Альфером, 18 мая 2015 и Shaul, июль 2011.

[Вернуться](#)

264

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

265

Накануне войны население сектора Газа было чуть больше 70 000, а перепись 1967 года показала численность населения 350 000. См.: *Kabha*. The Palestinian People: Seeking Sovereignty and State. P. 157–158. CIA World FactBook; United States Census Bureau, International Programs, International Data Base.

[Вернуться](#)

266

Халиль Ибрагим Махмуд аль-Вазир, организовавший множество террористических актов, в молодости был членом организации «Братья-мусульмане», признанной террористической и запрещенной в Российской Федерации и ряде других стран. Впоследствии он стал главой военного крыла ФАТХ и заместителем Ясира Арафата.

[Вернуться](#)

267

Zelkovitz. The Fatah: Islam, Nationality, and the Politics of an Armed Struggle. P. 25–26 (иврит).

[Вернуться](#)

268

Буквальное значение слова *mujahideen* – «люди, участвующие в джихаде». Оно используется для обозначения повстанцев и боевиков, а на языке израильтян и Запада – террористов. Высказывание аль-Вазира взято из книги: *Sayigh*. Armed Struggle and the Search for State. P. 81.

[Вернуться](#)

269

Cobban. The Palestinian Liberation Organization: People, Power and Politics. P. 6–7; *Yaari*. Fatah. P. 9–17 (иврит); *Zelkovitz*. The Fatah. P. 25–26 (иврит).

[Вернуться](#)

270

Sayigh. Armed Struggle. P. 84, 85n.

[Вернуться](#)

271

Ibid. P. 85.

[Вернуться](#)

272

«ФАТАХ» впоследствии стала широко известной палестинской военизированной организацией и политической партией ФАТХ. – Прим. перев.

[Вернуться](#)

273

Ранние документы о создании ФАТХ см.: Ibid. Р. 88–89.

[Вернуться](#)

274

Mossad. History Department. Ladiyyah: The Mistarev and the Warrior, 1989. Р. 42 (архив автора, получено от источника Lindt). The Shin Bet. The Mistaravim Affair, без даты (архив автора, получено от источника Twins). Интервью с Харелем, 6 апреля 2001, Сами Морияхом, 12 августа 2013, Шаем Исраэлем, 13 октября 2016 и Хадаром, 1 сентября 2013. См.: *Ronen Bergman. Double Identity // Yedioth Ahronoth, August 30, 2013.*

[Вернуться](#)

275

Mossad. History Department. Ladiyyah: The Mistarev and the Warrior, 1989. Р. 54.

[Вернуться](#)

276

Yaari. Fatah. Р. 40–41 (иврит).

[Вернуться](#)

277

Интервью с Салахом Битаром, 11 сентября 1963, процитированное в книге: *Segev. Alone in Damascus*. P. 223.

[Вернуться](#)

278

Cobban. Palestinian Liberation Organization. P. 33.

[Вернуться](#)

279

Yaari. Fatah. P. 40–41 (иврит).

[Вернуться](#)

280

Ibid. P. 9 (иврит). См. также: *Cobban. Palestinian Liberation Organization*. P. 33; *Sayigh. Armed Struggle*. P. 107–108.

[Вернуться](#)

281

Mossad. History Department. Uri Yisrael (“Ladiyyah”) – a Unique Operational Figure, 1995 (архив автора, получено от источника Lindt).

[Вернуться](#)

282

Интервью с Эйтаном, 24 января 2013.

[Вернуться](#)

283

Pedahzur. The Israeli Secret Services and the Struggle Against Terrorism. P. 30.

[Вернуться](#)

284

Интервью с Эйтаном, 24 января 2013.

[Вернуться](#)

285

Cobban. Palestinian Liberation Organization. P. 33.

[Вернуться](#)

286

Встреча Эшкола с Амитом, 8 октября 1965.

[Вернуться](#)

287

Segev. Alone in Damascus. P. 29.

[Вернуться](#)

288

Интервью со Шломо Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

289

Operation Tophet // Maarakhot, April 1984. P. 18–32; *Sayigh*. Armed Struggle. P. 211–212.

[Вернуться](#)

290

В значительной степени ухудшение отношений между Израилем и арабскими странами происходило в результате вмешательства советской разведки. См.: *Ronen Bergman*. How the KGB Started the War That Changed the Middle East // The New York Times, June 7, 2017. Интервью с Шимоном Шамиром, 6 апреля 2017, Майклом Оре-ном, 6 апреля 2017 и Ами Глуска, 6 апреля 2017.

[Вернуться](#)

291

Эшкол сильно колебался в вопросе о том, чтобы начинать войну с арабами без согласия США. Его колебания еще более усилились, когда на встрече директора «Моссада» Амита с резидентом ЦРУ в Израиле Джоном Хадденом последний сказал: «Если вы начнете атаку, США высадутся в Египте для оказания ему помощи». Амит ответил: «Я не верю своим ушам». «Моссад», отчет о встрече Эшкола с Джоном Хадденом, 25 мая 1967 (архив автора, получено от Амита). Интервью с Джоном Хадденом, июнь 2006, Навотом, 6 апреля 2017 и Йешайяху Гавишем, 6 апреля 2017.

[Вернуться](#)

292

Mossad Chief Amir to PM Eshkol, Report on U. S. Visit 31.5–2.6.1967 (архив автора, получено от Амита).

[Вернуться](#)

293

Интервью с Амитом, апрель 2006. Central Intelligence Agency, Office of the Director, Richard Helms, to the President with the attachment of

Views of General Meir Amit, Head of the Israeli Intelligence Service, on the Crisis in the Middle East, 2 June 1967 (архив автора, получено от Амита).

[Вернуться](#)

294

AMAN Research Division. Israel and the Arabs: A New Situation, June 8, (архив автора, получено от Газита). Интервью с Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

295

Личный дневник Меира Амита, июль 1967 (архив автора, получено от Амита).

[Вернуться](#)

296

Yaari. Fatah. P. 92–94 (иврит).

[Вернуться](#)

297

Дневник Арбеля цит. по: *Perry. Strike First*. P. 42 (иврит).

[Вернуться](#)

298

Shin Bet. Wanted poster for Yasser Arafat, June 1967 (архив автора, получено от Шломо Накдимона).

[Вернуться](#)

299

Интервью с Суттоном, 9 мая 2012. См.: *Bechor*. PLO Lexicon. P. 266 (иврит); *Rubinstein*. The Mystery of Arafat. P. 98 (иврит).

[Вернуться](#)

300

Meeting of the IDF General Staff 38–341, April 1968, 17–18 (архив автора, получено от источника Sheeran).

[Вернуться](#)

301

Интервью с Цви Аарони, июль 1998.

[Вернуться](#)

302

Klein. The Master of Operation: The Story of Mike Harari. P. 100–101 (иврит). Интервью с Харари, 29 марта 2014 и Клейном, 6 октября 2014.

[Вернуться](#)

303

Supreme Command Secretariat, Bureau of the Chief of the General Staff, General Staff debriefings on Operations Tophet and Assuta, MODA, 236/72. Интервью с Хадаром, 25 марта 2013, Иммануэлем Шакедом, 14 мая 2013 и Суттоном, 9 мая 2012.

[Вернуться](#)

304

Zeev Maoz. Defending the Holy Land. P. 244–246 (иврит).

[Вернуться](#)

305

Например, см. протокол заседания № 341–5, первое совещание Генерального штаба со вновь назначенным премьер-министром Голдой Меир в марте 1969 года, на котором анализируются все угрозы, стоявшие перед Израилем в то время (архив автора, получено от источника Sheeran).

[Вернуться](#)

306

Интервью с Суттоном, 9 мая 2012, Steve, март 2013, и Цви Аарони июль 1998.

[Вернуться](#)

307

В то время спецслужбы других стран тоже экспериментировали с применением гипноза и наркотиков для подготовки высокопрофессиональных и бесстрашных оперативников. Одним из таких проектов, в ходе которого изучалось воздействие на человека различных психотропных препаратов и возможность их использования для создания совершенного солдата или получения информации в ходе допросов, был проект ЦРУ под названием MKULTRA. Фрэнк Олсон, один из участников проекта, то ли совершил самоубийство, то ли был убит. Интервью с Эриком Олсоном, сентябрь 2000. См.: *Ronen Bergman. Vertigo // Yedioth Ahronoth, October 6, 2000.*

[Вернуться](#)

308

Интервью с Аароном Левраном, 31 мая 2011.

[Вернуться](#)

309

Интервью с Суттоном, 9 мая 2012 и Steve, январь 2013.

[Вернуться](#)

310

30 лет спустя, когда Рафи Суттон был в Иордании в 1990-х – после того как эта страна подписала мирный договор с Израилем, в контакт с ним вступил человек, который назвал себя Фатхи. «Я был арестован ФАТХ за то, что израильтяне попытались загипнотизировать меня и отправить убивать Арафата», – сказал он. Он выразил Суттону благодарность за хорошее к себе отношение, а его водителю – за то, что тот спас его из реки. Человек улыбнулся и сказал: «*Inshallah* [волею Аллаха], чтобы на свете был мир и не было бы больше нужды в гипнозе». Интервью с Суттоном, 9 мая 2012, и Цви Аарони, июль 1998. См.: *Sutton. The Orchid Salesman*. P. 162–165 (иврит).

[Вернуться](#)

311

Melman and Raviv. Imperfect Spies. P. 154–158 (иврит).

[Вернуться](#)

312

IDF, History Department, Security, Summer of 1969–1970, September 1970 (архив автора, получено от источника Sheeran).

[Вернуться](#)

313

Интервью с Яаковом Пери, 21 мая 2011.

[Вернуться](#)

314

Интервью с Ицхаком Пундаком, 6 июня 2017. Кое-что из сказанного Пундаком также вошло в его книгу «Пять операций» (Five Missions; P. 322–354 (иврит).

[Вернуться](#)

315

Интервью с Ариэлем Шароном, май 2003. Я интервьюировал Дагана несколько раз в 2013 и 2014 годах в его квартире в одном из новых высотных жилых домов в Тель-Авиве после того, как он ушел с поста директора «Моссада», который занимал в течение 9 лет. К моменту наших бесед он представлял собой некое подобие медицинского чуда. За год до этого у него обнаружили рак. Спасти его могла только трансплантация, однако в возрасте 67 лет он уже не подпадал под соответствующие израильские законы. С помощью «Моссада» друзья и коллеги со всего мира бросились на помощь Дагану. В конце концов, Президент Беларуси Александр Лукашенко, который знал Дагана еще по мозадовским временам, приказал своим врачам найти донорскую печень для Дагана. «Боюсь, разочарую многих, ожидающих моей смерти», – сказал мне тогда Даган. Его по-прежнему строго охраняла Шин Бет в связи с существовавшими предупреждениями о том, что кто-то – сирийские или иранские секретные службы, ХАМАС, «Хезболла», «Палестинский исламский джихад» (список можно продолжить) – могут попытаться ликвидировать Дагана, чтобы отомстить за убийства их руководящих членов. «И ничего у них не получается, – сказал мне Даган с улыбкой. – Вот что происходит, когда во врагах у тебя полмира». Ремиссия рака произошла в конце 2015 года, и болезнь победила Дагана в марте 2016-го. Он был похоронен со всеми почестями, положенными национальному герою, а на его похороны пришли тысячи человек.

[Вернуться](#)

316

Интервью с Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

317

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

318

Anat Talshir and Igal Sarna. I Love to Put On a Costume and Go Act in Enemy Territory // Yedioth Ahronoth, 24 October 1997.

[Вернуться](#)

319

Интервью с Даганом, 20 июля 2013.

[Вернуться](#)

320

Yatom. The Confidant. P. 83 (иврит).

[Вернуться](#)

321

Интервью с Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

322

Интервью с Cube, март 2004.

[Вернуться](#)

323

Интервью с Даганом, 8 января 2011.

[Вернуться](#)

324

Интервью с Авигдором (Азулаем) Элданом, 20 апреля 2016.

[Вернуться](#)

325

Список разыскиваемых Шин Бет лиц (архив автора, получено от источника Jedi).

[Вернуться](#)

326

Моше Рубин из «Сайерет Маткаль» был послан обучать это подразделение методикам и технике, используемым при проникновении далеко вглубь территории противника. Наряду со стрелковой подготовкой и ориентацией на местности, тренировки включали в себя так называемые танцы, с помощью которых можно уменьшить видимый врагу силуэт бойца, когда он проникает в дом, чтобы снизить опасность поражения от огня находящихся внутри. Курсанты также обучались оперативному вождению различных видов транспортных средств, включая и те, которые широко используются населением сектора Газа. Их учили одиночному передвижению в одежде арабов по всей территории сектора Газа «просто для того, чтобы повысить нашу уверенность в том, что нас не распознают», – рассказывал Меир Тейхнер, один из первых «Хамелеонов». Интервью с Элданом, Моше Рубином и Меиром Тейхнером, 20 апреля 2016.

[Вернуться](#)

327

Существует целый ряд противоречащих друг другу историй о создании подразделения «Хамелеоны» (Rimon). Однако с точностью известно, что на определенном этапе своего существования подразделение находилось под командой Дагана при поддержке Арика Шарона. Интервью с Даганом, 29 мая 2013, и Рубином, Тейхнером, Элданом и Дани Перлом, 20 апреля 2016.

[Вернуться](#)

328

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

329

Интервью с Neta, июль 2013, и Cube, март 2004.

[Вернуться](#)

330

Интервью с Рубином, Тейхнером, и Элданом, 20 апреля 2016.

[Вернуться](#)

331

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

332

Suddenly There Was an Explosion in the Car // Yedioth Ahronoth, 3 January, 1972.

[Вернуться](#)

333

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

334

Интервью с Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

335

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

336

Интервью с Даганом, 19 июня 2013 и Шароном, май 2003. Удостоверение о награждении медалью Мужества капитана Меира Губермана (настоящая фамилия Дагана), подписанное начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Давидом Элазаром, апрель 1973.

[Вернуться](#)

337

Gazit. Trapped Fools. P. 61–63. Интервью с Даганом и Пери. Письмо Давида Ронена в *Haaretz*, октябрь 2002. Архивные материалы, суммирующие итоги операций рейнджеров, которые были показаны автору источником Emilia.

[Вернуться](#)

338

Интервью с Пундаком, 6 июня 2017. После смерти Пундака, последовавшей в августе 2017 года, и опубликования того, что он мне сказал относительно документа, сын Шарона Гилад ответил от имени всей семьи: «Это набор лжи и фантазий человека, единственным значительным достижением которого был его почтенный возраст» (сообщение по WhatsApp от Гилада Шарона 30 августа 2017).

[Вернуться](#)

339

12 августа 1997 года Даниэль Окев, один из бойцов Дагана, подобрал в машину двух молодых англичан, путешествовавших автостопом, – Джеффри Макса Хантера и Шарлотту Джибб. В это время он ехал по пустыне Негев, направляясь в казино в Табе, находившемся рядом с египетской границей на Синае. По дороге Окев достал 9-миллиметровый пистолет и выстрелил в обоих англичан. Хантер погиб на месте. Джибб была ранена и притворилась мертвой. Во время суда Окев сказал: «Я услышал иностранную речь и почувствовал себя, словно я в “мерседесе” (рейнджеры использовали такие машины) в Газе, разыгрывающий из себя араба». Окева приговорили к двадцати годам тюрьмы. Суд отклонил требование прокуратуры о пожизненном заключении, признав, что «в момент совершения убийства Окев находился в глубоком душевном смятении». После 13 лет нахождения в тюрьме он был досрочно освобожден. Другой рейнджер-гранатометчик, Жан Элраз, подтвердил сообщения о том, что члены подразделения совершали убийства. «Лично я убил больше 20 человек», – писал он из тюрьмы, где находится за убийство вооруженного охранника хранилища оружия кибуца в марте 2001 года, кражу этого оружия и продажу его террористам. См.: *Anat Talshir and Igal Sarna. I Love to Put On a Costume // Yedioth Ahronoth, October 24, 1997. Интервью с Жаном-Пьером Элразом, январь 1993. Письма от Элраза из тюрьмы, август*

2002. См. также: *Ronen Bergman et al.* Killer // Yedioth Ahronoth, 6 September 2002.

[Вернуться](#)

340

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

341

Интервью со Шмуэлем Пацом, 31 марта 2017.

[Вернуться](#)

342

Заявление в кнессете министра транспорта о захвате самолета El Al, заседание 312, 23 июля 1968.

[Вернуться](#)

343

Интервью с Эйтаном Хабером, 21 июня 2009. См.: *Bergman*. By Any Means Necessary: Israel's Covert War for Its POW and MIAs. P. 28–29 (иврит).

[Вернуться](#)

344

Yaari. Strike Terror. P. 242; *Merari and Elad*. The International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 29–41 (иврит).

[Вернуться](#)

345

No Response from El Al Flights: The Hijack of an Airplane to Algeria, Israeli Air Force website.

[Вернуться](#)

346

Leila Khaled: Hijacker, a 2006 documentary on Leila Khaled.

[Вернуться](#)

347

Иорам Перес был пилотом-стажером El Al. При нападении террористов он был тяжело ранен и доставлен в госпиталь, где умер через шесть недель. Письмо от Тами Инбар, сестры Переса, автору, 5 декабря 2008.

[Вернуться](#)

348

Guardian, January 26, 2001, цит. по: *Merari* and *Elad*. International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 95 (иврит).

[Вернуться](#)

349

Интервью с Ури Бар-Левом, 19 июня 2017.

[Вернуться](#)

350

Еще до этой операции Хаббаш открыто признал, что целью являются арабские страны. «Именно этого мы хотим. Эти акции предназначены для того, чтобы уменьшить возможности мирного решения, которое мы не готовы принять». Jerusalem Post, June 10, 1969, цит. по: *Merari and Elad. International Dimension of Palestinian Terrorism*. P. 28 (иврит).

[Вернуться](#)

351

Сирия послала войска, чтобы помочь палестинцам, однако Израиль, по требованию США, выдвинул свои вооруженные силы к границе и заявил, что если Дамаск не развернет свои бронетанковые колонны назад, он будет атакован. Сирийцы отступили, и Хусейн вернул себе полный контроль над Иорданией. Детали событий вокруг «Черного сентября» можно найти в книге: *Sayigh. Armed Struggle*. P. 261–281. Интервью со Шломо Газитом, 29 ноября 2016.

[Вернуться](#)

352

Протокол совещания премьер-министра Меир с директором «Моссада» Замиром, 5 января 1972 (получен автором от источника Paul). Абу Ияд много лет спустя признавал в своих мемуарах, что «Черный сентябрь» был, безусловно, частью ООП. Абу Ияд, цит. по: *Merari and Elad. International Dimension of Palestinian Terrorism*. P. 33 (иврит).

[Вернуться](#)

353

Интервью Абу Ияда: *Jeune Afrique*, 19 October 1971. См.: *Sayigh. Armed Struggle*. P. 309.

[Вернуться](#)

354

Интервью Меира Дагана, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

355

Sayigh. Armed Struggle. P. 308, note 207.

[Вернуться](#)

356

Ibid. P. 309, note 210.

[Вернуться](#)

357

Руководительница «Японской Красной армии», Фусако Сигенобу, которая послала мужа на эту самоубийственную операцию, говорила: «В связи с моими обязанностями перед организацией, а также потому, что я была его женой, я последней встретила командос, прежде чем они взошли на борт самолета, который полетел с ними в аэропорт Лод». См.: *Farrell. Blood and Rage. P. 138.*

[Вернуться](#)

358

The New York Times, June 1, 1972. Интервью с Эйламом, очевидцем событий в аэропорту, 2 декабря 2009.

[Вернуться](#)

359

Один из японцев Кодзо Окамото, к его сожалению, выжил. В отличие от арабских террористов, он отказался от разговоров со следователями, и его не пытали. Он согласился раскрыть данные об операции после того, как израильский генерал пообещал ему в случае сотрудничества дать пистолет с одним патроном, чтобы Окамото смог совершить самоубийство. Этот генерал, Рехавам Зееви, не выполнил своего обещания. *Steinhoff*. Р. 55, упом. в книге: *Blood and Rage*. Р. 141.

[Вернуться](#)

360

The New York Times, June 4, 1972.

[Вернуться](#)

361

Операция «Подарок» (Tshura) на веб-сайте израильских BBC
<http://iaf.org.il/4694-32941-HE/IAF.aspx>

[Вернуться](#)

362

Henry Tanner. France Pledges to Aid Lebanon If Her Existence Is Threatened // The New York Times, 15 January 1969.

[Вернуться](#)

363

Интервью с Харари, 23 марта 2014, Клейном, 28 мая 2014, и Black, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

364

Интервью с Цви Аарони, июль 1998, Амрамом Аарони, 14 мая 2016
и Dargen, сентябрь 2014.

[Вернуться](#)

365

Интервью с Харари, 10 марта 2014.

[Вернуться](#)

366

Интервью с Кловисом Френсисом, февраль 2005.

[Вернуться](#)

367

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

368

Харари получил санкцию Замира на генеральную репетицию операции в реальном времени, чтобы подобраться к квартире, из которой предполагалось вести огонь, симулировать атаку и отойти – все это для того, чтобы продемонстрировать премьер-министру, на что способна «Кесария». Все шло отлично за исключением того, что оперативник «Моссада», который должен был «убить» Арафата, не имел в руках оружия и мог только направить палец в голову палестинского лидера. Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

369

Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

370

Бассам Абу Шариф, спонсор Народного фронта освобождения Палестины, например, получил ранения лица и рук (потерял несколько пальцев), когда открыл книгу воспоминаний Че Гевары. См.: *Merari and Elad*. International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 119; *Bechor*. PLO Lexicon. P. 25.

[Вернуться](#)

371

В одной ситуации в тот период «Моссад» принял решение о проведении прямой акции в Бейруте. Еще один представитель Народного фронта освобождения Палестины, широко известный прозаик и поэт Гасан Канафани, попал в лист целей «Моссада», когда оказался на фотографиях рядом с членами «Японской Красной армии» незадолго до их вылета на операцию в Италию. 8 июля 1972 года, через шесть месяцев после террористического акта в Лоде, Канафани и его 17-летняя племянница Ламис Наджим сели в машину «остин 110», которая взорвалась сразу же, как только Канафани повернул ключ в замке зажигания. Тот факт, что «Моссад» вместе с Канафани ликвидировал и невинную молодую девушку, чей единственный грех состоял в том, что она села не с кем надо и не в ту машину, никогда не обсуждался и не расследовался. Интервью с Харари, 23 марта 2014 и Ethan, июль 2014.

[Вернуться](#)

372

Интервью с Харари, 23 марта 2014 и Kurtz, октябрь 2005.

[Вернуться](#)

373

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам безопасности, 9 октября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

374

Цитата, которую вспомнил в ноябре 2012 года оперативник «Кесарии» 1970-х годов Dark Chocolate.

[Вернуться](#)

375

Интервью с Shaul, июнь 2017.

[Вернуться](#)

376

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам безопасности, 9 октября 1972, 10.

[Вернуться](#)

377

Zamir, *With Open Eyes*, 67 (иврит).

[Вернуться](#)

378

Методика Беккермана по «инстинктивной» стрельбе используется также находящимися под глубоким прикрытием оперативниками Шин

Бет, которые летают на рейсах авиакомпании El Al. Эта методика преподается на секретной стрелковой базе Шин Бет, расположенной к востоку от Тель-Авива. На базе имеется ряд отдельных лабиринтов, состоящих из комнат и лестниц, в разных местах которых расположены автоматически выскакивающие мишени с изображением противника. Весь полигон покрыт крышей из армированного стекла, сквозь которую инструкторы могут следить за действиями курсантов и подавать им команды через громкоговорители. Лабиринты построены так, что проходящие подготовку могут стрелять боевыми патронами в любом направлении, а сенсоры и камеры весь процесс тренировки записывают. По впечатлениям о посещении автором специального стрелкового полигона Шин Бет в мае 2005 года.

[Вернуться](#)

379

Интервью с Ярином Шахафом, 22 января 2013. Во время разгула террора в середине 1972 года Харари изменил название подразделения с «Кесарии» на «Масада», по названию стоящей на берегу Мертвого моря в Иудейской пустыне древней горной крепости. Именно здесь последние повстанцы-евреи, восставшие против Римской империи в I веке н. э., находили укрытие и сдерживали наступление римских легионов. В конечном счете евреи предпочли самоубийства вместе со своими женами и детьми сдаче в плен римлянам и превращению в рабов. «Масада» является символом героизма и составляет важную часть независимого самосознания евреев, подчеркивая их готовность на жертвы во имя того, чтобы «“Масада” никогда не пала вновь». За время существования этого оперативного подразделения (управления) «Моссада» оно неоднократно меняло свое название. Чтобы избежать путаницы, в этой книге мы называем его «Кесария».

[Вернуться](#)

380

Sayigh. Armed Struggle. P. 309.

[Вернуться](#)

381

Личные данные участников «Черного сентября» производятся по подробному описанию теракта в Мюнхене, данному в статье: *Shai Fogelman*. Back to the Black September // Haaretz Weekly, 31 August, 2012.

[Вернуться](#)

382

Интервью с Ethan, июль 2014.

[Вернуться](#)

383

Goldstein. Golda: A Biography. P. 525 (иврит).

[Вернуться](#)

384

Интервью с Виктором Коэном, 27 мая 2015.

[Вернуться](#)

385

Zamir. With Open Eyes. P. 69.

[Вернуться](#)

386

Интервью с Виктором Коэном, 27 мая 2015.

[Вернуться](#)

387

Заседание совета национальной безопасности, 6 сентября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

388

Al-Sayyid, September 13, 1972, цит. по: *Merari and Elad*. International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 35.

[Вернуться](#)

389

Секретное приложение к решению кабинета по теракту в Мюнхене, Michael Arnon to Defense Minister, September 11, 1972 (архив автора, получено от источника Paul). Палестинцы утверждали, что в ходе этих акций были убиты 200 человек, в том числе женщины и дети. Израиль это отвергает. См.: *Fogelman*. Haaretz Weekly, August 21, 2012.

[Вернуться](#)

390

Заседание Совета национальной безопасности, 6 сентября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

391

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам национальной безопасности, протокол № 243, 3 ноября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

392

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам национальной безопасности, протокол № 243, 3 ноября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

393

Интервью с Black, ноябрь 2015. Похожий рассказ о событии содержится в книге: *Klein. Striking Back*. P. 117–118.

[Вернуться](#)

394

Письмо от Питера Маннинга, биографа Жанет Венн-Браун, автору от 20 октября 2015. Интервью с Питером Маннингом, 24 декабря 2015.

[Вернуться](#)

395

Хотя попытка подрыва самолета не удалась (бомба в виде магнитофона взорвалась в воздухе, но пилот сумел посадить самолет) и два палестинских террориста, которые убедили двух европейских туристов взять ее с собой на борт, были пойманы и осуждены, премьер-министр Голда Меир была уверена, что итальянцы поддадутся давлению и отпустят их. «Итальянцы сидят и дрожат», – сказала она. Ее слова вскоре сбылись, после того как итальянское правительство отпустило террористов под давлением ООП. Протокол заседания кабинета министров, 5 ноября 1972 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

396

С момента своего создания «Моссад» вызывает огромный интерес по всему миру и неутолимую жажду на истории о его подвигах. Фильмы, книги и телевизионные сериалы, которые якобы рассказывают об организации языком инсайдера, регулярно получают высшие рейтинги в списках мировой популярности. Одна история привлекает особенно пристальное внимание публики – о приказе Голды Меир об установлении и уничтожении всех палестинских боевиков в Европе в начале 1970-х годов. Судя по всему, одним из лучших изображений этой истории является фильм Стивена Спилберга «Мюнхен» с Эриком Бана и Дэниелем Крейгом в главных ролях, который получил пять номинаций на премию «Оскар». Связь между фильмом и реальностью весьма условная (это характерно и для других художественных рассказов об операциях, в которых не хватает соответствий и точности, за исключением великолепного отчета о событии – «Нанося ответный удар» (Striking Back) Аарона Клейна). Фильм основан на книге, написанной Джорджем Джонасом, который, в свою очередь, опирался на историю, рассказанную Ювалем Авивом, предполагаемым главным террористом в группе. Данные о Ювале как бывшем сотруднике «Моссада» вызывают очень скептическое отношение. Даже кодовое название операции, которое приводят в различных источниках – «Гнев Божий», – неправильно, если полагаться на свидетельства всех людей, имевших к ней отношение и рассказывавших о ней в этой книге и книге Клейна. Интервью с Ювалем Авивом, декабрь 1995, 6 ноября 2005. Письмо Юваля автору от 7 ноября 2005, о его связях со Спилбергом и киностудией. Большая часть материалов Юваля раскрывается в статье Ронена Бергмана в Yedioth Ahronoth от 2 декабря 2005. Спилберг утверждал, что фильм основан на лучших материалах, которые можно было получить публично. См.: *Ofer Shelah. Save Munich* // Yedioth Ahronoth, February 17, 2006. Дополнительная информация содержится в книге: *Chris Thompson. Secret Agent Schmuck* // Village Voice, October 16, 2007.

[Вернуться](#)

[Вернуться](#)

398

Интервью с Харари, 10 марта 2014, Клейном, 6 октября 2014, Kurtz, октябрь 2005, и Black, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

399

Интервью с Salvador, май 2012.

[Вернуться](#)

400

Шеф «Моссада» Замир позднее утверждал, что мотивом для «целевых» убийств была не жажда мести, а необходимость предотвратить будущие террористические атаки. Однако это трудно привести в соответствие с тем, что говорили подчиненные Замира. Многие из них открыто заявляли, что когда выходили на операции, на уме у них была только месть. Один из них сухо заметил: «Я говорю совершенно откровенно: любой человек, который убивает еврея, становится законной целью». Руководители «Моссада», сменившие Замира, Наум Адмони и Меир Даган, говорили, что месть была одним из мотивов политических убийств в 1970-х годах. Интервью с Black, июнь 2015, Наумом Адмони, 29 мая 2011 и Даганом, 29 мая 2013. Интервью с Цви Замиром содержится в статье Иосси Мелмана: Golda Gave No Order // Haaretz, 17 February, 2006.

[Вернуться](#)

401

Интервью с Black, ноябрь 2015, и Харари, 11 апреля 2014.

[Вернуться](#)

402

Интервью с Kurtz, октябрь 2005.

[Вернуться](#)

403

Существуют противоречивые сведения о том, был ли Меири когда-либо официально назначен руководителем «Кидона», как он сам и некоторые источники в «Моссаде» утверждают, или был просто определен полевым командиром в некоторых операциях, как об этом говорит Харари. Разночтения и разногласия между двумя этими сотрудниками «Моссада» со временем все больше выступали на поверхность. Интервью с Shaul, июнь 2017, Неемией Меири, 12 июня 2012 и Харари, 10 марта 2014.

[Вернуться](#)

404

Интервью с Неемией Меири, 12 июня 2012 и Хабером, 21 июня 2009. Запись бесед с Неемией Меири и журналистом Эйтаном Хабером (имеются в архиве автора, переданы Моше Меири).

[Вернуться](#)

405

Интервью с Shaul, июнь 2017.

[Вернуться](#)

406

Интервью с Хабером, 21 июня 2009.

[Вернуться](#)

407

Интервью с Неемией Меири, 12 июня 2012.

[Вернуться](#)

408

После того как Харари ушел в отставку с поста руководителя «Кесарии» в 1980 году, подразделение преподнесло ему специальный памятный подарок – пистолет Beretta, из которого Меири застрелил Цвайтера, помещенный на специальную доску с посвящением от оперативников. Харари держал его на видном месте на полке в комнате.

[Вернуться](#)

409

Aaron Klein. Striking Back. P. 130–131.

[Вернуться](#)

410

Интервью с Харари, 10 марта 2014.

[Вернуться](#)

411

Окончательная санкция на ликвидацию Хамшари была дана, когда 29 ноября «Черный сентябрь» захватил самолет авиакомпании Lufthansa, летевший рейсом из Бейрута во Франкфурт. Немцы немедленно освободили трех террористов, принимавших участие в террористической акции во время Мюнхенской олимпиады и до тех пор находившихся в тюрьме. Их отправили самолетом в Ливию, где местные власти встретили их по-королевски. Обстоятельства захвата

воздушного судна породили подозрения относительно того, что операция была скоординирована с немцами для создания предлога к освобождению убийц олимпийцев. В Израиле последовала гневная реакция, особенно подогретая заявлением официального представителя германского правительства о том, что «это не Германия породила ближневосточный конфликт». Министр Вархафтиг заявил: «Это убийство шести миллионов евреев породило ближневосточный конфликт». После того заседания кабинета Вархафтиг обратился к Голде Меир и попросил ее утвердить дополнительные цели для политических убийств. Интервью с Toblerone, январь 2014. См.: Germany's Secret Contacts with Palestinian Terrorists // Der Spiegel, 28 August 2012.

[Вернуться](#)

412

В то время миниатюрные средства связи еще не были широко доступны. Для того чтобы предупредить оперативников об опасности извне, командир подразделения Цви Малчин использовал небольшую коробочку, которая висела у сотрудников на ремне и издавала вибрацию, когда на нее посылался радиосигнал на определенной волне. На самом деле это был первый своеобразный пейджер.

[Вернуться](#)

413

Интервью с Kurtz, октябрь 2005. Спустя день после убийства Хамшари какой-то аноним позвонил по телефону Анки Спитцер, вдове Андре Спитцера, тренера по фехтованию израильской команды в Мюнхене. «Слушайте новости в десять часов, – сказал звонивший. – Это за Андре». Интервью с Анки Спитцер, 22 февраля 2012. См.: *Klein. Striking Back*. P. 129–133.

[Вернуться](#)

414

Интервью с Харари, 10 марта 2014.

[Вернуться](#)

415

Из воспоминаний директора «Моссада» Цви Замира, которыми он поделился с историческим отделом разведки. Цит. по: *Zamir. With Open Eyes*. P. 76–80.

[Вернуться](#)

416

Комиссия кнессета по внешней политике и вопросам безопасности, протокол заседания от 3 ноября 1972 (получено автором от источника Paul).

[Вернуться](#)

417

Интервью с Black, июнь 2015.

[Вернуться](#)

418

Интервью с Iftach, 22 мая 2011.

[Вернуться](#)

419

Дополнительная поддержка заявлений палестинцев неожиданно появилась в интервью Аарона Ярива, советника Голды Меир по антитеррору, которое он дал ВВС. Ярив тогда впервые признал, что «Моссад» стоял за политическими убийствами, и вступил в противоречие с более ранними утверждениями «Моссада» относительно Цвайтера, сказав: «Он имел определенное отношение к терроризму. Не в оперативном смысле». Такие же подозрения были высказаны Клейном в его книге: Striking Back. P. 119.

[Вернуться](#)

420

Интервью с Select, апрель 2011.

[Вернуться](#)

421

Было ясно, что в первые месяцы осуществления Израилем политических убийств в Европе палестинцы не испугались и продолжили наращивание террористических акций в Европе и повсюду в мире. Они атаковали представительства El Al, рассылали заминированные почтовые отправления, устраивали засады на израильских представителей. На пике этой деятельности они захватили израильское посольство в Бангкоке и его персонал. См.: *Merari and Elad. International Dimension of Palestinian Terrorism*. P. 17 (иврит).

[Вернуться](#)

422

ФАТХ продолжал свою борьбу с «Моссадом» и в январе 1973 года смог перевербовать двух палестинских агентов, которые работали на «Перекресток». Один из них во время встречи со своим куратором Цадоком Офиром достал пистолет и выстрелил в израильтянина, ранив его. Другой застрелил своего оперативного руководителя, офицера «Моссада» Баруха Коэна, на встрече в Мадриде. В Израиле эти инциденты были восприняты только как подтверждение того, что кампанию «целевых» убийств следует интенсифицировать. Интервью с Гидеоном Эзрой, 4 февраля 1999, Суттоном, 9 мая 2012 и Алфером, 18 мая 2015. См.: *Klein. Striking Back*. P. 142–147.

[Вернуться](#)

423

Интервью с Francis, февраль 2005.

[Вернуться](#)

424

Короткий курс подготовки для Яэль по вопросам работы и жизни писателя дал Шабтай Тевет, старший репортер газеты Haaretz, биограф Бен-Гуриона и друг Харари.

[Вернуться](#)

425

Досье «Кесарии», собранное перед операцией «Весна молодости», включая фотографии Яэль в Бейруте, находится в архиве автора (получено от источника Gustav).

[Вернуться](#)

426

Mass. Yael, the Mossad Warrior in Beirut. P. 66 (иврит) (не прошедший цензуру черновик рукописи, который находится в архиве автора, был получен от источника Maurice).

[Вернуться](#)

427

Интервью с Харари, 23 марта 2014. См.: *Klein. Striking Back. P. 157–161.*

[Вернуться](#)

428

Dar to CoS, Chief of AMAN and Commander of Unit 131, Setting the Ground of the Establishment of Undercover Mista'ravim Unit, 2 October 1955 (архив автора, получено от Авраама Дара).

[Вернуться](#)

429

Подслушивающие устройства имели весьма длительный срок работы благодаря использованию в них атомных батареек, предоставленных израильско-американским ученым Залманом

Шапиро, владельцем компании NUMAC в Пенсильвании. Интервью с Амитом, 6 июня 2005 и Амирамом Левиным, 16 июля 2017. См.: *Ronen Bergman*. The Nuclear Batteries and the Secret Listening Devices // Yedioth Ahronoth, 6 June 2017.

[Вернуться](#)

430

Барак энергично настаивал на включении его подразделения в операции АОИ. С течением времени отряд спецназа «Сайерет Маткаль» стал синонимом отличной подготовки, решительности и нестандартного подхода к выполнению заданий. Ветераны подразделения заняли высокие посты в армии и стали частью политического истеблишмента Израиля после ухода в отставку. Эхуд Барак, занимавший должность начальника Генерального штаба АОИ, стал впоследствии министром обороны и премьер-министром. Узи Даян стал заместителем начальника Генерального штаба, а в гражданской должности – руководителем Совета национальной безопасности. Дани Ятом стал директором «Моссада». Шауль Мофаз являлся последовательно начальником Генерального штаба и министром обороны. Моше Яалон, еще один ветеран «Сайерет Маткаль», был начальником Генерального штаба, министром обороны и вице-премьером в правительстве Нетаньяху. Подготовленный в конце 2012 года газетой Yedioth Ahronoth материал показал, что значительная часть политической и экономической власти, а также власти в области безопасности страны, долгое время находилась в руках выходцев из спецподразделения «Сайерет Маткаль», которое по размерам не больше отдельного батальона.

[Вернуться](#)

431

Betser. Secret Soldier. P. 143 (иврит).

[Вернуться](#)

432

Интервью с Амноном Бираном, 5 июня 2011, и Бараком, 24 ноября 2013.

[Вернуться](#)

433

Это была не первая операция Армии обороны Израиля против целей ООП в Ливане, однако никогда прежде она не приобретала таких масштабов, потребовав объединения различных сил, включая «Моссад». Информацию о предшествовавших атаках в Ливане (операция «Бардас») см.: *Nadel. Who Dares Wins*. P. 198–235 (иврит). Сведения о планировании операции «Весна молодости» можно найти в книге: *Betser. Secret Soldier*. P. 109–114 (иврит). Operations Division, Spring of Youth MODA 580–75–401 (Оперативное управление, «Весна молодости», 9 апреля 1973, архив Министерства обороны 580–75–401). Интервью с Бараком, 1 июля 2013.

[Вернуться](#)

434

Высадка десанта на берег и бросок на автомобилях к цели отрабатывались на пустынном берегу неподалеку от нового жилого комплекса «Рамат-Авив» к северу от Тель-Авива. Там имелись недостроенные конструкции высотных зданий, в чем-то похожих на те элитные строения, в которых в Бейруте проживали объекты операции. Интервью с Шакедом, 1 мая 2013, и Бараком, 13 января 2012.

[Вернуться](#)

435

Харари решил не посвящать Яэль в детали операции, в том числе во время ее проведения. «Даже малейшая вероятность того, что ее могут

раскрыть без нашего ведома и заставить рассказать то, что она знала, могла поставить под угрозу все наши силы», – сказал он мне. «Моссад», разведывательный отчет по операции «Весна молодости» от 6 апреля 1973 (архив автора, получен от источника Gustav). Интервью с Амноном Бираном, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

436

Реконструкция встречи – по интервью с Шакедом, 14 мая 2013, Харари, 29 марта 2013, и Амноном Бираном, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

437

Различные рукописные записи руководителя операции, сделанные незадолго до отправления, и записи по последним инструкциям бригадного генерала Иммануэля Шакеда 4 апреля 1973 (архив автора, получено от источника Stark).

[Вернуться](#)

438

Интервью с Эли Зейра, 29 июня 2010.

[Вернуться](#)

439

Интервью с Бараком, 24 ноября 2013.

[Вернуться](#)

440

Интервью с Муки Бецером, 10 июня 2016.

[Вернуться](#)

441

Betser. Secret Soldier. P. 163.

[Вернуться](#)

442

Интервью с Бецером, 10 июня 2016.

[Вернуться](#)

443

Штаб командующего сухопутными и парашютно-десантными войсками, отчет об операции «Весна молодости», 11 мая 1973 (архив автора, получен от источника Stark). *Amnon Biran. Spring of the Elite Forces // Mabat Malam, April 2011* (иврит). Интервью с Бараком, 24 ноября 2013, *Dark Chocolate*, ноябрь 2012, *Black*, январь 2013, и Авирамом Галеви, 12 октября 2010. См. также: *Betser. Secret Soldier. P. 164–166.*

[Вернуться](#)

444

Интервью с Игалом Пресслером, 6 июля 2017.

[Вернуться](#)

445

Интервью с Амном Липкином-Шахаком, 26 мая 2011. *Klein. Striking Back. P. 168–169.*

[Вернуться](#)

446

Интервью с Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

447

Интервью с Sinbad, октябрь 2013.

[Вернуться](#)

448

Интервью с Бараком, 24 ноября 2013.

[Вернуться](#)

449

Копия этого письма находится в архиве автора, получена от источника Midburn.

[Вернуться](#)

450

Mass. Yael, the Mossad Warrior in Beirut. P. 117 (не прошедшая цензуру рукопись; находится в архиве автора, получена от источника Maurice) (иврит).

[Вернуться](#)

451

Он и его помощник Тауфик Тирави были на этой встрече вместе с тремя террористами, которые принимали участие в мюнхенской бойне и были освобождены немцами. Тирави вспоминает, что около 1 часа

ночи они слышали выстрелы и один из охранников, ожидавших снаружи, вбежал в помещение и крикнул: «Аль-Моссад, аль-Моссад, они здесь!» Интервью с Тауфиком Тирави, июнь 2002.

[Вернуться](#)

452

Другие документы указывали на связи между ООП и левацкими организациями в Европе и подчеркивали место «Моссада», который может быть полезен западным странам в их борьбе с местными террористами, а также делали упор на том, что только сотрудничество с Израилем может помочь противостоять этому явлению. Интервью с Шимшоном Ицхаки, 2 сентября 2015, и Реувеном Хазаком, 1 февраля 1999. См.: *Sayigh. Armed Struggle*. P. 311.

[Вернуться](#)

453

Через несколько дней после операции бригадный генерал Шакед потребовал, чтобы директор «Моссада» уволил этого оперативника «Кесарии», а когда тот отказался сделать это, Шакед потребовал от начальника Генерального штаба Элазара, чтобы он попросил премьер-министра отдать соответствующий приказ, однако «никто не послушал меня в эйфории от успеха операции». Интервью с Шакедом, 1 мая 2013.

[Вернуться](#)

454

Цитата из газеты Haaretz, 12 марта 1973.

[Вернуться](#)

455

«Моссад» подозревал аль-Кубайси в планировании покушения на Голду Меир путем подрыва заминированной машины на пути ее кортежа во время поездки в Нью-Йорк. Аль-Кубайси прилетел в Париж в феврале и поселился в небольшой гостинице на Place de la Madeleine. Вскоре он начал посещать бары, популярные среди молодых арабов. Неемия Меири понимал, что уже вышел из того возраста, когда можно якшаться с этими арабами, поэтому он принял очень оригинальное решение и послал своего сына Моше наблюдать за аль-Кубайси. У юноши не было никакой оперативной подготовки, но Моше утверждает, что Неемия был уверен, что эти способности молодой человек унаследовал от него. «Я обычно приходил в бар, заказывал чего-нибудь выпить и начинал разговоры с арабами. У меня была сумка со скрытой камерой, и, сидя в баре, я незаметно снимал окружающих людей». С помощью этих фотографий, в также других материалов наружного наблюдения «Моссаду» удалось зафиксировать встречи аль-Кубайси с другими членами ФАТХ. Интервью с Моше и Неемией Меири, 12 июня 2012.

[Вернуться](#)

456

«К нашему сожалению, они не смогли вернуться сами. Им нужно было помочь», – объяснял Kurtz, который принимал участие в убийстве Хусейна Абд аль-Чира. Интервью с Kurtz, октябрь 2005. См.: *Klein. Striking Back*. P. 137–138.

[Вернуться](#)

457

Report on Operation Heartburn, 1996. P. 17, цит. по ежегодному отчету военной разведки АМАН за 1978–1979 гг. (архив автора, получено от источника Lexicon).

[Вернуться](#)

458

Интервью с Харари, 11 апреля 2014. Похожее описание есть в книге Клейна: *The Master of Operations*. Р. 17–19; *Two Bomb-Carrying Arabs Injured in Explosion* // *JTA*, 18 июня 1973.

[Вернуться](#)

459

Интервью с Хадаром, 7 февраля 2012.

[Вернуться](#)

460

Интервью с Харари, 12 февраля 2014, *Dark Chocolate*, 2 ноября 2012, и Клейном, 28 мая 2014.

[Вернуться](#)

461

Будия был серьезной потерей для НФОП. Два дня спустя организация объявила, что отомстила за смерть Будия, убив израильского военного атташе в Вашингтоне, полковника Йосефа «Джо» Алона. Его застрелили в машине при подъезде к своему дому в Мэриленде 1 июля. Подлинные обстоятельства гибели Алона остаются до сих пор тайной. Его гибель сопровождается многочисленными конспирологическими теориями. Недавно расследование этой смерти возобновилось с учетом того, что в нее оказался вовлечен, или по меньшей мере знал о ней, Ильич Рамирес Санчес – «шакал» «Карлос». См.: *Adam Goldman*. *I Wrote to Carlos the Jackal, and an Israeli's Assassination Case Was Revived* // *The New York Times*, January 8, 2017. Переписка с Софи Боннет, режиссером будущего документального фильма о «Карлосе», май 2017.

[Вернуться](#)

462

Интервью с Kurtz, октябрь 2005.

[Вернуться](#)

463

Nadia Salti Stephan. Abu Hassan by Abu Hassan // Monday Morning, April 1976.

[Вернуться](#)

464

Информационно-аналитическое управление АМАН,
«Террористическая активность за рубежом», 1 мая 1969 (показано
автору источником Lexicon).

[Вернуться](#)

465

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015. См.: *Bird. Good Spy. P. 90.*

[Вернуться](#)

466

Bird. Good Spy. P. 133–134; Klein. Striking Back. P. 192.

[Вернуться](#)

467

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

468

Цитата Харари в телепрограмме Yarin Kimor, *Sealed Lips*, Channel 1, 20 сентября 2014.

[Вернуться](#)

469

Klein, *Striking Back*, 186–187. Интервью с Харари, 10 марта 2014, Иланом Мизрахи, 22 октября 2014, Kurtz, октябрь 2005, Dark Chocolate, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

470

По другой версии, Бенамене сел в Милане на поезд до Осло, где за ним наблюдала команда «Моссада», и во время этой поездки, как утверждает один из наблюдавших за объектом, «произошла ошибка, когда мы перепутали его с другим пассажиром». Интервью с Shaul, июнь 2017.

[Вернуться](#)

471

Генерал Аарон Ярив, интервью BBC, 23 ноября 1993.

[Вернуться](#)

472

Напротив, Меири был убежден, что человек, который внешне вел тихую жизнь в Лиллехаммере, был настоящим Саламе. Интервью с Харари 10 марта 2014, Неемией и Моше Меири, 12 июня 2012, и Shaul, июнь 2017.

[Вернуться](#)

473

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

474

Они бросили машину на парковке престижного датского отеля, где она простояла три года, прежде чем служащие отеля поняли, что здесь что-то не так. После этого автомашина была возвращена в бюро аренды машин.

[Вернуться](#)

475

Интервью с Харари, 29 марта 2014, и Shaul, июль 2011. Y. отказался от интервью, о котором я попросил его через родственника, бывшего командующего ВВС Израиля, 20 марта 2017.

[Вернуться](#)

476

Бутики был братом Чико Бутики, сооснователя группы Gipsy Kings. Интервью с Ули Вейденбах 26 февраля 2017.

[Вернуться](#)

477

Moshe Zonder. I Was Sure They'd Kill Me Too // Maariv, 13 September 1995.

[Вернуться](#)

478

Yarin Kimor. Sealed Lips. Channel 1. 20 September 2014.

[Вернуться](#)

479

Интервью с Shaul, июль 2011, и Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

480

По данным норвежской полиции, Арбель был задержан при нескольких иных обстоятельствах. При этом полиция больше хвалила себя, а не бдительного соседа, который записал номер машины. В любом случае это был страшный провал для «Моссада». См.: *Yossi Melman. Protocols of Lillehammer Failure Revealed* // Maariv, 2 July 2013.

[Вернуться](#)

481

В ответ на слова Shaul Харари сказал: «До Лиллехаммера мы не знали о том, что он (Арбель) страдает клаустрофобией. Напротив, во всех предыдущих операциях он действовал превосходно». Вопрос состоит в том, должны ли были в «Моссаде» знать об этой особенности психики Арбеля. Когда я задал Харари соответствующий вопрос, он перебил меня саркастическим заявлением: «Вы же серьезный человек, верно? Итак, представьте себе, что вы оперативник и находитесь в Норвегии, рядом с Северным полюсом, и не знаете ни языка, ни даже алфавита. Так что вы не можете читать названия улиц, дверные таблички или заголовки газет, которые могут иметь отношение к вашему заданию. Я хочу сказать, что мои хорошо подготовленные оперативники не знают языка, и поэтому я беру «квазиоперативников», не прошедших полную подготовку или находящихся в ее процессе, но которые знают норвежский. Это то, что у меня есть под рукой. А мне нужны люди, умеющие изъясняться на местном языке». Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

482

Много вопросов к руководству «Кесарии» относительно их действий вокруг инцидента в Лиллехаммере и жесткая критика этих действий содержится в анонимном письме, написанном одним из подчиненных Харари в апреле 2014 года. В нем приведена до сих пор не публиковавшаяся информация, и оно находится в архиве автора.

[Вернуться](#)

483

Только в середине 1990-х годов Израиль решил признать свое участие в убийстве Бутики после того, как против Харари и Замира в Норвегии начался суд. Израиль выплатил Торилл Ларсен Бутики и ее дочери, 22-летней Малике, 283 000 долларов, а сын Бутики от предыдущего брака Джамал Терье Рутгерсен получил 118 000 долларов. См.: Israelis to Compensate Family of Slain Waiter // The New York Times, 28 January 1996.

[Вернуться](#)

484

Политическая и юридическая завязанность Израиля на инцидент в Лиллехаммере хорошо описана в материале Палмора «Дело Лиллехаммера», представляющем собой доклад этого сотрудника израильского МИДа, который был назначен координатором соответствующих мероприятий по делу.

[Вернуться](#)

485

Интервью с Кфиром, 9 июня 2011.

[Вернуться](#)

486

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

487

У Каддафи были свои причины, чтобы сбить израильский самолет. 21 февраля 1973 года израильский истребитель уничтожил пассажирский лайнер Libyan Airlines, который летел из Триполи в Каир, изменил маршрут, вторгся в воздушное пространство над Синайским полуостровом, контролируемым Израилем, и полетел по направлению к секретному израильскому ядерному объекту в Димоне. Погибло 108 человек из 113, находившихся на борту.

[Вернуться](#)

488

Интервью с Харари, 23 марта 2014; *Zamir*. With Open Eyes. P. 142–146; *Klein*. Master of Operations. P. 28–35.

[Вернуться](#)

489

Интервью с Харари, 23 марта 2014, Неемией Меири и Моше Меири, 12 июня 2012, и Black, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

490

Большинство заключенных-палестинцев были погружены на военно-грузовой самолет итальянских ВВС, который взлетел из Ливии, но взорвался в воздухе над Средиземным морем. Все находившиеся на борту погибли. Некоторые итальянские официальные

лица обвиняли Израиль в возникновении таинственных технических неполадок, которые привели к взрыву самолета. Израиль отвергает эти обвинения, и, насколько мне удалось вынести свое заключение, говорит правду.

[Вернуться](#)

491

Операция «Весна молодости» в 1973 году являла собой не только успех разведывательного сообщества. У «Моссада» имелась работавшая с отличными результатами агентура в верхних эшелонах египетского правительства – это был человек по имени Ашраф Марван, занимавший пост начальника кабинета президента Анвара Садата и являвшийся зятем бывшего президента Насера. Кроме того, «Сайерет Маткаль» в ходе операции «Консульство» сумело установить шпионскую аппаратуру в глубине Синайского полуострова, перехватывая линии связи армии Египта и снабжая получаемой информацией военную разведку АМАН. Интервью с Constantine, ноябрь 2011, Эхудом Бараком, 13 января 2012, и Левиным, 10 мая 2017. По вопросу о вербовке Ашрафа Марвана и работе с ним, а также о его возможном участии в кампании дезинформации, которую Египет проводил накануне войны Судного дня, см.: *Bergman and Meltzer. The Yom Kippur War: Moment of Truth*. P. 31–41, 470–522 (иврит).

[Вернуться](#)

492

Davar. April 17, 1973.

[Вернуться](#)

493

Цитаты отсканированных документов, опубликованных в книге: *Zamir. With Open Eyes*. P. 128 et cet.

[Вернуться](#)

494

Интервью с Бараком, 13 января 2012.

[Вернуться](#)

495

Письмо Киссинджера президенту Никсону, Вашингтон, 25–26 февраля 1973. National Archives, Nixon Presidential Materials, NSC Files, Kissinger Office Files, Box 131.

[Вернуться](#)

496

Kipnis. 1973: The Way to War. P. 89 (иврит).

[Вернуться](#)

497

Свидетельство под присягой начальника Генерального штаба Давида Элазара комиссии Аграната 31 января 1974, 17 февраля 1974, 21 февраля 1974 (архив автора, получено от источника Picasso).

[Вернуться](#)

498

У Харари и «Кесарии» было несколько планов на случай начала войны, включая доставку и подрыв контейнера со взрывчаткой в Порт-Саиде, а также размещение и приведение в действие взрывных устройств в различных военных штабах и правительственных учреждениях в Каире. Харари докладывал эти планы премьеру Голде Меир, но та, шокированная и испуганная развитием событий, не захотела создавать дополнительные риски и отказалась. См.: *Bergman*

and *Meltzer*. The Yom Kippur War: Moment of Truth. P. 23–97 (иврит).
Интервью с Харари, 29 марта 2014.

[Вернуться](#)

499

Yedioth Ahronoth, May 16, 1974.

[Вернуться](#)

500

The Truth Behind the Maalot Massacre (документальный фильм Орли Вилная и Гая Мероза, 10 канал, март 2014).

[Вернуться](#)

501

Zonder. Sayeret Matkal. P. 119 (иврит).

[Вернуться](#)

502

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

503

Интервью с Харари, 29 марта 2014.

[Вернуться](#)

504

Sayigh. Armed Struggle. P. 310–311.

[Вернуться](#)

505

IDF General Staff Branch, History Department, The Terror Attack at the Savoy Hotel, August 1975 (архив автора, получено от Gomez).

[Вернуться](#)

506

Интервью с Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

507

Интервью с Омером Бар-Левом, 15 ноября 2012.

[Вернуться](#)

508

Интервью с Гресо, октябрь 2014, и Яacob, август 2015.

[Вернуться](#)

509

Интервью с Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

510

Операция называлась Operation B'nei Mazor («Сыны освобождения»). Интервью с Авиемом Селлой 10 июля 2013. (Доклад

о событии из архива израильских ВВС был показан автору источником Roi)

[Вернуться](#)

511

В период с декабря 1973-го по май 1978 года Народный фронт осуществил 20 акций международного терроризма. *Merari and Elad. International Dimension of Palestinian Terrorism*. Р. 170–174 (иврит).

[Вернуться](#)

512

Интервью с Мизрахи, 22 апреля 2014.

[Вернуться](#)

513

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

514

The Mitrokhin Archive, K-24, 365, Churchill College, Cambridge University. См.: *Ronen Bergman. The KGB's Middle East Files: Palestinians in the Service of Mother Russia* // Yedioth Ahronoth, 4 November 2016; *Andrew and Mitrokhin. The Mitrokhin Archive II*, 244. Интервью с Кристофером Эндрю, 21 февраля 2016.

[Вернуться](#)

515

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015. См.: *Mossad. Operation Heartburn*. Р. 7.

[Вернуться](#)

516

Ravid. Window to the Backyard. P. 49.

[Вернуться](#)

517

Связь между Хаддадом и группой «Баадер – Майнхоф» была установлена его заместителем Тайсиром Кубе, который отвечал за тайные международные связи организации, осуществлявшиеся через палестинских преподавателей и студентов в Германии. Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

518

В Найроби для оказания террористам логистической помощи были отправлены другие палестинцы и немцы. Оперативный приказ, написанный Хаддадом, можно найти в: Mossad. Report on Operation Heartburn. P. 68–80.

[Вернуться](#)

519

Ibid. P. 73.

[Вернуться](#)

520

Ibid. P. 30.

[Вернуться](#)

521

Интервью с Элиэзером Цафриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

522

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

523

У «Моссада» имелась богатая и очень позитивная история взаимодействия со службами безопасности Кении. См.: *Ronen Bergman*. Israel and Africa. P. 112–116.

[Вернуться](#)

524

Mossad. Report on Operation Heartburn. P. 30–31.

[Вернуться](#)

525

Интервью с Цафриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

526

Mossad. Report on Operation Heartburn. P. 36–37.

[Вернуться](#)

527

Цаффрир, один из оперативников «Моссада», посланный в Найроби, столкнулся с дилеммой: он узнал, что его племянница Гилат Ярден тоже летела этим рейсом. «Я не знал, что мне делать: то ли предупредить ее, чтобы она не летела этим самолетом, то ли ничего не говорить ей, допустив этот полет, – говорил он мне. – С одной стороны, в ходе операции должна была соблюдаться абсолютная секретность. Любая утечка информации могла испугнуть террористов. Я был абсолютно уверен, что мы сможем остановить их до того, как они запустят ракеты. С другой стороны – это была дочь моей сестры, а в такой операции, которая нам предстояла, все могло случиться. Что, если нам не удастся найти террористов? Что же было важнее: верность “Моссаду” или семье?» В конце концов Цаффрир решил, что дело «Моссада» важнее, и допустил полет племянницы на том самолете, взвалив на свои плечи ответственность за ее жизнь. Интервью с Цаффриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

528

Интервью с Цаффриром, 14 июля 2015. См.: Mossad. Report on Operation Heartbur. P. 59.

[Вернуться](#)

529

Интервью с Eleanor, сентябрь 2014, Mark, март 2011, и Ringo, июль 2013. См.: Mossad. Report on Operation Heartburn. P. 59–60.

[Вернуться](#)

530

Покинув зал, Барак запросил консультаций с руководством Министерства юстиции, включая генерального прокурора Габриэля Баха, который тоже был потрясен до глубины души, когда услышал

предложение Зееви. Интервью с Дорит Бейниш, 28 сентября 2014, и Ringo, июль 2013.

[Вернуться](#)

531

Интервью с Хадаром, 14 мая 2017.

[Вернуться](#)

532

Интервью с Mark, март 2011.

[Вернуться](#)

533

Интервью с Игалом Симоном, 29 июля 2012.

[Вернуться](#)

534

Интервью с Газитом, 19 июля 2017.

[Вернуться](#)

535

Интервью с Хадаром, 14 мая 2017. Шульц произвела также сильное впечатление на Джона Ле Карре, для которого его друг начальник АМАН Газит специально организовал посещение секретного изолятора, который тогда назывался Villa Brigitta по имени немецкой террористки. Женщина-переводчица, которая переводила допросы для Хадара, была представлена Ле Карре под вымышленным именем – «директор изолятора капитан Кауфман». См.: *Le Carré. The Pigeon Tunnel*. P. 109–115 (иврит).

[Вернуться](#)

536

Протокол заседания кабинета министров от 27 июня 1976 (архив автора, получено от источника Paul). Записка, переданная Пораном, тоже находится в архиве автора (получена от Авнера Авраама). Интервью с Амосом Эйраном, 11 февраля 2009.

[Вернуться](#)

537

IDF, History Department, Operation Thunder Ball, November 1977, MODA, 107.79.18, 3–11.

[Вернуться](#)

538

Ronen Bergman. Israel and Africa. P. 121–139.

[Вернуться](#)

539

Интервью с Авнером Авраамом, 14 октября 2015, Акива Лаксером, 1 апреля 2016, и Идо Нетаньяху, 29 июня 2016. См.: Netanyahu (ed.). *Sayeret Matkal at Antebbe*. P. 25–28 (иврит).

[Вернуться](#)

540

Доклад директора Шин Бет Авраама Ахитува, заседание кабинета по вопросам безопасности от 30 июня 1976 (находится в архиве автора, получен от источника Paul).

[Вернуться](#)

541

Интервью с Цафриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

542

В итоге из отчета морских командос, которые осуществили рекогносцировку вокруг озера Виктория, получалось, что операция невозможна, поскольку озеро буквально кишело крокодилами. См.: Halevy, Reicher, and Reisman (eds.). Operation Yonatan in First Person. P. 38–39 (иврит). Интервью с Эйраном, 11 февраля 2009.

[Вернуться](#)

543

Интервью с Эйраном, июль 2013. См.: *Ronen Bergman*. Gilad Shalit and the Rising Price of an Israeli Life // The New York Times, 9 November 2011.

[Вернуться](#)

544

Рабин выступал на чрезвычайном совещании руководителей оборонных ведомств, которое он созвал во второй половине дня 30 июня. Начальник Генерального штаба Мордехай Гур согласился с Рабином, что журналисты должны быть допрошены в Шин Бет. «Я думаю, это должно быть сделано, и согласен с этим на 100 %. Еще не поздно сделать это сегодня». Но никаких допросов проведено не было, после того как генеральный прокурор Барак сказал, что они будут незаконными, и запретил их. «Совещание премьер-министра и министра обороны с руководителями оборонных ведомств Израиля», 30 июня 1976 (архив автора, документ получен от источника Paul).

[Вернуться](#)

545

Поговорив с ними, он сумел сделать снимки контрольной вышки с земли и даже получить информацию, в которой остро нуждались ВВС, – диаметр заправочных шлангов в аэропорту. Интервью с Харари, 10 марта 2014, Клейном, 6 октября 2014, и Ави Вейс Ливне, 12 сентября 2016. Копии фотографий, которые Давид сделал в аэропорту Энтеббе, находятся в архиве автора (получены от источника Ethan).

[Вернуться](#)

546

Протоколы заседания кабинета министров от 3 июля 1976 и 4 июля 1976 (архив автора, получены от источника Paul). Интервью с Пересом, 4 августа 2015.

[Вернуться](#)

547

Интервью с Ифтахом Рейхером, 25 ноября 2013, и Вейс Ливне, 16 мая 2016. См.: *Ronen Bergman*. Operation Entebbe as Told by the Commandos: Planning the Mission // Yedioth Ahronoth, 27 June 2016; Halevy, Reicher, and Reisman (eds.). Operation Yonatan in First Person. P. 19–32 (иврит).

[Вернуться](#)

548

Ronen Bergman and Lior Ben Ami. Back from Africa // Yedioth Ahronoth, 17 June 2016.

[Вернуться](#)

549

Интервью с Рейхером Атиром, 25 ноября 2013, Вейс Ливне, 16 мая 2016, Амиром Офером, 1 апреля 2016, Гиорой Гуссманом, май 2016, Дани Ардити, 13 июня 2011, Омером Бар-Левом, 15 ноября 2013, Пинхасом Бухрисом, май 2016, Рами Шерманом, 6 июля 2016, Шломи Рейzmanом, 6 июля 2016, Шаулем Мофазом, 14 июня 2011, и Бецером, 10 июня 2016.

[Вернуться](#)

550

Интервью с Гресо, март 2015, и Яacob, август 2015.

[Вернуться](#)

551

Интервью с Ицхаком Хофи, 11 января 2002.

[Вернуться](#)

552

Интервью с Адмони, 29 мая 2011.

[Вернуться](#)

553

Бегин аннулировал решения своих предшественников (Эшкол подписал приказ 31 декабря 1968 года, а Меир и Рабин ратифицировали его) о том, чтобы поставить охоту за нацистскими военными преступниками на более низкую ступень в приоритетах «Моссада». При энергичной поддержке Бегина заседание кабинета министров по вопросам безопасности, состоявшееся 23 июля 1977 года, приняло решение «приказать “Моссаду” возобновить поиски военных преступников, в особенности Йозефа Менгеле. Если возможности предать их суду не представится, то ликвидировать их». «Кесария» разыскала в Боливии и установила «лионского мясника»

Клауса Барбье, начальника гестапо города, который нес ответственность за отправку тысяч евреев в лагеря смерти. Начальник «Кесарии» Харари лично полетел в Ла-Пас, чтобы проконтролировать подготовку операции, но в конечном счете решил отменить ее в связи с неготовностью путей отхода. Оглядываясь в прошлое, он высказывал мнение, что проявил излишнюю осторожность: «Я думаю, что нужно было сделать больше (против нацистов). До тех пор пока последний нацист дышал в каком-то уголке планеты, мы должны были делать все, чтобы помочь ему прекратить дышать. Сегодня, когда я хорошо знаю те страны Центральной и Латинской Америки, где они попрятались, и понимаю, как легко было нам перевернуть там все вверх дном, я не устаю поражаться, какими мы были идиотами». Вместо того чтобы уничтожить Барбье, Израиль передал собранную на него информацию Франции, куда нациста экстрадировали и предали суду в 1983 году. В 1987 году он был осужден на пожизненное заключение и умер в тюрьме от рака в 1991 году. Интервью с Меданом, 30 июня 2015, Харари, 10 марта 2011, Клейном, 28 мая 2014, и Иосси Ченом, 11 сентября 2017. Mossad, Caesarea, Revav, commander of Messer, to Mike Harari, April 11, 1978. См.: *Ronen Bergman*. Why Did Israel Let Mengele Go? // *The New York Times*, 6 September 2017. Интервью с Хофи, Центр Бегина, 11 января 2002. См.: *Klein*. Master of Operations. P. 236–39.

[Вернуться](#)

554

Интервью с Накдимомом, 18 февраля 2015.

[Вернуться](#)

555

Mein Kampf II, написанная в 1928 г. и при жизни Гитлера не издававшаяся, содержит его мысли о внешней политике. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

556

Merari and Elad. International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 130–131 (иврит).

[Вернуться](#)

557

United Nations General Assembly, Twenty-Ninth Session, Official Records, A/ PV.2282.

[Вернуться](#)

558

AMAN Intelligence Branch, Research Division, Special Report 12/906, December 25, 1974 (АМАН, управление разведанализа, специальный доклад 12/906, 25 декабря 1974 (архив автора, получено от источника Biologist).

[Вернуться](#)

559

Интервью с Амосом Гиладом, 31 июля 2012.

[Вернуться](#)

560

Интервью с Пресслером, 6 июля 2017.

[Вернуться](#)

561

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

562

Mossad. Operation Heartburn. P. 105–108.

[Вернуться](#)

563

Интервью с Даганом, 20 июля 2013, Bertie, июнь 2009, Eldy, август 2016, и Ethan, июнь 2015.

[Вернуться](#)

564

В книге Аарона Клейна «Ответный удар» (Striking Back) приводится несколько другое описание событий, согласно которому яд был спрятан в бельгийский шоколад, который Хаддад очень любил, и предложен ему в таком виде одним из близких к нему, работавшим на «Моссад». См.: *Klein. Striking Back*. P. 179–181.

[Вернуться](#)

565

Диагноз пациента Ahmed, написанный доктором О. Прокопом из Университета Гумбольдта, 21 апреля 1978 (архив автора, получено от Гюнтера Лача).

[Вернуться](#)

566

Внутренняя переписка восточногерманской разведки по поводу палестинцев не лишена остронационалистических высказываний, в которых палестинцы называются «любителями секса с верблюдами». Штази обеспечивала для палестинских организаций боевую подготовку и оружие и вместе с КГБ заставляла их осуществлять акции против израильских и американских целей и препятствовать их подрывной деятельности в Восточном блоке. Информация получена от журналиста Гюнтера Лача (Gunther Latsch). См.: *Ronen Bergman*. KGB's Middle East Files // Yedioth Ahronoth, November 4, 2016.

[Вернуться](#)

567

Генерал-майор Фишер 22.04.78 направил «Большому министру» (имя не указано, возможно Эриху Мильке) следующие документы: медицинское заключение на пациента Ahmed, написанное Прокопом 21.04.78; протокол анатомического вскрытия, проведенного 20.04.78 в патологоанатомическом отделении медицинского факультета Университета Гумбольдта; экспертное медицинское заключение 258/78 на пациента Дукли Ахмеда, написанное Гезериком 29.03.78 по поручению военного округа и государственного адвоката (архив автора, получено от Гюнтера Лача).

[Вернуться](#)

568

Я зачитал Иссаки отчеты немецких врачей о неимоверных муках, которые перед смертью испытывал Хаддад. Он улыбнулся: «Эти истории о страданиях имеют собственный эффект. Они расходятся и достигают ушей других террористов, проникают в их мозг, вызывают у них ужас и страх, меняют их суждения, изменяют поведение и заставляют совершать ошибки». Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

569

Bird. Good Spy. P. 152.

[Вернуться](#)

570

Интервью с Black, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

571

Интервью с Равидом, 17 января 2013.

[Вернуться](#)

572

Интервью с Ethan, июнь 2015.

[Вернуться](#)

573

В книге «Хороший шпион» (The Good Spy) Кай Бёрд описывает похожую сцену, в которой вопрос об отношениях Саламе с американской разведкой обсуждался между Аланом Вольфом из ЦРУ и представителями «Моссада» летом 1978 года. См.: *Bird. Good Spy*. P. 207–208. Интервью с Legend, май 2011.

[Вернуться](#)

574

Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

575

Memorandum of Conversation: Kissinger, Helms, Saunders, July 23, 1973, and attachment Ames to Helms, July 18, 1973. NA, RN, NSC Files Box 1027 (Меморандум о совещании Киссинджера, Хелмса и Сондерса 23 июля 1973).

[Вернуться](#)

576

Bird. Good Spy. P. 145.

[Вернуться](#)

577

Единственный пункт, по которому Эймс счел возможным увещевать Саламе. Ibid. P. 126.

[Вернуться](#)

578

Ibid. P. 151.

[Вернуться](#)

579

Интервью с Яacob, август 2015.

[Вернуться](#)

580

Bird. Good Spy. P. 176–178.

[Вернуться](#)

581

Интервью с Харари, 10 марта 2014, Клейном, 6 октября 2014, и Иссаки, 2 сентября 2015.

[Вернуться](#)

582

Bird. Good Spy. P. 181–183.

[Вернуться](#)

583

Ibid. P. 179–180.

[Вернуться](#)

584

Ibid. P. 208.

[Вернуться](#)

585

Интервью с Jacob, август 2015.

[Вернуться](#)

586

Интервью с Legend, май 2011.

[Вернуться](#)

587

Интервью с Харари, 10 марта 2014.

[Вернуться](#)

588

Интервью с Амином аль-Хаджем (в присутствии бывшего куратора из «Моссада» Kobi) 14 августа 2014. См.: *Ronen Bergman*. Waltz with Amin // Yedioth Ahronoth, 14 November 2014.

[Вернуться](#)

589

Интервью с Харари, 29 марта 2014.

[Вернуться](#)

590

Интервью с Black, июнь 2015.

[Вернуться](#)

591

Интервью с Харари, 29 марта 2014, Клейном, 28 мая 2014, и Туна, август 2015.

[Вернуться](#)

592

Dietl. Die Agentin des Mossad. P. 85–96, 112, 147.

[Вернуться](#)

593

В дополнение к тренировкам в стрельбе, эти трое оперативников получили подготовку по морским операциям. Тогда полагали, что сразу после операции по подрыву машины в центре города аэропорт Бейрута будет закрыт или в нем как минимум будут резко ужесточены меры безопасности. Давид Шиек, тогда молодой офицер, позже ставший заместителем командира флотилии 13, тренировал их выходить из сложных ситуаций, в которых им придется плыть в море, или использовать оружие при отходе морским путем. Интервью с Давидом Шиеком, 11 апреля 2013.

[Вернуться](#)

594

Интервью с Luchee, ноябрь 2011.

[Вернуться](#)

595

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

596

Интервью с Black, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

597

Bird. Good Spy. P. 215–216.

[Вернуться](#)

598

Интервью с Шиеком, 11 апреля 2013.

[Вернуться](#)

599

Bird. Good Spy. P. 217.

[Вернуться](#)

600

Интервью с Гиладом, 4 августа 2015 и Гади Зохаром, 2 января 2013.

[Вернуться](#)

601

Интервью с Гиладом, 31 июля 2012 и Галантом, 19 августа 2011.

[Вернуться](#)

602

Terror Attack on the Coastal Road, 1 December 1983 (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

603

В некоторых более поздних сообщениях указывалось, что паника среди израильтян и непонимание ситуации вызвали излишнюю стрельбу и основную массу жертв, тогда как целью террористов было проведение переговоров для освобождения заключенных. Даже если эти утверждения верны, все соглашаются с тем, что Абу Джихад приказал боевикам убить заложников в случае, если переговоры будут неудачными. Uvda, channel 2, 26 May 2013. The Terrorist Who Carried Out the Attack on the Bloodbath Bus: I Apologize and I Regret It, October 31, 2011.

[Вернуться](#)

604

Большинство таких случаев не дошло до суда, включая и особо жестокие убийства 15 марта и 16 апреля, среди них «убийство террориста 13-летнего возраста». Y. Einstein, head of the IDF inspection in the State Comptrollers Office, to the Chief of the General Staff, November 9, 1978 (архив автора, получено от источника Bell).

[Вернуться](#)

605

Интервью с Галантом, 4 сентября 2014.

[Вернуться](#)

606

Военный трибунал дело № 313/78, прокурор АОИ против старшего лейтенанта Даниэля Пинто, закрытое судебное заседание, 9 февраля 1979 (архив автора, получено от Snow). См.: *Eitan. A Soldier's Story: The Life and Times of an Israeli War Hero*. P. 163–165 (иврит).

[Вернуться](#)

607

Интервью с Шиеком, 11 апреля 2013.

[Вернуться](#)

608

Данные предоставлены Майком Элдаром. См.: *Eldar. Flotilla* 13. Р. 572–583 (иврит).

[Вернуться](#)

609

Интервью с Ами Аялоном, 21 января 2013, Галантом, 4 сентября 2014 и Элдаром, 18 сентября 2011. См.: *Eldar. Flotilla* 13. Р. 583 (иврит).

[Вернуться](#)

610

Зраир остался одним из активнейших деятелей ООП в борьбе с Израилем и принимал живейшее участие в операциях против израильских вооруженных сил после их вторжения в Южный Ливан в июне 1982 года. В том году подразделению 504 удалось завербовать Ибрагима Фирана, ответственного чиновника в порту Тира, который был близок к Зраиру. Оба они испытывали тягу к молодым мальчикам. Подразделение 504 выплачивало Фирану приличные суммы, часть которых предназначалась для оплаты их любовных утех. В обмен Фиран раскрыл местоположение тайного убежища Зраира – виллу на побережье между устьями рек Захрани и Литани, к северу от Тира. 5 августа 1982 года специальное подразделение израильской антитеррористической полиции YAMAM провело в доме рейд при поддержке войск 91-й дивизии. Атаковавшие виллу бойцы докладывали позднее, что Зраир бросился за своим пистолетом и был

убит. Разведка ФАТХ подозревала Фирана в том, что он передал израильтянам сведения на Зраира, и через две недели ликвидировала его в кафе, в котором снайперы флотилии 13 держали его в своих прицелах два года назад. Цвика Бандори из Шин Бет утверждал, что Зраир не имел при себе оружия и не сопротивлялся и был убит в соответствии с практикой, существовавшей в Шин Бет под условным наименованием «болезнь» («Кренк» на идише). Стремление отомстить за Зраира среди его товарищей, по словам Цвика, привело к тому, что они объединились с «Хезболлой» и вскоре взорвали штаб АОИ в городе Тире. Интервью с Равидом, 17 января 2013, Ицхаком Мордехаем, 22 марта 2015, и Цвика Бандори, 11 сентября 2017.

[Вернуться](#)

611

Интервью с Шиеком, 11 апреля 2013.

[Вернуться](#)

612

Интервью с Olive, май 2013.

[Вернуться](#)

613

Интервью с Равидом, 17 января 2013.

[Вернуться](#)

614

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 50–75 (иврит).

[Вернуться](#)

615

Интервью с Узи Даяном, 18 апреля 2013.

[Вернуться](#)

616

С середины 1990-х годов Хатем жил в Париже под опекой французских спецслужб. Именно там я провел с ним в феврале 2005 года серию интервью. См.: *Ronen Bergman*. The Cobra // Yedioth Ahronoth, 4 March 2005.

[Вернуться](#)

617

Интервью с Мерхавом, октябрь 2011.

[Вернуться](#)

618

Интервью с Мордехаем Ципори, 11 марта 2015.

[Вернуться](#)

619

Ronen Bergman. Dismissal in the Mossad Leadership // Haaretz, January 3, 1997.

[Вернуться](#)

620

Smadar Haran Kaiser. The World Should Know What He Did to My Family // Washington Post, May 18, 2003.

[Вернуться](#)

621

Интервью с Авигдором Бен-Галом, 6 ноября 2013, и Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

622

Eitan. Soldier's Story. P. 182.

[Вернуться](#)

623

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013, и Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

624

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

625

Интервью с Давидом Агмоном, 28 октября 2015.

[Вернуться](#)

626

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

627

Совесть одного из членов этого подразделения восстала против его деятельности, которую он назвал «не меньше чем военными преступлениями». Он ушел из армии и эмигрировал в США, порвав почти все связи с Израилем. Интервью с Rupert, март 2016, Бен-Галом, 6 ноября 2013, Даганом, 29 мая 2013, Агмоном, 8 мая 2016, и Гади Авираном, 16 апреля 2012.

[Вернуться](#)

628

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013, и Акль аль-Хашемом, декабрь 1999. См.: *Sayigh. Armed Struggle*. P. 13–21.

[Вернуться](#)

629

Интервью с Иехошуа Саги, 20 ноября 2015.

[Вернуться](#)

630

Интервью с Гилбоа, 18 марта 2015.

[Вернуться](#)

631

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

632

Интервью с Эфраимом Снехом, 20 октября 2015.

[Вернуться](#)

633

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

634

Интервью с Ципори, 11 марта 2015.

[Вернуться](#)

635

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

636

Сведения о содержании встречи взяты из интервью с Ципори, 11 марта 2015, и Бен-Галом, 6 ноября 2013. За исключением нескольких мелких деталей, их описания встречи практически идентичны.

[Вернуться](#)

637

Интервью с Гилбоа, 30 декабря 2013.

[Вернуться](#)

638

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

639

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 125–126.

[Вернуться](#)

640

Интервью со Снехом, 26 октября 2015.

[Вернуться](#)

641

Sayigh. Armed Struggle. P. 513–521. Al-Hurriyya, July 9, 1981. List of incidents involving the FLLF on the Global Terrorism Database (GTD):

<http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?perpetrator=2991>

[Вернуться](#)

642

Интервью с Sally, февраль 2015.

[Вернуться](#)

643

Интервью с Eldy, январь 2015.

[Вернуться](#)

644

«Хезболла» признана террористической организацией в Канаде, США, Израиле, Египте, Австралии, Великобритании и ряде других стран.

[Вернуться](#)

645

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

646

Интервью с Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

647

Интервью с Бен-Галом, 6 ноября 2013, Даганом, 26 мая 2013, Агмоном, 28 октября 2015, Снехом, 20 октября 2015, и Азриэлем Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

648

Цвика Бандори, который в то время возглавлял арабский отдел Шин Бет, утверждает, что Рафи Эйтан, советник премьера по антитеррору, и Меир Даган представили ему план и возражали против его негативного отношения к нему, которое премьер основывал на присутствии большого числа гражданских лиц в зоне поражения. Они утверждали, что в опасной зоне не будет много гражданских. Как вспоминает Бандори, по требованию Эйтана он устроил его встречу с директором Шин Бет Авраамом Шаломом, но тот тоже был категорически против операции. Интервью с Бандори, 11 сентября 2017 и источником Негру, октябрь 2015.

[Вернуться](#)

649

Интервью со Снехом, 20 октября 2015.

[Вернуться](#)

650

Интервью с Саги, 20 ноября 2015, и Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

651

«Я давно не был так напуган, как во время того полета в Иерусалим», – говорил Даган. У Эйтана были права летчика, и он часто сам управлял самолетом, когда посещал военно-воздушные базы. Простые пилоты избегали полетов вместе с ним. «Это действительно представляло угрозу для жизни», – вспоминал один из них. Иногда Эйтан брал на борт пакеты с солью и сбрасывал их на парочки, уединившиеся на берегу. Бен-Гал вспоминает эти полеты с ужасом. Он вспоминал, что однажды Эйтан увидел в море какое-то судно и прокричал: «Это террористы, давай атакуем их!» Он направил самолет Cessna в сторону от побережья и стал приближаться к кораблю, который оказался эсминцем из 6-го флота США. Эйтан в веселом расположении духа продолжал разыгрывать шутку, как будто корабль – это террористическое судно. Тут Бен-Гал заорал на него: «Посмотри на пушки и флаг!» Но начальнику Генерального штаба нравилось поддразнивать Бен-Гала, и он начал летать над эсминцем на высоте радиомачт, пока моряки не облили самолет мощными потоками пены. Интервью с Даганом, 29 мая 2013, Равидом, 13 ноября 2012, и Бен-Галом, 6 ноября 2013.

[Вернуться](#)

652

Интервью с Саги, 20 ноября 2015.

[Вернуться](#)

653

Интервью с Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

654

Интервью с Даганом, 26 мая 2013, и Sally, февраль 2015.

[Вернуться](#)

655

Интервью с Иоавом Бираном (заместитель Аргова в то время, который тоже был в Дорчестере в тот вечер), 22 апреля 1999.

[Вернуться](#)

656

Телефонное интервью с Хусейном Саидом, апрель – май 1999.

[Вернуться](#)

657

Хусейн Саид сказал это автору 20 апреля 1999 (архив автора).
Телефонные интервью с Хусейном Саидом, апрель – май 1999.

[Вернуться](#)

658

Инцидент привел к сложностям во взаимоотношениях между британской и израильской разведками, причем руководители «Моссада» выступили с утверждениями, что британцы могли бы сделать больше для того, чтобы предотвратить попытку покушения. Спустя пять лет у Израиля появился двойной агент в ячейке ФАТХ в Лондоне, о котором англичане не знали. Члены ячейки убили Наджи аль-Али, палестинского карикатуриста с британским гражданством,

который высмеивал в своих рисунках Арафата. Приказ о ликвидации Наджи отдал сам Арафат. Британская сторона заявила, что израильтяне могли бы предупредить убийство и не сделали этого из мести за убийство посла или просто потому, что их не волновало убийство араба. Британцы выдворили большинство сотрудников резидентуры «Моссада» в Лондоне. Интервью с Равидом, 17 января 2013, и Gelato, февраль 1999. См.: *Sharon Sade and Ronen Bergman. I Shot Shlomo Argov* // *Haaretz*, 11 June 1999.

[Вернуться](#)

659

Интервью с Симоном, 29 июля 2012.

[Вернуться](#)

660

Саддам хотел также отомстить Израилю за атаку на иракский атомный реактор «Осирак», которую израильтяне осуществили за год до этого. См.: *Amatzia Baram and Pesach Malovany. The Revenge of Saddam Hussein* // *Yedioth Ahronoth*, June 14, 2012.

[Вернуться](#)

661

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 12 (иврит).

[Вернуться](#)

662

Ibid. P. 16.

[Вернуться](#)

663

Письмо Хусейна Саида автору от 20 апреля 1999 (архив автора).
Телефонные интервью с Саидом, апрель – май 1999.

[Вернуться](#)

664

Доклад министра обороны комиссии кнессета по внешней политике и вопросам обороны, 7 июня 1982 года (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

665

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 146.

[Вернуться](#)

666

Landau. Arik. P. 140–141, 196–198 (иврит). Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

667

Begin Center, интервью с Хофи, 11 января 2002. Интервью автора с Саги, 20 ноября 2015.

[Вернуться](#)

668

Bergman. Authority Granted. P. 170–180 (иврит).

[Вернуться](#)

669

Описание вторжения в книгах: *Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War*. P. 163–182 (иврит); *Sayigh. Armed Struggle*. P. 508–531.

[Вернуться](#)

670

Театр военных действий между Израилем и Сирией стал первой испытательной площадкой для сравнения характеристик самых передовых образцов вооружений. 9 июня в небе над Ливаном произошло крупнейшее воздушное сражение реактивной эры. В операции Arzsav (Земляной рак) израильтяне уничтожили почти все ракеты ПВО, состоявшие на вооружении сирийской армии и находившиеся в Ливане. В тот же день в воздушных боях израильские ВВС уничтожили 26 сирийских военных самолетов. Всего же за 46 часов было уничтожено 82 сирийские боевые машины, при этом Израиль потерял всего один самолет. Интервью с Селла, 10 июля 2013, Давидом Иври, 18 апреля 2013, Ицхаком Бен-Исраэлем, 5 июня 2011, и Amit, апрель 2013. См.: *Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War*. P. 183–222 (иврит).

[Вернуться](#)

671

Интервью с Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

672

Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

673

«Моссад», записи встречи Джонни Абду, Башира Жмайеля и начальника Генерального штаба, 16 июня 1982 года (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

674

«Итоги событий в Западном Бейруте», документ, представленный комиссии расследования от имени министра обороны Шарона (архив автора, получен от источника Dorris).

[Вернуться](#)

675

Секретариат министра обороны, встреча Башира Жмайеля, Джонни Абду и министра обороны, 1 августа 1982 (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

676

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам безопасности от 13 июня 1982 и заявление министра обороны на заседании кабинета 7 июля 1982 (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

677

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 259–260 (иврит).

[Вернуться](#)

678

Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

679

Yedioth Ahronoth, July 18, 1982. Интервью с Miguel, июль 2012, Arrow, январь 1999.

[Вернуться](#)

680

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 116 (иврит).

[Вернуться](#)

681

Шарон подал в суд на журналиста Узи Бензимана, который позже описал суд в книге «Я сказал правду» (I Told the Truth) (иврит). Подробный, интересный и порой смешной рассказ о суде (хотя и очень субъективный) можно найти в книге «Ариэль Шарон: Премьер-министр» (Ariel Sharon: A Prime Minister. P. 38–75 (иврит) Дова Вейсгласса, который руководил группой адвокатов, защищавших Шарона в его иске к журналу Time.

[Вернуться](#)

682

В пространным интервью, которое Бегин дал израильскому телевидению в конце июня 1982 года, он категорически отрицал, что одной из целей кампании было убийство Арафата, утверждая, что речь шла только о том, чтобы положить конец его диктату и диктату двух «каких-то Абу», как он с презрением отозвался о двух его заместителях. Бегин заявил, что «Армия обороны Израиля не только гуманная, но и демократичная. Замечательно видеть, как выполняют свою работу командиры АОИ». Свидетельством тому, каким

чувствительным был этот вопрос, является исследование «Ливанской войны», осуществленное историко-архивным управлением Министерства обороны, в которое включены обширные упоминания операции Salt Fish. Однако этот проект был быстро закрыт, когда военным показалось, что его руководитель профессор Мотти Голани стал вести себя слишком независимо. Работа, в которую должны были быть включены сведения, связанные с военной тайной, не была завершена, а все материалы Голани были конфискованы. Интервью с Голани, 15 января 2013.

[Вернуться](#)

683

Yedioth Ahronoth, August 3, 1982; *Schiff and Yaari*. Israel's Lebanon War. P. 274 (иврит).

[Вернуться](#)

684

Yedioth Ahronoth, June 30, 1982.

[Вернуться](#)

685

Интервью с Даяном, 4 июня 2012.

[Вернуться](#)

686

Интервью с Vivaldi, август 2011.

[Вернуться](#)

687

Группа, осуществлявшая операцию Salt Fish, хотела добавить в список своих целей Абу Джихада. В «Моссаде» знали, где найти его жену, Интисар, и хотели отравить ее, сделав очень больной. Абу Джихад, который был преданным семьянином, навестит ее, и тут его будут ждать оперативники. «Однако Бегин узнал об этом плане, посчитал его дьявольским и отменил», – сказал один из старших оперативников команды Salt Fish. Интервью с Даяном, 18 апреля 2013, и Уоав, декабрь 2016.

[Вернуться](#)

688

Интервью с Даяном, 4 июня 2012.

[Вернуться](#)

689

Документ «Моссада» от 1 июля 1982, показанный автору источником Matias, гласил: «В операции Salt Fish принимаются исключительные меры безопасности. Согласно источникам “Перекрестка”, среди самих сотрудников разведки распространяется дезинформация из опасений, что кто-то из них может делиться ею с нами».

[Вернуться](#)

690

Интервью с Моше Яалоном, 16 августа 2011. «Он все время все меняет... Начиная от командных пунктов, систем связи до международных контактов...» Доклад Шарона кабинету от 18 июля 1982. Сам Арафат утверждал, что насчитал 13 попыток покушений на него во время осады. См.: *Rubin and Colp-Rubin. Yasir Arafat*. P. 98–99, 102.

[Вернуться](#)

691

Интервью с Авнери, 19 июля 2013.

[Вернуться](#)

692

Интервью с Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

693

Интервью с Авнером Азулаем, 6 июля 2015.

[Вернуться](#)

694

Интервью с Иври, 30 мая 2011.

[Вернуться](#)

695

Интервью с Даяном, 4 июня 2012.

[Вернуться](#)

696

Интервью с Селла, 7 апреля 2013.

[Вернуться](#)

697

Позднее в тот же вечер Эйтан прилетел назад с докладом кабинету, и Шарон с гордостью рассказал министрам, как «Эйтан тем утром участвовал в бомбардировке Бейрута». Протокол заседания кабинета от 4 августа 1982 (архив автора, получено от источника Eric).

[Вернуться](#)

698

Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War. P. 273–276 (иврит).

[Вернуться](#)

699

Интервью с Даяном, 15 мая 2012. Когда я работал над этой книгой, некоторые бывшие бойцы разведывательного подразделения парашютно-десантного батальона, одного из элитных частей АОИ, который шел во главе армии вторжения, направили мне копию письма, которое отправили профессору Амнону Рубинштейну, либеральному члену парламента, в сентябре 1982 года. Они писали: «Сегодня ситуация не позволяет больше молчать». Далее следовали суровые обвинения Шарона в том, что он ложью и обманом вверг Израиль в войну – в ненужную войну, которая создала почву для совершения тяжелых военных преступлений.

[Вернуться](#)

700

Интервью с Simon, апрель 1994.

[Вернуться](#)

701

Интервью с Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

702

Интервью с Гилбоа, 4 августа 2015.

[Вернуться](#)

703

Arafat in Greece in Snub to Arabs // The New York Times, September 2, 1982.

[Вернуться](#)

704

Военнослужащие Армии обороны Израиля и сотрудники «Моссада», включая Меира Дагана и Рехавию Варди, наблюдали за вооруженным «сопровождением» членов парламента, которые отказались участвовать в голосовании из страха перед сирийцами и ООП. «Моссад», запись встречи генерал-майора Амира Дрори со Жмайелем от 27 июля 1982 года. Интервью с Рехавия Варди, 19 августа 1997. Менахем Навот, заместитель директора «Моссада», отвечавший за операции в Ливане, утверждает, что имели место только «убеждающие беседы». Интервью с Навотом, 6 апреля 2017. Машинописный личный дневник Навота, скопированный автором и находящийся в его архиве, 99–103.

[Вернуться](#)

705

Заметки о содержании встречи Шарона с руководителями Шин Бет и «Моссада» и записи Шарона с заседания кабинета (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

706

Заседание комиссии кнессета по внешней политике и вопросам безопасности, протокол № 118 от 24 сентября 1982 (архив автора, получено от источника Eгіс).

[Вернуться](#)

707

Протокол заседания кабинета министров от 15 июня 1982 года (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

708

Интервью с Азулаем, 6 июля 2015.

[Вернуться](#)

709

Доклад Шарона кабинету министров от 16 сентября 1982 (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

710

Интервью с Равидом, 17 января 2013.

[Вернуться](#)

711

Интервью с Робертом Хатемом, февраль 2005.

[Вернуться](#)

712

Sayigh. Armed Struggle. P. 539.

[Вернуться](#)

713

«Главные пункты позиции министра обороны, высказанные комиссии по расследованию», документ, представленный комиссии Кахана, параграф 34 (архив автора, получено от источника Eгіс).

[Вернуться](#)

714

Доклад АМАН о действиях фалангистов, декабрь 1981 – сентябрь 1982, документ, представленный комиссии Кахана, параграф 29 (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

715

Высказывания Шарона за полгода до вторжения Израиля в Ливан как часть подготовки кампании, что делает его дальнейшее поведение еще более жестоким. Министерство обороны, визит министра обороны в Северный военный округ от 14 января 1982 (архив автора, получено от источника Dorris).

[Вернуться](#)

716

Интервью с Ювалем Дискином, 18 октября 2011, Гиладом, 31 июля 2012, Нево, 5 января 2016, Гилбоа, 8 января 2014, Амиром Дрори, май 1996, и Роном Бен-Ишаем, 30 марта 2014. «Моссад», основные моменты встречи начальников генеральных штабов АОИ Израиля и ливанской армии от 19 сентября 1982 года. См.: *Schiff and Yaari. Israel's Lebanon War*. P. 334 (иврит).

[Вернуться](#)

717

Выступление министра обороны на заседании комиссии по обороне от 24 сентября 1982 года (архив автора, получено от источника Eric).

[Вернуться](#)

718

Интервью с Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

719

Министр полиции Йосеф Бург предлагал послать полицейские силы для того, чтобы разогнать демонстрантов, однако Бегин, в душе и по убеждениям демократ, ответил: «Ни в коем случае. Это их право протестовать». Интервью с Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

720

Интервью с Наумом Адмони 23 июля 2006 года в Центре Бегина. Спасибо Рами Шахар из Центра за помощь в поисках материалов.

[Вернуться](#)

721

Shilon. Begin. P. 411–437 (иврит).

[Вернуться](#)

722

Интервью с Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

723

Интервью с Селла, 31 мая 2011.

[Вернуться](#)

724

Интервью с Адмони, 23 июля 2006, архив Центра Бегина.

[Вернуться](#)

725

Интервью с Гилбоа, 30 декабря 2013.

[Вернуться](#)

726

Интервью с Sally, май 2016, и Tavor, июнь 2011.

[Вернуться](#)

727

Интервью с Гиладом, 30 декабря 2013.

[Вернуться](#)

728

Интервью с Гилбоа, 17 января 2016.

[Вернуться](#)

729

Интервью с Гилбоа, 1 марта 2016.

[Вернуться](#)

730

Интервью с Адмони, 29 мая 2011.

[Вернуться](#)

731

Интервью с Иври, 18 апреля 2011.

[Вернуться](#)

732

Материалы об операции были показаны автору источником Dvir.

[Вернуться](#)

733

Интервью с Иври, 18 апреля 2011.

[Вернуться](#)

734

Интервью с Eldy, август 2014.

[Вернуться](#)

735

Интервью с Иври, 18 апреля 2011 и Tavor, июнь 2011.

[Вернуться](#)

736

Интервью с Селла, 9 апреля 2014.

[Вернуться](#)

737

Интервью с Гилбоа, 17 января 2016.

[Вернуться](#)

738

Интервью с Гилбоа, 17 января 2016.

[Вернуться](#)

739

Заседания Военного трибунала в отношении капитана Малинки, 3/57, 213–214.

[Вернуться](#)

740

Интервью с Селла 9 апреля 2014.

[Вернуться](#)

741

Одним из пилотов, дежурившим на перехвате в ходе операции «Золотая рыбка», был Amit, двадцатичетырехлетний летчик, который в

столь молодом возрасте уже заслужил репутацию одного из лучших асов израильских ВВС. «До сих пор меня мучит вопрос о том, как бы я поступил, если бы получил тогда приказ сбить самолет? Открыл бы я огонь? Или нарушил бы приказ? В многочисленных беседах со своими курсантами спустя многие годы я спрашивал их, как действовали бы они. Я, конечно, хотел надеяться на то, что все мы отказались бы стрелять и вернулись бы на базу». Интервью с Amit, апрель 2013.

[Вернуться](#)

742

Интервью с Селла, 31 мая 2011.

[Вернуться](#)

743

В феврале 1983 года журнал Time опубликовал статью журналиста Давида Галеви, в которой утверждалось, что Шарон заранее знал об акции возмездия. Шарон подал на журнал в суд Нью-Йорка за клевету. Галеви рассказал, что Time заплатил деньги старшему офицеру израильской армии за секретный документ по этому делу. Однако судья не разрешил представить этот документ в суде. Жюри присяжных постановило, что, несомненно, Шарон был оклеветан, но поскольку у журнала не было злого умысла, никакого ущерба Шарону выплачено не было. Интервью с Давидом Галеви, 20 сентября 2016, и Довом Вейсгласом, 23 декабря 2014. Ariel Sharon, Plaintiff, v. Time, Inc., Defendant, United States District Court, S. D. New York, 599 F. Supp. 538 (1984).

[Вернуться](#)

744

Пока комиссия выслушивала свидетелей, «Фронт освобождения Ливана от иностранцев» снова нанес удар. 29 января 1983 года Фронт подорвал начиненный взрывчаткой автомобиль рядом с отделением

ФАТХ в Штуре, в долине Бекаа, и еще одну машину в Западном Бейруте недалеко от штаб-квартиры левацкой организации «Мурабитун», близкой к ФАТХ. Погибло около 60 человек, сотни были ранены. Это была последняя акция «Фронта освобождения Ливана от иностранцев».

[Вернуться](#)

745

Результаты работы комиссии Кахана подведены в «Обсуждениях кабинетом вопросов организации и итогов работы комиссии Кахана» (Cabinet Discussions of Establishment of Kahan Commission and Its Conclusions) от 10 февраля 1983, опубликованных Государственным архивом Израиля 1 февраля 2013.

[Вернуться](#)

746

См.: *Rachum*. The Israeli General Security Service Affair. P. 44–45 (иврит).

[Вернуться](#)

747

Интервью с Нахманом Талем, 24 ноября 2016.

[Вернуться](#)

748

Интервью с Бараком, 8 марта 2013.

[Вернуться](#)

749

Интервью с Шаем Авиталем, декабрь 2010.

[Вернуться](#)

750

Интервью с Мичей Куби, 8 сентября 2013.

[Вернуться](#)

751

Интервью с Карми Гилоном, 27 января 2016.

[Вернуться](#)

752

Dror Moreh. The Gatekeepers. P. 33. Шалом наказывал опоздавших на работу в штаб-квартире Шин Бет на севере Тель-Авива, например отбирая у них машины. Однажды оперативный сотрудник под псевдонимом Spartacus появился на работе на полчаса позже положенного времени, потому что из-за крупного телосложения страшно устал на ночной операции. Огромный Spartacus навис над весьма миниатюрным Шаломом и проревел, что не готов принять наказание. Шалом не моргнув глазом сказал, что рассматривает поведение Spartacus как «акт измены». Потом отобрал у него машину на два месяца. Интервью с Avishag, май 2008.

[Вернуться](#)

753

Интервью с Куби, 11 июня 2013.

[Вернуться](#)

754

Moreh. Gatekeepers. P. 37 (иврит).

[Вернуться](#)

755

Интервью с Куби, 11 июня 2013.

[Вернуться](#)

756

Интервью с Вейсгласом, который вспоминал свои беседы с Гиноссаром, 23 декабря 2014.

[Вернуться](#)

757

Интервью с Raphael, март 2006.

[Вернуться](#)

758

Интервью с Elvin, январь 2013, и Yan, август 2017.

[Вернуться](#)

759

Интервью с Edgar, январь 2013.

[Вернуться](#)

760

Интервью с Raphael, май 2011.

[Вернуться](#)

761

Maiberg. The Patriot. P. 66–67 (иврит).

[Вернуться](#)

762

Хадар также признал, что как минимум в одном случае признание одного человека оказалось ложным, но настаивает, что, как только это стало известно, он сам тут же проинформировал Министерство юстиции о случившемся. Интервью с Хадаром, 9 октября 2011. Доклад комиссии по расследованию методов ведения дознаний General Security Services (Landau Commission), часть 1, параграф 2.27.

[Вернуться](#)

763

До этого в окрестностях Раффы был убит офицер Армии обороны Израиля, приблизившийся к яме, в которой, по его подозрениям, было спрятано оружие. Однако это место было заминировано Шин Бет, и когда офицер приподнял крышку, произошел взрыв. Интервью с Хадаром, 9 октября, Бандори, 11 сентября, и Edgar, январь 2013. Шин Бет опубликовала некролог, посвященный Моше Гольдфарбу, оперативному сотруднику, убитому в тот день, <https://www.shabak.gov.il/memorial/Pages/110.aspx>

[Вернуться](#)

764

Moreh. Gatekeepers. P. 28–29 (иврит).

[Вернуться](#)

765

Интервью с Пери, 21 мая 2011, Гиллоном, 27 января 2016, Аялоном, 21 января 2013, Ави Дихтером, 4 ноября 2010, Ури Саги, 3 июня 2012, Амосом Ядлином, 15 января 2012, Аароном Зееви-Фаркашем, 7 ноября 2016, и Данни Ятомом, 7 апреля 2011.

[Вернуться](#)

766

Maiberg. Patriot. P. 108.

[Вернуться](#)

767

Gidi Weitz. The Bus 300 Affair // Haaretz, February 28, 2013.

[Вернуться](#)

768

Интервью с Алексом Левацем, октябрь 1998.

[Вернуться](#)

769

David K. Shipler. News of Hijacking Denied to Israelis // The New York Times, April 14, 1984.

[Вернуться](#)

770

David K. Shipler. Israel Said to Name Panel on 4 Hijackers // The New York Times, April 28, 1984.

[Вернуться](#)

771

Газета Hadashot нарушила запреты цензоров и опубликовала репортаж о событии. За это она была наказана: закрыта на четыре дня, а ее редакторы подверглись судебному преследованию. Они были осуждены районным судом, но позднее оправданы в результате апелляции, поданной в Верховный суд. Criminal Appeals 93/1127, *State of Israel v. Yossi Klein and Others*, Judgment mem-het (3) 485.

[Вернуться](#)

772

Министерство юстиции, доклад о расследовании дела о террористическом акте в автобусе рейса 300, 20 декабря 1986 (архив автора, получено от источника Liran).

[Вернуться](#)

773

Документальный фильм Леви Зейни и Гиди Вейца, 10 канал, октябрь 2011.

[Вернуться](#)

774

Интервью с Хазаком, 21 июня 2012.

[Вернуться](#)

775

Термин «троянский конь» по отношению к Гиноссару взят из доклада Комиссии по расследованию методов работы Шин Бет, часть 1, параграф 2.4.

[Вернуться](#)

776

Maiberg. Patriot. P. 65.

[Вернуться](#)

777

Интервью с Иосси Гиноссаром (сентябрь 2002; за организацию интервью приношу благодарность журналисту Рами Талю).

[Вернуться](#)

778

Министерство юстиции, доклад о расследовании дела о террористическом акте в автобусе рейса 300, 20 декабря 1986.

[Вернуться](#)

779

Интервью с Мордехаем, 22 марта 2015 и Гиноссаром, 22 июля 1999.
См.: *Maiberg. Patriot, 95.*

[Вернуться](#)

780

Gidi Weitz. The Bus 300 Affair // Haaretz, February 28, 2013.

[Вернуться](#)

781

Некоторые оперативные работники Шин Бет, включая Ятома и Куби, попали под внутреннее расследование и были оправданы. Интервью с Куби, 20 сентября 2017, и Пери, 21 мая 2011.

[Вернуться](#)

782

Интервью с Бараком, 2 апреля 2014.

[Вернуться](#)

783

Интервью с Мордехаем, 28 августа 2015.

[Вернуться](#)

784

Интервью с Финкельштейном, 18 июля 2012.

[Вернуться](#)

785

«Смертельный удар и удар смертельного характера» (Lethal Blow and Blow of a Lethal Nature), мнение Главного военного защитника Военной прокуратуры АОИ (архив автора, получено от источника Bell).

[Вернуться](#)

786

Дополнительная помощь неожиданно пришла в виде анонимного телефонного звонка, поступившего ночью накануне суда генерал-майору Химу Наделю, который был назначен председателем специального военного трибунала. Голос на другом конце провода сказал Наделю, что его ввели в заблуждение, и Мордехай не убивал террористов. Этот голос принадлежал Куби, которого замучили угрызения совести. Интервью с Куби 11 июня 2013.

[Вернуться](#)

787

Мордехаю было возвращено звание генерала, и после ухода в отставку из армии он пошел в политику и стал министром обороны в первом правительстве Биньямина Нетаньяху в 1997 году.

[Вернуться](#)

788

Интервью с Пелегом Радаем, 1 апреля 1998.

[Вернуться](#)

789

Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

790

Black and Morris. Israel's Secret Wars. P. 406.

[Вернуться](#)

791

Интервью с Иехудитом Карпом, 7 января 2016.

[Вернуться](#)

792

Совещание в Шин Бет по инциденту с автобусом 300. Выступление Бейниша, кибуц Цуба, июнь 2004.

[Вернуться](#)

793

Министерство юстиции, доклад о расследовании дела о террористическом акте в автобусе рейса 300.

[Вернуться](#)

794

Rachum. General Security Service Affair. P. 101.

[Вернуться](#)

795

Интервью с Вейсгласом, 23 декабря 2014. См.: *Maiberg*. Patriot. P. 223–229.

[Вернуться](#)

796

The New York Times, July 10, 1984; *Black and Morris*. Israel's Secret Wars. P. 397.

[Вернуться](#)

797

Интервью с Elvin, январь 2013.

[Вернуться](#)

798

Moreh. The Gatekeepers: A Documentary. 2012.

[Вернуться](#)

799

Интервью с Данни Ятомом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

800

В 1992 году, когда Рабин был избран премьером, Гиноссар попросил назначить его министром по делам строительства. Рабин сказал, что это будет трудно из-за прошлого Гиноссара. Но тот не сдавался. Он обратился к Амос, одному из руководителей Шин Бет, и предложил ему сделку: «Он пообещал мне, что если я поддержу его в получении должности главы Министерства строительства, он предоставит мне в министерстве очень высокий пост. Он хотел, чтобы я вместе с ним пошел к Рабину и оказал на него давление, сказав премьеру, что если он не назначит Гиноссара, мы раскроем «целевые» убийства, которые он санкционировал в 1970-х годах». Амос вышвырнул Гиноссара из своего дома. Гиноссар озвучил подобные угрозы и в беседе с журналистом Даном Маргалитом, явно рассчитывая на то, что они достигнут ушей Рабина. Маргалит прервал встречу с Гиноссаром и впоследствии долгое время вообще не разговаривал с ним. Между тем Рабин уступил настояниям Гиноссара и назначил его на должность, которой тот добивался. Однако после того, как в Верховный суд поступила некая петиция, суд вынес очень резкое решение: «Как сможет человек, совершивший мошенничество и мешавший отправлению правосудия, нарушив таким образом права личности, руководить министерством на государственном уровне?» В конечном счете Рабин предоставил Гиноссару важный пост, который не мог оспорить Верховный суд: исполнять обязанности уполномоченного по связям с Арафатом. Этот пост без ведома Рабина Гиноссар превратил в крупный бизнес с лидерами коррумпированной Палестинской национальной администрации, став очень богатым человеком к моменту своей смерти в 2004 году. Интервью с Амос, июль 2013, и Даном Маргалитом, 17 января 2017. Интервью с Иосси Гиноссаром,

май 1999. См. также: *Ronen Bergman; The Man Who Swallowed Gaza* // Haaretz, 4 марта 1997; *Margalit. I Have Seen Them All*. P. 180 (иврит). *Yoel Eisenberg v. Minister for Construction and Housing*, High Court of Justice 6163/92.

[Вернуться](#)

801

Хаим Герцог – интервью в Yedioth Ahronoth, 27 июня 1986.

[Вернуться](#)

802

Кинокадры об Абу Джихаде, инструктирующем своих боевиков, были сняты в 1985 году и показаны ФАТХ в годовщину создания организации 1 января 2012 года.

[Вернуться](#)

803

Интервью с Харари, 23 марта 2014.

[Вернуться](#)

804

Обновленный «Кидон» («Штык») выполнил свою первую миссию 25 июля 1979 года в многоквартирном доме в Каннах на французской Ривьере. Когда домой прибыл Зухейр Мохсен, лидер палестинской просирийской организации «Аль-Сайка», Бергу всадил в него четыре пули, и ударная группа уехала. Позже Мохсен умер в госпитале. После его смерти «Аль-Сайка» прекратила осуществление терактов. «Моссад» записал себе ливидацию Мохсена как успех. Интервью с Иссаки, 2 сентября 2015, Пресслером, 6 июля 2017, и Sally, февраль 2015.

[Вернуться](#)

805

Интервью с Sally, февраль 2015, и Шмуэлем Эттингером, 11 февраля 2013; Palestinian Shot Dead by Gunmen in Athens // The New York Times, August 21, 1983.

[Вернуться](#)

806

На середину 1980-х годов пришелся пик международной террористической активности палестинцев. Только за один 1985 год в ходе террористических актов было убито 105 мужчин, женщин и детей и 433 человека были ранены. См.: *Merari and Elad*. International Dimension of Palestinian Terrorism. P. 29–41 (иврит).

[Вернуться](#)

807

Премьер-министры Шамир и Перес санкционировали ряд «целевых» убийств. Однако «определение целей шло снизу, из оперативного эшелона через директора “Моссада” к премьеру, – рассказывал Наум Адмони, руководитель разведки в 1982–1989 годах. – Я не помню ни одного случая, когда политическое руководство давало мне указание провести операцию против кого-то». Интервью с Адмони, 29 мая 2011.

[Вернуться](#)

808

«Моссад» прикладывал все силы к тому, чтобы найти Мухаммада Зайдана (Абу аль-Аббаса), лидера Фронта освобождения Палестины. Израильтяне постоянно держали этот вопрос в поле зрения, однако Зайдан принимал максимальные меры предосторожности, и у оперативников никак не возникало возможности нанести по нему удар.

Тем не менее, благодаря плотному наблюдению за окружением объекта, подразделению 8200 АМАН 7 октября 1985 года удалось перехватить телефонный разговор между Зайданом и одним из его людей, участвовавших в захвате итальянского круизного лайнера Achille Lauro неподалеку от берегов Египта. Террористы убили пожилого еврея-американца Леона Клингхоффера, передвигавшегося в инвалидном кресле, и выбросили его тело за борт. Позже они согласились оставить судно в Египте в обмен на гарантии безопасного перемещения в Тунис. Израильцы установили самолет, на котором летели преступники, и проинформировали американцев, которые послали истребитель для перехвата самолета и принуждения его к посадке на Сицилии. Однако итальянцы освободили Зайдана, находившегося на борту, несмотря на возражения США. Зайдан отрицал свою связь с захватом лайнера, но тогдашний начальник военной разведки АМАН Эхуд Барак впервые выступил по телевидению и обнародовал перехват телефонных разговоров террориста, раскрыв тем самым его ложь. Выдержанное и харизматичное выступление Барака в те времена, когда в Израиле существовал только один телеканал, произвело сильное впечатление и, по мнению некоторых, стало началом его политической карьеры. Интервью с Барак, 26 августа 2015, и Cinema, октябрь 2014.

[Вернуться](#)

809

Интервью с Эттингером, 21 января 2013, и Ethan, январь 2015.

[Вернуться](#)

810

Интервью с Аялоном, 14 марта 2016; Operation Hawk's Way: How the Navy Operated in Algeria // Israel Defense, August 8, 2015.

[Вернуться](#)

811

Интервью с Одедом Разом, 20 января 2013; *Michal Yaakov Itzhaki*. The Terrorists Planned to Arrive at the Kirya Base in Tel Aviv // Maariv, April 12, 2013.

[Вернуться](#)

812

Государственная комиссия по расследованию ситуации под председательством бывшего судьи Верховного суда Моше Ландау была создана вслед за вскрытием практики лжи и пыток, применявшейся в Шин Бет. В секретном приложении к своему заключению комиссия постановила, что позволительно применять «умеренное физическое давление» во время допросов подозреваемых. Эта фраза была очень расширительно использована во внутренних инструкциях, составленных юристами Шин Бет и подразделения 504 АМАН, вплоть до того, что делалось возможным использование «специальных мер», что, по существу, являлось эвфемизмом для пыток. Следователи Шин Бет и подразделения 504 пошли даже на шаг дальше, пытая допрашивать с помощью методов, которые были в несколько раз более агрессивными, чем ранее применявшиеся, и игнорируя новые установления. Подозреваемые часто страдали физически и получали жестокие психические травмы. Некоторые из них умерли в результате пыток. Подразделение 504, приказ об использовании дополнительных методов допроса, обновленное досье, июль 1994 (архив автора, получено от источника Bell).

[Вернуться](#)

813

Интервью с Разом, 20 января 2013.

[Вернуться](#)

814

Интервью с Мордехаем, 22 марта 2015, и Nano, март 2012.

[Вернуться](#)

815

Интервью с David, октябрь 2015.

[Вернуться](#)

816

Director of Central Intelligence, Foreign Denial and Deception Analysis Committee, October 1987, The Jonathan Jay Pollard Espionage Case: A Damage Assessment. P. 4 (архив автора, получено от источника Patriot).

[Вернуться](#)

817

Ibid. P. 5.

[Вернуться](#)

818

Интервью с Эйтаном, 24 января 2013.

[Вернуться](#)

819

Помощник премьер-министров Переса и Шамира по военным вопросам, бригадный генерал Азриэль Нево, категорически отрицает, что как получатель всех разведывательных материалов, адресованных премьер-министру, знал о Полларде или о том, что у Израиля были шпионы в США. Интервью с Нево, 5 января 2016.

[Вернуться](#)

820

Интервью со Шломо Бромом, 27 октября 2015.

[Вернуться](#)

821

Интервью с Элиотом Лауэром, 20 октября 2015. Director of Central Intelligence, Foreign Denial and Deception Analysis Committee, October 1987, The Jonathan Jay Pollard Espionage Case. P. 40.

[Вернуться](#)

822

Интервью с Мордехаем, 24 января 2013.

[Вернуться](#)

823

Три года спустя Абу Джихад чуть не погиб в результате точно такой же предвыборной стратегии, когда правительство партии «Ликуд» оказывало давление на Армию обороны, чтобы она уничтожила Абу Джихада в Аммане, столице Иордании. «Все было совершенно очевидно, – говорил Омер Бар-Лев, который в то время командовал подразделением “Сайерет Маткаль”. – “Ликуд” хотела, чтобы убийство Абу Джихада произошло до выборов в июле и чтобы это помогло им победить». Отец Бар-Лева, Хаим, в прошлом начальник Генерального штаба АОИ, был теперь видным политиком в партии Труда. Успех его сына в ликвидации аль-Вазира мог оказать существенное влияние на политическую карьеру Хаима. Так произошло, что имевшиеся первоначальные планы операции все время откладывались скорее по политическим, чем по оперативным соображениям. Интервью с Омером Бар-Левом, 15 ноября 2012.

[Вернуться](#)

824

Интервью с Иони Кореном, 22 марта 2013.

[Вернуться](#)

825

Информация поступила в «Моссад» от агента Амина аль-Хаджа («Румменинге»), который по просьбе разведки переехал на Кипр и создал там сеть из водителей, таможенных агентов и проституток, которые добывали для «Моссада» большой объем информации об Организации освобождения Палестины. Интервью с Амином аль-Хаджем 5 ноября 2013.

[Вернуться](#)

826

Главный вербовщик «Перекрестка» Иегуда Гиль поехал в Пирей, нашел там таможенного агента (женщину), которая была завербована «Моссадом» под псевдонимом «Золотые серьги», и проинструктировал ее о сборе информации об оформлении палестинцами контейнеров с изюмом через ее агентство. Абу Джихад, заподозривший агентессу в сотрудничестве с «Моссадом», послал двух своих людей для того, чтобы убить ее. Иегуда Гиль, работавший с «Золотыми серьгами», считался человеком, «который мог заставить говорить даже телеграфный столб». Однако позже выяснилось, что Гиль был позором «Моссада» в деле вербовки и управления агентурой. В 1974 году он включил в агентурную сеть «Красного сокола», генерала сирийской армии, а затем работал с ним в течение многих лет. Только в 1996 году было установлено, что Гиль ловко фабриковал информацию и выдавал ее якобы за полученную от генерала, поскольку боялся признаться, что вербовка была «липой», и хотел сохранить свой авторитет. Эта ложная информация дважды чуть не привела к войне между Израилем и Сирией. И Гиль был не единственным таким сотрудником в «Перекрестке». Бен Зайгиер, австралийский еврей и убежденный

сионист, иммигрировал в Израиль и был принят в «Моссад» в 2003 году. Это было безумное время директорства Дагана, когда «Моссаду» предоставлялись огромные деньги на расширение деятельности. Это привело к снижению требовательности в подборе новых оперативных работников. Зайгиер, родившийся и выросший в иностранном государстве, считался идеальным кандидатом. Однако после окончания курса подготовки в «Перекрестке» и во время попыток Зайгиера по проникновению в иранские и арабские фирмы с целью поиска источников выяснилось, что он не оправдывает надежд «Моссада». Его отозвали в Израиль, где он мучился от своей неудачи и не смог справиться с ней. Он попытался осуществить грубую операцию по собственной инициативе, не ставя об этом в известность своих руководителей. Для этого он встретился и попытался завербовать члена «Хезболлы». Таким образом он хотел доказать, что способен на оперативную работу. Однако его объект оказался гораздо хитрее Зайгиера и вынудил его неумышленно раскрыть некоторые детали связи «Моссада» со своими агентами, чем «спалил» двоих из них. Совместная комиссия Шин Бет – «Моссада» раскрыла этот инцидент, и Зайгиер был тайно арестован и посажен в тюрьму. Его должны были судить, но еще до суда он покончил жизнь самоубийством. См.: *Bergman. Operation Red Falcon*, <https://magazine.atavist.com/operation-red-falcon>; интервью с Иегудой Гилем, 30 марта 2015, Дворой Чен, 21 марта 2012, Хаимом Томером, 3 марта 2015, Oktoberfest, март 2013, и Loacker, декабрь 2016; *Ronen Bergman, Julia Amalia Heyer, Jason Koutsoukis, Ulrike Putz, and Holger Stark. The Real Story Behind Israel's 'Prisoner X' // Der Spiegel, March 26, 2013.*

[Вернуться](#)

827

Верховный суд, 861/87, Abu Sharah v. Lod Military Court, том 42(1), 810. Интервью с Амноном Цихрони, январь 2011.

[Вернуться](#)

828

Интервью с Эраном Роном, август 1995, Талией Авнер, август 1995, и Давидом Авнером, август 1995. См.: *Ronen Bergman. Pilot's Fate* // Haaretz, 8 September 1995.

[Вернуться](#)

829

Erele Weissberg and Lior Yacovi. 'Alpha', the Pilots Reported, 'Terror Fortress Destroyed' // Yisrael Hayom, September 18, 2015.

[Вернуться](#)

830

Tunisia's Leader Bitter at the U. S. // The New York Times, October 3, 1985.

[Вернуться](#)

831

Remembering Wooden Leg, the longest-range attack, <http://www.iaf.org.il/4373-37989-he/IAF.aspx>, September 27, 2011.

[Вернуться](#)

832

'Alpha', the Pilots Reported // Yisrael Hayom, September 18, 2015.

[Вернуться](#)

833

Интервью с Кореном 22 декабря 2013.

[Вернуться](#)

834

Нур Али имел родственные связи с принцессой Диной, бывшей женой короля Хусейна, а в то время – женой Салаха Тамари, высокопоставленного командира ФАТХ, который содержался в израильской тюрьме в Южном Ливане. Дина собиралась организовать массовый обмен пленными между ООП и Израилем и в дальнейшем оставалась секретным каналом связи между двумя сторонами. Интервью с Гади Зохаром, 8 июля 2017. См.: *Bergman. By Any Means Necessary*, 83–84 (иврит).

[Вернуться](#)

835

Некоторые сотрудники «Моссада» выступали за необходимость устранения гораздо менее известного, но более опасного, с оперативной точки зрения, Мустафы Лифтави (Абу Фираса), который являлся заместителем командира «Западного сектора». Он считался инициатором и «мозгом» террористических атак, человеком, который «купался в еврейской крови», как говорил Исраэль Хассон, оперативный сотрудник Шин Бет, в чьи обязанности входило противодействие Лифтави. Однако в конечном счете руководство «Моссада» и премьер-министр предпочли выбрать более символическую цель, лучше известную публике, а не таинственного анонима Абу Фираса. Интервью с Исраэлем Хассоном, 17 ноября 2010, Шимоном Шапира, 31 января 2015, Sally, сентябрь 2016, и Разом, 20 января 2013.

[Вернуться](#)

836

Интервью с Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

837

Schiff and Yaari. Intifada: The Palestinian Uprising. P. 44–70 (иврит).

[Вернуться](#)

838

Организация «Палестинский исламский джихад» признана террористической в ряде стран мира, в частности в Израиле, США, Европейском союзе, Великобритании, Японии, Канаде и Австралии.

[Вернуться](#)

839

Интервью с Давидом Цуром, 30 мая 2011.

[Вернуться](#)

840

Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

841

Fatalities in the First Intifada (иврит),
http://www.btselem.org/hebrew/statistics/first_intifada_tables

[Вернуться](#)

842

Shalev. The Intifada: Causes and Effects. P. 19–36.

[Вернуться](#)

843

Интервью с Адмони, 29 мая 2011.

[Вернуться](#)

844

Интервью с Шамиром, январь 1997, и Моше Нисимом, 21 февраля 2013.

[Вернуться](#)

845

Интервью с Sally, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

846

Интервью с Elvin, январь 2013.

[Вернуться](#)

847

Интервью с Pegasus, февраль 2011.

[Вернуться](#)

848

Интервью с Галантом, 19 августа 2011.

[Вернуться](#)

849

Заседание кабинета было созвано сразу же после проникновения трех террористов «Западного сектора» в Израиль из Египта 7 марта. Они натолкнулись на автобус, перевозивший гражданских лиц, многие из них были работающие матери из Негевского ядерного исследовательского центра в Димоне. Террористы открыли по автобусу огонь, убили двух женщин и захватили его. Один из боевиков кричал из автобуса: «Нас послал Абу Джихад!» Затем они казнили еще одного пассажира. Несколько секунд спустя снайперы из спецподразделения полиции убили нападавших. «Насколько я был в курсе, – говорил тогда Липкин-Шахак, – захват автобуса с “матерями” решил судьбу Абу Джихада». Интервью с Цуром, 30 мая 2011, и Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

850

Интервью с Нево, 14 января 2016.

[Вернуться](#)

851

Интервью с Пересом, 17 сентября 2012.

[Вернуться](#)

852

Интервью с Нисимом, 21 февраля 2013.

[Вернуться](#)

853

Интервью с Нисимом, 21 февраля 2013.

[Вернуться](#)

854

Интервью с Абу Левом, август 2000.

[Вернуться](#)

855

Израильтяне, прослушивавшие телефонные разговоры аль-Вазира, перехватили ожесточенные споры между ним и его старшим сыном Джихадом, который изучал бизнес-администрирование. Джихад хотел присоединиться к вооруженной борьбе, но отец не желал и слышать об этом и приказал сыну оставаться в колледже и продолжать занятия. «Когда возникнет наше государство, оно скорее будет нуждаться в таких, как ты, а не в таких, как я», – сказал он сыну. В 2012 году я сопровождал группу ответственных работников гражданской администрации из Германии в их поездке на Западный берег, где они встречались с чиновниками Палестинской национальной администрации. Один из них, начальник финансового управления Палестины, был представлен немцам как «наш самый перспективный молодой экономист». Он произвел на меня сильное впечатление. Ясно и эмоционально говорил на хорошем английском (в отличие от многих своих коллег), воздерживался от проклятий в адрес Израиля за все то плохое, что когда-либо происходило или происходит с палестинским народом. По мере того как он говорил, я понял, что это и был тот студент, который изучал бизнес-администрирование. Он сделал то, что говорил ему отец, продолжил учебу и действительно стал одним из создателей зарождающейся экономики Палестинского государства. Джихад аль-Вазир добавил имя «Халиль» к своему имени после убийства его отца. Я подошел к нему после его выступления и рассказал о книге, над которой работаю, и о записи телефонного разговора между ним и его отцом, которая сохранилась в архивах израильской военной разведки. Он сказал, что хорошо помнит тот разговор, и глаза его увлажнились. Интервью с Разом, 13 октября 2014.

[Вернуться](#)

856

Интервью с Sally, февраль 2015.

[Вернуться](#)

857

Вся операция была спланирована и направлялась оперативником разведывательного направления «Кесарии» под псевдонимом Steven. Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016, Бараком, 8 марта 2013, Ифтахом Рейхером, 28 ноября 2013, Левом, август 2000, Sally, февраль 2015, Эттингером, 21 января 2015, Галантом, 4 сентября 2014, и Аялоном, 21 января 2013.

[Вернуться](#)

858

Запись этих переговоров впервые была представлена общественности в программе Uvda, телеканала 2, 27 мая 2013.

[Вернуться](#)

859

Днем раньше Шин Бет на самом деле арестовала Фаиза Абу-Рахма, адвоката и двоюродного брата Абу Джихада. Его арестовывали и раньше, но только как свидетеля после террористического акта. На этот раз его арест послужил всего лишь предлогом для телефонного звонка, который последовал спустя несколько часов.

[Вернуться](#)

860

Вопрос о том, было ли необходимо и допустимо убивать садовника, оставался в «Сайерет» открытым и спорным даже после окончания

операции. Оперативники «Сайерет Маткаль» имели разрешение командиров на ликвидацию гражданских лиц, которые могли сообщить об их нахождении на вражеской территории, – своеобразную лицензию на убийство. В конце 1978 года группа бойцов «Сайерет» под командованием офицера по имени Шай Авиталь выполняла задание в глубине очень враждебной страны. Они столкнулись с пастухом, пасшим свое стадо. Группа остановилась и связала пастуха, фактически обездвигив его. Однако затем между Авиталем и его командирами, находившимися на удаленном командном пункте, возник спор. Начальник Генерального штаба Эйтан приказывал Авиталю убить пастуха, тогда как сам Авиталь считал, что его нужно освободить. «Как я могу его убить? – спрашивал Авиталь, который сам родился в сельской местности и учился в сельскохозяйственном колледже. – Он такой же крестьянин, как и мы». Эйтан настаивал. В конечном счете один из солдат встал и убил пастуха выстрелом в голову, сбросил его тело в близлежащий колодец и сказал ошеломленному Авиталю: «Вот и всё. И спорам конец. Можем продолжать выполнение задачи». Дорон Авиталь, другой офицер «Сайерет», имевший докторскую степень по философии, превратил случай с Шаем Авиталем в концептуальное положение. Когда в 1994 году он принял командование «Сайерет Маткаль», разрабатывались планы по похищению активиста «Хезболлы» по имени Мустафа Дирани. В этой связи Дорон Авиталь издал приказ: «Если в ходе предстоящей операции мы убьем гражданских лиц, потеряем моральное право на ее проведение». Интервью с Lenin, декабрь 2016, Авиталем, 29 декабря 2010, и Галеви, 12 октября 2010. См.: *Bergman. By Any Means Necessary*. P. 381 (иврит).

[Вернуться](#)

861

Интервью с Левом, август 2000.

[Вернуться](#)

862

Интервью с Левом, август 2000, Рейхером, 28 ноября 2013, Sally, февраль 2015, и Ялоном, 21 декабря 2016. Согласно некоторым свидетельствам, Лев не стрелял в Абу Джихада, а в ходе операции оставался снаружи, обеспечивая безопасность. См.: Uvda, телеканал 2, 27 мая 2013.

[Вернуться](#)

863

Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

864

На подводной лодке Gal, которая сопровождала миссию к берегам Туниса и обратно, отношения между командой и заместителем командира оказались не особенно дружественными. На обратном пути кто-то вывесил анонимное послание на доске объявлений: «Совершенно секретно / Ясиру Арафату / Дорогой Арафат / Мы убили вашего заместителя! Теперь вы убейте нашего заместителя! / С приветом / Команда военного корабля ВМФ Израиля Gal».

[Вернуться](#)

865

Это официальное молчание продолжалось десятилетиями. При написании этой книги в 2012 году, после того как я пригрозил подать заявление на военных цензоров в Верховный суд, главный военный цензор позволил мне опубликовать некоторые детали этого убийства в Yedioth Ahronoth. После этой публикации руководитель «Сайерет Маткаль» написал письмо, адресованное всем ветеранам подразделения, требуя, чтобы «покровы тайны вокруг секретных

операций подразделения были восстановлены и чтобы СМИ оставили “Сайерет” в покое». WallaNews, December 2, 2012.

[Вернуться](#)

866

Интервью с Нисимом, 21 февраля 2013.

[Вернуться](#)

867

Интервью с Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

868

Интервью с Ури Бар-Левом, 17 декабря 2015, Авиталем, декабрь 2010, Нево, 5 января 2016, и Аврамом Пазнером, 19 марта 2016. См. также: Israel Mounts Inquiry into a Charge by ABC // The New York Times, July 7, 1988.

[Вернуться](#)

869

Интервью с Бараком, 26 августа 2015, и Даганом, 20 июля 2013.

[Вернуться](#)

870

Интервью с Галантом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

871

Интервью с Ури Бар-Левом, 17 декабря 2015, и Нево, 5 января 2016.
[Вернуться](#)

872

Интервью с Кореном, 22 декабря 2013.
[Вернуться](#)

873

Интервью с Santa, май 2016.
[Вернуться](#)

874

Финальный доклад расследования отдела расследований военной полиции (CID) 92/0450/06 9 июля 1992 (архив автора, получено от источника Bell).
[Вернуться](#)

875

Большое количество собак, начинавших лаять при малейшем шуме, являлось серьезной проблемой для бойцов отряда «Вишни», которые старались бесшумно приблизиться по ночам к арабским деревням. Было испробовано много решений, включая специальные аппараты, которые излучали звуковые волны, улавливаемые только собаками и снимавшие у них беспокойство. В конечном счете обнаружилось, что прекрасным средством оказались мешочки с львиным пометом, который собирали в сафари-парке в Рамат-Гане. Когда собаки чуяли запах царя зверей, они замолкали и уходили.
[Вернуться](#)

876

Интервью с Ури Бар-Левом, 17 декабря 2015.

[Вернуться](#)

877

«Моссаду» не удалось убить оставшихся террористов, подозревавшихся в участии в мюнхенской атаке. В период руководства Харари были ликвидированы только двое из них – Юсуф аль-Наджар и Али Саламе. Особенно болезненной была неудача охоты на предводителя мюнхенского нападения Мухаммада Удэ (Абу Дауда). В 1985 году «Моссад» добыл информацию о местопребывании Джамала аль-Гаши, одного из троих палестинцев, которые фактически убивали членов израильской команды в Мюнхене. Он покинул Ливию после того, как обосновался там, будучи отпущенным немцами, и переехал в Испанию под фальшивым именем. Аль-Гаши был болен раком и принимал курсы химиотерапии. В «Моссаде» разгорелся спор о том, следует ли «вытаскивать» его для наказания или оставить умирать от рака. В конечном счете Шавит решил, что если добраться до аль-Гаши удастся, его необходимо убить. Террористу в кофе, который он пил в ресторане неподалеку от своего дома, оперативник «Кесарии» смог подсыпать смертельную дозу яда. Однако он не убил палестинца либо из-за неправильно рассчитанной дозы, либо из-за побочных явлений тяжелого курса химиотерапии, который он проходил. Вскоре после того как аль-Гаши проглотил яд, он поправился и вернулся к своей обычной жизни. В 2000 году у него брали интервью для документального фильма Артура Кона о мюнхенской трагедии, «Один день в сентябре» (One Day in September), удостоенного приза киноакадемии. Интервью с Харари, 10 марта 2014, и Sally, январь 2015.

[Вернуться](#)

878

Интервью с Oktoberfest, февраль 2013, и Alfred, февраль 2013. Директор «Моссада» Шавит сказал только: «Это была прекрасная операция, не так ли?»

[Вернуться](#)

879

Интервью с Oktoberfest, февраль 2013.

[Вернуться](#)

880

Интервью с Джибрилом Раджубом, 23 августа 2002.

[Вернуться](#)

881

Инцидент привел к отставке высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел и МВД, а также директора Красного Креста, который также являлся одним из главных советников президента Франсуа Миттерана. Los Angeles Times, February 4, 1992. Интервью с судьей Jean-Louis Bruguière, май 2000. Переписка между МИДом Франции и израильским посольством в Париже (архив автора, получено от источника Paul).

[Вернуться](#)

882

Интервью с Polly, март 2016.

[Вернуться](#)

883

Интервью с Pilot, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

884

Интервью с Робертом Баэром (в присутствии Сеймура Херша), август 2011. Письмо от Роберта Баэра 1 февраля 2016.

[Вернуться](#)

885

Интервью с Polly, март 2016, и Pilot, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

886

Интервью с судьей Jean-Louis Bruguière, май 2000.

[Вернуться](#)

887

Bergman. Authority Granted. P. 178–179 (иврит).

[Вернуться](#)

888

Agence France-Presse, February 26, 1991.

[Вернуться](#)

889

Интервью с Далиа Рубин, октябрь 2005, Амосом Эраном, 11 февраля 2009, Хабером, 21 июня 2009, и Шимоном Шевесом, 25 августа 2010.

[Вернуться](#)

890

Интервью с Езидом Сайи, октябрь 2001.

[Вернуться](#)

891

Интервью с Пересом, 17 сентября 2012, Иосси Бейлином, 14 октября 2002, Роном Пундаком, август 2002, и Альфером, 18 мая 2015.

[Вернуться](#)

892

Pundak. Secret Channel. P. 100–105, 122, 146–149, 172 (иврит).

[Вернуться](#)

893

Интервью с Noah, январь 2016, и Polly, март 2016.

[Вернуться](#)

894

Интервью с Хабером, 21 июня 2009, и Polly, март 2016.

[Вернуться](#)

895

Одна вещь «выскакивала» все время – это ненависть Аббаса к Арафату. Иногда первый называл последнего «этот бастард» или «эта маленькая проститутка».

[Вернуться](#)

896

Интервью с Oktoberfest, декабрь 2015, Polly, март 2016, и Jango, октябрь 2016.

[Вернуться](#)

897

Интервью с Oktoberfest, февраль 2013.

[Вернуться](#)

898

Интервью с Раджубом, 23 августа 2002.

[Вернуться](#)

899

Top PLO Security Official Accused of Being Mossad Spy: Arafat Orders Inquiry // Independent, November 4, 1993.

[Вернуться](#)

900

Интервью с Роном Пундаком, август 2002. См. также: *Beilin*. Touching Peace. P. 61–164 (иврит); *Pundak*. Secret Channel. P. 129–190.

[Вернуться](#)

901

Интервью с Давидом Мейданом, 2 августа 2015, Дихтером, июнь 2012, и Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

902

Интервью с Oktoberfest, февраль 2013.

[Вернуться](#)

903

Интервью с Рафаэлем Офеком, 24 января 2016.

[Вернуться](#)

904

Интервью с April, ноябрь 2016, Харари, 29 марта 2014, и Бенни Зееви, 12 февраля 1999. Похожий рассказ содержится в книге: *Victor Ostrovsky. By Way of Deception: The Making of a Mossad Officer*. P. 19–20.

[Вернуться](#)

905

Как часть «доктрины работы на периферии», «Моссад» предоставлял помощь освободительным движениям в некоторых враждебных государствах, например Аньянии, христианским сепаратистам в Судане. Интервью с Альфером, 18 мая 2015, и Амитом, 12 июля 2005. См. также: *Alpher. Periphery*. P. 57–71 (иврит); *Ben Uziel. On a Mossad Mission to South Sudan*. P. 9–36 (иврит); *Ronen Bergman. Israel and Africa*. P. 234–246.

[Вернуться](#)

906

Интервью с Ротбергом, 5 марта 2012.

[Вернуться](#)

907

Заминированный взрывчаткой Коран был изготовлен, и «они (курды) послали его какому-то губернатору, который подвергал их гонениям; был убит он и вся его команда», – вспоминает Ротенберг.

[Вернуться](#)

908

Он взял на себя труд роскошно издать мысли его обожаемого дяди Тульфаха, среди которых была и такая: «Есть три вещи, которые Аллах не должен был создавать: персов, евреев и мух». См. также: *Karsh Efraim and Rautsi Inari. Saddam Hussein*. P. 19 (иврит).

[Вернуться](#)

909

Интервью с Амацией Барам, 28 октября 2015.

[Вернуться](#)

910

Nakdimon. Tammuz in Flames. P. 50 (иврит).

[Вернуться](#)

911

Ibid. P. 75–76 (иврит).

[Вернуться](#)

912

Интервью с Адмони, 29 мая 2011, и Газитом, 12 сентября 2016.

[Вернуться](#)

913

Интервью с Иегудой Гилем, 15 мая 2011. См. также: *Koren Yehuda. My Shadow and I* // Yedioth Ahronoth, July 6, 2001.

[Вернуться](#)

914

Интервью с Хидиром Хамзой, взятое Годой Котб, материал NBC для программы NBC Dateline, Iraq 1981 (архив автора; благодарность Шахару Бар-Ону).

[Вернуться](#)

915

Интервью с Elmo, август 2010, и Oktoberfest, январь 2013.

[Вернуться](#)

916

Интервью с Офеком, 24 января 2016.

[Вернуться](#)

917

Решение комиссии кабинета министров по вопросам безопасности от 4 ноября 1978 года, показано автору источником Paul.

[Вернуться](#)

918

Интервью с Харари, 12 февраля 2014, и Black, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

919

Интервью с Офеком, 17 января 2016.

[Вернуться](#)

920

Подробная биография Джафара Джафара имеется в книге: *Windrom. Critical Mass*. P. 35–40.

[Вернуться](#)

921

Интервью с April, декабрь 2016.

[Вернуться](#)

922

Интервью с Black, июнь 2015. Частично похожие данные приводятся в книге: *Ostrovsky. By Way of Deception*. P. 22–25.

[Вернуться](#)

923

Интервью с Хидиром Хамзой, проведенное Ходой Котб, материал NBC для программы NBC Dateline.

[Вернуться](#)

924

Интервью с Black, июнь 2015, и Amir, февраль 2016. См. также: *Claire. Raid on the Sun*. P. 76–77.

[Вернуться](#)

По очевидным причинам – использование отравляющих веществ и взрывчатки, а также осуществление убийств на французской территории – Израиль соблюдал вокруг этих акций максимальную секретность. Однако в 1990 году произошла серьезная утечка информации. Изгнанный из «Моссада» некто Виктор Островский анонсировал, что он опубликует книгу своих мемуаров «Как обманом человека делают офицером “Моссада”» (By Way of Deception: The Making of a Mossad Officer) в Канаде, что явилось бы грубым нарушением правил, установленных в разведке, и израильских норм национальной безопасности. Ведомство попыталось убедить Островского в необходимости отозвать публикацию книги. Он отказался. Тогда оперативники ворвались в издательство и похитили гранки, в которых, как оказалось, содержалось большое количество информации о «Моссаде», часть которой была весьма точной, включая многие страницы, посвященные израильским акциям против иракского ядерного проекта и иранских физиков-атомщиков. Гранки вызвали в «Моссаде» немалый переполох. «Я был вызван в кабинет директора, где мне показали страницы, посвященные лично мне, – вспоминал Ами Яар, который в течение некоторого времени готовил Островского к оперативной работе и неоднократно упоминается в книге. – Это было очень неприятно». Иосси Коэн, который в то время был молодым оперативным сотрудником и восходящей звездой «Моссада» и встречался с Островским во время подготовки, представил директору разведки Шавиту детальный план ликвидации отступника. Шавиту план понравился, и он пошел с ним к премьер-министру Шамиру, который наложил на идею вето в связи с действующим правилом: «Мы не убиваем евреев». Вместо этого «Моссад» попросил суды в Канаде и Соединенных Штатах запретить публикацию книги на том основании, что Островский давал обязательство по сохранению государственной тайны, когда принимался на работу в разведку. Суды отказали в этом, и вся эта шумиха вокруг книги только придала ей больше достоверности и способствовала росту продаж. Интервью с Ами Яаром, 3 декабря 2012, Advantage, апрель 2017, Toblerone, май 2014, и Lexicon, январь 2017.

[Вернуться](#)

926

Nakdimon. Tammuz in Flames. P. 309 (иврит).

[Вернуться](#)

927

Восточногерманская спецслужба Штази и КГБ, которые поддерживали контакты с секретными службами Саддама, вынесли свои уроки из того, как был ликвидирован Вади Хаддад. Интервью с Пау, июнь 2010.

[Вернуться](#)

928

Интервью с Хофи, Центр Бегина, 11 января 2002.

[Вернуться](#)

929

Интервью с Эйламом, 2 декабря 2009.

[Вернуться](#)

930

Интервью с Узи Эвеном, 2 декабря 2009.

[Вернуться](#)

931

Во всем оборонном сообществе возникла большая тревога в связи с утечкой данных к Пересу и его памятной запиской Бегину. Операция была отложена, все кодовые названия в ней заменены. Начальник Генерального штаба Эйтан приказал организовать широкомасштабную прослушку всех телефонных разговоров сотрудников Генерального штаба и других высших офицеров, располагавших допуском к информации об операции. Но настоящий «возмутитель спокойствия», профессор Эвен, так и не был идентифицирован. Впервые он признал свою роль во всей этой истории в интервью, которое дал мне в 1996 году. Интервью с Эвеном, май 1996. См.: *Ronen Bergman. The First Iraqi Bomb* // Haaretz, 31 мая 1996.

[Вернуться](#)

932

По случайному совпадению, самолеты пролетали прямо над яхтой короля Хусейна, когда он отдыхал на ней в заливе Акаба. Возможно, он даже видел бомбардировщики и понял, в каком направлении они летят, но какие бы то ни было предупреждения саудитам или иракцам либо где-то застряли, либо вообще не передавались. См. также: *Nakdimon. Tammuz in Flames*. P. 15–16 (иврит).

[Вернуться](#)

933

Интервью с Авиемом Селла, 31 мая 2011. См. также: *Nakdimon. Tammuz in Flames*. P. 188–203.

[Вернуться](#)

934

Интервью с Офеком, 24 января 2016.

[Вернуться](#)

935

Международная пресс-конференция Менахема Бегина 9 июня 1981 года. Израильская операция вызвала восхищение мастерством проведения, но одновременно с этим – жесткое международное политическое осуждение. Создается впечатление, что только журнал The Wall Street Journal поддержал этот рейд в своей редакционной статье, которая до сих пор гордо висит в зале редакции.

[Вернуться](#)

936

Архив Высшего совета партии БААС, архив Пентагона, CRRC SH.SHTR.A.001.039, благодарность профессору Амации Барам.

[Вернуться](#)

937

Интервью с Гиладом, 31 июля 2012.

[Вернуться](#)

938

Интервью с Gauguin, агентом «Моссада» в научной части проекта Condor в Аргентине, июнь 2016. The Jonathan Jay Pollard Espionage Case), 30 октября 1987.

[Вернуться](#)

939

Интервью с Sally, сентябрь 2016. См. также: *Burrows and Windrem*, Critical Mass. P. 442, 461, 466–480.

[Вернуться](#)

940

Досье «Моссада» на Булла включает в себя многие его контракты и переписку с иракцами, главным образом генералом Хусейном Камелем, двоюродным братом Саддама, главой иракской организации по закупке вооружений (архив автора, получено от источника Bogart).

[Вернуться](#)

941

АМАН направил всю информацию, которую военной разведке и «Моссаду» удалось получить на Булла, в Управление по разработке новых видов вооружений и военной инфраструктуры Министерства обороны (известное по аббревиатуре МАФАТ), а также в Главное артиллерийское управление АОИ. Эти ведомства изучили расчеты Булла и составили несколько компьютерных моделей. Удивительным оказалось то, что результаты подтвердили научную реальность создания суперпушки и что Булл не был подвержен галлюцинациям. Интервью с Гиладом, 31 июля 2012.

[Вернуться](#)

942

Воглавлывший разведку подразделения «Кидон» («Штык») Моше «Мишка» Бен-Давид говорил: «В тех нескольких случаях, когда мы приходили к выводу, что местные власти ничего не собираются с этим делать, поставки неожиданно уничтожались пожарами, а некоторые джентльмены не дожили до сегодняшнего дня». Интервью с Ромео, январь 2013. См. также: *Cockburn. Dangerous Liaison* (Опасные связи). P. 306.

[Вернуться](#)

943

Интервью с Ромео, одним из руководителей «Кесарии», который координировал акцию против Булла, май 2000.

[Вернуться](#)

944

Как раз в тот период, когда шла борьба с проектами Condor и суперпушки, руководители спецслужб Израиля встали перед необходимостью вернуться к проблеме возможности убийства израильского еврея: в 1986 году сотрудник невысокого ранга ядерного реактора в Димоне, Мордехай Вануну, который испытывал дискриминацию, будучи выходцем не из Европы, а из Марокко, и придерживался левацких идей, тайно занес камеру в совершенно секретную часть исследовательского центра и сделал фотографии, в том числе и водородной бомбы. Эти фото, а также множество другой информации он продал в Англии газете Sunday Times, которая планировала опубликовать материал. «Моссад» узнал об этом от одного из своих старейших источников, пресс-магната Роберта Максвелла. «Вы должны достать Вануну, – сказал премьеру Шимону Пересу один из ведущих израильских журналистов Дан Маргалит. – Живого или мертвого». Перес категорически отказался: «Мы не убиваем евреев». Перес рассказывал мне, что «Моссад» спрашивал у него разрешения на ликвидацию Вануну, но он твердо сказал «нет». Впоследствии он говорил: «Я предотвратил его убийство, я настоял на том, чтобы его привезли в Израиль и предали суду». Маргалит, известный своими политическими комментариями текущих событий, до сего дня уверен в том, что Перес был неправ. «Они должны были либо убить Вануну за границей, либо вообще оставить его в покое. “Мы не убиваем евреев” – вообще расистская сентенция. Или Израиль наносит удар по людям, которые представляют угрозу для его национальной безопасности, или не делает этого, не принимая во внимание их расовую или религиозную принадлежность». В конце концов женщина-оперативница заманила Вануну с собой из Лондона – где разведка предпринимать акцию не хотела – в Рим, где он был схвачен, накачан транквилизаторами и тайно вывезен в Израиль на торговом судне. Вануну был предан суду и получил 18 лет тюрьмы.

Интервью с Sally, февраль 2015, Raphael, май 2011, Иехиэлем Хоревом, июль 2004, Бенни Зееви, 12 февраля 1999, Пересом, 30 января 2005, и Маргалитом, 17 ноября 2016.

[Вернуться](#)

945

Ronen Bergman. Killing the Killers // Newsweek, December 13, 2019; The Man Who Made the Supergun // Frontline (PBS), February 12, 1992; Burrows and Windrem. Critical Mass. P. 164–177.

[Вернуться](#)

946

Iraq Chief, Boasting of Poison Gas, Warns of Disaster if Israelis Strike // The New York Times, April 2, 1990.

[Вернуться](#)

947

Интервью с Шапира, 31 января 2015.

[Вернуться](#)

948

16 января 1990 года, в ту ночь, когда США и их союзники начали операцию «Буря в пустыне», Саддам приказал выпустить по Израилю большую серию ракет, как раз тех, о разработке которых израильтяне не знали и которые, как оказалось позднее, «попадали в море, словно камни». Руководство оборонительных структур Израиля предложило атаковать Ирак, однако эта идея была отвергнута под американским давлением. Президент Буш беспокоился за целостность международной коалиции в том случае, если бы в конфликт вмешался Израиль. В течение многих лет Саддам выглядел как единственный в арабском мире лидер, который осмелится атаковать Израиль и который

делал пустыми все израильские угрозы в свой адрес. Поэтому унижение Израиля оказало сильное воздействие на обсуждение вопроса о том, стоит ли разрабатывать планы по уничтожению Саддама.

[Вернуться](#)

949

Интервью с Рольфом Экеусом, сентябрь 1996, и Хансом Бликсом, август 2000.

[Вернуться](#)

950

Барак основывался на психологическом портрете Саддама, составленном командой психологов и психиатров военной разведки АМАН, в котором они утверждали: «Саддам воспринимает мир как холодное, жестокое пространство, в котором постоянно присутствует смертельная опасность. В этом пространстве нет места законам морали и нет тех поведенческих кодов, которые нельзя было бы нарушить в связи с существованием социальных норм... Саддама не пугает война, даже война против сильного противника. Скорее наоборот, войну против такого противника Саддам рассматривает как доказательство важности и мощи Ирака... Стремление Саддама к овладению ядерным оружием... связано с его психологической потребностью создать в себе неопровержимое ощущение мощи... Он никогда не забывает боли и никогда не прощает тех, кто наносит ему ущерб... Саддам не поколеблется использовать неконвенционное оружие против Израиля... никакие расходы и моральные ограничения не остановят его. AMAN, Research Department, Psychological Portrait of Saddam Hussein, Special Intelligence Survey 74/90, November 1990). Интервью с Бараком, 1 июля 2013.

[Вернуться](#)

951

Секретариат начальника Генерального штаба Барака Амираму Левину, заместителю начальника Генерального штаба, начальнику АМАН, директору «Моссада», Thorn Bush, 20 января 1992 (архив автора, получено от источника Julius).

[Вернуться](#)

952

Секретариат начальника Генерального штаба заместителю начальника Генерального штаба, начальнику АМАН, директору «Моссада», командующему ВВС и Амираму, Thorn Bush, 17 марта 1992 (архив автора, получено от источника Julius).

[Вернуться](#)

953

Интервью с Бараком, 13 января 2012.

[Вернуться](#)

954

Интервью с Надавом Зееви, 15 октября 2012.

[Вернуться](#)

955

Интервью с Zolphi, сентябрь 2012.

[Вернуться](#)

956

8 октября премьер-министр Рабин еще раз спросил: «Должно ли государство Израиль убить действующего лидера другой страны?» Амирам Левин ответил: «Представьте себе, что кто-то убил Гитлера в

1937 году». В конечном счете Рабин согласился и сказал начальнику Генерального штаба, начальнику АМАН и директору «Моссада», что он «санкционирует цель». Азриэль Нево начальнику Генерального штаба, начальнику АМАН и директору «Моссада» Computer Workshop (одно из кодовых названий операции), 13 октября 1992 (архив автора, получено от источника Julius).

[Вернуться](#)

957

Интервью с Надавом Зееви и Эялом Катваном, солдатом, который изображал Саддама, 15 октября 2012.

[Вернуться](#)

958

Интервью с Бараком, 10 мая 2013, Саги, 3 июня 2012, Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012, Авиталем, 29 декабря 2010, и Надавом Зееви, 15 октября 2012. Подробный рассказ о войнах, бушевавших в высших эшелонах власти Израиля после инцидента, можно найти в книге: Zeelim. P. 221–304 (иврит).

[Вернуться](#)

959

Частично описание этого события было впервые опубликовано в книге: *Bergman. Secret War with Iran*. P. 15–18.

[Вернуться](#)

960

Ibid.

[Вернуться](#)

961

Ibid.

[Вернуться](#)

962

Интервью с Мерхавом, 22 апреля 2014.

[Вернуться](#)

963

Menashri. Iran Between Islam and the West. P. 134 (иврит).

[Вернуться](#)

964

Taheri. The Spirit of Allah. P. 27–28, 131 (иврит); *Menashri*. Iran Between Islam and the West. P. 131 (иврит).

[Вернуться](#)

965

Taheri. Spirit of Allah. P. 132–133 (иврит). Интервью с Ури Лубарни, 26 декабря 1997 и Цафриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

966

Bergman. Secret War with Iran. P. 13–14.

[Вернуться](#)

967

Bergman. Point of No Return. P. 50 (иврит).

[Вернуться](#)

968

Ibid. P. 51–52.

[Вернуться](#)

969

Интервью с Мерхавом, 5 октября 2011.

[Вернуться](#)

970

Bergman. Secret War with Iran, 17.

[Вернуться](#)

971

Интервью с Цафриром, 2 октября 2015.

[Вернуться](#)

972

Интервью с Альфером, 18 мая 2015.

[Вернуться](#)

973

Бахтияр сам поехал в ссылку в Париж, где спустя десять лет был убит киллерами, посланными иранской разведкой. *Bergman. By Any Means Necessary. P. 316–317 (иврит).*

[Вернуться](#)

974

Интервью с Ицхаком Сегевом, 5 января 2007. См.: *Bergman. Point of No Return*. P. 74 (иврит); *Taheri. The Spirit of Allah*. P. 273–294 (иврит).

[Вернуться](#)

975

Израиль тоже попытался использовать Ирано-иракскую войну для того, чтобы сохранить военные связи с Ираном, поставляя ему много оружия. (Операция «Морская раковина» детально описана в книге Бергмана: *Secret War with Iran*. P. 40–50.) Однако позднее Израиль и Соединенные Штаты оказались замешанными в деле «Иран-контрас», постыдной и бесплодной операции, рассчитанной на то, чтобы вовлечь Иран в торговлю заложниками, захваченными «Хезболлой», в обмен на оружие, всё в обход Конгресса. См. также: *Bergman. Secret War with Iran*. P. 110–122. Советник премьер-министра Шимона Переса по антитеррору Амирам Нир руководил операцией с израильской стороны. Он проинформировал вице-президента Буша по этому делу, и его сообщение бросило тень на президентскую кампанию Буша в 1987 году. Нир умер при загадочных обстоятельствах в Мексике в 1988 году (досье «Hungarian Octagon» находится в архиве автора, получено от источника Cherry).

[Вернуться](#)

976

Интервью с Робертом Гейтсом, 7 ноября 2012.

[Вернуться](#)

977

Неудача попытки освободить американских заложников в Тегеране произвела глубокое отрицательное впечатление на американский истеблишмент и явилась одной из причин того, что министр обороны Роберт Гейтс выступил против акции по поимке или ликвидации Усамы бен Ладена в мае 2011 года. Когда Гейтс, являвшийся в то время министром обороны, находился в Военно-ситуационном центре и увидел, как один из американских вертолетов потерпел крушение в Абботабаде, он сказал себе: «Где только мы появляемся, там сразу происходит катастрофа». Интервью с Гейтсом, 7 ноября 2012.

[Вернуться](#)

978

Bergman. Point of No Return. P. 147, 162 (иврит).

[Вернуться](#)

979

Kramer. Fadlallah: The Moral Logic of Hizballah. P. 29 (иврит).

[Вернуться](#)

980

Имеется в виду особый тип политического устройства.

[Вернуться](#)

981

Shapira. Hizballah: Between Iran and Lebanon. P. 134–137.

[Вернуться](#)

982

Bergman. Secret War with Iran. P. 58–59; Shapira. Hizbullah. P. 135–139.

[Вернуться](#)

983

Интервью с Даганом, 19 мая 2011.

[Вернуться](#)

984

Shapira. Hizbullah. P. 144–160 (иврит).

[Вернуться](#)

985

«Исламский джихад» – название ряда исламистских радикальных организаций. Группировки «Исламский джихад» («Джамаат моджахедов») и «Египетский исламский джихад» признаны в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[Вернуться](#)

986

Взято из интервью с родителями, проведенного историком «Хезболлы» и переданного по телеканалу Al-Manar в фильме о жизни Кассира в 2008 году,

<http://insidehezbollah.com/Ahmad%20Jaafar%20Qassir.pdf>

[Вернуться](#)

987

Только в 2012 году, после моей публикации по данному вопросу (By Any Means Necessary. P. 160–162), в Шин Бет была создана секретная комиссия по расследованию. В заключении комиссии содержался вывод о высокой вероятности того, что Кассир осуществил бы акцию террориста-смертника. Несмотря на это, Шин Бет оставила этот документ совершенно секретным и отказала мне в просьбе передать его мне. Интервью с Талем, 24 ноября 2016, и Бандори, 11 сентября 2017.

[Вернуться](#)

988

Интервью с Разом, 20 января 2013.

[Вернуться](#)

989

Интервью с Екутиэлем Мором, 12 января 2009.

[Вернуться](#)

990

Интервью с Давидом Баркаем, 18 июля 2013. ЦРУ было не менее удивлено и также не обладало никакой информацией о новом движении. См.: Weiner. Legacy of Ashes. P. 390.

[Вернуться](#)

991

Интервью с аль-Хаджем, 14 августа 2014.

[Вернуться](#)

992

Благодарю Шимона Шапира за материал о юных годах Имада Мугние.

[Вернуться](#)

993

Интервью с Eldy, январь 2015.

[Вернуться](#)

994

Этот эпитет был введен в обращение Мартином Крамером в его книге о Фадлалле: *Fadlallah: The Moral Logic of Hizballah*.

[Вернуться](#)

995

Jaber. Hezbollah. P. 82.

[Вернуться](#)

996

Fadlallah. Taamolot Islamia. P. 11–12.

[Вернуться](#)

997

Самым ранним примером мог быть библейский Самсон, который пожертвовал жизнью для того, чтобы нанести урон филистимлянам, выбив опоры дома в Газе. И согласно легенде, жившая на берегах Каспийского моря в XI–XII веках фанатичная секта хашишийя, заставляла юношей и молодых мужчин употреблять наркотики и под их действием совершать убийства, после которых они не могли вернуться живыми. Японцы тоже имели своих камикадзе во Второй

мировой войне, а перуанская террористическая организация «Светлый путь» использовала тактику смертников.

[Вернуться](#)

998

Kenneth Katzman. Terrorism Middle Eastern Groups and State Sponsors, 9 August 1995.

[Вернуться](#)

999

Hala Jaber. Hezbollah. P. 77, 83.

[Вернуться](#)

1000

Роберт Баэр заявил, что у Центрального разведывательного управления есть доказательства того, что Ясир Арафат имел отношение к планированию трех террористических атак в Бейруте. По словам Баэра, эта информация никогда не обнародовалась, поскольку ЦРУ хотело поддерживать рабочие отношения с ООП. Кроме всего прочего, резидент КГБ в Бейруте в то время, Юрий Перфильев, говорил, что действия Арафата скоординированы с Мугние. Интервью с Робертом Баэром, август 2001, Юрием Перфильевым, октябрь 2001 (при содействии Изабеллы Гинор). См.: *Bergman*. Point of No Return. P. 164–165 (иврит).

[Вернуться](#)

1001

Интервью с Довом Бираном, 28 января 2013.

[Вернуться](#)

1002

В середине 1983 года посол приказал Мугние использовать новое и очень эффективное оружие: он и его боевики должны начать захватывать самолеты и похищать людей для достижения политических и пропагандистских целей. США не смогли обеспечить освобождение большинства похищенных. Были захвачены и два высокопоставленных американца – полковник Уильям Хиггинс, который служил в миссии ООН, и Уильям Бакли, резидент ЦРУ в Бейруте. Позднее выяснилось, что их обоих пытали и убили. В США нарастало отчаяние и ощущение беспомощности. Два источника из «Моссада» говорили мне, что в конце 1983 года ЦРУ в неофициальном порядке сообщило им, что «друзья Израиля в Вашингтоне» будут приветствовать самые жесткие меры против лидеров Ирана и «Хезболлы». «Было совершенно понятно, что таким образом они подталкивали нас на совершение политических убийств», – сказал мне один из источников. В то время руки ЦРУ были связаны приказом президента США 12333, но в американском правительстве были и те, кто, по словам источников, просил Израиль действовать от их имени. См.: *Bergman. By Any Means Necessary*. P. 163–180 (иврит). Интервью с Баркаем, 18 июля 2013 и Salvador, май 2012.

[Вернуться](#)

1003

Интервью с Sally, июнь 2015.

[Вернуться](#)

1004

Wright. Sacred Rage. P. 89.

[Вернуться](#)

1005

Shahryar Sadr. How Hezbollah Founder Fell Foul of Iranian Regime, Institute for War and Peace Reporting, July 8, 2010.

[Вернуться](#)

1006

Nada al-Watan. Interview with Hassan Nasrallah, Beirut, August 31, 1993.

[Вернуться](#)

1007

Спустя несколько месяцев «Хезболла» арестовала двух шиитов из деревни Тибнеен и обвинила их в том, что они застрелили Харба. Под пытками они признались, что в течение многих лет работали на израильскую разведку и выполняли ее задания по совершению убийств. Сразу же после этого они были расстреляны. Даган говорил, что «Хезболла» поймала не тех людей: «Не составляет проблемы схватить кого-то и заставить его дать признательные показания. Люди, которые сделали это на самом деле, найдены не были». В 2008 году некий ливанский криминальный элемент по имени Данни Абдалла,

проживавший в Дании, признался, что это он застрелил Харба. С тех пор он находился в списке целей на уничтожение «Хезболлы», а ливанское правительство добивалось его экстрадиции.

[Вернуться](#)

1008

Tehran Times, February 20, 1984.

[Вернуться](#)

1009

В своей книге «Завеса» (Veil) Боб Вудвард утверждает, что саудовцы помогали Уильяму Кейси осуществить эту операцию в качестве возмездия за атаку подрывников-смертников на казармы американских морских пехотинцев, которую организовал Мугние. Напротив, Тим Вейнер говорит, что США не были вовлечены в эту операцию и что осуществил ее Израиль. Эта версия подтверждается несколькими другими источниками. Ответственный сотрудник «Моссада» заявил, что она была проведена Фронтом за освобождение Ливана от иностранцев – террористической организацией, созданной Меиром Даганом в Ливане. Интервью с Тимом Вейнером, 11 октября 2012, *Pier*, декабрь 2012, и Каем Бёрдом, 11 октября 2012. См. также: *Bergman*. *Secret War with Iran*. P. 73; *Woodward*. *Veil*. P. 407–409 (иврит).

[Вернуться](#)

1010

Интервью с Баркаем, 18 июля 2013.

[Вернуться](#)

1011

Народный фронт освобождения Палестины – небольшая палестинская националистическая военизированная организация,

признанная террористической в ряде стран.

[Вернуться](#)

1012

20 мая 2002 года израильские агенты заложили 2 килограмма тринитротолуола под водительское сиденье автомашины, на которой ездил Джихад Джибрил, сын и наследник Ахмеда. В то время машина была припаркована в бейрутском районе Мар-Элиас. Джихад Джибрил был убит на месте.

[Вернуться](#)

1013

Интервью с Баркаем, 18 июля 2013, Ицхаком Тидхаром, апрель 2011, Мором, 23 февраля 2009, и Данни Ротшильдом, 15 декабря 2008.

[Вернуться](#)

1014

Цифры взяты из: Israel Government Statistical Yearbooks 1984–1991. См. также: *Ronen Bergman*. Like Blind Ducks // Haaretz, May 14, 1999.

[Вернуться](#)

1015

AMAN Research Division, Night Time: The Elimination of Hezbollah's Secretary General, Abbas Mussawi, in February 1992 (архив автора, получено от источника Robin).

[Вернуться](#)

1016

Интервью с Селла, 7 апреля 2013, Эйтаном Бен Элиаху, 28 апреля 2011, и Ицхаком Яаковом, 5 января 2007.

[Вернуться](#)

1017

Israeli Air Force, The History of Squadron 200. P. 7–14 (архив автора, получено от источника Hilton).

[Вернуться](#)

1018

Интервью с Иври, 18 апреля 2013, и Эйтаном Бен Элиаху, 24 апреля 2011; The History of Squadron 200. P. 20–22 (иврит).

[Вернуться](#)

1019

Интервью с Алоном Унгером, 21 апреля 2013. Israeli Air Force, The History of Squadron 200. P. 24–26.

[Вернуться](#)

1020

Интервью с Селла, 26 октября 2015. The History of Squadron 200. P. 27–29.

[Вернуться](#)

1021

Интервью с Опух, май 2013.

[Вернуться](#)

1022

Интервью с Унгером, 21 апреля 2013. Israeli Air Force, The History of Squadron 200. P. 42–43.

[Вернуться](#)

1023

Bergman. By Any Means Necessary. P. 197–206 (иврит).

[Вернуться](#)

1024

Эта тема раскрыта в деталях в статье: *Ronen Bergman*. Gilad Shalit and the Rising Price of an Israeli Life // The New York Times, 9 November 2011.

[Вернуться](#)

1025

Интервью с Mark, апрель 2005, и Лиором Лотаном, май 2009.

[Вернуться](#)

1026

Интервью с Исраэлем Перловым, 15 октября 2000, Рами Эгра, февраль 2008, и Amazonas, октябрь 2011. *Bergman*. By Any Means Necessary. P. 279–290 (иврит).

[Вернуться](#)

1027

Интервью с Мором, 12 января 2009.

[Вернуться](#)

1028

Zolfi qar Daher. From Lebanon to Afghanistan, Sayyed Abbas: The Leader, the Fighter, the Martyr. Al-Manar, February 18, 2015, <http://archive.almanar.com.lb/english/article.php?id=196205>. Shapira. Hezbollah: Between Iran and Lebanon. P. 110–111.

[Вернуться](#)

1029

Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 5).

[Вернуться](#)

1030

Интервью с Шапира, 31 января 2015. Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 15).

[Вернуться](#)

1031

Ардити утверждал, что на последующие совещания в тот день (в том числе и с участием министра обороны Моше Аренса) его не пригласили, потому что было понятно, что он будет категорически возражать против операции. Интервью с Ардити, 13 июня 2011.

[Вернуться](#)

1032

Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 9).

[Вернуться](#)

1033

Интервью с Мором, 12 января 2009, и Иосси Дименштейном, 26 января 2016.

[Вернуться](#)

1034

Советник начальника Генерального штаба Армии обороны по антитеррору Меир Даган предложил собственный план: заменить памятник Гарибу Харбу, к убийству которого в 1984 году Даган сам был причастен, точной его копией, но начиненной взрывчаткой, которая должна была быть подорвана при появлении Мусави. Однако военная разведка АМАН видела в Дагане конкурента и попросила начальника Генерального штаба Барака отклонить этот план, поскольку его реализация могла нести угрозу женщинам и детям. «Я сказал начальнику Генерального штаба, что все это ерунда, – говорил тогда Даган. – Согласно шиитским ритуальным традициям, в первых рядах молящихся за упокой умерших могут стоять только самые достойные из мужчин. Женщины должны ожидать в пристройке *husaniyeh*... однако они (АМАН) смогли убедить (Эхуда) Барака». Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1035

Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 11).

[Вернуться](#)

1036

Ibid. P. 15. Интервью с Моше Аренсом, 25 августа 2009.

[Вернуться](#)

1037

Интервью с Ардити, 13 июня 2011, Бараком, 8 марта 2013, Саги 20 ноября 2015, Офером Эладом, 12 января 2015, и Унгером, 21 мая 2013.

[Вернуться](#)

1038

Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 16).

[Вернуться](#)

1039

Ibid. P. 17.

[Вернуться](#)

1040

Ibid. P. 15.

[Вернуться](#)

1041

Интервью с Мором, 12 января 2009.

[Вернуться](#)

1042

Управление разведанализа, «Ночное время» (Night Time. P. 22).

[Вернуться](#)

1043

Ibid. P. 23.

[Вернуться](#)

1044

Israeli Air Force, The History of Squadron 200. P. 43–45.

[Вернуться](#)

1045

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1046

3 мая 1992 года Барак Бен-Цур из военной разведки АМАН и Ури Чен, руководитель делегации «Моссада», выехавшей в Соединенные Штаты, проинформировали ответственных сотрудников Центрального разведывательного управления об операции «Ночное время» (Night Time), описав ее как первый опыт осуществления «целевой» ликвидации с использованием авиасредств. Они привезли с собой видеозаписи, сделанные дронами. Презентация началась со смеха, когда техник по ошибке запустил кассету с комедией «Честь семьи Прицци», но продолжалась уже на гораздо более серьезной ноте. Американцы были под впечатлением. Роберт Гейтс, в то время директор ЦРУ, сказал мне, что видеозапись заставит его настойчивее продвигать разработку атакующего дрона Predator (Хищник) в противовес упрямому сопротивлению американских Военно-воздушных сил. Джим Вулси, который вскоре заменил Гейтса на посту директора ЦРУ, высказался в том же ключе, подчеркнув вклад израильтян в разработку американских дронов. Интервью с Гейтсом, 7

ноября 2012, Джеймсом Вулси, декабрь 2011, и Бараком Бен-Цуром, апрель 2010.

[Вернуться](#)

1047

Управление разведанализа АМАН, «Ночное время» (Night Time. P. 24.

[Вернуться](#)

1048

Интервью с Ropі, ноябрь 2008.

[Вернуться](#)

1049

New Hezbollah Leader a Disciple of Iran's Revolution // Associated Press, February 12, 1992.

[Вернуться](#)

1050

Интервью с Хасаном Насраллой, телеканал Al-Manar, 27 декабря 1997.

[Вернуться](#)

1051

Интервью с Даганом, 20 июля 2013.

[Вернуться](#)

1052

Eiran. The Essence of Longing. P. 97.

[Вернуться](#)

1053

Интервью с Pilot, июнь 2015. См.: *Bergman. Point of No Return. P. 249–250* (иврит). Переписка и телефонные разговоры с Рашель Садан, январь 2007.

[Вернуться](#)

1054

Американские спецслужбы предоставили Израилю стопроцентные доказательства – «не дым из пистолета, а момент вылета из него пули», как выразился один из ответственных руководителей военной разведки АМАН, – что Имад Мугние и его заместитель и верный соратник Талаль Хамия были организаторами этого террористического акта. Американцам удалось засечь телефонный разговор между Хамия и Мугние, в котором последний насмеялся над неспособностью Шин Бет обеспечить безопасность посольства. Интервью с Lenin, апрель 2013, и Альберто Нисманом, 18 декабря 2007. См.: *Bergman. Point of No Return. P. 210–222* (иврит).

[Вернуться](#)

1055

Интервью со Стенли Бедлингтоном, 31 октября 2011, Хуго Анзорги, сентябрь 2001, Альберто Нисманом, 18 декабря 2007, и Даниэлем Кармоном, 24 февраля 2016.

[Вернуться](#)

1056

Интервью с Pilot, июнь 2015.

[Вернуться](#)

1057

Tamir. Undeclared War. P. 133–136 (иврит); *Bergman*. Point of No Return. P. 335–339 (иврит).

[Вернуться](#)

1058

Интервью с Pilot, июнь 2015.

[Вернуться](#)

1059

Интервью с Advantage, февраль 2016.

[Вернуться](#)

1060

Он оставался в верхних эшелонах власти в Иране и стоял за многими террористическими актами, направленными против Израиля и Соединенных Штатов. В феврале 2007 года он бесследно исчез из своего номера в отеле в Стамбуле. По данным некоторых источников, он перебежал на сторону Израиля или США. Однако иранцы и семья Асгари утверждали, что его похитили и, вероятно, убили. Интервью с Даганом, 19 мая 2011, Саги, 6 марта 2012, и Herods, сентябрь 2017. Переписка с Робертом Баэром, сентябрь 2017.

[Вернуться](#)

1061

Интервью с Lenin, июль 2016.

[Вернуться](#)

1062

Интервью с Бен-Цуром, апрель 2010.

[Вернуться](#)

1063

Уголовное расследование по факту двух взрывов тянулось в Аргентине в течение многих лет и на самом деле так и не было закончено. Специальный прокурор Альберто Нисман, назначенный расследовать это дело, собрал большое количество информации, которая дала возможность Интерполу выписать ордера на аресты ряда высокопоставленных иранских чиновников и деятелей «Хезболлы». Нисман также выступил с обвинениями против «граждан Аргентины, замешанных в сокрытии обстоятельств этого преступления», и объявил войну разведывательным структурам страны, ее юридической системе и верхним политическим эшелонам. Незадолго до того, как Нисман собирался предъявить документы и аудиозаписи, подтверждающие его столь серьезные обвинения, парламентской комиссии, он был обнаружен застреленным в своей квартире при таинственных обстоятельствах. Интервью с Нисманом, 18 декабря 2007. См.: *Ronen Bergman. Holding Iran Accountable* // *Majalla*, November 24, 2016.

[Вернуться](#)

1064

Интервью с Мизрахи, 22 марта 2015, и Pilot, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

1065

Интервью с Oktoberfest, январь 2013, Pilot, сентябрь 2016, Франсисом, 15 июля 2003, и Eldy, сентябрь 2014.

[Вернуться](#)

1066

Это был Рамзи Нахара, наркоделец, которого в течение многих лет использовало подразделение 504 как часть широкой сети наркоторговцев, помогавших Израилю в сборе информации в обмен на то, что израильтяне закрывали глаза и предоставляли им свободу действий в их бизнесе. Интервью с Равидом, 13 ноября 2012.

[Вернуться](#)

1067

Интервью с Саги, 24 июня 2007, и Аренсом, 25 мая 2009.

[Вернуться](#)

1068

Интервью с Бараком, 7 июня 2011.

[Вернуться](#)

1069

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1070

Группа «Братья-мусульмане» входит в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Деятельность организации запрещена на территории России.

[Вернуться](#)

1071

Aviad. Lexicon of the Hamas Movement. P. 150–154 (иврит).

[Вернуться](#)

1072

Интервью с Aristo, июнь 2013.

[Вернуться](#)

1073

Интервью с Липкином-Шахаком, 26 мая 2011.

[Вернуться](#)

1074

Интервью с Аялоном, 29 марта 2012.

[Вернуться](#)

1075

Интервью с Дискином, 23 октября 2011.

[Вернуться](#)

1076

Интервью с Куби, 8 сентября 2013.

[Вернуться](#)

1077

Lawrence Wright. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. P. 120–30 (иврит).

[Вернуться](#)

1078

Интервью с Aristo, октябрь 2013.

[Вернуться](#)

1079

Roni Shaked and *Aviva Shabi*. Hamas: Palestinian Islamic Fundamentalist Movement. P. 88–97 (иврит).

[Вернуться](#)

1080

Интервью с Куби, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1081

Интервью с Aristo, июнь 2013.

[Вернуться](#)

1082

Bergman. By Any Means Necessary. P. 101 (иврит). Интервью с Мичей Куби 29 мая 2013. *Bergman*. Oops, How Did We Miss the Birth of Hamas? // Yedioth Ahronoth, 18 October 2013.

[Вернуться](#)

1083

Nachman Tal. Suicide Attacks: Israel and Islamic Terrorism // Strategic Assessment, vol. 5, n. 1, June 2002, Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv.

[Вернуться](#)

1084

Shaked and Shabi. Hamas. P. 92–107 (иврит).

[Вернуться](#)

1085

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010, и Куби, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1086

Gelber. Growing a Fleur-de-Lis. P. 104–137.

[Вернуться](#)

1087

Ronen Bergman. The Dubai Job // GQ, January 4, 2011.

[Вернуться](#)

1088

To Israel I Am Stained with Blood // Al Jazeera, February 7, 2010.

[Вернуться](#)

1089

Интервью с Aristo, июнь 2013.

[Вернуться](#)

1090

MOD, Office of the Chief Coordinator for Judea and Samaria, Hamas announcement on the kidnapping to The Soldier, 11 October 1994 (архив автора, получено от источника Bell).

[Вернуться](#)

1091

Интервью с Бен-Цуром, 26 марта 2011.

[Вернуться](#)

1092

Shaked and Shabi. Hamas. P. 11–21.

[Вернуться](#)

1093

Интервью с Ятомом, 7 апреля 2011.

[Вернуться](#)

1094

Supreme Court File 5973/92, Association for Civil Rights in Israel v. Minister of Defense.

[Вернуться](#)

1095

AMAN Research Division, Brief on Saudi Money Funneled to HAMAS, May 6, 2002 (архив автора, получено от источника Chili).

[Вернуться](#)

1096

Интервью с “Leon”, июль 2013. См. также: *Aviad*. Lexicon of the Hamas Movement. P. 199–201 (иврит).

[Вернуться](#)

1097

Globe and Mail (Canada), December 28, 1993.

[Вернуться](#)

1098

Хотя Федеральное бюро расследований получало много информации от Шин Бет, и само собирало значительное количество разведсведений, оно воздерживалось от каких бы то ни было акций до трагедии 11 сентября 2001 года. The FBI, Holy Land Foundation for Relief and Development, International Emergency Economic Powers Act, Dale Watson, Assistant Director, Counterterrorism Division to Richard Newcomb, Director, Office of Foreign Assets Control, Department of the Treasury, November 5, 2001. См. также: *Bergman*. Follow the Money: The Modus Operandi and Mindset of HAMAS Fundraising in the USA and the PA Using American and Saudi Donations, October 2004.

[Вернуться](#)

1099

Интервью с Дихтером, ноябрь 2010.

[Вернуться](#)

1100

Интервью с Эйтаном Хабером 21 июня 2009.

[Вернуться](#)

1101

Goldstein. Rabin: A Biography. P. 415–424 (иврит).

[Вернуться](#)

1102

Интервью с Аялоном 4 сентября 2002.

[Вернуться](#)

1103

Grey File (подготовка к секретным переговорам с Сирией), архив автора, получено от источника Bell. См. также: *Ronen Bergman*. The Secret of the Grey File // Yedioth Ahronoth, 26 January 2007.

[Вернуться](#)

1104

Интервью с Эрезом Герштейном, апрель 1996, и Эхудом Эйраном, 13 мая 2013.

[Вернуться](#)

1105

Интервью с Акль аль-Хашемом, декабрь 1999.

[Вернуться](#)

1106

Tamir. Undeclared War. P. 116.

[Вернуться](#)

1107

Интервью с Моше Тамиром: Yisrael Hayom, 14 May 2010.

[Вернуться](#)

1108

Интервью с Левином, 16 июля 2017.

[Вернуться](#)

1109

Интервью с Роненом Коэном, 5 июля 2015.

[Вернуться](#)

1110

Интервью с Роненом Коэном, 1 сентября 2016.

[Вернуться](#)

1111

Армии обороны Израиля необходимы были новые средства и новые возможности для осуществления политических убийств. Например, бомбы представляли собой существенную проблему. Батарейки детонаторов иногда должны были работать в течение продолжительного времени до совершения подрыва; для этого нужны были радиопередатчики с большим радиусом действия, а сами

взрывные устройства необходимо было тщательно камуфлировать и маскировать. Оперативно-технический отдел АОИ взорвал несколько «мерседесов», самую популярную машину в Ливане, с привязанными внутри манекенами, чтобы установить, какое количество и какой взрывчатки давало наибольший эффект. В ходе одного из важных экспериментов были использованы свиньи, которым вводили наркоз. Известно, что по своему составу кожа и ткани свиней близки к человеческим. Бомбы, которые убивали этих свиней, носили прозвище «хрю-хрю». Интервью с Leo, февраль 2016, и Pie, ноябрь 2011.

[Вернуться](#)

1112

Интервью с Шевесом, 25 августа 2010.

[Вернуться](#)

1113

Интервью с Leo, февраль 2016.

[Вернуться](#)

1114

Kurtz. Islamic Terrorism and Israel. P. 139–148.

[Вернуться](#)

1115

Lara Marlowe. Interview with a Fanatic // Time, February 6, 1995.

[Вернуться](#)

1116

Интервью с Pilot, май 2016.

[Вернуться](#)

1117

Интервью с Гиллоном, 27 января 2016. См. также: *Carmi Gillon*. Shin-Beth Between the Schisms. P. 201 (иврит).

[Вернуться](#)

1118

Интервью с Саги, 6 марта 2012.

[Вернуться](#)

1119

В 1998 году федеральный окружной судья вынес решение о том, что иранское правительство должно выплатить 247,5 миллиона долларов компенсации ущерба семье Флэтоу, и в июне 2014 года банк BNP Paribas обязали выплатить большую компенсацию той же семье за осуществление запрещенных иранских финансовых операций.

[Вернуться](#)

1120

Интервью с Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

1121

Интервью с Diamond, август 2011.

[Вернуться](#)

1122

Интервью с Pilot, май 2016.

[Вернуться](#)

1123

Интервью с Галантом, 19 августа 2011 и Аялоном, 22 июня 2011.

[Вернуться](#)

1124

Интервью с Fred, сентябрь 2015.

[Вернуться](#)

1125

Интервью с Аялоном, 14 марта 2016.

[Вернуться](#)

1126

Интервью с Моше Бен-Давидом, 23 января 2013.

[Вернуться](#)

1127

Интервью с Lego, май 2000.

[Вернуться](#)

1128

Интервью с Pilot, май 2016. См. также: *Bergman*. Secret War with Iran. P. 213–216.

[Вернуться](#)

1129

Интервью с Гиллоном, 27 января 2016.

[Вернуться](#)

1130

Интервью с Ясиром Арафатом, апрель 1995.

[Вернуться](#)

1131

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1132

Интервью с Амитом Форлитом, 4 января 2010.

[Вернуться](#)

1133

Интервью с Ицхаком Иланом, 26 января 2016.

[Вернуться](#)

1134

Интервью с Гиллоном, 27 января 2016.

[Вернуться](#)

1135

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1136

Интервью с Иланом, 5 ноября 2014.

[Вернуться](#)

1137

Интервью с Гиллоном, 27 января 2016.

[Вернуться](#)

1138

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1139

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1140

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1141

Интервью с Иланом, 5 ноября 2014.

[Вернуться](#)

1142

Gillon. Shin-Beth Between the Schisms. P. 267–276.

[Вернуться](#)

1143

Интервью с Лиором Акерманом, 15 октября 2015.

[Вернуться](#)

1144

The Phone Rang, Yihyeh Ayyash Answered, and the Instrument Blew Up
// Haaretz, 7 January 1996.

[Вернуться](#)

1145

Интервью с Раджубом, 3 мая 2010.

[Вернуться](#)

1146

Интервью с Дискином, 15 октября 2011.

[Вернуться](#)

1147

Интервью с Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

1148

Интервью с Пересом, 17 сентября 2012.

[Вернуться](#)

1149

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1150

Ronen Bergman. For Israel, Frightening New Truths // The New York Times, 7 January, 2017.

[Вернуться](#)

1151

Интервью с Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

1152

Интервью с Ясси Купервассером, 21 мая 2004.

[Вернуться](#)

1153

Интервью с Disco, август 1997.

[Вернуться](#)

1154

Интервью с Ятомом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

1155

Интервью с Бен-Давидом, 23 января 2013.

[Вернуться](#)

1156

Интервью с Биньямином Нетаньяху, 3 июля 2007.

[Вернуться](#)

1157

Интервью с Бен-Давидом, 6 мая 2002.

[Вернуться](#)

1158

Интервью с Шапира, 27 октября 2013.

[Вернуться](#)

1159

Интервью с Бен-Давидом, 15 января 2013. Request for the Extradition of Abu Marzook, Israeli Ministry of Justice, U. S. District Court for the Southern District of New York – 924 F. Supp. 565 (S.D.N.Y. 1996) (архив автора, получено от источника Mocha).

[Вернуться](#)

1160

Интервью с Lego, май 2000.

[Вернуться](#)

1161

Когда я рассказал Нетаньяху о том, что слышал от оперативников «Моссада», премьер-министр ответил, что никто им не манипулировал и он сам принял решение о включении Машаля в список целей для ликвидации. «Я чувствовал, что характер Машаля представлял для нас серьезные проблемы и он был очень опасен. Уже тогда мы видели в нем неумное желание убивать нас. Оглядываясь назад и вспоминая о том, что он делал и как он стал «мотором» ХАМАС, я понимаю, что был прав, когда думал, что его исчезновение с лица Земли серьезно ослабит боевые возможности ХАМАС». Интервью с Нетаньяху, 3 июля 2007.

[Вернуться](#)

1162

Фентанил и некоторые его производные входят в Список II Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. Ряд его производных внесены в Список I наркотических средств, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

[Вернуться](#)

1163

Интервью с Pilot, май 2016.

[Вернуться](#)

1164

Doron Meiri. The Terrorist Entered the Street Dressed as a Drag Queen // Yedioth Ahronoth, 7 September, 1997.

[Вернуться](#)

1165

Интервью с Ятомом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

1166

Это произошло потому, что в тот момент у отдела документации «Моссада» не было других, более подходящих паспортов для группы оперативников. В прежние времена такая ситуация вызвала бы отсрочку операции до того времени, пока не было бы найдено решение.

[Вернуться](#)

1167

Интервью с Pilot, май 2016.

[Вернуться](#)

1168

Интервью с Мордехаем, 28 августа 2015.

[Вернуться](#)

1169

Интервью с Ятомом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

1170

Интервью с Нетаньяху, 3 июля 2007.

[Вернуться](#)

1171

Запрос на комментарии, адресованный «доктору Платине», вызвал следующую ее реакцию: «Привет, Ронен! Для меня было бы честью поговорить с вами, но я не понимаю, как я связана с этим делом и чем могу вам помочь. Платина». Попытки организовать с ней телефонный разговор не увенчались успехом. Переписка. Ронен Бергман «доктору Платине», 25 декабря 2013 и ее ответ, 26 декабря 2013.

[Вернуться](#)

1172

Интервью с Бен-Давидом, 23 января 2013.

[Вернуться](#)

1173

Когда я сказал Ятому, что, по заявлениям оперативников, они не видели девочку и водителя и что Джерри не мог предупредить их, он ответил с презрением: «Это все ерунда. Им просто очень хотелось убить его после стольких дней неудач. Поэтому они решили действовать в полном противоречии с моими приказами».

[Вернуться](#)

1174

В противовес этому свидетельству, сотрудники разведывательных служб ХАМАС и Иордании, с которыми я встречался в Аммане, утверждали, что Абу Сейф был телохранителем Машаля, а не случайным прохожим. Если это так, провал команды «Кидона» представляется гораздо более серьезным, потому что оперативники даже не знали о существовании этого человека, не говоря уж о наличии у него специальной подготовки, и поэтому не могли предвидеть того, что произошло.

[Вернуться](#)

1175

Интервью с Саадом аль-Хатибом, декабрь 2013.

[Вернуться](#)

1176

Между версиями произошедшего, выдвигаемыми аль-Хатибом и двумя оперативниками, существуют значительные расхождения. Однако то, чем все это закончилось, не является предметом спора.

[Вернуться](#)

1177

Интервью с Беном-Давидом, 23 января 2013.

[Вернуться](#)

1178

Интервью с Ятомом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

1179

Интервью с Сами Рабаба, декабрь 2013.

[Вернуться](#)

1180

Интервью с Pilot, май 2016, и Ятомом, 7 июля 2013.

[Вернуться](#)

1181

Интервью с Бен-Давидом, 15 января 2013.

[Вернуться](#)

1182

Интервью с Рабаба, декабрь 2013. Переписка с Рабаба, декабрь 2013.

[Вернуться](#)

1183

Как была спасена жизнь Машаля? Иорданские врачи утверждают, что сделали это самостоятельно без всяких инъекций антидота. «Когда были готовы результаты химического анализа того вещества, которое имелось у прибывшего израильского врача, – говорил Рабаба, – мы увидели, что это именно тот препарат, который мы ввели пациенту. Формула самого яда была получена уже после того, как Машаль окончательно поправился». Израильтяне оспаривают эти утверждения, называя их пустым хвастовством, потому что было нереально, чтобы их секретный токсин был разгадан иорданскими медиками, и только благодаря тому, что «Моссад» дал Машалю антидот, равно как и раскрыл формулы самого антидота и токсина, жизнь Машаля была спасена. Интервью с Бен-Давидом, 15 января 2013, Ятомом, 7 апреля 2011, Jeffery, ноябрь 2013, и Рабаба, декабрь 2013.

[Вернуться](#)

1184

Галеви отказался давать интервью для этой книги. Однако 13 июля 2011 года на встрече с министром обороны Германии в присутствии генерала Амоса Гилада и автора он откровенно рассказывал об инциденте с Машалем. Он превозносил (и справедливо) собственный вклад в разрешение этого дела и несколько раз упомянул, что Гилад, который в то время являлся начальником управления разведанализа АМАН, был категорически против освобождения шейха Ясина. При этом Галеви любезно сказал Гиладу: «Это была небольшая ошибка в

вашей карьере». См. также: *Halevy. Man in the Shadows*. P. 132–142 (иврит).

[Вернуться](#)

1185

Интервью с Куби 8 сентября 2013.

[Вернуться](#)

1186

Halevy. Man in the Shadows. P. 138–140 (иврит).

[Вернуться](#)

1187

Интервью с Иорамом Бен Зеевом, 17 апреля 2012.

[Вернуться](#)

1188

Интервью с Иосифом Цехановером, 28 апреля 2017 и *Pilot*, май 2016. Цехановер приходит к заключению, что в целом Нетаньяху действовал разумно и правильно.

[Вернуться](#)

1189

Интервью с Мордехаем, 28 августа 2015, и Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

1190

Интервью с Яалоном, 4 сентября 2002.

[Вернуться](#)

1191

Интервью с Pilot, май 2016.

[Вернуться](#)

1192

Рами Михаела, отвечавший за разведку в ходе операции флотилии 13 «Тополиная песня», утверждает, что не помнит о каком-либо противодействии нанесению удара по цели операции со стороны командования Северным военным округом. В любом случае все соглашаются с тем, что командование операцией было перенесено из Северного округа в Генеральный штаб Армии обороны Израиля. Интервью с Роне-ном Козном, 18 февраля 2016, и Рами Михаела, 15 марта 2016.

[Вернуться](#)

1193

Интервью с Михаела, 15 марта 2016, Галантом, 4 сентября 2014, Шаем Брошем, май 2013, и Ореном Маором, январь 2013.

[Вернуться](#)

1194

Bergman. By Any Means Necessary. P. 428 (иврит).

[Вернуться](#)

1195

Разведчики, имевшие отношение к операции, начиная от Михаела и начальника разведки ВМФ Израиля Броша и заканчивая начальником Генерального штаба Ялоном, в один голос утверждают, что причиной трагедии стала не утечка информации, а проблемы со взрывчаткой и что по отряду никто не стрелял, все бойцы погибли от взрывов. Интервью с Брошем, май 2013, Михаела, 15 марта 2016, Галантом, 4 сентября 2014, Мордехаем, 28 августа 2015, и Липкином-Шахаком, 3 апреля 2012.

[Вернуться](#)

1196

The Four Mothers Are Four Dishrags, Nana 10 website, February 16, 2000.

[Вернуться](#)

1197

Три оперативника, которых швейцарская полиция нашла в цокольном этаже дома, прикинулись гомосексуалами. Они были

схвачены буквально без штанов. Полиция поверила им, пока один из них не заявил, что инструменты и провода, находившиеся у него, были «дипломатическим багажом».

[Вернуться](#)

1198

Речь директора Шин Бет Ави Дихтера на конференции в Герцлии, 16 декабря 2003.

[Вернуться](#)

1199

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1200

Интервью с Аялоном, 21 января 2013.

[Вернуться](#)

1201

Одним из отцов технологической революции в Шин Бет был родившийся в Иерусалиме Гади Гольдштейн. В то время он углубленно изучал различные философские концепции и религиозные течения от иудаизма до дальневосточных учений. В середине 1990-х годов, и особенно в атмосфере маскулинной мужественности, которая царила в Шин Бет, занятия Гольдштейна представлялись по меньшей мере странными. Новую концепцию оперативной деятельности Гольдштейн сформулировал, опираясь на высказывания библейского Моисея и на философию дзен-буддизма. Он особенно выделял концепцию *anatta*, или «не-Я», согласно которой собственное «Я» каждого из нас не существует отдельно и не определяется самим собой. Дзен-буддизм учит, что наше «Я» находится в постоянном

диалоге со всем окружающим нас, воздействуя на это окружение и подвергаясь его влиянию. Таким образом, никакой индивидуум, никакое животное и никакой объект не может существовать сам по себе; все существует только в качестве части более широкого мира, который это все и определяет. «Представим себе, что в одном доме живет десять человек, – говорил Гольдштейн в ходе одной из дискуссий в то время, когда новая система только разрабатывалась, – и мы, Шин Бет, хотим узнать, замышляют ли они что-то и что именно. У нас есть x количество энергии для расследования ситуации в этом доме. Мы должны направить эту энергию на вскрытие того, что происходит между этими людьми, синергии, которая между ними существует, “дистанции”, на которую распространяется влияние каждого жителя на других и других жителей на него». В ходе дискуссии Гольдштейн цитировал книгу Роберта Пирцига «Дзен и искусство ремонта мотоциклов» (Zen and the Art of Motorcycle Maintenance), в которой превозносится и почти что освящается концепция «не-Я». Один из участников дискуссии со смехом предложил назвать новую доктрину разведывательной работы Гольдштейна «Дзен и искусство убийства» (Zen and the Art of Assassination). Интервью с Гади Гольдштейном, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

1202

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1203

Подробности о Шарифе сообщены мне источником Twins, март 2016.

[Вернуться](#)

1204

По данным Шин Бет, братья имели отношение к ряду террористических атак, в которых погибли десятки и были ранены сотни израильтян. В число этих терактов входило и нападение на Café Arporos в Тель-Авиве 21 марта 1997 года, когда погибло 3 и было ранено 47 человек, две акции террористов-смертников 30 июля (15 человек погибли и 170 были ранены) и 4 сентября (5 погибших и 169 раненых). Они принимали участие в организации террористических нападений в Хевроне и Иерусалиме, где погибли 7 израильтян, а также в похищении и убийстве солдата Шарона Эдри 9 сентября 1996. Elimination of the Awadallah Brothers and Deciphering the Archive of the Military Arm of Hamas in Judea and Samaria, March 2014 (архив автора, получено от источника Twins).

[Вернуться](#)

1205

Интервью с Аялоном, 21 января 2013.

[Вернуться](#)

1206

Дискин ввел в Шин Бет новую оперативную концепцию: большинству террористических актов, особенно атакам подрывников-смертников, предшествует ряд специфических действий террористических организаций, которые в значительной мере повторяются из теракта в теракт. Дискин утверждал, что эти действия оставляют за собой след как в цифровой сфере (коммуникации), так и в физическом мире. Если определить и идентифицировать их, будущие террористические акции можно предотвращать на ранних стадиях. Разработанная Дискином система спасла жизни многих израильтян в последующие десятилетия.

[Вернуться](#)

1207

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1208

Интервью с Amazonas, октябрь 2011.

[Вернуться](#)

1209

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011, и Аялоном, 22 июня 2011.

[Вернуться](#)

1210

Интервью с Аялоном, 21 января 2013.

[Вернуться](#)

1211

Elimination of the Awadallah Brothers. P. 2.

[Вернуться](#)

1212

Интервью с Аялоном, 21 января 2013.

[Вернуться](#)

1213

Elimination of the Awadallah Brothers. P. 3.

[Вернуться](#)

1214

Интервью с Ялоном, 16 августа 2017.

[Вернуться](#)

1215

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1216

Убийство Батата, с точки зрения дисциплины, существовавшей в «Вишне», имело неприятные последствия. Тела Батата и Надера Масалма были доставлены в штаб подразделения, где участвовавшие в операции солдаты начали с ними позировать. «Скоро эти фотографии стали очень популярными, – вспоминал солдат Алон Кастиель. – В подразделении имелось немало фотокамер, и возникла фантастическая сутолока с этими фото. Все продолжалась где-то в течение двух часов. Я не сказал ни слова. Никто не думал о принципах морали. Это были трупы, а не живые люди. Твой офицер позирует с ними, и ты, конечно, не упрекнешь своего офицера... Ты смотришь на эти фотографии, а потом прячешь их в самый дальний угол своего дома, чтобы годами больше их не видеть. Все мне было противно. И я не знаю, что именно – эти мертвые тела или мое поведение. Обычно раз в год я смотрел на пакет с этими фотографиями, но никогда не раскрывал его. В конечном счете они были похоронены в углу какого-то шкафа или ящика». Официальный представитель Армии обороны Израиля заявил, что армия провела тщательное расследование и подвергла уголовному наказанию виновных в нарушении дисциплины. Интервью с Алоном Кастиелем, 29 мая 2016. См. также: *Gideon Levi. A Nightmare Reunion Photo* // Haaretz, December 25, 2004.

[Вернуться](#)

1217

Интервью с Ялоном, 16 августа 2011.

[Вернуться](#)

1218

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1219

Интервью с Дискином, 28 июня 2017.

[Вернуться](#)

1220

Заявление премьер-министра, протокол заседания кнессета (№ 59),
13 декабря 1999.

[Вернуться](#)

1221

*Gilboa. Morning Twilight. P. 25–28 (иврит); Ronen Bergman. AMAN
Chief to PM Barak // Yedioth Ahronoth, 12 February 2016.*

[Вернуться](#)

1222

Сидевший на радиоперехвате в подразделении 8200 специалист по фамилии Мор, который свободно говорил по-арабски, был способен на экспертном уровне различать голос Мугние. С учетом уважения к способностям, опыту и увлеченности Мора своим делом, кодовое

наименование Мугние в те годы походило на его фамилию – «Морис». Тем не менее казалось, что на многие годы Имад Мугние как будто бы провалился сквозь землю. Подразделению 8200 никак не удавалось обнаружить его след в общей массе коммуникационного трафика «Хезболлы». И вот 21 мая 2000 года Мор, находившийся на базе подразделения в Гризиме на севере Израиля, опознал голос Мугние, вслушиваясь в переговоры лидеров «Хезболлы» во время поездки, которую они совершали вдоль границы зоны безопасности Израиля в Ливане, возможно готовясь к ожидавшемуся тогда уходу Израиля. «Это он! Я уверен! Это он! Это говорит “Морис”!» – радостно воскликнул Мор. Основываясь на результатах наблюдения и местонахождения источника переговоров, АМАН и ВВС начали спешно готовить операцию по уничтожению Мугние. Основные положения совещания 22 мая, записанные от руки помощником премьер-министра по военным вопросам генералом Моше Каплинским, показаны автору источником Ben, апрель 2014.

[Вернуться](#)

1223

Речь Насраллы, Bint Jebail, 26 мая 2000.

[Вернуться](#)

1224

Интервью с Бараком, 2 апреля 2014.

[Вернуться](#)

1225

Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1226

Цит. по: Фукидид. История / Изд. подг. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л.: Наука, 1981.

[Вернуться](#)

1227

Интервью с Раджубом, 3 мая 2010.

[Вернуться](#)

1228

Интервью с Маргалитом, 17 ноября 2016.

[Вернуться](#)

1229

Landau. Arik. P. 263 (иврит).

[Вернуться](#)

1230

Члены американской делегации, в частности Роберт Малли в своей книге «Кэмп-Дэвид: Трагедия ошибок» (Camp David: The Tragedy of Errors), осуждали Барака за его снисходительное и манерное поведение. Большую часть переговоров Барак проводил через Иосси Гиноссара, который являл собой секретный канал связи с Арафатом, а позже стал его деловым партнером. См. также: *Uzrad Lew. Inside Arafat's Pocket. P. 163* (иврит). Интервью с Бараком, 26 августа 2015, и Мерхавом, 20 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1231

Интервью с Итамаром Рабиновичем, июль 2013.

[Вернуться](#)

1232

Landau. Arik. P. 262–265 (иврит).

[Вернуться](#)

1233

Интервью с Hendrix, август 2013.

[Вернуться](#)

1234

Интервью с Александром Панتيком, ноябрь 2003, и Гиллоном, 27 января 2016. См. также: *Gillon. Shin-Beth Between the Schisms. P. 100–136 (иврит).* Документы полицейского расследования «еврейского подполья», которое замышляло взорвать мечети на Храмовой горе. Находятся в архиве автора, получены от источника Bell.

[Вернуться](#)

1235

Landau. Arik. P. 269 (иврит); Anat Roeh and Ali Waked. Sharon Visits the Temple Mount: Riots and Injuries // Ynet, September 28, 2000.

[Вернуться](#)

1236

Интервью с Ахмедом Тиби, 23 августа 2002, и Тирави, июнь 2002. См.: *Bergman. Authority Granted. P. 106–110 (иврит).*

[Вернуться](#)

1237

Интервью с Аароном Зееви-Фаркашем, 10 апреля 2013, Мофазом, 14 июня 2011, Ялоном, 16 августа 2011, Даном Халуцем, 5 июля 2011, Дихтером, 4 ноября 2010, Дискином, 18 октября 2011, Бен-Исраэлем, 5 июня 2011, Гиорой Эйландом, 5 июня 2011, Аялоном, 22 июня 2011, Гиладом, 25 июня 2012, и Купервассером, январь 2011.

[Вернуться](#)

1238

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1239

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1240

Amos Harel and Avi Issacharoff. The Seventh War. P. 37–39 (иврит); Mark Seager. I'll Have Nightmares for the Rest of My Life // Daily Telegraph, October 15, 2000, <http://www.jr.co.il/articles/politics/lynch.txt>

[Вернуться](#)

1241

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1242

Figures from the human rights NGO B'Tselem, <http://www.btselem.org/hebrew/statistics/fatalities/before-cast-lead/by-date-of-event>

[Вернуться](#)

1243

Gad Barzilai. Wars, Internal Conflicts, and Political Order: A Jewish Democracy in the Middle East, SUNY series in Israeli Studies, 1996. P. 148. См. также: *Michael Karpin*. Imperfect Compromise: A New Consensus Among Israelis and Palestinians. P. 94.

[Вернуться](#)

1244

Landau. Arik. P. 171–175, 207–211 (иврит).

[Вернуться](#)

1245

Интервью с Шаломом Тургеманом, 28 июня 2011, Ассафом Шарифом, 28 января 2007, Данни Аялоном, 22 июня 2011, и Вейсглассом, 11 июня 2012.

[Вернуться](#)

1246

Интервью с Галантом, 1 июня 2011. Шарон поначалу пытался (или, во всяком случае, старался создать впечатление, что пытается) наладить диалог с Арафатом. В апреле 2001 года он послал своего сына Омри на секретную встречу с Арафатом в Рамалле, однако она очень быстро закончилась. «Было ясно, что отношения между двумя этими политиками (Шароном и Арафатом) могут вести только к взрыву», – сказал тогда один из участников встречи. Интервью с Date Palm, август 2017.

[Вернуться](#)

1247

Интервью с Галантом, 1 июня 2011, и Вейсгласом, 11 июня 2012.

[Вернуться](#)

1248

Интервью с Дискином, 1 июня 2017.

[Вернуться](#)

1249

Интервью со Шломо Коэном, 28 марта 2012.

[Вернуться](#)

1250

Shuli Zuaretz and Sharon Rofeh. Haifa: 14 of 15 Dead in Attack Are Identified // Ynet, December 2, 2001.

[Вернуться](#)

1251

Special Committee for Examining the Targeted Killing of Salah Shehadeh, 21 February 2011 (архив автора, получено от источника Ellis).

[Вернуться](#)

1252

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1253

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1254

Интервью с Бен-Исраэлем, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1255

Интервью с Эйландом, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1256

«Он убивает нас», – сказал Ури Гальперин, один из руководителей отделения АМАН на севере Западного берега. Интервью с Ури Гальперином 27 мая 2014.

[Вернуться](#)

1257

Anat Waschler. The Drone Pilots' War // Air Force Journal, December 1, 2000.

[Вернуться](#)

1258

Интервью с Matan, июнь 2012.

[Вернуться](#)

1259

Ali Wakad. The Funeral of Abu Ali Mustafa Is Held in Ramallah // Ynet, August 28, 2001.

[Вернуться](#)

1260

Бен-Цур, рассказывая мне о той встрече в 2010 году, поставил условие, чтобы название банка не упоминалось.

[Вернуться](#)

1261

Анализ разрушительного эффекта, который «интифада террористов-смертников» оказала на экономику Израиля и Палестинской национальной администрации, можно найти в работах: *Ben-Yisrael. Facing Suicide Terrorists: The Israeli Case Study; Golan and Shay. A Ticking Bomb*. P. 19–21.

[Вернуться](#)

1262

Интервью с Хассоном, 17 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1263

Шин Бет также предложила еще две специальные меры, которые кабинет одобрил лишь позже: ограниченное внедрение на территорию Палестинской национальной администрации для проведения арестов (операция «Оборонительный щит») и строительство разделительной стены (стены на Западном берегу) между Израилем и палестинскими территориями. Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1264

В интервью с Давидом Ландау, который являлся в тот период министром обороны, Биньямин Бен-Элиэзер вспомнил такое же высказывание Шарона, когда он приказал Армии обороны и Шин Бет «убить этих собак», что, по словам Элиэзера, было самым мягким из возможных выражений его требования. См. также: *Landau. Arik*. P. 291 (иврит).

[Вернуться](#)

1265

Интервью с Бен-Исраэлем, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1266

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1267

Интервью с Иланом, 5 ноября 2014.

[Вернуться](#)

1268

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1269

Интервью с Бен-Исраэлем, 5 июня 2011. См. также: *Ben-Yisrael. Facing Suicide Terrorists*. P. 25–26.

[Вернуться](#)

1270

Интервью с Иланом, 5 ноября 2014.

[Вернуться](#)

1271

Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1272

Наиболее продвинутым из этих летательных аппаратов был беспилотник Hermes 450 (неофициально известный как Zik («искра» на иврите), производившийся компанией Elbit Systems Ltd., базировавшейся в Хайфе, и компанией Heron and Heron TP, принадлежавшей Israel Aircraft Industries.

[Вернуться](#)

1273

Интервью с Уэсли Кларком, 23 января 2012 (благодарю Эйтана Стиббе за помощь в организации интервью).

[Вернуться](#)

1274

Интервью с Галантом, 4 сентября 2014.

[Вернуться](#)

1275

Precisely Wrong: Gaza Civilians Killed by Israeli Drone-Launched Missiles, Human Rights Watch, June 2009.

[Вернуться](#)

1276

Интервью с Галантом, 4 сентября 2014, Дихтером, 4 ноября 2010, и Фаркашем, 7 ноября 2016.

[Вернуться](#)

1277

Интервью с Fidel, апрель 2014.

[Вернуться](#)

1278

Ицхак Илан, лекция в институте международных исследований в Герцлии, май 2013.

[Вернуться](#)

1279

Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1280

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1281

Shin Bet, Preventive Strike Procedure, par. 1, 3 January 2008 (архив автора, получено от источника Ellis).

[Вернуться](#)

1282

State of Israel, Special Committee for Examining the Targeted Killing of Salah Shehadeh. P. 26.

[Вернуться](#)

1283

Интервью с Leila, март 2013, и Amazonas, октябрь 2011.

[Вернуться](#)

1284

Интервью с Amazonas, июнь 2017.

[Вернуться](#)

1285

Figures from the human rights NGO B'Tselem, <http://www.btselem.org/hebrew/statistics/fatalities/before-cast-lead/by-date-of-event>

[Вернуться](#)

1286

Интервью с Купервассером, 24 декабря 2014.

[Вернуться](#)

1287

Интервью с Вейсгласом, 11 июня 2012.

[Вернуться](#)

1288

Интервью с Pixie, август 2016.

[Вернуться](#)

1289

После первой волны политических убийств (до трагедии 11 сентября 2001 года) Шарону начали поступать жалобы от Соединенных Штатов. Он решил отправить Дихтера в Вашингтон, чтобы тот встретился с руководством американских спецслужб и объяснил им, как кампания «целевых» убийств спасает жизни израильтян. Дихтер попросил помощников перевести свою презентацию в PowerPoint на английский. Как и большинство израильтян, эти помощники были уверены, что их оценки по английскому языку в средней школе вполне позволяли им справиться с этой работой. Они постоянно повторяли словосочетание «целевое предотвращение» (focused prevention), что, как Дихтер понял позднее, звучит скорее «из темы про презервативы, чем из темы о ликвидации террористов». Дихтер встретился со своим коллегами в Пентагоне и с жаром начал рассказывать им о «целевых предотвращении», старательно избегая более точных терминов. Однако вскоре его наметанный глаз заметил, что, «судя по всему, они не имели ни малейшего представления о том, о чем я им говорил». В конечном счете, по словам Дихтера, директор ЦРУ Джордж Тенет поднял руку и сказал: «Наконец-то я понял вас, Дихтер. Вы имеете в виду “целевые” убийства». «Тогда я понял, – рассказывал Дихтер, – что было уже достаточно моих “чистеньких” эвфемизмов и можно было открыто говорить просто “убийства”». Интервью с Дихтером 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1290

Интервью с Фаркашем, 14 марта 2011.

[Вернуться](#)

1291

Интервью с Аялоном, 14 марта 2016.

[Вернуться](#)

1292

Интервью с Иланом, 26 января 2016. См.: *Harel and Issacharoff. Seventh War*. P. 181–188 (иврит).

[Вернуться](#)

1293

Дихтер и его люди категорически отрицают обвинения Аялона и утверждают, что Арафат и уж конечно Карми не имели ни малейшего намерения прекращать борьбу. Ицхак Илан, который руководил операцией по ликвидации Карми, говорил: «Утверждение о том, что организация Tanzim начала осуществление атак террористов-смертников только после уничтожения Карми, является откровенной ложью. Еще до своей смерти он направлял две группы смертников с заданиями, но у них просто ничего не получилось. Одного из них мы обнаружили, а второй по пути к месту совершения теракта зажег сигарету, произошел взрыв, и его разорвало на куски. Карми был в процессе организации третьего теракта, когда мы убили его». Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010, и Иланом, 26 января 2016.

[Вернуться](#)

1294

Интервью с Аялоном, 14 марта 2016.

[Вернуться](#)

1295

Цит. по: Душенко К. В., Багриновский Г. Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений / К. Душенко, Г. Багриновский; под науч. ред. Д. О. Торшилова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017.

[Вернуться](#)

1296

Интервью с Менахемом Финкельштейном, 18 июля 2012. Среди упоминающихся молодых офицеров был Рой Шейндорф, нью-йоркский адвокат, который стал одним из самых молодых заместителей генерального прокурора, в чью компетенцию входила борьба Израиля по недопущению уголовного преследования его официальных лиц в иностранных судах и трибуналах в связи с их вовлеченностью в политические и «целевые» убийства.

[Вернуться](#)

1297

IDF Advocate General, Striking Against Persons Directly Involved in Attacking Israelis in the Framework of Events in the Warfare in Judea and Samaria and the Gaza District, 18 January 2001 (архив автора, получено от источника Ellis).

[Вернуться](#)

1298

Ibid. P. 1. Par. 1.

[Вернуться](#)

1299

Интервью с Финкельштейном, 18 июля 2012.

[Вернуться](#)

1300

IDF Advocate General, Striking Against Persons Directly Involved in Attacking Israelis in the Framework of Events in the Warfare in Judea and Samaria and the Gaza District, 18 January 2001. P. 8.

[Вернуться](#)

1301

Председатель Верховного суда Аарон Барак написал подробное постановление суда по вопросу о политических убийствах. В этом шедевре юриспруденции Верховный суд постановил, что такие убийства в принципе законны, если они соответствуют ряду условий, таких же, как и заявленные в позиции генерального прокурора. Многие положения из этого судебного постановления были позаимствованы юристами американских разведывательных структур, и сегодня составляют основу концепции, разрешающей «целевые» убийства. Интервью с Дискином, 18 октября 2011. Supreme Court 769/02, Public Committee Against Torture v. State of Israel and Others, December 14, 2006. Comprehensive analysis of judgment in Scharia, Judicial Review of National Security. P. 58–66. Интервью с Дискином, 23 октября 2011.

[Вернуться](#)

1302

Интервью с Вейсгласом, 11 июня 2012. 26 мая 2002 года министр иностранных дел Канады Билл Грэм посетил премьера Шарона в его офисе, чтобы убедить израильского руководителя прекратить

политические убийства. «Это незаконные акты», – настаивал канадский министр. В разгар жаркой дискуссии помощник премьера по военным вопросам Галант подал ему записку. Шарон прочитал ее про себя, а потом вслух, переводя на английский, чтобы канадец понял ее содержание. Согласно полученным Шин Бет сведениям, боевик ХАМАС только что выехал из Дженина (город в Палестинской автономии) в Израиль с рюкзаком, в котором находилось 9 килограммов взрывчатки, начиненной болтами, гвоздями и шурупами. Шин Бет и Военно-воздушные силы запрашивали разрешение на уничтожение террориста. «Господин министр, – спросил Шарон с легкой усмешкой, – скажите мне, что бы вы сделали на моем месте? Дать санкцию на операцию? Но вы сказали, что они незаконны. Не давать санкцию? И иметь на своих руках кровь жертв, за которую отвечать мне. И которая будет мучить меня по ночам кошмарами?»

[Вернуться](#)

1303

Интервью с Ариэлем Шароном, май 2002.

[Вернуться](#)

1304

Michael Abramowitz. Bush Recalls 1998 Trip to Israel // Washington Post, January 10, 2008.

[Вернуться](#)

1305

Интервью с Тургеманом, 28 июня 2011.

[Вернуться](#)

1306

Для того чтобы улучшить координацию между странами, заместитель помощника президента США Эллиотт Абрамс распорядился, чтобы была установлена зашифрованная телефонная линия между Белым домом и офисом премьера Шарона. «Наша цель, – говорил Дани Аялон, тогда посол Израиля в США, – состоит в уверенности, что когда президент будет просыпаться по утрам, у него в ежедневной оперативной сводке будет та же разведывательная картина, какая есть у Израиля». Интервью с Вейсгласом, 11 июня 2012, и Аялоном, 9 октября 2012.

[Вернуться](#)

1307

Во время визита в Париж 5 июля 2001 года Шарон пытался убедить президента Жака Ширака изменить подход к «целевым» убийствам. Он заставил руководителя Шин Бет Дискина описать операцию, которая имела место три дня назад, когда вертолет израильских ВВС выпустил четыре ракеты, убив трех боевиков ХАМАС, в том числе Мухаммада Бишарата, участвовавшего в организации серии терактов. Дискин подробно осветил историю участия Бишарата в акциях смертников и рассказал о запросах, сделанных израильтянами в адрес Палестинской национальной администрации и оставшихся без ответа. Ширак несколько мгновений молчал. Затем откашлялся и сказал: «Должен признать, что на расстоянии 4000 километров многие вещи выглядят несколько по-другому». С того дня Франция уредила критику в адрес Израиля по этому вопросу, хотя и не прекратила ее совсем. Отношение к Израилю Николя Саркози, который сменил Ширака, было гораздо более позитивным, чем у его предшественника, и толерантным по отношению к «целевым» убийствам. Интервью с Дискином, 1 июня 2017, и Николя Саркози, 7 ноября 2012.

[Вернуться](#)

1308

Интервью с Эйландом, 5 июня 2011. Американская позиция по «целевым» убийствам изменилась полностью. Когда я спросил

бывшего руководителя Министерства внутренней безопасности Майкла Чертоффа, что он думает о «целевых» убийствах, он ответил: «Я думаю, они значительно лучше нецелевых убийств». Интервью с Майклом Чертоффом, 27 мая 2017.

[Вернуться](#)

1309

Наблюдение Израйля за ХАМАС, «Палестинским исламским джихадом» и «Хезболлой» привело израильтян, помимо других мест, в Судан, которым в 1990-х годах управлял Хасан аль-Тураби, исламский священник-экстремист, получивший образование в Англии и имевший хорошие манеры. Хартум стал Меккой для различных террористических организаций и другом тех государств, которые помогали им, например Ирана. В октябре 1993 года Имад Мугние прибыл в Хартум для того, чтобы встретиться с двумя видными лидерами, которые нашли там убежище. Одним из них был Айман аль-Завахири, руководитель «Египетского исламского джихада», принимавший участие в покушении на президента Египта Анвара Садата в 1981 году. Другим Усама бен Ладен, который оставил свой строительный бизнес во имя священной войны ислама. 7 июля 1995 года группа террористов попыталась убить президента Хосни Мубарака, союзника Израйля, напав на его кортеж между Аддис-Абебой и аэропортом. Мубарак чудом остался жив. Благодаря активной работе в Судане, израильтяне выяснили, что эту группу террористов послали Айман аль-Завахири и Усама бен Ладен. Израильская разведка была первой, кто подобрался к угрозе, которую теперь называют «всемирный джихад». В «Моссаде» был создан специальный отдел, который занялся этим явлением. В «Моссаде» планировали комплексную операцию по ликвидации Бен Ладена, а Рабин подписал на него «красный лист». Удалось завербовать секретаря Бен Ладена, было организовано активное сотрудничество умеренных суннитских государств в работе по объекту, и собрана предварительная разведывательная информация по нему. Однако перед последним шагом, которым должно было послужить отравление Бен Ладена его секретарем, упомянутые умеренные исламские государства

заморозили отношения с Израилем из-за тупика в мирных переговорах с палестинцами, и операция прекратила свое развитие. Интервью с Joseph, январь 2015, Эхудом Ольмертом, август 2011, Даном Меридором, 30 августа 2006, Натаном Адамсом, 21 августа 1996, и Фаркашем, 14 марта. См. также: *Bergman. Secret War with Iran*. P. 217–223.

[Вернуться](#)

1310

Данни Аялон, являвшийся тогда послом Израиля в США, вспоминает об одной из первых встреч между американцами и израильтянами после 11 сентября 2001 года, когда он сопровождал делегацию руководства ВВС Израиля во время их визита к министру обороны Дональду Рамсфельду и его заместителю Полу Волфовицу. Рамсфельд начал со слов: «Мы нуждаемся в вашей помощи. Мы хотим знать, как вы превращаете разведывательную информацию в ракеты, которые попадают по террористам». Интервью с Дискином, 1 июня 2017, Полом Волфовицем (благодарю Марка Герсона за помощь в организации интервью), и Данни Аялоном, 24 августа 2017.

[Вернуться](#)

1311

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1312

Israel Defense Forces, indictment, Military Prosecutor v. Salah Mustafa Mahmud Shehadeh, 11524/89 (архив автора, получено от источника Twins).

[Вернуться](#)

1313

Shin Bet, Condensed Summary on Salah Shehadeh, 25 June 2001 (архив автора, получено от источника Ellis).

[Вернуться](#)

1314

Интервью с Goldi, январь 2010.

[Вернуться](#)

1315

Shin Bet, Salah Shehadeh – Military Head of Hamas in the Gaza Strip, 23 November 2003 (показано автору источником Ellis).

[Вернуться](#)

1316

Special Committee for Examining the Targeted Killing of Salah Shehadeh, Testimony of A.L. P. 45.

[Вернуться](#)

1317

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1318

Интервью с Даниелем Рейснером, 6 июля 2011.

[Вернуться](#)

1319

Другую половину своего рассказа Рейснер сопровождал улыбкой. «С другой стороны, мы тоже женимся на женщинах и знаем, что собой представляют жены. С женщинами было легче получить разрешение на открытие огня». Интервью с Рейснером, 6 июля 2011.

[Вернуться](#)

1320

State of Israel, Special Committee for Examining the Targeted Killing of Salah Shehadeh. P. 67.

[Вернуться](#)

1321

Minister of Defense, Sorties and Operations Discussion, 17 July 2002 (показано автору источником Ellis).

[Вернуться](#)

1322

Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1323

Shin Bet, Deputy Head of Service, Flag Bearer, appendix, Framing/Activation, 19 July 2002 (показано автору источником Ellis).

[Вернуться](#)

1324

Интервью с Фаркашем, 14 марта 2011.

[Вернуться](#)

1325

Shin Bet, The Flag Bearer – Head of Service’s Orders Regarding His Framing, 21 July 2002 (показано автору источником Ellis).

[Вернуться](#)

1326

State of Israel, Special Committee for Examining the Targeted Killing of Salah Shehadeh. P. 69.

[Вернуться](#)

1327

Пилот выступал 19 декабря 2010 года в Бинах-центре в Тель-Авиве. Запись его выступления впервые была опубликована Амирой Хаас в газете Haaretz, 7 января 2011.

[Вернуться](#)

1328

Интервью с Гидеоном Леви, 30 марта 2011.

[Вернуться](#)

1329

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1330

Веред Барзилай, интервью с Даном Халуцем, газета Haaretz, 23 августа 2002.

[Вернуться](#)

1331

Спектор принимал участие в атаке на американский военный корабль USS Liberty 8 июня 1967 года, в ходе которой погибли 34 американских моряка. Израиль утверждал, что на корабле не было американского флага и он был принят за боевой корабль Египта. Однако точно причина того нападения до сих пор не установлена. Некоторые считают, что подпись Спектора под письмом была формой выражения извинения за то, что произошло в 1960-х годах.

[Вернуться](#)

1332

You, Opponents of Peace – интервью с Иоэлем Петербургом в газете Anashim, 27 июня 2006.

[Вернуться](#)

1333

Интервью с Вейсгласом, 23 декабря 2014.

[Вернуться](#)

1334

Интервью с «Амиром», март 2011. Он просил об анонимности из опасений того, что раскрытие его настоящего имени может нанести ему вред по месту нынешней работы и учебы.

[Вернуться](#)

1335

Интервью с Globus, апрель 2011.

[Вернуться](#)

1336

Unit 8200, Center 7143, Reaction of Unit 8200 to Information Request Regarding the Bombing of Fatah Facility in Khan Yunis, 4 March 2003 (архив автора, получено от источника Globus).

[Вернуться](#)

1337

Интервью с «Амиром», март 2011.

[Вернуться](#)

1338

Интервью с Эялем Циссером, 1 апреля 2011.

[Вернуться](#)

1339

Когда командир подразделения узнал об этом, офицера «Янека» бросили в военную тюрьму, что было очень необычно для подразделения 8200. Командир также объявил, что следующий военнослужащий, пойманный на том же самом, будет изгнан из подразделения. Однако оказалось, что командиры подразделения были гораздо меньше озабочены сохранением права на личную жизнь у арабов. В 2014 году группа офицеров и солдат подразделения 8200 подписала острое письмо протеста против обвинений в том, что некоторые из них по приказам начальства прослушивали частные

разговоры арабов и записывали интимные подробности. Эта деликатная информация впоследствии передавалась в Шин Бет, которая использовала ее для оказания морального давления на арабов, шантажа и принуждения к сотрудничеству со службой безопасности в качестве информаторов. В обвинениях утверждалось, что записи компрометирующих разговоров распространялись среди офицеров подразделения для забавы. Армия обороны Израиля не разбиралась с жалобами этих протестующих, и они все были исключены из резерва подразделения. Интервью с Leila, декабрь 2015. «Янек» и офицер по связям с общественностью Армии обороны Израиля от комментариев отказались.

[Вернуться](#)

1340

Интервью с Яиром Коэном, 18 августа 2011.

[Вернуться](#)

1341

Реконструкция событий проведена по документам, связанным с атакой на объект 7068. Среди них оперативные приказы, доклады и обмен закрытыми письмами между участниками через защищенный сервер (архив автора, получено от источника Globus).

[Вернуться](#)

1342

Интервью с Дани Харари, 18 августа 2011.

[Вернуться](#)

1343

Интервью с Roman, март 2011.

[Вернуться](#)

1344

Интервью с Элазаром Штерном, 18 августа 2011.

[Вернуться](#)

1345

Интервью с Асой Кашером, 5 июня 2011. Спустя короткое время после инцидента начальник Генерального штаба АОИ Яалон сказал, что никогда не отдавал приказ убивать кого-либо в здании в Хан-Юнисе. Однако эти заявления не соответствуют письменным приказам и совершенно секретным внутренним документам подразделения 8200. Кроме того, в 2012 году в интервью для этой книги Яалон, который в то время являлся вице-премьером, фактически подтвердил, что приказал убить людей в здании в Хан-Юнисе, но утверждал, что приказ был законным. Однако утверждения Яалона резко противоречат постановлению главного военного защитника военной прокуратуры Израиля по вопросу о политических убийствах. В этом постановлении говорится, что только лица, «прямо связанные» с террористической деятельностью, могут являться законными целями для ликвидации.

[Вернуться](#)

1346

Интервью с Кастиелем, 31 декабря 2013.

[Вернуться](#)

1347

История о трагедии Башен-близнецов была опубликована Ури Блау в газете Haaretz 28 ноября 2008 и вызвала большой переполох в оборонном сообществе. Шин Бет немедленно начала расследование для поиска источников Блау. Результат появился быстро – Анат Кам, младший офицер, служившая в командовании Центрального военного

округа. Ее судили и отправили в тюрьму. Затем последовало жесткое нападение на Блау. Опасаясь ареста и уголовного преследования, Блау, который тогда находился за границей, отложил свое возвращение в Израиль на длительное время. Израильская полиция объявила его скрывающимся от правосудия и издала международный ордер на его арест. Когда он в конце концов вернулся в страну, его заставили представить весь его архив для уничтожения. Он был обвинен в шпионаже, осужден и приговорен к четырем месяцам общественных работ.

[Вернуться](#)

1348

Интервью с Oscar, май 2014.

[Вернуться](#)

1349

Согласно статистике АМАН, например, только за четыре месяца с начала июля до конца октября 2005 года в ходе «операций по перехвату» было ликвидировано более 70 террористов.

[Вернуться](#)

1350

В 2004 году я убедил официального представителя Армии обороны Израиля разрешить мне понаблюдать за проведением одной из разновидностей операции «Соломенная вдова» под названием «Король болот», цель которой состояла в том, чтобы выкорчевать и ликвидировать террористов ХАМАС и «Исламского джихада» из сердца Старого города в Наблусе на Западном берегу реки Иордан. Операция осуществлялась силами 890-го парашютно-десантного батальона, командир которого Амир Барам хорошо знал тактику мероприятий «Соломенной вдовы», а в качестве девиза своего подразделения ввел соответствующий девиз американских морских

пехотинцев: «Терпение, упорство и иногда – пуля между глаз». На инструктаже перед операцией он сказал: «Стреляйте в центр тела и чуть повыше, это самое эффективное. Если враг падает, выстрелите в него еще раз, чтобы убедиться, что он убит. Не забывайте – нам нужно, чтобы они закончили эту операцию мертвыми!» См. также: *Ronen Bergman*. Code Name Grass Widow // Yedioth Ahronoth, 26 April 2004. Интервью с Амиром Барамом, март 2004.

[Вернуться](#)

1351

Shin Bet, Survey of Characteristics of Salient Terror Attacks in the Current Confrontation. Analysis of Characteristics of Terror Attacks in Last Decade. P. 2–5. См. также: *Ben-Yisrael*. Facing Suicide Terrorists. P. 16.

[Вернуться](#)

1352

Интервью с Guy, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

1353

Интервью с Фаркашем, 7 ноября 2016.

[Вернуться](#)

1354

Интервью с Guy, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

1355

Интервью с Гиладом, август 2015.

[Вернуться](#)

1356

Интервью с Фаркашем, 7 ноября 2016.

[Вернуться](#)

1357

Интервью с Аялоном, 14 марта 2016.

[Вернуться](#)

1358

Eldar. Getting to Know Hamas. P. 51 (иврит).

[Вернуться](#)

1359

Ясин все еще не являлся целью официально, но разве это было важно? Если все политические и военные лидеры ХАМАС могли бы быть ликвидированы одновременно, если бы их тела могли быть найдены в развалинах одного здания – разве это не служило бы доказательством того, что всегда отстаивал Израиль – не было никакой практической разницы между так называемым политическим крылом организации и теми, кто убивал евреев. Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010, и Офером Декелем, февраль 2009.

[Вернуться](#)

1360

Реконструкция событий произведена на основании интервью с Дихтером, 4 ноября 2010, Яалоном, 12 июня 2011, Мофазом, 14 июня

2011, Фаркашем, 10 апреля 2013, Галантом, 19 августа 2011, и Эйландом, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1361

Я решил сыграть с Ялоном адвоката дьявола. «Что бы вы сделали, – спросил я, – если бы рядом не было многоквартирного дома, а стояло только здание, в котором проходила встреча «Команды мечты», и если бы там находилось также трое детей?» Ялон: «У меня не было бы никаких проблем. Я бы санкционировал атаку. А в чем вопрос?» – «А если бы там было пятеро детей?» – допытывался я. «Тоже санкционировал бы. Слушайте, мы заранее знали, что, по всей вероятности, в доме в тот момент будут находиться члены семьи хозяина. Мы не знали, как обеспечить хирургическую чистоту операции. С моей точки зрения, имелось некоторое различие между вероятностью нанесения ущерба членам одной семьи и травмированием многих десятков людей, которые пострадали бы в прилегающем здании».

[Вернуться](#)

1362

Конечно, Дихтер шутил. На самом деле Ясина несли. «Мы слышали громкий звук разрыва над нами, – вспоминал сын Ясина. – Абу аль Абед сказал: “Нас бомбят, *ya sheikh*, нам нужно быстро уходить отсюда”». Чтобы не тратить бесценное время на коляску, Абу Абед взял Ясина за ноги, его сын – за руки, и они побежали к ожидавшей снаружи машине. См. также: *Eldar. Getting to Know Hamas*. P. 39.

[Вернуться](#)

1363

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1364

Интервью с Дихтером, 4 ноября 2010.

[Вернуться](#)

1365

Интервью с Шаломом, 1 марта 2011, и Guu, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

1366

Интервью с Дихтером, июнь 2012, Гиладом, 31 июля 2012, и Фаркашем, 14 марта 2011.

[Вернуться](#)

1367

Интервью с Ялоном, 12 июня 2011.

[Вернуться](#)

1368

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1369

Интервью с Эйландом, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1370

Интервью с Кашером, 5 июня 2011.

[Вернуться](#)

1371

Интервью с Рейснером, 6 июля 2011.

[Вернуться](#)

1372

Интервью с Terminal, ноябрь 2015.

[Вернуться](#)

1373

Ali Wakad. Suicide Bomber: 'I Always Wanted Parts of My Body to Fly Through the Air' // Ynet, 14 January 2004. Рияши была восьмой подрывницей-смертницей, но первой из ХАМАС.

[Вернуться](#)

1374

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1375

Интервью с Яиrom Коэном, 4 декабря 2014.

[Вернуться](#)

1376

Интервью с Фаркашем, 14 марта 2011.

[Вернуться](#)

1377

Интервью с Пересом, 17 сентября 2012.

[Вернуться](#)

1378

Интервью с Ольмертом, 29 августа 2011.

[Вернуться](#)

1379

Интервью с Вейсгласом, 11 октября 2012.

[Вернуться](#)

1380

Окончательное решение ликвидировать Ясина было принято после очередного теракта. 15 марта 2004 года два смертника из ХАМАС подорвали себя в порту Ашдод, после того как были тайно доставлены туда в контейнере с двойным дном. Были убиты 10 и ранены 13 человек. В тот вечер начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля записал в своем дневнике: «Решение: начать операции против лидеров ХАМАС. Вопрос о “Рычаге переключения скоростей” (кодовое наименование Ясина) поставить завтра на одобрение». Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1381

Eldar. Getting to Know Hamas. P. 55.

[Вернуться](#)

1382

Видеозапись удара по Ясину, как и все видеозаписи операции «Собирая анемоны», хранится в цифровом архиве внутренней компьютерной системы ВВС. Была показана автору источником Hilton.

[Вернуться](#)

1383

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011.

[Вернуться](#)

1384

Интервью с Асафом Шарифом, 9 июня 2011. После того как стало ясно, что Ясин действительно был убит в ходе атаки, один из офицеров в бункере Турбан, откуда осуществлялось управление операцией, напечатал маленькую записку и повесил ее на дверь: «Прощает только Бог. Мы просто организовываем встречу с Ним».

[Вернуться](#)

1385

Интервью с Вейсгласом, 11 июня 2012.

[Вернуться](#)

1386

Интервью с Diamond, август 2011.

[Вернуться](#)

1387

Видеозапись «Уничтожения файла», то есть ликвидации Рантиси, была показана автору источником Hilton.

[Вернуться](#)

1388

Itamar Eichner. Not the Last Killing // Yedioth Ahronoth, 18 April 2006.

[Вернуться](#)

1389

Разговор реконструирован по моему интервью с Мофазом, 14 июня 2011, и записи, которую Мофаз сделал в своей записной книжке в тот день.

[Вернуться](#)

1390

Интервью с Галантом, 19 августа 2011.

[Вернуться](#)

1391

Интервью с Мофазом, 14 июня 2011. См. также: *Eldar*. Getting to Know Namas. P. 62–63.

[Вернуться](#)

1392

Интервью с Вейсгласом, 23 декабря 2014.

[Вернуться](#)

1393

Речь Шарона в кнессете, 8 апреля 2002.

[Вернуться](#)

1394

Sharon. Sharon: The Life of a Leader. P. 363 (иврит).

[Вернуться](#)

1395

Bergman. Authority Granted. P. 17–28, 165–177 (иврит).

[Вернуться](#)

1396

Высокопоставленный представитель Шарона в сопровождении представителя Меира Дагана предложили профинансировать публикацию моей книги о Палестинской национальной администрации «Полномочия даны» (Authority Granted) на английском языке и помочь с другими возможными расходами. «Деньги – не проблема, – сказал он, – самое важное – чтобы мир узнал правду об этом презренном человеке». Я отклонил предложение. Встречи с Prince и Leonid, сентябрь 2002.

[Вернуться](#)

1397

Расера. Red Horizons. P. 44–45 (иврит).

[Вернуться](#)

1398

Интервью с Купервассером, 21 мая 2004, Мофазом, 14 июня 2011, и Гилбоа, 9 апреля 2014.

[Вернуться](#)

1399

Взводом командовала женщина-офицер по имени Тали. Шарон был охвачен манией в отношении Арафата и даже обсуждал с начальником Генерального штаба Ялоном, откуда начнут наступление бульдозеры. «Он звонил мне каждый день, – вспоминает Ялон, – и спрашивал: “Ну, и что сегодня сделала *hanoreset* Тали?” (*hanoreset* здесь можно понимать двояко, в значении “разрушать” и в значении “красивая женщина” на сленге на иврите). Ему так нравился этот каламбур, что у него буквально текли слюнки». Интервью с Ялоном, 21 декабря 2016.

[Вернуться](#)

1400

Интервью с Халуцем, 5 июля 2011.

[Вернуться](#)

1401

Интервью с Блюменфельдом, 28 мая 2010.

[Вернуться](#)

1402

Интервью с Эйландом, 19 января 2015.

[Вернуться](#)

1403

Swiss Study: Polonium Found in Arafat's Bones // Al Jazeera, 7 November 2013.

[Вернуться](#)

1404

Harel and Issacharoff. What Killed Him? // Haaretz, 6 September 2005.

[Вернуться](#)

1405

Вот что сказали мне некоторые высокопоставленные израильские чиновники, когда я спросил их, в чем может быть причина смерти палестинского лидера. Начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Моше Яалон (16 августа 2011) ответил с улыбкой: «А что вы имеете в виду? Арафат умер с горя». Вице-премьер Шимон Перес (17 сентября 2012): «Я не думал, что нам нужно было убивать его. Я думал, что в конечном счете он понадобится нам для заключения мирного соглашения». Заместитель начальника Генерального штаба Дан Халуц (5 июля 2011): «Ну вот, мы подошли к той части интервью, в которой вы попытаетесь расшифровать язык моего тела и жестов». Руководитель военной разведки АМАН Зееви-Фаркаш (10 апреля 2013): «Я колебался – иногда думал, что нам нужно нанести по нему удар, иногда – что не нужно, поскольку все-таки между ним, с одной стороны, и Насраллой и Ясином – с другой, имелась разница».

[Вернуться](#)

1406

Aluf Ben. A Responsible Leadership Will Enable Resumption of Negotiations // Haaretz, 12 November 2004.

[Вернуться](#)

1407

Интервью с Дискином, 23 октября 2011, Гадом Гольдштейном, сентябрь 2012, и Hoover, декабрь 2015.

[Вернуться](#)

1408

Переписка с профессором Габриэлой Блум, август 2017. Для дополнительного чтения см. книгу: *Gabriella Blum and Phillip B. Heymann. Law and the Policy of Targeted Killing* // Harvard National Security Journal, vol. 1, № 145, 2010.

[Вернуться](#)

1409

Bergman. Secret War with Iran. P. 350–358.

[Вернуться](#)

1410

Интервью с Хейденом, 20 августа 2014.

[Вернуться](#)

1411

Bergman. The Secret Syrian Chemical Agent and Missile City // Yedioth Ahronoth, 6 September 2002.

[Вернуться](#)

1412

Bergman. They Are All ‘the Hezbollah Connection // The New York Times, February 10, 2015.

[Вернуться](#)

1413

Интервью с Terminal, сентябрь 2014, и Iftach, ноябрь 2016.

[Вернуться](#)

1414

Интервью с Даганом, 26 мая 2013, и Advantage, январь 2016.

[Вернуться](#)

1415

Интервью с Loacker, август 2015.

[Вернуться](#)

1416

Bergman. Secret War with Iran. P. 352.

[Вернуться](#)

1417

Интервью с Вейсгласом, 23 декабря 2014.

[Вернуться](#)

1418

Bergman. Authority Granted. P. 269–296 (иврит).

[Вернуться](#)

1419

Интервью с Фаркашем, 10 апреля 2013.

[Вернуться](#)

1420

Интервью с Роненом Коэном, 17 ноября 2015.

[Вернуться](#)

1421

Bergman. By Any Means Necessary. P. 462–463 (иврит).

[Вернуться](#)

1422

Интервью с Leo, сентябрь 2016.

[Вернуться](#)

1423

Интервью с Роненом Коэном, 17 ноября 2015.

[Вернуться](#)

1424

Он помогал Имаду Мугние в организации похищения Ахмада Халака, агента «Моссада», который убил брата Мугние (см. главу 23). Находился в центре шпионской активности Ирана и «Хезболлы» в Израиле; отправлял деньги и инструкции организаторам терактов.

[Вернуться](#)

1425

Интервью с Bourbon, октябрь 2016.

[Вернуться](#)

1426

В 1997 году Даган был назначен заместителем руководителя бюро по антитеррору при премьер-министре и занялся политикой, включая участие в движении против ухода Израиля с Голанских высот. В 2001 году занимался также организацией предвыборной кампании Шарона.

[Вернуться](#)

1427

Интервью с Mozart, май 2016.

[Вернуться](#)

1428

Сразу же после того, как Шарон назначил Дагана директором «Моссада» в 2002 году, я спросил премьера, считает ли он, что этот человек, имевший репутацию импульсивного, воинственного, сразу хватающегося за оружие и презрительно относящегося к бюрократическим порядкам, способен возродить былую славу разведки. Шарон быстро ответил с хитрой усмешкой: «Я в этом совершенно не сомневаюсь. Вы знаете, в чем Даган является великим специалистом?» Я отрицательно покачал головой. И Шарон ответил на собственный вопрос в своей типичной манере, полной черного юмора: «Даган – великий специалист по отделению террориста от его головы». Интервью с Шароном, апрель 2004.

[Вернуться](#)

1429

Интервью с Eldy, август 2014, и Галантом, 7 июля 2011.

[Вернуться](#)

1430

Даган упомянул двух журналистов, от которых ожидал критических статей, – Амира Орена из газеты Haaretz и Ронена Бергмана. В обоих случаях Даган был прав в своем предвидении. Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1431

Интервью с Salvador, май 2012.

[Вернуться](#)

1432

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1433

Изначально этот список включал много задач. Война со всемирным джихадом стала приоритетом после предпринятой в ноябре 2002 года попытки «Аль-Каиды» сбить израильский самолет с помощью переносной зенитной установки в Момбасе. Позже эту цель отставили в сторону, когда Даган пришел к выводу, что вклад «Моссада» в борьбу с «Аль-Каидой» будет незначительным на фоне огромных усилий, прилагаемых в этом направлении Соединенными Штатами.

[Вернуться](#)

1434

Интервью с Фаркашем, 31 января 2016.

[Вернуться](#)

1435

Интервью с Eldy, сентябрь 2014, и Iftach, ноябрь 2016.

[Вернуться](#)

1436

Даган назначил Давида Мейдана, начальника управления международных связей «Моссада» (Тевель), ответственным за тайные контакты с иностранными спецслужбами, чтобы координировать эту деятельность. Даган и Мейдан должны были в обстановке секретности встречаться с главами государств и разведок многих ближневосточных стран и убеждать их в невозможном – необходимости сотрудничества с израильской разведкой против других арабских и исламских стран. Мей-дан с его почти свободным арабским языком и хорошим знанием арабского мира и его культуры существенно помогал в «растопливании льда». Интервью с Мейданом, 16 июля 2015, Даганом, 19 июня 2013, и Турки бин Фейсал аль-Саудом, февраль 2014.

[Вернуться](#)

1437

Bergman. A Wave of Resignations at the Mossad Command // Yedioth Ahronoth, 7 October 2005.

[Вернуться](#)

1438

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1439

Интервью с Eldy, январь 2015.

[Вернуться](#)

1440

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1441

Интервью с Роненом Коэном, 18 февраля 2016.

[Вернуться](#)

1442

Интервью с Иланом, 22 октября 2014.

[Вернуться](#)

1443

Интервью с Iftach, март 2017.

[Вернуться](#)

1444

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1445

Сделка включала в себя также полковника Эльханана Танненбаума, которого втянули в аферу с наркотиками в Дубае и похитили в Бейруте. Интервью с Эльхана-ном Танненбаумом, август 2004, Лотаном, 13

января 2009, и Аароном Халива, 17 ноября 2002. См. также: *Bergman. By Any Means Necessary*. P. 440–456, 475–488 (иврит).

[Вернуться](#)

1446

Интервью с Amazonas, октябрь 2011.

[Вернуться](#)

1447

Bergman. By Any Means Necessary. P. 563–571 (иврит).

[Вернуться](#)

1448

Интервью с Бараком, 22 ноября 2011, и Fanta, декабрь 2016.

[Вернуться](#)

1449

Нетаньяху вышел на международную арену, представив себя экспертом по вопросам терроризма, всегда утверждавшим, что нельзя поддаваться на требования боевиков об освобождении заключенных в обмен на заложников. И тем не менее именно он приказал освободить 1027 палестинских заключенных, включая многочисленных боевиков ХАМАС, прямо участвовавших в убийствах израильтян, в обмен на Шалита. Это была самая высокая цена, которая когда-либо уплатилась в сделках подобного рода. См. также: *Bergman. The Human Swap // The New York Times*, November 13, 2011. Некоторые из террористов, освобожденных в ходе этой сделки, были снова включены в «целевые» списки и ликвидированы в последующие годы. Один из них – Мазен Фукаа, участвовал в организации акций террористов-смертников и был приговорен к 9 пожизненным заключениям и еще 50 годам тюрьмы. 24

апреля 2017 года ему несколько раз выстрелили в голову неподалеку от его дома в Газе действовавшие под контролем израильтян киллеры.

[Вернуться](#)

1450

Интервью с Даганом, 29 мая 2013, Бараком, 22 ноября 2011, и Iftach, ноябрь 2011.

[Вернуться](#)

1451

Интервью с Эхудом Адамом, 9 августа 2006, и Мордехаем Кидором, 4 августа 2006. *Bergman. Secret War with Iran*. P. 364–378.

[Вернуться](#)

1452

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1453

Интервью с Халуцем, 5 июля 2011.

[Вернуться](#)

1454

Интервью с Даганом, 19 марта 2013, Eldy, январь 2014, Iftach, март 2017, и Advantage, декабрь 2016.

[Вернуться](#)

1455

Интервью с Charles, апрель 2012, и Iftach, декабрь 2016.

[Вернуться](#)

1456

Интервью с Leila, март 2013.

[Вернуться](#)

1457

Интервью с Шахаром Аргаманом, 17 марта 2013.

[Вернуться](#)

1458

Израильская разведка получила противоречивые сведения о том, знали ли иранцы, что часть денег использовалась на финансирование северокорейско-сирийского ядерного проекта. См. также: *Bergman*. Secret War with Iran. P. 257–258.

[Вернуться](#)

1459

Интервью с Шаривом, 10 августа 2006.

[Вернуться](#)

1460

Интервью с Ольмертом, 29 августа 2011.

[Вернуться](#)

1461

Hayden. Playing to the Edge. P. 255.

[Вернуться](#)

1462

Ольмерт создал специальную комиссию во главе с Яковом Амидором и при участии информационно-аналитического управления АМАН с тем, чтобы подвергнуть критическому исследованию материалы «Моссада». Комиссия пришла к такому же заключению: Сирия строила ядерный реактор с целью изготовления атомной бомбы. Интервью с Charles, апрель 2012, и Ольмертом, 29 августа 2011.

[Вернуться](#)

1463

Интервью с Даганом, 19 июня 2013, и Хейденом, 20 августа 2014.

[Вернуться](#)

1464

Интервью с Хейденом, 1 февраля 2014.

[Вернуться](#)

1465

Ibid.

[Вернуться](#)

1466

Hayden. Playing to the Edge. P. 256.

[Вернуться](#)

1467

Secretary of State Rice, Syria's Clandestine Nuclear Program, 25 April 2008 (взято из архива Wikileaks и передано автору Джулианом Ассанжем 4 марта 2011).

[Вернуться](#)

1468

Интервью с Oscar, апрель 2014.

[Вернуться](#)

1469

Интервью с Хейденом, 20 июля 2016.

[Вернуться](#)

1470

Отступить здесь Асада заставила международная общественность во главе с США и Францией, в связи с его участием в убийстве Рафика Харири.

[Вернуться](#)

1471

Интервью с Даганом, 29 мая 2013, и Ed, октябрь 2016.

[Вернуться](#)

1472

Hayden. Playing to the Edge. P. 261–263.

[Вернуться](#)

1473

Точка зрения Райс была поддержана Хейденом и другими высокопоставленными членами разведывательного сообщества США. Хейден напомнил Бушу о хорошо известном лозунге ЦРУ: «Нет реактора – нет войны» и сказал, что у него нет свидетельств о создании завода по производству плутония, без которого атомной бомбы быть не может. Интервью с Хейденом, 20 августа 2014.

[Вернуться](#)

1474

Хейден вспоминал: «Я был спокоен по поводу сирийского реактора, потому что для меня было ясно: если не атакуем мы, атакуют израильтяне». Интервью с Хейденом, 20 августа 2014. См.: *Hayden. Playing to the Edge*. P. 263–264.

[Вернуться](#)

1475

В ходе состоявшегося в 2011 году интервью для этой книги Ольмерт, желая пояснить всю серьезность дилеммы вокруг сирийского реактора и свое решение действовать, указал на фотографию, висевшую на стене его офиса, которую он забрал с собой, когда покидал свой кабинет премьера. Такую же фотографию можно увидеть в кабинетах многих высокопоставленных израильских чиновников. Она была сделана во время старта полета № 301 израильских ВВС, который начался из Радома в Польше 4 сентября 2003 года. На ней три израильских истребителя F-15 пролетают над известными во всем мире воротами и линией узкоколейной железной дороги, находящимися в нацистском лагере смерти Освенцим. На этой фотографии, которую тогдашний командующий ВВС Израиля Элиэзер Шкеди роздал многим израильским официальным лицам, он написал: «Израильские ВВС над Освенцимом во имя еврейского народа,

государства Израиль и Армии обороны Израиля. Помнить и не забывать, полагаться только на самих себя».

[Вернуться](#)

1476

9 июня 2011 года МАГАТЕ объявила, что Сирия не сообщила о строительстве ядерного реактора, что является грубым нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия. IAEA Board of Governors, Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Syrian Arab Republic, 9 June 2011. Интервью с Charles, апрель 2012.

[Вернуться](#)

1477

Интервью с Хейденом, 20 августа 2014.

[Вернуться](#)

1478

Интервью с Eldy, август 2014.

[Вернуться](#)

1479

Интервью с Ольмертом, 29 августа 2011.

[Вернуться](#)

1480

Интервью с Даганом, 26 мая 2013.

[Вернуться](#)

1481

Интервью с Leila, март 2013.

[Вернуться](#)

1482

Интервью с Leila, март 2013.

[Вернуться](#)

1483

Интервью с Iftach, май 2011, Leila, март 2013, Ричардом Кемпом, март 2007.

[Вернуться](#)

1484

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1485

Интервью с Neta, июль 2013.

[Вернуться](#)

1486

Когда я попросил Хейдена пояснить, что такое «целевые» убийства Соединенных Штатов против «Аль-Каиды», он сказал, что «убийство» определено как юридически запрещенный акт против «политических противников», в то время как «целевые убийства, совершаемые Соединенными Штатами в отношении “Аль-Каиды”, – это акции

против членов противостоящей вооруженной враждебной силы. Это война. Это подпадает под законы о вооруженном конфликте». Хейден добавил: «Израиль, пожалуй, является единственной страной в мире, где думают так же, как в Соединенных Штатах, – то, что мы делаем, должно быть законно». Интервью с Хейденом, 20 августа 2014.

[Вернуться](#)

1487

Интервью с Neta, июль 2013.

[Вернуться](#)

1488

Согласно статье в журнале Newsweek, у Буша заняло около тридцати секунд ответить на вопрос Хейдена об атаке на Мугние. Буш тогда сказал: «Да. И почему вы не сделали это до сих пор? Благословляю вас. С вами Бог». См. также: *Jeff Stein. How the CIA Took Down Hezbollah's Top Terrorist, Imad Mugniyah // Newsweek, 31 January 2015.*

[Вернуться](#)

1489

Президент Буш приказал соблюдать абсолютную секретность во всем, что касалось убийства Мугние. Только в январе 2015 года Адам Голдман из The Washington Post и Джефф Штейн из Newsweek в один день опубликовали статьи о сотрудничестве между «Моссадом» и ЦРУ в этой операции. Похоже, что по меньшей мере отдельные части статей основываются на одних и тех же источниках, которые указаны как высокопоставленные чины американской разведки, принимавшие участие в ликвидации Мугние. Согласно этим источникам (и в отличие от того, что написано в этой книге), главным исполнителем убийства было ЦРУ, а не «Моссад», а командующим операцией был Хейден. В июле 2016 года во время интервью с Хейденом в вашингтонском офисе компании Chertoff Group (занимается менеджментом рисков и

различными аспектами безопасности бизнеса), где он в настоящее время работает директором, я прочитал ему ту часть книги, где рассказывается о сотрудничестве Израиля и Соединенных Штатов в ликвидации Мугние. Когда я закончил, Хейден улыбнулся и произнес: «Интересная история. Мне нечего сказать».

[Вернуться](#)

1490

Интервью с Iftach, май 2011.

[Вернуться](#)

1491

Интервью с Iftach, май 2011.

[Вернуться](#)

1492

«Если нам повезет, пообещай, что разрешишь мне дать команду “огонь” (*rashai*)», – сказал «Щелкунчик» и вернулся к чертежной доске. Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1493

Верный своему обещанию, данному Бушу, Ольмерт вызвал к себе «Щелкунчика», отвечавшего за технические аспекты операции, и I., который командовал всей охотой на «Мориса», и снова требовал, чтобы «Моссад» заверил его в том, что в ходе акции будет убит Мугние, и только Мугние. Иными словами, он требовал гарантий того, что поблизости от места взрыва никого не будет, а взрыв будет направлен на Мугние. Американцы настаивали на разрешении понаблюдать за репетициями операции, чтобы удостовериться в возможностях «Моссада».

[Вернуться](#)

1494

Интервью с Loacker, февраль 2015, и Lexicon, январь 2017.

[Вернуться](#)

1495

Интервью с Shimshon, август 2011, Iftach, май 2011, и Lexicon, январь 2017.

[Вернуться](#)

1496

Даган сдержал слово и позволил «Щелкунчику» дать команду на подрыв Мугние, однако «Щелкунчик» передал эту привилегию инженеру-электронщику, который сыграл в ходе операции одну из основных ролей. Интервью с Loacker, январь 2015.

[Вернуться](#)

1497

В июне 2008 года премьер-министр Ольмерт был принят в Белом доме. На крыльце его ожидал вице-президент Чейни, наблюдая, как кавалькада машин въехала под портик. Когда Ольмерт подошел к Чейни, тот, вместо того чтобы пожать протянутую Ольмертом руку, приложил руку к голове, вытянулся и отдал израильскому премьеру честь. Только два этих человека и немногие из окружающих их людей поняли смысл этого жеста. Уже внутри Белого дома президент Буш от души поблагодарил Ольмерта за операцию по устранению Мугние. Затем показал Ольмерту пистолет Саддама Хусейна, лежавший в специальном ящичке с надписью «Нашему президенту», который Бушу подарили бойцы спецподразделения Delta Force, захватившие в плен иракского тирана. Интервью с Shimshon, август 2011.

[Вернуться](#)

1498

Интервью с Даганом, 29 мая 2013.

[Вернуться](#)

1499

Интервью с Shimshon, август 2011, и Diamond, март 2014.

[Вернуться](#)

1500

Описание похорон Мугние и фотографии сделаны корреспондентом журнала Der Spiegel в Бейруте Ульрикой Путц, которая присутствовала на них.

[Вернуться](#)

1501

Корпус стражей исламской революции и соратники Мугние замыслили ряд дерзких операций по похищению сотрудников разведывательных органов Израйля, подрыву израильских дипломатических учреждений и сионистских организаций по всему миру, по нападению на членов секты хабад-хасидов, которая имеет центры для израильских путешественников во многих странах, и по убийству израильских туристов везде, где только террористы могут до них добраться. Почти все эти планы были сорваны благодаря точной информации, добытой израильской разведкой. В одном случае полиция Таиланда после получения горячей информации от «Моссада» организовала преследование иранских и ливанских террористов. Один из них имел сложное взрывное устройство, которое намеревался закрепить на машине израильского дипломата. Вместо этого он бросил его в полицейских, когда они организовали его поимку. Бомба ударилась об дерево, отскочила под ноги боевику и взорвалась, оторвав ему обе ноги. Полицейские посадили оставшуюся часть его тела под дерево, чтобы фотографы смогли запечатлеть ужасающие моменты этого теракта.

[Вернуться](#)

1502

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1503

Интервью с Terminal, сентябрь 2014.

[Вернуться](#)

1504

Boehner's Meeting with Prime Minister Olmert, 23 March 2008, Tel-Aviv 000738 (архив автора, получено от Джулиана Ассанжа).

[Вернуться](#)

1505

Интервью с Shimshon, ноябрь 2012.

[Вернуться](#)

1506

Интервью с Ольмертом, 29 августа 2011.

[Вернуться](#)

1507

Manhunting Timeline 2008, Intellipedia, NSA (архив Сноудена), www.documentcloud.org/documents/2165140-manhuntingredacted.html#document/p1

[Вернуться](#)

1508

К апрелю 2008 года Центральное разведывательное управление пришло к выводу, что Асад не начнет войну из-за бомбардировки реактора, больше нужды в секретности нет и можно использовать

материалы по этому делу для других целей. Израиль категорически возражал против публикации фотографий, но Хейден думал по-другому: «Нам нужно было придать этому делу (с сирийским реактором) больше публичности, потому что мы собирались войти в атомное соглашение с Северной Кореей, которая была виновна в самом большом нарушении Договора о нераспространении в истории. Мы должны были проинформировать Конгресс». Эта акция была огромной победой американской разведки, и после того как в прошлые годы она пережила ряд неудач, ЦРУ было счастливо продемонстрировать свои успехи. ЦРУ обнародовало фотографии генерала Сулеймана с руководителем ядерной программы Северной Кореи. «Моссад» и АМАН выразили недовольство, потому что опасались, что информация утечет и насторожит Сулеймана, который уже являлся целью для израильтян. Но этого не случилось. Background Briefing with Senior U. S. Officials on Syria's Covert Nuclear Reactor and North Korea's Involvement, 24 April 2008. Интервью с Даганом, 20 июля 2013, и Хейденом, 20 июля 2016. См. также: *Hayden*. Playing to the Edge. P. 267–268.

[Вернуться](#)

1509

В «Моссаде» были люди, которые выступали категорически против убийства Сулеймана. Очень высокопоставленный член руководства ведомства говорил: «Это казнь кадрового военного суверенного государства. Сулейман служит своей стране, как может, ориентируясь на собственные принципы. Он не террорист. Да, действительно, он замешан в очень темных делах, но у нас тоже есть офицеры, участвующие в акциях, которые другая сторона считает проблемными». Интервью с Iftach, март 2017, и Dominick, апрель 2013.

[Вернуться](#)

1510

Описание ликвидации Сулеймана основано на сделанной командос флотилии 13 видеозаписи, а также интервью с Shimshon, ноябрь 2012,

и Dominick, май 2011.

[Вернуться](#)

1511

Согласно документам, представленным Эдвардом Сноуденом и опубликованным на сайте First Look website, американская разведка перехватила переговоры флотилии 13 еще до убийства и точно знала, кто осуществляет операцию. См. также: *Matthew Cole*. Israeli Special Forces Assassinated Senior Syrian Official // First Look, 15 July 2015.

[Вернуться](#)

1512

Интервью с Oscar, май 2014.

[Вернуться](#)

1513

Интервью с Даганом, 19 июня 2013, и Prince, март 2012.

[Вернуться](#)

1514

Даже по очень осторожным оценкам немецкой разведывательной службы BND, программа Stuxnet замедлила развитие иранского ядерного проекта как минимум на два года. Интервью, взятое вместе с Хольгером Штарком у Alfred, высокопоставленного сотрудника немецкой разведки, февраль 2012.

[Вернуться](#)

1515

Интервью с Даганом, 29 мая 2013, Iftach, март 2017, Eldy, сентябрь 2014, и Luka, ноябрь 2016.

[Вернуться](#)

1516

Интервью с Leila, декабрь 2015.

[Вернуться](#)

1517

Интервью с Iftach, март 2017.

[Вернуться](#)

1518

Интервью с Iftach, март 2017, Leila, декабрь 2015, и Advantage, март 2017.

[Вернуться](#)

1519

Интервью с Даганом, 8 января 2011.

[Вернуться](#)

1520

Интервью с Ethan, ноябрь 2011.

[Вернуться](#)

1521

Интервью с Eldy, апрель 2014.

[Вернуться](#)

1522

Ronen Bergman. The Dubai Job // GQ, January 4, 2011.

[Вернуться](#)

1523

Чеки по оплате заказанных в номер еды и напитков находятся в архиве автора, получены от источника Junior.

[Вернуться](#)

1524

Интервью с Loacker, февраль 2015.

[Вернуться](#)

1525

Интервью с Пау, июнь 2010.

[Вернуться](#)

1526

Интервью с Iftach, март 2017.

[Вернуться](#)

1527

Нетаньяху поначалу приказал Дагану создать внутреннюю комиссию по расследованию, и Даган согласился. Однако позднее он сказал Нетаньяху, что человек, которого он хотел сделать

председателем комиссии – недавно ушедший в отставку высокопоставленный сотрудник «Моссада», – отказался от этого поручения. По словам источника, близкого к Нетаньяху, впоследствии премьер-министр слышал от этого человека другую версию. Как бы то ни было, комиссия по расследованию инцидента создана не была. Интервью с Nietzsche, май 2017.

[Вернуться](#)

1528

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1529

Интервью с Nietzsche, май 2017.

[Вернуться](#)

1530

Интервью с Узи Арадом, 20 декабря 2011.

[Вернуться](#)

1531

Для того чтобы усилить боязнь Нетаньяху выглядеть нерешительным или слабым, Даган расширил составы делегаций, с которыми ходил к премьеру для обсуждения операций, иногда появляясь в кабинете Нетаньяху с пятнадцатью сотрудниками «Моссада». Он рассчитывал на то, что премьер не решится отказать в санкции на акцию перед лицом такого количества свидетелей; опасения Нетаньяху, что его нерешительность «утечет» наружу, играли здесь решающую роль. Часто, выходя после таких встреч из офиса премьер-министра, Даган говорил: «Ну вот, теперь причиндалы у него сожмутся, и он пожалеет о том, что дал согласие на операцию». При

этом Даган добавлял: «Я очень люблю фалафель. Поскольку я знал, что через несколько минут он позовет меня обратно, я быстренько ехал на рынок Махане-Иегуда (в нескольких минутах езды от резиденции премьера) и ел там фалафель. Там я ждал его звонка, а не ехал назад в Тель-Авив. Если у меня были какие-то смутные надежды, я ехал в курдский ресторан в Мевасерет-Сион (десять минут от офиса премьера) или в ресторан в Абу-Гош, где подают отличный хумус (пятнадцать минут от офиса премьера), и ждал там. Важно было не отъезжать далеко от Иерусалима. Поверьте мне, оглядываясь назад, я могу сказать, что никогда не ошибался. Он всегда приглашал меня обратно». Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1532

Интервью с Бараком, 13 января 2012.

[Вернуться](#)

1533

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1534

Комментируя замечания Дагана о себе, Барак писал мне: «Несмотря на то что говорит Даган, в израильском руководстве никогда не было ни одного человека, который бы не понимал, что полностью остановить иранскую ядерную программу одним хирургическим ударом невозможно. В лучшем случае это могло бы задержать ее на несколько лет. Как сторонники, так и противники идеи о необходимости тщательного взвешивания всех рисков атаки были едины в том, что военная акция может рассматриваться только как последнее средство. И только если и когда она сопровождалась бы оперативными возможностями, международным признанием ее

законности и абсолютной необходимости». Электронное сообщение Барака автору, 30 марта 2016.

[Вернуться](#)

1535

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1536

Интервью с Iftach, ноябрь 2011.

[Вернуться](#)

1537

Интервью с Terminal, сентябрь 2014.

[Вернуться](#)

1538

Интервью с Iftach, май 2017.

[Вернуться](#)

1539

Интервью с Даганом, 19 июня 2013.

[Вернуться](#)

1540

Представляется, что после операций против Мохаддама и Ахмади-Рошана Израиль отошел от прежней политики молчания.

Относительно смерти этих ученых Эхуд Барак заявил: «Возможно, будут еще такие жертвы». Начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля генерал-лейтенант Бенни Ганц заметил: «В Иране некоторые вещи происходят неестественным путем». А официальный представитель Армии обороны Израиля сказал, что «ни слезинки не прольет по Ахмади-Рошану». Газета Haaretz опубликовала карикатуру, изображавшую Ахмади-Рошана в раю, где немного раздраженный Бог ворчит: «Еще один», а рядом маленький херувим усмехается: «У нас их уже достаточно, чтобы построить атомный реактор».

[Вернуться](#)

1541

Политические убийства в высших эшелонах Радикального фронта продолжались. Первоочередной целью «Моссада», за которой израильская разведка охотилась с 1996 года, был Хасан Лакки, возглавлявший в «Хезболле» департамент по разработке вооружений. С ним было покончено 3 декабря 2013 года, когда группа оперативников, вооруженных пистолетами с глушителями, всадили в него несколько пуль на парковке возле его дома в пригороде Бейрута. Хасан Лакки активно сотрудничал с Мохамадом аль-Завахри, родившимся в Тунисе авиационным инженером, который присоединился к оппозиции в своей стране и был вынужден несколько лет жить в эмиграции, вступив в контакт с ХАМАС и «Хезболлой». Вернувшись в Тунис, аль-Завахри работал над созданием беспилотных самолетов и подводных лодок для ХАМАС, которые планировалось использовать для ударов по израильским нефтяным платформам в Средиземном море. «Моссад», которым теперь руководил Иосси Коэн, перехватил переговоры аль-Завахри с его подельниками в секторе Газа и Ливане и убил его 16 декабря. Интервью с Charles, апрель 2012, Advantage, декабрь 2016, и Iftach, май 2017.

[Вернуться](#)

1542

Интервью с Хейденом, 20 июля 2016.

[Вернуться](#)

1543

Интервью с Prince, март 2012.

[Вернуться](#)

1544

На определенном этапе Нетаньяху и Барак перестали скрывать свои намерения, и в передовой статье The New York Times в январе 2012 года Барак намекнул, что атака вскоре последует. В свете жесткой критики со стороны многих военных и сотрудников спецслужб, Барак сказал: «Мы с Биби несем ответственность – в очень прямой и конкретной форме – за существование государства Израиль, разумеется, в интересах будущего еврейского народа... В конце дня, когда руководство армии и специальных служб глядит вверх, оно видит нас – министра обороны и премьер-министра. Когда же мы смотрим вверх, то не видим ничего, кроме неба над нами». См.: *Ronen Bergman*. Israel vs. Iran: When Will It Erupt? // The New York Times, 29 January 2012.

[Вернуться](#)

1545

Обама и его команда тоже находились под давлением части американских СМИ, считавших, что Обама слишком мягок по отношению к Ирану. Встреча с Роджером Эйлсом, 4 января 2012.

[Вернуться](#)

1546

Тамир Пардо считал, что Совместный всеобъемлющий план действий (КСРОА) имел как положительные, так и отрицательные стороны и что в любом случае Израиль должен был попытаться

работать в тандеме с администрацией Обамы, чтобы улучшить его условия, поскольку шансов заблокировать его принятие не было. Нетаньяху думал иначе и прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы, используя свой значительный авторитет и связи с республиканцами в Конгрессе, торпедировать этот план. В этом контексте следует рассматривать и полную противоречий речь Нетаньяху перед совместным заседанием Конгресса в марте 2015 года. Нетаньяху ошибался.

[Вернуться](#)

1547

Это соглашение простирается гораздо дальше того, на что тегеранский режим соглашался идти в прошлом. Однако оно отражает и существенные уступки со стороны международного сообщества, включая вопрос «красных линий», в отношении которых США пообещали Израилю, что они не будут пересечены, а также практически полный карт-бланш иранской военной промышленности на разработку ракет. См. также: *Ronen Bergman*. What Information Collected by Israeli Intelligence Reveals About the Iran Talks // Tablet, 29 July 2015.

[Вернуться](#)

1548

Памятное собрание в честь Иосефа Хареля, командира спецподразделения АМАН. Дагана интервьюировал журналист Ари Шавит.

[Вернуться](#)

1549

Ronen Bergman. Israel's Army Goes to War with Its Politicians // The New York Times, 21 May 2016.

[Вернуться](#)